This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1880.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1880.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Н. И. Надеждинъ на службѣ въ Московскомъ университетѣ . . . . . Н. А. Попова.

Насильственное похищеніе чужой движимой собственности по русскому праву. Дм. Тальберга.

Лѣтописи Ассирійскихъ царей . . . . . Н. А. Астафьева.

Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи. . . . . . П. Виноградова.

Критическія и библіографическія замѣтки:

Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. А. Никитскаго . . . . . Е. Замысловскаго.

Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria.

Ekkehardi Urangiensis abbatis Hierosolymita. Nach der Waitz'schen Recension mit Erläuterungen und einem Anhange herausgegeben von H. Hagenmeyer . . . . . В. Васильевскаго.

Отвѣтъ на статью профессора Н. А. Попова о Монголо-калмыцкомъ уставѣ . . . . . Ѳ. Леонтовича.

Наша учебная литература . . . . . Я. Гуревича.

Императорская публичная библіотека въ 1878 году.

О приготовительныхъ работахъ къ Археологическому съѣзду въ Тифлисѣ въ 1881 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) низшія училища.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обертки).

Digitized by Google

Russia. Min. nar. pros.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CCVII.

UNIV. OF CALIFORNIA

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1880.

Digitized by Google

L451
A4
v.207

UNIV. OF
CALIFORNIA

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (20-го іюня 1879 года). Высочайше утвержденный рисунокъ медалей на премію графа Сперанскаго, представленный правительствующему Сенату министромъ народнаго просвѣщенія 23-го іюня.

На основаніи § 3 Высочайше утвержденнаго въ 9-й день февраля сего года положенія о преміи графа Сперанскаго, поощрительныя награды за юридическое сочиненіе утверждаются, на капиталъ графа Сперанскаго, въ двухъ видахъ: 1) для автора — денежная премія съ малою медалью и 2) для рецензента, разсматривавшаго такое сочиненіе, большая медаль.

Составленный на семъ основаніи рисунокъ медалей на премію графа Сперанскаго, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, удостоился Высочайшаго Государя Императора утвержденія.

2. (29-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Красноярской мужской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе, на проценты съ завѣщаннаго Красноярскою потомственною почетною гражданкою Татьяною Щеголевою капитала въ 4000 р., при Красноярской мужской гимназіи стипендіи, для выдачи одному изъ бѣд-

842269

Digitized by Google

нѣйшихъ, безъ различія сословій, воспитанниковъ Красноярской гимназіи, имѣющему воспитываться, по окончаніи курса въ одномъ изъ ближайшихъ къ Красноярску университетовъ, съ наименованіемъ сей стипендіи: „стипендія Красноярской потомственной почетной гражданки Татьяны Ивановны Щеголевой".

3. (29-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ учительскомъ институтѣ.

Директоръ Московскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Малининъ, внеся, изъ собственныхъ средствъ, въ Московское губернское казначейство, для зачисленія въ депозиты ввѣреннаго ему института, одну облигацію втораго восточнаго займа за № 245,496, въ тысячу руб. съ купонами съ 1880 г., ходатайствовалъ объ учрежденіи, на проценты съ этого капитала, одной стипендіи его имени при институтѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователя.

4. (29-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ, изъ процентовъ завѣщаннаго Милюковою капитала въ восемь тысячъ р., двухъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ „стипендіями дочери гвардіи ротмистра Елизаветы Петровны Милюковой".

5. (22-го октября 1879 года). О преобразованіи существующихъ при Императорской Академіи наукъ анатомическаго и этнографическаго музеевъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи существующихъ при Императорской Академіи наукъ анатомическаго и этнографическаго музеевъ Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта Принцъ Петръ Ольденбургскій.

Digitized by Google

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи существующихъ при Императорской Академіи наукъ анатомическаго и этнографическаго музеевъ, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ его, министра, мнѣніемъ положилъ:

1) Вмѣсто существующаго при Императорской Академіи наукъ анатомическаго музея, устроить изъ принадлежащихъ ему коллекцій, а также коллекцій этнографическаго музея, музей по антропологіи и этнографіи.

2) Изъ суммъ, отпускаемыхъ нынѣ по росписанію расходовъ по библіотекѣ и музеямъ Императорской Академіи наукъ, на содержаніе и пополненіе коллекцій анатомическаго музея и на содержаніе физіологической лабораторіи (800 р.), а также на содержаніе и пополненіе этнографическихъ коллекцій (500 р.), отпускать на содержаніе и пополненіе коллекцій вновь образуемаго музея по антропологіи и этнографіи семьсотъ пятьдесять рублей и на содержаніе остающейся физіологической лабораторіи пятьсотъ пятьдесятъ рублей.

3) Переименовать должности: ученаго хранителя этнографическаго музея—въ ученаго хранителя музея по антропологіи и этнографіи, а лаборанта анатомическаго музея—въ лаборанта физіологической лабораторіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателями и членами.

6. (22-го октября 1879 года). Объ учрежденіи въ городѣ Измаилѣ четырехклассной мужской прогимназіи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ гор. Измаилѣ четырехклассной мужской прогимназіи на совмѣстныя средства казны и городскаго общества, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта Принцъ Петръ Ольденбургскій.

Digitized by Google

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, объ учрежденіи въ гор. Измаилѣ четырехклассной мужской прогимназіи на совмѣстныя средства казны и городскаго общества, мнѣніемъ положилъ:

1) Взамѣнъ существующей въ гор. Измаилѣ четырехклассной гимназіи учредить въ этомъ городѣ, съ 1-го іюля 1880 г., четырехклассную мужскую прогимназію съ приготовительнымъ классомъ, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1871 г. устава и штатовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2) На содержаніе этой прогимназіи отпускать, съ того же срока, изъ государственнаго казначейства по четырнадцати тысячъ пятисотъ пятидесяти рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы жертвуемые мѣстнымъ городскимъ обществомъ на тотъ же предметъ по три тысячи пятисотъ рублей въ годъ вносились съ означеннаго числа въ мѣстное казначейство и зачислялись въ государственные доходы, по подлежащему подраздѣленію смѣты министерства народнаго просвѣщенія, пособіемъ казнѣ; и

3) Изъ могущихъ быть отъ штатныхъ суммъ Измаильской прогимназіи остатковъ, одну часть, соотвѣтствующую дѣйствительному ассигнованію казны (11,050 р.), передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи Измаильскаго городскаго общества, для употребленія, по его усмотрѣнію, на нужды прогимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

7. (22-го октября 1879 года). Объ учрежденіи въ гор. Минскѣ двухкласснаго реальнаго училища съ механико-техническимъ отдѣленіемъ дополнительнаго класса.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ гор. Минскѣ двухкласснаго реальнаго училища съ механико-техническимъ отдѣленіемъ дополнительнаго класса, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта Принцъ Петръ Ольденбургскій.

Digitized by Google

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ гор. Минскѣ двухкласснаго реальнаго училища съ механико-техническимъ отдѣленіемъ дополнительнаго класса, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить въ гор. Минскѣ, съ 1879—80 учебнаго года, двухклассное реальное училище съ основнымъ отдѣленіемъ и механико-техническимъ отдѣленіемъ дополнительнаго класса, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1872 г. устава и штатовъ реальныхъ училищъ, но съ тѣмъ, чтобы плата учителямъ гимнастики и пѣнія производилась въ размѣрѣ 300 руб. обоимъ; а вознагражденіе врача производилось изъ спеціальныхъ средствъ училища.

2) На содержаніе Минскаго реальнаго училища въ теченіе перваго полугодія 1879—80 учебнаго года обратить изъ имѣющихъ образоваться по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія текущаго года остатковъ отъ содержанія въ семъ году Бѣлостокскаго реальнаго училища 1750 р. и отъ содержанія Пинскаго реальнаго училища 167 р. 50 к., за упраздненіемъ въ упомянутыхъ училищахъ коммерческихъ отдѣленій дополнительнаго класса.

3) Съ будущаго же 1880 года отпускать на содержаніе сего Минскаго реальнаго училища по одиннадцати тысячъ девятисотъ шестидесяти пяти рублей въ годъ изъ государственнаго казначейства, со внесеніемъ этой суммы съ того же срока, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы изъ смѣты было исключено съ 1880 г. 3500 р. изъ содержанія Бѣлостокскаго реальнаго училища и 355 р. изъ содержанія Пинскаго реальнаго училища.

4) Предоставить дворянству Минской губерніи, сверхъ пожертвованныхъ имъ на содержаніе реальнаго училища 50000 р., обратить на тотъ же предметъ также 5000 р., пожертвованные дворянствомъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, на возведеніе пристройки для параллельныхъ классовъ при Минской гимназіи, съ тѣмъ, чтобы оба эти капитала образовали неприкосновенный фондъ реальнаго училища.

5) Для увеличенія основнаго училищнаго фонда, обратить въ оный имѣющіе образоваться остатки отъ содержанія Минскаго реальнаго училища въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, въ количествѣ примѣрно 7700 р.

Digitized by Google

6) Проценты съ неприкосновеннаго капитала, показаннаго въ п. 4, а также жертвуемыя на содержаніе Минскаго реальнаго училища мѣстнымъ городскимъ обществомъ деньги, по 5330 р. ежегодно, заносить съ 1880 г. въ доходную смѣту министерства народнаго просвѣщенія пособіемъ казнѣ; въ эту же смѣту вносить и проценты съ 7700 р., упоминаемыхъ въ п. 5, со времени образованія сего капитала

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

8. (29-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ пожертвованнаго служащими въ правленіи Волжско-Камскаго коммерческаго банка, въ память девятилѣтняго служенія въ банкѣ коммерціи совѣтника В. А. Кокорева, капитала въ 8,200 р., одной стипендіи при С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ, съ наименованіемъ оной: „стипендія коммерціи совѣтника Василія Александровича Кокорева"; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

9. (29-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскихъ 1, 2, 3 и 4-й мужскихъ гимназіяхъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Московскихъ 1, 2, 3 и 4-й мужскихъ гимназіяхъ по одной стипендіи на проценты съ пожертвованныхъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Поляковымъ, въ каждое изъ сихъ учебныхъ заведеній, по восьми облигацій 2-го восточнаго займа 100 р. достоинства, съ присвоеніемъ означеннымъ стипендіямъ наименованія: „стипендіи Московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова".

10. (10-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи въ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи.

Попечитель Варшавскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что дѣти и близкіе родственники умершаго зем-

Digitized by Google

левладѣльца Вацлава Любовидзкаго представили въ институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи капиталъ въ пять тысячъ рублей, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, ходатайствовалъ объ учрежденіи при Новоалександрійскомъ институтѣ, на проценты съ означеннаго капитала, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендіею Вацлава Любовидзкаго".

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе изложеннаго ходатайства попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

11. (13-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Орловской мужской гимназіи.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ собраннаго по добровольной подпискѣ чиновниками акцизнаго управленія Орловской губерніи капитала въ 1,200 руб., заключающагося въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, одной стипендіи при Орловской мужской гимназіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергѣя Владиміровича Маркова", при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

12. (13-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при будущемъ Сибирскомъ университетѣ.

Торгующее чаями на Нижегородской ярмаркѣ купечество и сибиряки, находившіеся въ Нижнемъ-Новгородѣ въ нынѣшнемъ году, представили генералъ-адъютанту графу Игнатьеву, при благодарственномъ адресѣ, собранную ими по подпискѣ сумму, прося его употребить оную по его усмотрѣнію, преимущественно же на учрежденіе стипендій его имени при будущемъ Сибирскомъ университетѣ. Генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ, доставивъ министру народнаго просвѣщенія пятнадцать тысячъ рублей, заключающіеся въ 5% билетахъ 3-го восточнаго займа, просилъ объ употребленіи этихъ денегъ согласно волѣ жертвователей.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій, съ наименованіемъ ихъ: „стипендіями генералъ-адъютанта графа Николая Павловича Игнатьева" и на объявленіе жертвователямъ Высочайшей благодарности.

Digitized by Google

13. (29-го октября 1879 года). О прогонныхъ деньгахъ и пособіяхъ на подъемъ и обзаведеніе законоучителямъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о прогонныхъ деньгахъ и пособіяхъ на подъемъ и обзаведеніе законоучителямъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта Принцъ Петръ Ольденбургскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о прогонныхъ деньгахъ и пособіяхъ на подъемъ и обзаведеніе законоучителямъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Священнослужители, опредѣляемые на должности законоучителей въ среднія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія безъ назначенія имъ при этомъ церковнаго прихода въ томъ городѣ, гдѣ находится учебное заведеніе, получаютъ, на общемъ съ другими должностными лицами основаніи, прогонныя деньги на двѣ лошади.

2) При назначеніи на означенныя должности въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ правила объ особыхъ преимуществахъ службы (прил. къ ст. 225 уст. о служб. прав. т. III, Св. Зак., изд. 1876 г.), воспитанники духовныхъ академій и священнослужители, въ случаѣ, указанномъ въ пунктѣ 1-мъ, пользуются, наравнѣ съ лицами, назначаемыми на другія учительскія должности, правомъ на полученіе двойныхъ прогоновъ (то-есть на четыре лошади), а также пособій на подъемъ и обзаведеніе.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

14. (13-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при коломенской мужской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра на-

Digitized by Google

роднаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ капитала въ 1200 руб., отчисленнаго Коломенскою городскою думою изъ городскихъ средствъ, одной стипендіи при Коломенской мужской гимназіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія Московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова", при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить Коломенское городское общество за означенное пожертвованіе.

15. (13-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ университетѣ.

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что дѣйствительный студентъ С.-Петербургскаго университета, потомственный почетный гражданинъ Иванъ Пѣтуховъ представилъ въ правленіе здѣшняго университета капиталъ въ шесть тысячъ рублей, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, на учрежденіе при университетѣ, изъ процентовъ сего капитала, стипендіи Ивана Пѣтухова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи при С.-Петербургскомъ университетѣ, съ наименованіемъ оной „стипендіею Ивана Пѣтухова" и на объявленіе жертвователю Высочайшей благодарности.

16. (13-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что вдова царскосельскаго 2-й гилдіи купца Анастасія Гурьева представила въ правленіе С.-Петербургскаго университета капиталъ въ шесть тысячъ рублей, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, на учрежденіе при семъ университетѣ, изъ процентовъ означеннаго капитала, одной стипендіи въ память умершихъ мужа и сына ея Григорія и Василія Гурьевыхъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при С.-Петербургскомъ университетѣ означенной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендіею Григорія и Василія Гурьевыхъ" и на объявленіе жертвовательницѣ Высочайшей благодарности.

Digitized by Google

17. (18-го ноября 1879 года). О наименованіи Полтавскаго реальнаго училища „Александровскимъ".

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на наименованіе Полтавскаго реальнаго училища „Александровскимъ" въ честь Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени.

18. (3-го декабря 1879 года). О наименованіи двухкласснаго начальнаго въ селѣ Ильинскомъ училища „Александровскимъ" и о предоставленіи 1-й гильдіи купцу Комарову званія почетнаго блюстителя въ этомъ училищѣ.

Коммерціи совѣтникъ, С.-Петербургскій 1-й гильдіи купецъ Меркурій Комаровъ, съ цѣлью открытія въ селѣ Ильинскомъ, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, на мѣстѣ его родины, двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, въ память чуднаго избавленія драгоцѣнной жизни Его Императорскаго Величества Государя Императора, 2-го апрѣля сего года, отъ злодѣйскаго покушенія, пожертвовалъ построенный на его, Комарова, средства вполнѣ удобный домъ для помѣщенія училища, стоимостью до 5,000 руб., одну десятину земли въ пользу училища, 500 руб. на первоначальное обзаведеніе училища классною мебелью и учебными пособіями и капиталъ въ 20,000 руб., для обращенія процентовъ, по замѣнѣ онаго въ государственныя процентныя бумаги, на ежегодное содержаніе училища. Вмѣстѣ съ тѣмъ, купецъ Комаровъ ходатайствовалъ: 1) о наименованіи названнаго училища „Александровскимъ" по Августѣйшему Именн Государя Императора и 2) о предоставленіи ему, Комарову, званія почетнаго блюстителя въ упомянутомъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ: какъ на присвоеніе двухклассному начальному народному училищу министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Ильинскимъ наименованія „Александровскимъ" по Августѣйшему Имени Его Величества, такъ и на предоставленіе жертвователю купцу Комарову званія почетнаго блюстителя въ этомъ училищѣ, по учрежденіи сего званія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть „благодарить жертвователя".

Digitized by Google

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

12-го октября 1879 года (№ 13). Командируются за границу съ ученою цѣлію: доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета Книримъ—по 1-е февраля 1880 года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему двухмѣсячнаго заграничнаго отпуска.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Мечниковъ — съ 15-го ноября 1879 г. по 15-е апрѣля 1880 года.

Помощникъ библіотекаря Императорскаго Варшавскаго университета Чижовъ—на одинъ годъ.

Увольняется въ отпускъ за границу: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вельяминовъ-Зерновъ—на шесть мѣсяцевъ, по болѣзни.

Увольняется, согласно прошенію: почетный попечитель Костромскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шицовъ — отъ сей должности.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (7-го ноября 1879 года). Правила о двухъ стипендіяхъ, учрежденныхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ имени дочери гвардіи ротмистра Елисаветы Петровны Милюковой.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Дочь гвардіи ротмистра Елисавета Петровна Милюкова, по духовному завѣщанію своему, утвержденному Московскимъ окружнымъ судомъ, отказала Московскому университету капиталъ въ восемь тысячъ рублей, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, на учрежденіе двухъ стипендій.

2) На проценты съ означеннаго капитала учреждаются при Московскомъ университетѣ двѣ стипендіи, которыя, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го октября 1879 года, именуются „стипендіями дочери гвардіи ротмистра Елисаветы Петровны Милюковой".

3) Размѣръ каждой стипендіи 200 руб. въ годъ.

Digitized by Google

4) Одна изъ сихъ стипендій назначается достойному студенту историко-филологическаго факультета, а другая такому же студенту медицинскаго факультета.

5) Право назначенія сихъ стипендій принадлежитъ дочери подполковника Надеждѣ Ивановнѣ Зворыкиной пожизненно, а послѣ ея смерти переходитъ въ университетъ.

6) По избраніи кандидатовъ на стипендіи, распорядительница назначеніемъ оныхъ сносится съ ректоромъ университета, для полученія свѣдѣній о достоинствахъ избранныхъ ею кандидатовъ.

7) Въ случаѣ неперехода стипендіата на слѣдующій курсъ, равно какъ и при неодобрительномъ поведеніи, онъ лишается стипендіи.

8) Свободные остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному, для увеличенія впослѣдствіи размѣра стипендіи.

2. (17-го ноября 1879 г.). **Инструкція директору и инспектору народныхъ училищъ Архангельской губерніи.**

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

А. Общія положенія.

§ 1. На основаніи Высочайше утвержденнаго, 9-го декабря 1875 г., мнѣнія государственнаго совѣта объ учрежденіи въ Архангельской губерніи должностей директора и инспектора народныхъ училищъ, вѣдѣнію сихъ лицъ подчиняются существующія въ городахъ, посадахъ, селеніяхъ и другихъ мѣстностяхъ внѣ городовъ: а) начальныя народныя училища разныхъ наименованій; б) городскія училища, замѣнившія уѣздныя; в) частныя учебныя заведенія; и г) лица, занимающіяся домашнимъ и частнымъ обученіемъ.

§ 2. Директоръ и инспекторъ обозрѣваютъ каждый извѣстную часть губерніи, при чемъ директору предоставляется выбрать тѣ уѣзды губерніи, которые расположены ближе къ губернскому городу, чтобы отсутствіе его не было слишкомъ продолжительно. Инспекторъ производитъ осмотры, по указанію директора. Для безостановочнаго движенія дѣлъ по дирекціи, директоръ, въ случаѣ болѣзни или выѣзда изъ Архангельска, поручаетъ исправленіе своей должности или инспектору, или же, на случай и его отсутствія, одному изъ подвѣдомыхъ ему училищныхъ чиновниковъ.

§ 3. О результатахъ осмотра училищъ директоръ и инспекторъ, чрезъ директора, съ его заключеніемъ, представляютъ попечителю отчеты. Такіе отчеты представляются послѣ каждой изъ поѣздокъ

Digitized by Google

для осмотра училищъ. Въ концѣ же гражданскаго года инспекторъ представляетъ директору отчетъ объ училищахъ, имъ осмотрѣнныхъ, а директоръ, на основаніи этого отчета и собственныхъ своихъ осмотровъ, составляетъ общій отчетъ попечителю округа.

§ 4. Въ видахъ обезпеченія болѣе бдительнаго наблюденія за нравственнымъ направленіемъ народныхъ начальныхъ училищъ, въ помощь директору и инспектору, по избранію и представленію перваго, съ разрѣшенія начальства учебнаго округа, могутъ быть назначаемы, по одному въ каждомъ уѣздѣ, такія изъ мѣстныхъ служащихъ лицъ, которыя заявили свое сочувствіе къ народному образованію учрежденіемъ какого-либо народнаго училища, или содѣйствіемъ къ поддержанію и улучшенію училищъ, которыя при томъ, по прямой своей обязанности, имѣютъ возможность часто бывать въ училищахъ. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ мировые посредники, исправники и благочинные церквей. Такія довѣренныя лица, не дѣлая отъ себя никакихъ распоряженій въ посѣщаемыхъ ими училищахъ, сообщаютъ о своихъ наблюденіяхъ и предположеніяхъ или директору или инспектору.

Б. Частныя положенія.

§ 5. Въ частности, наблюденіе директора и инспектора народныхъ училищъ касается слѣдующихъ предметовъ:

а) личнаго состава училищъ;

б) учебной и нравственной части училищъ;

в) учебныхъ руководствъ и пособій;

г) внѣшняго и внутренняго благоустройства училищъ, равно матеріальнаго обезпеченія какъ училищъ, такъ и служащихъ при нихъ учителей;

д) открытія новыхъ и улучшеній уже существующихъ училищъ, перевода ихъ, въ случаѣ надобности, изъ одной мѣстности въ другую, или и совершеннаго закрытія.

Сверхъ того настоящею инструкціею опредѣляются:

е) служебныя отношенія директора и инспектора къ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ по дѣламъ, касающимся народныхъ училищъ;

и ж) порядокъ дѣлопроизводства и отчетности.

ГЛАВА I.

О личномъ составѣ училищъ.

§ 6. Въ отношеніи личнаго состава преподавателей директоръ и инспекторъ обращаютъ вниманіе на то: а) имѣютъ ли они законное

Digitized by Google

право на преподаваніе; б) обладаютъ ли надлежащими нравственными качествами, способностями и познаніями, достаточными для преподаванія предметовъ, положенныхъ въ училищахъ, и отличаются ли усердіемъ въ отправленіи своихъ обязанностей; в) пользуются ли должнымъ уваженіемъ со стороны учащихся и общества; и г) получаютъ ли достаточное вознагражденіе за труди свои. Для сего, кромѣ присутствованія на урокахъ и испытаніяхъ, директоръ и инспекторъ стараются ближе, посредствомъ личныхъ бесѣдъ и удостовѣреній, ознакомиться съ каждымъ изъ преподавателей училищъ.

§ 7. О преподавателяхъ, вполнѣ удовлетворяющихъ условіямъ, изложеннымъ въ пунктахъ б и в предыдущаго параграфа, директоръ входитъ съ представленіемъ къ попечителю округа, испрашивая для нихъ почетныя или денежныя награды, съ указаніемъ и на источникъ, изъ котораго могутъ быть выданы послѣднія.

§ 8. Малоопытныхъ учителей директоръ и инспекторъ руководятъ своими совѣтами и указаніями, наблюдая при слѣдующемъ осмотрѣ училищъ, насколько они воспользовались данными наставленіями.

§ 9. Объ учителяхъ, несоотвѣтствующихъ своему назначенію, инспекторъ включаетъ въ свой отчетъ, представляемый директору; положительно же неблагонадежные въ какомъ либо отношеніи преподаватели временно устраняются инспекторомъ отъ исполненія обязанностей преподавателя, съ немедленнымъ доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія директора, отъ котораго зависятъ дальнѣйшія распоряженія объ окончательномъ увольненіи такихъ учителей.

§ 10. Въ видахъ безотлагательнаго замѣщенія открывающихся вакансій учителей народныхъ училищъ, директоръ и инспекторъ заблаговременно, по мѣрѣ возможности, пріискиваютъ способныхъ и благонадежныхъ лицъ, какъ изъ духовныхъ, такъ и изъ свѣтскихъ имѣющихъ право на преподаваніе въ начальныхъ народныхъ училищахъ, руководствуясь въ порядкѣ опредѣленія преподавателей существующими правилами.

Если въ Архангельской губерніи не окажется способныхъ и благонадежныхъ лицъ для занятія учительскихъ вакансій, то директоръ входитъ къ попечителю округа съ представленіемъ о назначеніи учителей изъ казенныхъ стипендіатовъ учительскихъ семинарій въ округѣ. Для преподаванія закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ приглашаются, или приходскій священникъ, или особый

Digitized by Google

законоучитель, съ утвержденія епархіальнаго начальства, по представленію директора народныхъ училищъ.

§ 11. Въ случаѣ неимѣнія вакансій, кандидаты на должность учителей сельскихъ училищъ, съ согласія директора народныхъ училищъ, могутъ быть зачислены въ стипендіаты Соломбальскаго училища, для усовершенствованія въ дѣлѣ преподаванія.

Примѣчаніе. Все сказанное какъ въ предыдущихъ, такъ и въ послѣдующихъ §§ этой инструкціи объ учителяхъ народныхъ училищъ примѣняется въ равной мѣрѣ и къ учительницамъ, за исключеніемъ прикомандированія кандидатокъ на учительскія должности къ Соломбальскому училищу, въ коемъ 9 стипендій исключительно назначены для лицъ мужескаго пола.

§ 12. Для содѣйствія успѣхамъ начальныхъ народныхъ училищъ къ обязанностямъ директора и инспектора народныхъ училищъ относится забота, чтобъ изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ обществъ и могущихъ оказать училищамъ какъ нравственную, такъ и матеріальную поддержку, избирались, согласно существующимъ постановленіямъ, смотрители училищъ, или почетные блюстители училищъ, смотря по тому, какое изъ сихъ званій полагается по закону при томъ или другомъ училищѣ. При обозрѣніи училищъ, на ревизующихъ возлагается обязанность лично убѣдиться, на сколько избранныя въ означенныя должности лица соотвѣтствуютъ своему назначенію и о тѣхъ, которыя оказали особыя заслуги къ благоустройству училищъ, директоръ, по личному удостовѣренію или по ходатайству инспектора, доводитъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа.

§ 13. По отношенію къ учащимся, директоръ и инспекторъ наблюдаютъ, чтобы въ каждомъ осматриваемомъ ими училищѣ ведены были списки учениковъ и журналы, согласно формамъ, предписаннымъ § 17 инструкціи двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, утвержденной 4-го іюня 1875 года.

ГЛАВА II.

Объ учебной и нравственной части.

§ 14. Относительно учебной части директоръ и инспекторъ обязаны тщательно слѣдить какъ за объемомъ и содержаніемъ, такъ въ особенности за методомъ и характеромъ преподаванія каждаго изъ

Digitized by Google

учебныхъ предметовъ, положенныхъ въ училищахъ того или другаго рода.

§ 15. Высшее наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ принадлежитъ мѣстному епархіальному архіерею, который или самъ обозрѣваетъ оныя, или поручаетъ это особо назначаемымъ имъ для сего духовнымъ лицамъ и, буде признаетъ нужнымъ, сообщаетъ свои по сему предмету замѣчанія и соображенія непосредственно министру народнаго просвѣщенія.

ГЛАВА III.

Объ учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ.

§ 16. Директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ заботятся о томъ, чтобы при каждомъ училищѣ, по мѣрѣ средствъ, находились слѣдующія учебно-вспомогательныя учрежденія: а) библіотека учительская; б) библіотека ученическая; и в) складъ книгъ, учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей, предназначаемыхъ или для безмездной раздачи бѣднымъ ученикамъ, или для продажи болѣе достаточнымъ, по затруднительности самимъ дѣтямъ или родителямъ ихъ выписывать таковыя изъ столичныхъ и другихъ городовъ.

§ 17. Составъ, порядокъ завѣдыванія и другія правила относительно означенныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій опредѣляются въ §§ 19—25 Высочайше утвержденной 29-го октября 1871 года инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, при чемъ соблюдаются условія, изложенныя въ §§ 72 до 76 инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія 4-го іюня 1875 года.

ГЛАВА IV.

О внѣшнемъ и внутреннемъ благоустройствѣ училищъ, равно и о матеріальномъ обезпеченіи какъ сихъ училищъ, такъ и учителей въ нихъ.

§ 18. Наблюденіе за постройкою училищныхъ домовъ, сооружаемыхъ съ пособіемъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, лежитъ на обязанности инспектора народныхъ училищъ, въ помощь коему въ семъ дѣлѣ, для большей успѣшности въ ходѣ работъ, избираются тѣми обществами и учрежденіями. на средства и при уча-

Digitized by Google

стіи коихъ устраиваются эти дома, одно или нѣсколько довѣренныхъ лицъ для постояннаго присмотра за исправностью работъ.

§ 19. Инспекторъ народныхъ училищъ назначаетъ, соображаясь съ размѣромъ комнатъ, какое число дѣтей можетъ быть допущено въ каждомъ классѣ, безъ стѣсненія въ помѣщеніи и безъ вреда какъ въ педагогическомъ, такъ и въ гигіеническомъ отношеніяхъ. Число учениковъ у одного преподавателя не должно быть выше пятидесяти.

§ 20. Планы на постройку училищныхъ домовъ составляются директоромъ, по совѣщанію съ инспекторомъ, при чемъ принимается во вниманіе число могущихъ поступить дѣтей; въ самыхъ планахъ желательно возможное приближеніе къ нормальному плану, который имѣетъ быть изданъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 21. При обозрѣніи училищныхъ зданій или наемныхъ для училищъ помѣщеній, директоръ и инспекторъ заботятся, чтобы какъ внѣшнее, такъ и въ особенности внутреннее ихъ устройство соотвѣтствовало, по возможности, ихъ назначенію, не только въ учебномъ, но и въ гигіеническомъ отношеніи.

§ 22. Они обращаютъ вниманіе на то, чтобы въ каждомъ училищѣ была ведена опись училищному имуществу, съ обозначеніемъ, когда и откуда какая вещь поступила и по возможности съ указаніемъ стоимости ея.

§ 23. По предмету матеріальнаго обезпеченія училищъ, осматривающіе училища удостовѣряются, достаточно ли таковое для удовлетворенія необходимымъ училищнымъ потребностямъ.

§ 24. Инспекторъ обращаетъ вниманіе на нужды тѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ, которыя содержатся духовенствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами; въ случаѣ усмотрѣнныхъ въ этомъ отношеніи недостатковъ, инспекторъ обращается къ учредителямъ съ ходатайствомъ о необходимомъ пособіи или лично, или чрезъ директора.

§ 25. Если учредители училищъ не въ состояніи помочь училищамъ назначеніемъ постояннаго ежегоднаго увеличенія ихъ содержанія, то инспекторъ чрезъ директора испрашиваетъ этимъ училищамъ на покрытіе наиболѣе существенныхъ нуждъ единовременныя денежныя пособія изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія.

§ 26. На училища, содержимыя министерствомъ народнаго просвѣщенія, или существующія при участіи казны, директоръ, по лич-

Digitized by Google

номъ удостовѣреніи или по представленіи инспектора, испрашиваетъ у попечителя учебнаго округа экстренныя пособія только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, то или другое изъ этихъ училищъ подверглось какому-либо неожиданному бѣдствію, пожару и т. п., или когда съ теченіемъ времени оно пришло въ такое положеніе, при которомъ не можетъ долѣе удовлетворять своему назначенію, безъ неотлагательной помощи со стороны правительства.

§ 27. Учебныя руководства, пособія и книги для чтенія, присылаемыя для безмезднаго снабженія ими начальныхъ народныхъ училищъ, директоръ, по своему усмотрѣнію и на основаніи отчетовъ инспектора, распредѣляетъ между тѣми училищами, которыхъ учебно-вспомогательныя учрежденія наиболѣе нуждаются въ пополненіи.

§ 28. О лицахъ, особенно содѣйствующихъ преуспѣянію училищъ, директоръ можетъ входить съ надлежащими, куда слѣдуетъ, представленіями, испрашивая имъ соотвѣтствующія по заслугамъ вознагражденія.

ГЛАВА V.

Объ открытіи, распространеніи, перемѣщеніи и закрытіи училищъ.

§ 29. Кромѣ надзора за существующими училищами, директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ обязаны прилагать стараніе и къ открытію новыхъ училищъ, преимущественно въ такихъ селеніяхъ, гдѣ по мѣстнымъ или административнымъ соображеніямъ усматривается въ нихъ настоятельная потребность.

§ 30. Съ этою цѣлью директоръ вступаетъ въ предварительныя сношенія съ мировыми посредниками, какъ ближайшими руководителями сельскихъ обществъ, или съ мѣстными городскими обществами, стараясь при этомъ получить отъ обществъ согласіе о принятіи на себя полнаго обезпеченія училищъ необходимымъ содержаніемъ.

§ 31. Въ случаѣ крайней бѣдности мѣстнаго общества и необходимости открыть въ данной мѣстности училище, о назначеніи оному пособія директоръ входитъ въ сношеніе съ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, на которое возложено завѣдываніе общими училищными суммами губерніи, при безуспѣшности же сего сношенія директоръ ходатайствуетъ объ оказаніи училищу пособія, постояннаго или временнаго, изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, представляя при этомъ приговоры мѣстныхъ обществъ, а

Digitized by Google

также собственныя объясненія и соображенія въ подкрѣпленіе ходатайства.

§ 32. Еслибы въ какомъ-либо изъ многолюдныхъ селеній, гдѣ есть начальныя училища съ значительнымъ числомъ учениковъ и гдѣ стремленіе къ ученію замѣтно обнаруживается, учрежденіе особыхъ новыхъ училищъ, даже съ воспособленіемъ отъ правительства, оказалось почему-либо неудобоисполнимымъ, директоръ, по совѣщанію съ инспекторомъ, заботится или объ открытіи при существующихъ училищахъ параллельныхъ отдѣленій, или объ увеличеніи числа классовъ до 2-хъ, стараясь, чтобы расходы на такое распространеніе училища были приняты обществомъ на свой счетъ, или чтобы расходы производились на мѣстныя губернскія училищныя средства.

§ 33. Относительно открытія двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія и вообще завѣдыванія сими училищами директоръ руководствуется инструкціею для этихъ училищъ, утвержденною министромъ народнаго просвѣщенія 4-го іюня 1875 г.

§ 34. Попеченія директора и инспектора о распространеніи народнаго образованія должны быть также направлены къ тому, чтобы и крестьянскія дѣвочки, по мѣрѣ возможности, получали наставленія въ правилахъ вѣры и необходимое начальное образованіе. Порядокъ учрежденія особыхъ для нихъ училищъ или особыхъ отдѣленій при мужскихъ училищахъ, а равно и дѣйствій по сему предмету директора и инспектора остается тотъ же, какой указанъ для открытія училищъ для мальчиковъ.

§ 35. Въ случаѣ невозможности учрежденія для дѣвочекъ ни отдѣльныхъ училищъ, ни особыхъ отдѣленій, инспекторъ, присутствующій по возможности при самомъ открытіи училищъ, старается убѣдить крестьянъ къ посылкѣ дѣвочекъ во вновь открываемое училище, въ которомъ онъ можетъ допустить совмѣстное обученіе дѣвочекъ съ мальчиками, съ соблюденіемъ условій, опредѣленныхъ въ § 25 и 26 инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ, утвержденной 4-го іюня 1875 года.

§ 36. Какъ въ училищахъ для мальчиковъ, сверхъ обязательныхъ учебныхъ предметовъ, могутъ быть вводимы нѣкоторыя ремесла или мастерства, такъ и въ училищахъ для дѣвочекъ можетъ быть вводимо обученіе рукодѣліямъ, приноровленнымъ къ простому быту и мѣстнымъ нуждамъ населенія, на что и должно быть обращено надлежащее вниманіе инспектора.

Digitized by Google

§ 37. Директоръ и инспекторъ прилагаютъ попеченіе о томъ, чтобы при училищахъ, гдѣ окажется возможность, были устраиваемы особые уроки для взрослыхъ поселянъ, стараясь личными убѣжденіями привлечь ихъ къ ученію и ходатайствуя, въ случаѣ успѣха, чрезъ директора, объ отпускѣ суммъ, необходимыхъ для вознагражденія учителей за такой ихъ трудъ, сверхъ прямыхъ обязанностей.

§ 38. Еслибы, вслѣдствіе личнаго удостовѣренія директора или инспектора, оказалось, что то или другое училище какъ изъ числа учрежденныхъ на средства министерства народнаго просвѣщенія, такъ и изъ содержимыхъ сельскими обществами или на счетъ общихъ губернскихъ училищныхъ суммъ съ пособіемъ отъ казны, не удовлетворяетъ своему назначенію въ той мѣстности, гдѣ оно существуетъ, тогда какъ въ другой мѣстности оно могло-бы принести болѣе существенную пользу, тогда директоръ входитъ въ сношеніе съ тѣмъ обществомъ или учрежденіемъ, откуда училище получаетъ свои средства къ содержанію, и по согласію оныхъ переводитъ его въ другое селеніе, по возможности той же волости.

§ 39. Еслибы по особо уважительнымъ причинамъ потребовалось закрытіе училища, то инспекторъ временно закрываетъ оное; объ окончательномъ же упраздненіи училища надлежащія распоряженія дѣлаются директоромъ.

ГЛАВА VI.

О служебныхъ отношеніяхъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ къ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ.

§ 40. Директоръ непосредственно подчиняется попечителю учебнаго округа, къ которому и входитъ съ надлежащими представленіями и донесеніями по дѣламъ подвѣдомыхъ ему училищъ.

§ 41. Инспекторъ есть непосредственный помощникъ директора, коему онъ подчиняется и къ которому онъ обязанъ входить въ нужныхъ случаяхъ съ представленіями по всѣмъ предметамъ его вѣдѣнія.

§ 42. Директору, какъ главному начальнику народныхъ училищъ, подчинаются всѣ преподаватели оныхъ.

§ 43. Директору предоставляется посѣщать учительскія семинаріи и учительскія школы во время нахожденія его въ той мѣстности губерніи, гдѣ таковыя существуютъ. Съ этою цѣлью, онъ можетъ присутствовать въ совѣтахъ сихъ семинарій и школъ и сообщать имъ свои соображенія, на основаніи наблюденій и опыта.

Digitized by Google

§ 44. Равнымъ образомъ директоръ и инспекторъ могутъ присутствовать въ испытательныхъ комитетахъ и педагогическихъ совѣтахъ гимназій и городскихъ училищъ, когда въ нихъ производится испытаніе на званіе учителей народныхъ училищъ, о чемъ они должны быть заблаговременно увѣдомлены начальствомъ подлежащихъ учебныхъ заведеній.

§ 45. По дѣламъ, касающимся народныхъ училищъ, директоръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ по совѣщанію съ инспекторомъ, входитъ въ прямыя сношенія, или лично, или письменно, по своему усмотрѣнію, со всѣми учрежденіями, губернскими и уѣздными, должностными и частными лицами. Инспекторъ же, если то сочтетъ нужнымъ, можетъ сноситься лично или письменно съ уѣздными учрежденіями и должностными и частными лицами, съ доведеніемъ о результатѣ своихъ сношеній до свѣдѣнія директора.

ГЛАВА VII.

О порядкѣ дѣлопроизводства и отчетности.

§ 46. Директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ Архангельской губерніи имѣютъ каждый казенную печать съ гербомъ губерніи и съ надписью: первая „Директора народныхъ училищъ Архангельской губерніи", а послѣдняя „Инспектора народныхъ училищъ Архангельской губерніи"; отправляемые ими за этой печатью казенные пакеты и посылки принимаются въ почтовыхъ конторахъ на общихъ основаніяхъ, наравнѣ съ прочими начальствами учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

§ 47. Переписка по дѣламъ начальныхъ народныхъ училищъ, подлежащихъ вѣдѣнію директора и инспектора, главнымъ образомъ, возлагается на директора и производится на суммы, назначаемыя ему на канцелярскіе расходы. Расходъ по перепискѣ инспектора съ директоромъ и всѣми помянутыми учрежденіями и лицами онъ обязанъ производить изъ суммы, назначенной ему на канцелярскіе расходы.

§ 48. Всѣ книги и учебныя пособія, предназначаемыя министерствомъ народнаго просвѣщенія для безмездной раздачи учащимся, или же вообще жертвуемыя съ этою цѣлью, о коихъ говорится въ § 22 инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, Высочайше утвержденной 29-го октября 1871 г., должны поступать въ завѣдываніе директора, который разсылаетъ ихъ по совѣщанію съ инспекторомъ или

Digitized by Google

по собственному усмотрѣнію въ тѣ училища, которыя наиболѣе въ нихъ нуждаются.

§ 49. Назначенное директору и инспектору содержаніе каждый изъ нихъ получаетъ изъ подлежащаго казначейства по собственнымъ ихъ требованіямъ, согласно съ существующими постановленіями.

§ 50. За каждый истекшій гражданскій годъ директоръ представляетъ попечителю учебнаго округа къ 20 января каждаго года по плану, утвержденному министромъ народнаго просвѣщенія, отчетъ о состояніи всѣхъ вообще училищъ губерніи, съ требуемыми приложеніями.

§ 51. Кромѣ правилъ, изложенныхъ въ настоящей инструкціи, директоръ и инспекторъ обязаны руководствоваться всѣми тѣми узаконеніями, постановленіями и распоряженіями, касательно завѣдываемыхъ ими училищъ, которыя послѣдовали въ прежнее время и донынѣ остаются въ дѣйствіи, а равно и тѣми, кои имѣютъ быть изданы впослѣдствіи.

§ 52. Настоящая инструкція вводится въ видѣ опыта на пять лѣтъ.

3. (1-го декабря 1879 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о собраніяхъ инспекторовъ народныхъ училищъ для совѣщаній о мѣрахъ къ улучшенію народнаго образованія въ губерніи.

Однимъ изъ попечителей учебныхъ округовъ, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, сдѣлано распоряженіе по округу, чтобы инспекторы народныхъ училищъ, подъ предсѣдательствомъ директора народныхъ училищъ подлежащей губерніи, собирались, по мѣрѣ надобности, преимущественно въ лѣтнее время, для общихъ совѣщаній о мѣрахъ, клонящихся къ улучшенію народнаго образованія въ губерніи, и чтобы отчеты о такихъ совѣщаніяхъ были представляемы директоромъ попечителю округа.

Признавая съ своей стороны означенную мѣру полезною, имѣю честь сообщить объ этомъ вашему превосходительству на случай, если и по ввѣренному вамъ округу представится надобность имѣть таковыя же собранія.

Digitized by Google

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

10-го ноября 1879 года (№ 15). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Любимовъ — въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора сего университета, съ 20-го октября 1879 года.

Приватъ-доцентъ Страсбургскаго университета, докторъ медицины Рельманъ—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по каѳедрѣ офтальмологіи и офтальмологической клиники, съ 14-го октября 1879 года.

Инспекторъ Симферопольской гимназіи, надворный совѣтникъ Тимошевскій—директоромъ сей гимназіи, съ 27-го октября 1879 года.

Директоръ Мелитопольскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ Ждановскій—директоромъ Одесскаго коммерческаго училища, съ 3-го ноября 1879 года.

Учитель Муромскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Ничипоренко—директоромъ коллегіи Павла Галагана, съ 18-го октября 1879 года.

Помощникъ управляющаго Сарапульскою удѣльною конторою, статскій совѣтникъ Поповъ, коллежскій совѣтникъ Круликовскій, Сарапульскій участковый мировой судья, коллежскій ассесоръ Кульвецъ, коллежскій ассесоръ Овчинниковъ, инспекторъ народныхъ училищъ Сарапульскаго уѣзда Князевъ, дворянинъ Чайковскій, сарапульскіе купцы Осиповъ и Зылевъ — членами попечительства Сарапульскаго реальнаго училища, на три года.

Перемѣщается: директоръ Московской шестой гимназіи Лавровскій — директоромъ Московской третьей гимназіи, съ 27-го октября 1879 года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія: учитель Московской первой гимназіи, коллежскій ассессоръ Фохтъ, съ 13-го октября 1879 года, съ увольненіемъ отъ настоящей должности и съ откомандированіемъ въ распоряженіе начальства Московскаго учебнаго округа.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Тихонравовъ, съ 4-го сентября 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго универси-

Digitized by Google

тета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Новацкій, съ 26-го сентября 1879 года.

Директоръ Смоленскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Чемолосовъ, съ 3-го ноября 1879 года.

Продолжается срокъ командировки съ ученою цѣлію: хранителю ботаническаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета Смирнову—на одинъ годъ, въ Туркестанскій край.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ ученаго комитета сего министерства, надворный совѣтникъ Соловьевъ — на два мѣсяца въ Москву.

За границу: учитель Ришельевской гимназіи Бавлинка — съ 23-го декабря 1879 по 7-е января 1880 года.

Учитель Рижскаго реальнаго для гражданъ училища Барро — на зимнее вакаціонное время 1879—1880 учебнаго года и десять дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Митгофъ—на зимнее вакаціонное время 1879—1880 учебнаго года и двадцать восемь дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Бабухинъ—на мѣсяцъ и двадцать дней, по болѣзни.

Архитекторъ Императорскаго Харьковскаго университета Гиншъ—на два мѣсяца.

Учитель С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища Прянишниковъ—на четыре мѣсяца, по болѣзни.

Отчисляются отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: коллежскій ассесоръ Соколовъ, съ 1-го іюля 1879 года, по случаю назначенія его старшимъ учителемъ Дерптской гимназіи, статскій совѣтникъ Виренъ, съ 11-го августа 1879 года, согласно прошенію и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Гельбке, съ 20-го октября 1879 года, вслѣдствіе перехода его на службу въ вѣдомство министерства юстиціи.

Увольняется, согласно прошенію, отъ службы: директоръ Московской третьей гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Малиновскій, съ 27-го октября 1879 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія за пожертвованія: вдовѣ дѣйствительнаго стат-

Digitized by Google

скаго совѣтника Милорадовичъ—въ пользу Полтавскаго реальнаго училища и Дорогобужскому 2-й гильдіи купцу Гальцову—на устройство кузницы для ремесленныхъ классовъ при Дорогобужскомъ городскомъ училищѣ.

Исключаются изъ списковъ умершіе: ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, членъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Соловьевъ и экстраординарный академикъ сей Академіи по отдѣленію историко-филологическому, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шифнеръ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

„Справочную книжку французскихъ неправильныхъ глаголовъ. Сост. Л. А. Кагань. Вильно, 1879 г.“ — одобрить какъ пособіе въ фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекахъ для справокъ въ какомъ нибудь особомъ случаѣ.

— „Cours élémentaire et progressif de langue française à l'usage des classes inferieures et moyennes des écoles, par M. Margot, directeur de l'école des paroisses réformées, et lecteur en langue française à l'université de Saint-Pétersbourg. 1880 г.“—допустить къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, въ качествѣ пособія.

— Книги подъ заглавіями: 1) „Рѣчь М. Туллія Цицерона о консульскихъ провинціяхъ. Объяснилъ Р. Фохтъ. Кіевъ, 1879 г. Ц. 70 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. 2) „Учебникъ всеобщей географіи. Сост. А. Пуликовскій. Изд. 3-е. С.-Пб., 1879 г. ч. I. Общія свѣдѣнія изъ математической, физической и политической географіи, сопровождаемыя краткимъ обзоромъ земнаго шара. Часть II. Обзоръ Австраліи, Америки, Африки и Азіи въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніи“. Часть III. „Обзоръ Европы въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніи — допустить въ видѣ пособія для гимназій и прогимназій

Digitized by Google

министерства народнаго просвѣщенія. 3) „Русская хрестоматія для низшихъ классовъ. Сост. А. Кирпичниковъ и О. Гиляровъ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Москва, 1880 г." — одобрить какъ учебное пособіе для низшихъ трехъ классовъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ и городскихъ училищъ. 4) „Геометрія и систематическій подборъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Планиметрія. Сост. К. Мазингъ, преподаватель Московскаго реальнаго училища. Изд. 2-е. М. 1879 г. Ц. 1 руб." — включить въ каталогъ учебныхъ пособій по геометріи для курса среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Сокращенная русская исторія". Составила А. Ишимова, съ картинками, рѣзанными на деревѣ. Изд. 4-е. С.-Пб., 1879 г. Ц. 1 руб. — одобрить къ употребленію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ видѣ учебнаго руководства.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Значительнѣйшія правила латинскаго правописанія съ алфавитнымъ словаремъ наиупотребительнѣйшихъ словъ, которыя большинствомъ пишутся неправильно. Составлено для гимназій и другихъ высшихъ школъ К. А. Гельбе С.-Петербургъ 1879 г., цѣна 40 к.—одобрить какъ учебное пособіе по латинскому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Недерле. Грамматика греческаго языка. Часть II. Синтаксисъ для русскихъ гимназій обработали И. Мейеръ и В. Рейнеръ. Изд. 2-е, исправленное. Москва 1880 г., цѣна 1 р. 20 к.— одобрить какъ учебное руководство для высшихъ классовъ гимназій.

— Книги подъ заглавіемъ: I. „Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ русскимъ и иностраннымъ. Владиміра Стоюнина, шестое изданіе, (дополненное). С.-Петербургъ. 1879 г. Цѣна 50 к.—внести въ списокъ книгъ, одобренныхъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

II. Употребленіе знаковъ препинанія въ русской письменной рѣчи. Пособіе при преподаваніи русскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и для желающихъ самостоятельно изучить этотъ отдѣлъ грамматики. Сост. В. Кендзерскій, учитель русскаго языка и словесности. Харьковъ 1879 г.—одобрить какъ учебное пособіе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, для тѣхъ классовъ, гдѣ проходится синтаксисъ и, въ связи съ онымъ, правила пунктуаціи.

III. Сборнихъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской ли-

Digitized by Google

тературы, съ вещественнымъ и логическимъ разборомъ статей, съ матеріаломъ для устныхъ и письменныхъ упражненій и съ біографіями писателей и съ приложеніемъ краткаго курса теоріи словесности Н. Невзорова, преподавателя русскаго языка въ Казанскомъ учительскомъ институтѣ и реальномъ училищѣ. Казань 1879 г." — одобрить какъ учебное пособіе.

— „Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ трехъ частей. Курсъ среднихъ классовъ гимназій и прогимназій. Часть III. Изд. 5-е, совершенно передѣланное согласно съ указаніями учебнаго плана, утвержденнаго г. министромъ народнаго просвѣщенія. Сост. В. С. Игнатовичъ. С.-Петербургъ 1880 г." Цѣна 1 р. 25 коп. — рекомендовать какъ весьма полезное руководство при преподаваніи французскаго языка въ IV, V и VI классахъ среднеучебныхъ заведеній.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Славянская грамматика съ изборникомъ. П. Перевлѣсскаго. Изд. десятое. С.-Петербургъ 1879 г. Цѣна 80 коп. — одобрить какъ учебное руководство для учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній конс+л р+ъ—ь+конс. I изслѣдованіе А. Кочубинскаго. Одесса 1877 г." — допустить въ основныя библіотеки гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, выслушавъ утвержденное святѣйшимъ Синодомъ заключеніе учебнаго комитета о книгѣ: „Краткія свѣдѣнія о священныхъ книгахъ, съ приложеніемъ хронологическаго указателя священныхъ событій и съ указаніемъ мѣстъ Библіи, которыя должно читать при изученіи священной исторіи. Сост. законоучитель Бѣлоцерковскаго реальнаго училища священникъ Захарій Шморгуновъ. Кіевъ. 1873 г. Цѣна 50 к., постановилъ допустить оную къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, по-

Digitized by Google

Digitized by Google

Н. И. НАДЕЖДИНЪ НА СЛУЖБѢ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

(1832 — 1835).

Николай Ивановичъ Надеждинъ (род. 5-го окт. 1804 г., ум. 11-го янв. 1856 г.) принадлежалъ безспорно къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей и ученыхъ дѣятелей своего времени. Судьба связывала его съ духовнымъ званіемъ, но онъ и въ этой сферѣ искалъ себѣ педагогическихъ занятій; затѣмъ перешелъ въ Московскій университетъ, гдѣ былъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей, и въ то же время прославился, какъ издатель (съ 1830 по 1836 г.) ежемѣсячнаго журнала Телескопъ и при немъ то ежедневнаго, то еженедѣльнаго листка Молвы [1]). Его критическія статьи какъ въ этихъ изданіяхъ, такъ и печатавшіяся ранѣе (въ 1828—1830 гг.) въ Вѣстникѣ Европы и Московскомъ Вѣстникѣ, сдѣлали его имя столь же извѣстнымъ въ обширномъ кругѣ читателей того времени, какъ ученая и профессорская дѣятельность—въ университетскомъ кружкѣ. Но и та, и другая были внезапно прерваны, съ одной стороны вслѣдствіе закрытія уставомъ 1835 года каѳедры, которую занималъ Надеждинъ, съ другой—вслѣдствіе помѣщенія въ Телескопѣ извѣстнаго „Философическаго письма“ Чаадаева, за что Надеждинъ былъ удаленъ сперва въ Усть-Сысольскъ, потомъ въ Вологду. Затѣмъ, получивъ дозволеніе оставить послѣдній городъ, Надеждинъ совершилъ (въ 1840—1841 гг.) чрезвычайно интересное путешествіе по славянскимъ землямъ, на-

[1]) *Молва*, газета модъ и новостей, за 1831 годъ—52 номера, за 1832 г. — 105, за 1833 г.—156, въ 1834 и 1835 годахъ—по 52 номера.

Digitized by Google

долго сохранивъ добрыя отношенія съ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ славянскихъ дѣятелей [1]). Какъ извѣстно, министерство внутреннихъ дѣлъ много обязано ему изученіемъ новѣйшей исторіи русскаго раскола и собираніемъ свѣдѣній о состояніи его въ 1840—1850 годахъ. Кромѣ того, Надеждинъ немало трудился для Одесскаго общества исторіи и древностей и для Русскаго географическаго общества. Любимыми занятіями его въ послѣдніе годы жизни были историческая географія и этнографія. Намъ нѣтъ надобности перечислять здѣсь всѣ труды Н. И. Надеждина: это сдѣлано уже другими [2]). Не мало было также сказано, по смерти Надеждина, о дѣятельности его какъ журналиста, географа и этнографа, и даже чиновника при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, хотя всего этого еще далеко недостаточно для полной его біографіи. Но собственно о службѣ Надеждина при Московскомъ университетѣ, продолжавшейся около пяти лѣтъ, имѣются лишь самыя краткія свѣдѣнія въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета“ и въ автобіографіи, напечатанной уже по смерти его [3]). А потому считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ этимъ временемъ изъ жизни Надеждина по тѣмъ даннымъ, которыя мы нашли въ дѣлахъ, хранящихся въ архивѣ Московскаго университета.

Изъ послужныхъ списковъ Надеждина видно, что съ 1815 г. онъ учился въ Рязанской семинаріи языкамъ русскому, латинскому, греческому, еврейскому и французскому, теоріи и исторіи словесности, всеобщей исторіи, философіи и математикѣ. Въ 1820 г., по предписанію коммиссіи духовныхъ училищъ, поступилъ въ Московскую духовную академію, гдѣ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, слу-

---

[1]) См. его «Записку о путешествіи по южно-славянскимъ странамъ», въ *Журн. Мин. Н. Пр.* за 1842 г., ч. XXXIV, стр. 87—106, и «Отчетъ о путешествіи, совершенномъ въ 1840 и 1841 годахъ по южно-славянскимъ землямъ», въ *Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей*, т. I (1844), стр. 518—558. Срв. также «Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара къ Н. И. Надеждину», изданныя мною въ *Русскомъ Архивѣ* 1873 года, стр. 1131 — 1221.

[2]) См. *Журналъ Мин. Нар. Просв.* за 1856 годъ, ч. XC, отд. VII, стр. 92 и за 1857 годъ, ч. XCVI, отд. VII, стр. 124, а также *Русск. Вѣстн.* 1856 г., № 5.

[3]) Біогр. Слов. Моск. унив., ч. II, стр. 153—155; *Русск. Вѣстн.* за 1856 г. № 5.

Digitized by Google

шалъ лекціи богословія, философіи, всеобщей и церковной словесности, церковной исторіи, математики и языковъ греческаго, еврейскаго, нѣмецкаго, французскаго и англійскаго [1]); а 20-го октября 1824 года, съ утвержденія той же коммиссіи, онъ возведенъ академическою конференціей на степень магистра и опредѣленъ въ Рязанскую духовную семинарію профессоромъ словесности и нѣмецкаго языка. 23-го ноября того же года ему поручена была должность библіотекаря при семинаріи, въ которой его и утвердилъ 14-го февраля слѣдующаго года епископъ Рязанскій и Зарайскій Филаретъ. Въ это же время Надеждинъ около года преподавалъ латинскій языкъ въ Рязанской гимназіи, по приглашенію ея начальства и съ разрѣшенія совѣта Московскаго университета. Въ семинаріи онъ занимался преподаваніемъ не болѣе двухъ лѣтъ и 9-го октября 1826 г. уволенъ былъ, согласно прошенію, въ которомъ онъ ссылался на свое болѣзненное состояніе, для поступленія въ гражданскую службу. Въ выданномъ ему отъ семинарскаго правленія аттестатѣ о службѣ онъ былъ отмѣченъ: „поведенія честнаго, въ должности очень исправенъ и благонадеженъ; суду и штрафу не подлежалъ“ [2]).

---

[1]) Ректоромъ академіи въ то время былъ архимандритъ Новоспасскаго монастыря, докторъ богословія Кириллъ Богословскій-Платоновъ (съ 1819 по октябрь 1824 г., когда онъ рукоположенъ въ епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго); инспекторомъ—архимандритъ Платонъ Березинъ (съ 1818 по 1826 г.). Они же преподавали богословскія науки. Философскія науки читали іером. Гавріилъ Воскресенскій, извѣстный впослѣдствіи профессоръ по каѳедрѣ философіи въ Казанскомъ университетѣ, Вас. І. Кутневичъ, бывшій потомъ оберъ-священникомъ арміи и флота и членомъ св. синода, и Ѳед. Алекс. Голубинскій, а математическія науки—Петръ Спир. Делицынъ. М. Ег. Молчановъ читалъ исторію системъ философскихъ; словесность преподавали Пл. Ив. Доброхотовъ и М. М. Стеженскій, церковную исторію Ѳ. А. Терновскій-Платоновъ; языки: еврейскій—іером. Аѳанасій Тумскій и М. Л. Ловцовъ, греческій—іером. Евлампій Пятницкій, французскій, нѣмецкій и англійскій—трое изъ поименованныхъ уже преподавателей высшихъ предметовъ. См. *Смирнова*, Исторія Московской духовной академіи до ея преобразованія (1814—1870). М., 1879; стр. 378—409.

[2]) При увольненіи изъ духовнаго званія, Надеждину предоставлено было просить то начальство, въ вѣдѣніе коего онъ поступитъ, о переименованіи въ соотвѣтствующій званію его чинъ, на основаніи §§ 7 и 12 положенія о чинахъ для обучающихъ въ духовныхъ училищахъ, 9-го сент. 1820 г. Высочайше утвержденнаго. Послужной списокъ, выданный Надеждину изъ правленія Рязанской духовной семинаріи, подписанъ былъ ректоромъ оной, Троицкимъ архимандритомъ Иліодоромъ, и инспекторомъ, Богословскимъ игуменомъ Гедеономъ. См. дѣло въ архивѣ Моск. унив. за 1828 г., № 168.

Digitized by Google

Слишкомъ пять лѣтъ Надеждинъ не имѣлъ никакихъ официальныхъ занятій. Онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ сперва поселился у земляка своего, профессора медицинскаго факультета Ю. Е. Дядьковскаго, и тутъ познакомился съ редакторомъ Вѣстника Европы М. Т. Каченовскимъ, который былъ тогда ординарнымъ профессоромъ исторіи, статистики и географіи Россійскаго государства; Надеждинъ сталъ сотрудникомъ этого журнала, издававшагося тогда отъ университета [1]). Въ апрѣлѣ 1828 г., побуждаемый отчасти Каченовскимъ, Надеждинъ подалъ въ совѣтъ Московскаго университета прошеніе о допущеніи его къ испытанію на степень доктора словесныхъ наукъ, что̀ и было разрѣшено министерствомъ, хотя и послѣ долгихъ ожиданій [2]). Удовлетворивъ всѣмъ требованіямъ, соединявшимся тогда съ испытаніемъ на степень доктора, которое производили Мерзляковъ, Каченовскій, Снегиревъ, Ивашковскій и Побѣдоносцевъ, Надеждинъ, продолжая свое сотрудничество въ „Московскомъ Вѣстникѣ [3]), напечаталъ замѣчательную для своего времени диссертацію, произведшую немалое впечатлѣніе на ученыхъ современниковъ и затрогивавшую любимый въ то время историками и теоретиками словесности вопросъ о романтизмѣ. Она носила такое заглавіе: „De origine, natura et fatis Poëseos, quae romantica audit. Dissertatio historico-critico-elenchica“ [4]). Тезисы къ этой диссертаціи

---

[1]) Статьи, печатавшіяся Надеждинымъ въ *Вѣстникѣ Европы* за 1829 и 1830 гг., онъ подписывалъ весьма извѣстнымъ въ то время псевдонимомъ *Недоумко* или: *съ Патріаршихъ Прудовъ*. Нѣкоторыя изъ нихъ поименованы въ указателѣ къ *Вѣстнику Европы*, составленному *М. П. Полуденскимъ* (М. 1861), стр. 258 — 268. Въ томъ же журналѣ (ч. 172, № 15, стр. 188) помѣщено было письмо «П. С. Правдинина къ Н. И. Недоумкѣ», въ коемъ говорилось о второмъ томѣ Исторіи русскаго народа, соч. Полеваго. Срв. также примѣчанія *П. С. Савельева* къ автобіографіи Надеждина, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1856 г., № 5, стр. 59 и сл.

[2]) На основаніи положенія о производствѣ въ ученыя степени, Высочайше утвержденнаго 20-го января 1819 года. См. въ архивѣ Моск. унив. *дѣла совѣта* за 1828 г., № 168. Срв. также автобіографію въ *Рус. Вѣст.* за 1856, № 5, стр. 59—61.

[3]) См. его статьи о переводѣ Гораціевыхъ одъ Д. Орловымъ въ *Моск. Вѣст.* за 1829 г., ч. IV, №№ 14—16.

[4]) Mosquae, 1830. Еще до выхода въ свѣтъ диссертаціи Надеждина о ней уже говорили и сообщали отрывки изъ нея журналы 1830 года: *Вѣстникъ Европы* № 1, стр. 3—37, и № 2, стр. 122—151; *Атеней* № 1, стр. 1—33. Послѣ напечатанія въ *Атенеѣ* отрывка изъ нея въ русскомъ переводѣ, въ *Московскомъ Телеграфѣ* появилась критическая статейка о эстетическихъ мнѣніяхъ Надеж-

Digitized by Google

были изложены на латинскомъ языкѣ, на которомъ производилась и публичная защита ея 24-го сентября 1830 года Надеждинъ утвержденъ былъ въ степени доктора этико-филологическаго отдѣленія, и въ то же время вошелъ въ соприкосновеніе съ университетскою корпораціей, члены которой вступили въ ученую борьбу между собою изъ-за вопроса: быть или не быть Надеждину ихъ товарищемъ? Дѣло въ томъ что существовавшая по уставу 1804 года каѳедра изящныхъ искусствъ и эстетики, преподавателями которой были преемственно: П. А. Сохацкій (1805—1809 гг.), І. Ѳ. Буле (1809—1811 гг.), М. Т. Каченовскій (1811—1821 гг.), и М. Г. Гавриловъ (1821—1828 гг.), считалась за смертію послѣдняго свободною, хотя преподаваніе предметовъ, входившихъ въ ея составъ, и поручено было временно сыну покойнаго, адъюнкту А. М. Гаврилову. Послѣдній не отличался ученостью, что̀, по видимому, и было извѣстно тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, генералу отъ-инфантеріи князю Карлу Ливену. Не удовлетворяясь преподаваніемъ младшаго Гаврилова, онъ рекомендовалъ для каѳедры изящныхъ искусствъ надворнаго совѣтника Глаголева, имѣвшаго степень доктора. По обычаямъ, соблюдавшимся и тогда при избраніи новаго профессора, слѣдовало, чтобы кто-либо изъ членовъ университетскаго совѣта вошелъ въ оный съ формальнымъ представленіемъ о Глаголевѣ. Эту обязанность принялъ на себя ординарный профессоръ правъ политическаго и народнаго, бывшій прежде преподавателемъ въ академіи художествъ, Д. Е. Василевскій. Въ своемъ мнѣніи, заслушанномъ въ одномъ изъ засѣданій совѣта, происходившихъ въ сентябрѣ 1829 г., онъ выражался такъ:

«Особенное вниманіе его свѣтлости къ Московскому университету, ознаменованное въ настоящемъ случаѣ соизволеніемъ рекомендовать университету доктора Глаголева, имѣющаго высшую, нежели магистръ и адъюнктъ Гавриловъ, степень учености, слѣдственно и большее, нежели г. Гавриловъ, право

дина, подъ заглавіемъ: «Литературные прiиски», т. XXXI (1830 г. № 8), стр. 345 — 355. По напечатаніи всей диссертаціи въ томъ же *Телеграфѣ* помѣщена очень неблагосклонная рецензія оной, т. XXXIII (1830 г. № 10), стр. 229—238. Къ тому же году относится и первый опытъ Надеждина по исторической географіи, напечатанный въ *Трудахъ* и *Лѣтописяхъ Общ. Ист. и Древн. росс.*, ч. V, стр. 92—105, подъ заглавіемъ: «Предначертаніе историческо-критическаго изслѣдованія древне-русской системы удѣловъ». Надеждинъ избранъ былъ въ соревнователи Историческаго Общества въ засѣданіи 8-го марта 1829 года, а названную статью читалъ въ торжественномъ засѣданіи 14-го мая. См. *Труды* и *Лѣтописи Общества*, ч. VIII, стр. 100, 132—133.

Digitized by Google

для занятія означенной каѳедры, возбудить должно одну признательность: совѣту не можетъ быть неизвѣстно, что тѣ, кои предназначаются правительствомъ для занятія профессорскихъ каѳедръ въ университетѣ, посылаются на счетъ казны въ чужіе краи, какъ для вящшаго ихъ усовершенствованія въ наукахъ, такъ и для обозрѣнія того, что нужно знать приготовляющемуся къ профессорской должности. Сообразно сей цѣли правительство находило нужнымъ, дабы тотъ, кто назначается для занятія каѳедры теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, отправленъ былъ въ Парижъ, Вѣну и разные города Франціи, Италіи, Германіи, извѣстнѣйшіе по рѣдкостямъ древнихъ и новѣйшихъ искусственныхъ произведеній. Сіе явственно изображено въ докладѣ министра народнаго просвѣщенія, въ 23-й день мая 1808 г. утвержденномъ блаженныя памяти государемъ Александромъ I. Его свѣтлости г. министру народнаго просвѣщенія, безъ сомнѣнія, извѣстно, что г. надв. сов. д-ръ Глаголевъ, получивъ въ Московскомъ университетѣ докторское достоинство, дѣйствительно для усовершенствованія своего въ наукахъ отправился въ чужіе краи, былъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и другихъ городахъ Франціи, Италіи, Германіи, которые извѣстны по рѣдкости древнихъ и новѣйшихъ искусственныхъ произведеній, и обозрѣвалъ оные предметы учености и вкуса; посему и рекомендуетъ университету г. Глаголева для каѳедры теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, какъ такого ученаго, который въ семъ отношеніи заслуживаетъ ощутительное преимущество предъ г. Гавриловымъ. Наконецъ, 1826 года января 8-го дня, его высокопревосходительство, господинъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Александръ Семеновичъ Шишковъ, въ особенномъ и единственномъ случаѣ, дозволивъ приступить къ избранію въ профессоры тѣхъ, кои не имѣли докторскаго достоинства, изъявилъ однакожь притомъ свое желаніе, чтобы всѣ профессора, и въ особенности ординарные, имѣли докторское достоинство. По всѣмъ вышеозначеннымъ причинамъ я полагаю, что г. надв. сов. д-ръ Глаголевъ долженъ быть избранъ для замѣщенія каѳедры теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи какъ потому, что онъ имѣетъ докторское достоинство, такъ и потому, что былъ въ чужихъ краяхъ для усовершенствованія себя въ наукахъ и для обозрѣнія того, что нужно знать и видѣть археологу и профессору теоріи изящныхъ искусствъ. Къ сему я нахожу еще нужнымъ присовокупить слѣдующее: когда совѣтъ Московскаго университета поручалъ магистру и адъюнкту Гаврилову преподаваніе теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, тогда онъ не имѣлъ въ виду надв. сов. д-ра Глаголева, или другаго ученаго, имѣющаго равныя съ нимъ степени учености и преимущества. Теперь, когда г. министръ народнаго просвѣщенія рекомендуетъ совѣту избрать г. Глаголева для занятія означенной каѳедры, я почитаю долгомъ уважить рекомендацію его свѣтлости. Порученіе же преподаванія означенныхъ наукъ г. Гаврилову я почитаю временнымъ, которое могъ учинить совѣтъ на основаніи § 36 утвержденной грамоты императорскаго Московскаго университета для того, чтобы продолжаемы были лекціи, прерванныя болѣзнію, а напослѣдокъ и смертію орд. профессора ст. сов. Гаврилова» [1]).

---

[1]) Изъ архива Московскаго университета за 1829 г., дѣла совѣта, № 654.

Digitized by Google

Такъ какъ А. М. Гавриловъ дѣйствительно не занималъ каѳедры, на которую предлагался Глаголевъ, и такъ какъ ни ученые труды, ни преподавательскія способности послѣдняго не были извѣстны совѣту университета, то рѣшено было для пріисканія достойнаго профессора прибѣгнуть къ конкурсу, въ которомъ, конечно, могли принять участіе и оба названныя лица. Программа конкурса, составленная I-мъ отдѣленіемъ философскаго факультета, напечатана была въ № 12 Московскихъ Вѣдомостей отъ 8-го февраля 1830 года. Срокомъ представленія конкуррентами, какъ ученыхъ трудовъ своихъ, такъ и конспекта лекцій по теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, назначался послѣдній день іюня. Докторъ Глаголевъ не принялъ участія въ конкурсѣ. Надеждинъ, кромѣ уже извѣстной своей диссертаціи, представилъ въ совѣтъ рукописное „Предначертаніе учебнаго изложенія теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи для публичнаго преподаванія“. Но явился еще конкуррентъ — евангелическій пасторъ, учитель закона Божія при кадетскомъ корпусѣ, латинскаго, русскаго и нѣмецкаго языковъ при московскомъ отдѣленіи медико-хирургической академіи и нѣмецкой словесности при коммерческомъ училищѣ, имѣвшій дипломъ на званіе доктора философіи и магистра вольныхъ наукъ отъ Кенигсбергскаго университета, К. А. Зедергольмъ (род. 25-го мая 1789 г., ум. 15-го іюля 1867 г.) [1]). Онъ кончилъ курсъ философскихъ и богословскихъ наукъ въ Абовскомъ университетѣ въ 1810 году, имѣлъ уже большую семью и былъ сорока лѣтъ, когда подавалъ нижеслѣдующее прошеніе:

«По объявленію императорскаго университета въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* № 12, февраля 8-го, о конкурсѣ для каѳедры археологіи и эстетики, покорнѣйше прошу принять меня въ число ищущихъ этого мѣста. Для чего имѣю честь представить: 1) матрикелъ изъ бывшаго Абовскаго университета; 2) копію съ докторскаго диплома изъ Кенигсбергскаго университета за разсужденіе мое «de Philosophia cum religione Christiana connectenda»; 3) копію съ формулярнаго моего списка изъ медико-хирургической академіи; 4) нѣкоторыя изъ сочиненій, мною изданныхъ, а именно: a) das Lied vom Heereszuge Igors; b) Gedichte; c) Ueber die Möglichkeit und die Bedingungen einer Religions-Philosophie; 5) разсужденіе объ археологіи, требуемое по объявленію, на латинскомъ языкѣ. Разсужденіе же о эстетикѣ (на русскомъ языкѣ) прошу покорнѣйше позволеніе представить послѣ, въ половинѣ іюня мѣсяца. Узнавъ о конкурсѣ

[1]) Біографію Зедергольма и списокъ его сочиненій см. въ «Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau, zusammengestellt von *A. W. Fechner* (Moscau, 1876), B. II, S. 488—492.

Digitized by Google

только въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца, по краткости времени и по занятіямъ службой, я не успѣлъ написать разсужденіе въ предѣлахъ обширнѣйшихъ; льщусь однакожъ надеждою, что совѣтъ изъ этихъ отвѣтовъ увидитъ, что предметы исканной мною каѳедры мнѣ не чужды, и что я былъ бы въ состояніи преподавать ихъ какъ на латини, такъ и на языкѣ новаго моего отечества. 31-го мая 1830 года. Пасторъ Карлъ Альбертовъ сынъ Зедергольмъ» [1]).

Разсужденіе о эстетикѣ Зедергольмъ выслалъ уже изъ Тулы 24-го іюня при письмѣ на имя ректора И. А. Двигубскаго, которое и приводимъ здѣсь, сохраняя правописаніе автора [2]):

«Милостивый государь Иванъ Алексѣевичъ! Не успѣвъ до моей отъѣзды совершенно окончить второе мое разсужденіе, я принужденъ былъ взять оное сюда съ собою. Итакъ имѣю честь представить оное вамъ, милостивый государь, и рекомендовать какъ оное, такъ и сочинителя его вашей благосклонности. Зная сколько рѣшеніе моей просьбы зависитъ отъ васъ, какъ главы университета, смѣю увѣрить васъ, что если буду удостоенъ вниманія, никто не превосойдетъ меня въ ревностномъ стараніи исполнять мою обязанность. Воспользываюсь симъ случаемъ, чтобъ увѣрять васъ, милостивый государь, о искреннѣйшемъ высокопочтеніи, съ которымъ имѣю честь быть, вашимъ покорнѣйшимъ слугою, Зедергольмъ».

Наконецъ, 9-го іюля, стало быть послѣ срока, назначеннаго программою конкурса, адъюнктъ Гавриловъ и съ своей стороны подалъ прошеніе въ совѣтъ университета, къ которому обращался въ такихъ выраженіяхъ:

«Вслѣдствіе объявленнаго конкурса для замѣщенія каѳедры теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, каѳедры, занимаемой мною въ теченіе полутора года,—имѣю честь представить при семъ снисходительному вниманію совѣта мое вступительное и послѣдующія чтенія по предмету означенной каѳедры. Въ сихъ послѣднихъ, относительно теоріи изящныхъ искусствъ, я старался познакомить моихъ слушателей съ мнѣніями не столько эстетиковъ-философовъ, сколько литераторовъ, придерживаясь особенно предначертанныхъ мнѣ авторовъ Сульцера и Эбергарда; касательно археологіи я руководствовался также предписанными Эшенбургомъ и Винкельманомъ. Если представляемыя чтенія теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи не имѣютъ надлежащей благовидной наружности, что ни мало не вредитъ существенному ихъ порядку,—то, не говоря уже, что профессору, преслѣдующему отрасль своихъ знаній, мало остается времени заботиться о красивой внѣшности своихъ лекцій, сему причиной и различныя мои обязанности по службѣ, равно домашнія обстоятель-

[1]) Архивъ Московскаго университета, дѣла совѣта, 1831 г., № 356. За переводъ Слова о Полку Игоревѣ Зедергольмъ получилъ золотую табакерку изъ кабинета Его Величества, 25-го октября 1824 года.

[2]) Архивъ Московскаго университета, дѣла совѣта за 1830 г. № 428.

Digitized by Google

ства, не безызвѣстныя совѣту. А посему почтеннѣйшіе члены онаго благоволятъ изъявить свое снисхожденіе къ трудамъ моимъ, бывшимъ небезполезными для моихъ слушателей. Сіе послѣднее даетъ мнѣ также право ласкать себя надеждою, что совѣтъ почтитъ меня благосклоннымъ ходатайствомъ у высшаго начальства объ утвержденіи за мною каѳедры теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи» [1]).

Только 14-го февраля 1831 г. отдѣленіе словесныхъ наукъ, разсмотрѣвъ всѣ поданныя въ конкурсъ сочиненія, опредѣлило донести совѣту, что члены отдѣленія раздѣлились въ своихъ мнѣніяхъ: профессора Болдыревъ (деканъ), Каченовскій и Ульрихсъ (профессоръ всеобщей исторіи) отдаютъ преимущество предъ другими диссертаціи доктора Надеждина, а профессора Ивашковскій, Снегиревъ и Побѣдоносцевъ—лекціямъ адъюнкта Гаврилова. Но А. В. Болдыревъ присоединилъ къ донесенію отдѣленія особое мнѣніе, въ которомъ высказывалъ, что лекціи Гаврилова, представленныя не въ срокъ, нельзя было принимать въ конкурсъ; но если жь и принять ихъ, то и тогда встрѣтилось бы большое затрудненіе въ оцѣнкѣ разнородныхъ трудовъ: „ибо предположимъ", говорилъ Болдыревъ, — „что лекціи г. Гаврилова лучше разсужденій Надеждина и Зедергольма; справедливо ли заключить изъ того, что онъ долженъ быть предпочтенъ Надеждину и Зедергольму?—Ни мало; лекціи г. Гаврилова могли бы быть лучше, ибо онѣ суть плоды нѣсколькихъ лѣтъ, между тѣмъ какъ Надеждинъ и Зедергольмъ трудились надъ своими разсужденіями не болѣе четырехъ или пяти мѣсяцевъ". Далѣе Болдыревъ сомнѣвался въ правѣ экстраорд. проф. Побѣдоносцева участвовать наравнѣ съ ординарными въ сужденіи о достоинствѣ разсматривавшихся сочиненій. Наконецъ, замѣтивъ, что Надеждинъ, какъ докторъ, долженъ имѣть преимущество предъ магистромъ Гавриловымъ, деканъ словеснаго отдѣленія заключалъ такимъ образомъ: „Поступающія въ конкурсъ сочиненія должны быть представляемы безъ подписи имени сочинителя, а означаемы приличными эпиграфами, дабы сочиненіе могло быть разсматриваемо и оцѣняемо безъ всякаго посторонняго вліянія" [2]). Совѣтъ, поставленный въ затрудненіе такимъ раздѣленіемъ голосовъ въ словесномъ отдѣленіи, постановилъ, чтобъ отдѣленіе вошло съ новымъ представленіемъ, въ которомъ достоинства

[1]) Тамъ же. Лекціи Гаврилова были представлены имъ въ совѣтъ въ черновой тетради и въ этомъ видѣ хранятся при дѣлахъ совѣта.

[2]) Арх. М. унив., дѣла совѣта 1831 г., № 97.

Digitized by Google

сочиненій д-ра Надеждина, адъюнкта Гаврилова и пастора Зедергольма были бъ оцѣнены, безъ участія однакожь въ томъ проф. Побѣдоносцева, въ надлежащей полнотѣ. Кромѣ того, соглашаясь съ мнѣніемъ Болдырева относительно порядка, въ какомъ должны быть принимаемы сочиненія конкуррентовъ, совѣтъ положилъ, допустивъ на сей разъ къ конкурсу адъюнкта Гаврилова, руководствоваться впредь указаніями, заключающимися въ мнѣніи декана словеснаго отдѣленія [1]).

Словесное отдѣленіе въ засѣданіи 28-го марта, въ коемъ присутствовали всѣ профессора, участвовавшіе прежде въ подачѣ своего мнѣнія о достоинствахъ сочиненій, представленныхъ конкуррентами, за исключеніемъ Побѣдоносцева,—выслушало письменный отзывъ Каченовскаго, Болдырева и Ульрихса, состоявшій въ слѣдующемъ:

«1) О сочиненіяхъ г. адъюнкта Гаврилова: а) вступительное чтеніе и пр., б) лекціи теоріи изящныхъ искусствъ и эстетики, в) лекціи по предмету археологіи, съ приложенною къ нимъ исторіей искусствъ у Грековъ и Римлянъ. Первое изъ сихъ сочиненій есть ничто иное, какъ краткая вступительная лекція, служащая введеніемъ въ науку. Второе и третье, при всей видимой обширности своей, не содержатъ въ себѣ полнаго объема теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, кои слѣдовало бы привести къ единству науки. Сочинитель, не готовивъ лекцій своихъ въ качествѣ отвѣта на программу, не открываетъ собственнаго своего взгляда на предметъ, и не извлекая сущности изъ авторовъ, онъ переводитъ ихъ мѣстами и не показываетъ ближайшихъ своихъ источниковъ. И потому оба сіи сочиненія, видѣ растянутыя, но не имѣющія полноты внутренней, даже и при относительномъ достоинствѣ своемъ, не содержатъ въ себѣ удовлетворительныхъ отвѣтовъ на требованія задачи, предложенной для конкурса.

«2) О сочиненіяхъ г. пастора Зедергольма: а) De Archaeologia et Aestetices argumento etc. б) Разсужденіе о предметѣ, пространствѣ и успѣхахъ эстетики. Въ первомъ сочиненіи трактуется не объ археологіи, принимаемой въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, не объ археологіи художествъ, соединяемой съ теоріей изящныхъ искусствъ, а вообще о древностяхъ (Antiquitas, Antiquitates), предметѣ, не назначенномъ для особаго преподаванія. Во второмъ сочинитель требуемую уставомъ теорію изящныхъ искусствъ стѣснилъ въ предѣлы эстетики, науки философской, гдѣ разсуждается не объ искусствахъ изящныхъ порознь и вмѣстѣ, а единственно о впечатлѣніяхъ отъ изящества въ душѣ наблюдателя. Къ сему трактату прибавлено: «Нѣчто о классицизмѣ и романтизмѣ». А потому оба сочиненія г. Зедергольма не соотвѣтствуютъ требованіямъ устава.

«3) О сочиненіи г. доктора Надеждина: «Предначертаніе учебнаго изложенія теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи для публичнаго преподаванія».

---

[1]) Дневная записка засѣданія совѣта 18-го февраля 1831 года, стр. 141—142.

Digitized by Google

Сочинитель подводитъ обѣ части подъ одинъ взглядъ; обдумавъ предметъ свой тщательно, излагаетъ оный въ системѣ надлежащимъ образомъ. Нашедъ существенныя точки соприкосновенія между теоріей изящныхъ искусствъ и ихъ исторіей по памятникамъ, то-есть, археологіей, онъ подчиняетъ первой изъ нихъ эстетику, для которой назначаетъ и приличное мѣсто и надлежащее пространство. Сущность науки изложена въ полнотѣ и стройной соразмѣрности. Планъ и метода достойны ученаго трактата; источники оцѣнены съ удовлетворительною вѣрностью, а потому и весь трактатъ вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ устава и программы».

Предложивъ такое мнѣніе о сочиненіяхъ конкуррентовъ, Качеповскій, Болдыревъ и Ульрихсъ отдали преимущество Надеждину, признавъ его достойнымъ занять вышепомянутую каѳедру съ званіемъ ординарнаго профессора; профессора же Ивашковскій и Снегиревъ объявили, что они мнѣніе свое по сему предмету представятъ прямо въ совѣтъ [1]).

Въ чрезвычайномъ засѣданіи совѣта, происходившемъ 8-го апрѣля 1831 года, Ивашковскій и Снегиревъ заявили, что мнѣніе свое могутъ подать только къ слѣдующему засѣданію, и совѣтъ постановилъ: рѣшительное сужденіе о конкурсѣ на каѳедру археологіи и изящныхъ искусствъ отложить [2]). Это сужденіе происходило въ засѣданіи 6 мая. Мнѣніе, представленное на этотъ разъ, написано было отъ имени одного лица, хотя и подписано обоими вышеназванными профессорами. Главнымъ образомъ оно состояло въ нападеніи на общее направленіе въ сочиненіяхъ Надеждина, какъ послѣдователя Шеллинга, и въ критикѣ отдѣльныхъ выраженій въ планѣ, представленномъ имъ на конкурсъ; о сочиненіяхъ же Гаврилова и Зедергольма говорилось вкратцѣ. Странное впечатлѣніе должно было произвести это мнѣніе на членовъ совѣта, между коими было немало послѣдователей Шеллинга. Вотъ это мнѣніе:

«Разсмотрѣвъ три диссертаціи—гг. Надеждина, Зедергольма и Гаврилова, соискателей каѳедры эстетики и археологіи, долгомъ поставляю дать о каждой изъ нихъ свое мнѣніе.

«Прежде, нежели изложу оное о диссертаціи перваго, я считаю за необходимо нужное обратить предварительно вниманіе гг. членовъ совѣта на основанія ученія, избраннаго сочинителемъ. Хотя самъ сочинитель не упоминаетъ, какому ученію предпочтительно слѣдовалъ, но весьма очевидно, что оно принадлежитъ Шеллингу, какъ сіе можно видѣть въ его «трансценденталь-

[1]) Дѣла совѣта Моск. университета за 1831 г., № 208.

[2]) Дневная записка засѣданія совѣта 8-го апрѣля 1831 г., стр. 307—308.

Digitized by Google

номъ идеализмѣ» [1]), и потому желательно прежде всего знать, можетъ ли сіе ученіе быть допущено въ нашемъ университетѣ. Что касается до системы сего разсужденія, то она дѣйствительно представляетъ нѣчто цѣлое и полное, но достоинство ея условливается справедливостію и точностію основанія самаго ученія, и потому если сіи основанія, какъ я упомянулъ выше, допущены быть не могутъ, то и самая система сего ученія достоинства никакого имѣть не можетъ.

«Для критическаго разбора диссертаціи г. Надеждина непремѣннымъ нахожу положить основаніемъ здѣсь слѣдующее: всякое ученое сочиненіе требуетъ необходимо трехъ самонужнѣйшихъ и главныхъ достоинствъ: основательности, ясности и точности. Чтобы судить надлежащимъ образомъ о его первомъ качествѣ, еще нужно принять для руководства два слѣдующія правила: 1) для всѣхъ отвлеченныхъ предложеній должно искать случаевъ *in concreto*, чтобъ увѣриться, что мы не философствуемъ объ однихъ только словахъ; 2) всѣ искусственные термины, сколько можно, перевести на обыкновенный россійскій языкъ. При взглядѣ на планъ диссертаціи г. Надеждина должно сказать, что онъ изложенъ языкомъ запутаннымъ и загадочнымъ, въ чемъ, по видимому, сочинитель полагалъ главное достоинство сочиненія, почему цѣлаго—полноты, надлежащей связи и отношенія между частями, даже при самомъ величайшемъ напряженіи ума, отъ излишней метафизической тонкости выраженій, однимъ взглядомъ обозрѣть весьма затруднительно. Для примѣра приведу краткій разборъ двухъ первыхъ его главъ: сочинитель въ первой части плана разбираетъ метафизику изящнаго: I) *Разложеніе состоянія духовныхъ силъ при ощущеніи изящнаго. Общее понятіе о духовномъ организмѣ. Разумѣніе, хотѣніе, ощущеніе. Объятіе изящнаго ощущеніемъ. Отношеніе ощущенія изящнаго къ ощущенію физическому, нравственному и умственному. Участіе познавательныхъ и желательныхъ силъ въ ощущеніи изящнаго. Виды и характеры* (чего? надлежало бы сказать). *Эстетическая настроенность силъ духовныхъ* (какихъ, не упомянуто), *возбуждаемая ощущеніемъ изящнаго. Стройность, легкость и свобода ихъ развитія—гармонія* (чего?). *Стремленіе къ безконечному. Энтузіазмъ.* (Сіи приведенныя имъ идеи не развиты, по моему мнѣнію, сочинителемъ какъ должно, и не слѣдуютъ одна за другою въ строгомъ логическомъ порядкѣ). II) *Опредѣленіе идеи изящнаго, необходимость предположенія идеи безусловнаго изящества для эстетической настроенности силъ духовныхъ. Она существуетъ непреложно въ умѣ, какъ образъ высшей и безпредѣльной красоты, обрѣтаемой вѣрою въ Богѣ* (сказано неопредѣленно: значитъ ли это, что образъ красоты напечатлѣнъ въ разумѣ твердомъ, или что разумъ самъ имѣетъ возможность и способность составить себѣ такую идею? Этотъ идеалъ красоты, который мы находимъ въ себѣ, обрѣтаемъ вѣрою въ Богѣ. Вѣра никогда не заботилась и не заботится о красотѣ, ни объ идеалѣ красоты,—она имѣетъ въ

[1]) «Въ доказательство сего можно привести одно мѣсто изъ диссертаціи г. Надеждина, гдѣ онъ преимущество самъ отдаетъ Шеллинговой системѣ: «Германія явила высочайшій образецъ систематическаго трансцендентализма въ Шеллингѣ».

Digitized by Google

виду единственно всевозможное нравственное усовершенствованіе человѣка, безъ которой самый тонкій идеализмъ есть въ очахъ ея пустой метеоръ). *Отношеніе идеи изящнаго къ идеямъ истиннаго и добраго* (объ этомъ сочинителемъ сказано очень неудовлетворительно, хотя желательно было бы знать такое важное различіе). *Ея первоначальная схема—гармонія жизни* (выраженія, которыя всякаго остановятъ и заставятъ истребовать предметныхъ объясненій). Затруднить себя дальнѣйшимъ разборомъ плана я не нахожу никакой нужды, потому что почти на каждой строкѣ встрѣчается столько неопредѣленнаго, сбивчиваго и темнаго.

«Въ разсужденіи изложенія, достаточно прочесть двѣ или три страницы диссертаціи Надеждина, чтобъ увѣриться въ темнотѣ и даже несообразности способа выражаться. Въ семъ изложеніи совсѣмъ не видно того изящнаго вкуса, который предполагается въ истолкователѣ изящнаго».

Далѣе рецензентъ высказывался противъ неопредѣленности нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ Надеждинымъ въ конспектѣ, или же противъ выраженій, еще не вполнѣ привившихся тогда къ ученому языку, напримѣръ: людскость въ смыслѣ humanitas, или работная матерія. По поводу этихъ выраженій рецензентъ замѣчаетъ: „Если вышеприведенныя мною выраженія и обороты диссертаціи г. Надеждина неопредѣленностію и сбивчивостію своею затрудняютъ и затемняютъ смыслъ даже для самихъ упражнявшихся въ семъ дѣлѣ, то какой пользы могутъ ожидать учащіеся молодые люди отъ самаго ученія, такимъ языкомъ излагаемаго? По всѣмъ симъ причинамъ я почитаю съ своей стороны справедливымъ отдать преимущество разсужденію г. Гаврилова, который ученіе эстетики и археологіи излагаетъ согласно съ конспектомъ, утвержденнымъ отъ высшаго начальства; если же оно формою своею не вполнѣ соотвѣтствуетъ требованію конкурса, то сіе вознаграждается обширностію сочиненія, точностью и ясностью изложенія, двухлѣтнею опытностію сочинителя въ преподаваніи.... Что касается до разсужденія г. Зедергольма, то его эстетическія начала одинаковы съ началами г. Надеждина, съ тою только разностію, что выражены языкомъ самымъ чистымъ и яснымъ; въ разсужденіи же археологіи, имъ изложенной, я согласенъ съ мнѣніемъ ординарныхъ профессоровъ словеснаго отдѣленія гг. Каченовскаго, Болдырева и Ульрихса“.

Выслушавъ это мнѣніе, значительное большинство членовъ совѣта нашло, что Ивашковскій и Снегиревъ „замѣчаютъ лишь недостатки однихъ частныхъ выраженій, которые нисколько не уменьшаютъ существеннаго достоинства сочиненія Надеждина, о чемъ въ началѣ своего мнѣнія упоминаютъ они даже одобрительно“. Впрочемъ профессора

Digitized by Google

Ф. Ф. Рейсъ, И. И. Давыдовъ и В. М. Котельницкій заявили, что нужно было бы прочитать въ совѣтѣ самое сочиненіе Надеждина. Остальные члены, въ виду мнѣній, представленныхъ профессорами словеснаго отдѣленія, не нашли этого нужнымъ и примкнули къ мнѣнію, благопріятному для Надеждина, прибавивъ однакожь, что, для удостовѣренія въ преподавательскихъ способностяхъ Надеждина, необходимо предложить ему прочитать пробную лекцію [1]). При подписаніи протокола засѣданія Давыдовъ и Котельницкій занесли свой отзывъ, что безъ предварительнаго прочтенія всѣми членами совѣта разсужденій Гаврилова, Надеждина и Зедергольма, они не могутъ приступить къ обсужденію ихъ сравнительныхъ достоинствъ. Тогда профессоръ П. С. Щепкинъ присоединилъ къ своей подписи слѣдующія слова: „Считаю гг. Котельницкаго и Давыдова обязанными дать рѣшительное мнѣніе о достоинствѣ сочиненія г. Надеждина и прочесть его“ [2]). Какъ постановленія факультета и совѣта, такъ и отдѣльныя мнѣнія ихъ членовъ, представлены были чрезъ попечителя министру народнаго просвѣщенія. Только 26-го декабря послѣдовало утвержденіе Надеждина ординарнымъ профессоромъ по искомой имъ каѳедрѣ; а за три недѣли предъ тѣмъ министръ императорскаго двора утвердилъ его въ званіи преподавателя логики, россійской словесности и миѳологіи при Московской театральной школѣ.

Въ теченіе своей службы въ университетѣ Надеждинъ, кромѣ чтенія лекцій и практическихъ занятій со студентами по занимаемой имъ каѳедрѣ, исполнялъ и другія порученія совѣта, а именно: въ теченіе трехъ лѣтъ (1832—1835) онъ былъ членомъ училищнаго комитета; два года (1833—1835) членомъ комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ; годъ (1834—1835) надзирателемъ курсовъ для чиновниковъ, службою обязанныхъ; два года (1833—1835) секрета-

---

[1]) Эта лекція потомъ была напечатана въ журналѣ Надеждина *Телескопъ* (т. III, стр. 131—154) подъ заглавіемъ: «Необходимость, значеніе и сила эстетическаго вкуса».

[2]) Дневная записка засѣданія совѣта Моск. университета 6-го мая 1831 года, стр. 400—402 и приложенія къ ней. Странно послѣ этихъ подлинныхъ извѣстій читать въ автобіографіи Надеждина о его конкурсѣ на университетскую каѳедру слѣдующее: «У меня было нѣсколько соперниковъ, коихъ имена покрыты были, какъ и слѣдуетъ, *тайною*... Наконецъ уже весною въ началѣ 1831 года, я получилъ отъ совѣта университета офиціальное увѣдомленіе, что, изъ представленныхъ въ конкурсъ сочиненій, факультетъ отдалъ предпочтеніе тому, которое, *по открытіи маски*, оказалось принадлежащимъ мнѣ».

Digitized by Google

ремъ университетскаго совѣта; годъ (1834—1835) преподавалъ логику для первокурсныхъ студентовъ, и наконецъ, участвовалъ въ изданіи Ученыхъ записокъ университета. Изъ всѣхъ перечисленныхъ порученій, исполнявшихся Надеждинымъ, болѣе всего слѣдовъ по себѣ оставили въ дѣлахъ университета занятія въ училищномъ комитетѣ. Но прежде чѣмъ сказать о нихъ, а равно и о лекціяхъ Надеждина, не лишне будетъ упомянуть, что за участіе въ изданіи Ученыхъ записокъ ему было объявлено 6-го августа 1834 года [1]) Высочайшее благоволеніе, а за все время его секретарства въ совѣтѣ протоколы засѣданій онаго отличались яснымъ, всегда мотивированнымъ, но въ то же время свободнымъ отъ многословія изложеніемъ, а поправки къ нимъ, принятыя совѣтомъ, вездѣ писаны рукою самого Надеждина.

Какъ въ автобіографіи Надеждина, такъ и въ воспоминаніяхъ другихъ лицъ, бывшихъ въ то время студентами Московскаго университета, сохранилось нѣсколько свѣдѣній о характерѣ и содержаніи лекцій, читанныхъ Надеждинымъ съ университетской каѳедры, а равно и о томъ впечатлѣніи, какое онѣ производили на слушателей. Считаемъ не лишнимъ дополнить извѣстія, взятыя нами изъ архивныхъ документовъ и умалчивающія о преподавательской собственно дѣятельности Надеждина, свидѣтельствомъ современниковъ. Вотъ что говорилъ о томъ самъ Надеждинъ: „Еще въ сочиненіи моемъ на конкурсъ, равно какъ и въ пробной лекціи, я изъяснилъ, что цѣль моего преподаванія археологіи есть историческое оправданіе той теоріи изящныхъ искусствъ, которую я долженъ былъ читать моимъ слушателямъ, а потому буду излагать эту науку, то-есть, археологію, какъ исторію искусствъ, по памятникамъ. Это было одобрено, и оттого моя археологія распространилась въ объемѣ своемъ значительно противъ прежнихъ предѣловъ. До тѣхъ поръ въ кругъ ея допускались только памятники Грековъ и Римлянъ. Я предположилъ касаться памятниковъ искусствъ у всѣхъ древнихъ народовъ, какіе только оставили по себѣ памятники. Вслѣдствіе того, какъ начало моего курса приходилось въ половинѣ года, то я началъ съ сей послѣдней, то-есть, съ археологіи, и именно съ древней Индіи. Руководствъ по этой части, которыми я могъ бы пользоваться, въ то время на русскомъ языкѣ не было, да и нынѣ нѣтъ. Я прибѣгнулъ къ единственнымъ тогда

[1]) Въ *Ученыхъ запискахъ* (1833, ч. I) Надеждинъ помѣстилъ свою рѣчь, сказанную въ торжественномъ собраніи университета: «О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ».

Digitized by Google

бывшимъ у меня подъ рукою источникамъ: Герену, въ его „Ideen", и къ другимъ изслѣдователямъ древностей. Методъ преподаванія моего былъ слѣдующій: я не писалъ лекцій, но предварительно обдумавъ и вычитавъ все нужное, передавалъ живымъ словомъ, что мнѣ было извѣстно, а студенты записывали и давали въ слѣдующій классъ мнѣ отчеты. Такимъ образомъ ни одной лекціи моей не было напечатано; но сохранились у меня кипы тетрадей студентскихъ, которыя я обыкновенно просматривалъ по очереди и исправлялъ или пополнялъ, гдѣ было нужно. Такимъ образомъ, съ 1831 академическаго года до вакаціоннаго времени, я успѣлъ прочесть исторію памятниковъ всѣхъ древнихъ народовъ, собственно до Грековъ. Съ наступленіемъ слѣдующаго 1832 года, пришла очередь теоріи изящныхъ искусствъ. Слѣдуя тому же порядку, я постановилъ и въ слѣдующіе классы преподаванія сей науки держаться отчасти Бутервека, Бахмана и другихъ нѣмецкихъ эстетиковъ. При семъ не могу также не упомянуть, что мнѣ много послужили въ этомъ случаѣ лекціи эстетики, которыя я слушалъ въ духовной академіи у баккалавра, покойнаго П. И. Доброхотова, преподававшаго сей предметъ съ знаніемъ дѣла и съ живымъ одушевленіемъ. Чтобъ имѣть твердую, положительную опору въ своихъ умозрительныхъ изслѣдованіяхъ, я начиналъ съ психологическаго анализа эстетическаго чувства и отсюда выводилъ идею изящнаго, показывая, какъ потомъ эта единая идея раздробляется и съ какими оттѣнками является въ мірѣ изящныхъ искусствъ подъ творческими чертами генія, сообразно требованіямъ вкуса. Изъ этихъ лекцій также не было ничего напечатано. Остались однѣ лишь студентскія записки. Между тѣмъ я вскорѣ замѣтилъ, что при этомъ преподаваніи, важнымъ препятствіемъ для студентовъ было совершенное незнакомство ихъ съ общими правилами умозрѣнія. Тогда не преподавалась въ университетѣ даже логика: это лишало ихъ возможности слѣдить за теоріей. Я обратилъ на то вниманіе совѣта, вызываясь отвратить это неудобство собственнымъ безмезднымъ преподаваніемъ логики. Совѣтъ призналъ пользу этого и исходатайствовалъ мнѣ разрѣшеніе высшаго начальства преподавать логику студентамъ всѣхъ факультетовъ университета перваго курса, что и исполнялось мною чрезъ цѣлый годъ по два, а потомъ и по три раза въ недѣлю. Преподаваніе шло тѣмъ же порядкомъ, то-есть, импровизаціей; но планъ самой науки я расположилъ по-своему, не придерживаясь никакого образца. Я велъ логику совершенно параллельно съ эстетикою, то-есть, начиналъ съ психологическаго

Digitized by Google

разбора чувства истины, или того, что называется убѣжденіемъ, удостовѣреніемъ, и такимъ образомъ восходилъ до идеи истины, которой извѣстныя формулы, называемыя иначе началами мышленія, разъяснялъ потомъ со всею подробностію, наконецъ заключалъ теоріей науки вообще и архитектоникою системъ, что обыкновенно относилось къ такъ-называемой прикладной логикѣ" [1]).

Одинъ изъ слушателей Надеждина, бывшій студентомъ Московскаго университета въ началѣ его службы, П. Прозоровъ, въ своихъ воспоминаніяхъ помѣстилъ такой отзывъ о лекціяхъ Надеждина: „Онъ принесъ съ собою на каѳедру всеобъемлемость Шеллингова воззрѣнія на искусство и свободную, живую импровизацію бесѣдъ, своимъ свѣтлымъ умомъ и необыкновеннымъ даромъ слова умѣлъ самымъ отвлеченнымъ гегелевскимъ понятіямъ сообщить осязаемость и заставилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей ближе познакомиться съ системой тождества и логически-историческимъ ученіемъ о развитіи міроваго духа (Weltgeist) Гегеля, обработавшаго идеальную сторону природы, а другихъ примѣнить впослѣдствіи развитыя имъ идеи и воззрѣнія на изящныя искусства къ литературѣ собственно русской" [2]). Другой изъ слушателей Надеждина, Н. Лавдовскій, такъ выражается о содержаніи его лекцій: „Начиная археологію, Н. И. счелъ нужнымъ сперва раскрыть предъ глазами слушателей сцену, гдѣ должна разыгрываться художественная драма искусствъ индійскаго, вавилонскаго, персидскаго и т. д. Для этого онъ прочиталъ намъ двѣ лекціи о бытѣ, торговлѣ, сношеніяхъ и пр. этихъ древнѣйшихъ странъ,— и въ двѣ лекціи успѣлъ представить все это въ прекрасной, яркой и вразумительной картинѣ. Логику излагалъ Н. И. по Бахману—съ нѣкоторыми измѣненіями. Напримѣръ, желая привести логику въ соотвѣтствіе съ своею теоріей эстетики, онъ ставилъ отправленія мышленія въ такомъ порядкѣ: сужденія, понятія и умозаключенія" [3]).

Особенно сильное впечатлѣніе производилъ г. Надеждинъ на слушателей внѣшнею стороною своихъ лекцій, о чемъ отзывы всѣхъ современниковъ почти одинаковы. Такъ, Максимовичъ, самъ профессоръ ботаники, въ своемъ „Воспоминаніи" [4]), называетъ лекціи На-

---

[1]) См. *Русскій Вѣстникъ* за 1856 г., № 5, стр. 62—64.

[2]) См. *П. Прозорова*, Бѣлинскій и Московскій университетъ въ его время, въ *Библіотекѣ для Чтенія* за 1859 г., № 12, стр. 10.

[3]) См. *Московскія Вѣдомости* 1856 г., № 81.

[4]) См. *Москвитянинъ* 1856 г., № 3, стр. 225—236.

Digitized by Google

деждина живыми импровизаціями, возбуждавшими къ себѣ общее вниманіе и сочувствіе. Н. Лавдовскій, написавшій свое „Воспоминаніе“ по прочтеніи статьи Максимовича, говоритъ въ свою очередь слѣдующее о характерѣ чтеній бывшаго своего профессора: „Лекціи Н. И.“, какъ справедливо замѣчаетъ г. Максимовичъ,—„были, дѣйствительно, импровизаціи. Онъ никогда не приносилъ съ собою въ аудиторію ни одного клочка бумаги, на которомъ былъ бы написанъ хоть планъ его лекціи, хоть какія-нибудь замѣтки для памяти. Изъ этого правила онъ сдѣлалъ нѣсколько разъ исключеніе только въ тотъ годъ, когда читалъ археологію или исторію изящныхъ искусствъ, и сколько могу припомнить, именно тогда, когда читалъ объ искусствѣ индійскомъ, персидскомъ и другихъ древнѣйшихъ азіатскихъ народовъ: тогда онъ приносилъ съ собою на лекцію микроскопическій лоскутокъ бумаги, на которомъ, говорятъ, были записаны для памяти мудреныя и трудныя имена языческихъ божествъ, памятниковъ и пр. этихъ народовъ. Н. И. любилъ употреблять въ своихъ лекціяхъ вмѣстѣ съ философскимъ воззрѣніемъ и философскую терминологію, что̀, впрочемъ, требовалось и самымъ предметомъ (философскимъ) его лекцій. Иные слушатели его, не приготовленные къ тому прежнимъ своимъ воспитаніемъ, не получившіе никакого философскаго образованія, даже не получившіе логическаго образованія въ порядочной степени, не мало затруднялись этимъ, и даже нѣкоторые не скрывали своего неудовольствія, называя это схоластикой, школярствомъ, припоминая тутъ же и все, что̀ не любитъ въ своемъ ученіи молодость, какъ конь—узды. За то другіе, всѣ, кого не затрудняло философское воззрѣніе и философская терминологія, были безъ ума и отъ того, и отъ другой. Способъ выраженія Н. И. употреблялъ самый блестящій, языкъ самый яркій: неожиданныя сравненія, непредвидѣнные антитезы, самыя смѣлыя метафоры, остроумныя сближенія языка ораторскаго и поэтическаго съ обыденною, простою рѣчью и т. д., все это восхищало, поражало, изумляло слушателя. Каждая лекція Н. И. представляла собою цѣлое, полное, замкнутое, стройное, прекрасное. Профессора — такъ водилось тогда — обыкновенно предъ началомъ каждой лекціи назначали кому-нибудь изъ студентовъ составить лекцію, имѣющую быть ими прочитанною, по запискѣ, которую онъ успѣетъ записать съ голоса профессора (и прочіе студенты записывали вслѣдъ за профессоромъ, но для себя, для собственнаго своего употребленія), или послѣ лекціи назначали кому-нибудь сдѣлать это, а на слѣдующей лекціи выслу-

Digitized by Google

бывали—что и какъ сдѣлано по ихъ распоряженію. Бывало, составить иную лекцію, особенно если студентъ былъ плохой скорописецъ,— сущее мученіе. Съ лекціями Н. И. этого вовсе не было: было достаточно запомнить или записать только точку отправленія его мысли, главнѣйшіе пункты и порядокъ; остальное, при составленіи его лекціи, являлось при помощи припоминанія какъ бы само собою, легко и свободно: и составлялась лекція безъ труда, и выходила она изъ рукъ студента чѣмъ-то цѣлымъ, благоустроеннымъ, порядочнымъ, весьма недурнымъ и по содержанію, и по формѣ, и даже по языку. Слушатель выходилъ съ его лекціи съ непоколебимымъ убѣжденіемъ въ истинѣ его словъ. Не смотря на возвышенность своей философской теоріи въ эстетикѣ, онъ умѣлъ съ ясною и точною послѣдовательностью выводовъ излагать ее такъ, что всѣ понимали и принимали ее несомнѣнно. Начала, основанія своей теоріи представлялъ онъ съ такою осязательною отчетливостью и ясностью, что мудрено было ихъ не выразумѣть даже и лѣнивому и неповоротливому уму. Стройная и непреодолимая сила его доказательствъ, его діалектическое искусство могли приводить иногда къ мысли, что онъ способенъ убѣдить слушателя въ чемъ угодно“ [1]).

Особенно памятна была для слушателей Надеждина его лекція, читанная въ сентябрѣ 1832 года, въ присутствіи С. С. Уварова и прибывшихъ съ нимъ посѣтителей. П. Прозоровъ говоритъ: „Предметомъ лекціи было объясненіе идеи безусловной красоты, являющейся подъ схемою гармоніи жизни, о ея осуществленіи въ Богѣ подъ образомъ вѣчной отчей любви къ творенію и проявленіи въ духѣ человѣческомъ стремленіемъ къ безконечному, божественнымъ восторгомъ, а въ душѣ художника образованіемъ идеаловъ. Студенты, записывавшіе лекцію, бросили свои перья, чтобы чрезъ записываніе не проронить ни одного слова, и только смотрѣли на профессора, котораго глаза горѣли огнемъ вдохновенія; одушевленный голосъ сопровождался оживленностью физіономіи, живостью движеній, торжественностью самой позы; даже посторонніе посѣтители, вмѣсто тяжелой неподвижности, которую соблюдали на лекціяхъ другихъ профессоровъ, невольно обратились къ профессору и смотрѣли на него, какъ будто на оракула. Уваровъ, пораженный возвышенностью развиваемаго имъ предмета и изящнымъ изложеніемъ, спросилъ Н. И—ча: понимаютъ-ли его студенты? Профессоръ отвѣ-

[1]) См. *Моск. Вѣд.* 1856 г., № 81.

Digitized by Google

чалъ, что по журналамъ (запискамъ) его лекцій онъ утвердительно можетъ сказать, что слушатели вполнѣ его понимаютъ. Сергій Семеновичъ, обращаясь къ прибывшимъ съ нимъ посѣтителямъ, тихо и неслышно сказалъ: „Читаетъ лучше, чѣмъ пишетъ". А писалъ Надеждинъ, какъ это было извѣстно тогда каждому, прекрасно (въ смыслѣ стиля, а не почерка, котораго нельзя было похвалить)" [1]). Профессоръ Максимовичъ, бывшій на этой лекціи, подтверждаетъ произведенное ею впечатлѣніе, говоря: „Надеждинъ и въ ту лекцію, по своей особенной привычкѣ, сидя на каѳедрѣ, то навивалъ себѣ на палецъ цѣлый платокъ, то распускалъ его во всю длину; а между тѣмъ въ продолженіе часа онъ пересказалъ ученіе Канта и Фихте объ изящномъ такъ ясно и красиво, какъ одинъ только Павловъ умѣлъ въ своихъ писанныхъ, округленныхъ лекціяхъ излагать намъ глубокомысленныя, но темнословныя теоріи нѣмецкихъ геніевъ.... Краснорѣчивый писатель-министръ, по выходѣ изъ аудиторіи, сказалъ сопровождавшимъ его профессорамъ: „Въ первый разъ вижу, чтобы человѣкъ, который такъ дурно пишетъ, могъ говорить такъ прекрасно! "Слогъ первопечатныхъ статей Надеждина не нравился вообще въ литературномъ кругу, будучи еще не устроенъ, излишне витіеватъ, недовольно художественъ" [2]). Важно то, что посѣщеніе С. С. Уварова, какъ свидѣтельствуетъ Максимовичъ,—было неожиданно. Лавдовскій говоритъ, что посѣтители явились уже съ четверть часа спустя послѣ начала лекціи, и когда С. С. Уваровъ предложилъ Надеждину продолжать лекцію, послѣдній „не измѣнилъ ни тона голоса, ни обыкновеннаго положенія своего на каѳедрѣ, даже не прервалъ нити той мысли, которую прежде прихода министра началъ выражать, и повторилъ только нѣсколько словъ начатаго имъ періода". Лекцію эту, продолжавшуюся около полутора часовъ, Лавдовскій называетъ настоящимъ потокомъ волшебнаго, увлекательнаго краснорѣчія и говоритъ, что очень многіе желали имѣть хоть какой-нибудь списокъ ея, но никто изъ студентовъ не записывалъ за профессоромъ, чтобы только слушать его.

Кромѣ внутреннихъ и внѣшнихъ достоинствъ, которыми отличались лекціи Надеждина, онъ привлекалъ къ себѣ своихъ слушателей деликатнымъ обращеніемъ съ ними, что̀ въ то время не было общимъ правиломъ, а съ нѣкоторыми изъ своихъ студентовъ На-

---

[1]) См. *Библ. для Чтенія* за 1859 г., № 12, стр. 10—11.

[2]) См. *Москвитянинъ* 1856 г., № 3, стр. 226.

Digitized by Google

деждинъ былъ даже въ очень близкихъ отношеніяхъ. Не лишне будетъ замѣтить, что въ числѣ его слушателей находились: В. Г. Бѣлинскій, Н. В. Станкевичъ, О. М. Бодянскій и К. С. Аксаковъ. Объ отношеніяхъ къ первому имѣется такой разказъ П. Прозорова: „Образовался литературный кружокъ у своекоштнаго студента Станкевича, который жилъ тогда у профессора Павлова. Бѣлинскій переселился въ квартиру Николая Ивановича въ домѣ Саларина, подлѣ Страстнаго монастыря. И здѣсь привелось мнѣ быть у Виссаріона Григорьевича по особому случаю. По распоряженію товарища министра народнаго просвѣщенія Уварова, посѣщавшаго въ то время каждый день профессорскія лекціи, назначено было, въ числѣ прочихъ, и мнѣ говорить съ профессорской каѳедры лекцію. Предметомъ лекціи я выбралъ развитіе идей о творческой силѣ въ искусствѣ или геніѣ. Николай Ивановичъ, выслушавъ наши приготовительныя чтенія и приготовясь къ отвѣтамъ на могущія встрѣтиться со стороны Уварова возраженія, обратился ко мнѣ и сказалъ: „Я вполнѣ надѣюсь на васъ“. Обрадованный словами любимаго профессора, я прямо устремился въ комнату Бѣлинскаго передать ему о будущихъ нашихъ чтеніяхъ. Виссаріонъ Григорьевичъ, заваленный книгами и французскими журналами, доканчивалъ тогда свои „Литературныя мечтанія“. Кто только посѣщалъ лекціи Надеждина, не хотѣлъ вѣрить, что эти „Мечтанія“ писаны Бѣлинскимъ, а не Надеждинымъ. Такъ они были проникнуты духомъ редактора Телескопа и Молвы. Составляя записки полнаго курса эстетики Надеждина и будучи членомъ литературнаго студенческаго общества, я могу хорошо отличить, что̀ въ этихъ мечтаніяхъ принадлежитъ Надеждину, и что̀ Бѣлинскому. Изъ своекоштныхъ студентовъ занимался составленіемъ лекцій Надеждина Н. В. Станкевичъ, которому я сообщилъ въ пособіе записки эстетики профессора Московской духовной академіи Доброхотова (о которомъ упоминается въ автобіографіи Надеждина). Сочувствуя вполнѣ восторженному удивленію молодаго поколѣнія къ плодотворной дѣятельности Бѣлинскаго, я обязанъ сказать однако, что онъ въ первые годы своей литературной дѣятельности былъ только сознательнымъ органомъ выраженія идей Надеждина. Какъ редакторъ журнала, Николай Ивановичъ, найдя въ Бѣлинскомъ человѣка, одареннаго эстетическимъ пониманіемъ, вполнѣ способнаго развивать его мысли и излагать ихъ въ изящной формѣ, сообщилъ молодому таланту философско-художественное направленіе для послѣдующей независимой дѣятельности. Когда талантъ Бѣлинскаго созрѣлъ подъ благотворнымъ вліяніемъ Надеж-

Digitized by Google

дина, онъ пошелъ далѣе своего учителя въ приложеніи къ литературѣ, какъ это и должно быть по закону прогресса, тѣмъ болѣе, что дѣятельность Надеждина приняла болѣе обширные размѣры, чѣмъ одна изящная литература" [1]). Слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что наиболѣе подготовленные изъ слушателей Надеждина, студенты старшихъ курсовъ, бывавшіе въ кружкѣ Н. В. Станкевича, изъ коихъ нѣкоторые названы выше, относились, хотя и сочувственно, но взыскательнѣе къ содержанію его лекцій, чѣмъ тѣ, съ отзывами которыхъ читатели уже познакомились. Такъ, К. С. Аксаковъ, въ своемъ „Воспоминаніи студентства 1832—1835 годовъ", говоритъ: „Надеждинъ производилъ, съ начала своего профессорства, большое впечатлѣніе своими лекціями. Онъ всегда импровизировалъ. Услышавъ умную, плавную рѣчь, почуявъ, такъ сказать, воздухъ мысли, молодое поколѣніе съ жадностью и благодарностью обратилось къ Надеждину, но скоро увидѣло, что ошиблось въ своемъ увлеченіи. Надеждинъ не удовлетворилъ серьезнымъ требованіямъ юношей; скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серьезныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе, справедливо и строго оцѣнивъ Надеждина, студенты его любили, и уже не увлекаясь, охотно слушали его рѣчь. Я помню, что Станкевичъ, говоря о недостаткахъ Надеждина, прибавлялъ, что Надеждинъ много пробудилъ въ немъ своими знаніями, и что если онъ (Станкевичъ) будетъ въ раю, то Надеждину за то обязанъ [2]). Тѣмъ не менѣе, благодарный ему за это пробужденіе, Станкевичъ чувствовалъ бѣдность его преподаванія. Надеждина любили за то еще, что онъ былъ очень деликатенъ съ студентами, не требовалъ, чтобъ они ходили на лекціи, не выходили во время чтенія, и вообще не любилъ никакихъ полицейскихъ пріемовъ. Это студенты очень цѣнили, и конечно, ни у кого не было такой тишины на лекціяхъ, какъ у Надеждина. Обладая текучею рѣчью, закрывая глаза и покачиваясь на каѳедрѣ, онъ говорилъ безъ умолку, и случалось, что проходилъ назначенный часъ, а онъ продолжалъ читать (онъ былъ крайнимъ). Однажды, до поступленія моего на второй

---

[1]) *Библіотека для Чтенія* за 1859 г., № 12, стр. 12—14.

[2]) Н. В. Станкевичъ былъ съ 1831 по 1835 г. постояннымъ сотрудникомъ *Телескопа* и *Молвы*, издававшихся Надеждинымъ, и живя у профессора М. Г. Павлова, имѣлъ частые случаи бесѣдовать съ Надеждинымъ, посѣщавшимъ Павлова. См. *П. В. Анненкова*, Н. В. Станкевичъ. Переписка его и біографія (М. 1857); стр. 2—3, 34—37.

Digitized by Google

курсъ, прочелъ онъ два часа слишкомъ, и студенты не напомнили ему, что срокъ его лекціи давно прошелъ“ [1]).

Для полноты очерка ученой дѣятельности Надеждина въ средѣ Московскаго университета, слѣдуетъ упомянуть еще о его участіи въ трудахъ Общества любителей россійской словесности, состоящаго при университетѣ съ 1811 года. Надеждинъ избранъ былъ въ члены этого общества въ 1834 году, во время предсѣдательства М. Н. Загоскина, когда оно уже клонилось къ упадку отчасти по недостатку матеріальныхъ средствъ, отчасти по другимъ причинамъ. Въ первомъ же засѣданіи послѣ своего избранія Надеждинъ обратился къ сочленамъ съ рѣчью, въ которой самымъ рѣшительнымъ образомъ указывалъ на необходимость безотлагательныхъ мѣръ для оживленія угасавшей дѣятельности общества. „Настоящая минута есть рѣшительная для нашего общества“, говорилъ онъ,—„я не причисляю теперешняго нашего собранія къ числу тѣхъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ засѣданій, которыя съ нѣкотораго времени составляютъ всю исторію нашего общества, и которыхъ все дѣйствіе ограничивалось составленіемъ протокола, припечатываемаго въ газетахъ и потомъ тихо, безмолвно пріобщаемаго къ прочимъ таковымъ же. Судя по себѣ, я полагаю, что мы всѣ утомились достаточно прошедшимъ, хотя это прошедшее—скажемъ откровенно—состояло въ совершенномъ бездѣйствіи. Общество находится теперь въ такомъ положеніи, что ему надо не продолжать, а начинать вновь свое существованіе. Уже нѣсколько лѣтъ отъ него существуетъ только имя въ адресъ-календарѣ.... Въ послѣдніе годы мы ограничивали всю нашу дѣятельность выборомъ членовъ; мы ихъ выбрали довольно; но изъ этихъ новыхъ сочленовъ былъ ли тотъ одинъ, который увѣдомилъ бы общество, хоть изъ приличія, что онъ принялъ выборъ его съ признательностію? Кто теперь дорожитъ его дипломомъ? Но что я говорю: дипломомъ? Общество само чувствуетъ свое положеніе; оно уже и не посылаетъ никому дипломовъ; оно даже не можетъ посылать ихъ, еслибъ и хотѣло, потому что нечѣмъ ихъ печатать: доска, послѣдній остатокъ его существованія, и та погибла! Ее, говорятъ, удержали за долги въ типографіи, и можетъ быть, также продадутъ съ молотка, какъ продаютъ теперь наши Труды“.... Надеждинъ

---

[1]) См. газету *День* 1862 г., № 40, стр. 3. Надеждинъ былъ также въ числѣ обычныхъ посѣтителей на вечерахъ С. Т. Аксакова, о чемъ упоминаетъ Максимовичъ въ *Москвитянинѣ* за 1856 г., № 3, стр. 226.

Digitized by Google

думалъ, что прежняя программа для дѣятельности общества, состоявшая въ распространеніи свѣдѣній о правилахъ и образцахъ здравой словесности, а также въ доставленіи публикѣ обработанныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, отжила свой вѣкъ, а потому предлагалъ сочленамъ измѣнить цѣль и направленіе своей дѣятельности, обративъ ее на изслѣдованіе исторіи русскаго языка и русской словесности. „Пусть каждый, кто изъявитъ желаніе", говорилъ онъ,—„возьметъ себѣ по выбору ту часть, которая къ нему ближе, которою онъ преимущественно занимался, и обработываетъ постепенно ея важнѣйшія явленія, сообразно предположенной точкѣ зрѣнія. Относительно произведеній собственно народной словесности, мы имѣемъ уже между нашими сочленами людей, трудящихся надъ разными ея частями — именно: надъ пословицами—г. Снегирева, надъ сказками—г. Макарова, надъ пѣснями—г. П. Кирѣевскаго. Пусть они ими и занимаются, имѣя въ виду цѣль общества. Что жь касается до памятниковъ собственно книжной словесности, то я думаю, можетъ быть слѣдующее раздѣленіе. Я возьму себѣ нашу духовную словесность, какъ учено-богословскую, такъ и литературно-проповѣдническую, съ присовокупленіемъ литературы учено-философической, которая у насъ немногочисленна и большею частію принадлежитъ писателямъ духовнаго чина. Г. Шевыревъ пусть займется изящною словесностію, то-есть, поэзіей и краснорѣчіемъ или витійствомъ въ собственномъ смыслѣ (кромѣ духовнаго). Г. предсѣдатель не откажется, конечно, облегчить его трудъ, отдѣливъ для себя изъ круга поэтическихъ произведеній театръ, гдѣ онъ въ своей дачѣ. Г. Погодинъ есть законный владѣлецъ литературы исторической. Исторія юридическаго нашего языка, начиная съ древнѣйшихъ грамотъ, можетъ быть предоставлена г. Морошкину. Языкъ естественныхъ наукъ, по части физики, химіи и сельскаго хозяйства, поручимъ г. проф. Павлову, а по части натуральной исторіи г. Максимовичу. Для медицинскихъ наукъ мы не имѣемъ у себя работника; но я предлагаю обществу избрать въ члены свои г. адъюнкта К. Лебедева, извѣстнаго своими сочиненіями по сей части, который, я увѣренъ, не откажется участвовать въ нашихъ трудахъ. Исторіи языка математическихъ наукъ будемъ ожидать отъ г. Перевощикова. Не знаю, къ кому обратиться по части технологіи и военныхъ наукъ; но со временемъ вѣрно найдутся желающіе принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Наконецъ, довершить сію работу изложеніемъ и разборомъ всѣхъ опытовъ грамматикъ и риторикъ, бывшихъ доселѣ у насъ, кому приличнѣе, какъ

Digitized by Google

не г. Давыдову?“ [1]). Извѣстно однакожь, что предложеніе Надеждина не было осуществлено, и общество вскорѣ прекратило свои засѣданія.

Переходимъ къ трудамъ Надеждина въ должности члена училищнаго комитета при Московскомъ университетѣ. Тогда учебными дѣлами цѣлаго округа непосредственно завѣдывалъ совѣтъ университета подъ ближайшимъ наблюденіемъ попечителя. Не только учебная и хозяйственная дѣятельность низшихъ и среднихъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія въ округѣ была управляема университетскимъ совѣтомъ, но и самое назначеніе служащихъ въ этихъ заведеніяхъ, представленіе ихъ къ наградамъ или взысканія съ нихъ по службѣ шли также чрезъ университетскій совѣтъ. Кромѣ того, учебныя заведенія всѣхъ другихъ вѣдомствъ въ томъ же округѣ, за исключеніемъ духовныхъ и военныхъ, должны были ежегодно представлять въ университетскій совѣтъ отчеты о ходѣ преподаванія въ нихъ вмѣстѣ со списками служащихъ и учащихся [2]). Такая обширная дѣятельнось, продолжавшаяся до 1836 года, разумѣется, требовала раздѣленія занятій между членами совѣта. А потому внутри университетскаго управленія, въ качествѣ подчиненныхъ совѣту инстанцій, существовало нѣсколько учрежденій, между коими и раздѣлены были дѣла учебнаго округа: такъ, надзоромъ за хозяйственною частію во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ Демидовскаго училища высшихъ наукъ въ Ярославлѣ и оканчивая приходскими училищами, завѣдывало правленіе университета, которое въ то время состояло изъ ректора, проректора, декановъ четырехъ факультетовъ, непремѣннаго засѣдателя изъ профессоровъ, безъ подписи коего не выходила ни одна бумага изъ правленія, и синдика, избиравшагося до 1831 г. также изъ профессоровъ.

Всѣ исчисленныя должности не могли уже соединяться ни съ какими другими по университету и его округу, кромѣ профессорской. Синдикъ правленія обыкновенно командировался, въ качествѣ депутата университета, въ гражданскія и уголовныя палаты при разсмотрѣніи послѣдними дѣлъ обоего рода, если они касались интересовъ учебныхъ заведеній, и только уголовныхъ, если

---

[1]) См. *П. Савельева*, «Участіе Надеждина въ Трудахъ Московскаго общества любителей россійской словесности», въ *Библіографическихъ запискахъ* за 1858 г., № 17, стр. 541—544.

[2]) Такихъ учебныхъ заведеній насчитывалось въ 1828 году 13. См. дѣло архива Моск. унив. за 1828 г., № 747.

Digitized by Google

они касались лицъ учебнаго вѣдомства. Въ виду этихъ обязанностей въ синдики всегда избирались профессора этико-политическаго, то-есть, юридическаго факультета. Всѣ дѣла по хозяйственной части, превышавшія компетенцію правленія, шли чрезъ совѣтъ къ попечителю и далѣе къ министру. Въ числѣ этихъ дѣлъ были, между прочимъ, дѣла по управленію крестьянами, принадлежавшими университетской типографіи и Демидовскому училищу. Для управленія учебною частію въ округѣ существовалъ училищный комитетъ, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, засѣдали шесть человѣкъ, избиравшіеся совѣтомъ на каждый учебный годъ преимущественно изъ ординарныхъ профессоровъ всѣхъ факультетовъ, но изъ медицинскаго рѣже другихъ. На этомъ-то комитетѣ, членомъ коего Надеждинъ былъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, и лежало управленіе текущими учебными дѣлами въ округѣ и надзоръ за служащими по этой части. Всѣ распоряженія комитета, касавшіяся перемѣнъ въ личномъ составѣ служащихъ или въ ходѣ преподаванія, отчасти утверждались совѣтомъ, отчасти, по представленію послѣдняго, попечителемъ и министромъ. Ежегодно, по назначенію совѣта, производился осмотръ среднихъ и низшихъ училищъ въ двухъ, трехъ, а иногда и четырехъ, губерніяхъ по очереди не только членами училищнаго комитета, но иногда и другими профессорами. Такіе осмотры назывались визитаціями, а лица, ихъ производившія, визитаторами. Эти визитаціи могли производиться во всякое время года, разумѣется, отвлекая членовъ училищнаго комитета отъ ихъ профессорскихъ занятій. Но съ другой стороны, отчеты визитаторовъ, сопровождавшіеся мнѣніемъ училищнаго комитета и разсмотрѣнные совѣтомъ, будучи отосланы чрезъ попечителя въ министерство, доставляли послѣднему обильныя свѣдѣнія о состояніи училищъ, давали ему указанія на мѣры, какія были необходимы для улучшенія учебнаго дѣла, и даже заключали въ себѣ предположенія какъ о наградахъ, такъ и взысканіяхъ для служащихъ въ округѣ. Такихъ визитаторскихъ порученій, во время своего трехлѣтняго служенія въ училищномъ комитетѣ, Надеждинъ имѣлъ четыре: въ маѣ 1833 года онъ осмотрѣлъ Московскую гимназію; въ февралѣ 1834 года—Тверскую гимназію, уѣздныя и приходскія училища въ Твери, Торжкѣ, Вышнемъ-Волочкѣ и Клину; въ іюлѣ и августѣ того же года былъ визитаторомъ въ Рязанской и Тульской губерніяхъ; наконецъ, въ сентябрѣ того же года обозрѣвалъ 1-ю Московскую гимназію, уѣздныя и приходскія училища въ Москвѣ. Отчеты, поданные Надеждинымъ послѣ этихъ визитацій, сохранились въ архивѣ уни-

Digitized by Google

верситета и могутъ дать понятіе не только о его личныхъ взглядахъ на состояніе учебнаго дѣла въ то время, но и вообще на значеніе подобныхъ визитацій, принесшихъ свою долю пользы народному просвѣщенію въ Россіи. Мы остановимъ наше вниманіе лишь на визитаціяхъ 1834 года, какъ обнимавшихъ большее число училищъ.

Изъ донесенія училищнаго комитета университетскому совѣту отъ 29-го мая 1834 г. видно, какъ производилъ Надеждинъ осмотръ училищъ Тверской губерніи [1]). О зданіи, въ которомъ помѣщалась губернская гимназія, онъ отзывался неодобрительно, называя его очень тѣснымъ, и предлагалъ, чтобы правленіе университета вошло въ непосредственныя сношенія съ губернскимъ предводителемъ дворянства, который готовъ передать гимназіи принадлежащій дворянству домъ, если поправка и приспособленіе его будутъ приняты на счетъ дирекціи. По вопросу объ открытіи благороднаго пансіона при Тверской гимназіи Надеждинъ узналъ, что, хотя директоръ И. И. Лажечниковъ и сносится о томъ постоянно съ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ, но никакихъ мѣръ еще не принято къ учрежденію пансіона и даже неизвѣстно, до какой степени простирается участіе въ этомъ дѣлѣ почетнаго попечителя гимназіи г. Львова, который имѣетъ болѣе способовъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ начальствующими въ губерніи лицами; а потому Надеждинъ полагалъ „предоставить ректору университета отнестись къ попечителю Тверской гимназіи съ тѣмъ, чтобъ онъ, согласно § 225 устава 1828 г., содѣйствовалъ съ своей стороны къ изысканію и приготовленію лучшихъ средствъ для открытія пансіона. Греческій языкъ не преподавался тогда въ Тверской гимназіи, но желавшіе учиться ему между ея учениками были. Надеждинъ, опираясь на послѣднее обстоятельство, а также на мнѣніе директора, нашелъ, что введеніе греческаго языка въ кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Тверской гимназіи, гдѣ обучаются большею частію разночинцы, готовящіеся къ поступленію въ университетъ, вполнѣ соотвѣтствовало бы мѣстнымъ потребностямъ, а потому и предлагалъ вызвать въ университетъ рекомендованнаго директоромъ для занятія мѣста учителя греческаго языка, студента Дерптскаго университета, г. Шилинга „для испытанія въ знаніи и способности преподаванія по гимназическому курсу“. Замѣтивъ въ высшихъ классахъ недостатокъ учебныхъ книгъ для перевода съ латинскаго языка, Надеждинъ совѣтовалъ пріобрѣсти чрезъ универ-

[1]) Дѣло архива Моск. унив. за 1834 г., № 231.

Digitized by Google

ситетскаго коммисіонера Ширяева необходимое количество изданій Саллюстія, Тита Ливія, рѣчей Цицерона и одъ Горація. Такой же совѣтъ данъ былъ имъ относительно пріобрѣтенія для физическаго кабинета наиболѣе необходимыхъ при ученіи инструментовъ. Затѣмъ онъ далъ наставленія гимназическому совѣту касательно усиленія практическихъ занятій въ русской словесности, а также въ географіи, предложивъ во время уроковъ послѣдней черченіе картъ на доскѣ. Въ Тверскомъ уѣздномъ училищѣ Надеждинъ замѣтилъ недостаточное и по способу, и по объему преподаваніе закона Божія. Училищный комитетъ, выслушавъ донесеніе визитатора о томъ, предписалъ директору Тверскихъ училищъ распорядиться, чтобы столь важный предметъ былъ преподаваемъ съ должною полнотой и стараніемъ со стороны законоучителя, а о штатномъ смотрителѣ училища г. Шамшинѣ немедленно донести: когда исполнится 25-лѣтній срокъ его службы? Въ Торжкѣ г. Надеждинъ обратилъ вниманіе на ветхое состояніе дома, въ которомъ помѣщалось уѣздное училище; комитетъ сообщилъ о томъ правленію университета для зависящихъ отъ него распоряженій. Въ Клинскомъ уѣздномъ училищѣ г. Надеждинъ нашелъ законоучителя, не совсѣмъ способнаго къ преподаванію; училищный комитетъ предписалъ Московскому директору принять мѣры къ опредѣленію другаго достойнаго наставника, а до тѣхъ поръ вмѣнить настоящему законоучителю въ обязанность стараться объ успѣшнѣйшемъ преподаваніи. Найдя, что Тверская гимназія, не смотря на краткость времени, истекшаго послѣ своего образованія, весьма удовлетворительна по учебной части, и при дознаніи во время визитаціи усердіи наставниковъ, обѣщаетъ и впредь удовлетворять самымъ лучшимъ надеждамъ, что по части хозяйственной и дѣлопроизводства существуетъ въ ней надлежащій порядокъ, и что честь такого общаго благоустройства принадлежитъ преимущественно директору И. И. Лажечникову, коего отличныя способности и ревность ко благу ввѣренной ему дирекціи обнаружились на опытѣ во время обозрѣнія, Надеждинъ обращалъ вниманіе училищнаго комитета на заслуги Лажечникова и вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ, какъ отличныхъ по способностямъ и усердію чиновниковъ, инспектора Флоренсова, законоучителя Ловягина, старшихъ учителей, Владимірскаго, Будревича, Небабу, Смирнова и Ананьева, а также штатныхъ смотрителей Новоторжскаго и Вышневолоцкаго училищъ Карасева и Тюкина. Училищный комитетъ съ своей стороны счелъ долгомъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о награжденіи Ла-

Digitized by Google

Лажечникова, изъявить признательность инспектору, старшимъ учителямъ и штатнымъ смотрителямъ отъ имени университета, который „при удобномъ случаѣ не преминетъ содѣйствовать къ приличному ихъ награжденію и надѣется, что они впредь своимъ постояннымъ усердіемъ и дѣятельностію оправдаютъ ожиданія начальства"; ректору же университета комитетъ предоставилъ обратить благосклонное вниманіе мѣстнаго архіепископа на отличное усердіе законоучителя гимназіи и просить его о поощреніи полезныхъ для юношества трудовъ этого достойнаго наставника, указавъ притомъ также, какъ на заслуживающихъ полное одобреніе, законоучителей Новоторжскаго и Вышневолоцкаго училищъ. Кромѣ того, училищный комитетъ, по представленію Надеждина, объявилъ отъ себя признательность тремъ учителямъ Новоторжскаго училища, изъяснивъ, что начальство будетъ имѣть ихъ въ виду: а директору Тверскихъ училищъ предписалъ, чтобъ и онъ съ своей стороны старался по возможности о поощреніи названныхъ учителей, и если встрѣтятся какія-либо средства оказать имъ пособіе или награду со стороны дирекціи, донесъ бы о томъ своевременно комитету. Далѣе обращено было вниманіе Лажечникова на то, что штатный смотритель Вышневолоцкихъ училищъ г. Тюкинъ состоялъ на службѣ въ учебномъ вѣдомствѣ болѣе 25 лѣтъ и имѣлъ уже знакъ отличія за двадцать лѣтъ, почему и предлагалось директору представить его за столь долговременное служеніе съ примѣрнымъ усердіемъ къ награжденію на общихъ правилахъ. Наконецъ, Надеждинъ обратилъ вниманіе комитета на состояніе двухъ приходскихъ училищъ въ Твери, наставники которыхъ, священникъ Климовъ и діаконъ Скобниковъ, получали за помѣщеніе училищъ въ своихъ домахъ и за преподаваніе только по 80 р. въ годъ, при чемъ Скобниковъ содержалъ училище уже 25 лѣтъ. Комитетъ предписалъ директору, чтобъ онъ озаботился пріисканіемъ средствъ къ назначенію бо́льшаго вознагражденія этимъ наставникамъ, стараясь склонить къ тому общества, на счетъ коихъ содержатся тѣ училища, и чтобы донесъ комитету, не имѣетъ ли дирекція средствъ выдать имъ единовременныя пособія; а Тверскаго архіепископа рѣшено было увѣдомить чрезъ ректора университета о столь полезной службѣ Колосова и Скобникова и просить о возможномъ поощреніи ихъ со стороны духовнаго начальства.

Кромѣ этихъ частныхъ, касавшихся лицъ, замѣчаній, Надеждинъ затронулъ въ своемъ отчетѣ три вопроса болѣе общаго характера— о преподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ, о составѣ гимназическихъ

Digitized by Google

совѣтовъ и кругѣ ихъ дѣятельности, о средствахъ къ содержанію приходскихъ училищъ. Обращаясь къ предложеннымъ визитаторомъ общимъ замѣчаніямъ о учебныхъ заведеніяхъ, училищный комитетъ нашелъ:

1) «Что предположенія его касательно способа преподаванія учебныхъ предметовъ въ уѣздныхъ училищахъ и русской словесности въ гимназіи совершенно соотвѣтствуютъ цѣли учрежденія сихъ заведеній, обѣщаютъ существенную пользу для учащихся въ общежитіи и согласны съ постановленіемъ начальства, а потому и полагаетъ постановленія поставить на видъ преподавателямъ, для непремѣннаго наблюденія и исполненія, что признаетъ полезнымъ сообщить по всему Московскому учебному округу. 2) По возникшему въ Тверской гимназіи недоумѣнію, какое участіе долженъ имѣть совѣтъ гимназіи въ управленіи всѣми училищами, и кто долженъ составлять отчеты о учебныхъ заведеніяхъ, который на основаніи § 119 представляется два раза въ годъ совѣту, и по какой формѣ,—комитетъ полагаетъ, что, кромѣ изложенныхъ въ уставѣ 1828 года дѣлъ, относящихся до гимназическаго совѣта, г. директоръ обязанъ представлять на разсмотрѣніе онаго совѣта всѣ тѣ обстоятельства, встрѣчающіяся въ управленіи учебныхъ заведеній, на кои нѣтъ опредѣлительныхъ постановленій въ семъ уставѣ и предписаніяхъ начальства, и кои не прямо до него или другаго чиновника относятся; назначеніе же сихъ случаевъ и при оныхъ взаимныхъ отношеній директора и членовъ совѣта, зависитъ отъ собственнаго ихъ благоразумія и единодушнаго стремленія ко благу учебныхъ заведеній. Вообще гимназическій совѣтъ не долженъ упускать изъ виду главнѣйшей своей обязанности, чтобы чрезъ взаимныя личныя совѣщанія чиновниковъ и преподавателей сохранить надлежащій порядокъ и устройство, требуемые законами въ учебныхъ заведеніяхъ, и изыскивать средства къ возможному ихъ усовершенствованію во всѣхъ отношеніяхъ; а какъ въ уставѣ сказано, что совѣтъ состоитъ изъ директора, инспектора и старшихъ учителей, то училищный комитетъ, согласно мнѣнію г. визитатора, почитаетъ непротивнымъ сему узаконенію допустить въ собраніе онаго законоучителя, по важности преподаваемаго имъ предмета. Отчеты о состояніи училищъ должны быть составляемы въ канцеляріи дирекціи, подъ руководствомъ секретаря совѣта и непосредственнымъ надзоромъ г. директора; форма же оныхъ можетъ быть опредѣлена самимъ совѣтомъ съ тѣмъ, чтобы въ сихъ отчетахъ заключались подробныя свѣдѣнія о гимназіи и училищахъ по учебной и хозяйственной частямъ, изъ коихъ совѣтъ могъ бы сдѣлать общее заключеніе о состояніи учебныхъ заведеній дирекціи. 3) Хотя приходскія училища необходимо должны быть во всѣхъ городахъ отдѣлены отъ уѣздныхъ училищъ, существованіе при коихъ такъ-называемыхъ пріуготовительныхъ классовъ производитъ важный безпорядокъ въ ученіи, что замѣчено г. визитаторомъ въ Клину,—но какъ по дѣламъ комитета видно, при введеніи въ прошломъ году новаго устава, г. министръ просвѣщенія, для предупрежденія могущей быть остановки въ начальномъ ученіи, необходимомъ для соблюденія постепенности въ народномъ образованіи, предписывалъ, чтобы существующія въ Московскомъ учебномъ округѣ начальныя училища или пріуготовительные при уѣздныхъ учили-

Digitized by Google

щахъ классы, пользующіеся содержаніемъ и помѣщеніемъ отъ казенныхъ учебныхъ заведеній, преобразовывать по уставу 1828 года постепенно, по мѣрѣ того, какъ откроваться будетъ возможность замѣнить оныя приходскими училищами на точномъ основаніи сего устава, а между тѣмъ склонять общества или частныхъ владѣльцевъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся подобныя заведенія, къ принятію оныхъ на свое содержаніе и къ доставленію имъ удобнаго и приличнаго помѣщенія, о каковомъ распоряженіи министра дано знать въ то же время для исполненія гг. директорамъ; но нынѣ вновь предписать: а) г. директору Московскихъ училищъ донести, не имѣется ли способовъ къ отдѣленію приуготовительнаго при Клинскомъ уѣздномъ училищѣ класса, согласно съ постановленіями устава, равно какъ и въ другихъ уѣздныхъ училищахъ, а дабы вмѣстѣ съ симъ озаботился о учрежденіи училищъ приходскихъ въ городахъ, поставя градскимъ обществамъ на видъ необходимость и пользу оныхъ, для обученія первымъ предметамъ, безъ коихъ дѣти не могутъ быть принимаемы въ уѣздныя училища, и что одно благодѣтельное снисхожденіе начальства дозволяетъ донынѣ принимать въ сіи заведенія безъ всякихъ приуготовительныхъ свѣдѣній; б) а тверскому директору предписать, чтобы по сношенію съ мѣстнымъ начальствомъ постарался назначить особое помѣщеніе для Вышневолоцкаго приходскаго училища. Что жъ касается до полученія приходскими учителями весьма скуднаго оклада жалованья, то комитетъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе г. визитатора, что сіе обстоятельство имѣетъ важное вліяніе на устройство приходскихъ училищъ, столь необходимыхъ для первоначальнаго народнаго образованія, и которыя, не смотря на видимую маловажность предметовъ ученія, имѣютъ нужду въ достойныхъ и опытныхъ наставникахъ, но сего невозможно достигнуть, когда учителя сихъ заведеній, не пользующіеся правами, по службѣ государственной предоставленными чиновникамъ казенныхъ училищъ, должны довольствоваться жалованьемъ менѣе 100 рублей въ годъ. Посему, для возможнаго улучшенія состоянія сихъ чиновниковъ, комитетъ почелъ совершенно справедливымъ, чтобы суммы, отпускаемыя приказомъ общественнаго призрѣнія и градскою думою въ пособіе вообще на учебныя заведенія Тверской губерніи, простирающіяся до 1,000 р., изъ коихъ не издерживается и половины на приходскія училища, обращать если не всѣ, то гораздо большую часть на содержаніе сихъ послѣднихъ; ибо, хотя, по уставу 1828 г. въ §§ 79 и 184, гимназіи и уѣздныя училища должны содержаться на суммы, отпускаемыя для сего приказами и думами, но сіи учебныя заведенія къ поддержанію своему не могутъ имѣть особой нужды въ таковомъ пособіи, получая нынѣ несравненно болѣе прежняго штатной суммы, и сверхъ того, уѣздныя училища пользуются пожертвованіями почетныхъ смотрителей, между тѣмъ какъ училища приходскія должны содержаться на суммы, отпускаемыя градскими думами, и даже существовавшій въ оныхъ сборъ съ учащихся теперь рѣшительно прекращенъ;—при чемъ комитетъ полагаетъ, что правило сіе объ обращеніи суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе приходскихъ училищъ въ городахъ въ большемъ количествѣ, полезно бы распространить и на всѣ дирекціи съ разрѣшенія начальства; ибо вообще замѣченъ крайній недостатокъ въ содержаніи сихъ заведеній и въ особенности весьма малый окладъ жалованья, получаемый учителями.

Digitized by Google

«За симъ комитетъ, усматривая изъ отчета г. визитатора примѣрное усердіе и дѣятельность его при обозрѣніи въ столь краткое время упомянутыхъ гимназій и училищъ, о состояніи коихъ представлены имъ не только подробныя свѣдѣнія, но и сдѣланы столь полезныя для благоустройства оныхъ замѣчанія, предложенныя же имъ для улучшенія способа преподаванія мѣры вообще признаются вполнѣ соотвѣтствующими цѣли учрежденія учебныхъ заведеній, почитаетъ долгомъ своимъ ходатайствовать, чтобы сіи особенные труды профессора Надеждина представить благосклонному вниманію начальства,—каковое мнѣніе, съ приложеніемъ подлиннаго отчета, училищный комитетъ честь имѣетъ представить на благоусмотрѣніе совѣта университета» [1]).

Согласно обычному порядку, отчетъ Надеждина, вмѣстѣ съ мнѣніемъ училищнаго комитета, былъ представленъ совѣтомъ чрезъ попечителя министру. Послѣдній, усмотрѣвъ, что Надеждинъ „не только представилъ подробныя свѣдѣнія объ осмотрѣнныхъ имъ училищахъ, но и сдѣлалъ полезныя для благоустройства оныхъ замѣчанія и весьма основательныя предположенія для улучшенія хода преподаванія“, объявилъ ему отъ 19-го іюля свою признательность, обѣщалъ имѣть въ виду рекомендованныхъ имъ чиновниковъ при назначеніи наградъ и прислалъ представленную ему почетнымъ попечителемъ Тверской гимназіи Львовымъ смѣту на постройку гимназическаго дома съ пансіономъ, для разсмотрѣнія оной въ правленіи университета. А 31-го октября того же года министръ отвѣчалъ и на предположеніе о расходованіи суммъ, поступающихъ вообще на учебныя заведенія отъ приказовъ общественнаго призрѣнія и городскихъ думъ:

«Соглашаясь совершенно въ необходимости предоставить приходскимъ училищамъ надлежащія средства къ ихъ усовершенствованію, я не могу однакожь безусловно утвердить сказанное предположеніе. Училища сіи, на основаніи устава учебныхъ заведеній 8-го декабря 1828 года, должны содержаться въ городахъ на полномъ иждивеніи городскихъ обществъ, слѣдовательно, на сихъ обществахъ лежитъ и обязанность отпускать на приходскія училища такую сумму, какая необходима для приличнаго содержанія училищъ и удовлетворенія учителей достаточнымъ жалованьемъ, не имѣя никакого права требовать посторонняго на сей предметъ пособія. Съ другой стороны, гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ, по тому же уставу, предоставлены суммы, отпускаемыя въ пособіе отъ приказовъ и думъ, и хотя сіи учебныя заведенія получаютъ на содержаніе свое достаточныя суммы изъ казны, но тѣмъ не менѣе вышесказанныя пособія бываютъ для нихъ неизлишни, особенно на чрезвычайные расходы. По симъ соображеніямъ я не иначе могу

[1]) Донесеніе училищнаго комитета совѣту университета отъ 29-го мая 1834 года.

Digitized by Google

согласится на обращеніе въ пользу городскихъ приходскихъ училищъ нѣкоторой части изъ отпускаемыхъ приказами и думами суммъ въ пособіе вообще на учебныя заведенія, какъ только дѣйствительнаго остатка отъ сихъ суммъ, за удовлетвореніемъ всѣхъ надобностей гимназій и уѣздныхъ училищъ по каждой губерніи и по отдѣленіи извѣстной части въ экономическую сумму оныхъ на непредвидимые расходы. Чтожъ касается до такихъ пособій, которыя отпускаются приказами или думами на то или другое изъ сихъ заведеній именно, а не вообще на училища, то оныя должны непремѣнно поступать въ пользу того заведенія, для котораго предназначены. Имѣя честь сообщить о семъ вашему сіятельству для предложенія къ руководству ввѣреннаго вамъ университета, долгомъ считаю присовокупить, что училищное начальство обязано склонять городскія общества къ прибавкѣ пособій тѣмъ городскимъ приходскимъ училищамъ, на содержаніе коихъ недостаточно отпускаемыхъ уже суммъ, поставляя имъ на видъ, что собственная польза городскихъ обывателей, въ отношеніи къ обучающимся въ сихъ заведеніяхъ дѣтямъ ихъ требуетъ нѣкотораго съ ихъ стороны пожертвованія» [1]).

Обозрѣніе училищъ Рязанской и Тульской губерній любопытно въ томъ отношеніи, что Надеждинъ нашелъ нужнымъ на мѣстѣ же сдѣлать два распоряженія, требовавшія, по его мнѣнію, немедленнаго исполненія, а училищный комитетъ одобрилъ ихъ, и совѣтъ университета утвердилъ. Такъ, въ Крапивенскомъ уѣздномъ училищѣ онъ встрѣтилъ учителемъ исторіи и географіи бывшаго студента Московскаго университета по физико-математическому факультету Нарбута, который утвержденъ былъ въ этомъ званіи, на основаніи представленія директора, по экзамену, произведенному въ совѣтѣ Тульской гимназіи, между тѣмъ какъ должность учителя ариѳметики и геометріи оставалась не занятою, и преподаваніе этихъ наукъ поручено было временно штатному смотрителю Успенскому. Полагая, что Нарбутъ болѣе способенъ къ преподаванію математическихъ наукъ, чѣмъ историческихъ, и узнавъ отъ него, что онъ самъ желалъ бы посвятить себя преподаванію первыхъ, Надеждинъ произвелъ ему испытаніе въ нихъ и нашелъ, что желаніе его совершенно основательно и обѣщаетъ несравненно бо̀льшую пользу для учениковъ, чѣмъ прежнее распоряженіе, почему и предложилъ штатному смотрителю, достаточно свѣдущему въ исторіи и географіи, взять на себя временное преподаваніе ихъ, а Нарбуту поручить ариѳметику и геометрію также временно, впредь до распоряженія училищнаго комитета. Точно также въ Скопинскомъ уѣздномъ училищѣ учитель русскаго языка Екимецкій, утвержденный въ этомъ званіи по представленію директора,

[1]) Дѣло архива Моск. унив. 1834 года, № 231.

Digitized by Google

преподавалъ временно и ариѳметику съ геометріей за неимѣніемъ для нихъ отдѣльнаго учителя. Надеждинъ, замѣтивъ, что къ преподаванію послѣднихъ наукъ Екимецкій имѣетъ болѣе способности, чѣмъ къ русской граматикѣ, предложилъ ему остаться навсегда учителемъ математики, на что тотъ изъявилъ свое согласіе; въ учители же русскаго языка Надеждинъ рекомендовалъ бывшаго преподавателя Скопинскаго духовнаго училища Боголѣпова изъ перворазрядныхъ студентовъ семинаріи, который и заявилъ готовность подвергнуться надлежащему испытанію въ самомъ училищномъ комитетѣ [1]). Что касается другихъ замѣчаній, сдѣланныхъ имъ во время этой визитаціи, то прежде всего стоитъ упомянуть, что въ Тульской губерніи онъ обратилъ вниманіе на необходимость постройки новыхъ зданій для самой гимназіи и уѣздныхъ училищъ въ Алексинѣ, Бѣлевѣ, Новосилѣ и Черни и представилъ въ комитетъ мнѣнія о томъ же почетнаго попечителя гимназіи гр. Бобринскаго и почетныхъ смотрителей названныхъ училищъ. Въ гимназіи, во время пріѣзда Надеждина, ученіе еще не начиналось послѣ бывшаго въ городѣ пожара, а потому онъ ограничился разсмотрѣніемъ представленныхъ учителями записокъ о пройденныхъ ими предметахъ, изъ чего, а равно и изъ личныхъ объясненій, увидалъ, что всѣ предметы гимназическаго курса, согласно уставу 1828 г., предлагались съ достаточною полнотою за исключеніемъ латинскаго языка, а нѣмецкому вовсе не обучали за неимѣніемъ преподавателя, и что учителей математики Ситина слѣдовало бы перевести въ высшіе классы, а Семенова—въ низшіе, поручивъ одному изъ нихъ преподаваніе математической географіи. Изъ уѣздныхъ училищъ отличнымъ оказалось Одоевское, плохимъ Ефремовское, остальныя хорошими, притомъ во всѣхъ денежные капиталы въ цѣлости и дѣлопроизводство въ порядкѣ. Особыхъ приходскихъ училищъ не оказалось въ Тулѣ, Алексинѣ, Крапивнѣ, Одоевѣ, Черни и Ефремовѣ; въ замѣнъ того существовали приготовительные классы при уѣздныхъ училищахъ, вопреки уставу 1828 года. Предлагая напомнить о томъ Тульскому директору, Надеждинъ находилъ также нужнымъ предписать ему, чтобъ онъ „постарался въ городѣ Бѣлевѣ чрезъ мѣстное гражданское начальство, дабы дѣти не были обучаемы лицами, не имѣющими на то права и преданными расколу, но поступали въ общественныя приходскія и уѣздныя училища, преподаватели коихъ съ своей стороны обязаны

[1]) Дѣло архива Москов. унив. 1834 г., № 344.

Digitized by Google

употреблять всѣ средства къ истребленію вредныхъ предразсудковъ и снискать общую довѣренность, любовь и уваженіе жителей. Но какъ назначенный епархіальнымъ начальствомъ законоучителемъ въ Бѣлевское уѣздное училище священникъ Соколовъ, не пользуясь довѣренностію гражданъ, не можетъ съ желаемымъ успѣхомъ занимать сію важную должность, то предоставить г. ректору испросить архипастырскаго благословенія Тульскаго епископа на опредѣленіе законоучителемъ священника Оболенскаго, котораго визитаторъ рекомендуетъ, основываясь на общемъ желаніи жителей города Бѣлева". Далѣе Надеждинъ нашелъ нужнымъ, чтобъ училищный комитетъ напомнилъ почетнымъ смотрителямъ училищъ: Алексинскаго полковнику Обрѣзнову и Крапивенскаго надворному совѣтнику Елагину, весьма рѣдко посѣщавшимъ эти училища, о ихъ обязанностяхъ, а Елагину, обѣщавшему при вступленіи въ должность выстроить приличный домъ для училища и не исполнившему того, предложить, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ доставилъ училищу удобную квартиру. За симъ Надеждинъ представлялъ о необходимости открыть приходское училище въ селѣ Нарышкинѣ Крапивенскаго уѣзда, принадлежавшемъ князю С. М. Голицыну, и хвалилъ частный пансіонъ въ Тулѣ, содержавшійся коллежскимъ ассесоромъ Бехазели, а учителю ланкастерской школы совѣтовалъ отправиться въ Тулу для пріобрѣтенія необходимыхъ по его занятіямъ свѣдѣній. Наконецъ, поименовавъ отличныхъ по своему усердію къ службѣ чиновниковъ въ Тульской дирекціи, Надеждинъ просилъ строжайшаго выговора служившимъ въ Ефремовскомъ училищѣ, кромѣ законоучителя, и вмѣненія въ обязанность директору доносить комитету о дальнѣйшей службѣ этихъ лицъ по истеченіи каждой трети года. Рязанская дирекція уже отчасти была знакома Надеждину съ той поры, когда онъ служилъ профессоромъ въ тамошней семинаріи. Отзывъ его объ учебныхъ заведеніяхъ этой дирекціи сводился къ слѣдующему: Въ гимназіи по всѣмъ предметамъ ученіе шло съ довольною стройностью и представляло похвальный образецъ порядка, связности и полноты, обѣщавшихъ со временемъ блестящіе успѣхи; помѣщеніе очень удобное и даже великолѣпное; учебныхъ пособій достаточно, кромѣ сочиненій новѣйшихъ писателей на русскомъ и иностранныхъ языкахъ; дѣла въ должномъ порядкѣ; благородный пансіонъ найденъ отлично устроеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Уѣздныя училища оказались въ общемъ ниже училищъ Тульской дирекціи, за исключеніемъ Рязанскаго и Данковскаго; но суммы вездѣ въ цѣлости, часть хозяйственная и архивныя дѣла въ

Digitized by Google

порядкѣ; учебныя пособія въ достаточномъ количествѣ. Что касается приходскихъ училищъ, то они во всѣхъ городахъ, кромѣ Рязани, Данкова и Раненбурга, существовали нераздѣльно отъ уѣздныхъ въ качествѣ приготовительныхъ классовъ, и отпускавшіяся на нихъ городскими думами суммы были очень скудны. Назвавъ и на этотъ разъ между служившими въ дирекціи отличнѣйшихъ по примѣрному усердію и способностямъ, Надеждинъ предложилъ нѣсколько перемѣщеній въ видахъ служебной пользы, что̀ и было исполнено комитетомъ. Наконецъ, онъ склонилъ комитетъ объявить почетному смотрителю Раненбургскихъ училищъ, Львову, чтобъ „онъ въ точности исполнялъ возложенную на него обязанность, если желаетъ оставаться при настоящемъ мѣстѣ службы, и что начальство всякое съ его стороны упущеніе не оставитъ впредь безъ должнаго взысканія". На возвратномъ пути въ Москву Надеждинъ осмотрѣлъ уѣздныя училища въ Бронницахъ, Коломнѣ, Серпуховѣ и Подольскѣ. Всѣ они, кромѣ перваго, найдены были имъ въ разстроенномъ состояніи, какъ по учебной, такъ и по хозяйственной частямъ, главною причиною чего было уклоненіе почетныхъ смотрителей отъ своихъ обязанностей. Вслѣдствіе такого донесенія Надеждина, училищный комитетъ предписалъ директору Московскихъ училищъ обращать дѣятельнѣйшее вниманіе на помянутыя заведенія, поставилъ на видъ почетнымъ смотрителямъ, какъ непріятно начальству ихъ служебное бездѣйствіе, а штатнымъ смотрителямъ и учителямъ сдѣлалъ строгое замѣчаніе за небрежное исполненіе своихъ должностей, изъяснивъ, что если они впредь не окажутъ бо́льшаго усердія и способностей, то будутъ уволены отъ службы по учебному вѣдомству. Особенное вниманіе комитета обратилъ Надеждинъ на состояніе 4-класснаго Ларинскаго училища, находившагося въ Рязанской дирекціи и пользовавшагося огромными капиталами отъ своего благотворителя. Еще въ 1830 г. главное правленіе училищъ положило увеличить зданія этого училища пристройками, скупить для его усадьбы нѣкоторые изъ сосѣднихъ крестьянскихъ дворовъ, увеличить число воспитанниковъ, усилить жалованье наставникамъ и ввести преподаваніе бухгалтеріи, коммерческой ариѳметики и рисованія. Многія изъ этихъ предположеній не были исполнены до визитаціи Надеждина, который и предложилъ немедленно ввести въ этомъ училищѣ преподаваніе коммерческихъ наукъ, бухгалтеріи и всеобщей исторіи, назначить учителямъ жалованье по штату уѣздныхъ училищъ, опредѣлить особаго штатнаго смотрителя и пріобрѣсти покупкою нѣкоторые близлежащіе крестьянскіе дворы,

Digitized by Google

именно Попова и Бубнова. Кромѣ того, онъ нашелъ, что и самыя суммы, назначенныя на содержаніе училища, поступаютъ весьма поздно. О послѣднемъ обстоятельствѣ сообщено было правленію университета; а для скорѣйшаго исполненія остальныхъ преобразованій, которыя должны были принести несомнѣнную пользу для окрестныхъ жителей, занимавшихся постоянно торговыми промыслами, комитетъ вошелъ въ сношенія съ Рязанскимъ губернаторомъ и директоромъ тамошнихъ училищъ, чтобы, по полученіи отъ нихъ необходимыхъ свѣдѣній, представить потомъ подробное донесеніе о состояніи Ларинскаго училища въ министерство [1]).

Визитація Московской гимназіи, а также уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, находящихся въ Москвѣ, произведена была Надеждинымъ вмѣстѣ съ профессоромъ физики, технологіи и сельскаго хозяйства М. Г. Павловымъ. Они подробно вникали въ преподаваніе всѣхъ гимназическихъ предметовъ. Болѣе всего остались довольными успѣхами въ математикѣ. Латинскій языкъ нашли очень удовлетворительно изучаемымъ въ трехъ низшихъ классахъ: „ученики очень хорошо знаютъ грамматику и могутъ довольно правильно переводить краткія фразы изустно не только съ латинскаго на русскій, но и съ русскаго на латинскій, даже читаютъ отчасти Корнелія Непота“. Въ четырехъ высшихъ классахъ замѣченъ былъ недостатокъ разнообразія въ читаемыхъ писателяхъ: „все тотъ же Корнелій Непотъ и нѣсколько одъ Горація въ послѣднемъ классѣ“. Вслѣдъ за осмотромъ гимназіи профессорами учитель въ этихъ классахъ былъ перемѣненъ. Преподаваніе греческаго языка найдено было неполнымъ вслѣдствіе недавняго преобразованія гимназіи, ибо „что касается учителя, то его свѣдѣнія, способности и усердіе“—такъ отзывались визитаторы,—„заслуживаютъ полное одобреніе и обѣщаютъ впредь должные успѣхи“. Относительно русской словесности визитаторы предлагали, чтобы новому учителю, имѣвшему быть назначеннымъ, внушено было „заниматься не столько теоріей словесности, сколько практикою, которая должна состоять не только въ занятіи учениковъ собственными сочиненіями на заданныя темы, но и въ разборѣ отличнѣйшихъ произведеній отечественныхъ писателей съ выучиваніемъ ихъ наизусть, по крайней мѣрѣ въ избранныхъ отрывкахъ. Бывшій учитель занималъ своихъ учениковъ переводами съ латинскаго на русскій; его занятіе достойно одобренія и можетъ быть продолжаемо съ большою пользою“. Визитаторы пред-

[1]) Дѣло архива Моск. унив. 1835 года, № 223.

Digitized by Google

лагали только допускать иногда и переводы съ новыхъ языковъ. При урокахъ логики, по ихъ мнѣнію, сухая теорія должна быть поясняема практикою, то-есть, упражненіемъ учениковъ въ составленіи силлогизмовъ по разнымъ формамъ, логическихъ опредѣленій и анализомъ предложеній, примѣнительно къ грамматикѣ и риторикѣ. Преподаваніе исторіи, хотя и достаточное по полнотѣ, оказалось неудовлетворительнымъ по методѣ: „учитель заставлялъ учениковъ прежде выучивать наизусть уроки, а потомъ объяснялъ имъ оные", что̀ визитаторы предлагали дѣлать въ обратномъ порядкѣ. Въ урокахъ статистики имъ желательно было видѣть большей современности приводимыхъ фактовъ. Учитель русской грамматики и географіи въ низшихъ классахъ былъ также переведенъ вслѣдствіе визитаціи Надеждина и Павлова. Они желали, чтобъ его преемнику внушено было обращать наиболѣе вниманія на практическія упражненія въ обоихъ предметахъ. Общее замѣчаніе о низшихъ классахъ состояло въ томъ, что чрезвычайная многочисленность служила весьма важнымъ препятствіемъ къ уравненію успѣховъ между ними и очень затрудняла учителей. Тогда въ 1-й Московской гимназіи всѣхъ учащихся было 488, при 11 учащихъ и 11 начальствующихъ, надзирающихъ и вообще служащихъ. При ней были два пансіона, изъ коихъ въ благородномъ находилось 40 воспитанниковъ, а въ пансіонѣ разночинцевъ 116, въ томъ числѣ на иждивеніи приказа общественнаго призрѣнія 40. Всѣ они помѣщались просторно и опрятно. Спальни, равно какъ и рекреаціонныя залы, содержались въ чистотѣ, платье и бѣлье—въ надлежащемъ видѣ, добротѣ и опрятности. Столъ найденъ здоровымъ и вкуснымъ. Гимназическая библіотека признана довольно обширною и хорошо помѣщенною. Только относительно географическихъ пособій визитаторы высказали мнѣніе, что „слѣдовало бы умножить число картъ и имѣть оныя въ нѣсколькихъ экземплярахъ для классовъ, сообразно обширности ихъ и числу учащихся, чтобы всѣ ученики имѣли предъ глазами карту изучаемой земли и слѣдовали по ней за учителемъ". По поводу освидѣтельствованія гимназическихъ суммъ, найденныхъ въ цѣлости, визитаторы замѣтили, что въ ящикѣ было слишкомъ много остаточныхъ суммъ, „тогда какъ, по существующимъ постановленіямъ, всѣ избытки наличныхъ суммъ, коимъ не предвидится скораго употребленія, должны немедленно отсылаться въ кредитныя мѣста для приращенія процентами".

Городскія училища Москвы въ то время дѣлились на уѣздныя и приходскія. Трехклассныхъ уѣздныхъ было три: въ первомъ. или

Digitized by Google

собственно городскомъ, находилось 82 ученика; во второмъ, преобразованномъ изъ Петропавловскаго приходскаго 52; въ третьемъ, преобразованномъ изъ приходскаго Трехсвятительскаго, 64. Штатные смотрители уѣздныхъ училищъ завѣдывали и приходскими двухклассными. Къ первому приписаны были: Бутырское съ 58 учениками, Никитское со 166, Арбатское со 161; ко второму—Алексѣевское со 154 учениками и Вознесенское съ 77; къ третьему—Адріановское со 199 и Богоявленское со 117. Громадное большинство учениковъ принадлежало къ купеческому и мѣщанскому сословіямъ; между учащимися было 14 дѣвочекъ. Отозвавшись вообще благосклонно о внѣшнемъ порядкѣ и успѣхахъ какъ въ уѣздныхъ, такъ и въ приходскихъ училищахъ Москвы, визитаторы сочли нужнымъ высказать о нихъ слѣдующія общія замѣчанія:

«1) Какъ уѣздныя, такъ и приходскія училища терпятъ крайній недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ, особенно вновь открытыя уѣздныя, которыя вовсе не имѣютъ библіотекъ. Въ разсужденіи приходскихъ училищъ недостатокъ сей должно было бъ восполнять градскому обществу, на иждивеніе коего они содержатся. Но какъ городская дума отпускаетъ въ пособіе гимназіи и училищамъ 12,190 р., да приказъ общественнаго призрѣнія ежегодно 15,000 р., отчего въ 1828 г. послѣ всѣхъ издержекъ накопилось остатковъ почти до 4,000 р., а въ 1833 г. въ декабрѣ найдено нами было болѣе 10,000 р., то кажется, можно было бъ отдѣлять отъ сихъ суммъ ежегодно извѣстное количество на снабженіе училищъ нужными пособіями, безъ чего никакихъ прочныхъ успѣховъ ожидать невозможно. Сбереженіе остатковъ похвально только тогда, когда всѣ существенныя нужды будутъ удовлетворены по возможности. 2) Равнымъ образомъ считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на крайне бѣдное жалованье приходскихъ учителей, которое не представляетъ никакой соразмѣрности съ ихъ трудами, почти равняющимися здѣсь въ Москвѣ съ трудами учителей уѣздныхъ. Доколѣ состояніе ихъ не будетъ возможно улучшено, дотолѣ нельзя надѣяться прочныхъ успѣховъ въ сихъ заведеніяхъ, составляющихъ первоначальную степень народнаго образованія. 3) Число училищъ приходскихъ, сравнительно съ обширностію и народонаселеніемъ Москвы, чрезвычайно мало. Потребность размноженія ихъ доказывается чрезвычайнымъ накопленіемъ учениковъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Да и просто разсуждая, можно ли вообразить, чтобы все Замоскворѣчье могло довольствоваться однимъ приходскимъ училищемъ. Такъ какъ открытіе ихъ должно зависѣть отъ содѣйствія градскаго общества, то дирекція и даже самъ университетъ могъ бы войдти въ сношенія съ онымъ по сему предмету. На первый же разъ можно было бы, кажется, открыть таковыя при уѣздныхъ училищахъ въ качествѣ приготовительныхъ классовъ. 4) Въ уѣздныхъ училищахъ обучаются большею частію дѣти изъ купеческаго и мѣщанскаго сословія, не приготовляющіяся къ продолженію наукъ въ гимназіи. Почему весьма полезно было бъ открыть при нихъ дополнительные курсы наукъ, относящихся къ промышленности и тор-

Digitized by Google

говлѣ, испросивъ на сіе пособіе градскаго общества, которое, вѣроятно, постигнетъ пользу, могущую произойдти отсюда. 5) Метода ученія въ приходскихъ училищахъ требуетъ существеннаго измѣненія. Она доселѣ состоитъ въ затверживаніи наизусть почти механическомъ. Сами учителя на испытаніяхъ спрашиваютъ по книгамъ, что было замѣчено имъ. Сверхъ того, въ предметахъ преподаванія нѣтъ однообразія и разборчивости, примѣнительно къ потребностямъ обучающихся. Такъ, въ нѣкоторыхъ училищахъ обучаютъ славянской грамматикѣ, что, по нашему мнѣнію, совсѣмъ не нужно, равно пространному катихизису, который долженъ быть предоставленъ для уѣздныхъ училищъ. Между тѣмъ въ одномъ только преподаются исторія и географія, которыя, кажется, полезно было бъ ввести вмѣсто помянутыхъ наукъ въ сіи училища, ограничивъ ихъ Россіей по краткости времени ученія. Наконецъ, 6) однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ сохраненію какъ приходскихъ, такъ и уѣздныхъ училищъ въ должномъ видѣ считаемъ болѣе внимательный надзоръ и какъ можно болѣе частое посѣщеніе ихъ директоромъ» [1]).

Какъ за службу по университету вообще, такъ и за визитацію училищъ Тверской, Рязанской и Тульской губерній, Надеждину высочайше пожаловано было, по удостоенію комитета министровъ, отъ 16-го апрѣля 1835 года, въ единовременное награжденіе 1000 р. изъ хозяйственной суммы университета; а 15-го мая того же года онъ получилъ совершенную признательность министра народнаго просвѣщенія за обозрѣніе 1-й Московской гимназіи, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ Москвѣ. Но это уже были послѣдніе шаги Надеждина на университетской службѣ.

Еще въ засѣданіи совѣта, происходившемъ 28-го февраля 1835 года, доложено было прошеніе Надеждина объ увольненіи его въ отпускъ въ Петербургъ на двадцать-восемь дней по собственнымъ дѣламъ, и въ томъ же засѣданіи слушалась просьба объ увольненіи его отъ службы, при чемъ представлено было свидѣтельство профессора І. Е. Дядьковскаго о томъ, что Надеждинъ „страдая съ давняго времени застарѣлою ломотною болѣзнію, не подлежащею лѣченію обыкновенными фармацевтическими средствами, имѣетъ нужду въ постоянномъ и продолжительномъ употребленіи натуральныхъ водъ, при содѣйствіи при томъ теплаго климата, и что безъ сихъ пособій излѣченіе его болѣзни совершенно невозможно“. Совѣтъ университета, опредѣливъ представить о просьбѣ Надеждина попечителю, счелъ своею обязанностію прибавить, что „хотя, съ своей стороны, не считаетъ себя въ правѣ удерживать кого-либо изъ чиновниковъ своихъ противъ ихъ воли въ университетѣ, однако не можетъ не изъявить въ семъ случаѣ сожа-

[1]) Дѣло архива Моск. унив. 1835 г., № 17.

Digitized by Google

лѣнія, лишаясь достойнаго члена"; въ донесеніи же попечителю прописаны были всѣ служебныя заслуги Надеждина [1]). Разумѣется, изъ оффиціальныхъ бумагъ нельзя видѣть всѣхъ побужденій, заставившихъ Надеждина просить объ увольненіи отъ университетской службы. Но болѣзнь не была единственною причиною того; къ ней присоединилось еще то обстоятельство, что, по новому уставу, который предположено было ввести съ 1836 года, каѳедра изящныхъ искусствъ и археологіи закрывалась. Какъ бы то ни было, въ томъ же засѣданіи исправленіе должности секретаря совѣта, въ которой состоялъ Надеждинъ, поручено было профессору Н. С. Васильеву, впослѣдствіи утвержденному въ ней. Министръ, съ своей стороны, согласившись 2-го апрѣля, стало быть уже послѣ поѣздки Надеждина въ Петербургъ и свиданія съ нимъ, на увольненіе его отъ Московскаго университета, просилъ однакожь совѣтъ „сдѣлать распоряженіе о томъ только тогда, когда Надеждинъ по обстоятельствамъ своимъ будетъ имѣть надобность въ совершенномъ увольненіи, нынѣ же освободить его отъ всѣхъ, лежащихъ на немъ по университету обязанностей, кромѣ чтенія лекцій" [2]). Тѣмъ не менѣе въ дневныхъ запискахъ совѣтскихъ засѣданій, весьма частыхъ въ то время, Надеждинъ съ марта постоянно аттестовался не читавшимъ лекцій то по нахожденію въ отпуску или командировкѣ, то по болѣзни. Съ 13-го марта онъ уже не присутствуетъ и въ засѣданіяхъ совѣта. Въ маѣ Надеждинъ сдалъ университетскій кабинетъ профессору М. П. Погодину, а въ засѣданіи совѣта 29-го мая слушалось прошеніе о совершенномъ увольненіи его отъ университета съ выдачей аттестата. Удовлетворивъ этой просьбѣ, совѣтъ въ то же время поручилъ декану словеснаго отдѣленія, по случаю скораго отъѣзда Надеждина изъ Москвы, назначить экзаменъ изъ предметовъ, преподаваемыхъ имъ студентамъ II-го и III-го курсовъ, 31-го числа того же мѣсяца [3]). Между тѣмъ, изъ послужнаго списка Надеждина и изъ письма М. Н. Загоскина къ ректору университета А. В. Болдыреву отъ 3-го мая 1836 г. видно, что Надеждинъ продолжалъ преподавать русскую словесность въ Московскомъ театральномъ училищѣ до 26-го февраля того же года; а 15-го апрѣля, возвратившись изъ-за границы, онъ обращался съ просьбой въ совѣтъ

---

[1]) Дневная записка совѣтскаго засѣданія 27-го февраля 1835 г., стр. 27 и 32.

[2]) Дневная записка засѣданія совѣта 17-го апрѣля 1835 г., ст. 7, и дѣла архива Моск. унив., 1835 г., № 35.

[3]) Дневная записка засѣданія совѣта 29-го мая 1835 г., ст. 19 и 21.

Digitized by Google

университета о производствѣ его въ чинъ коллежскаго совѣтника, законный срокъ для полученія коего имъ выслуженъ былъ при университетѣ; но министръ предоставилъ ему самому просить сенатъ о томъ [1]). Нелишне будетъ замѣтить, что по той же причинѣ, то-есть, вслѣдствіе преобразованія университета согласно уставу 1835 года, должны были оставить ученую службу и тѣ три профессора словеснаго отдѣленія, которые подавали свой голосъ противъ порученія Надеждину каѳедры теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, Ивашковскій, Снегиревъ и Побѣдоносцевъ. Изъ защитниковъ его Ульрихсъ вышелъ въ отставку еще въ 1832 году, а Болдыреву, который въ качествѣ ректора предсѣдательствовалъ тогда въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ, пришлось подвергнуться вмѣстѣ съ Надеждинымъ тѣмъ непріятнымъ послѣдствіямъ, которыя навлекло на нихъ помѣщеніе послѣднимъ въ своемъ журналѣ Телескопъ извѣстнаго „философическаго письма“ П. Я. Чаадаева [2]). Надеждинъ высланъ былъ изъ Москвы въ Усть-Сысольскъ, а относительно Болдырева совѣтомъ университета получено было слѣдующее предложеніе попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 12-го января 1837 года: „Г. министръ народнаго просвѣщенія увѣдомляетъ меня, вслѣдствіе сообщенія ему генералъ-адъютанта гр. Бенкендорфа, что Государь Императоръ, разсмотрѣвъ представленный Его Величеству всеподданнѣйшій докладъ коммисіи, учрежденной для разсмотрѣнія дѣла по статьѣ, помѣщенной въ № 15 Телескопа, подъ заглавіемъ: „Философическія письма“, между прочимъ повелѣть соизволилъ бывшаго цензора, ректора и профессора Московскаго университета, отставить за нерадѣніе отъ службы. Весьма сожалѣя, что г. Болдыревъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя негодованіе Государя Императора и увѣдомляя совѣтъ университета о высочайшемъ Его Величества повелѣніи, для приведенія онаго въ исполненіе, покорнѣйше прошу избрать на мѣсто г. Болды-

---

[1]) Дѣла архива Моск. унив. 1836 г., № 71. Въ автобіографіи Надеждина (*Русск. Вѣстникъ*, 1865 г. № 5, стр. 64—65) сказано, что первое путешествіе за границу совершено Надеждинымъ во второй половинѣ 1832 года; но этого не видно ни изъ Біографическаго Словаря, ни изъ архивныхъ дѣлъ Московскаго университета, и кромѣ того, это свѣдѣніе самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергается Максимовичемъ въ его Воспоминаніяхъ (*Москвит.* 1856 г., № 3, стр. 226).

[2]) См. *Телескопъ* за 1836 г., т. 34, № 15, стр. 275—310. Письмо Чаадаева писано было къ г-жѣ Пановой, а переводъ съ французскаго подлинника сдѣланъ Н. Х. Кетчеромъ; см. *Русскій Архивъ* за 1863 г., 2-е изд., стр. 871—872, за 1868 г., стр. 986.

Digitized by Google

рева другаго ректора на остающійся срокъ и объ избранномъ мнѣ представить для исходатайствованія чрезъ г. министра высочайшаго утвержденія“ [1]).

Но чрезъ годъ съ небольшимъ, именно отъ 19 апрѣля 1838 г., попечитель прислалъ въ совѣтъ такое увѣдомленіе: „Г. министръ народнаго просвѣщенія, отъ 28-го прошедшаго марта за № 3689, увѣдомляетъ меня, что генералъ-адъютантъ гр. Бенкендорфъ сообщилъ его высокопревосходительству, что Государь Императоръ, во вниманіе къ долговременной усердной службѣ и преклонности лѣтъ бывшаго ректора Московскаго университета, ст. сов. Болдырева и въ уваженіе къ моему о немъ ходатайству, удостоивъ Болдырева всемилостивѣйшаго прощенія по дѣлу о пропущенной въ 1836 г. въ журналѣ Телескопъ статьѣ г. Чаадаева, высочайше соизволилъ разрѣшить г. Болдыреву пользоваться заслуженною имъ пенсіей и повелѣлъ уничтожить въ формулярномъ спискѣ отрѣшеніе его отъ должности. О таковой высочайшей волѣ сообщая совѣту университета, для приведенія ея въ надлежащее исполненіе, покорнѣйше прошу увѣдомить о томъ г. Болдырева, и по соображеніи службы его, войдти съ представленіемъ о назначеніи слѣдующей ему по закону пенсіи“ [2]).

Ректоромъ послѣ Болдырева былъ М. Т. Каченовскій, участвовавшій съ нимъ въ представленіи Надеждина на каѳедру, которую онъ самъ нѣкогда занималъ. Извѣщенный имъ о пожалованіи пенсіи, Болдыревъ отвѣчалъ: „Располагаясь постоянно жить въ Москвѣ, я желаю здѣсь же получать и пенсію, которая будетъ мнѣ назначена“ (то-есть, 5000 р. асс.).

Уже гораздо позднѣе, въ октябрѣ 1852 г., когда Надеждинъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, сдѣланъ былъ запросъ совѣту Московскаго университета, не имѣется ли какого-либо препятствія къ награжденію его знакомъ отличія безпорочной службы за время служенія въ профессорскомъ званіи, — и совѣтъ отвѣчалъ, что „препятствій къ тому со стороны университета никакихъ не имѣется“.

---

[1]) Дѣла архива Моск. унив. за 1837 г., № 37.

[2]) Дѣла архива Моск. унив. 1838 г., № 85.

Илья Поповъ.

Digitized by Google

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОХИЩЕНІЕ ЧУЖОЙ ДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПО РУССКОМУ ПРАВУ [1]).

ГЛАВА IV.

Періодъ Судебниковъ и Уложенія.

§ 16. Политическое объединеніе Московскаго государства и постепенное усиленіе государственныхъ началъ имѣло послѣдствіемъ существенныя измѣненія въ сферѣ уголовнаго права разсматриваемаго періода. Общественный характеръ преступленія все болѣе и болѣе уясняется. Субъективно-нравственный взглядъ на преступное дѣйствіе Судебниковъ, когда съ понятіемъ преступности неразрывно было связано мнѣніе общества, народная молва, признаніе за извѣстнымъ лицомъ репутаціи „вѣдомаго лихаго человѣка“ почти исчезаетъ въ Уложеніи; крайнее развитіе самодержавной, неограниченной власти, административная опека надъ всею жизнію частнаго лица, рѣшительное преобладаніе обще-государственныхъ началъ надъ частными, полицейскій характеръ законодательной дѣятельности—вотъ условія, при которыхъ не могъ удержаться прежній субъективно-нравственный взглядъ на преступленіе; преступное дѣйствіе прежде всего въ эпоху Уложенія было нарушеніемъ положительнаго закона, непослушаніемъ установленной власти, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ призна-

[1]) *Продолженіе.* См. декабрьскую книжку *Ж. М. Нар. Пр.* за текущій годъ.

Digitized by Google

валось грѣхомъ. „Взглядъ на преступленіе, какъ на нарушеніе закона, говоритъ г. Чебышевъ-Дмитріевъ, въ связи съ преобладаніемъ публичныхъ интересовъ надъ частными, естественно долженъ былъ повести къ тому, что подъ страхомъ строгаго наказанія стали запрещаться не только такія дѣйствія, которыя могли быть вредны для государства, но и такія, преступность которыхъ объусловливается однимъ только неисполненіемъ закона“ (Чебышевъ-Дмитріевъ. О преступномъ дѣйствіи, стр. 191—192). Уголовная неправда по прежнему почти не различается отъ неправды гражданской, количество объектовъ преступнаго дѣйствія быстро увеличивается, преступленія противъ государства и церкви занимаютъ первое мѣсто въ системѣ преступленій Уложенія. „Вмѣстѣ съ тѣмъ Московское законодательство усваиваетъ себѣ болѣе опредѣленное понятіе объ умыслѣ и неумышленности, о вмѣненіи и о различной степени напряженія злой воли преступника въ различныхъ стадіяхъ движенія ея отъ начальнаго замысла къ полному осуществленію преступнаго дѣянія“ (Загоскинъ, Ист. права Московс. госуд., т. I, Казань, 1877, стр. 7).

Въ области процесса разсматриваемаго періода мы находимъ двѣ системы: одна — старая, основанная на силѣ частныхъ интересовъ, такъ называемый судъ, и другая — новая, служащая яркимъ выраженіемъ государственныхъ началъ, такъ называемый розыскъ. Къ концу XVII вѣка слѣдственный, розыскный процессъ получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ обвинительнымъ началомъ. Преслѣдованіе преступленій общественною властью ex officio, во имя общихъ государственныхъ интересовъ представляетъ собой торжество государственныхъ началъ. Съ теченіемъ времени обыскъ мало-по-малу теряетъ свое значеніе, въ эпоху Уложенія обнаруживается явное недовѣріе къ нему и обыскъ уступаетъ свое мѣсто болѣе страшному средству розыска—пыткѣ. По мѣрѣ усиленія розыскнаго процесса денежныя взысканія въ системѣ наказаній вытѣсняются личными наказаніями, жестокими казнями; преобладающею цѣлью наказанія было истребленіе лихихъ людей; на сколько эта утилитарная цѣль достигалась, мы увидимъ ниже.

Разбои и вообще насилія надъ имуществомъ другаго лица достигли чрезвычайныхъ размѣровъ; съ первыхъ дней своего существованія, русское общество много терпитъ отъ разбоевъ, борется съ нимъ, но никогда оно не страдало такъ отъ этого зла, какъ въ разсматриваемую эпоху. Постоянные разбои и заботы правительства объ

Digitized by Google

искорененія ихъ проходятъ красною нитью черезъ всю исторію XVI—XVII вв. и составляютъ наиболѣе выдающееся и характерное явленіе времени. Но явленія правовой жизни народа, въ особенности въ области преступленія и наказанія, трудно разсматривать внѣ тѣхъ особенныхъ условій, которыя представляютъ общественная и политическая жизнь общества въ данную эпоху; вотъ почему, говоря о чрезвычайномъ усиленіи разбоевъ, нельзя не сказать нѣсколько словъ о причинахъ этого явленія.

Внутреннее состояніе русскаго общества XVI—XVII вѣковъ представляетъ тяжелую картину людскихъ бѣдствій; казалось, едва окрѣпшее политически Московское государство переживаетъ періодъ предсмертной агоніи, готово разрушиться подъ спудомъ неустройствъ земли русской. Отсутствіе всякой безопасности, тяжелыя, обременительныя подати, поборы и притѣсненія приказныхъ, частыя и разорительныя войны, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, страшный голодъ въ концѣ XVI вѣка, періодъ междуцарствія, и нашествіе иноземцевъ и казаковъ, расколъ и борьба противъ него—далеко еще не все, что можетъ обрисовать съ отрицательной стороны внутреннее состояніе общества того времени и объяснить такое хроническое зло, какъ постоянные и повсемѣстные разбои. Правительство принимаетъ рядъ мѣръ противъ развитія разбоевъ, но дѣятельность его въ этомъ направленіи остается почти безъуспѣшною какъ бы въ подтвержденіе того, на сколько безсильны карательныя и полицейскія мѣры тамъ, гдѣ извѣстное явленіе живетъ въ особенностяхъ внутренней жизни общества, питается и поддерживается корнями, глубоко пущенными въ вѣками наслоенную почву. Съ самаго начала царствованія Іоанна IV, къ нему со всѣхъ сторонъ, отъ всѣхъ сословій поступаютъ жалобницы на разбои. Въ отвѣтъ на эти челобитныя Царь посылаетъ обыщиковъ и недѣльщиковъ, задача которыхъ была отыскивать разбойниковъ въ извѣстной мѣстности, причемъ общины призывались къ содѣйствію въ дѣятельности обыщиковъ. Но вскорѣ эта правительственная мѣра оказалась несостоятельною; общины жалуются, что „отъ обыщиковъ и отъ недѣльщиковъ чинятся великіе убытки“, что имъ отъ нихъ „волокита велика“. Признавая безуспѣшными дѣйствія приказныхъ своихъ, Царь возложилъ дѣло искорененія разбоевъ, губное дѣло „на души“ крестьянъ; составляя первоначально какъ бы изъятіе изъ общаго порядка суда и преслѣдованія преступленія, губныя учрежденія съ теченіемъ времени становятся

Digitized by Google

явленіемъ повсемѣстнымъ [1]). Губное дѣло, преслѣдованіе наиболѣе тяжкихъ преступленій объявляется въ началѣ XVII вѣка „Государевымъ дѣломъ“ (см. Рядная наемная запись 1615 г., Описаніе г. Шуи, № 7; Челобитная 1618 г., Стар. Акты въ дополненіе къ описанію г. Шуи, № 13). Первоначально, губныя учрежденія вѣдали одни лишь разбойныя дѣла, но постепенно кругъ вѣдомства ихъ расширяется присоединеніемъ татинныхъ и убійственныхъ дѣлъ, а въ концѣ XVII вѣка зажигательства, совращенія съ вѣры, насилія женщинъ, сводничества, неночтенія къ родителямъ и т. д. (Дмитріевъ, Ист. Суд. Инст., стр. 54, Чичеринъ, ibid., стр. 481). Вызванныя къ жизни заботою объ искорененіи разбоевъ—губныя учрежденія имѣли на столько же уголовный характеръ на сколько и полицейскій; функціи этого учрежденія были очень разнообразны и сложны, а потому на предоставленіе общинамъ права самимъ расправляться съ разбойниками правильнѣе смотрѣть какъ на тяжкое тягло, которое въ значительной степени подрывало экономическое благосостояніе общинъ. Губныя учрежденія, на сколько это видно отъ дошедшихъ до насъ губныхъ грамотъ, преслѣдовали и ловили воровъ и разбойниковъ, наказывали ихъ, отбирали имущество виновныхъ въ казну, производили взысканія, собирали пошлины, завѣдывали сборомъ податей и отправленіемъ губныхъ повинностей и т. д. Такимъ образомъ, губное управленіе имѣло смѣшанный характеръ судебно-полицейской дѣятельности; съ теченіемъ времени судебный характеръ губныхъ старостъ сглаживается и полицейско-тяглое значеніе губнаго института выступаетъ на первый планъ (См. Чичеринъ, стр. 502; Градовскій, стр. 339, 341—343; Срав. Дмитріевъ, стр. 54 и слѣд.).

Но предоставленіе губнаго дѣла общинамъ оказалось безсильною мѣрой въ борьбѣ съ увеличеніемъ числа наиболѣе тяжкихъ преступленій; разбои и открытыя насилія принимали всё болѣе и болѣе опасные размѣры. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: неустройства земли русской были слишкомъ велики. „Малая населенность, темныя лѣса, непривычка у самихъ мірскихъ людей къ общему дѣлу, къ общей защитѣ, и отсутствіе хорошо устроенной полиціи дѣлали разбойничье ремесло легкимъ, безопаснымъ (Соловьевъ, Ист.

[1]) *Чичеринъ*, Областн. учрежд., М. 1856, стр. 450; *Градовскій*, Ист. мѣстн. управленія въ Россіи, т. I, С.-П.-б. 1868. стр. 103; *Сокольскій*, Главн. моменты повальн. обыска, Кіевъ, 1871 г., стр. 49.

Digitized by Google

Рос., т. XIII, стр. 137). Частыя повсемѣстныя насилія оказывали очень вредное вліяніе на народную нравственность; позволимъ себѣ привести слова нашего историка: „Человѣкъ привыкалъ къ случаямъ насилія, грабежа, смертоубійства, привычка пагубная, ибо ужасное становилось для него болѣе не ужаснымъ, и при этомъ относительно своей безопасности онъ привыкалъ полагаться или на собственную силу или на случай, а не на силу общественную, правительственную“ (Соловьевъ, ibid., стр. 165). Повсюду видимъ мы разбои и насилія: „Въ Великомъ Новгородѣ“, читаемъ въ посланіи архіепископа Ѳеодосія царю Іоанну Васильевичу, „въ домѣхъ и на путехъ и на торжищѣхъ убійства и грабленія во градѣ и по погостамъ, великіе учинилися, проходу и проѣзду нѣтъ“ (Д. Ак. Ист., т. I, 1547—1551 г., №41), „въ Шенкурьѣ и въ Вельску... многія деревни запустѣли... отъ лихихъ людей, отъ татей и разбойниковъ“ (Уст. Важск. Гр. 1552, А. Э. т. I, № 284), вслѣдствіе запрещенія перехода крестьянъ „нынѣ великія въ томъ учинились распри, и насилія... и многіе разбои и по путемъ грабленія содѣяшася и содѣваются“. (Указъ 1606 г., см. Влад. Будановъ, Христ., в. 3-ій, стр. 103, прим. 22), „воры, государе, ходятъ во многихъ мѣстахъ“. (Д. А. Ит. т. I, 1614, № 23) „отъ такого воровства и разбоевъ... по дорогамъ проходъ и проѣздъ съ великою нуждою“. (Акты Ист. т. V, 1693—1696, № 228; см. также Описаніе г. Шуи, Царск. Гр. 1645, № 28; Челоб. 1672, № 49; Челоб. 1629, № 70; Стар. Акты Шуи, 1641, № 51; 1680, № 146; 1647, Д. А. И., т. III, № 21; Акты Этн., т. IV, 1683, № 279; П. С. Зак., Указъ 1692, т. III, 1454 и многіе другіе); особенно страдаютъ монастыри, расположенные, по большей части, въ безлюдныхъ и пустынныхъ мѣстностяхъ (см. А. Э., т. I, 1513, № 157; 1533, № 177. Акты Этн., т. II, 1607, № 68; Грамота 1671 въ изслѣд. Розенкампфа о Кормчей, стр. 161 и мн. др. случаи). Привычка къ открытому насилію была настолько велика, что разбоемъ занимались князья и другіе именитые русскіе люди; замѣтимъ при этомъ, что извѣстные намъ случаи относятся къ концу разсматриваемаго періода, когда въ Московскомъ государствѣ по закону историческаго прогресса установился сравнительно большій порядокъ и нравы должны были смягчиться (см. разказъ Посошкова о разбоѣ князя Якова Лобанова-Ростовскаго въ 1687 году, о грабежахъ и насиліяхъ стольниковъ Шереметьевыхъ, князя Ухтомскаго и др.

Digitized by Google

Бѣляевъ, Лекціи, стр. 581, 582—583). Отсутствіе безопасности даже въ самой Москвѣ прекрасно обрисовываетъ указъ 26 янв. 1668 г., предписывающій цѣлый рядъ предосторожностей на время сырной недѣли, „для того, вѣдомо Великому Государю... что нынѣ на Москвѣ по улицамъ воры... ходятъ многолюдствомъ съ ружьемъ, и съ бердыши и съ рогатины, и съ топорками, и съ большими ножами и воруютъ, людей бьютъ и грабятъ и до смерти побиваютъ". (Полн. Собр. Зак., т. I, № 423; см. указы 1691, ibid. т. III, № 1403; указъ 1695, ibid. № 1510; указъ 1699, ibid., № 1693 и др.).

Но, кромѣ разбоевъ, русское общество того времени жестоко страдаетъ отъ всевозможнаго рода насилій и грабежей: казаки грабятъ и жгутъ (Собр. Гос. Дог. и Гр., т. II, № 281; 1614, № 22; А. Этн., т. II, 1615, № 64; А. И., т. II, 1609, № 155; т. III, 1615 г., № 54; 1655, Д, А. И., т. IV, № 10 и др.), стрѣльцы грабятъ и насильничаютъ (1612 г., Д. А. Ист., т. I, № 165, 1626, А. Этн., т. III, № 167; ibid. № 255; 1682, А. Э., т. IV, № 266 и др.), восточные инородцы грабятъ пограничныхъ жителей (1572, Д. А. Ист., т. I, № 120; 1582, ibid., № 128; 1662—1663, Д. А. И., т. IV, № 124 и др.), литовскіе люди грабятъ и насильничаютъ (1608, А. Ист., т. II, № 351; 1609, ibid. № 161; 1621, Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 57; 1616, Описаніе Шуи, № 8; 1653, П. С. З., № 104 и др.).

Посадскіе и тяглые люди жалуются на злоупотребленія и притѣсненія губныхъ старостъ (см., напримѣръ, челобит. Шуянъ 1614 г. Опис. г. Шуи, № 5; Челобит. 1635, ibid., № 18; Челобит. 1631, Стар. Акты Шуи, № 76 и др.) и губной институтъ теряетъ свое первоначальное земское значеніе. Въ XVII в. мы видимъ на ряду съ губными старостами воеводъ, занятыхъ искорененіемъ разбоевъ, татьбы и убійствъ; кромѣ того, отъ времени до времени по особому распоряженію царя посылаются съ тою же цѣлью сыщики. Въ 1669 году велѣно было разбой, татьбу и убійство вѣдать вездѣ сыщикамъ и губнымъ старостамъ; по наказамъ изъ разбойнаго приказа воеводы вовсе устранялись отъ участія въ этихъ дѣлахъ; черезъ десять лѣтъ, въ 1679 г., сыщики и губные старосты упраздняются, а губныя дѣла передаются въ вѣдомство воеводъ, но спустя нѣсколько лѣтъ (до 1683, 1684 гг.) губные старосты вновь возстановлены, а въ 1702 окончательно упраздняются. „Видно, добавляетъ къ этимъ фактамъ г. Чичеринъ, что не знали, какъ справиться съ разбойниками"...

Digitized by Google

(Област. учрежд., стр. 145—147, 451—452). И дѣйствительно, правительство Московскаго государства терялось въ различныхъ мѣропріятіяхъ относительно все болѣе и болѣе распространяющагося явленія повсемѣстныхъ разбоевъ; помимо областнаго управленія, призваннаго главнымъ образомъ къ борьбѣ съ этимъ зломъ, противъ разбойничьихъ шаекъ нерѣдко снаряжали служивыхъ, ратныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ „кого пригоже" „со всякимъ ратнымъ боемъ". (См. 1615, изъ разряд. книги 7123 г., Сокольскій, Повальн. обыскъ, стр. 74; 1614, Д. А. Ист., т. II, № 22; 1636, Акты Ист., т. III, № 194; 1645, Цар. Гр. въ Шую, А. Э., т. III, № 325; 1651, А. Этн., т. IV, № 54; 1664, П. С. З., т. I, № 336; 1679, А. Этн., т. IV, № 237; 1693, А. И., т. V, № 219 и др.). Въ видахъ уменьшенія разбоя и насилій въ Устав. и Губн. грамотахъ, въ воеводскихъ наказахъ и т. д. строго предписывается „беречи накрѣпко, чтобъ никто никого не билъ и не грабилъ и разбойникамъ и татемъ пріѣзду и приходу не было" (см. Уст. 1556, А. Э., т. I, № 250; 1594, ibid., № 361; 1598—1605, А. Э., т. II, № 30; 1605, Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, № 89; Уставн. 1606, А. Э., т. II, № 52; 1608, А. И., т. II, № 349; 1618, А. Э., т. III, № 94; Нак. 6-го апрѣля 1649 г., П. С. З., т. I, №; 6; 1656, А. Э., т. IV, № 92; 1661, А. И., т. IV, № 159; 1665, А. Э., т. IV, № 206; Нак. 1667, П. С. З., № 407; Нак. 1679, А. Э., т. IV, № 237; Уст. Кн. Разб. Прик., ст. 42; Уложеніе, гл. XXI, ст. 5, Новоук. Ст. 1669 г., ст. 4 и мн. др.); устанавливаются правила о прописке видовъ, принимаются мѣры противъ бѣглыхъ и т. д. (см. Новоук. статьи 1669, ст. 39; 1686, П. С. З., № 1181; 1691, А. И., т. V, № 208; 1691, П. С. З., № 1403; 1692, ibid., № 1454; 1695, ibid., № 1509 и т. д.). Монастыри ограждаются отъ насилій и разбоевъ посылкой ратныхъ людей (напримѣръ, въ Печерской Пустынѣ въ 1693 г.), запрещеніемъ пріѣзжимъ останавливаться для торга въ монастыряхъ (напримѣръ, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ 1533 г., А. Э., т. I, № 177), недопущеніемъ подозрительныхъ людей вообще въ монастыри (ibid., 1555, № 244) и т. д. Къ казакамъ правительство обращается съ увѣщаніемъ прекратить грабежи, грозитъ тяжкимъ наказаніемъ виновныхъ (1614, А. Э., т. III, № 44; 50; 1615, № 53) и вообще старается оградить населеніе отъ грабежей и насилій ратныхъ людей и казаковъ (см. 1609, А. И., т. II, № 351; 1611, А., Э., т. II, № 181; 1615, А. Э., т. III, № 167; 1633, ibid. №№ 223,

Digitized by Google

224, 236, 240; 1645, А. Э., т. IV, № 2; 1647, Д. А. И., т. III, № 19; 1654, П. С. З., №№ 131 и 136; 1656, ibid. № 181, 198; 1664. Д. А. И., т. IV, №№ 137 и 138; 1665, А. И., т. IV, № 181 и мн. др.).

Этими, должно сознаться, немногими и далеко неполными данными достаточно выясняется насколько часты были разбои и грабежи въ XVI—XVII вв. и насколько озабочено было правительство, выражаясь языкомъ того времени, „искорененіемъ" этихъ явленій жизни русскаго общества; выяснивъ нѣсколько вопросъ съ культурной стороны, мы перейдемъ къ юридическому анализу понятія насильственнаго похищенія чужой собственности въ разсматриваемую эпоху.

§ 17. По общему ходу историческаго развитія общественной жизни и началъ права, понятія, первоначально недостаточно опредѣленныя и неясныя, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе уясняются и получаютъ извѣстную законченность; но, кажется, законъ этотъ нѣсколько нарушается относительно предмета настоящаго изслѣдованія въ московскомъ законодательствѣ. Если, съ одной стороны, въ памятникахъ разсматриваемой эпохи мы находимъ новыя и довольно рѣзкія черты, характеризующія насильственное похищеніе чужой собственности, то, съ другой—въ этихъ памятникахъ нѣтъ недостатка въ признакахъ смѣшенія, очевидно, различаемыхъ понятій. Въ періодъ Судебниковъ и Уложенія сохраняются еще черты древняго права, почти исключительное содержаніе котораго составляли правила суда и гдѣ преступленія различаются не столько природою своею, сколько способомъ обвиненія и порядкомъ дѣлопроизводства; благодари этому, мы должны главнымъ образомъ въ процессуальныхъ особенностяхъ искать отвѣтъ по извѣстнымъ вопросамъ догмы права.

Разграниченіе понятій разбоя и грабежа въ актахъ XVI и XVII вв. наблюдается въ цѣдомъ рядѣ случаевъ; начнемъ съ того, что дѣла о разбоѣ возбуждались общественною властью, ex officio, а дѣла о побояхъ, о грабежѣ и т. д. начинались не иначе, какъ по жалобѣ обвиняемаго (см. Градовскій, ibid., стр. 350), что разбой—былъ преступленіемъ общественнымъ, а грабежъ — частнымъ правонарушеніемъ (Чебышевъ-Дмитріевъ, ibid., стр. 227), что разбой вѣдался розыскомъ, слѣдственнымъ процессомъ, а грабежъ судомъ [1]) (Губн. Наказъ

[1]) Исключеніе изъ подсудности грабежа *суду* представляетъ слѣдующее весьма темное по содержанію мѣсто Уст. Гр. 1606 и 1614: «*а пріѣзжею человѣка*

Digitized by Google

1549 г., А. Э. т. 1, № 224, стр. 216; Уставн. Гр. 1556 г., А. Ист. т. 1, № 165; Уст. Гр. 1561, А. Э. т. 1, № 257; Уст. Гр. 1606, А. Э. т. 11, № 52; Судн. Гр. 1614, А. Э., т. III, № 36; Уложеніе, гл. X, ст. 136, 179, 186 и 270; гл. XX, ст. 4; гл. XXI, ст. 15; Грамота 1664, П. С. З., № 364; Новоук. статьи, П. С. З., № 441, ст. 1; Ук. 1683, ibid., № 1010 и т. д.). При крайнемъ развитіи розыскнаго процесса, въ послѣднемъ обстоятельствѣ слѣдуетъ видѣть весьма рѣзкую грань между разбоемъ и грабежомъ; но это процессуальное различіе изчезаетъ тамъ, гдѣ разбой подлежитъ наравнѣ съ грабежомъ вѣдѣнію суда, такъ какъ по общему правилу слѣдственный процессъ имѣлъ мѣсто только въ случаяхъ разбоя съ поличнымъ, при наличности язычной молки (оговора съ пытки) и лихованнаго обыска; при отсутствіи этихъ условій, дѣла о разбоѣ направлялись въ судный приказъ, вѣдались судомъ (Судебникъ 2-й, ст. 52; Кн. Разб. Приказа, ст. 18; Уложеніе, гл. XXI, ст. 1 и 48; Губной наказъ въ Арзамасъ, 1679 г., А. Э. т. IV, № 237; Жалов. Гр. 1662, А. И. т. IV, № 166. См. Дмитріевъ, Суд. Инст., стр. 187). Впрочемъ, можно думать, что случаи, когда разбой вѣдался судомъ, были очень рѣдкимъ явленіемъ въ судебной практикѣ, какъ бы исключеніемъ изъ общаго порядка подсудности: въ этомъ убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что нерѣдко одно челобитье, и безъ язычной молки и поличнаго, вело къ обыску, а отсюда получалъ начало розыскный процессъ („А на которыхъ людехъ исци ищуть разбоевъ, а на тѣхъ людей языки въ розбоѣхъ не говорятъ, и старостамъ про тѣхъ людей обыскивать и т. д. Царск. Нак. Бѣлозерск. губн. старостамъ 1571, А. Э. т. 1, № 281, стр. 318; Кн. Разб. Прик., ст. 17; Указъ 1687 г., П. С. З. № 1267; Ук. 1675, ibid., № 561). Затѣмъ мы наблюдаемъ разграниченіе разсматриваемыхъ понятій въ правилахъ о святительскомъ судѣ, гдѣ иски „о всякыхъ обидахъ, и о управахъ земскыхъ, по ряднымъ и по духовнымъ грамотамъ, и по кабаламъ въ займѣхъ, и въ поклажаѣхъ, и въ боѣхъ, и въ грабежѣхъ, и въ всякыхъ дѣлѣхъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ“ — подлежали этому суду (статьи изъ Соборн. Уложенія о Святительскомъ судѣ 1551 г., А. И. т. 1, № 155, стр. 278—279); въ другомъ видѣ спеціальной подсудности обвиненіе въ боѣ и грабежѣ разсматривалось въ Стрѣлецкомъ приказѣ, а дѣло о разбоѣ, совер-

---

торговаго изымаютъ... на посадѣ съ поличнымъ въ татбѣ, или въ разбоѣ, или въ грабежѣ, и тѣхъ людей отдавати губнымъ старостамъ».

Digitized by Google

шенномъ кѣмъ-либо изъ стрѣльцовъ, шло въ Разбойный приказъ (Дополн. къ судеб. статьи 1620 — 1645, ст. V, А. И. т. III, № 92; сравн. указъ 1695 г., П. С. З., № 1515). Какъ въ Судебникахъ, такъ равно и въ другихъ законодательныхъ памятникахъ разсматриваемаго періода, разбой отдѣлялся отъ грабежа; ниже, при анализѣ юридическаго состава отдѣльныхъ видовъ насильственнаго похищенія чужой собственности, это различіе будетъ яснѣе, а здѣсь мы укажемъ только нѣкоторые признаки его: такъ, въ актахъ ясно различается группа частныхъ и гражданскихъ правонарушеній, какъ-то: заемное дѣло, поклажа, бой, лай, грабежъ — отъ уголовныхъ преступленій „пожега, душегубства, татбы и разбоя съ поличнымъ“ (см. напримѣръ Устав. Грамоты, Судебникъ I-й, ст. 7, 38 и 6, 48; Судебн. 2-й, 11, 16, 25, 31 и 62 и 12, 59, 60 — 62 и т. д.), въ болѣе позднихъ по времени актахъ нерѣдко можно встрѣтить грабежъ наряду съ разбоемъ, при чемъ слова эти, очевидно, выражаютъ различныя понятія (боярскій приговоръ 1651, П. С. З. № 55; указъ 1691, ibid., № 1403; см. также Уст. Гр. 1561, 1606 и 1614). Но наиболѣе ясное указаніе на существованіе въ юридическомъ сознаніи того времени разграниченія понятій разбоя и грабежа находимъ мы въ томъ мѣстѣ Книги Разбойн. Приказа, гдѣ ставится вопросъ: „во что ставити“ ограбленія, совершаемыя казаками, „въ разбой или въ грабежъ“? (Кн. Разб. Прик. ст. 65).

Изученіе памятниковъ XVI и XVII вв. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что разбой и грабежъ выражали собой два различныя по внутреннему составу правонарушенія; съ неменьшимъ основаніемъ можно сказать, что разграниченіе этихъ понятій не всегда выдерживается въ законодательныхъ и судебныхъ актахъ, что нерѣдко выраженія „разбой“ и „грабежъ“ употреблялись безразлично, какъ выраженія тождественныя (напримѣръ, дѣло 1554 (7062) А. Гр. расправы, т. 1, № 66, стр. 128, 131 и 133); такъ, разбойники „чинятъ... разбой и грабежъ“ (Губн. Гр, 1666 г., Акты отн. до юридич. б. древн. Россіи, № 55, XIX; Челобитн. 1693—1696 г., А. Ист., т. V, № 228), въ чемъ слѣдуетъ, кажется, скорѣе видѣть безразличное употребленіе словъ „разбой“ и „грабежъ“, нежели указанное нѣсколько выше разграниченіе видовъ насильственнаго похищенія чужой собственности. Сравненіе слѣдующихъ мѣстъ въ одномъ и томъ же актѣ служитъ наибольшимъ подтвержденіемъ высказаннаго: „А того имъ (якутскому воеводѣ и дьяку) надъ служилыми людьми смотрити и беречи накрѣпко, чтобъ они.... не воровали... и драки бъ у нихъ и разбою

Digitized by Google

и душегубства межъ себя.... не было"; нѣсколько ниже читаемъ: „а которые будетъ служивые люди учнутъ.... чинити грабежи и душегубство" и т. д. (наказъ воевод. 1670 г., А. И., т. IV, № 209, стр. 450).

§ 18. Въ нашей историко-юридической литературѣ существуетъ мнѣніе, что разбой московскаго законодательства означаетъ преимущественно открытое нападеніе, производимое, какъ ремесло, шайкой злодѣевъ [1]); мнѣніе это, высказанное вскользь, между прочимъ, безъ необходимыхъ историческихъ доказательствъ, мы принимаемъ за точку отправленія при выясненіи такого запутаннаго и сложнаго вопроса, какъ понятіе разбоя въ разсматриваемый періодъ. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ то обстоятельство, что губныя учрежденія возникли для борьбы съ разбоемъ, какъ чѣмъ-то организованнымъ, именно въ видѣ шайки, противъ которой оказалась безсильною приказная администрація; что соединеніе въ разбойничьи шайки было преобладающею, наиболѣе безопасною и распространенною формой разбоя въ XVI—XVII вв.; что во многихъ историческихъ памятникахъ того времени мы постоянно встрѣчаемъ признаки разбоя, какъ преступнаго дѣйствія, совершаемаго шайкой. Почти всѣ губныя грамоты говорятъ о разбойникахъ, которые „многія села и деревни разбиваютъ и животы грабятъ, села и деревни жгутъ, и на дорогахъ людей грабятъ и разбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти", обращаютъ особенное вниманіе на тѣхъ, кто въ волостяхъ „разбойниковъ у себя держатъ, разбойную рухлядь принимаютъ" и т. д. (Губ. Бѣлов. Гр. 1539, А. Э. т. I, № 187; Губ. Карг. Гр. 1539, Д. А. И. т. I, № 31; Губ. Соль-Галицкая 1540, А. Э. т. I, № 192; Губ. Гр. селамъ и деревн. Троицкаго-Сергіева монастыря 1541, ibid. № 194; Губ. Гр. селамъ Кирил. монаст. 1549, ibid. № 224; Царск. Губ. Наказъ 1571, ibid. № 281 и мн. друг. грамоты); затѣмъ губныя грамоты и другіе акты предписываютъ „самихъ тѣхъ татей и разбойниковъ, по обыску.... пытати накрѣпко: сколь они давно

---

[1]) *Калачевъ*, Объ уголовномъ правѣ по Судебнику царя Ивана Васильевича, *Юридич. Зап.* изд. *Редкинымъ*, т. II, М. 1842 г., стр. 322; *Sokolsky*, Beitrag zur Lehre von den Eigenthumsverbrechen nach der Уложенье 1649 г. Dorpat, 1868 г., S. 52—53. *Шалфѣевъ*, Объ Устав. Кн. Разбойн. приказа. Спб. 1868 г., стр. 17, прим. 23. Изъ приведенныхъ авторовъ наиболѣе рѣшительное мнѣніе принадлежитъ послѣднему, который говоритъ, что «въ позднѣйшее время, съ XV ст., подъ разбоемъ разумѣлись открытыя нападенія съ цѣлью грабежа, производимыя шайкою злодѣевъ».

Digitized by Google

разбиваютъ, и кого именемъ разбивали и крали" (Губ. Гр. Троиц.-Сергіеву монаст. 1586, А. Э. т. I, № 330, стр. 395) или „у кого приставаютъ, или гдѣ по дорогамъ и селамъ и по пустошамъ собрався станомъ стоятъ, и кого именемъ красть и разбивать ѣздятъ" (Губ. Нак. 13 дек. 1679 г., А. Э. т. IV, № 237, стр. 328, Новоук. статьи, ст. 118 и 122; см. также Старинные Акты Шуи 1621, № 16; 1624, № 24; 1665, № 94; 1671 № 120, Царск. Грамота въ Шую 1645, А. Э. т. III, № 325. Описаніе Шуи 1644, № 27; Указъ 1663, П. С. З., № 334; Указъ 1664, ibid. № 336; Указъ 1691, ibid. № 1403; Ук. 1692, ibid. № 1454; Ук. 1699, ibid., № 1678 и т. д.).

Если мы къ изложенному прибавимъ, что въ нашемъ законодательствѣ до Уложенія 1845 года (ст. 2135) соединеніе въ шайки не составляло обстоятельства, измѣняющаго составъ разбоя, то едва-ли есть какія-либо основанія не соглашаться съ тѣмъ мнѣніемъ, что разбой московскаго законодательства означалъ преимущественно злоумышленное похищеніе чужаго имущества, совершаемаго шайкой злодѣевъ, какъ ремесло. Въ самомъ дѣлѣ, какъ допустить мысль, что законодательство того времени, при чрезвычайномъ развитіи разбоевъ, не различало обыкновеннаго разбоя отъ разбоя въ шайкѣ? Не служитъ-ли это прямымъ указаніемъ на то, что подобнаго различія и не могло быть по природѣ вещей, такъ какъ соединеніе въ шайки, совершеніе преступленія въ видѣ ремесла—составляло одинъ изъ признаковъ разсматриваемаго преступленія? Иначе какъ объяснить, напримѣръ, слѣдующую особенность въ терминологіи: козаки и стрѣльцы, нападающіе на гражданъ съ цѣлью ограбленія, не разбиваютъ, а грабятъ (1655, Э. А. И. т. IV, № 10; 1660, ibid., № 85; 1667—1672, А. И. т. IV, № 202; см. выше § 16), улусные люди совершаютъ не разбой, а грабежъ (запись шертная 1655, П. С. З. № 145; № 990 и др.), бѣглые крестьяне, ограбившіе своихъ помѣщиковъ, судятся „за побѣгъ и грабежъ", а не за разбой (указъ 1664, П. С. З., № 364; Нак. 1658, Д. А. И., т. IV, № 48) и судятся въ Судномъ Приказѣ (Уложеніе, Гл. XX, ст. 4). Очевидно, въ тѣхъ случаяхъ ограбленія съ злоумышленною цѣлью, гдѣ не было понятія шайки или совершенія преступленія въ видѣ постояннаго занятія, московское законодательство не видѣло разбоя и не употребляло этого термина. Замѣтимъ къ этому, что въ законодательствѣ позднѣйшаго времени, въ XVIII в., разбой стоитъ какъ бы особнякомъ, мѣры относительно его исключительнаго и чрезвычайнаго характера; въ такихъ болѣе

Digitized by Google

или менѣе общихъ законодательныхъ памятникахъ, какъ Воинскій уставъ или указъ 1781 года мы вовсе не находимъ этого слова. Но изъ того, что разбой московскаго законодательства означалъ преимущественно, по большей части, злоумышленное нападеніе, совершаемое людьми, для которыхъ преступленіе составляло постоянное занятіе, еще не слѣдуетъ, что это значеніе разбоя выдерживается всегда и во всѣхъ случаяхъ; безъ сомнѣнія, въ памятникахъ XVI—XVII вв. можно найдти не мало случаевъ, гдѣ понятіе разбоя сохраняется и при отсутствіи признаковъ шайки или совершенія преступленія въ видѣ ремесла [1]).

Относительно юридическаго состава разбоя, который нѣсколько выясняется въ разсматриваемый періодъ, нужно замѣтить слѣдующее: 1. Для наличности понятія разбоя требуется цѣль ограбленія; такъ, напримѣръ, обыскнымъ людямъ подъ страхомъ „великой опалы и смертной казни“ наказывается, чтобъ „на сосѣдствѣ сумежныхъ браней и деревенскихъ дракъ въ разбой не ставили“ (Новоук. статьи 1669 г. ст. 120; Губ. Нак. 1679 г., А. Э., т. IV, № 237; Ук. 1688, П. С. З., № 1294, Наказъ сыщику 1710 г., ibid. № 2310); случай, гдѣ ограбленіе было случайнымъ послѣдствіемъ неумышленнаго убійства „пьянымъ дѣломъ“, не признавался разбоемъ (указъ 1657 г. П. С. З. № 203; Новоук. статьи, ст. 82). 2. Трудно рѣшить вопросъ составляло-ли извѣстное насиліе противъ лица необходимое условіе въ понятіи разбоя или нѣтъ, но извѣстно, что разбой безъ убійства не терялъ своихъ существенныхъ признаковъ (Кн. Разб. Приказа, ст. 10; Уложеніе, гл. XXI, ст. 16, 17 и 18; Новоук. статьи, ст. 17, 18 и 19; см. также Явка 1619 г. А. Юридич. № 52; грамота воеводѣ 1684 г. А. отн. до юридич. б. № 55, XXXIX, стр. 341—342; указъ 1702, П. С. З., № 1900 и др.). 3. Открытое, явное нападеніе на чужую собственность составляетъ абсолютный признакъ разбоя; въ необходимости этого признака мы убѣждаемся изъ многихъ мѣстъ законодательныхъ памятниковъ того времени [2]).

---

[1]) Къ изложенному въ текстѣ выводу авторъ пришелъ послѣ долгихъ колебаній; не нужно забывать, что вопросъ о формѣ разбоя XVI—XVII вв. принадлежитъ къ числу тѣхъ, относительно которыхъ всегда и при всякомъ рѣшеніи остается еще нѣкоторое сомнѣніе.

[2]) Говоря о юридическомъ составѣ понятія разбоя, нельзя не упомянуть о совершенно ошибочномъ мнѣніи, по которому разбой Соборнаго Уложенія (хотя и «nicht ausschliesslich») означаетъ то же, что германское «Strassenraub», ограб-

Digitized by Google

Характеръ и значеніе разбоя значительно измѣняются въ эпоху Судебниковъ и Уложенія; разбой принадлежитъ къ числу наиболѣе тяжкихъ преступленій, составляетъ „губное лихое дѣло", признается преступленіемъ общественнымъ, въ преслѣдованіи котораго заинтересовано государство; въ жалованныхъ грамотахъ и привиллегіяхъ XVI—XVII вв. это преступленіе окончательно изъято изъ подсудности духовенству и монастырямъ, и если встрѣчаются грамоты, опредѣляющія подсудность разбоя монастырскому суду, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть исключеніе изъ общаго правила и анахронизмъ: „А намѣстицы наши... игумена съ братьею и ихъ людей не судятъ ни въ чѣмъ, опричь одного душегубства... а вѣдаетъ ихъ и судитъ игуменъ съ братьею, своихъ слугъ и крестьянъ, сами во всемъ, и въ разбоѣ и въ татьбѣ съ поличнымъ, или кому прикажутъ (Жал. Гр. Волоколамскому монастырю 1500, А. Э., т. 1, № 136; Жал. Гр. Бѣжецкому Антоніеву монастырю 1616, А. Э. т. III, № 84) [1]). Мировыя по дѣламъ о разбоѣ, допускавшіяся въ предше-

---

леніе въ пути, на дорогѣ (*Sokolski*, ibid., S. 53—54). Мнѣніе это основывается между прочимъ на тождествѣ между постановленіями о разбоѣ Литовскаго статута и Уложенія 1649; въ предъидущей главѣ указано было насколько неосновательно видѣть въ разбоѣ Литовскаго статута ограбленіе *на пути*, въ дорогѣ, на томъ только основаніи, что послѣднее выраженіе часто встрѣчается въ памятникахъ; то же должно замѣтить относительно понятія разбоя въ періодъ Судебниковъ и Уложенія. Если въ актахъ мы и встрѣчаемъ выраженія «*разбой на дорозѣ*» (См. Губн. Грамоты; Гр. по дѣламъ судныхъ 1556, Д. А. И. т. I, № 51, XI. Описаніе Шуи, 1644, № 27; *Бѣляевъ*, Лекціи, стр. 581; Уложеніе, гл. X, ст. 256 и многр. друг. мѣста въ памятникахъ), то *вопервыхъ*, на ряду съ этимъ мы читаемъ, что «разбойники *села и деревни* разбиваютъ», *вовторыхъ*, въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ видѣть лишь указаніе на то, что разбой въ древнее время совершался чаще на большихъ дорогахъ, въ дремучихъ лѣсахъ, нежели въ другихъ мѣстахъ.

[1]) Среди жалованныхъ грамотъ XVI в. очень не много такихъ, гдѣ устанавливается полная несудимость, неподсудность монастырей суду намѣстника, а позднѣе воеводъ (См. Жал. несуд. грамоты 1520, А. Этн. т. I, № 167; 1543, ibid., № 200; 1578, ibid., № 300; 1578, Д. А. И. т. I, № 122) или «опричь одного душегубства» (Жал. Гр. 1509—1534, *Розенкампфъ*, О кормчихъ, стр. 137—138; Уст. 1506, А. Э. т. I, № 324; 1507, № 136; 1511, А. отн. до юрид. б. № 31. XXII; 1531, Д. А. И. т. I. № 46; 1532, А. Э. т. I, № 175; 1545, ibid. № 204; 1541, ibid. 193 и др.) Въ XVII в. подобныя грамоты становятся большою рѣдкостью и, если встрѣчаются, то не иначе какъ въ подтвердительной формѣ (Ж. Гр. 1619, А. Э. т. III, № 109; 1620, ibid. № 114; 1657, П. С. З., № 200). Затѣмъ, всѣ уставныя и жалованныя грамоты исключаютъ разбой изъ подсудности вла-

Digitized by Google

ствовавшемъ періодѣ, теперь рѣшительно и категорически запрещаются; такимъ образомъ, общественный характеръ преступленія разбоя окончательно упрочивается. (Дополнит. статьи къ Судебнику 1620—1645, А. И., т. III, № 92. VI, стр. 94; См. также Христ. Влад.-Буданова в. III, стр. 126—127; Уставн. Кн. Розб. Приказа, ст. 41; Уложеніе, гл. XXI, ст. 31; Новоук. статьи; указъ 1688, П. С. З., № 1289) [1]).

Исторіи карательныхъ мѣръ противъ разбоя указываетъ насколько озабочено было Московское правительство искорененіемъ этого преступленія; установленныя наказанія очень часто замѣнялись другими болѣе строгими или болѣе слабыми; въ особенности это явленіе рѣзко бросается въ глаза въ періодъ времени послѣ Соборнаго Уложенія. До половины XVII в. за разбой, если только заподозрѣнный въ совер-

---

дѣльческаго суда монастырей, церквей и частныхъ лицъ (Ст. Ж. Гр. монастырямъ А. относ. до гражд. расправы въ древней Россіи, т. I, №№ 32, 43, 57, 75 и 97; т. II, № 122; А. Этн. т. I, №№ 139, 154, 164, 166, 171, 179, 208, 217, 386; А. Этн. т. III, №№ 89 и 178; А. И. т. I, №№ 111, 125, 131, 141, 147; А. И. т. II №№ 60, 64, 86, 347; А. И. т. III, №№ 76, 94, 104, 119, 120, 123, 126, 129 и 142; Д. А. И. т. I, № 130. Д. А. И. т. I, № 75; Акты относ. до юридич. б. др. Рос., № 30. V; 31, XXI; Розенкампеъ, О кормчей, стр. 138 и др. Жал. Гр. церквамъ и духовенству—А. Э. т. II, № 16 и 62; А. Э. т. III, №№ 67, 95 и 130; П. С. З № 201; Ж. Гр. патріархамъ Д. А. И. т. I, № 148, А. Э. т. III, № 71; А. И. т. IV, № 215; Ж. Гр. частнымъ лицамъ—А. И. т. I, №№ 115, 226; 295 и 301; Д. А. И. т. I, № 36; А. Э. т. I, № 215; А. Э. т. II, №№ 30, 53; т. III, №№ 71, 174; А. отн. д. юридич. б., № 30. III; 56. II). Насколько вредное явленіе представляли несудимыя грамоты всего лучше указываетъ челобитная старорусскихъ посадскихъ людей въ концѣ XVII в. (1693—96 гг.), въ которой приносится жалоба на то, что старцы Иверскаго монастыря, прикрываясь несудимыми грамотами, *«надѣяся на мочь свою и на несудимыя грамоты»* позволяютъ себѣ всевозможныя насилія, укрываютъ разбойниковъ и т. д. (А. И. т. V, № 228). Въ приведенныхъ актахъ мы находимъ полное подтвержденіе высказаной въ нашей исторической литературѣ мнѣнія, что «въ концѣ исторіи древней Россіи, въ эпоху Уложенія, мы находимъ въ рукахъ помѣщиковъ и вотчинниковъ только судъ гражданскій. Судъ же уголовный (съ правомъ смертной казни) составляетъ рѣдкое исключеніе, даруемое жалованными грамотами Московскими». М. Влад.-Будановъ, Нѣмецкое право, СПб. 1868, стр. 47, прим. 3. О жалов. грам. и владѣльческомъ судѣ см. Дмитріева, стр. 235—327; Чичеринъ, стр. 153—162.

[1]) Въ дѣйствительности, говоритъ авторъ Исторіи судебн. инстанцій, мировыя сдѣлки по уголовнымъ дѣламъ нерѣдко встрѣчаются въ это время; просьбы не принимались въ приказахъ, но записи составлялись по прежнему, и притомъ у площадныхъ подъячихъ со всѣми формальностями. *Дмитріевъ*, стр. 422; *Богдановскій*, стр. 112.

Digitized by Google

шеніи его признавался „вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ", устанавливалась или только смертная казнь (Судеб. Вел. Князя, ст. 8 и 9; Уст. Гр. 1509, А. Э. т. I, № 150; Губныя грамоты Бѣлоз. и Каргоп. 1539 Судеб. Царя, ст. 59; Царскій Нак. 157, А. Э. т. I, № 281; Губ. Гр. 1586, ibid., № 330. Уст. кн. Разб. Приказа, ст. 1, 4, 5—8 и др.) или смертная казнь съ предварительнымъ наказаніемъ виновнаго кнутомъ „по всѣмъ торгамъ" (см., напр., Губн. Соль-Галицкая, Губ. Гр. селамъ и деревн. Троиц. Монаст., Губ. Нак. селамъ Кирил. Монаст. и др.). Въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка происходятъ весьма важныя измѣненія относительно наказуемости разбоя, измѣненія, отчасти внесенныя въ Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича; по боярскому приговору при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ различался разбой, сопровождающійся убійствомъ и поджогомъ, за что виновный подлежалъ смертной казни, и разбой безъ этихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ. Въ послѣднемъ случаѣ впервые въ древне-русскомъ правѣ мы встрѣчаемъ повтореніе преступленія разбоя; за разбой, совершенный въ первый и вторый разы, виновный подвергался тюремному заключенію на неопредѣленный срокъ „до указу", а за разбой, совершенный въ третій разъ, смертной казни (см. кн. Разб. Приказа, ст. 10). Отмѣтимъ ту особенность, что понятіе рецидива въ разсматриваемомъ преступленіи образуетъ совершеніе преступленія только въ третій разъ, когда виновный, дѣйствительно, долженъ разсматриваться, какъ преступникъ по ремеслу. Наличность повторенія преступленія, а также убійства и поджога при разбоѣ—остаются также, какъ въ Соборномъ Уложеніи, такъ и въ новоуказныхъ статьяхъ 1669 г. и другихъ памятникахъ (напримѣръ, въ указѣ 1653, П. С. З, №105), обстоятельствами увеличивающими виновность обвиняемаго, но степень наказуемости опредѣляется нѣсколько иначе. Въ Уложеніи первоначально неопредѣленное наказаніе за первый разбой замѣняется трехъ-годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ и каторгой въ кандалахъ „гдѣ государь укажетъ" (гл. XXI, ст. 16); за совершеніе разбоя во второй разъ виновный подвергался смертной казни (ibid., ст. 17). Если же при разбоѣ было убійство или поджогъ, то понятіе повторенія не имѣетъ значенія; во всякомъ случаѣ за разбой слѣдуетъ смертная казнь (ibid., ст. 18 [1]).

---

[1]) Мы не станемъ подробно излагать всѣ модификаціи въ отвѣтственности лицъ, обвиняемыхъ въ разбоѣ, въ разсматриваемый періодъ, такъ какъ это отвлекло бы насъ далеко отъ непосредственной задачи нашей *опредѣлить понятіе*

Digitized by Google

Со времени Уложенія наказуемость разбоя неоднократно измѣняется: по указу 20-го октября 1653 г. вмѣсто смертной казни (?) предписывается воровъ и разбойниковъ наказывать кнутомъ, отсѣченіемъ у лѣвой руки пальца и ссылкой „въ Сибирскіе и въ Понизовые и въ Украйные города“ (П. С. З., № 105); спустя десять лѣтъ послѣ изданія Соборнаго Уложенія установленная имъ наказуемость признается слабою и указъ 8-го августа 1659 г. предписываетъ „разбойниковъ, которые въ деревняхъ чинятъ разбои, а смертнаго убійства хотя и не чинятъ, казнить смертною казнею и за первый разбой“ (П. С. З., № 255); изъ другаго указа того же дня видно, что здѣсь, кажется, идетъ рѣчь спеціально о разбойничьихъ шайкахъ (П. С. З. № 256); въ 1663 году смертная казнь для тѣхъ, кто, сидя въ тюрьмѣ, повинится въ 2-хъ, 3-хъ разбояхъ, замѣняется отсѣченіемъ обѣихъ ногъ и лѣвой руки, а „учиня имъ казнь, тѣ отсѣченныя ноги и руки по большимъ дорогамъ прибивать къ деревьямъ“ съ прописаніемъ за что казнь учинилась (П. С. З., № 334); въ 1666 году (24-го января) московское законодательство опять возвращается къ прежнему: отсѣченіе ногъ и руки отмѣняется и для воровъ и разбойниковъ устанавливается смертная казнь чрезъ повѣшеніе (П. С. З. № 385); но по частному дѣлу о разбоѣ „вдовы Овдотьи Кузьминой жены Скворцова да въ надорожномъ грабежѣ (?)“ грамота того же 1666 года (октября 19-го) предписываетъ подвергнуть виновнаго, разбойника Проньку Козюлина „съ товарищы“—наказанію кнутомъ, и, отрѣзавъ правое ухо, а лѣваго урѣзавъ, сослать съ женою и дѣтьми въ Астрахань на вѣчно житье“ (Акты отн. до юридич. б., № 55. XIX, стр. 286); по Соборнымъ статьямъ о духовныхъ чинахъ, впавшихъ въ уголовныя и дру-

---

разбоя съ доматической стороны. Ограничимся замѣчаніемъ, что обвиняемые въ разбоѣ подвергались различной отвѣтственности смотря по степени убѣдительности судебныхъ въ пользу виновности лица доказательствъ, такъ, напримѣръ, «а будетъ на себя, съ пытки, въ разбоѣ учнетъ говорити и его *казнить смертью*, а не учнетъ говорить, и его дать на чистую поруки, съ записью; а не будетъ поруки и его посадить *въ тюрму*, покуды по немъ порука будетъ» (Кн. Разб. Прик., ст. 4; Уложен. гл. XXI, ст. 38), или «съ пытки будетъ на себя не учнетъ говорити, а въ обыску его назовутъ половина добрымъ человѣкомъ, а другая половина лихимъ, и того человѣка посадити *на смерть въ тюрму*» (Кн. Разб. Пр. ст. 8); или «и учнутъ на себя въ разбоѣ говорити, и ихъ *казнить смертью*; а не учнутъ... и ихъ сажать по обыскомъ *на смерть въ тюрму*» (Кн. Розб. Пр., ст. 12) или «тѣхъ людей посадить въ тюрму до Государева указу» (Кн. Розб. Прик. ст. 17) и т. д.

Digitized by Google

гія преступленія, 1667 г., виновный въ разбоѣ судится смертною казнію (А. Э. т. IV, № 161); въ новоуказныхъ статьяхъ 1669 г. за первый разбой устанавливается отсѣченіе руки и ноги, за второй разбой, а также за разбой, сопровождавшійся убійствомъ или поджогомъ—смертная казнь (П. С. З., № 441, ст. 17, 18 и 19); въ 1682 году состоялся указъ, по которому виновный въ первомъ разбоѣ подвергается наказанію кнутомъ, отсѣченію двухъ меньшихъ пальцевъ на лѣвой рукѣ и ссылкѣ въ Сибирь на вѣчное житье съ женами и дѣтьми (П. С. З., № 970); въ слѣдующемъ году этотъ спеціально къ разбою относящійся указъ дополняется общимъ постановленіемъ, по которому присужденные къ отсѣченію пальцевъ лишаются, вмѣсто этого, ушей и подвергаются ссылкѣ „куды кто доведется“ (указъ 1683 г., П. С. З., № 1004); наконецъ, цѣлый рядъ указовъ относительно наказуемости за разбой въ XVII в. заключается указомъ 1691 года, который предписываетъ воровъ и разбойниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни, не вѣшать, ушей и пальцевъ не рѣзать, а пятнать и ссылать“ (П. С. З., № 1404). Ведя постоянную борьбу съ разбоемъ, московское законодательство чрезвычайно строго относилось ко всякому роду соучастія въ разбоѣ; въ глазахъ закона главные виновники не различались отъ пособниковъ, а потому всякое соучастіе наказывается наравнѣ съ самимъ разбомъ—смертною казнью (см. Губ. Гр. Соль-Галицкую, селамъ и деревнямъ Троицкаго Сергіева монастыря и др. губныя; Книга Розб. Приказа, ст. 30 и 31; Уложеніе, ст. 63; Новоук. Статьи, ст. 60; Царск. Гр. 1614 г., А. Э. т. III, №№ 44 и 50; Именный Указъ 1695, П. С. З., № 1510; Указъ 1699, № 1678 и др.). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подобное суровое отношеніе закона къ лицамъ прикосновеннымъ въ разбойномъ дѣлѣ, кажется, нѣсколько смягчается (напримѣръ, въ нак. воевод. 1618 г., А. Э. т. III, № 94, въ Цар. Гр. въ Бѣжецкій Верхъ, на Городецкъ 1667, А. Э. т. IV, № 159, Губ. Наказъ въ Арзамасъ 1679, Ibid., № 237; Именные Указы 1686, № 1175) и даже замѣчается совершенно ясное отдѣленіе главнаго виновника, „заводчика“, отъ прочихъ соучастниковъ; такъ, по указу 1659 г. главные виновники вѣшаются, а сообщники подвергаются наказанію кнутомъ „нещадно“ (П. С. З., № 256). Затѣмъ, неоказаніе помощи, кто „на крикъ и на вопь (разбитыхъ людей) не пойдутъ и ихъ выдадутъ“, подвергаетъ виновнаго или уплатѣ частнаго вознагражденія за убытки (выть) (Кн. Розб. Прик., ст. 25; Царск. Гр. 1667, А. Э. т. IV. № 159) или тѣлесному наказанію: „чинить жестокое наказаніе, бить кну-

Digitized by Google

томъ нещадно и имать пени по 50 рублевъ на человѣкѣ", (Уложеніе, гл. XXI, ст. 59, Новоук. статьи, ibid.).

Въ заключеніе изложеннаго относительно разбоя московскаго законодательства необходимо сказать нѣсколько словъ по поводу сравнительной наказуемости разбоя и другихъ преступленій, а въ особенности татьбы; безъ этого природа и характеръ насильственнаго похищенія чужой собственности недостаточно будутъ выяснены. Въ періодъ мѣстныхъ законовъ, мы видѣли, разбой уравнивался по наказуемости съ смертоубійствомъ, стоялъ въ этомъ отношеніи выше простой кражи, но ниже кражи, совершенной въ 3-й разъ, церковной татьбы, конокрадства, государственной измѣны и поджога (см. главу II-ю). Нѣсколько измѣняется значеніе разбоя въ XVI—XVII вв.; если только обвиняемый „вѣдомой лихой человѣкъ", то разбой наказывался смертною казнью наравнѣ съ татемъ, душегубцемъ, государственнымъ убойцемъ, церковнымъ татемъ, головнымъ татемъ, зажигалъщикомъ и т. д. (Судебн. 1-й ст. 8, 9; Суд. 2-ой, ст. 59, 60 и 61). Но какъ опредѣлить сравнительную наказуемость разбоя и другихъ преступленій, за исключеніемъ татьбы, если обвиняемый не будетъ „вѣдомой лихой человѣкъ"? Наказуемость татя въ послѣднемъ случаѣ опредѣляется въ Судебникахъ и Губныхъ грамотахъ; если мы сравнимъ эту наказуемость съ тою, которую устанавливаетъ Кн. Разбойнаго Приказа для разбоя (ст. 10), то получимъ слѣдующее: 1) за первую татьбу (безъ поличнаго) законъ предписываетъ виновнаго „казнити торговою казнію бити кнутомъ...а его дати на крѣпкую поруку" (Судеб. 1-й, ст. 10; Судеб. 2-й, ст. 55, 56) или „бивъ кнутьемъ, да выбити изъ земли вонъ" (Губ. Наказъ 1549, А. Э. т. 1, № 224, стр. 215) или „бивъ кнутьемъ, дати его на поруки" (Губн. Гр. 1586, ibid., № 330, стр. 398); что касается разбоя—то „разбойникомъ сидѣти въ тюрьмѣ до указу" (Кн. Разб. Прик., ст. 10); 2) за татьбу, совершенную въ другой разъ, виновный по Судебникамъ подвергается смертной казни (Судеб. 1-й, ст. 11; Судеб. 2-й, ст. 56), а по губнымъ грамотамъ наказывается кнутомъ, отсѣченіемъ руки (см. ibid., № 330) и изгнанію (см. ibid., № 224); совершеніе разбоя во второй разъ, по непонятнымъ для насъ причинамъ, не составляло понятія рецидива; 3) наконецъ, совершеніе татьбы и разбой въ третій, четвертый и свыше того разы во всѣхъ законодательныхъ памятникахъ равно подвергаетъ виновнаго смертной казни. Изложенный сравнительный очеркъ наказуемости разбоя и татьбы даетъ основаніе ду-

Digitized by Google

мать что до половины XVII в. разбой не только не наказывался строже татьбы, но, напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ слабѣе. Въ Соборномъ уложеніи, а также въ новоуказныхъ статьяхъ относительная наказуемость разбоя нѣсколько измѣняется, въ чемъ нельзя не видѣть значительный шагъ впередъ въ развитіи понятія насильственнаго похищенія чужой собственности московскаго законодательства. За преступленіе, совершенное въ первый разъ, по Уложенію царя Алексѣя Михайловича, виновный въ татьбѣ лишался лѣваго уха, подвергался двухгодичному тюремному заключенію и ссылкѣ на работу, а виновный въ разбоѣ—лишался праваго уха, подвергался трехгодичному тюремному заключенію и также посылался „въ кандалахъ работати всякое издѣліе, гдѣ Государь укажетъ". Незначительное здѣсь различіе въ степени наказуемости въ болѣе рѣзкой формѣ опредѣляется при совершеніи преступленія во второй разъ: повтореніе разбоя влекло за собой для виновнаго смертную казнь, а совершившій татьбу во второй разъ лишался праваго уха, подвергался четырехгодичному заключенію и ссылкѣ на работы (Уложеніе, гл. XXI, ст. 9 и 16; 10 и 17; 13 и 18); но совершеніе преступленія въ третій, четвертый и свыше того разы какъ въ татьбѣ, такъ и въ разбоѣ, равно подвергало виновнаго смертной казни (Уложеніе, ibid. ст. 11). Въ новоуказныхъ статьяхъ указанное явленіе, то-есть усиленіе наказуемости разбоя сравнительно съ татьбой, получаетъ дальнѣйшее развитіе (новоук. статьи, ср. ст. 8 и 17; 9, 10 и 18; 11 и 19), которое рѣзко нарушается указомъ 28 ноября 1682, гдѣ устанавливается совершенно одинаковая наказуемость татьбы и разбоя, совершенныхъ въ первый разъ (П. С. З. № 970).

§ 19. Въ законодательныхъ памятникахъ разсматриваемаго періода мы замѣчаемъ слѣдующее явленіе: съ одной стороны, прежнее значеніе грабежа, какъ правонарушенія безъ злоумышленной цѣли присвоенія чужаго имущества, окончательно выясняется, съ другой стороны, хотя и весьма слабые, но замѣчаются признаки образованія понятія грабежа, какъ преступленія съ тою же цѣлью, какъ и въ воровствѣ, lucri faciendi causa. Таковъ историческій ходъ законодательства нашего: первоначально вовсе неизвѣстное выдѣленіе понятія грабежа, какъ преступленія sui generis, съ развитіемъ юридической жизни обнаруживается въ законодательствѣ половины XVII в., но самый характеръ, условія этого выдѣленія, какъ это мы увидимъ ниже, говорятъ въ пользу того, что указанное понятіе совершенно новое, что прежде оно было неизвѣстно.

Digitized by Google

При изложеніи законодательства періода мѣстныхъ законовъ было указано нами, что бой и грабежъ при обвиненіяхъ шли вмѣстѣ, раздѣляли, такъ сказать, общую процессуальную судьбу. Въ памятникахъ XVI—XVII вв. мы видимъ то же явленіе: „о боѣ и грабежѣ“ говорятъ оба Судебника, всѣ почти уставныя грамоты, говоритъ о нихъ и Соборное Уложеніе; разсмотримъ всѣ извѣстныя намъ случаи „боя и грабежа“ съ цѣлью установить характеръ и значеніе этихъ правонарушеній. Вопервыхъ, бой и грабежъ—частное правонарушеніе и по большей части фигурируетъ на ряду съ дѣлами и предметами гражданскаго права, какъ-то: поклажею, займомъ, ссудами, ссудами по кабаламъ и „въ иныхъ такихъ дѣлѣхъ“ (Уложеніе, гл. XVIII, ст. 39 и 47; Судеб. 1-й, ст. 6, 48; Судеб. 2-й, ст. 11, 16, 31, 62; Дополнит. къ Судебнику статьи 1620 — 1645, А. И. т. III, № 92, Уставн. Гр. Царя Ивана Васильевича Двинскимъ тіунамъ, Русск. Достопамятности, ч. 1, стр. 128 и другія Уставныя); что дѣла о боѣ и грабежѣ возбуждались не иначе, какъ по жалобѣ обвиняемаго, что грабежъ по общему правилу вѣдался судомъ—объ этомъ сказано было выше и едва-ли есть надобность подкрѣплять это положеніе рядомъ ссылокъ, въ которыхъ, разумѣется, не оказалось бы недостатка. Вовторыхъ, въ чемъ заключается цѣль „боя и грабежа“, какой здѣсь мотивъ „дѣйствія“? Въ большинствѣ случаевъ „бой и грабежъ“ имѣютъ своимъ мотивомъ извѣстныя недоразумѣнія въ поземельныхъ или личныхъ отношеніяхъ, а цѣлью—причинить извѣстный имущественный ущербъ, нанести личную обиду въ отместку за что либо. Въ этомъ значеніи, бой и грабежъ обыкновенно сопровождали наѣзды, о которыхъ мы говорили выше, при анализѣ понятія находа Псковской Судной грамоты; наѣзды эти предпринимались изъ-за потравы (Акты Юридич., Пр. грамота 1525, № 17), изъ-за неправильно-покошеннаго луга, изъ-за порубки лѣса и занятія поля (Ак. гражд. расправы, т. 1, № 70, 75; А. Юрид. Прав. Гр. 1542, № 52, V, стр. 205), изъ-за мельницы (А. гражд. распр., т. 11, № 115), изъ-за рыбной ловли (А. гражд. распр., т. 1, № 105, 1640 г.) и т. д. Затѣмъ, извѣстны случаи боя и грабежа изъ-за гончихъ собакъ (Доп. къ Описанію г. Шуи, II, стр. 453), изъ-за неправильныхъ дѣйствій извѣстнаго лица [1]) (Стар. Акты

[1]) Случай слѣдующій: священникъ старецъ Лаврентьище пріѣхалъ въ Шую на посадъ собирать «*Архіепископы пошлины*» и велѣлъ, между прочимъ, взять дворника Ивашка Яковлева сына какъ бы «*въ великомъ духовномъ дѣлѣ*», а Троицкой слуга Иванъ Горчаковъ «собрався со многими незнаемыми людьми» *про-*

Digitized by Google

Шуи, челоб. 1628, №№ 26 и 27; срав. челоб. 1649, № 65), вообще изъ-за личныхъ счетовъ какихъ либо (челоб. 1609 г., А. Э. т. II, № 142; Челоб. 1619 г., Описаніе Шуи, № 68; челоб. 1657, Стар. Акты Шуи, № 84) и т. д. Но всего болѣе выясняется обычная связь боя и грабежа съ поземельнымъ споромъ изъ указовъ 1681 и 1684 годовъ: въ одномъ изъ нихъ читаемъ: „а нынѣ вѣдомо.... Великому Государю сдѣлалось, что въ помѣстьяхъ и вотчинахъ и въ земляхъ и лугахъ и во всякихъ угодіяхъ межъ ими (то-есть помѣщиками) чинятся по прежнему споры и ссоры многія, и за то у нихъ и нынѣ чинятся бои и грабежи, а у иныхъ... и смертныя убійства". (П. С. З., № 866), а въ другомъ указѣ „и тѣ спорныя земли и всякія угодія размежевать и про насильство и про бой и про грабежъ и про смертное убійство разыскивать и давать очныя ставки истцамъ..." (П. С. З., № 888; указъ 1684, апр. 22, № 1073, ст. 66 — 78. См. также Грамоты по суднымъ дѣламъ 1555 — 1556, Д. А. И. т. I, № 51. IX; Прав. Грам. 1534, А. отн. до юрид. б. № 52. IV, стр. 175, 183—184 и др.). Въ третьихъ—иски о боѣ и грабежѣ раздѣлялись по цѣнѣ на малые „до рубля или свыше того" „грабежевъ въ рублѣ или въ дву" и великіе „рублевъ до двадцати или до тридцати или свыше того" (см. уставн. грамоты 1556, 1561, 1606, 1614 г. и др. Уложеніе, чл. X, ст. 179); мировыя допускались, кажется, на общихъ основаніяхъ для всѣхъ дѣлъ частнаго права (см. Судеб. 1-й, ст. 48 и 53; Судеб. 2-й, ст. 16 и 31; Уставныя Грамоты: „а кто скажетъ грабилъ, а въ бою только не помирятся, ино чемъ присуждати въ безчестьѣ цѣлованья съ жеребья". Мировая 1625, Акты Юридич. № 274; Сравн. Уст. переяслав. рыболовствамъ 1506, А. Э. т. I, № 143; Уст. гр. Артемоновскаго стана крестьянамъ 1506, ibid. № 144; здѣсь миров. въ боѣ, лаѣ и займѣ). Въ четвертыхъ — памятники разсматриваемаго періода стараются разграничить при обвиненіяхъ бой отъ грабежа (Судеб.

шелъ на Архіепископлевъ дворъ и меня старца лаялъ... (говоритъ въ челобитной истецъ) *и билъ и того Ивашка иконника у меня выбилъ, а грабежу... взялъ у меня тотъ Троецкой слуга...* и т. д. (стр. 46 и 47, № 26). Иванъ Горчаковъ съ своей стороны подалъ челобитную на старца Лаврентьище въ томъ, что онъ, посадивъ «*на цепь Ивашка Яковлева и вымучилъ на немъ двѣсти рублей*» и его Ивана Горчакова, пришедшаго справиться о Ивашкѣ Иконникѣ, старецъ Лаврентьище билъ и отнялъ полутораста рублей монастырскихъ денегъ (стр. 48—49, № 27). Здѣсь, слѣдовательно, взаимный «бой и грабежъ».

Digitized by Google

2-й, ст. 25 и Уст. гр., приведенныя выше); задатки подобнаго разграниченія мы видимъ еще въ Псковской Судной Грамотѣ (ст. 27). Указанное явленіе, а также сильное развитіе въ судебной практикѣ того времени поклепныхъ исковъ говоритъ въ пользу того мнѣнія, что „обиженные, желая получить бо̀льшее удовлетвореніе, считали выгоднѣйшимъ къ обвиненію въ побояхъ всегда присоединять грабежъ“ (М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Христ., в. II, стр. 120, прим. 47). Въ уставныхъ грамотахъ замѣтно особое недовѣріе къ обвиненію въ грабежѣ при боѣ: „а скажутъ, что имъ бой былъ, а о грабежѣ имъ вѣдома нѣтъ, а ищея искалъ не по своимъ животомъ и имъ ищею тѣмъ обвинити“; тамъ же встрѣчаемъ слѣдующее: „А которые волостные люди учнутъ искать на своихъ волощанѣхъ боевъ и грабежевъ ябедничествомъ дважды и трижды... тѣхъ ябедниковъ... бити кнутомъ да выслати изъ волости, а животовъ ихъ не грабити“ [1]). (См. Уст. 1556, стр. 517; Уст. 1561, стр. 281 — 282; Уст. 1614, стр. 75; сравн. Уст. 1606, стр. 120). Соборное Уложеніе еще строже относится къ поклепнымъ искамъ въ боѣ и грабежѣ: „да ему же учините жестокое наказаніе, велѣти его у приказу при многихъ людѣхъ бити кнутомъ нещадно, и посадити въ тюрьму, на сколько Государь укажетъ...“ (гл. X, ст. 186, 187; гл. VII, ст. 31; см. также жалобы Шуянъ на поклепные иски въ боѣ и грабежахъ, Челобитн. 1653, Стар. Акты Шуи, № 79, Жалов. Льготн. Грам. 1654 г. въ отвѣтъ на челобитную, описаніе Шуи, № 29). Въ пятыхъ—наказуемость боя и грабежа или одного грабежа при боѣ опредѣлить очень трудно: несомнѣнно лишь указаніе памятниковъ на то, что за грабежъ виновный по бо̀льшей части подвергался денежному наказанію: „а въ пенѣ тому отвѣтчику, что Государь укажетъ“ (Уложеніе, гл. X, ст. 136; Судебн. 2-й, ст. 25; см. также уставныя). Въ нѣкоторыхъ актахъ „за грабежъ и за всякое насильство“ со стороны воинскихъ людей предписывается „по обышней винѣ бити батоги, а по бо̀льшей винѣ бити кнутомъ“ (Наказъ 1633, А. Э. т. III, №№ 223, 224,

---

1) Грабежъ въ значеніи потока и разграбленія Русской Правды мы не встрѣчаемъ болѣе въ законод. памятникахъ XVI—XVII в., но въ народномъ сознаніи, очевидно, продолжаетъ еще жить эта мѣра наказанія; такъ, въ одномъ изъ неофиціальныхъ актовъ, въ Приговорной Грамотѣ Троицко-Сергіево монастырскаго Собора 1555 г. читаемъ: *«о скомороха, или волхва, или бабу ворожею, бивъ да ограбивъ, да выбити изъ волости вонъ»* (А. Э. т. I. № 244, стр. 267).

Digitized by Google

236 и пр.); въ концѣ XVII вѣка помѣщики „за насиліе и грабежъ" въ поземельныхъ отношеніяхъ подвергались или „великой опалѣ" или „жестокому наказанію и ссылкѣ въ дальніе города", а ихъ люди, крестьяне—если только они совершили насиліе и грабежъ безъ вѣдома помѣщика—подлежали. торговой казни и вѣчной ссылкѣ въ Сибирь съ женами и дѣтьми (указъ 1681, П. С. З, № 866). Послѣ всего сказаннаго о боѣ и грабежѣ московскаго законодательства едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что здѣсь никакъ нельзя видѣть грабежъ въ современномъ значеніи этого слова или, по крайней мѣрѣ, въ значеніи близкомъ къ нему.

Но кромѣ указаннаго значенія грабежа, какъ послѣдствія побоевъ или обстоятельства, сопровождающаго бой, грабежъ нерѣдко употребляется въ актахъ XVI—XVII вѣковъ въ смыслѣ вообще насилія, притѣсненія, а иногда вымогательства; такъ, напримѣръ, Корѣляне жалуются въ 1657 году, что „заставной голова... Мордвиновъ ихъ мучитъ и грабитъ" и просятъ „велѣть тотъ грабежъ сыскать и указъ учинить" (Царск. Гр. 1657, А. Э. т. IV, № 94); по поводу жалобъ Вологодскихъ крестьянъ на стрѣльцовъ въ грабежахъ памятникъ говоритъ: „а говорили тѣ атаманы и сотники, господине, что они по боярскому указу и по подорожнымъ... подводы у крестьянъ имали, а они деи то будетъ ставятъ въ грабежъ" (1612 г., Д. А. И. т. I, № 165, стр. 291); „а будетъ, говоритъ Шертная запись 1656 г., что мимо сей нашей шертной записи учинится... какое безчестье или тѣснота или на дорогѣ бой и грабежъ въ проѣздѣ" и т. д. (П. С. З., № 176); въ челобитной 1608 или 1609 г. читаемъ: „отъ тѣхъ Государь, ратныхъ людей Государеву Богомолью монастыремъ и монастырскимъ вотчинамъ грабежъ и насиліе было великое" (А. И. т. II, № 352); Старорусскіе посадскіе люди жалуются, что „за такимъ ихъ Иверскаго монастыря старцовъ и слугъ и служебниковъ за насильнымъ владѣніемъ за тѣснотами и за обидами и за грабежами... Государей казны пошлинѣ (на соль) чинится поруха большая" (Челоб. 1693 — 1696, А. И. т. V, № 228); въ 1695 г, „отъ такого воеводскаго и ясачныхъ сборщиковъ воровства и мученья и грабежа" ясачные люди бѣжали въ Китайскую имперію (П. С. З., № 1526); именный указъ 1696 г. предписываетъ взять показанія съ торговыхъ людей Сибирскихъ городовъ „какихъ обидъ и налогъ и грабежу не было-ли" со стороны воеводъ и ясачныхъ сборщиковъ (П. С. З. № 1535); возмутившимся стрѣльцамъ въ 1682 году строго наказывается „въ Москвѣ и въ городахъ ни-

Digitized by Google

кого безъ указу не имати и за караулы не сажати... „ни которого своевольства и грабежу не чинить“ (П. С. З., № 266); въ числѣ насилій и самоуправныхъ дѣйствій Григорія Кашинцева въ Шуѣ челобитныя указываетъ и грабежъ (Описаніе Шуи; № 40 бѣглые крестьяне, ограбившіе своихъ помѣщиковъ судятся, „за побѣгъ и грабежъ“ (наказъ 1658, Д. А. И. т. IV, № 48; 1664, П. С. З., № 364. См. также А. Э. т. II, №№ 69 и 201; т. III, №№ 41, 167 и 253; А. И. т. I, №№ 200, 351; Д. А. И. т. III, № 56; Собр. Госуд. Гр. и Дог., ч. II, № 268 и многіе др. акты). Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича также говоритъ о лаѣ, боѣ и грабежѣ „на перевозѣ или на мыту“ въ значеніи вообще насилія, притѣсненія (гл. IX, ст. 3), говоритъ о грабежѣ въ смыслѣ злоупотребленія помѣщичьей властью (гл. XVI, ст. 45).

Если только подъ грабежомъ въ большей части случаевъ понималось вообще всякое насиліе относительно имущества другаго, то для насъ становится понятнымъ приведенный случай въ судебной практикѣ того времени, когда явилось затрудненіе „во что ставить“ ограбленія, совершаемыя казаками: въ разбой или въ грабежъ?“ (Кн. Разб. Прик., ст. 65). Съ одной стороны, въ дѣйствіяхъ казаковъ было много весьма сходнаго съ организованнымъ разбоемъ въ видѣ шайки: стоятъ казаки станомъ, имѣютъ подобно разбойникамъ атамановъ и есауловъ, производятъ грабежи; съ другой стороны, законодательные памятники того времени очень послѣдовательно различаютъ случаи разбоя отъ случаевъ грабежей, совершаемыхъ людьми, для которыхъ преступленіе не составляетъ ремесла (см. § 18). Въ судебной практикѣ возникло недоумѣніе: считать-ли насиліе и грабежи казаковъ ихъ постояннымъ занятіемъ, а потому и судить ихъ за разбой или, напротивъ, въ ихъ дѣйствіяхъ слѣдуетъ видѣть не больше, какъ насиліе, грабежъ? Вотъ въ какомъ смыслѣ понимаемъ мы приведенное выше мѣсто Книги Разбойнаго Приказа.

Въ Соборномъ Уложеніи, кромѣ изложенныхъ, извѣстны случаи классифицированнаго грабежа, напримѣръ, поджогъ съ цѣлью ограбленія (гл. X, ст. 228), или грабежъ у родителей (гл. XXII, ст. 5); мы не станемъ затѣмъ останавливаться на другихъ случаяхъ насильственныхъ дѣйствій противъ собственности другаго лица въ Уложеніи 1649 г., которые, будучи по большей части заимствованы изъ Литовскаго статута, не имѣютъ непосредственнаго интереса для выясненія предмета настоящаго изслѣдованія (гл. II, ст. 20 и 21; гл. XI, ст. 21 и 22, 30, 31 и 32; гл. X, ст. 198. 211 и 231 и др.).

Digitized by Google

Открытое, явное ограбленіе московское законодательство разсматриваетъ, какъ одинъ изъ видовъ татьбы; въ этомъ мы видимъ единственно вѣрный и неподлежащій сомнѣнію выводъ изъ относящихся сюда статей (Уложеніе, гл. XXI, ст. 15; новоуказ. статьи, ст. 14). Относительно дальнѣйшаго объясненія этихъ весьма спорныхъ статей мнѣнія раздѣляются: одни видятъ тутъ грабежъ [1]), другіе — мошенничество [2]). Послѣднее мнѣніе имѣетъ за себя послѣдующее развитіе нашего законодательства, которое дѣйствительно указываетъ на несомнѣнную, видимую связь между понятіемъ мошенничества конца XVIII в. („когда кто на торгу или въ иномъ многолюдномъ мѣстѣ... внезапно у кого что отниметъ или унесетъ“ указъ 7 апр. 1781, П. С. З., № 15147; Сводъ Зак., т. 15, ст. 702) и статьями Уложенія и Новоуказныхъ статей („А которые воры... по улицамъ людей рѣжутъ, и грабятъ и шапки срываютъ“). Внезапность дѣйствія здѣсь составляетъ общій признакъ правонарушенія; но разсматривая ближе случай, приведенный въ ст. 15 Уложенія и 14 Новоуказ. статей, мы видимъ, что внезапность дѣйствія въ нихъ составляетъ лишь одинъ изъ признаковъ, что кромѣ срыванія шапокъ преступное дѣйствіе въ настоящемъ случаѣ характеризуется слѣдующими выраженіями памятниковъ московскаго законодательства: „рѣжутъ и грабятъ“; очевидно, по содержанію текста статей, нанесеніе ранъ и даже самой смерти (ст. 14 новоуказ. статей) имѣетъ цѣлью ограбленіе, а тамъ, гдѣ послѣднее совершается съ насиліемъ подобнаго рода, кажется, нѣтъ мѣста признаку внезапности дѣйствія. Если это такъ, то значитъ—указъ 1781 г. и Сводъ Законовъ, опредѣляя понятіе воровства-мошенничества, заимствовали лишь одинъ признакъ того случая, о которомъ говорятъ Соборное Уложеніе и Новоуказ. статьи, и далеко не исчерпали содержаніе его; затѣмъ остаются еще составныя части этого случая, которыя требуютъ объясненія. Можно думать, что ст. 15 Уложенія казуистическаго происхожденія, на что особенно указываетъ слѣдующее мѣсто: „а которые воры.... карты и зернью играютъ, и проигрався воруютъ“ — вовсе выпущенное въ новоуказныхъ статьяхъ; что московское законодательство сознавало необходимость выдѣлить изъ татьбы тѣ случаи, которые по своимъ особенностямъ

---

1) *Sokolski*, ibid., см. главу B. Die Plünderung nach der Уложеніе, S. 88—90.

2) *И. Я. Фойницкій*, Мошенничество по русскому праву, Спб. 1871, § 12, стр. 29; § 19, стр. 47—49.

Digitized by Google

не укладывались въ готовыя юридическія понятія, что въ ст. 15 Уложенія соединены признаки какъ мошенничества, такъ и грабежа, понятій вовсе или почти невыясненныхъ въ юридическомъ сознаніи того времени. Трудно утверждать, что въ внезапности дѣйствія Уложеніе видѣло мошенничество, что понятіе мошенничества въ томъ видѣ, въ какомъ находимъ мы его въ указѣ 1781 г., не составляетъ продуктъ иныхъ началъ юридической жизни конца XVIII в., безъ преемственной связи съ московскимъ законодательствомъ, тѣмъ болѣе, что въ ссылкахъ на источники подъ ст. 702 Свода Законовъ (т. XV) вовсе не указана ст. 15 Уложенія; въ противномъ случаѣ, то-есть, если согласиться съ тѣмъ, что эта статья имѣетъ въ виду случай мошенничества, какъ согласить между собой ст. 11 (да и мошенникамъ чинить тотже указъ, что... татемъ за первую татьбу) и ст. 15 (а которые воры.... людей рѣжутъ, и грабятъ, и шапки срываютъ.... и тѣмъ ворамъ чинити указъ тотже, какъ писано выше сего о татѣхъ), чѣмъ объяснить, что въ одной статьѣ памятникъ говоритъ о „мошенникѣ", а тремя статьями ниже вовсе не упоминаетъ объ этотъ терминѣ? Замѣтимъ къ этому, что Уложеніе никакъ не называетъ разсматриваемый случай ни мошенничествомъ, ни грабежомъ, а новоуказныя статьи, напротивъ, говорятъ: „и тѣмъ воромъ за грабежъ чинити... то и татемъ", но здѣсь грабежъ означаетъ лишь обстоятельство отнятія чужой собственности, безъ нанесенія ранъ и причиненія смерти, за что виновный подлежалъ самостоятельному наказанію.

На этомъ оставляемъ сомнительную сторону ст. 15 Уложенія и обращаемся къ тому совершенно безспорному выводу, къ которому приводитъ насъ изученіе памятниковъ всего древне-русскаго законодательства и въ которомъ окончательно убѣждаетъ, между прочимъ, указанная и разобранная статья такого важнаго по своему значенію и вліянію на позднѣйшее законодательство памятника, какъ Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Очевидно, въ юридическомъ сознаніи того времени не всегда открытое, явное нападеніе въ сферѣ имущественныхъ преступленій было обстоятельствомъ квалифицировавшимъ похищеніе чужой собственности, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ явный грабитель и тайный похититель чужой собственности подлежали равной уголовной отвѣтственности. По мѣткому и совершенно справедливому замѣчанію И. Я. Фойницкаго, „до Соборнаго Уложенія татьба была единственнымъ терминомъ для обозначе-

Digitized by Google

нія, съ одной стороны, тайнаго похищенія движимости, съ другой — насильственнаго отнятія ея, не переходящаго въ разбой" (ibid. стр. 20, 21). Въ Соборномъ Уложеніи, а также и въ послѣдующихъ законодательныхъ памятникахъ, „татьба" очищается, такъ сказать, отъ элементовъ, прямо противорѣчащихъ природѣ этого понятія, какъ тайнаго похищенія чужаго имущества: для выраженія способа дѣйствія употребляются нерѣдко выраженія „крадетъ, украдетъ"; насиліе не входитъ болѣе въ составъ этого понятія, и вотъ — какъ результатъ историческаго хода въ развитіи понятія татьбы—случаи похищенія чужаго имущества, совершаемые съ насиліемъ, выдѣляются изъ татьбы; но дальше одного только выдѣленія подобныхъ случаевъ московское законодательство не идетъ, оно не дошло еще до полнаго сознанія, что явное насиліе въ преступленіяхъ имущественныхъ усиливаетъ уголовную отвѣтственность виновнаго сравнительно съ тѣмъ, кто тайно совершаетъ преступленіе, крадетъ, а потому оно не дѣлаетъ никакого различія въ уголовной отвѣтственности за „татьбу" и „грабежъ".

§ 20. Изложеннымъ мы закончимъ древній періодъ исторіи нашего права и перейдемъ къ новѣйшему. Изученіе памятниковъ московскаго законодательства приводитъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ относительно предмета настоящаго изслѣдованія:

1. Разбой и вообще насилія надъ чужимъ имуществомъ составляютъ наиболѣе выдающееся и постоянное явленіе общественной жизни въ XVI—XVII вв.; московское правительство, озабоченное „искорененіемъ" разбоевъ и насилій, принимаетъ рядъ мѣръ противъ усиленія ихъ.

2. Изученіе законодательныхъ памятниковъ не оставляетъ сомнѣнія, что разбой и грабежъ выражаютъ различныя по природѣ своей понятія, но различіе это не всегда выдерживается.

3. Разбой московскаго законодательства большею частью означаетъ насильственное злоумышленное нападеніе на чужое имущество, совершаемое шайкой злодѣевъ, въ видѣ ремесла; преступленіе это принадлежитъ къ числу наиболѣе тяжкихъ, преслѣдуется ex officio, и не допускаетъ частнаго примиренія.

4. Въ системѣ преступленій разбой только съ половины XVII в. считается болѣе преступнымъ, нежели татьба, хотя указанное отношеніе этихъ двухъ родственныхъ преступленій нельзя считать окончательно установившимся.

Digitized by Google

5. Подъ грабежомъ московское законодательство, подобно предшествующему періоду исторіи русскаго права, понимаетъ вообще всякое насильственное дѣйствіе въ сферѣ имущественныхъ отношеній и не знаетъ еще понятія грабежа, какъ преступленія sui generis, въ современномъ значеніи этого термина.

6. Со времени Соборнаго Уложенія признакъ насилія выдѣляется изъ состава татьбы и едва зарождается то понятіе грабежа, которое знаетъ дѣйствующее право.

Дм. Тальбергъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

ЛѢТОПИСИ АССИРІЙСКИХЪ ЦАРЕЙ [1]).

II.

Древняя династія ассирійскихъ царей прекращается послѣ (перваго) разрушенія Ниневіи. Въ 744 году вступаетъ на престолъ Туклатпаласаръ II, неизвѣстнаго происхожденія; это библейскій Ѳеглаѳелласаръ [2]). Развалины дворца его сохранились на Калахской платформѣ, но въ жалкомъ видѣ. Вопреки обычаю, временемъ освященному,—хранить барельефы и надписи въ дворцахъ предшественниковъ, одинъ изъ преемниковъ Туклатпаласара опустошилъ его дворецъ, чтобы воспользоваться его мраморными плитами для собственнаго дворца; такимъ образомъ много надписей Туклатпаласара погибло.

Изъ оставшихся надписей видно, что Туклатпаласаръ, подобно древнѣйшимъ царямъ Ассиріи, носилъ титулъ царя Сумировъ и Аккадовъ, владѣлъ Вавилономъ и сдѣлалъ обширныя завоеванія: покорилъ Персію (Парсуа), Мидію, Парѳію, Арію (Аріарми), Араховію (Аракатту), землю Нису (Nisoea древнихъ), Сагартію (Зикрати), Сирію съ частью берега Средиземнаго моря и сѣверную Аравію.

Общія черты походовъ были тѣ же, что и прежде: жестокое опустошеніе странъ („какъ зерна смололъ я страну Бет-Амукани"), переселеніе побѣжденныхъ въ Ассирію, дань, поставленіе собственныхъ

---

[1]) Окончаніе. См. іюньскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1879 годъ.

[2]) По греческому переводу Библіи; по еврейскому же тексту—Тиглатпилесеръ, см. 4 Цар. XV, 29; XVI, 7—10.

Digitized by Google

намѣстниковъ на мѣста туземныхъ царей и побѣдныхъ статуй посреди покоренныхъ городовъ.

Между данниками Туклатпаласара II упоминаются: Іаухази (Ахазъ), царь Іауда (Іудея), Разунъ (Рецинъ [1]), царь Димаска (Дамаскъ) и Минимми (Менаимъ [2]), царь Самирины (Самарія), Ма'абъ (Моавитяне), Удуму (Идумея), земля Аскалуна (Аскалонъ) и царица земли Ариби (Аравія [3]). Туклатпаласаръ царствовалъ 18 лѣтъ (до 727 г.) и хронологическая таблица при одномъ изъ списковъ Лимму перечисляетъ, по годамъ, его главнѣйшія дѣянія [4]). Его преемникомъ былъ Салманасаръ V; это библейскій Салманассаръ, положившій конецъ Израильскому царству [5]). Въ ассирійскихъ памятникахъ сохранилось только имя его въ спискѣ Лимму подъ 722 годомъ [6]).

Могущество Ассиріянъ достигло своего апогея и угнетенные ими народы Азіи обращали теперь взоры свои къ Египту, надѣясь, въ союзѣ съ этимъ могущественнымъ государствомъ, избавиться отъ ассирійской тиранніи; такъ поступилъ и Осія, царь израильскій, возставая противъ Салманассара, и отправивъ пословъ къ царю египетскому, но этимъ ускорилъ лишь гибель своего царства: послѣ трехлѣтней осады Самарія была взята Ассиріянами (721 г.), причемъ Израильтяне переселены были въ Ассирію и города мидійскіе, а на мѣсто ихъ поселены люди изъ Вавилона и другихъ городовъ Ассирійской монархіи [7]). Могущество Ассиріянъ было еще несокрушимо.

Преемникомъ Салманассара V въ спискѣ Лимму названъ Саркинъ, — библейскій Саргонъ [8]), строитель Хорсабадскаго дворца, открытаго Боттою въ 1843 г. Въ одной изъ залъ его вверху по четы-

---

[1]) 4 Цар. XVI, 5—9.

[2]) 4 Цар. XV, 14—19. Дань на Менаима наложена была еще Фуломъ (4 Цар. XV, 19), предшественникомъ Туклатпаласара, имя коего не найдено въ лѣтописяхъ ассирійскихъ; точно также какъ мы не находимъ въ лѣтописи Туклатпаласара упоминанія о походѣ его на Израильское царство при Факсѣ, второмъ преемникѣ Менаима, причемъ часть народа переселена была въ Ассирію (см. 4 Цар. XV, 29.

[3]) Annales des rois d'Assyrie, стр. 137 — 147. При настоящемъ состояніи науки нѣтъ еще возможности названія всѣхъ земель, платившихъ дань Туклатпаласару, пріурочить къ извѣстнымъ намъ именамъ.

[4]) Annales, стр. 148.

[5]) 4 Цар. XVII, 3; XVIII, 9—11.

[6]) Annales, стр. 302.

[7]) 4 Цар. XVII, 3—6. 24; XVIII, 9—11. См. книгу Товита.

[8]) Ис. XXI, 1.

Digitized by Google

ремъ стѣнамъ ея, начиная съ лѣвой стѣны отъ входа, тянулась, въ видѣ фриза, длинная лѣтопись царствованія строителя дворца, раздѣленная на 40 столбцевъ. Содержаніе лѣтописи или главные факты ея повторялись и въ прочихъ залахъ — на стѣнахъ, на полу, на колоссальныхъ каменныхъ быкахъ у главнаго входа; металлическія дощечки съ именемъ строителя найдены были въ основаніи зданія; рядомъ съ надписями — барельефы наглядно представляли то, о чемъ тѣ повѣствовали [1]). Дворецъ Саркина—это была открытая книга его царствованія.

Происхожденіе Саркина неизвѣстно; онъ былъ очевидно основателемъ новой династіи. Вмѣсто обыкновеннаго перечисленія именъ отца, дѣда, прадѣда, надписи его начинаются такъ: „Саркинъ, потомокъ Бела (бога), Патисъ (первосвященникъ) Ассура, царь сильный, царь полчищъ, царь земли Ассуръ“ [2]). Или такъ: „Саркинъ, царь великій, царь сильный, царь полчищъ, царь земли Ассуръ, намѣстникъ боговъ въ Вавилонѣ, царь Сумировъ и Аккадовъ“ [3]). Время вступленія его на престолъ совпадаетъ съ годомъ взятія имъ Самаріи (721 г. [4]). Это обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что, при помощи извѣстнаго намъ списка Лимму, даетъ возможность перевести ассирійское лѣтосчисленіе на наше [5]); оно рѣшаетъ затѣмъ вопросъ о томъ, какой царь ассирійскій взялъ Самарію и переселилъ Израильтянъ въ Ассирію. Доселѣ такимъ царемъ почитался Салманассаръ V, что можно было вывести изъ словъ 4-й книги Царствъ (гл. XVIII, ст. 9—11): „Въ четвертый годъ царя Езекіи, то-есть въ седьмой годъ Осіи, сына Иліи, царя израильскаго, пошелъ Салманассаръ, царь ассирійскій, на Самарію и осадилъ ее; и взялъ ее черезъ три года.... и переселилъ царь ассирійскій Израильтянъ въ Ассирію“. Въ предыдущей же главѣ (XVII, 3—6) въ исторіи царствованія израильскаго царя Осіи, гдѣ объ отношеніяхъ къ Ассиріи разказывается подробнѣе, сказано сначала, что противъ Осіи выступилъ Салманассаръ и наложилъ на него дань; затѣмъ, замѣтивъ измѣну Осіи [6]),

---

[1]) Annales, стр. 155—157.

[2]) Annales, стр. 205.

[3]) 16. 158. Сумиры и Аккады — два главные народа, населявшіе Месопотамію.

[4]) Annales, стр. 161.

[5]) См. начало нашей статьи въ *Ж. М. Н. Пр.* 1879 г., іюнь, стр. 168—169.

[6]) Осія вступилъ въ сношенія съ Египтомъ, причемъ и дань пересталъ доставлять царю ассирійскому.

Digitized by Google

царь ассирійскій взялъ его подъ стражу и заключилъ въ домъ темничный; и наконецъ: „пошелъ царь ассирійскій на всю землю и приступилъ къ Самаріи, и держалъ ее въ осадѣ три года. Въ девятый годъ Осіи взялъ царь ассирійскій Самарію, и переселилъ Израильтянъ въ Ассирію". Такимъ образомъ, въ болѣе подробномъ разказѣ XVII главы три раза упоминается о царѣ ассирійскомъ по случаю трехъ разныхъ событій: заключенія Осіи въ темницу, осады и взятія Самаріи и переселенія Израильтянъ въ Ассирію, причемъ имя царя ассирійскаго не названо; такъ что можно приписать эти дѣйствія Салмавассару, о коемъ упомянуто въ началѣ, но можно отнести и къ другому царю, напримѣръ къ его преемнику. Лѣтопись Саркина (Саргона) рѣшаетъ этотъ вопросъ. Вотъ что говорится въ ней отъ имени царя Саркина: „Въ началѣ царствованія моего.... съ помощію бога Самаса, дарующаго побѣду мнѣ надъ врагами моими, я осадилъ, я взялъ городъ Самирину (Самарію), я обратилъ въ рабство 27,280 жителей и переселилъ ихъ въ землю Ассуръ (Ассирію [1])". Это свидѣтельство ассирійской лѣтописи, не противорѣчащее библейскому тексту 4 Цар. XVII, 3 — 6, а скорѣе поясняющее его, легко можетъ быть согласовано и съ 4 Цар. XVIII, 9—11, если предположить, что Салманассаръ началъ осаду Самаріи, длившуюся три года [2]), а кончилъ ее Саркинъ (Саргонъ), бывшій вѣроятно, въ арміи Салманассара тартаномъ, то-есть главнокомандующимъ [3]) и слѣдовательно распоряжавшимся ходомъ осады, почему онъ и могъ сказать о семъ въ лѣтописи своей, что онъ „осадилъ" Самарію и затѣмъ взялъ ее. Если предположить, что Салманассаръ умеръ во время осады,—быть можетъ, въ концѣ ея, и мѣсто его занялъ Саргонъ (Саркинъ), то этой перемѣны въ осажденномъ городѣ могли и не замѣтить, или не обратить на нее вниманія, такъ какъ это не измѣняло положенія дѣла; и такимъ образомъ священный авторъ 4-й книги Царствъ въ краткой замѣткѣ своей (гл. XVIII, 9, 10) не счелъ нужнымъ говорить о смерти Салманассара и замѣнѣ его Саргономъ.

---

[1]) Annales, стр. 161. Книга Товита представляетъ любопытный эпизодъ изъ жизни израильскихъ плѣнниковъ въ Ассиріи.

[2]) Масперо (Hist. anc. 1875 г. p. 391) полагаетъ, что Салманасаръ умеръ на второй годъ осады.

[3]) Такъ полагаетъ и Ленорманъ, прибавляя, что Саркинъ принадлежалъ также къ царскому роду и первые три года (до 718 г.) управлялъ лишь въ качествѣ опекуна и соправителя малолѣтняго сына Салманассарова Самданмалика. *Lenormant*, Manuel de l'Hist. anc. de l'Orient II, 88, 89.

Digitized by Google

Еще одно обстоятельство подтверждаетъ предположеніе, что Саркинъ былъ въ арміи Салманассара, когда тотъ осадилъ Самарію, и затѣмъ, по смерти Салманассара, заступивъ его мѣсто въ арміи и на престолѣ, окончилъ осаду: въ лѣтописи Саркина говорится, что онъ взялъ Самарію „въ началѣ своего царствованія“; и вслѣдъ затѣмъ повѣствуется о первомъ его походѣ на Кхумбанигаса, царя земли Эламъ (Сузіана). Такимъ образомъ, относя осаду и взятіе Самаріи къ началу своего царствованія, Саркинъ не признаетъ однако же этого дѣла „первымъ своимъ походомъ“, такъ какъ походъ на Самарію дѣйствительно предпринятъ былъ не имъ, а его предшественникомъ.

Саркинъ жилъ сначала въ Калахѣ, во дворцѣ Ассурнасиргабала, имъ обновленномъ. Дворецъ полуразрушенъ былъ землетрясеніемъ. „Я обновилъ ему снизу до верху“, говорилъ Саркинъ въ надписи, найденной въ одной изъ палатъ этого дворца, „я велѣлъ изобразить (на стѣнахъ его) осады городовъ, мною покоренныхъ, народовъ, мною порабощенныхъ, покаравъ ихъ за возстаніе, я украсилъ ими палаты, я наполнилъ дворецъ изображеніями великихъ боговъ“.... „Въ то же время я положилъ въ сокровищницу (la maison des trésors) 2 таланта 30 минъ золота, 2,100 талантовъ и 24 мины серебра, добычу съ Пизира царя Каркамиса (Кархемышъ) въ землѣ Кхатти, столица коихъ (Каркамисъ) лежитъ на берегахъ рѣки Пуратъ (Евфратъ) и которою я завладѣлъ“ [1]). Изъ Калаха направлялъ Саркинъ свои многочисленныя экспедиціи въ разныя стороны. Лѣтопись его перечисляетъ 15 такихъ походовъ, кончившихся побѣдоносно. „Вотъ что я совершилъ въ 15 походовъ моего царствованія“ такъ начинается большая лѣтопись дѣяній царя Саркина: „я наложилъ дань на всю землю, начиная съ Раса въ землѣ Эламъ (Сузіана)... до рѣки (Нила) въ землѣ Мусри (Египетъ) и до земель Аххари (Финикія) и Кхатти (сѣв. Сирія). Сильная рука моя распростерлась отъ г. Кхасмара до г. Симаспати въ отдаленной землѣ Мадаи (Мидія), лежащей къ востоку земли Налери и Иллипи, Беткхамбакъ, Парсуу (Персія), Ванъ, Урартху (соб. Арменія), Каску (Колхида) и Табалъ (въ М. Азіи)“. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе каждаго изъ 15 походовъ. 1-й походъ направленъ былъ противъ Кхумбанигаса. царя земли Эламъ (Сузіана),

[1]) Annales, p. 205, 206.

Digitized by Google

возставшаго противъ „великихъ боговъ“ [1])—онъ былъ побѣжденъ и „приведенъ подъ власть Ассура“.

Въ это же время нѣкто Мардукбаладанъ захватилъ верховную власть въ Вавилонѣ. Онъ удержался въ Вавилонѣ; но часть жителей Вавилона съ ихъ имуществомъ отведена были въ землю Хеттеянъ (въ сѣв. Сиріи). 2-й походъ направленъ былъ въ Сирію, для усмиренія возстанія, и въ Египетъ противъ эѳіопскаго царя Сабіе (Сабаконъ), покорителя Египта, у котораго народы Сиріи, угрожаемые ассирійскими завоевателями, искали теперь опоры. „Съ помощію Ассура“, Сабаконъ былъ побѣжденъ при г. Рапиккѣ (Рафіа), города его разрушены и въ Ассирію переселено 9,033 плѣнныхъ [2]). 3-й походъ направленъ былъ на сѣверъ для усмиренія отложившихся отъ ассирійскаго намѣстника въ землѣ Ванъ. 4-й походъ былъ противъ Кіаку, князя г. Синукхту (?) „возставшаго противъ великихъ боговъ“ и отказавшагося платить дань; семейство Кіаку и 7,350 жителей уведены въ плѣнъ. 5-й походъ противъ Пириза князя г. Каркемыша, тоже возставшаго противъ „великихъ боговъ“; жители Каркемыша переселены въ Ассирію, а въ Каркемышѣ поселены Ассиріяне. 6-й походъ предпринятъ былъ въ н. Арменію противъ Урсы, царя земли Урартху [3]), поднявшаго тамъ противъ Саркина многія даннические земли, въ томъ числѣ Ванъ, Наири. „Въ гнѣвѣ сердца моего я пустился на нихъ какъ туча саранчи“, повѣствуетъ Саркинъ въ своей лѣтописи, „какъ буря палъ я на г. Изирти, столицу земли Наири“. Возстаніе усмирено; поставлены намѣстники. „Посреди города (Кизази)“, говоритъ Саркинъ „я поставилъ боговъ (то-есть истукановъ), идущихъ предо мною, далъ городу имя Карадаръ и поставилъ тамъ изображеніе моего величества“. Двинувшись затѣмъ на востокъ въ Мидію, противъ областей Кхаркхара и Иллипи, гдѣ также вспыхнуло возстаніе, ассирійскій царь усмирилъ его, завоевалъ тамъ еще пять земель (Бетраматуа, Урикату, Сикрисъ, Сапарда и

---

[1]) То-есть главныхъ боговъ Ассиріи.

[2]) Объ этомъ походѣ Саркина или Саргона на Египетъ и Эѳіопію и уводѣ плѣнныхъ оттуда упоминается въ XX-й кн. прор. Исаіи.

[3]) Урартху—главная часть Арменіи, дѣлившейся тогда на много небольшихъ владѣній: Урартху или Арарти (у горы Арарата), Милидъ (Мелитена), Милдисъ (н. Эрзерумская область), Мусасиръ (Арсиса — къ сѣверу отъ оз. Ванъ), Манна (Ванъ—къ юв. отъ оз. Ванъ) и Наири (у истоковъ Тигра и Евфрата). См. *Maspero*, Hist anc. des peuples de l'orient, 1875, p. 398. 399.

Digitized by Google

Уріакку), ввелъ здѣсь культъ Ассура, ихъ главный городъ назвалъ по имени своему Кар-Саркинъ, принялъ дань отъ правителей 28 укрѣпленныхъ городовъ Мидіи и поставилъ свои изображенія во всѣхъ этихъ городахъ. 7-й походъ вызванъ былъ новымъ возстаніемъ въ Урартху, Наири, Ванѣ, Мадаи (Мидія). Возстаніе было опять усмирено, причемъ жители нѣсколькихъ городовъ выселены въ Ассирію и сооружены новыя крѣпости въ Мидіи вокругъ г. Кар-Саркина для удержанія въ покорности областей, завоеванныхъ въ предыдущій походъ, усилены укрѣпленія прежнихъ крѣпостей и получена дань отъ 22 правителей мидійскихъ крѣпостей; а въ столицѣ Наири, гор. Изирти, посреди его, поставлена была статуя царя, съ начертаніемъ на ней „славы Ассура". Затѣмъ Саркинъ пошелъ противъ нѣкоторыхъ племенъ земли Ариби (Аравіи), „страны отдаленной", и земли Бари, „неизвѣстной даже ученымъ и мудрецамъ, имя коего ни одинъ еще изъ царей, моихъ предшественниковъ, не слышалъ"; привелъ эти земли „въ повиновеніе Ассуру" и часть жителей ихъ переселилъ въ г. Самарію. Во время этого похода прислали дань Саркину Самсія, царица земли Ариби, Этамаръ, царь земли Саба [1]), и Пиригъ или Пирао (Фараонъ) царь земли Мусури (библ. Мицраимъ—Египетъ). 8-й походъ вновь направленъ былъ въ Арменію противъ Урсы, царя Урартху; на сей разъ Урса разбитъ былъ на голову и на лошади ускакалъ въ горы; 250 членовъ царскаго рода и множество людей Урсы были казнены. Затѣмъ направился Саркинъ на союзника Урсы Урсану, царя земли Музасиръ; перейдя неприступныя горы, онъ овладѣлъ городомъ Музасиромъ, „гдѣ живетъ богъ Галдіа". Урсана, въ страхѣ при приближеніи ассирійской арміи, спасся въ горы; семейство его, 8.160 плѣнниковъ и множество добычи, въ томъ числѣ и „боги [2]) Галдіа и Багабарта достались въ руки ассирійскаго царя. Урса, пять мѣсяцевъ блуждавшій между тѣмъ въ горахъ, спасая жизнь, узнавъ о взятіи города Музасира и бога его Галдіи, въ отчаяніи самъ себя лишилъ жизни, вонзивъ въ животъ кинжалъ. Послѣ усмиренія новаго возстанія въ Ванѣ упоминается еще о покореніи многихъ странъ, по видимому въ направленіи къ востоку, между прочимъ „земли кипа-

[1]) Предметы дани были: ладонъ, металлы, большія собаки, лошади и верблюды.

[2]) Ср. 4 Цар. XIX, 17, 18: «Цари ассирійскіе разорили народы и земли ихъ, и побросали боговъ ихъ въ огонь; но это не боги, а издѣліе рукъ человѣческихъ, дерево и камень».

Digitized by Google

рисныхъ горъ" съ 115 городами ея гористой страны Арзабіи съ 140 городами и „областей, лежащихъ по ту сторону моря" (Каспійскаго?). 9-й походъ направленъ былъ въ Мидію и „отдаленныя области" Аравіи (онѣ перечисляются), а затѣмъ въ Киликію (Кхиллаку) для усмиренія возстанія, бывшаго въ связи съ возстаніемъ Урсы, царя Урартху. 10-й походъ предпринятъ былъ противъ Таргунази, царя земли Милидъ (въ Арменіи), и сосѣдней „обширной страны Кхамманъ, не покорившейся Ассуру"; возстаніе въ Милидѣ было усмирено, причемъ Таргунази съ его вождями закованы были въ цѣпи, а жена его, сыновья, дочери и 500 плѣнниковъ отведены въ столицу ассирійскую (Калахъ). Земля Кхамманъ была завоевана и передана въ управленіе намѣстнику. Для упроченія завоеванія построено въ покоренной странѣ десять крѣпостей; укрѣплена была также граница со стороны Урартху и Мусковъ [1]), принимавшихъ участіе въ предыдущихъ возстаніяхъ Урартху и Кхиллаку (Киликія). Въ 11-омъ походѣ взятъ былъ, между прочимъ, городъ Аздуду (Аздотъ или Азотъ), царь коего Азури отложился было, прекратилъ дань и пытался поднять противъ Ассиріянъ также и сосѣднихъ царей. По подавленіи возстанія, въ Аздотъ назначенъ намѣстникъ. 12-ый и 13-ый походы предпринимаемы были противъ Мардукбаладана, царя земли Кхалди (Халдея) [2]), утвердившагося и въ Вавилонѣ, въ началѣ царствованія Саркина [3]) Борьба была весьма упорная, такъ какъ Мардукбаладанъ заключилъ союзъ съ Кхумбанигасомъ, царемъ Эламскимъ, съ Арамейцами (Сирійцы), и „поднялъ противъ Саркина всѣ кочевыя племена" [4]); изготовясь къ войнѣ, онъ самъ двинулся на землю Сумировъ и Аккадовъ", но потерпѣлъ сильное пораженіе:

---

[1]) Къ сѣверу отъ земли Урартху (?)

[2]) Это библейскій *Меродахъ Валаданъ*, о которомъ упоминаетъ Исаія (39, 1), что онъ присылалъ письмо и дары Езекіи по случаю выздоровленія его,—вѣроятно съ цѣлью заключить союзъ; *Кхалди* или *Халдеи*—одно изъ колѣнъ Аккадскаго племени, жившее сначала, повидимому, въ узкомъ пространствѣ между южнымъ теченіемъ Евфрата и Аравійскою пустынею. Лѣтъ за 900 до Р. Х., они стали распространять свою власть по всей странѣ на югъ отъ Вавилоніи, гдѣ населеніе было частью имъ единоплеменное, частью арамейскаго происхожденія, и основывать здѣсь независимыя княжества. (См. *Lenormant*, Les premières civilisations. 1874, t. II. Un patriote Babilonien au VII s., p. 218.

[3]) См. выше.

[4]) Ann., p. 187. Здѣсь разумѣются кочевники, обитавшіе на югѣ Месопотаміи.

Digitized by Google

18,430 ч. взяты были въ плѣнъ, остальные бѣжали по направленію къ р. Укни (запад. рукавъ Евфрата); самъ Мардукбаладанъ заключился въ Вавилонѣ. Между тѣмъ Саркинъ овладѣлъ многими городами, въ томъ числѣ важнымъ г. Гамбуломъ (въ устьѣ Тигра и Евфрата) и всѣми городами въ долинѣ р. Укни, опустошилъ земли союзниковъ Мардукбаладана, Арамейцевъ, разрушилъ ихъ дома, истребилъ лѣса, сады и плантаціи и произведенія ихъ земли. Подобнымъ образомъ покорилъ онъ и Эламитянъ, уведя въ плѣнъ около 100,000 ч. и присоединивъ къ ассирійскому государству многіе ихъ города. Устрашенный Мардукбаладанъ ночью покинулъ Вавилонъ и удалился съ собственными и союзными войсками въ Эламъ. Саркинъ совершилъ торжественное шествіе въ Вавилонъ и поселился во дворцѣ своего побѣжденнаго врага. На слѣдующій годъ (709 г. до Р. Х.), въ мѣсяцѣ аиру (апрѣль), Саркинъ выступилъ изъ Вавилона противъ Мардукбаладана, укрѣпившагося въ Дуріакинѣ [1]). Впереди этой крѣпости, укрѣпленія коей были усилены, Мардукбаладанъ выкопалъ широкій ровъ, наполнивъ его водою изъ Евфрата, самый городъ обнесъ валомъ; но всѣ эти оборонительныя мѣры были тщетны,—онѣ не спасли Мардукбаладана отъ пораженія; его союзники-кочевники въ страхѣ разсѣялись передъ ассирійскими полками, воды ближайшихъ каналовъ наполнились трупами погибшихъ, самый городъ былъ взятъ и на три дня преданъ грабежу ассирійскихъ полчищъ, а затѣмъ сожженъ, и обращенъ въ груду развалинъ,—быть можетъ, въ возмездіе за сожженіе Вавилонянами Ниневіи; 80,570 человѣкъ уведено было въ плѣнъ, захвачено 2,070 коней, 700 ословъ, 6,054 верблюдовъ, стада крупнаго и мелкаго рогатаго скота и множество другой добычи, въ томъ числѣ и царскія инсигніи: тронъ Мардукбаладана, его золотой скипетръ и золотой зонтъ; самыя деревья и плантаціи вокругъ города были истреблены. Мардукбаладанъ, пораженный ужасомъ, „поцѣловалъ землю“ предъ лицемъ посланника своего побѣдителя и бросивъ остальныя свои крѣпости, пропалъ безъ слѣда,—онъ скрылся вѣроятно въ Эламъ, чтобы, пять лѣтъ спустя, по смерти Саркина, появиться вновь и возобновить борьбу за независимость Вавилона [2]). „Въ городахъ: Урѣ, Эрекѣ, Ратѣ, Ларсѣ, Куллабѣ, Кизикѣ и Навит-

[1]) Въ устьѣ Евфрата.

[2]) Этой борьбѣ Мардукбаладана съ Ассиріянами за національную независимость, Ленорманъ посвятилъ особую монографію, подъ названіемъ Un patriote Babylonien au VIII s. (см. его Premières civilisations, t. II).

Digitized by Google

лагудѣ я вновь помѣстилъ боговъ въ ихъ святилищахъ," говоритъ Саркинъ, заключая описаніе своей борьбы съ Мардукбаладаномъ, „я возвратилъ имъ похищенныхъ боговъ и возстановилъ культъ, пришедшій въ забвеніе." На весь Эламъ, помогавшій Мардукбаладану, наложена была теперь дань, и резиденція управленія этой страны перенесена въ г. Сакбатъ. Молва о побѣдахъ Саркина надъ Халдеями побудила семь царей области Іанаги въ землѣ Іатнана (о. Кипръ) [1]) явиться къ нему въ Вавилонъ съ данью и изъявленіемъ покорности,— „они поцѣловали мои моги", говоритъ ц. Саркинъ. Современно тому, одинъ изъ его намѣстниковъ удачно воевалъ противъ Миты, царя земли Мусковъ [2]) и „его 3,000 крѣпостей." 14-ый и 15-ый походы Саркина предприняты были для усмиренія возстанія въ Кхуммукѣ (въ М. Азіи), причемъ болѣе 20,000 воиновъ уведено было изъ Кхуммука въ г. Сакбатъ въ Эламѣ, а на мѣсто ихъ водворены люди изъ недавно завоеваннаго Бетіакина (въ устьяхъ Тигра и Евфрата) и Иллипи (въ Мидіи). Изъ лѣтописи ц. Саркина [3]) мы могли извлечь лишь направленіе его походовъ, общую характеристику ихъ, объемъ владѣній и нѣкоторые, главнѣйшіе факты; многія частности естественно ускользаютъ по невозможности пріурочить всѣ ассирійскія названія городовъ, рѣкъ, земель къ теперешнимъ мѣстностямъ, тѣмъ болѣе, что множество древнихъ городовъ исчезло почти безъ слѣда. Для управленія областями своей обширной монархіи, Саркинъ поставилъ своихъ намѣстниковъ,—„салатовъ" (сатраповъ) [4]). Обыкновенная система переселенія побѣжденныхъ въ Ассирію или другія подвластныя земли, а изъ Ассиріи во вновь покоренныя страны [5]) для удержанія въ покорности новыхъ подданныхъ, примѣнялась Саркиномъ очень часто. О страшныхъ казняхъ, столь обычныхъ при предшественникахъ Саркина почти не говорится: казнятся только вожди

---

[1]) Въ другой надписи (Annales, p. 159) о землѣ Іатнана сказано, что она лежитъ посреди западнаго моря на семь дней плаванія.

[2]) О Мускахъ см. предыд. статью въ *Ж. М. Н. П.* 1879 г. іюнь: Лѣтоп. Ассир. царей, стр. 173, прим. 3. Во время Саркина Муски или Моски жили на ю.-в. Чернаго моря

[3]) См. Annales, стр. 159—177, заключающія собственно лѣтопись Саркина, и стр. 180—189, гдѣ помѣщена большая надпись, перечисляющая важнѣйшіе подвиги Саркина съ нѣкоторыми подробностями, пополняющими лѣтопись.

[4]) Annales p., 159; ср. *Lenormant*, Prem. Civilisations 1874, t. II, p. 246.

[5]) Такъ переселено было изъ Ассиріи 63,000 ч. въ землю Кхаматъ (см. Annales, p. 207).

Digitized by Google

возстаній и всегда одинаковымъ, хотя и жестокимъ способомъ (сдираніемъ кожи) [1]). Въ лѣтописи Саркина мы не встрѣчаемъ также длинныхъ, съ какимъ-то самодовольствіемъ описываемыхъ, подробностей казней, какъ бы подвиговъ, совершаемыхъ въ честь Ассура. Не замѣтно, однакоже, что бы религіозное настроеніе ослабѣло. По прежнему, все предпринимается въ честь національныхъ боговъ, подъ ихъ непосредственнымъ водительствомъ для распространенія славы ихъ на счетъ чуждыхъ боговъ. Такъ, изъ покоренныхъ странъ уводятся туземные боги и вмѣсто прежняго культа устанавливается поклоненіе богу Ассуру [2]) и, наоборотъ, по завоеваніи вновь нѣкогда потерянныхъ городовъ, возвращаются въ нихъ прежнія національныя божества [3]). Мѣстами упоминается также и о заботахъ Саркина о благосостояніи его подданныхъ. Такъ, собирая народъ, онъ заставлялъ его очищать поля Ассиріи отъ сорныхъ травъ; съ возвышенностей же проводилъ воду каналами внизъ для орошенія почвы; для умноженія населенія строилъ новые города на неприступныхъ и скудныхъ растительностью скалахъ. Во время походовъ прорубалъ и расчищалъ непроходимые лѣса, а въ знойныхъ пустыняхъ вырывалъ водоемы [4]).

Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи Саркина есть любопытная замѣтка, что онъ побѣдоносною рукою возстановилъ законы и обычаи земли Ассуръ въ городѣ Харранѣ [5]). Не есть ли это библейская земля Харранъ, гдѣ умеръ отецъ Авраама Ѳарра и откуда затѣмъ Авраамъ переселился въ землю Ханаанскую [6])? Въ ту эпоху обыкновенно однимъ именемъ обозначалась и земля и главный ея городъ, если область была не велика.

По окончаніи своихъ 15-ти походовъ, приведя въ покорность всѣхъ противниковъ своихъ, Саркинъ задумалъ соорудить новую столицу „въ замѣнъ Ниневіи.“ „Въ то время, говоритъ Саркинъ послѣ 15-ти экспедицій, „люди которыхъ рука моя завоевала, а боги Ассуръ, Набу, Мардукъ, соединили подъ моею властью, покорно слѣдовали моимъ законамъ. Тогда, по волѣ боговъ и желанію моего сердца [7]), я по-

---

[1]) Annales, p. 163, 182, 183, 201.
[2]) Ib. p. 163, 167, 172.
[3]) Annales, p. 188.
[4]) Annales, p. 201, 202, 160, 180.
[5]) ib. p. 180.
[6]) Кн. Бытія XI, 31, 32. XII, 1.
[7]) И «съ помощью покоренныхъ народовъ» прибавляется въ другой надписи (Annales p. 190).

Digitized by Google

строилъ у подошвы земли Мусри, въ замѣнъ Ниневіи, городъ, который я назвалъ Дурсаркинъ (т. е. замокъ или крѣпость Саркина). Боги Салманъ, Синъ, Самасъ, Набу, Бинъ, Адаръ и ихъ „великія супруги," царствующія въ вѣчности... благословили великолѣпныя зданія, мною воздвигнутыя, и прекрасныя улицы Дурсаркина [1])".

„Посреди долины земли Мусри", говоритъ Саркинъ въ другой надписи, „у подошвы горъ я воздвигъ городъ въ замѣнъ Ниневіи; [2]) я назвалъ его Дурсаркинъ; я насадилъ тамъ лѣсъ, подобный лѣсамъ горъ Кхамани и растеніямъ земли Кхатти, растущимъ на горахъ... Триста пятьдесятъ царей царствовали прежде меня надъ землею Ассуръ, и прославили царство Бела, но никто изъ нихъ не подумалъ объ этомъ мѣстѣ, никто не подумалъ населить его, прорѣзать его каналами, провести улицы. Въ глубинѣ сердца моего съ утра и до вечера помышлялъ я, какъ основать здѣсь городъ, построить святилища, жертвенники великимъ богамъ и дворецъ для жилища моего величества..." „я принялъ это рѣшеніе во время празднествъ по случаю моего брака... въ день счастливый, въ мѣсяцѣ благопріятномъ. Землевладѣльцамъ той мѣстности я возвратилъ стоимость ихъ земель серебромъ или бронзою, согласно представленной мнѣ оцѣнкѣ; я снабдилъ ихъ земледѣльческими орудіями для распашки сосѣднихъ свободныхъ полей. Въ мѣсяцъ Сивану (май—іюнь) я возжегъ листья алоэ, я надѣлалъ кирпичей [3]). Въ мѣсяцѣ абу (іюль—августъ), въ мѣсяцѣ посвященномъ богу, благопріятствующему заложенію перваго камня города и храма, собравшійся народъ отпраздновалъ праздникъ „салуловъ". Согласно обрядамъ, онъ совершилъ различныя церемоніи надъ золотомъ, серебромъ, мѣдью, камнями и деревами съ горы Кхамани. „Я заложилъ основаніе городу, я положилъ кирпичи..." „На дымящіеся жертвенники я возложилъ жертвоприношенія основанія Салману, Сину, Самасу, Набу, Бину и Адару, въ честь коихъ воздвигнуты были и храмы посреди города... Я собралъ въ этомъ городѣ людей съ четырехъ странъ свѣта, иноязычниковъ, людей, не платившихъ дани

---

[1]) Annales, стр. 177, 178.

[2]) «Не подалеку отъ Ниневіи», какъ сказано въ другой надписи (см. Annales, p. 196).

[3]) Въ другой надписи (Ann. p. 203) поясняется, что мѣсяцъ сивану, 3-й въ году, получилъ отъ великихъ боговъ названіе «кирпичнаго мѣсяца», потому что въ этомъ мѣсяцѣ выдѣлываютъ кирпичи, а жертвоприношеніе, о которомъ упоминается здѣсь, было въ честь «бога кирпичей» Ниргала, сына Белдагана.

Digitized by Google

и обитавшихъ на горахъ, жителей долинъ, всѣхъ освѣщаемыхъ солнцемъ... я соединилъ ихъ въ поклоненіи Ассуру, богу моему, въ соблюденіи справедливости, я поселилъ ихъ въ городѣ, я водворилъ ихъ тамъ. Я велѣлъ ученымъ и мудрецамъ обучать людей земли Ассура всѣмъ наукамъ; [1]) они научились военному искусству и страху предъ богами и царемъ...» «Посреди города, для жилища моего величества я построилъ дворецъ». [2]) Это тотъ самый дворецъ, развалины коего найдены были Боттой въ 1843 г. подъ поверхностью Хорсабадскаго холма и повели къ цѣлому ряду другихъ подобныхъ открытій, столь важныхъ для исторіи древняго Востока. Съ большими подробностями, съ видимымъ самодовольствіемъ описываетъ Саркинъ украшенія своего дворца, построеннаго «на удивленіе его вельможъ и подданныхъ.» [3]) Къ сожалѣнію, недостаточное знакомство съ техническими терминами ассирійской архитектуры, а также пробѣлы въ самыхъ надписяхъ, вслѣдствіе порчи ихъ, не позволяютъ возстановить въ воображеніи нашемъ дворецъ Саркина во всѣхъ подробностяхъ его отдѣлки, какъ описываетъ его лѣтопись.

Матеріаломъ для постройки служили драгоцѣнныя дерева: сандальное, тамариндовое, черное, кедровое, кипарисное, фисташковое и мастиковое «несравненной красоты». Потолокъ выведенъ былъ изъ кедровыхъ и сосновыхъ бревенъ и покрытъ снаружи кожами «амси» [4]). Основанія дверей глубоко заложены въ землю. Косяки и перекладины дверные сложены были изъ большихъ мраморныхъ камней, привезенныхъ изъ завоеванныхъ странъ,—изображенія коихъ представлены были помощію рѣзца на поверхности мрамора «людямъ на удивленіе.» Самыя же двери сдѣланы были изъ драгоцѣнныхъ деревъ—кипариса и тамаринда, и украшены бронзовыми полосками, «искусно расположенными; снаружи, вокругъ (?) дверей выведены были гирлянды изъ полевыхъ и пернатыхъ животныхъ, высѣченныхъ въ камнѣ. Въ промежуткахъ между дверями поставлены 8 колоссальныхъ изваяній львовъ. Снаружи дворца, въ промежуткахъ постройки, разставлены были каменныя изображенія горныхъ и морскихъ животныхъ; вокругъ

---

[1]) Здѣсь вѣроятно, надобно разумѣть учрежденіе школъ. Ср. книгу прор. Даніила I. 1—5.

[2]) Annales, p. 193—197, 202—204.

[3]) Annales, p. 190, 194.

[4]) Ленорманъ переводитъ: «кожами китовъ» (Manuel de l'Hist. Anc. 1869, II, 97).

Digitized by Google

же всего зданія возвышался рядъ колоннъ изъ сосны и тамаринда. Дворецъ обнесенъ былъ стѣною, выведенною по «восьми главнымъ направленіямъ" (восьмигранной формы?); „на оконечностяхъ четырехъ (восьми?) угловъ ея прибито восемь воротъ:" восточныя ворота названы воротами боговъ Самаса и Бина, южныя—воротами Бела и Милитты, западныя — воротами Аиу и Истары, сѣверныя—воротами Милитты и Салмана. „Я соорудилъ прочную стѣну и открылъ ворота моего дворца на удивленіе моимъ подданнымъ", прибавляетъ Саркинъ.

Внутренность дворца богато и изысканно украшена была золотомъ, серебромъ, изразцами, разноцвѣтными красками. Въ палатахъ его, на стѣнахъ, на полу, на колоссальныхъ изваяніяхъ крылатыхъ быковъ (символическое изображеніе бога Ассура), на призмахъ Саркинъ написалъ «славу боговъ», т. е. подвиги, совершенные имъ въ честь боговъ, лѣтопись своего царствованія, много разъ повторяющуюся, то подробнѣе, то короче. Рядомъ съ текстомъ шли иллюстраціи—раскрашенныя барельефныя изображенія взятыхъ городовъ, казней бунтовщиковъ и т. п. На изображеніи города значится и имя его; одинъ барельефъ, названный «усманъ» (укрѣпленный лагерь), представляетъ занятія воиновъ на бивуакѣ. Кромѣ того, царь начерталъ «славу своего имени» на золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ, свинцовыхъ, мѣдныхъ, мраморныхъ и алебастровыхъ плиткахъ и зарылъ ихъ въ основаніе дворца. Во дворцѣ устроена была и сокровищница, гдѣ хранилась дань подвластныхъ народовъ.

Построеніе дворца Саркинъ поручилъ „искуснымъ людямъ", самъ неусыпно наблюдая за сооруженіемъ его. „Днемъ", говоритъ онъ, „я работалъ посреди города въ удовольствіе сердца моего, вечеромъ же воздымалъ руки къ богу Илу, управляющему судьбами Ниневіи" [1]). „Въ мѣсяцѣ Тасриту (сентябрь-октябрь) я воздалъ поклоненіе великимъ богамъ и освятилъ мой дворецъ въ присутствіи восточныхъ и западныхъ царей (его данниковъ), принесшихъ мнѣ золото, серебро и рабовъ для умноженія моихъ сокровищъ ихъ богатыми приношеніями".

„Въ мѣсяцъ молитвенный, въ день благопріятный", говорится въ другой надписи Саркина [2]), „я воззвалъ, посреди моего двора, къ Ассуру, отцу и владыкѣ боговъ, равно какъ и къ богинямъ, обитаю-

---

[1]) Созданный Саркиномъ городъ такимъ образомъ долженствовалъ быть, въ его мысляхъ, возрожденною Ниневіею.

[2]) Annales, p. 178, 179.

Digitized by Google

ницмъ въ землѣ Ассуръ, я представилъ имъ вазы стеклянныя (?), издѣлія изъ чистаго серебра чеканной работы, множество драгоцѣнностей и порадовалъ ихъ сердце... Ассуръ принялъ мои дары и былъ ко мнѣ милостивъ; я принесъ, въ присутствіи боговъ (то-есть ихъ идоловъ), очистительныя жертвы, чтобы пріобрѣсть ихъ милость, я просилъ себѣ благоденствія, долгой жизни, знаменитаго потомства, постоянства въ побѣдѣ и поручилъ себя великому владыкѣ Белдагану, повелителю земель, обитающему въ землѣ Матра (Месопотамія) и богинямъ, обитающимъ въ землѣ Ассуръ (Ассирія). Тогда я помѣстился въ моемъ дворцѣ съ начальниками провинцій, съ сатрапами, мудрецами, учеными, вельможами, намѣстниками и правителями земли Ассуръ, и отправлялъ свою власть" [1]). „Дворецъ этотъ заключаетъ въ себѣ золото, серебро, золотые и серебряные сосуды, драгоцѣнные камни, желѣзо, ткани голубыя, пурпуровыя, шерстяныя и льняныя, сандальное, черное дерево, коней изъ земли Музури (Египетъ), быковъ для упряжи, ословъ, муловъ, верблюдовъ, рогатый скотъ—дань, потребованная мною въ угоду богамъ".

Далѣе слѣдуетъ молитвенное пожеланіе, обращенное къ Ассуру о благоденствіи, долгой жизни, успѣхѣ во всѣхъ предпріятіяхъ, о „накопленіи сокровищъ во дворцѣ, какъ добычи со всѣхъ земель, произведеній горъ и долинъ" и чтобы „изваянный быкъ [2]), геній покровитель, непрестанно предстоялъ предъ лицомъ Ассура, сохраняя день и ночь сіи сооруженія доколѣ ноги его не двинутся изъ вратъ сихъ".

„Отъ начала до конца я пребывалъ въ поклоненіи Ассуру, и на пути справедливости; потому и соорудилъ сіи зданія и накопилъ сіи сокровища" [3]).

Не долго однако же привелось Саркину наслаждаться плодами своихъ побѣдъ въ своей новой резиденціи; вскорѣ [4]) по окончаніи сооруженнаго имъ дворца, онъ погибъ въ немъ отъ руки убійцы, послѣ 18-ти лѣтняго царствованія (721—704 г. до Р. Х.) [5]).

---

[1]) Другая надпись добавляетъ: «я пребывалъ въ моемъ дворцѣ съ великимъ владыкою Белдаганомъ, обитающимъ въ землѣ Матра, съ богами и богинями (то-есть съ ихъ статуями), обитающими въ землѣ Ассуръ... и отправлялъ правосудіе». (Annales, p. 191).

[2]) Крылатый быкъ—символическое изображеніе бога Ассура.

[3]) Annales, p. 178—209.

[4]) Ib. p. 209. Ср. *Maspéro*, p. 404.

[5]) Два года спустя. См. *Lenormant*, Manuel, 1869. II, 97.

Digitized by Google

Мѣсто Саркина занялъ сынъ его Синаххіерибъ, царствовавшій, по списку Лимму, 704—681 г. Это библейскій Сеннахиримъ (Сангерибъ, Сеннахерибъ), упоминаемый и греческими писателями. Главнымъ дѣломъ его царствованія было возстановленіе Ниневіи, какъ столицы Ассиріи. Въ одной надписи онъ говоритъ: „городъ Нинуа (Ниневія) есть городъ моего могущества, я возобновилъ его жилища, я возстановилъ его улицы... я вновь воздвигъ его стѣны“ [1]). Ниневія была теперь увеличена противъ прежняго и снабжена обильною водою, отъ недостатка коей, вслѣдствіе запущенія, изсохли было сосѣднія поля и лѣса. Синаххіерибъ отъ 18 различныхъ горныхъ пунктовъ провелъ воду 18-ю каналами и, соединивъ ихъ въ одну рѣку, названную имъ Синаххіерибъ, впустилъ эту воду въ рѣку Кхусуръ (Кхаусеръ), въ томъ мѣстѣ, гдѣ построенъ былъ его дворецъ. Для надзора за жителями улицъ Нинуи и управленія ими назначены надзиратели [2]). „Такъ возобновилъ я Нунуу—городъ моего владычества“, говоритъ Синаххіерибъ, „я провелъ его улицы, умножилъ водоемы и каналы и сдѣлалъ его блистательнымъ какъ солнце“ [3]).

Посреди возобновленной имъ Ниневіи Синаххіерибъ построилъ себѣ „великій дворецъ,—на мѣстѣ прежняго дворца, сооруженнаго предшествовавшими ему царями, чтобы хранить въ немъ богатство, обучать коней и помѣщать войска, но основанія его потеряли прочность, фасадъ разрушился отъ времени, его „тиминъ (краеугольный камень) подался, стѣны осунулись“. Причиною тому онъ выставляетъ то обстоятельство, что „вода, поднявшись въ рѣкѣ Тигулти [4]), защищавшей крѣпость съ этой стороны противъ непріятелей, размыла часть фундамента“ [5]). Задѣлавъ брешь, Синаххіерибъ отвелъ въ сторону теченіе Тигулти помощію дигъ, поверхность коихъ укрѣпилъ кирпичами и большими камнями поверхъ кирпичей. Срывъ затѣмъ остатки стараго дворца до основанія, онъ на его мѣстѣ насыпалъ „громадный холмъ съ террассою, возвышавшеюся надъ городомъ и продолженною до берега рѣки“. На этой платформѣ воздвигнутъ

---

[1]) Annales, p. 211—212.

[2]) Annales, p. 235, 229. Кхусуръ (н. Кхаусеръ)—притокъ Тигра съ лѣвой стороны, протекавшій поперекъ Ниневіи.

[3]) Annales, p. 229, 230.

[4]) Вѣроятно названіе одного изъ рукавовъ р. Тигра.

[5]) Annales, p. 213, 229. Ср. Пророчество о Ниневіи въ книгѣ прор. Наума I, 8: «всепотопляющимъ наводненіемъ разрушитъ до основанія (Ниневію)» и II, 6: «рѣчныя ворота отворяются, и дворецъ разрушается».

Digitized by Google

былъ дворецъ значительно бо́льшихъ размѣровъ [1]), чѣмъ прежній,— „дворецъ изъ мрамора и кедра, произведенія земли Кхатти... по планамъ архитекторовъ имперіи". Другія драгоцѣнныя дерева, какъ черное дерево, сандальное, кипарисное, фисташковое, мастиковое входили также въ составъ постройки. „Портики украшены были гигантскими фигурами львовъ и быковъ, сдѣланными изъ мрамора, вывезеннаго изъ земли Баладу (Беледжъ)". Внутренній бо́льшой дворъ, сравнительно съ прежнимъ, былъ значительно расширенъ. „Я расширилъ дворъ, говоритъ Синахіерибъ, для упражненія военачальниковъ въ метаніи дротика, для надзора за вьючными животными, овцами, рогатымъ скотомъ, колесницами. Я возобновилъ, я окончилъ дворецъ отъ основанія до вершины и начерталъ на немъ память имени моего". Жилище царя было въ верхней части дворца; здѣсь же были, и пріемныя залы для бо́льшихъ празднествъ. Въ той же оградѣ заключалось и мѣсто заключенія для плѣнниковъ. „Я его увеличилъ", говоритъ Синахіерибъ", чтобы соединить и блюсти многочисленныхъ непокорныхъ плѣнниковъ, которыхъ Ассуръ поручилъ мнѣ стеречь". Особое зданіе, также богато украшенное, построено было еще для храненія желѣза и другихъ металловъ. Работы производились руками плѣнниковъ „изъ земель Кхалди (Халдея), Арама (Сиріи), Вана, Куи, Килакху (Киликія)". „Я заставилъ работать бунтовщиковъ, побѣжденныхъ моею рукою" замѣчаетъ Синахіерибъ.

Плитки съ именемъ основателя, на память потомству, положены были подъ фундаментомъ дворца. Въ заключеніе длиннаго описанія сооруженнаго имъ „великаго дворца" Синахіерибъ говоритъ: „Говорю это тому изъ моихъ сыновей, кто впослѣдствіи призванъ будетъ Ассуромъ и Истарою блюсти страну: дворецъ сей обветшаетъ и разрушится, — пусть преемникъ мой возстановитъ надписи, заключающія мое имя, поправитъ статуи, очиститъ барельефы и поставитъ ихъ на мѣсто, тогда Ассуръ и Истара внемлятъ его молитвѣ. Но кто уничтожитъ мои надписи и мое имя, Ассуръ, великій богъ, отецъ боговъ, поступитъ съ тѣмъ, какъ съ мятежникомъ, онъ отниметъ у него скипетръ и престолъ и сломаетъ его мечъ".

Затѣмъ обозначается время, когда оконченъ дворецъ: „въ мѣсяцѣ Адарѣ, въ 20-й день, при Лимму Белсиміани, правителѣ Кхаркамиса (Кархемышъ)", т. е. 20 февраля 690 года до Р. Х.)[2].

---

[1]) 360 мѣръ(?) длины и 85 ширины, что можетъ дать по крайней мѣрѣ, понятіе о формѣ и отношеніи ширины къ длинѣ.

[2]) Annales, p. 212, 224, 225, 228—230.

Digitized by Google

Развалины этого дворца найдены Лэардомъ въ 1845 г. подъ холмомъ Куюнджикъ, на лѣвомъ берегу Тигра, противъ г. Мосула. Часть дворца, ближайшая къ рѣкѣ, совершенно разрушена. Главный фасадъ, обращенный къ с.-з. уцѣлѣлъ: Леардъ расчистилъ его на всемъ его протяженіи. Входныя двери обставлены двумя каменными быками съ человѣческими лицами (символическое изображеніе бога Ассура); двери эти ведутъ въ рядъ палатъ и коррридоровъ различныхъ размѣровъ, покрывающихъ пространство въ двѣ десятины [1]). Въ небольшомъ разстояніи отъ „Великаго дворца" къ югу, Синакхіерибъ построилъ другой еще дворецъ, меньшихъ размѣровъ, — Биткуталли „Домъ дней" или „Домъ запасовъ"; здѣсь хранились съѣстные припасы, военный матеріалъ, лошади, верблюды, колесницы, оружіе, непріятельская добыча [2]); построенъ онъ былъ также на мѣстѣ стараго, такого же дворца, но по болѣе обширному плану. Развалины дворца этого найдены были подъ холмомъ прощенія „(Тель-эль-тубехъ)", какъ называютъ его туземцы, почитая эту мѣстность, какъ поприще дѣятельности пророка Іоны [3]), въ честь коего воздвигнута тутъ и мечеть Наби-Іунесъ—„гробница Іоны", такъ какъ въ ней, по вѣрованію туземцевъ, заключается гробница этого пророка; при мечети кладбище и нѣсколько домовъ [4]). Вся деревушка носитъ знаменательное имя „Нуніа" или „Ниніуа". Въ развалинахъ дворца Синакхіериба найдено мало надписей: онѣ встрѣчаются лишь между ногъ львовъ и крылатыхъ быковъ и кое-гдѣ на барельефахъ, для поясненія представленной сцены. Большая же часть надписей, составлявшихъ какъ бы фризъ вверху стѣнъ (подобно какъ въ Хорсабадскомъ дворцѣ Саргина), уничтожились вмѣстѣ съ обрушившимся стѣнами. Къ счастію, еще до открытія развалинъ Ниневіи, найдены были два значительныхъ текста клинообразнаго письма, относящихся къ царствованію Синакхіериба и названныхъ по именамъ ихъ первыхъ владѣльцевъ. Это „цилиндръ Беллино", найденный въ 1820 г., и призма Тэлора", найденная въ 1830 г. въ Мосулѣ.

„Призма Тэлора", хранящаяся нынѣ въ Британскомъ музеѣ, составляетъ главный источникъ для царствованія Синакхіериба. Она заключаетъ въ себѣ описаніе первыхъ 8 походовъ этого царя и въ

---

[1]) Ib. 210.
[2]) Ib. 245.
[3]) См. книгу прор. Іоны.
[4]) Annales, p. 230, 231, 233.

Digitized by Google

заключеніе упоминается о построеніи „Великаго дворца“ [1]). При вступленіи Синаххіериба на престолъ всѣ почти народы, покоренные его отцомъ, на востокѣ, югѣ и западѣ, возстали: самою упорною была борьба съ Халдеями; на нихъ прежде всего и обратился преемникъ Саркина. Здѣсь вновь появился Мардукбаладанъ „царь земли Тиратдуніасъ“ (въ Халдеи), поддержанный ополченіемъ земель Кхалди (Халдея) и Арамъ (Сирія) и войсками Элама (Сузіана), какъ и прежде. При г. Кисѣ онъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе, вслѣдствіе измѣны: „его колесницы, всадники, военныя машины, бывшія на полѣ битвы, обратились противъ него; онъ самъ едва спасся отъ плѣна и ушелъ въ Вавилонъ—я взялъ идоловъ его боговъ, покровителей его его земли“, говоритъ Синаххіерибъ, „вмѣстѣ съ сокровищами, собранными его отцами; жителей увезъ на корабляхъ и водворилъ ихъ въ г. Нагитѣ на р. Евфратѣ“. Вслѣдъ затѣмъ ассирійскій царь, „при помощи Ассура“, овладѣлъ 76-ю крѣпостями земли Кхалди (Халдеи) и 420 [2]) пограничными укрѣпленіями; а жители городовъ Эрехъ, Нипуръ, Кисъ, Халанне и Кутха проданы были въ рабство.

Въ началѣ этого же похода Синаххіерибъ усмирилъ возстаніе 18 ти разныхъ племенъ [3]), въ томъ числѣ Набату (Набатеи) и Арамъ (Сирійцы); причемъ 2,800 человѣкъ разнаго пола и возраста, лошади, ослы, верблюды, быки и „безчисленное множество“ барановъ отослано было въ Ассирію [4]).

Второй походъ предпринятъ былъ для усмиренія возстанія въ восточныхъ провинціяхъ, въ томъ числѣ въ землѣ Иллипи и Мидіи. Множество городовъ, въ наказаніе, было разрушено до основанія и предано пламени, взята была огромная добыча и множество плѣнныхъ разнаго пола и возраста, въ томъ числѣ вліятельнѣйшія лица земли Иллипи; вновь наложена дань и жители нѣкоторыхъ городовъ выселены были въ другія мѣста. Въ память побѣдъ, посреди одного изъ взятыхъ городовъ, побѣдитель велѣлъ сдѣлать барельефъ и на немъ

---

[1]) Мѣстами мы будемъ пополнять текстъ этой надписи другими имѣющимися надписями.

[2]) На цилиндрѣ Беллино сказано 820 небольшихъ городовъ, — быть можетъ ошибка въ чтеніи (см. Annales, p. 226).

[3]) Вѣроятно, въ устьяхъ Тигра и Евфрата и къ западу отъ нихъ.

[4]) На цилиндрѣ Беллино (Annales, 226) даются цифры добычи: 208,000 плѣнныхъ мужчинъ (кажется вѣрнѣе нежели 2,800), 7,200 лошадей, ословъ, муловъ, 5,330 верблюдовъ, 70,000 быковъ и 800,600 барановъ.

Digitized by Google

начертать описаніе своихъ подвиговъ. Главный городъ области Битбарру, Илинзасъ, былъ переименованъ по имени царя въ Карсинахіерибъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ Ассирійской монархіи присоединены нѣкоторыя „отдаленныя области“ Мидіи [1]).

Третій походъ направленъ былъ въ Сирію. Здѣсь подняли знамя возстанія Лули (Элулеосъ), царь Сидона, Сидка, царь Аскалона и жители города Амгаруна (Экронъ?); послѣдніе низложили царя своего Пади и выдали его Езекіи, царю Іудейскому, присоединившемуся тоже къ возставшимъ, полагавшимся въ особенности на обѣщанную имъ помощь Тиргаки, царя Эѳіопскаго и Египетскаго [2]) и Эѳіопіи; между тѣмъ какъ цари прочихъ Финикійскихъ городовъ, равно какъ и цари Моавитянъ и Идумеевъ, заняли выжидательное положеніе, готовые обратиться на Ассиріянъ въ случаѣ неудачи ихъ. При приближеніи полчищъ Синахіериба, страхъ напалъ на возставшихъ: царь Сидонскій бѣжалъ къ морю, не пытавшись даже оказать сопротивленіе; тогда приморскіе города Сидуни-великій (Сидонъ), Сидуни-малый, Сариптавъ (Сарепта), Акку (Акра), Акзиби (Эдиппа) и три другіе большіе города немедленно покорились. Примѣру ихъ послѣдовали цари Арувади (Арвадъ), Губала (Библосъ), Аздуди (Авдодъ), Махабба (Моавъ, Моавитяне), Удуму (Идумея) и три другихъ сосѣднихъ царя. Но царь Аскалонскій Сидка не покорился Ассирійскому царю. Синахіерибъ взялъ Аскалонъ силою, овладѣлъ „богами“, царемъ и его семействомъ и переселилъ ихъ въ Ассирію, а на мѣсто Сидки поставилъ въ Аскалонѣ прежняго царя Сартибкакри, наложивъ на него дань; затѣмъ покорилъ еще четыре города и въ томъ числѣ Іаппу (Іоппе), зависившіе отъ Сидки и не хотѣвшіе подчиниться власти Ассиріянъ; жители ихъ обращены были въ рабство. Отсюда двинулся Синахіерибъ къ Амгарунѣ (Экронъ), но узнавъ, что на помощь этому городу приближается большая армія Египетскаго и Эѳіопскаго царей, пошелъ на встрѣчу имъ и поразивъ ихъ при г. Алтаку (Елтеке) [3]) онъ вновь обратился къ Экрону и жестоко наказалъ его жителей: сановники городскіе были преданы смерти, и трупы ихъ, распятые на крестахъ, выставлены на стѣнѣ, а прочіе, принимавшіе участіе въ возстаніи, проданы въ рабство; на престолѣ возстановленъ былъ царь ихъ Пади, возвращеный изъ Іерусалима (конечно, по требованію Си-

[1]) Annales, p. 215—217, 227, 228, 231.
[2]) Срав. 4 кн. Царствъ,—XVIII, 21 24, XIX, 9.
[3]) Въ колѣнѣ Данъ, см. кн. Іис. Нав. XIX, 44, XXI, 23.

Digitized by Google

накхіериба), съ обязательствомъ платить дань [1]). „Но Кхазакіау (Езекія) царь земли Іауда (Іудея)", продолжаетъ Синакхіерибъ, „не покорился. Я напалъ на 44 (его) большихъ укрѣпленныхъ города, я напалъ на нихъ съ огнемъ, мечемъ и осадными машинами, я овладѣлъ ими, я занялъ ихъ. Я увелъ въ плѣнъ 200,150 человѣкъ разнаго возраста мужчинъ и женщинъ, также коней, ословъ, верблюдовъ, быковъ и барановъ безъ счету. Что же касается до него самого (Езекіи), то я заперъ его въ городѣ Урсалиммы (Іерусалимъ), его столицѣ, какъ птицу въ клѣткѣ. Я обложилъ укрѣпленія, господствующія надъ городомъ, и останавливалъ всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли выйти изъ „великихъ воротъ" стѣны. Я отдѣлилъ отъ земли его взятые мною города и отдалъ ихъ Митинти, царю города Азуду (Аздодъ), Пади, царю городи Амгаруна (Экронъ) и Исмибелу, царю Кхазати (Газа); я умалилъ его царство и увеличилъ платимую имъ дань. Тогда безмѣрный страхъ предъ величествомъ моимъ поразилъ Кхазакіау, царя земли Іауда. Онъ распустилъ войска, собранныя имъ для защиты Іерусалима, столицы своей, и отправилъ пословъ ко мнѣ, въ г. Нинуа (Ниневія), столицу мою, съ 30 талантами золота, 800 [2]) талантами серебра, металлами, драгоцѣнными камнями, перлами,... тронами... сандальнымъ и чернымъ деревомъ,—все что было въ сокровищницѣ его,— съ своими дочерьми, женщинами его дворца, его рабами и рабынями и въ главѣ всего—посланника съ предложеніемъ дани и покорности" [3]).

Краткій разказъ ассирійской лѣтописи о войнѣ Синакхіериба съ Езекіею сходенъ, въ общихъ чертахъ, съ обстоятельнымъ повѣствованіемъ о томъ же предметѣ священной лѣтописи Еврейскаго народа [4]); но нельзя, конечно, ожидать найдти у ассирійскаго лѣтописца описанія бѣдствія, постигшаго армію Синакхіериба въ концѣ этойвойны [5]). Лѣтописи ассирійскихъ царей повѣствуютъ лишь о славныхъ дѣлахъ

---

[1]) Ann., p. 217, 218.

[2]) Вѣроятно, опечатка вмѣсто 300 или ошибка. Ленорманъ переводитъ 400 тал. (Manuel d'H. A., II, p. 101), а Масперо (H. Anc., 408) принимаетъ 300 тал. вмѣстѣ съ 4 кн. Цар. XVIII, 14).

[3]) Annales, p. 218, 219

[4]) 4 кн. Царствъ, XVIII, 13, XIX, 36. Паралип. XXXII, 1—22.

[5]) 4 кн. Цар. XIX, 35. Паралип. XXXII, 21. Исаіи, XXXVII, 36, 37. Ср. кн. Товита I, 18: «Тайно погребалъ я и тѣхъ, которыхъ убивалъ царь Сеннахиримъ, когда, обращенный въ бѣгство, возвратился изъ Іудеи. Онъ многихъ умертвилъ въ ярости своей».

Digitized by Google

ихъ, о неудачахъ же военныхъ постоянно умалчивается. Такъ, не упоминается о частыхъ отпаденіяхъ Вавилона, а говорится только о приведеніи его вновь въ покорность, не упоминается даже о разрушеніи Ниневіи, хотя въ лѣтописи царя Саргина сказано, что онъ построилъ Дурсаркинъ „въ замѣнъ Ниневіи", а Синахіерибъ говоритъ, что онъ „возобновилъ Ниневію". Такъ и въ настоящемъ случаѣ ассирійская лѣтопись, естественно, не могла разсказывать о гибели всей почти арміи Синахіериба; она не упомянула даже объ осадѣ г. Лахиса, во время коей ассирійскій царь отправилъ къ Езекіи пословъ съ гордымъ требованіемъ сдачи Іерусалима [1]), хотя во дворцѣ Синахіериба найденъ барельефъ, представляющій покореніе г. Лахиса, какъ удостовѣряетъ пояснительная надпись [2]). Во всякомъ случаѣ Синахіерибъ не возвратился болѣе въ Палестину.

Четвертый походъ его направленъ былъ въ южную Вавилонію, гдѣ вновь возсталъ Мардукбаладанъ въ союзѣ съ Эламомъ [3]). Операціоннымъ базисомъ его былъ Бетхіакинъ, главный городъ земли того же имени, въ устьяхъ Тигра и Евфрата. Неутомимый боецъ за независимость Вавилоніи опять былъ побѣжденъ; на мѣсто его Синахіерибъ поставилъ своего старшаго сына Ассурнадина, отдавъ ему въ управленіе „обширную землю Сумировъ и Аккадовъ" (Сенноаръ и Халдея). Вельможи, бывшіе въ Мардукбаладаномъ, спаслись бѣгствомъ, и впослѣдствіи, войдя въ сношенія съ эламскимъ царемъ, при его содѣйствіи, и пользуясь тѣмъ, что Синахіерибъ занятъ былъ войною въ Эламѣ, низложили Ассурнадина и возвели на престолъ своего единоплеменника Сузуба.

Пятый походъ предпринятъ былъ къ границамъ Мидіи, въ горы Нипура. Синахіерибъ овладѣлъ здѣсь семью городами (они перечисляются), „жители коихъ устроили себѣ жилища, подобно птичьимъ гнѣздамъ, на вершинахъ горъ", и предалъ ихъ пламени. Затѣмъ Си-

---

[1]) 4 Цар. XVIII, 17—35.

[2]) Барельефъ представляетъ царя на тронѣ, а предъ нимъ — плѣнники, распростертые у ногъ его; надъ барельефомъ надпись: «Синахіерибъ, царь полчищъ, царь земли Ассуръ, возсѣдающій на престолѣ правосудія, принимаетъ дань плѣнниковъ города Лакису (Лахисъ)». Annales, p. 213, 214. Ср. *Lenormant*, Manuel d'hist. anc. II, 101.

[3]) Къ этому времени, вѣроятно, относится посольство Мардукбаладана (Бародах-Баладана) къ Езекіи, царю іудейскому, съ письмами, подарками и выраженіемъ соболѣзнованія по поводу его тяжкой болѣзни. См. 4 Цар. XX, 12, 13.

Digitized by Google

накхіерибъ направился въ землю Дайи (въ Персидѣ [1]) „куда не ходилъ еще ни одинъ изъ его предковъ"; 33 города были разрушены; жители ихъ выселены [2]).

Шестой походъ вызванъ былъ отпаденіемъ племенъ Бетхіакина (въ южной Вавилоніи). Переправившись „съ богами своими" Восточнымъ моремъ (Персидскій заливъ) въ землю Эламъ (Сузіана), они утвердились здѣсь въ г. Нагити. Синакхіерибъ отправился вслѣдъ за ними моремъ на корабляхъ Хеттеянъ, построенныхъ въ Ниневіи и Тулбарсипѣ, и, опустошивъ Эламъ, увелъ обратно людей земли Бетхіакинъ „съ ихъ богами" и людьми царя земли Эламъ и направилъ ихъ въ Ассирію. На возвратномъ пути пришлось еще дать битву вавилоняну Сузубу, которому возставшій народъ, при содѣйствіи эламскаго царя, передалъ власть въ землѣ Сумировъ и Аккадовъ, гдѣ не задолго передъ тѣмъ Синакхіерибъ поставилъ правителемъ своего старшаго сына. Сузубъ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ темницу; „я ему оставилъ жизнь", прибавляетъ ассирійскій царь, „въ знакъ союза съ богомъ Адаромъ". Царь эламскій, шедшій на помощь Сузубу, былъ отраженъ и обращенъ въ бѣгство [3]). Затѣмъ Синакхіерибъ самъ вторгнулся во владѣнія эламскаго царя. Это былъ седьмой его походъ. Сначала онъ овладѣлъ двумя городами (Бетхаири и Раза), принадлежавшими отцу его, но снова потерянными. Взятіе этихъ городовъ открыло Синакхіерибу доступъ внутрь страны: 34 большихъ города Элама (они перечисляются) со множествомъ принадлежавшихъ имъ мѣстечекъ, были взяты, разрушены, преданы пламени. Царь эламитскій Кудурнакхунти въ страхѣ покинулъ свою столицу (г. Мадакти) и отступилъ по направленію къ г. Кхаидалу, „лежащему въ горахъ въ отдаленной странѣ" (къ сѣверу). Посовѣтовавшись съ астрологами, Синакхіерибъ, двинулся къ столицѣ Элама, г. Мадакти, но остановленъ былъ въ горахъ снѣжною вьюгою, пополамъ съ дождемъ [4]). Онъ возвратился въ Ниневію. Между тѣмъ спустя три мѣсяца скончался эламитскій царь Кудурнакхунти; „въ день его смерти, по обычаю той страны, братъ умершаго, Умманминану, занялъ престолъ" [5]).

---

[1]) См. *Lenormant*, Manuel d'hist. anc., 102.
[2]) Annales, 219, 220, 232.
[3]) Annales, p. 220, 221, 232.
[4]) Это было въ январѣ (тибетъ или тхебиту) мѣсяцѣ. Annales, 232.
[5]) Annales, p. 221, 222, 232.

Digitized by Google

Вновь возникаетъ возстаніе въ Вавилонѣ и вызываетъ восьмой походъ Синаххіериба. Взятый имъ въ плѣнъ въ 6-мъ походѣ Сузубъ и оставленный въ живыхъ, успѣлъ бѣжать изъ подъ надзора въ Эламъ, и вскорѣ, возвратясь оттуда, снова провозглашенъ былъ въ Вавилонѣ „царемъ земли Сумировъ и Аккадовъ". Обобравъ храмы вавилонскіе, „что дотолѣ было безпримѣрно", замѣчаетъ лѣтописецъ, онъ купилъ союзъ новаго царя эламитскаго, Умманминану. Вся Халдея, Арамъ, земли Иллипи, Парсуи (Персида) и другія сосѣднія (Пазиръ, Аузанъ) соединились съ нимъ и прибыли на помощь къ нему въ Вавилонъ. Сузубъ съ своими союзниками расположился въ боевомъ порядкѣ на берегу Тигра, у г. Кхалули, въ числѣ до 150,000 воиновъ. Здѣсь произошла упорная битва между Синаххіерибомъ и его противниками. „Я взялъ въ руку крѣпкій лукъ, порученный мнѣ Ассуромъ", говоритъ ассирійскій царь въ своей лѣтописи, „я окружилъ себя орудіями смерти и, какъ пожирающее пламя, устремился на ряды мятежниковъ". Первое столкновеніе было однакоже нерѣшительное. Поколебленные напоромъ Ассиріянъ, союзники нѣсколько отступили и вожди стали совѣщаться между собою. Этимъ воспользовался Синаххіерибъ, чтобы золотомъ склонить на свою сторону главнаго вождя эламитской арміи, Кхумбуандасу. Эта измѣна, когда битва возобновилась, рѣшила ее въ пользу Ассиріянъ. Раздраженный побѣдитель немилосердно мстилъ теперь побѣжденнымъ: „сбруя, оружіе, трофеи моей побѣды", говоритъ Синаххіерибъ, „плавали въ крови непріятелей, какъ въ рѣкѣ. Мои боевыя, быстронесущіяся колесницы давили ихъ трупы. Я воздвигъ, какъ трофей, груды труповъ съ обрубленными оконечностями. Я изувѣчилъ тѣхъ, которые живыми попались мнѣ. Я отрубилъ имъ руки, я овладѣлъ ихъ браслетами, — кучами золота и всѣмъ, что имъ принадлежало. Я взялъ обратно подарки золотые и серебряные (цѣна измѣны), которые они раздѣлили между собою" [1]). Много знатныхъ лицъ, вождей попалось въ плѣнъ и преданы смерти; между ними и сынъ Мардукбаладана Набулабаріскунъ, царь земли Кардуніасъ (южная Вавилонія). На этотъ разъ и самый Вавилонъ постигла жестокая казнь. Городъ съ его дворцами былъ разрушенъ до основанія и преданъ пламени; не пощажены ни взрослые, ни дѣти, ни рабы: „трупами ихъ покрыты были окрестности города". „Боги" Вавилона, конечно, были увезены и между ними „Винъ и Сала, боги города Экали, которыхъ Мардукнадинусуръ, царь земли Аккадъ, от-

[1]) Annales, p. 223, 232, 233.

Digitized by Google

нялъ у Туклатпаласcара, царя земли Ассуръ, и перенесъ въ Бабилу (Вавилонъ) около 418 лѣтъ тому назадъ". Они водворены были опять въ г. Экали [1]).

Замѣчательно, что самому Сузубу, вторично попавшемуся теперь въ плѣнъ, опять оставлена была жизнь [2]), равно какъ и семейству его. Не слѣдуетъ ли это приписать тому, что, сохраняя Сузубу жизнь въ первый разъ, Синаххіерибъ сдѣлалъ это „въ знакъ союза съ богомъ Адаромъ"?

Текстъ цилиндра Беллино заключаетъ въ себѣ разсказъ лишь о первыхъ двухъ походахъ Синаххіериба, съ нѣкоторыми подробностями, пополняющими повѣствованіе призмы Тэлора, и довольно обстоятельное описаніе возобновленія Ниневіи и построенія въ ней „Великаго дворца". Въ развалинахъ дворца Биткуталли найдена была надпись, заключающая въ себѣ краткое изложеніе походовъ Синаххіериба, мѣстами поясняющая однакоже большую надпись призмы Тэлора. Текстъ оканчивается краткимъ описаніемъ сооруженія и назначенія какъ Биткуталли, такъ и „Великаго дворца".

Близъ маленькой деревушки Бавіанъ, на лѣвомъ берегу р. Хазира, въ Курдистанѣ, въ дикой мѣстности найдены древнія скульптурныя изображенія и между ними фигура Синаххіериба съ тремя столбцами текста, нѣсколько попортившагося отъ времени и заключающаго въ себѣ описаніе возстановленія Ниневіи и послѣдней борьбы Синаххіериба съ Вавилономъ и союзникомъ его царемъ Эламскимъ Умманминану (8-й походъ) [3]). У Бейрута, въ устьѣ р. Нахрелькельбъ есть такое изображеніе Синаххіериба, выбитое въ скалѣ рядомъ съ фигурами египетскихъ царей, — памятникъ предѣла ихъ завоеваній. При фигурѣ Синаххіериба надпись, къ сожалѣнію, почти совершенно стерта, — можно было прочесть только имя этого царя.

Конецъ Синаххіериба или Сеннахирима извѣстенъ намъ изъ библейскаго разсказа: „Когда онъ поклонялся въ домѣ Нисроха, бога своего, то Адрамелехъ и Шареперъ, сыновья его, убили его мечемъ, а сами убѣжали въ землю араратскую. И воцарился Асарданъ, сынъ его, вмѣсто него" [4]).

---

[1]) Annales, p. 236.

[2]) Ibid.

[3]) Annales, p. 230—237.

[4]) 4 кн. Царствъ, XIX, 37. Исаіи, XXXVII, 38. Въ книгѣ Товитъ (I, 21) онъ названъ *Сахердонъ*.

Digitized by Google

Библейскій Асарданъ или Ассаргаддонъ (у Птоломея Ἀσαριδῖνος), по ассирійски Ассуракхіидинъ, четвертый сынъ Синакхіериба, занималъ престолъ ассирійскій отъ 680 до 667 года, по списку Лимму [1]).

Кромѣ Ниневіи, которая оставалась царскою резиденціею, онъ жилъ по временамъ въ Калахѣ и Вавилонѣ. Въ Калахѣ Ассуракхійдинъ построилъ себѣ дворецъ, одинъ изъ самыхъ большихъ, доселѣ открытыхъ. Съ него началъ Лэардъ свои раскопки. Фасадъ дворца обращенъ къ югу; снизу вела къ нему монументальная лѣстница, оканчиваясь двойнымъ портикомъ, украшеннымъ тремя рядами львовъ, и между ними два ассирійскихъ сфинкса, впервые здѣсь встрѣчающіеся; посреди львовъ—восемь пьедесталовъ, на которыхъ покоились, вѣроятно, статуи боговъ-покровителей. У входа въ портикъ, на обратной сторонѣ плиты съ барельефомъ, читается надпись:

„Дворецъ Ассуракхійдина, царя великаго, царя сильнаго, царя міра, царя земли Ассуръ, представителя боговъ въ Бабилу (Вавилонъ), возстановителя изображеній „Великихъ боговъ", царя земли Мусури (Египетъ), города Патурузи земли Милухи (Мероэ) и Кусъ (въ Эѳіопіи), царя четырехъ странъ свѣта, сына Синакхіериба, царя міра, царя земли Ассуръ, сына Саркина, царя міра, царя земли Ассуръ".

Какъ матеріалъ для новаго дворца, послужили камни стараго дворца Туклатпаласара II (744—726), разрушеннаго, вопреки заклинаніямъ строителя; доказательствомъ тому служатъ плиты въ стѣнѣ большой залы, обращенныя барельефами внутрь: на нихъ прочитано было имя Туклатпаласара. Дворецъ Ассуракхійдина носитъ на себѣ явные признаки огня: его мраморныя плиты съ барельефами, пережженныя огнемъ, разсыпаются прахомъ, по мѣрѣ того, какъ вырываются изъ земли. Дворецъ разрушенъ былъ пожаромъ прежде нежели получилъ окончательную отдѣлку, какъ можно судить потому, что рядомъ съ барельефными плитами лежали мраморныя плиты съ гладкою поверхностью, ожидавшія еще рѣзца художника.

Другой дворецъ построилъ себѣ Ассуракхіидинъ въ самой Ниневіи, на мѣстѣ Биткуталли (домъ даней), срытаго имъ. Матеріалъ для постройки доставили 22 данническихъ царя съ береговъ Средиземнаго моря и съ острова Кипра, а именно: „Балу, царь города Сури (Тиръ), Минаси (Манассія), царь Іауды (Іудея), Кадумукху, царь Удуми (Идумея), Мусури, царь Маана, Белъ, царь Кхазити (Газа), Митинти,

[1]) См. Annales, p. 303. (Table des Limmu).

Digitized by Google

царь Искалуны (Аскалонъ), Итау, царь Амгаруны (Экронъ), Исдіасаба, царь Губалу (Библосъ), Кулубаалъ, царь Аруади (Арадъ), Абибаалъ, царь Усмурума, Пудіелъ, царь Витамбана, Нумилку, царь Асдуди (Аздодъ),—12 царей съ берега моря; потомъ Икистуси (Эгистъ), царь Идіала (Идаліонъ), Питагора (Пиѳагоръ), царь Китти (Цитіумъ), Ки..., царь Силумми (Саламинъ), Итудаганъ, царь Паппы (Пафосъ), Ирієлли, царь Силлу (Соли), Дамасу, царь Курри (Куріумъ), Румизу, царь Тамиси (Тамасусъ), Дамуси, царь Амтіадасти (Амаѳонтъ), Унагусу, царь Лимини (Лимуніумъ), Були, царь Упри... 10 царей земли Іатнана (Кипръ), лежащей посреди моря" [1]). Цари эти „прислали мнѣ въ Ниниу" (Ниневія), говоритъ Ассуракхіидинъ, „для сооруженія моего дворца, чтобы сдѣлать его высокимъ, большіе брусья дерева „тимри" эбенноваго, кедроваго, кипарисnаго — съ горъ земли Сираръ и Ливана (Ливанъ), статуи, каменные львы, свинцу, олова... произведенія ихъ горъ". „Въ благопріятный мѣсяцъ, въ счастливый день я воздвигъ, на этой платформѣ, великолѣпный дворецъ въ жилище моему величію. Дворецъ этотъ имѣетъ 85 большихъ мѣръ въ длину и 30 большихъ мѣръ въ ширину... я окончилъ его, я поднялъ кедровые брусья, искусно обдѣланные, я обложилъ серебряными и желѣзными кольцами кипарисныя колонны, чтобы увеличить ихъ прочность, для украшенія промежутковъ (между ними) я поставилъ, другъ противъ друга, каменныхъ львовъ и быковъ. Тѣ львы бдятъ надъ побѣдою, а эти (быки) надъ царемъ, воздвигшемъ ихъ. Я украсилъ косяки дверей, я построилъ дворецъ изъ алебастра и кедра... Надъ дворцемъ воздвигъ я крышу, покрытую мѣдными „ка" (?), и украсилъ вершину ея... Я украсилъ двери бляхами серебряными, изъ слоновой кости и желѣзными, и начерталъ на нихъ славу Ассура и побѣды его надъ непокорными странами... я назвалъ этотъ дворецъ Хекалиахидкаламу (дворецъ, всѣмъ управляющій)... Я помѣстилъ въ дворцѣ вельможъ и начальниковъ земель мнѣ покоренныхъ... и порадовалъ сердца ихъ".

Въ заключеніе, послѣ обычныхъ заклинаній, обозначено время, когда построенъ дворецъ: „въ мѣсацѣ абу, при Лимму Атарелѣ (іюль 672 г. до Р. Х.)" [2]).

Еще два дворца построилъ Ассуракхіидинъ въ г. Тарбизи (н. Шериф-ханъ), — одинъ для себя, а другой для сына своего Ассурба-

[1]) Annales, p. 245.

[2]) Annales, p. 245, 246, 247.

Digitized by Google

нипала, раздѣлявшаго власть съ отцемъ, подъ конецъ его царствованія [1]). Живя въ Вавилонѣ, Ассуракхіидинъ также украсилъ его разными сооруженіями; къ сожалѣнію, камень (такъ называемый „камень Эбердина“) съ надписью, описывающею эти постройки, крайне попорченъ, такъ что нельзя составить себѣ по ней яснаго представленія о произведенныхъ сооруженіяхъ; по видимому, реставрированы были храмы вавилонскихъ боговъ [2]). Много храмовъ построено было также по другимъ городамъ Вавилоніи и Ассиріи: „Помощію добычи доставшейся мнѣ“, говоритъ Ассуракхіидинъ, „я построилъ 36 большихъ храмовъ въ землѣ Ассуръ и землѣ Аккадъ (Вавилонія), я покрылъ ихъ золотомъ и серебромъ, и сдѣлалъ ихъ блистающими какъ день“ [3]). Большихъ стѣнныхъ надписей Ассуракхіидина не сохранилось, но найдены двѣ призмы съ надписями, знакомящими насъ съ первыми десятью годами его царствованія (до 672 г.). Главное содержаніе ихъ, какъ и всегда, военные подвиги царя. Надпись повѣствуетъ сначала о нападеніи на городъ Сидонъ.

„Я напалъ на городъ Сидону, лежащій посреди моря“, говоритъ Ассуракхіидинъ, „я предалъ смерти всѣхъ его жителей, разрушилъ стѣны его, дома его, я опрокинулъ ихъ въ море, я разрушилъ его храмы. Царь города, Абдимилкутъ, бѣжалъ въ море... Я овладѣлъ его сокровищами, золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, амброю, кожею „амси“ (китовъ?) [4]), сандальнымъ и чернымъ деревомъ, льняными и шерстяными матеріями, всѣмъ, что было въ его дворцѣ. Я отвелъ въ землю Ассуръ (Ассирія) мужчинъ, женщинъ, большое количество быковъ, барановъ, ввючныхъ животныхъ. Приморскихъ жителей земли Кхатти [5]) я разселилъ по разнымъ странамъ, я построилъ въ землѣ Кхати городъ, которому я далъ имя Дурассуракхіидинъ. Я поселилъ въ немъ людей, которыхъ рука моя покорила въ горной странѣ близъ земли, прилегающей къ восточному морю (Персидскій заливъ), и поставилъ надъ ними начальникомъ моего намѣстника“ [6]). Между тѣмъ, Абдимилкутъ нашелъ себѣ убѣжище у Сандуарри, царя „горной земли Кундунъ и Сизу“ [7]) и заклю-

[1]) Ibid. p. 249.
[2]) Annales, p. 247, 248.
[3]) Ibid., p. 245.
[4]) Они брались для кровель на дворцы.
[5]) Гдѣ находился Сидонъ.
[6]) Annales, p. 241.
[7]) Къ сѣверу отъ Сидона; быть можетъ, въ горахъ Аманусъ.

Digitized by Google

чилъ съ нимъ союзъ. Но оба царя были побѣждены, попались въ плѣнъ и казнены. Отрубленныя головы ихъ выставлены были на показъ вождямъ арміи. Затѣмъ Ассуракхіидинъ возвратился въ Ниневію [1]).

Потомъ Ассуракхіидинъ направился противъ Египта, союзника царей западной Сиріи, постоянно помогавшаго имъ въ ихъ возстаніяхъ противъ ассирійскаго владычества. Здѣсь надпись весьма попорчена; можно было только прочесть, что взята была богатая добыча, отвезенная въ Ассирію, и плѣнники отведены были въ Ниневію. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что Египетъ былъ тогда подъ властью эѳіопскаго завоевателя Таграки. Разбитый на голову Ассаргаддономъ (Ассуракхіидиномъ), онъ бѣжалъ въ Эѳіопію, предоставивъ Египетъ на произволъ побѣдителя. Мемфисъ и Ѳивы сдались и на всю страну наложена была дань [2]). Ассуракхіидинъ имѣлъ теперь право къ прочимъ титуламъ своимъ присоединить титулъ „царя Мусури (Египетъ) и Куса (Эѳіопія)", какъ гласитъ надпись на бронзовомъ львѣ, найденномъ въ холмѣ Наби-Іунусъ и находящемся нынѣ въ Константинопольскомъ музеѣ [3]). Въ память, конечно, этихъ побѣдъ Ассуракхіидинъ велѣлъ сдѣлать свое изображеніе рядомъ съ изображеніемъ отца своего на скалѣ въ устьѣ р. Нахрэлкелбъ, у Бейрута, къ сожалѣнію, надпись, сопровождающая изображеніе, крайне попорчена, — можно однако же понять, что дѣло идетъ о взятіи Ассуракхіидиномъ Мемфиса и о побѣдахъ его въ Египтѣ [4]).

Послѣ усмиренія возстаній въ Арменіи, М. Азіи и Вавилоніи, гдѣ поднялъ было знамя возстанія сынъ Мардукбаладана, Набузирсиматъ, въ союзѣ съ Эламомъ, Ассуракхіидинъ направился въ Аравію, произведенія коей доставлялись въ Ассирію на корабляхъ вавилонскихъ или караванами Измаильтянъ. Уже и прежде были столкновенія ассирійскихъ царей съ пограничными аравійскими племенами, причемъ царь даже отдаленной Сабы, Этамаръ, устрашенный побѣдами Саркина, самъ прислалъ ему дары. Теперь же, когда побѣдами Ассуракхіидина въ Египтѣ и приморской Сиріи господство Ассиріянъ на западѣ было обезпечено, онъ предпринялъ походъ въ глубь Аравіи [5]). Поводомъ

---

[1]) Annales, p. 241, 242.
[2]) См. *Maspéro*, Hist. Anc., p. 427.
[3]) Annales, p, 248, 249.
[4]) Annales, p. 249. Ср. *Maspéro*, p. 428.
[5]) Ср. *Maspéro*, p. 423.

Digitized by Google

къ походу было отпаденіе гор. Аудуму [1]), „столицы земли Ариби", покоренной Синаххіерибомъ. Городъ Аудуму былъ взятъ, и жители его переселены въ Ассирію. Тогда явился въ Ниневію посланный царицы земли Ариби съ многими дарами и просьбою возвратить имъ ихъ плѣнныхъ „боговъ". „Я исполнилъ ея просьбу", говоритъ Ассураххіидинъ, „я исправилъ попортившіеся идолы ихъ боговъ, я начерталъ на этихъ изображеніяхъ хвалу Ассуру и славу моего имени, я приказалъ принести ихъ ко мнѣ и возвратилъ ихъ. На престолъ земли Ариби я посадилъ Табуйю, женщину изъ моего дворца. Въ вознагражденіе же за возвращенныхъ боговъ я увеличилъ дань, платимую моему отцу, прибавивъ еще 75 верблюдовъ къ тому, что давали прежде". Затѣмъ Ассураххіидинъ проникъ въ глубь Аравіи. „Земля Бази", описываетъ онъ, „лежитъ далеко на концѣ земли, за пустынею (Аравійскою), тамъ находятся рудники и камни „касалинъ", на 20 „касбугараръ", далѣе встрѣчаетъ плодородную страну, много производящую, а на 20 „карабъ" далѣе лежитъ земля Кхазу и мраморныя горы... Лично предводя арміей, я проникъ туда, куда съ незапамятныхъ временъ никто еще не проникалъ. Милостію Ассура, господина моего, я пришелъ туда побѣдителемъ. Я умертвилъ восемь царей той страны и отвезъ въ землю Ассуръ (Ассирія) ихъ боговъ, ихъ имущество и ихъ подданныхъ. Лайали, царь земли Іадихъ (тамъ же), спасшійся было отъ меня, узнавъ о плѣненіи его боговъ, прибылъ ко мнѣ въ Нинуу, столицу мою, и преклонился предо мною. Я помиловалъ его и, начертавъ на статуяхъ его боговъ хвалу Ассуру, господину моему, приказалъ принести ихъ ко мнѣ и возвратилъ ему ихъ. Я поручилъ ему управленіе землею Бази (въ Аравіи), съ обязанностью платить дань моей державѣ" [2]).

„Белбагаръ, сынъ Бунани, царь земли Гамбулъ (въ устьяхъ Тигра и Евфрата), жители коей живутъ какъ рыбы посреди водъ и болотъ", продолжаетъ Ассураххіидинъ, „отказался воздать честь Ассуру. По повелѣнію господина моего (то-есть Ассура), я принудилъ его платить мнѣ дань"...

Послѣднія военныя дѣйствія были противъ земель на отдаленныхъ границахъ Мадаи (Мидіи). Правители трехъ пограничныхъ городовъ Мидіи, соединясь, напали на Ассирію, но были побѣждены и сами принесли въ Ниневію дань — мѣдь, произведеніе ихъ рудни-

[1]) «Думатъ» аравійскихъ географовъ (Mazpéro, 425).
[2]) Annales, p. 242—244.

Digitized by Google

ковъ. „Съ сжатыми руками", преклонились они предъ своимъ побѣдителемъ, прося пощады, и получили ее. Земли ихъ присоединены были къ Ассиріи, обложены данью и для управленія ими назначены ассирійскіе сановники [1]).

Подъ конецъ своего царствованія Аесуракхіидинъ, получивъ тяжкую болѣзнь (669 г.), отъ которой потомъ и умеръ, передалъ престолъ старшему сыну своему Ассурбанипалу, оставивъ себѣ въ управленіе лишь Вавилонію, гдѣ онъ и скончался въ 667 г. [2]).

Ассурбанипалъ наслѣдовалъ отцу своему еще при жизни его, какъ мы видѣли. Изъ сохранившихся надписей мы знаемъ, что торжественная коронація Ассурбанипала происходила 12-го апрѣля 667 года до Р. Х. въ Ниневіи во дворцѣ отца его, носившемъ названіе „Битридути" то-есть дворецъ постановленій и совѣтовъ [3]). Ассурбанипалъ называется иногда въ лѣтописи „Сининнадинпалъ,—такъ, повидимому, онъ назывался, какъ царь Вавилона. Быть можетъ, это послѣднее имя греческіе писатели (напр., Птоломей) передѣлали въ Κινιλαδάνος.

Ассурбанипалъ жилъ въ Ниневіи, въ „Великомъ дворцѣ", построенномъ его дѣдомъ и имъ значительно улучшенномъ [4]).

Большихъ стѣнныхъ надписей (какъ во дворцѣ Саркина) о царствованіи Ассурбанипала не осталось, но найдены четыре десятигранныя глиняныя „призмы" или, „цилиндры", заключающіе въ себѣ обильный и весьма любопытный матеріалъ для знакомства съ исторіею царствованія Ассурбанипала.

Мы изложимъ содержаніе цилиндра, обозначеннаго литерою A, представляющаго самый подробный текстъ, пополняя его, гдѣ нужно свѣдѣніями, заимствованными изъ прочихъ трехъ цилиндровъ (B, C, D,) содержаніе коихъ вообще сходно съ текстомъ перваго цилиндра, но передаетъ нѣкоторыя подробности, не имѣющіяся въ немъ.

Отмѣтимъ особенность лѣтописи Ассурбанипала, свидѣтельствующую объ успѣхахъ лѣтописанія у Ассиріянъ. У древнихъ царей разсказъ о подвигахъ ихъ идетъ сплошной, безъ всякаго раздѣленія; за-

---

[1]) Annales, p. 244.

[2]) Annales, p. 250. Годъ 664 г., выставленный здѣсь, какъ годъ отреченія Ассуракхіидина отъ престола, очевидно, опечатка вмѣсто 667 (см. ib. списокъ Лимму, 303 и *Maspero*, 428).

[3]) Annales, p. 251.

[4]) Ibid, 251, 212.

Digitized by Google

тѣмъ (начиная съ Салманассара III, 857—829 г.) стали перечислять походы: въ первый походъ сдѣлалъ то-то, во второй походъ — то-то и т. д.; въ лѣтописи же Ассурбанипала, какъ начертано на цилиндрѣ A, каждый параграфъ ея имѣетъ въ началѣ оглавленіе, обозначающее содержаніе текста; самое изложеніе отличается большою ясностью и послѣдовательностью.

Въ началѣ этой лѣтописи Ассурбанипалъ разсказываетъ о своемъ воцареніи: „Ассуракхіидинъ, царь земли Ассуръ, отецъ родившій меня, исполнилъ волю Ассура и Белтисы, боговъ—покровителей его, возвысившихъ его и повелѣвшихъ ему ввѣрить мнѣ царство. Въ мѣсяцѣ Аиру, мѣсяцѣ, посвященномъ богу Нисруку, повелителю людей, въ 12-й день (12-го апрѣля 667 г. до Р. Х.), въ день праздника (бога Бела, по волѣ Ассура, Бела, Сина, Самаса, Бина, Набу, Истары Ни-) невійской... Истары Арбельской (Арбаилу), Адара, Ниргала, Нуску, онъ собралъ людей земли Ассуръ, малыхъ и большихъ, и живущихъ по берегамъ Верхняго моря (Средиземное м.) и Нижняго моря (Персидскій заливъ) присутствовать при посвященіи на царство и затѣмъ вручилъ мнѣ Ассирійское царство. Съ радостью вступилъ я въ царскій дворецъ, дворецъ Синакхіериба, отца отцу, родившему меня, сыну великаго царя, установившему это царство,—въ дворецъ Ассуракхіидина [1]), отца, родившаго меня. Я Ассурбанипалъ, собралъ въ этомъ дворцѣ оракулы Набу и всѣ плитки царства. Я раскрылъ ихъ сокровенный смыслъ и разъяснилъ трудныя мѣста“ [2])...

„Съ тѣхъ поръ какъ Ассуръ, Синъ, Самасъ, Бинъ, Белъ, Набу, Истара Ниневійская, Истара Арбельская, Адаръ, Ниргалъ, Нуску возвели меня счастливо на престолъ отца, родившаго меня“, заключаетъ Ассурбаниналъ свое вступленіе, „Бинъ посылаетъ свои дожди, Нифукъ счастливитъ народъ свой, Онъ (народъ) положилъ въ запасъ $^1/_4$ мѣры сѣмянъ въ житницу, и собралъ $^2/_3$ хлѣбныхъ колосьевъ доброй жатвы въ пищу себѣ“ [3]).

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе войнъ. „Первая война противъ Египта“. Въ первый походъ мой выступилъ я противъ земли Мусури

---

[1]) Такимъ образомъ Ассуракхіидинъ тоже жилъ во дворцѣ отца своего Синакхіериба, въ Ниневіи.

[2]) Annales, p. 253, 254. Извѣстно, что въ развалинахъ дворца Ассурбанипала (Сарданапалъ?) найдена была цѣлая библіотека кирпичныхъ плитокъ съ клинообразнымъ письмомъ.

[3]) Ibid., p. 254.

Digitized by Google

(Египетъ) и Милухи (Мероэ). Тарку (Таграка или Тиргака) былъ царемъ земли Маеури и Кусъ (въ Эѳіопіи); Ассуракхіидинъ, царь земли Ассуръ, отецъ, родившій меня, побѣдилъ его и покорилъ царство (его). Тарку презрѣлъ могущество Ассура и Истары, великихъ боговъ, владыкъ моихъ; онъ положился на собственныя силы и выступилъ противъ царей, царствовавшихъ до него въ землѣ Мусури, и которыхъ царь, отецъ мой, родившій меня, назначилъ вмѣсто него [1]). Онъ хотѣлъ покорить ихъ, чтобы овладѣть вновь землею Мусури. Онъ вступилъ впередъ и утвердился въ гор. Мимфи (Мемфисъ), городѣ который отецъ мой, родившій меня, взялъ и присоединилъ къ владѣніямъ земли Ассуръ. Я занятъ былъ въ городѣ Нинуа (Ниневія), когда принесли мнѣ эту вѣсть. Я удивился и огорчился въ сердцѣ моемъ. Тогда, повинуясь Ассуру и Истарѣ, я собралъ многочисленныя войска, врученныя мнѣ Ассуромъ и Истарою. Я рѣшился идти противъ земли Мусури и Кусъ. Во время этого похода, 22 царя прибрежные и морскіе [2]), данники все мои, вышли мнѣ на встрѣчу и обняли колѣни мои... Быстро двинулся я къ городу Карбанитъ; Тарку, царь земли Мусури и Кусъ, узналъ въ городѣ Мимфи (Мемфисъ) о моемъ приближеніи и собралъ предо мною (т. е. выслалъ) людей своей арміи, чтобы дать мнѣ битву. При помощи Ассура и Истары, великихъ боговъ, владыкъ моихъ, я далъ большое сраженіе и обратилъ ихъ въ бѣгство. Тарку узналъ въ городѣ Мимфи о пораженіи своей арміи. Страхъ Ассура и Истары привелъ его въ смятеніе. Онъ отступилъ при приближеніи грознаго моего величества. Его боги принесены были предъ лице мое; самъ онъ покинулъ Мимфи и, спасая жизнь свою, бѣжалъ въ городъ Ніа (Ѳивы). Я овладѣлъ этимъ городомъ (Мемфисомъ). Армія моя вступила въ него и заняла его".

„Нику, царя города Мимфи (Мемфисъ) и Саи (Сеисъ); Сурладари, царя города Сихину (Пелузіумъ), Писанхуру, царя города Натху; Пакіуру, царя города Писапту, Пукуннанихапи, царя города Кхатхриби (Атрибисъ, Athribis); Наки, царя Кхинси; Будубисти, царя города Захану (Танисъ); Унамуну, царя города Натху; Гарсіеру, царя города Забнути (Себенитъ); Буснву царя города Виндиди (Мендесъ); Сусинну, царя города Бусиру (Бузирисъ); Тапнахти, царя города Бу-

[1]) То-есть, послѣ побѣды Ассуракхіидина надъ Тагракою.

[2]) На цилиндрѣ С. они перечисляются. Это тѣ самые 22 царя прибрежной Сиріи и о. Кипра, о коихъ упоминается выше, въ исторіи царетвованія Ассуракхіидина.

Digitized by Google

нубу; Пукунаннихапи, царя города Акхни; Иптикхардису, царя города Писаттихурцыпику; Нахтихурунсини, царя города Писабдинутъ (Писебтекъ египетскихъ надписей); Букурадаръ, царя Пакнути (Пахнамунисъ егип; надп.); Зикха, царя города Сійанту; Ламинту, царя города Кхимуни (Экхманъ); Испимату, царя города Тайани (Абидосъ); Мантіанхи, царя города Ниха (Ѳивы) [1]); всѣхъ этихъ царей, намѣстниковъ и правителей, которыхъ отецъ мой, родившій меня, поставилъ въ землѣ Мусури (Египетъ), и которые, при приближеніи Тарку (Таграка), покинули управленіе и бѣжали въ пустыню, я возстановилъ въ ихъ власти въ вѣренныхъ имъ областяхъ. Я вновь покорилъ землю Мусури и Кусъ, завоеванныя моимъ отцемъ, родившимъ меня. Я наложилъ подати болѣе тяжкія, чѣмъ въ началѣ. Я въ мирѣ возвратился въ Нинуу съ большою и богатою добычею. Затѣмъ всѣ эти цари, мною возстановленные, соединились противъ меня [2]). Они презрѣли добро, которое я имъ сдѣлалъ, и отдали сердца свои измѣнѣ. Они разсѣевали мятежныя слова и держали между собою такіе совѣты: „Тарху (Таграка) выгнанъ изъ земли Мусури (Египетъ), и намъ наша (земля?) останется.“ Тогда они послали пословъ къ Тарку, царю Куса, чтобы заключить договоръ и союзъ съ нимъ. „Заключимъ“ (говорили они) договоръ и союзъ между собою мы поддержимъ другъ друга, мы возстановимъ такимъ образомъ (нашу власть?) въ странѣ, и не будетъ у насъ болѣе другаго господина.“ Они составили предательскій замыселъ противъ арміи земли Ассуръ, противъ войскъ моего могущества (пришедшихъ?) къ нимъ на помощь [3]). Мои полководцы узнали объ этомъ заговорѣ. Они остановили пословъ, захватили депеши (ихъ) и узнали (такимъ образомъ) о ихъ мятежныхъ козняхъ. Они арестовали этихъ царей и заковали ихъ по рукамъ и по ногамъ... Люди городовъ Саи, Бинди, Зуана и другихъ городовъ, которые (участвовали?) въ этомъ ковар-

---

[1]) Извѣстный авторъ исторіи Египта по туземнымъ источникамъ, Бругшъ, повѣряя этотъ текстъ ассирійской лѣтописи по іероглифическимъ надписямъ египетскихъ памятниковъ, 37 изъ приведенныхъ здѣсь названій царей и городовъ нашелъ въ соотвѣтственной египетской формѣ, что убѣдило его въ вѣрности чтенія клинообразныхъ письменъ. См. *Goetting. Gelerthe Anzeigen* 5 Jan. 1876, s. 19, 22.

[2]) Судя по именамъ, всѣ они были Египтяне, за исключеніемъ лишь одного—Букурадара, въ имени коего заключается имя ассирійскаго божества *Адара*, обличающее его ассирійское происхожденіе.

[3]) То-есть для возстановленія ихъ власти въ странѣ.

Digitized by Google

номъ замыслѣ, покорены оружіемъ. Воины мои ничего не оставили тамъ цѣлымъ, они влачили трупы посреди развалинъ, они разрушили городскія стѣны. Живыми предоставили предо мною въ Нинуу (Ниневію) этихъ царей, затѣявшихъ зло противъ арміи земли Ассуръ." Вопреки обычаю, Ассурбанипалъ милостиво поступилъ съ мятежными вассалами. „Я благосклонно принялъ ихъ," говоритъ онъ, „я наложилъ на Нику (царь Мемфиса и Саиса) болѣе суровыя условія, чѣмъ прежнія, но отослалъ его домой. Я облекъ его въ великолѣпныя одежды, шерстяныя и льняныя, съ золотыми украшеніями, я велѣлъ сдѣлать его царскую статую. Я украсилъ ноги его золотыми кольцами; я далъ ему стальной мечъ въ золотыхъ ножнахъ. Я начерталъ на немъ (мечѣ) славу моего имени и подарилъ ему его [1]). Я далъ ему повозокъ (вѣроятно съ дарами), коней, вьючныхъ животныхъ и отослалъ его въ Мусури (Египетъ) съ моимъ сатрапомъ, въ качествѣ правителя [2]). Я возвратилъ ему мѣсто, которое отецъ мой, родившій меня, назначилъ ему въ г. Саисѣ. Я возстановилъ его въ области его, равно какъ и сына его Пукунаннипапи въ городѣ Кхатуриби (Атрибисъ...) [3])."

Между тѣмъ Таграка бѣжалъ въ свое царство Кусъ, гдѣ, преслѣдуемый войсками ассирійскими, онъ скоропостижно умеръ. Сынъ его Урдаману занялъ его мѣсто; укрѣпивъ свою столицу Θивы и собравъ армію, онъ выступилъ противъ Ассиріянъ и овладѣлъ г, Мемфисомъ. Это вызвало вторую войну противъ Египта, во время коей Урдаману, при приближеніи арміи Ассурбанипала, покинулъ Мемфисъ и бѣжалъ въ Θивы. На этотъ разъ воины ассирійскаго царя остались ему вѣрны, и выйдя къ нему на встрѣчу, „обняли его колѣна." Ассурбанипалъ преслѣдовалъ теперь противника своего и подошелъ къ Θивамъ, гдѣ тотъ укрѣпился; не считая однакоже возможнымъ устоять противъ ассирійскихъ полчищъ, бѣжалъ далѣе на югъ. Ассурбанипалъ взялъ Θивы, „ввелъ здѣсь культъ Ассура и Истары" и съ богатою добычею возвратился въ Ниневію" [4]).

---

[1]) Такимъ образомъ этотъ мечъ долженъ былъ отнынѣ употреблять мемфисскій царь лишь во славу Ассурбанипала.

[2]) Это напоминаетъ англійскихъ резидентовъ при раджахъ ост-индскихъ.

[3]) Annales, p. 254, 256.

[4]) Ann. p. 257. Ср. пророчество Исаіи (гл. XX) о покореніи Египта и Эѳіопіи царемъ ассирійскимъ (Ассурбанипаломъ или отцемъ его, Ассураххіидиномъ), произнесенное во время осады г. Азота, полководцемъ царя Саргона или Сарина, прадѣда Ассурбанипалова.

Digitized by Google

Осада Тира. Лидійская война. „Въ 3-й походъ мой, я пошелъ противъ Бахали, царя земли Сурри (Тиръ). Онъ презрѣлъ постановленія мои царскія и не внялъ словамъ устъ моихъ. Я осадилъ его крѣпости... я пресѣкъ сообщенія, я стѣснилъ его такъ, что онъ принужденъ былъ, для утоленія жажды, пить морскую воду. Я смирилъ его духъ и поколебалъ его мужество, я подчинилъ его моему игу и велѣлъ привести ко мнѣ, чтобы сдѣлать ихъ рабынями моими, дочерей сердца его и сестеръ его брата. Іамелки, сынъ его, покорился мнѣ и далъ мнѣ даръ, не имѣющій равнаго себѣ,—онъ отдалъ мнѣ дочь свою и дочерей брата своего, съ значительной данью. Я помиловалъ его и возстановилъ его въ его владѣніяхъ съ сыновьями сердца его.

„Іакинлу, царь земли Аруадда (Арадъ), живущій посреди моря[1]) и не покорявшійся царямъ, отцамъ моимъ, призналъ мое господство и послалъ ко мнѣ дочь свою съ многочисленными дарами, чтобы помѣстить ее въ число женщинъ моего дворца (то-есть въ сералѣ) и обнялъ колѣна мои; то же самое сдѣлали Мугали, царь земли Табалъ [2]) и Сандасарми, царь земли Кхилакку (Киликія), устрашенные паденіемъ Тира.“ Царь земли Табалъ обязался при этомъ присылать, какъ дань, „большихъ туземныхъ коней.“ Десять сыновей Арадскаго царя Іакинлу, „жившіе посреди моря“ прибыли изъ своихъ земель съ многими дарами и „обняли колѣни“ ассирійскаго завоевателя. Принявъ ихъ милостиво, Ассурбанипалъ отдалъ управленіе арадскимъ царствомъ старшему изъ братьевъ, Азибаалу [3]).

„Гуггу (Гигесъ) [4]), царь земли Лудди (Лидія), дальней страны, лежащей по ту сторону моря (Средиземнаго), о которой цари, отцы мои, никогда не слышали,“ продолжаетъ Ассурбанипалъ, „узналъ величіе моего царства,—хвалу его слышалъ онъ во снѣ, который Ассуръ, богъ сотворившій меня, послалъ ему такъ: „иго“... (здѣсь пропускъ въ надписи). На слѣдующій день онъ отправилъ ко мнѣ пословъ, прося моего покровительства; причемъ поручилъ посланному своему разсказать мнѣ видѣнный имъ сонъ. Съ того времени какъ

---

[1]) Финикіяне часто строили города не на берегу моря, а на острову близъ берега, для большей безопасности.

[2]) На западной границѣ Арменіи.

[3]) Ann., p. 257, 258, 278.

[4]) См. Геродотъ, I, 8—14.

Digitized by Google

онъ принялъ мое иго, онъ подчинилъ власти Ассура и Истары [1]) народъ Гимири (Киммеріяне), опустошавшій его владѣнія и не страшившійся ни отцовъ моихъ, ни меня. Изъ числа вождей народа Гимири, двоихъ, закованныхъ въ цѣпи, онъ прислалъ ко мнѣ. Послы его просили моей дружбы, самъ же онъ нарушилъ слово свое и отказался исполнять волю Ассура, создателя моего; онъ положился на собственныя силы и ожесточилъ сердце свое. Онъ послалъ войска свои на помощь царю земли Мусури (Таграка?), желавшему свергнуть иго моего господства. Я же обратился съ такою молитвою къ Ассуру и Истарѣ: „да падетъ трупъ его предъ врагами его, а люди его будутъ уведены плѣнниками.“ Когда я такъ воззвалъ къ Ассуру, молитва моя была услышана. Трупъ его повергнутъ былъ предъ врагами его, а люди его уведены плѣнниками. Народы Гимири (Киммеріяне), которыхъ онъ побѣдилъ славою имени моего, опустошили теперь всю страну (его)... Сынъ его занялъ престолъ... Бори,—покровители мои [2]), опрокинуты были при отдѣ его, самъ же онъ, чрезъ посланнаго велѣлъ мнѣ сказать, что подчиняется моему игу: „Царь, богомъ благословенный—это ты; отецъ мой отдѣлился отъ тебя, заговоръ составленъ былъ тогда; я же—преданный тебѣ слуга, и народъ мой будетъ сообразоваться съ законами твоими [3]).“

Война противъ Минни. 4-й походъ Ассурбанипала направленъ былъ противъ Ахзири, царя земли Минни (или Манна, въ восточной Арменіи у оз. Ванъ), гдѣ давно уже не появлялись ассирійскія войска. Причиною похода, какъ поясняется въ концѣ, было то, что цари Минни давно уже перестали платить дань Ассиріи и даже захватили четыре города на сѣверной границѣ Ассиріи [4]). Походъ былъ побѣдоносенъ; множество городовъ большихъ и малыхъ преданы были пламени; царь, покинувъ столицу свою Изирту, бѣжалъ и погибъ, убитый собственными людьми, исполнявшими повелѣніе ассирійскаго царя; умерщвлены были также братья и родственники его. Все это совершилъ Ассурбанипалъ „по волѣ (богини) Истары, обитающей въ Арбаилу (Арбела), которая предъ началомъ еще похода сказала мнѣ

---

[1]) Статуи этихъ божествъ, какъ видно изъ послѣдующаго, были приняты Гигесомъ въ знакъ покорности его богамъ Ассиріи.

[2]) То-есть статуи ассирійскихъ боговъ приняты г. Гигесомъ вмѣстѣ съ игомъ ассирійскимъ.

[3]) Annales, p. 258, 259.

[4]) Annales, p. 260, 280.

Digitized by Google

(говоритъ Ассурбанипалъ) такъ: „я, я побѣдительница Ахсири, царя Минни". — Мѣсто Ахсири занялъ сынъ его Самалли. Онъ изъявилъ покорность Ассурбанипалу, послалъ къ нему въ Ниневію старшаго сына своего Эрисинни, чтобы „обнять его колѣна", отдалъ собственную дочь въ сераль ассирійскаго царя и уплатилъ сполна дань, которую страна Минни давно уже перестала было доставлять; Ассурбанипалъ увеличилъ ее на 30 коней [1]).

Война противъ Элама. Завоеваніе Гамбула — на цилиндрѣ А излагаются очень кратко; несравненно обстоятельнѣе и притомъ съ характерными подробностями разсказываются они на цилиндрѣ В [2]), тексту коего мы и слѣдуемъ здѣсь.

„6-й мой походъ направилъ я противъ Уртаки, царя земли Эламъ.. Онъ не предвидѣлъ голода, когда засуха распространилась по Эламу и породила бѣдствія. Для спасенія народа его, я послалъ ему скотъ, я протянулъ ему руку помощи. Народъ его бѣжалъ отъ засухи и оставался въ землѣ Ассуръ (Ассирія), пока дождь оросилъ ихъ страну и произрастилъ жатву... Но люди Элама... забыли мое благодѣяніе".

Уртаки, побуждаемый полководцемъ своимъ Мардукзикисибни, заключилъ противъ Ассурбанипала союзъ съ Билбусу (или Белбаса), правителемъ Гамбула (въ устьяхъ Тигра и Евфрата), и самъ напалъ на владѣнія ассирійскаго царя. Посланный Ассурбанипаломъ гонецъ донесъ ему, что „люди Элама, какъ туча саранчи, покрыли землю Аккадъ, разбили лагерь свой противъ Бабилу (Вавилонъ) и возвели осадныя укрѣпленія". Приближеніе арміи ассирійской заставило Уртаки снять осаду и отступить къ предѣламъ своего государства; затѣмъ онъ самъ лишилъ себя жизни; Билбусу бѣжалъ и вскорѣ умеръ. „Послѣ того Теймманъ, подобно злому генію, занялъ престолъ Уртаки". Чтобы обезпечить за собой престолъ, онъ задумалъ умертвить сыновей Уртаки Умманигаса, Умманиппу и Тамариту и сыновей Умманалдаса I, старшаго брата Уртаки, которому онъ наслѣдовалъ, — Кудурру и Пару. Узнавъ объ умыслѣ Теймана, они бѣжали въ Ассирію вмѣстѣ съ шестидесятью другими лицами ихъ царскаго дома и значительнымъ числомъ отроковъ и дѣтей и

---

[1]) Ibid., p. 259, 260, 280, 281.

[2]) Annales, p. 281—286. Ср. 260. На цилиндрѣ А. обѣ войны представлены какъ одинъ (5-й) походъ; на цилиндрѣ же В они раздѣлены на три похода (6, 7 и 8-й; такимъ образомъ, и предыдущіе походы на этомъ цилиндрѣ имѣютъ другой счетъ).

Digitized by Google

отдались подъ покровительство Ассурбанипала. Теймманъ потребовалъ выдачи бѣглецовъ, но получилъ отказъ, и вслѣдъ затѣмъ ассирійскій царь двинулся на Теймана, въ сопровожденіи эламскихъ бѣглецовъ. Предъ началомъ похода, Ассурбанипалъ въ день праздника богини Истары принесъ ей жертву въ „любимомъ ея городѣ Арбаилу (Арбела)", испрашивая ея помощи въ предстоявшей войнѣ. „Но онъ (Теймманъ) говорилъ: „Теймманъ такъ же могущественъ, какъ и Истара" и прибавлялъ: „я не остановлюсь, пока не достигну его (Ассурбанипала)." „Услышавъ эти угрозы Теймана", говоритъ Ассурбанипалъ, „я повергся на земь предъ могущественною богинею Истарою и умолялъ ее прійти ко мнѣ на помощь такъ: „Богиня Арбаилу, я, я Ассурбанипалъ, дѣло рукъ твоихъ... я возстановляю храмы твои, я служу тебѣ... Теймманъ же, царь земли Эламъ, не поклоняется великимъ богамъ... О ты, богиня богинь, грозная въ битвахъ, богиня войны, царица боговъ... ты, которая, въ присутствіи Ассура, отца моего, родившаго меня, превозгласила меня (царемъ?), ты любишь меня"... и просилъ Истару, чтобы порадовала сердце Ассура и Мардуки, брата его и поразила Теймана.

„Истара услышала мою молитву", продолжаетъ Ассурбанипалъ, „и отвѣчала мнѣ: „не бойся ничего". И она порадовала сердце мое, прибавивъ: „Глаза твои будутъ удовольствованы помощью руки моей, вспомоществующей тебѣ; я обѣщаю тебѣ успѣхъ". „Тогда посреди ночи, между тѣмъ какъ я взывалъ (къ Истарѣ), я уснулъ глубокимъ сномъ и посѣщенъ былъ сонными видѣніемъ. Ночью Истара говорила и явилась мнѣ такъ:

„Истара обитающая въ Арбаилу, приблизилась; она окружена была лучами справа и слѣва, въ рукѣ у нея былъ лукъ, метающій страшныя стрѣлы въ схваткѣ, поступь ея была твердая, какъ матери рождающей. Истара, возлюбленная царица боговъ, приноситъ тебѣ это повелѣніе (сказала она): иди взять добычу, мѣсто предъ тобою готово, я прійду къ тебѣ на помощь, я, — куда ты пойдешь, туда и я съ тобою. Царица богинь повелѣваетъ тебѣ такъ: оставайся здѣсь въ храмѣ Набу, вкушай пищу, пей вино, при звукѣ музыкальныхъ инструментовъ, славь божество мое, пока я явлюсь, и желаніе твое исполнится — это есть желаніе и моего сердца. Онъ (Теймманъ) не устоитъ предъ тобою, онъ не наложитъ на тебя ига своего, не заботься о своей кожѣ посреди битвы. Истара даруетъ тебѣ свое великодушное покровительство, она бдитъ надъ тобою, она отстранитъ всѣ опасности. Предъ нею пылаетъ страшный огонь... чтобы низло-

Digitized by Google

жить твоихъ враговъ. „Она (Истара) объявила себя противъ Теймана царя земли Эламъ", заключаетъ Ассурбанипалъ, „я выступилъ въ походъ, а она управляла шествіемъ".

Это сонное видѣніе, занесенное въ царскую лѣтопись и обусловившее затѣмъ послѣдующія событія, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе, какъ явленіе любопытное, бросающее свѣтъ на религію древнихъ.

Теймманъ пошелъ сначала на встрѣчу приближавшейся ассирійской арміи, но, пораженный страхомъ, при вѣсти о взятіи г. Дурилу, онъ отступилъ къ Сузамъ, сдѣлалъ, повидимому, попытку (тщетно, впрочемъ) вступить въ переговоры съ Ассурбанипаломъ и затѣмъ укрѣпился на берегу р. Улаи (Хоаспесъ). Здѣсь произошла рѣшительная битва между противниками. Ассурбанипалъ побѣдилъ и плѣнилъ Теймана: „я наполнилъ рѣку Улаи трупами его людей, говоритъ онъ, жены ихъ разбѣжались, какъ стрѣлы, въ окрестности города (Сусанъ, Сузы). По повелѣнію Ассура и Мардука, великихъ боговъ, владыкъ моихъ, я отрубилъ голову Теймману предъ арміею моею". Исполнителемъ казни былъ эламскій принцъ Тамариту [1]), который, какъ выше сказано, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Умманигасомъ и другими родственниками искалъ убѣжища въ Ассиріи отъ козней Теймана, умышлявшаго на жизнь ихъ. Оба принца взяты были Ассурбанипаломъ въ походъ. На мѣсто Теймана онъ посадилъ теперь Умманигаса, а брата его Тамариту сдѣлалъ царемъ въ г. Кхидалу. „По повелѣнію Ассура и великихъ боговъ," заключаетъ Ассурбанипалъ, „я одинъ покинулъ землю Эламъ, оставивъ армію забирать добычу."

Теперь Ассубранипалъ направился противъ союзника Теймманова Думану, сына Белбасы (или Билбусу), царя земли Гамбулъ, въ устьяхъ Тигра и Евфрата. „Какъ ураганъ" пронесся Ассурбанипалъ по землѣ Гамбулъ. Думану, братъ его, семейство, рабы его попались въ плѣнъ, дворецъ его былъ разграбленъ; столица его Сапибелъ, „расположенная посреди моря (то-есть на острову) была разрушена и опрокинута въ море"; страна опустошена была въ конецъ. „По милости Ассура, Бела, Набу, великихъ боговъ", заключаетъ Ассурбанипалъ, „я истребилъ моихъ враговъ и съ миромъ возвратился въ Нинуу. Съ тріумфомъ несъ я голову Теймана и голову Думану. Я вступилъ въ Нинуу въ радости, посреди рабовъ, игравшихъ на

[1]) Anales, p. 262, 263.

Digitized by Google

музыкальныхъ инструментахъ, и обремененныхъ добычею земли Эламъ и добычею Гамбулъ, завоеванныхъ рукою моею, по повелѣнію Ассура". „Умбадару и Набудамикъ, полководцы Теймана, царя земли Эламъ, которымъ Теймманъ поручилъ вести со мною переговоры, приведены былъ ко мнѣ, обремененные оковами для выслушанія моего рѣшенія; они увидѣли окровавленную голову Теймана и поняли, что имъ оставалось дѣлать. Умбадару остригъ себѣ бороду. Набудамикъ пронзилъ внутренности свои остріемъ своего кинжала. Я велѣлъ вывѣсить голову Теймана предъ большимъ портикомъ Нинуи [1]) и поднялъ ее весьма высоко. Силою Ассура и Истары народъ взиралъ на окровавленную голову Теймана, царя Элама" [2]).

Затѣмъ послѣдовали казни виновныхъ правителей земли Гамбулъ, Маннукіахи.... Дунану и Набузулли, правители городовъ земли Гамбулъ, „возставшіе противъ боговъ моихъ", говоритъ Ассурбанипалъ, „приведены были въ Арбаилу (Арбелы). Я велѣлъ вырвать у нихъ языки и содрать съ нихъ кожу. Дунану брошенъ былъ въ горящую печь [3]) въ Ниневіи, гдѣ онъ и испустилъ духъ. Братьямъ Дунану и Палаи я велѣлъ отрѣзать губы и отослать ихъ въ землю ихъ, чтобы служили примѣромъ для другихъ."

Въ руки Ассурбанипала попался и одинъ изъ внуковъ знаменитаго патріота вавилонскаго Мардукбаладана, по имени Палаи. Онъ искалъ убѣжища въ Эламѣ, но новый царь эламскій Умманигасъ, обязанный престоломъ Ассурбанипалу, выдалъ его [4]), стараго противника ассирійскихъ царей, такъ часто поднимавшаго противъ нихъ населеніе низовьевъ Тигра и Евфрата.

Возстаніе Салуммукина. Младшій братъ Ассурбанипала Салуммукинъ, которому онъ поручилъ управленіе Вавилоніею, увеличивъ вмѣстѣ съ тѣмъ подати наложенныя его отцемъ, отказался давать ихъ, задумалъ освободиться отъ ига Ассиріи и составилъ обширный планъ возстанія противъ нея, привлекши къ участію въ немъ не только подвластные ему народы Аккадовъ и Халдеевъ, но также Арамейцевъ и прибрежныхъ жителей отъ города Акады до Бабсалимети и заключилъ союзъ съ эламскимъ царемъ Умманигасомъ, хотя

[1]) То-есть предъ большимъ портикомъ дворца его въ Ниневіи.

[2]) Annales, p. 285, 286, 261.

[3]) Это напоминаетъ трехъ юношей іудейскихъ, брошенныхъ въ раскаленную печь, по повелѣнію Навуходоносора (Дан. III, 15—21).

[4]) Annales, p. 286.

Digitized by Google

и обязаннымъ престоломъ своимъ Ассурбанипалу, съ царемъ земель Гути и Марту (въ Сиріи), съ царемъ аравійскимъ Самиати и съ царемъ земли Милухи (Мероэ). Всѣ они общими силами хотѣли теперь сбросить съ себя иго Ассиріянъ. Салуммукинъ самъ объявилъ брату войну. Опасность для Ассурбанипала была, повидимому, велика. „Въ то время", говоритъ онъ, „я имѣлъ видѣніе, посреди ночи, слѣдующее: (ему является богъ Синъ и говоритъ ему): „вотъ что приготовилъ я злоумышляющимъ противъ Ассурбанипала, царя земли Ассуръ: будетъ битва, позорная смерть ожидаетъ ихъ. Адаръ (богъ) истребитъ ихъ жизни мечемъ, огнемъ и голодомъ". „Я слышалъ эти слова", замѣчаетъ Ассурбанипалъ, „и приготовился исполнить волю Сина, владыки моего". „Въ 6-й мой походъ", продолжаетъ онъ, „я собралъ мою армію и рѣшился идти (самъ) противъ Салуммукина. Я осадилъ гарнизоны его въ городахъ Сиппарѣ (Сепарваимъ), Бабилу (Вавилонъ), Барсинѣ (возлѣ Вавилона), Кутхѣ; я истребилъ ихъ въ городахъ и въ открытомъ полѣ; остальные, по повелѣнію Адара, погибли отъ голода. Умманигасъ, царь Элама, мною избранный, получивъ отъ меня субсидіи, пришелъ ко мнѣ на помощь [1]). Но Таммариту [2]) возсталъ противъ него и умертвилъ мечемъ его и часть его семейства. Затѣмъ Таммариту сѣлъ на престолъ Элама послѣ Умманигаса и не искалъ союза со мною. Чтобы помочь Салуммукину, мятежному брату моему, онъ выступилъ, чтобы сразиться съ арміею моею, и изготовился къ битвѣ. Я возвалъ къ Ассуру и Истарѣ, они приняли мои мольбы и услышали слова устъ моихъ. Индабигасъ, слуга его (Таммариту) обратился противъ него и поразилъ его на полѣ битвы"... Спасаясь отъ Индабигаса, Таммариту съ братьями своими и 85 другими членами своего дома явился теперь въ Ниневію съ изъявленіемъ покорности. „Онъ обнялъ колѣно мое, говоритъ Ассурбанипалъ, и прахомъ посыпалъ голову свою у подножія ногъ моихъ... и стоя предо мною, прославилъ верховное могущество боговъ, пришедшихъ мнѣ на помощь. Я, Ассурбанипалъ, имѣя великодушное сердце, простилъ ему его измѣну и принялъ его и отраслей дома отцовъ его во дворецъ мой. Въ это время народъ Аккады, соединившійся съ Салуммукиномъ и замышлявшій отпаденіе, удрученъ былъ голодомъ.

---

[1]) Такимъ образомъ, раздѣляя своихъ многочисленныхъ враговъ, Ассурбанипалъ дарами склонилъ на свою сторону самаго опаснаго изъ нихъ.

[2]) Младшій братъ Уманигаса, получившій отъ Ассурбанипала г. Кидалу въ Эламѣ.

Digitized by Google

Они принуждены были питаться мясомъ ихъ сыновей и дочерей... Ассуръ, Синъ, Самаєъ, Бинъ, Белъ, Набу, Истара Ниневійская царица, Истара Арбельская, Адаръ, Ниргалъ и Нуску, идущіе предо мною, чтобы истреблять моихъ враговъ, бросили Силуммукина, мятежнаго брата моего, сражавшагося противъ меня, въ пожирающій огонь и разрушили жизнь его [1]). И народъ, слѣдовавшій за Салуммукиномъ, моимъ мятежнымъ братомъ, долженъ былъ раздѣлить съ нимъ его участь, ибо совершилъ дурныя дѣла; онъ заслужилъ смерть,— онъ не нашелъ пощады. Тѣ, которые не были сожжены вмѣстѣ съ Салуммукиномъ, господиномъ своимъ, бѣжали, спасаясь отъ острія меча, отъ ужасовъ голода и отъ пожирающаго пламени. Гнѣвъ великихъ боговъ, владыкъ моихъ, отяготѣлъ надъ ними, ни одинъ не спасся, ни одинъ не былъ пощаженъ, всѣ они впали мнѣ въ руки, (равно какъ и) ихъ боевыя колесницы, ихъ сбруи, ихъ жены. Сокровища дворцевъ ихъ принесены предъ меня. Эти люди, уста коихъ сплели коварные умыслы противъ меня и противъ Ассура, владыки моего, я вырвалъ у нихъ языкъ и погубилъ ихъ. Остальные изъ народа живыми выставлены были предъ великими каменными быками, воздвигнутыми Синахіерибомъ, отцемъ отца моего; затѣмъ я ихъ бросилъ въ ровъ, я отрубилъ имъ члены и отдалъ ихъ на съѣденіе собакамъ, дикимъ звѣрямъ, хищнымъ птицамъ и тварямъ небеснымъ и морскимъ. Совершая это, я порадовалъ сердце великихъ боговъ, владыкъ моихъ. Трупы людей, истребленныхъ Адаромъ и погибшихъ отъ голода, брошены были собакамъ и дикимъ звѣрямъ на съѣденіе. Пришителей Вабилу (Вавилонъ), Кутхи, Сиппары я обратилъ въ рабство... Остатокъ уцѣлѣвшихъ отъ страданій и лишеній сыновъ Вабилу, Кутхи и Сиппары я помиловалъ, я велѣлъ пощадить ихъ жизнь и оставить въ Вабилу" (то-есть не выселять) [2]).

Первая война противъ Уммаиалдаса, царя Эламскаго. Послѣ низложенія эламскаго царя Таммариту (бѣжавшаго затѣмъ къ Ассурбаниналу) полководцемъ его Индабигасомъ, послѣдній воцарился въ Эламѣ, но не на долго: онъ скоро самъ былъ низложенъ и мѣсто его заняли Уммаиалдасъ и Пахе, раздѣлившіе между собою 12 областей Элама, такъ что первый взялъ западныя, а второй восточныя

[1]) Такъ, конечно, надобно понимать, что Салуммукинъ, по приказанію Ассурбаниипала, брошенъ былъ въ огненную печь.

[2]) Annales, p. 261—264.

Digitized by Google

земли [1]). Причина войны съ Умманалдасомъ не приведена; вѣроятно, отказъ въ дани и желаніе посадить на престолъ Элама своего подручника Таммариту, котораго Ассурбанипалъ и взялъ съ собою въ походъ (7-й по счету цилиндра *A*). Нѣсколько городовъ по пути покорились безъ боя. Сопротивленіе оказала лишь Битимби, сильнѣйшая пограничная крѣпость Элама, взятая еще нѣкогда Синаккіерибомъ, и вѣроятно разрушенная; но туземцы противъ стараго города выстроили новый, укрѣпили его, обнесли стѣною и дали ему прежнее названіе Битимби. Ассурбанипалъ взялъ этотъ крѣпкій городъ, жителей его жестоко наказалъ: однимъ отрубилъ голову, у другихъ вырвалъ губы и въ такомъ видѣ послалъ ихъ „на показъ" въ Ассирію; туда же посланъ былъ въ оковахъ и начальникъ стрѣлковъ, по имени Имбапи, родственникъ Умманалдаса; въ числѣ добычи были женщины его сераля и сыновья прежняго эламскаго царя Теймана, казненнаго Ассурбанипаломъ. Устрашенный Умманалдасъ, покинувъ свою столицу Мадакту, бѣжалъ въ горы. Ассурбанипалъ ввелъ Таммариту въ г. Сусанъ (Сузы) и короновалъ его тамъ, какъ своего подручника. Но тотъ скоро забылъ милости къ нему ассирійскаго царя и сталъ строить противъ него коварныя козни, чтобы „овладѣть его арміею". Но „боги Ассуръ и Истаръ, идущіе предо мною и укрѣпляющіе мужество мое противъ враговъ моихъ", говоритъ Ассурбанипалъ, «свѣдали замыслы Таммариту и исторгли престолъ изъ рукъ его; они низвергли его и вторично отдали въ мою власть. Сердце мое огорчено было этими событіями и послѣднею обидою Таммариту. Въ славѣ и могуществѣ великихъ боговъ, владыкъ моихъ, я побѣдоносно прошелъ всю землю Эламъ. На обратномъ пути я подчинилъ игу моего могущества и возвратилъ землѣ Ассуръ (Ассирія) города... (они перечисляются, всего 27, въ томъ числѣ Мадакту и Сусанъ); я взялъ эти города, я ихъ опустошилъ, разрушилъ, предалъ пламеня, я овладѣлъ ихъ богами, ихъ жителями, быками, баранами, ихъ сокровищами, ихъ богатствами, ихъ телегами, ихъ конями, мулами, ихъ оружіемъ, осадными орудіями и все это отослалъ въ землю Ассуръ". [2]) Какого рода было подчиненіе этихъ 27 городовъ, можно судить изъ того, что въ слѣдующую кампанію пришлось опять брать эти города силою. Это вообще даетъ понятіе о характерѣ тогдашнихъ войнъ и завоеваній на востокѣ. Города брались, опустошались, а по уходѣ завоевателя

[1]) Annales, p. 267, 270, 293.
[2]) Annales, 264—266.

Digitized by Google

снова возникали и снова приходилось ихъ брать силою. Система военныхъ гарнизоновъ въ завоеванныхъ странахъ для удержанія ихъ въ повиновеніи появляется позже уже у Персовъ, у Грековъ, но полное развитіе получаетъ лишь у Римлянъ.

Вторая война противъ Уммаиалдаса. „Въ 8-й походъ мой, повинуясь Ассуру и Истарѣ, я собралъ мою армію и направился противъ Уммаиалдаса, царя Элама. Я вновь овладѣлъ городомъ Битимби, занятымъ мною уже въ первый походъ, равно какъ и городами земли Расъ и Хаману. Онъ же, Уммаиалдасъ, когда узналъ о занятіи земель Расъ и Хаману, то страхъ Ассура и Истары, идущихъ предо мною, поразилъ его: онъ покинулъ Мадакту, столицу свою, и бѣжалъ къ городу Дурундаси. Онъ перешелъ рѣку Итите (Паситигрисъ?) и сталъ за нею, чтобы дать мнѣ битву".

Овладѣвъ многими городами по пути, въ томъ числѣ и столицею Мадакту, Ассурбанипалъ приблизился къ верховьямъ рѣки Итите, конечно, для того, чтобы переправившись выше расположенія арміи Уммаиалдаса, обойти непріятельскую позицію. Но воды Итите были высоки и воины, въ страхѣ, не рѣшались переходить черезъ рѣку. «Тогда», продолжаетъ Ассурбанипалъ, Истара Арбельская, послала ночью сновидѣніе моей арміи и рекла ей такъ: «я иду предъ Ассурбанипаломъ, царемъ, котораго образовали руки мои». Это видѣніе ободрило армію мою и воины перешли рѣку Итите. Я взялъ 14 царскихъ городовъ и множество меньшихъ, ибо 12 областей принадлежатъ Эламу. Я ихъ (города) взялъ, опустошилъ, разрушилъ, предалъ пламени и обратилъ въ груду развалинъ. Я поразилъ сражающихся безъ счету, я одолѣлъ оружіемъ всѣхъ его ратниковъ. Уммандаласъ, съ отчаянія, ушелъ въ горы... Я взялъ его боговъ, его богинь, его имущество, сокровища, жителей большихъ и малыхъ и отослалъ ихъ въ землю Ассуръ (Ассирія). Я продолжалъ мой побѣдоносный путь по землѣ Эламъ... На обратномъ пути Ассуръ и Истара возвысили меня надъ врагами моими, я взялъ большой городъ Сусанъ (Сузы), мѣстопребываніе ихъ великихъ боговъ, святилище оракуловъ. По волѣ Ассура и Истары, я вошелъ въ ихъ дворцы и возсѣлъ въ нихъ съ гордостью. Я открылъ ихъ сокровищницы, я взялъ серебро, золото, ихъ сокровища и богатства, которыя первый царь Элама и цари, пріемники его, собрали, на которыя ни одинъ врагъ еще не налагалъ руки,—я овладѣлъ ими какъ добычею. Слитки серебра и золота, сокровища и богатства земли Сумировъ и Акка-

Digitized by Google

довъ и земли Кардуніасъ [1]), все, что первый царь Элама и его преемники собрали и принесли въ землю Эламъ... блестящіе драгоцѣнные камни, царскія сокровища, которыя первые цари Аккада (Вавилоніи) и самъ Салуммукинъ [2]) (принесли) въ землю Эламъ, богатыя одежды, оружіе, мебель, запасы пищи и вина, кровать, на которой онъ спалъ, тяжелыя боевыя колесницы, украшенныя бронзовыми украшеніями и живописью, коней, вьючныхъ животныхъ (съ сбруею, отдѣланною) золотомъ и серебромъ,—все это унесъ я въ землю Ассуръ. Я разрушилъ башню города Сусанъ, основаніе коей было мраморное, я опрокинулъ вершину ея, покрытую блестящею мѣдью. Я взялъ Сусинака, бога, обитающаго въ лѣсахъ, и котораго божественный ликъ никто еще не видѣлъ, и боговъ Сумуду, Лагамару, Партикира, Аммункасибара, Удурана, Сапака, которымъ поклонялись цари земли Эламъ, (перечисляетъ еще двѣнадцать божествъ), я похитилъ всѣхъ этихъ боговъ и богинь съ ихъ богатствами, съ ихъ сокровищами, съ ихъ пышными уборами, съ ихъ жрецами и поклонниками, и все это перенесъ въ землю Ассуръ. Тридцать-двѣ статуи царей серебряныя, золотыя, бронзовыя и мраморныя изъ городовъ Сусанъ, Мадакту, Хурады (перечисляются нѣкоторыя статуи, въ томъ числѣ и статуя Таммариту, послѣдняго эламскаго царя), — все унесъ я въ землю Ассуръ. Я разбилъ крылатыхъ львовъ и быковъ, охранявшихъ храмы. Я опрокинулъ крылатыхъ быковъ [3]) въ дверяхъ дворцовъ земли Эламъ, и которые дотолѣ были не тронуты. Я отослалъ въ плѣнъ этихъ боговъ и богинь. Ихъ лѣса... куда еще никто не проникалъ, предѣлы коихъ никто еще не переступалъ, воины мои завладѣли ими, удивляясь ихъ убѣжищамъ, и предали ихъ огню. Высоты [4]) ихъ царей, прежнихъ и послѣднихъ... я ихъ разрушилъ, я ихъ пожегъ солнцемъ [5]). Я увелъ служителей ихъ въ землю Ассуръ, я лишилъ убѣжища [6]) поклонниковъ ихъ, высушилъ цистерны [7]). Во все время похода, продолжавшагося мѣсяцъ и двадцать пять дней, я опустошилъ

---

[1]) То-есть, Месопотаміи и Вавилоніи.

[2]) Братъ Ассурбанипала, возставшій противъ него. См. выше.

[3]) Символъ силы.

[4]) То-есть, вершины горъ гдѣ совершались жертвоприношенія. Ср. 4 кн Царствъ, XVIII, 4, XXIII, 13.

[5]) То-есть вырубилъ священныя рощи, бывшія на нихъ и защищавшія ихъ отъ солнечнаго зноя.

[6]) Надобно разумѣть вышеозначенныя священныя рощи.

[7]) Бывшія, вѣроятно, при священныхъ рощахъ.

Digitized by Google

области земли Эламъ, я распростеръ на нихъ разрушеніе, рабство и голодъ. Дочери царей, супруги царей, семейства первыхъ и послѣднихъ царей эламскихъ, правители областей и начальники городовъ—всѣ уведены были въ плѣнъ. Военачальники, трехконныя колесницы, возницы ихъ, стрѣлки, офицеры, вся армія, мужчины, женщины, большіе и малые, лошади, мулы, ослы, быки, бараны,—все уведено мною въ землю Ассуръ. Прахъ города Сусанъ, города Мадакту... и прочихъ городовъ, все унесъ я въ землю Ассуръ. Люди, быки, бараны, проходя, истребили почки на деревьяхъ и траву на поляхъ. Я напустилъ дикихъ животныхъ, змѣй, звѣрей пустыни и газелей". При этомъ возвращена была въ гор. Эрехъ статуя богини Нанны, похищенная за 1635 лѣтъ предъ тѣмъ и остававшаяся съ тѣхъ поръ въ Эламѣ.

По удаленіи Ассурбанипала Уммаиалдасъ, „оставивъ свое убѣжище въ горахъ, возвратился въ свою опустошенную столицу Мадакту. При немъ былъ внукъ древняго патріота вавилонскаго Мардукбаладана Набубелзикри, возставшій противъ власти Ассиріянъ и соединившійся съ царемъ эламскимъ. Ассурбанипалъ послалъ потребовать его выдачи; но тотъ, не желая попасться въ руки своего врага, велѣлъ оруженосцу пронзить его мечемъ, что тотъ и исполнилъ, пронзивъ затѣмъ самого себя. Пакхе, владѣвшій восточною частью Элама, въ страхѣ, добровольно покорился Ассурбанипалу [1]).

„Въ девятый походъ мой, собравъ армію, я направился противъ Самаити, царя земли Ариби (Аравія), возставшаго противъ моего могущества и отказавшаго мнѣ въ дани. Когда земля Эламъ злоумышляла противъ меня вмѣстѣ съ землею Аккадъ (Вавилонія) [2]), онъ согласился на приглашеніе принять участіе въ томъ, что могло мнѣ нанести вредъ... Онъ послалъ войска свои на помощь Салуммукину, моему мятежному брату". Самаити былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ землю Набаити (земля Набатеевъ). Другой Аравійскій царь, Аммулади, по видимому родственникъ Самаити, самъ вторгнулся въ земли Хеттеянъ (въ Сиріи) подвластныя Ассиріи, но былъ побѣжденъ и попался въ плѣнъ вмѣстѣ съ супругою Самаити, Адійею, нашедшею у него убѣжище себѣ. Оба приведены были къ Ассурбанипалу... „По приказанію великихъ боговъ, владыкъ моихъ", говоритъ онъ, „я помѣстилъ его (Аммулади) посреди собакъ и велѣлъ заковать въ цѣпи". Два

[1]) Annales, p. 266—270.

[2]) Во время возстанія младшаго брата Ассурбанипалова Салуммукина, правителя Вавилоніи.

Digitized by Google

аравійскіе принца, Абійате и Айму, сыновья Техари, приводившіе вспомогательный отрядъ Салуммукину въ Вавилонъ, вторично были теперь поражены; затѣмъ Абійате, изъявившій покорность, былъ милостиво принятъ Ассурбанипаломъ и посаженъ на престолѣ „земли Ариби", покинутый Самаити. Но и онъ вскорѣ, измѣнивъ, обратился къ царю Набатіевъ Натни и заключилъ съ нимъ союзъ противъ Ассиріянъ. Это вызвало походъ Ассурбанипала противъ Самаити, Абійате и ихъ союзниковъ Набатеевъ. Походъ былъ трудный, чрезъ безводную пустыню, пока не достигли города Айалу, въ землѣ Масъ, „странѣ отдаленной, гдѣ не встрѣчаешь даже звѣрей пустыни и гдѣ небесной птицѣ негдѣ свить гнѣзда". Здѣсь Набатеямъ нанесено было пораженіе. Абійате и братъ его Айма сопротивлялись еще нѣкоторое время, пока оба, въ одномъ сраженіи, не попались въ плѣнъ; закованные въ цѣпи, они отосланы были въ Ассирію; въ послѣдствіи оба брата снова возстали; Айма, попавшись въ плѣнъ, преданъ былъ жестокой казни въ Ниневіи: съ него содрали кожу. „Я очистилъ землю ихъ вдоль и поперекъ", заключаетъ Ассурбанипалъ, „я собралъ все, что производила она, я роздалъ верблюдовъ, какъ стада барановъ, всѣмъ людямъ земли Ассуръ, обитавшимъ въ странѣ"... Царь Самаити, взятый въ плѣнъ, отосланъ въ Ассирію и посаженъ въ восточномъ портикѣ дворца Ниневійскаго, закованный въ цѣпи [1]).

Покореніе Элама. „Умманалдасъ былъ царемъ Элама; Ассуръ и Истара повелѣли мнѣ покорить его. Тогда, по повелѣнію этихъ великихъ божествъ, всегда неизмѣнныхъ, вся страна возстала противъ него (Умманалдаса); онъ бѣжалъ въ горы. Я преслѣдовалъ его въ горахъ до мѣста его убѣжища; какъ хищная птица, схватилъ я его и отослалъ живымъ въ землю Ассуръ [2])... Такъ завершено было покореніе Элама, давняго и опаснаго врага Ассиріи, постоянно питавшаго возстанія въ Вавилоніи.

По окончаніи своихъ побѣдоносныхъ походовъ, Ассурбанипалъ, предъ лицомъ всей арміи, стоя, воздалъ хвалу богамъ, покорившимъ игу его мятежные народы и со славою утвердившимъ владычество его надъ врагами его. Услышавъ о побѣдахъ Ассурбанипала, царь земли Урартху (въ н. Арменіи) прислалъ къ нему посольство, съ изъявленіемъ „сыновней" покорности и съ богатыми дарами [3]).

---

[1]) Annales, p. 270—274.
[2]) Annales, p. 275.
[3]) Ibid.

Digitized by Google

Сооруженія Ассурбанипала. Подъ этимъ заглавіемъ, въ концѣ длиннаго текста цилиндра A описывается возобновленіе Ассурбанипаломъ дворца Битридути, построеннаго дѣдомъ его Синаххіерибомъ и пришедшаго въ ветхость, такъ что палаты его стали уже обрушаться,—такъ непрочны были ассирійскія сооруженія изъ необожженныхъ кирпичей въ сравненіи съ монументальными каменными (частью гранитными) постройками Египтянъ. Текстъ въ этомъ мѣстѣ цилиндра значительно попорченъ: можно только понять, что дворецъ возобновленъ былъ въ большихъ размѣрахъ, причемъ потолки настланы были, соотвѣтственно большей ширинѣ комнатъ, бревнами изъ большихъ кедровъ земель Сирури и Лабнана (Ливанъ), что двери, сдѣланныя изъ прочнаго дерева, покрыты были мѣдными полосами, а по сторонамъ ихъ поставлены бронзовыя колонны. Старые барельефы, изображавшіе подвиги Синаххіериба, не были уничтожены, что Ассурбанипалъ ставитъ себѣ въ заслугу, а только дополнены новыми, представлявшими подвиги самого Ассурбанипала. Вокругъ дворца посажены были деревья. Описаніе оканчивается обыкновеннымъ заклинаніемъ, обращеннымъ къ преемникамъ строителя, о сохраненіи дворца съ его надписями [1]).

На этомъ архитектурномъ памятникѣ можно замѣтить успѣхи скульптуры у Ассиріянъ, достигшей въ это время своего апогея. Древніе барельефы испещрены надписями, покрывающими ихъ и занимающими очевидно первое мѣсто; въ дворцѣ Саркина лишь немногія фигуры обезображены надписями,—главный текстъ разстилается по карнизу, выше барельефовъ. Во дворцѣ Ассурбанипала отдѣленіе письма отъ скульптуры полное; большія военныя сцены были повидимому понятны сами по себѣ, не нуждаясь въ обширныхъ пояснительныхъ надписяхъ; краткія только надписи не на самыхъ барельефахъ, но возлѣ нихъ, указываютъ на содержаніе сценъ [2]). Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Надъ двумя человѣческими фигурами, изъ коихъ одна ранена стрѣлою, а другая натягиваетъ лукъ надпись: „Теймманъ [3]) повелительно говоритъ своему сыну: пускай свою стрѣлу"!

Надъ двумя другими фигурами читается:

„Теймманъ, царь земли Эламъ, видитъ, въ страшной битвѣ, по-

[1]) Annales, p. 275—277.

[2]) Annales, p. 252.

[3]) Эламскій царь, побѣжденный Ассурбанипаломъ.

Digitized by Google

раженіе своей арміи... Таммариту, его старшій сынъ, беретъ его за руки, чтобы спасти его жизнь; онъ убѣгаетъ въ лѣсъ. По повелѣнію Ассура и Истары, я повергъ ихъ на земь, я отрубилъ имъ головы въ присутствіи ихъ (воиновъ)". Надъ фигурою въ повозкѣ, держащею человѣческую голову:

„Голова Теймана, царя земли Эламъ, отрублена была посреди битвы въ виду моей арміи: я послалъ ее какъ добрую вѣсть въ землю Ассуръ".

Надъ фигурою принимающею изъявленіе покорности:

„Умманигасъ, бѣглецъ, слуга мой, принялъ мое иго. Повинуясь повелѣніямъ моимъ, полководецъ мой вводитъ его въ городъ Мадакту и въ городъ Іасанъ (Сусанъ?) посреди празднествъ, затѣмъ сажаетъ его на престолъ Теймана, взятаго моими руками".

Надъ головою царя на колесницѣ, принимающаго пословъ:

„Я, Ассурбанипалъ, царь земли Ассуръ. Покорностью моею Ассуру и Истарѣ, владыкамъ моимъ, я поразилъ моихъ враговъ, я порадовалъ сердце мое. Разу [1]), царь земли Урартху, услышалъ о могуществѣ Ассура, владыки моего; страхъ царскаго величія моего поразилъ его, и съ мольбою о дружбѣ, послалъ полководцевъ своихъ ко мнѣ въ Арбаллу" (Арбела).

Надъ головою царя на колесницѣ, принимающаго плѣнниковъ и добычу:

„Я, Ассурбанипалъ, царь полчищъ, царь земли Ассуръ, по волѣ великихъ боговъ и по желанію сердца ихъ, я велѣлъ представить мнѣ великолѣпныя одежды, царскій плащъ Салуммукина, моего младшаго брата, его женъ, его полководцевъ, его воиновъ, его колесницы, его драгоцѣнныя пожитки, его лошадей въ упряжи, знатныхъ женщинъ его дворца, рабовъ и рабынь, большихъ и малыхъ, я все велѣлъ мнѣ представить".

Надъ воинами, разрушающими городъ и похищающими добычу:

„Я напалъ на городъ Кхаману, одну изъ столицъ земли Эламъ, я осадилъ его, я взялъ его, я разрушилъ, я предалъ его пламени".

Подобныхъ любопытныхъ эпиграфовъ, относящихся къ царствованію Ассурбанипала, найдено много. Вотъ два изъ нихъ, относящіеся къ охотѣ и поясняющіе барельефныя изображенія сценъ охоты:

---

[1]) Въ лѣтописи (Ann., p. 275) царь этотъ названъ Садури. Вѣроятно, имя это допускаетъ двоякое чтеніе. См. статью нашу: «Клинообразныя надписи» въ *Ж. М. Н. П.* 1876 г., декабря ст. 182.

Digitized by Google

1. „Я, Ассурбанипалъ, царь полчищъ, царь земли Ассуръ, въ одну изъ охотъ моихъ встрѣтилъ льва, я взялъ его за уши, призвавъ Ассура и Истару, богиню битвъ, я пронзилъ внутренности его ударомъ моего копья. Вотъ дѣло рукъ моихъ"!

2. „Я Ассурбанипалъ, царь полчищъ, царь земли Ассуръ, въ одну изъ охотъ моего величества, я схватилъ льва за хвостъ и, съ помощью Адара и Нергала, боговъ-покровителей моихъ, я размозжилъ, ему голову ударомъ палицы. Вотъ дѣло рукъ моихъ" [1]).

Найдено также много плитокъ съ надписями разнообразнаго содержанія, относящимися къ царствованію Ассурбанипала, какъ-то: распоряженія царя, его прокламаціи, донесенія его военачальниковъ письмо сосѣдняго царя, молитва къ богинѣ Белтисъ. На одной изъ такихъ плитокъ читается:

„Я увезъ изъ земли Эламъ статую Таммариту, благоразумнаго царя, по желанію Ассура и Истары. Онъ бѣжалъ изъ земли Эламъ и принялъ мое иго. Что же касается до статуи Халлудуса, царя Элама, того, который злоумышлялъ противъ земли Ассуръ и объявилъ войну Синаххіерибу, царю земли Ассуръ, отцу отца, который родилъ меня, то я... вырвалъ у нея губы, сѣявшія ненависть, и отрубилъ руки, державшія лукъ, чтобы сражаться противъ земли Ассуръ. Чтобы почтить волю Ассура и Истары, боговъ-покровителей моихъ, я (поставилъ эту статую) между воротъ [2]), посреди Ниневіи".

Вотъ прокламація Ассурбанипала:

„Прокламація царя къ жителямъ [3]), къ сыновьямъ и слугамъ. Миръ въ сердцѣ и счастіе имъ"!

„Я неусыпно бдѣлъ надъ вами, я открылъ на васъ свои собственные глаза и я... (исправлю)? совершенно погрѣшности Набубелрикри. Я разлучилъ васъ [4]). Теперь посылаю къ вамъ Белибни, слугу моего, моего посланца, чтобы бдѣть надъ вами... И потому, я, посылаю къ вамъ мои войска. Я съ вами, чтобы окомъ моимъ охранять ваше добро, ваше имущество"!

„Въ мѣсяцѣ Аиру, въ пятый день лимму Велхарансадуйу".

Донесеніе одного изъ военачальниковъ:

„Царю народовъ, господину моему, слуга твой Белзикирессисъ".

---

[1]) Annales, p. 287—290.

[2]) Дворцовой ограды.

[3]) Персидскаго залива въ устьяхъ Тигра и Евфрата.

[4]) То-есть смѣнилъ прежняго сатрапа своего Набубелрикри.

Digitized by Google

„Белъ и Мардукъ да даруютъ долгіе дни, вѣчные годы, скипетръ правосудія и прочный престолъ царю народовъ, господину моему! Что касается до порученія, даннаго мнѣ царемъ, я скажу ему (царю) такъ: „ты узнаешь извѣстія о землѣ Ариби; посылаю тебѣ отчетъ о нихъ".

„Что касается до людей Набату (Набатеи), вотъ извѣстія: Амихатахъ, изъ земли Васхаи, выступилъ противъ нихъ; онъ произвелъ между ними кровопролитіе, онъ ограбилъ ихъ; ставши же посреди нихъ, помиловалъ ихъ. Онъ вступилъ въ городъ царя. Теперь я посылаю его къ царю, господину моему; да благоугодно будетъ царю выслушать разказъ изъ устъ его".

Другой военачальникъ доноситъ:

„Повелителю царей, господину моему, слуга твой Белибни".

„Я посылалъ Тамаритти [1]), его братьевъ, его родственниковъ, его сановниковъ къ царю, господину моему, съ такимъ приказаніемъ: Поведите Тамаритти, его братьевъ, его родственниковъ, его сановниковъ предъ лицомъ царя, господина моего".

Царь эламскій начинаетъ свое письмо такъ:

„Отъ Умманалдаса, царя земли Эламъ, къ Ассурбанипалу, царю земли Ассуръ. Миръ брату моему" [2]).

Продолжительность царствованія Ассурбанипала невозможно опредѣлить съ точностью, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ.

О преемникѣ Ассурбанипала Ассуредилили сохранилась лишь слѣдующая краткая надпись, найденная въ развалинахъ Калаха: „Я, Ассуредилили, царь полчищъ, царь земли Ассуръ, сынъ Ассурбанипала, царя полчищъ, царя земли Ассуръ: я велѣлъ изготовить кирпичи для сооруженія Битзиды въ городѣ Калахѣ, желая продлить дни мои".

На этомъ останавливаются лѣтописи ассирійскихъ царей, доселѣ извѣстныя. Лѣтописи эти никакъ нельзя сравнивать съ нашими лѣтописными сказаніями, расположенными въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ и въ болѣе или менѣе связномъ и ясномъ изложеніи; отъ нихъ нельзя требовать и полноты нашихъ лѣтописей: это царскія лѣтописи, то-есть реляція о подвигахъ ассирійскихъ царей, куда бытовая сторона народа входитъ только случайно, въ той лишь мѣрѣ, въ какой дѣянія царей соприкасаются съ нею. Тѣмъ не менѣе,

---

[1]) Или Таммариту.

[2]) Annales, p. 290—294.

Digitized by Google

лѣтописи ассирійскихъ царей представляютъ драгоцѣнный историческій памятникъ: онѣ знакомятъ насъ съ нѣкоторыми сторонами жизни одного изъ замѣчательнѣйшихъ народовъ древней Азіи, исторія коего была намъ доселѣ вовсе неизвѣстна; онѣ раскрываютъ предъ нами, до извѣстной степени, какъ бы новый міръ, съ его своеобразными вѣрованіями, нравами, дѣлами, бросая свѣтъ и вообще на исторію древняго Востока. Повторяемъ, лѣтописи эти не представляютъ связнаго разказа. Это родъ мозаики, составленной изъ бо̀льшихъ или меньшихъ кусковъ (именно кусковъ) лѣтописнаго текста, начертаннаго на плитахъ, цилиндрахъ, кирпичахъ,—текста, часто повторяющагося съ дополненіями, измѣненіями или въ сокращеніи и мѣстами сильно попорченнаго. Самое изложеніе отрывочное, безъ внутренней связи и лишь при позднѣйшихъ царяхъ имѣющее хотя внѣшнюю хронологическую связь. Чтеніе этихъ текстовъ крайне затрудняется еще множествомъ географическихъ и историческихъ именъ, изъ коихъ небольшая лишь часть, по созвучію, могла быть пріурочена къ извѣстнымъ намъ названіямъ.

Наша задача—и весьма не легкая—была облегчить для любителей исторіи знакомство съ этимъ любопытнымъ памятникомъ историческимъ. Изъ отрывочныхъ фактовъ мы старались составить связное, осмысленное изложеніе, приводя буквально особенно характерныя и вполнѣ понятныя мѣста текста вездѣ, гдѣ это могло служить къ оживленію разказа. Главное содержаніе лѣтописей — походы, въ общихъ чертахъ сходные; приведя по этому нѣсколько такихъ военныхъ разказовъ подлинника, чтобы дать понятіе о характерѣ военныхъ дѣйствій, мы знакомили затѣмъ лишь съ общимъ ходомъ ихъ, отличая особенности ихъ въ сравненіи съ предыдущими походами. Тамъ же, гдѣ, вслѣдствіе непонятности многихъ географическихъ названій ассирійскихъ, невозможно было опредѣлить подробности военныхъ дѣйствій, мы старались, по крайней мѣрѣ, обозначить общее направленіе и результатъ похода. Все, что̀ представляло какой либо интересъ въ военномъ, художественномъ, бытовомъ [1]) отношеніяхъ, все, что служило къ характеристикѣ своеобразной жизни Ассиріянъ, взято нами изъ лѣтописей цѣликомъ,—для большей наглядности; группируя иногда эти черты быта, отмѣчая, гдѣ можно было, его историческій

[1]) Къ сожалѣнію, многія надписи, касающіяся быта Ассиріянъ, не могли быть еще переведены, по непонятности встрѣчающихся терминовъ (см. Annales, p. VI).

Digitized by Google

ходъ и поясняя аналогическими чертами другихъ современныхъ народовъ Азіи, встрѣчаемыми въ Библіи, мы старались наконецъ установить хронологію ассирійской исторіи съ точностію, какую допускали имѣвшіяся у насъ данныя. Трудъ нашъ представляетъ такимъ образомъ систематическое изложеніе содержанія лѣтописей ассирійскихъ царей. Начиная его, мы не предвидѣли всѣхъ трудностей, встрѣченныхъ нами на этомъ пути, но разъ начавъ, рѣшились довести его до конца. Мы считали не лишнимъ дать, въ заключеніе, эту характеристику какъ самыхъ лѣтописей ассирійскихъ, такъ и нашего труда.

Сдѣлаемъ теперь общій выводъ. Прежде всего поражаетъ насъ чрезвычайная воинственность Ассиріянъ, этихъ „Римлянъ востока", по весьма удачному сравненію. Не проходитъ почти года безъ похода—на сѣверъ, востокъ, югъ или западъ, и ничто не можетъ противустоять ихъ всесокрушающему напору: или завоевываются новыя страны, или (еще чаще) усмиряются возстанія покоренныхъ. Возставшіе жестоко наказываются: города ихъ пожигаются, сами они или предаются смерти [1]) (нерѣдко весьма мучительной, особено вожди ихъ), или переселяются въ Ассирію или другую подвластную ей землю. Причемъ семейство возставшаго даннического царя непремѣнно увлекалось въ плѣнъ и дворецъ его разграблялся. Пощада давалась только покорнымъ, „обнимавшимъ колѣна" побѣдителя. Жестокія казни [2]) и переселеніе были у Ассиріянъ главными средствами держать подвластные имъ народы въ покорности; особенно упорна была борьба съ Вавилоніею и ея постояннымъ союзникомъ Эламомъ, но и это сопротивленіе было наконецъ сокрушено. Особенно обращаетъ на себя вниманіе чрезвычайное множество маленькихъ государствъ [3]) въ передней Азіи въ ту отдаленную эпоху, что, конечно, облегчало военные успѣхи Ассиріянъ. Позже мы встрѣчаемъ тамъ уже обширныя монархіи: Лидійскую, Вавилонскую, Мидійскую, Персидскую. Рядомъ съ войною шелъ грабежъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ: не только золото, серебро, но также мѣдь, желѣзо,

---

[1]) Ср. кн. Юдиѳь гл. II, гдѣ описываются подобныя же дѣйствія Навуходоносора на войнѣ.

[2]) Жестокость была, впрочемъ, въ духѣ того времени. Ср. кн. Судей I, 7; VIII, 16, 21; X, 49; 4. Цар. X, 7, 8.

[3]) Разрушенные города считались десятками, сотнями, что свидѣтельствуетъ о значительной населенности передней Азіи въ ту эпоху.

Digitized by Google

строевой лѣсъ, мебель, ткани, лошади, вьючный и рогатый скотъ, оружіе, колесницы, повозки,—словомъ все дѣлалось предметомъ добычи, и все это свозилось въ Ассирію въ царскіе дворцы. Накопленіе сокровищъ въ царскихъ дворцахъ составляло, впрочемъ, черту времени и вмѣстѣ государственную потребность, при отсутствіи правильной финансовой системы. Въ своихъ походахъ на западъ, достигая береговъ Средиземнаго моря, Ассиріяне столкнулись съ Евреями,—и тѣ испытали на себѣ силу ассирійскаго оружія: Израильское царство было завоевано и народъ уведенъ въ Ассирію, а Іудейское обложено данью. Современникъ великихъ воителей Тиглатпаласара II, Салманасара V, Саркина и Синаххіериба, еврейскій пророкъ Исаія, яркими чертами характеризуетъ воинскую бодрость и всесокрушающую силу ассирійскаго народа — и свидѣтельство его пріобрѣтаетъ теперь понятный интересъ: „И вотъ онъ (ассирійскій народъ) легко и скоро прійдетъ. Не будетъ у него ни усталаго, ни изнемогающаго; ни одинъ не задремлетъ и не заснетъ, и не снимется поясъ съ чреслъ его и не разорвется ремень у обуви его. Стрѣлы его заострены и всѣ луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню и колеса его какъ вихрь. Ревъ его, какъ ревъ львицы; онъ рыкаетъ подобно скимнамъ, и зареветъ и схватитъ добычу и унесетъ и никто не отниметъ“ [1]). Коренастыя, мускулистыя фигуры ассирійскихъ воиновъ на сохранившихся барельефахъ ниневійскихъ [2]) составляютъ прекрасную иллюстрацію къ этой характеристикѣ. „Князья твои, какъ саранча, и военноначальники твои, какъ рои мошекъ.... ибо на кого не простиралась безпрестанно злоба твоя? говоритъ о Ниневіи, предсказывая ея паденіе, пророкъ Наумъ [3]), вскорѣ послѣ удаленія Сеннахерима изъ Іудеи. Народы Сиріи искали себѣ защитника въ Египтѣ, но тщетно: и Египетъ и Эѳіопія подпали власти Ассиріянъ, владѣнія коихъ захватили подъ конецъ всю Арменію, Малую Азію, Кипръ, Египетъ, Эѳіопію, Сирію, Аравію, Эламъ, Персиду, Мидію, Парѳію, Арію, Араховію, Сагартію, словомъ, всѣ земли отъ Средиземнаго моря до Индіи. Двѣнадцать вѣковъ возвышалась постепенно эта грозная военная монархія, безраздѣльно господствуя въ передней Азіи, пока не пробилъ и ея часъ... Сна-

[1]) Исаія V, 26—29.

[2]) Въ одной изъ залъ Императорскаго Эрмитажа можно видѣть нѣсколько такихъ барельефовъ съ поясняющими клинообразными надписями.

[3]) Наум. III, 17, 19.

Digitized by Google

чала Скиѳы опустошили Ассирію въ конецъ, а затѣмъ мидійскій царь Кіаксаръ [1]) въ союзѣ съ правителемъ Вавилона Набупалассаромъ взяли и разрушили Ниневію — на сей разъ окончательно, причемъ послѣдній ея царь, Сарукъ или Ассаракъ [2]), чтобы не даться живымъ въ руки врага, самъ сжегъ себя во дворцѣ своемъ [3]).

Рядомъ съ воинственностью и въ тѣснѣйшей связи съ нею стоитъ глубокая религіозность ассирійскихъ царей [4]). Царь все предпринимаетъ лишь по повелѣнію Ассура и прочихъ великихъ боговъ; онъ лишь простое орудіе ихъ воли [5]); онъ—сынъ Ассура, онъ—око его. Боги въ сновидѣніяхъ являются царю и открываютъ ему свою волю; затѣмъ сами помогаютъ исполнять ее: они (то-есть идолы ихъ) идутъ предъ нимъ и помогаютъ ему одолѣвать враговъ, наводя страхъ на нихъ. Царь воюетъ, чтобы покорять народы Ассуру, чтобы распространять его культъ, равно какъ и прочихъ великихъ боговъ Ассиріи; при покореніи страны, плѣнялись не только жители ея, но и боги ихъ (то-есть идолы)—ихъ покровители и защитники [6]), и на мѣсто ихъ ставились идолы ассирійскихъ божествъ. Завоеванія царя— это завоеванія его бога-покровителя Ассура, „отца родившаго его", потому и возстаніе противъ ассирійскаго царя жестоко наказывается какъ возстаніе противъ бога Ассура; чѣмъ жесточе, слѣдовательно, наказаніе, тѣмъ лучше отомщенъ Ассуръ: въ этомъ могла заключаться, въ глазахъ ассирійскихъ царей, своего рода заслуга. Не этимъ ли, независимо отъ грубости нравовъ того времени, можно объяснить непомѣрно жестокія казни возставшихъ? Цари ассирійскіе,

---

[1]) Какъ называютъ его греческіе писатели; туземное же его названіе — Увакхсхатара.

[2]) Ассуредилли? или преемникъ его Ассуракхіединъ II?

[3]) Въ 606 г. до Р. Х. по Ленорману (Manuel d'H. A. 1869. t. II, p. 127) и общепринятой хронологіи; но Масперо относитъ паденіе Ниневіи къ 627 году (см. его Hist. anc. des peuples de l'orient, 1875 p. 473—477). Израильскій царь Замврій тоже сжегъ себя во дворцѣ своемъ, когда увидѣлъ что городъ (Ѳирца) взятъ врагомъ (928 г.) см. 3 Цар. XVI, 18.

[4]) Мы имѣемъ право говорить лишь о религіозности ихъ царей, такъ какъ ихъ дѣянія составляютъ исключительный предметъ лѣтописей; но нѣтъ сомнѣнія, что и народъ раздѣлялъ, въ извѣстной степени, религіозное чувство своихъ властелиновъ.

[5]) Ср. слова Сеннахерима къ Езекіи и жителямъ Іерусалима: «развѣ я безъ воли Господней пошелъ на мѣсто сіе, чтобы разорить его? Господь сказалъ мнѣ: поди на землю сію и разори ее». (4-я кн. Цар. XVIII, 25).

[6]) Ср. 4 Цар. XVIII, 33—35. Кн. Юдиѳь, III, 8.

Digitized by Google

очевидно, смотрѣли на нихъ какъ на славные, угодные богамъ, подвиги, украшая стѣны своихъ дворцовъ сценами казней. Истребивъ всѣхъ почти Аккадцевъ, возставшихъ противъ него, Ассурбанипалъ говоритъ: „совершая это, я порадовалъ сердце великихъ боговъ, владыкъ моихъ“. А вождя возстанія, Салуммукина, сами боги „бросили въ пожирающій огонь“. Боговъ отожествляли съ ихъ идолами [1]): идолы были ихъ боги [2]), которые „шли предъ ними“ (то-есть несли ихъ предъ войскомъ) и т. д.

Замѣчательно, что главнымъ образомъ божествомъ, отцемъ великихъ боговъ, почитался Ассуръ (онъ же Белъ [3]) или Ваалъ); такимъ образомъ, родоначальникъ ассирійскаго народа, Ассуръ, сынъ Сима, сдѣлался его главнымъ божествомъ [4]).

Оставить о себѣ память отдаленному потомству составляло предметъ особенныхъ заботъ Ассирійскихъ царей. Съ этою преимущественною цѣлью каждый почти царь строилъ себѣ новый дворецъ [5]), чтобы начертать на стѣнахъ его лѣтопись своихъ подвиговъ съ соотвѣтственными изображеніями ихъ; лѣтопись эта въ цѣломъ или почастямъ, сокращенно или подробно повторялась на изваяніяхъ символическихъ животныхъ,—стражей дворца, на глиняныхъ многогранныхъ цилиндрахъ, на монолитахъ, обелискахъ, на металлическихъ бляхахъ, украшавшихъ двери, на кирпичномъ полу... и торжественными заклинаніями старались оградить эти надписи отъ попытокъ порчи ихъ. Для постройки и украшенія дворца употреблялись драгоцѣнныя дерева,—черное, кипарисное, кедровое, фисташковое и т. п., привозимыя изъ покоренныхъ странъ [6]); самая же постройка производилась руками плѣнниковъ. Въ завоеванныхъ городахъ ставились

[1]) Повидимому, статуя бога почиталась его жилищемъ на землѣ.

[2]) Ср. Псал. 95, 5.—1 Цар. VII, 3; V, 7, 4; 4 Цар. XVII, 29; XIX, 18; Суд. XVIII, 4. 24, 31.

[3]) Богиня Белтисъ названа въ одномъ мѣстѣ супругою Бела, а въ другомъ—супругою Ассура, матерью великихъ-боговъ. См. Annales, p. 274, 275.

[4]) Ассурбанипалъ называетъ Ассура также «создателемъ своимъ». Annales, p. 259.

[5]) Древній Тукалтпалассаръ (ок. 1130 г. до Р. Х.) говоритъ въ своей лѣтописи, что дворцами «покрыта была территорія его царства». Построенные изъ необожженныхъ кирпичей они скоро разрушались, впрочемъ, если не обновлялись.

[6]) Ср. слова Сеннахирима къ Езекіи въ 4-й кн. Царствъ, XIX, 23: «Со множествомъ колесницъ моихъ я взошелъ на высоту горъ на ребра Ливана и срубилъ рослые кедры его, отличные кипарисы его».

Digitized by Google

статуи царя съ начертаніемъ на нихъ „славы его имени". Такимъ образомъ подтверждается доселѣ подвергавшееся сомнѣнію свидѣтельство Геродота о царскихъ статуяхъ въ Азіи, какъ памятникахъ побѣдъ [1]). Мы знаемъ изъ Библіи о столкновеніяхъ Израильскаго и Іудейскаго царствъ съ Ассиріею въ VIII столѣтіи; естественно рождается вопросъ, что находимъ мы въ ассирійскихъ лѣтописяхъ объ этихъ столкновеніяхъ? Вообще говоря, — весьма немного, что и понятно. Іудейское и Израильское царства лежали, относительно Ассиріи, на дальнемъ западѣ, куда ассирійскіе воители рѣдко направляли свои походы, и къ тому же эти два небольшія царства, въ ихъ глазахъ, ничѣмъ не выдѣлялись изъ среды сосѣднихъ царствъ: Дамасскаго, Идумейскаго, Моавитскаго, Тирскаго, Сидонскаго, Аскалонскаго, Азодскаго. Для Ассиріи несравненно важнѣе были отношенія къ ея ближайшимъ сосѣдямъ—Вавилону, Эламу, Арменіи, съ которыми она вела упорную борьбу, описанную поэтому весьма подробно; обстоятельно разсказано также покореніе Египта,—но здѣсь дѣло шло о большомъ и знаменитомъ государствѣ, оспаривавшемъ у Ассиріи господство въ Азіи.

Мы встрѣчаемъ однакоже въ ассирійскихъ лѣтописяхъ нѣкоторыя дополненія и поясненія къ вообще краткому библейскому разсказу. Такъ, въ числѣ 12 Сирійскихъ и приморскихъ царей, выступившихъ противъ Салманасара III (857—822 г.), мы читаемъ имя израильскаго царя Ахава (Ахабу) рядомъ съ царемъ Дамасскимъ Венададомъ (Бинидри изъ Дамаска). Союзники были побѣждены и вотъ мы встрѣчаемъ третьяго преемника Ахавова Іиуя (Іауа) въ числѣ данниковъ Салманасара;—на одномъ изъ барельефовъ онъ изображенъ распростертымъ ницъ предъ царемъ ассирійскимъ [1]). Съ преемникомъ Венадада Азаиломъ (Хазаилу) Салманасаръ долженъ былъ еще дважды воевать, прежде нежели покорилъ его. Между данниками Туклатпаласара II (библ. Θеглаθелласаръ, 744—727 г.) находимъ мы Ахаза (Іаухази) царя Іудейскаго (Іауда) и Менаима (Минимми) царя Самарійскаго (Самирина) вмѣстѣ съ Рециномъ [2]) (Разунъ) царемъ Дамасскимъ, Моавитянами (Ма'абъ), Идумеею (Идуму) и Аскалономъ (Аскалуна). О Салманасарѣ V, окончательно покорившемъ Израильское царство [3]), не сохранилось лѣтописи,—найдено только имя его.

---

[1]) Herod. II, 106.

[2]) 4 Цар. XXI, 5—9.

[3]) 4 Цар. XVII, 3—6; XVIII, 9, 10.

Digitized by Google

За то въ лѣтописи преемника его Саркина (библ. Саргонъ) мы встрѣчаемъ точное указаніе, кто взялъ Самарію (721 г.),—а именно самъ Саркинъ, окончившій осаду этого города, начатую Салманасаромъ; при этомъ приводится точная цифра отведенныхъ въ плѣнъ Самарянъ—27,280 ч. Преемникъ Саркина Синакхіерибъ (библ. Сеннахиримъ, 704—681 г.) разсказываетъ довольно обстоятельно войну свою съ царемъ Іудейскимъ Езекіею (Ххазакіау), какъ онъ овладѣлъ его 44-мя укрѣпленными городами, увелъ въ плѣнъ 200,150 его подданныхъ, разнаго пола и возраста, а его самого заперъ въ городѣ Урсалимма (Іерусалимъ), его столицѣ, „какъ птицу въ клѣткѣ“, и взялъ съ него большую дань,—что все, въ общемъ, согласно съ библейскимъ разсказомъ [1]), хотя, конечно, въ лѣтописи Ассирійскаго царя, имѣвшей назначеніемъ повѣствовать лишь о его „подвигахъ“, нельзя ожидать найти упоминовенія о бѣдствіи постигшемъ армію Сеннахеримма въ концѣ войны. Въ простодушномъ разсказѣ Товита, одного изъ плѣнныхъ Израильтянъ, водворенныхъ въ Ниневіи, есть любопытная замѣтка, служащая иллюстраціей къ событію, которое ассирійская лѣтопись прошла молчаніемъ. „Во дни Енемессара“ [2]), говоритъ Товитъ, „я дѣлалъ много благодѣяній братьямъ моимъ: алчущимъ давалъ хлѣбъ мой, нагимъ—одежды мои и если кого изъ племени моего видѣлъ умершимъ и выброшеннымъ за стѣну Ниневіи, погребалъ его. Тайно погребалъ я тѣхъ, которыхъ убивалъ царь Сеннахиримъ, когда, обращенный въ бѣгство, возвратился изъ Іудеи. А онъ многихъ умертвилъ въ ярости своей“ [3]).

Наконецъ, въ лѣтописи преемника Сенакхіерибова Ассуракхіедина (библ. Асардонъ или Ассаргаддонъ) упоминается о царѣ Іудейскомъ Манассіи (Минаси) въ числѣ 22 даннических царей Палестины и Кипра, доставлявшихъ матеріалъ для сооруженія дворца въ Ниневіи.

Съ пріятнымъ удивленіемъ встрѣтили мы также въ Ассирійскихъ лѣтописяхъ знакомыя и дорогія намъ библейскія имена—Ура халдейскаго, родины Авраама, Харрана, гдѣ остановился Ѳарра, отецъ его съ родомъ своимъ, на пути въ Ханаанскую землю и гдѣ онъ скончался [4]), Елассара (Элассуръ), царя коего, Аріоха, вмѣстѣ съ тремя союзными ему царями, поразилъ Авраамъ, освободивъ и попав-

[1]) 4 Цар. XVIII, 13—XIX, 36.
[2]) Такъ называетъ онъ отца Сенахиримова, т. е. Саркина.
[3]) Тов. I, 16—18.
[4]) Кн. Бытія, XI, 28—32.

Digitized by Google

шагося къ нимъ въ плѣнъ племянника своего Лота [1]). Съ понятнымъ любопытствомъ прочли мы еще въ лѣтописяхъ ассирійскихъ имена Эреха (Эрекъ или Уруккъ), Аккада, Халне (Халанне), составлявшія вмѣстѣ съ Вавилономъ (Бабилу) „царство Нимрода въ началѣ“ [2]). Имя же библейскаго города Калаха [3]) безпрестанно встрѣчается въ лѣтописяхъ, какъ царской резиденціи и развалины его найдены, не говоря уже о самой Ниневіи, построеніе коей священный бытописатель относитъ къ тому же доисторическому времени [4]). Это было неожиданнымъ открытіемъ для нашей науки. Уръ, Харранъ, Эрехъ, Калахъ — это представлялось чѣмъ то легендарнымъ; сомнѣвались даже въ существованіи Ниневіи,— отъ Вавилона остались, по крайней мѣрѣ, груды мусора, а отъ Ниневіи и этого слѣда не было. Но вотъ найдена Ниневія; она показала намъ развалины своихъ дворцовъ, она раскрыла предъ нашими изумленными очами свои скрижали, и волею-неволею, отдала честь достовѣрности священной лѣтописи міра—Библіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Списокъ нѣкоторыхъ географическихъ и историческихъ именъ ассирійскихъ, которыя могли быть опредѣлены доселѣ.

Аздуду — Аздодъ или Азотъ.
Акку — г. Акка или Акра.
Акшиби — г. Эдиппа (въ Финикіи).
Аккадэ — сѣверная Вавилонія.
Ахшари — Финикія.
Аххаббу — Ахавъ, царь Израильскій.
Алтаку — г. Елтеке, или Елтеконъ (въ Палестинѣ).
Амаруна — г. Экронъ (?), въ Палестинѣ.
Амать, Хамать — г. Гаматъ (въ сѣв. Сиріи).
Амміадасти — г. Амеонтъ (на остр. Кипрѣ).
Арбаилу — г. Арбела.
Арвада, Аруадза — г. Арадъ.
Арами — Арамъ, Арамея (Сирія
Ариби — Аравія.

---

[1]) Быт. XIV, 1—16.
[2]) Быт. X, 9, 10.
[3]) Ib. 11, 12.
[4]) Ib. X, 11, 12.

Digitized by Google

Арзаніа — р. Аракссъ.
Аракатту — Араховія.
Аріарми — Арія.
Арранхха — Аррапахитисъ (въ Кудистанѣ).
Арунти — р. Оронтъ.
Аскалуна — г. Аскалонъ.
Ассуръ (земля) — Ассирія.
Ассуракхіидинъ — Асарданъ или Ассаргаддонъ, царь Ассирійскій.
Ассурбанипалъ, *Ассурнасирпабалъ* — Сарданапалъ.
Бабилу — Вавилонъ.
Багдада — Багдадъ.
Баладу — земля Беледъ.
Бинбини, *Бинди* — г. Мендесъ (въ Египтѣ).
Бинидри — Венададъ, царь Дамасскій.
Бусиру — г. Бузирисъ (въ Египтѣ).
Гимири — Киммеріяне.
Губалъ — г. Библосъ (въ Финикіи).
Гуну — Гигесъ, царь Лидійскій.
Диглатъ — р. Тигръ.
Димаска — г. Дамаскъ.
Захану — г. Танисъ (въ Египтѣ).
Забунти, *Забнути* — г. Себенитъ (въ Египтѣ).
Зикрути, *Зикирту*, *Зикарта* — Сагартія Мидійская.
Идіалъ — г. Идаліонъ (на остр. Кипрѣ).
Икистуси — Эгистъ, царь Идаліона.
Итите, *Итти* — р. Паситигриссъ (?).
Іаппа — г. Іоппе (въ Палестинѣ).
Іатнана — остр. Кипръ.
Іауда — Іудея.
Іауа — Іегуй, царь Израильскій.
Калахъ — г. Калахъ (Быт. X, 11).
Каску — Колхида.
Кардуніасъ — Харацена (въ южной Вавилоніи).
Каркалисъ — г. Кархемышъ или Цирцезіумъ.
Китти — г. Цитіумъ (на остр. Кипрѣ).
Курри — г. Куріумъ (на остр. Кипрѣ).
Кхазази — г. Газа.
Кхалди — Халдея.
Кхамани — горы Аманусъ (въ Мал. Азіи).
Кхатти — Хеттеяне (въ сѣв. Сиріи)
Кхазакіау — Езекія, царь Іудейскій.
Кхатхриби — г. Атрибисъ (въ Египтѣ).
Кхилакку, *Килакку* — Киликія.
Кхимуни — г. Эхкминъ (въ Египтѣ).
Кхумукъ — Коматена (въ Мал. Азіи).
Кхумри — Амврій, царь Израильскій.

Digitized by Google

Лабнана, Линбана — Ливанъ.
Лакису — г. Лахисъ (въ восточ. Палестинѣ).
Лимини — г. Лимуніумъ (на остр. Кипрѣ).
Лудди — Лидія.
Мадаи — Мидія.
Ма'абъ, Мухаба — Моавъ, Моавитяне.
Манна, Минни — земля Ванъ (къ юв. отъ оз. Ванъ).
Матра — Месопотамія.
Милдисъ — горы Нифатесъ (въ Арменіи).
Милиху, Милухи — Мероэ.
Мусури, Мусри — библ. Мицраимъ (Египетъ).
Минимми — Менаимъ, царь Израильскій.
Минаси — Манассія, царь Іудейскій.
Муски — народъ Мосхи.
Мимпи, Мимфи — г. Мемфисъ.
Набату, Набаити — Набатеи.
Наири — земля по верхнему теченію Тигра.
Ниса — Нисея (Nisoea).
Нинуа — г. Ниневія.
Ниха, Ніа— г. Ѳивы (въ Египтѣ).
Паддири — земля въ вост. Арменіи (на вост. границѣ Мидіи).
Пакнути — г. Пахнамунисъ египетскихъ надписей (въ Египтѣ).
Паласта — Палестина.
Паппе — г. Пафосъ (на остр. Кипрѣ).
Парсуа — Персія.
Питагора — Пиѳагоръ, царь Цитіума, на остр. Кипрѣ.
Пирао, Пириъ — Фараонъ.
Писабдинутъ — г. Писебтекъ египет. надписей.
Пуратъ — р. Евфратъ.
Рапихъ — г. Рафіа (на югѣ Палестины).
Разунъ — Рецинъ, царь Дамасскій.
Сабіе — Сабаконъ, царь Эѳіопскій.
Сан — г. Саисъ (въ ниж. Египтѣ).
Самирина — г. Самарія.
Сариптавъ — г. Сарепта.
Сиппаръ — г. Сепавраимъ (4 кн. Цар. XVIII, 34, XIX, 13).
Сидуни — г. Сидонъ.
Силлу — г. Соли (на остр. Кипрѣ).
Силумми — г. Саламисъ (на остр. Кипрѣ).
Сихину — г. Пелузіумъ.
Сирлаи — Израильское царство.
Супнатъ — восточный истокъ Тигра.
Сури, Сурри, Сурру — г. Тиръ.
Саркинъ — библ. Саргонъ, царь Ассирійскій (Исаіи XX, 1).
Синахіерибъ — библ. Сеннахеримъ, царь Ассирійскій.
Салманасаръ (V) — библ. Салманассаръ.

Digitized by Google

Тамаси — г. Тамасусъ (на о. Кипрѣ).
Тайани — г. Абидосъ (въ Египтѣ).
Тирдунгасъ, *Тиратдунгасъ* — сѣверн. Вавилонія.
Туклатпаласаръ (II) — библ. Ѳеоглаѳеллассаръ.
Тарку — Таграка или Тиргака (4 Цар. XIX, 9) Царь эѳіопскій.
Удуму, *Удумэ* — Идумея.
Улаи — р. Хоаспесъ.
Урарту — Арменія.
Урсалимму — Іерусалимъ.
Уръ — библ. Уръ халдейскій (Быт. XI, 31),
Эламъ — Эламъ, Сузіана.
Элассуръ — библ. Элассаръ (Быт. XIV, 1).
Эрекъ, *Урукъ* — библ. Эрехъ (Быт. X, 10).
Хазаилу — Азаилъ царь Дамасскій.
Халахъ — библ. Калне? (Быт. X, 10).
Харранъ — библ. Харранъ (Быт. XI, 31, 32) въ Месопотаміи.
Цаба — р. Цабъ или Цабатъ (притокъ Тигра).

Н. Астафьевъ.

Digitized by Google

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ФЕОДАЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ ЛАНГОБАРДСКОЙ ИТАЛІИ.

Развитіе и разрушеніе феодальной системы наполняетъ всю средневѣковую исторію западно-европейскихъ обществъ. Послѣдняя борьба съ феодализмомъ относится къ исторіи новаго времени, а въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, въ Англіи, общественный строй и до сихъ поръ носитъ глубокіе слѣды феодальныхъ порядковъ. Если феодализмъ широко раскинулся во времени, то если можно такъ выразиться, и въ пространствѣ онъ занимаетъ не мало мѣста. Западно-европейская феодальная система—явленіе до такой степени сложное, захватывающее такія различныя сферы жизни, что ея сущность нельзя опредѣлить однимъ какимъ-либо выраженіемъ, а приходится, во избѣжаніе односторонности, отмѣтить нѣсколько признаковъ, отличающихъ феодальное государство, феодальное общество и феодальное землевладѣніе. Когда перестаютъ говорить о феодализмѣ вообще и стараются точно высказать его свойства, то одинъ придаетъ больше значенія политической, другой—аграрной сторонѣ, но всѣ признаютъ, что существенно важно соединеніе обѣихъ. Гизо видѣлъ сущность феодализма въ трехъ фактахъ: въ соединеніи верховной власти съ землевладѣніемъ, въ замѣнѣ полной земельной собственности условною земельною собственностью, наконецъ — въ установленіи вассальной іерархіи между государями-помѣщиками [1]). Такого рода опредѣленіе, хотя и можетъ возбудить споръ о выраженіяхъ, указываетъ однако на существеннѣйшіе признаки, обходитъ второстепенные и потому мо-

[1]) Histoire de la civilisation en France, III, 28, 29.

Digitized by Google

жетъ быть принято въ видѣ предварительнаго основанія. Обыкновенно ученые, занимавшіеся феодализмомъ, довольствовались общимъ представленіемъ объ этомъ явленіи и не старались формулировать какого-либо точнаго опредѣленія, не судя по характеристикѣ отдѣльныхъ сторонъ, къ опредѣленію Гизо могло бы примкнуть большинство изслѣдователей [1]). Мнѣ кажется особенно важнымъ, что оно указываетъ на дробленіе верховной власти, перешедшей къ нѣкоторымъ изъ землевладѣльцевъ, на дробленіе идеи собственности, выразившееся въ противоположности между dominium utile и dominium directum, на дробленіе идеи подданства, послѣдовавшее за появленіемъ новой формы политической зависимости—вассалитета. Однако, на ряду съ этимъ разложеніемъ основныхъ общественныхъ принциповъ, является и смѣшеніе ихъ: можно сказать, что феодализмъ отличается территоріальною окраской политическихъ отношеній и политическою окраской земельныхъ отношеній [2]).

Во всякомъ случаѣ, трудность при изученіи феодализма заключается не въ его опредѣленіи, которое можетъ быть формулировано болѣе или менѣе различно безъ измѣненія самой сущности дѣла. Главная трудность связана съ ученіемъ о происхожденіи феодализма, о ходѣ процесса „феодализаціи". При указаніи причинъ, приведшихъ къ образованію господствовавшей въ средніе вѣка системы, ученые расходятся совершенно. Имѣя въ виду только главнѣйшихъ представителей исторіографіи XIX вѣка, занимавшихся этимъ вопросомъ, можно указать на цѣлый рядъ противоположныхъ мнѣній. На основаніи всѣмъ извѣстныхъ и всѣми одинаково признанныхъ, но не одинаково оцѣненныхъ фактовъ, изслѣдователи выставили свои теоріи въ четырехъ направленіяхъ. Одни, налегая въ средневѣковой романо-германской Европѣ на значеніе романскаго элемента, указывали уже въ Римской имперіи послѣднихъ вѣковъ зародыши феодализма и приписывали среднимъ вѣкамъ только ихъ развитіе. Другіе, напротивъ, разбирая роль Германскаго племени въ исторіи, феодализацію объясняли его дѣятельностью.

Въ противоположность этимъ теоріямъ, обращавшимъ вниманіе на то или другое племенное начало, можно искать причинъ процесса

[1]) Ср. напримѣръ *Roth*, Beneficialwesen, II; Feudalität und Unterthanverband, 27, 28, 32; *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, VI, 1—3; *Boutaric*, Le regime feodal, ses origines etc. въ *Revue des questions historiques*, XVIII (1875), 326.

[2]) Ср. *Maine*, Ancient Law, 106, 107; Early Institutions, 77.

Digitized by Google

независимо отъ племенныхъ началъ. При этомъ одни считали возможнымъ поставить этотъ процессъ въ зависимость отъ политическаго переворота, совершеннаго Каролингами, другіе искали его причинъ глубоко—въ экономическихъ и общественныхъ условіяхъ, общихъ Романскимъ и Германскимъ племенамъ, да и не однимъ имъ.

Романская гипотеза для объясненія феодализма съ наибольшею рѣзкостью изложена у италіанскаго писателя Энрико Поджи [1]). Онъ возстаетъ положительно противъ „предвзятой идеи, слишкомъ долго господствовавшей въ исторической наукѣ, что вопросъ о происхожденіи феодальныхъ учрежденій можетъ быть разрѣшенъ на основаніи только того, что даютъ намъ нравы и обычаи варварскихъ народовъ". Феодализмъ не есть явленіе франкское или лангобардское, а общее всѣмъ частямъ западной Европы, вездѣ развивавшееся не вслѣдствіе заимствованій, а вслѣдствіе одинаковости историческихъ условій и вездѣ подготовленное еще во время господства Римской имперіи. Романское населеніе провинцій является общею основой, на которой расположились различныя государства варваровъ и зародыши средневѣковаго строя вырабатывались въ этой общей основѣ. Сначала складывается экономическая и частно-правовая сторона феодальнаго быта, а затѣмъ уже мало по малу сказываются политическія послѣдствія. Основный фактъ, существованіе политическихъ союзовъ между частными людьми, въ силу которыхъ извѣстное лицо получало покровительство помимо государства и обязывалось вѣрностью и подчиненіемъ гражданину, а не государству, этотъ основный фактъ можно наблюдать уже въ римскую эпоху (patrocinia, колонатъ). Только коммендируются сначала маленькіе люди, и только впослѣдствіи коммендація становится вассалитетомъ, связью между власть имѣющими. Прототипомъ лена служитъ римская эмфитеоза, представляющая также дробленіе принципа собственности. Система натуральныхъ повинностей введена римскимъ законодательствомъ, хотя и просуществовала въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Вообще процессъ феодализаціи распадается на два періода—первый, начинающійся еще въ римскую эпоху, вырабатываетъ начала; второй, начинающійся въ каролингскую эпоху,

[1]) Intorno alla Storia e collezione delle leggi riferibili all'agricoltura del Padovano compilato da *Andrea Gloria* въ *Archivio Storico italiano*, IV; Intorno alle prime origini ed alle principali vicende degli istituti feudali in Italia, *Arch. Stor. ital.* Nuova Serie VI; Cenni Storici delle leggi dell'agricoltura, Firenze, 1845. См. мой отчетъ въ *Ж. М. Н. Пр*, 1878, ноябрь.

Digitized by Google

доставляетъ вѣчнымъ началамъ окончательное развитіе и преобладаніе въ политической сферѣ [1]).

Наибольшее число представителей имѣетъ романская гипотеза въ романскихъ странахъ—въ Италіи и Франціи. Въ французской исторической литературѣ весьма замѣтна тенденція къ умаленію роли Германскихъ народовъ въ исторіи или къ представленію ихъ дѣятельности въ невыгодномъ свѣтѣ. Въ XVIII в. аббатъ Дюбо [2]) вычеркнулъ франкское завоеваніе изъ французской исторіи и отодвинулъ начало средневѣковой исторіи къ узурпаціи аристократіи въ X вѣкѣ. Перрессьо, напротивъ, слилъ средневѣковую исторію съ римскою [3]). Въ связи съ фантастическою гипотезой о Летахъ, галльскихъ поселенцахъ, занимавшихъ одно время юго-западную часть Германіи, а затѣмъ оттѣсненныхъ назадъ за Рейнъ и преобразовавшихъ весь гражданскій и политическій строй Галліи [4]), онъ развиваетъ такого рода объясненіе феодализаціи, при которомъ главное значеніе получаютъ романскіе элементы. Жившіе на границѣ, Леты владѣли своими землями только подъ условіемъ защищать границу оружіемъ; ихъ вождямъ была предоставлена надъ ними наслѣдственная власть, какъ въ военномъ, такъ и въ судебномъ отношеніи. Такимъ образомъ и ленъ [5]), и сеніоріальная юрисдикція [6]) возникли въ этихъ пограничныхъ поселеніяхъ.

Мысль, что средневѣковый бенефицій произошелъ отъ ager limitaneus, впрочемъ была очень распространена уже до Перрессьо [7]) и держалась послѣ него [8]). Доказать точнымъ образомъ преемственную связь между ними не старались, а довольствовались общимъ сход-

---

[1]) См. напримѣръ, *Arch. Stor. ital.* Nuova Serie, VI, 31—38.

[2]) Histoire critique da l'établissement de la monarchie française, 1742.

[3]) De l'état civil des personnes et de la condition des terres dans les Gaules dès les temps Celtiques jusqu'à la redaction des coutumes, 1-е изданіе безъ имени автора въ 1786 году, 2-е, по которому я цитирую, въ 1845.

[4]) I, 315, 322, 345.

[5]) II, 252 и сл.

[6]) II, 292 и сл. Надобно замѣтить, что Перрессьо выводитъ изъ положенія Летовъ особенности быта не однихъ сеньоровъ, но также и подданныхъ ихъ. Летическія земли, напримѣръ, являются первообразомъ и лена и mainmorte, которые до XIII в. почти не различались (I, 351; II, 448—451).

[7]) См. напримѣръ, ссылку Перрессьо на стр. 252 II-го тома.

[8]) Въ Англіи, напримѣръ, ее признаетъ *Palgrave*, Rise and Progress of the english Commonwealth, I, 352, 356, 495 и сл.; см. *Maine*, Ancient law, 302; ср. также *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte II, 190 (2 изд.).

Digitized by Google

ствомъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ землевладѣніе обязывало военною службой.

Рядомъ съ этимъ довольно поверхностнымъ сближеніемъ держалась болѣе серьезная мысль, что римская эпоха подготовила наши формы феодальнаго землевладѣнія, выработала особыя условія долгосрочной и вѣчной аренды, которая впослѣдствіи получила свое высшее проявленіе въ ленѣ. Академіи политическихъ и нравственныхъ наукъ въ Парижѣ и Туринѣ особенно интересовались именно съ этой точки зрѣнія исторіей амфитеозы [1]).

Очень своеобразное объясненіе средневѣковыхъ отношеній нашелъ въ римскихъ условіяхъ Шампіоньеръ. Основаніемъ его теоріи служитъ разграниченіе между феодальными и судебными правами, выразившееся между прочимъ въ юридической поговоркѣ: fief et justice n'ont rien de commun. Феодальныя помѣщичьи права и договорныя отношенія Шампіоньеръ производитъ отъ Германцевъ, но противополагаетъ имъ судебную и финансовую власть средневѣковыхъ сеньоровъ; власть эта восходитъ къ порядкамъ Римской имперіи, къ ея финансовой системѣ, которая не исчезла послѣ завоеванія, а только распалась, при чемъ отдѣльные „судьи", собиравшіе подати, захватили ихъ въ свои руки. Самое распаденіе это началось уже въ римскую эпоху [2]).

Наилучшее, очень общее и сравнительно умѣренное выраженіе ученіе о подготовленіи феодализма въ Римской имперіи получило у Фюстель-де-Куланжа [3]). Отдѣльныя наблюденія надъ аграрнымъ устройствомъ и преобладаніемъ полузависимого, полусвободнаго колонатнаго

---

[1]) Rapport de Ch. Giraud à l'académie des sciences morales et politiques en 1874, Séances et travaux, CII, 83 et suiv. Изъ возбужденныхъ академіями работъ мнѣ извѣстны: *Pepin Le Halleur*, Histoire de l'emphytéose en droit romain et français, Paris, 1843; *Lefort*, Histoire des contrats de location perpetuelle ou à longue durée, Paris 1875; *Lattes*, Dell'influenza del contratto enfiteutico sulle condizioni dell'agricoltura e sulla libertà degliagricoltori specialmente in Italia, nelle *Memorie dell'Academia di Turino*, 1871.

[2]) *Championnière*, Sur la propriété des eaux courantes, Paris, 1844. Не имѣя въ настоящее время подъ руками этого сочиненія, ссылаюсь на изложеніе главныхъ его результатовъ, сдѣланное Бордье въ *Bibliothèque de l'école des chartes*, II série, t. IV, 193 и сл. Бордье не просто излагаетъ теорію Шампіоньера, онъ приводитъ ее въ порядокъ, отсутствіемъ котораго особенно страдаетъ сочиненіе самого автора. Ср. *Boutaric* въ *Revue des questions historiques*, XVIII, 367.

[3]) Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris, 1877 (2 éd. considérablement augmentée).

Digitized by Google

населенія [1]), надъ положеніемъ и тенденціями сословій [2]) складываются у него въ общую картину возвышенія аристократіи, съ которой уже считается государство, которая подчиняетъ себѣ мало по малу остальное населеніе и не въ отношеніи экономическомъ только, а также въ общественномъ, и которая иногда получаетъ даже антигосударственное значеніе [3]). Фюстель-де-Куланжъ не слишкомъ налегаетъ на отдѣльныя подробности, не стремится доказать, что въ Римской имперіи были уже средневѣковые maimmortables или бароны; онъ оставляетъ широкое поле для дѣятельности и германскаго элемента [4]), но общее впечатлѣніе то, что этотъ элементъ главнымъ образомъ долженъ былъ наполнить рамки, поставленныя еще въ римскую эпоху [5]). Этотъ общій результатъ совершенно отдѣляетъ Фюстель-де-Куланжа и другихъ романистовъ отъ представителей другихъ школъ, съ которыми въ частностяхъ они нерѣдко сходятся [6]).

Самое распространенное объясненіе феодализаціи разсматриваетъ ее какъ процессъ развитія германскихъ началъ, стоящихъ въ связи съ племенными свойствами Германцевъ, или во всякомъ случаѣ привитыхъ западной Европѣ вслѣдствіе ихъ завоеванія. Научное обоснованіе получилъ этотъ взглядъ впервые если не у Буленвилье, то у Монтескьё. Придавая, подобно Буленвилье, первостепенное значеніе завоеванію, авторъ Духа Законовъ указалъ на тѣсную связь между дружинными и феодальными отношеніями; послѣднія отличаются отъ первыхъ только тѣмъ, что приложены къ землевладѣнію [7]). Гизо, критикуя мнѣнія Монтескье относительно замѣны отбиравшихся по произволу бенефиціевъ срочными, затѣмъ пожизненными, и наконецъ

---

[1]) *Fustel de Coulanges*, 249—252.

[2]) О. с. 289, 290.

[3]) См. особенно 16-ю главу.

[4]) Характеристикѣ его вліянія на феодализацію посвящены статьи Куланжа въ *Revue des deux mondes* за 1873 годъ, которыя должны, по видимому, войдти въ составъ II-го тома его Исторіи политическихъ учрежденій старинной Франціи.

[5]) Ср. 3, 299 и 300. Не даромъ Моно, разбирая сочиненіе Ф. де-Куланжа въ *Revue historique*, замѣтилъ, что авторъ воспроизводитъ въ XIX в. теорію, выставленную въ XVIII вѣкѣ аббатомъ Дюбо.

[6]) Всѣ, напримѣръ, согласны относительно того, что кельтскіе порядки, особенно обычай коммендаціи, должны были имѣть сильное вліяніе на образованіе позднѣйшихъ феодальныхъ отношеній въ Франкскомъ государствѣ. *Fustel de Coulanges*, стр. 14 и сл., *Roth*, Beneficialwesen, 32, 159; *Waitz*, Verfassungsgeschichte, IV, 199.

[7]) Esprit des lois, XXX, гл. 3 и 16. XXXI, гл. 1.

Digitized by Google

наслѣдственными [1]), предполагая въ данномъ случаѣ фактическое разнообразіе и юридическую неопредѣленность, въ главномъ все-таки принялъ мнѣніе Монтескье. И для него вассалъ Х вѣка прямо происходитъ отъ дружинника V столѣтія, ленъ — отъ подарка вождя своему дружиннику [2]), самостоятельность феодальной территоріи — отъ политической разрозненности элементовъ древне-германской жизни, судебная власть сеньора — отъ патримоніальной власти германскаго главы семейства и землевладѣльца [3]). Гизо сопоставлялъ Германцевъ съ дикарями Америки и Австраліи, въ ихъ политическомъ бытѣ особенно настаивалъ на хаотичности, которая происходила отъ противорѣчія и борьбы между племенемъ и дружиной или вайкой; — его нѣмецкіе современники относились съ гораздо большимъ уваженіемъ и симпатіей къ германскому прошедшему, но точно также признавали въ немъ преобладаніе центробѣжныхъ силъ, которыя и привели между прочимъ къ феодализаціи. Рѣзко выразилъ это убѣжденіе Фр. Шлегель: Des Deutschen wahre Verfassung ist Anarchie. Большею частью выражались мягче и приписывали Германской расѣ особенное стремленіе къ индивидуализму и индивидуализаціи [4]). Эйхгорнъ и его школа безусловно приняли ученіе о дружинѣ и дополнили его ученіемъ объ аристократическомъ характерѣ древнѣйшаго германскаго государства. Члены знатныхъ родовъ, по мнѣнію Эйхгорна [5]) и Савиньи [6]), одни имѣли право собирать вокругъ себя дружину, и такимъ образомъ въ эпоху Тацита антигосударственный дружинный элементъ не только разрозниваль племя, но разрозниваль его въ пользу уже сложившагося аристократическаго слоя, преобладаніе котораго въ теченіе времени все закрѣплялось. Завоеваніе и раздѣлъ земель дали территоріальную основу этимъ отношеніямъ и ускорили ихъ развитіе: въ своихъ постоянныхъ междоусобіяхъ Меровингскіе короли принуждены были опираться не на все населеніе, а на привязанныхъ къ нимъ личною вѣрностью дружинниковъ, лей-

---

[1]) Histoire de la civilisation en France, III, 35 и сл.

[2]) III, 33, 47 и сл.

[3]) III, 59 и сл.

[4]) См. по этому поводу любопытную полемику между Ротомъ и Фикеромъ: *Roth*, Feudalität und Unterthanverband, 14 и сл.; *Ficker*, Beiträge zur Reichs und Rechtsgeschichte Italiens, Einleitung, XXI и сл.

[5]) *Eichhorn*, Deutsche Staats und Rechtsgeschichte, 4-te aufl., I, 67 и сл. 78 и сл.

[6]) *Savigny*, Beitrag zur Rechtsgeschichte des Adels, Vermischte Schriften IV, 10, 51 и сл. 59 и сл.

Digitized by Google

довъ, которымъ они за это принуждены были раздавать бенефиціи и уступать значительную долю вліянія на дѣло [1]). На нѣсколько иной основѣ построена теорія Вайца, который не расположенъ признать фатальнаго стремленія германскаго духа къ индивидуализаціи. Вайцъ сильно старался найдти для древнихъ Германцевъ, описанныхъ Цезаремъ и Тацитомъ, болѣе правильную и прочную политическую организацію, нежели та, которая мирилась съ равноправною противоположностью племени и дружины и съ преобладаніемъ знатныхъ родовъ, раздѣляющихъ между собою вліяніе на дѣла. Онъ представилъ политическій бытъ древнихъ Германцевъ основаннымъ на крѣпкой связи людей одного племени и на преобладающемъ вліяніи вооруженныхъ землевладѣльцевъ, равныхъ между собою [2]), при полномъ подчиненіи дружиннаго союза, сосредоточивавшагося исключительно около королей и выборныхъ старшинъ племени [3]), и при незначительности аристократическаго слоя [4]). Такимъ образомъ Вайцъ не возводитъ существованіе разлагающихъ элементовъ феодализма до древне-германскаго устройства и въ частности до древне-германской дружины. За то онъ признаетъ ихъ въ Франкскомъ государствѣ, хотя и не въ совсѣмъ законченной формѣ. Уже при Меровингахъ королевское пожалованіе доставляетъ получившему его не полную, а условную собственность, обязываетъ къ особенной признательности и вѣрности [5]) — зародышъ бенефиція и лена; уже при Меровингахъ, государственная защита становится недостаточною, и слабые люди ищутъ покровительства у могущественныхъ чиновниковъ и землевладѣльцевъ [6]) — зародышъ васалитета; уже при Меровингахъ господствуетъ смѣшеніе государственной и частной точки врѣнія, которая заставляетъ смотрѣть на судъ и подать, какъ на источники частныхъ доходовъ, и позволяетъ освобождать отъ нихъ или дарить ими [7]) — зародышъ судебной и финансовой самостоятельности территоріи. Указывая на источники феодальныхъ правъ въ весьма раннюю эпоху, Вайцъ, съ другой стороны, отдаляетъ эпоху ихъ окончательной

[1]) *Eichhorn*, I, 516, 517.
[2]) Deutsche Verfassungsgeschichte, I, 386, 422.
[3]) I, 360, 361.
[4]) I, 200, 212.
[5]) II, 240—251.
[6]) II, 259 и сл., 288, 289, 298 и сл.
[7]) II, 634 и сл.; 674 и сл.; IV, 243 и сл.

Digitized by Google

побѣды; до самаго XII вѣка эти элементы не преобладаютъ въ обществѣ, а перемѣшиваются съ элементами государственными [1]).

Взгляды Вайца большинству германскихъ ученыхъ показались слишкомъ неопредѣленными и уступчивыми. Соглашаясь съ нимъ въ главныхъ чертахъ относительно древне-германскаго быта, Ротъ и Зомъ совершенно иначе проконструировали эпоху Франкскихъ королей, выставили теорію гораздо болѣе послѣдовательную и радикальную, гораздо болѣе способную очистить Германское племя отъ упрека, что оно искони стремилось къ самостоятельности частей, доходящей до разложенія цѣлаго. Организація Меровингскаго государства совершенно правильная и здоровая: оно знало только одну связь между своими членами — связь подданства, и только одну власть — государственную [2]). Передъ этими началами отступали на задній планъ всѣ особенности расы и землевладѣнія. Равенство гражданъ и политическая сила государства обезпечивались прежде всего военною службой, къ которой призывались не одни Германцы, не одни землевладѣльцы, не одни королевскіе „люди", а всѣ граждане [3]). Разложеніе началось, когда Каролинги сдвинули съ мѣста этотъ краеугольный камень [4]). Для веденія своихъ обширныхъ войнъ они выдѣлили изъ общества одинъ классъ и стали вознаграждать его раздачею земель въ условное владѣніе [5]). Въ военномъ отношеніи они стали опираться на крупныхъ землевладѣльцевъ и предоставили имъ распространять свой сеньоратъ на людей мелкихъ и негодныхъ къ самостоятельной службѣ въ дальнихъ краяхъ [6]). Королевская дружина, существовавшая издавна, но занимавшая весьма скромное мѣсто въ государствѣ, теперь дала готовыя формы для группировки вооруженной аристократіи. Сеньоратъ разрушалъ непосредственную связь между королемъ и подданными, создалъ новую вассальную вѣрность и присягу [7]); секуляризація церковныхъ имуществъ сыновьями Карла Мартела дала матеріалъ для бенефиціальныхъ раздачъ и содѣйствовала выработкѣ самой формы бенефиціальной собственности.

---

[1]) VI, 82, 372; VIII, 481 и сл.

[2]) *Roth*, Beneficialwesen, 108, Feudalität und Unterthanverband, 23 и сл.; *Sohm*, Altdeutsche Reichs und Gerichtsverfassung, I.

[3]) Beneficialwesen, 179, 180, 198, 199; Feudalität, 333.

[4]) Feudalität und Unterthanverband, 322.

[5]) Beneficialwesen, 404 и сл.; Feudalität, 316, 317.

[6]) Beneficialwesen, 382, Feudalität, 250.

[7]) Feudalität, 208, 242, 341.

Digitized by Google

такъ какъ король, получавшій землю, имѣлъ только временное пользованіе, а собственность de jure оставалась за церковью [1]). Во всякомъ случаѣ отвѣтственность за образованіе феодализма слагается съ Германскаго племени на Каролингскій родъ и его политику.

И у Эйхгорна, и у Вайца, и у Рота при объясненіи феодализаціи вниманіе обращено главнымъ образомъ на политическую сторону процесса—на характеръ верховной власти, степень и эпоху ея разложенія, первые признаки появленія разлагающихъ элементовъ и т. п. Это преобладаніе политической стороны бросается въ глаза даже при сравненіи съ изложеніемъ дѣла у „романистовъ". Но и въ Германіи выступаетъ школа, которая разбираетъ процессъ феодализаціи преимущественно съ его внутренней, такъ-сказать, стороны, останавливается, главнымъ образомъ, на выражающемся въ немъ измѣненіи экономическаго строя, отъ котораго непосредственно зависятъ измѣненія въ правѣ землевладѣнія и затѣмъ въ правѣ государственномъ. Мауреръ сосредоточиваетъ свои изслѣдованія не вокругъ понятія верховной власти, объединяющей государство, а вокругъ понятія сельской общины, составляющей, такъ-сказать, первоначальную клѣточку въ государствѣ. Хотя роль этой сельской общины преимущественно, если не исключительно, экономическая, однако и ея первоначальный составъ и ея перерожденіе въ значительной степени опредѣляютъ политическія отношенія. Марка, основанная на солидарности односельчанъ въ хозяйственномъ отношеніи, ограничивавшая частное землевладѣніе предѣлами дома, двора и расчищенной частными средствами земли, раздававшая въ частное пользованіе большую часть пахатной земли и державшая въ общемъ пользованіи луга и лѣсъ [2]), такого рода марка косвенно ручалась за равносильность, свободность людей въ обществѣ, за отсутствіе могущественной аристократіи и за значеніе свободной народной массы въ войскѣ, судѣ и управленіи. Только съ разложеніемъ общиннаго союза могли возобладать сословныя неравенства, феодальное землевладѣніе и присвоеніе

[1]) Feudalität, 127, 128.

[2]) Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadt-Verfassung und öffentlichen Gewalt, 71 и сл., 84 и сл., 93, 97. Здѣсь собраны основные взгляды, подробному развитію которыхъ посвящены отдѣльныя сочиненія: Geschichte der Markenerfassung, Geschichte der Dorfverfassung, Geschichte der Frohnhöfe und der Hofverfassung, Geschichte der Städteverfassung.

Digitized by Google

государственной власти крупнѣйшими землевладѣльцами [1]). Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что процессъ феодализаціи сводится къ перерожденію марки въ сеньорію (Mark-manur) [2]). Зачатки разложенія были уже въ первоначальномъ устройствѣ марки. Уже при первоначальномъ заселеніи различіе мѣстныхъ условій заставляло однихъ селиться деревнями, а другихъ дворами. Въ послѣднемъ случаѣ связь между поселенцами сразу ослаблялась, экономическая солидарность поддерживалась только относительно луга и лѣса, въ полѣ вмѣстѣ съ дворомъ дѣйствовала семья, и заводилась семейная собственность [3]). Въ меньшей степени тотъ же индивидуалистическій элементъ существовалъ и въ деревняхъ, въ предѣлахъ двора. Значеніе этого элемента не равно: происходили выселенія и приселенія, ослаблявшія чувство солидарности между членами марки, нужда заставляла усиливать и расширять обработку земли частными средствами, и потому область частной собственности все распространялась путемъ расчистки лѣса и отгораживанія поля [4]). Увеличеніе народонаселенія, нуждъ и труда приводили къ разложенію марки и росту неравенства даже въ глубинѣ Германіи, едва затронутой посторонними вліяніями. Тамъ, гдѣ германское общество встрѣтилось съ римскими латифундіями, массами римскаго полусвободнаго и несвободнаго населенія, наконецъ—съ Римскою церковью, общинная солидарность и общинное землевладѣніе исчезали еще скорѣе. Этотъ процессъ вездѣ приводилъ къ аналогическимъ послѣдствіямъ. Общинную собственность вытѣсняло частное могущество, и политическое равновѣсіе замѣнялось политическимъ неравенствомъ. Вмѣстѣ съ частною собственностью пробивались впередъ конкурренція и захватъ, отъ которыхъ надо было искать спасенія опять таки у частнаго могущества. Ни личная свобода, ни общинный союзъ, ни дальняя королевская власть не давали достаточной гарантіи жизни и собственности,—гарантіи этой искали въ политическомъ или хозяйственномъ подчиненіи могущественному сосѣду или графу [5]). Всего яснѣе связь между экономическимъ и политическимъ процессомъ на развитіи иммунитета. Сначала это не болѣе какъ изъятіе извѣстнаго клочка земли изъ

---

[1]) Einleitung, 209—214; ср. *Inama-Sternegg*, Ueber die Bildung der grossen Grundherrschaften in Deutschland unter den Karolingern passim.

[2]) *Maine*, Village communities, 143.

[3]) Einleitung, 10 и сл.

[4]) Einleitung, 226, 186, 216, 217, 221.

[5]) Frohnhöfe, 38—43.

Digitized by Google

хозяйственнаго вмѣшательства марки; впослѣдствіи институтъ этотъ разростается до освобожденія отъ вмѣшательства государственныхъ чиновниковъ и отъ подчиненія извѣстнымъ государственнымъ повинностямъ [1]).

Взгляды Маурера подверглись въ Германіи различнаго рода расширеніямъ и ограниченіямъ, но особенно интересное примѣненіе сдѣлали изъ нихъ за предѣлами Германіи. Мэнъ воспользовался ими для объясненія историческихъ явленій у племенъ не германскаго происхожденія. Онъ исходитъ изъ того факта, что родовая, а затѣмъ сельская община не составляетъ какой-либо особенности Германскихъ народовъ, а встрѣчаются и у другихъ членовъ Арійской семьи, у Кельтовъ, Индусовъ и Славянъ, напримѣръ,—точно также разложеніе ея ведетъ къ процессамъ сходнымъ [2]). Самъ Мэнъ при этомъ останавливается все-таки только на Арійскихъ народахъ, но пониманіе феодализаціи, какъ процесса разложенія коллективныхъ формъ землевладѣнія и связаннаго съ ними общественнаго строя, приводитъ необходимо къ еще большему расширенію рамокъ при изученіи. Особенно въ мусульманскомъ мірѣ можно найдти много аналогій западно-европейскому процессу: завоеваніе Турками Малой Азіи и Балканскаго полуострова, завоеваніе Индостана Монголами приводитъ относительно землевладѣнія, личныхъ отношеній и государственнаго быта къ результатамъ сходнымъ съ западно-европейскими даже до мелочей и частностей; даже въ исторіи острова Явы, въ Мексикѣ и Перу представители сравнительнаго метода находятъ на столько аналогическія явленія, что говорятъ о феодализмѣ въ этихъ мѣстностяхъ. Феодализмъ для нихъ не есть продуктъ мѣстныхъ историческихъ причинъ, а цѣлый фазисъ развитія, чуть ли не важнѣйшая форма перехода отъ господства коллективнаго принципа въ обществѣ и государствѣ къ преобладанію принципа индивидуальности [3]).

Такимъ образомъ, относительно важнѣйшаго факта средневѣковой исторіи Европы, европейская наука даетъ не одинъ твердый и опредѣленный отвѣтъ, а рядъ мнѣній, существенно рознящихся другъ отъ друга. Настоящее изслѣдованіе имѣетъ въ виду, конечно, не разрѣ-

---

[1]) Einleitung, 217, 239, 244.

[2]) См. напр. Early institutions, 77—86.

[3]) *Laveleye*, La proprietè et ses formes primitives (нѣмецкій переводъ съ дополненіями *Карла Бюхера*). *М. Ковалевскій*, Общинное землевладѣніе; причины, ходъ и послѣдствія его разложенія, Москва, 1879, особенно I-я и VI-я главы.

Digitized by Google

шить какъ-нибудь этотъ важный споръ, а только разобрать одинъ изъ случаевъ, изученіе которыхъ необходимо для полнаго разрѣшенія. Понятно, что во вступительной главѣ я тѣмъ менѣе могу входить въ подробное критическое обсужденіе результатовъ ученой работы по феодализаціи вообще. Но мнѣ казалось нелишнимъ указать сначала въ общихъ чертахъ, какъ поставленъ вопросъ въ литературѣ, и оріентироваться среди противоположныхъ школъ [1]). Кромѣ того, уже во вступительной главѣ можно заняться разборомъ если не главныхъ и частныхъ результатовъ, то способовъ, которыми они достигнуты. Положительныя разницы во взглядахъ объясняются не одними симпатіями, сознательными и безсознательными, ихъ представителей къ Германской или Романской расѣ, единству или децентрализаціи, къ общинѣ или индивидуальнымъ формамъ землевладѣнія, объясняются не только приближеніемъ или удаленіемъ точки зрѣнія относительно событій. Чрезвычайное значеніе имѣетъ различіе методическихъ *пріемовъ*. Ученые всѣхъ категорій собираютъ факты, толкуютъ и группируютъ ихъ, но при этомъ каждой категоріи свойственны *способы*, особенно ее отличающіе и содѣйствующіе тому, что задача разрѣшается извѣстнымъ образомъ. Относительное достоинство этихъ способовъ можно оцѣнить даже и не входя въ спеціальный разборъ результатовъ. Романистическая школа, стремясь установить свое ученіе, постоянно прибѣгаетъ къ слѣдующему аргументу: та или другая черта свойственна феодальному обществу, сходную черту мы находимъ въ римскомъ обществѣ IV и V вѣковъ, стало быть, первая развилась изъ второй [2]). Ясно для всякаго, между прочимъ и для романистовъ, что степень сходства играетъ въ данномъ случаѣ чрезвычайно важную роль. Если дѣло идетъ о сходствѣ общемъ, въ характерѣ учрежденія и быта, то нѣтъ надобности требовать полнаго

---

[1]) Въ русской литературѣ существуетъ очень ясно изложенная и интересная характеристика образованія феодальнаго строя: я разумѣю статью *Вызинскаго* въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (XIX). Но Вызинскій имѣлъ въ виду представить тѣ результаты, которые казались ему несомнѣнными, а не резюмировать спорныя мнѣнія.

[2]) Не совсѣмъ удовлетворительно выражено это правило у Перресьо: C'est par le seul rapprochement de ce qui est avec ce qui a été, qu'on peut s'assurer si deux établissements ou deux usages l'un ancien et l'autre moderne ont une commune origine. Nous offrent-ils des identités ou des ressemblances *parfaites*(?)? On peut assurer alors qu'ils derivent de la même source, il est sensible également qu'ils n'en descendent pas si l'on n'aperçoit entre eux, *que* (?) des disparates et des différences (État civil, I, 129).

Digitized by Google

согласованія: доказавъ, что въ римскомъ обществѣ V в. рѣшительно преобладала землевладѣльческая аристократія, Фюстель-де-Куланжъ въ правѣ видѣть въ этомъ обстоятельствѣ важное основаніе для позднѣйшей феодальной аристократіи, хотя бы римскіе possessores и не пользовались правомъ вести частныя войны, судить подданныхъ и облагать ихъ податьми. Но въ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ о происхожденіи отдѣльныхъ феодальныхъ институтовъ на римской почвѣ, а при этомъ сходства въ общихъ чертахъ совершенно недостаточно: коммендацію, напримѣръ, выводятъ изъ „patrociniа“ римской эпохи, при чемъ оставляютъ безъ вниманія спеціальную цѣль послѣднихъ—обходъ податей. Изъ существованія „patrociniа“ можно сдѣлать важное заключеніе, что римская государственная власть IV и V вв. была далеко не всесильна, даже не на столько сильна, чтобы мѣшать образованію противозаконныхъ союзовъ: это до извѣстной степени ослабляетъ противоположность между нею и слабою властью Германскихъ королей, но и только: этого слишкомъ мало, чтобы выводить коммендацію среднихъ вѣковъ изъ patrocinium V вѣка.

Мнѣ кажется даже, что самое разительное сходство между какими-либо порядками V и X вѣковъ не ручается за происхожденіе позднѣйшаго факта изъ болѣе ранняго: чтобы доказать послѣднее, необходимо прослѣдить преемственность между двумя фактами или постепенное развитіе второго изъ перваго. Если отрывочность источниковъ не позволяетъ намъ произвести подобнаго рода изысканія, то конечно, можно предположить связь между двумя фактами,—значенія научнаго вывода подобное предположеніе имѣть все-таки не будетъ. Если-бы романисты старались всегда найдти преемственность и указать развитіе, а не ограничиваться ссылками на сходные признаки, то едва ли они рѣшились бы производить средневѣковой бенефицій отъ ager limitaneus. Сходство дѣйствительно большое: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ владѣніе зависитъ отъ исполненія военной службы, но относительно преемственности можно доказать, что ея совсѣмъ не было. Намъ довольно подробно извѣстна исторія бенефиція, мы знаемъ, что какъ разъ обязательство служить на войнѣ, самая существенная черта сходства, выработалось медленно и постепенно, — первоначально это условіе не выговаривалось въ пожалованіи [1]).

Школа, которую можно назвать германистическою, гораздо болѣе удовлетворяетъ только что высказанному требованію. Она не только

[1]) См. напр., *Roth*, Beneficialwesen, 428.

Digitized by Google

указываетъ на вѣроятные зародыши феодальнаго строя въ древне-германскихъ учрежденіяхъ, но и слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ этихъ зародышей, на сколько позволяютъ источники. Характерный отпечатокъ налагаетъ на работы этой школы общее представленіе о свойствахъ народнаго духа вообще и германскаго въ особенности. Она вѣритъ въ то, что исторіей націи управляетъ извѣстный врожденный націи принципъ, и важнѣйшіе факты германской исторіи старается поставить въ связи съ принципомъ индивидуализаціи. Безъ всякаго сомнѣнія, народный характеръ играетъ важную роль въ исторіи и въ значительной степени опредѣляетъ ее, но сводится ли этотъ характеръ къ такимъ общимъ категоріямъ, какъ принципъ индивидуализаціи, и не слагается ли самый характеръ подъ вліяніемъ историческихъ событій? Въ частности достаточно перенести изученіе феодализаціи съ почвы Германіи и Англіи на почву романскую, чтобы убѣдиться, что феодализація явилась и тамъ, гдѣ исконныя свойства германскаго духа не могли найдти широкаго примѣненія, явилась, слѣдовательно, результатомъ не племенныхъ, а общеисторическихъ причинъ. Предположенія объ исконно-германскихъ свойствахъ особенно были нужны тамъ, гдѣ источники скупились на отвѣтъ, гдѣ приходилось прибѣгать къ распространительному и дополнительному толкованію. Наиболѣе трезвый изъ германистовъ Вайцъ, отказавшись отъ многихъ злоупотребленій германскимъ національнымъ характеромъ, прибѣгаетъ для дополненія скудныхъ источниковъ къ заключеніямъ отъ общаго духа извѣстной эпохи, ссылается, напримѣръ, на свойственное неразвитымъ народамъ смѣшеніе частноправовой и государственной сферы и упрекаетъ юристовъ въ томъ, что они, исключительно слѣдуя буквѣ и вымучивая изъ нея всевозможныя тонкости, пренебрегаютъ общимъ духомъ исторической эпохи [1]). A priori ничего нельзя сказать противъ этого пріема, но видно только, что онъ можетъ въ частностяхъ привести къ ошибкамъ, и главное, послужить предлогомъ для удержанія неправильныхъ мнѣній. Примѣръ подобнаго рода увлеченія представляетъ самъ Вайцъ съ своею теоріей относительно пожалованій Меровингскихъ королей. Ротъ, по видимому, неотразимо доказалъ, что они представляли полную, а не условную собственность. Вайцъ защищается общими соображеніями [2]).

Съ другой стороны, несомнѣнно, что нѣмецкая юридическая школа

[1]) Verfassungsg., I, 167 Ueber die Vassalität, вступленіе.
[2]) Verfassungsg., II, 202.

Digitized by Google

слишкомъ много значенія придаетъ аргументу отъ молчанія источниковъ и пріему юридической конструкціи. Источники наши относительно первой половины средникъ вѣковъ такъ фрагментарны, что вполнѣ естественно дополнить ихъ общими историческими предположеніями тамъ, гдѣ эти предположенія не встрѣчаютъ фактовъ прямо не подходящихъ. Но Ротъ, Зомъ часто аргументируютъ отъ молчанія источниковъ, даже тогда, когда есть развѣ только нѣкоторая неясность и сбивчивость.

Роту, напримѣръ желательно доказать, что въ меровингскую эпоху не существовало политическаго подчиненія одного свободнаго человѣка другому. По его мнѣнію, источники ни разу не упоминаютъ о такого рода подчиненіи; чтобы достигнуть такого результата, пришлось перетолковать множество выраженій въ родѣ amici [1]), gasindi, suscepti, pares, mitium и т. д. Юридическая конструкція или реконструкція недостающихъ частей нашей юридической традиціи по частямъ существующимъ является въ ловкихъ рукахъ Рота и Зома очень опаснымъ орудіемъ. Она даетъ имъ возможность, опираясь на отрывочныя, неуклюжія средневѣковыя свидѣтельства, приписывать Германцамъ и Франкамъ идеи совершенно современныя. На основаніи формулъ присяги и весьма спорнаго толкованія военной организаціи, Ротъ строитъ свою теорію о преобладаніи идеи подданства въ Франкской монархіи, и эту идею онъ проводитъ съ безпощадною послѣдовательностью не только тамъ, гдѣ источники молчатъ или говорятъ неясно, но и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приходится исправлять или перетолковывать заявленія источниковъ. Я уже указалъ на то, какъ онъ распоряжается съ названіями политическаго подчиненія; обращаю вниманіе, кромѣ того, на его ученіе о равенствѣ между Франками и Римлянами, идущее наперекоръ свидѣтельствамъ правдъ о вирѣ Франковъ и Галлоримлянъ [2]). Точно до такихъ же крайностей доводитъ Зомъ свою теорію о противоположности частнаго и государственнаго чиновничества у Германскихъ племенъ. Злоупотребленія такого рода приводятъ къ необходимости предварительнаго изслѣдованія юридическихъ источниковъ съ цѣлью опредѣлить, въ какой степени они нуждаются въ дополненіи и исправленіи, и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ источникамъ чисто историческимъ. Такого рода предварительное изученіе часто приводитъ къ убѣжденію, что необходимо реконструиро-

[1]) *Roth*, Beneficialwesen, 157 и сл.
[2]) Beneficialwesen, 95.

Digitized by Google

вать черты юридической традиціи на основаніи исторической: дѣло въ томъ, что значительная часть средневѣковыхъ юридическихъ формулъ держится въ силу инерціи, такъ сказать, и держится, не смотря на то, что дѣйствительность имъ уже не соотвѣтствуетъ [1]). Такого рода источникъ не можетъ служить самостоятельнымъ основаніемъ для критики и поправки.

Остается сказать о пріемахъ, употребляемыхъ Маурером и представителями сравнительнаго изученія. Самъ Мауреръ всегда держался на почвѣ чисто германскихъ отношеній, но придавая главное значеніе фактамъ земледѣлія и землевладѣнія, онъ указалъ путь сравнительному изученію, такъ какъ именно эти факты отличаются наибольшею простотой и однообразіемъ. Сравнительный методъ, совершенно не годящійся для изслѣдованія сложныхъ культурныхъ и политическихъ явленій, находитъ тутъ свое естественное примѣненіе. При этомъ сравнительное изученіе можетъ быть направлено къ цѣлямъ двоякаго рода — къ опредѣленію чертъ явленія, сгладившихся въ извѣстіяхъ объ одномъ случаѣ и ясно переданныхъ въ другомъ, или же къ выясненію причинъ сходныхъ явленій. Въ первомъ отношеніи нельзя быть слишкомъ осторожнымъ,—такъ велика опасность подъ предлогомъ дополненія традиціи перенести въ нее совершенно чуждыя черты. Главный представитель сравнительной школы, Мэнъ, напримѣръ, замѣтивъ въ Ирландіи существованіе коммендаціи, основанной на заимствованіи скота, готовъ думать, что и въ Франкской монархіи коммендація сводится на то же самое [2]).

За то при опредѣленіи причинъ, сравнительный методъ можетъ оказать значительныя услуги. Изучая исторію отдѣльнаго народа, подбирая въ ней по мѣрѣ возможности причины къ слѣдствіямъ, мы постоянно подвергаемся опасности приписать какому-либо частному явленію слишкомъ большое и слишкомъ общее значеніе. Повтореніе того же результата въ другой исторической сферѣ и при иныхъ историческихъ антецедентахъ выведетъ насъ изъ заблужденія и заставитъ искать причинъ поглубже, въ явленіяхъ общихъ обѣимъ

---

[1]) Извѣстно, что формула адреса Clero, ordini et plebi—приводилась знаменитымъ Савиньи какъ важное доказательство существованія курій по городамъ въ концѣ VI вѣка; см. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, I, 354 и сл. Однако подобнаго адреса на письмѣ Григорія Великаго недостаточно, чтобъ увѣрить насъ въ существованіи куріи въ Тюрингіи VI вѣка. Cf. *Hegel*, Geschichte der Städteverfassung von Italien, I, 185 и сл., 193.

[2]) Early institutions, 156 и сл.

Digitized by Google

формамъ развитія [1]). Сравнительный методъ можетъ послужить къ поправкѣ и повѣркѣ раздѣльнаго изученія эпохъ и народовъ; надо прибавить, что для правильнаго примѣненія онъ самъ нуждается въ опорѣ этого „раздѣльнаго" изученія. Стараясь схватить прежде всего одинаковое и сходное, представители сравнительной науки слишкомъ пренебрегаютъ различіями и коренными особенностями, слишкомъ быстро приводятъ къ одному знаменателю самыя разнообразныя историческія величины, слишкомъ легко вырываютъ изъ всей связи развитія какія-нибудь двѣ-три черты, на которыхъ и строятъ свои заключенія.

Тѣ же ученые, которые выдвинули впередъ сравнительное изученіе, весьма часто пользуются пріемомъ, который самъ по себѣ независимъ отъ него, — объясненіемъ извѣстнаго обычая изъ свойствъ не эпохи, въ которую мы его наблюдаемъ, а времени значительно предшествовавшаго. По силѣ инерціи держатся не однѣ нотаріальныя формулы, а цѣлые обряды, обычаи и учрежденія, и это обстоятельство даетъ намъ драгоцѣнное средство для ознакомленія съ періодами темными, плохо описанными въ источникахъ: окаменѣлые остатки строя этихъ періодовъ, засѣвшіе въ позднѣйшей исторіи, являются также памятникомъ и памятникомъ важнымъ. Отъ злоупотребленія этимъ пріемомъ „переживаній" гарантировать себя не трудно; стоитъ только провѣрить всякій разъ, имѣемъ ли мы дѣло съ фактомъ, въ самомъ дѣлѣ не подходящимъ къ условіямъ эпохи, когда онъ становится извѣстенъ; если его не удастся объяснить средствами этой эпохи, тогда можно искать толкованій въ болѣе раннихъ условіяхъ быта.

Вообще изученіе второй половины средневѣковаго періода и отдѣльныхъ фактовъ новой исторіи даетъ богатый матеріалъ для заключеній относительно строя первой половины среднихъ вѣковъ [2]).

---

[1]) *Maine*, Village Communities 132, 133. На любопытныя сравненія западно-европейскаго и восточно-европейскаго развитія вызываютъ читателя статьи профессора *Васильевскаго*, относительно внутренняго развитія Византіи въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1878 и 1879 годы. Уже одни «харистикаріи» значительно способствуютъ выясненію явленія секуляризаціи особенно ея подготовки хищными аббатами Карла Мартела. Относительно процесса феодализаціи вообще см. именно статью г. *Васильевскаго* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1879 г., мартъ, 166 и сл.

[2]) Особенно успѣшно примѣнялся этотъ способъ къ опредѣленію формъ землевладѣнія и юридическихъ отношеній древней Германіи. Самъ Вайцъ, который, вообще говоря, старается пользоваться только источниками современными

Digitized by Google

Но для того, чтобы съ пользою прибѣгать къ такимъ заключеніямъ, необходимо опираться на прочные результаты изслѣдованій этихъ позднѣйшихъ эпохъ. Къ сожалѣнію, этого условія недостаетъ относительно Италіи, исторія которой вообще разработана весьма мало. Еслибы мы захотѣли воспользоваться для характеристики италіанскихъ фактовъ X вѣка данными XIV и XV вѣковъ, то намъ пришлось бы производить для этого самостоятельныя изслѣдованія этихъ данныхъ. Поэтому, въ настоящей работѣ, мнѣ прійдется ограничиваться главнымъ образомъ толкованіемъ, дополненіемъ и конструкціей источниковъ VI—X вв., анализъ которыхъ былъ производимъ пока также весьма недостаточнымъ образомъ, и потребуетъ поэтому цѣлаго ряда спеціальныхъ изысканій. Эти источники даютъ, какъ мнѣ кажется, достаточно для того, чтобы выяснить общій характеръ процесса феодализаціи Лангобардской Италіи. Дальнѣйшая работа должна сравнить полученные результаты съ фактами, совершившимися рядомъ, но при другихъ условіяхъ—въ романской и греческой Италіи.

Мнѣ кажется, что подобнаго рода изслѣдованіе, если только оно будетъ ведено успѣшно, должно представить матеріалъ и для разрѣшенія вопроса о причинахъ и ходѣ феодализаціи вообще.

ГЛАВА I.

Римская имперія и образованіе колоната.

Противоположность между состояніемъ западной Европы при Римскихъ императорахъ и состояніемъ ея въ феодальную эпоху бросается въ глаза при первомъ взглядѣ. Въ политическомъ отношеніи, что̀ можетъ быть рѣзче контраста между громадною искусно централизованною и деспотическою имперіей—съ одной стороны, и постоянно разваливающимся зданіемъ феодальной монархіи—съ другой? Самыя общества, прикрывшіяся этими государственными формами и развивавшіяся подъ ихъ тяжестью, — одно, сгладившее всѣ провинціальныя и сословныя особенности, кромѣ основнаго и рѣзкаго дѣленія на рабовъ и свободныхъ, другое, разчлененное въ цѣлую лѣстницу сословій, состояній, кружковъ, корпорацій, — самыя общества глубоко различны. Между тѣмъ, въ области языка, вѣрованій, лите-

описываемымъ явленіямъ, прибѣгаетъ къ «Rückschlüsse» для своего едва ли основательнаго ученія о древне-германскомъ землевладѣніи. Verfassungsgeschichte, I, 108.

Digitized by Google

ратуры также очевидно сходство между этими двумя обществами, объясняющееся рожденіемъ или вырожденіемъ одного изъ другаго; естественно являются вопросы: такъ ли велико различіе въ самой политико-соціальной области, чтобы не нашлось связующихъ звеньевъ, и не слѣдуетъ ли, напротивъ, искать зародышей позднѣйшихъ, средневѣковыхъ формъ еще по сю сторону завоеваній, еще въ жизни Римской имперіи?

Завоеваніе ввело въ римскій міръ новые этнографическіе элементы, но не уничтожило старыхъ, которые такъ или иначе должны были оказать свое вліяніе. Опредѣлить это явленіе, конечно, особенно необходимо тамъ, гдѣ дѣло идетъ о началѣ средневѣковаго развитія въ самой романской или римской изъ странъ западной Европы, въ Италіи.

Вопросъ о преемственной связи между условіями западно-европейской жизни въ средніе вѣка и въ эпоху имперіи давно обратилъ на себя вниманіе изслѣдователей: Савиньи показалъ, какъ продолжало жить и дѣйствовать въ варварскихъ государствахъ римское право; вопросъ о томъ, на сколько сохранилось римское муниципальное устройство, сдѣлался яблокомъ раздора между французскими, италіанскими и нѣмецкими учеными, и наконецъ, всего болѣе, можетъ быть, обсуждалось участіе римскихъ элементовъ въ образованіи феодальныхъ отношеній. Одни старались показать, что такія характеристическія особенности феодальной эпохи, какъ бенефиціальное владѣніе землей и вассальная зависимость, сложились еще въ Западной Римской имперіи; другіе находили, что Римская имперія послѣднихъ вѣковъ если и не выработала прямо феодальныхъ институтовъ, то подготовила феодализмъ вообще, создала такого рода соціальную организацію, такъ распредѣлила собственность и общественные классы, что феодализмъ долженъ былъ развиться на этомъ основаніи. Намъ прійдется касаться попытокъ перваго рода при разсмотрѣніи отдѣльныхъ феодальныхъ институтовъ; теперь мы остановимся только на вліяніи общаго состоянія Западной Римской имперіи передъ ея паденіемъ. При этомъ слѣдовало бы, собственно говоря, обратить вниманіе на два ряда явленій: съ одной стороны, на отрицательное подготовленіе средневѣковаго строя, на то, какъ разрушались и дряхлѣли римскія учрежденія; съ другой стороны — на подготовку положительную путемъ образованія условій, продержавшихся въ теченіе среднихъ вѣковъ. Но при такой широкой постановкѣ задачи, пришлось бы написать цѣлое изслѣдованіе о Западной Римской имперіи

Digitized by Google

передъ ея паденіемъ; мы ограничимся тѣмъ, что̀ насъ ближайшимъ образомъ касается, и займемся теперь только второю половиной задачи, предоставляя себѣ впослѣдствіи, при случаѣ, возвращаться къ тому или другому римскому учрежденію при обсужденіи соотвѣтствующихъ средневѣковыхъ.

Превращеніе, которому подверглось римское соціальное устройство еще до завоеванія, выразилось особенно въ трехъ фактахъ — въ образованіи колоната, въ установленіи патроната для защиты и покровительства частнымъ лицамъ въ дополненіе и даже наперекоръ государственному союзу, и наконецъ, въ развитіи и распространеніи договоровъ вѣчной и долгосрочной аренды. Вокругъ этихъ трехъ главныхъ фактовъ группируется много второстепенныхъ.

Прежде чѣмъ касаться труднаго вопроса о происхожденіи колоната, необходимо остановиться нѣсколько на характеристикѣ института въ ту эпоху, когда онъ представляется уже вполнѣ сложившимся, то-есть, въ теченіе V и VI вѣковъ. Еслибы не существовало никакихъ разногласій и затрудненій при систематической конструкціи колоната, важно было бы исходить отъ прочныхъ и несомнѣнно признанныхъ фактовъ при разрѣшеніи спорнаго вопроса о происхожденіи института; но надо замѣтить, что хотя источники сравнительно подробно описываютъ намъ колонатъ сложившійся, однако даже и въ этомъ описаніи не все ясно и несомнѣнно на первый взглядъ; даже и въ этомъ случаѣ по инымъ важнымъ пунктамъ могутъ быть разнорѣчія: тѣмъ настоятельнѣе потребность заручиться съ самаго же начала точнымъ представленіемъ о свойствахъ института, генезисъ котораго насъ интересуетъ.

Въ опредѣленіи сущности колонатнаго права всѣ согласны, то-есть, источники говорятъ достаточно ясно. Колоны Ѳеодосіева и Юстиніанова кодексовъ — крестьяне, прикрѣпленные къ землѣ, за пользованіе которою они платятъ извѣстный оброкъ или арендную плату землевладѣльцу [1]). По своему личному положенію, это люди полусвободные; ими нельзя располагать какъ рабами, и они не могутъ располагать собою, какъ свободные люди. Я думаю, что и на этомъ тезисѣ могутъ сойдтись всѣ занимавшіеся колонатомъ ученые; но одни будутъ преимущественно настаивать въ колонатѣ на элементѣ подчиненія, другіе—на элементѣ самостоятельности. Это различіе тѣсно связано съ разницей во взглядахъ на положеніе и обязанности колоновъ

[1]) *Savigny*, Ueber den römischen Colonat; Vermischte Schriften, II, 37.

Digitized by Google

въ государствѣ — съ одной стороны, на сословное происхожденіе класса—съ другой. Поэтому, прежде чѣмъ говорить о томъ, изъ какого матеріала и какимъ образомъ развился колонатъ, посмотримъ сначала, какъ и въ какой степени колоны были прикрѣплены къ землѣ, какими повинностями они были обязаны по отношенію къ землевладѣльцамъ, на сколько подпали помѣщичьей власти, и на сколько сохраняли свою волю и самостоятельность, наконецъ, какую роль играли въ государствѣ.

Крѣпость колоновъ землѣ дастъ поводъ къ различнымъ законодательнымъ постановленіямъ. Приблизительно съ послѣдней четверти IV вѣка въ конституціяхъ высказывается въ различной формѣ общее правило, что колонъ прикрѣпленъ къ своей землѣ навсегда [1]) со всѣмъ потомствомъ и входитъ какъ бы частью или органомъ въ высшее, живое недѣлимое—въ хозяйство земельнаго участка; разстроить эту органическую связь между землею и необходимой для ея утилизаціи рабочею силой онъ не имѣетъ права [2]). И въ одно время съ такими общими постановленіями и ранѣе ихъ попадаются отдѣльныя запрещенія, необходимыя для прикрѣпленія населенія къ землѣ.

Колонамъ запрещается самовольный переходъ въ другіе общественные классы — въ сословіе куріаловъ [3]), въ администрацію [4]), въ войско [5]); преслѣдуется самовольное оставленіе колономъ своего участка—бѣгство; запрещается, наконецъ, господамъ переводить ко-

---

[1]) C. J. XI, 51, 1. Cum per alias provincias—lex a maioribus constituta colonos quodam aeternitatis jure detineat etc. (386 г.? cf. XI, 59, 7). C. J. XI, 48, 23. Въ первый разъ выраженъ общій принципъ прикрѣпощенія въ 371 году. C. J. XI, 53, 1.

[2]) C. J. XI, 48, 23: Cum satis inhumanum est terram quae ab initio adscripticios habebat suis quodammodo membris defraudari et colonos in aliis terris demorantes dominos terrae maximis damnis adficere, censemus, quemadmodum in curialium conditione nemo ex temporali cursu liberatur, ita nec adscripticiae conticioni suppositus ex annalibus curriculis, quantacumque emanaverint, vel quacumque prolixa negotiatione aliquis sibi vindicet libertatem sed remaneat adscripticius et inhaereat terrae: et si se celaverit vel separare conatus fuerit, secundum exemplum servi fugitivi sese diutinis insidiis furari intellegatur et sit suppositus una cum subole sua, etsi in alia terra eam fecerit, huiusmodi fortunae et capitali illationi, nulla liberatione ei penitus competente. Ср. также XI, 52, 1.

[3]) XI, 68, 1.

[4]) XI, 48, 18.

[5]) Th. V, 9, 1; C. J. XI, 48, 18 и множество другихъ.

Digitized by Google

лоновъ съ одного участка на другой [1]), если при этомъ уменьшается аграрное, и посредственно, фискальное значеніе перваго участка. Послѣднее правило прямо вытекаетъ изъ общаго тезиса: необходимо обезпечить обработку земли, прикрѣпивъ къ ней работниковъ; но въ то же самое время оно показываетъ, что тезисъ можно дополнить другимъ: прикрѣпляются работники къ землѣ, на сколько это необходимо для ея обработки. Въ самомъ дѣлѣ, если, вообще говоря, колоны—крѣпостные, то изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы прикрѣпленіе было безусловное и не допускающее исключеній. Землевладѣлецъ не можетъ перевозить колоновъ съ участка на участокъ по произволу, потому что иначе онъ легко могъ бы повредить обработкѣ и обмануть казну при уплатѣ земельнаго налога, но онъ не лишается возможности перевести колоновъ по необходимости, чтобъ усилить обработку запустѣлаго участка и этимъ косвенно возвысить доходъ казны [2]). На вопросъ, кто рѣшитъ—нужно или не нужно переводить колоновъ, мы не найдемъ прямаго отвѣта въ источникахъ, но едва ли будетъ слишкомъ смѣло предположить, что временное распоряженіе помѣщика должно было получить свое освященіе при производствѣ періодической оцѣнки земель, должно было быть одобрено оцѣнщиками [3]). Въ данномъ случаѣ принципъ крѣпости проводится не безусловно, а въ зависимости отъ цѣли, которой онъ долженъ служить, и подобныхъ ограниченій принципа можно указать еще нѣсколько. Колонъ не можетъ самовольно бросить землю и уйдти въ городъ или на другой участокъ, потому что въ такомъ случаѣ некому будетъ работать и платить на оставленномъ участкѣ; но если есть кому работать и платить, если на участкѣ остался отецъ, напримѣръ, который исправно удовлетворяетъ требованіямъ землевладѣльца и казны, то сынъ можетъ уйдти промышлять на сторонѣ,—его потребуютъ на землю только послѣ смерти отца [4]). Колоны не

---

[1]) Случай продажи участка безъ колоновъ — Th. XIII, 10, 3 (C. J. XI, 47, 2). Случай отчужденія колоновъ безъ продажи участковъ—C. J. XI, 48, 7.

[2]) XI, 48, 13. Illud etiam servandum est, ut, si quando utriusque fundi idem dominus de possessione referta cultoribus ad eam colonos quae laborabat tenuitate transtulerit, idemque fundi ad diversorum iura dominorum qualibet sorte transierint, maneat quidem facta translatio, sed ita, ut praedii eius dominus, a quo coloni probantur fuisse transducti, translatorum agnationem restituat.

[3]) Значеніе оцѣнки для опредѣленія гражданскихъ отношеній явствуетъ, между прочимъ, изъ C. J. XI, 58, 7.

[4]) C. J. XI, 48. 23.

Digitized by Google

имѣютъ права переходить къ другимъ занятіямъ, оставляя земледѣліе, но они могутъ заниматься и постороннею дѣятельностью, если она совмѣстима съ земледѣліемъ [1]). Только отъ колоновъ императора требуется, чтобъ они всецѣло посвящали себя обработкѣ его земель [2]). Такимъ образомъ, уже при разсмотрѣніи условій и степени прикрѣпленія къ землѣ видно ясно, что аграрныя и фискальныя соображенія не только признаются главнымъ поводомъ къ прикрѣпощенію, но являются вмѣстѣ съ тѣмъ главною причиной исключеній и ограниченій.

Прикрѣпленіе къ землѣ было только условнымъ послѣдствіемъ приписки къ повинностямъ, лежавшимъ на землѣ: отого на практикѣ въ оцѣночномъ листѣ имѣнія или хозяйства, въ которомъ былъ перечисленъ между прочимъ его рабочій инвентарь—скотъ, рабы и колоны, искали доказательствъ принадлежности колона извѣстному участку [3]) и самое названіе наиболѣе распространеннаго класса колоновъ взято не отъ прикрѣпленія къ землѣ, а отъ приписки къ повинностямъ. О государственныхъ повинностяхъ намъ придется еще говорить много впослѣдствіи, и при этомъ ближе выяснится значеніе самого термина „censibus adscriptus“.

Господину платится оброкъ, которымъ законодательство императоровъ занимается весьма мало, такъ какъ онъ не имѣлъ прямого значенія для государства. Оно старалось только установить принципъ, что видъ и количество оброка опредѣляются разъ заключеннымъ договоромъ или разъ установившимся обычаемъ [4]). Вообще говоря, римскіе законодатели, когда занимались оброкомъ, становились на сторону поселянъ и старались оградить ихъ отъ чрезмѣрныхъ требованій помѣщиковъ; связавъ крестьянъ, запретивъ имъ уходить отъ помѣщика,

---

[1]) Th. XIII, 1, 3. cf. 8 et 10 e. t.; Gregorii Magni Epistolae, кн. VIII, пис. 32; *Savigny*, Colonat, 16.

[2]) XI, 68, 2. Colonos nostros, qui sunt privati vel ad ratiocinia gerenda vel ad colendos agros idonei, retrahi iubemus ac *tantum* colendis nostris rebus addici, quin etiam in posterum observari, ne quis eorum rem privatam cuiusquam gerendam aut aliquid ministrandum suscipiat.

[3]) C. I. XI, 48, 22.

[4]) C. I. XI, 50, 1. Quisquis colonus plus a domino exigitur, quam ante consueverat et quam in anterioribus temporibus exactus est, adeat iudicem, cuius primum poterit habere praesentiam, et facinus comprobet, ut ille, qui convincitur amplius postulare, quam accipere consueverat, hoc facere in posterum prohibeatur, prius reddito quod superexactione perpetrata noscitur extorsisse. Cf. XI, 50,2 и XI, 48,23.

Digitized by Google

они отдали ихъ помѣщику также связанному. Вмѣсто того, чтобы сказать: платить барину чѣмъ онъ васъ изоброчитъ, они разъ навсегда фиксировали оброкъ. Мало того, судя по тому, что отдѣльное распоряженіе 366 г. (XI, 48, 4) относительно Триполиса вошло безъ оговорокъ въ кодексъ Юстиніана, можно думать, что оброкъ платился почти во всѣхъ случаяхъ натурой, частью плодовъ. Платилась ли опредѣленная часть или опредѣленное количество—сказать нельзя, да и не могло быть однообразія въ этомъ отношеніи. Точно также едва ли могло быть однообразіе относительно барщины. Есть указанія на то, что колоны не только платили оброкъ, но и работали на господина [1]), опять-таки по обычаю. Этому какъ бы противорѣчитъ C. J. XI, 48, 20. Рѣчь идетъ о колонахъ, которые утверждаютъ, что они не обязаны платить извѣстному лицу, потому что онъ незаконно владѣетъ своею землей. Начинается процессъ, во время котораго колоны продолжаютъ нести всѣ свои повинности, частныя и государственныя, только мѣсто господина заступаетъ временно судья,—при этомъ подробно говорится о податяхъ и оброкѣ, но нѣтъ ни слова о барщинѣ. По всей вѣроятности, это опущеніе случайное и объясняющееся тѣмъ, что барщина касалась исключительно господъ, а не государства. Какъ объяснить иначе, напримѣръ, то обстоятельство, что такъ рѣдко упоминается о вознагражденіи землевладѣльца въ томъ случаѣ, когда колонъ перебѣжалъ на землю другаго? Принявшій бѣглеца долженъ отвѣчать казнѣ за убыль въ податяхъ и законному господину за неуплату оброка,—о первомъ всегда напоминаютъ конституціи императоровъ, о второмъ весьма рѣдко [2]).

---

[1]) I, 3, 16. ruralibus obsequiis fungatur; I, 3,38.— — ὥστε μηδένα τῶν θεοφιλεστάτων ἐπισκόπων — — γεωργοὺς μέν ἐν κλήρῳ δὲ καταλεγομένους — — ἢ τὰς καλουμένας ἀγγαρείας ἢ ἑτέρας τοιουτοτρόπους ἐπαχθείας ἢ ὑπηρεσίας ἐπιφέρειν. Хотя тутъ рѣчь идетъ не о простыхъ церковныхъ колонахъ, но очевидно, что αἱ καλούμεναι ἀγγαρεῖαι налагались на нихъ по образцу колоновъ.

[2]) Th. V, 9,1. Super eodem capitationem temporis agnoscat. Th. X, 12,2:— indemnitatem sarciat tributorum. C. J. XI, 48,8: — — abillis tributa, quae publicis perierunt functionibus exigantur. Th. V, 9,2. ср. (C. J. XI, 64,2) говоритъ о штрафахъ въ 6 и 12 унцій золота, а Interpretatio къ этому мѣсту прямо прибавляетъ, что штрафы *domino* solnuntur. Но судя по C. J. XI, 48,12, эти штрафы идутъ въ пользу казны: Si quis igitur ex memoratis fugitivis apud quemlibet fuerit repertus, duodecim libras argenti fisco nostro inferat detentator. Ср. однако XI, 52,1: duas auri libras ei cogatur exsolvere, cuius agros transfuga cultore vacuaverit. Мѣста, въ которыхъ упоминается объ ущербѣ, нанесенномъ землевладѣльцу, кромѣ только что приведеннаго: XI, 53,1. maneatque eos poena, qui alienum et incog-

Digitized by Google

Отношенія между землевладѣльцемъ и колономъ не ограничиваются уплатой и полученіемъ оброка. Даже еслибы законодательство не предоставило землевладѣльцамъ никакихъ правъ, кромѣ оброчнаго, крестьяне вслѣдствіе чисто экономическихъ причинъ попали бы въ зависимое положеніе отъ лица, съ которымъ приходилось договариваться, если хозяйство шло хорошо и его надо было расширить, и которое было еще гораздо нужнѣе въ случаяхъ трудныхъ, какъ капиталистъ и заимодавецъ, какъ защитникъ мелкаго человѣка отъ сутяжничества и насилія. Но законодательство не только не мѣшало развитію подобныхъ зависимыхъ отношеній; оно признавало ихъ вполнѣ законными и пользовалось подчиненіемъ крестьянъ въ интересахъ государства. Помѣщикамъ поручалась власть и наблюденіе надъ колонами, но пользоваться ими они должны были столько же для государства, сколько для себя. Имъ былъ порученъ сборъ податей съ колоновъ [1]) и наблюденіе за тѣмъ, чтобъ отбывались натуральныя повинности. Такимъ образомъ, они являлись по отношенію къ земледѣльческой массѣ ближайшими представителями правительственной власти. Мы не знаемъ—былъ ли порученъ имъ приводъ къ суду вызываемыхъ въ качествѣ свидѣтелей или обвиняемыхъ поселянъ, не знаемъ—пользовались ли они правомъ сами судить ихъ въ извѣстныхъ второстепенныхъ случаяхъ, но мы имѣемъ доказательство, что имъ предоставлена была извѣстная дисциплинарная власть надъ подначальными людьми [2]). Однако не всѣ колоны находились въ одинаковыхъ условіяхъ по отношенію къ власти землевладѣльца. Иныя изъ императорскихъ конституцій сильно настаиваютъ на томъ, что колоны все-таки остаются свободными людьми, и ограничиваютъ по воз-

---

nitum recipiendum esse duxerint, tam in redhibitione operarum et damni, quod locis quae deseruerant factum est, quam multae, cuius modum in auctoritate iudicis collocamus. XI, 48,12: ipsi autem cuius fuit praeter eundem fugitivum alterum etiam eiusdem aestimationis inferre decernimus.

[1]) XI, 48,4: Si, penes quos fundorum dominia sunt, pro his colonis originalibus, quos in locis isdem censitos esse constabit, vel per se vel per actores proprios recepta compulsionis sollicitudine implenda munia functionis agnoscant· Sane quibus terrarum erit quantulacumque possessio, qui in suis conscripti locis proprio nomine libris censualibus detinentur, ab huius praecepti communione discernimus: eos enim convenit propriae commissos mediocritati annonarias functiones sub solito exactore cognoscere. Ср. XI, 40,28.

[2]) XI, 48, 24.

Digitized by Google

можности ихъ личную зависимость отъ землевладѣльца [1]),—другія, напротивъ, не находятъ достаточныхъ выраженій, чтобы характеризовать подчиненное положеніе колоновъ и приравниваютъ его почти къ рабству [2]). Очевидно, тутъ рѣчь идетъ о двухъ совершенно различныхъ видахъ колоната, которые хотя имѣютъ общіе родовые признаки (крѣпость землѣ, оброкъ) и потому иногда соединяются подъ однимъ именемъ, однако рѣзко разграничиваются личнымъ положе-

---

[1]) Th. V, 4,3: Opera autem eorum terrarum domini libera utantur; ac nulli subacta peraequationi vel censui subiaceant, nullique liceat, velut donatos eos a iure census in servitutem trahere urbanisve obsequiis addicere. C. J. XI, 52,1. Такимъ образомъ даже привиллегированные колоны въ извѣстномъ смыслѣ могли быть названы рабами. Nov. Valentiniani III, 30, § 6: Pari lege mulieres ingenuas iubeo detineri, a quibus coniunctio appetita est et electa servorum vel colonorum, ut his abire non liceat. Filii earum, si denuntiatio non praecessit, in eorum iure et dominio, apud quos creati sunt vel creantur, *colonario nomine* perseverent: post denuntiationem vero editos secundum scita divalia *servos* esse censemus, ut illos nexus, sicut dictum est, colonarius teneat semper obnoxios, hos conditio servitutis. Nov. Maioriani. 7,1, § 2: (Curiales colonarum se ancillarumque coniunctione polluunt quorum liberi) si ex colonabus nati sint curiae inserantur, si ex ancillis editi, collegiis deputentur. § 4. Si *ingenuus* probatur, collegiis applicetur, si servus est, fustuario supplicio interficiendum se esse cognoscat. § 5. Si *originarius* erit — — collegiis nihilominus deputetur, si famulus, servilibus poenis peribit. Убѣдительное доказательство, что originarius=ingenius.

[2]) C. J. XI, 50,2: Sicuti ab his liberi sunt, quibus eos tributa subiectos non faciunt, ta his, quibus annuis functionibus et debite conditionis obnoxii sunt, paene est ut quadam servitute dediti videantur. XI, 48,21: Ne diutius dubitetur, si quis ex adscripticia et servo vel adscripticio et ancilla fuisset editus, cuius status sit, vel quae peior fortuna sit, utrumne adscripticia an servilis — — quae etenim differentia inter servos et adscripticios intellegetur, cum uterque in domini sui positus est potestate, et possit servum cum peculio manumittere et adscripticium cum terra suo dominio expellere? Th: VIII, 2,5. Si quis dominorum servum suum sive colonum chartas publicas agere permiserit (consensum enim, non ignorantiam volumus obligari) ipsum quidem, in quantum interfuerit publicae utilitati, pro ratiociniis, quae servo sive colono agente tractata sunt, obnoxium attineri, servum autem competentibus affectum verberibus fisco addici. Novel. Severi, 2, § 1. ... aliaque corpora publicis obsequiis deputata quorundam se colonis vel famulis ignorantibus dominis sociassent, et nunc sub specie publicae corporationis procreatos liberos conantur iugo servitutis absolvere, idcirco agnoscat sublimis magnificentia tua, divali nos in aeternum lege sanxisse, si qui vel qua ex corporibus publicis vel ex corporatis urbis Romae servis vel colonis se crediderint copulandos, agnationem eorum ad eos dominos pertinere, quorum inquilinus vel colonus fuisse constiterit, exceptis iis, qui ante eam legem non taliter latam sese iunxisse noscuntur.

Digitized by Google

ніемъ своихъ членовъ [1]). Постановленія Анастасія (C. J. XI, 48, 19) и Юстиніана (e. t. 23) отличаютъ эти два класса и мимоходомъ указываютъ на основаніи различія. C. J. XI, 48, 19 читается такъ: Τῶν γεωργῶν οἱ μὲν ἐναπόγραφοί εἰσιν καὶ τὰ τούτων πεκούλια τοῖς δεσπόταις ἀνήκει, οἱ δὲ χρόνῳ τῆς τριακονταετίας μισθωτοὶ γίνονται ἐλεύθεροι μένοντες μετὰ τῶν πραγμάτων αὐτῶν. καὶ οὗτοι δὲ ἀναγκάζονται καὶ τὴν γῆν γεωργεῖν καὶ τὸ τέλος παρέχειν. τοῦτο δὲ καὶ τῷ δεσπότῃ καὶ τοῖς γεωργοῖς λυσιτελές.

Въ этомъ важномъ отрывкѣ мы имѣемъ указанія на трояkаго рода разницу—относительно личной свободы, права собственности и вступленія въ самый классъ. Одни становятся колонами, оставаясь свободными людьми, другіе—подразумѣвается—не пользуются личною свободой. Однако и въ томъ, и въ другомъ случаѣ выраженія „свобода“ и „свободный“ надо понимать нѣсколько иначе, нежели они обыкновенно понимаются въ институціяхъ и дигестахъ. Въ позднѣйшихъ частяхъ кодекса они далеко не равносильны выраженіямъ „ingenuitas“ и „ingenuus“, далеко не всегда обозначаютъ опредѣленное сословное положеніе, противоположное рабству. Вслѣдствіе появленія новыхъ классовъ съ невполнѣ опредѣлившимся положеніемъ, не подходившихъ ни подъ то, ни подъ другое изъ прежнихъ рѣзкихъ опредѣленій, старые термины приходилось употреблять только приблизительно точно. Слово „liber“ стало обозначать часто человѣка, могущаго располагать собою, въ противоположность человѣку хотя бы свободному по сословному положенію, но зависимому отъ чужой воли. Отсюда соединеніе liber et vagus [2]). Что въ разбираемомъ случаѣ нельзя придавать термину „liberi“ (ἐλεύθεροι) строго сословнаго смысла, это доказывается тѣмъ, что самыя рѣзкія постановленія, касающіяся адскриптиціевъ, отнимаютъ у нихъ свободу только относительно господъ; по отношенію къ другимъ лицамъ, они остаются людьми сво-

[1]) Главный недостатокъ систематическаго разбора колоната у Савиньи состоитъ въ непризнаніи этого важнаго положенія. Онъ придаетъ различію между «coloni liberi» и «adscripticii» совершенно второстепенное, только имущественное значеніе (Colonat, 29). Ср. *Rodbertus*, Ueber die Adscripticier, Colonen und Inquilinen in den *Jahrbüchern für Nationalökonomie und Statistik*. II Jahrg. (1864) 3 u. 4 Heft, 253 и сл.; *Kuhn*, Die städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs, II, 269.

[2]) XI, 52, 1; Ср. Nov. Valentiniani III, 30; de colonis vagis vel agnatione eorum et de advenis: — libertatem quam nascendo non habuit, fugae sibi assiduitate defendens.

Digitized by Google

бодными, [1]) что̀ очень важно, потому что съ этимъ соединено право гражданскаго и уголовнаго иска отъ собственнаго лица. Еще болѣе выясняется мысль постановленія Анастасія изъ прибавки μετὰ τῶν πραγμάτων αὐτῶν. Она получаетъ смыслъ только при тѣснѣйшемъ соединеніи съ предыдущимъ ἐλεύθεροι μενοντες, при которомъ слово ἐλεύθεροι является прилагательнымъ и относится къ οἱ δὲ, а косвенно къ πράγμασιν. Буквальный переводъ мѣста будетъ: оставаясь свободными вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ, а объяснительный: остаются лично свободными и сохраняютъ свободное распоряженіе своимъ имуществомъ [2]). Совершенно въ томъ же духѣ должно быть понято и контрастирующее предложеніе: „peculium" адскриптиціевъ принадлежитъ (?) господамъ, то-есть, они не могутъ распоряжаться имъ, не нарушая права господъ [3]), но фактически они имъ пользуются и при томъ господинъ не можетъ отнять его у нихъ, потому что еслибъ онъ обладалъ такимъ громаднымъ правомъ, то было бы смѣшно стѣснять его относительно оброка. Нечего и говорить, что и подъ peculium, и подъ res тутъ разумѣется только имущество, которое первоначально принадлежало колону, сѣвшему на извѣстномъ участкѣ, или было пріобрѣтено имъ на остатки отъ заработковъ: самый участокъ никакъ не могъ стать ни peculium, ни собственностью колона, пока онъ оставался колономъ. На основаніи этого критеріума — обладанія собственностью или только peculium'омъ, мы можемъ различать два главные вида колоновъ даже тамъ, гдѣ они прямо не названы. XI, 50, 2 и Th. XVI, 5, 54 говорятъ, очевидно, о „приписанныхъ", о крѣпостныхъ низшаго разбора; XI, 68, 6 и Th. XII, 1, 33 о колонахъ высшаго разряда. Остается неяснымъ, кого имѣетъ въ виду Th. V, 11, 1. Эта конституція употребляетъ выраженіе „si qua habeant propria", а между тѣмъ существенно стѣсняетъ право колоновъ распоряжаться этою собственностью [3]). Въ общемъ можно сказать, что

[1]) XI, 50, 2.

[2]) Совершенно неправильное толкованіе даетъ конституціи Анастасія Родбертусъ, Die Adscripticier etc., 262, 263. Онъ отдѣляетъ μένοντες отъ ἐλεύθεροι и переводитъ: «сохраняя свое имущество». Не говоря о невозможномъ толкованіи слова μένοντες, достаточно указать на перифразъ Анастасіева постановленія въ C. J. XI, 48, 23, который дѣлаетъ совершенно невозможными объясненія Родбертуса: liberos quidem *permanere*.

[3]) Между прочимъ они не могли дѣлать завѣщанія—Th. V, 3, 1, (C. J. I. 3, 20).

[4]) Th. V, 11. 1: Non dubium est, colonis arva, quae subigunt, usque adeo alienandi ius non esse, ut, et si qua propria habeant, inconsultis atque ignorantibus patronis in alteros transferre non liceat.

Digitized by Google

хотя колонамъ обоего вида одинаково принадлежала свобода пассивная, если можно такъ выразиться, ограждающая личность отъ насилія и обезпечивающая за нею право на пользованіе извѣстными предметами, за то они въ весьма неодинаковой степени обладали активною свободой, правомъ распоряжаться собою и своимъ имуществомъ.

О вступленіи въ тотъ или другой разрядъ колоновъ мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь обратимся къ государственнымъ повинностямъ, на распредѣленіи которыхъ сказалось и личное, и имущественное положеніе колоновъ. Для личнаго положенія колоновъ весьма характеристично то, что они подвергались рекрутскому набору [1]). Рабы не могли служить въ римскомъ войскѣ [2]); если изъ нихъ и формировали иногда легіоны, такъ только въ минуту величайшей опасности [3]), и эти исключительныя мѣры не могли подорвать общаго правила, дѣйствовавшаго до послѣднихъ годовъ существованія Западной имперіи, правила, по которому къ военной службѣ призывались только свободные люди. Въ IV и V вѣкахъ, когда классъ помѣщиковъ выдвинулся между государствомъ и крестьянами, наборъ могъ совершаться прямо только въ городахъ, гдѣ призывались къ знаменамъ городскіе плебеи, изъ деревень же ставили рекрутъ помѣщики. Привлеченіе колоновъ къ военной службѣ есть, можетъ быть, самое сильное доказательство того, что колоны, даже низшаго разбора, не составляли простой собственности своего господина, подобно рабамъ, а принадле-

---

[1]) Novella Valentin. III, 6, 2, 1,—senatores vel universos possessores oportere a se conveniri, ut actores et conductores suos sine ulla tam necessariae rei dissimulatione his repraesentandos noverint, quibus per suburbicarias provincias tironum congregandorum numus iniunximus, quo facilius ad effectum publicae utilitatis valeat perveniri. Ср. Th. V, 4, 3; VII, 13, 7. *Savigny*, Colonat 21.

[2]) Th. VII, 13, 8: Inter optimas lectissimorum militum turmas neminem e numero servorum dandum esse decernimus, neve ex caupona ductum vel ex famosarum ministerûs tabernarum, aut ex cotorum, aut pistorum numero, vel etiam eoquem obsequii deformitas militia secernit, nec tracta de ergastulis nomina.

[3]) Th. VII, 13, 16. Въ 406, какъ извѣстно, на Западную Римскую имперію обрушились полчища Радагайса. Помѣщики ставили иногда въ рекруты рабовъ, но передъ этимъ они должны были отпустить ихъ на волю. *Fustel de Coulanges*, Institutions politiques, 212. О такого рода отпускѣ нѣтъ рѣчи по отношенію къ колонамъ. Аргументъ въ пользу свободы колоновъ, взятый отъ ихъ службы въ войска, обратилъ на себя вниманіе писателей, защищающихъ ихъ свободу. См. напр. *Heisterbergk* Entstehung des Colonats, Родбертусъ не счелъ нужнымъ на него отвѣтить.

Digitized by Google

жали прежде всего государству, какъ свободные, хотя и мелкіе его граждане.

Въ финансовой системѣ позднѣйшей Римской имперіи колоны играли чрезвычайно важную роль, потому что два главные налога этой системы — поземельный и поголовный прямо, или косвенно уплачивались ими. Относительно подушной подати не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. По мнѣнію Савиньи, были они обложены ею наравнѣ съ городскими плебеями и рабами [1]). Но подать, которая лежала на рабахъ, существенно отличалась отъ той, которая падала на свободныхъ людей: рабы были объектомъ, а не субъектомъ подати, такъ какъ платилъ господинъ, и притомъ платилъ не съ головы, а по оцѣнкѣ,—сообразно значенію и полезности раба въ хозяйствѣ [2]). Источники колеблются относительно того, причислять или не причислять налогъ на рабовъ къ подушной подати: съ одной стороны, мы встрѣчаемъ названіе „censibus adscripti“ [3]) въ примѣненіи къ рабамъ, слышимъ объ изъятіи отъ поголовной подати, предоставленномъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабамъ [4]), съ другой — самое названіе подати—capitatio plebeia—исключаетъ рабовъ. Далѣе, мелкіе

---

[1]) *Savigny*, Die römische Steuerverfassung unter den Kaisern, Vermischte Schriften, II, 72, 74.

[2]) Dig. L, 15, 4: In servis deferendis observandum est, ut et nationes eorum et aetates et officia et artificia specialiter deferantur. Савиньи не указываетъ этой существенной разницы въ обложеніи свободныхъ людей и рабовъ (Steuerverfassung, 82 и сл.), для него поголовная подать, лежащая на тѣхъ и на другихъ, совершенно однородна и обусловливается желаніемъ правительства взять что-нибудь съ людей, не платящихъ поземельнаго налога. Но дѣло въ томъ, что такого рода соображеніе могло имѣть мѣсто только по отношенію къ людямъ свободнымъ или рабамъ, поставленнымъ сколько нибудь самостоятельно; главная же масса рабовъ принадлежала не себѣ, а составляла часть чужаго хозяйства, собственникъ котораго уже несъ земельный налогъ и за трудъ рабовъ платилъ, какъ за трудъ быковъ. Оттого, если capitatio mancipiorum, съ одной стороны, примыкаетъ къ capitatio plebeia по свойству обложеннаго предмета, то, съ другой стороны, она съ родни capitationi animalium Th. XI, 20, 6). Мнѣніе Савиньи относительно подушной подати рабовъ можетъ считаться опровергнутымъ Цахаріэ фонъ-Лингенталемъ, Zur Kenntniss des römischen Steuerwesens, der Kaiserzeit, въ *Мемуарахъ С.-Петербургской Академіи Наукъ*, VII серія, VI томъ, № 9, стр. 5—8. Надо замѣтить, что Цахаріэ вообще видитъ въ Capitatio humana V вѣка не поголовную подать, а очажный сборъ.

[3]) Th. XI, 3, 2; Th. VII, 1, 3 (C. I. XII, 36, 10).

[4]) Th. VI, 35, 3. C. т. XII, 35, 10.

Digitized by Google

городскіе жители, plebs urbana, довольно рано [1]) получили льготу, и подать такимъ образомъ потеряла свое прежнее значеніе и стала повинностью однихъ только колоновъ. Лучше всего отразилось это видоизмѣненіе поголовной подати на терминахъ, которыми обозначались ея плательщики. Термины tributarius и adscriptus censibus (adscripticius) мало по малу сузились до того, что сдѣлались названіями колоновъ, и притомъ только одного изъ видовъ этого класса. C. I. XI, 52 показываетъ, что даже колоны несли подушную подать не всѣ, а только колоны низшаго разбора, которые и въ гражданскомъ отношеніи подвергались различнымъ стѣсненіямъ. Относительно тожества трибутаріевъ и адскриптиціевъ едва ли можетъ быть споръ. Названіе и тѣхъ и другихъ взято отъ ихъ податнаго состоянія, тѣ и другіе именно этимъ податнымъ состояніемъ прикрѣпляются къ землѣ, и тѣ и другіе противополагаются колонамъ по преимуществу, колонамъ свободнымъ.

Источники не даютъ намъ прямаго отвѣта на вопросъ, отчего adscripticii попали въ менѣе благопріятное положеніе относительно поголовной подати, но можно съ большою вѣроятностью предположить, что финансово-юридическая разница между ними и колонами свободными стояла въ тѣсной связи съ различіемъ имущественнаго положенія и общаго права: однимъ принадлежалъ только ихъ личный трудъ и его непосредственные плоды, и потому брать подать можно было только съ ихъ личности, другіе имѣли собственность и часто собственность недвижимую: ихъ можно было подвести подъ дѣйствіе другихъ налоговъ — торговаго, поземельнаго [2]). Конечно, не всегда изъятіе отъ платежа объяснялось этимъ соображеніемъ; иногда оно было льготой и само служило исходною точкой для улучшенія быта колоновъ въ гражданскомъ отношеніи, какъ напримѣръ, въ томъ случаѣ, слѣдъ котораго намъ остался въ кодексѣ [3]). Спрашивается:

---

[1]) Вѣроятно при Діоклетіанѣ, Th. XIII, 10, 2. (C. т. XI, 49, 1, въ измѣненномъ видѣ): *Savigny*, Steuerverfassung, II, 87. Лингеталь, 10, 11 признаетъ существованіе этой льготы только въ восточныхъ провинціяхъ имперіи.

[2]) XI, 48, 4.

[3]) XI, 52, 1: Per universam dioecesim Thraciarum sublato in perpetuum humanae capitationis censu ingatio tantum terrena solvatur. Et ne forte colonis tributariae sortis nexibus absolutis vagandi et quo libuerit recedendi facultas permissa videatur, ipsi quidem originario iure teneantur, et licet conditione videantur ingenui, servi tamen terrae ipsius cui nati sunt aestimentur nec recedendi quo velint aut permutandi loca habeant facultatem, sed possessor eorum iure utatur et patroni sollici-

Digitized by Google

неужели государство могло финансовымъ распоряженіемъ косвенно видоизмѣнить гражданскія отношенія землевладѣльцевъ и арендаторовъ цѣлой провинціи? Еслибъ отношенія были договорныя, то дѣйствительно трудно было бы представить себѣ возможность такого рода финансовыхъ декретовъ, косвенно убавляющихъ права одной части населенія и увеличивающихъ права другой; но само государство еще раньше кончило съ договорнымъ характеромъ отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ, прикрѣпивъ послѣднихъ къ землѣ; сравнительно съ этимъ первымъ вмѣшательствомъ въ частноправовую сферу предоставленіе гражданскихъ льготъ извѣстному числу колоновъ является уже совершенно незначительнымъ измѣненіемъ.

Замѣчательное постановленіе о ѳракійскихъ колонахъ интересно для насъ еще въ другомъ отношеніи. Самое прикрѣпощеніе стояло въ зависимости отъ подчиненія поголовной подати. Для него подыскивается новое основаніе въ колонатномъ правѣ, но первоначально ѳракійскіе крестьяне были прикрѣпощены какъ плательщики подушной подати. Еслибъ они платили ее не сами, а платилъ за нихъ владѣлецъ земли, на которой они жили, то необходимость прикрѣпощенія можно было бы вывести изъ этого условія: надо же было обезпечить помѣщику пользованіе трудомъ лица, за которое онъ платилъ. Но вѣдь подать платили сами колоны [1]): какая же могла быть связь по содержанію между уплатой чисто личной подати и пребываніемъ на извѣстномъ мѣстѣ? И дѣйствительно, связь только формальная: прикрѣпощались крестьяне не тѣмъ, что платили подать, а тѣмъ, что были приписаны къ ней, приписаны при оцѣнкѣ земельнаго участка, на которомъ сидѣли. Оттого и звали ихъ адскриптиціями [2]), приписанными къ податямъ, оттого и говорили, что они связаны съ землею tributario nexu. Но конечно, связь эта была чисто формальная, внѣшняя, и оттого прекращеніе ея влекло за собою не открѣпленіе отъ земли, а только перемѣну названій: прежніе tribu-

---

tudine et domini potestate. Освобожденіе спеціально ѳракійскихъ колоновъ было вѣроятно вызвано тяжелымъ положеніемъ провинціи, которая сильно страдала отъ нападеній варваровъ. Ср. X, 27, 2.

[1]) C. J. I, 3, 11 и 16; XI, 48, 23: capitali illationi sit. suppositus *Savigny*: Steuerverfassung, 78.

[2]) *Savigny*, Colonat, 34. Иначе объясняетъ терминъ «adscripticii» *Родбертусъ*, die Adscripticier etc., 233 и сл. Принятіе его объясненія должно повести къ отдѣленію термина adscripticii отъ смѣняющихъ его «censibus adscripti» и «censiti», чего допустить нельзя.

Digitized by Google

tarii и adscripticii становились свободными колонами, получали нѣкоторыя права и преимущества, но по прежнему оставались крѣпки землѣ, а если и помышляли о томъ, что выписавшись изъ списковъ поземельнаго налога, они тѣмъ самымъ стали вольны идти куда глаза глядятъ, то внимательный законодатель спѣшилъ ихъ разувѣрить въ этомъ.

Если колоны прямо платили поголовную подать, то косвенно они обезпечивали уплату поземельнаго налога, и если формальнымъ поводомъ прикрѣпленія ихъ къ землѣ была приписка къ подушной подати, то поводомъ дѣйствительнымъ была необходимость обезпечить уплату налога поземельнаго [1]). Это очень ясно выразилось въ постановленіи Аркадія и Гонорія отъ 399 года [2]). Оставляя свой участокъ, колонъ не только вредилъ землевладѣльцу, лишавшемуся оброка, но уменьшалъ податную силу имѣнія: прочною почвой для поземельнаго налога могли быть только обработываемыя земли. Оттого въ постановленіяхъ касательно прикрѣпощенія постоянно упоминается о фискальномъ интересѣ, чтобы земли не оставались вдовыми безъ земледѣльцевъ [3]). Оттого крѣпостнаго не могло согнать съ земли даже преслѣдованіе за недоимки или долги казнѣ [4]). Въ какой степени уплата подати съ земельнаго участка зависѣла отъ присутствія на немъ рабочихъ силъ, видно изъ характернаго постановленія, по которому при переходѣ рабовъ изъ одного имѣнія на другое, налогъ, платившійся первымъ имѣніемъ, цѣликомъ переносился на второе, какъ будто бы за рабами послѣдовала сама земля [5]). И такъ,

---

[1]) *Savigny*, Colonat, 19.

[2]) Th. XI, 1, 26: Omni amoto privilegio beneficiorum, possessores sublimitas tua praecipiet universos muneribus adstringi, earum scilicet provinciarum, ex quibus orta querimonia est, aut in quibus haec retinendae plebis ratio adscriptioque servatur. Nullum gratia relevet, nullum iniquae partitionis vexet incommodum, sed pari omnes sorte teneantur; ita tamen, ut si ad alterius personam transferatur praedium cui certus plebis numerus fuerit adscriptus, venditi onera novellus possessor compellatur agnoscere, cum plebem constet non tam in omnibus praediis adscribendam, neque auferendam ab eo, cui semel posthac deputata fuerit etc.

[3]) Viduatae cultoribus.

[4]) XI, 48, 5. Ср. Th. II, 30, 1 (C. J. VIII, 16, 7),

[5]) Th. XI, 1, 12 (C. J. XI, 48, 3): Quisquis ex desertis agris veluti vagos servos liberalitate nostra fuerit consecutus, pro fiscalibus pensitationibus ad integram glebae professionem, ex qua videlicet servi videantur manare, habeatur obnoxius. Id etiam circa eos observari volumus, qui ex huius modi fundis servos ad possesiones suas transire permiserint.

Digitized by Google

присутствіе колоновъ на земельномъ участкѣ имѣло несомнѣнно существенное значеніе для земельнаго налога, но если слѣдовать теоріи Савиньи, значеніе только косвенное. Теорія Савиньи относительно податной системы въ послѣдній періодъ существованія Западной Римской имперіи принята въ настоящее время большинствомъ ученыхъ [1]). Основнымъ ея положеніемъ, изъ котораго вытекаетъ все остальное, служитъ противоположность между поземельнымъ налогомъ, никогда не взимавшимся съ людей, не владѣвшихъ землею на правахъ собственниковъ, и поголовною податью, никогда не падавшею на землевладѣльцевъ [2]). Не смотря на авторитетъ Савиньи и ученыхъ, высказавшихся за его теорію, не смотря на то, что она совершенно годна для объясненія многихъ фактовъ и мѣстъ, я не могу не остановиться на двухъ важныхъ отрывкахъ, которые, какъ мнѣ кажется, прямо противорѣчатъ его основному правилу и выставляютъ положеніе колоновъ относительно поземельнаго налога въ совершенно иномъ свѣтѣ [3]). Извѣстнаго рода противоположность между поземельнымъ налогомъ и подушною податью (Capitatio humana и jugatio terrena; ср. напр. C. J. XI, 51, 1) несомнѣнна, но она касается только качества повинности, а не лицъ, подлежащихъ ей. Мы имѣемъ положительное доказательство того, что поземельный налогъ и подушная подать не исключали другъ друга, что плательщики одной могли быть въ то же время и плательщиками другой. Доказательство это дано намъ постановленіемъ Діоклетіана и Максиміана отъ неизвѣстнаго года, занесеннымъ въ кодексъ Юстиніана и имѣвшимъ, слѣдовательно, общее, а не только временное и частное значеніе: C. J. XI, 55, 1: ne quis ex rusticana plebe, quae extra muros posita capitationem, suam detulit et annonam congruam praestat ad ullum aliud obsequium devocetur.

Савиньи обходится весьма страннымъ образомъ съ этимъ постановленіемъ: онъ приводитъ первую половину его въ подтвержденіе того, что колоны несли поголовную подать, и опускаетъ вторую, доказывающую, что они платили поземельный налогъ натурой,—не

---

[1]) См. напримѣръ, *Marquardt*, Handbuch der römischen Alterthümer V, 218, 232, и *Walter*, Geschichte des römischen Rechts, § 409 (3 изд.).

[2]) Steuerverfassung, 72, 74.

[3]) *Clamageran*, De l'impôt, I, 24 и *Цахаріэ ф. Лингенталь*, l. l., несогласны съ взглядами Савиньи, но опираются при этомъ на иныя основанія нежели тѣ, которыя будутъ изложены въ текстѣ.

Digitized by Google

проронивъ ни слова въ объясненіе мѣста, явно противорѣчащаго его основному взгляду [1]).—Признавъ, что одни и тѣ же „сельскіе плебеи" могли быть обложены въ одно и то же время и поземельнымъ [2]), и поголовнымъ налогомъ, мы прежде всего должны рѣшить вопросъ, кого разумѣли подъ этими сельскими плебеями — мелкихъ собственниковъ, или мелкихъ арендаторовъ, или наконецъ, и тѣхъ, и другихъ вмѣстѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ извлечь изъ постановленія Валентиніана и Валента отъ 365 года, показывающаго, что именно крѣпостные арендаторы, колоны, о которыхъ мы уже знаемъ, что они платили поголовную подать, обязаны, кромѣ того, уплачивать земельный налогъ натурой (XI, 48, 4): Th. XI, 1, 14: Penes quos fundorum dominia sunt, pro his colonis originalibus quos in locis iisdem censos esse constabit, vel per se vel per actores proprios recepta compulsionis sollicitudine, implenda munia functionis agnoscant. Sane quibus terrarum erit quantulacunque possessio, qui in suis conscripti locis proprio nomine libris censualibus detinentur, ab huius praecepti communione discernimus; eos enim convenit, propriae commissos mediocritati, annonarias functiones sub solito exactore cognoscere, Савиньи [3]) воспользовался какъ разъ этимъ отрывкомъ для того, чтобы подкрѣпить свое положеніе касательно несовмѣстимости земельнаго и подушнаго налоговъ, но для этого ему пришлось прибѣгнуть къ натяжкамъ въ толкованіи. Императоры противополагаютъ другъ другу два вида крѣпостныхъ—имѣющихъ свою землю и не имѣющихъ ея—и два способа взимать съ нихъ подать—черезъ обыкновенныхъ сборщиковъ и черезъ посредство господъ, но не только не говорятъ о двухъ различныхъ податяхъ, а напротивъ, налегая на различіе состоянія и способа сбора, упоминаютъ вскользь о самомъ свойствѣ подати, очевидно предполагая его неизмѣннымъ. Неопредѣленное выраженіе „munia functionis" никакъ не можетъ значить: подушная подать—въ противоположность весьма опредѣленному „annonarias functiones". Напротивъ, первый терминъ какъ бы отсы-

[1]) Steuerverfassung, 89.

[2]) Правда, что говорится только о натуральной повинности — annona, но самъ Савиньи признаетъ, что она была тѣсно связана съ поземельнымъ налогомъ, увеличивалась и уменьшалась вмѣстѣ съ нимъ и падала на тѣхъ же лицъ, по его мнѣнію — на землевладѣльцевъ. Steuerverfassung, 71. Ср. также *Walter*, Geschichte des römischen Rechts, § 326.

[3]) Steuerverfassung, 81; ср. Colonat, 33.

Digitized by Google

лаетъ къ послѣднему и получаетъ въ немъ свое толкованіе [1]). При всемъ различіи податныхъ лицъ и способовъ взиманія подать остается одна и та же—натуральный сборъ съ жатвы, а несутъ его колоны. Выходитъ, что государство брало не только съ имѣній землевладѣльцевъ, но и съ хозяйствъ крѣпостныхъ арендаторовъ [2]). Историческое объясненіе этого факта даетъ теорія Родбертуса относительно податной системы Римской имперіи [3]): Родбертусъ доказываетъ, что главная отличительная черта этой системы вплоть до эпохи Діоклетіана есть единство подати, и ея стремленіе—облагать не отдѣльные виды дохода или промыслы, а все хозяйство гражданъ. Въ древнемъ мірѣ вообще, и въ римскомъ въ особенности, прямыя подати ложились первоначально не на землю лица, или состояніе (aurum mercatorium), даже не на доходъ, а на все имущество лица [4]). Облагалось хозяйство, въ которое почти нераздѣльно входили и землевладѣльческіе, и промышленные, и торговые элементы. Начиная съ эпохи Августа, единство древняго хозяйства начинаетъ разрушаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подать начинаетъ дробиться [5]). При Діоклетіанѣ прямыхъ податей уже нѣсколько: земельная, подушная, торговая и т. д., но главная изъ нихъ сохранила явные слѣды своего происхожденія отъ прежней имущественной подати. Ею облагается все земельное хозяйство лица, главная изъ формъ хозяйства. При этомъ главнымъ образомъ ей подпадаютъ землевладѣльцы, но вѣдь и люди, живущіе на чужой землѣ и прикрѣпленные къ ея обработкѣ, имѣютъ самостоятельное земельное хозяйство; не всю пользу, извлекаемую изъ земли они передаютъ землевладѣльцамъ, отъ которыхъ ихъ защищаетъ неизмѣнность оброка, и они получаютъ свою долю дохода сообразно количеству и качеству земли, скота, рабовъ, и къ ихъ хозяйству и

---

[1]) Ср. *Цахаріэ ф. Лингеталь*, Op. cit., p. 4.

[2]) Еслибы въ Римской имперіи крѣпостные были обязаны обработывать земли господъ и въ вознагражденіе получали клочокъ земли въ собственное пользованіе, то можно было бы объяснить дѣло такимъ образомъ: поземельный налогъ падаетъ на землевладѣльцевъ за имѣнія, непосредственно имъ принадлежавшія, на колоновъ—за предоставленныя имъ земли. Но такое толкованіе противорѣчило бы всему положенію римскихъ колоновъ, мелкихъ фермеровъ, снимающихъ землю за вознагражденіе, а не вознаграждаемыхъ извѣстною землею.

[3]) Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus, *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, IV, 5, 6; V, 2, 3, 4, 5. 6: VIII, 6.

[4]) *Rodbertus*, Tributsteuern, IV, 348.

[5]) *Rodbertus*, Tributsteuern, V, 302, 307 и сл.

Digitized by Google

доходу можетъ поэтому привязаться государственная подать. Неподвижность оброка способствовала тому, что оба вида земельнаго налога—съ землевладѣльцевъ [1]) и съ земледѣльцевъ—не сливались въ одинъ: будь онъ подвиженъ, вѣроятно, случилось бы одно изъ двухъ: или землевладѣльцы взяли бы на себя уплату государственныхъ повинностей, предоставляя себѣ вознаградиться на оброкѣ, или они перенесли бы подати на земледѣльцевъ, при чемъ, конечно, пришлось бы значительно уменьшить всю сумму оброка, да кромѣ того, возвышать или понижать ее, сообразно тяжести обложенія. Во всякомъ случаѣ, крестьяне могли уйдти отъ самой тяжелой изъ податей, только отказавшись отъ всякаго самостоятельнаго хозяйства и собственности, предоставивъ распоряженіе своимъ имуществомъ съ податной отвѣтственностью за него помѣщикамъ. И какъ разъ въ этомъ положеніи находился цѣлый классъ колоновъ — adscripticii: мнѣ кажется, что возникновеніе этого класса лучше всего можетъ объясниться именно такимъ образомъ. Давленіе податей заставляло цѣлыя массы свободныхъ людей отказываться отъ своей гражданской и имущественной самостоятельности, чтобы только уйдти отъ подати.

Земельный налогъ касался уже исключительно землевладѣльцевъ, которымъ они предоставили за то широкую власть надъ собою и продуктами своего труда; подушную подать, какъ лично свободные люди, они продолжали платить сами. Но если таково сдѣлалось положеніе адскриптиціевъ, то не таково было положеніе колоновъ вообще. Хотя извѣстная часть избавилась отъ земельнаго налога, другая продолжала платить его наравнѣ съ подушнымъ. Судя по всему, обоимъ подлежали не одни мелкіе арендаторы, но и всѣ мелкіе собственники, къ которымъ въ такой же степени, какъ къ колонамъ, могло примѣниться широкое выраженіе—plebs rusticana; что касается до колоновъ, которые насъ ближе интересуютъ, есть еще одно мѣсто кодекса Юстиніана, въ которомъ, по видимому, имѣется въ виду земельный налогъ, платимый ими. Въ XI, 48, 21 говорится о томъ, какъ вносить оброкъ и подати въ случаѣ, если колоны станутъ оспаривать права помѣщика на землю, ими обработываемую. Подати названы при этомъ: publicae functiones, tributariae functiones, и самъ Савиньи не сомнѣвается, что рѣчь идетъ о земельномъ налогѣ, но говоритъ, что если въ одномъ случаѣ его и уплачиваютъ прямо колоны, то это не значитъ, чтобъ

[1]) Налогъ, падавшій на землевладѣльцевъ, былъ, слѣдовательно, налогомъ на ренту.

Digitized by Google

они уплачивали его изъ своихъ достатковъ и за себя: они просто вносятъ въ казну подати, которыя лежатъ собственно на помѣщикѣ, а затѣмъ уже изъ оброка вычитается соотвѣтственное количество солидовъ или мѣръ. Однако выраженія конституціи подаютъ поводъ къ недоразумѣніямъ и приводятъ къ совершенно противоположнымъ толкованіямъ. Тамъ не сказано, что землевладѣлецъ вноситъ подать самъ, или черезъ своихъ колоновъ, а наоборотъ, что колоны вносятъ подать сами или черезъ землевладѣльцевъ; о податяхъ, лежащихъ на послѣднихъ, вообще не говорится ни слова, да и не было никакого повода говорить въ распоряженіи, имѣющемъ единственною цѣлью регулировать положеніе колоновъ въ теченіе тяжбы.

Этимъ не исчерпываются доказательства въ пользу того, что колоны, если не всѣ, то весьма многіе, должны были платить налогъ, высота котораго опредѣлялась количествомъ и доходностью занимаемой ими земли. Самъ Савиньи находитъ страннымъ, что колоны, упоминаемые въ письмахъ Григорія Великаго, платятъ именно такой налогъ: онъ замѣчаетъ, что, значитъ, положеніе колоновъ въ этомъ отношеніи, когда-нибудь и почему-нибудь, измѣнилось [1]). Но измѣненія податной системы при переходѣ къ среднимъ вѣкамъ всѣ клонились къ уменьшенію и фиксированію государственныхъ повинностей, а не къ умноженію ихъ.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ вступали въ число колоновъ и какъ выходили изъ него.

Попасть въ тотъ или другой разрядъ колоновъ можно было различнымъ образомъ. Прежде всего можно было родиться колономъ; на этомъ простѣйшемъ случаѣ нѣтъ надобности останавливаться, потому что онъ достаточно выясненъ въ изслѣдованіяхъ о колонатѣ [2]). Далѣе можно было сдѣлаться колономъ вслѣдствіе государственнаго распоряженія: цѣлыя массы побѣжденныхъ варваровъ переселялись въ опустѣвшія провинціи [3]), чтобы обрабатывать земли на правахъ колоновъ. Нищіе, свободные по происхожденію, также прикрѣпощались [4]). Возможно было добровольное вступленіе въ число колоновъ по договору и при-

---

[1]) Colonat, 26, 27.

[2]) См. въ особенности *Savigny*, Colonat, 5 и слѣд.

[3]) Знаменитая Constitutio de Scyris (409 г.). Th. V, 4, 3. О гипотезѣ *Цумпта* см. ниже.

[4]) Th. XIV, 18, 1 (XI, 29, 1): quos natalium sola libertas prosequitur, colonatu perpetuo fulciatur.

Digitized by Google

пискѣ къ подушной подати извѣстнаго участка [1]). Новосельцы, занявшіе чьи-нибудь забытыя земли и возвратившіе ихъ культурѣ, по всей вѣроятности, подпадали власти господина, когда тотъ заявлялъ о своихъ правахъ до истеченія давности, Наконецъ, простая аренда обращалась въ колонатъ вслѣдствіе правительственнаго распоряженія и вслѣдствіе истеченія тридцатилѣтняго срока [2]). Кромѣ этихъ случаевъ вступленія въ колонатъ, можно представить себѣ еще одинъ: отпускъ на волю рабовъ съ оставленіемъ ихъ въ колонатной зависимости; это случай, слагающійся формально изъ двухъ раздѣльныхъ актовъ—дѣйствія господина, отпускающаго на волю раба, и дѣйствія послѣдняго, пользующагося своею новою свободою, чтобы поставить себя въ колонатную зависимость. На практикѣ дѣло должно было весьма часто происходить такимъ образомъ, но слѣдовъ въ законодательствѣ этотъ способъ вступленія въ колонатъ не оставилъ, потому что своими составными частями вполнѣ подходилъ подъ давно выработанныя юридическія формы. Въ сохранившихся остаткахъ законодательства характерно именно то, что когда дѣло идетъ о вступленіи въ колонатъ [3]), всегда предполагается, что вступающее лицо свободно, и что дѣйствіе государства или собственное желаніе ограничиваютъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ прежнюю полную волю.

Я особенно настаиваю на этомъ обстоятельствѣ, потому что оно должно служить противовѣсомъ другому наблюденію, которое, будучи совершенно справедливо само по себѣ, толковалось однако неправильно и приводило къ ложнымъ представленіямъ о происхожденіи колоната. Колоны, за исключеніемъ немногихъ, стоятъ весьма низко на общественной лѣстницѣ, и чѣмъ больше проходитъ времени, тѣмъ ниже они падаютъ. Хотя съ теоретической точки зрѣнія ихъ все-таки причисляютъ къ людямъ свободнымъ [4]), но на практикѣ зависимость ихъ такъ велика, что ихъ легко смѣшать, и сами законодатели иногда смѣшиваютъ ихъ съ рабами. Совершенно неправильно искать причины такого явленія въ томъ, что колоны такого разбора произошли отъ рабовъ и остались въ главныхъ чертахъ рабами [5]). Вступающіе въ колонатъ всегда предполагаются свободными, и уже

---

[1]) Novel. Valentiniani III, 9 и C. J. XI, 48, 22. Savigny, Colonat, 10.

[2]) XI, 48, 19 и XI, 48, 23.

[3]) За исключеніемъ, конечно, случая рожденія колономъ.

[4]) *Savigny*, Colonat, 12.

[5]) XI, 48, 22.

Digitized by Google

вступивъ въ него, они теряютъ свои права и подпадаютъ почти рабскому подчиненію.

Высказанная мысль находитъ себѣ подтвержденіе въ немногихъ мѣстахъ, говорящихъ намъ о выходѣ изъ колоната [1]). Господинъ можетъ освободить колона отъ оброка и своей власти, но объ отпускѣ на волю пѣтъ рѣчи, потому-что колонъ и прежде былъ лично свободенъ [2]).

Въ колонатѣ кодексовъ, какъ и во всякомъ другомъ институтѣ, есть черты главныя и второстепенныя, признаки, логически вытекающіе изъ его основы, и стороны, получившія развитіе больше, чѣмъ требовалось природой института, какъ бы незаконно разросшіяся.

Въ основѣ всего законодательства о колонатѣ лежитъ закрѣпленіе договора locati conducti между землевладѣльцами и свободными земледѣльцами на вѣчныя времена. Отсюда крѣпость землѣ, неизмѣнность оброка, запрещеніе колону отчуждать собственность, которая служитъ залогомъ помѣщику; политическія обязанности остаются прежними, потому-что ихъ не затрогиваетъ частный договоръ; должны бы остаться безъ измѣненія и гражданскія права. Но въ этомъ случаѣ обнаруживается, что закрѣпленіе договора аренды было не простымъ продолженіемъ его на прежнихъ основаніяхъ, а видоизмѣненіемъ въ пользу помѣщиковъ. Гражданскія права и сословное положеніе колоновъ уменьшаются, и помѣщики пріобрѣтаютъ власть, которая не вытекаетъ изъ простаго договора аренды [3]).

До сихъ поръ мы занимались колонатомъ въ той формѣ, какую онъ получилъ вслѣдствіе многочисленныхъ общихъ и частныхъ постановленій въ V и VI вѣкахъ, въ томъ видѣ, какъ его характеризуетъ собраніе законодательныхъ отрывковъ, сохраненное намъ кодификаціями Ѳеодосія II и Юстиніана. Но эти отрывки, подобранные для того, чтобъ очертить уже вполнѣ сложившійся институтъ, являются, съ другой стороны, памятниками его постепеннаго образованія. Не сразу явился онъ въ той формѣ, въ какой его застали кодификаціи, не сразу мѣстныя особенности уступили мѣсто общимъ для всей имперіи правиламъ, не сразу сгладились случайныя черты передъ признаками главными, вытекавшими изъ природы самыхъ отношеній. Конечно, нѣтъ никакой возможности по нашимъ отрывоч-

---

[1]) XI, 48,22.

[2]) Сидоній Апполинарій, Epistolae, V, 19: originali solvas inquilinatu. Ср. *Roth*, Beneficialwesen, 84.

[3]) Иначе объясняетъ это обстоятельство *Савиньи*, Colonat, 35,36.

Digitized by Google

нымъ даннымъ реконструировать постепенное развитіе колоната въ законодательствѣ, но слѣды этого развитія все-таки остались, и ими надо по возможности воспользоваться. Это намъ дастъ въ то же время возможность исправить нѣкоторыя положенія, высказанныя слишкомъ широко и безусловно въ систематическомъ обзорѣ [1]).

Конституціи, прямо касающіяся колоната, группируются хронологически въ нѣсколько главныхъ массъ, хотя, конечно, найдутся отдѣльныя постановленія, разсѣянныя между группами. Всего яснѣе выдѣляется законодательство Константина, которымъ начинается юридическая исторія института, и законодательство Юстиніана, заключающее эту исторію. Къ первому примыкаютъ нѣсколько отрывковъ Констанція и Константа [2]); ко второму два-три постановленія Анастасія и Зенона. Послѣдній законодательный періодъ отрѣзанъ отъ предыдущихъ промежуткомъ болѣе чѣмъ въ полвѣка, почему новеллы Ѳеодосія II, Валентиніана III, Маркіана и пр. упоминаютъ о колонатѣ только мимоходомъ. Первый періодъ тѣснѣе связанъ съ послѣдующими, но все-таки можно отмѣтить послѣ него приблизительно двѣ главныя эпохи законодательной дѣятельности: по нашему вопросу—одна относится къ 60 и 80 годамъ IV в. [3]) и обнимаетъ главнымъ образомъ конституціи Валентиніана I, Валента, Граціана, Валентиніана II и Ѳеодосія; другая—сосредоточивается около перваго двадцатилѣтія V вѣка и правленія Аркадія и Гонорія. Каждый изъ этихъ четырехъ хронологическихъ періодовъ имѣетъ болѣе или менѣе рѣзко выраженныя особенности относительно содержанія законодательства.

Начнемъ съ характеристики эпохи, непосредственно предшествовавшей кодификаціи. Какъ и слѣдовало ожидать, въ ней преобладаетъ стремленіе подвести разнокалиберный матеріалъ прежняго законодательства подъ прочныя нормы классификаціи и общей теоріи.

---

[1]) Попытку такого рода генетическаго разсмотрѣнія законодательства о колонатѣ дѣлаетъ *Родбертусъ*, Die Adscripticier, 242 и сл., но онъ обращаетъ слишкомъ мало вниманія на отрывочность нашихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ кодексовъ, и на то, что при кодификаціи Юстиніана конституціи иногда значительно перерабатывались. Поэтому *Гейстербергъ*, Entstehung des Colonats, до извѣстной степени правъ въ своемъ протестѣ противъ попытки Родбертуса реконструировать историческій ходъ развитія колоната. Но онъ напрасно отрицаетъ полезность болѣе осмотрительныхъ попытокъ въ томъ же смыслѣ.

[2]) 342 г. (Th. XII, 1,33); 343 г. (Th. XI, 16,5); 357 г. (Th. XIII, 10,3=C. J. XI, 47,2); 360 г. (Th. XI, 24,1).

[3]) Періодъ отъ 365 до 386 года.

Digitized by Google

Эта тенденція отражается въ формѣ постановленій: вмѣсто краткихъ, отрывочныхъ распоряженій по отдѣльнымъ случаямъ и для отдѣльныхъ мѣстностей являются пространныя и тщательно мотивированныя разъясненія, дѣйствительныя для всей имперіи, вызванныя часто не необходимостью сказать что-нибудь новое, а только желаніемъ внушительнѣе и толковѣе изложить старое. Иногда при этомъ приходится разрѣшить какой-нибудь запутанный частный вопросъ, провести какое-нибудь второстепенное дополненіе. Но въ иныхъ случаяхъ императоры VI вѣка должны были, выясняя, опредѣляя и классифицируя, касаться содержанія весьма существенныхъ чертъ колоната. Они окончательно проводятъ раздѣленіе колоновъ на два класса и особенно опредѣляютъ положеніе привиллегированныхъ, „свободныхъ" колоновъ. Вліяніе законодательства VI вѣка въ этомъ отношеніи характеризуется, между прочимъ, тѣмъ, что самыя названія двухъ видовъ, на которые распадается сословіе колоновъ, утверждаются только въ VI вѣкѣ. Вмѣсто coloni liberi прежде употреблялось просто *coloni*, терминъ, который однако обозначалъ иногда и менѣе выгодно поставленныхъ „приписанныхъ". Послѣдніе, въ свою очередь, до VI вѣка носятъ обыкновено названіе adscripti, inscripti, inserti censibus [1]), coloni a. c. [2]), coloni censiti [3]) и только въ VI вѣкѣ, послѣ конституціи Анастасія [4]), за ними упрочивается техническій терминъ „adscripticii", который, правда, попадается въ статьяхъ болѣе раннихъ но въ одномъ случаѣ несомнѣнно [5]), въ двухъ другихъ—вѣроятно, вставленъ при кодифи-

---

[1]) Th. VII, 13,6 (C. J. XII, 44, 1) и 7.

[2]) XI, 50,2. Въ Th. V, 3,1 (C. J. I, 3,20) они обозначены сначала censibus adscripti, а потомъ упоминаются въ такой связи, что ихъ приходится называть adscripti possessioni (bona seu peculia, quae aut patrono legibus debentur aut domino possessionis, cui quis eorum fuerat adscriptus.

[3]) Th. VIII, 1,3.

[4]) XI, 48,19.

[5]) III, 38,1. Первоначальный текстъ конституціи сохранился въ кодексѣ Ѳеодосія II, въ которомъ постановленія вообще не подвергались такимъ измѣненіямъ и вставкамъ, какъ при кодификаціи Юстиніана, а сохранили свои частныя особенности. Th. II, 25,1 читается такъ: In Sardinia fundis patrimonialibus, vel emphyteuticariis, per diversos nunc dominos distributis, oportuit sic possessionum fieri divisiones, ut integra apud possessorem unumquemque servorum agnatio permaneret. Quis enim ferat, liberos a parentibus, a fratribus sorores, a viris coniuges segregari? Igitur qui dissociata in ius diversum mancipia traxerunt, in unum redigere eadem cogantur: ac si cui propter redintegrationem necessitudinum servi cesserunt, vicaria per eum, qui eosdem susceperit, mancipia reddantur. Et invigilandum

Digitized by Google

каціи, и не находился въ первоначальномъ текстѣ постановленій. Исторія постепенной кристаллизаціи названій, сначала колебавшихся и неясныхъ, характерна для процесса образованія и расчлененія самаго класса.

Если названія показываютъ, что только въ VI в. установился окончательно порядокъ въ средѣ сословія, то постановленія касательно браковъ свидѣтельствуютъ, что только въ VI вѣкѣ самое сословіе колоновъ было окончательно разграничено отъ другихъ. Не входя въ разсмотрѣніе частностей этихъ постановленій, необходимо однако отмѣтить, что до VI вѣка закономъ былъ опредѣленъ только одинъ случай смѣшаннаго брака, именно, если крѣпостная женщина выходила замужъ за свободнаго человѣка [1]), во всѣхъ остальныхъ случаяхъ (бракъ рабовъ и рабынь съ крѣпостными и колоновъ съ свободными) правила установлены почти исключительно Юстиніаномъ [2]). Конечно, смѣшанные браки попадались и прежде, но они были, вѣроятно, очень рѣдки, и къ нимъ примѣнялось въ силу распространительнаго толкованія правило о бракахъ между лицами, не имѣющими connubium'a [3]). Въ большей части случаевъ Юстиніанъ только вновь выразилъ примѣнительно къ колонамъ правило, что въ смѣшанныхъ бракахъ дѣти matris suae ventrem sequantur, но есть слѣды, что при этомъ онъ долженъ былъ бороться съ другимъ воззрѣніемъ deteriorem conditionem sequantur (der Satz der ärgeren Hand въ германскомъ правѣ). Во всякомъ случаѣ, только конституціи Юстиніана о бракахъ вполнѣ выдѣлили „приписанныхъ" крѣпостныхъ въ отдѣльное сословіе, занимающее среднее положеніе между рабами и свободными и не примыкающее ни къ тому, ни къ другому изъ этихъ сословій. Не затронутые въ этомъ случаѣ „свободные" колоны тѣмъ самымъ ясно отчислялись къ сословію свободныхъ людей.

Періодъ Аркадія и Гонорія имѣетъ наименѣе характеристическихъ чертъ. Колонатъ уже не только сложился въ главныхъ чертахъ, но и распространился по всей имперіи, такъ что не было надобности въ

---

ne per provinciam aliqua posthac querela super divisis mancipiorum affectibus perseveret. Объ адскриптиціяхъ нѣтъ рѣчи.

[1]) Совершенно частный случай брака между монетчиками и крѣпостными— сюда не относится. Th. X, 20, 10 (C. J. XI, 8, 7).

[2]) XI, 48, 21 и 24. Novellae Just. 54. Постановленіе Зенона XI, 6.

[3]) При такомъ толкованіи выраженія XI. 48, 21, не представляютъ ничего страннаго. Ср. *Savigny*, Colonat, 6 и сл. 79.

Digitized by Google

существенныхъ дополненіяхъ или въ расширеніи области дѣйствія колонатнаго законодательства. Съ другой стороны, не было времени заниматься приведеніемъ въ порядокъ теоріи какого бы то ни было юридическаго института. Оттого конституціи Аркадія и Гонорія въ вопросѣ о колонатѣ, какъ и въ другихъ, занимаются разными частностями, случайно представившимися вниманію императорскихъ юристовъ. Сравнительно наибольшее значеніе для опредѣленія, на сколько вообще сложился институтъ, имѣетъ XI, 50, 2—объ имущественныхъ отношеніяхъ между колонами и землевладѣльцами, которая показываетъ, что классъ адскриптиціевъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ точно разграниченный отъ другихъ, въ главныхъ чертахъ уже вполнѣ образовался.

Шестидесятые и восьмидесятые года IV вѣка очень богаты постановленіями о крѣпостныхъ. Прежде всего бросаются въ глаза двѣ конституціи Юстиніанова кодекса, дающія намъ слѣдъ еще совершающагося постепенно территоріальнаго распространенія колоната. Валентіанъ, Валентъ и Граціанъ вводятъ его въ Иллиріи (XI, 53, 1 въ 371 г.) Валентиніанъ II, Ѳеодосій и Аркадій въ Палестинѣ (XI, 51, 1, около 386 г.). Географически крѣпостная зависимость еще не успѣла завоевать себѣ всей имперіи, еще переходитъ отъ одной провинціи къ другой и въ каждой еще сохраняетъ мѣстныя особенности; немало доказательствъ того, что и качественно положеніе колона еще далеко не совсѣмъ утвердилось и опредѣлилось. Первостепенное различіе между свободными и несвободными, „приписанными“ колонами зарождается, но главнымъ отличительнымъ признакомъ является пока второстепенное впослѣдствіи податное отличіе.

Еще необходимо запрещать владѣльцамъ эмфитевтическихъ земель сгонять или смѣнять поселенныхъ на этихъ земляхъ колоновъ; основывается притомъ это запрещеніе не на принципѣ нераздѣльной связи колона съ землей, хотя и существовавшемъ уже въ то время, но видно, недостаточно еще привычномъ и употребительномъ, а на большой давности поселенія [1]). Наконецъ, только въ эту эпоху проводится чрезвычайно важное прикрѣпощеніе землевладѣльческихъ рабовъ къ землѣ.

[1]) XI, 63,3 (383 г.): Cognovimus a nonnullis, qui patrimoniales fundos meruerunt, colonos antiquissimos proturbari atque in eorum locum vel servos proprios el alios colonos subrogari; edicti itaque huius auctoritate sancimus eos, qui deinceps huiusmodi aliquid crediderint attemptandum, isdem possessionibus esse privandos.

Digitized by Google

или, лучше сказать, запрещается отчуждать ихъ безъ земли [1]). Но главная масса, значительное большинство конституцій этого періода относится къ опредѣленію повинностей колоновъ, въ особенности повинностей государственныхъ: плата оброка натурой, способъ собиранія податей съ колоновъ, изъятіе ихъ отъ повинностей чрезвычайныхъ, отъ военноконной повинности, подчиненіе ихъ уплатѣ такъ-называемыхъ сотныхъ, отвѣтственность землевладѣльца за подати земель, съ которыхъ къ нему перешли земледѣльцы — все это регулируется конституціями императоровъ Валентиніана, Валента, Граціана, Валентиніана II и Ѳеодосія.

Наибольшій интересъ имѣетъ, конечно, анализъ постановленій Константина и его непосредственныхъ преемниковъ, потому что они представляютъ первые шаги законодательства при установленіи колоната. Отъ того, въ какомъ направленіи сдѣланы эти шаги, въ значительной степени зависитъ разрѣшеніе вопроса о происхожденіи колоната. Еслибы первые законы и распоряженія дошли до насъ цѣликомъ, или по крайней мѣрѣ, всѣ, то затрудненій при разрѣшеніи этого вопроса не могло бы представиться. Къ сожалѣнію, мы слишкомъ часто знаемъ о какомъ-нибудь важномъ постановленіи только то, что оно не дошло до насъ. Во всякомъ случаѣ, даже тѣ нѣсколько отрывковъ, которые сохранились, даютъ матеріалъ для подтвержденія главнаго вывода, сдѣланнаго при обзорѣ сложившагося института: именно, что колонатъ выработался не изъ невольничества, а изъ класса мелкихъ свободныхъ арендаторовъ. Еслибы Константинъ и его преемники должны были образовывать колоновъ изъ рабовъ, то имъ пришлось бы обращать свои мѣропріятія исключительно противъ господъ, отнять у нихъ право распоряжаться личностью ихъ земледѣльческихъ рабовъ или отзывать ихъ отъ обработки земли къ какимъ-либо другимъ обязанностямъ, ясно выразить принципъ прикрѣпленія рабовъ къ землѣ, вслѣдствіе котораго ихъ служеніе господину замѣнялось служеніемъ землѣ, заявить о переходѣ рабовъ въ число обязанныхъ государственными по-

[1]) XI, 48,7: Quemadmodum originarios absque terra, ita rusticos censitosque servos vendi omnifariam non licet. Neque vero commento fraudis id usurpet legis illusio, quod in originariis saepe actitatum est, ut parva portione terrae emptori tradita omnis integri fundi cultura adimatur. Sed cum soliditas fundorum vel certa portio ad unumquemque perveniat, tanti quoque servi et originarii transeant, quanti apud superiores dominos et possessores vel in soliditate vel in parte manserunt.

Digitized by Google

винностями гражданъ и позаботиться объ огражденіи ихъ новаго достоинства. Ничего подобнаго нѣтъ въ первыхъ постановленіяхъ о колонатѣ. Законъ 325 года запрещаетъ увеличивать оброкъ, но запрещеніе это также необходимо для обезпеченія участи прикрѣпленныхъ арендаторовъ, какъ и рабовъ [1]). Законъ 357 года [2]) запрещаетъ продавать землю безъ колоновъ, но въ этомъ случаѣ стѣсняется право господина не надъ людьми, а надъ землею. Позднѣе, около 366 года, государство дѣлаетъ шагъ къ ограниченію власти рабовладѣльцевъ, запрещая имъ продавать рабовъ безъ земли, [3]) но это шагъ поздній, мѣра принятая въ подражаніе прежнимъ мѣрамъ относительно настоящихъ колоновъ [4]), и которая не ведетъ ни къ ограниченію власти господина надъ рабами, остающимися въ его владѣніи, ни къ переводу рабовъ въ число гражданъ, вообще не превращаетъ рабовъ въ колоновъ. Законодательство Константина и его непосредственныхъ преемниковъ предполагаетъ, напротивъ, что они имѣли дѣло съ лично свободными мелкими арендаторами, которыхъ сначала надо было лишить кое-какихъ правъ; затѣмъ уже можно было думать и объ огражденіи ихъ въ новомъ, созданномъ крѣпостью, положеніи.

Кромѣ уже упомянутаго закона 357 года прикрѣпощенія касаются постановленія о бѣгствѣ колоновъ и о переходѣ ихъ въ другія сословія. На первый взглядъ постановленія о побѣгахъ и розыскѣ колоновъ какъ будто даже говорятъ противъ предположенія, что дѣло идетъ о воспрещеніи перехода свободнымъ крестьянамъ: побѣгъ есть

---

[1]) XI, 50,1.

[2]) Th. XIII, 10,3 (C. J. XI, 47,2): Si quis praedium vendere voluerit vel donare, retinere sibi transferendos ad alia loca colonos privata pactione non possit. Qui enim colonos utiles credunt, aut cum praediis eos tenere debent, aut profuturos aliis derelinquere, si ipsi sibi praedia prodesse desperant.—Толкованіе, которое даетъ этому мѣсту *Родбертусъ*, Die Adscripticier, 246, болѣе чѣмъ произвольно: оно извращаетъ смыслъ.

[3]) XI, 48,7.

[4]) Сблизить съ ней хотѣли Th. XI, 3,2 (327 г.): Mancipia adscripta censibus intra provinciae terminos distrahantur, et qui emptione dominium nacti fuerint, inspiciendum sibi esse cognoscant. Id quod in possessione quoque servari rationis est; sublatis pactionibus eorundem onera ac pensitutiones publicae ad eorum sollicitudinem spectent, ad quorum dominium possessiones eaedem migraverunt. Надо однако замѣтить, что текстъ испорченъ и начало плохо вяжется съ послѣдующимъ содержаніемъ, ради котораго и помѣщенъ этотъ отрывокъ въ главѣ Sine censu vel reliquis fundum comparari non posse.

Digitized by Google

преступленіе, а преступленіе предполагаетъ существованіе преступаемаго правила; такъ какъ крѣпость землѣ еще не провозглашена, то это правило можетъ касаться только власти господина надъ рабомъ. Но, вѣдь, побѣгъ раба отъ господина былъ запрещенъ еще до законовъ XII таблицъ, запрещенъ съ тѣхъ поръ, какъ существовало рабство. Императоры IV вѣка не имѣли привычки настойчиво повторять своимъ подданнымъ подобныя правила, и дѣйствительно постановленія о побѣгѣ и поимкѣ колоновъ являются не безсмысленными повтореніями стародавнихъ истинъ, а очень характернымъ признакомъ оффиціальнаго прикрѣпленія свободныхъ съемщиковъ къ землѣ. До того времени отношенія между землевладѣльцемъ и колономъ регулировались юридически только законами о договорѣ locati conducti, не могло быть ни бѣгства, ни укрывательства или пріема бѣглеца, ни вознагражденія землевладѣльца и казны принявшимъ бѣглеца лицомъ, а могло быть простое неисполненіе контракта со стороны наемщика, гражданская отвѣтственность его за это своимъ имуществомъ, съ одной стороны, совершенно законное оставленіе земельнаго участка по прекращеніи контракта—съ другой. Постановленіе 332 года [1]) кореннымъ образомъ измѣняетъ это положеніе дѣлъ. Вмѣсто гражданской отвѣтственности за неисполненіе договора, колонъ подвергается „наказанію“ за побѣгъ отъ личной кабалы: юридическаго перехода отъ перваго пониманія обязательствъ колоновъ къ второму, совершенно противоположному, какого-нибудь общаго постановленія, обращающаго временные договоры въ постоянные не сохранилось, или не было совсѣмъ; но если не было юридическаго перехода, то мы можемъ указать на переходъ фактическій. Законъ 332 года налагаетъ наказанія за побѣгъ и предполагаетъ кабалу, но кабалу фактическую, выйдти изъ которой, до появленія закона, было чрезвычайно трудно, но не запрещено подъ страхомъ наказанія. Константинъ и его преемники стали угрожать послѣднимъ, и этимъ положили начало законодательному развитію крѣпостнаго состоянія, которое уже до тѣхъ поръ подготовлялось и развивалось, но на чисто фактической почвѣ. Защитники теоріи, выводящей колонатъ изъ рабства, пробовали по-

[1]) Th. V, 9,1: Apud quemcumque colonus iuris alieni fuerit inventus, is non solum eundem origini suae restituat, verum super eodem capitationem temporis agnoscat. Ipsos etiam colonos, qui fugam meditantur, in servilem conditionem ferro ligari conveniet, ut officia, quae liberis congruunt, merito servilis condemnationis compellantur implere.

Digitized by Google

своему истолковать краеугольное постановленіе 332 года. Они подчеркиваютъ въ немъ слова liberis congruunt и придаютъ имъ значеніе общаго замѣчанія: „которыя приличны даже (гдѣ это даже) свободнымъ“, а весь отрывокъ толкуютъ какъ предписаніе наказывать рабовъ за побѣгъ наложеніемъ оковъ, а не наказывать свободныхъ, заковывая ихъ въ рабство. Но спрашивается: съ какимъ порывомъ господа, поймавши бѣглаго раба, стали дожидаться правительственныхъ предписаній, чтобы такъ или иначе съ нимъ расправиться[1]? По примѣру закона 332 года, было издано много другихъ, которые дополняли и прилаживали новое правило. Они оговариваютъ отвѣтственность лицъ, принявшихъ бѣглыхъ колоновъ, особенно передъ казной, потерпѣвшей убытокъ въ податяхъ. Сравнительно съ другими видами распоряженій, этотъ наиболѣе богатый, и хотя причина этого заключается между прочимъ въ частыхъ побѣгахъ, но большое вліяніе должна была оказать и самая новизна дѣла. Параллельно съ запрещеніями побѣговъ идутъ запрещенія переходить въ другія сословія и оставлять земледѣліе для другихъ занятій, опять-таки понятныя только въ томъ случаѣ, если императоры обращались къ людямъ лично свободнымъ.

Какъ объяснить иначе законъ 325 г. (XI, 68, 1)? Мыслимо ли было избраніе какихъ бы то ни было рабовъ на городскія должности и запрещеніе его только на томъ основаніи, что еще много куріаловъ [2])? Не ясно ли, что дѣло идетъ о бѣдныхъ и незнатныхъ, но конечно, свободныхъ людяхъ, о такъ-называемыхъ „сельскихъ плебеяхъ?“ Притомъ были случаи, когда колоны были даже обязаны исполнять городскія должности: именно, если они владѣли значительнымъ количествомъ земли, какъ собственники [3]). Такимъ обра-

---

[1]) Готофредъ и Савинья понимали конституцію правильно. *Savigny*, Colonat. 12, 13; *Родбертусъ*, Adscripticier, 248, даетъ ей разбираемое въ текстѣ невозможное объясненіе.

[2]) XI, 68, 1: Nullus omnino originalis colonus rei privatae nostrae ad aliquos honores vel quaelibet alia civitatis munera devocetur. Nec enim civitatum ordinibus et ceteris, ex quibus pro multitudine fieri nominationes oportet, per omnia florentibus ad haec suprema praesidia iniuriosa nominatione descendendum est.

[3]) Th. XII, 1, 33 (ср. Th. XII, 19, 1): Quoniam sublimitas tua suggessit multos declinantes obsequia machinari, ut privilegia rei privatae nostrae colonatus iure sectantes curialium nominationes declinent, sancimus, ut, quicunque ultra viginti quinque iugera privato dominio possidens ampliorem ex re privata nostra iugerationis modum cultura et sollicitudine propria gubernaverit, omni privilegiorum vel originis

Digitized by Google

зомъ, при установленіи колоната нѣтъ недостатка въ доказательствахъ, что матеріалъ для него дало сословіе свободныхъ людей. И впослѣдствіи, когда дѣло идетъ объ образованіи новыхъ крѣпостныхъ контингентовъ, видно ясно, откуда они взяты. Мнѣ кажется, что ничего не можетъ быть убѣдительнѣе конституціи Валентиніана, Ѳеодосія и Аркадія о палестинскихъ колонахъ [1])? Тамъ прямо сказано, что прикрѣпощеніе ихъ къ землѣ будетъ уступкой землевладѣльцамъ; это выраженіе не требуетъ комментаріевъ.

Кромѣ упомянутыхъ постановленій, остались и другіе слѣды законодательства Константина, но изъ нихъ нельзя сдѣлать никакихъ общихъ выводовъ. Во всякомъ случаѣ, обращаетъ на себя вниманіе конституція 319 года о положеніи колоновъ на земляхъ эмфитеотовъ [2]). Вѣчная аренда только что начинала развиваться и потому права арендаторовъ были еще весьма неопредѣленны. Конституція 319 года ограничиваетъ захваты колоновъ, которые, въ почти заброшенныхъ имѣніяхъ, сами получали характеръ мелкихъ эмфитеотовъ: имъ предоставляются въ вѣчное пользованіе, если не въ собственность, участки, которые они спасли отъ запустѣнія трудомъ рукъ своихъ. Характерно, что внѣшнимъ признакомъ высокой культуры

---

vel cuiuslibet excusationis alterius frustratione summota, curiali consortio vindicetur. Illo etiam curiae similiter deputando, qui minus quidem quam viginti quinque iugerorum proprietatem habeat, ex rebus vero nostris vel parvum vel minorem iugerationis modum studio cultionis exercet.

[1]) XI, 51, 1: Cum per alias provincias, quae subiacent nostrae serenitatis imperio, lex a maioribus constituta colonos quodam aeternitatis iure detineat, ita ut illis non liceat ex his locis quorum fructu relevantur abscedere, nec ea deserere quae semel colenda susceperunt, neque id Palaestinae provinciae possessoribus suffragetur, sancimus, ut etiam per Palaestinas nullus omnino colonorum suo iure velut vagus ac liber exsultet, sed exemplo aliarum provinciarum ita domino fundi teneatur, ut sine poena suscipientis non possit abscedere: addito eo, ut possessionis domino revocandi eius plena tribuatur auctoritas.

[2]) C. J. XI, 63, 1: Emphyteuticarios gravant coloni agros praeter consuetudinem usurpantes, quos nullis culturis erudierunt, cum sollemnitas id eos attractare permittat, quod eorum labore vel olivetis est obsitum vel vinetis. Sed et inriguas fontium aquas usurpare conantur, quarum fructus solis emphyteuticariis debentur. Ideoque placuit, ut deinceps aquarum ius potestatesque penes emphyteuticarios permaneant, tantumque ex eis colonis impertiatur, quantum culturis eorum agrorum sufficere manifestum est, quos ipsi colunt. Pro modo autem superfluae inrigationis, quam ultra culturas suas usurpaverint, emphyteuticariis possessoribus pensiones accessionesque praebeant.

Digitized by Google

участка, передававшагося колону, является обработка его подъ виноградникъ или оливковое дерево.

Въ одномъ отношеніи отрывочность нашихъ источниковъ совершенно отнимаетъ у насъ матеріалъ для заключеній. Весьма интересно было бы знать, въ какихъ именно провинціяхъ начали примѣняться мѣстныя мѣры для законодательственнаго развитія колоната и какимъ путемъ онъ распространялся. Почти всѣ дошедшіе до насъ эдикты и рескрипты сохранили свои надписи, но сколько ихъ не дошло! Существующія надписи показываютъ одно: что колонатное законодательство весьма быстро распространилось по всей имперіи; самыя раннія относятся къ восточнымъ провинціямъ, но можно ли сдѣлать изъ этого какой-либо выводъ? Въ Италіи, имѣющей для насъ спеціальный интересъ, существованіе колоната завѣрено уже въ 357 году.

Покончивъ съ характеристикой законодательнаго развитія колоната, на сколько дозволяютъ сдѣлать ее источники, переходимъ къ его дозаконодательной исторіи, къ опредѣленію условій, подготовившихъ его въ предшествовавшей исторіи Рима.

Элементы, изъ которыхъ сложился колонатъ IV вѣка, давно существовали и постоянно упоминаются въ юридическихъ памятникахъ. На нихъ указываютъ извѣстныя намъ имена — colonus и inquilinus. Въ Юстиніановомъ кодексѣ, напримѣръ, первый изъ этихъ терминовъ появляется никакъ не въ 319 или 325 году, а употребляется въ теченіе всего III вѣка, только не въ главѣ о податныхъ крестьянахъ (de agricolis censitis vel colonis), а въ главѣ „de locato et conducto“ (IV, 65). Онъ исчезаетъ изъ послѣдней и переходитъ въ первую только послѣ 293 года. Главный же матеріалъ для того, чтобы судить о положеніи колоновъ во II и началѣ III вѣка, даютъ Дигесты. Въ эпоху классическихъ юристовъ выраженіе „colonus“ еще чередуется съ выраженіемъ „conductor“ и обозначаетъ юридически вполнѣ свободнаго человѣка, спявшаго чужую землю для того, чтобы самому обрабатывать ее, точно также какъ „inquilinus“ указываетъ на съемщика чужаго дома [1]). Договоръ найма между землевладѣльцемъ и поселенцемъ можетъ быть долгосрочный или краткосрочный, и хотя для возобновленія его не требуется письменныхъ формальностей, хотя онъ считается возобновленнымъ tacito consensu, если при его истеченіи ни одна изъ сторонъ не отказалась продолжить его дѣйствіе,

[1]) D. XIX, 2, 25, § 1.

Digitized by Google

но возобновленіе это совершается не на весь срокъ прежняго найма, а только на годъ [1]). Хотя такимъ образомъ отношенія основаны de jure на принципѣ свободнаго договора, но нѣтъ недостатка въ отдѣльныхъ чертахъ, предсказывающихъ будущее развитіе института. Колонъ, селясь на чужой землѣ, сохраняетъ власть собственника надъ своимъ имуществомъ, но оно связано ипотечнымъ правомъ, предоставленнымъ на него землевладѣльцу въ обезпеченіе арендной платы [2]). Оно какъ бы сливается съ хозяйскимъ инвентаремъ, предоставленнымъ колону при заключеніи контракта, и получаетъ главнымъ назначеніемъ способствовать обработкѣ земельнаго участка, не отдаляясь отъ него. Отъ этого примѣненія ипотеки къ имуществу колона недалеко и до извѣстнаго постановленія Валентиніана и Валента [3]), отъ котораго идутъ имущественныя ограниченія колоновъ IV — VI вѣковъ.

По истеченіи срока договора или при переходѣ собственности въ другія руки [4]), господинъ имѣлъ право согнать колона, а колонъ— уйдти съ земли, но на дѣлѣ случаи подобнаго разрыва договора были, должно быть, очень рѣдки. Крестьянинъ былъ слишкомъ мелкій человѣкъ, его личное имущество слишкомъ незначительно, чтобы безъ особенныхъ причинъ бросать насиженное, устроенное мѣсто, на которомъ его ограждали извѣстные обычаи и самая давность поселенія; господину, владѣльцу громадныхъ земель не представляло интереса или важности урѣзывать въ мелочахъ своихъ арендаторовъ, рискуя согнать ихъ съ мѣста и разстроить сложившіяся хозяйства. Колоны сидятъ на земляхъ въ теченіе цѣлыхъ поколѣній и фактически приростаютъ къ землѣ. Характернымъ, хотя косвеннымъ доказательствомъ этого можетъ служить названіе, которое одно время какъ будто должно вытѣснить всѣ остальныя названія класса — „originarii“, „прирожденные“ поселенцы извѣстнаго мѣста. Образуются и дѣйствуютъ рядомъ съ договорными отношеніями другія, обычныя, и само императорское законодательство признаетъ ихъ значеніе [5]). Mos

[1]) IV, 65, 16. Ср. D. XIX, 2, 13 § 11; 14 pr.

[2]) C. J. IV, 65, 5; ср. 16 e. t.

[3]) Th. V, 11, 1.

[4]) IV, 65, 9.

[5]) C. J. IV, 65, 8 (234 г.): Licet certis annuis quantitatibus fundum conduxeris, si tamen expessum non est in locatione aut mos regionis postulat и т. д. IV, 65, 19: Circa locationes atque conductiones maxime fides contractus servanda est, si nihil

Digitized by Google

regionis является почти въ томъ смыслѣ, въ какомъ впослѣдствіи, средневѣковыя „consuetudines", которыя вѣдь также сдерживали феодальныхъ сеньоровъ уваженіемъ къ старинѣ и сознаніемъ, что невыгодно нарушать общепризнанную справедливость. Притомъ обычай мѣстности дѣйствуетъ не при опредѣленіи какихъ-нибудь второстепенныхъ, непредусмотрѣнныхъ контрактами, подробностей, а при разрѣшеніи самыхъ важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ колонатнымъ поселеніемъ, напр., вопроса о высотѣ оброка.

На вопросъ, откуда могла взяться масса свободныхъ людей, необходимая для образованія многочисленнаго класса арендаторовъ, живущихъ „по старинѣ" на своихъ участкахъ, можно отвѣтить другимъ вопросомъ: куда могла дѣваться масса мелкихъ свободныхъ собственниковъ, наполнявшихъ провинціи до завоеванія? Земельная собственность перешла отъ нихъ къ римскимъ капиталистамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, но сами они далеко не всегда вытѣснялись съ своихъ земель рабами. Еслибы всѣ они, или большая часть ушли въ города, то населеніе послѣднихъ должно было бы возрости до невѣроятныхъ размѣровъ, возросла бы въ одинаковой степени и забота о бездомныхъ и бездѣльныхъ людяхъ, городская жизнь повсюду представляла бы то же зрѣлище, что въ самомъ Римѣ. Источники наши ничего подобнаго намъ не показываютъ, а напротивъ, свидѣтельствуютъ о существованіи многочисленнаго, свободнаго крестьянства даже въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ наиболѣе развились латифундіи, напр., въ Африкѣ. Свободные крестьяне сохранились на самыхъ латифундіяхъ, занимая все тѣ же участки, что и прежде, но на правахъ арендаторовъ. Подробный разборъ свидѣтельствъ о распространеніи рабскаго и свободнаго труда въ Римской имперіи завелъ бы меня слишкомъ далеко; много данныхъ собрано, напримѣръ, у Валлона и Гейстербергка [1]). Кромѣ прежнихъ свободныхъ землевладѣльцевъ, классъ мелкихъ арендаторовъ могъ пополняться изъ вольноотпущенныхъ. Но болѣе всего свидѣтельствуетъ о настоятельной потребности, которая ощущалась въ мелкихъ самостоятельныхъ хозяйствахъ, то обстоятельство, что даже простые рабы получали участки для обработки ихъ на оброч-

---

specialiter exprimatur contra consuetudinem regionis. Quod si alii remiserunt contra legem contractus atque regionis consuetudinem pensiones, hoc aliis praeiudicium non possit adferre.

[2]) Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, III, 110, 111; Entstehung des Colonats, 101—118.

Digitized by Google

номъ правѣ [1]). Совершенно неосновательно было бы видѣть въ этомъ явленіи главную причину образованія колоната и называть колонами въ собственномъ смыслѣ тѣхъ лицъ, которыхъ сами источники только уподобляютъ настоящимъ колонамъ, свободнымъ арендаторамъ [2]). Но несомнѣнно, что образованіе мелкихъ рабскихъ хозяйствъ на земляхъ крупныхъ собственниковъ доказываетъ, въ какой степени важно было для послѣднихъ замѣнить пассивное, принужденное послушаніе рабовъ, закованныхъ въ кандалы, энергіей людей, работающихъ не изъ страха бича, а ради своей выгоды.

Уже во время младшаго Плинія были цѣлыя мѣстности, въ которыхъ земля обработывалась исключительно колонами. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше должна была чувствоваться потребность въ самостоятельныхъ мелкихъ хозяйствахъ. Если послѣднія держались въ эпоху могущества имперіи и вмѣстѣ наибольшаго распространенія крупныхъ хозяйствъ, то тѣмъ болѣе должны были сами землевладѣльцы заботиться объ ихъ сохраненіи и укрѣпленіи въ эпоху замѣшательствъ и опасностей, наступившихъ начиная съ III вѣка. Латифундіи—понимая подъ этимъ словомъ не только землевладѣльческіе, но и хозяйственные комплексы—могли развиться и держаться только въ эпоху полнаго могущества Рима и отчасти благодаря ему. Не говоря уже о томъ, какъ завоеваніе міра римскими солдатами, администраторами и капиталистами способствовало скопленію громадныхъ массъ собственности въ однихъ рукахъ, остановимся на характеристикѣ обратнаго движенія. Владѣльцы латифундій, преобладаніе которыхъ въ римскомъ обществѣ выросло вмѣстѣ съ политическимъ могуществомъ Римскаго государства, начиная съ III-го вѣка, должны были терпѣть отъ постоянныхъ его невзгодъ, по-своему бороться противъ его враговъ. Нападали варвары, поднимались узурпаторы, и государство не въ состояніи было по прежнему обезпечивать крупному землевладѣльцу сбытъ съ его имѣній и фабрикъ на всемъ протяженіи цивилизованнаго міра, подвозъ нужныхъ ему продуктовъ съ дальнихъ плантацій. Нападали варвары, поднимались узурпаторы, и государство среди общей суматохи не успѣвало даже поддерживать власти господина надъ рабами, разсаженными по разнымъ про-

---

[1]) *Rodbertus*, Die Adscripticier, 226, 227.

[2]) D. XXXIII, 7, 12, § 3: Servus, qui *quasi* Colonus in agro erat. D. XXXIII, 7, 19, § 20; si non fide dominica, sed mercede, *ut extranei Coloni solent*, fundum coluisset.

Digitized by Google

винціямъ, большими и малыми кучками, которыя можно было удобно обозрѣватъ и передвигать только въ однородной и спокойной средѣ благоустроенной имперіи. Нападали варвары, поднимались узурпаторы—и то самое государство, которое взялось охранять общество, въ своемъ затруднительномъ положеніи смотритъ на общество, какъ на средство для удовлетворенія своихъ все увеличивающихся боевыхъ нуждъ, прибираетъ мѣры, чтобъ какъ можно болѣе получить отъ общества, и прежде всего обращается къ крупнымъ землевладѣльцамъ, богатство которыхъ бросается въ глаза. Самая почва, на которой утвердилось крупное землевладѣніе — рабовладѣльчество—начинала колебаться, а въ то же самое время давленіе сверху все росло: трудно было владѣльцамъ латифундій устоять противъ налетѣвшей бури, которая потрясла все зданіе ихъ хозяйства сверху до низу; они кое-какъ выдержали, но пришлось сильно перестроить зданіе, упростить, принизить къ землѣ. Собственность осталась сосредоточенною въ рукахъ немногихъ, но пришлось отказаться отъ крупнаго хозяйства съ его большими затратами капитала, сложной администраціей, съ его разчетами на большіе промежутки времени и зависимостью отъ условій обширнаго рынка. Руководясь своими же интересами, крупные собственники дробили теперь свои латифундіи на мелкія хозяйства. Особенно силенъ долженъ былъ быть переворотъ по многимъ причинамъ въ Италіи. Она долго пользовалась привиллегированнымъ положеніемъ и благодаря ему хозяйство ея особенно низко упало. Пока Римъ невозбранно господствовалъ надъ міромъ, въ Италіи можно было, пренебрегая трудомъ, питаться на счетъ провинцій. Провинціи были, смотря по положенію,—оградою, житницею, хлѣбнымъ полемъ хозяина міра, римскаго народа, Италія была его пустой дворъ, его садъ и огородъ. Клочки интенсивно обработанной земли, на которой были посажены виноградъ, оливковыя или фруктовыя деревья, богатые сады и парки, города, набитые нищими гражданами, исчезали среди громадныхъ запустѣлыхъ пространствъ, на которыхъ паслись стада или работали клейменые рабы. Но все могло идти такимъ образомъ, только если былъ обезпеченъ урожай хлѣба въ Африкѣ и Испаніи и его своевременный перевозъ, а еще гораздо раньше, чѣмъ Вандалы, Свевы и Готы стали по-своему распоряжаться африканскими и испанскими хлѣбами, и подвозъ и урожай стали подвергаться значительнымъ опасностямъ и колебаніямъ [1]). Вернулась подать въ Италію, вернулась и необходи-

[1]) См. особенно *Jung*, Zur Würdigung der Agrarverhältnisse der römischen

Digitized by Google

мость работать, заботиться о хлѣбѣ насущномъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, а, чтобы снова поднять заброшенныя поля, чтобы уплатить подати, ergasteria не годились, надобно было обратиться къ свободной иниціативѣ и энергіи старыхъ поселенцевъ и призвать новыхъ. Послѣдней потребности и для Италіи, и вообще для сѣверныхъ провинцій старалось удовлетворить правительство. Оно поселяло плѣнныхъ и покорныхъ варваровъ, иногда цѣлыми племенами, въ Ѳракіи, Иллиріи, Цизальпинской Галліи. Но крайней нужды въ людяхъ нельзя было устранить одними этими чрезвычайными мѣрами: она должна была вызвать конкурренцію между землевладѣльцами, стремленіе перетянуть крестьянъ къ себѣ какими нибудь выгодами, побѣги или переходъ крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому. Такая конкурренція, безъ сомнѣнія, улучшала положеніе сельскаго населенія, но въ общемъ не могла быть полезна культурѣ, потому что влекла за собою чрезвычайную неустойчивость и подрывала всякіе хозяйственные разчеты. Оттого государство не могло помириться съ подобнымъ блужданіемъ. Ему было совершенно все равно, выиграетъ или проиграетъ тотъ или другой помѣщикъ, лучше или хуже крестьянину, но ему было необыкновенно важно, чтобы разъ сложившіяся хозяйства не разстраивались, платящая подать земля не приходила въ упадокъ. Притомъ только при строгомъ формализмѣ и медленности, если можно такъ выразиться, экономической жизни оно могло разчитывать не пропустить никого и ничего безъ оцѣнки и уплаты. Гоняться за улучшеніями, которыя принесетъ бродячій рабочій то на одномъ участкѣ, то на другомъ, нечего было и думать. Фискальный и аграрный интересы требовали не только заселенія, но прочнаго заселенія земель, требовали прикрѣпощенія сельскаго населенія. Оно было тѣмъ болѣе естественно, что представлялось только одною стороной прикрѣпощенія еще болѣе общаго, охватывавшаго всѣ слои населенія, всѣ классы, начиная отъ сенаторовъ и кончая послѣднимъ rusticus censitusque servus. Для тяжелой борьбы съ напиравшей массой варваровъ, не ослабѣвавшей не смотря ни на какія пораженія, всѣ были призваны служить государству, всякій объявленъ на своемъ мѣстѣ холопомъ государства и всякому найдено постоянное мѣсто. Такъ какъ нельзя было разчитывать на добровольное подчиненіе тяжелой службѣ, то подданные были прикрѣпощены къ ней по закону. Императоры IV вѣка вездѣ вводили

Kaiserzeit, *Historische Zeitschrift* Neue Folge, VI, Band, I Heft (1879), 56 и сл., 62 и сл.

Digitized by Google

принужденіе и устраняли свободу; имъ казалось, что если только предоставить людямъ волю, они тотчасъ употребятъ ее на то, чтобы уйдти отъ повинностей, уклониться отъ требованій государства, и они замѣняли свободный выборъ занятія постоянными наслѣдственными занятіями, создавали классы людей, наслѣдственно обязанныхъ исправлять муниципальныя должности, быть землевладѣльцами, наслѣдственно обязанныхъ заниматься ремеслами, наслѣдственно обязанныхъ военною службою, наслѣдственно обязанныхъ обработывать землю и доставлять доходы землевладѣльцамъ и подати государству.

Кстати замѣчу, что образованіе сословія куріаловъ, поглощенныхъ заботами объ управленіи городами и объ уплатѣ налоговъ, само по себѣ должно было отозваться въ деревняхъ образованіемъ сословія самостоятельныхъ арендаторовъ, свободныхъ или крѣпостныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, могли ли куріалы дѣйствительно руководить лично обработкой своихъ имѣній или хотя бы только контролировать, какъ слѣдуетъ, ихъ управленіе? Имъ было гораздо выгоднѣе сдавать ихъ въ аренду, особенно долгосрочную, которая не раззоряетъ имѣнія.

Постоянное развитіе колоната въ указанномъ направленіи оставило немногочисленные, но вполнѣ ясные слѣды. Уже у Колумеллы [1]) мы находимъ описаніе класса колоновъ, правда, свободныхъ, не находящихся въ большой зависимости отъ помѣщика, на землѣ котораго сидятъ, платящихъ ему оброкъ, работающихъ на него, и не оставляющихъ земли въ теченіе цѣлыхъ поколѣній. Элементы этого класса существовали, пожалуй, еще раньше, какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ [2]), но они имѣли еще совершенно второстепенное значеніе

---

[1]) De re r. I, 7: Comiter agat cum colonis, facilemque se praebeat. Avarius opus exigat, quam pensiones, quoniam et minus id offendit, et tamen in universum magis prodest: Sed et ipse nostra memoria veterem consularem virumque opulentissimum S. Volusium asseverantem audivi, felicissimum fundum esse, qui colonos indigenas haberet, et tamquam in paterna possessione natos jam inde a cunabulis longa familiaritate retineret. In longinquis tamen fundis, in quos non est facilis excursus patrisfamilias, cum omne genus agri tolerabilius sit sub liberis colonis, quam sub villicis servis habere, tum praecipue frumentarium etc.

[2]) Эдиктъ Тиберія Александра относительно Египта. *Rudorf* въ *Rheinisches Museum*, II Jahrg. (1828); Varro, De re rust. I, 17: Omnes agri coluntur hominibus servis aut liberis aut utrisque. Liberis, aut cum ipsi colunt, ut plerique pauperculi cum sua progenie, aut mercenariis, cum conducticiis liberorum operis res majores administrant, iique quos obaerarios (var. obaeratos) nostri vocitarunt et etiamnum sunt in Asia et Aegypto et Illyrico complures.

Digitized by Google

сравнительно съ рабами, употреблявшимися для земледѣлія и съ державшимися еще мелкими собственниками; по крайней мѣрѣ только при такомъ предположеніи можно объяснить себѣ, что о нихъ упоминается только мимоходомъ. Мѣсто Колумеллы—первое, указывающее на значительное распространеніе класса, качественно уже почти сформировавшагося. Отрывокъ изъ трактата Фронтина De controversiis agrorum рисуетъ намъ положеніе африканскихъ землевладѣльцевъ, которое еще болѣе напоминаетъ позднѣйшій колонатъ. На африканскихъ латифундіяхъ живутъ цѣлыя села свободныхъ, но зависимыхъ людей, занимающихся земледѣліемъ. Зависимость уже не только экономическая, но и гражданская. Эти плебеи служатъ какъ бы стражей для помѣщика, хотя все-таки подчинены обычнымъ государственнымъ повинностямъ, напр. воинской [1]). Маркіанъ, юристъ III вѣка, говоритъ намъ уже о запрещеніи завѣщать inquilin'овъ безъ земли [2]): имѣло ли бы цѣль подобное запрещеніе, еслибы не начинало пробиваться убѣжденіе, что inquilin'ы, эти свободные по сословію люди, составляютъ какъ бы собственность господъ — по образцу рабовъ. Этотъ отрывокъ совершенно одновременъ съ другими мѣстами Дигестъ, разсуждающими о колонахъ и инквилинахъ, какъ будто бы они пользовались всѣми правами и положеніемъ свободныхъ людей, а, между тѣмъ, онъ указываетъ на значительную степень ихъ подчиненія. Слѣдовательно, уже въ началѣ III вѣка при разборѣ одного изъ первыхъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ о колонатѣ, мы наталкиваемся на то противорѣчіе въ ихъ личномъ положеніи, которое такъ запутываетъ всѣ сужденія о нихъ. Тѣмъ необходимѣе подчеркнуть, что если какое либо сомнѣніе и споръ и возможны относительно колоновъ IV—VI вѣковъ, то по отношенію къ колонамъ III вѣка они немыслимы: вся

[1]) Frontin, de controv. agror. стр. 53 ed. *Lachm.*: Inter res publicas et privatos non facile tales (de jure territorii) in Italia controversiae moventur, sed frequenter in provinciis, praecipue in Africa, ubi saltus non minores habent privati, quam respublicae territoria; quin immo multis saltus longe majores sunt territoriis. Habent autem in saltibus privati non exiguum populum plebejum et vicos circa villam in modum munitionum. Tum respublicae controversias de jure territorii solent movere, quod aut indicere munera dicant oportere in ea parte soli, aut legere tironem ex vico aut vecturas aut copias devehendas indicere eis locis quae loca adserere conantur. Eiusmodi lites non tantum cum privatis hominibus habent, sed et plerumque cum Caesare, qui in provincia non exiguum possidet. Цитировано у Гейстербергка, 116.

[2]) Д. XXX, 1, 112, pr: Si quis inquilinos sine praediis quibus adhaerent legaverit, inutile est legatum: sed an aestimatio debeatur, ex voluntate defuncti statuendum esse divi Marcus et Commodus rescripserunt.

Digitized by Google

2-я глава XIX-й книги Дигестъ свидѣтельствуетъ, что колоны—свободные люди [1]).

Прежде чѣмъ оставить вопросъ о колонатѣ и его происхожденіи постараемся рекапитулировать вкратцѣ главныя основанія, приведшія меня къ разрѣшенію его въ извѣстномъ смыслѣ. Удобнѣе всего будетъ при этомъ коснуться также главныхъ положеній и доказательствъ различныхъ ученыхъ, занимавшихся колонатомъ. До сихъ поръ намъ приходилось обращать вниманіе только на толкованіе тѣмъ или другимъ изслѣдователемъ отдѣльныхъ отрывковъ, и поэтому теперь слѣдовало бы, собственно говоря, подробно изложить мнѣнія, высказанныя въ литературѣ по нашему вопросу, но это уже сдѣлано весьма удачно въ книгѣ Гейстербергка [2]). Чтобы не повторять его изложенія, ограничимся только самымъ существеннымъ.

Различныя мнѣнія о происхожденіи колоната можно легко раздѣлить на три главныя группы, среди которыхъ уже приходится проводить дальнѣйшія подраздѣленія. Одни находятъ, что законодательство IV вѣка нимало не создало какого-либо новаго института колоната, а просто регулировало въ подробностяхъ и притомъ постепенно давнымъ давно сложившіяся въ Италіи или въ провинціяхъ отношенія; другіе, напротивъ, выводятъ колонатъ изъ опредѣленнаго законодательнаго акта римскихъ императоровъ; третьи, наконецъ, различаютъ въ исторіи колоната два періода — подготовительный, когда постепенно складывались фактическія отношенія, послужившія матеріаломъ для колоната, и законодательный, когда въ IV и послѣдующихъ вѣкахъ матеріалъ этотъ былъ переработанъ и приведенъ въ окончательный порядокъ законодательствомъ. По мнѣнію Лаферьера [3]), колоны императорской эпохи—не что иное, какъ галльскіе кліенты, упоминаемые у Цезаря (ambacti), и римскіе кліенты временъ республики, которымъ роздали земельные участки вмѣсто того, чтобы держать и кормить ихъ въ домѣ. Онъ даже старается опредѣлить

---

[1]) Родбертусъ не останавливается на разборѣ этихъ свидѣтельствъ, прямо говорящихъ противъ его теоріи.

[2]) Entstehung des Colonats, 7 и сл. Анализъ сочиненія Гейстербергка и краткое повтореніе, между прочимъ, первыхъ его главъ, посвященныхъ литературѣ предмета, есть у Юнга, Zur Würdigung der agrarischen Verhältnisse der römischen Kaiserzeit, *Historische Zeitschrift*, Neue Folge, VI B., I Heft, 42 и сл.

[3]) Histoire du droit français, II, 437 и сл. Лаферьеръ однако признаетъ, что la condition des colons se grossit considérablement par l'adjonction des barbares.

Digitized by Google

эпоху, когда совершился этотъ переходъ отъ кліентелы къ колонату, и останавливается на эпохѣ Августа.

Рудорфъ [1]), а за нимъ Шульцъ [2]), находятъ основы колоната не въ исконно-италіанскихъ учрежденіяхъ, а въ провинціальномъ бытѣ. Они указываютъ на засвидѣтельствованное источниками существованіе въ Египтѣ и другихъ провинціяхъ класса мелкихъ свободныхъ и, повидимому, наслѣдственныхъ арендаторовъ.

Всѣ эти изслѣдователи пользуются однимъ и тѣмъ же пріемомъ: чтобы найдти причину колоната, они подыскиваютъ сходныя съ нимъ явленія въ предшествовавшей исторіи той или другой части Римской имперіи. Но изъ того, что два факта сходны, никакъ не слѣдуетъ, чтобъ одинъ вытекалъ изъ другаго. Въ данномъ частномъ случаѣ, на ряду съ извѣстными сходными чертами, есть и глубокія различія: провинціальной арендѣ недостаетъ какъ разъ самаго существеннаго элемента—неизмѣнной крѣпости землѣ; что касается до кліентелы, то сходство ограничивается только одною чертою: кліентъ и колонъ зависятъ отъ господина, все остальные различно, и самое размѣщеніе кліентовъ по земельнымъ участкамъ въ эпоху Августа есть гипотеза, не только не подтверждаемая ничѣмъ въ источникахъ, но прямо противорѣчащая имъ [3]). Поэтому объясненіе Лаферьера не имѣетъ никакого научнаго основанія, а Рудорфъ и Шульцъ, отмѣтивъ дѣйствительно интересное и важное явленіе экономическаго строя въ провинціяхъ, придали ему слишкомъ большое и исключительное значеніе. Фактомъ этимъ необходимо воспользоваться, чтобы показать, что почва для развитія колоната была подготовлена въ нѣкоторыхъ провинціяхъ съ давнихъ поръ, но онъ не снимаетъ съ насъ обязанности разъяснить вопросъ о томъ, какъ сложился общій для всей имперіи институтъ и почему онъ получилъ свою законодательную форму только въ IV и V вѣкахъ.

---

[1]) *Rheinisches Museum für Philologie*, II Jahrg. (1828), 179. Ссылаясь на извѣстіе Геродота, II, 178 ο γεωμόροι γεωργοί и на строки 29—32 эдикта Тиберія Александра (68 года), упоминающія объ оброчныхъ крестьянахъ, онъ высказываетъ «предположеніе» о существованіи колоната въ провинціяхъ еще до римскаго завоеванія.

[2]) Grundlegung zu einer geschichtlichen Staatswissenschaft der Römer, 446: wir stehen nicht an zu behaupten, dass die Hörigkeit in verschiedenen örtlichen Verhältnissen in Italien und in allen Provinzen des Reichs zur Grundverfassung gehörte». Доказательствъ этого положенія Шульцъ почти не представляетъ.

[3]) *Heisterberhk*, Entstehung des Colonats, 25.

Digitized by Google

Ученые, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, слишкомъ пренебрегаютъ законодательнымъ элементомъ въ образованіи колоната и видятъ послѣднее тамъ, гдѣ слѣдуетъ видѣть только подготовляющія и предсказывающія его формы. Не менѣе неправильно весьма распространенное воззрѣніе, по которому колонатъ является результатомъ чисто законодательнаго акта, юридическимъ институтомъ въ собственномъ смыслѣ, установленіемъ государственной власти. Савиньи ясно высказалъ общее соображеніе, которое заставляетъ его искать источникъ колоната именно въ государственномъ установленіи: никакія частныя соглашенія, никакія фактическія условія, говоритъ онъ, не могли видоизмѣнить сословнаго положенія не только цѣлаго класса но даже одного человѣка, вопреки установленному государствомъ праву или помимо его [1]). Jus publicum privatorum pactis mutari non potest. Оттого и колонатъ могъ произойдти только вслѣдствіе законодательной дѣятельности правительства. Руководясь этимъ соображеніемъ, хотя и не высказывая его прямо, Пухта [2]) пришелъ къ заключенію, что колонатъ возникъ вслѣдствіе видоизмѣненія формы отпуска на волю какимъ-либо неизвѣстнымъ намъ законодателемъ. Его мнѣніе нашло однако весьма мало сочувствія. За то сильно распространилось мнѣніе, что возникновеніе колоната связано съ законодательнымъ опредѣленіемъ положенія варварскихъ переселенцевъ на римской почвѣ [3]). Массы этихъ переселенцевъ послужили матеріаломъ для колоната, а распоряженія императоровъ, регулировавшія ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ и другимъ лицамъ—формальнымъ основаніемъ института. Критика этихъ взглядовъ должна прежде всего обратиться противъ общей характеристики римскаго права, которое, по мнѣнію Савиньи, исключаетъ возможность образованія юридическихъ отношеній помимо вмѣшательства законодательства. Совершенно справедливо, что для окончательнаго признанія и регулированія колонатныхъ отношеній необходимо было такого рода законодательное вмѣшательство, но до него могла существовать фактиче-

---

[1]) Colonat, 59,60. Ср. *Huschke*, Ueber den Census und die Steuerverfassung der älteren Kaiserzeit, 147.

[2]) Cursus der Institutionen, S. 214, стр. 392.

[3]) Пейронъ разобралъ въ Туринскомъ палимпсестѣ Ѳеодосіева кодекса, V, 4,1, конституцію императоровъ Аркадія и Гонорія о поселеніи побѣжденныхъ Сциповъ на землѣ имперіи. Она послужила главнымъ поводомъ для образованія теоріи Венка (Die fünf ersten Bücher des Codex Theodosianus) и Цумпта *Rhein. Mus.* 1845, 1 и сл., къ которой присоединились Савиньи и Марквардтъ.

Digitized by Google

ская, наслѣдственная зависимость мелкихъ арендаторовъ отъ землевладѣльцевъ и устройство ихъ отношеній согласно обычаю. Законодательство IV и V вѣковъ, приведшее въ порядокъ эти отношенія, носитъ явные слѣды того, что оно развивалось уже на совершенно подготовленной почвѣ: оно слишкомъ отрывисто, слишкомъ много предполагаетъ извѣстнымъ и готовымъ, слишкомъ сильно опирается на мѣстные порядки и обычаи [1]). Еще гораздо болѣе сильныя возраженія можно сдѣлать противъ положительныхъ попытокъ объяснить колонатъ изъ правительственныхъ мѣропріятій. Противъ неизвѣстнаго законодателя Пухты единогласно возражаютъ всѣ; противъ гипотезы Венка и Цумпта совершенно основательно выставляли то обстоятельство, что варваровъ селили только въ сѣверныхъ провинціяхъ имперіи, между тѣмъ какъ колонатъ одновременно обнаруживается на всѣхъ концахъ имперіи и поэтому долженъ быть объясняемъ причинами общими всѣмъ провинціямъ [2]). Съ своей стороны, мы опять сошлемся на характеръ сохранившагося намъ законодательства IV и V вѣковъ: оно заключаетъ въ себѣ постепенное и отрывочное опредѣленіе то той, то другой черты колонатныхъ отношеній, которое немыслимо было бы, еслибы колонатъ былъ уже юридически готовъ при Маркѣ Авреліи. Въ результатѣ надо сказать, что поселеніе варварскихъ племенъ, если и давало богатый матеріалъ для распространенія колоната, то не могло вліять рѣшительнымъ образомъ на самое его образованіе.

Необходимо признать вмѣстѣ съ большинствомъ изслѣдователей, что исторія возникновенія крѣпостничества въ Римской имперіи проходитъ два фазиса—общей подготовки, въ которомъ дѣйствуютъ фактическія условія, и окончательнаго опредѣленія, въ которомъ дѣйствуетъ законодательство. Но конечно, свойства этихъ двухъ періодовъ можно изображать совершенно различно. Гушке [3]), напримѣръ, соединяетъ воззрѣнія, изложенныя у Лаферьера и Рудорфа, съ одной стороны, Венка и Цумпта,—съ другой, предполагаетъ существованіе крѣпостничества въ Италіи и провинціяхъ еще до основанія Римской имперіи и въ то же время приписываетъ Августу законодательство, послужившее

---

[1]) Напримѣръ, постановленіе 399 года относительно Галліи (Th. XI, 1,26:) [in provinciis], ubi haec retinendae plebis ratio adscriptioque servatur.

[2]) Возраженіе Куна, который однако признаетъ вліяніе поселеній варваровъ на собраніе матеріаловъ для колоната. Die städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs, I, 262.

[3]) Ueber den Census und die Steuerverfassung der früheren römischen Kaiserzeit, 151, 167, 169.

Digitized by Google

формальною основой колоната, который затѣмъ развивался уже главнымъ образомъ вслѣдствіе переселенія варваровъ на римскую почву. Эта гипотеза имѣетъ всѣ дурныя стороны противоположныхъ мнѣній, разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ, не имѣя даже ихъ послѣдовательности: она можетъ считаться устраненною въ наукѣ. Гораздо замѣчательнѣе оригинальная, остроумно изложенная гипотеза Родбертуса, который выводитъ крѣпостничество изъ невольничества [1]). Онъ показываетъ прежде всего, какъ фактическія условія работали въ пользу перехода рабовъ къ положенію крѣпостныхъ. Въ Италіи, въ политическомъ центрѣ имперіи, по Тюненовскому закону, должна была сосредоточиться интенсивная культура, служившая своими утонченными продуктами—фруктами, овощами, цвѣтами—потребностямъ Рима, отбросившая заботу о хлѣбѣ на дальнія хлѣбородныя провинціи и требовавшая заботливости, энергіи мелкихъ хозяевъ, не смотря на то, что земля была подѣлена на латифундіи и населена рабами. Сами владѣльцы латифундій должны были, слѣдовательно, поднять лучшихъ изъ своихъ рабовъ почти на степень самостоятельныхъ арендаторовъ, сохраняя въ то же время неприкосновенными свои юридическія права на раба. Отсюда пошли колоны [2]). И въ Италіи, и въ провинціяхъ, даже обыкновенные рабы вносились въ инвентарный списокъ извѣстнаго участка и фактически прикрѣплялись къ извѣстному земельному хозяйству, потому что безъ особенной нужды перемѣщать ихъ не могло быть полезнымъ ни для кого. Рабское населеніе даже юридически прикрѣплялось къ участкамъ, заложеннымъ владѣльцами. Отсюда adscripticii [3]). Что дѣло было такъ дѣйствительно, а не предположительно, это Родбертусъ старается доказать и отдѣльными свидѣтельствами источниковъ II и III вѣковъ, такъ и разборомъ законодательства IV и V вв. Его способъ толкованія текстовъ отличается при этомъ столько же остроуміемъ, сколько произвольностью: по частнымъ вопросамъ мнѣ приходилось не разъ оспаривать его объясненія,—теперь я останавливаюсь только на общемъ выводѣ, къ которому меня привели и разборъ законодательства и свидѣтельства II и III вѣковъ. Общій выводъ этотъ согласенъ съ господствовавшею

---

[1]) *Troplong* (De l'échange et du louage, LX и сл.) и *Giraud* (Essais sur l'histoire du droit français, I, 160 и сл.) выводятъ колонатъ на половину изъ смягченнаго рабства, на половину же изъ уменьшенной свободы мелкихъ арендаторовъ. Мнѣніе этихъ ученыхъ неточно резюмировано у *Гейстерберга*.

[2]) Die Adscripticier; *Jahrbücher*, II, 3 и 4 Heft, 210 и сл., 214 и сл.

[3]) *Rodbertus*, Die Adscripticier etc., 229 и сл.

Digitized by Google

до Родбертуса доктриной: источники показываютъ намъ, что колонатъ выработался вслѣдствіе прикрѣпощенія свободныхъ людей, а не вслѣдствіе улучшенія и видоизмѣненія быта рабовъ. Здѣсь я прибавлю только еще одно замѣчаніе: еслибы гипотеза Родбертуса соотвѣтствовала дѣйствительнымъ фактамъ, послѣ законодательства IV и V вѣковъ—простыхъ земледѣльческихъ рабовъ не осталось бы совсѣмъ: они всѣ превратились бы или въ колоновъ, или въ адскриптиціевъ. Между тѣмъ, масса земледѣльческихъ рабовъ, находящихся въ полномъ распоряженіи владѣльца, попадается еще въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Но если Родбертусъ и объяснилъ неправильно происхожденіе колоната, то косвенно онъ весьма способствовалъ правильному пониманію аграрныхъ условій, приводившихъ къ закрѣпощенію земледѣльческаго населенія. То, что онъ говоритъ о необходимости для италіанскихъ землевладѣльцевъ завести на своихъ латифундіяхъ мелкое хозяйство, справедливо, но требуетъ различнаго рода ограниченій. Вопервыхъ, какъ показываютъ источники, интенсивная обработка огородовъ, виноградниковъ, фруктовыхъ садовъ, встрѣчается въ Италіи спорадически; большая часть страны была погублена латифундіями, обращена въ пустыню или въ пастбище; назначеніе болѣе или менѣе самостоятельныхъ управляющихъ въ оазисахъ интенсивной обработки, расположенныхъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ Рима, не могло дать соціальный матеріалъ для образованія колоната по всей имперіи [1]). Вовторыхъ, если землевладѣльцы назначали управляющихъ изъ рабовъ, то они точно также могли назначать колоновъ изъ свободныхъ людей и вольноотпущенныхъ. Втретьихъ, для образованія колоната на италіанской почвѣ такое же, если не большее значеніе, какъ и передача садовъ и виноградниковъ мелкимъ хозяевамъ, должно было имѣть заселеніе опустѣвшихъ мѣстностей, чтобы возобновить на нихъ обработку хлѣба: если первое движеніе относится, по мнѣнію Родбертуса, къ концу I и началу II вѣковъ, то второе дѣлалось настоятельною необходимостью для Италіи, начиная съ III вѣка, съ эпохи политическаго разстройства, несомнѣнно отозвавшагося на торговлѣ и въ особенности на хлѣбной. Какъ разъ къ этому времени относится и переселеніе массъ варваровъ въ сѣверную Италію, которая оттого только и могла обратиться въ Italia annonaria. Вчетвертыхъ, такъ какъ движеніе къ образованію колоната не должно было ограничиваться только мѣст-

[1] См. *Heisterbergk*, Entstehung des Colonats, 59 и сл.

Digitized by Google

ностями, на которыхъ завязалась особенно сильная, интенсивная культура, нѣтъ причины ограничивать его Италіей; напротивъ, у насъ есть достаточныя указанія, что оно было весьма могущественно именно въ южныхъ, хлѣбородныхъ провинціяхъ [1]).

То, что̀ говоритъ Родбертусъ о прикрѣпленіи простыхъ рабовъ къ земельному участку, о возникновеніи класса адскриптиціевъ — по его выраженію, также отчасти [2]) справедливо. Несомнѣнно, что аграрныя условія Римской имперіи не только привели къ образованію колоната, но содѣйствовали улучшенію быта рабовъ и тѣсно связали ихъ съ землей. Эта болѣе тѣсная связь не равнялась однако прикрѣпощенію, и самое движеніе совершалось параллельно образованію колоната, но не содѣйствовало ему.

Остаются теоріи, производящія колонатъ отъ поселеній мелкихъ свободныхъ арендаторовъ. Ревильу [3]), Валлонъ [4]) и Гейстербергъ [5]), расходясь въ подробностяхъ, показали однако, что, не смотря на образованіе латифундій въ Римской имперіи, должно было сохраниться значительное число свободныхъ земледѣльцевъ, потерявшихъ собственность на свои участки, но оставленныхъ на правахъ наслѣдственныхъ и срочныхъ арендаторовъ новыми владѣльцами. Гегель [6]) и Кунъ [7]) обратили вниманіе на то, какъ прикрѣпощеніе свободнаго земледѣльческаго населенія было только одною изъ формъ общаго закрѣпленія отношеній въ Римской имперіи IV вѣка, и какъ оно является необходимымъ послѣдствіемъ тяжелаго, осаднаго положенія имперіи. Гейстербергъ, направляя свое изслѣдованіе главнымъ образомъ противъ Родбертуса, въ то же самое время воспользовался его примѣромъ и старался при подготовкѣ колоната разъяснить главнымъ образомъ вліяніе экономическихъ причинъ, несомнѣнно имѣющихъ въ этомъ случаѣ первостепенное значеніе. Въ своемъ изложеніи мы преимущественно держались воззрѣній послѣдней изъ указанныхъ

---

[1]) *Heisterbergk*, 99 и сл.

[2]) Не знаю только, зачѣмъ было распространяться о вліяніи гипотечнаго права на прикрѣпощеніе? Ничѣмъ не доказано, чтобъ оно имѣло въ Римской имперіи такія особенности, которыя должны были привести къ особеннымъ, не повторяющимся въ другихъ эпохахъ и мѣстностяхъ, послѣдствіямъ.

[3]) *Revue historique de droit français et etranger*, I и II.

[4]) Histoire de l'esclavage, III.

[5]) Entstehung des Colonats, 40 и сл.

[6]) Geschichte der Städteverfassung Italiens, I, 84 и сл.

[7]) Städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Kaiserreichs, I, 259.

Digitized by Google

школъ, а потому можемъ теперь не останавливаться подробнѣе на ея аргументаціи. Ученый, въ самомъ недавнемъ времени занимавшійся колонатомъ, Юнгъ, заключаетъ свою статью въ Историческомъ Журналѣ Зибеля замѣчаніемъ, что при объясненіи происхожденія этого института, нельзя примкнуть вполнѣ ни къ одной изъ выставленныхъ до сихъ поръ теорій, а приходится относиться къ нимъ эклектически [1]). Замѣчаніе это въ извѣстномъ смыслѣ справедливо, потому что каждый изслѣдователь обыкновенно исходилъ изъ вѣрнаго частнаго наблюденія, и придавая ему слишкомъ большое, исключительное значеніе, строилъ на немъ неправильную теорію. Съ частными наблюденіями приходится соглашаться, а теорію все-таки надо отбросить. Замѣчательно далѣе, что какъ разъ представители взглядовъ сильно отклоняющихся отъ истины, Савиньи и Родбертусъ, въ отношеніи пріемовъ изслѣдованія сдѣлали гораздо болѣе остальныхъ ученыхъ: одинъ для систематическаго разбора колоната, другой для исторіи его законодательнаго развитія и до-законодательной подготовки. Особенно о Родбертусѣ можно сказать, что самая трудность, даже невозможность доказать его главное положеніе, принуждала его къ особенной изобрѣтательности и ухищреніямъ въ способѣ доказательства.

Прикрѣпощеніе свободныхъ крестьянъ было однимъ изъ послѣдствій установленія въ римскомъ обществѣ ненарушимаго наслѣдственнаго порядка занятій. Но общество и государство IV вѣка едва ли не больше нуждалось въ свободѣ, въ предпріимчивости, въ прогрессѣ, нежели въ порядкѣ и прочности. Если взять въ частности аграрныя потребности, — столь же необходимо было распространить обработку на новые или заброшенные участки, сколько поддерживать обработку старыхъ. А между тѣмъ, нельзя было въ одно и то же время снабдить земледѣльческое населеніе косностью и подвижностью. Послѣ прикрѣпощенія можно было воспользоваться колонами для заселенія запустѣлыхъ земель только тогда, когда эти земли находились въ ближайшемъ сосѣдствѣ колонатныхъ участковъ. Конституція 319 года [2]) показываетъ, что иногда колоновъ старались привлечь на запустѣлыя земли и предоставляли имъ отвоевывать себѣ участки въ пользованіе введеніемъ культуры. Но та же конституція показываетъ намъ на тѣхъ же земляхъ другихъ піонеровъ-эмфитеотовъ, право ко-

[1]) *Sybel's Zeitschrift*, Neue Folge, VI, 76.
[2]) XI, 63, 1.

Digitized by Google

торыхъ развивается также въ IV—VI вѣкахъ въ соотвѣтствіи и противоположности съ правомъ колоновъ. Императоры IV вѣка, запрещавшіе переходы свободныхъ крестьянъ, должны были поручить обработку заброшенныхъ земель и ихъ колонизацію крупнымъ землевладѣльцамъ и ихъ рабамъ. Оттого относительно послѣднихъ никогда не могли состояться мѣры, подобныя тѣмъ, которыя были приняты по отношенію къ мелкимъ арендаторамъ: крайнею мѣрой было запрещеніе продавать земледѣльческихъ рабовъ безъ земли; свобода распоряженія ими, пока они оставались у однихъ и тѣхъ же господъ, никогда стѣснена не была.

Хотя эмфитеоза развивалась совершенно въ другомъ направленіи, нежели колонатъ, но вышла она изъ того же самаго источника, изъ борьбы законодательства съ упадкомъ земледѣлія. Тутъ также податной интересъ правительства заставляетъ его заботиться объ аграрномъ благоустройствѣ; также точно, разъ взявшись направлять землевладѣніе и земледѣліе, государственная власть принуждена стѣснять самыя элементарныя права свободнаго человѣка: какъ у колона для обезпеченія обработки было отнято право располагать своею особой и имуществомъ, такъ на эмфитеота были наложены ограниченія по отношенію къ землямъ, находившимся въ его полной собственности, чтобы не пострадало имѣніе, предоставленное ему въ эмфитевтическую аренду [1]).

Намъ нѣтъ необходимости заниматься развитіемъ эмфитеозы также подробно, какъ мы занимались колонатомъ: вопервыхъ, вопросъ о ней не связанъ съ такими трудностями и разрѣшеніе его не подало повода къ такимъ разнорѣчіямъ; вовторыхъ, главное значеніе при изслѣдованіи эмфитеозы имѣетъ чисто юридическая сторона. Мы можемъ и не вдаваться въ разсужденіе о томъ, принадлежало ли эмфитеоту jus in re aliena, bonorum possessio или настоящій dominium. Если и прійдется касаться нѣкоторыхъ юридическихъ частностей, то лучше сдѣлать это впослѣдствіи, при разборѣ средневѣковой эмфитеозы. Теперь мы должны остановиться только на той зависимости, въ которой находилось развитіе эмфитеозы отъ общихъ условій римской жизни въ IV и V вѣкахъ.

Вѣчная или наслѣдственная аренда давно существовала въ римскомъ правѣ. Правда, частнымъ лицамъ, по видимому, весьма рѣдко приходилось прибѣгать къ ней: по крайней мѣрѣ, нѣтъ прямыхъ

[1]) Th. XI, 1, 4 (C. J. XI, 59, 2).

Digitized by Google

свидѣтельствъ ея существованія на частныхъ земляхъ. За то вѣчная аренда должна была встрѣчаться на земляхъ государства и императора, такъ какъ управлять ими было труднѣе, вслѣдствіе ихъ обширности. Обыкновенно эти земли арендовались на извѣстный срокъ крупными капиталистами, которые затѣмъ эксплоатировали ихъ съ помощью рабовъ или сдавали мелкимъ людямъ. Но рядомъ съ этимъ видомъ эксплоатаціи государственныхъ и государевыхъ земель держалась и вѣчная аренда [1]). Случаи послѣдней были однако не особенно часты, судя по тому, что она обособилась въ отдѣльный институтъ не на земляхъ государства, а на земляхъ городовъ, гдѣ развилось jus in agro vectigali [2]). Послѣднее отличалось отъ простой аренды не количественно только, не продолжительностью срока, а качественно. Арендатору предоставлялось для защиты его правъ отъ третьихъ лицъ и даже отъ собственника utilis in rem actio [3]); самъ онъ получалъ названіе владѣльца (possessor) [4]), и въ результатѣ положеніе такого рода арендаторовъ до такой степени приближается къ положенію собственника, что въ юридической литературѣ II вѣка возникаетъ вопросъ, подходитъ ли договоръ, вслѣдствіе котораго являлось это право, подъ категорію найма или отчужденія имущества [5]).

Locatio agri vectigalis является антецедентомъ эмфитеозы въ римскомъ гражданскомъ правѣ, но самая эмфитеоза развивается гораздо позднѣе, начиная съ эпохи Константина, и въ еще большей зависимости отъ права финансоваго, нежели отъ гражданскаго.

Самыя названія emphyteusis, emphyteuticarius и т. п. появляются впервые въ законодательныхъ постановленіяхъ константиновской эпохи [6]). Затѣмъ, и названія и связанныя съ нимъ отношенія, встрѣчаются на каждомъ шагу, заботливо развиваются и ограждаются зако-

---

[1]) D. XXXIX, 4, 11, § 1: agri publici, qui in perpetuum locantur a curatore sine auctoritate principali revocari non possunt.

[2]) D. VI, 3, 1, pr: Agri civitatum alii vectigales vocantur, alii non vectigales. Vectigales vocantur, qui in perpetuum locantur — — Non vectigales sunt, qui ita colendi dantur, ut privatim agros nostros colendos dare solemus.

[3]) D. VI, 3, 1, § 1. *Puchta*, Cursus der Institutionen, § 245, стр. 604.

[4]) D. II, 8, 15, § 1.

[5]) *Gaius*, III, 145; *Pepin le Halleur*, Histoire de l'emphytéose en droit romain et francais, 13, 14.

[6]) Въ заглавіи къ Д. VI, 3 слово emphyteuticarius вставлено компиляторами Юстиніанова кодекса. Puchta, 607, примѣчаніе.

Digitized by Google

нодательствомъ, которое вплоть до конституціи Зенона отличается большою послѣдовательностью и ясностью. Конституціей Зенона [1]) начинается новый періодъ въ исторіи эмфитеозы, существеннѣйшимъ отличіемъ котораго служитъ то обстоятельство, что признается и регулируется эмфитевтическая аренда на земляхъ частныхъ лицъ, между тѣмъ какъ до этого времени ей подлежали только земли государства, городовъ, церкви и корпорацій. Ограниченіе эмфитевтической аренды первоначально одними этими землями стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ ея свойствами и исторіей. Дѣло въ томъ, что въ законодательствѣ четвертаго вѣка главнымъ признакомъ эмфитеозы является не столько частноправовое положеніе земли—отдача ея въ вѣчную аренду, сколько ея финансовое положеніе—облегченіе и закрѣпленіе на вѣчныя времена лежащихъ на ней государственныхъ повинностей, съ цѣлью облегчить ихъ взносъ. Пустыхъ заброшенныхъ земель было много въ имперіи, и число ихъ все росло. Гнетъ податей, лежавшихъ на землевладѣльцахъ, былъ такъ великъ, что многіе изъ нихъ предпочитали бросить свои земли совсѣмъ, чтобы только не платить податей [2]). Что было дѣлать съ этими заброшенными землями и съ кого взыскивать повинности? Собственно говоря, земли по истеченіи извѣстнаго времени переходили къ городской общинѣ, которую покинулъ бѣглецъ, и на ту же городскую общину взваливалась вся тяжесть налоговъ. Но примѣнять единственно это правило было бы то же самое, что расходовать капиталъ, чтобы покрыть убыль въ процентахъ. Надо было попробовать сдѣлать раззорительный налогъ, согнавшій владѣльца съ земли, менѣе раззорительнымъ, а самое владѣніе землей болѣе выгоднымъ. Чтобы достигнуть этого, государство прибѣгало къ разнымъ средствамъ, изъ которыхъ главнымъ была раздача земель въ вѣчное пользованіе на льготномъ правѣ. Получавшій добровольно или по принужденію заброшенное или запущенное имѣніе освобождался совершенно отъ цѣлаго ряда повинностей, извѣстныхъ подъ именемъ „munera extraordinaria“ [3]), освобождался на время отъ уплаты земельнаго налога, и наконецъ, пользовался тѣмъ громаднымъ преимуществомъ, что и по истеченіи извѣстнаго льготнаго времени, его имѣніе платило не измѣнчивыя

[1]) C. J. IV, 66, 1.

[2]) C. J. XI, 59, 11;—Sin vero impares esse earum rerum tributis propria confitentur absentia.

[3]) C. J. XI, 65, 1 и 2.

Digitized by Google

суммы, сообразно увеличенію его доходности, приплоду животныхъ и т. п., а одну постоянную сумму, канонъ, взимавшійся частью деньгами, частью натурой [1]). Эти разнообразныя льготы давали возможность и обязывали владѣльца поднять хозяйство въ имѣніи, улучшить его всякаго рода „насажденіемъ“ (ἐμφύτευσις), сдѣлать его снова способнымъ нести фискальныя повинности. Такъ какъ для этого вначалѣ необходимо было много своего капитала, то къ эмфитеозѣ допускались только состоятельные люди, отвѣчавшіе за правильную уплату канона всѣмъ своимъ имуществомъ [2]). Такіе люди не только допускались, но приневоливались въ извѣстныхъ случаяхъ къ принятію заброшенныхъ земель [3]).

Такимъ образомъ, эмфитеоза четвертаго вѣка возникаетъ вслѣдствіе желанія государства найдти плательщика подати для заброшенной земли; эмфитевтическій канонъ есть не что иное, какъ облегченный и фиксированный налогъ, наконецъ договоръ этотъ развивается въ тѣснѣйшей связи съ политикой Римскихъ императоровъ, клонившейся къ тому, чтобъ установить равномѣрное распредѣленіе доходныхъ и бездоходныхъ земель [4]). Понятно, что такого рода договоръ могъ возникнуть только на земляхъ, принадлежащихъ или прямо государству, или политическимъ корпораціямъ, заботившимся о подати и отвѣчавшимъ за нее [5]). На частныхъ земляхъ эмфитеоза являлась только уже послѣ того, какъ отъ нихъ отказался частный собственникъ, и онѣ прошли черезъ руки тѣхъ же политическихъ корпорацій. Но хотя эмфитеоза по своему происхожденію принадлежала собственно области финансоваго права, она все-таки была договоромъ. Эмфитевтическій канонъ отличался отъ обыкновеннаго земельнаго налога

---

[1]) C. J. XI, 59 11:—Penes eos, qui haec susceperint et certum quem *tributorum canonem* promittunt. C. J. XI, 59, 17: Si quis—de fundis patrimonialibus steriles sub certi canonis pollicitatione susceperit, firmiter eum volumus possidere sub eiusdem tantum canonis solutione. Nullamque eos descriptionem aut adiectionem aut innovationem in posterum sustinere etc. C. J. XI, 66, 2: si quid adiecerit sumptus cura sollertia, quidquid mancipiorum vel pecoris adcreverit, capitationis aut canonis augmenta non patiatur.. Ср. C. T. L. XI, 16, 1.

[2]) XI, 62, 7.

[3]) XI, 59, 5.

[4]) «Quando steriles fertilibus imponuntur» сказано въ заглавіи C. J. XI, 59. Говорятъ также о perfusio utilium cum inutilibus и т. п.

[5]) Теорія относительно фискальнаго происхожденія и характера эмфитеозы подробно изложена у Латтеса, которому я и слѣдую (Dell' influenza del contratto enfiteutico etc. *Memorie dell' Accademia di Torino*, 1871; особенно стр. 117 и 119).

Digitized by Google

не только своею неизмѣнностью, но также тѣмъ, что уплачивался только въ силу условія, которое въ принципѣ предполагало добровольное согласіе сторонъ, и не имѣло такимъ образомъ обязательнаго, односторонняго характера государственной подати. Какъ договоръ, эмфитеоза чрезвычайно близко подходила къ locatio perpetua agri vectigalis. Оттого на нее должна была быть перенесена большая часть правилъ аренды вообще и этого вида аренды въ особенности. Что дѣйствительно дѣло было такъ, мы можемъ заключить скорѣе изъ отдѣльныхъ указаній, нежели изъ подробнаго разъясненія источниковъ. Такого рода указаніемъ служатъ уже тѣ выраженія, которыя употребляются въ законодательствѣ какъ синонимы термина эмфитеоза— locatio jure perpetuo salvo canone или jure privato salvo canone [1]). Канонъ иногда разсматривается не столько какъ подать, сколько какъ арендная плата [2]).

Окончательное развитіе получилъ договоръ эмфитеозы, когда пересталъ примѣняться только къ землямъ политическихъ корпорацій и былъ признанъ наравнѣ съ обыкновенною арендой на земляхъ частныхъ лицъ. Въ такомъ видѣ онъ является вдругъ въ знаменитой конституціи Зенона [3]), которая именно вслѣдствіе своей неожиданности предполагаетъ или какія-либо предшествовавшія и утратившіяся законодательныя постановленія или подготовку на почвѣ фактическихъ отношеній. Она разрѣшаетъ относительно эмфитеозы вопросъ, который былъ разрѣшенъ Гаемъ относительно locatio perpetua agri vectigalis; отдѣляя эмфитеозу отъ договоровъ найма и купли—продажи, она приближаетъ ее все таки къ первому изъ нихъ. Остальныя конституціи Юстиніанова кодекса, послѣдовавшія за Зеноновою, представляютъ только развитіе этого основнаго принципа и примѣненіе его къ различнымъ юридическимъ случаямъ; содержаніе ихъ

---

[1]) C. J. XI, 59, 7. Quicumque defectum fundum patrimonialem exercuerit, fertilem idoneumque praestiterit, salvo patrimoniali canone perpetuo ac privato jure defendat velut domesticum et avita successione quaesitum. Pepin le Halleur Histoire de l'emphytéose, 20 и сл., 25 и сл., 32, строитъ весьма своеобразную теорію на предполагаемой противуположности между jus privatum salvo canone и jus perpetuum s. c. Приведенное мною мѣсто показываетъ, что законодательство не предполагало такой противуположности.

[2]) Въ C. J. XI, 59, 7 canon отличается отъ tributa. Вѣроятно, часть повинности считалась арендною платой, а часть разсматривалась какъ фиксированный земельный налогъ.

[3]) XI, 66, 1.

Digitized by Google

анализировано спеціалистами, и мы не имѣемъ причинъ пока на нихъ останавливаться.

Сказаннаго до сихъ поръ, кажется, достаточно, чтобъ установить происхожденіе эмфитеозы изъ аграрныхъ и фискальныхъ нуждъ имперіи четвертаго вѣка. Необходимо только прибавить нѣсколько словъ относительно фактическаго значенія, которое долженъ былъ имѣть этотъ договоръ въ эпоху своего возникновенія. У насъ нѣтъ статистическихъ данныхъ относительно степени распространенія эмфитеозы, но есть другаго рода средство оцѣнить ея значеніе для имперіи IV и V вѣковъ: за исключеніемъ родственнаго эмфитеозѣ колоната нѣтъ ни одной матеріи, которая подала бы поводъ къ такой усиленной и оригинальной законодательной дѣятельности императоровъ отъ Константина до Юстиніана, какъ эмфитеоза. Конечно, кодексы вообще составлены изъ конституцій преимущественно этой эпохи, но громадное большинство ихъ только развиваетъ и дополняетъ юридическіе принципы, созданные раньше и ясно выраженные еще у классическихъ юристовъ. Аграрнофискальное законодательство, напротивъ, выработано собственно діоклетіано-константиновскою и слѣдовавшею за нею Восточною имперіей, и выработано притомъ часто въ противорѣчіи съ принципами классической юриспруденціи. Въ какой степени это законодательство и опредѣлившія его фактическія отношенія повліяли на матеріальное развитіе средневѣковой жизни въ Италіи и на самыя внѣшнія ея формы, покажетъ послѣдующее изложеніе, но уже теперь, заканчивая разборъ римскаго колоната и эмфитеозы, мы имѣемъ право обратить вниманіе на то, что эти отношенія заключали въ себѣ два принципа, существеннымъ образомъ способствовавшіе развитію феодализма.

Эмфитеоза представляетъ юридическую форму, родственную средневѣковой цензивѣ, которая, въ свою очередь, находится въ тѣснѣйшей связи съ леномъ. Если обращать вниманіе на формальную сторону, то можно сказать, что ленный и цензивный уговоры прямо развились изъ эмфитевтическаго; не получивъ еще собственныхъ названій и правилъ, они долго прикрываются названіемъ и правилами эмфитеозы, а на церковной почвѣ никогда не отдѣляются отъ нея вполнѣ. Вліяніе эмфитеозы именно на распоряженіе церковными землями было чрезвычайно сильно, потому что эта аренда, граничившая съ отчужденіемъ, одна могла сколько-нибудь замѣнить для церкви право отчужденія. Собирая массы земель въ свою „мертвую руку“, церковь могла прибѣгнуть только къ эмфитеозѣ, когда ей нужно

Digitized by Google

было получить деньги вмѣсто земли, или сложить съ себя текущія обязанности хозяина-землевладѣльца, или, наконецъ, пожертвовать частью своего земельнаго богатства, чтобы пріобрѣсти чье-либо покровительство, избавиться отъ грозящей опасности. Продавать и дарить было нельзя—оставалось маскировать продажу и даръ въ формѣ эмфитеозы. Что разбираемый договоръ уже въ Римской имперіи являлся для церкви могущественнѣйшимъ средствомъ распоряжаться имѣніями—это доказывается постановленіями, направленными противъ злоупотребленія этимъ средствомъ. Злоупотребленія эти совершенно однородны въ эпоху Римской имперіи и въ эпоху варварскихъ королевствъ, однородны потому, что вытекаютъ изъ самой сущности дѣла [1]).

Эмфитеозой пользовались, чтобы такъ-сказать „мобилизировать" церковную земельную собственность, между тѣмъ какъ, по основному каноническому правилу, она должна была быть неподвижна; на практикѣ за эмфитеозой, могло скрываться, на ряду съ отчужденіемъ по необходимости, расточеніе церковныхъ земель недостойными іерархами, разграбленіе ихъ беззаконными мірянами. Оттого уже въ римскую эпоху законодательство церковное и общее безуспѣшно ставятъ себѣ неразрѣшимую задачу стѣснить эмфитеозу въ такой степени, чтобъ она всегда служила только на пользу церкви, но никакъ не чьимъ-либо корыстнымъ цѣлямъ.

Едва ли есть надобность настаивать на томъ, что образованіе колоната должно было существенно подготовить процессъ средневѣковой феодализаціи. Посмотримъ ли мы на политическій характеръ феодализаціи, на замѣну отношеній подданства отношеніями коммендаціи, не подлежитъ сомнѣнію, что приведеніе многочисленнаго класса свободныхъ людей въ такую юридическую зависимость отъ землевладѣльца, какая вызвана колонатомъ, должно было ослабить ихъ связь съ государствомъ, подготовить политическое подчиненіе землевладѣльцу. Обратимся ли мы къ сословному строю, будемъ ли искать зародышей аристократическаго положенія вооруженныхъ землевладѣльцевъ и зависимаго положенія лично свободныхъ людей, живущихъ на землѣ, признанной чужою, — мы замѣтимъ въ колонатѣ первую форму уменьшенія свободы вслѣдствіе найма чужой земли; пріймемъ ли мы, наконецъ, во вниманіе роль феодализма для землевладѣнія и земледѣлія, прійдется признать несомнѣнную связь колоната съ эксплоатаціей имѣній средневѣковыми крѣпостными крестьянами. По-

[1]) *Pépin le Hailleur*, Histoire de l'emphytéose, 150 и сл.

Digitized by Google

явленіе класса колоновъ должно было дѣйствовать разлагающимъ образомъ на соприкасающіеся съ нимъ классы земледѣльческихъ рабовъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Дѣйствительно, мы видѣли, что участь земледѣльческихъ рабовъ измѣнилась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и приблизилась къ положенію колоновъ [1]). Мы имѣемъ также основаніе предполагать, что многіе рабы отпускались на волю и прикрѣплялись къ землѣ. Но вліяніе колоната отражалось главнымъ образомъ на массѣ мелкихъ свободныхъ людей, изъ которой онъ вышелъ. Уже въ Римской имперіи опредѣлилось характеризующее средніе вѣка движеніе, по которому свобода и независимость постоянно проигрываютъ, уступаютъ мѣсто полусвободѣ, подчиненію. Это движеніе болѣе всего показываетъ, въ какой степени была расшатана политическая система имперіи, какъ сильно подняли голову частныя силы, старавшіяся идти наперекоръ государственному порядку, или даже, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, замѣнить его. Само государство признавало политическое значеніе крупныхъ землевладѣльцевъ, выдѣляло ихъ изъ общей массы подданныхъ и гражданъ и старалось создать себѣ изъ нихъ опору. Мало того, что къ концу имперіи не особенно многочисленные possessores сплачиваются въ отдѣльное сословіе, предназначенное дѣлить съ куріалами почести и тягости муниципальной жизни,—крупные комплексы собственности начинаютъ по немногу освобождаться отъ вѣдомства курій и образовывать самостоятельныя административныя тѣла. Изъ общихъ всей имперіи основныхъ дѣленій на городскія общества начинаютъ выступать имѣнія частныхъ лицъ. Поставка рекрутъ, сборъ податей съ крупнаго имѣнія, какъ мы видѣли,—сосредоточивается въ рукахъ помѣщика. Но кромѣ того, онъ получаетъ, наравнѣ съ городской общиной, право держать рынокъ на своей землѣ [2]), наконецъ, его имѣніе составляетъ единство въ церковномъ отношеніи—въ немъ нельзя поставить священникомъ чужаго человѣка [3]). Правда, что, съ другой стороны, государство признаетъ и старается усилить общественную организацію силъ, въ которыхъ еще держатся мелкіе собственники. Какъ разъ въ V и VI вѣкахъ являются любопытные слѣды существованія сельскихъ обществъ съ организаціей, напоминающею муниципалитеты. Восточныя „метрокоміи“ имѣютъ своихъ иринарховъ и старшинъ, жители ихъ связаны круго-

[1]) C. J. XI, 48, 7.

[2]) *Jung*, Agrarverhältnisse der römischen Kaiserzeit; *Hist. Z.*, Neue Folge, VI, 54.

[3]) C. J. I, 3, 11 и 16.

Digitized by Google

вою порукой при уплатѣ податей; и государство старается поддержать села въ прежнемъ составѣ, запрещая продавать дворы или земли лицамъ, не принадлежащимъ общинѣ, которая такимъ образомъ должна составлять неразрывное цѣлое въ отношеніи собственности [1]). Но подобнаго рода сельское устройство, хотя оно имѣетъ цѣлью поддержать остатки мелкой собственности тамъ, гдѣ они еще существовали, не было исключительнымъ достояніемъ свободныхъ деревень; напротивъ, можно полагать, что деревни, населенныя зависимыми людьми, представляли еще болѣе тѣсное цѣлое: по крайней мѣрѣ, о колонахъ императора мы знаемъ, что связь между ними была такъ сильна въ экономическомъ отношеніи, что имъ было запрещено не только отчуждать, но даже покупать отдѣльно другъ отъ друга [2]).

Притомъ, никакія отдѣльныя постановленія императоровъ, направленныя къ тому, чтобы скрѣпить единство сельскихъ общинъ и облегчить имъ возможность держаться противъ крупныхъ землевладѣльцевъ, никакія отдѣльныя мѣры въ этомъ смыслѣ не въ состояніи были справиться съ притягательною силой крупнаго землевладѣнія. Вмѣсто признанныхъ закономъ союзовъ равныхъ гражданъ въ городскихъ и сельскихъ дѣленіяхъ, въ V и VI вѣкахъ насильственно выдвигаются запрещенные закономъ союзы, ставящіе покровительство магнатовъ на мѣсто государственной охраны. Самыми опасными ослушниками государства являются его собственные слуги, солдаты и военачальники. Въ средніе вѣка мелкій людъ „коммендировался“ сильнымъ людямъ, чтобы найдти у нихъ защиту для жизни и собственности; въ Римской имперіи V вѣка свободные люди ищутъ въ патронатѣ спасенія отъ податей [3]). При этомъ выясняется, что боялись земельнаго и связаннаго съ нимъ имущественнаго налога, отъ нихъ то и старались уйдти. Въ иныхъ случаяхъ образованіе частнаго союза

---

[1]) C. Th. XI, 24 (de patrociniis vicorum), особенно 6, § 1; Metrocomiae vero in publico jure et integro perdurabunt, ne qui squam eas vel aliquid in his possidere temptaverit, nisi qui ante consulatum praefinitum coeperit procul dubio possidere; exceptis convicanis, a quibus pensitanda pro fortunae condicione negari non possunt.

[2]) C. J. XI, 68, 6: Quotiens alicui colonorum agrum privati patrimonii nostri placuerit venumdari, non unus tantum, qui forte consortibus suis gravis ac molestus existat, sed alii quoque duo vel plures ex simili origine ac jure venientes in supradicta emptione socientur.

[3]) C. J. XI, 24, passim; C. J. XI, 54. Рѣчь Либанія περὶ τῶν προστασιῶν посвящена также описанію этихъ сдѣлокъ населенія съ войсками, отъ которыхъ страдали и государство, и частные люди. Ср. *Jung*, *Hist. Z.*, 73 и сл. *Roth*, Feudalität, 283.

Digitized by Google

приводило просто къ сопротивленію силою сборщикамъ податей, или что почти то же самое, къ застращиванію властей. Въ большинствѣ же случаевъ достигали цѣли хитростью, и дѣло становилось гораздо сложнѣе: мелкій собственникъ переводилъ землю на имя своего покровителя съ помощью фиктивной дарственной или купчей, а покровитель уже старался правдой или кривдой отбиться отъ подати [1]), выхлопатывалъ льготу или просто прогонялъ сборщиковъ. Въ этихъ случаяхъ покровительство солдатъ или магнатовъ покупалось, по видимому, какимъ-нибудь оброкомъ, или личною службой и подчиненіемъ. Но иногда, какъ мы видимъ изъ сочиненія Сальвіана: de gubernatione Dei, V, 9, приходилось уступать земли покровителямъ не для виду только, а въ дѣйствительности. Искавшіе патроната обыкновенно старались заключить съ своими покровителями такого рода условія, отъ которыхъ страдали бы не столько они сами, сколько ихъ дѣти. Освобождаясь отъ земельныхъ повинностей отдачей большей части имѣнія, они все-таки считали себя въ выгодѣ, но къ дѣтямъ и потомкамъ возвращалась отвѣтственность за весь налогъ, хотя и не возвращались имѣнія. Имъ оставалось только искать спасенія въ колонатной зависимости, еще болѣе тѣсной, нежели зависимость отъ патрона [2]). Самый фактъ расточенія семейнаго имущества однимъ поколѣніемъ для облегченія себя и въ ущербъ потомкамъ повторяется въ другихъ формахъ въ исторіи среднихъ вѣковъ: церковныя прекаріи VII—IX вѣковъ большею частью предоставляли извѣстнымъ лицамъ пожизненное пользованіе церковными участками, чтобы обезпечить церкви ихъ наслѣдство.

Не всегда патронатъ являлся результатомъ податнаго гнета. Иногда имъ пользовались въ процессахъ для того, чтобы произвесть давленіе на судей [3]). Но противъ податей всего чаще заключались частные союзы, и возможность ихъ появленія, пожалуй, еще красно-

---

[1]) C. J. XI, 54, 1: Si quis—in fraudem circumscriptionemque publicae functionis ad patrocinium cuius cumque confugerit, id, quodhuius rei gratia geritur sub praetextu donationis vel venditionis seu conductionis, nullam habeat firmitatem.

[2]) Знаменитое мѣсто Сальвіана толковалось различно. Савиньи различаетъ три вида обѣднѣвшихъ гражданъ, спасающихся отъ подати: первые становятся мелкими арендаторами на чужихъ земляхъ, вторые—колонами, третьи—рабами. (Ueber den römischen Colonat, V. S. II, 46). Я слѣдовалъ объясненію Рота: Feudalität, 285 и сл.

[3]) C. J. II, 13 (ne liceat potentioribus patrocinium litigantibus praestare vel actiones in se transferre).

Digitized by Google

рѣчивѣе говоритъ о постепенномъ ослабленіи политической связи въ имперіи, о признакахъ ея разложенія, нежели колонатъ и эмфитеоза. Эти послѣднія явленія разсматриваются преимущественно съ точки зрѣнія частнаго права; чисто юридическія наблюденія надъ ними отвлекаютъ вниманіе отъ ихъ общаго значенія для политики. „Patrocinia", напротивъ, находятся въ прямомъ, открытомъ противорѣчіи съ главными принципами государственнаго существованія: они передаютъ политическую силу частнымъ людямъ и стремятся парализовать государство въ одной изъ его важнѣйшихъ функцій. При этомъ „patrocinium" если и приводилъ иногда посредственно къ колонату, то нисколько не находился съ нимъ въ какой-либо необходимой связи. Онъ не только увеличивалъ число полусвободныхъ людей, но приводилъ къ образованію класса свободныхъ людей, находящихся въ политической зависимости отъ другихъ свободныхъ [1]). Въ этомъ отношеніи римскій „patrocinium" представляетъ сходство съ позднѣйшею средневѣковою коммендаціей; сходство это не ручается за преемственную связь между двумя явленіями; но оно, во всякомъ случаѣ, показываетъ, что имперія IV и V вѣковъ, не смотря на то, что она по внѣшности оставалась государствомъ деспотическимъ и централизованнымъ, въ дѣйствительности начинала уже разлагаться на составныя части и приближаться къ средневѣковому политическому типу. Частныя силы начинаютъ пробиваться наружу до германскаго завоеванія, и потому ихъ дѣятельность не можетъ быть послѣдствіемъ исключительно этого завоеванія и вступленія въ исторію германскаго элемента. Роль крупнаго землевладѣнія и военной аристократіи уже намѣчена послѣдними вѣками Римской имперіи.

[1]) *Roth*, Feudalität, 287:— — es wurde dadurch nur die *hörige* Bevölkerung vermehrt, nicht aber die Grundlage für eine abhängige freie Bevölkerung gegeben, da die römische Gesetzgebung (?!) noch immer keine Art von Hoheit neben der obrigkeitlichen duldete». Самъ Ротъ различаетъ двѣ формы зависимости въ описаніи Сальвіана—свободныхъ людей, подпавшихъ патронату, и ихъ дѣтей, сдѣлавшихся колонами. Первые какъ разъ подходятъ подъ обозначеніе «abhängige freie». Затѣмъ не ясно ли, что политическая важность патроната въ томъ и состоитъ, что онъ не признанъ законодательствомъ и направленъ противъ него?

П. Виноградовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. *А. Никитскаго.* С.-Петербургъ. 1879.

Сочиненіе, заглавіе котораго выписано въ началѣ настоящей статьи, составляетъ только часть многолѣтнихъ, веденныхъ съ замѣчательною настойчивостію, изслѣдованій г. Никитскаго по исторіи Новгородской земли, появлявшихся въ печати съ 1869 г. въ видѣ отдѣльныхъ статей и уже съ этого времени обратившихъ на себя всеобщее вниманіе спеціалистовъ по русской исторіи [1]). Одновременно съ изученіемъ внутренняго строя этой земли г. Никитскій изучалъ и бытъ земли Псковской, выработавшей не мало замѣчательныхъ, ей только принадлежащихъ особенностей, изученіе которыхъ въ значительной степени вводитъ и въ пониманіе жизни собственно новгородской, такъ какъ та и другая земля развивались на одинаковыхъ началахъ, и только особыя, во многомъ отличныя отъ Великаго Новгорода, условія жизни его младшаго брата оставили свои неизгладимые слѣды въ

[1]) Съ 1869—1878 г. напечатаны г. Никитскимъ слѣдующіе труды: «Очерки изъ жизни Великаго Новгорода: I) Правительственный Совѣтъ»—*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1869 г., № 10; II) «Святой великій Иванъ на Опокахъ» — тамъ же, 1870 г., № 9; III) «Военный бытъ въ Великомъ Новгородѣ»—*Русск. Старина*, 1870 г., № 3; «Кто былъ Гедиминъ?»—тамъ же, 1871 г., № 8; «Теорія родоваго быта въ древней Руси»—*Вѣстн. Европы*, 1870 г., № 8; «Очеркъ внутренней исторіи Пскова», С.-Пб. 1873 г. Разборъ соч. г. *Бережкова*: О торговлѣ Руси съ Ганзою до конца XV в., составленный по порученію Академіи Наукъ, напечатанъ въ Отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ наградъ за 1879 годъ.

Digitized by Google

особенностяхъ его внутренняго строя. Эти особенности были предметомъ отдѣльнаго замѣчательнаго изслѣдованія г. Никитскаго, которое онъ издалъ въ 1873 г. подъ заглавіемъ: „Очеркъ внутренней исторіи Пскова".

Новый трудъ его раскрываетъ передъ нами ту многообъемлющую и исполненную живаго интереса сферу дѣятельности Великаго Новгорода, въ которой такъ замѣтно выражались его самобытныя стремленія, близко знакомитъ съ главными моментами развитія тѣхъ отношеній, которыя держались религіозно-нравственнымъ авторитетомъ, рождались и видоизмѣнялись подъ вліяніемъ болѣе постоянныхъ, лучшихъ стремленій, а не подъ вліяніемъ случайныхъ интересовъ, мелкихъ, корыстныхъ разсчетовъ, увлеченій толпы, такъ часто колебавшихъ весь строй новгородской жизни. Эта высоко поучительная, религіозно-нравственная сторона жизни Великаго Новгорода, дававшая ему извѣстную устойчивость и спокойствіе, столь необходимое ему, по достоинству оцѣнена г. Никитскимъ и въ сочиненіи его выступаетъ въ яркихъ образахъ. Талантливый и много потрудившійся авторъ его одинъ изъ лучшихъ въ настоящее время ученыхъ знатоковъ новгородской и псковской старины, нерѣдко вполнѣ овладѣваетъ вниманіемъ читателя и переноситъ его въ ту эпоху независимаго существованія Великаго Новгорода, когда окрѣпла его самобытность и опредѣлилась власть владыки. Всѣ его многосложныя отношенія и къ вѣчу, и къ князю, и ко всему населенію Новгородской земли, и къ сосѣднимъ государствамъ, вообще значеніе его обширной власти ни въ одномъ сочиненіи по исторіи Новгорода не были такъ вѣрно опредѣлены, такъ живо и съ такою полнотой обрисованы, какъ въ новомъ трудѣ г. Никитскаго.

Значительными также достоинствами отличается его очеркъ дѣятельности владыкъ Великаго Новгорода въ эпоху, наступившую послѣ его паденія до начала XVI столѣтія, когда въ сферѣ его церковной жизни происходила важная перемѣна, утверждалась система московскаго церковнаго управленія. Къ этой трагической эпохѣ авторъ отнесся съ замѣчательною объективностію и представилъ обстоятельную характеристику дѣятельности владыкъ, которымъ пришлось принять на себя рѣшеніе трудныхъ задачъ этого тяжелаго переходнаго времени—Ѳеофила, принужденнаго согласиться на отреченіе, предложенное ему московскимъ правительствомъ,—Сергія, памятнаго своимъ неуваженіемъ къ новгородской святынѣ, и знаменитаго Геннадія, въ которомъ авторъ исторіи Новгородской церкви видитъ весьма способнаго прави-

Digitized by Google

теля [1]). Съ полнымъ безпристрастіемъ г. Никитскій относится также и къ дѣятельности великаго князя Ивана III, отношенія котораго къ Новгороду оказываются не такими самовластными и несправедливыми, какими ихъ нѣкоторые изображали, подъ исключительнымъ вліяніемъ весьма понятнаго сочувствія къ падшему и безсильному.

Къ секуляризаціи церковныхъ земель Великаго Новгорода великій князь Иванъ III былъ вынужденъ прибѣгнуть для увеличенія своихъ матеріальныхъ средствъ, потому-что новгородскіе бояре и вообще знатные люди „успѣли выговорить себѣ у великаго князя не только безопасность личности, гарантію отъ вывода изъ Новгородской земли", но вмѣстѣ съ тѣмъ и безопасность своихъ поземельныхъ владѣній [2]); а у Великаго Новгорода, „по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ къ центру жизни мѣстностяхъ, въ то время, какъ видно, уже не было больше никакихъ свободныхъ поземельныхъ владѣній" (стр. 125). По этому поводу авторъ замѣчаетъ: „Какъ ни понятны мотивы, которыми руководился Иванъ III при секуляризаціи церковныхъ земель, на счетъ впечатлѣнія этой мѣры на Новгородскую церковь не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кто въсмутные дни былъ надежнѣйшимъ союзникомъ великаго князя въ Новгородѣ? Церковь. Кто же въ Новгородѣ поплатился за неудачныя попытки борьбы противъ Московскаго государства? Страннымъ образомъ, опять таки церковь" (стр. 126). Съ такою, достойною историка, осторожностію относится г. Никитскій къ жгучимъ вопросамъ изучаемаго имъ времени, при рѣшеніи которыхъ страдали не одни виновные, но и виноватые безъ вины.

Въ удаленіи владычней казны изъ Новгорода историкъ видитъ не простое средство наживы, какъ представляло себѣ это распоряженіе Ивана III большинство изслѣдователей, а политическую мѣру. „Луч-

---

[1]) Стр. 127, 130, 132—133, 171.

[2]) П. С. Р. Л., VI (Соф. 2 лѣт.), стр. 214—217. 1478 г. 7-го декабря, во время переговоровъ новгородскихъ пословъ съ боярами великаго князя, «Яковъ Ѳедоровъ посадникъ, билъ челомъ, чтобы пожаловалъ князь великій вывода не учинилъ изъ Новугородской земли; да и о вотчинахъ боярскихъ земляхъ, чтобы государь не вступался»... (стр. 214). На это в. князь черезъ своихъ бояръ далъ такой отвѣтъ: «А что есте били челомъ мнѣ, великому князю, чтобы вывода изъ Новугородской земли не было, да у бояръ у Новгородскихъ въ отчины въ ихъ земли намъ, великимъ княземъ, не вступатися, и мы тѣмъ свою отчину жалуемъ, вывода бы не было, а въ вотчины ихъ не вступаемся» (стр. 215); то же сказалъ посламъ новгородскимъ и самъ великій князь 29-го декабря и 13-го января (стр. 215—218); VIII (Воскр. лѣт.), стр. 192—194, 197, Никон. лѣт., VI, 92. 94—95, 100.

Digitized by Google

шимъ доказательствомъ" такого мнѣнія, замѣчаетъ г. Никитскій,— „служитъ то обстоятельство, что владычная казна сохранилась въ Москвѣ въ цѣлости, и когда миновала опасность затрудненій со стороны Новгородской церкви, была возвращена оттуда вполнѣ въ Великій Новгородъ", именно въ 1524 году [1]) (стр. 128).

Все относящееся въ трудѣ г. Никитскаго къ исторіи дѣятельности владыкъ Новгородскихъ составляетъ одну изъ самыхъ значительныхъ и цѣнныхъ частей его труда и вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ одной изъ главныхъ задачъ его — раскрыть, какъ онъ самъ опредѣляетъ, общее теченіе новгородской церковной жизни, опредѣлить связь, „которая соединяла какъ церковное движеніе съ гражданскимъ, такъ и отдѣльныя теченія перваго одно съ другимъ". Для раскрытія этой связи историкомъ сдѣлано не мало.

Положеніе христіанской церкви въ Новгородѣ въ начальную ея эпоху, сохраненіе языческихъ вѣрованій въ средѣ русскаго населенія и инородцевъ, положеніе приходскаго духовенства, не имѣвшаго такого значенія, какъ въ Псковѣ, и отшельничество, какъ особая форма монастырскаго строя, все это вѣрно и остроумно объяснено г. Никитскимъ условіями быта Великаго Новгорода и ходомъ его исторіи: неподготовленностію почвы къ воспріятію христіанства, болѣе значительнымъ, чѣмъ въ другихъ русскихъ земляхъ—вліяніемъ финскимъ, значеніемъ владыки, который со времени упадка княжеской власти явился единственнымъ органомъ власти, болѣе прочной и сосредоточенной, вслѣдствіе чего, понятно, новгородское приходское духовенство находилось въ положеніи болѣе зависимомъ, чѣмъ псковское. Что же касается до указанной особой формы монашеской жизни, то въ ней историкъ видитъ форму, которая соотвѣтствовала господствовавшему въ строѣ Великаго Новгорода стремленію къ личной свободѣ [2]).

Условіями его развитія въ сферѣ жизни церковной авторъ также удачно объясняетъ и религіозныя движенія въ Новгородской церкви XIV и XV вѣка. Поборы приходскаго духовенства съ мірянъ, ставленье на мздѣ, чрезмѣрное увеличеніе монастырскаго имущества (стр. 148—150)—вотъ причины успѣха толка стригольническаго, положив-

[1]) П. С. Р. Л., IV (Псковск. 1), стр. 296 (а не 286), 7032 (1524 г.): «Тоя же зимы, въ великій постъ, взялъ князь великій изъ Можайска архимандрита Макарія, и постави его архіепископомъ въ Великій Новгородъ, и да ему всю казну старыхъ архіепископовъ».....

[2]) Стр. 4—6, 71—73, 86.

Digitized by Google

шаго „началу на Руси самородному религіозному мудрствованію", которое собственно въ Новгородской землѣ имѣло слабые побѣги.

На другое религіозное движеніе, возникшее въ Великомъ Новгородѣ и пустившее именно здѣсь глубокіе корни, а отсюда уже получившее широкое распространеніе, на ересь жидовскую авторъ проводитъ новый, оригинальный взглядъ, не чуждый, правда, нѣкоторыхъ увлеченій, не вполнѣ доказанный и возбуждающій справедливыя сомнѣнія въ читателѣ, но все же имѣющій свое историческое основаніе. Автору удалось указать на нѣкоторыя изъ тѣхъ явленій въ исторіи религіознаго движенія конца XV в., на которыя до настоящаго времени мало обращали вниманія, хотя это движеніе было предметомъ изысканій многихъ ученыхъ, объяснявшихъ его съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Весьма малая степень пониманія сущности христіанскаго ученія, внѣшнее „страдательное" отношеніе къ нему способствовали распространенію въ сѣверо-восточной Руси XV в. всякихъ суевѣрій, и изъ нихъ, по замѣчанію автора,—„ни одно не производило такого подавляющаго впечатлѣнія, какъ мрачный призракъ близкаго наступленія кончины міра" (стр. 154), что должно было, по толкованію русскихъ грамотниковъ, совершиться съ исходомъ седьмаго тысячелѣтія, въ 80-хъ или 90-хъ годахъ XV в. Сомнѣніе въ этомъ убѣжденіи было, по мнѣнію г. Никитскаго,—исходнымъ пунктомъ ученія жидовствующихъ. Вслѣдствіе этого сомнѣнія явилось „критическое отношеніе къ извѣстнымъ мѣстамъ апостольскихъ и отеческихъ твореній" (стр. 162), отрицаніе вѣрованій во второе пришествіе и въ божество Іисуса Христа, непочитаніе Богоматери и угодниковъ [1]) (стр. 165). Такимъ образомъ, по взгляду г. Никитскаго,—ученіе жидовское развилось совершенно самостоятельно на русской почвѣ, ничего существеннаго не заимствовало изъ другихъ ученій, и иноземное вліяніе въ его развитіи сказалось только въ томъ, что основатели этого толка воспользовались книгами, привезенными Евреями въ Новгородъ въ 1471 году (стр. 159).

Это новое, оригинальное воззрѣніе основано на достовѣрныхъ свидѣтельствахъ о томъ, что въ ученіи жидовствующихъ мысль о кончинѣ міра имѣла очень важное значеніе, и г. Никитскій во многихъ отношеніяхъ вполнѣ справедливо оцѣниваетъ это значеніе, хотя, можетъ быть, и не изъ одной этой мысли выросли всѣ остальныя поло-

[1]) П. С. Р. Л., IV (Новг. 4), стр. 158—159; VIII (Воскр.), стр. 220 (1491 г.); Никон., VI, стр. 126—127.

Digitized by Google

женія жидовствующихъ. Нельзя также считать доказаннымъ и едва ли вѣроятно мнѣніе автора о полной самостоятельности и независимости ихъ ученія отъ всякихъ иноземныхъ вліяній. Онѣ могли быть, какъ бываютъ онѣ и въ другихъ, не лишенныхъ самостоятельности ученіяхъ, и есть данныя, на основаніи которыхъ такое предположеніе можетъ быть допущено [1]). Точно также можетъ быть допущена и связь между ихъ ученіемъ и ученіемъ стригольниковъ, что также не исключаетъ мысли о самостоятельности того и другаго движенія [2]).

Объясняя отношенія великаго князя Ивана III къ еретикамъ политическими разсчетами, желаніемъ съ его стороны ослабить авторитетъ митрополичьей власти и увеличить свои средства на счетъ монастырскаго имущества (стр. 169—170), авторъ совершенно забываетъ о томъ, что эти отношенія могутъ быть объяснены впечатлѣніями, произведенны-

---

[1]) А. А. Э., I, № 380 (1490 окт.): Посланіе Новгородскаго архіепископа Геннадія митр. Зосимѣ: «коли былъ въ Новѣградѣ князь Михайло Олелковичъ, а съ нимъ былъ жидовинъ еретикъ, да отъ того жидовина распространилась ересь въ Новгородской земли» (стр. 479). П. С. Р. Л., IV (Новг. 4), стр. 158: «болши Ветхаго Закона держахуся». «Изборникъ слав. и русс. соч. и ст., внес. въ хронограф. русск. ред.», изд. *Андр. Поповъ*, стр. 171—174: Жидовинъ Схарія «прельсти Дениса попа и въ жидовство его превратилъ» (стр. 172); «Саддукейскую и Месаліянскую ересь держаше и по звѣздамъ смотрити и строити роженіе и житіе человѣческое, а писаніе Божественное презирающе» (стр. 174). *Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн.*, 1847 г., № 8, отд. IV: Посланіе Геннадія Іоасафу, арх. Ростовск. и Ярослав. «Ино то въ нихъ не одно Іюдейство, смѣшано съ Мессоліанскою ересью. Сія главы въ правилѣхъ у себе изнайдешь; а то ми на крѣпко высказалъ ихъ товарищь попъ Наумъ» (стр. 1). Ср. соч. г. *Никитскаго*, стр. 159.

[2]) Новг. лѣтописи, С.-Пб., 1879 г., стр. 241—242 («Лѣтописецъ новгородскій церквамъ Божіимъ»), 6884 г. (1376): «побиша въ Великомъ Новѣградѣ развратниковъ вѣры христіанскія, діакона Никиту, и Карпа просца, и третіяго человѣка съ ними, и свергоша ихъ с мосту». П. С. Р. Л., IV (Новг. 4), стр. 72 (6883 г.); V (Соф. 1 лѣт.), стр. 235; VIII (Воскр.), стр. 24. Никон., IV, 46 (6883 г.). Этою мѣрою стригольничество не было уничтожено и продолжало существовать и въ XV в. А. И., I, № 34 (1427 сент. 23-го): Посланіе митр. Фотія въ Псковъ: «И пишете ми, сынове... что есте, по моей грамотѣ, тѣхъ стригольниковъ обыскали и показнили» (стр. 65). «А что пишете, что иніи тіе стригольници побѣгали, а которіи остался» (стр. 66). А. А. Э., I, № 380 (1490 г. октября): Посланіе Новг. арх. Геннадія митр. Зосимѣ: «Да жалуюся тебѣ, своему отцу, на Захара, на черньца, на стригольника» (стр. 482). *М. Грандицкій* въ ст. «Геннадій, арх. Новг.», *Прав. Обозр.*, 1878 г., сент., стр. 105—106, не безъ основанія замѣчаетъ, что ересь стригольниковъ не слѣдуетъ отдѣлять отъ ереси жидовской. Въ ученіи той и другой много сходнаго, на что и указываетъ авторъ, полагающій даже, что священники Денисъ и Алексѣй были тайные стригольники.

Digitized by Google

ми на великаго князя новгородскими еретиками, которыхъ онъ привезъ въ Москву, и которые отличались примѣрною жизнію. Зная, что эти люди „держатъ новое ученіе“, Иванъ III, „по характеру своему, не спѣшилъ принять рѣшительныхъ мѣръ, ждалъ, пока дѣло объяснится“ [1])... Эти послѣднія объясненія намъ кажутся болѣе вѣроятными, чѣмъ предложенныя г. Никитскимъ. Если Иванъ III тяготился авторитетомъ церковной власти, не имѣя въ ней такой нужды, какую имѣли его предшественники, то едва ли можно предполагать, что онъ не принималъ рѣшительныхъ мѣръ противъ ереси потому, что въ ней видѣлъ надежное средство поколебать авторитетъ церкви. Для этой цѣли онъ едва ли рѣшился бы пожертвовать важными интересами церкви, и къ тому же въ этомъ не было необходимости, такъ какъ онъ всегда могъ найдти для осуществленія этой цѣли другія, менѣе опасныя и болѣе надежныя средства. Также мало вѣроятна не подтвержденная никакими доказательствами догадка о томъ, что великая княгиня Елена перешла на сторону еретиковъ „въ твердой увѣренности, что этотъ поступокъ если и не вызоветъ прямого одобренія, то во всякомъ случаѣ привлечетъ къ ней вниманіе свыше“ (стр. 168).

Въ замѣчаніяхъ и выводахъ, или имѣющихъ частное значеніе, или не прямо относящихся къ задачамъ, поставленнымъ себѣ авторомъ, онъ не всегда остается вѣренъ всѣмъ требованіямъ исторической критики.

Свидѣтельство лѣтописи о намѣреніи Новгородскаго епископа Нифонта идти предъ смертію въ Царьградъ [2]) авторъ считаетъ однимъ изъ несомнѣнныхъ доказательствъ греческаго происхожденія Нифонта (стр. 17), между тѣмъ какъ ему могли приписать такое намѣреніе

---

[1]) Ист. Россіи *С. Соловьева*, V (М. 1864), стр. 266.

[2]) П. С. Р. Л., III (Новг. 1), стр. 12 (1156 г.). Ср. Лѣт. по Ипат. сп., С.-Пб. 1871 г., стр. 332—333; П. С. Р. Л., VII (Воскрес., лѣт.), стр. 64: «Той бо Нифонтъ епископъ бысть поборникъ всей Русѣй земли, бысть бо ревнивъ о божественномъ писаніи, его же Климъ повуживашеть служити съ собою, онъ же отвѣщеваше ему сице: «не пріялъ есп благословенія отъ св. Софіи, святаго великаго събора, и отъ патріарха, тѣмъ же не могу съ тобою служити, ни поминати тя во святѣй службѣ, но поминаю патріарха»... «То же слышавъ патріархъ и присла Нифонту грамоту свою, блажа и и причитая его ко святымъ, онъ же больша крепляшеться, прочитая грамоту патріаршу». Тамъ же, IX (Никон.), стр. 206—207: «И о семъ убо Нифонтѣ епископѣ нѣціи Новогородци глаголаху сице, яко Нифонтъ епископъ церковнаго святыя Софіи имѣніа много истощи, и раздаде ово патріарху Константиноградскому и прочимъ сущимъ тамо... но сіе суетно глаголаху на нь»...

Digitized by Google

потому, что онъ былъ защитникомъ правъ Константинопольскаго патріарха.

Въ финскихъ областяхъ Новгородской земли дѣло христіанства, по мнѣнію г. Никитскаго,—„какъ бы совсѣмъ не подвигалось впередъ". Въ этихъ областяхъ онъ даже признаетъ движеніе противоположное тому, какое было въ собственно Новгородскихъ владѣніяхъ. Здѣсь „глохли мало по малу всякіе слѣды язычества"; а у Финновъ, „по мѣрѣ теченія исторической жизни впередъ", христіанство „все болѣе и болѣе слабѣло, такъ что къ концу независимаго существованія Новгорода въ нѣкоторыхъ финскихъ областяхъ оно было почти совершенно забыто" (стр. 15).

Этотъ новый выводъ сдѣланъ авторомъ на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя, какъ онъ самъ указываетъ,—находятся въ слѣдующихъ источникахъ: въ грамотѣ Новгородскаго архіепископа Макарія въ Водскую пятину, 1534 года, марта 25-го, и въ лѣтописной статьѣ о крещеніи Чуди въ 1534 года.

Изъ этихъ источниковъ, сообщающихъ свѣдѣнія о разореніи языческихъ мольбищъ въ Водской пятинѣ въ 1534 и 1535 гг., посланіе архіепископа Макарія наиболѣе замѣчательно, какъ оффиціальный документъ. Въ Великомъ Новгородѣ архіепископу Макарію, какъ онъ писалъ въ 1534 г. марта 25-го,—сказывали, что многіе христіане, жители Водской пятины, „заблудили отъ истинныя христіанскія православныя вѣры", перестали ходить въ церковь, молятся деревьямъ и каменью, не соблюдаютъ постовъ, приносятъ языческія жертвы, обращаются къ арбуямъ чудскимъ, при крещеніи и погребеніи слѣдуютъ языческимъ обрядамъ. Какъ видно, архіепископъ полагалъ, что всѣ эти обряды совершались не язычниками, не имѣвшими понятія о христіанскомъ ученіи, а христіанами, временно впадшими въ заблужденіе и отступившими отъ православной вѣры. Съ такимъ взглядомъ, однако, безъ всякой критической провѣрки его, историкъ едва ли можетъ согласиться. Не слѣдуетъ ли допустить предположеніе, что населеніе Водской пятины сохраняло языческіе обряды съ древнѣйшаго времени до начала XVI в., а не приняло ихъ снова вмѣсто обрядовъ христіанскихъ? Въ вышеуказанной лѣтописной статьѣ замѣчено, что въ эпоху крещенія Русской земли„ скверныя мольбища идольскія" были разорены, а въ Чюди, и въ Ижорѣ, и въ Корелѣ они удержались [1]). Во всякомъ

[1]) Доп. къ А. И., I, № 28, стр. 27—30 (извл. изъ сборн. Публ. библ. и напеч. также въ *Древн. Р. Вивл.*, XIV (149—156), 1534 г. марта 25-го, грам. архіеп.

Digitized by Google

случаѣ, какъ бы мы ни объяснили то, что̀ сообщаетъ посланіе о населеніи Водской пятины, все же мы не имѣемъ права дѣлать выводъ объ упадкѣ христіанства въ этой области въ эпоху независимаго существованія Новгорода уже потому, что посланіе относится къ 1534 году. Послѣ паденія Великаго Новгорода, когда церковь Новгородская переживала обстоятельства, очень неблагопріятныя для распространенія и утвержденія христіанства въ средѣ инородцевъ, вліяніе арбуевъ, финскихъ кудесниковъ на населеніе обширной Водской пятины, сохранявшее слѣды язычества съ древнѣйшаго времени, могло усилиться.

Относительно упадка христіанства въ другихъ областяхъ Новгородской земли, кромѣ Водской пятины, г. Никитскій не приводитъ никакихъ данныхъ. А между тѣмъ есть указаніе на то, что въ эпоху независимаго существованія Великаго Новгорода въ его владѣніяхъ, населенныхъ Финнами, христіанство, хотя и медленно, но все же распространялось [1]).

Размѣръ новгородской церковной десятины, по мнѣнію г. Никитскаго—былъ ограниченъ въ началѣ „всего одною десятою частью отъ ежегодной суммы судебныхъ штрафовъ, а о десятинѣ отъ даней и торгу со всѣмъ не было даже и помину“ (стр. 25); въ подтвержденіе этого приводятся слѣдующія слова изъ устава Всеволода (до 1136 г.): „а съ суда давати девять частей князю, а десятую святѣй Софѣи за княжу душу“. Но въ этомъ же уставѣ говорится о томъ, что (князья) дали десятину „въ соборную церковь святыя Богородицы, иже (яже) въ Кіевѣ и святѣй Софеи Кіевской и святѣй Софеи Новгородской, и митрополитомъ Кіевскимъ, и архіепископомъ Новгородскимъ, отъ всякаго княжа суда десятую векшу, а изъ торга десятую недѣлю, а изъ домовъ на всякое лѣто отъ всякаго стада и отъ вся-

---

Маварія въ Водскую пятину. Н. С. Р. Л., V, 73—74, ст. о крещеніи Чуди (эта же статья въ «Отрывкѣ русск. лѣт.», тамъ же, VI, стр. 292).

[1]) Ист. русск. церкви—архіеп. *Филарета*, изд. 3-е, М. 1857 г., пер. 2, стр. 31—33. Ист. росс. іерархіи, ч. IV, М. 1812 г., стр. 325 и сл.—Каменный или Спасокаменный монастырь, на остр. ов. Кубенскаго. Здѣсь изложены извѣстія, извлеченныя изъ сказаній о Спасокаменномъ монастырѣ, собранныя старцемъ Паисіемъ Ярославовымъ (XV в.). Древнерусскія житія святыхъ *В. Ключевскаго*, М. 1871 г., стр. 189—192. Ист. росс. іерархіи, V, стр. 114—130. — Муромскій Успенскій Онежскій мон., въ 160 верст. къ с. отъ Петрозаводска, основанъ около половины XIV в. На стр. 115 и сл. любопытное завѣщаніе преп. Лазаря, муромскаго чудотворца, основателя этого монастыря. Географическое, истор. и стат. описаніе Соловецк. мон.—архим. *Досиѳея*. М. 1856 г. ч. I, стр. 40.

Digitized by Google

каго жита десятое святому Спасу и пречистой Его Матери, и премудрости Божіи святѣй Софѣи". На этомъ основаніи имѣемъ право думать, что и въ Новгородѣ въ пользу владыки шла десятина изъ всѣхъ доходовъ Новгородскаго князя, а не только съ получаемыхъ имъ судебныхъ штрафовъ [1]).

Кромѣ раскрытія связи явленій въ сферѣ церковной жизни Великаго Новгорода, авторъ имѣлъ въ виду еще и другую задачу—„критическую провѣрку" результатовъ, которые достигнуты въ области новгородской церковной исторіи предшествовавшими ему изслѣдователями, и въ этомъ отношеніи трудъ его представляетъ нѣсколько важныхъ критическихъ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненія и напечатанныхъ въ приложеніяхъ къ нему подъ слѣдующими заглавіями: „Разборъ сказанія Якимовской лѣтописи о крещеніи Новгорода" (стр. 199—202); „Замѣтка о двукратной проповѣди христіанства въ Новгородѣ" (202—203); „Объ основаніи Ярославомъ училища въ Новгородѣ" (203—205); „Уставъ 1137 года о десятинѣ и его толкованія" (205—207); „Разборъ существующихъ воззрѣній на ересь жидовствующихъ" (207—212). Обиліе критическихъ замѣтокъ въ новомъ трудѣ по исторіи Новгородской церкви объясняется тѣмъ, что историческая литература наша сравнительно богата произведеніями по исторіи Великаго Новгорода вообще и изслѣдованіями по спеціальнымъ вопросамъ ея, въ особенности по исторіи церкви. Благодаря, конечно, этимъ трудамъ, и г. Никитскій могъ съ такимъ успѣхомъ достигнуть рѣшенія поставленныхъ имъ задачъ.

---

[1]) Ист. русск. церкви—еп. *Макарія*, т. II, С.-Пб. 1857 г., стр. 359—360. Въ разборѣ ученыхъ мнѣній о десятинѣ, по опредѣленію устава Святославова (1137 г.), г. Никитскій не совсѣмъ справедливо отнесся къ мнѣнію г. *Прилежаева*, автора изслѣдованія: «Новгородская Софійская казна», напеч. въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1875 г., №№ 7, 8, 10. Онъ, по замѣчанію г. Никитскаго,—признаетъ два мнѣнія о десятинѣ Святославовой, совершенно различныя, г. Кавелина и арх. Филарета (стр. 206—207). Но г. Прилежаевъ считаетъ мнѣніе г. Кавелина несостоятельнымъ. *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1875 г. № 7, стр. 97: слова въ уставѣ Святославовомъ—«олико дьнія въ рущѣ княжій въ клѣть его»—«не заключаютъ въ себѣ никакого основанія для предположенія, высказаннаго г. Кавелинымъ, будто десятина въ Новгородѣ первоначально была опредѣлена съ дани и уже потомъ переведена на виры и продажи. Нельзя принять такого предположенія уже потому, что оно стоитъ въ противорѣчіи съ уставомъ князя Всеволода».

Е. Замысловскій.

Digitized by Google

Письмо Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому.

Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem Epistola spuria. Paris, Leroux, 1879.

Ekkehardi Urangiensis abbatis Hierosolymita. Nach der Waitz'schen Recension mit Erläuterungen und einem Anhange herausgegeben von *H. Hagenmeyer*. Tübingen, 1877.

Въ изящно изданной книгѣ, состоящей изъ семидесяти-девяти страницъ введенія и пятидесяти-двухъ страницъ текста, содержится, вопервыхъ, критическое изслѣдованіе о подлинности знаменитаго документа, извѣстнаго подъ именемъ посланія Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому, и вовторыхъ, латинскій текстъ посланія, установленный на основаніи сличенія сорока рукописей, отысканныхъ во всѣхъ концахъ Европы, а также два старинные нѣмецкіе перевода посланія и разныя приложенія, служащія къ объясненію его. Графъ Ріанъ (Riant), уже составившій себѣ весьма почетную извѣстность изданіями и собственными сочиненіями по исторіи крестовыхъ походовъ и вообще отношеній латинскаго запада къ византійскому востоку, конечно, не безъ основанія, не даромъ, а равно и не безплодно, посвятилъ много времени и труда изученію такого частнаго вопроса и такого недлиннаго памятника, каково письмо императора Алексѣя. Вопросъ о подлинности или подложности этого документа существуетъ давно, и отъ рѣшенія его въ ту или другую сторону зависитъ очень многое. Созрѣла ли мысль о крестовомъ походѣ исключительно на западѣ, или же и востокъ былъ не чуждъ ея, явились ли крестоносцы въ Византію въ видѣ желанныхъ союзниковъ, или же нежданными и непріятными гостями, обнаружилъ ли Восточный Римскій императоръ въ своемъ пріемѣ вождей крестоносныхъ дружинъ одно лукавство и вѣроломство, или же совершенно справедливое недовѣріе, какъ къ не званымъ и опаснымъ, и притомъ, ненужнымъ спасителямъ отъ не существующей опасности— рѣшеніе всѣхъ этихъ и еще другихъ, даже болѣе важныхъ вопросовъ находилось и находится въ связи съ принятіемъ или отверженіемъ вышеозначеннаго документа. Въ перечисленіи своихъ предшественниковъ по изученію вопроса о подлинности посланія графъ Ріанъ не упомянулъ о національномъ ново-греческомъ историкѣ, г. Папарригопуло, хотя онъ три раза и въ послѣдній разъ въ сочиненіи, изданъ-

Digitized by Google

номъ на французскомъ языкѣ, высказывался по данному вопросу [1]). Мы считаемъ нужнымъ восполнить этотъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что отношеніе ученаго Грека къ нашему документу, отличающееся даже нѣкоторою страстностію, всего лучше объясняетъ, какого свойства рядъ идей и жизненныхъ горячихъ убѣжденій затрогиваетъ то или другое рѣшеніе даннаго вопроса исторической критики. Греческій писатель-патріотъ доказываетъ, что причины паденія Византійской имперіи, счастливо разрѣшившей всѣ внутреннія задачи и сломившей непокорныхъ славянскихъ поселенцевъ подъ руководствомъ императоровъ Македонскаго дома, были чисто внѣшнія, именно—враждебность запада, руководимаго религіозною нетерпимостію и въ концѣ XI вѣка нахлынувшаго неудержимымъ потокомъ на востокъ. Первый крестовый походъ съ самаго начала былъ направленъ не столько противъ Турокъ-Сельджуковъ, сколько противъ православныхъ Византійцевъ; имперія нисколько не нуждалась въ помощи запада, потому что все еще была достаточно могущественна, чтобы справиться со всѣми варварами, громившими ее въ Европѣ и Азіи; съ восшествіемъ на престолъ новой династіи въ лицѣ Алексѣя Комнина, она уже стала подниматься послѣ временнаго и случайнаго ослабленія и уже успѣла восторжествовать надъ главными затрудненіями, надъ Печенѣгами и Турками. Къ такому-то положенію и къ такой-то достойной уваженія сильной державѣ долженъ относиться унизительный документъ, посланный государемъ православной имперіи Греческой къ одному изъ второстепенныхъ западныхъ державцевъ съ просьбой о помощи! Понятно, что г. Папарригопуло съ негодованіемъ отвергаетъ всякую мысль о его подлинности. Авторъ предлагаемой статьи точно также имѣлъ случай высказаться по вопросу о подлинности посланія, изданнаго теперь графомъ Ріаномъ, и думалъ, что ему удалось взглянуть на этотъ вопросъ съ новой точки зрѣнія и даже рѣшить его окончательно.

Обширное образованіе графа Ріана не исключаетъ знакомства съ русскимъ языкомъ, и его громадная начитанность простирается даже въ область русской ученой литературы; вслѣдствіе того и наша статья „Византія и Печенѣги“ не осталась для него совершенно неизвѣстною, такъ какъ онъ одинъ разъ на нее ссылается. Но все-таки мы не находимъ, чтобы графъ Ріанъ обратилъ вниманіе на тѣ до-

[1]) Παν∂ώρα, ноябрь 1859 г., стр. 380; Ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους IV, 490; Histoire de la civilisation hellenique, Paris, 1878, pag. 339.

Digitized by Google

воды въ пользу подлинности посланія, какія мы старались выставить въ одномъ изъ приложеній къ упомянутому изслѣдованію. Въ этомъ своемъ приложеніи мы защищали слѣдующія два положенія относительно посланія къ графу Роберту, бывшаго тогда доступнымъ въ трехъ печатныхъ изданіяхъ — Дюканжа (неисправное и съ пропусками) и Мартена (Martène, Thesaurus anecdot. и нѣсколько, впрочемъ — немного, отличный текстъ въ Amplissima Collectio).

Во-первыхъ, вопреки мнѣнію Зибеля, высказанному въ его классической „Исторіи перваго крестоваго похода", мы полагали, что посланіе Мартеневой редакціи никакъ не можетъ быть считаемо позднѣйшею передѣлкой или простымъ распространеніемъ болѣе краткаго текста, сообщеннаго намъ писателемъ начальныхъ годовъ XII вѣка, Гибертомъ Новигентскимъ (Nogent sous Coucy), подъ видомъ извлеченія или resumé изъ документа, уже тогда обращавшагося на западѣ, но потомъ утраченнаго. Зибель, говоря его собственными выраженіями, былъ очень далекъ отъ того, чтобы защищать подлинность Мартеневскаго посланія; вѣроятность предполагаемой переработки бросалась, по его мнѣнію, въ глаза сама собою; но онъ считалъ нужнымъ взять подъ защиту Гиберта, который, благодаря своимъ отношеніямъ къ Фландрскому дому, дѣйствительно могъ получить письмо Алексѣя или отъ самого Роберта Фриза, или отъ его сына, и во всякомъ случаѣ не такъ легко доступенъ подозрѣнію въ подлогѣ, какъ полагали прежніе критики.... Однимъ словомъ, Зибель склонялся къ тому взгляду, что аббатъ Гибертъ Новигентскій имѣлъ предъ глазами подлинное письмо Алексѣя, но что нашъ ходячій текстъ представляетъ позднѣйшую фабрикацію, на основаніи — скорѣе всего именно Гибертовыхъ сообщеній о содержаніи письма. Мы, съ своей стороны, совершенно напротивъ, считали подлиннымъ документъ въ томъ видѣ, какъ онъ сообщался у Мартена, и допуская, что Гибертъ имѣлъ именно его подъ рукой, и слѣдовательно, не обвиняя аббата въ совершенномъ вымыслѣ, все-таки утверждали, что нѣкоторыя странности и несообразности, не встрѣчающіяся въ отдѣльномъ текстѣ посланія, но передаваемыя въ извлеченіи Гиберта, принадлежатъ именно изобрѣтенію и фантазіи самого аббата. Посредствомъ тщательнаго и подробнаго сличенія обоихъ текстовъ мы доказывали, что посланіе въ полной редакціи сообщаетъ гораздо большее число вѣрныхъ и точныхъ историческихъ фактовъ, чѣмъ ихъ находится въ краткомъ изложеніи Гиберта, и притомъ такихъ фактовъ, которые вообще мало были извѣстны на западѣ, не встрѣчаются ни въ одномъ изъ современныхъ

Digitized by Google

или позднѣйшихъ западныхъ писателей и уже во время Гиберта, въ началѣ XII вѣка, представлялись непонятными или неважными.

Вовторыхъ, въ самой статьѣ нашей и въ приложеніи, посвященномъ спеціально посланію, объяснялось, что всѣ эти факты сводятся къ одному громадной важности явленію, не замѣчаемому обыкновенно новыми историками крестовыхъ походовъ, именно — къ союзу двухъ турецкихъ племенъ—Печенѣговъ и Сельджуковъ, своимъ одновременнымъ и даже прямо соглашеннымъ движеніемъ на Восточную имперію приведшихъ ее на край гибели; эта двойная опасность и заставила императора Алексѣя Комнина обратиться къ западу съ мольбой о помощи и спасеніи. Наиболѣе выразительная особенность посланія въ полной редакціи именно заключается въ постоянномъ сопоставленіи Печенѣговъ и Турокъ, въ томъ, что она влагаетъ въ уста Алексѣя слова: „Я бѣгаю предъ лицемъ Турокъ и Печенѣговъ". Печенѣги нѣсколько ранѣе перваго крестоваго похода были разбиты и почти уничтожены; моментъ, къ которому могли относиться вышеприведенныя слова императора, скоро миновалъ, и помимо нашего документа, остался почти совсѣмъ не замѣченнымъ на западѣ, такъ что тамъ послѣ совсѣмъ о немъ забыли, и даже Гибертъ исключилъ изъ своего изложенія посланія именно самое важное—Печенѣговъ (онъ говоритъ только о Туркахъ). Тѣмъ не менѣе, при помощи византійскихъ источниковъ, и прежде всего Алексіады, написанной дочерью императора Алексѣя Анною, представляется возможнымъ возстановить этотъ моментъ во всей ясности, со всѣми желательными подробностями, и пріурочить его къ опредѣленному году, какимъ, по нашему убѣжденію, могъ быть 1091 годъ. Къ тому времени, когда западъ наконецъ поднялся для борьбы съ мусульманствомъ (1096 г.), Алексѣй дѣйствительно успѣлъ освободиться, при помощи родственныхъ съ Печенѣгами варваровъ, отъ наиболѣе тяжкихъ затрудненій и опасностей, и потому въ самомъ дѣлѣ, какъ доказывалъ аѳинскій ученый профессоръ, не имѣлъ тогда нужды просить помощи у запада; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ не просилъ ее ранѣе, пока не были побѣждены Печенѣги. Съ другой стороны, при нашемъ толкованіи вполнѣ объяснялось и недоброжелательное отношеніе Византійскаго императора къ крестоносцамъ, а съ ихъ стороны упреки въ обманѣ и вѣроломствѣ; хотя Алексѣй и молилъ западъ о помощи, но эта помощь явилась не тогда, когда въ ней болѣе всего нуждались, и т. д.... Мы припоминаемъ прежнія свои разсужденія, пока только съ цѣлію намекнуть на сущность и важность тѣхъ вопросовъ

Digitized by Google

которые тѣсно связаны съ разрѣшеніемъ проблемы о подлинности занимающаго насъ документа. Послѣ мы увидимъ, какія изъ нашихъ соображеній представлялись графу Ріалю, и какія нѣтъ, и въ какой степени предполагаемые нами пробѣлы отразились на правильности рѣшенія задачи, имъ себѣ поставленной. Теперь же, ради полноты обозрѣнія новѣйшихъ трудовъ, относящихся къ нашей темѣ, мы должны упомянуть о книгѣ нѣмецкаго ученаго Гагенмейера, заглавіе которой также выписано нами вверху статьи, тѣмъ болѣе, что намъ прійдется ссылаться на нее и послѣ. Hierosolymita, сочиненіе Эккегарда, нѣмецкаго крестоносца, совершившаго вмѣстѣ съ другими въ 1101 г. несчастный походъ въ Азію, а затѣмъ путешествіе въ Святую землю, въ первый разъ издано здѣсь въ полномъ и цѣльномъ видѣ, такъ, какъ этого заслуживало и содержаніе его произведенія, и высокое достоинство показаній современника и очевидца достопамятныхъ событій 1096—1101 годовъ. Во введеніи собраны біографическія свѣдѣнія объ авторѣ и необходимыя предварительныя указанія о его сочиненіи. Затѣмъ слѣдуетъ текстъ, сопровождаемый непрерывнымъ и весьма подробнымъ комментаріемъ, гдѣ критически и сравнительно съ извѣстіями другихъ источниковъ оцѣниваются и разбираются всѣ малѣйшія черты въ разказѣ Эккегарда о первомъ крестовомъ походѣ и т. д. Это именно дѣлаетъ изданіе Гагенмейера пригоднымъ пособіемъ для изученія эпохи, и можетъ быть, даже для употребленія въ русскихъ историческихъ семинаріяхъ какъ матеріалъ для упражненій въ исторической критикѣ. Въ концѣ находятся приложенія (числомъ десять), изъ которыхъ въ одномъ разбираются извѣстія нашего Даніила Паломника, а другое посвящено посланію императора Алексѣя къ графу Роберту Фризу, текстъ котораго напечатанъ здѣсь по пергаменной рукописи Бреславскаго университета съ варіантами рѣдкаго кельнскаго изданія 1470 года и обоихъ Мартеневыхъ. Относительно вопроса о подлинности документа Гагенмейеръ сдѣлалъ важное указаніе, что уже въ произведеніяхъ древнѣйшихъ историковъ перваго крестоваго похода встрѣчаются заимствованія изъ посланія, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторые его отголоски. Впрочемъ, наиболѣе несомнѣнное сходство, обнаруживающееся въ „Іерусалимской исторіи“ монаха Роберта, было уже ранѣе отмѣчено въ нашей статьѣ. Затѣмъ, переходя къ отношенію вновь изданнаго имъ текста къ изложенію аббата Гиберта, Гагенмейеръ допускаетъ подлинность обѣихъ редакцій съ такимъ, однако, ограниченіемъ, что первоначальное и подлинное письмо Алексѣя не было передано Гибертомъ въ вѣр-

Digitized by Google

ной копіи (а можетъ быть, онъ и самъ не имѣлъ такой копіи),— иначе объ версіи не разнились бы такъ одна отъ другой, при всемъ согласіи своемъ по вещественному содержанію. Нѣсколько въ другой формѣ посланіе было доступно монаху Роберту, воспользовавшемуся имъ въ текстѣ своего сочиненія и даже помѣстившему его во главѣ своей „Іерусалимской исторіи" въ качествѣ введенія, если только это не было сдѣлано позднѣйшими переписчиками; но и эта редакція не есть первоначальная, а только переводъ, а можетъ быть, даже и передѣлка съ оригинальнаго письма, писаннаго, конечно, на греческомъ языкѣ. По смыслу разсужденій Гагенмейера выходитъ, что дѣйствительно существовало посланіе Алексѣя, хотя и не дошедшее до насъ въ подлинникѣ, но въ различныхъ изводахъ обращавшееся въ началѣ XII вѣка: въ одномъ изводѣ попавшее въ руки Гиберта, а въ другомъ, болѣе полномъ и близкомъ къ подлиннику,—въ руки монаха Роберта.

Весьма важною заслугою графа Ріана, кромѣ болѣе исправнаго изданія текста посланія, надобно считать его сообщенія о рукописяхъ, въ которыхъ оно находится. Чаще всего нашъ документъ встрѣчается при сочиненіи о первомъ крестовомъ походѣ монаха Роберта, впереди книги, и съ прибавленіемъ объяснительной замѣтки Такъ какъ списки „Іерусалимской исторіи" Роберта изъ Сен-Реми съ означеннымъ приложеніемъ оказываются весьма древними (нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ къ началу XII вѣка), то тѣмъ самымъ устраняются многія изъ прежнихъ сомнѣній и догадокъ о позднѣйшей поддѣлкѣ, и дѣлается совершенно яснымъ, что нашъ документъ, истинный онъ или подложный, появился на свѣтъ уже въ эпоху перваго крестоваго похода.

Обращаемся теперь къ изслѣдованію графа Ріана, въ которомъ опять доказывается безусловная неподлинность пресловутаго документа. Но чтобы всѣ наши разсужденія могли быть болѣе понятны и доводы нагляднѣе, мы считаемъ нелишнимъ сообщить, хотя и не въ буквальномъ переводѣ, а съ сокращеніями и стилистическими измѣненіями, текстъ посланія по изданію графа Ріана, вмѣстѣ съ упомянутою замѣткою.

„Посланія такого содержанія за четыре года до славнаго пути Іерусалимскаго отправлены были Константинопольскимъ императоромъ ко всѣмъ западнымъ церквамъ, но особенно къ графу Роберту Фландрскому; ибо оный графъ уже воротился отъ Гроба *Господня* съ посохомъ и сумой, и во время сего путешествія они *видѣлись* и

Digitized by Google

имѣли между собою привѣтливый и дружественный разговоръ. Но означенный императоръ, какъ самъ жалуется въ своемъ письмѣ, былъ крайне утѣсненъ проклятымъ народомъ языческимъ (à nefanda gente paganorum), надъ коимъ власть держалъ Солиманъ Старый, отецъ младшаго Солимана, то-есть, того, котораго наши впослѣдствіи побѣдили въ военномъ бою, какъ упоминаетъ о томъ сія книга, и принудили позорно бѣжать. Посему мы не мало удивляемся, отъ чего сказанный императоръ всегда питалъ такое ядовитое настроеніе (venenosum animum) и не побоялся воздать зломъ за добро".

Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе и самое письмо.

„Славному господину, графу Фландрскому Роберту и всѣмъ князьямъ цѣлаго царства, любителямъ христіанской вѣры, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ — императоръ Константинопольскій здравіе и миръ въ единомъ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и Отцѣ Его, и Святомъ Духѣ.

„О славнѣйшій графъ и величайшій утѣшитель христіанской вѣры! Я хочу сдѣлать извѣстнымъ вашему благоразумію, что святѣйшая имперія греческихъ христіанъ сильно утѣсняется Печенѣгами и Турками (angustiatur fortiter à Pincinatis et Turcis); они грабятъ ее ежедневно и отнимаютъ ея области; убійства и поруганія христіанъ, ужасы, которые при этомъ совершаются, неисчислимы и такъ страшны для слуха, что способны возмутить самый воздухъ. Они подвергаютъ обрѣзанію дѣтей и юношей христіанскихъ, изливая кровь обрѣзанія въ купели христіанскаго крещенія. Они насилуютъ женъ и дѣвъ христіанскихъ предъ глазами ихъ матерей, которыхъ при этомъ заставляютъ пѣть гнусныя и развратныя пѣсни. Такъ нѣкогда говорили Вавилоняне народу Божіему: „Пѣснь воспойте намъ отъ пѣсней сіонскихъ". Гласъ въ Рамѣ слышенъ, рыданія и плачъ многъ; Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ и не хощетъ утѣшитися, яко не суть (Матѳ. 11, 18). Надъ отроками и юношами, надъ рабами и благородными, надъ клириками и монахами, надъ самыми епископами они совершаютъ мерзкія гнусности содомскаго грѣха. Почти вся земля отъ Іерусалима до Греціи, и вся Грекія со своими верхними областями, каковы суть Малая и Большая Каппадокія, Фригія, Виѳинія, Малая Фригія, то-есть, Троада (minor Phrygia, id est Troïa), Понтъ, Галатія (Galacia), Лидія, Памфилія, Исаврія, Ликія (Licia), и главные острова, какъ Хіосъ и Митилена, и многія другія страны и острова, коихъ мы не можемъ даже исчислить, до самой Ѳракіи (usque Thracias), подверглись ихъ нападенію. Остается одинъ Константинополь; но они

Digitized by Google

угрожаютъ въ самомъ скоромъ времени и его отнять у насъ, если не подоспѣетъ быстрая помощь латинскихъ христіанъ. Въ Пропонтидѣ, которая иначе называется Авидосомъ (qui et Avidus dicitur) и протекаетъ подлѣ Константинополя изъ Понта въ Великое море, появились уже двѣсти кораблей, которые принуждены были выстроить для своихъ угнетателей сами Греки, служащіе теперь на нихъ невольными гребцами и кормчими. Такимъ образомъ, какъ съ суши, такъ и чрезъ эту Пропонтиду, враги угрожаютъ скоро взять Константинополь. Именемъ Бога и всѣхъ греческихъ христіанъ молимъ васъ, чтобы ты поспѣшилъ къ намъ на помощь съ вѣрными воинами Христа, какихъ ты найдешь въ странѣ твоей. Въ прошедшемъ году они нѣсколько освободили отъ ига язычниковъ Галицію (Galiciam) и прочія царства западныхъ (occidentalium regna); пусть и теперь попытаются освободить царство Греческое. Я самъ, облеченный саномъ императора, не вижу никакого исхода и не нахожу спасенія; я принужденъ постоянно бѣгать предъ лицемъ Турокъ и Печенѣговъ, оставаясь въ одномъ городѣ, пока ихъ приближеніе не заставитъ меня искать убѣжища въ другомъ. Я лучше хочу быть подъ властію вашихъ латынянъ, чѣмъ сдѣлаться игралищемъ и потѣхою язычниковъ. Итакъ, прежде чѣмъ Константинополь будетъ взятъ ими, напрягите всѣ силы. Лучше, чтобы Константинополь достался вамъ, чѣмъ язычникамъ. Въ немъ находятся наидрагоцѣннѣйшія святыни Господни; именно: столбъ, къ которому Господь былъ привязанъ, бичъ, которымъ онъ былъ бичуемъ, багряная одежда, которою онъ былъ одѣтъ, терновый вѣнецъ, которымъ онъ былъ увѣнчанъ, трость, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ, часть креста, на которомъ онъ былъ распятъ, и проч. и проч., а также многочисленныя мощи святыхъ апостоловъ и мучениковъ, какъ-то: глава Іоанна Крестителя, нетлѣнное тѣло первомученика Стефана.

„Все это не должно достаться во власть язычниковъ, ибо въ томъ была бы великая потеря и осужденіе для христіанъ. Если же они (твои воины) не захотятъ сражаться ради такихъ святынь и предпочитаютъ золото, то я напоминаю о безчисленныхъ богатствахъ и драгоцѣнностяхъ, которыя накоплены въ столицѣ нашей. Сокровища церквей константинопольскихъ—въ серебрѣ, золотѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, въ шелковыхъ тканяхъ—могутъ быть достаточны для украшенія всѣхъ церквей міра. Но богатства Софійскаго храма могутъ превзойдти всѣ эти сокровища вмѣстѣ взятыя и равняются развѣ только богатству храма Соломонова. Нечего говорить о неиз-

Digitized by Google

числимой казнѣ вельможъ и даже купцевъ и крестьянъ,—а о казнѣ императорской довольно припомнить только то, что въ ней скрыты не только сокровища недавнихъ властителей константинопольскихъ, но еще древнихъ императоровъ Римскихъ.

„Итакъ, спѣшите со всѣмъ вашимъ народомъ, напрягите всѣ ваши силы, чтобы такія сокровища не попали въ руки Турокъ и Печенѣговъ. Ибо, кромѣ прежняго громаднаго числа ихъ, ежедневно ожидается прибытіе еще новой шестидесятитысячной (сорокатысячной) толпы ихъ. Мы не можемъ положиться и на тѣ войска, которыя у насъ остаются, такъ какъ они могутъ быть соблазнены надеждой общаго расхищенія. Итакъ, дѣйствуйте, пока имѣете время, дабы вамъ не погубить христіанскаго царства, а что̀ еще важнѣе, гроба Господня, и дабы получить не осужденіе, а вѣчную награду на небеси". Аминь.

Если мы допустимъ подлинность письма, говоритъ графъ Ріанъ,— то представляются двѣ гипотезы: предположеніе о первоначальной греческой редакціи и другое предположеніе, по которому письмо будетъ считаться, хотя и сочиненнымъ въ Константинополѣ, но на латинскомъ языкѣ.

Несуществованіе греческаго подлинника, по мнѣнію Ріана, доказывается тѣмъ, что употребляемыя въ началѣ и въ концѣ посланія эпистолярныя формы не соотвѣтствуютъ общепринятымъ формуламъ императорской канцеляріи, на сколько онѣ намъ извѣстны по другимъ несомнѣнно подлиннымъ греческимъ документамъ [1]). На это можно отвѣчать, что, вопервыхъ, византійскихъ документовъ издано и вообще открыто слишкомъ мало, такъ что едва ли мы имѣемъ какое право съ увѣренностію разсуждать объ обычныхъ и необычныхъ формулахъ императорской византійской канцеляріи, и что, вовторыхъ, собственно оффиціальные государственные акты и грамоты здѣсь, пожалуй, и не должны идти въ разчетъ, такъ какъ посланіе Алексѣя Комнина къ графу Фландрскому можетъ быть считаемо за личное и частное дружеское письмо монарха. Во всякомъ случаѣ хрисовулы или дарственныя грамоты, которыя перечисляетъ графъ Ріанъ, никакъ не представляютъ актовъ совершенно однородныхъ съ посланіемъ. Близкими и родственными можно признать развѣ только письма Алексѣя къ Одеризію, аббату Монтекассинскаго монастыря, въ коихъ гр. Ріанъ

[1]) Préface, pag. XV: l'intitulé, la date, les formules mêmes sont tous différents....

Digitized by Google

видитъ образецъ фамильярной переписки, и которыя онъ вновь издалъ въ приложеніяхъ къ своей книгѣ. И вотъ оказывается будто бы, что даже здѣсь, въ этихъ фамильярныхъ письмахъ, Византійскій императоръ никогда не говоритъ о себѣ иначе, какъ въ третьемъ лицѣ единственнаго „imperium meum=βασιλεία μου", то-есть, царство мое, держава моя,—между тѣмъ какъ въ посланіи къ Роберту исключительно господствуетъ первое лицо единств. ч., простое *я* [1]). Однако, здѣсь мы должны отмѣтить маленькую неточность. Въ письмѣ къ графу Фландріи дѣйствительно преобладаетъ простое *я*; но что оно не есть, что-либо совсѣмъ необычное для Византійскаго государя, доказывается именно однимъ изъ писемъ къ Одеризію, въ которомъ встрѣчается, хотя и не постоянное, употребленіе перваго лица единств. ч. и сверхъ того, слышится тотъ общій тонъ смиренія, которымъ поражаетъ насъ посланіе къ Роберту: Ego autem non solum, quod nihil habeo in me, sed maxime quia super omnes homines pecco. Если торжественная формула могла показаться императору неумѣстною, когда ему вздумалось говорить о своемъ недостоинствѣ и грѣхахъ, то точно также она могла быть сочтена излишнею при описаніи тѣхъ крайнихъ бѣдствій и униженій, о которыхъ Алексѣй нашелся вынужденнымъ сообщить своему могущественному западному другу. Нѣкоторое чувство приличія не позволяло даже Византійцу писать: „моя царская держава, или мое императорское величество" покрыто грѣхами и не имѣетъ за собою никакихъ заслугъ. Но то же самое чувство такта и стиля мѣшало писать: „мое императорское величіе постоянно бѣгаетъ отъ враговъ", и т. п. Что всего важнѣе,—графъ Ріанъ, а также его критики и рецензенты, не обратили вниманія на дѣйствительный образецъ дружественной переписки Византійскаго императора, притомъ съ такою именно особою, которая занимала въ отношеніи къ нему положеніе, соотвѣтствующее положенію графа Фландрскаго. Мы разумѣемъ сочиненныя Пселломъ для императора Михаила VII Дуки два посланія къ неизвѣстному князю. Будемъ ли считать этимъ неизвѣстнымъ княземъ Роберта Гвискарда, какъ полагаетъ почтенный издатель твореній Пселла, К. Саѳа, или же Русскаго князя Всеволода, какъ доказывалъ нижеподписавшійся, теперь это не имѣетъ значенія. Письма, сочиненныя Пселломъ, несомнѣнно содержатъ въ себѣ дружественныя

[1]) L'empereur, même dans les lettres familières, n'abandonne jamais, en parlant de soi-même, la troisième personne du singulier: ἡ βασιλεία μου, imperium meum—и т. д.

Digitized by Google

предложенія и рѣчи, обращаемыя къ какому-то могущественному, но второстепенному владѣтелю отъ имени Восточно-Римскаго императора. Въ какомъ же лицѣ заставляетъ говорить о себѣ императора его знаменитый, посвященный во всѣ византійскія тайны и тонкости, секретарь? Почти постоянно въ первомъ единственнаго.. (см. Sathas, Bibliotheca graeca medii aevi V, 385 и сл.). Такимъ образомъ, одинъ изъ доводовъ графа Ріана противъ существованія греческаго подлинника самъ собою рушится. Но и другія его соображенія, направленныя въ туже сторону, не очень прочны. Если въ существующей редакціи посланія встрѣчаются два мѣста изъ Священнаго Писанія, переданныя вполнѣ согласно съ принятымъ въ латинской церкви обычнымъ латинскимъ текстомъ, то въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Такое явленіе легко объясняется тѣмъ, что латинскій переводчикъ оригинальнаго греческаго посланія также хорошо и твердо помнилъ свою Вульгату, также легко и свободно приводилъ себѣ на память различныя нужныя отрывки и реченія изъ нея, какъ и авторъ греческаго текста.

Важнѣе, по видимому, замѣчанія относительны выраженія pagani (язычники, поганые) и относительно предполагаемаго смѣшенія Пропонтиды (Мраморнаго моря) съ Дарданеллами. Графъ Ріанъ пишетъ: „Въ Константинополѣ никогда не называли мусульманъ pagani, а именовали ихъ измаелитами; pagani есть выраженіе чисто латинское; точно также въ Константинополѣ никогда не смѣшали бы Пропонтиду съ Дарданеллами“: „Propontis qui et Avidus dicitur“ [1]). Но если мы будемъ внимательно читать текстъ посланія, то увидимъ, что выраженіе pagani прилагается главнымъ образомъ не къ мусульманамъ, а къ язычникамъ Печенѣгамъ, или если къ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, то ради Печенѣговъ. Притомъ, слово paganus едва ли было совсѣмъ чуждо средневѣковому греческому языку. Анна Комнина заставляетъ Боэмунда Тарентскаго такимъ именно словомъ называть плѣннаго Скиѳа, то-есть, по всѣмъ признакамъ Половчина, если только не подлиннаго Печенѣга [2]). Итакъ, Анна употребляетъ выраженіе paganus, конечно, съ прямымъ сознаніемъ его латинскаго происхожденія; но, по видимому, она знала это выраженіе все-таки скорѣе изъ живой народной рѣчи, изъ которой оно также перешло и

[1]) Préface, pag. XVI: à Constantinople on n'a jamais traité les musulmans de pagani....; on n'y eût confondu Propontide et les Dardanelles.

[2]) Alexiad. II, 132, 135, 168, 229.

Digitized by Google

къ намъ въ видѣ поганина, поганаго, чѣмъ изъ латинскаго, или какого романскаго языка. Что въ живой народной рѣчи даже столичнаго населенія, употреблялись слова, подобныя paganus, πάγανος, на это есть любопытные примѣры въ той же области бранныхъ выраженій. Какъ мы знаемъ изъ одного юридическаго византійскаго памятника, на константинопольской площади можно было слышать выраженія въ родѣ χούρβας υἱόν (Πεῖρα LXI, § 6). Наконецъ, если бы даже въ греческомъ текстѣ читалось другое выраженіе, напримѣръ, ἐθνικός, что̀ для Печенѣговъ было бы вполнѣ пригодно, то латинскій переводчикъ все-таки легко могъ и отъ себя поставить выраженіе paganus. Что же касается отожествленія Пропонтиды съ Абидосомъ, а другими словами—съ Дарданеллами, то въ глоссѣ: Propontis qui et Avidus dicitur, мы скорѣе расположены видѣть слѣды греческаго подлинника, чѣмъ доказательство его отсутствія. Уже одно чтеніе Avidus вмѣсто Abydus располагаетъ въ пользу византійскаго происхожденія документа; а еще важнѣе то обстоятельство, что именно Греки имѣли обычай именемъ Пропонтиды обозначать не только Мраморное море, но и оба пролива, соединяющіе его съ Чернымъ и Средиземнымъ. „Есть двѣ Пропонтиды", гласитъ одинъ византійскій каталогъ городовъ, — „одна у Абидоса, другая при Іеронѣ и Псаммаѳіѣ" [1]). Мы могли бы привести и дѣйствительные случаи употребленія слова Пропонтида въ такомъ смыслѣ, но въ этомъ, кажется-не представляется дальнѣйшей необходимости [2]). Относительно именованія императорскихъ провинцій старинными классическими названіями, довольно указать на Алексіаду Анны Комнины, на сочиненія Атталіоты и Пселла въ доказательство того, что старая привычка византійскихъ писателей предпочитать ради педантизма классическіе термины современнымъ была въ полной силѣ въ ту эпоху, къ которой относится нашъ документъ. Совершенно напрасно графъ Ріанъ укоряетъ автора посланія въ томъ, что онъ помѣщаетъ Трою (городъ) въ Великой Фригіи; въ посланіи читается: minor Phrigia, id est Troia, и разумѣется тутъ область Троада (Τροία scil. γῆα), дѣйствительно совпадавшая съ Малою Фригіей (ἡ μικρὰ Φρυγία). Такая

[1]) Προποντίδες δύο, ἡ μὲν κατὰ τὴν Ἄβυδον, ἡ δὲ κατὰ τὸ Ἱερὸν καὶ Ψαμμάθιον *Tafel*, De Provinc., pag 21. Ср. ad Acropolit. notae *Allatii*.

[2]) См., впрочемъ, житіе Георгія Амастридскаго и житіе Стефана Новаго, и наши двѣ статьи въ Русско-византійскихъ отрывкахъ: *Журн. Мин. Нар. Просв.* іюнь 1877 г., стр. 307, и мартъ 1878 г., стр. 174.

Digitized by Google

же непонятная напраслина содержится и въ упрекѣ на счетъ помѣщенія Ливіи въ Малой Азіи. Самъ графъ Ріанъ въ изданіи текста вмѣсто Libia читаетъ Lidia (стр. 14).

Итакъ, по нашему мнѣнію, графъ Ріанъ совсѣмъ не представилъ убѣдительныхъ доказательствъ противъ возможности допустить греческій подлинникъ посланія. Считая, напротивъ того, вѣроятнымъ существованіе византійскаго греческаго подлинника, мы уже не обязаны подробно разбирать всѣ доводы противъ предположенія, что письмо было сочинено въ Константинополѣ на латинскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе что нѣкоторые изъ этихъ доводовъ, основанные на сравненіи посланія съ письмами къ аббату Одеризію, суть повтореніе или видоизмѣненіе только что отвергнутыхъ нами соображеній. Но здѣсь же слѣдуетъ остановиться на другаго рода аргументѣ, выставляемомъ не однимъ только графомъ Ріаномъ, но и другими учеными, противъ принадлежности хотя бы и по латыни написаннаго посланія самому императору Алексѣю. Графъ Ріанъ пишетъ: „Въ 1021 году Алексѣй просилъ помощи Генриха IV противъ Норманновъ; Анна Комнина сохранила намъ въ его существенномъ содержаніи текстъ того посланія, съ которымъ ея отецъ обратился къ Германскому императору, государю гораздо болѣе страшному, чѣмъ графъ Фландрскій. Самое поверхностное сравненіе этого документа съ нашимъ достаточно показываетъ, что даже доведенный до самой жестокой крайности Алексѣй никогда не снизошелъ бы въ отношеніи къ простому французскому феодальному владѣтелю до такихъ выраженій низкой трусости, какими заставляетъ его говорить посланіе“ (pag. XVIII) [1]). На это мы отвѣчаемъ слѣдующее: Если въ самомъ дѣлѣ и фактически положеніе императора въ данный, пока еще искомый, моментъ было такимъ, какимъ оно описывается въ посланіи, то несомнѣнно, что въ эпоху написанія своего письма Алексѣй находился въ несравненно болѣе критическомъ положеніи, чѣмъ въ 1081 году, и слѣдовательно, могъ писать нѣсколько инымъ тономъ, чѣмъ къ Генриху IV. Послѣдній, не смотря на свой высокій титулъ и довольно ограниченное могущество, могъ и долженъ былъ сдѣлать одну только диверсію противъ Роберта Гвискарда со стороны Италіи; теперь же дѣло шло о спасеніи самаго Константинополя. Конечно, Робертъ

[1]) Préface, XVIII: Même réduit à l'extrémité la plus dure, jamais Alexis n'eut employé, à l'égard d'un simple feudataire français, des termes d'une aussi basse couardise.

Digitized by Google

Фландрскій не могъ спасти Алексѣя одними собственными силами, хотя не слѣдуетъ отзываться о нихъ слишкомъ пренебрежительно. Но не къ одному Роберту и обращался Алексѣй, не отъ него одного требовалъ помощи: графъ Фландрскій долженъ былъ поднять силу несравненно болѣе страшную, чѣмъ могущество Генриха IV, именно весь латинскій или же французскій западъ. Аргументъ противъ подлинности посланія, основанный на отсутствіи въ немъ высокомѣрнаго канцелярскаго стиля Греческой имперіи, остается неполнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что императоръ Алексѣй никогда не находился въ такой крайности, которая вынуждала бы его забыть о всѣхъ формахъ и обратиться на западъ съ простымъ воплемъ о помощи. Другими словами: вся сущность вопроса заключается въ томъ, былъ ли когда-либо Алексѣй въ такомъ ужасномъ положеніи, которое рѣзко изображается словами: „я бѣгаю предъ лицемъ Турокъ и Печенѣговъ", или же такого момента въ дѣйствительности никогда не существовало. Къ этому вопросу, къ сожалѣнію, не поставленному вполнѣ ясно французскимъ критикомъ, мы обратимся ниже. Теперь мы должны оцѣнить другія доказательства графа Ріана въ пользу защищаемаго имъ тезиса о подложности. Опускаемъ нѣсколько субъективныя замѣчанія о тривіальныхъ и даже грязныхъ описаніяхъ, которыхъ будто бы писцы императорской византійской канцеляріи уже никакъ не могли помѣстить въ царскую грамоту; остановимся на слѣдующемъ замѣчаніи, дѣйствительно относящемся къ области исторической критики: „Если бы посланіе написано было въ Константинополѣ на латинскомъ языкѣ, то писцы, его сочинявшіе, при составленіи каталога святынь и мощей, помѣщеннаго въ срединѣ документа, слѣдовали бы порядку, наблюдаемому въ произведеніяхъ этого рода — восточной редакціи, а не выбрали бы именно тотъ порядокъ, какой намъ представляютъ подобныя описи, составленныя на западѣ — по разказамъ пилигримовъ, возвращавшихся изъ Цареграда" [1]). Изъ ссылки, сдѣланной внизу страницы въ примѣчаніи, мы узнаемъ что образцы греческихъ восточныхъ и латинскихъ описей должны быть отыскиваемы въ извѣстномъ, и нужно кстати сказать, прекрасномъ и драгоцѣнномъ, изданіи самого графа Ріана

[1]) Enfin, en dressant le catalogue des reliques que contient la lettre, ils eussent suivi l'ordre observé dans les pièces de ce genre, rédigées en Orient, et non précisément celui que nous offrent les inventaires semblables, confectionnés en Occident, d'après les dites des pèlerins revenus de Constantinople. (pag. XIX).

Digitized by Google

„Exuviae sacrae Constantinopolitanae“ (Genevae, 1878). Греческихъ образцевъ пока немного, не болѣе одного. Николай, епископъ города Идронто въ южной Италіи, въ трактатѣ о причащеніи, писанномъ около 1207 года, перечисляетъ святыни, похищенныя Франками при взятіи Цареграда. Перечисленіе это весьма кратко, неполно, и очевидно, сдѣлано по памяти, отчасти на основаніи автопсіи, какъ мы это узнаемъ отъ самого автора, и совсѣмъ независимо отъ какого-либо другаго греческаго или латинскаго каталога святынь [1]). Отрывокъ изъ сочиненія Николая Идронтскаго еще не доказываетъ, чтобы въ XI вѣкѣ у Грековъ существовали каталоги цареградскихъ святынь особой (восточной) редакціи, не похожей на позднѣйшую западную. Итакъ, если бы въ самомъ дѣлѣ онись святынь, содержащаяся въ посланіи Алексѣя къ Роберту, оказалась сходною съ нѣкоторыми позднѣйшими западными каталогами, то это еще не доказывало бы, что она совсѣмъ не похожа на восточныя (неизвѣстныя намъ или потерянныя) описи. Образцемъ латинскихъ каталоговъ, которыми будто бы руководились секретари Алексѣя Комнина, слѣдуетъ, по указанію графа Ріана, считать двѣ описи святынь цареградскихъ, напечатанныя во второмъ томѣ его изданія. Одна составлена въ половинѣ XII вѣка и находится въ сборникѣ Британскаго музея и въ Кембриджской рукописи подъ такимъ заглавіемъ: „Hę sunt reliquie que apud Constantinopolim in capella imperatoris monstrantur“; другая принадлежитъ послѣднему десятилѣтію того же, то-есть, XII, столѣтія и читается въ Ватиканской рукописи подъ заглавіемъ: „Descriptio sanctuarii Constantinopolitani“ [2]). При сличеніи этихъ описей съ исчисленіемъ реликвій въ посланіи къ графу Роберту оказывается, что полнаго тожества нѣтъ въ содержаніи описанія, то-есть, въ количествѣ называемыхъ предметовъ, и совсѣмъ нѣтъ этого тожества въ порядкѣ перечисленія предметовъ, что только и можно было бы считать дѣйствительнымъ и рѣшительнымъ доказательствомъ родства между западными каталогами и даннымъ отрывкомъ въ посланіи. Что еще важнѣе, обѣ латинскія описи — позднѣйшія въ сравненіи съ нашимъ документомъ, и слѣдовательно, еслибъ оказалось и было доказано какое-либо родство ихъ съ каталогомъ посланія, то естественнѣе было бы объяснять это сходство заимствованіемъ изъ греческаго источника, то-есть, или изъ самаго

[1]) См. Exuviae sacrae, II, 233.

[2]) См. Exuviae sacrae, II, 211—212; 216—217.

Digitized by Google

подлиннаго посланія царя Алексѣя къ Роберту Фландрскому, или изъ какихъ-либо латинскихъ переводовъ онаго, а не на оборотъ. При всей своей громадной начитанности въ средневѣковыхъ источникахъ, графъ Ріанъ сдѣлалъ весьма важное опущеніе, не замѣтивъ одного цѣннаго и очень древняго каталога святынь цареградскихъ, дошедшаго до насъ въ латинской редакціи и представляющаго дѣйствительное и буквальное тожество съ соотвѣтствующею частію посланія.

Мы разумѣемъ указанный нами еще и прежде отрывокъ у Гуго Флерійскаго (Hugo Floriacensis), автора „Дѣяній новыхъ королей Французскихъ" (отъ Карла Лысаго до Людовика VII). Подобно монаху Роберту изъ Сен-Реми, Гуго Флерійскій, имѣвшій, кстати сказать, весьма высокія связи, такъ что ему могли быть открыты фамильные архивы англійскаго королевскаго и графскаго фландрскаго домовъ,—при описаніи Клермонтскаго собора, вложилъ въ уста папы Урбана то, что̀ читается также въ посланіи Алексѣя къ графу Роберту Фризу. Онъ заставляетъ папу Урбана въ 1095 году заботиться объ опасности, угрожающей Византіи не только отъ Турокъ, но и отъ Печенѣговъ, которые три года тому назадъ были почти совершенно уничтожены; а затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе Урбаномъ II греческихъ провинцій, вполнѣ согласное съ текстомъ посланія, и наконецъ, каталогъ святынь, тотъ же самый, который читается въ посланіи. Къ сожалѣнію, это заимствованіе съ той или другой стороны или только родство двухъ текстовъ не было замѣчено ни французскими издателями „Дѣяній" Гуго изъ Флёри (Bouquet, XII), ни нѣмецкимъ въ знаменитыхъ Monumenta Germaniae (Pertz, SS. IX, 392). Не смотря на наше указаніе, обстоятельство это осталось неизвѣстнымъ и графу Ріану, равно какъ и всѣмъ его критикамъ.

Ради пользы дѣла мы рѣшаемся еще разъ выставить не замѣченный другими важный фактъ въ совершенной его наглядности и несомнѣнности.

Riant, Alexii Comneni epistola, pag. 14.

Imperium christianorum Graecorum angustiatur fortiter a Pincinatis et Turcis.... Nam pene tota terra ab Jherusalem usque Greciam, et tota Grecia

Hugonis Floriacensis modernorum regum Francorum actus: Bouquet, XII, 799; Pertz, IX, 392.

Eodem anno (1095) Urbanus papa magnum apud Clarummontem concilium celebravit. Imperium enim orientale a Turcis et Pincinatis graviter infe-

Digitized by Google

cum suis regionibus, que sunt Capadocia minor, alia major, Frygia, id est Troia, Pontus, Galacia, Lidia, Pamphylia, Vsauria, Licia et insulae principales Chios et Mitylena et multe alie regiones et insulae — — ab eis jam invasae sunt...

stabatur, et jam Capadocia minor et major et Phrygia major et minor simul et Asia, Galacia quoque et Libia et Pamphylia et Isauria et Licia et insulae principales illarum regionum, Chio videlicet et Mithilena ab eis captae *tenebantur*, — — et fiebant cotidie diversae cedes christianorum et derisiones in Christum dominum et in religionem *nostram*. Unde papa — exortatus est Gallorum gentem, ut— —viriliter succurrerent и т. д.

Riant, Alexii Epistola, pag. 16 и 17.

Ergo, antequam capiatur ab eis Constantinopolis, certare totis viribus *maxime* debetis.... quia in ea habentur preciosissime reliquie Domini, id est: statua, ad quam fuit ligatus; flagellum, a quo fuit flagellatus, chlamys coccinea, qua fuit indutus; corona spinea, qua fuit coronatus; harundo, quam vice sceptri in manibus tulit; vestimenta, quibus ante Crucem expoliatus fuit; pars maxima Ligni Crucis, in qua crucifixus fuit; clavi, quibus affixus fuit и т. д.

Monebat etiam, ut *antequam barbari Constantinopolitanam urbem sibi* subjecerent, eo festinarent; in qua est statua, ubi Christus fuit ligatus et flagellatus, et clamis coccinea, qua fuit indutus, et spinea corona, qua fuit coronatus, et flagellum, quo fuit flagellatus, et arundo quam pro sceptro tenuit, et vestimenta, quibus antequam cruci ligeretur expoliatus est et quedam portio crucis, in qua confixus p? pendit et aliae simul sanctae reliquiae, quae magnum omnibus christianis generarent detrimentum si amitterentur.

Возвращаемся къ прерванной нити нашего разсужденія. Изъ Гуго Флёрійскаго мы узнаемъ, что дѣйствительно въ самомъ началѣ XII вѣка (Гуго писалъ свое сочиненіе около 1114 года) на западѣ былъ къ обращеніи каталогъ святынь византійскихъ, совершенно тожественный съ тою описью, которая находится въ посланіи. Какого происхожденія сей каталогъ, восточнаго или западнаго, — этотъ вопросъ, очевидно, долженъ быть рѣшаемъ не на основаніи сравненія приписываемаго Алексѣю Комнину перечисленія съ позднѣйшими латинскими каталогами, а гораздо ближе — путемъ изученія мнимой клермонтской рѣчи папы Урбана сравнительно съ нашимъ документомъ. Все заставляетъ думать, что Гуго Флёрійскій, не имѣя другихъ источниковъ для возстановленія рѣчи Урбана, такъ какъ она никѣмъ не была записана, и не желая слишкомъ утруждать свое воображеніе, взялъ готовое содержаніе изъ того источника, который ему по-

Digitized by Google

казался подходящимъ по своему содержанію. Онъ не обратилъ вниманія на то, что для 1095 года нѣкоторыя черты, умѣстныя въ немного болѣе раннемъ документѣ, уже были анахронизмами. Ни Печенѣги, какъ мы уже замѣтили, не грозили тогда Цареграду, ни Митилена не была въ рукахъ Турокъ, ни вообще положеніе Алексѣя не было такъ опасно, чтобъ онъ могъ говорить о взятіи его столицы варварами. Если же въ сочиненіи начальныхъ годовъ XII столѣтія каталогъ, родственный съ описью посланія, заимствованъ изъ этого послѣдняго, то очевидно, и позднѣйшіе сходные каталоги оттуда же могутъ и должны вести свое начало, и ими никакъ нельзя пользоваться для доказательства обратной мысли.

Гагенмейеръ, къ несчастію, тоже не замѣтившій отрывковъ изъ письма у Гуго Флёрійскаго, былъ близокъ къ предположенію, что дошедшее до насъ посланіе Алексѣя въ различныхъ своихъ изводахъ хотя и не совсѣмъ подлинно, но все-таки составлено на основаніи подлиннаго греческаго документа.

Отвергая и эту мысль, графъ Ріанъ ставитъ слѣдующіе три вопроса: 1) могъ ли Алексѣй просить помощи у запада и въ частности у графа Фландрскаго? 1) могъ ли онъ мотивировать свою просьбу жестокостями, о которыхъ говорится въ письмѣ? и 3) могъ ли онъ подкрѣплять ее тѣми соблазнами, которые исчисляются въ письмѣ? Намъ кажется, что рѣшеніе проблемы такимъ образомъ ставится на почву нѣсколько субъективныхъ предпололоженій о возможности или невозможности даже довольно простыхъ въ самихъ себѣ фактовъ. Лучше было прямо спросить: существуютъ ли, помимо нашего документа, другія свидѣтельства объ обращеніи Алексѣя на западъ? Въ концѣ концевъ, къ этому въ сущности и сводится первая часть разсужденія графа Ріана. Оказывается, что существуютъ весьма авторитетныя показанія, позволявшія отвѣчать на вопросъ положительно. Два изъ этихъ свидѣтельствъ, Бернольда и Годефрида Малатерры, приведенныя и въ нашей прежней статьѣ, говорятъ собственно о попыткахъ императора Алексѣя къ примиренію съ западною церковью, о воссоединеніи церквей; но какъ это всегда бывало и послѣ, таковыя заботы косвеннымъ образомъ означали нужду въ западной помощи и желаніе получить оную. Напрасно графъ Ріанъ настаиваетъ, что въ 1089 году и въ слѣдующихъ годахъ, къ которымъ относятся вышеприведенныя показанія, рѣчь должна была касаться единственно религіознаго предмета, и что развѣ только нѣсколько, и очень не-

Digitized by Google

много словъ, относительно турецкихъ опустошеній, проскользнуло въ обычную теологическую фразеологію византійской канцеляріи [1]).

Мы можемъ теперь сослаться на Эккегарда, котораго прежде опустили изъ виду, и на прекрасный, хотя все-таки не совсѣмъ полный комментарій къ его словамъ у Гагенмейера [2]). Эккегардъ очень ясно и прямо говоритъ, что императоръ Алексѣй, тѣснимый варварами, присылалъ письма папѣ Урбану и въ нихъ заявлялъ, что собственныя его силы недостаточны для защиты восточныхъ церквей, и потому умолялъ папу, чтобъ онъ подвигнулъ къ помощи весь западъ, который тогда снова пріобрѣлъ полное признаніе своего христіанскаго характера на востокѣ [2]); эти неоднократныя обращенія Алексѣя, какъ видно изъ дальнѣйшаго, всѣ относятся ко времени ранѣе 1095 года. Слова Эккегарда драгоцѣнны, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что они недвусмысленно обнаруживаютъ связь затруднительнаго положенія Византіи съ тогдашними хлопотами о примиреніи съ Латинскою церковью. При этомъ нужно припомнить, что нѣмецкій аббатъ нѣсколько выше о подобныхъ же документахъ выразился, что онъ ихъ лично видѣлъ; нѣтъ ничего невозможнаго, что онъ читалъ и нѣкоторыя изъ писемъ Алексѣя, содержаніе коихъ онъ передаетъ въ такихъ выразительныхъ формулахъ. Мы рѣшительно не понимаемъ усилій графа Ріана ослабить значеніе приведеннаго свидѣтельства. Совершенно напрасно и вопреки правиламъ здравой критики, графъ Ріанъ, допуская справедливость извѣстія Эккегарда о существованіи писемъ Алексѣя къ папѣ, отвергаетъ содержаніе ихъ, передаваемое Эккегардомъ, и придумываетъ свое. Онъ, между прочимъ, пишетъ: „Если мы допустимъ, что Алексѣй требовалъ помощи съ запада и своими жалобами вызвалъ вмѣшательство Урбана II, то непосредственнымъ результатомъ этихъ просьбъ логически могло бы только быть приглашеніе помочь Константинополю. Лучшее доказательство, что эти обращенія вовсе не были тѣмъ, чѣмъ они представлены у Эккегарда и Бернольда, заключается въ послѣдующемъ: крестовый походъ былъ проповѣдуемъ и на самомъ дѣлѣ

[1]) Préface, pag. XXVII: Dans cette phraséologie se sont peut-être glissés quelques mots rélatifs aux ravages des Turcs en Asie Mineure...

[2]) Ekkehardi Hierosolymita, pag. 81—82: Predictus etiam Alexius—super eisdem barbaris predonibus, per majorem jam regni sui partem diffusis non *paucas epistolas* Urbano papae direxit, quibus in defensionem orientalium aecclesiarum se non sufficere deploravit, obtestans, totum si fieri posset, occidentem, qui jam ex integro christiana professione censeretur, sibi in adjutorium advocari...

Digitized by Google

совершился не въ пользу Византіи, но единственно во имя освобожденія святыхъ мѣстъ“ [1]). На это мы отвѣчаемъ: Точный смыслъ словъ Эккегарда совсѣмъ не исключаетъ предположенія, что Алексѣй просилъ помощи и для европейскихъ своихъ владѣній, приглашая помочь Константинополю. Если же мы пріймемъ письмо къ Роберту за образецъ другихъ посланій Алексѣя, адресованныхъ къ западнымъ государямъ и владѣтелямъ, а также къ папѣ, то именно и получимъ то, чего желаетъ отъ писемъ графъ Ріанъ. Въ посланіи къ Роберту, которое въ древнемъ предисловіи выдается именно за образецъ другихъ, требуется помощь прежде всего Константинополю. Вопросъ о томъ, почему крестовый походъ былъ направленъ иначе, пока не долженъ быть рѣшаемъ, ибо мы еще не знаемъ прямой связи посланія съ проповѣдью крестоваго похода; не знаемъ, къ какому году относитъ гр. Ріанъ посланіе и первыя письменныя сношенія Алексѣя съ папою, подразумѣваемыя у Эккегарда; не знаемъ, какъ великъ былъ промежутокъ времени между первою просьбой Алексѣя о помощи и крестоноснымъ движеніемъ.

Къ этому мы должны прибавить, что какъ графу Ріану, такъ и ученому издателю Эккегарда, а равно и автору большой критической статьи въ Revue critique (Gaston Paris), остались неизвѣстными весьма важныя византійскія извѣстія, изъ которыхъ одно говоритъ о стремленіяхъ императора Алексѣя къ церковной уніи съ западною церковью, а другое—объ ожиданіи имъ военной помощи отъ латынянъ. Георгій Метохита, латинствующій Грекъ XIV столѣтія, въ своей „Догматической исторіи“ разказываетъ, что Алексѣй Комнинъ, по вступленіи на престолъ, былъ сильно занятъ вопросомъ объ уничтоженіи церковной схизмы; думая, что прежде съ обѣихъ сторонъ дѣло было ведено нехорошо, онъ составилъ судъ, собралъ соборъ епископовъ, предложилъ имъ примириться съ Римскою церковью, настаивалъ на неканоничности исключенія папскаго имени изъ диптиховъ. Что особенно интересно, Метохита ссылается при этомъ на одинъ оффиціальный документъ, который хранился въ архивѣ, и въ которомъ желающій могъ найдти болѣе подробное объясненіе всего дѣла [2]). Нѣтъ ничего невозможнаго, что этотъ документъ отно-

---

1) Préface, pag. XXV: En admettant qu'Alexis eût réclamé les secours de l'Occident le resultat immédiat de ces sollicitations eût dû être logiquement une invitation à secourir Constantinople etc.

2) Georgii Metochitae historia dogmatica: Patrum nova bibliotheca, VIII, 21.

Digitized by Google

сился къ тѣмъ именно событіямъ, о которыхъ мы читаемъ краткія сообщенія у Бернольда, Малатерры и Еккегарда. Что же касается обращенія къ западу за чисто мірскою и земною помощью, притомъ именно противъ Печенѣговъ, то объ этомъ сообщаетъ намъ ни болѣе, ни менѣе какъ дочь самого Алексѣя, царевна Анна. Правда, что византійская гордость не любила вспоминать о бѣдственной эпохѣ и прошломъ тяжкомъ униженіи; но все-таки слова Анны, не смотря на намѣренную краткость, довольно ясны. Въ одномъ мѣстѣ она замѣчаетъ: „Императоръ съ возможною поспѣшностію отправилъ во всѣ стороны посланія, призывающія наемное войско". Нѣсколько ниже, при описаніи наиболѣе критическаго момента, царевна сообщаетъ намъ, что ея отецъ разчитывалъ на прибытіе изъ Рима ожидаемаго наемнаго войска [1]). Римъ здѣсь означаетъ просто латинскій западъ, а наемное войско, впрочемъ, на самомъ дѣлѣ, не явившееся, есть обычный придворно-канцелярскій эвфемизмъ особаго рода, по которому вещи называются болѣе уничижительными именами ради охраненія имперской или императорской чести. Благодаря этому способу выраженія Византія всегда имѣетъ только наемниковъ, а не союзниковъ; люди, которые явились бы на такой именно настоятельный призывъ, на такую горячую мольбу, какія содержатся въ посланіи (мнимомъ или подлинномъ) Алексѣя, все-таки были бы наемниками. Да и сама Анна признается, что Алексѣй, посылая свои грамоты, находился на краю гибели, тѣмъ что во всякомъ случаѣ рѣчь шла не о простомъ наймѣ охочихъ людей въ царскую иноземную дружину.

Мы не имѣемъ пока нужды заботиться о точномъ хронологическомъ опредѣленіи момента, къ которому относятся извѣстія Анны Комнины; довольно того, что они стоятъ нѣсколько выше разказа о крестоносномъ движеніи и уже потому легко сближаются съ вышеприведенными показаніями западныхъ источниковъ. Въ связи съ ними они совершенно ниспровергаютъ всѣ разсужденія графа Ріана о невозможности

(Romae, 1871): Ἄρτι μὲν αὐσονάρχης Ἀλέξιος ὁ τρισεγκλεὴς τῶν Κομνηνοφυτῶν ἀνακτων—τὴν ῥομάιων ἦκει κυβερνήσων ἀρχήν καὶ δὴ τούτῳ — — — τὸ φθάσαν σύμβαμα τῶν ἐκκλησιῶν πλείονι μερίμνῃ ἐγκρίνεται· ὅθεν — — — — λόγους περὶ τούτου κινεῖ, βῆμα καθίζει — — ἀρχιερέων συναθρόιζει κατάλογον, τοῦ μέσου προτείνει τὰ τῆς ἐχθροποιοῦ μοίρας — — — — καὶ τὴν ἐκκοπὴν τοῦ πάπα ὀνόματος τὸ ἀκανόνιστον ἔχειν ὁλοσχερῶς διατείνεται etc.

[1]) Anna Comn. VIII, 394: ὡς ἑνὸν διαγραμμάτων ἁπανταχόθεν ἔσπευδε μισθοφορικὸν μεταχαλέσασθαι. VIII, 401: ἀπαιωρεῖν ἐθέλων τοὺς αὐτῶν λογισμούς, εἴ που καὶ τὸ ἐκ τῆς ῥώμης προσδοκώμενον μισθοφορικὸν καταλάβοι.

Digitized by Google

допустить, чтобъ Алексѣй обращался съ просьбой о помощи прямо къ Риму или вообще на западъ. Переходя затѣмъ въ частности къ сношеніямъ Алексѣя съ графомъ Робертомъ Фландрскимъ, мы можемъ сказать, перемѣнивая отрицательныя выраженія гр. Ріана на положительныя, но сохраняя ту же форму силлогизма, что если Алексѣй искалъ помощи у папы и вообще на западѣ, то тѣмъ легче допустить, что онъ могъ съ тою же цѣлію обращаться къ своему другу, или по крайней мѣрѣ, близкому знакомому, уже оказавшему ему разъ услугу присылкою пятисотеннаго отряда рыцарей. Нѣкоторыя черты въ разсказѣ графа Ріана объ отношеніяхъ Византійскаго императора къ Роберту Фризу и въ характеристикѣ послѣдняго не совсѣмъ точны, онъ напрасно говоритъ о какой-то „непріятной роли“ (rôle désagréable), розыгранной Робертомъ Фризомъ на востокѣ. Отсылаемъ относительно этого къ своей прежней статьѣ. Несомнѣнно, что напротивъ, отношенія восточнаго монарха и западнаго владѣтеля остались весьма сердечными. При такомъ положеніи дѣла, мы не можемъ быть такъ требовательны, какъ графъ Ріанъ. Для него не имѣетъ никакого значенія и вѣса то, что о фактѣ обращенія Алексѣя къ графу Фландрскому, кромѣ самаго письма, свидѣтельствуютъ аббатъ Гиберть и позднѣйшій писатель Гислебертъ Монтскій. Онъ совсѣмъ не хочетъ брать ихъ въ разчетъ, ибо они говорятъ о фактѣ только по поводу самаго письма (préface, XXXVIII). Къ этому графъ Ріанъ могъ бы еще прибавить, что позднѣйшій исторіографъ Фландрскаго дома, Гислебертъ, въ данномъ мѣстѣ буквально повторяетъ выраженія своего предшественника, Гиберта, такъ что никакъ не можетъ считаться лишнимъ самостоятельнымъ свидѣтелемъ, и остается одинъ аббатъ Новигентскій [1]). Но если бы и такъ, все-таки что-нибудь да значитъ довѣріе къ документу со стороны лица, которое находилось въ дружественныхъ отношеніяхъ къ графской фамиліи Фландрской, лично зналъ Роберта Фриза, писалъ свое сочиненіе не болѣе какъ черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ его смерти, и располагалъ возможностію провѣрить свои недоумѣнія личными сообщеніями сыновей покойнаго; а нѣкоторыя не-

[1]) Hisleberti Chron. Hanoniense: *Pertz*, SS. XXI, 503: Constantinopolitanus imperator, assiduis gentilium incursionibus minuto magna in parte regno suo, tremefactus misit nuncios in Franciam cum *epistolis* ad animandos principes, ut desolate Jherasalem et *periclitanti grecie* subvenirent-unde confidentius scripsit Roberto seniori Flandrensium comiti. Ср. Guiberti de Novig. epitome (*Riant*, pag. 22). Imperator grecorum, assiduis incursionibus tremefactus, misit in franciam, — — — ad defendendam *periclitantem* greciam.

Digitized by Google

документъ письмо въ немъ возбуждало... Сверхъ того, графъ Ріанъ умолчалъ въ вышеуказанномъ мѣстѣ о томъ лицѣ, которое составило предисловіе къ нашему документу, почти всегда сопровождающее его; если бы даже это и не былъ самъ монахъ Робертъ, очевидецъ Клермонтскаго собора и повѣствователь о первомъ крестовомъ походѣ, во всякомъ случаѣ это было лицо близкое къ нимъ.

На другіе два изъ вышеприведенныхъ вопросовъ графъ Ріанъ тоже отвѣчаетъ отрицательно. Алексѣй не могъ мотивировать свою просьбу такъ, какъ она мотивируется въ посланіи, ибо истиннымъ театромъ жестокостей, о которыхъ говорится въ посланіи, вовсе не была Малая Азія по сосѣдству съ Константинополемъ, а развѣ Сирія и Палестина. Къ этой мысли изслѣдователь возвращается съ большею подробностію въ другой связи, въ главѣ о (предполагаемыхъ) источникахъ посланія. Несомнѣнно, что были и приходили на западъ письменныя жалобы восточныхъ христіанъ Сиріи и Палестины. Кьеркегардъ, свидѣтельство котораго на сей разъ принимается безусловно и графомъ Ріаномъ, самъ видѣлъ такого рода письма (epistolas, etiam à nobis visas), заключавшіяся въ нихъ жалобы на жестокости Турокъ и перешли будто бы въ текстъ этого письма. Послѣднее не болѣе какъ догадка; да и вся аргументація носитъ характеръ простыхъ личныхъ воображеній о разныхъ возможностяхъ, которымъ легко противопоставить другія возможности. Кто же докажетъ намъ, что Турки, свирѣпствовавшіе въ Сиріи и Палестинѣ, не были Турками въ Малой Азіи? И почему Алексѣй Комнинъ въ своей характеристикѣ Турокъ долженъ былъ пользоваться только тѣми фактами, которые совершились вблизи Константинополя? Въ посланіи вовсе не настаивается на томъ, что всѣ свирѣпства и гнусности совершились именно въ Малой Азіи. Наконецъ, „трудно допустить“, чтобъ Алексѣй добровольно рѣшился возбуждать жадность западныхъ людей хвастливыми разсказами о сокровищахъ столицы и о ея святыняхъ, какъ бы приглашая ихъ къ грабежу оныхъ [1]). Такъ какъ графъ Ріанъ видѣлъ здѣсь только трудность, а не совершенную невозможность, то мы соглашаемся съ нимъ и не настаиваемъ на допустимости нѣсколько иного смысла въ письмѣ; пусть читатели судятъ каждый какъ имъ представится. Въ изложеніи аббата Гиберта здѣсь нахо-

[1]) Préface, pag. XXXI: Il est difficile d'admettre qu'Alexis eut spontanément offert en pâture aux convoitises d'Occident d'une part les trésors pieux, — — — de l'autre le pillage des richesses publiques ou privées.

Digitized by Google

дится еще одна лишняя черта, которая отличается даже большею странностію. Сверхъ всѣхъ другихъ приманокъ, императоръ будто бы указывалъ на красоту греческихъ женщинъ (Preter hec universa, pulcherrimarum feminarum voluptate trahuntur). Національное самолюбіе аббата, выразившееся въ замѣчаніи, что нѣтъ основаній предпочитать Гречанокъ французскимъ женщинамъ, какъ будто ручается за то, что это онъ не самъ выдумалъ. Слѣдовательно, здѣсь возбуждается вопросъ о существованіи другой редакціи посланія, вопросъ, котораго мы теперь не хотимъ касаться. Мы ограничимся теперь замѣчаніемъ, что если бы даже необходимо было для оправданія аббата Гиберта допустить существованіе родственной черты и въ самомъ подлинникѣ, все-таки ничего особенно ужаснаго въ томъ не будетъ. Аббатъ не передалъ буквально тѣхъ выраженій, въ которыхъ говорилось о женщинахъ: можетъ быть, въ подлинникѣ, содержаніе котораго онъ только излагаетъ своими словами, мысль была выражена гораздо болѣе прилично и деликатно.

Слѣдующая глава „Объ источникахъ письма“ можетъ считаться необходимымъ продолженіемъ первой, и мы во всякомъ случаѣ обязаны сказать о ней два слова.

Если бы графу Ріану удалось указать какіе-либо тексты несомнѣнно древнѣе начала XII вѣка (когда нашъ документъ существовалъ уже на лицо во всей своей цѣлости), и притомъ вполнѣ сходные по содержанію и выраженію съ тою или другою значительною частью нашего документа, то конечно, предъ судомъ критики научная тяжба была бы почти окончательно выиграна имъ. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ, и вся глава „Объ источникахъ письма“ представляетъ только рядъ догадокъ. О жалобахъ христіанъ сирійскихъ мы уже говорили, равно какъ и о предполагаемомъ болѣе древнемъ латинскомъ каталогѣ святынь, цѣликомъ будто бы внесенномъ въ текстъ посланія. Опущеніе изъ виду Гуго Флёрійскаго много здѣсь повредило основательности разсужденій автора. То же самое слѣдуетъ, пожалуй, замѣтить и о правильномъ въ другихъ отношеніяхъ разсужденіи о возможности считать источникомъ для посланія рѣчи папы Урбана на Клермонтскомъ и Нимскомъ соборахъ. Легко предположить, говоритъ графъ Ріанъ,—но къ несчастію, трудно представить матеріальныя доказательства такого литературнаго заимствованія, потомучто еще въ 1098 году всѣ акты и сочиненія Урбана сгорѣли, и всѣ хроники, сообщающія намъ клермонтскую проповѣдь папы, даже тѣ, которыя писаны очевидцами, сообщаютъ намъ не оригинальный ея текстъ, а въ

Digitized by Google

лучшемъ случаѣ — ея общій смыслъ. Къ этому можно было бы прибавить замѣчаніе объ авторѣ „Дѣяній новыхъ королей Французскихъ“: его примѣръ показываетъ, что на оборотъ для изложенія папской рѣчи уже въ началѣ XII вѣка пользовались нашимъ документомъ.

Точно также остаются простыми догадками и соображенія о дѣйствительномъ авторѣ письма, высказываемыя въ дальнѣйшей главѣ. Такъ какъ мы не считаемъ доказанною самую подложность письма, то разсужденія, приводящія только къ „можетъ быть“, не имѣютъ для насъ значенія.

Больше важности представляетъ изслѣдованіе, заключающееся въ главѣ пятой (date de la lettre)—о мнимомъ и дѣйствительномъ времени появленія письма, такъ какъ, по мнѣнію графа Ріана, нужно различать то и другое—намѣреніе фальсификатора отнести свое произведеніе къ извѣстной датѣ и дѣйствительный моментъ, въ который поддѣлка вышла на свѣтъ: 1) date que le faussaire a cru assigner à la lettre en la fabriquant, и 2) date à laquelle la lettre a été fabriquée. Въ самомъ текстѣ письма графъ Ріанъ находитъ два хронологическіе признака, показывающіе, что по тѣмъ или другимъ соображеніямъ составитель хотѣлъ отнести его приблизительно къ девяностымъ годамъ XI вѣка. Въ посланіи упоминается о взятіи Турками Хіоса и Митилены, а мы знаемъ, что эти острова, захваченные Турками въ 1090 году, вскорѣ затѣмъ возвратились подъ власть Грековъ, благодаря усиліямъ Алексѣя: Хіосъ—въ томъ же самомъ году, а Митилена—въ мартѣ 1092 года (ср. Muralt, Chronog. Byzant., II, 65, 68). Кромѣ того, въ письмѣ упоминается, что „въ прошедшемъ году Галлиція и другія царства (или королевства, regna) западныхъ людей получили нѣкоторое облегченіе ига невѣрныхъ, благодаря помощи и содѣйствію тѣхъ самыхъ силъ, къ которымъ обращался Византійскій императоръ. Графъ Ріанъ объясняетъ: „Здѣсь никакъ не можетъ идти рѣчь о Галлиціи въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ она давно была свободна отъ мусульманскаго господства (если даже оно когда-нибудь утверждалось въ ней серіозно), но вообще объ Испаніи, въ которой Компостелла была наиболѣе извѣстнымъ городомъ на западѣ. Исторія Испаніи, въ эту эпоху, представляетъ намъ слѣдующіе успѣхи христіанъ: взятіе Толедо, побѣдоносную кампанію, которая затѣмъ послѣдовала (лѣто 1085 года), и взятіе Валенсіи, отдѣльная удача (coup de main isolé), совершавшаяся въ самое время завоеванія Альморавидскаго, въ маѣ 1094 года. Это даетъ намъ годы 1086 и 1095, изъ коихъ одинъ бли-

Digitized by Google

зокъ къ возвращенію Роберта Фриза въ Европу (изъ пилигримства въ Палестину), другой оставляетъ немного позади годъ его смерти".

Прослѣдимъ дальнѣйшія соображенія графа Ріана. Обращаясь къ предисловію, которымъ сопровождается нашъ документъ въ большей части рукописей, онъ и здѣсь усматриваетъ, помимо объясненія о личности получателя письма, два хронологическія указанія, оказывающіяся, впрочемъ, нѣсколько противорѣчивыми. Съ одной стороны, письмо должно быть считаемо написаннымъ за четыре года до славнаго пути Іерусалимскаго, то-есть, до перваго крестоваго похода, что приводитъ насъ къ одному изъ годовъ, находящихся на пространствѣ отъ 1092 до 1095, смотря по тому, какой моментъ въ исторіи крестоваго похода мы будемъ считать центральнымъ. Впрочемъ, такъ какъ графъ Робертъ умеръ въ октябрѣ 1093 года, и слухъ о его кончинѣ могъ достигнуть востока (?) въ началѣ 1094, то слѣдовало бы держаться переднихъ годовъ въ данномъ десятилѣтіи. Но вотъ—другое замѣчаніе предисловія снова погружаетъ насъ, по выраженію графа Ріана, въ неизвѣстность. Оно называетъ по имени того Турецкаго султана, на котораго жаловался Алексѣй, и это есть Солиманъ I (старшій), султанъ Рума, умершій въ концѣ 1085 года. Графъ Ріанъ видитъ во всемъ этомъ путаницу (confusion), рядъ хронологическихъ противорѣчій, нагроможденныхъ одно на другое; а это снова доказываетъ, что фальсификаторъ не имѣлъ даже достаточно свѣдѣній и довольно ловкости для приданія правдоподобія своей поддѣлкѣ.

Когда именно и для какой цѣли совершенъ подлогъ — прежде всего и въ общихъ чертахъ рѣшается, по мнѣнію графа Ріана, основнымъ характеромъ самого произведенія. Въ немъ слѣдуетъ видѣть ни что другое, какъ excitatorium, поощрительное воззваніе, популярную піесу, назначенную для распространенія въ народной массѣ, дабы возбудить въ ней ревность и движеніе противъ мусульманъ и въ пользу освобожденія Святой земли. Съ этой точки зрѣнія, было бы вполнѣ естественнымъ отнести редакцію и появленіе посланія именно къ тому времени, когда былъ проповѣдуемъ первый крестовый походъ: конецъ 1095 и начало 1096 года. Но при помощи обширнаго и глубокаго знакомства съ документами, относящимися къ исторіи цареградскихъ святынь и реликвій, графу Ріану удалось отмѣтить одинъ спеціальный, и по видимому, чрезвычайно важный признакъ, дающій болѣе опредѣлительные намеки. Въ описаніи святынь константинопольскихъ, и въ частности орудій страданія Спасителя,

Digitized by Google

составляющемъ часть посланія къ Роберту, замѣчается странный пропускъ: не упоминается о святомъ копьѣ, которымъ прободенъ былъ Христосъ на крестѣ, хотя эта святыня несомнѣнно находилась во дворцѣ Вуколеонскомъ и постоянно упоминается какъ въ различныхъ путешествіяхъ и „хожденіяхъ" иностранныхъ, такъ и у византійскихъ писателей. Такъ какъ этотъ пробѣлъ имѣетъ рѣшительно всѣ рукописи, видѣнныя графомъ Ріаномъ, то его нужно считать принадлежностью не какихъ-либо позднѣйшихъ списковъ, а самого подлинника, первоначальнаго оригинала, какъ онъ вышелъ изъ рукъ автора. Чѣмъ же объяснить такое поразительное умолчаніе? Извѣстно, пишетъ графъ Ріанъ, — какую роль играло въ 1098 году открытіе, сдѣланное священникомъ Петромъ Варѳоломеемъ, (мнимаго) священнаго копья Христова. Этотъ предметъ, который позднѣе также былъ принесенъ въ Константинополь въ продолженіе зимы 1100—1101 гг. графомъ Раймундомъ Тулузскимъ и потомъ чрезъ нѣсколько времени безслѣдно изчезъ послѣ страшнаго пораженія крестоносцевъ при Ереглн (іюль 1101 г.), былъ считаемъ нѣкоторыми изъ крестоносныхъ князей (особенно тѣми, которые при проходѣ чрезъ Константинополь должны были присягать надъ истиннымъ тѣмъ находящимся концемъ) за святыню довольно сомнительную (une relique au moins douteuse); но въ глазахъ многихъ другихъ лицъ, особенно въ глазахъ латинскаго духовенства, антіохійское копье, въ моментъ своего появленія, считалось подлиннымъ. Очевидно, что при существованіи такого взгляда составитель письма, которое должно было считаться отправленнымъ изъ Константинополя ранѣе перваго крестоваго похода, если онъ не хотѣлъ возбуждать подозрѣній относительно подлинности фабрикуемаго имъ документа, не могъ прямо идти на перекоръ народному мнѣнію (ne pouvait attaquer de front l'opinion populaire), помѣщая въ Византіи, въ 1093 году, предметъ, найденный потомъ подъ землею въ Антіохіи, въ 1099 году. Теперь, такъ какъ подробныя извѣстія объ обрѣтеніи копья по пораженіи Кербоги не могли достигнуть Царяграда ранѣе сентября 1098 года, то становится вѣроятнымъ, что документъ съ каталогомъ святынь, но кромѣ копья, явился не ранѣе начальныхъ мѣсяцевъ 1099 и не позднѣе 1102 года — эпохи, когда сдѣлалась извѣстною потеря мнимой святыни при пораженіи крестоносцевъ при Ереглн. Послѣ этой потери копье Вуколеонское переставало быть дупликатомъ, и упоминаніе о немъ не возбудило бы сомнѣній [1]).

[1]) Préface, LI—LVIII.

Digitized by Google

Послѣ того какъ былъ указанъ общій смыслъ документа и была найдена приблизительная эпоха его появленія, не трудно было графу Ріану отыскать и дальнѣйшія ближайшія опредѣленія мотивовъ и даты. Въ 1098 и 1099 годахъ, особенно послѣ взятія Іерусалима, отчасти вслѣдствіе своевольнаго оставленія крестоноснаго ополченія вольными рицарями и феодалами, не признававшими никакихъ узъ дисциплины и повиновенія, отчасти вслѣдствіе большой убыли въ рядахъ крестовой рати въ кровавыхъ битвахъ съ невѣрными,—ощущалось въ святомъ лагерѣ самая настоятельная потребность въ подкрѣпленіяхъ, въ новыхъ силахъ: мы имѣемъ рядъ жалобъ, раздававшихся оттуда и выражаемыхъ въ письмахъ на родину, о медленности движенія прочихъ пилигримовъ, давшихъ обѣтъ и замедлившихъ въ Европѣ; мы имѣемъ поощрительныя воззванія, сочиненныя съ цѣлью ускорить отправленіе отставшихъ. Вотъ съ этою же цѣлію и въ то же время составленъ и нашъ подложный документъ. Нѣкоторое сомнѣніе возбуждается, правда, тѣмъ, что письмо писано отъ имени Византійскаго императора, репутація котораго вовсе не способна была сообщить большій авторитетъ документу: его недружелюбное отношеніе къ крестоносцамъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ на западѣ Европы; въ письмахъ изъ Сиріи и Палестины уже стали называть его измѣнникомъ и вѣроломцемъ. Но, по замѣчанію графа Ріана, вражда и подозрительность стали развиваться только послѣ столкновенія изъ-за Антіохіи, а первые неблагопріятные слухи о Греческомъ государѣ стали доходить въ Европу не ранѣе іюня 1099 года. Итакъ, возраженіе, которое могло быть сдѣлано графу Ріану съ точки зрѣнія взаимныхъ отношеній между Алексѣемъ Комниномъ и крестоносцами, съ точки зрѣнія репутаціи перваго въ латинскомъ христіанствѣ, приводитъ только къ точнѣйшему опредѣленію эпохи появленія письма. Нужно полагать, что оно появилось въ лагерѣ крестоносцевъ между 20-го іюня 1098 года (взятіе Антіохіи) и 10-го апрѣля 1099. Всего вѣроятнѣе, что авторомъ былъ какой-нибудь клирикъ родомъ изъ Реймса, сопровождавшій Роберта II Фландрскаго и знавшій отъ него самого или отъ окружающихъ его о бывшихъ сношеніяхъ его отца съ императоромъ. Ничего нельзя сказать противъ предположенія, что это былъ даже именно Робертъ-монахъ, если мы возвратимся къ мнѣнію прежнихъ ученыхъ, видѣвшихъ въ немъ очевиднаго свидѣтеля перваго крестоваго похода. Наконецъ, если предпочесть предположеніе о происхожденіи письма въ западной Европѣ, то опять нужно имѣть въ виду Реймсъ и нѣсколько по-

Digitized by Google

двинуть впередъ къ нашему времени эпоху появленія письма — на такой періодъ, какой нужент былъ бы для достиженія во Францію первыхъ неблагопріятныхъ извѣстій о поведеніи Алексѣя, то-есть, до іюля 1099 года".

Мы изложили теорію графа Піана, не прерывая его рѣчи собственными замѣчаніями; теперь слѣдуютъ наши возраженія. Первые вопросительные знаки, сдѣланные нами на книгѣ, полученной отъ ученаго и любезнаго автора, относились именно къ его гипотезѣ о появленіи письма въ лагерѣ крестоносцевъ и вообще съ цѣлію ускорить движеніе отсталыхъ и менѣе ревностныхъ пилигримовъ. И теперь, послѣ внимательной повѣрки перваго впечатлѣнія, она кажется намъ совсѣмъ не подходящею къ обстоятельствамъ дѣла. Если посланіе писано въ 1098 году ради тогдашнихъ современныхъ интересовъ, то зачѣмъ было переноситься автору и его внушителямъ за шесть или болѣе лѣтъ назадъ, дѣлать изслѣдованія, наводить справки, чтобы письмо его казалось принадлежащимъ начальной эпохѣ правленія Алексѣя? Побужденій и ободреній для пилигримовъ перваго крестоваго похода спѣшить къ своимъ на помощь нужно было искать въ настоящемъ, въ современныхъ обстоятельствахъ, а не въ минувшей обстановкѣ. И какъ легко было найдти эти побужденія! Несомнѣнно, что въ глазахъ западныхъ христіанъ Іерусалимъ стоилъ Константинополя, и Святая земля стояла Греціи или Византіи. Между тѣмъ, что же мы видимъ? Помощь нужна была Палестинѣ, а въ письмѣ все говорится о Цареградѣ. Спасать нужно было Іерусалимъ, а посланіе возглашаетъ: „Спѣшите, пока Константинополь не взятъ варварами". Не значило ли бы это отвлекать усердіе и одушевленіе въ другую сторону отъ Іерусалима? Не значило ли бы это охлаждать пылъ собравшихся въ путь пилигримовъ указаніемъ на затрудненія и опасности, которыя имъ встрѣтятся на пути и помѣшаютъ безпрепятственно достигнуть цѣли, ради которой они надѣли или нашили кресты? Легко поставить цѣлый рядъ такихъ вопросовъ, а отвѣчать на нихъ можно только указаніемъ на то, что въ концѣ посланія все-таки говорится и о святомъ гробѣ Господнемъ. Нужно сказать два слова объ этомъ упоминаніи. Оно находится только въ самомъ концѣ посланія и представляется столь страннымъ, столь неожиданнымъ, столь мало связаннымъ со всѣмъ предыдущимъ содержаніемъ, что само оно возбуждаетъ сомнѣніе и никакъ не можетъ служить опорою какой-либо аргументаціи. Agite ergo! dum tempus habetis, ne christianorum regnum, et quod majus est, Domini perdatis sepulcrum. Цѣлое письмо написано на

Digitized by Google

тему о необходимости помочь Византіи и Царюграду, а въ концѣ заявляется, что гораздо важнѣе того спасеніе гроба Господня. Въ другихъ отношеніяхъ фальсификаторъ умѣлъ стать на точку зрѣнія Византійскаго императора и событій, предшествовавшихъ первому крестовому походу четырьмя годами или болѣе, а здѣсь предостерегаетъ противъ утраты гроба Господня, который еще не былъ возвращенъ и совсѣмъ не находился въ рукахъ императора. Нельзя терять того, чего не имѣешь. Фальсификаторъ помнитъ о томъ, что Хіосъ и Митилена въ предполагаемую эпоху составляемаго имъ письма находятся въ рукахъ Турокъ, и забылъ о томъ, что гробъ Господенъ только недавно былъ освобожденъ отъ мусульманъ. Если же онъ писалъ вскорѣ послѣ этого событія, то какъ же онъ не воспользовался такимъ радостнымъ извѣстіемъ для возбужденія энтузіазма на западѣ? — Однимъ словомъ, есть что-то несообразное въ концѣ письма, есть порча въ томъ самомъ мѣстѣ, которое и въ изложеніи аббата Гиберта получило особую дополнительную черту, не существующую въ болѣе полной редакціи нашего документа. Мы думаемъ, что дѣло объясняется либо недовкостію латинскаго переводчика, либо какимъ-либо позднѣйшимъ искаженіемъ переписчиковъ. Не совсѣмъ умѣлый и знающій переводникъ документа, написаннаго на греческомъ языкѣ, очень могъ перевести выраженіе λείψανα останки, мощи, reliquiae, латинскимъ sepulcrum, хотя бы это выраженіе встрѣчалось и не въ первый разъ въ документѣ [1]). Если же нѣтъ, если такое объясненіе покажется слишкомъ смѣлымъ, то слѣдуетъ предполагать, что слово sepulcrum явилось подъ перомъ переписчиковъ вмѣсто первоначальнаго reliquiae или же thesaurum — вслѣдствіе больше привычки слышать и читать о гробѣ Господнемъ, чѣмъ объ „останкахъ Господнихъ“. Какъ бы то ни было, если составитель письма обладалъ какою-нибудь логикою, то въ заключительномъ обращеніи должно было содержаться то самое, о чемъ трактовалось въ срединѣ: а въ срединѣ трактовать о reliquiae Domini, τὰ τοῦ κυρίου λείψανα, а не о sepulcrum Domini, ὁ τοῦ κυρίου τάφος. Нашъ документъ есть дѣйствительно воззваніе, excitatorium, только не о помощи гробу Господню и Палестинѣ, а къ спасенію Византіи и Царьграда. Въ этомъ заключается его основное содержаніе, его

[1]) Можно также предположить, что въ греческомъ стояло μνήμα, μνήματα въ смыслѣ памятниковъ, святыхъ предметовъ, напоминающихъ о Господѣ, а переводчикъ принялъ это выраженіе въ болѣе обычномъ его значеніи «гроба».

Digitized by Google

ясное и точное указаніе на время его появленія, независимо даже отъ подлинности или неподлинности происхожденія.

Переходимъ къ существенному вопросу, который, какъ мы замѣтили, не былъ надлежащимъ образомъ поставленъ французскимъ ученымъ. Соотвѣтствуетъ ли содержаніе документа исторической дѣйствительности? Находилась ли Византійская имперія когда-нибудь въ концѣ XI вѣка въ такомъ отчаянномъ и критическомъ положеніи, въ какомъ она представляется по нашему документу? Въ какомъ году Турки и Печенѣги за одно угрожали Царюграду, заставляли бѣгать императора изъ одного города въ другой? Что значитъ упоминаніе къ концу письма объ ожидаемомъ прибытіи новой шестидесяти-тысячной, а по вариантамъ, сорока-тысячной орды варваровъ?— Вотъ первостепенные пункты, долженствующіе служить для отысканія даты, къ которой посланіе относится или хочетъ себя относить. Всѣ остальные признаки—Хіосъ и Митилена, Галлиція и т. д.—имѣютъ второстепенное значеніе, хотя, конечно, не должны оставаться безъ разсмотрѣнія и оцѣнки.

Было бы слишкомъ длинно излагать здѣсь исторію совокупнаго и параллельнаго движенія двухъ турецкихъ ордъ, Узо-Сельджукидской и Печенѣжской, въ предѣлахъ византійскихъ провинцій. То, что относится къ послѣдней, подробно изложено въ статьѣ нашей „Византія и Печенѣги", напечатанной восемь лѣтъ тому назадъ на страницахъ этого самого журнала. Мы припомнимъ только главные факты. Въ 1048 году ордою въ 800,000 человѣкъ Печенѣги перешли Дунай и отчасти съ согласія византійскаго правительства, отчасти насиліемъ утвердились на пространствѣ между этою рѣкой и Балканами. Вскорѣ они изъ-за Балканскихъ странъ сдѣлались постоянною грозою Македоніи и Оракіи, грабили область Адріанопольскую, угрожали столицѣ. Византійское правительство думало воспользоваться силами кочевыхъ наѣздниковъ для борьбы въ Малой Азіи съ Турками-Сельджуками; но не одинъ разъ случалось, что въ самую рѣшительную минуту Печенѣги измѣняли, переходили къ своимъ единоплеменникамъ. Историки византійскіе сохранили намъ ясныя указанія на то, что, встрѣчаясь на поляхъ Малой Азіи, въ рядахъ армій Романа Діогена и султана Алп-Арслана, Печенѣги и Турки легко приходили къ сознанію своего кровнаго родства и понимали другъ друга. Алексѣй Комнинъ, въ первый періодъ своего царствованія, не имѣлъ враговъ болѣе страшныхъ и опасныхъ, чѣмъ Печенѣги. Цѣлыя двѣ книги (изъ двѣнадцати) въ сочиненіи его дочери по-

Digitized by Google

священы почти исключительно описанію борьбы съ этими новыми Скиѳами. Такъ называетъ ихъ постоянно Анна Комнина; и можетъ быть, въ этомъ слишкомъ общемъ и старомъ наименованіи, скрывающемъ настоящую историческую дѣйствительность XI столѣтія, лежитъ причина того, что новые изслѣдователи проходятъ мимо важнаго факта—даже когда нуждаются въ немъ для объясненія того или другаго темнаго вопроса. Лѣтомъ 1088 года Алексѣй Комнинъ потерпѣлъ жестокое пораженіе отъ Печенѣговъ между Силистріей и Шумлой и едва спасъ свою жизнь бѣгствомъ; Печенѣги уже держали узду его коня, и только сильныя мышцы и ловкость въ управленіи мечемъ спасли Алексѣя; во время бѣгства онъ спряталъ въ густой травѣ омофоръ Богородицы, служившій ему знаменемъ. Къ Печенѣгамъ спѣшили на помощь изъ-за Дуная единоплеменные и единоязычные съ ними Половцы; но опоздавъ къ битвѣ, а слѣдовательно, и къ раздѣлу добычи, поссорились съ ними, затѣяли борьбу и тѣмъ дали нѣкоторый отдыхъ Византіи. Зимою 1088—1089 года прибылъ въ Константинополь графъ Фландрскій, принятый съ большимъ радушіемъ во дворцѣ Влахернскомъ; онъ обѣщалъ Алексѣю по возвращеніи домой значительную помощь для борьбы съ Печенѣгами, которая должна была возобновиться. Въ 1089 году Печенѣги заняли Филиппополь, разсыпались мелкими отрядами въ долинѣ Марицы, захватили Кипселлу (Ипсалу на югъ отъ Адріанополя и Димотики); не видя никакихъ средствъ остановить бѣдственный разгромъ дикой орды, Алексѣй, какъ съ необычною скромностію выражается его дочь,—просилъ мира у Печенѣговъ. Едва наступила весна 1090 года, какъ печенѣжскія шайки появились у Харіуполя (Люле-Бургаса) и разбили отборный военный отрядъ, предводимый самимъ императоромъ. Послѣ, когда императоръ перенесъ свою главную квартиру въ Чурулъ (Чорлу), Печенѣги тотчасъ окружили городъ; сдѣлавъ удачную вылазку, Алексѣй пробрался въ столицу. При началѣ зимы Печенѣги раскинули свои палатки на сѣверъ отъ Чурула, около Визы и Люле-Бургаса: но отдѣльные отряды выходили на смѣлые поиски. Такъ въ февралѣ 1091 года, шести-тысячная толпа появилась въ окрестностяхъ столицы, около Буюкъ-Чекмадіе, и преградила путь самому императору къ его развѣдочнымъ и наблюдательнымъ отрядамъ. Хотя онъ и опять успѣлъ высвободить себя, нежданнымъ и неожиданнымъ нападеніемъ на раздробленныя силы враговъ, однако это мало помогло столицѣ. Въ мартѣ того же года Печенѣги стояли такъ близко отъ цареградскихъ стѣнъ, что жители не смѣли, въ день Ѳеодора Ти-

Digitized by Google

рона, посѣщать его храмъ, находившійся въ одномъ изъ городскихъ предмѣстій.

Въ то же время все ближе и ближе надвигалась опасность и съ другой стороны; Турки-Сельджуки стремились подать руку своимъ единоплеменникамъ въ Европѣ. Среди ихъ появился смѣлый и предпріимчивый вождь Чаха (Τζαχάς), проживший долго плѣнникомъ въ Константинополѣ и сдѣлавшійся потомъ эмиромъ, а вмѣстѣ и пиратомъ въ греческомъ малоазіатскомъ поморьѣ, завоеванномъ Турками. Онъ понялъ, что самый жестокій ударъ Константинополю можно нанести съ моря; имѣя мѣстопребываніе въ Смирнѣ, онъ завладѣлъ приморскими городами Фокеей и Клазоменами; завелъ флотъ при помощи Грековъ, покорилъ Лезбосъ и Хіосъ и завязалъ сношенія съ Печенѣгами, которые были ему хорошо извѣстны со времени пребыванія въ Константинополѣ (1090 г.); какіе-то Печенѣги, неизвѣстно откуда появлявшіеся, сообщали ему свѣдѣнія о движеніяхъ и намѣреніяхъ византійскихъ воеводъ (Anna, VII, 367). Дѣйствія Чахи были такъ опасны уже въ 1090 году, что Алексѣй Комнинъ отправилъ въ Малую Азію присланныхъ Робертомъ Фризомъ пятьсотъ отборныхъ всадниковъ, хотя первоначально они назначались для борьбы съ Печенѣгами и очень были нужны въ Европѣ. Вслѣдъ затѣмъ, зимою 1090 — 1091 гг., въ Константинополѣ сдѣлалось извѣстно, что эмиссары смѣлаго пирата появлялись въ печенежскомъ становищѣ, и что между ними условлено было общее нападеніе на имперію съ моря и суши. Печенѣги должны были занять полуостровъ Галлиполи, чтобъ открыть прямыя сношенія съ эмиромъ и облегчить ему высадку въ Европѣ (Anna, VIII, 394). Весною Печенежская орда, оставивъ предмѣстья столицы, дѣйствительно обратилась на западъ, къ долинѣ рѣки Марицы; она шла на соединеніе съ турецкими силами, прибытіе которыхъ уже ожидалось. Когда императоръ Алексѣй, еще зимою получившій свѣдѣнія о турецко-печенѣжскомъ планѣ дѣйствій, пробрался моремъ въ Эносу для наблюденія, и если возможно, для борьбы со врагами и находился въ самомъ тяжеломъ и тревожномъ состояніи духа, онъ получилъ еще извѣстіе о приближеніи новой массы степныхъ нападниковъ: это были Половцы, пришедшіе въ количествѣ сорока тысячъ. Никто не могъ сказать—явились ли они какъ союзники на совѣ императора, или же предпочтутъ вмѣстѣ съ единоплеменниками нанести послѣдній ударъ имперіи. Однимъ словомъ, положеніе было таково, что, какъ выражается Анна (VIII, 396), судя по человѣчески, не было спасенія. Къ нѣсколько бо-

Digitized by Google

лѣе раннему моменту, то-есть, вѣроятно въ зимѣ 1090—1091 гг., относится замѣчаніе царевны о разсылкѣ ея отцемъ призывныхъ грамотъ о вспомогательномъ или наемномъ войскѣ во всѣ стороны, слѣдствіемъ чего и было потомъ ожиданіе помощи изъ Рима (см. выше).

Этому же моменту соотвѣтствуетъ вполнѣ и содержаніе нашего посланія. Оно очень ярко и вѣрно описываетъ то положеніе дѣлъ, которое длилось зимой и весной 1091 года, и которое мы очертили на основаніи сочиненія Анны Комнины.

Какъ въ самомъ существенномъ содержаніи, такъ и въ частностяхъ, обнаруживается полное соотвѣтствіе. Событіями 1091 года, извѣстными намъ изъ сочиненія Анны, вполнѣ объясняются слова посланія о Туркахъ и Печенѣгахъ, угрожавшихъ напасть на Константинополь съ суши и съ моря черезъ Пропонтиду; объясняется находящееся въ концѣ указаніе объ ожидаемомъ прибытіи новой толпы варваровъ въ шестьдесятъ тысячъ, а по нѣкоторымъ спискамъ въ сорокъ тысячъ человѣкъ, то самое количество, къ какому послѣ явились Половцы. Если мы обратимся къ другимъ хронологическимъ даннымъ, уже отмѣченнымъ въ изслѣдованіи графа Ріана, они легко могутъ быть сведены къ тому же 1091 году. Островъ Хіосъ, равно какъ и Митилена, представляется въ нашемъ документѣ находящимся въ рукахъ Турокъ. Графъ Ріанъ, положившись на Хронографію Муральта, замѣчаетъ, что еще ранѣе, въ 1090 году, Хіосъ былъ возвращенъ Византійцами. Но на самомъ дѣлѣ изъ подробнаго повѣствованія Анны слѣдуетъ только то, что послѣ разныхъ военныхъ схватокъ и хитрыхъ попытокъ выиграть дѣло обманомъ, византійскій воевода воспользовался удаленіемъ Чахи въ Смирну за подкрѣпленіями и успѣлъ захватить наиболѣе важный пунктъ на островѣ [1]). Но это еще недвусмысленно, чтобы Турки были окончательно вытѣснены съ Хіоса. При описаніи позднѣйшихъ событій 1091 года, Анна, возвращаясь къ Чахѣ, сообщаетъ намъ, что онъ дѣйствительно собралъ еще большій флотъ, чѣмъ прежде, и опустошилъ снова острова, которыми завладѣлъ ранѣе [2]). Даже гораздо позднѣе, при разсказѣ о событіяхъ 1097 года, Анна говоритъ о Хіосѣ, какъ о владѣніи спорномъ, еще не исторгнутомъ изъ турецкихъ рукъ (II, 91). Что же касается Митилены, то она дѣйствительно возвращена была

[1]) Anna Comn. I, 369.

[2]) Ibid. 393.

Digitized by Google

Алексѣемъ въ 1092 году. Итакъ, упоминаніе о Хіосѣ нисколько не вынуждаетъ насъ восходить вверхъ до 1090 года, и напротивъ того, Митилена не позволяетъ нисходить за 1092 годъ.

Слѣдуетъ ли подъ Галаціей (Galacia, Galicia, но и Galathia) разумѣть испанскую провинцію Галлицію,—мы въ этомъ все еще сомнѣваемся, не смотря на любопытныя и важныя указанія графа Ріана, которыя, притомъ, по его слѣдамъ, легко будетъ дополнить. Мы полагали и доказывали въ своей прежней статьѣ, что здѣсь идетъ рѣчь о малоазійской Галатіи, отчасти совпадавшею съ темой или округомъ Вукелларіевъ, въ которомъ дѣйствовали прибывшіе въ 1090 году фландрскіе рыцари; въ словахъ же „cetera occidentalium regna" мы усматривали недоразумѣніе, происшедшее отъ неправильнаго перевода полутехническихъ выраженій греческаго подлинника, въ родѣ τὰς δυτικὰς ἐπαρχίας или ἑσπερίους λήξεις. Не настаивая на своемъ прежнемъ толкованіи, хотя и могли бы въ пользу его привести новыя соображенія,—ограничиваемся замѣчаніемъ, что если даже искать объясненія словамъ грамоты о западныхъ царствахъ (regna, провинціи=ἐπαρχίαι) въ Испаніи, то все-таки нѣтъ никакого основанія останавливаться на двухъ только годахъ 1085 или 1095, какъ дѣлаетъ графъ Ріанъ, не допуская промежуточныхъ. Въ 1087 и слѣдующихъ годахъ французское рыцарство также участвовало въ борьбѣ съ мусульманами на полуостровѣ Пиринейскомъ, и объ этихъ годахъ даже скорѣе, чѣмъ о другихъ, могло быть сказано, что тогда, при помощи тѣхъ самыхъ силъ, къ которымъ обращался Алексѣй, было нѣсколько облегчено мусульманское иго христіанъ Галлиціи или Кастиліи, такъ какъ эти два выраженія въ средневѣковыхъ памятникахъ нерѣдко однозначущи. Въ XII томѣ собранія источниковъ для французской исторіи (Recueil des historiens des Gaules et de la France) находится цѣлый рядъ лѣтописныхъ извѣстій объ Альфонсѣ, королѣ Кастиліи и Леона (=Галлиціи), о его обращеніи къ французскому рыцарству, о взятіи имъ Толедо и т. д. Наиболѣе подробный разказъ находится въ отрывкѣ анонимной французской исторіи (Bouquet, XII, 6). Въ 1086 году Французы (Galli) совершили третью экспедицію въ Испанію. Въ это время одинъ изъ Сарацинскихъ царей, по имени Юффетъ, предводительствуя многими полками Мавровъ и Сарацинъ, занялъ ближнюю Испанію (Hispaniam citeriorem), переправившись черезъ море. Узнавъ объ этомъ, Аудефонсъ (Audefonsus=Альфонсъ), король Галлиціи и Астуріи, собралъ со всѣхъ сторонъ военныя силы и поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

Digitized by Google

Когда полки той и другой стороны сошлись на одномъ мѣстѣ, произошло сраженіе. Но Аудефонсъ, не могши выстоять противъ Сарацинъ, далъ тылъ, послѣ потери многихъ своихъ. Напуганный этимъ несчастіемъ, онъ послалъ въ Галлію съ просьбой о помощи, угрожая, что въ противномъ случаѣ онъ заключитъ союзъ съ Сарацинами и откроетъ имъ доступъ въ самую Францію. Получивъ это извѣстіе, французскіе магнаты (Gallorum proceres) наперерывъ собираютъ рыцарей; но даже народная масса (plebs) въ городахъ и селахъ добровольно предлагаетъ свое участіе. Рыцари цѣлыми толпами спѣшатъ на зовъ, готовятся къ войнѣ. Въ опредѣленное время отряды изъ разныхъ провинцій, къ которымъ приставали отдѣльныя лица, поспѣшили на помощь Альфонсу"... Въ другихъ хроникахъ и отчасти въ современныхъ документахъ это движеніе французскаго рыцарства описывается еще болѣе яркими и сильными красками [1]). Но изъ нашей лѣтописи явно, что все это движеніе вызвано было опасностію, которая постигла Альфонса VI вслѣдствіе появленія на югѣ полуострова съ противоположнаго африканскаго берега Альморавидовъ подъ предводительствомъ знаменитаго Юсуфа. Пораженіе короля Альфонса, о которомъ говорится въ хроникѣ, есть битва при Залаккѣ (близъ Бадахоса), 23-го октября 1086 года. Французы прибыли послѣ нея. „Агаряне, услышавъ о прибытіи Франковъ", повѣствуетъ наша хроника,— „обращаются съ своимъ царемъ въ бѣгство, не посмѣвъ дождаться ихъ прихода". Хотя и по другой причинѣ, но Юсуфъ дѣйствительно вскорѣ послѣ одержанной побѣды—итакъ, въ концѣ 1086 года—удалился въ Мавританію (Алжиръ). Однако, собравшееся противъ него ополченіе не вдругъ разошлось. „Король Альфонсъ далъ знать Франкамъ о бѣгствѣ Юффета, когда они находились уже вблизи границъ испанскихъ, и принося имъ благодарность, предлагалъ имъ воротиться домой. Франки, получивъ это извѣстіе, ощутили величайшую печаль, что они совершили такой длинный путь напрасно. Однако, вступивъ въ Испанію, они совершали частые грабежи, опустошили многія мѣстности, и тогда только воротились домой". Мы знаемъ, что главный герой и вождь французскаго ополченія, Одонъ графъ Бургундскій, оставался при дворѣ Альфонса еще въ августѣ 1087 года [2]). Этого мало: та самая хроника, которая говоритъ объ удаленіи Французовъ,

---

[1]) *Bouquet*, XII, 279, 402, 464. Одинъ изъ документовъ, на который мы и ниже ссылаемся, приведенъ здѣсь въ примѣчаніи на стр. 402.

[2]) *Bouquet*, XII, 402, примѣч.

Digitized by Google

кончаетъ свой разказъ о третьей ихъ экспедиціи въ Испанію сообщеніемъ о выдачѣ королемъ Альфонсомъ своихъ двухъ дочерей за Раймунда, сына графа Бургони (Franche-Comté), и Генриха, внука герцога Бургундіи, Роберта; оба зятя помѣщены были на границахъ для борьбы съ Сарацинскимъ народомъ; завоеванія послѣдняго положили начало Португаліи. Вообще ясно, что въ 1087 году вовсе не всѣ Французы удалились изъ Испаніи, и что начавшееся движеніе находило себѣ дальнѣйшую поддержку. Въ промежуткѣ между началомъ 1087 года и 1090 г. королемъ Альфонсомъ и христіанами одержанъ былъ цѣлый рядъ весьма важныхъ успѣховъ въ Андалузіи и Валенціи—конечно, не безъ участія пришлыхъ элементовъ; даже новое появленіе Юсуфа въ 1090 г. не остановило этихъ успѣховъ и не принесло большой пользы мусульманамъ [1]). Итакъ, совершенно ясно, что въ документѣ 1091 года, хотя бы онъ былъ написанъ и въ Константинополѣ, все-таки могла идти рѣчь объ успѣхахъ христіанъ въ борьбѣ съ Маврами въ прошедшемъ году.

Остается теперь предисловіе къ посланію, въ которомъ говорится, что оно было отправлено за четыре года до пути Іерусалимскаго, то-есть, до начала крестоваго похода. Ничто не мѣшаетъ намъ вести обратный счетъ со времени Клермонтскаго собора, съ 1095 года; а это опять даетъ 1091 годъ. Что касается упоминанія о Солиманѣ старшемъ, какъ главномъ виновникѣ всѣхъ жалобъ Алексѣя на Турокъ, то тутъ заключается явное недоразумѣніе, происшедшее отъ смѣшенія года кончины Солимана отца, умершаго въ 1085 году, съ годомъ вступленія во власть его младшаго сына, Солимана II, какимъ будетъ приблизительно 1092 годъ (см. Riant, pag. L.). Впрочемъ, отъ чего не происходило бы послѣднее противорѣчіе, оно не имѣетъ большой важности уже потому, что находится не въ самомъ документѣ, а въ припискѣ къ нему.

Заключенія, которыя отсюда слѣдуютъ по вопросу о подлинности нашего документа, ясны само собою. Посланіе вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію дѣлъ въ Византіи, какимъ оно было въ концѣ 1090 и въ началѣ 1091 года. Оно содержитъ въ себѣ прямыя указанія на такіе факты, которые не встрѣчаются въ другихъ источникахъ, кромѣ одного. Помимо посланія, только въ Алексіадѣ Анны Комнины читаемъ мы о

[1]) *Schaefer*, Geschichte von Spanien, II, 389; нѣмецкое дополненное изданіе сочиненія *Dozy*, Geschichte der Mauren in Spanien, II, 359, 369, а также *Dozy*, Essai sur l' histoire de l' Islamisme, trad. pur *Chauvin* (Paris, 1879), p. 364.

Digitized by Google

Печенѣгахъ, заставлявшихъ бѣгать императора, о флотѣ малоазійскихъ Сельджуковъ, о движеніи къ Дарданеллямъ, и т. д. Все это факты, впослѣдствіи изложенные подробно въ сочиненіи, написанномъ дочерью Алексѣя (она писала въ царствованіе Мануила, послѣ 1143 года), но оставшіеся, даже позже, неизвѣстными западнымъ историкамъ Крестоваго похода. Западные историки крестоваго похода обыкновенно знаютъ Печенѣговъ только въ роли защитниковъ, а не враговъ имперіи, какъ составную часть арміи царя Алексѣя. Гуго Флери, упоминающій о нападеніяхъ Печенѣговъ вмѣстѣ съ Турками на провинціи и острова Восточной имперіи, представляетъ исключеніе, только подтверждающее общее правило; онъ пользовался нашимъ посланіемъ, заимствовалъ изъ него самыя выраженія. Даже Гиберть Новигентскій, писавшій около 1110 года и нашедшій нужнымъ подробно изложить содержаніе нашего документа, счелъ за лучшее совсѣмъ опустить все касающееся Печенѣговъ, и даже самое ихъ имя. Послѣ этого спрашивается: кто же еще изъ западныхъ монаховъ или вообще образованныхъ и грамотныхъ людей могъ знать такъ хорошо исторію Византіи за десять или даже за пять лѣтъ, какъ это нужно было для предполагаемой въ высшей степени удачной поддѣлки? Послѣднимъ убѣжищемъ скептицизма могло быть предположеніе, что документъ былъ поддѣланъ еще ранѣе крестоваго похода, притомъ лицемъ, близко знакомымъ съ положеніемъ дѣлъ въ Византіи, можетъ быть, жившимъ въ Константинополѣ. Но съ какою цѣлью? Зачѣмъ было составлять подложныя письма отъ имени Алексѣя Комнина съ призывомъ западныхъ христіанъ на помощь, когда одновременно были разосланы подлинныя письма такого же содержанія? А что такія были, мы знаемъ изъ Алексіады. Прежде крестоваго похода, около 1091 года, подлогъ могъ быть сдѣланъ только съ желаніемъ пользы Византійской имперіи, въ интересахъ Алексѣя. Зачѣмъ же при этомъ обманъ, однако говорящій совершенную правду? Однимъ словомъ, является такой рядъ неразрѣшимыхъ вопросовъ и недоумѣній, противъ которыхъ никакъ не можетъ противостоять одинъ неслишкомъ важный пропускъ—неупоминаніе въ числѣ святынь цареградскихъ о копьѣ Господнемъ: это есть либо совершенная случайность, либо намѣренное опущеніе латинскаго переводчика. Такое легко объяснимое обстоятельство нисколько не мѣшаетъ намъ оставаться при прежнемъ нашемъ мнѣніи, склоняющимся въ пользу подлинности посланія.

В. Васильевскій.

Digitized by Google

Отвѣтъ на статью профессора Н. А. Попова о монголо-калмыцкомъ уставѣ.

(*Журн. Мин. Нар. Просв.*) 1879 г., октябрь, стр. 302—318.

Восемьнадцать лѣтъ тому назадъ профессоръ Поповъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: „В. Н. Татищевъ и его время" (Москва, 1861). Пятая глава этой книги посвящена „калмыцкой коммиссіи", во главѣ которой въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія стоялъ Татищевъ. Въ своей критической статьѣ г. Поповъ и ставитъ мнѣ на видъ, что, говоря объ ойратскомъ уставѣ и его судьбѣ „на русской почвѣ", я оставилъ безъ вниманія обнародованныя въ его книгѣ „архивныя свѣдѣнія", касающіяся „народнаго права" Калмыковъ. Критикъ въ особенности обвиняетъ меня въ томъ, что въ своей книгѣ я пропустилъ цѣлую эпоху „кодификаціи" калмыцкаго права въ прошломъ столѣтіи (о чемъ, по увѣренію критика, рѣчь идетъ въ его книгѣ) и сдѣлалъ скачекъ прямо къ кодификаціоннымъ опытамъ новаго времени (20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія). Къ этому главному возраженію пріурочивается рядъ другихъ возраженій по различнымъ вопросамъ, возбужденнымъ и посильно рѣшеннымъ въ моей книгѣ.

I. Критикъ упрекаетъ меня прежде всего въ томъ, что я „не заглянулъ въ Акты Историческіе, изданные археографическою коммисіей, затѣмъ, въ сочиненія чисто историческаго характера, напримѣръ, въ соотвѣтственныя мѣста Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, а еще лучше въ такъ-называемыя калмыцкія дѣла, хранящіяся въ главномъ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ".—Вся бѣда въ томъ, что почтенному критику неугодно было точно опредѣлить задачу моего изслѣдованія: вмѣсто того, онъ подставляетъ свои задачи и сообразно съ ними указываетъ на соотвѣтственныя мѣста въ Исторіи Россіи и пр. Гдѣ у меня говорится объ „исторіи сношеній, связей и столкновеній Калмыцкаго народа съ Русскими (исторія эта, по словамъ критика,—„представилась бы тогда автору во всей своей подробности"; значитъ, она представлена у меня, но только не детально?),—„о юридическомъ бытѣ Калмыковъ, о соприкосновеніи ихъ обычаевъ и постановленій съ русскими судебными порядками" и проч.? Еслибы почтенный критикъ внимательно прочелъ мою книгу, то онъ встрѣтилъ бы въ ней слѣдующее мѣсто, точно опредѣляющее задачу моего изслѣдованія: „Что касается исторіи его (то-есть, устава 1640 г.) составленія и послѣдующей судьбы,

Digitized by Google

то подробное изслѣдованіе этихъ вопросовъ, какъ и вообще изученіе всей системы калмыцкаго права на основаніи доступныхъ въ настоящее время источниковъ, составитъ предметъ особой статьи; здѣсь же мы ограничимся нѣсколькими замѣтками, на сколько это необходимо для общаго ознакомленія съ внѣшнею исторіей и составомъ издаваемаго памятника" (стр. 10; ср. также стр. 15 и 214). Здѣсь, кажется, ясно опредѣлена моя задача; а больше того, что̀ предположилъ самъ авторъ для своего изслѣдованія, ни одинъ критикъ не въ правѣ требовать отъ разбираемаго сочиненія: правило, которое, по видимому, мой критикъ не считаетъ для себя обязательнымъ.

Въ своей книгѣ я говорю лишь о внѣшней исторіи ойратскаго устава. По этому же вопросу—смѣю увѣрить моего требовательнаго критика—онъ не укажетъ ни на одно „соотвѣтственное мѣсто" ни въ Актахъ Историческихъ, ни въ Исторіи Россіи. Что касается „архивныхъ свѣдѣній", и въ данномъ случаѣ „калмыцкихъ дѣлъ", то мнѣ извѣстна ихъ важность, какъ это показываетъ, между прочимъ, 37-я страница моей книги, цитируемая и моимъ критикомъ. Но все дѣло въ томъ, что кодификація, открытая моимъ критикомъ по „калмыцкимъ дѣламъ" прошлаго вѣка, не упоминается въ моемъ сочиненіи на томъ простомъ основаніи, что въ прошломъ вѣкѣ калмыцкое право и не подвергалось никакой „кодификаціи", предполагаемой моимъ почтеннымъ критикомъ... Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

II. Указавъ на „источники", которыми, по мнѣнію критика, я долженъ былъ пользоваться, касаясь внѣшней исторіи ойратскаго устава въ очерченныхъ мною предѣлахъ, критикъ переходитъ къ разбору отдѣльныхъ моихъ „мнѣній" и прежде всего разбиваетъ мое убѣжденіе въ томъ, что „Русскіе до нынѣшняго столѣтія не знали подлиннаго названія калмыцкаго устава". Положительное рѣшеніе этого вопроса, данное г. Поповымъ еще 18 лѣтъ тому назадъ, резюмируется въ настоящей его статьѣ такъ: „Уже въ XVII вѣкѣ, вскорѣ послѣ хана Хоурлука, участвовавшаго на съѣздѣ ойратскихъ владѣльцевъ 1640 г., результатомъ коего было составленіе степнаго устава или судебной книги (Цааджинъ-Бичикъ), калмыцкіе тайджи и послы, давая на себя шертныя записи московскому правительству, „цѣловали „бичикъ", и московскія власти считали это равносильнымъ прясягѣ" (стр. 305).—Ergo: я невѣрно утверждаю, что Русскіе не знали „бичика" и проч.

Но, вопервыхъ, критикъ навязалъ мнѣ самъ оспариваемое имъ

Digitized by Google

„убѣжденіе". На стр. 10—13 и 184—187 я констатирую только различные титулы устава у разныхъ авторовъ и по разнымъ его спискамъ и прихожу къ тому заключенію, что ни одинъ изъ этихъ титуловъ „не можетъ быть признанъ подлиннымъ, то-есть, стоявшимъ во главѣ калмыцаго устава первоначальнаго изданія въ 1640 г.", и что титулъ Цааджинъ-Бичикъ (констатированный Палласомъ, Спасскимъ, Тимковскимъ, Н. И. Поповымъ и др.) издавна былъ общимъ для сборниковъ уголовныхъ законовъ у всѣхъ народовъ монгольскаго корня и удерживался до нашего времени въ титулѣ калмыцкаго устава. Мнѣ не было никакого дѣла до того, знали или нѣтъ „Русскіе" въ старое время „бичикъ".

Вовторыхъ, самъ критикъ, назадъ тому 18 лѣтъ, говорилъ со всѣмъ не то, что̀ „вкратцѣ" излагаетъ въ настоящей статьѣ. „Заглянемъ" въ его книгу о Татищевѣ, и вотъ что̀ мы найдемъ въ ней: на стр. 237 авторъ говоритъ, что владѣтели Ойратовъ на съѣздѣ 1640 г. приняли общіе законы, и что этотъ степной уставъ можетъ отчасти познакомить насъ съ бытомъ Калмыковъ; на стр. 238: „степной уставъ, разумѣется, легъ въ основу уложенія" [1]); наконецъ, на стр. 240: „каждый разъ или послы, или сами тайджи, шертуя, цѣловали бога своего бурхана, бичикъ (священную книгу) и четки". Вотъ всѣ „соотвѣтственныя мѣста", найденныя мною въ книгѣ моего критика. Здѣсь авторъ различаетъ „уложеніе" (оно же „степной уставъ" и „общіе законы") отъ собственно „бичика" — „священной книги". Ойратскій уставъ 1640 г. никогда и нигдѣ не назывался „священною книгою". Для насъ безразлично — откуда явилось въ книгѣ г. Попова приведенное толкованіе „бичика" (замѣтимъ кстати — опущенное въ критической статьѣ автора): принадлежитъ ли оно самому автору, взято ли имъ изъ „калмыцкихъ дѣлъ" и Историческихъ Актовъ, или же, быть можетъ, добыто почтеннымъ критикомъ какимъ-либо инымъ способомъ прямо отъ „Русскихъ" XVII вѣка, по его увѣренію, знавшихъ подлинное названіе устава. Но для насъ кажется рѣшительно необъяснимымъ одно: критикъ въ своей статьѣ трактуетъ о „Цааджикъ-Бичикъ", какъ о подлинномъ названіи калмыцкаго устава, которое было извѣстно Русскимъ еще въ XVII в., и ссылается при этомъ на свою книгу; но изъ этой книги

[1]) Эта любопытная фраза скроена въ такомъ же смыслѣ, какъ еслибы кто сказалъ: «Сводъ законовъ Россійской имперіи, разумѣется, легъ въ основу русскаго свода законовъ».

Digitized by Google

прямо видно, что не только Русскіе XVII в., но и самъ критикъ, назадъ тому 18 лѣтъ, совсѣмъ не знали ни подлиннаго значенія ,,бичика", ни подлиннаго названія калмыцкаго устава. Приглашаемъ почтеннаго критика разъяснить болѣе обстоятельно это по истинѣ странное недоразумѣніе.

III. Послѣ опроверженія навязаннаго мнѣ самимъ же критикомъ ,,убѣжденія" о томъ, чего ,,Русскіе" не знали въ XVII в., и чего, какъ оказывается, не зналъ и самъ критикъ до появленія моей книги, онъ касается моего мнѣнія о томъ, что ,,существующіе" рукописные переводы калмыцкаго устава неизвѣстно когда и кѣмъ изданы.

Заглянемъ еще разъ въ книгу г. Попова и провѣримъ его возраженіе. Сюда относятся данныя объ ассессорѣ Бакунинѣ, протопопѣ Чубовскомъ и русскомъ переводѣ калмыцкаго уложенія—на стр. 256, 262, 314, 342 и 557. Всѣ эти данныя позволяютъ выводить слѣдующія заключенія:

а) Протопопъ Чубовскій, знакомый Палласа, переводитъ молитвы и пр. на ,,калмыцкій языкъ не регулярной и предъ россійскимъ весьма краткой: они жь (то-есть, Никодимъ и его ученики) обучались тому калмыцкому простому языку, что̀ съ книжнымъ, въ которомъ за краткостію онаго вмѣшанъ и мунгальскій языкъ, сходства не имѣетъ" (,,Татищевъ", стр. 557). Но дѣло въ томъ, что изложенный отзывъ о переводчикахъ давался Бакунинымъ въ 1737 г., то-есть, ровно за 30 лѣтъ до знакомства Палласа съ Чубовскимъ, когда послѣдній сообщилъ Палласу переводъ духовныхъ книгъ съ ,,монгольскаго языка" (см. мою книгу, стр. 8). Чрезъ тридцать лѣтъ протопопъ крещеныхъ Калмыковъ, естественно, могъ ,,ихъ языкъ знать совершенно", и притомъ не только разговорный, но и книжный, монгольскій.

b) О Бакунинѣ и его переводѣ калмыцкаго устава сообщены въ книгѣ г. Попова такія свѣдѣнія: въ концѣ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка Бакунинъ былъ ,,секретаремъ", по старой терминологіи "дьякомъ" (хотя и не ,,простымъ грамотѣемъ"); затѣмъ ,,полное наше уложеніе во время междуусобія нашего утрачено... половина того уложенія имѣлась у ассессора Бакунина, котораго полнѣе и у насъ (то-есть, Калмыковъ) сыскать не уповаю" (см. „Татищевъ", стр. 256, 342). Здѣсь говорится, что Бакунинъ имѣлъ у себя половину уложенія, въ полномъ составѣ утраченнаго, и только: нѣтъ и намека на то, что онъ и перевелъ уложеніе, какъ смѣло увѣряетъ нашъ критикъ, ссылаясь на показанія своей книги, нисколько однакожь не подтверждающей его увѣренія. И далѣе, критикъ говоритъ, что Ба-

Digitized by Google

кунинъ „хорошо зналъ“ калмыцкій уставъ, а между тѣмъ оказывается, что въ его распоряженіи была только половина устава, и эту-то половину Бакунинъ и могъ только перевести (если согласимся съ увѣреніемъ критика, что Бакунинъ былъ дѣйствительно переводчикомъ устава). Отсюда, кажется, прямой выводъ—тотъ, что дошедшій до нашего времени, „существующій“ (о немъ только я и веду рѣчь въ моей книгѣ) русскій переводъ цѣльный, то-есть, съ обѣими половинами, не могъ появиться при Бакунинѣ. Если же это такъ, то приходится, значитъ, все-таки остановиться на положеніи, высказанномъ въ моей книгѣ, что „существующій“ русскій переводъ сдѣланъ позже, но когда именно и кѣмъ—не извѣстно.

с) Въ книгѣ г. Попова далѣе говорится, что въ 1742 г. „послана была Татищеву особая грамота, при которой приложенъ былъ переводъ съ калмыцкаго и мунгальскаго права, въ 1640 г. составленнаго“ (см. „Татищевъ“, стр. 314). Но кто перевелъ это „право“, вполнѣ ли, съ какого языка [1]),—объ всемъ этомъ нѣтъ ни слова въ книгѣ нашего критика, хотя онъ и увѣряетъ теперь, что всѣ эти вопросы рѣшены имъ еще 18 лѣтъ тому назадъ.

IV. Касательно кодификаціи калмыцкаго права въ прошломъ вѣкѣ мой критикъ говоритъ, что „вообще исторію русской обработки калмыцкихъ установленій авторъ (то-есть, я) ведетъ лишь съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія“, утверждая, что только съ этого времени сами инородцы начинаютъ заявлять о необходимости исправленія и дополненія своихъ племенныхъ законовъ. „Этимъ авторъ даетъ знать, что до того времени такихъ заявленій не было“ (см. Ж. Мин. Нар. Просв. окт., стр. 303—304). Г. критикъ обращается затѣмъ къ своей книгѣ и извлекаетъ изъ нея данныя, убѣждающія его въ томъ, что кодификація калмыцкаго права началась еще при Татищевѣ, и что заявленія Калмыковъ о необходимости исправленія и дополненія ихъ законовъ дѣлались еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка (см. тамъ же, стр. 306—307).

Провѣримъ и это несомнѣнно важное показаніе моего критика. Изъ его книги, видно вотъ что: Татищеву поручено было заняться не „ко-

[1]) Критикъ увѣряетъ, что «тогда-то (то-есть, въ концѣ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка) послѣдовали и первые переводы съ калмыцкаго на русскій языкъ и съ русскаго на калмыцкій» (?), и что главнымъ переводчикомъ былъ Бакунинъ. Но откуда извлекъ эти данныя критикъ—намъ не извѣстно: въ его книгѣ объ этомъ нѣтъ ни слова.

Digitized by Google

дификаціей" калмыцкаго права, какъ утверждаетъ мой критикъ, но лишь „сочиненіемъ" правилъ для „смѣстнаго суда Калмыковъ съ Русскими", съ тою цѣлью, чтобы, какъ говоритъ самъ авторъ книги,—„не сталкивались калмыцкія понятія съ русскими" (см. „Татищевъ", стр. 312, 314, 345). Тотъ же намѣстникъ (Дондукъ-Даши), который указывалъ на необходимость изданія „письменнаго права" о смѣстномъ судѣ Калмыковъ съ Русскими, просилъ въ то же время „дозволить ему производить судъ между Калмыками самому тѣмъ же порядкомъ, какъ производили прадѣдъ, дѣдъ и отецъ его" (тамъ же, стр. 312). Намѣстникъ жаловался при этомъ лишь на то, что между Русскими и Калмыками „судъ и расправа производятся не одинаково, но разными образы" и пр. (тамъ же); но нигдѣ нѣтъ даже отдаленнаго намека на недовольство калмыцкимъ уставомъ вообще, на то, что онъ пересталъ удовлетворять потребностямъ самихъ Калмыковъ и потому нуждался въ исправленіи и дополненіи. Напротивъ, намѣстникъ именно настаивалъ на удержаніи стараго „порядка суда" по дѣламъ между Калмыками, порядка, который и могъ производиться только по обычаямъ и „бичику", съ позднѣйшими къ нему добавленіями; на внутренній калмыцкій судъ вовсе не распространялось то „письменное право", которое „сочинялъ" Татищевъ съ спеціальною цѣлью—дать руководящія правила для одного смѣстнаго суда Калмыковъ съ Русскими. Если Татищевъ „сочинялъ новое право", то это не значитъ, что ему была поручена, по выраженію моего критика, „кодификація" калмыцкаго права: онъ сочинялъ собственно такой же „русскій" уставъ, какъ и составлявшіяся позднѣйшими коммиссіями „положенія" о Калмыкахъ 1825 и другихъ годовъ, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что̀ принято въ наукѣ называть „кодификаціей". На томъ же основаніи порученіе, возложенное на Татищева, никоимъ образомъ нельзя называть и „русскою разработкой калмыцкихъ установленій". Установленія калмыцкія до исхода 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія разработывались самими инородцами, какъ это доказываютъ законы Дербетевскаго улуса (изданные Палласомъ), или „право Мунгальскихъ и Калмыцкихъ народовъ, исправленное и дополненное въ Зинзилинскомъ собраніи" въ 1822 г. [1]). Русская разработка „кал-

[1]) Памятникъ этотъ въ настоящее время печатается подъ моею редакціей, по рукописи Московскаго юридическаго общества, предоставившаго мнѣ право изданія этой въ высшей степени интересной рукописи, доселѣ нигдѣ не обнародованной и мало извѣстной въ нашей юридической литературѣ.

Digitized by Google

мыцкихъ установленій" началась у насъ лишь со времени учрежденія (въ 1825 г.) „коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ": своею ревизіей и исправленіемъ переданныхъ въ ея распоряженіе постановленій Зинзилинскаго собранія коммиссія эта сдѣлала первый опытъ „руссификаціи" племенныхъ законовъ кочевниковъ-Калмыковъ, путемъ внесенія въ нихъ чуждыхъ имъ началъ русскаго права. Кодификація калмыцкаго права, впервые предпринятая „на русской почвѣ" въ 20-хъ годахъ собраніемъ инородческихъ родоправителей и духовенства, потому именно и не удалась, что коммиссія 1825 г. вступила на несвоевременный, если не совсѣмъ ложный, путь руссификаціи [1]), ломки и переработки „въ русскомъ духѣ" калмыцкихъ установленій, такъ бережно сохраненныхъ Зинзилинскимъ собраніемъ. Замѣчу при этомъ, что, рѣшительно не понявъ значенія работъ Татищева по составленію „новаго права", критикъ мой не менѣе смѣло опредѣляетъ значеніе зинзилинскихъ постановленій, утверждая, что они не имѣютъ „прямаго отношенія" къ уставу (Журн. Мин. Н. Пр., стр. 308, прим. 1). И это говоритъ ученый критикъ о такомъ памятникѣ, который есть собственно тотъ же ойратскій уставъ 1640 года, но лишь нѣсколько дополненный и приведенный чрезъ два вѣка „въ согласность съ (новыми) потребностями народа".

V. Во второмъ отдѣлѣ статьи — о текстѣ монголо-калмыцкаго устава, мой критикъ также нашелъ и здѣсь удобный случай придраться къ моимъ мнѣніямъ.

На стр. 309 критикъ излагаетъ слѣдующій „важный" выводъ: „всѣ до сихъ поръ извѣстные списки ведутъ (выше уже сказано — ведутъ ли именно) свое происхожденіе отъ одного и того же русскаго перевода монголо-калмыцкаго устава" (то-есть, составленнаго Бакунинымъ, какъ невѣрно думаетъ критикъ)... „между тѣмъ какъ г. Леонтовичъ допускаетъ существованіе нѣсколькихъ переводовъ".

Но, вопервыхъ, самъ критикъ на стр. 305 тоже допускаетъ суще-

---

[1]) Весьма здравыя мысли по вопросу о «руссификаціи» нашихъ кочевыхъ инородцевъ изложены въ «запискѣ» къ «мотивированной временной инструкціи уѣзднымъ начальникамъ Тургайской области», составленной бывшимъ военнымъ губернаторомъ этой области, генералъ-маіоромъ Гейнсомъ (въ 1878 г.). Авторъ изложилъ въ своей замѣчательной и обширной «запискѣ» (in folio — больше 100 страницъ) рядъ интересныхъ наблюденій надъ правовымъ и хозяйственнымъ бытомъ Киргизовъ. Къ сожалѣнію, записка эта отпечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Я имѣлъ въ рукахъ экземпляръ самого автора.

Digitized by Google

ствованіе нѣсколькихъ переводовъ: „тогда-то послѣдовали и первые переводы“ (значитъ, было нѣсколько—не правда ли?)... Вовторыхъ, потрудитесь, г. критикъ, заглянуть на стр. 184 моей книги, гдѣ вы найдете такое мѣсто: „Всѣ извѣстные въ настоящее время списки устава въ русской рецензіи представляютъ собою не больше, какъ простыя копіи съ первопечатнаго списка Шереметева“ (изданнаго въ 1776 г.). Вся разница между моимъ выводомъ и выводомъ критика въ томъ, что я считаю спискомъ—праотцомъ „первопечатный списокъ“ конца прошлаго вѣка, а критикъ ведетъ генеалогію списковъ въ „глубь историческихъ временъ“, на сколько удачно и съ успѣхомъ—это иной вопросъ.

На стр. 309 критикъ не соглашается съ моимъ „прямымъ утвержденіемъ“ (основаннымъ на показаніи г. П. Муллова, видѣвшаго уставъ изданія 1776 г.), что „изданіе 1828 г. не было простою перепечаткой устава 1776 г.“; а чрезъ нѣсколько строкъ самъ критикъ тоже „прямо утверждаетъ“, что „изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что редакція Сѣвернаго Архива перепечатывала у себя текстъ прямо съ помѣщеннаго въ Трудахъ“. Но въ такомъ случаѣ изъ-за чего же спорить критикъ?... Его утвержденіе, вѣдь, прямо подкрѣпляетъ мой выводъ.

Критикъ, далѣе, указываетъ на неточности, допущенныя мною при изданіи ойратскаго устава. Такъ, на стр. 309 критикъ говоритъ: „Уже въ самомъ вступленіи къ уставу... замѣчается слѣдующая неточность, допущенная г. Леонтовичемъ. Каждая строфа этого введенія должна оканчиваться какимъ-либо прошеніемъ или молитвеннымъ обращеніемъ, какъ-то: „покланяемся, — къ ногамъ припадаемъ“ и пр. У меня этотъ законъ не соблюденъ („для спасенія всякаго одушевленнаго“ присоединено къ предыдущему изреченію). Но подмѣченный критикомъ законъ „общаго размѣра молитвословія“ не оправдывается первою же строфой этого молитвословія: „самодержавную власть получившему Шакджи Муни Ламѣ покланяемся и просимъ его всевозвышающаго издревле насъ, грѣхми оледенѣвшихъ, горячимъ свѣтомъ его господнимъ очистить“. Здѣсь „прошеніе“ изложено въ срединѣ, а не въ концѣ строфы, и слѣдовательно, законъ, выведенный критикомъ, не вѣренъ. Въ данномъ случаѣ, если есть неточность, то она „допущена“ не мной, а переписчикомъ. Измѣнять же текстъ и пунктуацію рукописи я не считалъ себя въ правѣ безъ достаточныхъ основаній.—На стр. 310-й говорится: „Напрасно г. Леонтовичъ раздѣлилъ запятою слова „Эрдени-Батуръ“ и „Хонгъ-Тайджи“... „и не послѣдовалъ въ этомъ случаѣ указаніямъ Палласа и Сѣвер-

Digitized by Google

наго Архива". Но и это замѣчаніе—простая придирка. Я принялъ во вниманіе упомянутыя указанія и въ 4-мъ примѣчаніи на стр. 67 привожу изъ нихъ соотвѣтственные варіанты.

VI. Замѣчанія свои объ ойратскомъ уставѣ и его переводѣ критикъ заключаетъ на стр. 313 указаніемъ на преимущества русскаго перевода предъ нѣмецкимъ: „это (то-есть, въ переводѣ Палласа) не вездѣ дословный переводъ, а мѣстами самостоятельное изложеніе и даже обработка текста". Но, вѣдь, то же самое, даже, по моему, въ гораздо большей степени, можно сказать и о русскомъ переводѣ. Возьмемъ первую же статью устава. У Палласа несомнѣнно изложенъ буквальный переводъ, указаны тѣ индивидуальныя, бытовыя обстоятельства и условія, изъ-за которыхъ между Монголами возникло ойратство (союзность), и въ виду которыхъ былъ изданъ и ойратскій уставъ. Уставъ ратуетъ противъ хищничества родоправителей, шедшаго въ разрѣзъ съ условіями ойратства монгольскихъ родовъ. Эта черта вполнѣ удержана у Палласа, и напротивъ, совершенно стерта въ переработанномъ и искаженномъ текстѣ по русской рецензіи. У Палласа первая статья говоритъ о „князьяхъ", нарушающихъ въ „нашей" „странѣ" „миръ" (то-есть, ойратство), ведущихъ междуусобную „войну", уничтожающихъ и разоряющихъ „большой аймакъ" или „цѣлый нутукъ"; здѣсь рисуется картина междусоюзнаго, до-ойратскаго быта Монголовъ, который отрицается уставомъ путемъ установленія карательной нормы. Въ русскомъ переводѣ говорится о „разбойническомъ" нападеніи кого-либо изъ „нашихъ" на какой-либо „удусъ", о разореніи знатной его части и пр.; здѣсь всѣ индивидуальныя черты института обобщены, стерты, или лучше сказать, замѣнены новыми; мало того—измѣнена самая сущность института. Тамъ рѣчь идетъ о военномъ нападеніи, о междуусобной войнѣ князей, о нарушеніи ойратства родоправителями; здѣсь — объ обыкновенномъ разбоѣ, совершенно новомъ понятіи, внесенномъ русскимъ переводчикомъ въ переработанный имъ, а не просто переведенный, ойратскій уставъ. То же самое нужно сказать и о второй статьѣ устава: у Палласа рѣчь идетъ о нарушителяхъ „мира" на границахъ, о разореніи ими „небольшаго аймака" или „хотона", безъ веденія „оффиціальной войны" (какъ по первой статьѣ); въ русскомъ переводѣ— новая переработка института въ смыслѣ разбоя въ меньшихъ размѣрахъ. Статья 23-я русскаго текста представляетъ новое извращеніе института и опять-таки потому, что переводчикъ не понималъ ясно того, съ чѣмъ онъ имѣлъ дѣло. У Палласа вопросъ стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ

Digitized by Google

существомъ дѣла: у него рѣчь идетъ о духовномъ, оставившемъ свое званіе и затѣмъ уже вступившемъ въ бракъ: напротивъ, русскій переводъ трактуетъ объ „оженившемся бандѣ", что прямо противорѣчитъ каноническому праву буддистовъ-ламаитовъ съ ихъ строгимъ догматомъ безбрачія духовныхъ; такая постановка дѣла невозможна въ монгольскомъ подлинникѣ. Такое же самостоятельное изложеніе и обработку, а иногда и полное извращеніе институтовъ, не трудно открыть и въ другихъ мѣстахъ русскаго текста (см. напримѣръ, статьи 36, 41, 134, 151 и др.).

Значитъ, переработка и самостоятельное изложеніе текста замѣчаются и у Палласа, и у русскаго переводчика, но съ тѣмъ капитальнымъ различіемъ, что Палласъ зналъ и понималъ то, съ чѣмъ имѣлъ дѣло, и потому не извращалъ закона и не вносилъ въ него ничего новаго, а русскій переводчикъ не совсѣмъ понималъ дѣло и потому составлялъ свой переводъ съ указанными выше квалификаціями.

Отстаивая свою мысль о преимуществахъ русскаго перевода, критикъ далѣе говоритъ: „По той же причинѣ (то-есть, потому-что у Палласа — не дословный переводъ, а иногда обработка текста) въ трудѣ Палласа и не встрѣчается такихъ недоразумѣній, какія вызываются нѣкоторыми мѣстами русскаго перевода; соотвѣтственныя имъ статьи у Палласа большею частію изложены гораздо сжатѣе, а иногда малопонятное и вовсе обойдено" (стр. 313). Почтенный критикъ намекаетъ здѣсь на то, что „недоразумѣнія" были въ самомъ монгольскомъ подлинникѣ, и что они поэтому остались и въ русскомъ переводѣ, строже державшемся подлинника,— Палласъ же избѣжалъ ихъ сокращеніемъ и обработкой текста. Другими словами, это значило бы, что Палласъ занимался просто фальсификаціей текста, подставляя, напримѣръ, въ первой статьѣ, на мѣсто подлинныхъ цитатъ измышленныя мѣста о князьяхъ, войнѣ, нутукахъ и пр.; но допускать все это запрещаетъ извѣстная ученая добросовѣстность нашего академика. Нѣтъ, конечно, причины говорить также о недобросовѣстности и намѣренной фальсификаціи и со стороны русскаго переводчика. „Недоразумѣнія, какія вызываются нѣкоторыми мѣстами русскаго перевода", объясняются гораздо проще — малымъ знакомствомъ русскаго переводчика съ языкомъ и бытомъ инородцевъ. И на оборотъ, у Палласа нѣтъ недоразумѣній не потому, что онъ сокращалъ и измѣнялъ по своему усмотрѣнію неудобопонятный подлинникъ, а главнымъ образомъ потому, что Палласъ понималъ монгольскій текстъ

Digitized by Google

лучше, чѣмъ составитель русскаго перевода, глубже вникалъ въ сущность и оригинальность институтовъ монгольскаго права, съ которымъ могъ быть ближе знакомъ, чѣмъ самъ русскій „спеціалистъ", ассессоръ Бакунинъ (если допустимъ, что онъ былъ переводчикомъ). Палласъ лично и долговременно наблюдалъ и изучалъ бытъ всѣхъ Монгольскихъ племенъ и другихъ восточныхъ инородцевъ, и притомъ не столько по собственной любознательности, сколько по „оффиціальному" порученію Академіи Наукъ [1]). Научныя воззрѣнія Палласа могли быть шире, чѣмъ у русскаго „ассессора", при всѣхъ его „оффиціальныхъ" сношеніяхъ и вліяніи на Калмыковъ. Переводъ „ассессора", судя по образчикамъ его писаній, приводимыхъ нашимъ критикомъ, могъ быть не искуснымъ упражненіемъ начинающаго ученика, работа же Палласа, его „Sammlungen"—классическій трудъ ученаго творца монгольской исторіографіи.

Вотъ основанія, по которымъ я отдаю и всегда буду отдавать „преимущество" нѣмецкому труду академика Палласа. Каковы же основанія отдавать предпочтеніе русскому „спеціалисту"-„ассессору", хотя и не простому грамотѣю-дьяку, — объ этомъ вѣдаетъ мой почтенный критикъ.

Что касается возраженій г. Попова по вопросу о вліяніи монгольскаго права на юридическій бытъ древней Россіи, то эти его возраженія будутъ разобраны мною въ особой статьѣ, вмѣстѣ съ возраженіями, заявленными по тому же вопросу другими спеціалистами (гг. Владимірскимъ-Будановымъ, Кистяковскимъ и др.).

---

[1]) Я счелъ необходимымъ, между прочимъ, указать на «оффиціальную» сторону труда Палласа, въ виду заявленія моего почтеннаго критика (на стр. 307) о томъ, что посылку перевода (какъ думаетъ критикъ Бакунинымъ) Татищеву «нельзя называть дѣломъ частныхъ лицъ или свѣдѣніями недостовѣрными». Я легко соглашусь, что и переводъ, открытый г. Поповымъ, могъ быть составленъ «оффиціально»; но вѣдь «оффиціальность» въ такомъ дѣлѣ, какъ точность и вѣрность перевода, ничего не значитъ,— тутъ требуется нѣчто иное, чѣмъ простая оффиціальность дѣла, а это-то «нѣчто» и не доказано моимъ критикомъ.

Ѳ. Леонтовичъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Руководство къ средней исторіи. Курсъ VI класса классическихъ гимназій, составленный примѣнительно къ примѣрной программѣ министерства народнаго просвѣщенія по исторіи. Составилъ *И. Беллярминовъ*. 1879.

Составители общепринятыхъ у насъ руководствъ по средневѣковой исторіи до настоящаго времени впадали обыкновенно въ одну изъ двухъ крайностей: или они списывали свои руководства съ нѣмецкихъ и французскихъ образцовъ, компилируя ихъ болѣе или менѣе удачно и, стало быть, не принимали въ разсчетъ, въ отношеніи выбора матеріала, требованій русской школы, оставляя совершенно на заднемъ планѣ исторію Византіи и славянства, или же, если удѣляли болѣе видное мѣсто этимъ отдѣламъ средневѣковой исторіи, то въ общемъ давали лишь совершенно отрывочныя, эпизодическія свѣдѣнія и неясное представленіе о послѣдовательномъ развитіи и о наиболѣе характеристическихъ явленіяхъ средневѣковой жизни, какъ западноевропейскихъ народовъ, такъ и греко-славянскаго міра; при этомъ нѣкоторые изъ составителей руководствъ по средней исторіи усугубляли еще неясность и запутанность содержанія ея тѣмъ, что стремились совершенно искусственно связать обзоръ явленій средневѣковой исторіи съ изложеніемъ нашей отечественной исторіи до начала XVI вѣка.

Результаты, которые, при помощи такихъ руководствъ, достигались школою въ отношеніи историческихъ познаній учениковъ нашихъ среднеучебныхъ заведеній, оказывались, само собою, не удовлетворяющими раціональнымъ педагогическимъ требованіямъ. Такимъ образомъ, школьная практика мало по малу привела къ сознанію необходимости выработать новую программу по средневѣковой исторіи для нашихъ гимназій.

Digitized by Google

Характеристическую особенность основныхъ требованій программы, вновь выработанной ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, составляетъ слѣдующее: вопервыхъ, удѣленіе должнаго вниманія исторіи Византіи и славянъ; вовторыхъ, противоположеніе и сопоставленіе исторіи греко-славянскаго и романо-германскаго міра; вътретьихъ, изложеніе исторіи Славянъ въ связи съ отношеніями ихъ не только къ Византіи, но и къ германскому племени; въ четвертыхъ, указаніе ближайшихъ соотношеній русской исторіи съ византійскою и общеславянскою; наконецъ, въ пятыхъ, уясненіе идей и стремленій, перешедшихъ къ новому міру по наслѣдству отъ древняго, слѣдовательно, уясненіе того вліянія, которое оказала древне-греческая образованность на Европу сначала чрезъ Арабовъ, а потомъ чрезъ Византію.

Авторъ разбираемаго нами руководства имѣлъ въ виду, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ самое заглавіе книги, удовлетворить этимъ основнымъ требованіямъ примѣрной программы; и уже какъ опытъ серьезнаго осуществленія новой программы, учебникъ г. Беллярминова заслуживаетъ полнаго вниманія.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, мы считаемъ нужнымъ прежде всего указать на то, что разсматриваемое нами руководство г. Беллярминова, хотя и имѣетъ много общаго, въ расположеніи и выборѣ матеріала, съ изданною имъ въ прошломъ году книгою подъ заглавіемъ: „Руководство къ всеобщей и отечественной исторіи", представляетъ однакожъ почти совершенно заново составленное руководство, выгодно отличающееся отъ предъидущаго, какъ по общему характеру изложенія, такъ и по бо́льшей точности въ научномъ отношеніи. Вопервыхъ, прежде всего бросается уже въ глаза то различіе, что при изданіи новаго руководства авторъ, отказываясь отъ системы классныхъ руководствъ по всеобщей и русской исторіи, оставляетъ въ сторонѣ отечественную исторію и даетъ только систематическій курсъ средневѣковой исторіи; и мы убѣждены что отъ такого измѣненія новое изданіе г. Беллярминова много выигрываетъ; вовторыхъ, „Руководство ко всеобщей исторіи для VI класса" представляло почти что конспективное изложеніе предмета, вовсе не подходящее къ требованіямъ нашей школы; разсматриваемое же нами руководство представляетъ вообще обстоятельное и связное изложеніе предмета, которое не трудно будетъ усвоить ученикамъ, за исключеніемъ лишь двухъ-трехъ главъ, болѣе подробное изложеніе которыхъ было бы желательно.

Много выиграло также новое руководство г. Беллярминова отъ

Digitized by Google

внесенія въ него новыхъ фактовъ, особенно по исторіи Византіи и славянства, которыхъ мы не привыкли встрѣчать въ нашихъ общепринятыхъ руководствахъ. О стремленіи автора воспользоваться результатами новѣйшихъ изслѣдованій по исторіи Византіи и о внесеніи въ гимназическій курсъ совершенно новаго матеріала свидѣтельствуетъ указаніе на нѣкоторые изъ очень важныхъ по своему значенію эдиктовъ Византійскихъ императоровъ, какъ, напримѣръ, эдиктъ Льва III объ уничтоженіи крѣпостнаго класса, объ уравненіи наказаній за уголовныя преступленія для всѣхъ классовъ общества, о поощреніи императорами мелкаго землевладѣнія и т. п.

Вообще большую заслугу автора составляетъ то, что онъ обращаетъ преимущественно вниманіе на явленія внутренней жизни, избѣгая излишнихъ подробностей относительно внѣшней политической исторіи, а иногда ограничивается лишь простымъ указаніемъ на такія внѣшнія явленія. Такъ, при описаніи царствованія Карла Великаго, авторъ удѣляетъ очень немного мѣста описанію Карловыхъ завоеваній (при чемъ, мимоходомъ сказать, выдвигаетъ больше, чѣмъ въ другихъ руководствахъ, отношеніе Карла В. къ Славянамъ); за то авторъ подробно останавливается на внутреннемъ управленіи Карла Великаго, на устройствѣ администраціи и организаціи войска, на мѣрахъ для возвышенія церкви и образованія, на заботахъ объ улучшеніи земледѣлія, торговли, промысловъ и пр.

Полнѣе и основательнѣе составителей другихъ руководствъ по средневѣковой исторіи авторъ выясняетъ причины возвышенія и паденія различныхъ государствъ, а также обращаетъ болѣе серьезное вниманіе на уясненіе наиболѣе существенныхъ характеристическихъ явленій средневѣковой жизни, каковы папство, феодализмъ, городскія общины, борьба феодализма съ королевскою властью, папства съ имперіей. Поэтому, главы, заключающія въ себѣ изложеніе главнѣйшихъ явленій средневѣковой исторіи, и составляютъ лучшую часть разбираемаго нами руководства. Таковы напримѣръ, слѣдующія главы: 1. Сила и слабость Византійской имперіи (стр. 21—27); Внутреннее управленіе Карла Великаго и развитіе феодальной системы (стр. 68—73); Папская власть и борьба за инвеституру (стр. 100—107), особенно тѣ страницы, въ которыхъ выясняется значеніе борьбы за инвеституру для Германіи и Италіи (стр. 105—107); Борьба папъ и императоровъ (стр. 141—155); Города въ Германіи (стр. 160—166); Возрожденіе наукъ и искусствъ (стр. 201—208).

Очень выгодно отличается также разбираемое нами руководство отъ

Digitized by Google

общепринятыхъ у насъ руководствъ по средней исторіи тѣмъ, что явленія внутренней и внѣшней жизни излагаются въ связи и что развитіе культуры главнѣйшихъ народовъ становится гораздо яснѣе, вслѣдствіе особеннаго вниманія автора къ постепенному развитію международныхъ отношеній и своевременнаго указанія тѣхъ заимствованій, которыя сдѣланы были въ умственномъ отношеніи однимъ народомъ у другаго.

Хотя г. Беллярминовъ и въ новомъ руководствѣ своемъ позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя отступленія отъ примѣрной программы, въ отношеніи обязательнаго количества фактовъ, но матеріалъ, вошедшій въ составъ руководства, все же такъ обширенъ, что весьма трудно сжать его въ тѣсныя рамки небольшаго по объему руководства, и требуется, несомнѣнно, большая опытность, чтобы справиться съ обширною программою такъ, какъ успѣлъ это сдѣлать г. Беллярминовъ, все руководство котораго занимаетъ немного болѣе 14 печатныхъ листовъ, и то большею частью довольно крупнаго шрифта.

Преимущества разбираемаго руководства г. Беллярминова передъ другими состоятъ еще въ томъ, что, вопервыхъ оно снабжено 12-ю вполнѣ удовлетворяющими цѣли картами въ текстѣ; вовторыхъ что номенклатуру авторъ ограничиваетъ, по мѣрѣ возможности, только наиболѣе выдающимися именами (хотя и встрѣчаются исключенія); втретьихъ, что хронологическія данныя сообщаются очень скупо и при томъ нерѣдко въ округленныхъ цифрахъ, приблизительно, при чемъ точная цифра указывается въ скобкахъ; вчетвертыхъ, что самая внѣшность изданія, бумага, шрифтъ и пр. не оставляютъ почти желать ничего лучшаго.

Особенность разбираемаго руководства, въ отношеніи расположенія матеріала, составляетъ то, что вслѣдъ за описаніемъ образованія германскихъ королевствъ въ предѣлахъ З. Римской имперіи и указаніемъ перемѣнъ, происшедшихъ въ жизни Германцевъ, подъ вліяніемъ римскимъ, излагается исторія Византіи до крестовыхъ походовъ, при чемъ въ связи съ нею излагается также исторія Арабовъ и южныхъ Славянъ. Потомъ уже авторъ разсказываетъ исторію римско-германскихъ народовъ до крестовыхъ походовъ. И подобно тому, какъ исторія южныхъ Славянъ изложена въ тѣсной связи съ исторіею Византіи, такъ исторія западныхъ Славянъ является въ изложеніи г. Беллярминова, такъ сказать, переплетенной съ исторіею Германіи, что не мало способствуетъ уясненію постепенной германизаціи западныхъ славянъ и, вообще, какъ политическихъ, такъ и церковныхъ отноше-

Digitized by Google

ній славянскаго міра къ германскому. Все это составляетъ первый отдѣлъ руководства.

Второй отдѣлъ руководства составляетъ время крестовыхъ походовъ. Сначала описываются крестовые походы въ Азію, потомъ говорится вкратцѣ о крестовыхъ походахъ противъ мавровъ и затѣмъ уже слѣдуетъ довольно обстоятельное изложеніе крестовыхъ походовъ противъ Славянъ балабскихъ и русскихъ и противъ Пруссовъ. Ко второму отдѣлу отнесена также и глава о борьбѣ папъ съ императорами.

Третій отдѣлъ состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) Императоры изъ дома Люксембургскаго и Габсбургскаго; 2) Великій расколъ въ церкви; 3) Столѣтняя англо-французская война и значеніе ея для Англіи и Франціи; 4) Турки-Османы и Византія; и 5) Главныя событія изъ исторіи Италіи и Испаніи въ XIV и XV вѣкахъ.

Мы указали здѣсь довольно подробно порядокъ частей и расположеніе матеріала, чтобы показать, что оно въ общемъ должно быть признано весьма удачнымъ и, стало быть, облегчающимъ обзоръ предмета въ цѣломъ.

Но если вообще расположеніе матеріала въ разбираемой книгѣ можно признать удовлетворительнымъ, то нельзя, къ сожалѣнію, тоже сказать относительно всѣхъ отдѣловъ въ частности, особенно если принять за исходный пунктъ исторію отдѣльныхъ національностей. Особенно неудачнымъ представляется расположеніе и порядокъ частей относительно исторіи Англіи, содержаніе которой, по нашему мнѣнію, разбито уже на слишкомъ дробныя части и вслѣдствіе того черезъ-чуръ разбросано и до нѣкоторой степени безсвязно. Вслѣдствіе такой дробности изложенія, очеркъ исторіи Англіи распадается на восемь параграфовъ, разобщенныхъ между собою такъ, что нить разсказа неоднократно прерывается. Въ результатѣ—отсутствіе цѣльнаго представленія объ исторіи Англіи въ средніе вѣка. Еще почти на первыхъ страницахъ книги говорится объ основаніи семи англосаксонскихъ королевствъ (стр. 9), затѣмъ, страницъ 10 спустя—объ англосаксахъ въ періодъ языческихъ вѣрованій; далѣе, черезъ сорокъ страницъ—объ образованіи церкви англо-саксской (стр. 57); еще черезъ сорокъ страницъ — о датчанахъ въ Англіи, объ Альфредѣ и Вильгельмѣ I Завоевателѣ. Между очерками 2-го и 3-го крестоваго похода вставлена глава: „Англія передъ 3-мъ крестовымъ походомъ (стр. 116 и 117); перелистываемъ страницъ 60 и находимъ главу, озаглавленную: „Образованіе англійской національности“, и затѣмъ, о

Digitized by Google

Великой хартіи и о Іоаннѣ Безземельномъ до Эдуарда III (стр. 178—180); непосредственно слѣдуетъ изложеніе англо-французской войны (стр. 180—187) и, наконецъ, еще черезъ нѣсколько страницъ—ослабленіе Англіи послѣ Столѣтней войны и указаніе на войну Алой и Бѣлой Розы (стр. 190).

Считаемъ не лишнимъ указать здѣсь еще на нѣсколько примѣровъ непослѣдовательности въ расположеніи матеріала, которой авторъ легко могъ бы избѣгнуть при слѣдующемъ изданіи. Въ главѣ, озаглавленной: „Королевство Франковъ", послѣ очерка образованія Франкскаго королевства, говорится по нѣскольку словъ о Вестготахъ. объ Англо-саксахъ, о Вандалахъ и притомъ, такимъ образомъ, что рѣшительно не видно связи между предшествующимъ и послѣдующимъ (стр. 18). Такое расположеніе матеріала носитъ на себѣ характеръ случайный: ученику останется непонятнымъ, почему въ главѣ о Франкскомъ королевствѣ даются отрывочныя указанія на перемѣны въ судьбѣ англо-саксовъ, вандаловъ и пр.

Неумѣстнымъ кажется намъ также указаніе на основаніе монастыря Монтекассино и на сущность Бенедиктинскаго устава въ главѣ объ Остготскомъ королевствѣ (стр. 14) только на томъ основаніи, что явленія эти совпадаютъ по времени съ владычествомъ Остготовъ въ Италіи. Умѣстнѣе было бы, по нашему мнѣнію, сказать о Бенедиктинскомъ уставѣ тамъ, гдѣ говорится о значеніи и вліяніи духовенства и монастырей въ средніе вѣка.

То, что говорится о предметахъ, входившихъ въ составъ курса общаго образованія юношей въ концѣ древнихъ и въ теченіе среднихъ вѣковъ (trivium и quadrivium), по поводу упоминанія о Боэціи (стр. 14), было бы гораздо умѣстнѣе тамъ, гдѣ говорится объ общемъ или энкиклическомъ образованіи въ Византіи (на стр. 23).

Непослѣдовательностью въ расположеніи матеріала считаемъ мы также и то, что въ главѣ, озаглавленной „Филиппъ II Августъ", сообщается, кромѣ совершенно умѣстныхъ тутъ подробностей о столкновеніи французскаго короля съ его вассаломъ Іоанномъ Безземельнымъ, еще много подробностей объ отношеніяхъ англійскихъ барановъ къ Вильгельму Завоевателю и Плантагенетамъ (см. вставку мелкимъ шрифтомъ на стр. 127). Указаніе на вынужденіе англійскими баронами Великой хартіи свободы у Іоанна Безземельнаго, въ главѣ о Филиппѣ II, кажется намъ тѣмъ болѣе неумѣстнымъ, что далѣе, на стр. 178, авторъ возвращается къ великой хартіи свободы и подробнѣе выясняетъ ея содержаніе.

Digitized by Google

Объ изобрѣтеніи книгопечатанія говорится въ разбираемомъ нами руководствѣ раньше, чѣмъ упомянуто объ эпохѣ возрожденія и объ усилившейся потребности въ чтеніи рукописей, именно подъ рубрикой: „Искусства и изобрѣтенія въ городахъ“ (стр. 164—165). Это кажется намъ забѣганіемъ впередъ.

Гораздо болѣе существенное значеніе, чѣмъ непослѣдовательность въ выборѣ матеріала, имѣетъ неравномѣрность въ обстоятельности изложенія различныхъ отдѣловъ, при излишней подробности въ другихъ частяхъ руководства.

Укажемъ прежде на то, что желательно было бы пополнить въ руководствѣ.

1) Прежде всего, намъ кажется, что необходимо было бы нѣсколько подробнѣе изложить всю главу о великомъ переселеніи народовъ, которая носитъ отчасти конспективный характеръ; необходимо было бы нѣсколько подробнѣе остановиться на Гуннахъ и на образованіи племенныхъ союзовъ среди Германцевъ или хоть перечислить ихъ и указать мѣстности, занятыя ими до начала великаго переселенія народовъ.

2) Въ главѣ о перемѣнахъ и общественномъ бытѣ Германцевъ подъ вліяніемъ римскимъ пропущены указанія на перемѣну въ общемъ характерѣ жизни, на перемѣну въ формѣ землевладѣнія и на сословныя перемѣны. Говоря о судѣ и о законахъ Франковъ, слѣдовало бы указать на постановленія о взиманіи виры съ людей свободныхъ и несвободныхъ, указать на варварства, проявляющія характеръ преступленій, за которыя опредѣляется вира.

3) Недостаточно подробно изложена глава о Болгаріи до покоренія ея Византіей въ 1118 году.

4) Недостаточно выяснено благотворное вліяніе Византіи на Россію (стр. 44). Общее указаніе на просвѣтительное вліяніе Византіи на другія страны необходимо было бы подкрѣпить фактами.

5) Недостаточно выяснены причины крестовыхъ походовъ; не упомянуто, между прочимъ, объ очень характерномъ по своей суевѣрности убѣжденіи въ близости кончины міра и страшнаго суда, усиливавшемъ несомнѣнно потребность въ искупленіи грѣховъ посредствомъ пилигримства.

6) Нѣтъ вовсе указанія на крестовый походъ Андрея II Венгерскаго.

7) Слѣдовало бы полнѣе выяснить сущность и значеніе великаго раскола (см. стр. 169—170).

Digitized by Google

8) Недостаточно подробно говорится о Гусѣ и его ученіи. Не упоминается, напримѣръ, вовсе объ указѣ Вацлава отъ 1409 года, имѣвшемъ такое важное значеніе для національной чешской партіи.

9) Почти ничего не говорится о Скандинавскихъ государствахъ.

10) Вкользь упоминается объ изобрѣтеніи пороха и то въ примѣчаніи (см. стр. 181).

11) Говорится довольно обстоятельно объ открытіи Америки, но ни слова о слѣдствіяхъ этого важнаго открытія.

Неполноту руководства въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ нами случаевъ мы объясняемъ себѣ отчасти стремленіемъ автора, по мѣрѣ возможности, сократить курсъ, а также желаніемъ отнести болѣе подробное изложеніе эпохи великаго переселенія къ курсу древней исторіи, а слѣдствій изобрѣтенія пороха и открытія Америки къ курсу новой исторіи. Но въ такомъ случаѣ нужно было бы автору, по нашему мнѣнію, послѣдовательности ради, быть болѣе скупымъ при сообщеніи подробностей, отсутствіе которыхъ нельзя было бы считать ущербомъ для учениковъ.

Чтобы упрекъ нашъ не казался голословнымъ, мы укажемъ на нѣкоторыя подробности, которыя считаемъ совершенно несовмѣстными съ общимъ характеромъ курса.

1) Говоря о семи профессорахъ, изгнанныхъ Юстиніаномъ Великимъ изъ Аѳинъ по закрытіи языческой академіи, составитель руководства счелъ нужнымъ почему то указать на то, что они удалились въ Персію, гдѣ и были приняты Хозроемъ весьма радушно, но тоска по родинѣ и ненависть къ варварскимъ порядкамъ этого государства заставила ихъ скоро возвратиться въ отечество (стр. 30). Гораздо важнѣе было бы указать на изданіе Юстиніаномъ собранія церковныхъ постановленій, или такъ называемаго „Номоканона“, имѣвшаго значительное вліяніе на устройство русской церкви.

2) Говоря очень сжато о завоеваніяхъ арабовъ, авторъ сообщаетъ между прочимъ совершенно ненужную подробность о послѣднемъ царѣ Новоперсидскаго царства, Хозроѣ, что онъ бѣжалъ въ горы и тамъ былъ убитъ мельникомъ, прельстившимся его кольцами и браслетами.

Гораздо важнѣе было бы объяснить, почему Византійскія провинціи въ Азіи и въ Африкѣ были такъ легко покорены арабами, что, конечно, объясняется не однимъ только фанатизмомъ арабовъ.

3) Въ главѣ объ иконоборствѣ, на стр. 39, сообщаются совершенно второстепенныя подробности о способѣ избранія Ѳеодоры въ супруги императору Ѳеофилу.

Digitized by Google

4) Подробности объ императорѣ Андроникѣ, вставленныя въ разсказъ о IV крестовомъ походѣ, могли бы быть совершенно опущены безъ ущерба для сущности дѣла.

Гораздо важнѣе было бы нѣсколько подробнѣе изложить то, что относится непосредственно къ описанію IV крестоваго похода, (см. стр. 121).

Кромѣ непослѣдовательности въ распоряженіи и выборѣ матеріала, авторъ обнаруживаетъ также непослѣдовательность и въ примѣненіи мелкаго шрифта, т. е. сбиваетъ тѣхъ, которымъ придется пользоваться его книгою, относительно того, что онъ самъ считаетъ въ своей книгѣ болѣе важнымъ и заслуживающимъ вниманія и что—менѣе важнымъ.

Мелкій шрифтъ имѣетъ обыкновенно въ руководствахъ свое опредѣленное или условленное значеніе: или этимъ шрифтомъ печатаются второстепенныя подробности, служащія для поясненія и развитія главныхъ фактовъ, напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ, или же, если руководство предназначается для двухъ или нѣсколькихъ классовъ, то мелкимъ шрифтомъ печатается тотъ матеріалъ, который выдѣляется составителемъ руководства для старшаго возраста.

Между тѣмъ, въ разбираемомъ нами руководствѣ мелкій шрифтъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго значенія. То этимъ шрифтомъ напечатаны хотя и второстепенныя подробности, но имѣющія все-таки значеніе для разъясненія главныхъ фактовъ, или для характеристики лицъ и явленій, о которыхъ говорится болѣе сжато въ текстѣ, напечатанномъ крупнымъ шрифтомъ,—напр., подробности о личности Карла Великаго (стр. 68) и о Фридрихѣ Барбароссѣ (стр. 145); то мелкимъ шрифтомъ напечатаны совершенно излишнія подробности о церемоніалѣ избранія Ѳеодоры въ супруги Византійскому императору Ѳеофилу, или ненужныя подробности о личности Никифора Фоки и о заговорѣ противъ него Ѳеофаніи (стр. 45); то мелкимъ шрифтомъ напечатаны такіе важные параграфы руководства, которые заключаютъ въ себѣ указаніе причинъ и слѣдствій крестовыхъ походовъ (см. стр. 108 и 154—155). Несоотвѣтствіе мелкаго шрифта важности содержанія обнаруживается также и въ примѣчаніи, относящемся къ быту германцевъ (стр. 2 и 3), гдѣ говорится о брачныхъ обычаяхъ древнихъ германцевъ, ихъ воинственности и страсти къ попойкамъ.

Укажемъ теперь на погрѣшности и неточности въ научномъ отношеніи, могущія дать ученикамъ невѣрное представленіе о предметѣ. Такихъ неточностей въ изложеніи хотя и не особенно много, но устраненіе ихъ было бы все-таки желательно.

Digitized by Google

На стр. 2 говорится, что многоженство, свойственное почти всѣмъ варварскимъ народамъ, не было въ обычаѣ у германцевъ, но при этомъ не указано на то, что оно все-таки встрѣчалось въ средѣ знатныхъ германцевъ, хотя и крайне рѣдко. Вѣдь и у древнихъ славянъ многоженство встрѣчалось лишь у болѣе зажиточныхъ людей, которые могли содержать нѣсколькихъ женъ.

Стр. 5. „Къ союзу Готовъ принадлежали нѣкоторыя колѣна славянскаго племени". Но точно ли Славяне и то еще нѣкоторыя колѣна входили въ союзъ Готовъ, какъ равноправные члены союза? Не правильнѣе ли было бы сказано, что Готамъ были подвластны и нѣкоторыя славянскія племена, жившія на пространствѣ между Днѣстромъ и Дономъ?

Стр. 7. «Испорченные воспитаніемъ, Гонорій и Аркадій въ теченіе всей жизни были орудіемъ своихъ министровъ.» Не объясняется ли ихъ пассивность гораздо болѣе тѣмъ, что оба они имѣли самыя ограниченныя природныя способности и что при вступленіи на престолъ были еще слишкомъ молоды (извѣстно, что первому изъ нихъ было при вступленіи на престолъ 18 лѣтъ, а послѣднему только 11). Если авторъ намекаетъ на односторонность строго-аскетической системы воспитанія, которой держался благочестивый Ѳеодосій Великій въ отношеніи своихъ сыновей, то трудно будетъ все-таки вывести это изъ словъ „испорченные воспитаніемъ".

Стр. 12. „Образованіе пользовалось покровительствомъ Теодориха, хотя онъ и удерживалъ отъ него готовъ". Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать, что Теодорихъ, относясь самъ съ уваженіемъ къ римскому образованію и окруживъ себя даже образованными римлянами, не поощрялъ однако къ образованію своихъ соплеменниковъ.

На той же стр. говорится, что Теодорихъ сохранилъ всѣ прежніе законы, учрежденія Италіи и все, что было дорого для побѣжденныхъ и т. д. Въ чемъ же заключалась, въ такомъ случаѣ, причина ненависти итальянцевъ къ Остготамъ и тайныхъ сношеній съ Византіей Римлянъ, даже наиболѣе приближенныхъ къ Теодориху? Этого не видно изъ изложенія г. Бѣлярминова, и остается совершенно невыясненнымъ, почему „конецъ своего царствованія Теодорихъ запятналъ жестокостью и казнью многихъ знатныхъ римлянъ". Уже далѣе, говоря о преемникахъ Теодориха Великаго, авторъ указываетъ на то, что „при слабыхъ преемникахъ его начались смуты, главнымъ источникомъ которыхъ была ненависть побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, какъ къ варварамъ и еретикамъ". Но развѣ при Теодорихѣ Великомъ

Digitized by Google

причины эти не вліяли на отношеніе итальянскаго населенія къ остготамъ? Для болѣе полнаго уясненія антагонизма между покореннымъ итальянскимъ населеніемъ и господствующими остготами слѣдовало бы еще указать на сословную отдѣльность готовъ отъ итальянцевъ, на запрещеніе римлянамъ носить оружіе, на раздѣленіе между готами третьей части итальянскихъ земель: тогда понятны стали бы тайныя сношенія римлянъ съ Константинополемъ и рѣзкая перемѣна въ Теодорихѣ подъ конецъ его царствованія.

Стр. 18. Слабость Вестготскаго королевства, облегчившая завоеваніе его маврами, объясняется внутренними смутами, вызванными преслѣдованіемъ аріанъ и евреевъ, жившихъ въ Испаніи. Между тѣмъ, несомнѣнно, что главная причина слабости Вестготскаго королевства заключалась въ политическихъ смутахъ, въ неудовлетворительности государственнаго устройства, именно, въ слабости королевской власти, естественной при избирательной системѣ престолонаслѣдія и при разладѣ между грандами и королями. Правда, далѣе, на стр. 36, авторъ, возвращаясь къ факту покоренія Испаніи маврами, указываетъ также и на то, что завоеваніе это было облегчено не только евреями, но и измѣною королю нѣсколькихъ знатныхъ. Но сущность дѣла все-таки остается невыясненною.

На стр. 20 говорится, что «языки, о б р а з о в а в ш і е с я и з ъ с м ѣ ш е н і я г е р м а н с к а г о с ъ л а т и н с к и м ъ, извѣстны подъ названіемъ романскихъ". Не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что романскіе языки образовались изъ простонародной латинской рѣчи, измѣнившейся въ устахъ самихъ галло-римлянъ и потомъ Германцевъ?

На стр. 21, гдѣ говорится о постановленіяхъ относительно взиманія виры по законамъ салическихъ франковъ, мы читаемъ, между прочимъ, и слѣдующее: „По нѣкоторымъ законамъ, за убіеніе женщины платилась пеня вдвое болѣе, чѣмъ за мужчину, въ предположеніи, что послѣдній могъ лучше защититься, чѣмъ первая". Очевидно, что здѣсь частный случай въ законодательствѣ германскомъ слишкомъ обобщаетъ и даетъ такимъ образомъ преувеличенное понятіе о гуманности германцевъ по отношенію къ женщинамъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, какъ по законамъ салическихъ франковъ, такъ и по законамъ другихъ германскихъ племенъ, за убіеніе женщины вовсе не взималась бо́льшая пеня, чѣмъ за мужчину, а наоборотъ; совершенную аналогію въ этомъ отношеніи съ законами германскими представляетъ и наша „Русская Правда".

На стр. 22 говорится, что силу Византійской имперіи составляли

Digitized by Google

національная церковь, развитая промышленность и образованіе и твердо поставленная власть императоровъ. На стр. же 25 авторъ указываетъ, какъ на темную сторону Византіи, на отсутствіе опредѣленнаго закона о престолонаслѣдіи, вслѣдствіе чего и происходили частыя потрясенія, производимыя придворными чинами, при помощи придворной гвардіи; далѣе, на той же стр. говорится, что партіи цирка возводили и низводили императоровъ. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣлъ, власть каждаго императора въ отдѣльности была довольна шатка, хотя принципъ монаршей власти и былъ твердо установленъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе религіознаго освященія власти церковью, а также вслѣдствіе утвердившейся традиціи о преемствѣ императорской власти отъ Константина Великаго.

На стр. 22, при указаніи національнаго состава Византійской имперіи въ началѣ IV вѣка и перечисленіи народностей ея, не упоминаются вовсе Славяне. Далѣе же (на стр. 25) указывается на то, что Славяне съ V-го вѣка стали селиться въ Византійской имперіи, хотя и отдѣльными колоніями, а еще далѣе, на стр. 27 говорится, что въ VII в. Славяне заселили большую часть Балканскаго полуострова. Однакожъ извѣстно, что переходъ славянскаго племени за Дунай начался еще съ V вѣка и что въ концѣ VI славяне разселяются уже по Ѳессаліи и Ливадіи.

На стр. 55 говорится, что преслѣдованіе иконъ императорами Исаврійскими уронило Византію въ мнѣніи западныхъ народовъ. Этимъ, навѣрное, сказано больше, чѣмъ могъ и хотѣлъ сказать авторъ.

Сомнительно, чтобы миссіонерская дѣятельность Бонифація „проложила Пепину путь къ престолу", какъ утверждаетъ авторъ на стр. 60. Можно бы только сказать, что дѣятельность Бонифація способствовала сближенію между франкскими королями и римскими епископами и скрѣпленію той связи, которая вызывалась нѣкоторою общностью интересовъ.

На стр. 73, выясняя темныя и свѣтлыя стороны феодальной системы, авторъ относитъ почему-то къ выгоднымъ результатамъ этой системы, между прочимъ, и то, что она воспрепятствовала образованію одного большаго военнаго государства. Сомнительно также, чтобы „удары отъ нашествія монголовъ пали не только на Россію и Польшу, но и на Болгарію и Сербію", какъ говорится на стр. 131.

Стр. 127. Говоря о вынужденіяхъ англійскими баронами Великой хартіи у Іоанна Безземельнаго, авторъ указываетъ, какъ на причину раздраженія англичанъ противъ ихъ короля, на неудачи его въ

Digitized by Google

войнѣ съ Филиппомъ II Августомъ, упуская совершенно изъ виду, что, главнымъ образомъ, раздраженіе страны противъ Іоанна Безземельнаго обусловливалось его отношеніями къ папѣ Иннокентію III, а именно признаніемъ себя данникомъ папы. Къ тому же, при выясненіи значенія Великой хартіи свободы не указано вовсе на право вооруженнаго возстанія бароновъ, въ случаѣ нарушенія хартіи королемъ.

Значеніе Великой хартіи опредѣляется сначала (стр. 127) какъ основаніе господства въ Англіи класса знатныхъ, а потомъ (на стр. 178) говорится, что Великая хартія обнимала интересы всѣхъ классовъ англійскаго населенія, что, конечно, вѣрнѣе.

На стр. 196 говорится, что Мурадъ сначала покорилъ Болгарію, а потомъ нанесъ рѣшительное пораженіе союзному славянскому войску на Коссовомъ полѣ. Затѣмъ уже, послѣ указанія на результаты Коссовской битвы, говорится, что Болгарія была присоединена вполнѣ къ Турецкимъ владѣніямъ. Здѣсь, вслѣдствіе слишкомъ сжатаго изложенія и отсутствія подробностей, остается неяснымъ, въ чемъ различіе между покореніемъ Болгаріи до Коссовской битвы и присоединеніемъ ея къ турецкимъ владѣніямъ послѣ Коссовской битвы. Правильнѣе было бы, конечно, говорить не о покореніи Болгаріи Мурадомъ, а о подчиненіи одной лишь части ея, въ которой царемъ былъ Шишманъ, въ зависимости отъ султана. Оставшись при одномъ своемъ Тырновѣ съ округомъ и угрожаемый со стороны своего соперника, Страсиміра Виддинскаго, Шишманъ дѣйствительно призналъ надъ собой власть Мурада съ обязательствомъ ставить для него войска при наступательныхъ войнахъ. Но Виддинское царство Страсиміра осталось независимымъ отъ султана. Стало быть, неправильно выставлять на видъ покореніе Мурадомъ Болгаріи. Вѣдь, когда въ 1375 г. Мурадъ двинулся въ Сербію и взялъ Нишъ, то онъ заставилъ также и краля Лазаря признать себя данникомъ султана съ обязательствомъ платить ежегодно извѣстную дань и поставлять опредѣленный контингентъ войска. Однакожъ было бы, конечно, неправильно указывать на покореніе Мурадомъ Сербіи до Коссовской битвы. Точно также неправильно говорить о покореніи Болгаріи до этой битвы. Въ дѣйствительности Болгарія была покорена лишь въ 1393 г.

Кромѣ указанныхъ неточностей и погрѣшностей, встрѣчаются еще въ разбираемой нами книгѣ нѣкоторыя неточности географическія и хронологическія.

Digitized by Google

Стр. 8. „Вестготы получили отъ Гонорія южную Галлію". Правильнѣе было бы, конечно, сказать: „юго-западную часть Галліи, именно отъ Пиренеевъ до Лоары.

Стр. 14 и 15. Передъ вступленіемъ Клодвига въ Галлію, земли между Лоарою и Сеною, управлялись „бывшимъ римскимъ намѣстникомъ". Не правильнѣе ли было бы сказать: „между Лоарою и Соммою"?

Стр. 17. „Земли ниже Лоары (?) обыкновенно дѣлились между королями Нейстріи, Австразіи и Бургундіи".

Стр. 184. „Собственно герцогство Бургундское съ французскимъ языкомъ лежало между рѣками Лоарою, Сеною и склономъ Юры".

Стр. 22. „Восточная имперія существовала послѣ западной болѣе 1000 лѣтъ". Число это было бы правильно, если бы сказано было: „послѣ отдѣленія отъ З. Р. имперіи".

Со времени же паденія З. Римской имперіи (476 г.) до завоеванія Константинополя турками (1453 г.) прошло только 977 лѣтъ.

Стр. 8. Сказано, что Вестготское королевство было основано въ 415 г., между тѣмъ, какъ это было въ 419 г.

На стр. 187, время вступленія на престолъ Людовика XI указано неправильно: 1466 годъ, вмѣсто 1461 г. Можетъ быть, это, впрочемъ, и незамѣченная опечатка.

Самую слабую сторону разбираемаго нами руководства составляютъ литературные недостатки изложенія и языка. Не говоря уже о недостаткѣ живости и рельефности въ характеристикѣ лицъ и событій, о нѣкоторой сухости и безцвѣтности изложенія, оно страдаетъ еще нерѣдко неправильнымъ построеніемъ фразы, неправильными или неудачными выраженіями, совершенно неумѣстными въ руководствѣ, изучаемомъ массою русскаго юношества.

Стр. 2. Германцы не могли терпѣть жара.

Стр. 5. Саксы, жившіе болѣе въ лодкахъ на морѣ, чѣмъ на сушѣ и т. д.

Стр. 9. Слово вандализмъ употребляется для обозначенія вообще грубаго и тиранническаго поведенія.

Стр. 15. При вступленіи Клодвига въ Галлію, она находилась въ слѣдующемъ видѣ (?)

Стр. 19. Подчиненіе побѣжденныхъ съ теченіемъ времени повело усиленіе власти королей и надъ нѣмецкими подданными.

Стр. 27. Новоперсидскіе цари преслѣдовали армянъ за вѣру, а

Digitized by Google

императоры же Византійскіе, въ качествѣ представителей христіанства, поддерживали ихъ.

Стр. 29. Велизарій никогда не имѣлъ въ своемъ распоряженіи болѣе 8,000 войска и которое принадлежало къ различнымъ племенамъ.

Мы готовы были бы объяснить такое неправильное построеніе фразы просто опечаткою, но на стр. 68, гдѣ сообщаются подробности о личности Карла В., мы встрѣчаемся съ подобныхъ же построеніемъ фразы. Тутъ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Жаркое обыкновенно приносили Карлу охотники на вертелахъ и которое онъ предпочиталъ всѣмъ кушаньямъ.

Стр. 42. Арабы, ведя войну съ Византіею въ царствованіе Гаруна Аль-Рашида, старались нахватать какъ можно болѣе плѣнныхъ, которыхъ выводили на рынки.

Стр. 43. Качества Гаруна-Аль-Рашида состояли столько же изъ добродѣтелей, сколько и изъ пороковъ.

Стр. 43. Аристотель сдѣлался душею для улемовъ.

На той же стр. Въ халифатѣ подъ вліяніемъ древней литературы получалась особая греко-арабская ученость.

Стр. 75. Болгарская держава въ нижней области Дуная.

Стр. 79. При описаніи религіозныхъ вѣрованій калабскихъ славянъ, говорится, между прочимъ, что „конемъ Святовита гадали".

Стр. 84. По поводу государственныхъ учрежденій, введенныхъ въ Венгріи Стефаномъ I, говорится, что „учрежденія эти усилили его власть, но народили феодальную систему со всѣми ея послѣдствіями.

На стр. 145 авторъ, указавъ на выдающіяся качества Фридриха Барбароссы, говоритъ: „всѣ эти качества, вмѣстѣ съ его подвигами, несчастіями и смертью на чужбинѣ во время исполненія высокаго подвига, внушали глубокое къ нему уваженіе современниковъ.

Стр. 191. „Подобно прежнимъ періодамъ, Византія почти со всѣхъ сторонъ была окружена врагами".

Небрежность къ способу выраженія приводитъ иногда автора разбираемаго руководства къ весьма курьезнымъ сообщеніямъ. Такъ, на стр. 21, гдѣ говорится о постановленіяхъ относительно взиманія виры по законамъ германскимъ, и гдѣ взиманіе большей виры за убіеніе женщины, чѣмъ за убіеніе мужчины, объясняется тѣмъ, что „послѣдній могъ лучше защититься, чѣмъ первая, мы читаемъ далѣе:

Digitized by Google

„На этомъ же основаніи (?!), по законамъ Саксовъ, покража лошади наказывалась смертью, а человѣкоубійство штрафомъ.“

Встрѣчается еще другой курьезъ на стр. 145, гдѣ по смыслу текста выходитъ, что нѣкоторые изъ современныхъ ученыхъ вполнѣ раздѣляютъ народное повѣрье Нѣмцевъ о томъ, что „Рыжебородый“ не умеръ, а спитъ, и когда наступитъ время—проснется и возстановитъ прежнюю силу и величіе имперіи. Такое толкованіе прямо, кажется, вытекаетъ изъ того, что, разказавъ о существующемъ у Германцевъ повѣрьи, относительно возстановленія имперіи Фридрихомъ Барбароссою, авторъ прибавляетъ еще слѣдующую фразу: „По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, время это наступило въ 1870 г.“

Мы считали своимъ долгомъ подробно выяснить всѣ достоинства и недостатки разбираемаго нами руководства въ виду того, что оно представляетъ, очевидно, результатъ долговременнаго и упорнаго труда и довольно основательнаго знакомства съ обширною литературою средневѣковой исторіи, а также въ виду того, что появленіе этого руководства удовлетворяетъ насущной и, можно сказать, безотлагательной потребности школы, особенно нашихъ классическихъ гимназій, для которыхъ составлено оно.

Я. Гуревичъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ 1878 ГОДУ.

Императорская Публичная Библіотека, по примѣру прежнихъ лѣтъ, обнародовала свой отчетъ за 1878 годъ; заимствуемъ изъ него главнѣйшія данныя, относящіяся до состоянія Библіотеки въ теченіе отчетнаго года.

Въ продолженіе его Библіотека обогатилась значительнымъ количествомъ новыхъ пріобрѣтеній. Въ видѣ цѣлыхъ коллекцій въ нее поступили:

I. Шестнадцать рукописей историческаго содержанія, изъ числа принадлежавшихъ Н. М. Карамзину. Прочія таковыя же рукописи, равнымъ образомъ принадлежавшія нашему знаменитому исторіографу, подарены были Библіотекѣ его сыновьями. А. и В. Н. Карамзиными въ 1866 году; нынѣ поступившія рукописи также входили въ составъ этого дара, но до 1878 года находились въ распоряженіи археографической коммиссіи. Въ числѣ означенныхъ рукописей находятся 4 хронографа съ разными дополнительными статьями, 2 степенныя книги, 3 лѣтописца, 5 сборниковъ, преимущественно историческаго содержанія, русскихъ, и 2 сборника иноязычныхъ актовъ, относящихся до Россіи и выписанныхъ изъ Любекскаго и Бременскаго архивовъ. Русскія рукописи писаны большею частью въ XVII вѣкѣ, а иноязычныя нынѣшняго столѣтія.

II. Собраніе документовъ и бумагъ, имѣющихъ частію литературный, частію же историческій интересъ, принесенное въ даръ дѣйств. ст.

Digitized by Google

совѣтникомъ А. А. Вагнеромъ. Въ составъ этого собранія входятъ 3 сборника со статьями масонскаго и вообще мистическаго характера, новаго письма, 1 сборникъ копій съ офиціальныхъ документовъ первой четверти текущаго столѣтія, еще нѣсколько записокъ и официальныхъ бумагъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, и наконецъ, рядъ собственноручныхъ писемъ и записокъ слѣдующихъ лицъ: А. Н. Муравьева, графа Ланжерона, графа Е. Ф. Канкрина, графа М. М. Сперанскаго, преосв. Иннокентія и Евгенія, графа В. Н. Панина, графа Д. А. Толстаго, В. Л. Боровиковскаго, И. В., Е. В. и З. Я. Карнѣевыхъ, А. С. Норова, Ѳ. П. Лубяновскаго, К. И. Габлица, В. Н. Каразина, М. И. Невзорова, А. Ѳ. Лабзина, П. И. Гулака-Артемовскаго. Наиболѣе любопытны въ историческомъ отношеніи бумаги архіепископа Херсонскаго Иннокентія и В. Н. Каразина. Первый, въ письмѣ къ А. А. Вагнеру отъ 14-го января 1855 года, пишетъ: „Какой годъ прожили мы!... Безъ преувеличенія, мнѣ кажется онъ не годомъ, а чуть не четвертью вѣка. Градъ бомбъ, море крови—вотъ его девизъ. Настоящій, выродокъ прошедшаго года, является на первый разъ съ миромъ, но это миръ австрійскій, а не русскій, а намъ нужно теперь свое, а не чужое. Ужъ кто болѣе насъ терпитъ. Но мы готовы терпѣть еще вдвое, только бы не преткнуться о этотъ не миръ, а миришко". Въ числѣ автографовъ В. Н. Каразина находятся: а) „Бумага, безъ подписанія имени и скрытно доставленная нынѣшнему Государю 22 марта 1801, въ десятый день по вошествіи его на престолъ"; б) позднѣйшая копія съ этой бумаги, снабженная разными примѣчаніями, изъ которыхъ иныя относятся къ 1812 году; заключительное примѣчаніе слѣдующаго рода: „Бумага сія (содержащая почти все политическое вѣроисповѣданіе автора, котораго онъ донынѣ (1812) еще держится, и вѣроятно, по смерть держаться будетъ) была безъ подписанія. Государю угодно было, немедленно по прочтеніи ея, поручить графу Палену и Дмитрію Пр. Трощинскому отыскать виновника. 11-го апрѣля, послѣдній, по нѣкоторымъ догадкамъ, призвавъ автора къ себѣ, требовалъ, чтобъ онъ открылъ ему истину. Онъ признался. И вотъ источникъ личнаго, особливѣйшаго благоволенія Его Величества къ сему послѣднему и повелѣнія, даннаго ему, писать съ подобною же откровенностью, что и продолжалось до ноября 1808 года"; в) „Омега. Послано чрезъ почту въ 1808-мъ году, предъ отъѣздомъ Его Величества въ Эрфуртъ, но получено по возвращеніи". Заключительное къ послѣдней бумагѣ примѣчаніе: „Сіе письмо имѣло нещастное то дѣйствіе, что указомъ, объявленнымъ слободско-украинскому гу-

Digitized by Google

бернатору чрезъ статсъ-секретаря Молчанова, повелѣно: „статскаго совѣтника и кавалера Каразина, за нелѣпыя его разсужденія о дѣлахъ, которыя до него не принадлежатъ и ему извѣстны быть не могутъ, взявъ изъ деревни его подъ карауломъ, посадить на харьковскую гауптвахту на восемь дней, послѣ чего истребовать отъ него подписку, чтобы онъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, не отважился болѣе безпокоить Его Величество". Въ одномъ изъ примѣчаній къ первому письму Каразинъ писалъ: „Судъ при дверяхъ открытыхъ, право имѣющимся публиковать опредѣленія было бы однимъ изъ надежнѣйшихъ огражденій правосудія. У насъ всѣ неправды совершаются такъ, что публика о нихъ не вѣдаетъ".

III. Собраніе автографовъ нашего знаменитаго проповѣдника, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго Иннокентія, принесенное въ даръ книгопродавцемъ М. О. Вольфомъ. Кромѣ 37 словъ, рѣчей и другихъ произведеній, напечатанныхъ въ собраніи сочиненій Иннокентія, въ этой коллекціи находится нѣсколько такихъ же произведеній не изданныхъ, нѣсколько литературныхъ отрывковъ, и наконецъ, собраніе бумагъ, относящихся къ занятіямъ комитета о раскольникахъ: „Программа совѣщаній комитета о раскольникахъ; обозрѣніе того, что предлежитъ комитету дѣлать и чего отъ него ожидать; о человѣколюбіи въ отношеніи къ раскольникамъ; отъ чего дѣйствія правительства въ отношеніи къ расколу были доселѣ малоуспѣшны? Какъ образовался расколъ въ Русской церкви? Что должно сдѣлать для искорененія раскола? Взглядъ на раскольниковъ. Откуда происходятъ совращенія въ расколъ православныхъ? Можетъ ли быть искорененъ расколъ? Чѣмъ вреденъ расколъ въ отношеніи гражданскомъ? Можно ли надѣяться искоренить расколъ? О методахъ дѣйствій противъ раскольниковъ".

IV. Собраніе книгъ, преимущественно по части медицины и естествознанія, принадлежавшее д-ру Я. Д. Добберту и пожертвованное его сыномъ. Изъ этого собранія 1010 томовъ поступили на пополненіе отдѣленія хирургіи, заразительныхъ болѣзней и гемеопатіи въ Публичной Библіотекѣ, а прочіе 600 томовъ предназначаются для библіотеки Сибирскаго университета.

V. Собраніе 532 фотографій, разнаго формата, представляющихъ русскій и инородческій народный мужской костюмъ, лѣтній и зимній, со всѣми его принадлежностями, во всѣхъ губерніяхъ Россійской имперіи. Каждый снимокъ снабженъ, на оборотѣ, подробнымъ объясненіемъ: губерніи и уѣзда, гдѣ тотъ костюмъ находится въ употребленіи;

Digitized by Google

матеріала изъ котораго шьется костюмъ; мѣстныхъ названій костюма. Фотографическіе снимки эти сдѣланы для министерства внутреннихъ дѣлъ въ то время, когда установлена была общая воинская повинность, и имѣлось въ виду составить проектъ формы обмундированія для государственнаго ополченія; переданы въ библіотеку министромъ внутреннихъ дѣлъ Л. С. Маковымъ.

VI. Коллекція фотографическихъ снимковъ съ историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ собраній Британскаго музея въ Лондонѣ. Вся коллекція, превосходно исполненная фотографомъ Ст. Томпсономъ, состоитъ изъ 12 томовъ и содержитъ въ себѣ 1041 листъ большаго формата, наклеенныхъ на крѣпкій картонъ. Фотографіи эти представляютъ предметы до-историческаго каменнаго и бронзоваго вѣка, этнографическіе предметы изъ Азіи, Африки и Океаніи; этнографическіе и археологическіе предметы изъ Сѣверной и Южной Америки; древности египетскія, ассирійскія, греческія, этрусскія и римскія; древности средневѣковыя: англо-римскія, англо-саксонскія, британскія и другихъ европейскихъ странъ изъ слоновой кости, свинца, эмали и стекла, и собраніе старинныхъ печатей правительственныхъ и частныхъ лицъ, корпорацій, монастырей, духовенства и пр. Коллекція снабжена объяснительнымъ текстомъ, принадлежащимъ перу С. и Вальтера де-Грей Бирча, Франкса и Дж. Смита.

VII. Продолженіе приносимой въ даръ англійскимъ правительствомъ коллекціи патентовъ и привиллегій на техническія изобрѣтенія, выдаваемыхъ въ Лондонѣ, въ количествѣ 3397 нумеровъ.

VIII. Коллекція диссертацій, представленныхъ къ защитѣ въ Лейпцигскій университетъ, принесенная въ даръ профессоромъ онаго Крелемъ.

Важнѣйшія отдѣльныя пріобрѣтенія Библіотеки, въ теченіе 1878 года, были слѣдующія:

а) Печатныя книги. По закону Библіотека продолжала получать книги, брошюры, повременныя изданія, ноты, географическія карты, гравюры и книги изъ вѣдомства, какъ гражданской, такъ и духовной цензуры. Сверхъ того, въ Библіотеку поступило значительное число приношеній отъ разныхъ учрежденій и частныхъ лицъ; важнѣйшія изъ этихъ приношеній по количеству томовъ были: отъ министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго—1115 тт., отъ министерства государственныхъ имуществъ—678 тт., отъ д. ст. сов. П. А. Шторха—619 тт., отъ профессора Креля, въ Лейпцигѣ—306 тт., отъ директора Библіотеки—110 тт., отъ сенатора Г. К. Рѣ-

Digitized by Google

пишнаго—103 тт., отъ гг. Стасовыхъ—81 тт., отъ Боннскаго университета—58 томовъ.

По рѣдкости, важности содержанія или цѣнности, изъ числа пріобрѣтенныхъ Библіотекою книгъ замѣчательны: 1) нѣсколько изданій духовнаго содержанія, вышедшихъ въ новѣйшее время изъ тайныхъ раскольническихъ типографій и составляющихъ поддѣлку подъ старинныя изданія, уважаемыя старообрядцами; 2) С.-Петербургскія Вѣдомости на 1743 и 1755 гг., и Примѣчанія къ этимъ Вѣдомостямъ 1730 года; 3) разные мѣсяцесловы, дорожные и придворные календари, изданные большею частью въ Петербургѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; 4) весьма нынѣ рѣдкое сочиненіе П. П. Свиньина: Жизнь русскаго механика Кулибина и его изобрѣтенія. С.-Пб. 1819 (въ 8-ю д. л.), съ литографированнымъ портретомъ Кулибина, который принадлежитъ къ числу первыхъ литографій въ Россіи; 5) совершенно неизвѣстное до сихъ поръ изданіе; Relation de tout ce qui regarde la Moscovie, ses habitants et leur Grand Duc, tirée des meilleurs Auteurs qui en ont parlé jusqu'à présent. A Lyon. MDCLXXXVIII (in-12); 6) рядъ новѣйшихъ, а частью и старинныхъ, изданій на иностранныхъ языкахъ по разнымъ отраслямъ знаній, въ особенности роскошныхъ изданій по исторіи искусства; наконецъ 7) весьма рѣдкое изданіе подъ заглавіемъ: „Медали, вычеканенныя въ царствованіе императора Николая I", исполненное по Высочайшему повелѣнію при военно-топографическомъ депо, то-есть, въ С.-Петербургѣ, безъ означенія года; поступившій нынѣ въ Библіотеку экземпляръ этого изданія отпечатанъ на глазированномъ пергаментѣ, въ листъ, и состоитъ изъ 18 листовъ; изъ нихъ три, предшествующіе гравированному заглавію, представляютъ тріумфальное шествіе и медальонные портреты императрицы Екатерины II, а за гравированнымъ заглавіемъ слѣдуютъ оглавленіе 1-й тетради и 6 листовъ съ изображеніями медалей, потомъ оглавленіе 2-й тетради и 6 листовъ изображеній; въ изданіи помѣщено всего 49 медалей, гравированныхъ по способу Колла.

б) Рукописи. Кромѣ упомянутыхъ выше коллекцій, въ Библіотеку поступило нѣсколько отдѣльныхъ рукописей, частію, полученныхъ въ даръ, частію же пріобрѣтенныхъ на ея средства. Въ числѣ этихъ пріобрѣтеній заслуживаютъ вниманія:

1) Рукопись на персидскомъ языкѣ, заключающая въ себѣ разныя вычисленія и чертежи для опредѣленія мѣста нахожденія Рид-

Digitized by Google

жалю-ль-Гайбъ, то-есть, святыхъ мужей, молитвенное обращеніе къ которымъ полезно въ разныхъ случаяхъ и должно совершиться въ извѣстное время и въ опредѣленныхъ мѣстахъ.

2) Меджму'ату-ль-ахкямъ, сборникъ различныхъ примѣровъ и гаданій, съ чертежами и рисунками различныхъ соединеній гадательныхъ жеребьевъ, которые приложены къ нему въ видѣ восьми деревянныхъ кубиковъ, нанизанныхъ на двѣ иголки (объ эти рукописи—отъ генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана).

3) Сборникъ официальныхъ писемъ на турецкомъ языкѣ; нѣчто въ родѣ письмовника; рукопись новая.

3) Устувани-Китаби, извѣстное краткое изложеніе обрядныхъ мусульманскихъ законоположеній; рукопись безъ даты, но по видимому, довольно старая.

4) Сборникъ философскаго содержанія, на арабскомъ языкѣ, XV—XVI в.

5) Сборникъ на армянскомъ языкѣ, содержанія астрологическаго и астрономическаго; писанъ въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка.

6) Сборникъ русскій, писанный скорописью начала XVII в. и содержащій въ себѣ нѣсколько статей преимущественно грамматическаго и словарнаго содержанія.

7) Сборникъ русскій же, писанный скорописью XVIII в., со статьями, касающимися военнаго дѣла.

8) Сборникъ, писанный въ половинѣ XVIII в. и содержащій въ себѣ житіе и фабулы Езопа, описаніе града Рима и сочиненіе: „Зрѣлище житія человѣческаго".

9) Двѣ рукописныя книги, содержащія въ себѣ сочиненія, замѣтки и рисунки архитектора Томона (отъ Л. Н. Майкова).

10) Сборникъ, писанный разными почерками XIX в., содержащій въ себѣ разныя правительственныя распоряженія и статьи юридическаго содержанія.

11) Препровожденная изъ министерства путей сообщенія копія съ постановленнаго 15-го іюля 1856 года приговора Высочайше утвержденной въ Саратовѣ коммиссіи по военно-судному дѣлу о похищеніи, истязаніи и убійствѣ Евреями въ Саратовѣ двухъ христіанскихъ мальчиковъ въ началѣ 1852 и концѣ 1853 годовъ.

12) Семь указовъ императрицы Елисаветы Петровны монетной канцеляріи.

13) Нѣсколько автографовъ современныхъ русскихъ писателей (отъ Н. В. Гербеля).

Digitized by Google

14) Собраніе 36 писемъ русскихъ ученыхъ и писателей къ Д. В. Григоровичу (отъ Д. В. Григоровича).

15) Шестьнадцать писемъ архитектора В. П. Стасова къ Д. М. и А. П. Полторацкимъ съ 1806 по 1818 годъ.

16) Три письма Г. Берліоза къ графу М. Ю. Віельгорскому (отъ графа В. А. Соллогуба).

17) Матеріалы для исторіи мистицизма въ Россіи. Записки Якова Золотарева, соборнаго старосты г. Новочеркасска, касающіяся ожиданія кончины міра въ 1844 году, и три письма Я. Золотарева къ епископу Пензенскому Наоанаилу о томъ же предметѣ (отъ П. М. Сладкопѣвцева).

18) Восемь отрывковъ еврейскихъ рукописей на кожѣ, пергаментѣ и бумагѣ, принадлежавшихъ, по разказамъ, къ коллекціи Фирковичей, разнообразнаго религіознаго содержанія (отъ г.-м. В. А. Полторацкаго).

19) Служебникъ, пергаменная рукопись на латинскомъ языкѣ, писанная скорописью XV в., съ нѣсколькими живописными изящно-исполненными заглавными буквами.

20) Записки графа Миниха, сына фельдмаршала. Подлинникъ перевода, съ котораго напечатаны онѣ въ 1817 году.

b) Художественныя произведенія. Въ числѣ художественныхъ предметовъ должно отмѣтить слѣдующія пріобрѣтенія Библіотеки въ 1878 году:

1) Фотографическій снимокъ съ портрета Петра Великаго масляными красками, находящагося въ сербскомъ монастырѣ св. Ремиты на Фрушской горѣ, близъ Новаго Сада; портретъ этотъ представляетъ типъ Петра Великаго совершенно отличный отъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ портретовъ этого государя, писанныхъ красками или гравированныхъ, но по живости и характерной индивидуализаціи представленія приводитъ къ убѣжденію, что онъ писанъ съ натуры и долженъ быть признаваемъ едва ли не за лучшій изъ всѣхъ портретовъ, снятыхъ съ Петра въ средній періодъ его жизни; Русскій царь представленъ по грудь въ кафтанѣ и въ мѣховой шапкѣ; фотографія снята въ 1873 году по почину графа А. С. Уварова, во время его путешествія по Сербіи и имъ принесена въ даръ Библіотекѣ.

2) Фотографическій снимокъ съ портрета Петра I, писаннаго масляными красками живописцемъ Гельдеромъ и находящагося въ Гаагскомъ музеѣ; фотографія снята вслѣдствіе просьбы, обращенной Биб-

Digitized by Google

ліотекой къ нашему посланнику при Нидерландскомъ дворѣ, и принесена въ даръ Нидерландскимъ правительствомъ.

3) Гравированный портретъ Петра I въ ростъ, въ латахъ, поверхъ которыхъ накинута горностаевая мантія, доселѣ неизвѣстный (отъ И. Е. Бецкаго).

4) Четыре разные оттиска портрета Петра I, во весь ростъ, гравированнаго крѣпкою водкой академикомъ В. Бобровымъ съ портрета масляными красками, находящагося въ подмосковномъ имѣніи графа С. Д. Шереметева; всѣ четыре экземпляра—avant la lettre, а одинъ съ ремаркой (портретъ дарителя, г. Ольгольца).

5) Фотографическій снимокъ, въ увеличенномъ размѣрѣ, съ маленькаго дагерротипа, сдѣланнаго въ 1851 году въ Римѣ и изображающаго Гоголя во весь ростъ, въ одной группѣ съ нѣсколькими русскими художниками и другими лицами (отъ С. Л. Левицкаго).

6) 39 разнообразныхъ образцовъ геліографическихъ работъ (портреты, группы, шрифты и пр.) и произведенная посредствомъ гальваностереотипіи бронзовая медаль, на которой миніатюрнымъ выпуклымъ шрифтомъ напечатана рѣчь, произнесенная Е. Н. Скамони 2-го мая 1874 года, при погребеніи академика Якоби, изобрѣтателя гальванопластики и гальваностереотипіи, служащей однимъ изъ главныхъ подспорьевъ при художественныхъ и техническихъ работахъ нашей экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ (отъ Е. Н. Скамони).

7) Большая фотографія, снятая на средства Библіотеки, при содѣйствіи нашего посла въ Лондонѣ, графа П. А. Шувалова, съ портрета въ ростъ, масляными красками, писаннаго съ Петра I въ 1697 году знаменитымъ портретистомъ Неллеромъ въ Утрехтѣ для Англійскаго короля Вильгельма III и находящагося въ Гемптонкортскомъ дворцѣ близъ Лондона.

8) Два акварельные рисунка Ивана Теребенева: 1) Ретирада французскихъ генераловъ, и 2) Карантинъ для Наполеона по возвращеніи его изъ Россіи (отъ С. А. Мусина-Пушкина).

9) Два изваянія изъ мамонтовой кости, произведенія рѣзца извѣстнаго художника Шера, изображающія Божію Матерь и архангела Гавріила. Библіотека получила эти изваянія по духовному завѣщанію А. Ѳ. Кушакевича въ память П. В. Голубкова; согласно волѣ завѣщателя они помѣщены въ залѣ рукописей по сторонамъ Остромірова Евангелія.

Digitized by Google

Общій выводъ относительно пріобрѣтеній Библіотеки въ 1878 году выражается слѣдующими цифрами: поступило

а) печатныхъ книгъ и брошюръ—18,999 сочиненій въ 23,013 томовъ, въ томъ числѣ: по закону, доставлено цензурнымъ вѣдомствомъ въ двухъ экземплярахъ, 7,920 сочиненій въ 8,221 томѣ; по распоряженіямъ разныхъ учрежденій—531 сочиненіе въ 654 томахъ; частныхъ приношеній—6,873 сочиненія въ 8,573 томахъ; куплено самою Библіотекой—3,675 сочиненій въ 5,565 томахъ;

б) рукописей и автографовъ—245, въ томъ числѣ: частныхъ приношеній—226, а куплено 19;

в) картъ и плановъ.	110
г) эстамповъ и фотографій	1,962
д) нотъ	545.

Библіографическія работы въ Библіотекѣ, въ 1878 году, состояли въ безпрерывной каталогизаціи новыхъ пріобрѣтеній, а равно въ провѣркѣ существующихъ каталоговъ съ наличностью книгъ въ отдѣленіяхъ. При изученіи второй коллекціи Фирковичей, пріобрѣтенной въ 1876 году, библіотекаремъ А. Я. Гаркави найдены между анонимными рукописями весьма важныя сочиненія и отрывки изъ книгъ, либо считавшихся совсѣмъ потерянными, либо бывшихъ доселѣ извѣстными только въ одномъ экземплярѣ. Но важнѣйшимъ явленіемъ, относящимся къ кругу ученыхъ работъ Библіотеки, было въ 1878 году, безъ сомнѣнія, изданіе перваго выпуска „Описанія славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки“, принадлежащее перу помощника директора Библіотеки, академика А. Ѳ. Бычкова. Это—начало подробнаго каталога богатаго собранія рукописей, хранящихся въ Библіотекѣ. Описаніе начато со сборниковъ, такъ какъ рукописи этого рода имѣютъ особенное значеніе какъ по разнообразію входящихъ въ ихъ составъ статей и по значительному количеству новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній, въ нихъ заключающихся, такъ и для исторіи умственнаго движенія въ нашемъ отечествѣ. По этимъ сборникамъ, если только они составлены съ опредѣленною цѣлью или однимъ лицомъ, изслѣдователь можетъ до извѣстной степени ознакомиться съ разными вопросами, занимавшими русскихъ книжныхъ людей въ ту или другую эпоху. Въ первомъ выпускѣ труда г. Бычкова, составляющемъ 11 печатныхъ листовъ въ большую 8-ку, подробно описаны 43 сборника, поступившіе въ Библіотеку изъ древлехранилища М. П. Погодина.

Digitized by Google

Въ заключеніе приводимъ свѣдѣнія относительно пользованія Библіотекой въ теченіе 1878 года.

Въ этомъ году выдано было билетовъ на чтеніе 11,331 (въ 1877 г. 10,716). Читателей было: въ общей читальной залѣ 105,668 (въ 1877 году 92,332). Наивысшее число читателей 14,020 падаетъ, какъ и въ 1877 году, на октябрь мѣсяцъ.

Вытребовано книгъ: изъ отдѣленій старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ 120 томовъ (въ 1877 г. 139 томовъ), на русскомъ—28,096 тт. (въ 1877 г. 21,890 тт.), и на иностранныхъ—12,128 тт. (въ 1877 г. 10,047 тт.); изъ библіотеки при читальной залѣ 169,315 тт. (въ 1877 г. 140,289 тт.), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 147,538 тт. (въ 1877 г. 123,048 тт.), и на иностранныхъ 21,777 тт. (въ 1877 г. 17,241 тт.).

Общее число взятыхъ посѣтителями для чтенія книгъ, какъ выданныхъ изъ отдѣленій, такъ и находящихся въ библіотекѣ при читальной залѣ, было 251,090 тт. (въ 1877 г. 208,158 тт.), повременныхъ изданій 34,166 нумеровъ (въ 1877 г. 69,676 нум.), а всего 285,256 тт. и нум. (въ 1877 г. 277,834).

Въ теченіе 1878 г. было отказано: въ отдѣленіяхъ по 7,722 требованіями (въ 1877 г. по 5,834), въ томъ числѣ: въ отдѣленіи старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицей, по 59 требованіямъ (въ 1877 г. 53); въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 4,278 требованіямъ (въ 1877 по 3,065), въ иноязычныхъ отдѣленіяхъ по 3,385 требованіямъ (въ 1877 г. по 2,716): изъ библіотеки при читальной залѣ по 11,935 требованіямъ (въ 1877 г. по 10,198), въ томъ числѣ по 1,820 требованіямъ повременныхъ изданій (въ 1877 г. по 2,472), и изъ нихъ по 1,695 требованіямъ русскихъ періодическихъ изданій (въ 1877 г. по 2,232) и по 125 требованіямъ иностранныхъ такихъ же изданій (въ 1877 г. по 240). Изъ отдѣленій отказано: за неимѣніемъ сочиненій въ библіотекѣ и за неполученіемъ книгъ въ моментъ ихъ требованія изъ цензурныхъ учрежденій по 2,148 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 277 требованіямъ (въ 1877 г. по 1,880 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 258); по случаю требованія одной и той же книги по 224 требованіямъ (въ 1877 г. по 137), за выдачей уже въ чтеніе, другимъ посѣтителямъ, требуемыхъ сочиненій по 3,001 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 2,520 требованіямъ (въ 1877 г. по 2.066, въ томъ числѣ въ русскомъ отдѣленіи по 1670);

Digitized by Google

за отдачею книгъ въ переплетъ по 454 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 310 требованіямъ (въ 1877 г. по 451 требованію, въ томъ числѣ въ русскомъ отдѣленіи по 334); по случаю требованія книгъ запрещенныхъ по 279 требованіямъ (въ 1877 г. по 263); по неполученію книгъ ожидаемыхъ и заказанныхъ по 373 требованіямъ (въ 1877 г. по 110); по разнымъ другимъ причинамъ (напримѣръ, требованіе книгъ, никогда не появлявшихся въ свѣтъ, также романовъ, не выдаваемыхъ по уставу Библіотеки) по 1,243 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 827 требованіямъ (въ 1877 г. по 922, въ томъ числѣ въ русскомъ отдѣленіи по 647).

Рукописей потребовано въ чтеніе 423 (въ 1877 г. 697); 28 лицъ получили дозволеніе заниматься въ отдѣленіи рукописей.

Посѣтителей, обозрѣвавшихъ Библіотеку, было 4,582 (въ 1877 году 3,282).

Digitized by Google

О ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТАХЪ КЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ ТИФЛИСѢ ВЪ 1881 ГОДУ.

На 4-мъ русскомъ археологическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ 1877 году въ Казани, было предположено, что слѣдующій съѣздъ русскихъ археологовъ состоится въ Тифлисѣ. Послѣ того какъ предположеніе это удостоилось Высочайшаго одобренія, и на собраніе археологовъ въ Тифлисѣ въ 1881 году выражено было соизволеніе великаго князя Намѣстника Кавказскаго, образованъ былъ въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, предварительный комитетъ по устройству Тифлисскаго съѣзда. Къ участію въ занятіяхъ комитета приглашены были изъ живущихъ на Кавказѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи лица, которыя могутъ представить на будущій съѣздъ ученый трудъ, или доставить свѣдѣнія и матеріалы, важныя для исполненія принятой программы. Имѣя въ виду богатство Кавказа неизслѣдованными еще археологическими памятниками, комитетъ нашелъ необходимымъ произвести на мѣстѣ рядъ новыхъ изысканій по предмету разнаго рода древностей, но съ другой стороны, принимая во вниманіе сравнительно незначительный періодъ времени, оставшійся до эпохи съѣзда, комитетъ призналъ необходимымъ ограничить это изслѣдованіе только наиболѣе важными пунктами для указанія пути будущимъ археологамъ. Пункты эти были опредѣлены по взаимному соглашенію членовъ комитета, сообразно съ размѣромъ средствъ, отпущенныхъ великимъ княземъ Намѣстникомъ.

Послѣ цѣлаго ряда докладовъ, сообщеній съ мѣста и мѣстныхъ развѣдокъ, въ засѣданіи 15-го октября 1879 года, комитетомъ утверж-

Digitized by Google

день былъ проектъ программы подготовительныхъ къ съѣзду работъ въ такомъ видѣ:

I. Древности доисторическія. — 1) Составить карту слѣдовъ ледниковаго періода на Кавказѣ съ указаніемъ мѣстъ нахожденія валуновъ, осадочныхъ слоевъ, полированныхъ и сточенныхъ льдами скалъ, направленія штриховъ и желобовъ.

2) Составить обзоръ ископаемыхъ остатковъ послѣледниковой фауны, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на вымершіе виды и на отличительныя ихъ своеобразности. Извѣстный своими изслѣдованіями по Кавказу, директоръ Кавказскаго музея Г. И. Радде готовитъ спеціальное сообщеніе о кавказской торфяниковой свиньѣ.

3) Изслѣдовать костеносныя пещеры, служившія жилищемъ для звѣрей и человѣка. Кавказъ вообще изобилуетъ разнообразными пещерами: есть большія подземныя сталактитовыя галлереи, длиною въ нѣсколько верстъ; есть пещерныя жилища, обработанныя искусственно, съ устроенными теперь въ нихъ монастырями. Въ знаменитой священной абхазской пещерѣ Огпинъ только недавно прекратилось ежегодное жертвоприношеніе бѣлаго тѣльца. Списки длинныхъ рядовъ пещеръ, прорѣзанныхъ въ горныхъ кряжахъ Сухума и Арарата, составлены вновь трудами В. И. Чернявскаго, Е. Г. Бейденбаума и др. Для изслѣдованія пещеръ комитетомъ принята англійская инструкція Доукинса, и главное завѣдываніе пещерною экспедиціей поручено ученому консерватору антропологическаго музея Академіи Наукъ, И. С. Поликову. Г. Поликовъ совершилъ свою поѣздку осенью 1879 года, но результаты его изслѣдованій оказались отрицательными: кавказскія пещеры не представили никакихъ слѣдовъ древняго обитанія въ нихъ человѣка.

4) Собрать свѣдѣнія о находкахъ каменныхъ орудій. Пока извѣстно на Кавказѣ лишь 12 случаевъ нахожденія таковыхъ орудій. Поѣздка г. Полякова на Араратъ дала ему возможность отыскать слѣды каменнаго вѣка въ этой мѣстности.

5) Провѣрить справедливость предположенія о существованіи свайныхъ построекъ на Гокчайскомъ озерѣ.

6) Собрать свѣдѣнія о такъ-называемыхъ чашечныхъ, искусственно обдѣланныхъ, большихъ камняхъ съ отпечатками слѣдовъ ноги, копыта и пр. (до сихъ поръ таковыхъ извѣстно шесть).

7) Собрать свѣдѣнія о каменныхъ памятникахъ въ видѣ стола, поддерживаемаго нѣсколькими подпорами, иногда окруженнаго рядами отвѣсно поставленныхъ глыбъ, въ видѣ или каменныхъ ящиковъ, или

Digitized by Google

большихъ валуновъ, нагроможденныхъ другъ на друга. Хорунжій Фелицынъ, заявившій себя въ послѣднее время однимъ изъ энергичнѣйшихъ изслѣдователей Кавказа, составилъ точную археологическую карту Кубанской области, на которой отмѣтилъ мегалитическіе памятники. О другихъ частяхъ Кавказа нѣтъ до сихъ поръ подробныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи, кромѣ нѣкоторыхъ указаній.

8) Составить сводъ свѣдѣній о мѣстныхъ погребальныхъ обычаяхъ. Главная цѣль начатыхъ теперь на Кавказѣ систематическихъ курганныхъ раскопокъ—опредѣлить народность могильныхъ насыпей и уловить оттѣнки погребальныхъ обрядовъ; потому приглашеннымъ спеціалистамъ-изслѣдователямъ рекомендуются особенно тщательные пріемы и составленіе поясняющихъ рисунковъ къ дневникамъ. Вообще край представляетъ для этого рода занятій особенно благодарную почву. Кавказскій перешеекъ служилъ, начиная съ самой глубокой древности, путемъ для переселенія народовъ изъ Азіи въ Россію; въ одномъ сѣверномъ Кавказѣ производившій раскопки нѣмецкій пасторъ Цикъ отмѣтилъ 22 различные пріема погребенія. Въ инструкціи, составленной предварительнымъ комитетомъ Тифлисскаго съѣзда, предположено разрывать на каждомъ языческомъ кладбищѣ лишь количество кургановъ необходимое для опредѣленія похороннаго типа группы и не останавливаться на погребеніяхъ яснаго греческаго происхожденія; комитетъ поставилъ одною изъ главнѣйшихъ задачъ розыскать могилы Русовъ, производившихъ, по извѣстіямъ арабскихъ писателей, набѣги на западное побережье Каспійскаго моря.

9) Разыскивать вопросъ о торговлѣ янтаремъ.

10) Изслѣдовать древнія рудокопныя шахты.

II. Древности языческія.—1) Кавказскій перешеекъ пересѣкается теперь археологическими развѣдками. Истекшимъ лѣтомъ профессоръ В. Б. Антоновичъ и г. Берентамъ довели развѣдки до Моздока и будущимъ лѣтомъ продолжатъ ихъ до Кизляра и далѣе къ Баку.

2) Изслѣдовать развалины древней столицы Кавказской Албаніи, города Бердаа, разрушеннаго въ X вѣкѣ.

3) Изслѣдовать миѳологію Осетинъ. Отъ г. Гатіева ожидается полное и самостоятельное изложеніе ея, съ изображеніями идоловъ.

4) Соображенія о происхожденіи Хазаръ и о границахъ Хазарскаго царства ожидаются отъ ученаго гебраиста А. Я. Гаркави.

5) Комитетъ не оставляетъ безъ вниманія историческихъ извѣстій о переселеніи на Кавказъ при Навуходоносорѣ плѣнныхъ Іудеевъ

Digitized by Google

(историкъ Мегасоенъ), Египтянъ (Геродотъ), Грековъ, Индійцевъ (Зенобъ-Гласъ) и др.

6) Е. Г. Вейдембаумъ, секретарь приготовительнаго комитета въ Тифлисѣ, готовитъ докладъ о каменныхъ бабахъ.

III. Древности христіанскія и мусульманскія.—Профессору Новороссійскаго университета Н. П. Кондакову предложено составить исторію грузинской архитектуры до XI вѣка, и для исторіи иконографіи предполагается прослѣдить въ хронологическомъ порядкѣ фрески, мозаики, иконы, миніатюры, монеты, изготовленныя въ древнѣйшемъ стилѣ, съ обозначеніемъ измѣненія послѣдняго сперва подъ вліяніемъ византійскимъ, а потомъ и мѣстнымъ.

IV. Архитектура гражданская. — Современныя жилища горскихъ народовъ будутъ сравнены съ типичными формами жилья, сохранившимися отъ древнихъ временъ. Предположено описать укрѣпленія, башни, мосты, опредѣлить время появленія и развитія стрѣльчатой арки.

V. Памятники письма и языка. Кромѣ собиранія новыхъ надписей, комитетъ предпринимаетъ составленіе возможно полнаго сборника кавказскихъ надписей для выпуска его ко дню съѣзда. Въ это собраніе долженъ войдти эпиграфическій матеріалъ до XII вѣка включительно, съ надписями арабскими, греческими, славянскими, грузинскими, армянскими, еврейскими и клинообразными. Разработку арабскихъ надписей принялъ на себя предсѣдатель Кавказской археографической коммисіи А. П. Берже, грузинскихъ — Д. З. Бакрадзе, армянскихъ—Н. О. Эминъ и греческихъ—профессоръ С.-Петербургскаго университета И. В. Помяловскій. Для изученія памятниковъ письменности грузинской и армянской будутъ составлены палеографическія таблицы по столѣтіямъ.

VI. Лингвистика. — Пока имѣются въ виду лишь соображенія академика М. И. Броссе о томъ, къ какой филологической группѣ принадлежитъ грузинскій языкъ.

Въ изданныхъ уже въ свѣтъ протоколахъ Московскаго предварительнаго комитета заключается рядъ любопытныхъ указаній по разнымъ отраслямъ кавказскихъ древностей, указаній, частію составленныхъ вновь по изслѣдованіямъ на мѣстѣ, частію извлеченныхъ изъ печатной литературы о Кавказѣ. Указанія эти сообщены гр. А. С. Уваровымъ, академикомъ М. И. Броссе, профессоромъ Ф. К. Бруномъ, А. П. Берже, Е. Г. Вейденбаумомъ, А. Я. Гаркави, Г. И. Радде, В. И. Чернявскимъ, П. О. Юрченкомъ и Н. О. Эминымъ и

Digitized by Google

имѣютъ быть дополнены еще многими новыми сообщеніями. Такъ генералъ А. В. Комаровъ, бывшій долгое время Дербентскимъ градоначальникомъ, занимаясь изученіемъ дербентскихъ укрѣпленій, составилъ по этому предмету обширную монографію съ планами и рисунками надписей, весьма тщательно снятыми. Генералъ Комаровъ изъявилъ согласіе напечатать этотъ трудъ въ изданіяхъ съѣзда, и его снимки уже послужили основаніемъ для новыхъ ученыхъ изслѣдованій. Хранитель музея Общества любителей Кавказской археологіи, г. Байернъ, доставилъ протоколы своихъ раскопокъ могилъ съ глиняными саркофагами близъ Дилижана. Кромѣ того, комитету обѣщаны рефераты отъ Н. К. Зейдлица, Н. Г. Вырубова и г. Ерицова, по иниціативѣ котораго подъ предсѣдательствомъ армянскаго епископа Гавріила Айвазовскаго (брата знаменитаго мариниста), на Кавказѣ образовалась особая подкоммиссія для приготовленія къ съѣзду ряда ученыхъ трудовъ по изслѣдованію армянскихъ древностей.

Всѣ предметы, пріобрѣтенія, слѣпки и фотографіи, сдѣланныя лицами, откомандированными предварительнымъ комитетомъ, должны быть доставлены въ Московское археологическое общество для изслѣдованія и описанія ихъ, а затѣмъ за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія съѣзда всѣ вещи будутъ препровождены въ Тифлисъ и поступятъ въ собственность мѣстнаго музея. На расширеніе помѣщеній музея изъ кабинета великаго князя Намѣстника Кавказа отпущена сумма въ 45,000 рублей.

Такимъ образомъ Тифлисскій археологическій съѣздъ обѣщаетъ быть вполнѣ достойнымъ продолженіемъ собраній русскихъ археологовъ, происходившихъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ и Казани.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣятельности Новороссійскаго университета въ 1878 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ: присужденія медалей за представленныя на предложенныя темы сочиненія; ученые труды преподавателей; публичныя лекціи; присужденіе ученыхъ степеней и званій; бюджетъ университета; свѣдѣніе объ учащихся; учебно-вспомогательныя учрежденія; дѣятельность состоящаго при университетѣ общества естествоиспытателей и Севастопольской біологической станціи.

Въ Новороссійскомъ университетѣ къ 1-му января 1879 года состояло штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 5, доцентовъ 4; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 42, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 3, астрономъ-наблюдатель 1, лаборантовъ 7; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 9. Сверхъ того въ университетѣ состоятъ не причисленные уставомъ ни къ какому факультету: профессоръ православнаго богословія и 3 лектора новыхъ иностранныхъ языковъ. Всего состояло штатныхъ преподавателей: профессоръ православнаго богословія, 26 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ, 7 доцентовъ, 1 астрономъ-наблюдатель, 3 лектора и 7 лаборантовъ. Сторонникъ преподавателей было 2, оба на историко-филологическомъ факультетѣ съ вознагражденіемъ въ размѣрѣ содержанія экстраординарнаго профессора. Отдѣльныхъ приватъ-доцентовъ не было, но одинъ изъ наличныхъ лаборантовъ читалъ, по порученію

Digitized by Google

физико-математическаго факультета и съ разрѣшенія совѣта, лекціи физіологіи въ качествѣ приватъ-доцента. Изъ положенныхъ по дѣйствующему уставу каѳедръ вакантными были слѣдующія: въ историко-филологическомъ факультетѣ: философіи съ октября 1876 года, римской словесности съ августа 1877 года, сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ съ октября 1874 года, исторіи всеобщей литературы; въ физико-математическомъ: физической географіи съ мая 1865 года; въ юридическомъ: энциклопедіи права съ октября 1872 года, государственнаго права съ іюня 1875 года, церковнаго законовѣдѣнія съ іюня 1875 года, международнаго права съ мая 1865 года. Относительно постояннаго штата общее число преподавательныхъ вакансій къ 1-му января 1879 года было слѣдующее: 2 ординарныхъ профессора, 9 экстраординарныхъ, 9 доцентовъ, 1 лекторъ, всего 21; относительно же временнаго штата: 6 экстраординарныхъ профессоровъ, 3 доцента, 1 лекторъ, всего—10.

Въ 1878 году факультеты Новороссійскаго университета имѣли засѣданій: историко-филологическій 26, физико-математическій 21, изъ нихъ одно публичное; юридическій 19, въ томъ числѣ одно публичное. Относительно распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія сдѣланы были слѣдующія распредѣленія: на историко-филологическомъ факультетѣ приглашены были по найму для чтенія лекцій, въ качествѣ сторонникъ преподавателей: по римской словесности заслуженный профессоръ Юргевичъ, по исторической географіи заслуженный профессоръ Брунъ, по философіи, въ первомъ полугодіи бывшій профессоръ Орбинскій; сверхъ того, чтеніе исторіи греческой философіи поручено было исправляющему должность доцента по каѳедрѣ греческой словесности Лебедеву, а по каѳедрѣ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ ординарному профессору славянской филологіи Кочубинскому. На физико-математическомъ факультетѣ, кромѣ предметовъ, постоянно преподаваемыхъ, въ теченіе цѣлаго года профессоры читали слѣдующіе предметы: Беркевичъ: въ первомъ полугодіи—практическую астрономію, а во второмъ—теоретическую астрономію и теоріи пертурбацій; Ященко: въ первомъ полугодіи—теорію вѣроятностей, во второмъ—проективную геометрію; Лигинъ: въ первомъ полугодіи — начертательную геометрію, во второмъ—гидравлику и теорію гидравлическихъ пріемниковъ; доцентъ Преображенскій читалъ въ первомъ полугодіи—высшую алгебру; преподаваніе по вакантной кафедрѣ физической географіи было поручено въ первомъ полугодіи ординарному профессору по каѳедрѣ физики

Digitized by Google

Шведову; преподаваніе технической химіи во второмъ полугодіи, по случаю заграничной командировки преподавателя этого предмета, принялъ на себя профессоръ химіи Вернео; доцентъ Бернштейнъ читалъ въ первомъ полугодіи физіологію животныхъ, а во второмъ полугодіи чтеніе этого предмета возложено было на приватъ-доцента Спиро. Преподаваніе технической механики раздѣлено было въ первомъ полугодіи между профессорами Карастелевымъ и Лигинымъ, во второмъ полугодіи предметъ этотъ читалъ профессоръ Карастелевъ; чтеніе физіологіи растеній перенесено было во второмъ полугодіи съ III курса на IV. Въ юридическомъ факультетѣ чтеніе по вакантнымъ каѳедрамъ было поручено: энциклопедіи права — профессору финансоваго права Патлаевскому, государственнаго права профессору исторіи русскаго права Леонтовичу, международнаго права профессору полицейскаго права Шпилевскому, церковнаго законовѣдѣнія профессору православнаго богословія Кудрявцеву. Вовсе не читались лекціи по каѳедрамъ: исторіи всеобщей литературы, исторіи славянскихъ законодательствъ и въ теченіе втораго полугодія—физической географіи. — Съ цѣлію усиленія учебной дѣятельности студентовъ всѣ преподаватели историко-филологическаго факультета занимались руководствомъ студентовъ въ работахъ надъ сочиненіями, имѣвшими отношеніе къ читаемымъ имъ предметамъ. По заявленію профессора Кочубинскаго, у него занимались студенты IV курса, пожелавшіе пополнить свои свѣдѣнія по польскому языку, т. е. изъ чтеній еще I курса, переводомъ на дому и толкованіемъ поэмы Мицкевича „Konrad Walenrod“; сверхъ того, студентъ III курса Пиварович занимался литовскимъ языкомъ (Brückner „Litu-Slawische Studien“), а студентъ I курса, болгаринъ Богдановъ—пѣснями своего народа, по собранію Миладиновыхъ. Юридическій факультетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, продолжалъ требовать отъ студентовъ обязательнаго представленія письменныхъ работъ. Нѣкоторыя изъ представленныхъ работъ заслужили особеннаго одобренія со стороны профессоровъ. Съ тою же цѣлію—усиленія учебной дѣятельности студентовъ—профессоръ Цитовичъ, съ разрѣшенія факультета, открылъ особый курсъ торговаго права; профессоры Леонтовичъ, Цитовичъ и Малининъ имѣли вечернія практическія занятія со студентами, каждый по преподаваемому имъ предмету. На физико-математическомъ факультетѣ практическія занятія въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, по самому свойству преподаваемыхъ предметовъ, неразлучны съ теоретическимъ изученіемъ. Общій контроль надъ занятіями студентовъ

Digitized by Google

установленъ въ видѣ годичныхъ и полугодичныхъ испытаній. На историко-филологическомъ факультетѣ, въ замѣнъ устныхъ испытаній въ срединѣ учебнаго года для пользующихся стипендіями, требовались отъ нихъ по одному сочиненію, которое писалось на тему, назначенную профессоромъ.

На предложенныя для соисканія наградъ темы представлены были слѣдующія сочиненія: студентомъ III курса отдѣленія математическихъ наукъ М. Катачнымъ—„О способахъ опредѣленія орбиты кометъ съ приложеніемъ къ опредѣленію элементовъ 3-й кометы 1877 года, наиболѣе подходящихъ къ наблюденіямъ, сдѣланнымъ надъ этой кометой"; студентомъ IV курса отдѣленія естественныхъ наукъ П. Бучинскимъ—„Объ общихъ чертахъ въ строеніи нервной системы позвоночныхъ животныхъ и кольчатыхъ червей"; студентомъ IV курса юридическаго факультета В. Шеховцевымъ — „О письменныхъ доказательствахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ"; студентомъ III курса историко-филологическаго факультета В. Мочульскимъ — „Очеркъ языка славянъ Балтійскаго побережья и Бранденбурга по средневѣковымъ грамматамъ и лѣтописямъ" и студентомъ IV курса юридическаго факультета М. Зеленковичемъ—„О письменныхъ доказательствахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ". Изъ названныхъ сочиненій удостоены: первыя три золотыми, а послѣднія два серебряными медалями.

Въ 1878 году преподаватели Новороссійскаго университета и другія служащія въ ономъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: Трачевскій помѣстилъ въ Сѣверномъ Вѣстникѣ рецензію о книгѣ „Kocholl. Die Philosophie der Geschichte" и въ университетскихъ запискахъ вступительную лекцію; Кондаковъ напечаталъ въ трудахъ Московскаго археологическаго общества статью „Миніатюры греческой псалтири IX вѣка, въ собраніи Хлудова въ Москвѣ"; Кочубинскій напечаталъ очерки исторіи Славянъ подъ заглавіемъ „Мы и они" и двѣ рѣчи надъ могилами бывшихъ профессоровъ В. И. Григоровича и М. П. Смирнова подъ заглавіемъ „Памяти товарищей"; сверхъ того, литографировалъ лекціи „Обозрѣніе славянскихъ нарѣчій" (курсъ 1-го года); Войтковскій помѣстилъ въ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ „Слово въ день восшествія на престолъ Государя Императора, сказанное въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ"; Врунъ помѣстилъ въ университетскихъ запискахъ статью „Черноморье", въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія „Догадки касательно участія

Digitized by Google

русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ"; въ Journal d'Odessa статью „Le temple d'Iphigénie"; кромѣ того, редактировалъ переводъ „Исторіи Болгаръ" Иречка; Шведовъ напечаталъ брошюры: „Принцѣльный дальномѣръ", „Le cometaire" и „Illusions astronomiques"; Сабининъ напечаталъ: въ Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques par Darboux et Houël redigé: Developpements analitiques pour servir à compléter la discussion de la variation seconde des intégrales définies multiples" и „Sur l'intégration des équations différentielles par séries", и въ Университетскихъ Запискахъ: „Къ интегрированію дифференціальныхъ уравненій помощію рядовъ" и „Начала варіаціоннаго исчисленія и его приложенія къ отысканію и различенію maximum и minimum простыхъ и многократныхъ интераловъ"; Головкинскій помѣстилъ въ Русскомъ Вѣстникѣ статью „Замѣтка читателя на статью А. Бутлерова"; Вериго напечаталъ въ Bericht der deutschen Chemischen Gesellschaft статью „Ueber Chlormilch-Säure und Bichlorpropionsäure aus Glycerinsäure"; Мечниковъ напечаталъ въ Zoologischer Anzeiger статью „Ueber die Verdauungsorgane einiger Süsswasserturbellarien"; Ярошенко напечаталъ въ Запискахъ Общества естествоиспытателей статью „Объ алгебраическихъ операціяхъ въ области элементарныхъ формъ геометрическихъ"; Литвиновъ напечаталъ: „Двигатели для мелкой промышленности и сельскаго хозяйства", въ Comptes rendus de l'Académie des sciences de Paris „Note relative au théorème sur les compositions des accélérations d'ordre quelquonque" и въ Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques, redigé par Darboux et Houël „Sur les aires des trajectoires directes dans le mouvement plan d'une figure plane invariable"; Умовъ напечаталъ: въ Математическомъ Сборникѣ: „О фиктивномъ взаимодѣйствіи между тѣлами, погруженными въ среду постоянной упругости", „О распредѣленіи стаціонарныхъ электрическихъ токовъ на проводящихъ поверхностяхъ произвольнаго вида" и „Курсъ математической физики" (вып. 1-й); Леонтовичъ напечаталъ: „Замѣтки о разработкѣ обычнаго права", „Монголойоратскій уставъ" и „О мѣстномъ правѣ инородцевъ юго-восточныхъ окраинъ Россіи" и печаталъ „Матеріалы для библіографіи обычнаго права"; Цитовичъ напечаталъ реценвію подъ заглавіемъ „Новые пріемы защиты общиннаго землевладѣнія. По поводу сочиненія А. Посникова „Общинное землевладѣніе", и продолжалъ печатаніе „Курса русскаго гражданскаго права"; Малининъ напечаталъ: „Комментарій къ 366-й статьѣ уст. гражд. судопр." вторымъ изданіемъ „Судебное признаніе въ гражданскихъ дѣ-

Digitized by Google

лахъ" и „Уставъ гражданскаго судопроизводства по новому (1876 г.) изданію свода законовъ, съ указаніемъ подъ каждой статьей всѣхъ относящихся къ нимъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента сената за 10 лѣтъ съ 1866 по 1876 годъ", статьи подъ заглавіемъ: „по поводу рецензіи г. Гедримовича на сочиненіе „Судебное признаніе въ гражданскихъ дѣлахъ". Астрономъ-наблюдатель Блокъ помѣстилъ: въ запискахъ военно-топографическаго отдѣла „таблицы для вычисленія азимутовъ полярной", въ Vierteljahreschrift der Astronom. Gesellschaft „Ueber ein neues Repsold' sches Reflexionsinstrument". Доценты: Успенскій напечаталъ: въ Revue historique „Une page d'histoire roumain", въ университетскихъ запискахъ „Второе Болгарское царство" и въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью „О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ"; Преображенскій помѣстилъ въ университетскихъ запискахъ статью „О логариѳмическомъ потенціалѣ". Лаборанты: Пономаревъ напечаталъ въ университетскихъ запискахъ "Къ исторіи производныхъ группы мочевой кислоты", Прендель напечаталъ въ Bulletin de la Société Impériale de Moscou „Нѣсколько словъ по поводу „Отвѣта" г. Милашевича".

Публичныя лекціи были читаны въ первомъ полугодіи отъ общества естествоиспытателей при университетѣ профессорами: Головкинскимъ по минералогіи, Мечниковымъ по зоологіи, Вальцемъ по физіологіи растеній и лаборантомъ Цомакіономъ по физикѣ, по два часа въ недѣлю каждымъ.

Совѣтъ Новороссійскаго университета имѣлъ въ теченіе 1878 года 15 засѣданій. Въ правилахъ для студентовъ сдѣланы, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, измѣненія условій, при которыхъ предоставляются бѣднымъ студентамъ льготы относительно взноса платы за слушаніе лекцій: а) подробнѣе и яснѣе обозначены требованія успѣховъ, дающихъ право на льготы въ видѣ освобожденія отъ платы, вполнѣ, освобожденія на половину и отсрочкѣ во взносѣ платы студентамъ I-го курса и послѣдующихъ; б) по новой редакціи „предоставленіе льготъ по платѣ имѣетъ силу лишь на то полугодіе, на которое предоставлено", тогда какъ по прежде дѣйствовавшему правилу освобожденіе отъ платы имѣло силу въ теченіе цѣлаго года. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ: доктора: Петріевъ—химіи, Азаревичъ—гражданскаго права; магистра: Ришави—ботаники, Палаузовъ—уголовнаго права, Пономаревъ—химіи; въ степени кандидата утверждены 28, въ томъ числѣ по историко-филологическому факуль-

Digitized by Google

тету 9, по физико-математическому 8, по юридическому 11; въ званіи дѣйствительнаго студента 30, именно: по историко-филологическому факультету 7, по физико-математическому 8, по юридическому 15; изъ нихъ 14-ти предоставлено право въ установленный срокъ представить диссертаціи на степень кандидата. Для приготовленія къ профессорскому званію по зоологіи оставленъ при университетѣ на два года кандидатъ естественныхъ наукъ Бучинскій съ содержаніемъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. Командированы были за границу съ ученою цѣлію, профессоры Шведовъ, Мечниковъ Карастелевъ и Кочубинскій и доцентъ Воеводскій.

Денежныя средства Новороссійскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: по финансовой смѣтѣ и дополнительными сверхсмѣтными кредитами ассигновано было къ отпуску изъ государственнаго казначейства: на содержаніе личнаго состава 134,600 руб., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 49,400 руб., на стипендіи и пособіе студентамъ 18,000 руб., на пособіе состоящему при университетѣ обществу естествоиспытателей 2,500 руб., на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію и на ученыя командировки 3,544 руб. 30 коп., на біологическую станцію въ Севастополѣ 1,500 руб. всего 207,545 руб. 30 к., съ присоединеніемъ же оставшихся отъ 1877 года 20,628 руб. 36 коп., вся отпущенная изъ казны сумма составляетъ 230,173 руб. 66 коп., Изъ этой суммы израсходовано было въ теченіе года 222,273 руб. 75 к., затѣмъ къ 1-му января 1879 оставалось на лицо 7,899 руб. 91 коп., которые должны были быть употребляемы на жалованье профессорамъ и на покрытіе расходовъ по не полученнымъ еще счетамъ за заказы 1878 года. Спеціальныхъ средствъ: а) сбора платы со студентовъ за слушаніе лекцій и за матрикулы оставалось отъ 1877 года 2,305 руб. 75 коп., въ теченіе 1878 года поступило 6,250 руб., израсходовано 5,894 руб. 38 к., затѣмъ къ 1-му января 1879 года имѣлось на лицо 2,059 руб. 54½ коп.; б) пожертвованныхъ капиталовъ на стипендіи студентамъ университета и ученикамъ гимназій отъ 1877 года оставалось 134,144 руб. 30¼ коп., въ теченіе года поступило 7,845 руб. 42 коп., израсходовано 5,669 руб. 9 к., затѣмъ къ 1-му января 1879 года осталось на лицо 136,320 р. 63¼ коп., въ томъ числѣ наличными 3,970 руб. 63¼ коп., процентными бумагами 132,350 руб. главнѣйшіе изъ расходовъ, произведенныхъ на счетъ сбора за слушаніе лекцій, были слѣдующіе: на выписку журналовъ и газетъ 2,221 руб. 58 коп., на выдачу преподавателямъ и чиновникамъ пособій и на путевыя из-

Digitized by Google

держки 1,804 руб., на напечатаніе университетскихъ записокъ 942 руб., на уплату за медали, присуждаемыя студентамъ, 512 руб.

Студентовъ къ 1-му января 1878 года состояло 357, въ теченіе 1878 года поступило 174, въ томъ числѣ: изъ гимназій 36, изъ духовныхъ семинарій 120, домашняго воспитанія 3, изъ другихъ университетовъ 13, изъ другихъ учебныхъ заведеній 2; въ теченіе года выбыло 131, изъ нихъ: до окончанія курса 82, по окончаніи курса 49; затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось на лицо 400 студентовъ, распредѣленныхъ по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ 119, въ юридическомъ 120, въ физико-математическомъ 161 (въ отдѣленіи математическихъ наукъ 48, въ отдѣленіи естественныхъ наукъ 113). Посторонніхъ слушателей состояло: къ 1-му января 1878 года 26, къ 1-му января 1879 года 33. Состоявшіе къ 1-му января 1879 года 400 студентовъ распредѣлялись: а) по курсамъ: въ 1-мъ курсѣ 147, во 2-мъ 81, въ 3-мъ 75, въ 4-мъ 97; б) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 350, армяно-григоріанскаго 6, римско-католическаго 10, лютеранскаго 4, евреевъ и караимовъ 30; в) по происхожденію: дворянъ и чиновниковъ 91, духовнаго званія 243, почетныхъ гражданъ и купцовъ 14, мѣщанъ и разночинцевъ 36, крестьянъ 4, иностранныхъ подданныхъ 12; 2) по мѣсту первоначальнаго образованія: гимназистовъ 123, семинаристовъ 235, изъ другихъ учебныхъ заведеній 42; д) по учебнымъ округамъ, изъ учебныхъ заведеній которыхъ поступили въ университетъ: С.-Петербургскаго учебнаго округа 12, Московскаго 14, Казанскаго 2, Оренбургскаго 1, Харьковскаго 15, Одесскаго 189, Кіевскаго 129, Варшавскаго 1, Кавказскаго 37. Стипендіями пользовались: обязательными 11 студентовъ, то-есть 2,7% общаго числа, необязательными 137 или 34,2%. Общая сумма стипендій составляла 28,189 руб. 16 коп., въ томъ числѣ: изъ суммъ государственнаго казначейства 17,729 руб. 63 коп., изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 5,260 руб., изъ суммъ высылаемыхъ въ университетъ разными мѣстами и лицами 5,199 руб. Размѣръ стипендій отъ 120 до 325 руб. включительно. Пособія выданы были 65 студентамъ (16,2%). Освобождено было отъ платы 225 (въ этомъ числѣ 139 стипендіатовъ), то-есть, 56,2% общаго числа студентовъ.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Новороссійскаго университета находились къ 1-му января 1879 года въ слѣдующемъ положеніи: Въ университетской библіотекѣ числилось книгъ 40,246 сочиненій, 69,674 тома, періодическихъ изданій 722 названія, 14,365 томовъ,

Digitized by Google

рукописей 121 тетрадь, картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей 595 нумеровъ 687 экземпляровъ, всего на сумму 179,488 руб. Въ студентской библіотекѣ: книгъ русскихъ и иностранныхъ 4,258 названій 6,998 томовъ, періодическихъ изданій 106 названій 1,364 тома, рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ 36 нумеровъ, всего на 4,848 руб. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ и журналовъ 1 названіе 21 томъ на 320 руб.; инструментовъ, моделей, подвижной утвари и другихъ принадлежностей 249 нумеровъ на сумму 15,252 руб. Въ кабинетѣ практической механики: книгъ 12 названій на 52 руб.; моделей, подвижной утвари и проч. 269 нумеровъ на 11,283 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: книгъ и атласовъ 55 названій 67 томовъ на 808 руб.; инструментовъ, приборовъ, препаратовъ, посуды и мебели 614 нумеровъ 736 экземпляровъ на сумму 17,189 руб. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ: препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей 1,475 нумеровъ 1,718 экземпляровъ на 25,051 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: минераловъ: картъ, подвижной утвари и проч. 794 нумера на 12,374 руб. Въ кабинетѣ физической географіи: книгъ и атласовъ 73 названія 89 томовъ на 1,010 руб., инструментовъ 35 нумеровъ 40 экземпляровъ на 1,972 руб. Въ метеорологической обсерваторіи: книгъ и атласовъ 8 названій на 36 руб., инструментовъ и снарядовъ 39 нумеръ 53 экземпляра на 2,206 руб. Въ геологическомъ и палеонтологическомъ кабинетѣ: книгъ и другихъ изданій на 1,739 руб., моделей, коллекцій окаменѣлостей и горныхъ породъ, подвижной утвари и проч. на 5,453 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ: книгъ 83 сочиненія 100 томовъ на 676 руб., сухихъ растеній, инструментовъ, приборовъ, коллекцій гипсовыхъ и восковыхъ моделей и проч. 49,361 нумеровъ на 7,073 руб. Въ ботаническомъ саду: оранжерейныхъ растеній, кустарниковъ, травъ, подвижной утвари и проч. 697 нумеровъ на 514 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій 276 сочиненій 684 тома, чучелъ, препаратовъ въ спиртѣ, инструментовъ, утвари и другихъ принадлежностей 3,844 нумера, всего на сумму 19,740 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіей, книгъ и другихъ изданій 85 сочиненій 101 томъ, скелетовъ, препаратовъ, инструментовъ, утвари и проч. 624 нумера, всего на 7,431 руб. Въ физіологическомъ кабинетѣ: приборовъ, реактивовъ, препаратовъ и мебели 176 нумеровъ на 3,583 руб. Въ техническомъ кабинетѣ съ лабораторіею: техническихъ изданій, химическихъ препаратовъ, реактивовъ и посуды 292 нумера 4,731 экземпляръ на сумму

Digitized by Google

9,332 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: живыхъ и разныхъ изданій 26 названій, точныхъ измѣрительныхъ приборовъ-посуды, инструментовъ, разной утвари и проч. 573 нумера 1,452 экземпляра, всего на сумму 10,384 руб. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: разныхъ изданій 236 названій на 5,844 руб.; слѣпковъ, статуй, бюстовъ, обелисковъ, барельефовъ, иконъ, картинъ, фотографій, гравюръ, древнихъ амфоръ, вазъ, мелкихъ древностей, утвари и проч. 3,413 нумеровъ 3,960 экземпляровъ на 5,667 руб. Въ минц-кабинетѣ: монетъ, медалей и разной утвари 3,913 нумеровъ 4,060 экземпляровъ на 1,873 руб.

При Новороссійскомъ университетѣ состоитъ общество естествоиспытателей съ находящеюся въ вѣдѣніи послѣдняго Севастопольскою біологическою станціею. Дѣятельность этихъ учрежденій въ 1878 году заключалась въ слѣдующемъ:

Общество естествоиспытателей имѣло въ теченіе года девять засѣданій, въ томъ числѣ семь общихъ собраній и два засѣданія математической секціи, посвященныя исключительно научнымъ сообщеніямъ, относящимся къ области математическихъ наукъ. Изъ семи общихъ собраній пять посвящены были сообщеніямъ по естественнымъ наукамъ, одно — сообщеніямъ по математикѣ и одно происходило безъ научныхъ сообщеній. Въ засѣданіяхъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія г. Бородинымъ — отчетъ объ экскурсіяхъ, произведенныхъ лѣтомъ 1877 года по рѣкамъ Бугу и Ингулу; г. Видгальмомъ—„О границахъ распространенія рыбъ Umbri Krameri и Naucrates ductor“; г. Гохманомъ—а) „Объ интегрированіи посредствомъ введенія мнимаго множителя„ и б) „Объ измѣреніи объема мелкихъ шариковъ и тонкихъ цилиндровъ, наполняющихъ сосуды опредѣленной вмѣстимости; г. Кононовичемъ—„О независимомъ отъ фотометрическаго опредѣленія Ламберта измѣреніи albedo бѣлаго картона“; профессоромъ Мечниковымъ—а) „О позвоночной теоріи черепа“ и б) „О болѣзняхъ личинокъ хлѣбнаго жука“; г. Покровскимъ—отчетъ объ экскурсіяхъ въ окрестностяхъ Одессы лѣтомъ 1877 года; профессоромъ Преображенскимъ — „О логарифмическомъ потенціалѣ“ г. Репяховымъ—„Объ организаціи личинокъ ягланокъ изъ подъ отряда Chilostomata“; г. Ришови—„О законахъ распространенія водорослей и о развитіи органовъ безполоваго размноженія Dasia“; г. Старковъ — „Изложеніе мемуара Коши объ интегрированіи совокупныхъ уравненій; г. Сычевскимъ—„Общія основанія исторіи математики“.

Digitized by Google

Въ 1878 году Обществомъ изданы первый томъ Записокъ Общества по математическому отдѣленію и второй выпускъ V-го тома Записокъ естественно-исторической секціи. Въ составъ этихъ двухъ книгъ вошли слѣдующія статьи: профессора Лигина—„Очеркъ новыхъ возрѣній Рело на машину", профессора Ярошенко—„Алгебраическія операціи въ области элементарныхъ геометрическихъ формъ"; г. Старкова—„Общій способъ интегрированія линейныхъ дифференціальныхъ уравненій" и „Прибавленіе къ предыдущей статьѣ"; г. Клименко—„Матеріалы для молочной и пировиноградной кислотъ"; г. Прендели—отчеты о результатахъ экскурсій, произведенныхъ въ Подольской губерніи лѣтомъ 1877 года и по прибрежной полосѣ Абхазіи и черноморскаго округа лѣтомъ 1878 года; г. Ришави—отчетъ объ экскурсіи въ Севастопольской бухтѣ въ 1878 году.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, общество поручило разнымъ лицамъ производство, на счетъ общества, зоологическихъ, ботаническихъ и геометрическихъ экскурсій и изслѣдованій. Такъ, гг. Бородину и Покровскому были поручены экскурсіи: первому—въ предѣлахъ Херсонскаго уѣзда, второму—въ окрестностяхъ Одессы, для изслѣдованія морской и лиманской флоры; г. Ришави былъ командированъ въ Крымъ, для окончанія своихъ прежнихъ изслѣдованій надъ черноморскими водорослями; г. Прендель—на Кавказъ для геологическихъ экскурсій; г. Вильдгальму были поручены фаунистическія изслѣдованія въ окрестностяхъ Одессы; г. Репяховъ былъ командированъ въ Крымъ для зоологическихъ изслѣдованій.

Общество поддерживало обмѣнъ изданіями съ тѣми учрежденіями, съ которыми до 1878 года находилось въ сношеніяхъ. Сверхъ того, получены были и приняты приглашенія къ обмѣну со стороны: а) Россійскаго общества покровительства животныхъ; б) Ungarische Naturwissenschaftliche Gesellschaft, приславшаго вмѣстѣ съ приглашеніемъ свои изданія; в) редакціи журнала Zoologischer Anzeiger профессора Ю. В. Каруса въ Лейпцигѣ; и г) Société Linnéenne du Nord de la France à Amiens.

По ходатайству общества, § 30-й устава онаго, въ силу котораго общество должно было сдавать поступающія книги, по миновании въ нихъ надобности, въ соотвѣтствующіе кабинеты университета, изложенъ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, въ томъ смыслѣ, что общество не заводитъ библіотеки, но поступающія книги, по миновании въ нихъ надобности, передаетъ въ основную библіотеку университета, или въ соотвѣтствующіе кабинеты онаго.

Digitized by Google

Вслѣдствіе превращенія одесскою городскою думою еще въ 1877 году отпуска пособія публичнымъ курсамъ естественныхъ наукъ, общество естествоиспытателей не нашло возможнымъ возобновить чтеніе публичныхъ лекцій въ 1878—1879 академическомъ году, то-есть со второй половины 1878 года. Но такъ какъ въ предшествовавшемъ академическомъ году публичные курсы были все-таки открыты, то общество признало необходимымъ продолжать чтеніе лекцій до конца академическаго года. По сему въ первой половинѣ 1878 года читались профессорами слѣдующія публичныя лекціи по 2 часа въ недѣлю каждымъ: Мечниковымъ—по зоологіи, Вальцемъ—по физіологіи растеній, Головкинскимъ—по минералогіи и г. Цомакіономъ—по физикѣ.

Денежныя средства общества въ началѣ 1878 года состояли изъ 2,893 руб. 97 коп., которые были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на изданіе „Записокъ“ общества 1,100 руб., жалованье секретарю, служителю и канцелярскіе расходы 420 руб., субсидія публичнымъ курсамъ 200 руб., и на экскурсіи 908 руб., на выписку книгъ 50 руб., всего 2,620 руб. На образовавшіяся впослѣдствіи средства общество назначило дополнительно 925 руб. на совершеніе экскурсіи членами общество.

Занятія на біологической станціи въ Севастополѣ, прерванныя военными дѣйствіями, возобновились весною 1878 года. Нѣкоторыми членами общества естествоиспытатей было высказано желаніе, чтобы на станціи производились постоянныя наблюденія надъ физическими условіями жизни морскихъ растеній и животныхъ въ Севастопольской бухтѣ, такъ какъ подобныя наблюденія могли бы имѣть большое значеніе при изученіи законовъ распространенія морскихъ организмовъ. Общество рѣшило поручить завѣдывающему станціею производить таковыя наблюденія и назначило коммиссію для выработки программы предположенныхъ изслѣдованій по этому вопросу. Лѣтомъ 1878 года посѣщали станцію слѣдующіе натуралисты: профессоръ Ковалевскій, который, между прочимъ, нашелъ въ довольно значительномъ количествѣ Amphioxus за такъ называемою Сѣверною Косою, при входѣ въ бухту; Л. А. Ришави, изслѣдовавшій развитіе органовъ безполоваго размноженія Dasia и вмѣстѣ съ тѣмъ дополнивший свои прежнія наблюденія надъ альгологическою флорою бухты: В. М. Реняковъ изслѣдовалъ главнымъ образомъ личинокъ изъ подъ отряда Cterostamata, изучалъ превращеніе этихъ животныхъ и повторилъ и продолжалъ свои прежнія наблюденія надъ организаціей личинокъ Lepralia Pallasiana; С. М. Переяславцева занималась фаунистическими из-

Digitized by Google

слѣдованіями надъ низшими морскими безпозвоночными и обращала особенное вниманіе на турбаторій, которыхъ изучала и въ анатомическомъ отношеніи. Станція имѣетъ свою библіотеку, которая въ 1878 году значительно обогатилась частію пріобрѣтенными на средства станціи изданіями, частію принесенными въ даръ отъ разныхъ ученыхъ обществъ и другихъ учрежденій. Севастопольская станція получаетъ на свое содержаніе изъ суммъ государственнаго казначейства по 1,500 руб. въ годъ. Сумма эта, вмѣстѣ съ остаткомъ кредита на 1877 годъ составляла 2.447 руб. 2 коп. Въ теченіе 1878 года израсходовано 741 руб. 42 коп. Главнѣйшіе изъ произведенныхъ расходовъ слѣдующіе: на пріобрѣтеніе для библіотекъ станціи иностранныхъ періодическихъ изданій 300 руб., на наемъ помѣщенія для станціи 186 руб. 70 коп., жалованье завѣдывающей станціею 75 руб. 75 коп.; на наемъ прислуги для станціи 66 руб. 15 к. и проч.

Дерптскій ветеринарный институтъ.

Въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ къ 1-му января 1879 года состояло штатныхъ преподавателей 9, именно: ординарныхъ профессоровъ 3 (въ томъ числѣ директоръ института), экстраординарный 1, доцентовъ 4, прозекторъ 1. Сверхштатныхъ преподавателей и приватъ-доцентовъ при институтѣ не имѣлось. Вакантною состояла одна должность законоучителя для фельдшерскихъ учениковъ, по неимѣнію учащихся православнаго исповѣданія.

Совѣтъ института имѣлъ въ теченіе 1878 года 27 засѣданій. Въ распредѣленіи предметовъ преподаванія перемѣнъ не произошло. Представленныя доцентомъ сельскаго хозяйства, скотоводства и зоогигіены фонъ-Книримомъ программы для преподаванія сихъ предметовъ, равно какъ и программы по минералогіи и физической географіи, составленныя преподавателемъ вспомогательныхъ наукъ, доцентомъ университета Лагорію, совѣтомъ института разсмотрѣны и приняты мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ по примѣру прежнихъ лѣтъ, заключались въ назначеніи лучшимъ изъ нихъ стипендій изъ назначенной на сей предметъ штатной суммы. На заданную совѣтомъ института на 1878 годъ „тему“ Untersuchungen über die Entwieckelung des Omasus“ не представлено ни одного сочиненія. На 1879 годъ предложена та же самая задача.

Преподаватели Дерптскаго ветеринарнаго института издали въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: директоръ, ординарный

Digitized by Google

профессоръ Ф. С. Унтербергъ напечаталъ въ Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Veterinairkunde статью Audiatur et altera pars. Berichtigung zu dem Artickel „Ueber das estnische Pferd und das Gestüt zu Torgel"; ординарный профессоръ Е. Земмеръ помѣстилъ: въ Архивѣ ветеринарныхъ наукъ—„О чумѣ куръ" въ Deutsche Zeitschrift für Thiermedicin und vergleichende Pathologie—„Ueber die Hühnerpest" и въ Revue für Thierheilkunde und Thierzucht—„Zur Frage über die Geniessbarkeit des Fleisches und Milch tuberculöser Rinder"; экстраординарный профессоръ К. Раупахъ напечаталъ въ Baltische Wochenschrift статью „Frequenz der Dorpater Klinik vom Jahre 1848—1874"; доцентъ Ю. Клеверъ издалъ „Pharmaceutische Technik. Ein Handbuch für Veterinaire: Landwirthe und Viehzüchter. Zweite durchgesehene und vermehrte Auflage"; доцентъ фонъ-Книримъ помѣстилъ въ Baltische Wochenschrift: „Ueber die Werthbestimmung der Futterbestandtheile". „Ueber die Kleeiseide (Cuscuta trifolii) und ihre Vertilgung" и „Analysen von landwirthschaftlichen Sämereien". — Профессоръ Раупахъ, по случаю годовщины института, прочелъ публичную лекцію подъ названіемъ „Статистическія свѣдѣнія о пользованныхъ въ клиникѣ Дерптскаго ветеринарнаго института домашнихъ животныхъ за время 1848—1874 годовъ".—Командированы были за границу съ ученою цѣлью: ординарный профессоръ Е. Земмеръ и прозекторъ А. Земмеръ.—Удостоены ученыхъ степеней: бывшій студентъ Дерптскаго ветеринарнаго института, нынѣ ассистентъ при клиникѣ Казанскаго ветеринарнаго института Гальцманъ, по защищеніи диссертаціи и Experimentelle Untersuchungen über die Wirkung einiger Arzneikörper auf den Lymphstrom mit Berücksichtigung des Blutdruckes"—степена магистра ветеринарныхъ наукъ, а два изъ троихъ подвергавшихся выпускнымъ экзаменамъ степени ветеринара. Изъ учениковъ состоящей при институтѣ фельдшерской школы одинъ удостоенъ званія ветеринарнаго фельдшера съ отличіемъ.

Денежныя средства института находились въ слѣдующемъ положеніи. По финансовой смѣтѣ ассигновано было къ отпуску изъ государственнаго казначейства: на содержаніе личнаго состава и на вознагражденіе преподавателей вспомогательныхъ предметовъ 24,441 руб., на хозяйственные расходы и учебныя пособія 9,350 руб., на стипендіи студентамъ 3,000 руб., всего 36,791 руб. Съ присоединеніемъ къ этой суммѣ 373 руб. 12 коп., оставшихся отъ штатныхъ суммъ 1877 года, вся сумма, отпущенная отъ казны, составитъ 37,164 руб. 12 коп., въ теченіе года израсходовано 36.272 руб. 85

Digitized by Google

коп., затѣмъ къ 1-му января 1879 года на лицо оставалось 891 руб. 9 коп. Спеціальныхъ средствъ: а) сбора за слушаніе лекцій осталось отъ 1877 года и поступило въ теченіе 1878 года 533 руб. 32 коп., израсходовано 340 руб. 32 коп., осталось къ 1879 году 193 руб.; б) сбора за леченіе животныхъ: осталось отъ 1877 года и поступило въ 1878 году 1,070 руб. 16 коп., израсходовано 912 руб. 1 коп., къ 1879 году оставалось 158 руб. 15 коп., и в) пожертвованныхъ суммъ: къ 1-му января 1878 года осталось остатка 1,344 руб. 80 коп., въ 1878 году поступило 360 руб. 81 коп., израсходовано 294 руб., къ 1879 года состояло 7,411 руб. 61 коп.

Въ ветеринарномъ институтѣ къ 1-му января 1878 года состояло 63 студента, въ теченіе года поступило 8 (изъ гимназіи 1, изъ высшихъ учебныхъ заведеній 1, домашняго образованія 6), выбыло въ теченіе года 4, изъ нихъ одинъ до окончанія, 3 по окончаніи курса, затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось на лицо 67. Посторонннихъ слушателей: въ 1878 году поступило 5 (3 изъ высшихъ учебныхъ заведеній, 1 изъ духовной семинаріи и 1 домашняго образованія 3, выбыло 4, всего до окончанія курса, къ 1-му января 1879 года оставался 1. Фельдшерскихъ учениковъ: къ началу 1878 года состояло 4, въ теченіе года поступилъ 1, изъ низшаго учебнаго заведенія, выбылъ 1 по окончаніи курса, къ 1-му января 1879 года оставалось на лицо 4. Изъ общаго числа бывшихъ въ 1878 году студентовъ освобождено отъ платы 31, что составляетъ 43, 66% общаго числа. Стипендіями пользовались 25 студентовъ на сумму 2,425 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Дерптскаго ветеринарнаго института къ 1-му января 1879 года находились въ слѣдующемъ положеніи: Въ институтской библіотекѣ числилось книгъ и періодическихъ изданій 5,026 названій 10,044 тома на сумму 29,026 руб.; въ физическомъ кабинетѣ 558 нумеровъ на 6,599 руб.; въ химическомъ кабинетѣ 572 нумера на 1,808 руб.; въ фармакологическомъ кабинетѣ 645 нумеровъ на 260 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ 3,079 нумеровъ на 1,372 руб.; въ зоологическомъ кабинетѣ 430 нумеровъ на 67 руб.; въ музеяхъ анатомическаго театра 1,989 нумеровъ на сумму 11,161 руб.; въ кабинетѣ чертежей и рисунковъ 186 нумеровъ на 179 руб.; въ кабинетѣ моделей домашнихъ животныхъ 91 нумеръ на 369 руб.; въ кузницѣ 92 нумера на 581 руб.; въ сельско-техническомъ кабинетѣ 21 нумеръ на 636 руб.; въ физіолого-химическомъ кабинетѣ 50 нумеровъ на 601 руб.; въ аптекѣ 343 нумера на 2,078 руб.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго

Digitized by Google

рода копытъ 378 нумеровъ на 306 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ 146 нумеровъ на 79 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ 217 нумеровъ на 902 руб.; въ клиникахъ 314 нумеровъ на 2,791 руб.; въ анатомическомъ кабинетѣ 1,119 нумеровъ на 914 руб.

Въ клиникахъ къ 1-му января 1878 года больныхъ животныхъ оставалось 17; въ теченіе года прибыло 3,040; изъ нихъ: выздоровѣло 2,149, пало 55, съ согласія владѣльцевъ предано смерти 46, страдавшихъ неизлечимыми болѣзнями было 165, оставалось съ неизвѣстнымъ исходомъ болѣзней 634; къ 1-му января 1879 года состояло въ клиникахъ 14. Въ теченіе года произведено было операцій: менѣе важныхъ 395, болѣе значительныхъ 145. Въ патологическое отдѣленіе зоотомическаго театра отправлено было изъ клиники для вскрытія 45 труповъ и для той же—представлено посторонними 168 труповъ. Въ лабораторіи института, подъ руководствомъ доцента фармаціи, произведено 10 анализовъ, при чемъ оказался одинъ случай отравленія стрихниномъ. Изъ институтской аптеки отпущено для клиники 1,504 рецепта на 463 руб. По примѣру предыдущихъ лѣтъ, отправляемы были въ сосѣднія селенія Дерпта, подъ руководствомъ профессоровъ, студенты старшихъ курсовъ, для практическихъ занятій; съ особеннымъ успѣхомъ они дѣйствовали въ родовспомогательныхъ случаяхъ у коровъ и кобылъ. Противъ распространенія заразительныхъ болѣзней со стороны института приняты были мѣры профессоромъ клиники, и подъ его руководствомъ ассистентами клиники и нѣкоторыми изъ студентовъ старшаго курса: а) противъ сапа, б) противъ сибирской язвы и в) противъ инфлуэнцы.

Digitized by Google

О ФОРМАХЪ РОДИТЕЛЬНАГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННАГО ЧИСЛА ТАКЪ НАЗЫВАЕМАГО ВТОРАГО ГРЕЧЕСКАГО СКЛОНЕНІЯ.

По поводу критическихъ замѣтокъ г. Нàука въ Mélanges gréco-romains du Bulletin de l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg, t. IV (1879 г.), стр. 407 и слѣд.

Въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ означеннаго изданія нашей Академіи наукъ, мой другъ, академикъ Августъ Карловичъ Нàукъ, напечаталъ новый и весьма обильный рядъ замѣтокъ къ тексту омирическихъ пѣсней, замѣтокъ, составляющихъ какъ-бы экскурсы къ его изданію Иліады и Одиссеи. Въ этихъ замѣткахъ авторъ доказываетъ, между прочимъ, что въ значительномъ большинствѣ мѣстъ текста омирическихъ пѣсней дательный падежъ множ. числа 1-го и 2-го склоненій имѣетъ формы αισι(ν), ηισι(ν) и οισι(ν), а формы αις, ης и ος только въ сравнительно незначительномъ числѣ мѣстъ, и изъ этого явленія заключаетъ, что послѣднія мѣста всѣ невѣрно читаются въ дошедшемъ до насъ преданіи текста, хотя можно исправить пока только еще незначительное число ихъ. Далѣе авторъ, какъ и въ прежнихъ подобныхъ же замѣткахъ, такъ и въ только что изданныхъ, указываетъ вообще на страшную испорченность нашего текста омирическихъ пѣсней, на то, что онъ полонъ ошибокъ, и не только ошибокъ, причиненныхъ оплошностью переписчиковъ, но и погрѣшностей, виновниками которыхъ оказываются александрійскіе и византійскіе ученые, и между ними—last, not least—прославленный александрійскій критикъ Аристархъ; затѣмъ авторъ остроумно отстаиваетъ право и защищаетъ обязанность критики противъ слѣпыхъ приверженцевъ Аристарха, каковы Эд. Каммеръ (Kammer) и А. Люд-

Digitized by Google

вихъ (Ludwich), а также защищаетъ и свои критическіе пріемы, ничѣмъ не отличающіеся отъ пріемовъ, употребленныхъ уже и Ричардомъ Бентли и Пэйнъ-Нейтомъ (Payne-Knight) и Иммануиломъ Беккеромъ (Bekker). Наконецъ, г. Наукъ, по поводу критическаго разбора самыхъ различныхъ мѣстъ омирическаго текста, доказываетъ невѣрность читаемыхъ обыкновенно въ нашемъ текстѣ формъ различныхъ греческихъ словъ и оправдываетъ вѣрность другихъ формъ. Выбрать примѣры изъ числа важныхъ и интересныхъ замѣтокъ не удобно; ихъ слишкомъ много. Тѣмъ болѣе считаемъ своею обязанностью рекомендовать для чтенія и изученія обильный матеріалъ замѣтокъ остроумнаго и ученаго академика всѣмъ тѣмъ, кто интересуется состояніемъ текста омирическихъ пѣсней и исторіею греческаго языка.

Но чѣмъ важнѣе для науки эти замѣтки, тѣмъ болѣе поражаетъ меня то обстоятельство, что тутъ же на стр. 466 г. Наукъ высказываетъ странное предположеніе, будто форма род. падежа ед. числа такъ называемаго 2-го склоненія — ου произошла изъ болѣе древней формы οFο, напримѣръ, τοῦ изъ τοFο. Само по себѣ, такое объясненіе, разумѣется, возможно; такъ, напримѣръ, λοῦσθαι, ἐλούμην, λούμεθα, безъ сомнѣнія, совершенно вѣрно объясняются самимъ г. Наукомъ своимъ происхожденіемъ изъ формъ λόFεσθαι, ἐλυFόμην, λοFόμεθα [1]). Въ данномъ, однако, случаѣ, такое предположеніе, по моему, и не только по моему мнѣнію, не имѣетъ никакого основанія. Дѣло въ томъ, что уже въ двадцатыхъ годахъ Боппомъ было указано другое объясненіе происхожденія формы род. падежа ед. числа такъ называемаго втораго склоненія на ου [2]); и основанія этого послѣдняго объясненія оказались до того твердыми, что до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не представлялъ серьезной и, хоть нѣсколько правдоподобной, попытки замѣнить Боппово объясненіе какимъ нибудь другимъ. Когда стала извѣстна форма ΤλασιαFο, находящаяся въ керкирейской надгробной надписи Менекрата, Ауфрехтъ

---

[1]) Хотя, какъ опять-таки всѣмъ извѣстно, не всегда οFο или οFε въ послѣдствіи замѣняются сперва діфтонгомъ, а за тѣмъ моноФтонгомъ ου, такъ какъ по извѣстному закону греческаго языка F между гласными (непосредственно или посредственно) становится непроизносимымъ и неслышнымъ, и вслѣдствіе того, гласные звуки, не отдѣляемые болѣе одинъ отъ другаго согласнымъ, произносятся уже непосредственно одинъ за другимъ, а затѣмъ нерѣдко уподобляются или приравниваются другъ другу и сливаются въ одинъ долгій гласный звукъ; напр., изъ βοFός или βόFες образуется βοός или βόες, а не βοῦς.

[2]) Vergleichende Grammatik etc. I, стр. 383, примѣч. 1.

Digitized by Google

(Aufrecht), въ Zeitschrift für Sprachforschung Куна I, 121, сталъ сомнѣваться въ вѣрности Боппова сближенія τοῖο съ санскритскимъ tasja, ἵππου съ açvasja и искать другаго объясненія этихъ греч. формъ род. падежа втораго склоненія. Но, сколько мнѣ извѣстно, сомнѣнія и предположенія Ауфрехта всѣми были отвергнуты. А о другой попыткѣ замѣнить Боппово объясненіе, кромѣ сдѣланной нынѣ мимоходомъ г. Наукомъ, я не знаю. На подобную же попытку, правда, указываетъ и намекъ Дюнцера (Düntzer) въ 17 томѣ журнала Куна, стр. 42 въ примѣч.; но, можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду именно указанную нами статью Ауфрехта.

Если же столь замѣчательный ученый, какъ г. Наукъ, не обращая должнаго вниманія на доводы и выводы сравнительно-исторической грамматики, высказываетъ въ этомъ случаѣ мнѣніе совершенно не основательное, тѣмъ менѣе можно ожидать отъ большинства филологовъ, чтобы они, ознакомившись съ пріемами и результатами сравнительно-исторической грамматики, усвоили себѣ вѣрныя представленія о взаимномъ отношеніи различныхъ формъ родит. пад. един. числа 2-го склоненія.

Поэтому, считая необходимымъ тотчасъ же протестовать противъ высказаннаго г. Наукомъ предположенія, чтобы его авторитетъ не могъ содѣйствовать распространенію ложнаго мнѣнія, я рѣшился указать на страницахъ этого журнала на взаимныя историческія отношенія формъ род. пад. ед. ч. такъ называемаго втораго склоненія. Ибо только разъясненіе этихъ отношеній можетъ быть вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ неосновательности упомянутаго предположенія. Но я могу представить здѣсь только указанія, а отнюдь не подробное изложеніе дѣла, потому что для полнаго разъясненія дѣла нельзя бы было обойти различныя явленія древне-эллинскаго языка, которыя до сихъ поръ еще не разъяснены надлежащимъ образомъ и коихъ разборомъ я займусь въ особомъ трудѣ о вокализмѣ архаическаго періода древне-эллинскаго языка. И такъ, я воспользуюсь теперь случаемъ, чтобы подѣлиться предварительно съ читателями своими взглядами на различные не выясненные до сихъ поръ вопросы, которые будутъ подробно изложены въ будущемъ моемъ сочиненіи.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ самому дѣлу, необходимо сдѣлать слѣдующую оговорку. Я не намѣренъ говорить здѣсь о формахъ род. п. ед. ч. основъ на αο (съ α долгимъ)=εω, которыя въ этомъ видѣ относятся къ основамъ такъ называемаго втораго склоненія, а

Digitized by Google

при слiяніи αο въ долгое α представляютъ сходство съ основами 1-го склоненія (напр. Μενέλαος = Μενέλεω —ς= Μενέλα—ς); я также не стану разбирать формъ склоненія основъ такъ называемаго аттическаго или слитнаго 2-го склоненія.

I.

Кромѣ издавна извѣстныхъ формъ ου, ω, οιο, еессалійская οι стала болѣе извѣстною съ конца двадцатыхъ годовъ, то-есть со времени изданія 1-го тома Собранія греческихъ надписей (Corpus inscriptionum graecarum), предпринятаго Берлинской академіею наукъ подъ редакціею сперва Бека, а за тѣмъ другихъ ученыхъ (первый томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1828 году) [1]), а кипрская форма ων стала извѣстна въ послѣднее пятилѣтіе [2]).

---

[1]) Ahrens, de graecae linguae dialectis I, § 50, 5). II стр. 534. 5). — Послѣ упомянутыхъ Аренсомъ надписей, обнародованныхъ Ликомъ, въ новѣйшее время изданы еще другія еессалійскія надписи, между прочимъ въ сочиненіяхъ: *Heuzet et Daumet*, Mission archéologique de Macédoine и *Bayet*, Mission au mont Athos. Но такъ какъ я не могъ пользоваться этими сочиненіями, то мнѣ и неизвѣстно, встрѣчаются-ли между публикованными въ этихъ сочиненіяхъ надписями и надписи на мѣстномъ еессалійскомъ діалектѣ, представляющія новые примѣры еессалійскаго род. на οι. Сочиненіе Іос. Канскаго: «Сравнительный разборъ греч. склоненія. Харьковъ 1876 г. 1 часть» (мнѣ извѣстна только первая часть, и не знаю, вышла-ли вторая) вообще не отличается научною критикою, а тамъ, гдѣ Канскій говоритъ о еессалійской формѣ р. п. ед. ч., вслѣдствіе поспѣшности и легкаго отношенія къ дѣлу, онъ сдѣлалъ характеристическій промахъ. Приводя эту форму, онъ ссылается, на стр. 63, въ *текстѣ* на Аренса II стр. 534 и отсюда приводитъ примѣры: Σιλάνοι и Ἀντιγένειοι, которые Аренсъ самъ знаетъ только изъ напечатанныхъ имъ тамъ же надписей, заимствованныхъ изъ Ликова (Leake) описанія сѣверной Греціи; а на той же стр. въ примѣч., на основаніи Аренса I § 50. 1) авторъ говоритъ, что существуетъ только два памятника, въ которыхъ сохранился мѣстный еессалійскій говоръ. Итакъ, онъ не замѣтилъ, что приведенные имъ примѣры заимствованы не изъ надписей C. I. G. 1766 и 1767, а изъ новыхъ, найденныхъ и впервые опубликованныхъ Аренсомъ II, стр. 528 и сл.

[2]) Существованіе р. п. ед. ч. на ων въ кипрскихъ надписяхъ мѣстнаго письма первые доказали Дѣке (Wilh. Deecke) и Зигисмундъ (Just. Siegismund) въ Studien zur Griech. Grammatik, издававшимися въ продолженіе десятилѣтія (68—78 г.). Г. Курціусомъ, въ т. 7 (1875 г.). Правда, хотя въ продолженіе послѣдняго пятилѣтія, то-есть съ тѣхъ поръ, какъ были сдѣланы первыя методическія, а потому и удачныя попытки читать отдѣльныя слова, фразы и цѣльныя надписи кипрскаго мѣстнаго письма, въ чтеніи и толкованіи этихъ надписей сдѣланы не-

Digitized by Google

Изъ этихъ формъ οο, первоначально исключительно іоническо-аттическая, затѣмъ встрѣчающаяся и въ менѣе строгихъ дорическихъ говорахъ, потомъ дѣлается единственною формою р. п. ед. ч. 2-го скл. въ общемъ языкѣ литературы и образованнаго общества (κοινὴ διάλεκτος).

ω форма, общая почти всѣмъ говорамъ дорическаго и эолическаго діалектовъ.

οιο же свойственно древне-іоническому говору, а потому и языку омирическихъ пѣсней, а впослѣдствіи и вообще языку поэтическому, и преимущественно эпическому.

Какъ уже сказано выше, οι принадлежитъ мѣстному бессалійскому, а ων мѣстному кипрскому говору, и встрѣчается тамъ въ надписяхъ мѣстнаго силлабическаго письма рядомъ съ формой общею дорич. и эолическимъ говорамъ ω.

II.

Форму οιο, какъ выше сказано, уже давно сближаютъ и сравниваютъ съ санскритскою формою род. падежа соотвѣтствующихъ основъ ăsjă (напр. τοῖο съ санскр. tăsjă). Съ этимъ объясненіемъ, какъ выше уже сказано, нельзя не согласиться въ сущности, за то никакъ нельзя согласиться въ частностяхъ, то-есть въ опредѣленіи отношенія этихъ формъ одной къ другой, какъ оно излагается обыкновенно въ сравнительно-историческихъ грамматикахъ начиная съ Боппа. По Боппу (Vergleichende Grammatik § 189) напр., τοῖο происходитъ прямо отъ tăsjă, такъ какъ въ греческомъ σ между гласными перестаетъ быть произносимымъ, напр. ἐλέγεο дѣлается изъ ἐλέγεσο, γένεος изъ γένεσος. (?!)—Такъ же, въ сущности, излагаетъ дѣло и Шлейхеръ (въ Compendium 2 § 252, стр. 554, 56 и 57); онъ принимаетъ за первоначальную форму род. падежа основъ на краткое α въ индоевропейскомъ праязыкѣ—ăsjă и за первоначальную греческую форму соотвѣтствующихъ основъ—οσjο, напр. ἵπποσjο, изъ чего произошло сначала будто бы ἵπποιο, а затѣмъ ἵππου и ἵππου (?!). Такъ же излагалъ дѣло и Лео Мейеръ въ своемъ краткомъ изложеніи греческаго и латинскаго склоненія: Gedrängte Vergleichung der griech. u. latein. Declination стр.

малые успѣхи, тѣмъ не менѣе все еще остаются различныя буквы—слоги, до сихъ поръ не разгаданные или понимаемые не совсѣмъ вѣрно. Однако, эта форма р. п. ед. ч. 2-го склоненія—ων, кажется, не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію. Ср. объ ней Аренса въ Philologus, т. 35, 1875 года, стр. 11 и слѣд.

Digitized by Google

28: Jenes alte—sjă findet sich ausschliesslich bei den Grundformen auf ursprüngliches ă; altindisches ag'ra bildet den Genetiv ag'rasja, des Ackers, und damit stimmt das alte gleichbedeutende ἀγροῖο, indem σ zwischen den Vocalen ausfiel, genau überein (?!). Такъ же приблизительно излагалъ дѣло и Г. Курціусъ въ Erläuterungen zu meiner Griech. Grammatik zu § 128: „οιο произошло изъ ojo, а послѣднее, должно быть изъ oσjo (ăsjă)". Нельзя согласиться съ такимъ изложеніемъ отношенія другъ къ другу этихъ формъ; вѣдь по извѣстному фонетическому закону греческаго языка греческое οιο не можетъ происходить непосредственно изъ oσjo, а только изъ oσιο, гдѣ предъ ο слышенъ не согласный, но гласный звукъ ι. Слѣдовательно, τοῖο предполагаетъ форму τοσιο, которая сама, впрочемъ, могла произойти изъ болѣе древней формы τοσjo. Такое oσιο далѣе предполагало бы индоевропейскую= санскритскую форму ăsjă, изъ которой, по Лескину, образованы и нѣмецкія формы соотвѣтствующихъ основъ (Ср. A. Leskien, die Declination des Slawisch-litauischen und Germanischen, Leipzig 1876, стр. 30).—Или же такое τόσιο происходитъ изъ древнѣйшей индоевропейской формы tăsiă,—основной формы, изъ которой образовались формы род. п. ед. ч. муж. и ср. основъ на первонач. ă. Да такое ăsiă, можетъ быть, было и въ санскритскомъ языкѣ, если только правъ Бенфей, утверждающій (въ сочиненіи: Über die indogermanischen Endungen des Genetiv singularis îans, îas, îa. Göttingen 1874 въ Abhandlungen der Göttinger Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. XIX 1874, histor. philol. Classe стр. 14 и слѣд.), что форму родительнаго падежа ăsjă, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Ведъ надлежитъ читать ăsiă съ гласнымъ i между s и ă.—Итакъ на основаніи однихъ данныхъ первоначальная форма р. п. основъ на ă въ индоевропейскомъ праязыкѣ должна бы быть asiă; на основаніи другихъ asjă; а можетъ быть въ праязыкѣ рядомъ существовали уже обѣ формы. Но тѣмъ еще не ограничиваются наши недоумѣнія при попыткѣ привести какъ бы къ одному знаменателю различныя формы р. п. ед. ч. основъ муж. и средн. рода на первоначальное краткое ă; потому что, во-первыхъ, по мнѣнію Бенфея эту форму ăsiă въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ведъ слѣдуетъ читать съ долгимъ i между s и ă (его доводамъ впрочемъ А. Лескинъ не довѣряетъ и, кажется, не безъ основанія); а вовторыхъ, зендская форма ahjā (напр. tahjā) = санскр. asjā (ср., Kuhn'a въ K.'s Z. XV, 426), съ долгимъ конечнымъ ā, предполагаетъ скорѣе существованіе болѣе древней формы ăsi͡ă, нежели ăsi͡ă, изъ которой только въ послѣдствіи, т. е. въ санскритскомъ языкѣ, про-

Digitized by Google

изошла форма съ краткимъ a (ăsiă), и наконецъ asjă. По моему мнѣнію, дѣло происходило скорѣе такъ:

*tasjă (индоевр. праязыкъ)
санскр. tasjă tahja (зендск. языкъ)

нежели такъ:

tajsă (индоевр. праязыкъ и санскр. языкъ)
санскр. tasjă *tahjă зендск.
tahjă зендск.

Послѣднее отношеніе формъ принимаетъ Кунъ въ выше приведенномъ изслѣдованіи его.

И такъ, дѣло оказывается не столь простымъ и яснымъ, какъ могло бы казаться по краткому изложенію Боппа, Шлейхера и др., а, напротивъ, въ частностяхъ довольно сложнымъ и неяснымъ; и я, по необходимости, долженъ предоставить другимъ болѣе свѣдущимъ ученымъ. (тѣмъ болѣе, что есть еще и другія, между прочимъ зендскія формы, которыхъ нельзя, можетъ быть, не брать въ разсчетъ при такомъ розысканіи) рѣшить вопросъ, какіе въ частностяхъ были взаимныя отношенія приведенныхъ формъ, греческой, санскритскихъ, зендскихъ, и какова была первоначальная форма индоевропейскаго праязыка, изъ которой онѣ всѣ произошли. Тѣмъ не менѣе, несомнѣннымъ остается то, что греческая форма οιο сродна съ формами санскритскими ăsiă и ăsjă и что въ οσιο, изъ котораго произошло οιο, между гласными (посредственно или непосредственно) сталъ непроизносимъ и неслышенъ согласный σ. Впрочемъ, вѣрнѣе сказать, изъ οσιο не прямо происходитъ οιο, а сперва (посредствомъ οἷο) οἷο, а затѣмъ только οιο (τόσιο сперва τόἷο, затѣмъ τόἷο и наконецъ только τοῖο).

Объ отношеніи формы οιο къ формѣ родительнаго ου наши понятія прямо противоположны понятіямъ древнихъ грамматиковъ. На взглядъ послѣднихъ, родительный на οιο, называемый ѳессалійскимъ (cp. Ahrens, de dial. aeol. § 50. 5), происходитъ изъ формы ου посредствомъ растяженія слога на два слога, то-есть, на οο (διαίρεσις) и вставки между двумя гласными ι (πλεονασμός). На такое объясненіе род. на οιο указываютъ, по крайней мѣрѣ, два мѣста Аполлонія Дискола, понимаемыя такъ не только мною, но уже и Аренсомъ. Въ сочиненіи о синтаксисѣ, то-есть, о соединеніи и конструкціи частей рѣчи въ предложеніи (на стр. 50, строк. 9 сл. по изд. Имм. Беккера

Digitized by Google

Аполлоній Дисколъ называетъ эту форму θессалійскимъ растяженіемъ (ἡ θεσσαλικὴ διαίρεσις κατὰ γενικὴν λέγω ἐπὶ τῆς τοῖο ὡς καλοῖο), то-есть растянутою. Въ другомъ мѣстѣ, а именно о мѣстоименіи, стр. 138 С. по изд. Бекк.=109, строк. 4 сл. по изд. Рих. Шнейдера (Тейбнера 1878) говорится слѣдующее: ἡ (sc. ἀντωνυμία) ἐμοῖο, σοῖο, οἷο ἤτοι μετὰ διαιρέσεως τὸ ι προσέλαβεν ἢ Θεσσαλικαί εἰσιν, ὡς καὶ Ἀριστάρχωι [1]) ἤρεσκεν. Οὐκ ἄλογος δ'ἂν εἴη καὶ ἡ αἰτία τοῦ τὴν μὲν κτητικὴν διὰ τῆς οι παράγεσθαι, τὴν δὲ πρωτότυπον διὰ τῆς ει (т. е. что отъ ἐμός образуется род. ἐμοῦ, а отъ ἐγώ,—ἐμεῖο), εἰ γὰρ ἀπὸ τοῦ καλοῦ, καλοῖο, μετατιθεμένου τοῦ ο εἰς τὸ ι καὶ προστιθεμένου τοῦ ο, σαφὲς, ὅτι καὶ ἐπὶ τῆς ἐμοῦ ταὐτὸν παρηκολούθει. Это мѣсто съ перваго раза кажется непонятнымъ потому, что въ началѣ его сказано, будто формы такія, какъ τοῖο, καλοῖο суть или растянутыя со вставкою ι (ср. другое приведенное выше м.), или θессалійскія, а затѣмъ будто изъ καλοῦ образуется καλοῖο и изъ ἐμοῦ ἐμοῖο посредствомъ замѣны ο іотою, а затѣмъ прибавленіемъ еще ο. Но послѣднее замѣчаніе вѣдь вовсе не объясненіе формы οιο, а только констатированіе существованія такой формы и, пожалуй еще, указаніе чисто механическаго способа образовать ее, въ видѣ того, какъ по элементарнымъ учебникамъ латинскаго языка учатъ, что изъ supinum на tum или sum образуется причастіе совершенное посредствомъ замѣны звука (или буквы) *m* звукомъ (или буквою) *s*, или изъ неокончательнаго наклоненія повелительное—отбрасываніемъ слога *re* неокончательнаго наклоненія (изъ amāre, monēre—amā, monē). И такъ, объ объясненіи формы οιο рѣчь идетъ только въ первой части (въ началѣ) нашего мѣста, а вторая ей нисколько не противорѣчитъ. Но что же значатъ слова: форма родит. падежа οιο, растянутая со вставкою ι или

[1]) Такъ называемое подписное іота (iota subscriptum), то-есть, ι въ диѳтонгахъ, называемыхъ ненастоящими, я никогда не подписываю, а всегда пишу рядомъ, по обычаю древнихъ грековъ. Покуда диѳтонги, образованныя изъ соединенія долгихъ гласныхъ α, η, ω съ ι, оставались диѳтонгами, то-есть покуда въ нихъ слышались оба составныхъ элемента диѳтонга, до тѣхъ поръ и буквы, означающія тотъ и другой элементъ, писались рядомъ, ΑΙ, ΗΙ, ΩΙ. А когда эти диѳтонги сдѣлались моноѳтонгами, то-есть ι послѣ долгаго α, η, ω стало непроизносимымъ и неслышнымъ, тогда Греки или придерживаясь стараго обычая, писали оба гласныхъ, или писали только α, η или ω. А приблизительно съ начала 14 столѣтія, то-есть, къ концу среднихъ вѣковъ, начали послѣ такихъ α или η или ω писать по ниже мелкое ι, напримѣръ, такъ αι, ηι,—а затѣмъ только совершенно подписывать іота. Итакъ, обычай подписывать, на взглядъ древнихъ Грековъ, былъ бы варварскимъ.

Digitized by Google

ѳессалійская? Мнѣ, кажется слѣдующее: поэты (разумѣется, преимущественно Омиръ) употребляли, кромѣ обыкновенной, нормальной формы род. падежа ед. ч. οο, и форму οιο, или заимствуя послѣднюю, уже готовую, изъ ѳессалійскаго діалекта (таково было мнѣніе Аристарха) или сами, независимо отъ какого либо мѣстнаго говора, образуя ее тѣмъ, что οο посредствомъ растяженія замѣняли двумя ο (οο) и затѣмъ вставляли между этими ο еще ι.—Итакъ, по понятіямъ Аполлонія Дискола, οο, вслѣдствіе растяженія (въ одномъ мѣстѣ, только поэтами, писавшими на древнеіоническомъ говорѣ, а по другому, также и Ѳессалійцами), замѣнялось двумя ο (οο), а такъ какъ эти два слога, составляли пиррихій (по одному изъ прив. мѣстъ), то тамъ, гдѣ ритмъ (размѣръ) требовалъ трохея, οο дѣлалось трохеемъ вставкою послѣ перваго ο іоты, то-есть изъ οο дѣлалось οιο. Вѣдь такимъ же образомъ говорилось нетолько στοά, но и στοιά; правда, уже древніе знали, что древнѣйшая изъ этихъ формъ слова στοιά, а новѣйшая στοά, и что послѣдняя происходитъ отъ στοιά. По крайней мѣрѣ, такъ изложено дѣло въ Etym. m. στοά ἀπὸ τοῦ στοιά. Итакъ, существованіе двухъ этихъ формъ не доказываетъ, правда, вставки въ греческомъ языкѣ ι между гласными, изъ которыхъ первый ο, но оно можетъ указать, по причинѣ или по поводу какихъ явленій грамматическихъ древніе доходили до теоріи о вставкѣ ι послѣ ο, если еще слѣдовалъ гласный звукъ. За то настоящая вставка ι имѣется въ словѣ Οἰαξίς, употребленномъ Аполлоніемъ Родосскимъ (Οἰκαξὶς γῆ I, 1131). Такое Οἰαξίς придумано самимъ Аполлоніемъ вмѣсто Ὀαξίς, потому что ему нуженъ былъ въ началѣ долгій слогъ, а не краткій. Вотъ почему схоліастъ къ этому мѣсту и говоритъ ἔδει δὲ εἰπεῖν Ὀαξίδος. προσετέθη δὲ τὸ ι. Cp. Et. M.=Et. Flor. Οἰαξίς, χωρίον κρητικὸν ὑψηλόν. Τινὲς δέ, ὅτι πλεονασμὸς τοῦ ι. Ὄαξις γὰρ ἦν. Слѣдуетъ затѣмъ приведенный стихъ Аполлонія Родосскаго.

За такую-то, искусственно придуманную форму принимали позднѣйшіе Греки, то-есть грамматики, столь употребительную въ омирическихъ пѣсняхъ форму род. п. ед. ч. οιο, потому что они не понимали, какая существенная разница отличала прежнихъ настоящихъ народныхъ отъ ученыхъ поэтовъ александрійской эпохи. Теперь же всѣ понимаютъ, какъ и то, какая существенная разница отдѣляетъ прежнюю, между прочимъ, и омирическую поэзію отъ искусственности Александрійцевъ, такъ и то, что за исходную точку при объясненіи омирическихъ формъ обыкновенно нельзя принимать формы аттическаго діалекта, такъ какъ послѣднія относятся по большей

Digitized by Google

части къ позднѣйшему періоду развитія. А также теперь всѣ понимаютъ, что форма род. п. ед. ч. οιο древне-греческая, образовавшаяся гораздо раньше формы іоническо-аттической ου.

Далѣе нужно замѣтить, что эту форму οιο новѣйшая грамматика принимаетъ за форму исключительно аттическо-іоническую, а отнюдь не за общую всѣмъ Эллинамъ; по крайней мѣрѣ, такой мысли, если она и не высказывается прямо новѣйшими грамматиками, нельзя не вывести изъ того, что изъ формы οιο выводятся формы исключительно іоническо-аттическія. По крайней мѣрѣ въ приведенныхъ мѣстахъ и Шлейхера и Курціуса и Лео Мейера умалчивается о томъ, происходитъ ли изъ οιο и дорическое ω. О послѣдней формѣ род. п. забываетъ и Гроссманнъ въ Zeitschr. Куна XII, стр. 253. Одинъ Эбель (въ Zeitschr. IV, 149) замѣчаетъ, что изъ οιο происходитъ посредственно не только ου, но и ω. Итакъ, по господствующему мнѣнію, форма οιο была свойственна исключительно Іонянамъ и Аѳинянамъ.

Съ этимъ мнѣніемъ мы не вполнѣ согласны; его принять никакъ нельзя по крайней мѣрѣ, если вѣрить извѣстію древнихъ грамматиковъ, по которому род. на οιο былъ у Ѳессалійцевъ, у племени эолическаго.—Правда, это извѣстіе грамматиковъ пока еще не подтверждается надписями, изъ которыхъ мы, какъ спеціально мѣстно-ѳессалійскую форму род. п., узнаемъ окончаніе οι. Далѣе, если не οιο, то по крайней мѣрѣ οϊο (форма происшедшая изъ οοιο, οϊο) и дальнѣйшія формы οιο и ου, о существованіи которыхъ сомнѣваться нельзя, были общеэллинскимъ достояніемъ, такъ какъ изъ нихъ происходитъ и форма дор. род. п. ед. ч. ω, слѣдовательно не однѣ формы аттико-іоническія. Но это выяснится ниже.

III.

Упомянутая уже нѣсколько разъ форма род. п. ед. ч. основъ втораго склоненія οο (напримѣръ, въ ἵπποο или ὅο) древнимъ грамматикамъ, кажется, была совершенно неизвѣстна по преданію древнихъ текстовъ; слѣдовательно, должно полагать, уже въ александрійскую эпоху она была совершенно вытѣснена изъ этихъ текстовъ. Тѣмъ не менѣе, приведенные два мѣста Аполлонія Дискола заставляютъ насъ думать, что греческіе грамматики предполагали существованіе такого род. п. во время сложенія омирическихъ пѣсней. Какъ же понимать иначе слова Аполлонія, по которымъ форма οιο образована посредствомъ растяженія формы ου, то-есть οο и затѣмъ посредствомъ

Digitized by Google

ставки ι (ου—οο,—οιο)? Если поэтъ могъ вставлять ι между двумя гласными, между двумя ο (οο), не могъ онъ развѣ употреблять и послѣднюю форму безъ всякой вставки? Но такъ какъ предполагаемое образованіе οιο изъ ου уже по принципу не можетъ не считаться ложнымъ, то и вытекающее изъ этого предположенія мнѣніе, будто въ омирическое время употреблялась форма род. п. ед. ч. οο, въ нашихъ глазахъ не могло бы не считаться совершенно неосновательнымъ, если бы оно не имѣло еще совсѣмъ другое и несомнѣнно болѣе твердое основаніе. А такое, какъ первый понялъ Бутманнъ (Buttmann, Philipp. собств. Boudemont въ Ausführliche Griechische Sprachlehre (1830) т. 1, стр. 299, примѣч.), а затѣмъ Аренсъ и Лео Мейеръ, составляютъ требованія ритма въ различныхъ мѣстахъ омирическихъ пѣсней. Первый поводъ къ возстановленію въ омирическомъ текстѣ родительныхъ пад. ед. ч. на ου подали стихи:

B, 325=hymn. Apoll. 156: ὄου κλέος οὔποτ' ὀλεῖται и

α, 70 : ὄου κράτος ἐστὶ (ἔσχε Нàукъ) μέγιστον.

Тутъ сомнительность формы ὄου и вмѣстѣ съ тѣмъ соображеніе, что, по понятіямъ древнихъ, не только краткое и долгое ο, но и ου въ архаическій періодъ греческаго письма обозначался буквою ο, заставили Бутманна догадываться, что также ὄου въ преданіи текста, написаннаго еще архаическимъ шрифтомъ, могло быть когда-то написано ὄο, а при перепискѣ изъ архаическаго шрифта въ новоіоническій или эвклидовскій могло быть принято за ὄου и такъ написано. Такая ошибка совершенно понятна относительно того времени, когда въ аттическомъ и іоническомъ діалектахъ или исключительно господствовалъ или, по крайней мѣрѣ, уже преобладалъ родит. падежъ ед. ч. 2-го склон. на ου. Затѣмъ, Аренсъ понялъ также, что предполагаемая Бутманномъ по этимъ причинамъ форма οο — по необходимости, не можетъ не предполагаться новѣйшею грамматикою въ качествѣ звена между древнѣйшей формой οιο и позднѣйшими. Такимъ образомъ, предполагаемая по столь вѣскимъ причинамъ форма οο не можетъ не считаться дѣйствительно существовавшею въ эпоху сложенія омирическихъ пѣсней. Ибо, если исправленіе какого либо мѣста текста, по понятіямъ нашего времени, не можетъ не считаться несомнѣннымъ въ томъ случаѣ, если доказана 1) невѣрность преданія текста, 2) умѣстность предполагаемаго исправленія въ данномъ мѣстѣ, и 3) указанъ вѣроятный поводъ, по которому изъ предполагаемаго вѣрнымъ чтенія произошло чтеніе невѣрное, то и въ

Digitized by Google

приведенныхъ двухъ (трехъ) омирическихъ, а также и въ различныхъ другихъ мѣстахъ, указанныхъ Аренсомъ и Лео-Мейеромъ и Наукомъ, замѣна чтенія род. падежа οο чтеніемъ формы οο не можетъ не считаться несомнѣнною. Поэтому теперь нельзя не полагать, что въ принципѣ признано всѣми вѣрнымъ возстановленіе этихъ род. падежей на οο (за исключеніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ Кёнигсбергской филологической школы, слѣпо вѣрящихъ преданію и ученію древнихъ грамматиковъ и преимущественно Аристарху, ср. Наука въ Bullet. стр. 449) и что поэтому Наукъ правъ, если онъ эту форму вводитъ въ текстъ Иліады и Одиссеи. Можно спорить теперь только о частностяхъ, то-есть, о мѣстахъ, въ которыхъ необходимо, а потому и позволено возстановленіе этой формы род. падежа и въ которыхъ нѣтъ необходимости или даже невозможно ее возстановлять. Такъ, напр., Г. Курціусъ (въ Erläuterungen zur griech. Grammatik, стр. 55) находитъ, что Лео Мейеръ идетъ слишкомъ далеко, требуя возстановленія формы οο, не только тамъ, гдѣ читаемая нынѣ форма οο представляетъ просодическое затрудненіе, но и тамъ, гдѣ такимъ возстановленіемъ можно устранить versus spondiaci — „которыхъ омирическій діалектъ (?!!) вовсе не совершенно исключаетъ“ (?!), напр., Л. М. читаетъ 239: δήμοο φῆμις, но даже и тамъ, гдѣ ритмъ такую форму только не положительно исключаетъ. Такъ же, можно сказать съ увѣренностью, Курціусъ никакъ не будетъ согласенъ и съ г. Наукомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, гдѣ послѣдній считалъ нужнымъ возстановить форму οο.

Но послѣдній вопросъ насъ теперь не касается. Для насъ важна только несомнѣнность существованія формы οο въ архаическій періодъ древнеэллинскаго языка; кромѣ формъ этого падежа, извѣстныхъ по преданію.

Разсмотримъ теперь, какъ эта форма относится къ другимъ извѣстнымъ формамъ род. п. ед. ч. 2-го склон., то-есть, изъ которой изъ нихъ она (непосредственно или посредственно) произошла.

Изъ приведенныхъ выше мѣстъ изъ сочиненій Шлейхера, Лео-Мейера и Г. Курціуса видно, что форму οο производятъ изъ формы οιο.

Такое производство нельзя не считать возможнымъ, но нельзя также считать и исключительно возможнымъ. Есть еще другая возможность объяснить происхожденіе формы οο, не прибѣгая для этого къ формѣ οιο.

Какъ же объясняютъ обыкновенно происхожденіе οο изъ οιο? Го-

Digitized by Google

ворятъ, что выпадаетъ (то-есть, перестаетъ быть произносимымъ и слышнымъ) ι между гласными.

Однако, по моему мнѣнію, едва ли ларчикъ такъ просто открывается; мнѣ кажется, нужно прибѣгнуть къ формѣ ojo, предполагая, что такая форма нѣкогда существовала въ эллинскомъ языкѣ и что она образовалась изъ οιο.

Вѣдь такое j, какъ въ началѣ слова, такъ и въ срединѣ между гласными (непосредственно или посредственно) становится непроизносимымъ и неслышнымъ, совершенно такъ, какъ это бываетъ съ σ и F. Итакъ, изъ *ojo* могло бы сдѣлаться *oo*; слѣдовательно, *oo* не прямо происходило бы изъ *οιο*, а изъ такого *οιο* сперва дѣлалось бы ojo, а затѣмъ изъ *ojo* уже *oo*.

Но имѣемъ ли мы право предполагать существованіе въ какое бы то ни было время въ эллинскомъ языкѣ формы род. пад. един. ч. 2 склон. *ojo*? Вправѣ ли мы вообще предполагать существованіе въ немъ согласнаго звука *j*?

Займемся теперь вторымъ изъ этихъ вопросовъ; а съ разрѣшеніемъ его, разрѣшится самъ собою и первый изъ нихъ.

Считается аксіомою въ обыкновенныхъ, преимущественно элементарныхъ, учебникахъ греч. языка, что звука согласнаго — j въ немъ не было, или, какъ обыкновенно выражаются, что буква ι означаетъ вездѣ гласный звукъ, а никогда, даже передъ гласными, не означаетъ согласнаго звука. Впрочемъ, приводятся иногда исключенія. Такъ въ школьной греч. грамматикѣ К. В. Крюгера говорится, что буква ι передъ гласнымъ звукомъ иногда означаетъ согласный j въ иностранныхъ словахъ; напримѣръ Γάϊος, Ποπτήϊος Ἰούλιος (а въ скобкахъ указывается еще кромѣ Ἰουδαῖος въ Трагопод. Лукіана 173 между прочимъ и на Аристофана Всадн. 401, гдѣ рукописное чтеніе Ἰούλιος безъ сомнѣнія ошибочно). Число такихъ примѣровъ звука согласнаго j изъ языка уже тѣхъ временъ, когда Греція была уже покорена Римлянами, еще увеличено у Кюнера (Ausf. Grammatik d. gr. Sprache, 1869, I, стр. 93,, 2. a); но, съ другой стороны, тотъ же Кюнеръ указываетъ, что греческій языкъ въ первую пору его историческаго періода, то-есть съ того времени, къ которому относятся первые дошедшіе до насъ письменные памятники на эллинскомъ языкѣ до періода римскаго владѣнія, не зналъ звука согласнаго j, за немногими исключеніями, ср. Кюнеръ I, стр. 49, 5. 91, § 20, 1. Итакъ въ греческомъ языкѣ былъ извѣстенъ звукъ согласный j только въ пе-

Digitized by Google

ріодъ доисторическій и въ періодъ римскій! Имѣемъ ли мы поэтому право предполагать существованіе въ греч. языкѣ формы *ojo*?

Но звукъ j встрѣчается въ греческомъ языкѣ и въ историческій періодъ до эпохи Римлянъ, какъ я старался доказать въ примѣч. 51 къ неизданному еще переводу: Началъ и главныхъ вопросовъ греч. этимологіи съ нѣмецк. Г. Курціуса (= 1-й книги его Grundzüge der griech. Etymologie). Такъ какъ этотъ переводъ еще не изданъ, то я здѣсь повторю главное содержаніе приведеннаго примѣчанія и сдѣлаю необходимыя добавленія. Что звукъ согласный j, говорю я, не былъ чуждъ греческому языку, видно изъ того явленія, что иногда въ срединѣ слова слоги αι и οι, если за ними слѣдуетъ еще гласный, въ ритмической рѣчи (въ размѣрѣ) считаются краткими, напримѣръ, ποιεῖν, δείλαιος, τοιοῦτοι, ср. W. Christ, Metrik der Griechen und Römer § 30. Это явленіе, по моему, объясняется тѣмъ, что въ подобныхъ случаяхъ дифтонгъ распадался на первый изъ составныхъ элементовъ дифтонга и согласный j (то-есть читалось въ такихъ случаяхъ ποjεῖν, δείλα-jος, το-jοῦτος), а этотъ согласный звукъ могъ затѣмъ совершенно перестать произноситься между двумя гласными. Такимъ образомъ, мы знаемъ илидское ἔα (=εἶα, εἴη), ποεῖν и ποητής (poeta), не говоря уже о формахъ эолійскихъ, приводимыхъ грамматиками Ἄλκαος, ἄχμαος, Θήβαος, πάλαος etc. (ср. Ahrens de d. gr. I, § 16. 1).—Поэтому теперь въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ дифтонгъ αι или οι передъ гласнымъ кратокъ, ι не пишутъ, или, по крайней мѣрѣ, совѣтуютъ не писать; такъ, напримѣръ пишутъ ποεῖν, ποητής, полагая, что оно такъ и произносилось безъ ι и безъ j. Ср. Ahrens въ приведенномъ мѣстѣ, Wecklein, Curae epigraph. p. 53 и Christ, Metr. § 30. И нѣтъ сомнѣнія, что на основаніи рукописей, какъ замѣчаетъ Веклейнъ, нельзя рѣшить вопроса, слѣдуетъ-ли въ отдѣльныхъ случаяхъ писать ποιεῖν или ποεῖν. Онѣ и тамъ, гдѣ требуется краткій слогъ, и тамъ, гдѣ требуется долгій, нерѣдко представляютъ то ποεῖν, то ποιεῖν, то ποητής, то ποιητής. Тѣмъ не менѣе, на основаніи того, что рукописи—крайне ненадежные свидѣтели формы словъ, мы не имѣемъ права предполагать, что поэты сами вездѣ тамъ, гдѣ требовался краткій слогъ, не произносили и не писали ι: что, напримѣръ, Софоклъ въ Идипѣ-царѣ въ ст. 917 въ концѣ ямбинвическаго триметра писалъ непремѣнно ποῶ, какъ пишется въ Flor. I, а не ποιῶ, какъ пишется въ лучшемъ спискѣ Laurentianus A. Да и всѣ ли слова, въ которыхъ такой дифтонгъ сокращается, находятся написанными, хотя бы въ рѣдкихъ случаяхъ, и безъ ι? Мы не знаемъ ни одного примѣра выпущенія ι въ

Digitized by Google

τοιοῦτος или τοῖος. Если же въ нѣкоторыхъ изъ словъ, приведенныхъ Christ'омъ въ Metr. § 30, ι въ письмѣ никогда не выпускается, то и нѣтъ никакого основанія полагать, что говорилось когда-либо τοοῦτος или τόος вм. τοιοῦτος или τοῖος, напротивъ того, должно полагать, что въ этихъ словахъ ι былъ знакомъ если не гласнаго, то согласнаго (то-есть если не τοι-οῦ-τος, то το-jοῦ-τος), и въ такомъ случаѣ вполнѣ понятна краткость перваго слога. Къ тому же этому сокращенію дифтонговъ αι и οι передъ гласными звуками въ срединѣ слова, соотвѣтствуетъ сокращеніе этихъ же дифтонговъ, какъ и дифтонговъ, коихъ второй составной элементъ υ, а первый—краткій гласный, передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова. А именно, какъ въ срединѣ слова мы отличаемъ сокращеніе гласнаго передъ другимъ гласнымъ, напримѣръ, въ ἥρωα съ краткимъ ω, отъ сокращенія дифтонга предъ гласнымъ, напримѣръ, въ τοιοῦτος, такъ нельзя смѣшивать и сокращеніе конечнаго долгаго гласнаго передъ начальнымъ гласнымъ съ сокращеніемъ дифтонга передъ начальнымъ гласнымъ. Итакъ по Грулиху (Oscar Grulich, quaestiones de quodam hiatus genere in Homeri carminibus Halis Saxorum 1876, на стр. 856) въ омирическихъ пѣсняхъ конечное αι + ε, οι + ε, ει + ε обращаются въ α — jε, ο — jε, εjε, а αυ + α, ου + α, ευ + α дѣлаются α — Fα, ο — Fα, ε — Fα. Такимъ образомъ, сокращенія дифтонговъ, за которыми слѣдуютъ согласныя звуки въ срединѣ ли слова или въ началѣ слѣдующаго, доказываетъ равнымъ образомъ, что согласный j не былъ чуждъ эллинской рѣчи. Впрочемъ, въ древне-греческомъ языкѣ этотъ звукъ встрѣчался весьма рѣдко, между тѣмъ какъ въ новогреческомъ языкѣ это весьма часто встрѣчающійся звукъ. Кромѣ того, даже прямое доказательство, что согласный j не былъ совершенно чуждъ греческому языку, представляютъ кипрскія надписи, писанныя мѣстнымъ силлабическимъ шрифтомъ, въ которомъ встрѣчаются особенные буквы — слоги, означающіе j съ гласными, напримѣръ, jα, jε. Правда, что этотъ шрифтъ, можетъ быть или даже по всей вѣроятности, уже не вполнѣ соотвѣтствовалъ звукамъ кипрскаго діалекта того времени, къ которому относятся, по крайней мѣрѣ, большая часть дошедшихъ до насъ кипрскихъ надписей, тѣмъ не менѣе эти надписи доказываютъ существованіе согласнаго j въ тотъ періодъ эллинскаго языка, когда уже вполнѣ была совершена замѣна звуками σσ и ζ звуковъ κj, χj, τj, θj, γj, δj.

Итакъ, мы доказали, что въ древне-греческомъ языкѣ существовалъ согласный звукъ j.

Digitized by Google

А если вмѣсто ποι-εῖν и ποιητής говорили и слышали иногда πο-jεῖν и πο-jη-τής, то могло и изъ окончанія род. п. ед. ч. 2 скл. ο-ο образоваться ο-jο а затѣмъ и ο-ο.

Но и другимъ путемъ Греки могли дойти до формы οο.

Изъ трехсложнаго οσιο (а такое мы должны предполагать, потому что изъ οσjο, какъ уже замѣчено выше, въ греческомъ языкѣ не исчезло бы σ) посредственно или непосредственно — могло образоваться первоначально только трехсложное же ο-ι-ο (οϊο), а такое οϊο могло прямо замѣниться формою ojο, не переходя передъ тѣмъ въ οιο.

А такъ какъ изъ ojο объясняется не только οο, но также, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи и ω, и ων и ου, то-есть формы р. п. ед. ч. употребительныя не только у Аѳинянъ, но и у Іонянъ, Дорянъ, Эолянъ, Илидцевъ (Ἠλεῖοι) и Аркадянъ, однимъ словомъ, у всѣхъ Эллиновъ, то ojο, а также и οϊο, изъ которой произошло ojο, не могло не быть общеэллинскою формою.

Уже въ предъидущемъ было замѣчено, что возстановленіе формы род. п. ед. ч. οο нельзя не признавать въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимостью, но на основаніи этого нельзя не предполагать и того, что во всякомъ омирическомъ стихѣ, гдѣ теперь возстановляется, по признанной всѣми понимающими дѣло филологами необходимести форма οο, можетъ быть первоначально была употреблена еще форма ojο, потому что ojο и οο ритмически не отличаются другъ отъ друга (ojο ⏑ ⏑ οο = ⏑ ⏑).

И такъ, кромѣ формы οο, мы узнали еще двѣ другія формы род. п. ед. ч. 2-го скл., которыя извѣстны намъ не по преданію текстовъ, не по преданію древнихъ грамматиковъ, но въ ихъ существованіе, по требованіямъ теоріи, нельзя сомнѣваться. Это формы οϊο и ojο.

Изъ ojο произошло, какъ мы видѣли, форма οο, а изъ родительнаго падежа на οιο ѳессалійскій род. п. на οι (Σιλάνοι, Σατύροι, Ἀντιγενείοι) тѣмъ, что послѣдній гласный ο сталъ не произноситься или какъ обыкновенно говорятъ, отпалъ.

Такое объясненіе происхожденія ѳессалійскаго род. предложилъ уже Аренсъ въ 1839 году въ 1-омъ томѣ своего сочиненія о греческихъ діалектахъ, на стр. 221 сл. [1]).

---

[1]) Quod nunc in nr. 1767 (C. I. G.) legitur Αἰσχυλὶς Σατυροι fortasse ita defendi potest, ut antiquioris formae Σατύροιο ultimum ο abjectum esse putetur ut

Digitized by Google

Мнѣ оно кажется весьма правдоподобнымъ. Но оно слишкомъ просто, чтобы не нашлось людей, отвергающихъ его. Такъ, А. Эбель въ Zeitschrift für Sprachforschung, издаваемомъ А. Куномъ, не принимаетъ мнѣнія Аренса на томъ основаніи, будто ο, находящееся послѣ гласныхъ, никогда не перестаетъ произноситься, какъ въ окончаніи р. п. ед. ч. οιο — ο не подвергается никакой элизіи въ омирическомъ языкѣ (?!).

И дѣйствительно, послѣднее ученіе, будто послѣдній гласный род. падежа на οιο не подвергается никогда элизіи, въ новое время считается какъ-бы неопровержимою аксіомою.

Отвергнувъ такимъ образомъ мнѣніе Аренса, Эбель высказываетъ свое предположеніе, что ѳессалійская форма р. п. ед. ч. не что иное, какъ форма мѣстнаго падежа (напримѣръ род. οἴκοι=мѣстн. οἴκοι).

Доводы, приведенные Эбелемъ противъ Аренса, показались, кажется, отчасти убѣдительными и Дюнцеру (Düntzer), который раздѣляетъ съ Эбелемъ отверженіе мнѣнія Аренса, но не отождествляетъ ѳессал. р. съ мѣстнымъ падежомъ, а производитъ его отъ обыкновенной формы род. ед. ч. οο (?!) [1].

Кого не поставятъ въ тупикъ слова Эбеля, будто въ греческомъ языкѣ ο, стоящее послѣ гласныхъ, всегда остается произносимымъ? Отчего же дальше, послѣ гласныхъ ο удерживается всегда, а не послѣ согласныхъ?

Какіе факты лежатъ въ основаніи этого мнѣнія? Долго я недоумѣвалъ, но наконецъ мнѣ стало казаться, что въ основаніи лежитъ только одинъ фактъ, что въ такихъ формахъ какъ γένοιτο ο нерѣдко элидируется (ср. γένοιτ' ἄν), да кромѣ того еще ученіе, будто въ греческомъ языкѣ не позволено элидировать ο формы род. п. οιο.

И такъ, приходится разобрать, на чемъ основано приведенное только что ученіе, на фактахъ-ли, и если на фактахъ — то на какихъ?

---

apud Latinos equi ex equins, equin natum esse intelligimus comparato unius. Произошло-ли equi изъ древнѣйшей формы equins (или equios) оставимъ пока нерѣшеннымъ.

[1]) Канскій (стр. 64) не одобряетъ мнѣнія Эбеля, но по какой причинѣ, я понять не могу. «И предполагаемое Эбелемъ отождествленіе родительнаго на οι, говоритъ онъ, съ локативною формою не выводитъ этого вопроса на прямую дорогу (sic ?!)» За то «проще, вѣрнѣе объясняетъ Дюнцеръ οι переходомъ изъ οο». Канскій ставитъ Дюнцеру въ упрекъ только то, что онъ ѳессалійскому нарѣчію приписываетъ замѣну οο омегою, тогда какъ въ дѣйствительности, ω замѣняется въ немъ «двухгласною (?!) οο».

Digitized by Google

Преданіе омирическаго текста знаетъ не только форму род. п. οιο, но и форму οι' (то-есть форму σιο съ апотострофомъ, означающимъ ἔκθλιψις или элизію ο предъ начальнымъ гласнымъ звукомъ слѣдующаго слова). Но, съ другой стороны, такая форма (съ элизіею ο) въ нашихъ спискахъ является теперь рѣдко, потому что уже древніе грамматики вытѣсняли ее изъ текста, а въ новѣйшее время издатели омирическихъ пѣсней, по примѣру Готфр. Германна, считаютъ ее совершенно ненормальною, незаконною, такъ что въ новѣйшихъ изданіяхъ ее едва-ли гдѣ встрѣтишь.

О томъ, была ли такая форма οι' въ дошедшемъ до Александрійцевъ текстѣ, и о стараніи грамматиковъ устранить изъ текста эту форму нельзя не сдѣлать заключеніе изъ схоліи Венеціанскаго списка A къ Λ, 34 сл., гдѣ о щитѣ Агамемнона говорится слѣдующее:

ἐν δέ οἱ ὀμφαλοὶ ἦσαν ἐείκοσι κασσιτέροιο
λευκοί, ἐν δὲ μέσοισιν ἔην μέλανος κυάνοιο.

Такъ пишутся эти стихи, на основаніи чтенія преданія, въ изданіи Ларошa.

„На немъ (то-есть) на щитѣ находились двадцать бѣлыхъ оловянныхъ выпуклостей, а въ срединѣ находилась (одна) выпуклость изъ черной стали".

Чтеніе этихъ стиховъ, которое, разумѣется, не вѣрно, какъ видно тотчасъ изъ перевода, возбуждало сомнѣнія уже въ древности.

Такъ въ означенныхъ выше схоліяхъ о словѣ λευκοί читается слѣдующее: ὀξυντέον, ἵνα ἐπὶ τῶν ὀφθαλμῶν (читай: ὀμφαλῶν; ὀφθαλμῶν описка или писца, или Имм. Беккера, или ученаго, сличавшаго изд. Имм. Беккера съ спискомъ; самаго изданія Беккера у меня подъ рукою нѣтъ) κέηται, εἰσὶ δὲ οἱ περισπῶσιν, ἵνα γενικὴ γίνηται, ἐπίθετον τοῦ κασσιτέρου, κακῶς. ἔθος γάρ ἐστι παρὰ τοῖ ποιητῇ τὴν Θεσσαλικὴν ταύτην καλουμένην γενικὴν εὑρίσκεσθαι, εἰ μὴ μέτρον κωλύοι. εἰ δὲ μέτρον κωλύοι, ἡ κοινὴ παραλαμβάνεται. παρεκτέταται τὸ κεφάλαιον Ἡρωδιανοῦ, = Herodiani technici reliquiae II, 72, v. 14.

Дѣло въ схоліи идетъ объ удареніи слова λευκοί. Одни, говоритъ схоліастъ, ставятъ на послѣднемъ слогѣ слова острое удареніе (λευκοί) и относятъ его къ ὀμφαλῶν; а другіе ставятъ на этомъ же слогѣ облеченное удареніе λευκοῖ (по нашему λευκοῖ'), такъ что род. пад. λευκοῖ' будетъ относиться къ κασσιτέρου („то-есть двадцать выпуклостей изъ бѣлаго олова"). Но послѣднее чтеніе нашъ ученый не одобряетъ, по слѣдующей причинѣ: потому-де, что поэтъ употребляетъ такъ называемый θессалійскій род. падежъ ед. ч. (на οιο);

Digitized by Google

тамъ, гдѣ размѣръ не допускаетъ (какъ въ нашемъ мѣстѣ, гдѣ нельзя читать λεοχοῖο, а можно бы только λεοχοῦ), употребляетъ онъ форму, свойственную общему языку литературы и образованнаго общества, то-есть οο. Объ этомъ подробно говорится у Иродіана [1]).

И такъ тѣ ученые, которые ставили на послѣднемъ слогѣ слова λεοχοι облеченное удареніе, принимали это слово за усѣченную форму θεссалійскаго род. падежа (οι) и слѣдовательно признавали такую форму въ текстѣ омирическихъ пѣсней; а другіе (въ томъ числѣ и Иродіанъ) устраняли эту форму изъ текста.

Еще болѣе устранена эта форма изъ почти всѣхъ нашихъ изданій, съ того времени (съ 1805 года), когда Готфр. Германнъ въ изданіи орфическихъ сочиненій (Orphica) рѣшительно сталъ отвергать употребленіе этой формы род. пад. въ текстѣ поэтовъ и преимущественно Омира. А его авторитетъ, въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, надолго усыпилъ всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ другихъ ученыхъ.

А каковы были основанія мнѣній Германна?

Vehementer enim, говоритъ онъ, стр. 722, secum ipsi pugnassent Graeci poetae, si formas vocalulorum ob id ipsum invectas, ut locum deficientis in versu syllabae explerent, rursus decurtare quam communibus formis uti mallent.

Другими словами: по Германну, греческіе поэты, пользуясь licentia poetica, выдумали форму род. п. на οιο, съ тѣмъ, чтобы употреблять ее въ тѣхъ мѣстахъ стиховъ, гдѣ при употребленіи формы род. п. οο недоставало бы еще одного краткаго слога; а потому было бы противорѣчіемъ съ ихъ стороны, если бы они стали иногда употреблять и усѣченное οιο (то-есть οι), которое представляетъ только одинъ долгій слогъ, какъ и οο.

Опровергать въ наше время такіе доводы не стоитъ. Вотъ почему и Ѳ. Беркъ и Т. Момзенъ, вопреки доводамъ и авторитету Германна, по примѣру котораго и Бекъ и Кристъ (W. Christ, въ Тейбнеровскомъ изданіи 1869 г.) въ Pyth. XII, 13 (23) писали: Φόρκοιο μαόρωον γένος, Беркъ и Момзенъ, говорю я, возстановили въ своихъ изданіяхъ Пиндара чтеніе всѣхъ рукописей: Φόρκοι' ἀμαόρωσιν γένος.

Если въ этомъ мѣстѣ Пиндара нужно было сохранить преданіе текста, вопреки нелѣпому ученію новѣйшаго ученаго, то въ различныхъ омирическихъ мѣстахъ мы должны и вопреки искаженному древ-

[1]) О томъ, какъ надлежитъ исправить стихъ 35, см. Наука на стр. 492.

Digitized by Google

ними учеными преданію возстановлять форму οι', гдѣ она требуется ритмомъ (размѣромъ). Вѣдь не вездѣ все равно, употребляется ли род. п. на ου или род. на οι'. Предъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова ου сокращается, а οι' остается долгимъ.

И такъ, вездѣ, гдѣ въ текстѣ, дошедшемъ до насъ, читается род. п. на ου и все-таки слогъ, требуемый на мѣстѣ этого ου, долженъ бы былъ быть не кратокъ, какъ того можно бы было ожидать, а дологъ, тамъ надлежитъ, вмѣсто род. на ου, читать форму οι' и тѣмъ возстановить просодическую вѣрность стиха.

Привожу для примѣра мѣста изъ первыхъ четырехъ пѣсней Иліады:

А 381: εὐξαμένου ἦκουσε въ началѣ гекзаметра,

а также можетъ быть и

φ 211: εὐξαμένου ἐμὲ αὖτις

также въ началѣ стиха. Читай εὐξαμένοι'. Чтеніе втораго изъ приведенныхъ стиховъ можетъ показаться сомнительнымъ, потому что, кромѣ сокращенія ου передъ ἐμέ, тутъ встрѣчается еще непозволенное зіяніе: ἐμὲ αὖτις. Но объ ἐμέ, σέ, ἕ, то-есть о томъ, что конечное ε этихъ словъ, по всей вѣроятности, сначала было долго, а во время сложенія омирическихъ пѣсней еще ancerps и потому въ нихъ употребляется то въ качествѣ долгаго, то въ качествѣ краткаго звука, см. Бѣляева „Омировскіе вопросы", 1875 г., стр. 61 сл. [1]).

А, 591: ῥῖψε ποδὸς τεταγὼν βηλοῦ, ἀπὸ θεσπεσίοιο.

Если предпочесть этотъ порядокъ послѣднихъ словъ, основанный на свидѣтельствѣ Климента Александрійскаго, на которое указалъ г. Наукъ въ изданіи Иліады, чтенію нашихъ рукописей: ἀπὸ βηλοῦ θεσπεσίοιο, то слѣдуетъ читать βηλοῖ' ἀπο θεσπεσίοιο.

В, 134: ἐννέα δὴ βεβάασι Διὸς μεγάλου ἐνιαυτοί,

ср. θυγάτηρ μεγάλοιο Κρόνοιο Е, 723=Θ, 383=К, 296=Ξ, 194, 248 и Е, 907: πρὸς δῶμα Διὸς μεγάλοιο νέοντο.

читай В, 134: Διὸς μεγάλοι' ἐνιαυτοί.

В, 659—839 во второй половинѣ стиха

. . . . . ποταμοῦ ἀπὸ Σελλήεντος

---

[1]) Напрасно только г. Бѣляевъ на стр. 64 цитуетъ Оскара Мейера (Quaest. homericae) стр. 1, 30, по которому будто ε въ словахъ μέ, σέ, τέ, ἕ, было долгое. По крайней мѣрѣ, на этой и ближайшихъ страницахъ О. Мейеръ этого вопроса вовсе не касается.

Digitized by Google

а также и В, 877: Ξάνθου ἀπὸ δινήεντος
читай ποταμοῖ' (Ξάνθοι') ἀπὸ.

В, 803: πολλοὶ γὰρ κατὰ ἄστυ μέγα Πριάμοιο ἐπίκουροι.
читай Πριάμοι' ἐπίκουροι.

Θ, 244: ἐς δ'ἄρα καὶ τὼ δμῶε ἴτην θείοιο Ὀδυσσῆος.
Таково рукописное чтеніе; Наукъ читаетъ θεῖου, но слѣдуетъ исправить и окончаніе этого слова: θεῖοι' Ὀδυσσῆος.

Г, 100: εἵνεκ' ἐμῆς ἔριδος καὶ Ἀλεξάνδροιο ἕνεκ' ἀρχῆς,
читай Ἀλεξάνδροι' ἕνεκ' ἀρχῆς.

Г, 206: σεῦ ἕνεκ' ἀγγελίης въ началѣ гекзаметра. Германнъ, правда (Orphica, стр. 723), порицаетъ С. Кларка, издателя омирическихъ пѣсней, за то, что онъ принималъ въ текстъ формы σεῖ' ἐμεῖ'; и дѣйствительно, въ приведенныхъ имъ на означенной страницѣ мѣстахъ, по различнымъ причинамъ, надлежитъ читать σεῦ и ἐμεῦ, а не σεῖ' и ἐμεῖ'. Но въ нашемъ мѣстѣ читай σεῖ' ἕνεκ'.

Δ, 382: οἳ δ' ἐπεὶ οὖν ὤϊχοντο ἰδὲ πρὸ ὁδοῦ ἐγένοντο.
и 423: ὄρνυτ' ἐπασσύτερον Ζεφύροιο ὑπὸ κινήσαντος,
читай въ одномъ мѣстѣ: πρὸ ὁδοῖ' ἐγένοντο, а въ другомъ Ζεφύροι' ὑπὸ.

И такъ, въ языкѣ омирическихъ пѣсней слѣдуетъ признавать не только полное окончаніе οιο, но и усѣченное, предъ какимъ-бы то ни было гласнымъ слѣдующаго слова, οι'.

Далѣе. Если нельзя не согласиться съ Аренсомъ, что то, что мы привыкли называть элизіею, а древніе называли обыкновенно ἔκθλιψις, первоначально не было совершеннымъ опущеніемъ (элидируемаго нами) гласнаго, а только сильное сокращеніе его, такъ что слогъ, занимаемый такимъ гласнымъ, вовсе не брался въ разсчетъ въ ритмѣ, не смотря на то, что такая гласная въ ритмической рѣчи въ надписяхъ то пишется, то и не пишется (L. Ahrens, de crasi et aphaeresi), то съ другой стороны несомнѣнно и то, что отъ такой краткости гласнаго (математики назвали бы ее безконечною краткостью) не далеко до совершеннаго опущенія слога, образованнаго столь краткимъ гласнымъ, и если въ древнихъ ритмическихъ (метрическихъ) надписяхъ послѣдній часто или даже по большей части, особенно въ позднѣйшее время и не пишется, то именно поэтому онъ и не произносился.

Примѣнимъ послѣднее замѣчаніе къ окончанію οιο. Окончаніе это первоначально, по долготѣ и краткости слоговъ, составляло трохей

Digitized by Google

(— ⏑). Затѣмъ ο передъ гласными стали произносить такъ коротко, что въ ритмѣ (размѣрѣ) его вовсе не принимали въ разсчетъ. Потомъ передъ гласными оно изъ οι' сдѣлалось οι, то-есть перестали даже одной модуляціею голоса указывать на выпущеніе гласнаго. Тогда форма род. падежа οι стала употребляться и передъ согласными.

Другими словами, форма οι произошла изъ οιο, также какъ изъ древнѣйшей и, какъ г. Нàукъ доказывалъ въ послѣднемъ выпускѣ Mélanges gréco-romains, еще единственной во время сложенія омирическихъ пѣсней формы дат. п. мн. ч. 1 и 2 склоненія αισι(ν) и οισι(ν) — произошла форма аттическаго и такъ называемаго общаго діалекта οις; ср. употребленіе въ русскомъ языкѣ формы творит. падежа основъ женск. род. ой (= oj) кромѣ и вмѣсто болѣе древней ою, напримѣръ, женой и женою.

Вотъ причины, побудившія меня защищать Аренсово объясненіе происхожденія формы род. падежа, свойственной ѳессалійскому говору.

Всѣмъ извѣстно, что форма род. п. ед. ч. οι, сколько мы знаемъ, не была извѣстна древнимъ грамматикамъ, которые, напротивъ, форму род. п. ед. ч. οιο принимали за спеціально-ѳессалійскую. Это мнѣніе возбуждало недоумѣнія новѣйшихъ ученыхъ, которые не только не могли понять, отчего эту форму называли ѳессалійскою, но даже не знали, была ли она когда-либо въ употребленіи у Ѳессалійцевъ.

Вѣдь въ мѣстныхъ ѳессалійскихъ надписяхъ она не встрѣчается. Поэтому готовы были сомнѣваться въ основательности этого названія. Теперь же разрѣшаются, по крайней мѣрѣ отчасти, наши недоумѣнія насчетъ ѳессалійскаго род. п. οιο. Если форма мѣстная ѳессалійская род. п. на οι происходитъ изъ болѣе древняго οιο, то и послѣднее не могло не быть въ употребленіи у Ѳессалійцевъ. Тѣмъ не менѣе, никакъ нельзя употребленіе такой формы р. п. принимать за исключительную особенность ѳессалійскаго племени; вѣдь, наприм., пѣсни омирическія не позволяютъ нисколько сомнѣваться въ томъ, что такой род. п. употреблялся и у древнихъ Іонянъ; а поэтому встрѣчался и у Іонянъ и Аѳинянъ, когда они составляли одно племя, еще не раздѣленное на Іонянъ и Аѳинянъ,—и у Эолянъ, такъ какъ Ѳессалійцы, безъ сомнѣнія, составляютъ часть эолійскаго племени. Но по другимъ явленіямъ греческаго языка нельзя не раздѣлять древнихъ Грековъ преимущественно на два главныхъ племени, на племя іоническо-аттическое и на дорическо-эолическое, и, кромѣ того, по доводамъ, приведеннымъ Отто Шрадеромъ (Otto Schrader, Quaesti-

Digitized by Google

onum dialectologicarum graecarum particula въ Studien zur griechischen u. latein. Grammatik, издававшихся Г. Курціусомъ, т. X, стр. 259 и сл.), нельзя не отдѣлять и отъ Іонянъ—Аѳинянъ и отъ Дорянъ—Эолянъ Илидцевъ (Ἠλεῖοι) и Аркадянъ. Поэтому употребленіе одной и той же формы род. п. ед. ч. и у части Эолянъ и у древнихъ Іонянъ, т. е. части племени іонически-аттическаго, доказываетъ, что эта форма была употребительна сначала у всѣхъ Эллиновъ, за исключеніемъ, можетъ быть, Илидцевъ и Аркадянъ.

Слѣдовательно, подобно тому, какъ такъ называемая эолическая дигамма (F) не звукъ, свойственный исключительно Эолянамъ острова Лесва и эолійскихъ колоній на западномъ берегу Малой Азіи, (а именно подъ названіемъ Эолянъ грамматики понимаютъ преимущественно эту часть Эолянъ), а, напротивъ того, встрѣчался во всѣхъ нарѣчіяхъ греческаго языка, но получилъ названіе эолической буквы только потому, что у Лесвійцевъ и малоазіятскихъ Эолянъ вышелъ только позже изъ употребленія, чѣмъ у большей части, а вовсе не всѣхъ другихъ греческихъ племенъ, такъ можетъ быть и род. падежъ на οιο, не будучи исключительно достояніемъ Ѳессалійцевъ, однако у этого племени, можетъ быть, удерживался дольше, чѣмъ у большей части остальныхъ Грековъ и поэтому и получилъ названіе ѳессалійскаго.

Итакъ, выше мы видѣли, что родительные падежи на οϊο и ojo были общеэллинскими, а теперь оказывается, что и род. на οιο былъ общеэллинскимъ, за исключеніемъ развѣ только Илидцевъ (Ἠλεῖοι) и Аркадянъ.

К. Люгебиль.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

Филологическія записки *А. А. Иванова*. Часть I. Опытъ научной латинской грамматики сравнительно съ греческою и славянскою. Часть II. Опытъ научной римской метрики сравнительно съ греческою. Кіевъ 1878.

Трудъ, заглавіе котораго мы выписали, выходилъ въ Кіевѣ постепенно съ 1871 года въ видѣ литографированныхъ „Записокъ учителя латинскаго языка“ для учениковъ старшихъ классовъ гимназіи и только въ концѣ 1878 года изданіе было вполнѣ закончено. Цѣль труда, какъ объясняетъ авторъ въ своемъ посвященіи „Abiturіs“, опредѣляется тѣмъ убѣжденіемъ, „что гимназическое преподаваніе не должно находиться въ противорѣчіи съ университетскимъ, то-есть, что гимназіи должны дѣйствительно подготовлять къ университету, что онѣ не могутъ чуждаться науки и что гимназическое ученіе съ каждымъ высшимъ классомъ должно болѣе освобождаться отъ элементарности“. Потребность придавать преподаванію латинскаго языка въ гимназіяхъ научную основу всегда чувствовалась лучшими педагогами и сильнѣе всего стала сознаваться со времени реформы 1871 года, когда вопросъ объ улучшеніи преподаванія всѣхъ вообще учебныхъ предметовъ, преимущественно въ качественномъ отношеніи, выдвинулся на первый планъ. Русскій и греческій языки, благодаря успѣхамъ сравнительнаго языкознанія, получили въ школахъ научную постановку; но такъ какъ большинство педагоговъ стоитъ все еще за старый методъ преподаванія латинскаго языка, то успѣхи сравнительнаго

Digitized by Google

языкознанія не произвели существеннаго вліянія на улучшеніе преподаванія этого предмета. При такихъ условіяхъ появленіе въ свѣтъ книги г. Иванова, представляющей первый опытъ научнаго изложенія латинской грамматики и метрики, приметъ съ глубокимъ сочувствіемъ каждый, кто сознаетъ потребность вести преподаваніе латинскаго языка на основахъ, выработанныхъ сравнительнымъ языкознаніемъ.

Обращаясь къ самой книгѣ, мы видимъ, что здѣсь нѣтъ того, что можно найдти въ элементарныхъ руководствахъ:—послѣднее входитъ на столько, на сколько необходимо для уясненія фонетическихъ законовъ, основанныхъ на историко-этимологическомъ изученіи языка и законовъ метрики; книга предназначается для учениковъ старшихъ классовъ, гдѣ элементарныя свѣдѣнія предполагаются хорошо знакомыми. Перечислять содержаніе отдѣльныхъ главъ и §§ было бы долго; ограничимся указаніемъ на нѣкоторыя особенности, какія впервые приходится встрѣчать въ руководствахъ по латинскому языку.

Трактату предшествуетъ подробный перечень важнѣйшихъ сочиненій по сравнительному языкознанію, которыя легли въ основу труда; изъ книги видно, что авторъ пользовался также спеціальными сочиненіями, выходившими въ Россіи и за границей съ 1871 по 1877 гг.; вслѣдствіе чего и размѣръ книги увеличился множествомъ дополненій и поправокъ. Указаніе на сочиненія—по словамъ автора—дѣлается съ цѣлію защищать какой либо выводъ, положеніе, или опровергнуть все ошибочное, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность начинающимъ филологамъ ориентироваться въ массѣ филологическихъ сочиненій и приступать прежде всего къ тѣмъ, кои могутъ принести существенную пользу; съ этою цѣлію дѣлается краткая, но мѣткая оцѣнка почти каждаго сочиненія. Все это какъ нельзя болѣе подходитъ къ цѣли, положенной въ основу научнаго руководства.

Греческія и латинскія слова передаются съ измѣненіемъ лишь окончанія по этимологическимъ требованіямъ, напримѣръ, ъ вм. os и us, ь вм. is; долгіе звуки обозначены знакомъ долготы; въ греческ. словахъ показано удареніе, возстановлено почти вездѣ θ (въ соотвѣтствіе греческ. θ и латин. th) и ν въ соотвѣтствіе u и y, греческіе и латин. αι (ae) и οι (oe) передаются чрезъ ä и ö; взято h (для греч. spir. asp. и лат. h) по примѣру ориенталистовъ. Встрѣчаемъ: Кронъ (Кроносъ), дактилъ (дактиль); синтаксъ (синтаксисъ), арсъ (арзисъ), еесисъ (тезисъ), по аналогіи съ и(ν)постасъ, ересь; ритмъ (ритмъ), но рифма, какъ обрусѣвшее слово; hОмѣръ (Гомеръ) hОраціи (Горацій); Фädръ (Федръ).

Digitized by Google

Можно сказать навѣрное, что многія нововведенія не привьются (напримѣръ, v и h и постановка ударенія); самая же попытка установить научныя основанія для правильной и однообразной передачи греческихъ и лат. словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, не останется, мы увѣрены, безъ слѣда для правописанія, которое у насъ хромаетъ.

Въ отдѣлѣ о метрикѣ, какъ науки о формахъ поэтической мысли, положено задачей „изложить формы поэзіи, раскрыть ихъ разумъ и уяснить связь между формою и содержаніемъ". Руководствомъ главнымъ образомъ служили изслѣдованія Вестфаля и Шмидта, положившія основу раціональной метрикѣ. Предварительная подготовка къ метрикѣ отнесена къ курсу грамматики. Все изложенное въ §§ 14—25: слоги, интонація, о звуковыхъ измѣненіяхъ вообще, ослабленіе и усиленіе короткихъ звуковъ, образованіе, измѣненія и сокращеніе долгихъ звуковъ и дифѳонговъ; перемѣны гласныхъ, обусловленныя стеченіемъ звуковъ; допускаемыя сочетанія звуковъ и окончанія; перемѣщеніе, вставка и утрата звуковъ; измѣненіе согласныхъ подъ вліяніемъ сосѣднихъ гласныхъ; смягченіе согласныхъ; обзоръ случаевъ долготы и краткости звуковъ; начальные и внутренніе звуки; конечные звуки— все это заслуживаетъ полнаго вниманія по ясности изложенія, точности опредѣленій и обилію выбраннаго матеріала; мы вполнѣ согласны съ авторомъ, что изученіе этой стороны предмета должно начинаться съ первыхъ же уроковъ латинскаго языка и вестись постепенно, по мѣрѣ усвоенія этимологіи, и что неразумно относить ко времени перехода къ поэтамъ, какъ это дѣлается теперь. Такъ называемая „просодія"— безъ предварительнаго ознакомленія съ ея основаніями въ низшихъ классахъ—является для учащихся какъ deus ex machina и никогда сознательно и разумно не усвояется ими, такъ какъ представляетъ механическій наборъ правилъ взаимнаго сочетанія долгихъ и короткихъ слоговъ; причемъ внутреннее содержаніе стиха и ритмъ и взаимное ихъ отношеніе теряется или отходитъ на второй планъ.

Многія объясненія содержатъ спорный взглядъ на образованіе звуковыхъ сочетаній и этимологическихъ формъ. Такъ въ § 12 прим. 1 говорится о небномъ смягченіи согласныхъ. „Если при произношеніи каждаго изъ согласныхъ звуковъ приподнять среднюю или заднюю часть языка къ нёбу, то этотъ согласный звукъ сдѣлается отчасти небнымъ или, какъ говорятъ, смягчится: напримѣръ, t' (кость, утюгъ, утьугъ или ут'угъ, тетя=тот'а), d' (гвоздь) s' (рысь), n' (конь), m' (мясо=м'асо) или мьясо, есмь), b' (зыбь) p' (сыпь), r' (рябой=р'абой). Во всѣхъ такихъ

Digitized by Google

случаяхъ несогласно съ выговоромъ употребленіе въ письмѣ я, ю и т. д. (говорія=ja, іи или іу и проч.) ибо въ тѣхъ словахъ нѣтъ j, а есть только утонченіе или небное смягченіе согласныхъ". Съ этимъ едва-ли возможно согласиться. Прежде всего такъ какъ согласные звуки не произносятся безъ гласнаго, то и въ небномъ смягченіи согласныхъ необходимо допустить участіе гласнаго звука, а именно і или болѣе краткое j (въ русскомъ ь, й); ибо і есть такой звукъ, при произнесеніи котораго „середина языка высоко горбомъ поднимается къ небу, оттого и самый звукъ называется небнымъ"; далѣе мы замѣчаемъ, что j такъ тѣсно примыкаетъ къ слѣдующему гласному звуку, что составляетъ новый звукъ е, я, ю, изображеніе коихъ чрезъ je, ja, іи или іу, дѣйствительно, подаетъ поводъ, особенно иностранцамъ, къ неправильному произношенію русскихъ звуковъ е, я, ю; но и изображенія г. Иванова чрезъ' или ь (м'ясо или мьясо вм. мясо) не помогаетъ дѣлу: русскіе звуки я, е, ю употребляются съ свойственнымъ имъ произношеніемъ и въ началѣ словъ, а е въ срединѣ словъ, на концѣ и почти всегда въ началѣ имѣетъ значеніе звука смягченнаго небнымъ j. Въ словахъ рысь, зыбь ь явилось въ замѣну і, на что указываютъ соотвѣтствующія греч. и лат. слова на is, гдѣ і имѣетъ значеніе бѣглаго звука или эвфоническої вставки; въ „есмь" (εἰμί) ь также есть сократившееся і; въ словахъ „конь, край" и подобныхъ ь и й=j+ъ. Такимъ образомъ въ приведенныхъ случаяхъ j (ь, й) имѣетъ значеніе ослабѣвшаго звука і, который или замыкаетъ собою произношеніе предыдущаго согласнаго и производитъ его смягченіе (рысь, рысью, апрѣльскій) или сливается воедино съ слѣдующимъ гласнымъ, который чрезъ то смягчается (яблоко, край, края). Въ сербскомъ языкѣ для того и другаго случая есть особое правописаніе: jагње, jагње (agnus). Какъ бы то ни было, допустимъ ли небное смягченіе согласныхъ или гласныхъ, участіе звука і или болѣе краткихъ j, й, ь—несомнѣнно, и взглядъ г. Иванова на вопросъ о небномъ смягченіи согласныхъ представляется недостаточно выясненнымъ.

Въ склоненіи всѣ имена раздѣляются на двѣ большія группы: 1) съ основами на самый полный гласный звукъ, никогда не переходящій въ согласный, то-есть, первобытное a (гласное склоненіе и 2) съ основами на согласные звуки и на гласные і и u. Три послѣдніе разряда помѣщаются въ одной группѣ, какъ потому, что согласныя основы очень склонны принимать і, такъ и потому, что і часто утрачивается (opi-s, op-s; menti-s, mens), такъ, наконецъ, и потому, что

Digitized by Google

гласные i и u очень родственны съ согласными j и v, отъ чего происходитъ частый переходъ первыхъ во вторые и наоборотъ. Объяснивъ затѣмъ, какъ произошло 5 склоненій, авторъ устанавливаетъ три склоненія: a, o и согласное склоненіе. Думаемъ, что въ научномъ отношеніи лучше и на практикѣ полезнѣе—для поддержанія связи съ греческою грамматикою—оставить, какъ первоначально предложилъ авторъ, два склоненія; такъ какъ Курціусъ устанавливаетъ для греческаго языка два склоненія вмѣсто существующихъ трехъ.

Въ объясненіи род. на ius (unius, illius) отдается предпочтеніе мнѣнію Meunier'a, который ius принимаетъ за ĭus—энклит. род. пад. отъ корня i (is), приставшій къ обыкновенной формѣ род. пад. на ī (unī, illī). Впрочемъ г. Ивановъ считаетъ здѣсь полный род. пад. ejus, приводя въ аналогію формы: добраєго, добрааго, добраго, добраго и указавъ на скопленіе двухъ суффиксовъ въ ф. чьеого.

Приводимъ объясненіе 3-го стиха въ арвальскомъ гимнѣ. Считая чтеніе Sáturfú, ferér Mars, limén salí sta bérber (у Модестова) неправильнымъ, такъ какъ 1) „слоги sa въ satur и re въ fere никоимъ образомъ не могли быть долги; 2) стихъ оказывается безъ анáкруси; 3) является анáкрусь во 2-мъ полустишіи, г. Ивановъ устанавливаетъ слѣдующее чтеніе: satúr fu, | fére Mars! | límén || sáli stá bérbér ||, то-есть съ синкопою арси въ 2-мъ тактѣ 2-го кола (по Барчу: satùr fù fere Márs. li | mén salí sta bèrber |). Отъ долготы слога sa въ sali авторъ приходитъ къ предположенію, что sāli не можетъ означать „сāлія“ и, вѣроятнѣе всего, значитъ солнце, то-есть sāli есть вм. sālii р. п. для sālios=греч. ᾶλιος, ἥλιος, о Fᾶλιος=санскр. surjas отъ корня svar „блестѣть“, а limen разсматриваетъ какъ равное lumen,—и такимъ образомъ признаетъ прочную научную опору за тѣмъ объясненіемъ, которое, въ видѣ предположенія, выражено было Гротефендомъ. На основаніи вышесказаннаго смыслъ стиха устанавливается слѣдующій: lumen solis sta (т. е. siste, desiste, desine) fervere! то-есть, „свѣтъ солнца, стой, (или остановись, перестань) жарить, то-есть, палить поля“.

Во всѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду тотъ или другой спорный пунктъ, авторъ—послѣ основательнаго разбора мнѣній извѣстныхъ лингвистовъ—принимаетъ то изъ нихъ, которое считаетъ наиболѣе вѣрнымъ, подкрѣпляя новыми доводами и примѣрами или выражаетъ свой собственный взглядъ.

При новомъ изданіи книги, приступить къ которому авторъ пред-

Digitized by Google

полагаетъ въ ближайшемъ будущемъ, слѣдуетъ побольше обратить вниманіе на внѣшнюю сторону: желательно, чтобы а) изданіе было печатное; б) разбросанныя части трактата объ одномъ и томъ же предметѣ собраны были въ одно цѣлое и в) исключены были рѣзкія выраженія, которыя портятъ книгу.

Въ заключеніе отъ души желаемъ наибольшаго распространенія книги г. Иванова въ средѣ всѣхъ, интересующихся успѣхами сравнительнаго языковѣдѣнія; особенную пользу книга можетъ принести преподавателямъ древнихъ языковъ, какъ наиболѣе заинтересованнымъ въ научной постановкѣ преподаванія латинскаго языка въ гимназіяхъ, а также ученикамъ старшихъ классовъ, готовящимся къ филологическому поприщу.

В. Боголюбовъ.

Publii Virgilii Maronis opera. Nouvelle édition publiée par E. Benoist. Troisième tirage revu. Paris, libr. Hachette et C-ie, 1878.—591 p. 16.

Старинная и извѣстная книжная фирма Hachette et C-ie уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду издаетъ, главнымъ образомъ для потребностей ученыхъ и академической молодежи, классическихъ авторовъ съ необходимыми комментаріями и введеніями. Изданія эти отличаются тѣмъ, что въ нихъ обращено должное вниманіе на изслѣдованія французскихъ и другихъ ученыхъ и что методическая критика идетъ въ нихъ рука объ руку съ основательнымъ экзегезомъ. Не безъ причины упрекали Французовъ въ томъ, что они, забывъ примѣры великихъ филологовъ своей страны XVI и XVII столѣтій, слишкомъ односторонне предавались изученію реальной стороны древностей, какъ то: эпиграфики, нумизматики и т. п., не обращая подобающаго вниманія на формальную сторону филологіи, а главное на грамматику и метрику. О новыхъ изданіяхъ можно сказать, что они свободны отъ упомянутаго недостатка.

Серія латинскихъ авторовъ, разработанныхъ по вышеупомянутымъ правиламъ, была открыта въ 1867 г. первою частью Виргилія, которую издалъ г. Бенуа. Мы не такъ давно сообщили уже въ этомъ журналѣ, что означенная книга вышла въ свѣтъ вторымъ изданіемъ. Такъ какъ оно сравнительно скоро послѣдовало за первымъ, то уже изъ этого видно, что методъ издателя и обширная его эрудиція

Digitized by Google

были по достоинству оцѣнены учеными какъ во Франціи, такъ и внѣ ея. Мы можемъ сообщить, что въ настоящее время г. Бенуа готовится выпустить вторымъ же изданіемъ вторую часть римскаго поэта. Эта часть, какъ мы случайно узнали, значительно исправленная, будетъ содержать интересныя свѣдѣнія о методѣ преподаванія филологіи во Франціи и взглядъ самого издателя на этотъ методъ,— взглядъ, далеко не согласный съ тѣмъ, который усвоенъ большинствомъ его соотечественниковъ.

На ряду съ этими крупными изданіями, предназначенными главнымъ образомъ для ученой публики, Гашеттъ приступилъ и къ болѣе мелкимъ и дешевымъ изданіямъ, которыя, заключая въ себѣ самое существенное, отличаются тѣмъ, что приспособлены главнымъ образомъ къ потребностямъ гимназій и лицеевъ. Впрочемъ они съ пользой могутъ быть употребляемы и студентами.

Достаточно указать здѣсь на вышедшія уже третьимъ изданіемъ творенія Виргилія (второе изданіе появилось въ 1875 г., а первое въ 1873 г.). Книга эта содержитъ біографію Виргилія, замѣтки о просодіи, метрикѣ, грамматикѣ и риторикѣ этого поэта, пояснительныя примѣчанія, указатели историческихъ и географическихъ именъ собственныхъ, важнѣйшихъ варіантовъ и тѣхъ мѣстъ, гдѣ обнаруживается подражаніе Виргилія греческимъ и римскимъ поэтамъ. Кромѣ того, мы имѣемъ карту мѣстностей, о которыхъ упоминается въ Энеидѣ.

Какъ видно изъ этого, трудъ г. Бенуа вполнѣ отличается тѣмъ практическимъ характеромъ и педагогическимъ тактомъ, которые вообще составляютъ принадлежность французскихъ учебниковъ. Особенно заслуживаютъ въ немъ похвалы примѣчанія, содержащія вкратцѣ все существенное, относительно формальнаго и реальнаго объясненія Виргилія, который иногда представляетъ большія трудности. Обращено также надлежащее вниманіе и на новѣйшія изслѣдованія о Виргиліи, начиная съ 1875 года.

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Въ перечнѣ именъ собственныхъ указаны (мы считаемъ это очень полезнымъ) всѣ формы, употребляемыя Виргиліемъ, даже правильныя. Было бы, можетъ быть, практичнѣе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчающіеся у Виргилія casus obliqui даютъ возможность предполагать двойную форму именительнаго падежа, ставить ту форму, которая, какъ надо полагать, была употребляема Виргиліемъ, а другія тутъ

Digitized by Google

же присоединять въ скобкахъ. Г. Бенуа приводитъ для такихъ случаевъ только одну форму. Такъ, напримѣръ, „Arar", тогда какъ Accus. „Ararim" у Виргилія указываетъ на именит. пад. Araris. Безъ достаточнаго основанія приведенъ рѣдко встрѣчающійся именительный падежъ Anien, вмѣсто болѣе употребительнаго Anio какъ именит. пад. къ формѣ Anienem. (Ср. относительно Anio и совершенно однороднаго Nerio Index „Summarii orthographiae et prosodiae Latinae" стр. 43 и 57).

Въ установкѣ текста, какъ это видно изъ перечня варіантовъ, еще сильнѣе, чѣмъ въ обширныхъ изданіяхъ обнаруживается слишкомъ односторонне консервативная критика. Мы совершенно согласны съ г. Бенуа, что въ изданіяхъ, предназначенныхъ для училищъ, слѣдуетъ допускать конъектуры съ гораздо большею осторожностью чѣмъ въ тѣхъ, которыя предназначаются главнымъ образомъ для ученыхъ. Нельзя однако не замѣтить, что, изъ уваженія къ предразсудкамъ многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, г. Бенуа доводитъ иногда это правило до крайности.

Перечень подражаній Виргилія заимствованъ главнымъ образомъ у древнихъ и новѣйшихъ ученыхъ, особенно у Макробія и Сервія, а также изъ изданій Бурмана и Риббека. Извѣстно, съ какой щепетильной заботливостью древніе подмѣчали подражанія Виргилія, причемъ нерѣдко хватали даже черезъ край. Не вездѣ можно съ одинаковой достовѣрностью указать на эти подражанія въ тѣхъ случаяхъ, когда одинаковыя мысли или слова встрѣчаются у болѣе древнихъ поэтовъ. Вѣрнѣйшимъ критеріумомъ служатъ тутъ подражанія метрическимъ, грамматическимъ и реторическимъ особенностямъ. Съ другой стороны, можно было бы кое-что и прибавить, такъ какъ Виргилій дѣйствительно чрезвычайно ученый и начитанный поэтъ и подражанія его, по крайней мѣрѣ Гомеру, нерѣдко бываютъ мелочны и педантичны.

Въ цитатахъ г. Бенуа ради краткости придерживается очень практичнаго правила, а именно: приводитъ сполна лишь тѣ мѣста поэтовъ, отъ которыхъ сохранились одни отрывки; относительно же вполнѣ уцѣлѣвшихъ произведеній онъ довольствуется простой ссылкой. Кое-гдѣ въ цитированныхъ мѣстахъ текстъ могъ бы быть немного измѣненъ сообразно съ новѣйшими изданіями. Впрочемъ, заботливость г. Бенуа обнаруживается также и въ этихъ цитатахъ.

На стр. 568-й ошибочно сказано: „Livius Andronicus Ino, ou plutôt

Digitized by Google

Lévius: et iam purpureo suras include cothurno". Стихъ этотъ, кажется, заимствованъ изъ одного мѣста въ Ino Ливія Андроника, которое Цезій Бассъ, извѣстный грамматикъ Неронова вѣка, измѣнилъ и превратилъ въ дактилическій гекзаметръ (ср. d. r. m. p. L. стр. 111).

Луціанъ Миллеръ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ

ФЕВРАЛЬ.

1880.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерин. каналъ, между Вознес. и Мариинскимъ мостами, д. № 90—1.
1880.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

С. М. Соловьевъ . . . . . К. Н. Бестужева-Рюмина.

Выводы отрицательные и гипотетическіе. . М. И. Каринскаго.

Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи. . . . . П. Виноградова.

Насильственное похищеніе чужой движимой собственности по русскому праву. Дм. Тальберга.

Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ писатель. . . П. Морозова.

Критическія и библіографическія замѣтки:

Рѣка Аму и ея древнее соединеніе съ Каспійскимъ моремъ. В. Лохтина. . . . . В. Алкницина.

Семейство Разумовскихъ. Соч. А. Васильчикова. Т. I. Н. И.

Объ элементарномъ курсѣ роднаго языка. . А. Страхова.

Присужденіе наградъ К. М. Бэра въ 1879 году.

Второе отдѣленіе Императорской Академіи наукъ въ 1879 году.

Московскій публичный и Румянцовскій музеи съ 1876 по 1878 годъ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшія учебныя заведенія.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CCVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1880.

Digitized by Google

Средняя Подъяческая, 1.
2053.

Digitized by Google

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

19. (6-го апрѣля 1879 года). Объ учрежденіи при Лодзинскомъ высшемъ ремесленномъ училищѣ стипендіи Имени Его Императорскаго Величества. Фабрикантъ г. Лодзи Юліусъ Гейнцель, по случаю событія 2-го апрѣля 1879 г., представилъ инспектору Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища 3000 т. руб., для учрежденія стипендіи Имени Его Императорскаго Величества.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ г. министра народнаго просвѣщенія докладѣ объ этомъ, собственноручно начертать изволилъ: „Согласенъ и благодарить".

20. (20-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Нижегородской мужской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Нижегородской мужской гимназіи, на проценты съ собраннаго по добровольной подпискѣ лицами, служащими при торговой фирмѣ Нижегородскаго 1-й гильдіи купца Зурова (нынѣ умершаго), капитала въ 800 р., одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія нижегородскаго 1-й гильдіи купца Ивана Ивановича Зурова"; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

Digitized by Google

21. (12-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи должности врача при Порѣцкой учительской семинаріи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи должности врача при Порѣцкой учительской семинаріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи должности врача при Порѣцкой учительской семинаріи, мнѣніемъ положилъ:

1) При Порѣцкой учительской семинаріи, Симбирской губерніи, учредить должность врача съ содержаніемъ по восьмисотъ руб. въ годъ, въ томъ числѣ: жалованья 450 руб. и столовыхъ денегъ 350 руб., и съ присвоеніемъ ему VIII класса по должности, VIII разряда по мундиру и правъ на пенсію по правиламъ о медицинской службѣ.

и 2) Причитающуюся на содержаніе врача при названной семинаріи сумму, по 800 руб. въ годъ, ассигновать къ ежегодному отпуску изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1880 г., со включеніемъ этого кредита въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

22. (12-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи въ гор. Черкасахъ 4-хъ классной мужской прогимназіи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ гор. Черкасахъ 4-хъ классной мужской прогимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣ-

Digitized by Google

щенія, объ учрежденіи въ гор. Черкасахъ 4-хъ классной мужской прогимназіи, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить въ гор. Черкасахъ (Кіевской губерніи) съ 1-го іюля 1880 г. 4-хъ классную мужскую прогимназію съ приготовительнымъ классомъ, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1871 г. устава и штатовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2) На содержаніе означенной прогимназіи отпускать изъ государственнаго казначейства, съ того же срока, по четырнадцати тысячъ пятисотъ пятидесяти руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы жертвуемые мѣстнымъ городскимъ обществомъ девять тысячъ семьсотъ пятьдесятъ четыре рубля вносились съ означеннаго числа въ мѣстное казначейство и зачислялись въ государственные доходы по подлежащему подраздѣленію доходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія пособіемъ казнѣ; и

3) Могущіе образоваться остатки отъ штатныхъ суммъ Черкасской прогимназіи раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстнаго городскаго общества для употребленія, по его усмотрѣнію, на нужды прогимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

23. (18-го ноября 1879 года). О наименованіи Тюменскаго реальнаго училища „Александровскимъ“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на наименованіе Тюменскаго реальнаго училища „Александровскимъ“, въ честь Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени.

24. (12-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи въ гор. Борисоглѣбскѣ и Ефремовѣ 4-хъклассныхъ мужскихъ прогимназій.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ гор. Борисоглѣбскѣ и Ефремовѣ 4-хъклассныхъ мужскихъ прогимназій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Digitized by Google

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ гор. Борисоглѣбскѣ и Ефремовѣ 4-хъ-классныхъ мужскихъ прогимназій, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить въ гор. Борисоглѣбскѣ (Тамбовской губерніи) и Ефремовѣ (Тульской губерніи), съ 1-го іюля 1880 г., 4-хъ-классныя мужскія прогимназіи, каждую съ приготовительнымъ классомъ, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1871 г. устава и штатовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2) На содержаніе означенныхъ прогимназій отпускать изъ государственнаго казначейства, съ того же срока, для Борисоглѣбской — по четырнадцати тысячъ пятисотъ пятидесяти руб., а для Ефремовской — по шестнадцати тысячъ пятидесяти руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы жертвуемые мѣстными городскими обществами и земствомъ для Борисоглѣбской — семь тысячъ двѣсти семьдесятъ пять руб., а для Ефремовской — семь тысячъ пятьсотъ руб., вносились, съ означеннаго числа, въ мѣстныя казначейства и зачислялись въ государственные доходы по подлежащимъ подраздѣленіямъ доходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія пособіемъ казнѣ.

и 3) Могущіе образоваться остатки отъ штатныхъ суммъ Борисоглѣбской и Ефремовской прогимназій раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ обществъ, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды прогимназій.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

25. (13-го ноября 1879 года). Объ измѣненіи § 51 Устава Императорскаго Дерптскаго университета.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ измѣненіи § 51 устава Императорскаго Дерптскаго университета, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Digitized by Google

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ измѣненіи § 51 устава Императорскаго Дерптскаго университета, мнѣніемъ положилъ:

„Всѣ преподаватели университета и другія служащія въ немъ лица, пользующіяся, относительно пенсіи, правами учебной службы (уст. § 87), по выслугѣ установленнаго для полученія полной пенсіи двадцатипятилѣтняго срока, могутъ быть утверждаемы въ должностяхъ вновь на пять лѣтъ, если совѣтъ или правленіе университета, по принадлежности, новымъ избраніемъ засвидѣтельствуетъ способность этихъ лицъ къ продолженію службы.

По истеченіи сего срока, они могутъ, на томъ же основаніи, быть оставляемы въ должностяхъ еще на слѣдующія пять лѣтъ и т. д. до истеченія каждаго пятилѣтія. Объ оставленіи на службѣ преподавателей могутъ представлять какъ подлежащіе факультеты, такъ и отдѣльные члены совѣта, причемъ избраніе считается состоявшимся если въ пользу избираемаго будетъ: въ первомъ случаѣ болѣе половины, а во второмъ не менѣе двухъ третей голосовъ членовъ совѣта".

26. (21-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи въ гор. Карачевѣ 4-хъ-классной мужской прогимназіи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ гор. Карачевѣ 4-хъ-классной мужской прогимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ гор. Карачевѣ 4-хъ-классной мужской прогимназіи, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить въ гор. Карачевѣ (Орловской губерніи), съ 1-го іюля 1880 г., 4-хъ-классную прогимназію, съ приготовительнымъ классомъ, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1871 г.

Digitized by Google

устава и штатовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2) На содержаніе означенной прогимназіи отпускать изъ государственнаго казначейства, съ того же срока, по четырнадцати тысячъ пятисотъ пятидесяти рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы жертвуемые мѣстнымъ городскимъ обществомъ четыре тысячи рублей, съ означеннаго числа, вносились въ мѣстное казначейство и зачислялись въ государственный доходъ по подлежащему подраздѣленію доходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія пособіемъ казнѣ: и

3) Могущіе образоваться остатки отъ штатныхъ суммъ Карачевской прогимназіи раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстнаго городскаго общества для употребленія, по его усмотрѣнію, на нужды прогимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ Предсѣдателемъ и членами.

27. (21-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи при Митавской гимназіи должности четвертаго учителя русскаго языка.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Митавской гимназіи должности четвертаго учителя русскаго языка, съ присвоеніемъ этой должности всѣхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ старшимъ учителямъ гимназій Дерптскаго учебнаго округа, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Митавской гимназіи должности четвертаго учителя русскаго языка, съ присвоеніемъ этой должности всѣхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ старшимъ учителямъ гимназій Дерптскаго учебнаго округа, мнѣніемъ положилъ: учредить при

Digitized by Google

Митавской гимназіи должность четвертаго учителя русскаго языка, съ назначеніемъ ему содержанія изъ государственнаго казначейства по девятисотъ четырнадцати рублей въ годъ (въ томъ числѣ жалованья 700 руб. и квартирныхъ 214 руб.) и съ присвоеніемъ этой должности всѣхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ старшимъ учителямъ въ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ Предсѣдателемъ и членами.

28. (21-го ноября 1879 года). О назначеніи въ реальныя училища, имѣющія параллельныя отдѣленія, по одному помощнику классныхъ наставниковъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ государственнаго совѣта, о назначеніи въ реальныя училища, имѣющія параллельныя отдѣленія, еще по одному помощнику классныхъ наставниковъ, сверхъ числа, положеннаго по штатамъ сихъ заведеній, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о назначеніи въ реальныя училища, имѣющія параллельныя отдѣленія, еще по одному помощнику классныхъ наставниковъ, сверхъ числа, положеннаго по штатамъ сихъ заведеній, мнѣніемъ положилъ: предоставить министру народнаго просвѣщенія въ тѣхъ случаяхъ, когда, по усмотрѣнію его, окажется необходимымъ, опредѣлять въ реальныя училища, имѣющія параллельныя отдѣленія, сверхъ числа, показаннаго по штату, еще по одному помощнику классныхъ наставниковъ, а именно: въ шестиклассныя реальныя училища — третьяго помощника классныхъ наставниковъ, а въ реальныя училища съ меньшимъ числомъ классовъ — втораго помощника классныхъ наставниковъ, съ отпускомъ имъ содержанія, при казенной квартирѣ, по триста рублей въ годъ каждому, изъ суммы сбора за ученіе, но съ производствомъ установленнаго вычета изъ этого содержанія въ пенсіонный капиталъ, и съ предоставленіемъ имъ всѣхъ правъ и преимуществъ, присвоенныхъ помощникамъ классныхъ наставниковъ нормальныхъ классовъ реальныхъ училищъ,

Digitized by Google

то-есть X класса по должности, X разряда по шитью на мундирѣ и пенсіи по учебной службѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ Предсѣдателемъ и членами.

29. (27 ноября 1879 г.). О производствѣ квартирныхъ денегъ директору Новочеркасскаго реальнаго училища.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта о производствѣ квартирныхъ денегъ директору Новочеркасскаго реальнаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе военнаго министерства о производствѣ квартирныхъ денегъ директору Новочеркасскаго реальнаго училища, мнѣніемъ положилъ:

1) Директору Новочеркасскаго реальнаго училища, пока онъ не пользуется квартирою въ натурѣ, производить съ 1-го іюля 1879 г., квартирныя деньги по 400 р. въ годъ.

2) Потребный на это расходъ отнести, по равной части, то-есть по 200 р., на счетъ казны и на общій войсковой капиталъ войска Донскаго, при чемъ всѣ вышеозначенные четыреста рублей вносить, съ 1880 г., сполна въ подлежащее подраздѣленіе расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія, и половину этой суммы, относимую на общій войсковой капиталъ войска Донскаго, показывать по доходнымъ смѣтамъ того же министерства пособіемъ государственному казначейству, причитающіеся же въ текущемъ году изъ казны сто рублей отпустить изъ государственнаго казначейства на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

18-го ноября 1879 года (№ 14). Утверждаются: бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго Университета, дѣйствитель-

Digitized by Google

ный статскій совѣтникъ Алексѣевъ—адъюнктомъ Императорской Академіи наукъ по части чистой математики, съ 5-го октября 1879 года.

Сарапульскій участковый мировой судья, коллежскій ассессоръ Шиллегодскій—почетнымъ попечителемъ Сарапульскаго реальнаго училища, на три года.

Зачитается въ командировку за границу съ ученою цѣлью: помощнику директора Императорской публичной библіотеки, ординарному академику Императорской Академіи наукъ, тайному совѣтнику Бычкову—разрѣшенный ему двухмѣсячный заграничный отпускъ.

Командируется за границу съ ученою цѣлію: окончившій курсъ въ русской филологической семинаріи въ Лейпцигѣ Зелинскій—на два года.

Продолжается срокъ отпуска по болѣзни: учителю С.-Петербургскаго Андреевскаго городскаго училища Дмитріеву — до одиннадцати мѣсяцевъ, въ южныя губерніи Россіи.

Учителю С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища Пряниш-никову—по 1-е августа 1880 года, за границу (Высочайшее повелѣніе 10-го ноября 1879 года).

Увольняется, согласно прошенію: статскій совѣтникъ Томара—отъ должности почетнаго попечителя Лубенской гимназіи.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

4. (13-го ноября 1879 года). Правила о стипендіи Григорія и Василія Гурьевыхъ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, пожертвованнаго вдовою царскосельскаго 2-й гильдіи купца Анастасіею Васильевной Гурьевой, учреждается при С.-Петербургскомъ университетѣ стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го ноября 1879 г., именуется „стипендіею Григорія и Василія Гурьевыхъ".

§ 2. Означенная стипендія, въ 300 рублей ежегодно, назначается одному изъ недостаточныхъ студентовъ С.-Петербургскаго университета, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ, безъ различія факультетовъ и курсовъ, не исключая и перваго.

Digitized by Google

§ 3. Назначеніе студенту стипендіи производится на основаніи общихъ установленныхъ для сего правилъ.

§ 4. Для полученія и сохраненія стипендіи необходимо имѣть при испытаніяхъ въ среднемъ выводѣ не менѣе четырехъ и не менѣе трехъ изъ каждаго предмета.

§ 5. Свободные остатки, могущіе образоваться отъ незамѣщенія сей стипендіи, предоставляется употреблять на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

5. (14-го ноября 1879 года). Правила о стипендіи имени Вацлава Любовидзкаго, учрежденной при институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александгіи.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Ѳаддѣй Бобровскій отъ имени своего и отъ имени Дороты Любовидзкой, Цециліи и Ѳаддѣя Залѣскихъ, Константіи и Іосифа де Монтрезоръ, жительствующихъ въ Сквирскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, желая почтить память мужа, отца и тестя своего Вацлава Любовидзкаго, землевладѣльца Кіевской и Волынской губерніи, образцоваго хозяина, положили учредить при институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи постоянную стипендію имени Вацлава Любовидзкаго, съ доходомъ въ двѣсти пятьдесятъ рублей въ годъ. Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 10-го ноября 1879 года именуется „стипендіею Вацлава Любовидзкаго".

§ 2. Для обезпеченія названной стипендіи навсегда, учредители жертвуютъ положенную ими въ депозитъ польскаго банка, по свидѣтельству, выданному тѣмъ же банкомъ, отъ двѣнадцатаго сентября 1879 года за № 7185 и № главнаго журнала 40,546, пятипроцентнымъ билетомъ государственнаго банка сумму пять тысячъ рублей, съ условіемъ, чтобы на случай выхода въ тиражъ этого билета, онъ былъ замѣненъ новымъ того же банка, или другими гарантированными правительствомъ бумагами, приносящими ту же сумму процентовъ.

§ 3. На стипендію эту имѣютъ право студенты института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, польскаго происхожденія, римско-католическаго вѣроисповѣданія, несостоятельные и отличающіеся прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 4. Желающій получить стипендію имени Вацлава Любовидзкаго обязанъ при прошеніи представить метрическое свидѣтельство, сви-

Digitized by Google

дѣтельство о несостоятельности и свидѣтельство начальства института лицу, имѣющему право выбора.

§ 5. Право выбора стипендіата предоставляется сначала Доротѣ Любовидзкой, потомъ Цециліи Залѣской, затѣмъ Констанціи де-Монтрезоръ, въ теченіе жизни каждой изъ нихъ, — послѣ же смерти означенныхъ лицъ не право выбора, а право представленія кандидатовъ должно принадлежать совѣту института сельскаго хозяйства въ Новой Александріи.

§ 6. Стипендія имени Вацлава Любовидзскаго выдается правленіемъ института въ началѣ каждаго полугодія впередъ, а теченіе ея начинается съ перваго сентября тысяча восемьсотъ семьдесятъ девятаго года, вслѣдствіе чего истекшій купонъ въ сто двадцать пять рублей, находящійся при вышеупомянутомъ билетѣ государственнаго банка и переданный въ депозитъ Польскаго банка, подлежитъ выдачѣ. Невыданные проценты обращаются на увеличеніе капитала этой стипендіи.

§ 7. Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса, но съ условіемъ перехода ежегодно изъ курса въ курсъ. Стипендія можетъ служить одному лицу только въ теченіе трехъ лѣтъ, и только въ случаѣ продолжительной болѣзни стипендіата, начальствомъ института засвидѣтельственной, можетъ быть продолжена на годъ. Исключенный изъ института стипендіатъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишается стипендіи.

§ 8. Въ случаѣ упраздненія института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, стипендіею имени Вацлава Любовидзскаго, на условіяхъ выше опредѣленныхъ, будутъ пользоваться студенты Императорскаго Варшавскаго университета поочередно изъ факультетовъ медицинскаго, физико-математическаго, историко-филологическаго и юридическаго, и тогда стипендія изъ трехлѣтней дѣлается пяти или четырехлѣтнею, смотря по факультету, которому придется пользоваться ею, а право выбора будетъ принадлежать совѣту Императорскаго Варшавскаго университета. На случай же упраздненія Варшавскаго университета, стипендія Вацлава Любовидзкаго перейдетъ подъ тѣмъ же наименованіемъ къ одному изъ ученыхъ заведеній царства польскаго, по выбору и усмотрѣнію или самихъ учредителей, ежели будутъ въ живыхъ, или старшаго изъ наслѣдниковъ въ прямой нисходящей линіи Вацлава Любовидзкаго.

Digitized by Google

6. (1-го декабря 1879 г.). **Положеніе о стипендіи Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II на счетъ % съ капитала въ 3 тысячи рубл., пожертвованнаго Лодзинскимъ фабрикантомъ Юліусомъ Гейнцелемъ, по поводу событія 2 апрѣля 1879 года.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 6 апрѣля 1879 года при Лодзинскомъ высшимъ ремесленномъ училищѣ учреждается стипендія Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II, на счетъ % съ капитала въ 3 тысячи руб., пожертвованнаго, въ закладныхъ билетахъ Лодзинскаго кредитнаго общества, фабрикантомъ города Лодзи Ю. Гейнцелемъ.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% закладныхъ билетахъ Лодзинскаго кредитнаго общества, хранится въ польскомъ банкѣ, въ депозитахъ Варшавскаго учебнаго округа.

3) Правомъ на полученіе стипендіи пользуются дѣти лицъ христіанскаго исповѣданія изъ бѣднѣйшихъ жителей г. Лодзи, учащіяся въ Лодзинскомъ высшемъ ремесленномъ училищѣ, а въ случаѣ преобразованія этого учебнаго заведенія или же открытія новыхъ учебныхъ заведеній въ г. Лодзи—учащіяся одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній этого города.

4) Правомъ на полученіе стипендіи, послѣ смерти жертвователя Юліуса Гейнцеля, преимущественно передъ другими кандидатами, пользуются его родственники по прямой нисходящей линіи, если-бы таковые находились въ затруднительномъ положеніи.

5) Выборъ кандидата на полученіе стипендіи предоставляется педагогическому совѣту Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища совмѣстно съ жертвователемъ, а послѣ его смерти, по соглашенію съ городскимъ управленіемъ, которое при этомъ наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ условія, изложеннымъ въ § 4 сего положенія.

6) Утвержденіе такого кандидата стипендіатомъ Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II зависитъ отъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

7) Въ случаѣ выхода закладныхъ билетовъ въ тиражъ погашенія, таковые замѣняются новыми соотвѣтственными % бумагами.

8) Могущія образоваться по какимъ либо причинамъ сбереженія обращаются на увеличеніе капитала стипендіи и, за симъ, размѣра самой стипендіи.

Digitized by Google

7. (8-го декабря 1879 г.). **Правила для стипендіи коллежскаго совѣтника Біейко, учрежденной при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

При Харьковскомъ университетѣ учреждается стипендія изъ процентовъ съ капитала въ 1000 рублей, пожертвованнаго г.г. офицерами и служащими въ 84-мъ Ширванскомъ полку, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14 августа 1879 г, именуется „стипендіею коллежскаго совѣтника Біейко".

2) Стипендія эта предоставляется бѣднѣйшему и благонравному изъ студентовъ медицинскаго факультета для уплаты за право слушанія лекцій въ университетѣ.

3) Могущіе образоваться по какой-либо причинѣ остатки отъ получаемыхъ процентовъ съ капитальной суммы, присоединяются къ основному капиталу съ цѣлію учрежденія со временемъ другой подобной стипендіи.

8. (8-го декабря 1879 г.). **Правила о стипендіи графа Муравьева-Амурскаго при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.**

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Для увѣковѣченія въ сердцахъ поколѣній, не бывшихъ свидѣтелями дѣяній графа Муравьева-Амурскаго, вѣчной признательности за блага, оказанныя имъ Сибирскому краю, а равно для споспѣшествованія развитію просвѣщенія въ бѣднѣйшемъ классѣ жителей Восточной Сибири, на 4265 рублей, собранные и представленные нѣсколькими лицами, жившими въ Восточной Сибири во время управленія графа этимъ краемъ, согласно желанію собравшихъ означенный капиталъ, учреждена при С.-Петербургскомъ университетѣ одна стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 8 марта 1866 года, именуется „стипендіею графа Муравьева-Амурскаго".

2) Стипендія эта выдается одному изъ уроженцевъ Восточной Сибири, по избранію генералъ-губернатора Восточной Сибири, поступившему въ число студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета и отличающемуся хорошими успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ.

3) Первое время размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ, полученныхъ съ капитала. Если по какой-либо

Digitized by Google

причинѣ проценты не поступили на содержаніе стипендіата, то они присоединяются къ капиталу. Когда капиталъ возростетъ до 7000 р., тогда 300 р. изъ получаемыхъ съ этого капитала процентныхъ денегъ должны ежегодно выдаваться стипендіату на содержаніе, остальныя же процентныя деньги выдаются опредѣляемому на эту стипендію, если онъ отправляется въ С.-Петербургскій университетъ изъ Восточной Сибири, но въ размѣрѣ не болѣе 300 руб., если же этотъ уроженецъ Восточной Сибири уже въ Европейской Россіи, то въ размѣрѣ, не превосходящемъ 125 р. Всѣ процентныя деньги, за исчисленными расходами, остающіяся по какимъ-либо причинамъ неизрасходованными, присоединяются къ капиталу, дальнѣйшее значительное увеличеніе котораго должно вести за собою, сообразно условіямъ времени, ходатайство главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири, или объ увеличеніи размѣра стипендіи и пособій при избраніи стипендіата, или объ увеличеніи числа стипендій.

4) Капиталъ въ государственныхъ процентныхъ билетахъ долженъ храниться въ Иркутскомъ губернскомъ казначействѣ въ депозитахъ главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири, который распоряжается высылкою въ С.-Петербургскій университетъ суммъ на выдачу стипендіи, выдачею пособій избираемымъ стипендіатамъ, присоединеніемъ къ капиталу не израсходованныхъ процентныхъ денегъ, обращеніемъ ихъ въ государственные процентные билеты и прочими операціями, касающимися счетоводства, храненія и расходованія суммъ стипендіи графа Муравьева-Амурскаго.

9. (1-го января 1880 г.). Положеніе о стипендіи бывшаго министра финансовъ статсъ-секретаря Михаила Христофоровича Рейтерна при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Въ ознаменованіе заслугъ бывшаго министра финансовъ статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника М. Х. Рейтерна, на пользу развитія кредита, промышленности и торговли въ Россіи, Волжско-Камскимъ коммерческимъ банкомъ учреждается при С.-Петербургскомъ университетѣ для студентовъ онаго одна стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 28 декабря 1879 г., именуется „стипендіею бывшаго министра финансовъ статсъ-секретаря Михаила Христофоровича Рейтерна".

§ 2. Размѣръ стипендіи опредѣляется въ четыреста рублей, еже-

Digitized by Google

годно поступающихъ въ С.-Петербургскій университетъ, на содержаніе стипендіата.

§ 3. Стипендія обезпечивается ассигнованнымъ на этотъ предметъ Волжско-Камскимъ коммерческимъ банкомъ капиталомъ, заключающимся въ билетахъ 6% безсрочнаго государственнаго займа, хранящихся въ государственномъ банкѣ.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется статсъ-секренарю М. Х. Рейтерну, при жизни его, а впослѣдствіи правленію Волжскаго-Камскаго банка.

§ 5. Согласно § 4, прошенія о зачисленіи студентовъ стипендіатами С.-Петербургскаго университета, при жизни статсъ-секретаря Рейтерна, имѣютъ быть обращаемы лично къ М. Х. Рейтерну, а впослѣдствіи къ правленію Волжско-Камскаго банка.

§ 6. Статсъ-секретарю М. Х. Рейтерну продоставляется выборъ стипендіатовъ изъ дѣтей всѣхъ сословій, отличающихся хорошими успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ.

§ 7. Послѣ же перехода права избранія стипендіатовъ къ правленію банка, стипендіатами могутъ быть назначаемы только дѣти служащихъ въ Волжско-Камскомъ банкѣ.

§ 8. Если статсъ-секретарь М. Х. Рейтернъ не будетъ имѣть въ виду кандидата на стипендію, то, съ его согласія, избраніе кандидата можетъ быть предоставлено правленію Волжскаго-Камскаго банка, который, въ такомъ случаѣ, избирая стипендіата, руководствуется § 7.

§ 9. Если при избраніи правленіемъ Банка стипендіата не окажется лица, удовлетворяющаго требованіямъ, изложеннымъ въ § 7, то правленію банка предоставляется право назначить стипендіи другимъ лицамъ, по его усмотрѣнію.

§ 10. Объ окончаніи стипендіатомъ курса наукъ совѣтъ С.-Петербургскаго университета увѣдомляетъ правленіе Волжско-Камскаго коммерческаго банка.

§ 11. Въ томъ случаѣ, если по какимъ-либо причинамъ Волжско-Камскій коммерческій банкъ прекратитъ свое существованіе, всѣ его права и обязанности, изложенныя въ настоящемъ положеніи о стипендіи имени М. Х. Рейтерна, переходятъ къ С.-Петербургскому университету.

10. (1-го января 1880 г.). Правила о стипендіи Василія Назаровича Каразина при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, по случаю исполнившагося 30-го января 1873 г. 100-лѣтія со дня

Digitized by Google

рожденія Василія Назаровича Каразина, оказавшаго въ свое время важное содѣйствіе къ учрежденію въ Харьковѣ университета, Харьковское губернское земское собраніе отчислило изъ земскихъ суммъ пять тысячъ рублей на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ стипендіи его имени и помѣстило этотъ капиталъ, какъ безвозвратный вкладъ, въ мѣстный городской общественный банкъ, съ передачею билета на этотъ вкладъ университету; годовыми процентами на него опредѣляется размѣръ стипендіи.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Учрежденная на означенный капиталъ стипендія, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 28-го декабря 1879 г., именуется „стипендіею Василія Назаровича Каразина".

2. Назначеніе стипендіата предоставляется губернской земской управѣ.

3. Стипендіатъ избирается изъ поступившихъ въ университетъ безъ различія факультета и подъ условіемъ недостаточности состоянія, хорошаго поведенія и отличныхъ успѣховъ въ наукахъ. Опредѣляемая отъ земства стипендія выдается только со 2-го университетскаго курса.

4. Стипендія можетъ быть предоставлена только принадлежащему по рожденію или имуществу Харьковской губерніи, безъ различія сословія и лицамъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

5. Стипендіатъ подвергается ежегодно контролю въ занятіяхъ; неудостоеніе перевода въ слѣдующій курсъ лишаетъ его права на дальнѣйшее пользованіе стипендіей.

6. Стипендіатъ, по окончаніи университетскаго курса, удостоенный степени кандидата, продолжаетъ пользоваться стипендіею до представленія имъ въ установленный срокъ кандидатской диссертаціи.

7. Могущіе образоваться, по какимъ либо причинамъ, остатки отъ процентовъ стипендіальной суммы назначаются на пріобрѣтеніе, по опредѣленію губернской управы, учебныхъ пособій для стипендіатовъ имени Каразина.

11. (12-го января 1880 г.). Правила о стипендіи Ивана Пѣтухова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 6,000 руб., пожертвованнаго дѣйствительнымъ студентомъ, потомственнымъ почетнымъ граж-

Digitized by Google

данином Иваномъ Родіоновичемъ Пѣтуховымъ, учреждается при С.-Петербургскомъ университетѣ стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го ноября 1879 г., именуется „стипендіею Ивана Пѣтухова".

§ 2. Означенная стипендія, въ 300 рублей ежегодно, назначается одному изъ бѣдныхъ студентовъ С.-Петербургскаго университета русскаго происхожденія, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ, безъ различія факультетовъ и курсовъ, не исключая и перваго.

§ 3. Назначеніе студенту стипендіи производится на основаніи общихъ установленныхъ для сего правилъ.

§ 4. Для полученія и сохраненія стипендіи необходимо имѣть при испытаніяхъ въ среднемъ выводѣ не менѣе четырехъ и не менѣе трехъ изъ каждаго предмета.

§ 5. Свободные остатки, могущіе образоваться отъ незамѣщенія сей стипендіи, предоставляется употреблять на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:—помѣщенныя въ 8-мъ выпускѣ „Подробнаго атласа всѣхъ частей свѣта, составленнаго А. Ильинымъ", карты Швеціи, Норвегіи и Даніи сѣверный листъ и тоже—южный листъ. Цѣна 1 р. С.-Петербургъ 1878 г.—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Греческая грамматика гимназическаго курса Э. Чернаго. Въ 2-хъ частяхъ, ч. I, этимологія по учебнику Э. Коха. М. 1879 г. Цѣна 1 р. ч. II, Синтаксисъ М. 1879 г. Цѣна 75 коп.—рекомендовать какъ руководство по греческому языку для гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Нѣмецкая христоматія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній съ приложеніемъ алфавитнаго словаря. Сост. К. Я. Бѣлицкій. Одесса 1879 г. Цѣна 2 р."—одобрить какъ учеб-

Digitized by Google

ное пособіе для старшихъ классовъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: „Сборникъ: 1) французскихъ стихотвореній для разучиванія и сравненія ихъ съ русскими и 2) русскихъ стихотвореній съ французскимъ переводомъ для оцѣнки. Сост. С. Вейль. Кіевъ 1879 г. Цѣна 50 коп.—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Учебникъ латинскаго языка для I-го и II-го классовъ классическихъ гимназій и прогимназій. Сост. вполнѣ согласно съ учебнымъ планомъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 8-го іюля 1877 г. П. Симсонъ и К. Іогансонъ. Часть I, Грамматика. Москва 1880 г. Цѣна 80 коп.—одобрить въ видѣ руководства по латинскому языку для I-го и II-го классовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Представленныя г. Фену „Стѣнныя зоологическія таблицы“,—одобрить для пріобрѣтенія въ реальныя училища и гимназіи, но по штучно, по выбору преподавателя, а не какъ нѣкоторую коллекцію.

— Книгу: „Книга упражненій по греческой этимологіи по руководству П. Везенера съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ и съ прибавленіемъ начальныхъ правилъ греческаго синтаксиса. Сост. Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3 гимназіи. Москва 1879 г. Цѣна 1 р.“—одобрить какъ учебное пособіе по греческому языку для гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Путешествіе по славянскимъ областямъ Европейской Турціи, Мекензи и Эрби. Съ предисловіемъ Гладстона. Т. II, переводъ съ англійскаго. С.-Петербургъ 1878 г.“—одобрить для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и для ученическихъ библіотекъ высшихъ классовъ мужскихъ гимназій.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники, Евгеніи Туръ. С.-Петербургъ 1880 г.—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, какъ для младшаго, такъ и для старшаго возраста.

Digitized by Google

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: изданія общества распространенія полезныхъ книгъ 1) „Императрица Всероссійская Екатерина Алексѣевна II Великая. Очеркъ. Сост. по Щебальскому и другимъ Н. Трескинъ Москва 1879 г. Цѣна 10 коп.; 2) Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій. Сост. по статьямъ Русской Старины, чтеніямъ Щебальскаго и др. Н. Трескинъ. Москва 1879 г. Цѣна 10 коп., разсмотрѣнныя въ рукописяхъ и допущенныя для публичныхъ чтеній и библіотекъ народныхъ школъ; и 3) Князь Серебряный, повѣсть для народнаго чтенія, передѣланная изъ романа гр. А. К. Толстаго, Н. Трескинымъ. Москва 1879 г. Цѣна 40 коп., одобренныя въ рукописи для чтенія и библіотекъ народныхъ школъ и низшихъ классовъ всѣхъ учебныхъ заведеній—включить въ каталогъ одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія книгъ.

— Составленную Л. Чичаговымъ книгу: „Народное чтеніе. Примѣры изъ прошлой войны 1877—78 годовъ. Описаніе отдѣльныхъ солдатскихъ подвиговъ. СПБ. 1879 г.—допустить въ библіотеки народныхъ училищъ. Къ сему комитетъ присовокупилъ, что желательно, чтобы цѣна книжки для школъ была понижена.

— Составленную Т. Лубенецъ книгу: „Ариѳметическій задачникъ, преимущественно заключающій въ себѣ данныя изъ сельскаго хозяйства. Цѣлыя числа. Изд. 2-ое исправленное и значительно дополненное. Кіевъ 1879. Цѣна 15 коп.—включить въ каталогъ ученыхъ пособій при преподаваніи ариѳметики, въ особенности для сельскихъ школъ и народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 28 день декабря 1879 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ Ключищенскомъ сельскомъ начальномъ народномъ училищѣ, Симбирской губерніи и уѣзда, пор-

Digitized by Google

трета учителя сего училища, личнаго почетнаго гражданина Филиппа Богданова.

Попечители учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, Дерптскаго, Одесскаго, Виленскаго, Казанскаго, Московскаго, Кіевскаго, Варшавскаго и Харьковскаго, по случаю событія 19-го ноября, просили повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ отъ имени служащихъ и учащихся въ нижеслѣдующихъ учебныхъ заведеніяхъ:

Въ Новороссійскомъ университетѣ, Дерптскихъ, Казанскихъ и Харьковскихъ университетахъ и ветеринарныхъ институтахъ, институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, гимназіяхъ: Рязанской, Нижегородской, Владимірской, Костромской, Самарской, Вологодской, Ломжинской, Кѣлецкой, Олонецкой, Каменецъ-Подольской, Череповской женской, Архангельскихъ и Кронштадтскихъ, мужской и женской; реальныхъ училищахъ: Нижегородскомъ, Череповскомъ, Калужскомъ, Орловскомъ, Костромскомъ, Скопинскоиъ, Ловичскомъ, Влоцлавскомъ, Великолуцкомъ и Вологодскомъ; въ прогимназіяхъ: Нарвской, Глуховской, С.-Петербургской 5-й, Рязанской и Духовщинской женской; институтахъ: Нижегородскомъ, Александровскомъ и Глуховскомъ учительскомъ; учительскихъ семинаріяхъ: Карачевской и Самарской; Бердичевскомъ городскомъ 2-хъ—классномъ и Доможировскихъ мужскомъ и женскомъ начальныхъ училищахъ, С.-Петербургскихъ и Казанскихъ среднихъ и низшихъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго, Одесскаго, Московскаго и всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа, а также отъ имени начальниковъ учебныхъ дирекцій: Варшавской, Ломжинской и Кѣлецкой; директоровъ народныхъ училищъ: Рязанской, Смоленской и Самарской губ. и учащихся въ подвѣдомыхъ симъ лицамъ учебныхъ заведеніяхъ; членовъ Даниловскаго и Любимскаго уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ Ярославской губ. и служащихъ въ управленіи Казанскаго учебнаго округа и въ г. Харьковѣ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Съ такими же заявленіями вѣрноподданническихъ чувствъ обратились:

Начальства гимназій: Красноярской, Калужской, Астраханской и Смоленской; реальныхъ училищъ: Астраханскаго, Сарапульскаго, Смоленскаго и Вольскаго; прогимназій: Вольской, Ломжинской и Сарапульской женскихъ; учительскихъ семинарій: Красноярской и Вольской.

Учащіе и учащіеся въ Нерехотскомъ городскомъ, Миропольскомъ

Digitized by Google

одноклассномъ сельскомъ и Бековскомъ 2-хъ классномъ училищахъ и Бологодской народной школѣ.

Кромѣ того, по поводу того же событія въ министерство народнаго просвѣщенія представлены были два стихотворенія съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ: учителя инспектора Переяславскаго городскаго училища Н. Зефирова и студента С.-Петербургскаго университета И. Веденяпина.

Независимо отъ сего, служащіе и учащіеся въ нижепоименованныхъ учебныхъ заведеніяхъ, по поводу событія 19-го ноября, изъявили желаніе соорудить иконы: въ Поливановской учительской семинаріи—Покрова Пресвятыя Богородицы, для постановки въ домовой церкви семинаріи; въ Калишской гимназіи и прогимназіяхъ: Пинчовской—Спасителя и въ Шуйской св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго и святыхъ, празднуемыхъ 19-го ноября, съ неугасимою лампадою, для постановки въ залахъ сихъ заведеній;

Служащіе въ дирекціяхъ народныхъ училищъ: Орловской и Казанской губ.—св. Александра Невскаго; въ Даниловскомъ приходскомъ училищѣ—Иверской Божіей Мстери; въ Свіяжскомъ приходскомъ училищѣ, въ Московскомъ дворянскомъ пансіонѣ-пріютѣ и нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ Одесскаго учебнаго округа—св. Александра Невскаго.

Учащими и учащимися въ Тетюшскомъ уѣздномъ училищѣ выражено желаніе соорудить кіотъ для иконы св. Александра Невскаго, которую изъявилъ согласіе написать учитель рисованія сего училища Хлѣбниковъ.

Члены попечительнаго совѣта Вязниковской женской прогимназіи собрали между собою 200 р. съ цѣлію учрежденія на % съ этой суммы стипендіи при сей прогимназіи.

Учащіеся въ Страшевскомъ начальномъ училищѣ собрали между собою 1 р. 14 к. и заказали на эти деньги благодарственный молебенъ.

На всеподданнѣйшихъ о семъ докладахъ министра народнаго просвѣщенія, въ 28 день ноября, 9 и 16 дня истекшаго декабря Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: „Благодарить“.

Попечители учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, Варшавскаго, Казанскаго, Оренбургскаго и Кіевскаго, по случаю событія 19 ноября, просили повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ отъ имени всѣхъ служащихъ и учащихся въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ, Великолуцкихъ—

Digitized by Google

реальномъ училищѣ и женской прогимназіи, Сызранскихъ—реальномъ училищѣ и женской гимназіи, Сѣнницкой и Череповской учительскихъ семинаріяхъ, Сѣнницкомъ гминномъ и Кременецкомъ 2-хъ-классномъ училищахъ и Козьмодемьянскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Независимо отъ сего, служащими и учащимися въ Немировскихъ мужской гимназіи и женской прогимназіи, Новгородсѣверскомъ 2-хъ-классномъ городскомъ и Порховскомъ уѣздныхъ училищахъ, по поводу того же событія, выражено желаніе соорудить иконы.

Кромѣ того, педагогическій совѣтъ Порховскаго уѣзднаго училища постановилъ принять на себя взносъ платы за обученіе, а также снабженіе необходимыми книгами и учебными пособіями 3-хъ изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ по поведенію и успѣхамъ учениковъ сего училища въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, начиная съ 1880—1881 учебные годы.

На всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія, въ 23 день декабря истекшаго года, Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать „благодарить".

Открытіе училищъ.

21-го минувшаго октября открыто въ г. Мамадышахъ трехклассное городское училище, при чемъ учащихся поступило 100.

— 5-го ноября сего года открыто Моршанское городское трехклассное училище, по выслушаніи учениками и преподавателями божественной литургіи въ соборѣ и молебствія въ зданіи училища, въ присутствіи участковаго инспектора, почетнаго смотрителя училища, родителей и родственниковъ учениковъ и сторонней публики; открыто пока два класса, изъ которыхъ въ 1-й принято 50, а во 2-й 26 учениковъ.

— 5-го минувшаго ноября открыто двухклассное народное училище въ погостѣ Манушкино, Торопецкаго уѣзда, Псковской губерніи. Учащихся въ названное училище поступило 12 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ.

— Открыты слѣдующія одноклассныя начальныя народныя училища: 16-го декабря въ м. Монастырищѣ Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи; 2-го октября 1879 г. Лудонское училище Лужскаго уѣзда, С.-Петербургской губ.; въ день открытія сего училища явилось мальчиковъ 63 и дѣвочекъ 21—всего 84 учащихся; 27-го ноября въ с.

Digitized by Google

Привольскомъ, при 52 учащихся; 2-го декабря въ посадѣ Воскресенскомъ при 59 учащихся; 1-го минувшаго сентября въ Новгородской губерніи и въ уѣздѣ два училища Медвѣдское и Чудско-Борское; при открытіи учащихся поступило: въ первое училище 46 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ, а во второе 48 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ; въ Каменецкомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, въ сел. Кормильчѣ 23-го минувшаго октября и въ сел. Кутковцахъ 15-го минувшаго ноября; 8-го минувшаго ноября въ с. Жадановкѣ, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи; 16-го минувшаго ноября въ сел. Курени, Конотопскаго уѣзда, Черниговской губерніи.

О преміи за ученое жизнеописаніе Ломоносова.

Непремѣнный секретарь Императорской Академіи наукъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что, по опредѣленію конференціи Академіи отъ 1-го марта 1874 г., срокомъ представленія сочиненій на соисканіе преміи за ученое жизнеописаніе Ломоносова было назначено 1-е марта 1879 г. Къ этому сроку было представлено, въ рукописи, одно сочиненіе, которое оказалось не соотвѣтствующимъ программѣ конкурса и по этому не могло быть удостоено преміи. Вслѣдствіе сего конференція Академіи, въ засѣданіи 2-го ноября 1879 года, положила возобновить соисканіе этой преміи и назначила новымъ срокомъ для доставленія на него сочиненій 1-го марта 1885 г. Правила объ этой преміи, утвержденныя Академіею, суть слѣдующія:

§ 1. Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 9-й день февраля 1868 года Высочайше соизволилъ на назначеніе, изъ собранныхъ для образованія Ломоносовскаго капитала суммъ, двухъ тысячъ рублей на премію и изданіе въ пользу автора строго-ученаго жизнеописанія Ломоносова съ оцѣнкою его дѣятельности какъ писателя, ученаго и гражданина, съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы съ этого изданія принадлежали автору. Премія будетъ состоять изъ означенной суммы 2,000 руб. и изъ процентовъ, которые наростутъ на нее ко времени присужденія преміи.

§ 2. Разборъ ученаго жизнеописанія Ломоносова и присужденіе за него преміи предоставлены Императорской Академіи наукъ, которою, въ 1885 г., въ мартовскомъ засѣданіи общаго собранія, будетъ назначена коммисія изъ академиковъ для предварительнаго разсмотрѣнія

Digitized by Google

сочиненій, представленныхъ на соисканіе. На основаніи донесенія этой коммисіи, присужденіе преміи будетъ произведено общимъ собраніемъ конференціи, въ декабрьскомъ засѣданіи онаго.

§ 3. Въ ученомъ жизнеописаніи Ломоносова, кромѣ полнаго изображенія всѣхъ сторонъ его дѣятельности, излагается оцѣнка его трудовъ въ области физики, химіи, минералогіи, геологіи, металлургіи, Русской исторіи, филологіи и словесности, съ изъясненіемъ въ какомъ состояніи находились эти отрасли вѣдѣнія въ его время, и что именно сдѣлано имъ по каждой изъ нихъ. Въ отношеніи къ заслугамъ Ломоносова по словесности должно быть обращено особенное вниманіе на значеніе его въ развитіи русскаго письменнаго языка.

§ 4. На соисканіе преміи принимаются оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Послѣднія должны быть четко писаны и съ подписью имени автора или же безъ оной, но съ девизомъ и приложеніемъ запечатаннаго пакета, содержащаго имя автора.

§ 5. Въ случаѣ присужденія преміи за рукописное сочиненіе, она выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи сочиненія.

§ 6. Дѣйствительные члены Императорской Академіи наукъ не имѣютъ права участвовать въ соисканіи этой преміи.

§ 7. Въ случаѣ, еслибы по обширности и многосложности предлагаемой задачи былъ представленъ трудъ двухъ или болѣе лицъ, вполнѣ соотвѣтствующій изложеннымъ требованіямъ, премія присуждается авторамъ его совокупно.

§ 8. Сочиненія, удостоенныя награды графа Уварова, могутъ участвовать въ соисканіи преміи за біографію Ломоносова.

§ 9. Премія будетъ выдана лишь самому автору или его законнымъ наслѣдникамъ, но не издателю.

§ 10. Срокомъ представленія сочиненій на соисканіе преміи назначается 1-е марта 1885 года. Отчетъ о присужденіи преміи будетъ прочтенъ въ годичномъ публичномъ засѣданіи Академіи и затѣмъ напечатанъ во всеобщее свѣдѣніе.

Digitized by Google

С. М. СОЛОВЬЕВЪ [1]).

4-го октября 1855 года скончался Грановскій, 4-го октября 1879 года скончался Соловьевъ. Не однимъ только случайнымъ совпаденіемъ цифръ эти два имени соединяются въ памяти учениковъ того и другаго; они соединяются преимущественно воспоминаніемъ о томъ блистательномъ времени Московскаго университета, когда онъ былъ центромъ умственной жизни не одной Москвы, но и всей Россіи. Для людей другаго поколѣнія можетъ показаться страннымъ сопоставленіе блестящаго, остроумнаго, живаго Грановскаго съ сосредоточеннымъ, какъ бы суровымъ Соловьевымъ, съ Соловьевымъ, котораго общество привыкло считать представителемъ строго-ученаго, фактическаго знанія, главою школы, основывающейся исключительно на архивныхъ документахъ. Этотъ взглядъ общества и мѣшаетъ оцѣнить Соловьева какъ слѣдуетъ, оцѣнить его съ той стороны, съ которой онъ самъ желалъ быть цѣнимымъ, которою онъ самъ дорожилъ. Помню, разъ, въ засѣданіи Археографической Коммиссіи, собравшемся у покойнаго А. С. Норова, говорили о трудахъ одного очень уважаемаго ученаго, который любилъ выводить свои мысли изъ полнаго собранія фактовъ и печаталъ свои работы вполнѣ, въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ онъ велъ ихъ. Соловьевъ сказалъ при этомъ: „У кого нѣтъ черновыхъ тетрадей, да кто же ихъ печатаетъ“. Въ другой разъ, бывши у него, я упомянулъ въ разговорѣ о недолговѣчности

[1]) Лекція, прочитанная въ С.-Петербургскомъ Университетѣ 3-го ноября 1879 года.

Digitized by Google

ученыхъ—объ одномъ русскомъ научномъ дѣятелѣ, который сохраняетъ свѣжесть и въ преклонныхъ лѣтахъ и котораго труды еще фактичнѣе: „Развѣ это наука?“ замѣтилъ на это Соловьевъ. Для него, какъ и для Грановскаго,—въ этомъ ихъ самое большое сходство—исторія—наука, по преимуществу воспитывающая гражданина. Для того и для другаго поучительный характеръ исторіи заключался и въ тѣхъ прямыхъ урокахъ, которыми любила щеголять историографія XVIII вѣка и которыми богаты страницы Карамзина, гдѣ выставляются герои добродѣтели, какъ на Монтіоновскихъ состязаніяхъ, въ примѣръ для подражанія, чудовища порока, какъ спартанскіе пьяные илоты, въ образецъ того, чего слѣдуетъ избѣгать; нѣтъ, ни тотъ, ни другой незабвенный профессоръ не считалъ исторію „Зеркаломъ добродѣтели“, и каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду другую цѣль: они старались воспитать въ своихъ слушателяхъ сознаніе вѣчныхъ законовъ историческаго развитія, уваженіе къ прошлому, стремленіе къ улучшенію и развитію въ будущемъ; они старались пробудить сознаніе того, что успѣхи гражданственности добываются труднымъ и медленнымъ процессомъ, что великіе люди суть дѣти своего общества и представители его, что имъ нужна почва для дѣйствія; не съ насмѣшкою сожалѣнія относились они къ прошлому, но съ стремленіемъ понять его въ немъ самомъ и въ его отношеніяхъ къ настоящему: „Спросимъ человѣка, съ кѣмъ онъ знакомъ и мы узнаемъ человѣка,—спросимъ народъ объ его исторіи, и мы узнаемъ народъ“. Этими словами Соловьевъ начиналъ свой курсъ 1848 года, когда я имѣлъ счастіе его слушать: въ исторіи народа мы его узнаемъ, но только въ полной исторіи, въ такой, гдѣ на первый планъ выступаютъ существенныя черты, гдѣ все случайное, несущественное отходитъ на второй планъ, отдается въ жертву собирателямъ анекдотовъ, любителямъ „курьезовъ и раритетовъ“. Кто такъ высоко держали свое знамя, тѣ вѣрили въ будущее человѣчества, въ будущее своего народа и старались воспитывать подростающія поколѣнія въ этой высокой вѣрѣ; съ этою-то воспитательною цѣлью они держались преимущественно общихъ очерковъ, гдѣ въ мелочахъ не теряется общая мысль. Такимъ былъ всегда характеръ курсовъ Грановскаго, такимъ постепенно дѣлалъ свой курсъ Соловьевъ; но и на первыхъ своихъ шагахъ въ университетѣ онъ уже давалъ много мѣста общимъ соображеніямъ и выводамъ. Соловьевъ умѣлъ цѣнить Грановскаго: „Вы блистательно представили французскія общины“, говорилъ онъ на докторскимъ диспутѣ

Digitized by Google

Грановскаго,—„которыя разцвѣли пышнымъ цвѣтомъ на страницахъ Августина Тьерри и засушены въ гербаріяхъ нѣмецкихъ ученыхъ". Но не одно это роднитъ двухъ этихъ нашихъ наставниковъ: сознаніе тѣсной связи между прошедшимъ и настоящимъ, сознаніе долга растить въ настоящемъ будущее побуждало ихъ съ сердечнымъ интересомъ относиться къ событіямъ настоящаго: „Листокъ современной газеты", говорилъ Грановскій,—„также дорогъ для историка, какъ хартія лѣтописи". Соловьевъ, живя въ мірѣ прошлаго, умѣлъ и скорбѣть о невзгодахъ настоящаго и радоваться его радостямъ: никогда не забуду я той глубокой скорби, съ которою онъ говорилъ о нашихъ неудачахъ въ Крымскую войну, что̀ тогда далеко не было общимъ явленіемъ въ средѣ нашей интеллигенціи. Теперь вамъ понятно, почему я началъ свои поминки о Соловьевѣ сравненіемъ его съ Грановскимъ, съ которымъ такъ странно соединила его случайность кончины въ одинъ день. Перейдемъ же къ бѣглому очерку жизни и дѣятельности Соловьева.

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ родился 4-го мая 1820 года. Онъ былъ сынъ законоучителя первой Московской гимназіи, гдѣ и получилъ свое первоначальное образованіе. По свидѣтельству его автобіографіи въ „Словарѣ профессоровъ Московскаго университета", еще въ эту пору онъ началъ интересоваться исторіею; говорятъ, что тогда онъ прочелъ „Исторію Государства Россійскаго", которая въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ пробуждала любовь къ Россіи и къ русской исторіи: на ней воспитался Погодинъ, на ней выросъ Соловьевъ ею зачитывалось поколѣніе первыхъ учениковъ Соловьева. Никѣмъ не замѣненная, она, къ сожалѣнію, заброшена послѣдующими поколѣніями; а между тѣмъ трудно найдти книгу, болѣе способную въ гимназическіе годы пробудить и патріотизмъ, и любовь къ исторіи. Недостатки Карамзина незамѣтны въ этомъ возрастѣ, а достоинства его именно приноровлены къ нему: его величавый разказъ поражаетъ воображеніе, а художественное умѣнье выбирать подробности мѣшаетъ забраться скукѣ. Къ сожалѣнію, въ наше время отвыкли отъ Карамзинскаго языка; раннее знакомство съ народною рѣчью, при всемъ своемъ высокомъ значеніи, имѣетъ одно неудобство: оно насъ слишкомъ отдаляетъ отъ писателей не только XVIII вѣка, но даже и начала XIX. Такимъ образомъ, никѣмъ не замѣненный Карамзинъ утратилъ, быть можетъ, и рано все свое воспитательное значеніе; его читаетъ теперь только спеціалистъ или какъ пособіе, или какъ ма

Digitized by Google

таріалъ для характеристики его времени. Не то было, когда учился Соловьевъ, на немъ воспитался и Соловьевъ.

Поступивъ въ университетъ, откуда онъ вышелъ въ 1842 году, Соловьевъ сдѣлался слушателемъ двухъ профессоровъ, которые представляли тогда двѣ враждующія партіи въ наукѣ русской исторіи: онъ слушалъ М. Т. Каченовскаго и М. П. Погодина. Хотя Каченовскій уже перешелъ на каѳедру славянскихъ нарѣчій, но ученикамъ его еще писали и самъ онъ на лекціяхъ высказывалъ свои воззрѣнія: „Старикъ уже дряхлѣлъ", разказывалъ мнѣ какъ-то С. М. Соловьевъ,—„но оживлялся всякій разъ, когда приходилось выражать какое-нибудь сомнѣніе: тогда глаза его горѣли". Каченовскаго мало помнитъ современность: полной оцѣнки его намъ еще приходится ждать, хотя В. С. Иконниковъ въ своей почтенной монографіи „Скептическая школа" и собралъ для нея много данныхъ, но лучшимъ, что̀ мы имѣемъ о Каченовскомъ, все-таки остается краткая біографія его въ „Словарѣ профессоровъ Московскаго университета", писанная Соловьевымъ. Каченовскій отрицалъ первоначальную лѣтопись, „Слово о полку Игоревѣ", „Русскую Правду"; Погодинъ доказалъ неосновательность его сомнѣній—этимъ почти можно ограничить все то, что̀ извѣстно о Каченовскомъ; а во имя чего Каченовскій отрицалъ, чѣмъ плодотворно было его отрицаніе, почему въ сущности побѣдитель оказывается побѣжденнымъ, это остается показать и доказать. Здѣсь, впрочемъ, не мѣсто слишкомъ много говорить о Каченовскомъ, и мы можемъ сказать только, что въ основѣ его сомнѣній лежала мысль о постепенномъ ростѣ общества: ему казалось, что въ лѣтописяхъ заключаются представленія о состояніи общества болѣе зрѣломъ, чѣмъ то, какое могло быть въ дѣйствительности; въ сущности, Каченовскій отвергалъ не самыя лѣтописи, а выводимыя изъ нихъ толкованія; своими сомнѣніями онъ заставилъ снова пересмотрѣть вопросы и тѣмъ вызвалъ новое движеніе исторической науки — вотъ важная заслуга Каченовскаго: онъ пріучилъ искать въ фактахъ связи, общаго смысла; онъ поднялся надъ „низшею критикою", водворенною въ нашей литературѣ Шлецеромъ къ „высшей критикѣ"; по словамъ С. М. Соловьева, онъ старался „сблизить явленія русской исторіи съ однохарактерными явленіями у другихъ, и что̀ всего важнѣе, преимущественно у Славянскихъ народовъ". Съ этой стороны онъ явился предшественникомъ и учителемъ самого Соловьева. Иное дѣло Погодинъ, у котораго были двѣ очень важныя стороны: инстинк-

Digitized by Google

тивное пониманіе русской жизни и точность ученой изслѣдовательности; это послѣднее качество преимущественно способствовало ему нанести тяжкіе удары Каченовскому и его школѣ; но до общихъ воззрѣній Погодинъ не возвысился и чувствовалъ къ нимъ какой-то ужасъ; съ этой стороны, дѣятельность его была болѣе отрицательная, чѣмъ положительная; оттого большая часть его жизни прошла въ „борьбѣ не на животъ, а на смерть“ (заглавіе сборника его полемическихъ сочиненій) съ общими воззрѣніями, появлявшимися въ продолженіе его долгой жизни. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что полемика его была очень полезна для движенія науки: указывая слабыя стороны каждой школы, онъ училъ будущихъ дѣятелей избѣгать крайностей; нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что мѣткія афористическія замѣчанія Погодина, брошенныя имъ въ разныхъ статьяхъ, путевыхъ замѣткахъ и т. п. принесли и принесутъ свой плодъ; но общаго воззрѣнія Погодинъ не создалъ и не могъ создать; а между тѣмъ, общее воззрѣніе было крайне необходимо для объединенія фактовъ, для возможности поступательнаго движенія впередъ. Когда позднѣе Соловьевъ принесъ въ науку это общее воззрѣніе, Погодинъ немедленно вооружился противъ него и почти тридцать лѣтъ сряду былъ его неутомимымъ противникомъ. Во время пребыванія въ университетѣ Соловьевъ еще не опредѣлился и работалъ въ „древнехранилищѣ“ Погодина, гдѣ ему удалось отыскать рукопись, оказавшуюся 5-ю частью исторіи Татищева. Замѣтка его объ этой безымянной рукописи, обстоятельно доказавшая ея принадлежность Татищеву, обратила на себя вниманіе и рукопись была обнародована въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кончивъ въ 1842 году курсъ, Соловьевъ поѣхалъ за границу: въ Прагѣ онъ завелъ сношенія съ тогдашними корифеями чешской науки, о чемъ, по свидѣтельству одного изъ его некрологовъ, онъ вспоминалъ незадолго до смерти, перебирая только что изданную переписку Погодина съ славянскими учеными; въ Прагѣ Вигель читалъ ему свои записки и сначала увлекъ его своимъ талантомъ: и тогда новая исторія интересовала его не менѣе древней. Въ Парижѣ онъ слушалъ лекціи Мишлэ и помѣстилъ о нихъ замѣтку въ Москвитянинѣ. Въ 1845 г. Погодинъ оставилъ каѳедру, и рекомендуя нѣсколькихъ лицъ въ свои преемники, назвалъ и Соловьева [1]). Весною 1845 года Соловьевъ былъ назначенъ

[1]) Слышано отъ В. В. Гр., который самъ былъ въ числѣ названныхъ кандидатовъ.

Digitized by Google

преподавателемъ, выдержавъ предварительно магистерскій экзаменъ. Любопытно, что покойный А. И. Чивилевъ (намъ разказывали современники), заподозривъ Соловьева въ славянофильствѣ, не хотѣлъ пропускать его. Дѣйствительно, въ эту пору Соловьевъ бывалъ въ славянофильскихъ кружкахъ, да и послѣ, расходясь съ ними въ воззрѣніяхъ на европейское просвѣщеніе и Петровскую реформу, онъ сохранилъ много общаго съ ними, преимущественно въ тепломъ религіозномъ чувствѣ, которое всегда его отличало. Ал. Н. Поповъ, бывшій живою лѣтописью этого времени, увѣрялъ меня, что магистерская диссертація Соловьева создалась подъ вліяніемъ разговоровъ въ этихъ кружкахъ. Осенью 1846 году была имъ защищена диссертація: „Отношенія Новгорода къ в. князьямъ“ [1]). Книгу встрѣтили привѣтливо въ журналистикѣ, тогда ревностно слѣдившей за ученою литературою (я помню въ высшей степени сочувственную статью Отечественныхъ Записокъ); общая надежда тогда обратилась на Соловьева. Позволю себѣ личное воспоминаніе: я помню съ какою жадностью читалъ я тогда эту диссертацію, и какимъ неожиданнымъ свѣтомъ облились для меня событія древней русской исторіи. Нельзя не сознаться въ томъ, что диссертація Соловьева поставила одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи на настоящую почву: сличеніе Новгорода съ средневѣковыми городами, которое тогда было очень въ ходу, стало невозможнымъ, лишь только Соловьевъ показалъ, какъ выросли новгородскія учрежденія на туземной почвѣ, какъ много было въ жизни Новгорода общаго съ жизнью другихъ русскихъ городовъ; остается только еще одинъ шагъ: сближеніе этой жизни съ древне-арійскою вообще и античною въ особенности. Труды А. И. Никитскаго (мы не считаемъ ихъ свободными отъ заблужденій) направлены именно въ эту сторону, въ чемъ ихъ самое важное значеніе; но путь указанъ уже и Соловьевымъ: его теорія старыхъ и новыхъ городовъ основана столько же на извѣстномъ мѣстѣ лѣтописи: „на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ“, сколько и на аналогіи съ античнымъ міромъ. Теорія старыхъ и новыхъ городовъ едва ли можетъ считаться вполнѣ безупречною; во всякомъ случаѣ, она объясняетъ переходъ отъ Кіевской къ Суздальской Руси односторонне; тѣмъ не менѣе, мы должны

[1]) Замѣчу для библіографа, что въ отдѣльномъ изданіи нѣтъ приложеній, которыя помѣщены при 2-мъ изданіи (въ *Чтеніяхъ*).

Digitized by Google

признать, что эта остроумная гипотеза сослужила свое дѣло: указала на необходимость найдти внутреннюю связь между двумя періодами русской исторической жизни.

Съ 1845 года до настоящаго академическаго года (за исключеніемъ небольшаго перерыва) Соловьевъ занималъ каѳедру въ Московскомъ университетѣ: всѣ некрологи говорятъ о преподаваніи его въ послѣдніе года, вотъ почему нелишнимъ будетъ припомнить того молодаго профессора, котораго слушали мы въ 1848—1849 годахъ. Соловьевъ въ то время читалъ два курса: общій для словесниковъ III-го и юристовъ II-го курсовъ и спеціальный для словесниковъ IV-го курса; спеціальные курсы составляли обыкновенно продолженіе общихъ и представляли подробное изложеніе того періода, на которомъ остановился курсъ общій. Изъ такихъ спеціальныхъ курсовъ образовались статьи въ Современникѣ: „Обзоръ событій смутнаго времени“ и „Обзоръ царствованія Михаила Ѳеодоровича“. Читавшіе эти статьи не могутъ не пожалѣть, что первая изъ нихъ не была перепечатана: VIII-й томъ Исторіи Россіи, въ которомъ отброшена вся критическая часть, далеко ея не замѣняетъ. Общій курсъ 1848—1849 годовъ начинался понятіемъ объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи; затѣмъ, охарактеризовавъ разные виды лѣтописей краткими, но мѣткими чертами, профессоръ переходилъ къ изложенію исторіографіи, при чемъ останавливался и на запискахъ современниковъ. Изложеніе исторіографіи кончается на Полевомъ, о которомъ Соловьевъ выражался, что онъ задумалъ передѣлать Карамзина по Карамзину же. Изложеніе науки начиналось съ всѣмъ извѣстнаго теперь географическаго очерка русской территоріи, вошедшаго въ первый томъ Исторіи Россіи [1]); въ то время этотъ очеркъ былъ совершенной новостью (статья Надеждина въ Библіотекѣ для Чтенія была мало извѣстна); послѣ Соловьева такой очеркъ сдѣлался необходимою принадлежностью каждаго общаго сочиненія по русской исторіи. За географіей страны слѣдовало изложеніе дружинной теоріи происхожденія Варяговъ-Руси, теоріи, на которой, по моему мнѣнію, скорѣе чѣмъ на какой-нибудь другой, можетъ и до сихъ поръ останавливатся историкъ. Событій варяжскаго періода намъ Соловьевъ не разказывалъ, но представилъ прекрасную характеристику дѣятельности первыхъ князей (въ 1846—1847 годахъ онъ разказывалъ и самыя событія, сколько я помню по тетрадкамъ товарищей); изложе-

[1]) Раньше онъ появился въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1850 года.

Digitized by Google

ніе удѣльнаго періода было сокращеніемъ его докторской диссертаціи, а Смутное время было изложено по статьямъ, появившимся въ Современникѣ. Помню живо превосходную характеристику Смутнаго времени, какъ эпохи, когда всѣ старыя начала, подавленныя Москвою, возстали, пробовали добиться господства, и потерпѣвъ крушеніе, уступили мѣсто здоровымъ элементамъ, желавшимъ прежде всего порядка и безопасности отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ крамолъ. Время первыхъ Романовыхъ и Петра еще представлялось въ бѣглыхъ очеркахъ, первомъ наброскѣ будущей картины. Таковъ былъ курсъ, который слушали съ удовольствіемъ мы, только что выслушавшіе талантливый курсъ К. Д. Кавелина, въ основахъ мало различавшійся отъ курса Соловьева, но останавливавшійся преимущественно на бытовой сторонѣ: такъ, у г. Кавелина много мѣста занималъ древній славянскій бытъ, котораго Соловьевъ, выдвинувшій на первый планъ политическую исторію, не касался.

Еще за годъ до того курса, о которомъ я сейчасъ говорилъ, Соловьевъ издалъ свою докторскую диссертацію: „Исторія родовыхъ отношеній между князьями Рюрикова дома“. Основная мысль этой книги и ея главныя заслуги заключаются въ стремленіи найдти связь между періодами, и связь не внѣшнюю, а внутреннюю, прослѣдить ростъ русскаго общества и намѣтить смѣну его общественныхъ состояній. Въ предисловіи авторъ возстаетъ на названія періодовъ: удѣльный, татарскій; доказываетъ, что въ первое время не было удѣловъ и что не Татарамъ, а внутреннимъ причинамъ надо приписать измѣненіе въ общественномъ строю Русской земли. Онъ признаетъ два начала, смѣною которыхъ характеризуется время до конца Рюриковой династіи: родовое и государственное; родъ, полагаетъ онъ, разложился подъ вліяніемъ началъ государственныхъ, появленіе которыхъ, по его мнѣнію, объясняется гипотезою о старыхъ и новыхъ городахъ. Вся книга замѣчательна; но въ особенности хороша послѣдняя глава, характеризующая борьбу Ивана Грознаго съ Курбскимъ: въ первый разъ русская исторіографія воспользовалась перепиской этихъ двухъ дѣятелей для характеристики двухъ міровъ, представителями которыхъ они являются. Книга Соловьева вызвала жаркую полемику: первый выступилъ Погодинъ (см. его полемику съ Соловьевымъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за іюнь или іюль 1847 г.) вскорѣ послѣ диспута; затѣмъ появились въ „Современникѣ“ статьи Кавелина (перепечатаны въ сочиненіяхъ). Кавелинъ, вполнѣ сочувствуя

Digitized by Google

общей идеѣ, приходя въ восторгъ отъ многихъ подробностей, иначе совершенно объясняетъ переходъ отъ родоваго быта къ государственному: ставя на первомъ планѣ развитіе личности (за которымъ онъ слѣдилъ въ своей статьѣ „Очерки юридическаго быта древней Руси“ въ „Современникѣ“ 1847 г., № 1-й и въ „Сочиненіяхъ“) онъ между родовымъ и государственнымъ началами ставилъ начало семейное, отъ котораго идетъ вотчинное; этимъ послѣднимъ онъ объяснялъ вотчинный характеръ Московскаго государства. Замѣчательно, что Соловьевъ, никогда не вдававшійся въ полемику, счелъ нужнымъ на лекціяхъ изложить свои возраженія г. Кавелину.

Посреди своихъ работъ университетскихъ, Соловьевъ находилъ время слѣдить въ критическихъ статьяхъ за выдающимися явленіями исторической науки: въ тогдашнихъ журналахъ (Московскомъ городскомъ листкѣ, Отечественныхъ Запискахъ) появилось довольно его критическихъ статей [1]), а также и очерковъ разныхъ вопросовъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ настолько же, какъ „Очерки смутнаго времени“, замѣчательны „Очерки исторіи Малороссіи“, тоже заслуживающія перепечатанія: здѣсь впервые представлена критика малороссійскихъ лѣтописей, преимущественно „Исторіи Руссовъ“, и высказанъ замѣчательный взглядъ на казачество. Въ 1850 году Соловьевъ прочелъ (одновременно съ Грановскимъ, Шевыревымъ и Гейманомъ) четыре публичныя лекціи, содержаніемъ которыхъ было установленіе государственнаго порядка въ Россіи. Эти лекціи представляютъ краткую, но мѣткую характеристику развитія Московскаго государства. Умѣнье излагать ясно, точно и сжато, часто даже очень оживленно, составляло всегда отличительную черту изложенія Соловьева: все туманное, неопредѣленное было чуждо его природѣ. Посреди этихъ работъ зачинался тотъ его трудъ, съ которымъ навсегда связывается его имя въ исторіи русскаго просвѣщенія: въ 1851 г. появился первый томъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Названіе, заимствованное отъ Татищева, было данью уваженія къ этому замѣчательному историку, котораго память онъ очистилъ отъ многихъ нареканій (см. статью въ Архивѣ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній), и въ которомъ онъ умѣлъ цѣнить практическое самообладаніе, ясно

[1]) Почти полный списокъ составленъ Е. Е. Замысловскимъ и помѣщенъ уже въ *Журн. М. Н. Пр.* Еще полнѣе списокъ, составленный Н. А. Поповымъ. Въ *Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ*.

Digitized by Google

высказавшееся въ томъ, что онъ приготовилъ связный матеріалъ для исторіи, но самой исторіи не писалъ, не поддаваясь увлеченію литературнаго изложенія. Этою чертою самъ Соловьевъ сближается съ Татищевымъ, ибо, подобно своему знаменитому предшественнику, онъ старался сдѣлать только то, что̀ возможно, и ясно сознавалъ, что многое такое еще могутъ сдѣлать историки въ будущемъ, чего при настоящемъ состояніи науки сдѣлать еще нельзя.

„Исторія Россіи", которая, къ сожалѣнію, не дописана, какъ не дописана „Исторія Государства Россійскаго" навсегда останется важнѣйшимъ памятникомъ русской исторіографіи за свое время. Главная ея цѣль высказана въ первыхъ строкахъ предисловія: „Не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію — вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда". Еще въ началѣ своей дѣятельности Соловьевъ провозгласилъ высокое начало: исторія есть народное самосознаніе, и остался ему вѣренъ во все продолженіе своего труда. Для Карамзина исторія есть прагматическое изложеніе событій, главная цѣль котораго поучительные примѣры; въ этомъ отношеніи Карамзинъ оставался вѣренъ своему времени: такъ понимали исторію великіе историки XVIII вѣка; изобразить внѣшній ростъ государства, внѣшнее распространеніе просвѣщенія и благосостоянія — ихъ единственная задача; при исполненіи этой задачи на первомъ планѣ стоитъ личность, и изображеніемъ личности преимущественно и занимались эти историки; сознаніе о постоянной смѣнѣ общественныхъ состояній преимущественно развилось въ началѣ XIX вѣка и популяризировалось великими французскими историками. Имъ хотѣлъ подражать Полевой; но ему недоставало ни матеріала; ни подготовки для того нужной, ни времени. Онъ только высказалъ мысль, но даже не замѣтилъ того, что при тогдашнемъ изученіи матеріала исполненіе было невозможно. Каченовскій вызвалъ къ критикѣ матеріала, показалъ куда надо направить усилія; а съ другой стороны, Эверсъ указалъ отличительныя черты первоначальнаго быта, основы его. На путь, открытый ими, вступилъ Соловьевъ, а съ нимъ рядомъ и вслѣдъ за нимъ другіе. Если мы теперь не при-

Digitized by Google

знаемъ теоріи родоваго быта во всей ея исключительности, то не можемъ однако не признать, что въ ней были первыя попытки связать всѣ явленія русской исторіи въ стройное цѣлое, и что попытка эта не въ видѣ намековъ, указаній и т. п., а въ цѣломъ стройномъ зданіи, сдѣлана Соловьевымъ. Отъ этой попытки пойдетъ впередъ русская исторіографія, она составляетъ основаніе для дальнѣйшаго движенія русской мысли, а въ значительной степени и жизни, поскольку жизнь будетъ сознавать, что настоящее—дитя прошедшаго. Позволю себѣ повторить здѣсь слова, сказанныя мною въ другомъ мѣстѣ [1]): „Высокая мысль, высказанная такъ давно, еще не перешла въ общественное сознаніе, но должна когда-нибудь перейдти, должна стать руководительнымъ маякомъ и государственнымъ людямъ, и представителямъ мысли и слова, и всѣмъ, кто такъ или иначе участвуетъ въ общественномъ движеніи. Если исторія народа есть его самосознаніе, то слѣдовательно, народъ въ своей исторической жизни постепенно раскрываетъ свои нравственныя свойства; стало быть, чуждыя вліянія только будятъ то, что̀ спало въ немъ; стало быть, личности являются только представителями той степени общественнаго сознанія, которая имъ современна, и могутъ сдѣлать не болѣе того, что возможно при данномъ положеніи; стало быть, состоянія общественныя находятся между собою въ прямой зависимости: одно вытекаетъ изъ другаго, и въ общемъ, каждое вноситъ что-нибудь новое, то-есть, вызываетъ къ дѣятельности такую сторону народной жизни, которая или совсѣмъ не выступила впередъ или выступала очень слабо; но вызвать новое можно только тогда, когда въ обществѣ сознательно или безсознательно живетъ уже потребность въ обновленіи той или другой стороны общественной жизни. Вотъ почему историческія явленія не спадаютъ съ неба, а приготовляются длиннымъ рядомъ явленій, иногда понятныхъ только послѣ того, какъ совершилось уже событіе, ярко кидающееся въ глаза и освѣщающее то, что ему предшествовало. Въ проведеніи нити развитія черезъ всю русскую исторію заключается одна изъ важнѣйшихъ заслугъ громаднаго труда Соловьева". Мы назвали трудъ его громаднымъ; этою характеристикою высказывается то впечатлѣніе, которое прежде всего зарождается въ человѣкѣ, только что приступившемъ къ чтенію книги Соловьева, оно же остается еще болѣе укрѣпившимся и послѣднимъ впечатлѣніемъ чело-

[1]) *Русская Старина*, 1876 г.

Digitized by Google

вѣка, долго и пристально изучавшаго этотъ трудъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ самъ занимался, тѣмъ болѣе онъ знаетъ цѣну времени, матеріальнаго и умственнаго труда, затрачиваемаго на продолжительную, многолѣтнюю работу, тѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ останавливается передъ подобнымъ произведеніемъ, тѣмъ яснѣе понимаетъ онъ— какою силою воли, какимъ самообладаніемъ долженъ былъ быть одаренъ человѣкъ, такъ продолжительно, такъ неуклонно работавшій. Человѣкъ, знакомый съ трудами подобнаго рода, поражается равно массой и физическаго, и умственнаго труда. Конечно, великою заслугою Соловьева было то, что онъ систематически обозрѣлъ сокровища нашихъ архивовъ за все изученное имъ время и ввелъ въ науку такъ много новаго матеріала, преимущественно съ той эпохи, на которой остановился Карамзинъ; важность этой заслуги увеличивается еще тѣмъ, что у Соловьева не было ни Малиновскаго, ни Калайдовича, ни А. Тургенева, помогавшихъ Карамзину и указаніями, и выписками; но еще важнѣе заслуги умственныя: Соловьеву удалось освѣтить своею идеей не только то время, которое было описано Карамзинымъ, и гдѣ онъ имѣлъ уже критически осмотрѣнные и приведенные въ связь факты, но и то время, въ изученіи котораго онъ не имѣлъ себѣ предшественниковъ, и гдѣ ему самому приходилось и собирать матеріалы, и оцѣнивать ихъ, и оцѣнивать значеніе самыхъ событій: три работы эти рѣдко соединяются вмѣстѣ, и каждая изъ нихъ порознь можетъ доставить извѣстность труженику. Мы знаемъ, что имъ понятъ не только удѣльный періодъ, возвышеніе Москвы, Іоанны III и IV, Смутное время, но и связь времени первыхъ Романовыхъ со временемъ Петра, значеніе самого Петра (укажу въ особенности на блистательныя „Публичныя лекціи о Петрѣ"), Елизавета, Екатерина и ея политика. Мы знаемъ, что внѣшняя политика Александра дала ему содержаніе для цѣлаго особаго сочиненія, какъ прежде развитіе польскаго вопроса вызвало его на изложеніе „Исторіи паденія Польши", которая въ настоящее время является необходимымъ дополненіемъ не оконченной имъ исторіи Екатерины II; въ послѣднее время вниманіе его привлекала дипломатическая дѣятельность царствованія Николая Павловича (см. статьи въ Древней и Новой Россіи и въ Вѣстникѣ Европы). Общія характеристики лицъ и событій, а равно и изложеніе дипломатическихъ сношеній, составляютъ всѣмъ извѣстное достоинство исторіи Соловьева, но у нея есть и другая сторона: она представляетъ значительно обильный матеріалъ для пониманія

Digitized by Google

общественной жизни въ разныя эпохи; въ первыхъ томахъ этотъ матеріалъ группируется; въ послѣднихъ онъ помѣщается погодно, ибо какъ матеріалъ новый онъ еще трудно поддавался группировкѣ. Не надо забывать также и того, что къ изученію древняго періода историкъ встрѣчалъ значительныя пособія въ разныхъ монографіяхъ, для новаго онъ былъ почти лишенъ этого пособія, за исключеніемъ развѣ монографій литературныхъ; вотъ почему можетъ отчасти отдѣлъ литературы и полнѣе, и обработаннѣе въ трудѣ Соловьева, чему, конечно, помогло и самое его образованіе: онъ не былъ ни юристъ, ни политико-экономъ, чего, впрочемъ, никто и не могъ отъ него требовать.

Прошло почти тридцать лѣтъ со времени появленія перваго тома „Исторіи Россіи". Наука историческая сдѣлала съ тѣхъ поръ много успѣховъ, и Соловьевъ слѣдилъ за нею неуклонно: вопросы общеисторическіе постоянно занимали его (такъ онъ помѣстилъ въ Вѣстникѣ Европы свои „Размышленія надъ историческою жизнью народовъ", тамъ же недавно было содержаніе его курса, читаннаго въ Петербургѣ въ тѣсномъ кружкѣ; не разъ онъ писалъ статьи по поводу иностранныхъ сочиненій: Фруда, Лорана, Ланфрея; издалъ „Курсъ новой исторіи"; весною 1879 года говорилъ онъ мнѣ, что переглядѣлъ всѣ путешествія по внутренней Африкѣ, ища въ нихъ свидѣтельствъ о бытѣ первоначальныхъ народовъ, но испыталъ разочарованіе, ибо встрѣтилъ болѣе свѣдѣній о животныхъ и растеніяхъ, чѣмъ о человѣкѣ; при этомъ онъ выразилъ надежду, что антропологія, не смотря на то, что теперь она часто заблуждается, все-таки вызоветъ болѣе вниманія къ человѣку. Слѣдя за движеніемъ науки, Соловьевъ уже не могъ пересматривать своихъ первыхъ томовъ: ему нужно было идти впередъ. Сдѣлано имъ такъ много, что, конечно, никто не сочтетъ себя въ правѣ искать того, чего онъ сдѣлать не могъ. Прибавимъ еще, что онъ никогда не скрывалъ пробѣловъ въ нашихъ знаніяхъ и не старался придать цѣльность тому, что̀ въ сущности не имѣло ея. Самое важное обвиненіе, съ которымъ онъ обращался къ историкамъ-литераторамъ, при чемъ прежде всего имѣлся въ виду Карамзинъ, состояло въ томъ, что они даютъ много мѣста фантазіи. Стремленіе къ научности изложенія онъ доводилъ иногда до крайности; но нельзя не сознаться въ томъ, что забота о красотѣ разказа отвела бы его далеко отъ главной цѣли, и мы, можетъ быть, не имѣли бы и половины того, что̀ мы имѣемъ.

Digitized by Google

Карамзинъ писалъ когда-то Тургеневу: „Жить есть не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику: все остальное, любезный мой пріятель, есть шелуха". Я убѣжденъ, что тоже могъ бы сказать Соловьевъ. Его идеалъ жизни былъ строгое исполненіе долга: въ одномъ изъ некрологовъ разсказывается, что когда совѣтъ университета выбралъ его въ ректоры, Соловьевъ отвѣтилъ: „принимаю, потому-что трудно" и сумѣлъ согласить свои занятія ректорскія съ занятіями учеными и также строго отнестись какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ. Онъ былъ всего болѣе требователенъ къ самому себѣ и строго неуклонимъ въ исполненіи своихъ обязанностей: въ этомъ отношеніи онъ опять напоминаетъ Татищева, который говаривалъ: „На службу не навязывайся, отъ службы не отказывайся". Выработавъ свой характеръ суровымъ и постояннымъ трудомъ надъ самимъ собою, пріучивъ себя къ непрерывному, неуклонному труду, пріучившись сдержанно относиться къ другимъ и никогда не терять собственнаго достоинства: такъ онъ почти никогда не вступалъ въ полемику и никогда не вмѣшивалъ въ ученый споръ личныхъ отношеній,—Соловьевъ выработалъ себѣ твердыя и неуклонныя убѣжденія, которыхъ онъ уже ни за что бы не уступилъ. Въ періодъ шатанія умовъ Соловьевъ представляетъ поучительный примѣръ: разъ сложившіяся убѣжденія, плодъ долгихъ размышленій, постоянно руководили его, какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни. Убѣжденія свои онъ высказывалъ прямо и просто при всякомъ случаѣ; такъ, по поводу книги Лорана, которая показалась ему способною увлечь многихъ, онъ высказалъ свой взглядъ на христіанство, и этому взгляду онъ оставался вѣренъ всегда: религіозность составляла одно изъ отличительныхъ его свойствъ; но эта религіозность не вела его къ нетерпимости, а только возвышала его взглядъ. Замѣчательно, что во многомъ расходясь со славянофилами, онъ сходился съ ними во взглядѣ на православіе и протестантизмъ: его оцѣнка Лютера въ „Курсѣ новой исторіи" могла быть подписана и каждымъ изъ славянофиловъ. Сходился онъ съ ними и въ любви къ Россіи, и въ вѣрѣ въ историческое призваніе Русскаго народа, хотя и расходился въ оцѣнкѣ реформы Петра; но, цѣня западную науку, онъ зналъ и ея недостатки, и конечно, не менѣе славянофиловъ понималъ вредъ чистаго матеріализма.

Мы жалуемся, что у насъ нѣтъ характеровъ, а вотъ еще недавно

Digitized by Google

жилъ между нами человѣкъ съ твердымъ характеромъ, всю жизнь свою посвятившій службѣ Русской землѣ; мы жалуемся, что у насъ нѣтъ ученыхъ, а вотъ только что сошелъ въ могилу человѣкъ, мѣсто котораго въ ряду величайшихъ ученыхъ XIX вѣка. Почтимъ же его память пожеланіемъ, чтобы жизнь его, когда онъ найдетъ себѣ полную оцѣнку, послужила примѣромъ и поощреніемъ будущимъ поколѣніямъ; пожелаемъ также, чтобъ эти будущія поколѣнія учились у него не только умѣнью понимать источники, но и умѣнью вырабатывать характеръ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Digitized by Google

ВЫВОДЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ И ГИПОТЕТИЧЕСКІЕ.

Выводы свои мы основываемъ не на сличеніи только субъектовъ сужденій, но и на сличеніи ихъ предикатовъ или опредѣленій. Какъ сличеніе субъектовъ сужденій имѣетъ въ выводѣ ту цѣль, чтобы при помощи дознаннаго предиката одного изъ нихъ установить недознанный предикатъ другаго: точно также сличеніе предикатовъ сужденій можетъ имѣть въ выводѣ одну цѣль, чтобы при помощи дознаннаго субъекта одного изъ нихъ установить недознанный или недостаточно дознанный субъектъ другаго. Но такъ какъ одно и то же опредѣленіе или предикатъ можетъ быть предикатомъ очень различныхъ предметовъ, то одно убѣжденіе въ тожествѣ предикатовъ не можетъ вести къ прямому утвердительному заключенію, то-есть къ перенесенію субъекта изъ одного сужденія въ другое. Поэтому если положительная форма заключеній чрезъ сличеніе предикатовъ и возможна, то она все же не можетъ быть, очевидно, формой простѣйшей и должна предполагать усложненія въ выводѣ. Простѣйшей формы намъ остается искать, такимъ образомъ, въ формѣ отрицательной, то-есть такой, которая исходнымъ пунктомъ имѣла бы отрицаніе тожества предикатовъ и въ заключеніи приводила бы къ мысли о невозможности перенести субъектъ изъ одного сужденія въ другое.

I.

Каждый отдѣльный предикатъ или опредѣленіе ставится нами въ сужденіи въ качествѣ одной только части содержанія субъекта, такъ какъ субъектъ сужденія представляетъ для насъ неопредѣленную полноту свойствъ и отношеній, которыя мы можемъ исчерпать лишь

Digitized by Google

въ цѣломъ рядѣ опредѣленій. Чтобы каждое изъ опредѣленій предмета было дѣйствительно особымъ отъ другихъ его опредѣленіемъ, а не особымъ только словомъ, для этого оно по самому своему смыслу должно отличаться отъ другихъ опредѣленій того же предмета. Отсюда слѣдуетъ, что простое отрицаніе тожества между двумя опредѣленіями, то-есть простое убѣжденіе, что они по своему смыслу отличаются одно отъ другаго, еще не можетъ служить основаніемъ для мысли, что субъектъ одного изъ нихъ не можетъ быть субъектомъ и другаго. Но дѣло получаетъ другой видъ, когда опредѣленія стоятъ въ строго-логической противоположности другъ къ другу (или въ противорѣчіи), то-есть когда одно изъ нихъ прямо отрицаетъ въ предметѣ то, что ставится другимъ опредѣленіемъ. Если какой нибудь предметъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, какое нибудь свойство или отношеніе, то утверждать, что онъ не имѣетъ этого свойства или отношенія, значитъ противорѣчить факту, дѣйствительности. Точно также, конечно, и наоборотъ: отрицать отсутствіе въ предметѣ нѣкотораго свойства или отношенія, когда онъ въ дѣйствительности его не имѣетъ, значитъ противорѣчить дѣйствительности. Но теперь, прилагая предмету какое нибудь, будетъ ли то утвердительное или отрицательное, опредѣленіе и признавая наше сужденіе истиннымъ, мы хотимъ сказать только, что этотъ предметъ въ дѣйствительности имѣетъ это опредѣленіе; а поэтому, еслибы мы стали отрицать это сужденіе, то мы стали бы въ противорѣчіе съ признанною нами дѣйствительностію и, на сколько признаніе это было законно, съ самою дѣйствительностію. Но цѣль нашего знанія состоитъ въ томъ, чтобы сужденія наши отвѣчали дѣйствительности. Такимъ образомъ на сколько цѣлію нашихъ сужденій мы полагаемъ знаніе, мы не можемъ допустить отрицанія сужденія, признаннаго истиннымъ. Подъ опредѣленіемъ строго-логически противоположнымъ другому мы разумѣемъ, какъ мы сказали, такое опредѣленіе, которое, будучи приписано предмету, отрицало бы въ немъ именно то самое, что ставится въ немъ другимъ опредѣленіемъ. Ясно такимъ образомъ, что, пріурочивъ къ предмету одно изъ двухъ строго-логически противоположныхъ другъ другу опредѣленій и признавъ наше сужденіе истиннымъ, мы должны признать, что сужденіе, въ которомъ приписывалось бы тому же предмету другое изъ этихъ опредѣленій, противорѣчитъ дѣйствительности и, слѣдовательно, не можетъ претендовать на права знанія. Отсюда сама собою дѣлается понятной коренная отрицательная формула нашихъ выводовъ. Пусть мы имѣемъ опредѣленіе, которое безспорно

Digitized by Google

принадлежитъ извѣстному предмету А. Если теперь мы встрѣчаемъ другое опредѣленіе, строго-логически противоположное этому, но также безпорно относящееся къ дѣйствительности, то, такъ какъ приписать его предмету А значило бы противорѣчить дѣйствительности, намъ остается признать его принадлежащимъ другому предмету, то-есть намъ остается признать, что предметъ перваго предѣленія не можетъ быть тѣмъ самымъ предметомъ, къ которому относится послѣднее опредѣленіе. Такимъ образомъ простѣйшая форма заключеній чрезъ сличеніе опредѣленій состоитъ въ заключеніи отъ строго-логической противоположности двухъ опредѣленій къ мысли, что субъектъ одного изъ нихъ не можетъ быть субъектомъ другаго.

Подобная формула заключенія приложима въ стольже разнообразныхъ случаяхъ, какъ и общая формула заключеній на основаніи тожества субъектовъ.

Предметъ можетъ имѣть не одинъ, а нѣсколько признаковъ, принадлежащихъ ему исключительно, и такъ какъ каждымъ изъ этихъ признаковъ онъ можетъ характеризоваться въ нашихъ глазахъ, то всегда можетъ случиться, что, характеризуясь въ нашихъ глазахъ неодинаково, онъ нами можетъ считаться не за одинъ и тотъ же предметъ, или по крайней мѣрѣ мы можемъ сомнѣваться, тотъ ли это предметъ или нѣтъ. Въ такомъ случаѣ настаетъ потребность доказать это тожество. Но точно также могутъ встрѣчаться и обратные случаи. Каждый предметъ имѣетъ много опредѣленій, общихъ ему съ разнообразными другими. Это обыкновенно не препятствуетъ намъ считать эти послѣдніе предметы за нетожественные реально съ нимъ, какъ скоро они рядомъ съ нимъ предстоятъ нашему непосредственному сознанію или какъ скоро непосредственно ясны ихъ отличительные признаки. Но ни того ни другаго можетъ и не быть, и тогда настаетъ возможность смѣшенія предметовъ или по крайней мѣрѣ мысль объ ихъ тожествѣ является въ качествѣ болѣе или менѣе правдоподобной догадки. Чтобы опровергнуть подобную догадку, мы стараемся за однимъ изъ предметовъ установить опредѣленіе, строго-логически противоположное которому мы имѣемъ право приписать другому. Такъ поступаемъ мы очень часто въ обычной жизни, въ историческихъ изслѣдованіяхъ, въ судебной практикѣ и пр. Вамъ подмѣнили какую нибудь вещь; вы находите въ подмѣненной вещи какое нибудь свойство, какого не имѣла вещь, дѣйствительно вамъ принадлежавшая, или не находите въ ней свойства, фактически принадлежавшаго вашей вещи, и убѣждаетесь въ нетожествѣ ея съ послѣд-

Digitized by Google

ней. Преданіе приписываетъ извѣстному историческому лицу сочиненіе или отрывокъ; историкъ доказываетъ, что авторъ сочиненія или отрывка не относится къ тому времени, къ которому принадлежитъ это историческое лицо, что онъ излагаетъ свои мысли не такъ, какъ свойственно послѣднему, и пр. под. и отсюда выводитъ нетожественность писателя книги или отрывка съ лицомъ, которому они приписываются. Г. NN на основаніи извѣстныхъ уликъ обвиняется въ совершеніи такого-то преступленія; его защитникъ прибѣгаетъ къ выводу, о которомъ идетъ рѣчь; онъ старается установить за лицомъ, совершившимъ преступленіе, и лицомъ обвиняемымъ строго-логически противоположныя опредѣленія, напримѣръ, что г. NN не могъ быть въ моментъ совершенія преступленія на мѣстѣ преступленія, что онъ не владѣетъ тѣми или другими свойствами, которыя должны отличать лицо, совершившее это преступленіе, и пр. под.

Какъ возможно ошибочное отожествленіе одного предмета съ другимъ, точно также возможно ошибочное предположеніе о тожествѣ извѣстнаго предмета съ однимъ изъ членовъ опредѣленной логической группы или съ частію извѣстнаго аггрегата. И чтобы убѣдиться въ невѣрности подобнаго предположенія, мы опять должны обратиться къ опредѣленіямъ съ одной стороны группы или аггрегата, съ другой отдѣльнаго предмета, отожествляемаго съ членомъ группы или частію аггрегата. Такъ какъ каждое опредѣленіе логической группы есть опредѣленіе каждаго члена ея, взятаго порознь, то выводъ, имѣющій цѣлію выдѣлить предметъ изъ группы, очевидно, близко подойдетъ къ выводу, имѣющему цѣлію отличить два отдѣльные предмета. Мы отыскиваемъ такое опредѣленіе въ предметѣ, которое стояло бы въ строго-логической противоположности съ извѣстнымъ намъ опредѣленіемъ группы, и отсюда выводимъ, что предметъ не есть членъ группы. Химикъ подвергаетъ изслѣдуемое имъ вещество дѣйствію опредѣленнаго агента и замѣчая, что происходящая реакція не можетъ относиться къ реакціямъ такого-то элемента, рѣшаетъ, что изслѣдуемое имъ вещество не можетъ относиться къ элементамъ этого рода. То, что мы называемъ частнымъ предметомъ, можетъ быть въ свою очередь также логической группой. Нашъ выводъ въ такомъ случаѣ будетъ рѣшать вопросъ: всѣ члены этой группы не входятъ ли въ составъ извѣстной другой группы. Разложимыя при сильномъ жарѣ тѣла, говоритъ химикъ, не могутъ имѣть своихъ линій въ спектрѣ солнца; натрій (и другіе металлы) имѣетъ свои линіи въ немъ, значитъ натрій (и другіе металлы) не относится къ тѣламъ, разло-

Digitized by Google

жимымъ при самомъ сильномъ жарѣ. Эта модификація отрицательнаго вывода то-есть выдѣленіе изъ извѣстной группы отдѣльнаго предмета или другой группы составляетъ тотъ выводъ, который въ системахъ логики называется второй фигурой категорическаго силлогизма. Если мы имѣемъ дѣло не съ цѣльными реальными предметами а съ порядками фактовъ во времени, то-есть вмѣсто категорическихъ возьмемъ гипотетическія сужденія, сущность выводнаго процесса, очевидно, не измѣнится ни мало. По нѣкоторымъ признакамъ болѣзни у доктора является предположеніе, что изслѣдуемый больной страдаетъ такою-то формою болѣзни; но, продолжая свой діагнозъ, докторъ не встрѣчаетъ того или другаго факта, неизбѣжно сопровождающаго эту болѣзнь, и отсюда заключаетъ объ ошибочности своего предположенія. Послѣдовательность вывода у него будетъ, очевидно, такова: когда бываетъ такая-то болѣзнь (то-есть въ порядкѣ фактовъ, характеризующемся такими-то фактами), должны встрѣчаться такія-то явленія, но при данномъ случаѣ болѣзни этихъ явленій нѣтъ, слѣдовательно нѣтъ и того рода болѣзни, который былъ предположенъ. Такъ получается отрицательная форма силлогизма условнаго.

Выдѣлить предметъ изъ группы значитъ признать его нетожественнымъ ни съ однимъ (какимъ бы то ни было) членомъ этой группы. Когда же группа имѣетъ составное опредѣленіе (G есть или B, или C, или D), то предполагается, что въ ней есть члены съ каждымъ изъ предикатовъ, входящихъ въ составъ составнаго опредѣленія (то-есть есть члены съ предикатомъ B, есть и съ предикатомъ C, есть и съ предикатомъ D). Поэтому, чтобы воспользоваться составнымъ опредѣленіемъ группы для выдѣленія изъ нея предмета, необходимо знать о существованіи у этого предмета предикатовъ строго-логически противоположныхъ каждому изъ предикатовъ, входящихъ въ составное опредѣленіе группы (A не есть ни B, ни C, ни D), и только въ такомъ случаѣ получится заключеніе, что предметъ не относится къ группѣ (A не есть G). Химикъ знаетъ линіи спектра извѣстныхъ химіи элементовъ; затѣмъ встрѣчаетъ вещество, къ которому оказывается неприложимымъ ни одно изъ этихъ опредѣленій, то-есть спектральныя линіи котораго не подходятъ подъ линіи извѣстныхъ химіи элементовъ, и онъ заключаетъ, что это вещество не относится къ группѣ извѣстныхъ химіи элементовъ, то-есть представляетъ для нашего знанія новый элементъ. Такимъ путемъ, какъ извѣстно, дѣйствительно открыты были нѣкоторые элементы. Эта модификація отрицательнаго вывода, очевидно, совершенно также относится къ раз-

Digitized by Google

дѣлительному силлогизму, какъ вторая фигура категорическаго силлогизма къ первой фигурѣ того же силлогизма. Первая фигура категорическаго силлогизма и силлогизмъ раздѣлительный одинаково представляютъ утвердительныя формы заключенія отъ отношенія между группой и предметомъ къ отношенію между ихъ опредѣленіями и различаются тѣмъ, что въ одномъ случаѣ берется группа съ однимъ предикатомъ, въ другомъ съ нѣсколькими, составляющими одно опредѣленіе. Точно также вторая фигура категорическаго силлогизма и сейчасъ разъясненная модификація вывода одинаково представляютъ отрицательныя формы заключенія отъ отношенія между опредѣленіями группы и отдѣльнаго предмета къ отношенію между самой группой и этимъ предметомъ и различаются опять тѣмъ, что въ одномъ случаѣ берется группа съ однимъ предикатомъ, въ другомъ съ нѣсколькими, составляющими одно опредѣленіе.

Дѣйствительное тожество аггрегата съ его частями не простирается далѣе тѣхъ опредѣленій, которыя выражаютъ его фактическое содержаніе, а потому строго-логическая противоположность опредѣленія аггрегата съ опредѣленіемъ предмета можетъ лишь въ томъ случаѣ вести къ признанію, что предметъ не есть часть аггрегата, когда противорѣчащія другъ другу опредѣленія касаются фактическаго содержанія обоихъ. Кромѣ того предикатъ аггрегата не составляетъ, подобно опредѣленію логической группы, опредѣленія каждой части его а лишь всѣхъ ихъ въ совокупности. Поэтому сужденіе объ отдѣльномъ предметѣ только тогда будетъ противорѣчить сужденію объ аггрегатѣ, когда оно будетъ приписывать отдѣльному предмету то, чего не содержится въ аггрегатѣ. Только въ этомъ случаѣ явится дѣйствительное противорѣчіе, какъ скоро отнесемъ предметъ къ аггрегату, такъ какъ мы припишемъ ему въ такомъ случаѣ нѣчто, существованіе чего отрицали въ немъ же, взятомъ въ совокупности съ другими предметами, то-есть отрицали своимъ сужденіемъ объ аггрегатѣ. Если же, наоборотъ, мы будемъ отрицать въ отдѣльномъ предметѣ содержаніе, которое приписали аггрегату, то отсюда никакъ не будетъ слѣдовать, что предметъ не тожественъ съ частію аггрегата, такъ какъ то содержаніе, которое мы приписали аггрегату, можетъ относиться къ другимъ частамъ аггрегата, а не къ той, которая тожественна съ нашимъ предметомъ, и въ такомъ случаѣ сужденіе объ аггрегатѣ не будетъ вовсе касаться предмета, насъ интересующаго, а слѣдовательно, и не будетъ стоять ни въ какомъ противорѣчіи съ какимъ бы то ни было сужденіемъ о послѣднемъ. Есть очень много

Digitized by Google

сужденій о составѣ предметовъ, къ которымъ разсматриваемая нами формула вывода, повидимому, вовсе неприложима. Таковы всѣ сужденія, въ которыхъ содержащееся въ предметѣ характеризуется не специфическимъ чертами, а чертами общими, одинаково приложимыми какъ къ содержанію этого предмета такъ и многихъ другихъ. Это поле, говоримъ мы, состоитъ изъ трехъ сотъ десятинъ; этотъ періодъ времени обнимаетъ двадцать лѣтъ и пр. под. Аггрегатъ, къ которому ошибочно пріурочивается это поле или этотъ періодъ времени, можетъ и не содержать въ себѣ тѣхъ самыхъ десятинъ или тѣхъ самыхъ головъ, которые мы имѣли въ виду при своемъ сужденіи о полѣ или періодѣ времени, но все же онъ будетъ содержать въ себѣ десятины или года, поэтому мы не будемъ въ состояніи отрицать въ немъ опредѣленіе, приписанное нами предмету, такъ какъ и въ своемъ сужденіи о предметѣ говоримъ о десятинахъ и годахъ вообще, не указывая точно, какіе изъ нихъ мы имѣемъ въ виду. Однако и въ этомъ случаѣ бываетъ иногда средство примѣнить отрицательную форму вывода. Если логически совершенно тожественныхъ составныхъ частей мы находимъ въ предметѣ болѣе, чѣмъ сколько полагаемъ такихъ же частей въ аггрегатѣ, то это будетъ прямо означать, что въ предметѣ находится во всякомъ случаѣ нѣчто (излишнее число частей противъ числа содержащихся въ аггрегатѣ), чего не дано въ содержаніи аггрегата, а отсюда получается безспорное заключеніе, что онъ не можетъ быть по крайней мѣрѣ простою частію аггрегата. И на эту послѣднюю модификацію вывода нельзя смотрѣть какъ на выводъ, существенно отличный отъ другихъ выводовъ, основывающихся на сличеніи содержащагося въ предметѣ съ содержащимся въ аггрегатѣ. Правда, въ другихъ выводахъ подобнаго рода, какъ мы видѣли, сужденіе объ аггрегатѣ отрицательно, а въ этой модификаціи оно утвердительно и перечисляетъ содержаніе аггрегата. Однако на самомъ дѣлѣ эта утвердительная форма сужденія имѣетъ въ отношеніи къ выводу значеніе чисто отрицательное; она составляетъ только средство для убѣжденія, что въ аггрегатѣ нѣтъ другаго содержанія кромѣ перечисленнаго и что въ немъ, слѣдовательно, нѣтъ тѣхъ частей, которыя въ предметѣ существуютъ сверхъ числа частей, содержащихся въ аггрегатѣ. Подобное сужденіе, утвердительное по своему непосредственному смыслу, но отрицательное по своему значенію въ выводѣ, мы могли бы употребить и во всѣхъ другихъ выводахъ того же рода. Мы могли бы заключать, напримѣръ, такъ: въ аггрегатѣ G содержится только B, C, D, а въ предметѣ A содержится E, слѣдовательно пред-

Digitized by Google

метъ не можетъ быть простою частію аггрегата. Ясно, что сужденіе: „въ аггрегатѣ содержится только B, C, D“, хотя и утвердительно, но для самаго вывода имѣетъ значеніе сужденія отрицательнаго, то-есть оно важно для насъ вовсе не потому, что оно приписываетъ аггрегату B, C, D, а лишь потому, что отрицаетъ въ немъ существованіе E, и выводъ нисколько не пострадалъ бы, еслибы B, C, D замѣнены были чѣмъ угодно другимъ, лишь бы въ этомъ другомъ не заключалось E. Изъ всего вышесказаннаго легко вывести, что положеніе: „часть не можетъ быть больше своего цѣлаго“ есть только примѣненіе къ опредѣленнымъ частнымъ случаямъ болѣе общаго положенія: „часть не можетъ содержать въ себѣ чего-либо, что не содержалось бы въ цѣломъ“ [1]), а послѣднее положеніе по своему значенію для выводовъ параллельно положенію: „каждый членъ логической группы не можетъ имѣть опредѣленій, строго-логически противоположныхъ опредѣленію этой группы. Оба же послѣднія положенія составляютъ въ свою очередь спеціальное примѣненіе общаго требованія отрицательныхъ выводовъ, по которому мы должны ставить въ качествѣ нетожественныхъ предметовъ такіе предметы, къ которымъ прилагаются строго-логически противоположныя другъ другу опредѣленія.

Мы знаемъ, что, придавая двумъ реально отдѣльнымъ предметамъ одни и тѣже предикаты, мы признаемъ ихъ логически тожественными съ той стороны, къ которой относятся эти предикаты и которая сполна ими исчерпывается. Нѣтъ нужды подробно разъяснять, что отрицаніе подобнаго тожества совершается на основаніи той же формулы вывода. Установивъ время жизни извѣстнаго дѣятеля и найдя, что получившееся опредѣленіе не можетъ быть приложено къ другому лицу, мы получаемъ право отрицать тожество этихъ лицъ по времени. Опредѣливъ величину предмета и убѣдившись, что то же опредѣленіе не приложимо къ извѣстному другому предмету, мы отрицаемъ равенство между ними и пр. под. Повидимому, чрезъ вы-

[1]) Положеніе: «часть не можетъ быть больше своего цѣлаго» можетъ перейдти въ другое: «часть не можетъ быть равна своему цѣлому». Для этого слѣдуетъ только предположить, что дѣло идетъ о такомъ содержаніи предмета, въ которомъ участвуетъ каждая часть его, какую бы мы ни взяли. Признавая предметъ частію другаго, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что въ послѣднемъ существуютъ еще и другія части. Если же дѣло идетъ о такомъ содержаніи предметовъ, въ которомъ участвуетъ каждая часть ихъ, то этотъ другой предметъ, обнимая въ себѣ, кромѣ содержанія перваго предмета, содержаніе остальныхъ своихъ частей, будетъ, конечно, необходимо превышать по своему содержанію предметъ первый.

Digitized by Google

воды такого рода мы не пріобрѣтаемъ никакого знанія, такъ какъ замѣняемъ только абсолютное опредѣленіе предмета (предметъ состоитъ изъ столькихъ-то сажень, жизнь такого-то лица простиралась отъ такого-то до такого-то года) относительнымъ, то-есть указаніемъ отношенія его къ другому предмету, и притомъ опредѣленіемъ отрицательнымъ (предметъ не равенъ такому-то предмету по протяженію, лицо не современно такому-то другому лицу). Однако, если мы подумаемъ о томъ, что очень часто нашъ интересъ состоитъ именно въ сравнительномъ опредѣленіи предмета, въ указаніи на отношеніе его къ другому предмету и что это отношеніе никакъ не дано абсолютнымъ опредѣленіемъ предмета, а можетъ быть только выводомъ изъ сличенія этого опредѣленія съ опредѣленіемъ другаго предмета, сравниваемаго съ нимъ, то едва-ли не согласимся принять эту форму заключенія выводомъ законнымъ и имѣющимъ свою долю значенія. Прибавимъ къ этому, что выведенныя такимъ образомъ сужденія часто могутъ служить для насъ цѣнными посылками при пріобрѣтеніи другихъ сужденій. Часто случается, что не иначе какъ при помощи положенія о неравенствѣ А съ В, пріобрѣтеннаго по этой формѣ вывода, мы можемъ установить неравенство его съ С, Д и пр., о равенствѣ которыхъ съ В мы знаемъ.

II.

Если сравнить перечисленные нами случаи выводовъ отрицательныхъ съ случаями выводовъ утвердительныхъ, сдѣланныхъ на основаніи тожества между предметами, то легко можно усмотрѣть нѣкоторый пробѣлъ въ нашемъ перечнѣ первыхъ. Когда мы имѣемъ сужденіе о логической группѣ съ составнымъ опредѣленіемъ, тогда для того, чтобы найдти предикатъ частнаго предмета, отнесеннаго къ этой группѣ, мы должны исключить изъ составнаго опредѣленія группы предикаты, не относящіеся къ этому предмету. Точный выводъ безъ исполненія этого условія невозможенъ. Однако и въ тѣхъ случаяхъ, когда это условіе неисполнимо на дѣлѣ, мы не лишены всякой возможности пріурочить къ предмету тотъ, а не другой изъ составныхъ предикатовъ группы. Если, напримѣръ, изъ ея двухъ предикатовъ, составляющихъ въ своей совокупности одно полное ея опредѣленіе, одинъ признается господствующимъ въ группѣ, другой же относится къ самому незначительному числу ея членовъ, то получается законное вѣроятное сужденіе о принадлежности предмету

Digitized by Google

господствующаго въ группѣ предиката. Въ виду этого обстоятельства является вопросъ, не можемъ ли мы и при отрицательныхъ выводахъ, то-есть при исключеніи предмета изъ группы, сдѣлать вѣроятное заключеніе, воспользовавшись исключительно преимущественнымъ предикатомъ группы. Не можемъ ли мы, сказать иначе, на томъ основаніи, что предметъ не имѣетъ преимущественнаго предиката группы, съ вѣроятностію заключать, что онъ не относится къ ней? Является вмѣстѣ съ тѣмъ неразрывно связанный съ этимъ вопросомъ другой вопросъ: пріурочивая къ предмету предикатъ, имѣющій лишь самое ничтожное значеніе въ группѣ; не можемъ ли мы заключать отсюда, что предметъ не относится къ этой группѣ? Зная, что предметъ относится къ группѣ, мы признаемъ весьма мало вѣроятнымъ, чтобы онъ имѣлъ опредѣленіе, сравнительно ничтожное число разъ встрѣчающееся въ группѣ; не должны ли мы и наоборотъ, встрѣчая это послѣднее опредѣленіе, заключать, что предметъ его не принадлежитъ къ группѣ, и заключать съ тѣмъ же самымъ правомъ, съ какимъ отнесли бы къ нему господствующее опредѣленіе группы, еслибы онъ былъ признанъ ея членомъ? Въ жизни постоянно, по видимому, такъ именно мы и заключаемъ. Устраняя предположеніе, что извѣстный больной страдаетъ такою-то болѣзнію, врачъ не откажется сослаться на фактъ, что извѣстный симптомъ очень рѣдко встрѣчается въ болѣзняхъ этого рода. Развѣ не приходится намъ скептически относиться къ предположенію, что то или другое лицо совершило извѣстное преступленіе, на томъ основаніи, что это лицо относится къ категоріи лицъ, среди которыхъ необыкновенно рѣдко встрѣчаются подобныя преступленія? Однако, если мы допустимъ законность отрицательныхъ выводовъ на основаніи противорѣчія опредѣленія предмета господствующему опредѣленію группы, то мы должны будемъ идти далѣе. Мы знаемъ, что выводы на основаніи такъ называемой теоріи вѣроятности суть заключенія одного порядка съ заключеніями на основаніи господствующаго въ группѣ предиката, а поэтому мы должны будемъ распространить право отрицательныхъ заключеній и на выводы, основанные на теоріи математической вѣроятности; а между тѣмъ по достаточно установившемуся въ логикѣ мнѣнію математически разсчитанная вѣроятность не даетъ права на отрицательныя заключенія. Для обыкновенныхъ теорій логики такого недоумѣнія не существуетъ, такъ какъ въ нихъ остается невыясненнымъ тожество выводовъ на основаніи теоріи математической вѣроятности съ выводами отъ логической группы къ предмету. Но на дѣлѣ суще-

Digitized by Google

ствуетъ неизбѣжная дилемма, или признать законность отрицательныхъ выводовъ по теоріи математической вѣроятности, или отрицать законность всѣхъ вообще отрицательныхъ выводовъ изъ сужденія о группѣ съ составнымъ опредѣленіемъ, если опредѣленіе предмета не стоитъ въ противорѣчіи съ каждымъ изъ входящихъ въ опредѣленіе группы предикатовъ, равно съ господствующимъ, какъ и ничтожнымъ по своему значенію.

Согласиться съ первымъ членомъ этой дилеммы совершенно невозможно. Правда, нѣкоторыя изъ нашихъ отрицательныхъ заключеній на первый взглядъ представляются выводами, основанными на математическомъ разсчисленіи вѣроятностей. Пусть игральная кость (кубикъ) нѣсколько десятковъ разъ къ ряду выброситъ 6 очковъ; каждый готовъ будетъ заподозрить поддѣлку этой игральной кости. На какомъ же это основаніи? Отвѣчать на этотъ вопросъ, по видимому, нетрудно. Заключать о поддѣлкѣ кости на основаніи факта вскрытія 6 очковъ нѣсколько десятковъ разъ къ ряду мы могли бы при помощи отрицательной формы вывода въ томъ случаѣ, когда имѣли бы сужденіе о правильно сдѣланной кости, предикатъ котораго стоялъ бы въ строго-логической противоположности съ фактомъ, на основаніи котораго мы заподозриваемъ поддѣлку кости. Игрокъ въ кости можетъ составить сужденіе о выбрасываемыхъ подъ рядъ очкахъ правильными костями на основаніи своего долговременнаго опыта. Но предположенный нами случай относится къ случаямъ такого рода, что заставляетъ подозрѣвать поддѣлку кости одинаково всякаго—какъ игравшаго въ кости, такъ и не игравшаго; а поэтому сужденіе о правильныхъ костяхъ, которому противорѣчитъ фактъ вскрытія 6 очковъ подъ рядъ нѣсколько десятковъ разъ, должно основываться, очевидно, не на спеціальныхъ опытахъ, а на какихъ нибудь общихъ соображеніяхъ. Такимъ именно и представляется сужденіе, которое можно пріобрѣсть о правильныхъ костяхъ по теоріи вѣроятности. Мы знаемъ, что каждое бросаніе правильной кости должно сопровождаться однимъ изъ шести возможныхъ случаевъ вскрытія очковъ. Это, значитъ, мы имѣемъ сужденіе о предметѣ (бросаніи кости) съ составнымъ опредѣленіемъ, обнимающемъ въ себѣ 6 предикатовъ. Если мы затѣмъ на основаніи вывода отъ частей къ аггрегату соединимъ нѣсколько десятковъ подобныхъ сужденій съ шести-членнымъ предикатомъ въ одно сужденіе, то получится неисчислимо громадное число возможныхъ случаевъ (число въ нѣсколько десятковъ цифръ) и между ними только одинъ случай послѣдовательнаго повторенія вскрытія

Digitized by Google

шести очковъ при каждомъ бросаніи кости. Такимъ образомъ, вѣроятность случая выбрасыванія шести очковъ подъ рядъ нѣсколько десятковъ разъ будетъ относиться къ вѣроятности вмѣстѣ взятыхъ другихъ одинаково возможныхъ случаевъ какъ единица къ числу, состоящему изъ нѣсколькихъ десятковъ цифръ; ясно, что подобный случай долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ невѣроятныхъ. И вотъ является естественное предположеніе, что когда мы изъ подобнаго случая заключаемъ къ поддѣлкѣ игральной кости, наше заключеніе есть выводъ изъ расчисленія вѣроятностей, то-есть мы дѣйствительно заключаемъ о непринадлежности предмета (этой игральной кости) къ извѣстной логической группѣ (къ правильнымъ игральнымъ костямъ) на основаніи существованія у него опредѣленія (вскрытія 6 очковъ подъ рядъ нѣсколько десятковъ разъ), необыкновенно рѣдко встрѣчающагося въ группѣ (одинъ разъ на громадное число случаевъ). Но какъ ни правдоподобнымъ кажется это предположеніе, ошибочность его была обнаружена уже давно. Конечно, нельзя оспоривать, что вѣроятность вскрытія 6 очковъ нѣсколько десятковъ разъ подъ рядъ, по расчету, основанному на математическомъ расчисленіи, будетъ относиться къ вѣроятности всѣхъ другихъ одинаково возможныхъ съ нимъ случаевъ какъ единица къ числу, состоящему изъ цѣлыхъ десятковъ цифръ. Но, вѣдь, ту же самую вѣроятность имѣлъ бы и каждый другой мыслимый случай бросанія игральной кости нѣсколько десятковъ разъ, если мы возьмемъ его во всей его конкретной опредѣленности. Предположимъ напримѣръ, что мы желаемъ узнать, какъ вѣроятно при бросаніи кости получить въ первый разъ 3 очка, во второй 5, въ третій 1, въ 4 опять 3, въ пятый 6 и т. д., опредѣливъ совершенно точно порядокъ, въ которомъ должны вскрываться очки. По расчисленіи на основаніи математической вѣроятности каждый произвольно взятый порядокъ вскрытія очковъ, лишь бы онъ былъ опредѣленъ съ совершенною точностью, будетъ имѣть совершенно ту же степень вѣроятности, какъ и послѣдовательное вскрытіе 6 очковъ. Однако, еслибы очки вскрывались, напримѣръ, въ такомъ порядкѣ: 3, 5, 1, 3, 6 и т. д., никому, конечно, не пришло бы на мысль заподозрить правильность кости. Отсюда слѣдуетъ, что если послѣдовательное вскрытіе 6 очковъ заставляетъ насъ признать поддѣлку кости, то причиною этого, очевидно, служитъ не незначительная степень вѣроятности этого случая, расчитанная объясненнымъ выше путемъ, а что-то другое, что отличаетъ этотъ случай отъ другихъ, имѣющихъ по тому же расчету ту же степень вѣроят-

Digitized by Google

ности, но не вызывающихъ насъ на то же заключеніе. Дѣйствительное основаніе вывода лежитъ въ повтореніи одного и того же случая, т. е. вскрытія 6 очковъ, которое при данныхъ условіяхъ можетъ быть объяснено единственно особымъ устройствомъ кости. Такимъ образомъ едвали можетъ подлежать спору, что по теоріи вѣроятности отрицательные выводы невозможны. А съ тѣмъ вмѣстѣ мы должны послѣдовательно признать, что невозможны и вообще отрицательные выводы на основаніи противорѣчія опредѣленія предмета только нѣкоторымъ, а не всѣмъ сполна предикатамъ, соединеннымъ въ одно опредѣленіе группы. И если мы станемъ на точку зрѣнія строгой теоріи, мы найдемъ рѣшительное подтвержденіе этой мысли.

Отрицательные выводы, основанные на строгой логической противоположности опредѣленія предмета господствующему предикату группы, должны бы были имѣть слѣдующую формулу: почти всѣ G суть B и только очень немногія изъ нихъ суть C, но A не есть B (или A есть C), слѣдовательно, по всей вѣроятности, оно не относится къ G. Выдѣлить предметъ изъ группы на основаніи его опредѣленія мы имѣемъ право только тогда, когда это опредѣленіе противорѣчитъ опредѣленію каждаго члена группы. Не можетъ быть никакого спора о томъ, что при данной формулѣ нѣтъ никакого противорѣчія между опредѣленіемъ предмета A и опредѣленіемъ каждаго члена группы. Правда, вопросъ идетъ о заключеніи не несомнѣнномъ, а только вѣроятномъ; но, если заключеніе должно относиться къ выводамъ на основаніи противорѣчія опредѣленій, то должно все же существовать въ такомъ случаѣ вѣроятное противорѣчіе между опредѣленіемъ предмета и опредѣленіями каждаго члена группы, а въ представленной формулѣ и вѣроятнаго противорѣчія нѣтъ. Чтобы оно оказалось дѣйствительно, мы должны измѣнить или первую или вторую посылку. Мы должны или утверждать, что всѣ G вѣроятно суть B, или сказать, что предметъ A вѣроятно не есть ни B ни C. Но въ первомъ случаѣ мы будемъ прямо противорѣчить признанной нами мысли, что нѣкоторыя G суть C; во второмъ случаѣ, если вторая посылка говорила, что A не есть B, мы безъ всякаго основанія прибавимъ къ ней мысль, что A вѣроятно не есть C; если же наша посылка утверждена, что A есть C, мы будемъ прямо противорѣчить этой мысли. Такимъ образомъ и вѣроятнаго противорѣчія между опредѣленіемъ предмета и опредѣленіемъ каждаго члена группы не дано, а слѣдовательно и вѣроятнаго заключенія на осно-

Digitized by Google

ваніи противорѣчія выведено быть не можетъ. Но, насъ спросятъ: какъ же объяснить, что на первый взглядъ выводъ представляется вполнѣ законнымъ? Какъ объяснить далѣе, тѣ случаи, гдѣ мы, повидимому, дѣйствительно отъ отсутствія въ предметѣ господствующаго опредѣленія группы, или отъ существованія у него опредѣленія, крайне рѣдко встрѣчающагося въ ней, выводимъ, что предметъ не принадлежитъ къ группѣ? Обратимся сначала къ рѣшенію перваго вопроса.

Мы имѣемъ дѣло съ выводомъ на основаніи сличенія опредѣленій группы и частнаго предмета. Превратимъ его въ выводъ чрезъ сличеніе опредѣленій двухъ частныхъ предметовъ. Для этого намъ стоитъ только условно принять, что предметъ A относится къ группѣ G, и затѣмъ вывести, какое опредѣленіе нужно будетъ приписать ему подъ этимъ условіемъ. Тогда мы получимъ возможность сличить это опредѣленіе, полученное подъ условіемъ принадлежности A къ группѣ G, съ опредѣленіемъ того же предмета A, которое мы приписывали ему въ нашей второй посылкѣ. Если опредѣленія окажутся противорѣчащими другъ другу, то будетъ ясно, что второе A не тожественно съ первымъ или, иначе сказать, что принятое условіе неприложимо къ A и слѣдовательно A не относится къ G. Оказывается, что такая, по видимому, совершенно невинная операція надъ выводомъ, дѣйствительно даетъ то, чего мы тщетно искали, сличая прямо опредѣленіе группы G съ опредѣленіемъ предмета A. Въ самомъ дѣлѣ, примемъ условно, что предметъ A относится къ группѣ G. При составности опредѣленія этой группы предикатъ предмета A изъ него непосредственно выведенъ быть не можетъ. Но чтобы опредѣлить этотъ предикатъ, можно прибѣгнуть къ теоріи вѣроятности. Такъ получится сужденіе: еслибы предметъ A относился къ группѣ G, то онъ по всей вѣроятности имѣлъ бы предикатъ B (или не имѣлъ бы предиката C). Затѣмъ уже легко воспользоваться другой посылкой. „Но онъ не имѣетъ предиката B“ (или имѣетъ предикатъ C) и получится заключеніе, что условіе по всей вѣроятности невѣрно, то-есть по всей вѣроятности предметъ A не относится къ группѣ G. Однако подобный выводъ дозволительно заподозрить. Вѣдь, для того, чтобы сдѣлать его, мы не пользовались никакимъ другимъ знаніемъ, кромѣ прежде извѣстныхъ намъ сужденій о группѣ G и о предметѣ A. Все остальное есть чисто формальная перестановка понятій. Какъ же могло случиться, что мы получили теперь возможность сдѣлать выводъ, на который никакъ не уполномочивали насъ тѣ сужденія, которыя

Digitized by Google

въ концѣ концовъ и составляютъ единственныя посылки вывода? Такъ ли въ самомъ дѣлѣ была невинна та логическая операція, которая изъ сужденія о группѣ сдѣлала частное сужденіе объ А, какъ показалось намъ съ перваго взгляда? Безспорно, мы имѣемъ всякое право отнести (все равно условно или безусловно) предметъ къ извѣстной группѣ, имѣющей въ своемъ составномъ опредѣленіи одинъ предикатъ, господствующій надъ другими, и затѣмъ съ вѣроятностію приписать этому предмету этотъ предикатъ. Но мы не должны забывать, что подобный вѣроятный выводъ предполагаетъ нѣкоторыя особыя условія и имѣетъ значеніе лишь до того момента, пока продолжаютъ существовать эти условія. Онъ есть, какъ мы знаемъ, одинъ изъ видовъ заключенія къ частному предмету изъ сужденія о группѣ съ составнымъ опредѣленіемъ. Для точнаго заключенія изъ подобнаго сужденія требуется добавочное знаніе, что къ частному предмету не относятся всѣ предикаты группы, кромѣ одного. И только тогда, когда этого добавочнаго знанія нѣтъ, мы прибѣгаемъ къ вѣроятному выводу на основаніи сравненія значенія предикатовъ въ группѣ. Этотъ выводъ дѣлается такимъ образомъ на основаніи данныхъ, недостаточныхъ для научнаго сужденія о предметѣ; онъ предполагаетъ недостатокъ знанія, а слѣдовательно имѣетъ смыслъ лишь до тѣхъ поръ и въ той мѣрѣ, пока и въ какой мѣрѣ продолжаетъ существовать этотъ недостатокъ. Если пріобрѣтены новыя свѣдѣнія о предметѣ и они вполнѣ рѣшаютъ вопросъ, для разрѣшенія котораго мы прибѣгали къ вѣроятному выводу, послѣдній въ цѣломъ своемъ составѣ теряетъ всякій смыслъ; если онп рѣшаютъ вопросъ только частію—теряетъ всякій мсыслъ та часть вывода, которая относится къ сторонѣ вопроса, разрѣшаемой точными данными. Я знаю, что G есть или B или C или D, знаю, что A есть G, но не знаю отношенія его ни къ одному изъ предикатовъ G, и я прибѣгаю къ уясненію значенія предикатовъ B, C, D въ группѣ G. Пусть ихъ относительное значеніе опредѣляется числами для B 10-ю, для C 6-ю, для D 4-мя. Отсюда я вывожу, что A съ вѣроятностію 10 противъ 10 есть B, съ вѣроятностію 6 противъ 14 есть C и съ вѣроятностію 4 противъ 16—D. Предположимъ, что дальнѣйшее изслѣдованіе открыло, что A не есть ни B, ни C; сейчасъ же теряютъ всякій смыслъ сужденія, что A вѣроятно есть B или есть C, такъ какъ они прямо противорѣчатъ дознанной истинѣ. Но теряютъ смыслъ не эти только сужденія, лишается всякого значенія и сужденіе, что A съ вѣроятностію 4 противъ 16 есть D, такъ какъ оно предполагало истинность суж-

Digitized by Google

деній, признанныхъ теперь ложными: сужденіе A есть D—будетъ теперь невѣроятнымъ только, а безспорно истиннымъ. Пусть новыя свѣдѣнія доказываютъ единственно, что A не есть B; опять не только теряетъ смыслъ сужденіе, что A есть B съ вѣроятностію 10 противъ 10, но измѣняется вѣроятность и остальныхъ сужденій, такъ какъ она была расчитана въ виду вѣроятности перваго сужденія. При рѣшеніи вопроса, признать ли A за C или за D, нужно будетъ сличить лишь ихъ значеніе въ группѣ G и утверждать, что A есть C съ вѣроятностію (не 6 противъ 14 а) 6 противъ 4, и A есть D съ вѣроятностію (не 4 противъ 16 а) 4 противъ 6. Послѣ этихъ разъясненій, мы легко поймемъ, на сколько невиненъ былъ тотъ выводъ, который превратилъ сужденіе: „большинство G суть B и только нѣкоторыя G суть C^a въ сужденіе: „если A есть G, то оно, по всей вѣроятности, есть B и не есть C^a. Это превращеніе совершилось на основаніи сравнительнаго значенія предикатовъ B и C въ группѣ G. Но мы видѣли, что заключать на этомъ основаніи мы имѣемъ право лишь въ томъ случаѣ, когда ничего не знаемъ объ отношеніи къ предмету предикатовъ, соединенныхъ въ одномъ опредѣленіи группы. Соблюдено ли нами это условіе? Чтобы воспользоваться для отрицательнаго вывода сужденіемъ: „если A есть G, то оно, по всей вѣроятности, есть B и не есть C^a, мы должны въ качествѣ второй посылки сослаться на положеніе, что предметъ A не имѣетъ предиката B, или что онъ имѣетъ предикатъ C. Но это послѣднее сужденіе представляетъ, очевидно, тѣ именно свѣдѣнія о предметѣ A, недостатокъ которыхъ необходимо предполагался нами при нашемъ выводѣ, основанномъ на сравнительномъ значеніи предикатовъ B и C въ группѣ G. Эти свѣдѣнія уничтожаютъ нашъ первоначальный выводъ, заставляютъ произвесть въ немъ существенныя поправки и слѣдовательно лишаютъ всякаго смысла положеніе: если A есть G, то оно, по всей вѣроятности, было бы B и не было бы C. Мы приняли условно, что A относится къ G, и задались вопросомъ: какой предикатъ долженъ принадлежать ему при такомъ условіи. Пока мы не знали отношенія A къ предикатамъ G, мы имѣли право гадать объ этомъ отношеніи на основаніи сравнительнаго значенія предикатовъ B и C въ группѣ G. Но какъ скоро мы узнали, что A не есть B, или что оно есть C, тогда для рѣшенія нашего вопроса мы не нуждаемся ни въ какомъ расчисленіи вѣроятностей; вопросъ рѣшается со всею несомнѣнностію въ томъ смыслѣ, что A, еслибы принадлежало оно къ G, имѣло бы предикатомъ не B, а C. Имѣть такой безспорный выводъ, осно-

Digitized by Google

вывающійся на самыхъ точныхъ данныхъ, и въ то же время пользоваться сужденіемъ, что A, вѣроятно, имѣло бы предикатомъ B, а не C, это значитъ завѣдомо обрекать себя на ошибку, это значитъ основывать дальнѣйшій выводъ не на вѣроятномъ сужденіи, а на сужденіи завѣдомо ложномъ. Сужденіе вѣроятное перестаетъ быть вѣроятнымъ, какъ скоро познана истина, его опровергающая: оно превращается тогда въ сужденіе ошибочное. Чтобы довести дѣло до полной ясности, взглянемъ на него съ другой стороны. Предположимъ, что мы имѣемъ двѣ логическія группы: G и H; пусть при этомъ группа G имѣетъ господствующій предикатъ B, но изрѣдка встрѣчается въ ней и предикатъ C, а группа H имѣетъ одинъ предикатъ D. Предположимъ далѣе, что въ предметѣ A мы нашли предикаты D и C и знаемъ навѣрное, что въ немъ нѣтъ предиката B. Изъ того, что всѣ H суть D, и предметъ A также есть D, мы, конечно, не выведемъ, что предметъ A относится къ группѣ H, но истинно удивились бы, еслибы кто нибудь изъ этихъ данныхъ вздумалъ вывести, что A не относится, вѣроятно, къ группѣ H. Наоборотъ, изъ того, что члены группы G по большей части суть B и только изрѣдка суть C, а предметъ A не есть B, а есть C, мы должны бы были, если слѣдовать оспариваемой нами формулѣ, вывести, что, по всей вѣроятности, онъ не есть G. Мы имѣемъ такимъ образомъ два случая, изъ которыхъ въ одномъ признается совершенно невозможнымъ отрицательный выводъ, въ другомъ же онъ считается совершенно законнымъ въ качествѣ вывода вѣроятнаго. А между тѣмъ оба случая, если всмотрѣться въ нихъ ближе, оказываются совершенно тожественными по своимъ посылкамъ. Мы знаемъ, что члены группы G бываютъ только или B или C, знаемъ также, что предметъ A не есть B, или что онъ есть C. Отсюда безспорно слѣдуетъ, что еслибы предметъ A относился къ группѣ G, то онъ могъ бы относиться лишь къ той ея части, въ которой господствуетъ предикатъ C; а поэтому вопросъ объ отношеніи его къ этой группѣ можетъ быть только вопросомъ объ отношеніи его къ той части группы G, въ которой господствуетъ предикатъ C. Но къ этой части группы мы имѣемъ совершенно то же право отнести или не отнести его, какое право имѣемъ отнести или не отнести его къ группѣ H, такъ какъ основаніе въ обоихъ случаяхъ одно и то же:—въ одномъ случаѣ предикатъ C, который принадлежитъ всѣмъ членамъ этой части группы G, въ другомъ предикатъ D, который принадлежитъ всѣмъ членамъ группы H. Но отнести или не отнести предметъ A къ этой части

Digitized by Google

группы G, при данныхъ условіяхъ, значитъ отнести или не отнести его вообще къ группѣ G. Данныя въ обоихъ случаяхъ съ логической стороны оказываются совершенно равносильны, а между тѣмъ, принимая оспариваемую формулу, мы должны выводить изъ нихъ два противоположныя заключенія. Такимъ образомъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни взглянули на дѣло, всегда должны будемъ признать, что заключеніе о непринадлежности предмета къ опредѣленной группѣ, сдѣланное на основаніи отсутствія у него господствующаго опредѣленія группы, или на основаніи существованія у него опредѣленія, рѣдко встрѣчающагося въ ней, было бы чистой логической ошибкой. Намъ остается объяснить тѣ случаи, гдѣ мы, повидимому, на этихъ именно основаніяхъ дѣлаемъ совершенно законные выводы.

Что извѣстный предикатъ рѣдко встрѣчается въ группѣ, это обстоятельство, взятое безъ всякихъ другихъ соображеній, не имѣетъ въ дѣйствительности никакого значенія для насъ, когда мы рѣшаемъ вопросъ: относится предметъ къ группѣ, или не относится. Пусть извѣстное опредѣленіе очень рѣдко встрѣчается въ извѣстной группѣ, но пусть оно въ нашемъ опытѣ еще рѣже встрѣчается въ другихъ группахъ, или даже вовсе не встрѣчается нигдѣ, кромѣ этой группы; тогда изъ существованія его у предмета мы выведемъ заключеніе, прямо противоположное тому, которое, какъ предполагаютъ, изъ него естественно вытекаетъ; мы выведемъ изъ него въ такомъ случаѣ, что предметъ, вѣроятно, относится къ этой группѣ. Пусть это опредѣленіе встрѣчается еще въ одной группѣ, но совершенно также рѣдко, какъ и въ группѣ, насъ интересующей, и тогда мы скажемъ, что мы имѣемъ право отнести его къ послѣдней совершенно такое же какъ и къ первой. Пусть, наконецъ, очень рѣдко встрѣчаясь въ опредѣленной группѣ, оно составляетъ довольно обычное явленіе или въ опытѣ нашемъ вообще, или въ той или другой опредѣленной его сферѣ, и тогда, но только тогда мы сдѣлаемъ вѣроятное заключеніе, что онъ не относится къ группѣ, насъ интересующей. Сущность дѣла, значитъ, въ такихъ случаяхъ вовсе не въ сравненіи числа членовъ группы, имѣющихъ это опредѣленіе, съ числомъ членомъ тойже группы, не имѣющихъ его, а въ сравненіи числа членовъ этой группы, имѣющихъ это опредѣленіе, съ числомъ членовъ другихъ группъ, имѣющихъ то же опредѣленіе. Здѣсь мы имѣемъ, очевидно, иной выводъ, опирающійся на иныхъ основаніяхъ, способный давать утвердительное заключеніе,—выводъ, о формулахъ котораго у насъ рѣчь будетъ далѣе. Но такъ какъ опредѣленіе, очень рѣдко встрѣчающееся въ извѣстной

Digitized by Google

группѣ, обыкновенно очень часто можно встрѣчать въ какой нибудь другой, или даже нѣсколькихъ другихъ, то мы легко дѣлаемъ совершенно естественную ошибку при опредѣленіи основаній нашего вывода: дѣлая выводъ на самомъ дѣлѣ изъ сравненія числа членовъ извѣстной группы, имѣющихъ извѣстный предикатъ, съ числомъ членовъ другихъ группъ, имѣющихъ тотъ же предикатъ, мы думаемъ, что дѣлаемъ выводъ изъ сравненія числа членовъ извѣстной группы, имѣющихъ извѣстный предикатъ, съ числомъ членовъ той же группы, не имѣющихъ его.

III.

Результатъ, къ которому приходитъ выводъ, основанный на строгой логической противоположности двухъ опредѣленій, состоитъ въ отрицаніи тожества между предметами этихъ опредѣленій; слѣдовательно, этотъ результатъ, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія самаго процесса вывода, неизбѣжно есть результатъ отрицательный. Однако, мы знаемъ, что при положительномъ характерѣ процесса вывода, то-есть при выводахъ на основаніи тожества между предметами, заключеніе по своему непосредственному смыслу можетъ оказаться отрицательнымъ, хотя оно, если разсматривать его со стороны самаго процесса вывода, всегда положительно, то-есть выводъ всегда состоитъ въ пріуроченіи къ предмету извѣстнаго опредѣленія; это бываетъ тогда, когда переносимое на предметъ опредѣленіе само состоитъ въ отрицаніи извѣстнаго свойства въ предметѣ; въ такомъ случаѣ выводное сужденіе, если разсматривать его отдѣльно отъ вывода, свободно можетъ быть растолковано не въ смыслѣ приписанія предмету извѣстнаго отрицательнаго опредѣленія, а въ смыслѣ устраненія отъ предмета того положительнаго свойства, которое противорѣчитъ этому отрицательному опредѣленію. Отсюда возникаетъ вопросъ: не могутъ ли и при выводѣ, основанномъ на противорѣчіи другъ другу двухъ опредѣленій, получаться такія сужденія, которыя, если ихъ разсматривать отдѣльно отъ процесса вывода, могли бы быть толкуемы не какъ отрицательныя, а какъ утвердительныя сужденія. Особыя требованія, которымъ должна удовлерять отрицательная форма вывода для того, чтобы при ея посредствѣ могли получиться утвердительныя сужденія, легко опредѣлить изъ самаго существа дѣла. Заключеніе, которое получается изъ строгой логической противоположности двухъ опредѣленій, состоитъ въ томъ,

Digitized by Google

что предметъ одного изъ нихъ не тожественъ съ предметомъ другаго. Это отрицательное сужденіе неизбѣжно получитъ утвердительный смыслъ, какъ скоро одинъ изъ предметовъ, а именно тотъ, который долженъ занять мѣсто сказуемаго въ выводномъ сужденіи, будетъ характеризованъ отрицательно, то-есть будетъ характеризованъ просто какъ предметъ, не имѣющій извѣстнаго положительнаго свойства; тогда выводное сужденіе само собою превратится въ утвердительное; сказать, что предметъ A не есть предметъ, неимѣющій признака G, это значитъ сказать, что A относится къ предметамъ, имѣющимъ этотъ признакъ. Понятно само собою, что сущность дѣла нисколько не измѣнится, если мы въ выводѣ будемъ имѣть дѣло не съ категорическими сужденіями, а съ сужденіями гипотетическими. Еслибы порядку фактовъ или отношеній, характеризующемуся отсутствіемъ факта или отношенія B, мы могли приписать извѣстное опредѣленіе, строго логически противоположное опредѣленію порядка фактовъ или отношеній, характеризующагося фактомъ A, то отсюда мы должны бы были вывести, что послѣдній порядокъ не относится къ такимъ, въ которыхъ отсутствуетъ B, то-есть предполагаетъ присутствіе B. Или по другой формулѣ: когда A не есть B, то C бываетъ D, а когда E бываетъ F, то C не бываетъ D; слѣдовательно, когда E бываетъ F, то A не можетъ не быть B, то-есть оно должно быть B. Такимъ образомъ, со стороны формулы нѣтъ ни малѣйшихъ препятствій къ тому, чтобы выводы, къ которымъ относится вторая фигура категорическаго силлогизма и отрицательная форма силлогизма условнаго, давали утвердительныя заключенія. Все дѣло сводится къ вопросамъ: есть ли нужда прибѣгать къ такой модификаціи вывода и найдетъ ли она примѣненіе въ нашемъ знаніи. Сюда и сводятся дѣйствительно возраженія, направленныя противъ нея.

Можно прежде всего въ отношеніи къ этой модификаціи вывода возбудить вопросъ, не излишня ли она, такъ какъ выводы, къ которымъ она могла бы быть примѣнена, легко возводятся къ другой формулѣ [1]). Пусть мы имѣемъ сужденіе; если A не есть B, то C есть D. Зная, что при извѣстномъ условіи (или при какихъ бы то ни было

[1]) Здѣсь мы имѣемъ въ виду возраженіе, которое дѣлаетъ Сигвартъ (Logik. II. 247—248) противъ примѣненія апагогической формы доказательства къ подтвержденію утвердительныхъ сужденій. Возраженіе Сигварта легко можетъ быть обращено противъ разъясняемой нами модификаціи вывода, на сколько она обнимаетъ собою выводы апагогическіе.

Digitized by Google

условіяхъ) C не есть D, мы утверждаемъ, что при такомъ условіи A не можетъ не быть B, то-есть, что оно должно быть B. Но этотъ выводъ легко можетъ быть, повидимому, обращенъ въ другой. Сужденіе: „если A не есть B, то C есть D", можетъ быть, по простому закону превращенія сужденій, превращено въ другое: если C не есть D, то A должно быть B. Присоединяя къ послѣднему сужденію въ качествѣ второй посылки сужденіе: „при извѣстныхъ условіяхъ C не есть D, мы прямо получаемъ нужное намъ утвердительное заключеніе: слѣдовательно, при этихъ условіяхъ A должно быть B. Такимъ образомъ, превративъ одну изъ посылокъ, мы можемъ получить нужное намъ утвердительное заключеніе по положительной формѣ силлогизма условнаго и поэтому не имѣемъ никакой нужды, повидимому, смотрѣть на него какъ на результатъ отрицанія отрицательнаго условія. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Что посылку: „если A не есть B, то C есть D" мы можемъ превратить въ сужденіе: „если C не есть D, то A есть B",—это, конечно, совершенно вѣрно. Но, вопервыхъ, это ровно ничего не доказываетъ противъ самостоятельнаго значенія нашей формулы. Если рѣшиться перекраивать одинъ выводъ по другому, то ничто не будетъ препятствовать всѣ выводы возвести, напримѣръ, къ первой фигурѣ категорическаго силлогизма, какъ дѣлаетъ Аристотель, или къ положительной формѣ силлогизма условнаго, какъ дѣлаетъ Сигвартъ, или къ положенію объ одновременности фактовъ, какъ дѣлаетъ Миллъ, или къ положенію о равенствѣ, какъ пыталась сдѣлать школа Гамильтона и пр. под. Но пока философъ, производящій подобныя операціи надъ выводами, не доказалъ, что подобное превращеніе необходимо для логической состоятельности вывода, оно всегда будетъ операціей насильственной, чѣмъ-то въ родѣ произвольной игры съ самостоятельными модификаціями выводовъ. Пусть сужденіе: „если A не есть B, то C есть D" мы можемъ превратить въ другое: „если C не есть D, то A есть B". Но если изъ данныхъ, на которыхъ основалось это сужденіе, оно вытекало именно въ первой формѣ; если затѣмъ изъ него, взятаго въ этой формѣ, мы можемъ со всею логическою принудительностію при посредствѣ второй посылки сдѣлать извѣстный выводъ, то какая нужда намъ дѣлать превращенія въ угоду симпатіямъ или антипатіямъ того или другаго логика? Но еще важнѣе въ нашемъ вопросѣ другое обстоятельство. Сужденіе: „если A не есть B, то C есть D" безспорно можно превратить въ сужденіе: „если C не есть D, то A есть B". Однако, это превращеніе никакъ не есть прямое превраще-

Digitized by Google

ніе: оно предполагаетъ нѣкоторую посредствующую мысль. Изъ положенія: „если A не есть B, то C есть D“ непосредственно слѣдуетъ, что если C не есть D, то A не можетъ не быть B. Отрицая слѣдствіе, мы должны отрицать условіе; но условіе отрицательно, и мы непосредственно получаемъ отрицаніе отрицанія. Только вслѣдствіе сознанія, что отрицаніе отрицанія въ данномъ случаѣ равняется положенію, то-есть, что отрицать объ A, что оно не есть B, значитъ утверждать, что оно есть B, — только вслѣдствіе сознанія этого обстоятельства получившееся отрицательное сужденіе: „A не можетъ не быть B“ превращается въ утвердительное: „A есть B“; и затѣмъ уже открывается возможность прямымъ путемъ вывести изъ него, при помощи другой посылки, утвердительное сужденіе. Что же выходитъ? Мы желали устранить опредѣленную формулу вывода за то, что получаемое при посредствѣ ея утвердительное сужденіе выводится изъ нея не прямо, а требуетъ еще превращенія выводнаго сужденія изъ сужденія съ двойнымъ отрицаніемъ въ сужденіе утвердительное. Чтобы устранить эту формулу, мы требовали предварительнаго превращенія одной изъ посылокъ. Но оказывается, что нужное намъ превращеніе не можетъ быть совершено иначе, какъ тѣмъ же путемъ измѣненія сужденія съ двойнымъ отрицаніемъ въ сужденіе утвердительное. Оказывается такимъ образомъ, что при помощи всѣхъ этихъ передѣлокъ мы вовсе не устранили того, что желали устранить, а перенесли лишь съ одного мѣста на другое, именно изъ выводнаго сужденія на одну изъ посылокъ. Вся насильственная передѣлка вывода пропала даромъ.

Несравненно важнѣе было бы другое возраженіе противъ нашей формулы. Въ чертахъ, которыми характеризуется въ нашемъ сознаніи субъектъ сужденія (особенно сужденія о группѣ, о которомъ только и можетъ быть рѣчь при выводѣ утвердительныхъ сужденій по отрицательной формулѣ), мы обыкновенно склонны видѣть основаніе того опредѣленія, которое мы придаемъ ему въ предикатѣ. Отсюда является законное сомнѣніе: дѣйствительно ли существуютъ въ нашемъ знаніи сужденія, субъектъ которыхъ былъ бы опредѣленъ чисто отрицательно, такъ какъ одно простое отсутствіе извѣстнаго свойства, факта или отношенія въ дѣйствительной природѣ вещей никогда не можетъ быть основаніемъ существованія въ предметѣ извѣстнаго другаго свойства [1]). Едва ли нужно при разрѣшеніи такого сомнѣнія подробно

[1]) Такое толкованіе можно дать взгляду Тренделенбурга (Logisch. Unters. 11.

Digitized by Google

разъяснять, что оно не можетъ простираться на сужденія, въ которыхъ не субъектъ только характеризованъ отрицательно, но отрицательно и самое опредѣленіе. Если извѣстная характеристическая черта предмета единственно можетъ служить основаніемъ того или другаго его опредѣленія, то отсутствіе этой черты въ немъ всегда неизмѣнно будетъ сопровождаться отсутствіемъ этого опредѣленія, и естественно этотъ послѣдній фактъ выразится для нашего знанія въ сужденіи, въ которомъ субъектъ и предикатъ будутъ характеризованы отрицательно. Мы законно можемъ, напримѣръ, произнести сужденіе: то, что не стоитъ ни въ какой связи съ человѣкомъ или съ предметами, находящимися во взаимодѣйствіи съ нимъ, не можетъ быть познано человѣкомъ. Точно также, при современномъ состояніи вопроса о произвольномъ зарожденіи, многіе, конечно, согласятся признать истинность сужденія: гдѣ нѣтъ органическихъ зародышей и куда они не могутъ проникнуть изъ окружающей среды, тамъ невозможно возникновеніе органической жизни; и ничто не препятствуетъ ученому, признающему это положеніе, изъ факта появленія органическихъ существъ въ извѣстномъ мѣстѣ вывести заключеніе, что или былъ возможенъ внѣшній притокъ органическихъ зародышей на это мѣсто, или оно не было свободно отъ нихъ заранѣе, хотя бы непосредственнымъ опытомъ и нельзя было въ томъ убѣдиться. Этотъ выводъ былъ бы, очевидно, именно тѣмъ выводомъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь. Впрочемъ, можно усумниться и въ томъ, чтобы были безусловно невозможны утвердительныя по предикату сужденія съ субъектомъ, характеризованнымъ отрицательно. Справедливо, конечно, что одно отсутствіе извѣстнаго свойства, факта или отношенія въ предметѣ не можетъ служить фактическою причиною существованія у него того или другаго положительнаго опредѣленія; но отрицательное свойство и под., хотя бы оно не было причиною извѣстнаго опредѣленія, тѣмъ не менѣе можетъ служить въ нашихъ глазахъ признакомъ существованія въ предметѣ этого опредѣленія. Утвердительное сужденіе съ субъектомъ, характеризованнымъ отрицательно, не можетъ быть выраженіемъ закона природы въ смыслѣ безусловнаго и неизмѣннаго

---

403. Aufl. 2) на доказательство апагогическимъ путемъ положительныхъ истинъ, если этотъ взглядъ разсматривать не въ отношеніи къ тому, что въ собственномъ смыслѣ называютъ апагогическимъ доказательствомъ, а въ примѣненіи къ разсматриваемой нами формулѣ вывода, которую можетъ быть было бы справедливо назвать апагогической формулой вывода.

Digitized by Google

единообразія послѣдовательности фактовъ, но оно можетъ достаточно точно выражать наблюдаемую нами дѣйствительность въ границахъ существующаго опыта. Правда, все же нужно признать, что подобныя сужденія, если и встрѣчаются, то ни въ какомъ случаѣ не могутъ встрѣчаться часто и не могутъ достигнуть степени безспорнаго знанія; къ тому же и наше знаніе можетъ смотрѣть на нихъ только какъ не переходную ступень, такъ какъ оно имѣетъ своею задачей узнать дѣйствительные законы явленій. Однако, есть обстоятельство, которое лишаетъ эти соображенія всякаго значенія въ нашемъ вопросѣ. Пусть сужденій съ субъектомъ, характеризованнымъ исключительно отрицательно, и вовсе не было бы въ нашемъ знаніи; но мы имѣемъ много другихъ сужденій какъ категорическихъ, такъ и гипотетическихъ, которыя хотя и не удовлетворяютъ требованію формулы во всей ея чистотѣ, однако представляютъ возможность ея правильнаго и законнаго примѣненія. Это всѣ тѣ сужденія, въ которыхъ отрицательная черта не полагается въ качествѣ единственной характеристической черты предмета, а дополняетъ собою черты положительныя; положительными чертами въ такихъ случаяхъ характеризуется родъ предмета или прямыя условія возникновенія факта, а отрицательныя выдѣляютъ предметъ изъ предметовъ одного съ нимъ рода, или уясняютъ, отсутствіе чего необходимо для того, чтобы положительныя причины произвели тотъ или другой результатъ. Мы можемъ сказать, напримѣръ: если искра упала въ порохъ и порохъ не былъ подмоченъ, то долженъ произойдти взрывъ; если двѣ прямыя, утверждаетъ математикъ, пересѣкаются третьей такъ, что два внутреннія угла на одну и ту же сторону сѣкущей не равны двумъ прямымъ угламъ, то такія линіи должны встрѣтиться при своемъ продолженіи и т. под. Наша формула вывода приложима къ этимъ сужденіямъ, правда, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, но съ такимъ ограниченіемъ, которое нисколько не касается самой ея сущности. Изъ того, что предметы, характеризующіеся существованіемъ признака G, и кромѣ того отсутствіемъ признака H, имѣютъ опредѣленіе B, а предметъ A не имѣетъ этого опредѣленія, конечно, не будетъ еще слѣдовать, что предметъ A необходимо характеризуется признакомъ H: онъ можетъ относиться къ такимъ предметамъ, которые не отличаются признакомъ G, а вмѣстѣ съ тѣмъ не отличаются и признакомъ H. Взрыва теперь не было, но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что порохъ былъ подмоченъ: можетъ быть, не существовало искры, или пороха, безъ которыхъ взрыва не произошло бы, еслибы сыро-

Digitized by Google

сти и вовсе не существовало. Однако, изъ тѣхъ же сужденій мы получимъ совершенно законное утвердительное заключеніе, какъ скоро мы ограничимъ свой выводъ условіемъ, чтобы предметъ, у котораго найдемъ предикатъ, противорѣчащій предикату этихъ сужденій, имѣлъ бы всѣ положительные признаки ихъ субъекта, то-есть относился бы къ тому же роду или заключалъ въ себѣ всѣ положительныя условія факта. Если предметы, имѣющіе C, но не имѣющіе H, суть непремѣнно B, то утверждать о предметѣ A, что онъ будетъ необходимо имѣть H, мы, правда, не можемъ, когда знаемъ о немъ только, что онъ не есть B; но мы тотчасъ же получаемъ это право, когда знаемъ о немъ также, что онъ есть C. Изъ того, что паденіе искры на порохъ при отсутствіи сырости сопровождается взрывомъ, мы не можемъ заключать, что въ данномъ случаѣ существовала сырость, такъ какъ взрыва не было, но мы тотчасъ получаемъ право на такое заключеніе, когда знаемъ, что въ порохъ упала искра. Этотъ выводъ будетъ отличаться отъ вывода, который могъ бы быть сдѣланъ изъ сужденія съ субъектомъ, характеризованнымъ исключительно отрицательно, тѣмъ, что въ немъ право на утвердительное заключеніе ограничено случаями лишь извѣстнаго рода, тогда какъ при субъектѣ, характеризованномъ исключительно отрицательно, никакого подобнаго ограниченія не существуетъ. Но отчего зависитъ это ограниченіе? Единственно отъ того, что субъектъ основной посылки характеризованъ не чисто отрицательно, что въ немъ отрицаніе ограничено опредѣленной сферой предметовъ, у которыхъ существуютъ извѣстные положительные признаки. Не вообще отсутствіе сырости ведетъ за собою взрывъ, а лишь отсутствіе ея въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ порохъ соединенъ съ искрой, а поэтому и отсутствіе взрыва можетъ ручаться за присутствіе сырости не всегда, а лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дано это соединеніе. Отличительная черта вывода сводится такимъ образомъ къ тому, что онъ вращается въ предѣлахъ извѣстной опредѣленной сферы. Сущность выводнаго процесса здѣсь остается неизмѣнной: изъ противорѣчія двухъ опредѣленій мы выводимъ, что предметъ одного изъ нихъ характеризуется свойствомъ, отрицаніемъ котораго характеризуется другой. Но такъ какъ это отрицаніе признается характеристической чертой не вообще предмета, имѣющаго извѣстное опредѣленіе, а только предмета, относящагося къ извѣстной сферѣ, то и выводъ ограничивается этой сферой предметовъ и не можетъ простираться далѣе. Сказать иначе: и въ этомъ выводѣ, подобно какъ въ выводѣ изъ сужденія съ субъек-

Digitized by Google

томъ, характеризованнымъ исключительно отрицательно, мы смотримъ на субъектъ посылки какъ на характеризованный также исключительно отрицательно, но ограничиваемъ значеніе этой посылки только извѣстою сферою опыта, напримѣръ, извѣстнымъ классомъ предметовъ, или сферою существованія извѣстныхъ фактовъ; и находя затѣмъ въ этой сферѣ опредѣленіе, противорѣчащее опредѣленію посылки, признаемъ предметъ этого опредѣленія не относящимся къ предметамъ, о которыхъ говоритъ посылка, то-есть утверждаемъ, что онъ имѣетъ свойство, отсутствіемъ котораго они характеризуются. Съ этой точки зрѣнія выводы изъ сужденій, субъектъ которыхъ не имѣетъ вовсе положительныхъ признаковъ, отличались бы отъ выводовъ, характеризованныхъ нами сейчасъ, исключительно тѣмъ, что значеніе посылки въ нихъ не ограничено какою-нибудь опредѣленною сферою опыта а одинаково простирается на весь опытъ. Характеристическія черты самаго выводнаго процесса, очевидно, будутъ принадлежать тѣмъ и другимъ выводамъ въ одной и той же степени. Впрочемъ, ограниченіе вывода извѣстною сферою нельзя назвать даже случаемъ, встрѣчающимся единственно въ выводахъ изъ сужденій, субъектъ которыхъ, на ряду съ положительными характеристическими чертами, имѣетъ и отрицательныя. Оно встрѣчается и тамъ, гдѣ этотъ субъектъ характеризуется одними только положительными чертами; оно часто представляется для насъ даже такъ естественнымъ, что логика вовсе не обращаетъ на него вниманія. Пусть мы имѣемъ, напримѣръ, два сужденія: равносторонніе треугольники равноугольны, и: треугольникъ ABC не равноуголенъ. Если взять во вниманіе исключительно противорѣчіе предикатовъ этихъ двухъ сужденій, то изъ нихъ будетъ слѣдовать только, что субъектъ послѣдняго сужденія нетожественъ съ субъектомъ перваго, то-есть, что онъ не есть равносторонній треугольникъ; но есть ли онъ не равносторонній треугольникъ, или какая бы то ни было другая фигура или вообще какой-нибудь другой предметъ, этого изъ противорѣчія его опредѣленія опредѣленію основной посылки никакъ не слѣдуетъ. Если мы выводное сужденіе прямо толкуемъ въ первомъ смыслѣ, то это лишь потому, что субъектъ его уже предварительно характеризованъ нами какъ треугольникъ, то-есть согласно съ нѣкоторыми изъ признаковъ, характеризующихъ субъектъ основной посылки: оба субъекта отнесены къ одной и той же опредѣленной сферѣ (къ треугольникамъ) и вслѣдствіе этого отрицаніе тожества между ними можетъ простираться только на одну черту субъекта посылки, на равносторонность.

Digitized by Google

Несравненно болѣе замѣтенъ, а потому и болѣе обращаетъ на себя вниманіе логики тотъ же случай въ гипотетическихъ сужденіяхъ. Если къ фактамъ A и B, говоримъ мы, присоединяется фактъ C, то долженъ явиться фактъ D; но въ данномъ случаѣ факты A и B существуютъ, а факта D нѣтъ, значитъ не существовало факта C. Такимъ образомъ, примѣры, которые наиболѣе ясно доказываютъ возможность при помощи отрицательной формулы выводить утвердительныя сужденія, находятъ для себя совершенно параллельные случаи въ отрицательныхъ заключеніяхъ, совершающихся по той же формулѣ.

Наконецъ, существуетъ еще одна возможность оспаривать ту модификацію отрицательнаго вывода, при помощи которой получается утвердительное заключеніе. Можно отнести ее къ раздѣлительному силлогизму, въ которомъ или предметы вообще или предметы, относящіеся къ извѣстной логической группѣ (G), дѣлятся на предметы, имѣющіе извѣстный характеристическій признакъ (H) и на не имѣющіе его; доказывая затѣмъ, что интересующій насъ предметъ (A) не относится къ послѣднимъ, такъ какъ опредѣленіе его (не есть B) стоитъ въ строгой логической противоположности съ ихъ опредѣленіемъ (B), мы, вслѣдствіе этого, относимъ его къ первымъ, то-есть придаемъ ему изслѣдуемый характеристическій признакъ (H). Но вѣдь меньшая посылка этого силлогизма (A не относится къ предметамъ, не имѣющимъ признака H) по своему смыслу и есть именно та самая мысль, которая получается въ выводномъ сужденіи (A имѣетъ признакъ H), выраженная только въ отрицательной формѣ; и чтобы получить изъ нея утвердительное сужденіе мы не нуждаемся ни въ какихъ другихъ положеніяхъ; значитъ, въ этой посылкѣ и ея доказательствѣ и заключается вся сущность дѣла, а все остальное —безцѣльная прибавка. Въ раздѣлительномъ силлогизмѣ сужденіе о группѣ съ составнымъ опредѣленіемъ безусловно необходимо: только оно даетъ намъ возможность перенести на предметъ одинъ изъ предикатовъ, соединенныхъ въ опредѣленіи группы; убѣждаясь, что предметъ A не есть ни C, ни D, мы отсюда ни въ какомъ случаѣ не можемъ вывести, что онъ есть B, пока не имѣемъ пріобрѣтеннаго особымъ путемъ сужденія, что только C, D и B могутъ быть предикатами группы предметовъ, къ которой относится предметъ A. Въ нашей же формулѣ вывода совершенно наоборотъ: здѣсь вся сущность вывода и состоитъ единственно въ доказательствѣ положенія, что предметъ A не можетъ относиться къ предметамъ, не имѣющимъ предиката C. А отсюда, безъ всякой необходимости прибѣгать къ какому-нибудь новому

Digitized by Google

сужденію, само собою слѣдуетъ, что онъ есть С. Выводный процессъ въ собственномъ смыслѣ окончился, какъ скоро получено сужденіе: А не можетъ не быть С; все дальнѣйшее состоитъ просто въ томъ, что мы разсматриваемъ выводное сужденіе и спрашиваемъ себя: не можемъ же мы, взявши его отдѣльно отъ процесса вывода, растолковать его въ смыслѣ утвердительнаго сужденія, не смотря на отрицательный характеръ его терминовъ. А такъ какъ по разсмотрѣніи оказывается, что мы можемъ это сдѣлать, то мы и даемъ ему утвердительный смыслъ, подобно тому, какъ, при выводѣ на основаніи тожества предметовъ, мы просто переносимъ опредѣленія съ однихъ предметовъ на другіе, но послѣ вывода можемъ найдти, что приписанное предмету опредѣленіе есть на самомъ дѣлѣ отрицаніе существованія у него извѣстнаго свойства или отношенія и пр.

IV.

Признавая отрицательную форму простѣйшей формой выводовъ, основывающихся на сличеніи опредѣленій или предикатовъ, мы замѣчали, что одно тожество двухъ опредѣленій не можетъ сдѣлаться основаніемъ для перенесенія субъекта одного изъ нихъ на другое, такъ какъ одно и то же опредѣленіе можетъ быть опредѣленіемъ многихъ различныхъ предметовъ. Отсюда мы выводили, что если перенесеніе предмета изъ одного сужденія въ другое и могло бы имѣть своимъ основаніемъ тожество предикатовъ, то во всякомъ случаѣ должны существовать особыя ограничительныя условія, которыя должны усложнять формуму. Утвердительныя сужденія такъ дороги для нашего знанія, что оно, совершенно естественно, старается и изъ сличенія предикатовъ, которое непосредственно даетъ только отрицательную формулу, выработать формулу положительную и подыскать для этого такія условія, при которыхъ выводъ былъ бы, хотя до нѣкоторой степени, гарантированъ отъ ошибокъ. Въ чемъ же состоятъ эти ограничительныя условія?

Приписывая извѣстное опредѣленіе предмету, мы ставимъ предметъ въ одинъ рядъ съ множествомъ другихъ, имѣющихъ то же опредѣленіе. Однако, безспорно съ другой стороны и то, что тѣмъ же самымъ актомъ мы отдѣляемъ также этотъ предметъ отъ огромной массы предметовъ, не имѣющихъ подобнаго опредѣленія. Пусть теперь, кромѣ опредѣленнаго предиката В, мы имѣемъ возможность приписать тому же предмету А другой предикатъ—С. Очень рѣдко случается,

Digitized by Google

что кругъ предметовъ, имѣющихъ одинъ предикатъ, вполнѣ совпадаетъ съ кругомъ предметовъ, имѣющихъ другой предикатъ; несравненно чаще, наоборотъ, встрѣчается случай, что сферы примѣненія предикатовъ совпадаютъ только частично; поэтому, приписывая предмету A, имѣющему предикатъ B, еще предикатъ C, мы въ огромномъ большинствѣ случаевъ способствуемъ дальнѣйшему выдѣленію его изъ массы всѣхъ предметовъ. Если предикатомъ B мы отдѣлили его отъ массы предметовъ, не имѣющихъ опредѣленія B, то предикатомъ C мы отдѣляемъ его отъ той части предметовъ, имѣющихъ предикатъ B, которая не имѣетъ предиката C. Мы можемъ идти по этому пути далѣе и далѣе. Когда предметъ A не только уже ограниченъ сферою предметовъ, имѣющихъ опредѣленіе B, но ограниченъ одною частію этой сферы, именно тою, гдѣ господствуетъ опредѣленіе C, тогда, приписавъ ему новое опредѣленіе D, мы, очевидно, еще болѣе сократимъ число предметовъ, къ которымъ онъ можетъ относиться. Продолжая идти такимъ путемъ, мы можемъ получить наконецъ такое соединеніе опредѣленій, для котораго наше наличное знаніе не будетъ въ состояніи подыскать никакого другаго предмета въ дѣйствительности, кромѣ какого нибудь одного предмета, напримѣръ, G. Отсюда, конечно, далеко не будетъ слѣдовать со всею несомнѣнностію, что кромѣ послѣдняго нѣтъ и на самомъ дѣлѣ предметовъ, имѣющихъ всѣ изслѣдованныя нами опредѣленія. Для послѣдняго заключенія потребовалось бы исполненіе требованій, вполнѣ отвѣчающихъ требованіямъ неполной индукціи: мы должны бы были увѣриться въ томъ, что наше наблюденіе достаточно обнимаетъ всю сферу дѣйствительности, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ ея сторонъ, которыя допускаютъ соединеніе въ предметѣ извѣстныхъ опредѣленій; мы должны бы были увѣриться затѣмъ въ томъ, что въ нашемъ наблюденіи мы имѣли и совершенно достаточное для исключенія случайностей число случаевъ и достаточно разнообразныя условія. Всего этого можетъ и не быть въ извѣстномъ данномъ случаѣ, и тѣмъ не менѣе можетъ оставаться безспорнымъ фактъ, что извѣстное соединеніе опредѣленій имѣетъ въ нашемъ знаніи единственный образецъ въ такомъ-то именно предметѣ. Какое же значеніе имѣетъ этотъ фактъ для нашихъ выводовъ?

Всякое довнацное нами опредѣленіе мы стараемся пріурочить къ опредѣленному предмету, какъ его субъекту. Пусть же объ этомъ субъектѣ мы только то и знаемъ, что онъ имѣетъ это опредѣленіе. Намъ остается, очевидно, исходной точкой для заключеній о субъектѣ взять это опредѣленіе и искать, не встрѣчается ли оно въ какихъ-

Digitized by Google

либо другихъ нашихъ сужденіяхъ. При такихъ поискахъ мы можемъ найдти два рода сужденій, въ которыхъ встрѣчается то же опредѣленіе. Въ однихъ оно окажется характеристической чертой субъекта, которому затѣмъ приписывается опредѣленный предикатъ; въ другихъ оно встрѣтится именно въ качествѣ опредѣленія предмета, характеризованнаго какимъ-либо особымъ признакомъ. Первыя сужденія для нашей цѣли ровно ничего не дадутъ. Они скажутъ намъ, что искомый нами субъектъ опредѣленія, вмѣстѣ съ этимъ опредѣленіемъ, долженъ имѣть еще другія опредѣленія, которыя должны принадлежать всѣмъ предметамъ, имѣющимъ первое опредѣленіе, но могутъ принадлежать кромѣ того огромной массѣ другихъ предметовъ; такимъ образомъ, они никакъ не въ состояніи дать намъ то, что намъ нужно, никакъ не въ состояніи специфически характеризовать интересующій насъ субъектъ, выдѣлить его изъ массы другихъ. Намъ остается обратиться къ сужденіямъ второго рода. Въ нихъ мы встрѣчаемъ выдѣленные изъ другихъ предметовъ, особо характеризованные субъекты, которымъ принадлежитъ изслѣдуемое нами опредѣленіе. Нашъ предметъ безспорно относится къ тому же кругу, къ которому принадлежатъ и они, такъ какъ онъ падаетъ въ сферу того же опредѣленія. Въ отношеніи къ каждому изъ предметовъ этого круга, мы съ одинаковымъ правомъ можемъ задаться вопросомъ: не тотъ ли это предметъ, котораго мы ищемъ? Правда, извѣстными намъ предметами этой сферы она можетъ и не исчерпываться сполна; въ дѣйствительности многіе или нѣкоторые изъ предметовъ, къ ней относящихся, могутъ не обниматься нашимъ наличнымъ знаніемъ. Однако, послѣдніе представляютъ для насъ бытіе только проблематическое и притомъ — что болѣе важно—они не могутъ стать исходнымъ пунктомъ нашихъ догадокъ, такъ какъ остаются для насъ вовсе нехарактеризованными. А поэтому нашъ вопросъ, по необходимости, долженъ ограничиться субъектами данныхъ въ нашемъ знаніи сужденій, съ интересующимъ насъ опредѣленіемъ. Если опредѣленіе состоитъ изъ одного абстрактнаго представленія, встрѣчающагося у огромной массы данныхъ въ нашемъ опытѣ предметовъ, то нашъ вопросъ остается неопредѣленнымъ и поэтому ни мало не приблизитъ насъ къ нашей цѣли. Если же опредѣленіе, представляя коллективное соединеніе нѣсколькихъ опредѣленій, находитъ въ нашемъ опытѣ лишь одинъ субъектъ, напримѣръ А, которому оно приписано нами въ дознанномъ сужденіи, то нашъ вопросъ получаетъ опредѣленный смыслъ: не есть ли искомый нами предметъ именно этотъ предметъ А. Для того, чтобы вопросъ принялъ этотъ опредѣленный

Digitized by Google

смыслъ, нѣтъ даже необходимости въ томъ, чтобы о всѣхъ данныхъ въ нашемъ знаніи предметахъ, кромѣ предмета А, мы достовѣрно знали, что къ нимъ неприложима какая нибудь изъ чертъ, входящихъ въ интересующее насъ коллективное опредѣленіе; совершенно достаточно, если мы не находимъ надежныхъ основаній приложить къ нимъ нѣкоторыя изъ этихъ чертъ. Въ обоихъ случаяхъ одинаково законно выдѣляется предметъ А и на немъ именно концентрируется вопросъ, не онъ ли есть дѣйствительно субъектъ интересующаго насъ въ данномъ случаѣ опредѣленія. Признать безспорнымъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ на одномъ только томъ основаніи, что сочетаніе разнообразныхъ чертъ, соединенныхъ въ опредѣленіи, находитъ въ предметѣ А единственный образецъ въ нашемъ опытѣ, мы, конечно, не въ правѣ, и слѣдовательно сужденіе: "А, въ данномъ случаѣ, служитъ субъектомъ этого опредѣленія" остается сомнительнымъ. Однако, при подобныхъ условіяхъ это сужденіе составляетъ для насъ единственно законное предположеніе, единственную догадку, которая имѣетъ основаніе въ нашемъ знаніи и слѣдовательно не есть нѣчто, совершенно произвольное. Сказать, что А служитъ въ данномъ случаѣ субъектомъ извѣстнаго опредѣленія, мы не можемъ, но мы можемъ утверждать, что предметъ А въ объемѣ нашего знанія или исключительно или болѣе, чѣмъ какой нибудь другой предметъ, можетъ претендовать на право считаться такимъ субъектомъ. Въ этомъ состоитъ логическая сторона той операціи мысли, которую называютъ гипотезой. Такимъ образомъ, гипотеза есть одна изъ формъ вывода, именно выводъ, состоящій въ перенесеніи субъекта изъ одного сужденія въ другое, при чемъ за переносимымъ субъектомъ признается не безусловное, а относительное право занимать это мѣсто, то-есть о немъ утверждается, что, по сравненію съ другими доступными знанію предметами, онъ имѣетъ исключительное или по крайней мѣрѣ наибольшее право занимать это мѣсто.

V.

Логически простѣйшимъ случаемъ образованія гипотезы былъ бы, очевидно, тотъ, гдѣ къ опредѣленію мы подъискиваемъ конкретный предметъ, пользуясь при этомъ даннымъ въ нашемъ знаніи предметомъ, къ которому единственно это опредѣленіе было бы приложимо во всей его коллективной сложности. Таковы часто гипотезы историческія. Толкователи Аристотеля, напримѣръ, хотѣли приписать Анак-

Digitized by Google

симандру передаваемое Аристотелемъ мнѣніе о происхожденіи всего изъ вещества средняго между огнемъ и воздухомъ или водою и воздухомъ; и это предположеніе основывалось на томъ, что изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи древнихъ философовъ нѣтъ, кромѣ Анаксимандра, ни одного, которому съ большимъ удобствомъ могло бы быть приписано подобное мнѣніе. Гаданія о писателѣ какого нибудь вновь открытаго сочиненія очень обыкновенно сводятся къ тому, чтобы извлечь изъ сочиненія характеристическія черты, которыя въ своей совокупности могли бы подходить лишь къ одному изъ извѣстныхъ исторіи лицъ. Сюда же слѣдуетъ отнести гипотезы, которыя дѣлаются съ цѣлію востановленія испорченнаго текста того или другаго писателя. Задача въ этомъ послѣднемъ случаѣ состоитъ въ томъ, что бы указать слово или фразу, которыя исчезли изъ текста или искажены. Такое слово или фраза должны уяснить смыслъ мѣста, сдѣлать его согласнымъ съ контекстомъ, объяснять естественность пропуска при переписке или позднѣйшаго искаженія и пр. под. Если всѣ эти опредѣленія подходятъ къ извѣстному слову или фразѣ; если къ тому же ученый не находитъ другаго чтенія, къ которому могли бы быть приложены всѣ эти опредѣленія или къ которому они прилагались бы по крайней мѣрѣ также хорошо, какъ и придуманная имъ поправка, то онъ гипотетически принимаетъ, что это именно слово или фраза стояли въ сочиненіи до его поврежденія.

Опредѣленіе той или другой логической группы одинаково принадлежитъ каждому, входящему въ нее члену, а поэтому при помощи сужденія о группѣ нельзя гипотетически установить конкретный предметъ для опредѣленія тожественнаго съ опредѣленіемъ группы. Однако, очень часто случается, что отыскиваемый нами предметъ интересуетъ насъ не какъ этотъ единичный, конкретно опредѣленный предметъ, а только въ качествѣ предмета, относящагося къ той или другой логической группѣ, будетъ ли то къ группѣ цѣльныхъ физическихъ предметовъ, характеризованныхъ извѣстнымъ свойствомъ, или къ группѣ порядковъ фактовъ или отношеній, характеризованныхъ извѣстнымъ фактомъ или отношеніемъ. Тогда сужденіе о группѣ точно также можетъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ гипотезы, какъ въ другихъ случаяхъ сужденіе о конкретномъ предметѣ. Физикъ отыскиваетъ причину свѣтовыхъ ощущеній и, вынужденный дать ей, на основаніи наблюдаемыхъ фактовъ и экспериментовъ, рядъ опредѣленій, тожественныхъ съ извѣстными уже ему опредѣленіями упругихъ жидкостей, и не находя въ опытѣ другихъ предметовъ, къ

Digitized by Google

которымъ могли бы быть приложены всѣ опредѣленія, общія и причинѣ свѣта и упругимъ жидкостямъ, полагаетъ причиной свѣта одинъ изъ видовъ упругихъ жидкостей, то-есть устанавливаетъ гипотезу объ эфирѣ. Подобнымъ образомъ (хотя и съ меньшей убѣдительностію вслѣдствіе особенностей случая) для объясненія, напримѣръ, наблюдаемыхъ на полюсахъ Марса измѣненій предполагаютъ существованіе тамъ снѣга, такъ какъ эти измѣненія вполнѣ приложимы въ качествѣ опредѣленій къ снѣговымъ полюсамъ и другаго предмета, къ которому они могли бы быть приложены съ тѣмъ же удобствомъ, нѣтъ среди нашего знанія.

Если опредѣленіе, для котораго мы подыскиваемъ субъектъ, можетъ быть разсматриваемо какъ опредѣленіе состава предмета и въ этомъ смыслѣ само можетъ быть разложено на части, которыя будутъ представлять составъ частей этого предмета, то для насъ нѣтъ необходимости требовать, чтобы въ нашемъ знаніи данъ былъ цѣльный предметъ, къ которому прилагалось бы это опредѣленіе во всей его цѣлости. Для насъ совершенно достаточно, если мы имѣемъ въ нашемъ опытѣ отдѣльныя сужденія о частныхъ субъектахъ, которымъ принадлежатъ части опредѣленія въ отдѣльности; и въ такомъ случаѣ мы гипотетически переносимъ всѣ эти субъекты въ совокупности на интересующее насъ опредѣленіе, соединяя ихъ при этомъ въ одинъ аггрегатъ такого рода, чтобы онъ соотвѣтствовалъ опредѣленію въ его цѣльномъ составѣ. Само собою понятно, что и въ этомъ случаѣ необходимо предполагается, что иныхъ субъектовъ, которые въ такой же степени отвѣчали бы нашему опредѣленію, мы не имѣемъ. Такъ составляются гипотезы, объясняющія явленія изъ соединенія причинъ, дѣйствія которыхъ изучены въ отдѣльности. Происхожденіе, напримѣръ, выходящихъ изъ земли водяныхъ паровъ, смѣшанныхъ съ азотомъ, сѣрнистымъ водородомъ, амміакомъ и извѣстнымъ количествомъ борной кислоты (въ Тосканѣ), объясняютъ существованіемъ въ нѣкоторой глубинѣ земли сѣрнистаго (по другимъ азотистаго) бора, приходящаго въ соединеніе съ просачивающейся морской водой (содержащей животныя вещества, способныя разлагаться отъ жара и выдѣлять амміакъ) и сильно нагрѣвающагося. Здѣсь гипотеза, очевидно, группируетъ соединеніе причинъ, соотвѣтствующее сложному явленію, котораго части, взятыя въ отдѣльности, могли бы объясняться этими причинами, также взятыми въ отдѣльности.

Если, далѣе, опредѣленіе, будучи разсматриваемо какъ опредѣленіе состава предмета, представляетъ въ нашихъ глазахъ сумму

Digitized by Google

логически совершенно тожественныхъ опредѣленій, тогда для насъ достаточно, чтобы въ нашемъ опытѣ былъ данъ субъектъ одной его части. Затѣмъ мы увеличиваемъ этотъ субъектъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ соотвѣтствующей степени и составъ его, данный въ опредѣленіи, съ тою цѣлью, чтобы это опредѣленіе оказалось тожественнымъ съ интересующимъ насъ опредѣленіемъ, и когда достигнемъ этой цѣли, гипотетически переносимъ на послѣднее этотъ увеличенный субъектъ. Таковы часто гипотезы геологическія. Мы знаемъ причину извѣстнаго измѣненія на землѣ, происшедшаго въ опредѣленные историческіе періоды, и, стараясь уяснить себѣ измѣненія, какія испытывала земля въ огромные отдаленные отъ насъ періоды, можемъ найдти, что эти послѣднія измѣненія могутъ быть разсматриваемы какъ огромное цѣлое, состоящее изъ безчисленнаго множества частей, логически тожественныхъ съ измѣненіемъ, замѣченнымъ въ историческій періодъ существованія земли, такъ что стоитъ только извѣстное (пусть и неисчислимое для насъ) количество разъ повторить условіе, сопровождавшееся въ историческое время произшедшимъ измѣненіемъ, чтобы получилось слѣдствіе, логически совершенно тожественное съ интересующимъ насъ измѣненіемъ земли въ отдаленныя эпохи. И если мы не находимъ въ нашемъ знаніи другихъ условій, которыя были бы въ состояніи объяснить измѣненіе послѣдняго рода, то мы гипотетически переносимъ на него извѣстное намъ условіе, повторенное несчетное число разъ. Въ этихъ случаяхъ можно идти двумя путями: или путемъ соединенія условій, логически тожественныхъ, въ аггрегатъ, данный заразъ въ цѣломъ его составѣ, то-есть предполагать усиленное дѣйствіе причины, или путемъ представленія преемственной череды условій, слѣдующихъ другъ за другомъ, такъ чтобы составился изъ нихъ непрерывный рядъ во времени. Свойства и характеръ самаго явленія могутъ часто указывать ученому, какой изъ этихъ двухъ путей единственно или наиболѣе отвѣчаетъ дѣлу. При отсутствіи же подобныхъ опредѣленныхъ указаній, послѣдній путь всегда долженъ быть предпочитаемъ первому, такъ какъ онъ имѣетъ логическія преимущества въ самомъ себѣ. Что усиленная причина всегда, въ какой бы степени мы ни взяли ее, будетъ сопровождаться только соотвѣтствующимъ усиленіемъ дѣйствія, а не измѣненіемъ характера послѣдняго, то-есть что на усиленіе условія мы всегда имѣемъ право смотрѣть какъ на чистый аггрегатъ логически тожественныхъ условій, — это требуетъ часто особаго доказательства; а поэтому выводъ, построенный такимъ путемъ, кромѣ гипотетическаго

Digitized by Google

характера, необходимаго при всякомъ перенесеніи субъекта изъ одного сужденія въ другое, будетъ имѣть еще не вполнѣ достовѣрную основную посылку. Наоборотъ, представляя рядъ слѣдующихъ одно за другимъ условій, мы въ большей части случаевъ будемъ имѣть безспорно чистый аггрегатъ условій и слѣдовательно наша основная посылка не будетъ подлежать сомнѣнію. Кромѣ того, перенося въ этомъ послѣднемъ случаѣ субъектъ, мы признаемъ прежнее теченіе жизни природы отвѣчающимъ извѣстному намъ ея теченію, тогда какъ въ первомъ мы воображаемъ такое одновременное соединеніе условій, примѣровъ котораго не даетъ намъ опытъ. И какъ бы ни представлялось слабымъ въ подобныхъ случаяхъ индуктивное доказательство отъ настоящаго къ прошедшему, оно все таки даетъ перевѣсъ тому предположенію, въ пользу котораго оно говоритъ. На первый взглядъ представляется, что къ подобному же роду гипотезъ относится и гипотеза Дарвина о происхожденіи видовъ. И въ ней исходнымъ пунктомъ служитъ установленное на основаніи нашего опыта положеніе, что фактъ борьбы за существованіе вмѣстѣ съ фактомъ наслѣдственной передачи случайныхъ уклоненій организма отъ полнаго тожества съ организмами, его произведшими, сопровождается постепенными видоизмѣненіями породы, приспособляющими ее къ окружающимъ условіямъ. Затѣмъ, сложное устройство и функціи высшихъ изъ теперешнихъ органическихъ существъ, требующія объясненія своего происхожденія, разсматриваются (въ извѣстномъ смыслѣ) какъ сумма скопившихся видоизмѣненій, а потому въ качествѣ объясняющей ихъ причины полагаются повторенныя неисчислимое количество разъ причины этихъ видоизмѣненій, то-есть непрерывное дѣйствіе этихъ причинъ въ продолженіи громаднаго періода времени. Само собою понятно, что здѣсь разумѣется не простое суммированіе или приложеніе другъ къ другу возникающихъ вновь мелкихъ особенностей организаціи, а рядомъ съ нимъ и видоизмѣненіе особенностей, уже полученныхъ, и замѣна однихъ особенностей другими. Однако, не это обстоятельство отличаетъ съ логической стороны эту гипотезу отъ другихъ подобнаго рода и ослабляетъ ея силу; такъ какъ и въ томъ сужденіи, которое составляетъ исходный пунктъ этой гипотезы, предикатъ говоритъ не о возникновеніи только новыхъ особенностей въ организмѣ, но и объ измѣненіи ихъ, то и при повтореніи предиката неисчислимое количество разъ должно естественно быть принято во вниманіе и то и другое. Несравненно болѣе важно, что въ сужденіи, которое служитъ исходнымъ пунктомъ для гипотезы, все видоизмѣ-

Digitized by Google

неніе ограничено не количественно только, но и качественно: оно вращается въ твердо очерченныхъ границахъ, опредѣляемыхъ общими типами органическихъ существъ; а поэтому здѣсь является вопросъ, котораго при другихъ гипотезахъ подобнаго рода вовсе не существуетъ, именно: это повтореніе условій, которое должно сопровождаться повтореніемъ результатовъ, должно ли будетъ когда-либо перейдти за границы того или другого типа или должно вѣчно оставаться въ его предѣлахъ? Отъ постояннаго, продолжающагося огромные періоды времени, испаренія морской воды, недостаточно пополняемой притекающими въ море рѣками, необходимо должно изсякнуть море: но изъ появленія особенностей и замѣны однихъ особенностей другими не слѣдуетъ необходимо переходъ существа изъ одного типа въ другой: въ послѣднемъ случаѣ при строгомъ выполненіи условія всегда мыслима безконечная модификація того же типа. Здѣсь, очевидно, возможно сомнѣніе не въ томъ только: существуетъ или не существуетъ другая причина, способная разъяснить интересующій насъ фактъ, но и въ томъ: дѣйствительно ли способна была бы произвести этотъ фактъ указываемая гипотетически причина. Поэтому и Дарвинъ и Уоллесъ стараются найдти и другія основанія для своей гипотезы. Но разсмотрѣніе этихъ основаній здѣсь излишне: наша цѣль исключительно состояла въ томъ, чтобы опредѣлить степень сродства этой гипотезы съ гипотезами, въ которыхъ всего рельефнѣе выражается тотъ типъ гипотетическаго процесса, о которомъ шла у насъ рѣчь.

Едва-ли часто можетъ встрѣчаться обратный случай, чтобы мы вынуждены были гадать о субъектѣ извѣстнаго опредѣленія по дознанному нами субъекту другаго опредѣленія, которое относилось бы къ первому не какъ часть къ аггрегату а какъ аггрегатъ къ части того же самаго состава. Но въ замѣнъ этихъ, вѣроятно, очень рѣдкихъ случаевъ можно указать на иную модификацію гипотезы, которая зависитъ отъ возможности смотрѣть на самые субъекты опредѣленій какъ на составные, хотя бы опредѣленіе цѣлаго предмета и не представляло чистаго сложенія опредѣленія его частей. Намъ можетъ быть дано опредѣленіе, субъектъ котораго безспорно состоитъ изъ частей; одна часть его можетъ быть намъ дана непосредственно или какимъ-либо другимъ путемъ сдѣлалась извѣстна, тогда какъ другая остается неизвѣстною. Еслибы данное опредѣленіе могло быть разсматриваемо какъ опредѣленіе состава въ строгомъ смыслѣ, то намъ оставалось бы выдѣлить изъ него то, что относится къ данной или точно извѣстной намъ части предмета, и затѣмъ на остатокъ

Digitized by Google

опредѣленія смотрѣть какъ на особое опредѣленіе, имѣющее свой особый предметъ. Послѣ этой предварительной операціи случай оказался бы, очевидно, совершенно тожественъ съ каждымъ обыкновеннымъ случаемъ подысканія субъекта къ предикату. Однако, такое раздѣленіе опредѣленія предмета далеко не всегда возможно. Мы можемъ знать, что A, взятое отдѣльно отъ другихъ предметовъ, въ какомъ-нибудь опредѣленномъ отношеніи должно быть C; вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ убѣдиться, что въ извѣстномъ случаѣ безспорно дано A, но вмѣсто опредѣленія C дано опредѣленіе D. Отсюда мы выведемъ, конечно, что A въ этомъ случаѣ дано не отдѣльно, а въ соединеніи съ какимъ-нибудь неизвѣстнымъ намъ предметомъ. Но если это опредѣленіе D не есть простая сумма опредѣленія C и еще какого-нибудь опредѣленія E, то намъ и нельзя поставить простаго вопроса: какому предмету нужно приписать опредѣленіе E, остающееся безъ предмета. Нашъ вопросъ усложняется и получаетъ такой смыслъ: какой предметъ въ соединеніи съ предметомъ A былъ бы въ состояніи имѣть въ данномъ случаѣ опредѣленіе D? Мы ищемъ такимъ образомъ не въ строгомъ смыслѣ предмета для извѣстнаго опредѣленія, а части предмета, которая въ соединеніи съ извѣстною уже намъ его частію (то-есть въ соединеніи съ A) могла бы получить опредѣленіе D въ замѣнъ опредѣленія C, относящагося къ послѣдней части. Далѣе гипотетическій процессъ идетъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ совершается онъ и въ другихъ случаяхъ, то-есть гипотетически предположенная часть предмета должна быть такою, которая въ нашемъ умѣ единственно или наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ извѣстнаго опредѣленія, удобнѣе другихъ предметовъ прилагается къ случаю. Примѣръ гипотезы, составленной такимъ образомъ, представляетъ напримѣръ, предположеніе о сопротивленіи среды, наполняющей небесное пространство и составляющей добавочное условіе къ извѣстному уже намъ условію — тяготѣнію къ солнцу и планетамъ, для объясненія фактически наблюдаемаго движенія кометы Энке, необъяснимаго изъ одного тяготѣнія. Впрочемъ, каждый случай, гдѣ извѣстное намъ дѣйствіе не менѣе извѣстныхъ и данныхъ дѣйствительно условій, является въ измѣненномъ видѣ, заставляетъ насъ прибѣгать къ этой модификаціи гипотезы, такъ какъ сложеніе причинъ, какъ мы уже замѣчали, даетъ, говоря вообще, очень рѣдко чистое сложеніе дѣйствій. Изъ всего высказаннаго ясно, что отношеніе между аггрегатомъ и его частями также глубоко входитъ въ наши выводы, основывающіеся на сличеніи опредѣленій (отрицательные и

Digitized by Google

гипотетическіе), какъ глубоко входитъ оно въ заключенія, основывающіяся на сличеніи субъектовъ сужденій.

VI.

Гипотетически мы переносимъ субъектъ изъ одного сужденія въ другое или тогда, когда въ нашемъ опытѣ онъ одинъ имѣетъ извѣстное опредѣленіе во всей его сложности или когда онъ имѣетъ только бо́льшее сравнительно съ другими право считаться предметомъ этого опредѣленія. Первый случай ясенъ самъ по себѣ: онъ требуетъ только, чтобы какой бы другой предметъ намъ ни представлялся, мы въ состояніи были указать въ коллективномъ опредѣленіи такія черты, которыя или вовсе не были бы приложимы къ этому предмету или по крайней мѣрѣ оставалось бы сомнительной возможность приложить ихъ къ нему. Еслибы, напримѣръ, теорія тяготѣнія противопоставили теоріи вихрей Декарта, то можно было бы указать на факты, которые прямо противорѣчатъ этой послѣдней гипотезѣ, напримѣръ, на фактъ свободнаго прохожденія кометъ сквозь пространства предполагаемыхъ вихрей. Во второмъ случаѣ дѣло сложнѣе. Здѣсь вопросъ идетъ о сравнительномъ правѣ одного предмета предъ другими стать субъектомъ извѣстнаго опредѣленія. Мы должны предположить коллективное опредѣленіе, которое, будучи взято во всей его цѣлости, не находитъ въ нашемъ опытѣ предмета, къ которому оно должно бы было быть приложено, но существуетъ нѣсколько предметовъ, изъ которыхъ къ каждому безспорно прилагаются тѣ или другіе изъ элементовъ, его составляющихъ, тогда какъ относительно остальныхъ элементовъ остается не ясно, могутъ они быть приложены къ этому предмету или нѣтъ. Вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ такомъ случаѣ на основаніи какихъ-либо преимуществъ одного предмета предъ другими. Указать права преимущественныя было бы, конечно, не трудно, еслибы одинъ изъ предметовъ имѣлъ всѣ тѣ элементы коллективнаго опредѣленія, которые имѣетъ и другой, но кромѣ того имѣлъ бы также еще какіе-нибудь другіе изъ неприложимыхъ къ послѣднему элементовъ. Тогда этотъ предметъ будетъ, очевидно, преимуществовать предъ вторымъ. Если, напримѣръ, гипотеза, предполагающая эфиръ съ его колебаніями, объясняетъ всѣ тѣ явленія свѣта, которыя объяснялись гипотезой лученспусканія, и кромѣ того объясняетъ другіе факты, напримѣръ, диффракцію и цвѣтныя кольца, то ясно, что она должна быть предпочтена. Но часто на практикѣ бываетъ не такъ. Изъ эле-

Digitized by Google

ментовъ сложнаго опредѣленія C, D, E, F, G и т. д. одинъ предметъ можетъ имѣть безспорно элементы C, D, E, другой C, F, G, H. Различныя предположенія, напримѣръ, о первоначальной судьбѣ дошедшихъ до насъ сочиненій Аристотеля покрываютъ собою каждое не одни и тѣ же факты. Въ такихъ случаяхъ вопросъ о преимуществахъ того или другаго предположенія можетъ быть рѣшенъ лишь чрезъ уясненіе сравнительной важности или значенія тѣхъ или другихъ элементовъ опредѣленія. Но едва ли для этого могутъ быть установлены общія правила чисто логическаго характера, одинаково примѣнимыя къ каждому частному случаю: каждый отдѣльный случай навѣрное потребуетъ особыхъ соображеній. Отъ различія оцѣнки тѣхъ или другихъ элементовъ опредѣленія, конечно, будетъ зависѣть и то, что одинъ будетъ отдавать предпочтеніе одной, другой — другой гипотезѣ.

Мы говорили о преимуществахъ одного предположенія сравнительно съ другими, зависящихъ отъ возможности объяснить съ его помощію наибольшее количество фактовъ. Но есть преимущества и другаго рода. Одинъ предметъ, имѣющій извѣстное опредѣленіе, можетъ несравненно чаще встрѣчаться или вообще въ опытѣ или въ той ограниченной сферѣ его, гдѣ намъ приходится искать предмета для извѣстнаго опредѣленія, чѣмъ другой предметъ, имѣющій то же опредѣленіе. Если въ другихъ отношеніяхъ оба эти предмета имѣютъ одинаковыя права быть признаны субъектами опредѣленія въ данномъ случаѣ, то первый, конечно, получитъ преимущество въ нашихъ глазахъ предъ послѣднимъ. Если симптомы болѣзни таковы, что ихъ съ одинаковымъ правомъ можно истолковать и въ смыслѣ одного и въ смыслѣ другаго вида болѣзни, но если одинъ изъ этихъ видовъ составляетъ самое обыкновенное явленіе въ этой мѣстности, а другой встрѣчается въ ней необыкновенно рѣдко, то врачъ, конечно, остановится на предположеніи перваго вида. Сюда именно относятся тѣ отрицательные выводы, въ которыхъ мы, повидимому, заключаемъ отъ существованія признака, рѣдко встрѣчающагося въ группѣ, къ мысли, что предметъ не относится къ этой группѣ. Мы, разъясняя эти выводы, уже говорили, что въ такихъ случаяхъ заключеніе на самомъ дѣлѣ основывается на сличеніи числа членовъ извѣстной группы, имѣющихъ заинтересовавшее насъ опредѣленіе, съ числомъ членовъ другихъ группъ, имѣющихъ то же опредѣленіе. Сличая эти числа, мы устанавливаемъ вѣроятнѣйшее предположеніе или гипотезу относи-

Digitized by Google

тельно того, къ какой группѣ слѣдуетъ отнести предметъ встрѣтившагося намъ теперь опредѣленія.

Сравненіе правъ, какія имѣютъ различные данные въ опытѣ предметы, способные, повидимому, занять мѣсто субъекта извѣстнаго опредѣленія, обусловливается самою сущностію гипотезы; а поэтому опредѣленныя правила, которыя регулировали бы этотъ процессъ сравненія, весьма желательны, хотя на почвѣ логики не могутъ идти далѣе самыхъ общихъ требованій. Не едва ли можно оправдать требованіе иного характера, которое также иногда предъявляютъ въ отношеніи къ гипотезѣ и которое уже никакъ не обусловливается самою сущностію гипотетическаго процесса, а представляетъ результатъ столь же чуждыхъ логикѣ, сколько и шаткихъ теорій. Это требованіе состоитъ въ томъ, чтобы предполагаемый въ гипотезѣ предметъ былъ способенъ, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, быть точно установленъ для знанія. „Хотя бы предварительно (гипотетически) принимаемая причина, говоритъ Миллъ [1]), и не была извѣстна, однако нужно, чтобы она могла быть извѣстна впослѣдствіи, чтобы существованіе ея могло быть открыто, а связь ея съ приписаннымъ ей дѣйствіемъ доказана независимымъ дѣйствіемъ". Гипотеза о вихрях Декарта, говоритъ тотъ же писатель [2]), была бы ложною и тогда, еслибы нельзя было найдти прямаго доказательства ея ложности: прямаго доказательства ея истинности не могло существовать. Подобное требованіе несправедливо по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, оно безъ всякаго основанія лишаетъ права составлять вѣроятныя предположенія о томъ, о чемъ невозможно точное знаніе. Предположимъ въ самомъ дѣлѣ, что субъектъ извѣстнаго опредѣленія таковъ, что по самымъ условіямъ его существованія въ данномъ случаѣ онъ никогда не можетъ быть точно указанъ; отрицая право дѣлать гипотетическіе выводы, какъ скоро гипотетически принятый субъектъ не можетъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи превратиться въ безспорный субъектъ опредѣленія, мы тѣмъ самымъ безъ всякаго основанія и нужды закрываемъ для себя путь единственно возможнаго въ такихъ случаяхъ гипотетическаго разъясненія его. Но еще болѣе важно, вовторыхъ, то обстоятельство, что подобнымъ взглядомъ предполагается точно проведенная граница между тѣмъ, что можетъ быть извѣстно въ будущемъ, и тѣмъ, что должно остаться навсегда неизвѣстнымъ человѣ-

[1]) Лог. II, 16. Перев. Резенера.

[2]) Тамъ же, 20.

Digitized by Google

честву. При настоящемъ состояніи нашихъ изслѣдованій о познавательныхъ способностяхъ человѣка и свойствахъ той дѣйствительности, которая составляетъ предметъ человѣческаго знанія, болѣе чѣмъ рискованно судить о томъ, что можетъ и что не можетъ сдѣлаться въ будущемъ предметомъ точнаго знанія. Еслибы вихри Декарта существовали дѣйствительно, то какъ можно бы было поручиться за то, что въ будущемъ, при увеличеніи знанія, мы не могли бы изъ предположенія объ ихъ существованіи вывести слѣдствія, которыя могли бы быть провѣрены на фактахъ? Не владѣетъ ли наука теперь свѣдѣніями, которыя не въ очень далекомъ прошедшемъ могли бы многимъ показаться просто невозможными? Кто бы могъ подумать, напримѣръ, что представится возможность на достаточно прочныхъ основаніяхъ опредѣлять химическіе элементы веществъ солнечной атмосферы, чего достигаетъ современная наука съ помощію спектральнаго анализа. Странной въ наше время считаютъ вѣру извѣстной школы метафизиковъ, что всѣ загадки бытія могутъ быть сразу, однимъ пріемомъ разгаданы мыслію; но не замѣчаютъ, что поступаютъ совершенно также самонадѣянно, когда думаютъ, что однажды навсегда можно аподиктически рѣшить, что можетъ и что никогда не можетъ сдѣлаться предметомъ человѣческаго знанія. Въ существѣ дѣла послѣдующій взглядъ стоитъ на той же почвѣ догматизма, какъ и первый, и составляетъ только его обратную сторону.

VII.

Тожество опредѣленій при исполненіи извѣстныхъ условій ведетъ, какъ мы видѣли, къ гипотетическому выводу о тожествѣ субъектовъ. Но должна ли гипотеза считаться предѣломъ точности, далѣе котораго не можетъ идти выводъ, основывающійся на тожествѣ опредѣленій, или есть условія, при которыхъ тотъ же гипотетическій процессъ можетъ приближаться къ точности выводовъ, дающихъ безспорныя заключенія?

То понятіе о гипотезѣ, которое старались мы разъяснить, само указываетъ намъ путь, который ведетъ далѣе гипотезы. Наиболѣе прочно установленная гипотеза, конечно, не та, которая переноситъ субъектъ изъ одного сужденія въ другое на томъ основаніи, что онъ болѣе другихъ извѣстныхъ намъ предметовъ отвѣчаетъ опредѣленію. Самая надежная гипотеза та, въ которой субъектъ переносится на томъ основаніи, что онъ одинъ только въ границахъ нашего опыта

Digitized by Google

можетъ претендовать на это опредѣленіе. Но какъ доходимъ мы до признанія такихъ исключительныхъ правъ субъекта? Отвѣтъ ясенъ: путемъ усложненія опредѣленія. Только прибавляя опредѣленіе къ опредѣленію, то-есть конкретизируя опредѣленіе, мы постепенно ограничиваемъ число данныхъ въ нашемъ опытѣ предметовъ, къ которымъ мы могли бы приложить его. Но пусть мы дошли до того желаемаго пункта, когда только одинъ предметъ или одна группа предметовъ въ нашемъ опытѣ дѣлается способной имѣть это опредѣленіе. Для установки гипотезы просто въ качествѣ гипотезы этого совершенно достаточно. Но процессъ усложненія опредѣленія чрезъ это не потерялъ еще возможности продолжаться. Наше знаніе можетъ идти далѣе и открывать новыя и новыя опредѣленія предмета, котораго точной характеристики мы ищемъ. Пусть эти новыя опредѣленія не только не противорѣчатъ нашей гипотезѣ, но опять будутъ вполнѣ отвѣчать предмету, который гипотетически перенесли мы на изслѣдуемое нами опредѣленіе. Если новыя опредѣленія составляютъ простой результатъ опредѣленій прежнихъ, то-есть необходимо должны быть поставлены въ томъ предметѣ, которому принадлежатъ прежде найденныя опредѣленія, то они, конечно, ничего не прибавятъ для болѣе прочной установки гипотетически перенесеннаго субъекта. Но другое дѣло, когда мы имѣемъ право думать, что они независимы отъ прежнихъ опредѣленій, то-есть могли бы и не заключаться въ предметахъ, имѣющихъ прежде познанныя нами опредѣленія. Мы гипотетически перенесли субъектъ изъ одного сужденія въ другое потому, что усложненіе опредѣленія выдѣлило этотъ предметъ изъ всѣхъ другихъ, данныхъ въ нашемъ опытѣ. Признать за нимъ безусловное право стать субъектомъ интересующаго насъ опредѣленія мы не могли потому, что оставалось сомнѣніе, нѣтъ ли въ дѣйствительности, еще не исчерпанной знаніемъ, другихъ предметовъ, способныхъ имѣть то же опредѣленіе, которые получили бы поэтому одинаковое съ нашимъ предметомъ право считаться субъектомъ опредѣленія въ данномъ случаѣ. Но усложняя вновь опредѣленіе прибавкою къ нему независимыхъ отъ него чертъ, мы выдѣляемъ перенесенный на это опредѣленіе субъектъ не только изъ извѣстныхъ уже намъ предметовъ, но изъ возможныхъ подобныхъ предметовъ, находящихся въ дѣйствительности, не обнятой нашимъ знаніемъ; вѣдь, признавая новую черту опредѣленія независимой отъ чертъ его, ранѣе намъ извѣстныхъ, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что среди возможныхъ предметовъ, имѣющихъ прежнее опредѣленіе, всегда могутъ оказаться

Digitized by Google

такіе, которые не имѣютъ вновь подмѣченной черты. Чѣмъ далѣе идетъ усложненіе опредѣленія, тѣмъ, очевидно, рѣшительнѣе процессъ выдѣленія, тѣмъ менѣе надежды встрѣтить въ будущемъ другой предметъ съ тѣмъ же опредѣленіемъ во всей его конкретности, такъ какъ нашъ настоящій опытъ отказывается представить предметы сходные съ нашимъ предметомъ даже въ менѣе значительной степени. Нашъ опытъ отражаетъ лишь часть дѣйствительности, и подобно тому, какъ въ немъ чрезъ усложненіе опредѣленія мы достигаемъ выдѣленія предмета изъ всѣхъ предметовъ, такъ, продолжая тотъ же процессъ далѣе, мы, очевидно, должны дойдти до подобнаго же выдѣленія предмета и изъ всѣхъ предметовъ дѣйствительности, понимаемой въ смыслѣ совокупности всего дознаннаго и недознаннаго. Такъ, съ логической стороны, разъясняется, почему отъ гипотезы требуютъ провѣрки съ многихъ и различныхъ сторонъ и признаніе гипотезы за точную истину ставятъ въ зависимости отъ исполненія этого именно требованія.

Однако, мы не должны преувеличивать степени той точности, которая можетъ получиться такимъ путемъ. Безспорно, конечно, что усложненіе опредѣленія, выдѣляя извѣстный предметъ изъ всѣхъ дознанныхъ предметовъ, должно необходимо въ дальнѣйшемъ процессѣ вести и къ выдѣленію его изъ всей массы существующихъ предметовъ. Но съ другой стороны не менѣе безспорно и то, что тогда какъ пунктъ, на которомъ достигаетъ этотъ процессъ своей цѣли въ отношеніи къ предметамъ дознаннымъ, всегда легко опредѣлить, никогда нельзя опредѣлить съ точностію того пункта, на которомъ онъ достигнетъ своей цѣли въ отношеніи къ дѣйствительности, какъ общей совокупности дознаннаго и недознаннаго. Едва мы достигли перваго пункта, мы уже въ правѣ ставить вопросъ: не достигли ли уже мы и пункта послѣдняго, такъ какъ отрицательныхъ инстанцій противъ подобнаго предположенія мы не имѣемъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, все же остается возможность, что эти отрицательныя инстанціи скрываются отъ насъ въ массѣ недознаннаго, то мы продолжаемъ процессъ, съ каждымъ шагомъ впередъ безспорно ограничивая эту возможность. Но свѣрить результатъ процесса съ недознанною дѣйствительностію подобно тому, какъ свѣряемъ его съ дѣйствительностію дознанною, мы не можемъ. И хотя каждый новый шагъ увѣряетъ насъ, что мы ближе къ цѣли, которую не имѣли основаній считать недостигнутой уже и ранѣе, но мы все же не можемъ указать ни на одинъ моментъ, гдѣ потерялось бы всякое право

Digitized by Google

на какое бы то ни было сомнѣніе, и не можемъ опредѣлить съ математическою точностію мѣру пріобрѣтенной достовѣрности. Вотъ почему серьезные ученые признаютъ, что и научная теорія, то-есть гипотеза, дающая возможность отчетливо объяснять цѣлый кругъ явленій, можетъ все-таки оказаться не твердой. Здѣсь же основаніе и того мнѣнія, что между гипотезой и научной истиной, пріобрѣтенной этимъ путемъ, невозможно провести рѣзкой границы. Это мнѣніе такимъ образомъ составляетъ результатъ вовсе не шаткости логической теоріи, а самой сущности дѣла.

Выводы, которые не даютъ совершенно точнаго заключенія, мы обыкновенно стараемся подкрѣпить другими выводами. Есть выводъ, который всегда сопутствуетъ положеніямъ, которыя получаются при помощи гипотетическаго процесса, и подкрѣпляетъ ихъ. Для человѣка, который въ гипотетическомъ процессѣ довелъ усложненіе опредѣленія до очень значительной степени, безспорны прежде всего два обстоятельства; вопервыхъ, онъ знаетъ, что изъ дознанныхъ въ опытѣ предметовъ только одинъ извѣстный предметъ могъ бы стать субъектомъ этого опредѣленія; вовторыхъ, онъ увѣренъ, что этотъ предметъ единственно оказался бы отвѣчающимъ опредѣленію даже и въ томъ случаѣ, еслибы опытъ въ будущемъ представилъ другіе предметы, имѣющіе много преимуществъ въ этомъ отношеніи, сравнительно съ остальными дознанными теперь предметами. Но этимъ не ограничивается все, что онъ можетъ сказать въ подтвержденіе достигнутаго результата. Гипотетическіе выводы, когда они основаны на самыхъ разнообразныхъ и тщательно изученныхъ фактахъ, обыкновенно оправдывались въ дальнѣйшемъ движеніи науки. Это послѣднее обстоятельство цѣнно для ученаго потому, что оно бросаетъ нѣкоторый свѣтъ и на тѣ выводы, которые ждутъ еще своего оправданія. Оно заставляетъ ожидать (на основаніи неполной индукціи) и при выводахъ, которые еще ждутъ своего оправданія, встрѣтить то же, что встрѣчалось при прежнихъ выводахъ того же рода. Присоединеніе этого новаго вывода къ выводу, полученному при помощи хорошо обставленнаго гипотетическаго процесса, можетъ подкрѣплять послѣдній выводъ до такой степени, что сомнѣніе умаляется до самой ничтожной дробной величины, которою на практикѣ всегда можно пренебречь.

Пусть мы ищемъ, напримѣръ, причины происхожденія залежей каменной соли. Исходнымъ пунктомъ служитъ для насъ положеніе, что испареніе морской воды, содержащей въ себѣ растворенную соль, должно сопровождаться сгущеніемъ этого раствора. Предполагая по-

Digitized by Google

втореніе условія, даннаго въ этомъ положеніи, бесчисленное количество разъ, то-есть, представляя непрерывное продолженіе его въ огромный періодъ времени въ связи съ фактомъ недостатка притекающихъ въ море рѣкъ, мы можемъ получить положеніе, предикатомъ котораго будетъ фактъ высушенія воды и отложенія массы солей; этотъ предикатъ, очевидно, тожественъ съ фактомъ, для котораго мы подыскиваемъ условіе (субъектъ), когда спрашиваемъ о происхожденіи пластовъ каменной соли. Присутствіе въ этихъ пластахъ другихъ солей и порядокъ ихъ наслоенія оказываются усложненіемъ предиката, для котораго мы подыскиваемъ субъектъ,— усложненіемъ, совершенно соотвѣтствующимъ опредѣленію въ томъ сужденіи, изъ котораго мы переносимъ субъектъ. Эти усложненія опредѣленія таковы, что далеко оставляютъ позади себя возможность предполагать, чтобы нашелся другой предметъ, къ которому могъ бы быть отнесенъ предикатъ въ его усложненномъ видѣ. Если отсюда непосредственно не слѣдуетъ, что при помощи этого усложненія предиката субъектъ выдѣленъ не только изъ предметовъ, извѣстныхъ уже въ опытѣ, но и изъ такихъ, которые могутъ быть доступны ему въ будущемъ, то все же конкретность опредѣленія доведена до такой степени, при которой выводы, построенные тѣмъ же путемъ, едва-ли когда оказывались ошибочными, а поэтому законное сомнѣніе въ выводѣ доведено до такого minimum которымъ всегда можно пренебречь.

VIII.

Въ видахъ частію разъясненія частію оправданія нашего взгляда на гипотетическій процессъ доказательства неизлишне сдѣлать нѣсколько замѣчаній, касающихся другихъ взглядовъ на тотъ же предметъ.

Съ нашей точки зрѣнія, гипотеза представляетъ процессъ установки субъекта для даннаго опредѣленія. Это никакъ не противорѣчитъ понятію о гипотезѣ, какъ о предположеніи, сдѣланномъ для объясненія фактовъ, но только расширяетъ его. Когда говорятъ о предположеніи, которое должно объяснять факты, то очень часто разумѣютъ подъ нимъ условія, которыя по опредѣленному закону сопровождаются этими фактами. Но указать условія, которыя сопровождаются извѣстными фактами, съ точки зрѣнія опытной науки, можетъ значить только характеризовать опредѣленными событіями тотъ порядокъ во времени, въ которому

Digitized by Google

относятся разъясняемые факты, въ качествѣ его неизбѣжныхъ опредѣленій. Такимъ образомъ, опредѣляя гипотезу какъ предположеніе, которое должно объяснять факты, необходимо принимаютъ, что условіями гипотетическаго процесса служатъ съ одной стороны существованіе знанія опредѣленій предмета и съ другой отсутствіе знанія самаго предмета; гипотеза такимъ образомъ, очевидно, получаетъ значеніе установки этого предмета. Однако подобное опредѣленіе гипотезы ограничиваетъ сферу ея примѣненія. Каждый фактъ представляетъ двоякую зависимость. Онъ не только относится къ опредѣленному порядку во времени, характеризуемому другими фактами, но кромѣ того также необходимо относится къ опредѣленному реальному предмету, составляя измѣнчивое состояніе или модификацію этого предмета. И указать реальный предметъ, къ которому относится тотъ или другой фактъ въ качествѣ его состоянія, также необходимо для объясненія факта какъ и указать условія, отъ которыхъ онъ зависитъ. Поэтому и процессъ установки субъекта можетъ имѣть въ виду не только причинную зависимость фактовъ но и ихъ субстанціальную зависимость, и въ обоихъ случаяхъ онъ логически тожественъ. На дѣлѣ это обыкновенно и признается. Но въ такомъ случаѣ его цѣлесообразнѣе опредѣлить какъ установленіе вообще субъекта для фактически даннаго опредѣленія, такъ какъ подъ такое опредѣленіе легко подойдетъ та и другая сторона объясненія фактовъ.

Частнѣе, установку субъекта въ гипотезѣ мы считаемъ перенесеніемъ субъекта на одно опредѣленіе съ другаго опредѣленія, логически тожественнаго съ первымъ; и это также предполагается при обычныхъ взглядахъ на гипотезу, хотя и остается неуясненнымъ, а потому и не высказывается опредѣленно. Въ самомъ дѣлѣ, когда смотрятъ на извѣстное предположеніе, какъ на объясняющее тѣ или другіе факты, то съ нимъ необходимо соединяютъ двѣ мысли: одну, признаваемую безспорной, и другую проблематическую. Первая состоитъ въ томъ, что такія-то условія необходимо ведутъ за собой результатъ, логически тожественный съ объясняемыми фактами. Другая мысль состоитъ въ предположеніи: не составляютъ ли объясняемые факты результатъ этихъ именно условій.

Законность перенесенія субъекта изъ одного сужденія въ другое при гипотезѣ, по нашему взгляду, зависитъ отъ убѣжденія, что въ нашемъ знаніи или вовсе нѣтъ другаго субъекта, къ которому могло бы быть пріурочено то же опредѣленіе (логически тожественное) или что этотъ предметъ наиболѣе отвѣчаетъ опредѣленію. Implicite, до

Digitized by Google

извѣстной степени по крайней мѣрѣ, и это признается. Никто вѣроятно, не придастъ какого нибудь научнаго значенія предположенію, когда существуетъ нѣсколько предположеній, лучше его объясняющихъ факты. Сомнительно, чтобы много значенія придали и предположенію, которое подлѣ себя имѣетъ много равноправныхъ. Значитъ, когда говорятъ о научномъ значеніи гипотезы или о гипотезѣ, какъ одномъ изъ процессовъ научной мысли, имѣютъ въ виду не вообще предположеніе, которое можно сдѣлать для объясненія факта, а предположеніе, которое находитъ для себя оправданіе въ своемъ сравнительномъ съ другими достоинствѣ. Какъ странно ссылаться на вѣроятный выводъ, когда вопросъ рѣшенъ на основаніи вывода безспорнаго, точно также странно придавать значеніе научной гипотезы такому предположенію, которое объясняетъ факты несравненно менѣе удовлетворительно, чѣмъ другія. Отсюда уже слѣдуетъ, что при гипотезѣ всегда предполагается ея сравнительное достоинство въ объясненіи фактовъ. Правда, существованіе нѣсколькихъ гипотезъ для объясненія тѣхъ же явленій составляетъ безспорный фактъ въ знаніи. Но когда говорятъ, что существуетъ нѣсколько гипотезъ для объясненія извѣстнаго круга явленій, не значитъ ли это только, что одни видятъ преимущество на сторонѣ одного объясненія, другіе—на сторонѣ другаго? И счелъ ли бы кто нибудь удобнымъ поименовать въ числѣ гипотезъ такое предположеніе, которому ни онъ самъ и никто другой не отдаетъ преимущества въ объясненіи явленій? Поэтому, говоря о нѣсколькихъ гипотезахъ для одного и того же круга явленій, не становимся ли мы собственно на точку зрѣнія другихъ, называя извѣстныя предположенія гипотезами? И можно ли принимать одному и тому же лицу нѣсколько гипотезъ для объясненія того же факта? Не будетъ ли это значить, что это лицо не принимаетъ ни одной и ожидаетъ дальнѣйшаго разъясненія фактовъ для возможности гипотетическаго объясненія этого круга явленій? А между тѣмъ, во всякомъ случаѣ, есть предположенія, которыя принимаются, на сторону которыхъ склоняются и при этомъ убѣждены, что склоняются законно; слѣдовательно, долженъ существовать и критерій для опредѣленія этой законности.

Обыкновенно говорятъ, что оправданіе гипотезы состоитъ въ томъ, что слѣдствія, выведенныя изъ нея, оправдываются на дѣлѣ. Мы не станемъ оспаривать, что въ этомъ положеніи совершенно вѣрно описывается процессъ, при помощи котораго мы часто (хотя и не всегда) извѣстному предположенію придаемъ значеніе предположенія, имѣю-

Digitized by Google

щаго законное право быть принятымъ для объясненія явленій. Но, вопервыхъ, замѣтимъ, что дѣло логики не описать тотъ или другой процессъ, а понять его логическій смыслъ и опредѣлить его значеніе въ качествѣ доказательства. Что собственно значитъ, съ логической точки зрѣнія, сдѣлать выводъ изъ предположенія и найдти этотъ выводъ согласнымъ съ фактами? Для встрѣтившагося въ дѣйствительности опредѣленія B предположенъ субъектъ A, на основаніи имѣющагося уже сужденія, что субъекту A приличествуетъ опредѣленіе B; анализируя далѣе A и пользуясь другими извѣстными намъ сужденіями, мы находимъ, что субъекту A должно быть приписано еще опредѣленіе C, а затѣмъ, обращаясь къ той дѣйствительности, которая дала намъ опредѣленіе B, требующее субъекта, находимъ и въ ней вмѣстѣ съ опредѣленіемъ B и опредѣленіе C, какъ опредѣленіе того же субъекта, которому должно принадлежать и B. И такъ, этотъ выводъ изъ сдѣланнаго предположенія и оправданіе вывода на фактѣ, если разсматривать его съ логической точки зрѣнія, оказывается процессомъ усложненія какъ опредѣленія, для котораго мы ищемъ субъекта, такъ и опредѣленія въ сужденіи, изъ котораго мы переносимъ субъектъ. Такимъ образомъ, наша характеристика гипотетическаго процесса обнимаетъ обыкновенное ученіе объ оправданіи гипотезы и даетъ ему логическій смыслъ. Но кромѣ того, вовторыхъ, она и болѣе точна. Обыкновеннымъ ученіемъ о гипотезѣ какъ бы предполагается, что усложненіе опредѣленія должно непремѣнно начаться съ опредѣленія сужденія, изъ котораго переносится субъектъ, и затѣмъ уже должно быть отыскано соотвѣтствующее усложненіе въ опредѣленіи, для котораго устанавливаютъ субъектъ. Но процессъ можетъ идти и обратнымъ путемъ. Явленія диффракціи извѣстны были за долго прежде, чѣмъ они сведены къ теоріи волнообразнаго движенія эфира. Иначе сказать: съ опредѣленіемъ B въ предметѣ, который мы отыскиваемъ, мы можемъ заранѣе соединить другое опредѣленіе C и только впослѣдствіи можемъ убѣдиться, что предметъ A, который имѣетъ также опредѣленіе B и на основаніи только этого опредѣленія перенесенъ на неимѣющее предмета опредѣленіе B, долженъ имѣть также и опредѣленіе C. Съ другой стороны, ничто не препятствуетъ даже и тому, чтобы все усложненное нами опредѣленіе было уже извѣстно намъ прежде, чѣмъ мы установили субъектъ для него, или, точнѣе, чтобы это усложненіе и вело къ самой установкѣ этого субъекта. Процессъ, очевидно, нисколько не измѣнится и убѣдительность гипотезы не сдѣлается менѣе значительной, еслибы мы сна-

Digitized by Google

чала открыли въ дѣйствительности всѣ черты коллективнаго опредѣленія C, D и пр. и впервые послѣ этого открытія перенесли на это опредѣленіе предметъ A, а не открыли сначала опредѣленіе B, на основаніи этого опредѣленія установили предметъ A, и потомъ уже открыли опредѣленія C, D и пр. какъ въ A, такъ и въ дѣйствительности, которая требуетъ объясненія. Нѣтъ никакой таинственной силы, которая придавала бы опредѣленіемъ C, D и пр. болѣе значенія въ томъ случаѣ, когда они были бы открыты уже послѣ гипотетической установки предмета, и которая лишала бы ихъ значенія въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ открытіе предваряло бы и обусловливало собою эту установку. Такимъ образомъ, два процесса, которые представляются раздѣльными по обычному логическому ученію о гипотезѣ, именно процессъ установки и процессъ оправданія гипотезы, съ логической стороны совершенно тожественны и ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга.

Сомнительно, чтобы можно было оправдать и то, что ученіе о гипотезѣ обыкновенно въ системахъ логики не относится къ ученію о выводахъ. Нельзя предположить, что это традиціонное выдѣленіе гипотезы изъ ученія о выводахъ основывается на предположеніи, будто процессъ установки и оправданія гипотезы не отличается по своимъ формуламъ отъ другихъ процессовъ и представляетъ только особое примѣненіе формулъ другихъ выводовъ къ особаго рода случаямъ. Оправданіе гипотезы согласно съ мнѣніями, обыкновенно принимаемыми, совершается по формулѣ, образца для которой нѣтъ между признанными формулами выводовъ; въ гипотезѣ отъ существованія слѣдствія заключеніе идетъ къ существованію условія (по нашей терминологіи — отъ тожества предикатовъ къ тожеству субъектовъ), тогда какъ между обыкновенно принимаемыми формулами выводовъ есть только выводы отъ существованія условія къ существованію слѣдствія (то-есть, отъ тожества субъектовъ къ тожеству предикатовъ) и отъ несуществованія слѣдствій къ несуществованію условій (то-есть отъ противорѣчія предикатовъ къ отрицанію тожества между субъектами). Вѣрнѣе предположить, что гипотеза выдѣляется изъ выводовъ потому, что изъ посылокъ, съ которыми она оперируетъ, точнаго вывода сдѣлать невозможно. Однако, и это основаніе стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ очень часто допускаемымъ мнѣніемъ, что доказанное согласіе всѣхъ сдѣланныхъ изъ гипотезы выводовъ съ фактами или возможность вполнѣ отчетливо объяснить изъ гипотезы опредѣленный кругъ фактовъ равняется полному доказательству

Digitized by Google

гипотезы. Если же процессъ оправданія гипотезы, отличаясь специфическими чертами отъ другихъ процессовъ вывода, можетъ при исполненіи извѣстныхъ условій давать точную истину, то ясно, что онъ представляетъ собою особую форму вывода, которая имѣетъ всякое право стоять на ряду съ другими формами. Еще непонятнѣе выдѣленіе совершенно своеобразнаго процесса оправданія гипотезы изъ классификаціи выводовъ въ тѣхъ системахъ логики, гдѣ къ выводамъ относятся и неполная индукція (per enumerationem simplicem) и аналогія, — выводы, которые, по наиболѣе принятому взгляду, не могутъ давать точныхъ выводныхъ сужденій и слѣдовательно съ этой стороны вполнѣ уравниваются процессу оправданія гипотезы. Шаткой постановкѣ ученія о гипотезѣ, повидимому, не мало способствовало то обстоятельство, что недостаточно различаютъ такія предположенія, которыя считаются на столько оправданными, что получаютъ нѣкоторое право гражданства въ наукѣ, хотя и не считаются точными истинами, отъ всѣхъ другихъ предположеній, которыя вовсе не могутъ заявить подобныхъ притязаній. Каждый человѣкъ въ обыкновенной жизни, ученый въ области своей науки, постоянно принуждены бываютъ прибѣгать къ предположеніямъ, которыя составляютъ исходный пунктъ для наблюденія, опытовъ, вообще изслѣдованія; но никто этимъ предположеніямъ не станетъ придавать значеніе рѣшенія вопроса, хотя и не претендующаго на характеръ рѣшенія безспорнаго, но имѣющаго право до времени замѣнять собою послѣднее рѣшеніе. Конечно, и предположенія, которыя не могутъ представить въ свою пользу доказательствъ, достаточныхъ для болѣе или менѣе прочной установки ихъ, имѣютъ огромное значеніе для науки: они возбуждаютъ изслѣдованіе, направляя его такъ, чтобы или открылась несостоятельность принятаго предположенія или оно получило подтвержденіе, и такимъ образомъ они содѣйствуютъ открытію истины. Съ этой стороны, они сходны съ предположеніями, получающими нѣкоторое право гражданства въ самой системѣ науки, такъ какъ и послѣднія очень важны, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что даютъ направленіе изслѣдованію, ставя предъ нимъ опредѣленные запросы. Но послѣднія предположенія имѣютъ еще и другую сторону: они представляютъ рѣшеніе вопроса, правда, не безусловно точное, но единственно возможное при данныхъ условіяхъ знанія, правда, не удовлетворяющее строгимъ требованіямъ отъ точной истины, но удовлетворяющее имъ болѣе, чѣмъ какое либо другое рѣшеніе, Они представляютъ такимъ образомъ не только опредѣленные запросы

Digitized by Google

способные двигать впередъ знаніе, но и вѣроятнѣйшее (по научной оцѣнкѣ вѣроятности) ихъ рѣшеніе. Кеплеръ дѣлалъ очень много предположеній объ орбитѣ планетъ, пока не дошелъ до истиннаго, но эти предположенія могли быть для него исключительно запросами, на которые требуется отвѣтъ. Гипотеза эфира съ его волнообразными колебаніями также запросъ, но запросъ вмѣстѣ съ вѣроятнѣйшимъ изъ всѣхъ представляющихся возможными его рѣшеній. Для предположенія, какъ чистаго запроса мысли, невозможно выставить никакихъ требованій, для него нельзя указать никакихъ опредѣленныхъ границъ. Поэтому странно было бы и говорить о выводѣ такого рода предположеній. Но чтобы предположеніе признано было единственно возможнымъ, при данныхъ условіяхъ знанія, рѣшеніемъ вопроса, или чтобы его признать вѣроятнѣйшимъ изъ возможныхъ рѣшеній его, оно, очевидно, должно удовлетворять требованіямъ, исполненіе которыхъ обусловливаетъ его вѣроятность, а, слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ формулу вывода, исполненіе требованій которой даетъ, правда, не несомнѣнное, но законно признаваемое вѣроятнымъ положеніе. Если же теперь процессъ оправданія предположеній, о которомъ трактуется въ системахъ логики въ ученіи о гипотезахъ, даетъ вѣроятныя (а иногда даже и болѣе чѣмъ вѣроятныя, почти безспорныя) положенія, если по своему характеру онъ существенно отличенъ отъ другихъ процессовъ, дающихъ какъ безспорныя, такъ и вѣроятныя заключенія (неполная индукція, аналогія, заключенія по теоріи математической вѣроятности), то онъ, очевидно, имѣетъ всякое право занять мѣсто въ ряду выводовъ. Но совершенно понятно, что какъ скоро просматривается различіе между предположеніемъ, какъ простымъ запросомъ мысли и предположеніемъ, содержащимъ рѣшеніе его, признаваемое вѣроятнымъ на строго логическихъ основаніяхъ,—мѣсто процесса окажется вполнѣ неопредѣленнымъ: его нельзя будетъ характеризовать, какъ особую формулу вывода, но нельзя будетъ и назвать только особымъ примѣненіемъ другихъ формулъ вывода,—первое потому, что онъ обниметъ много такого, что не подойдетъ подъ понятіе вывода,—второе потому, что самый характеръ доказательства здѣсь совершенно отличенъ отъ доказательства въ другихъ выводахъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ новыхъ системъ логики придается гипотезѣ совершенно особое значеніе. Здѣсь всѣ индуктивныя доказательства возводятся къ гипотетическому процессу. Послѣдовательнѣе и отчетливѣе всѣхъ развиваетъ этотъ взглядъ Джевоисъ. Вообще процессъ индуктивнаго мышленія или способы мышленія, посредствомъ кото-

Digitized by Google

рыхъ могутъ быть установлены законы природы на основаніи наблюдаемыхъ фактовъ, онъ сводитъ къ пріему, состоящему изъ слѣдующихъ четырехъ ступеней: 1) изъ собранія фактовъ, относящихся къ предмету изслѣдованія; 2) изъ составленія объясняющей ихъ гипотезы; 3) изъ выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи этой гипотезы; и 4) изъ провѣрки этихъ выводовъ фактами. Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ процессъ гипотетическій, и нельзя не признать вѣрности взгляда Джевонса въ томъ отношеніи, что у него этотъ процессъ ясно противопоставляется въ качествѣ доказательства по особой формулѣ тѣмъ формуламъ доказательства, которыя обнимаются силлогистическою теоріей, понимаемою Джевонсомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ это дѣлается обыкновенно. Правда, выводомъ этотъ процессъ Джевонсъ называть не желаетъ; это названіе онъ усвояетъ силлогистическимъ процессамъ; но за словами гнаться не будемъ; важно то, что у Джевонса этотъ процессъ играетъ роль совершенно особаго процесса убѣжденія въ истинѣ, совершающагося по особой логической формулѣ, и въ этомъ смыслѣ противопоставленнаго другимъ подобнымъ формуламъ. Въ этомъ состоитъ вѣрная сторона во взглядѣ Джевонса. За то никакъ нельзя оправдать другую, важнѣйшую сторону его взгляда, сведеніе къ этому процессу всякаго такъ называемаго индуктивнаго доказательства. Мы уже знаемъ, что строгія индуктивныя доказательства суть методы исключенія и возводятся частію къ раздѣлительному силлогизму, частію къ выводамъ отъ аггрегата къ части, и въ обоихъ случаяхъ совершенно параллельны подобнымъ же выводамъ, напримѣръ, математическимъ, которые, по согласному убѣжденію всѣхъ, ничего не имѣютъ общаго съ гипотетическимъ процессомъ доказательства. Джевонса ввело въ заблужденіе то обстоятельство, что индуктивному убѣжденію въ истинѣ, подобно какъ и при гипотетическомъ процессѣ, обыкновенно предшествуютъ предположенія, которыя въ связи съ нѣкоторыми безспорными истинами наводятъ насъ на мысль обратиться къ извѣстнаго рода наблюденіямъ или произвести въ природѣ извѣстнаго рода измѣненія, которыя способны бы были доказать предположенную истину. Однако, внимательное разсмотрѣніе дѣла заставляетъ отличать значеніе предварительнаго предположенія при индуктивномъ доказательствѣ отъ значенія его при гипотетическомъ процессѣ. Въ первомъ случаѣ предположеніе наводитъ насъ на мысль объ опредѣленной комбинаціи фактовъ, изъ которой потомъ совершенно независимо отъ этого предположенія мы можемъ доказать, что оно вѣрно; во второмъ, изъ предположенія вы-

Digitized by Google

водятся слѣдствія, оправданіе которыхъ на дѣлѣ считается подтвержденіемъ предположенія. Въ послѣднемъ случаѣ предположеніе служитъ интегральною частію самаго доказательства, такъ какъ доказательство на столько и доказываетъ предположенную истину, на сколько положенія, оправдывающіяся на дѣлѣ, даны какъ слѣдствія этой самой предположенной истины. Въ первомъ случаѣ совершенно наоборотъ: заранѣе сдѣланное предположеніе не играетъ никакой роли въ процессѣ самаго вывода предположенной истины; истина вытекаетъ изъ другихъ положеній и предположеніе, взятое въ связи съ другими истинами, даетъ только тому, кто впервые открываетъ истину, намекъ на то, какихъ положеній слѣдуетъ искать для вывода истины; но какъ скоро доказательство открыто, предположеніе теряетъ всякое значеніе. Чтобы уяснить эту мысль мы возьмемъ гипотетическій процессъ въ томъ видѣ, какъ онъ обыкновенно описывается, такъ какъ самая возможность смѣшивать его съ индуктивными доказательствами предполагаетъ его изложеніе въ этой формѣ; а потому, если и при этой формѣ намъ удастся доказать необходимость отличать его отъ индуктивныхъ доказательствъ, то цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута. Пусть доказываемымъ положеніемъ служитъ положеніе: A есть причина B. Могли существовать факты, которые навели изслѣдователя на эту мысль, которая такимъ образомъ существуетъ у него въ качествѣ предположенія. Для того, чтобы положеніе: „A есть причина B“ доказать гипотетическимъ путемъ, изслѣдователь долженъ имѣть гипотетическое сужденіе: если A есть причина B, то, напримѣръ, съ фактомъ B должны соединяться факты C, D, E, и онъ изслѣдуетъ, дѣйствительно ли соединяются съ нимъ эти факты. Пусть онъ нашелъ, что они дѣйствительно соединяются съ нимъ, это будетъ подтверждать причинную зависимость B отъ A, но будетъ подтверждать единственно подъ условіемъ существованія напередъ принятаго гипотетическаго сужденія (если A есть причина B, то съ B должны соединяться факты C, D и пр.), въ которомъ доказываемая истина: „A есть причина B“ играетъ роль условія. Такимъ образомъ, предположеніе, что A есть B, составляетъ необходимую интегральную часть вывода, входя въ основную его посылку и безъ него выводъ былъ бы невозможенъ. Но предположимъ, что ученый по такъ называемому методу различія хочетъ доказать ту же истину, что A есть причина B. Его доказательству также пусть предшествуютъ факты, которые навели его на эту мысль, и послѣдняя такимъ образомъ опять существуетъ для него въ качествѣ предпо-

Digitized by Google

ложенія. Это предположеніе въ связи съ извѣстнымъ ему закономъ причинности, а также въ связи съ сознаваемою имъ возможностію вызвать появленіе A при произвольно выбранныхъ условіяхъ, приводитъ его къ мысли вызвать A при такихъ событіяхъ, дѣйствія которыхъ ему достаточно извѣстны. Онъ производитъ нужную ему комбинацію условій и замѣчаетъ, что измѣненіе A, совершающееся при обстоятельствахъ C, D, E, сопровождалось измѣненіемъ B въ соединеніи съ обстоятельствами F, G, H. Зная, что C, D, E, безъ измѣненія A даютъ только F, G, H, но не даютъ B, [1]) онъ выводитъ, что A есть причина B. Изъ чего онъ выводитъ? Необходимо ли для вывода предположеніе, что A есть B въ качествѣ условія одной изъ посылокъ? Онъ выводитъ единственно изъ положеній: A+B+C+D+E даютъ B+F+G+H, но C+D+E даютъ только F+G+H, слѣдовательно A даетъ B. Предположеніе: „A есть причина B" не вошло ни въ одну изъ посылокъ въ качествѣ условія гипотетическаго сужденія; оно навело на мысль искать въ опытѣ извѣстной комбинаціи обстоятельствъ; но данная комбинація, переведенная на логическій языкъ, дастъ совершенно независимо отъ него доказываемое положеніе. Предположеніе могло даже вовсе не существовать заранѣе; оно могло не руководить комбинаціей условій; послѣднія могли встрѣтиться напримѣръ случайно, и доказательство имѣло бы совершенно ту же силу и ни на одну іоту не измѣнилось бы. И въ исторіи науки, конечно, бывали такіе случаи, когда опредѣленное соединеніе условій, произведенное вовсе не для доказательства той истины, которая неожиданно открывалась изъ нихъ, вели къ установленію этой истины: такъ не существенна въ этихъ случаяхъ для самаго процесса доказательства (но, конечно, не для открытія пути къ нему) предварительная установка предположенія. Ученый, устанавливающій извѣстную истину, конечно, по большей части выходитъ изъ предположенія, возбужденнаго въ немъ извѣстными фактами и наводящаго его на мысль объ опредѣленныхъ опытахъ; но, какъ скоро истина открыта, профессоръ въ аудиторіи не имѣетъ никакой необходимости говорить объ этихъ предварительныхъ процессахъ: онъ можетъ прямо присоединить къ условіямъ C, D, E, очевидно, дающимъ въ результатѣ F, G, H, условіе A, и получивъ B въ качествѣ добавленія къ результату; прямо доказывать от-

[1]) Описываемъ случай не совсѣмъ точно: точнѣе онъ описанъ, когда говорили мы о методѣ различія.

Digitized by Google

сюда, что A есть причина B,—этого для убѣжденія въ истинѣ оказывается достаточно, такъ какъ выводъ и для ученаго, открывавшаго истину, основывался именно на этого рода экспериментахъ, а все остальное имѣло лишь значеніе условій, способствовавшихъ только открытію той конструкціи фактовъ, при помощи которой истина можетъ быть доказана.

И такъ, предварительно составленное предположеніе не относится къ самому процессу вывода въ строгихъ индуктивныхъ доказательствахъ. Но мы должны утверждать нѣчто болѣе. Мы должны прибавить, что подобныя предварительныя предположенія сопутствуютъ не индуктивнымъ только доказательствамъ, но и тѣмъ, которые Джевонсъ долженъ отнести къ своимъ выводнымъ процессамъ. Едва ли можетъ подлежать спору, что первоначальное открытіе по крайней мѣрѣ многихъ геометрическихъ истинъ шло подобнымъ же путемъ. И здѣсь извѣстные факты возбуждали предположеніе относительно извѣстной истины, и эта предположенная истина въ связи съ извѣстными уже геометрическими истинами наводила на мысль объ извѣстной геометрической конструкціи, при помощи которой она могла быть строго доказана. Геометрическія конструкціи для доказательства теоремъ также мало, конечно, могли являться случайно или сами собою, какъ и извѣстныя сочетанія дѣйствительныхъ фактовъ, необходимыя для строгаго доказательства законовъ въ физикѣ или химіи. Аналогія окажется еще болѣе полною, если мы прибавимъ, что извѣстное сочетаніе фактовъ, открывающее возможность вывести извѣстный физическій законъ, все равно дано ли оно естественнымъ теченіемъ событій въ природѣ или вызвано нарочито волею человѣка, по своему значенію въ выводѣ, какъ разъ соотвѣтствуетъ геометрической конструкціи, построеваемой для убѣжденія въ истинности извѣстной теоремы. Въ иныхъ случаяхъ это соотвѣтствіе такъ ясно, что могло быть не замѣчено едва ли не потому единственно, что выросшая на Аристотелевой теоріи логика упорно доселѣ держалась исключительно выводовъ, основывающихся на отношеніи между родами и видами, вовсе игнорируя совершенно параллельные имъ выводы, основанные на отношеніи между аггрегатомъ и его частями; а между тѣмъ, именно послѣдній родъ выводовъ, какъ и естественно ожидать по самому предмету геометріи, господствуетъ въ послѣдней. Физикъ присоединяетъ измѣненіе A къ извѣстнымъ ему состояніямъ C, D, E при такихъ условіяхъ, чтобы могла обнаружиться истинность двухъ положеній A+C+D+E имѣетъ своимъ результатомъ B+F+G+H, а C+D+E даютъ только

Digitized by Google

G+E+H; эти положенія ему нужны, чтобы вывесть, что A есть условіе B. Математикъ (см. Евкл. 1. 5.) къ угламъ A B C и A C B при основаніи равнобедреннаго треугольника ABC присоединяетъ къ первому уголъ CBG, ко второму уголъ BCF, присоединяетъ опять такимъ образомъ, чтобы относительно соединенныхъ угловъ ABC и BCG могло быть доказано, что они равны соединеннымъ угламъ ACB и BCF, а объ углѣ BCG могло быть доказано, что онъ равенъ углу BCF. Изъ этихъ двухъ положеній онъ выводитъ, что уголъ ABC равенъ углу ACB. Оба заключенія, какъ мы уже знаемъ, дѣлаются по одной и той же формулѣ и математическая конструкція служила, очевидно, той же цѣли, какой и вызванное въ природѣ сочетаніе причинъ и дѣйствій; къ предмету она присоединяла другой предметъ и притомъ такъ, чтобы оказалось возможнымъ составить сужденіе о цѣломъ и сужденіе объ одной изъ частей, и такимъ путемъ получалось сужденіе объ остальной части. Едва ли не слѣдуетъ однажды навсегда отказаться противополагать дедукціи такъ называемыя индуктивныя доказательства не только по формуламъ выводовъ, но и по пріемамъ мысли къ ихъ открытію. Все различіе состоитъ въ сравнительной точности, съ какой мы можемъ устанавливать посылки въ различныхъ случаяхъ,—различіе конечно, очень важное, но вовсе не относящееся ни къ формуламъ выводовъ, ни къ пріемамъ, способствующимъ первоначальному открытію доказательства истинъ.

М. Карпинскій.

Digitized by Google

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ФЕОДАЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ ЛАНГОБАРДСКОЙ ИТАЛІИ [1]).

ГЛАВА II.

Господство Остготовъ и Лангобардское завоеваніе.

Такъ-называемое паденіе Западной Римской имперіи въ 476 году и послѣдовавшее за нимъ господство Геруловъ и Готовъ не произвели кореннаго видоизмѣненія во внутреннемъ строѣ Италіи. И до 476 года на ея почвѣ появлялись поселенія и наемныя войска изъ варваровъ; и послѣ 476 г. Герулы, Руги, Сциры, даже Готы были среди римскаго населенія незначительнымъ меньшинствомъ [2]), болѣе

---

[1]) *Продолженіе.* См. январьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

[2]) Точнаго расчета числа Готовъ сдѣлать нельзя. Если вѣрить показаніямъ Прокопія, при Витигесѣ число Готовъ, способныхъ носить оружіе, было очень значительно — около 150,000 человѣкъ. (De bello goth. I, 16; ed. Bonn. vol. II, p. 82). Въ рѣчахъ Тотилы (De b. g. III, 4; p. 295 и III, 21; p. 366) число воиновъ, выставленныхъ Готѳами противъ перваго нападенія Велизарія, показано еще выше — 200,000 человѣкъ. Если вѣрить этимъ свидѣтельствамъ, къ которымъ можно, пожалуй, присоединить нѣсколько риторическихъ фразъ Эннодія и Кассіодора, готѳское населеніе представится довольно значительною массою въ 600—800 тысячъ. Но еще *Сарторіусъ* (Essais sur l'état civil et politique des peuples d'Italie sous le gouvernement des Gothes, 10, 11, 241, 242) указалъ на несообразность и тенденціозность вычисленія Прокопія. Съ двухсотъ-тысячнымъ ополченіемъ Готѳовъ справились будто бы семь тысячъ Грековъ; затѣмъ, когда у Тотилы осталось только пять тысячъ воиновъ, онъ разбилъ двадцать тысячъ Грековъ. Изъ новѣйшихъ источниковъ одинъ *Манзо* (Geschichte des Ostgothischen Reichs in Italien, 77 и сл.) рѣшается защищать эти цифры. *Данъ* (Die Könige der Germanen, II, 78) признаетъ, хотя и не особенно рѣшительно, ихъ преувеличенность и старается опредѣлить число готѳскихъ переселенцевъ временъ Теодориха, что, впрочемъ, сдѣлать еще труднѣе. Онъ останавливается на 250,000 для всей массы вторгнувшихся въ Италію варваровъ. Пальманъ (Geschichte der Völ-

Digitized by Google

войскомъ на римской службѣ, нежели народами, завоевавшими Римъ. Въ какіе-нибудь 15 лѣтъ владычества Одоакра, 60 лѣтъ владычества Готескихъ королей, кучкѣ германскихъ завоевателей не удалось бы пересоздать Италію, еслибъ они даже постоянно и неуклонно стремились это сдѣлать. Но они и въ виду не имѣли подобной цѣли, а напротивъ, какъ бы чувствуя свою малочисленность и грубость, старались возможно незамѣтнымъ образомъ вступить въ готовую общественную организацію, поддержать и подкрѣпить ее. При этомъ, конечно, должны были пострадать ихъ собственныя германскія учрежденія.

Одоакръ, отнявшій власть у послѣдняго Римскаго императора, опирался на пеструю, чисто военную массу наемниковъ, у которой даже не было, строго говоря, прочныхъ государственныхъ учрежденій. Его подняли на щитъ, и онъ принялъ королевскій титулъ, но никогда не носилъ королевскихъ регалій [1]). Относительно Римлянъ онъ старался легализировать свою власть, добиваясь признанія императора Зенона; императоръ даровалъ ему титулъ патриція, но въ то же время указалъ на законнаго претендента на западный престолъ — Непоса [2]). При своемъ неопредѣленномъ и опасномъ положеніи, Одоакръ и не думалъ о реформѣ или отмѣнѣ римскихъ учрежденій; римская администрація продолжала дѣйствовать по прежнему, и римское право было, по видимому, распространено на варваровъ [3]). Мы имѣемъ, по

---

kerwanderung II, 437), не приводя никакихъ основаній, высказывается за 300,000. Искомое число, по всей вѣроятности, было значительно меньше даже этихъ умѣренныхъ цифръ: мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, что въ 490 году Готы, потѣсненные Одоакромъ, могли всѣ укрыться въ одномъ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Павіей (Historia miscella, p. 100, *Sartorius*, l. c.).

[1]) Chron. Cassiodori, 5. a. 476, ap. Roncallium, II, 233. Свидѣтельства источниковъ относительно воцаренія Одоакра всѣ собраны у *Витерсгейма*, Geschichte der Völkerwanderung, IV, 567; ср. также 430 и слѣд. Подробный, но слишкомъ уже скептическій разборъ свидѣтельствъ у *Пальмана*, Geschichte der Völkerwanderung, II, 162 и сл., 349 и сл.; Ср. *Sievers*, Studien zur Geschichte der römischen Kaiser, 533; *Dahn*, Könige der Germanen, II, 34 и сл.

[2]) *Pallmann*, Völkerwanderung, II 364 и сл. *Garrolo*, Teodorico re dei Goti e degli Italiani — *Rivista Europea*, (1878), VI, 511.

[3]) *Pallmann*, II, 328 и сл. говоритъ только о примѣненіи римскаго права въ дѣлахъ Римлянъ и въ тяжбахъ между Римлянами и Германцами. Я думаю, что римское право вторглось въ жизнь самихъ Германцевъ, хотя, конечно, и не вытѣснило сразу ихъ національныхъ обычаевъ.

Digitized by Google

крайней мѣрѣ, дарственную запись самого Одоакра, внесенную въ акты равеннской куріи и составленную по римскимъ правиламъ [1]).

Гораздо большее значеніе для средневѣковой исторіи Италіи, нежели короткое, не успѣвшее устроиться владычество Одоакра, имѣло, безъ сомнѣнія, господство Готѳовъ [2]). Они также не въ состояніи были принять борьбу съ римскими учрежденіями и культурою. Готѳское племя, которому раньше всѣхъ другихъ пришлось поколебать могущество имперіи, было однако особенно воспріимчиво къ величію Рима, его исторіи, образованности, благоустройству. У лучшихъ людей этого племени преклоненіе передъ римскою культурой прямо доходитъ до пренебреженія къ грубому варварству самихъ Готѳовъ. Атаульфъ Вестготѳскій описываетъ у Орозія, какъ онъ сначала стремился уничтожить римское имя, замѣнить Римскую имперію Готѳской, но затѣмъ убѣдился, что Готѳы не въ состояніи повиноваться законамъ, благодаря своей разнузданности, и что не слѣдуетъ устранять законы государства, безъ которыхъ оно не можетъ остаться государствомъ. Убѣдившись въ этомъ, онъ предпочелъ искать славы въ возстановленіи и распространеніи римскаго имени силами Готѳовъ [3]). Если

---

[1]) *Marini*, Papiri diplomatici, № 82. Замѣчу кстати, что ея содержаніе не совсѣмъ вѣрно изложено у *Дана*, II, 48 и у *Пальмана*, II, 329, который ему слѣдуетъ. Одоакръ жалуетъ Піерію не 650 солидовъ, а нѣсколько имѣній, приносящихъ въ общей сложности доходъ въ 650 солидовъ. Это доказывается выраженіями «prestantem» (l. 2, c. 1), «qui prestat» (l. 3), «pensitantem» (l. 14) и т. д.

[2]) Для характеристики этого періода, имѣющаго для моей задачи значеніе только косвенное, я пользовался главнымъ образомъ капитальнымъ сочиненіемъ Дана (Die Könige der Germanen, II, III и IV), которое оставляетъ желать весьма немногаго въ частяхъ, посвященныхъ Остготѳамъ. Оно, однако, не освобождаетъ отъ необходимости обращаться къ добросовѣстнымъ и въ свое время незамѣнимымъ работамъ Сарторіуса (De l'état civil et politique etc.) и Манзо (Geschichte des ostgothischen Reichs in Italien). Гегель (Geschichte der italienischen Städteverfassung, I т., I глава, IV отдѣлъ) находится въ зависимости отъ блестящей, но едва ли основательной книги Глѣдена (Das römische Recht im gothischen Reich). Дю-Руръ (Théodoric le Grand) даетъ почти одну внѣшнюю исторію. Послѣднія изъ работъ, посвященныхъ Остготѳамъ — *Garrolo*, Teodorico, re dei Goti e degl' Italiani,—*Rivista Europea*, 1878 и 1879 гг. также ни по результатамъ, ни по методу не представляетъ ничего выдающагося или новаго. На другія сочиненія, прямо или косвенно касающіяся Готѳовъ, я буду ссылаться по мѣрѣ надобности.

[3]) Orosius, VII, 43: Ataulfus referre solitus esset, se in primis ardenter inhiasse, ut, obliterato romano nomine, romanum omne solum Gothorum imperium et faceret et vocaret essetque, ut vulgariter loquar, Gothia, quod Romania fuisset

Digitized by Google

даже въ изложеніи Орозія и есть преувеличеніе, романизирующая дѣятельность Атаульфа и его преемниковъ все-таки гармонируетъ съ этими словами [1]). Не менѣе энергично выражаетъ свое преклоненіе передъ римскою культурою Теодорихъ Остготскій. Формулы и переписка его канцеляріи сохранились въ собраніи „Варій" Кассіодора. Если мы даже и отбросимъ риторическія украшенія, расточаемыя секретаремъ короля, если пріймемъ во вниманіе извѣстное вліяніе личныхъ симпатій Римлянина Кассіодора Сенатора на самую сущность мысли, все-таки останется достаточно данныхъ, чтобы составить себѣ понятіе о взглядѣ самого Теодориха на Римъ, его прошедшее и настоящее.

Уже чисто внѣшнее выраженіе величія имперіи, постройки, статуи, произведенія искусства являются для варвара необычайнымъ, почти нечеловѣческимъ дѣломъ [2]). Нечего стараться сдѣлать что-нибудь похожее, надо думать только о сохраненіи существующаго [3]). Городъ, въ которомъ сосредоточены преимущественно памятники архитектуры и ваянія, съ которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ связано все, что̀ есть самаго великаго въ прошедшемъ, городъ Римъ долженъ занимать всегда исключительное привиллегированное положеніе [4]). На обладаніи имъ

---

fieretque nunc Ataulfus quod quondam Caesar Augustus; atque ubi multa experientia probavisset, neque Gothos ullo modo parere legibus posse propter effrenatam barbariem, neque reipublicae interdici leges oportere, sine quibus respublica non est respublica, elegisse se saltem, ut gloriam sibi de restituendo in integrum augendoque romano nomine Gothorum viribus quaereret, habereturque apud posteros romanae restitutionis auctor, postquam esse non potuerat immutator.

[1]) *Dahn*, Könige, VI, 73 и сл.

[2]) См., напримѣръ, восторженное описаніе римскихъ клоакъ—Cass. Var. III, 30, quae tantum visentibus conferunt stuporem, ut aliarum civitatum possint miracula superare. Videas illic fluvios, quasi montibus concavis clausos, per ingentia ligna decurrere. Videas structis navibus per aquas rapidas non minima sollicitudine navigari: ne praecipitato torrenti marina possint naufragia sustinere. Hinc Roma singularis, quanta in te sit, potest colligi magnitudo. Quae enim urbium audeat tuis culminibus contendere, quando nec ima tua possunt similitudinem reperire. Ср. также Var. VII, 6 (formula comitivae formarum urbis), VII, 15 (ad praefectum urbis de architecto publicorum). Какое впечатлѣніе производилъ видъ Рима и его памятниковъ въ VI вѣкѣ, показываетъ житіе св. Фульгенція; см. *Gregorovius*, Geschichte der Stadt Rom, I, 272.

[3]) Cass. Var. III, 9: Non majorem laudem de inventis quam de rebus possumus habere custoditis.

[4]) Var. XI, 5: cives si quidem omnes fovendi sunt, sed Romani aliquid plus merentur. *Dahn*, III, 260—263.

Digitized by Google

Теодорихъ основываетъ свое притязаніе господствовать надъ самостоятельными государями другихъ варварскихъ королевствъ [1]). И въ Римѣ, и въ Италіи вообще онъ высоко ставитъ не одинъ внѣшній блескъ, не одно художество и литературу, но также способность повиноваться законамъ, жить правильною гражданскою жизнью и подчинять частные порывы общимъ потребностямъ [2]). Гражданственность и благоустройство, civilitas, внушаютъ ему особенное уваженіе къ римской жизни и учрежденіямъ; онъ особенно желалъ бы перенести ихъ на своихъ Готеовъ [3]).

Понятно, что при такихъ воззрѣніяхъ устроитель Готескаго государства, Теодорихъ, не могъ наложить руку на римскія традиціи и учрежденія, а напротивъ долженъ былъ дорожить всѣмъ, что дѣлало его господство простымъ продолженіемъ имперіи. Къ королямъ варваровъ, къ Хлодвигу, Аларіху II, Гермапфриду онъ относился всегда съ гордостью и чувствомъ высшаго достоинства [4]); относительно Восточныхъ императоровъ онъ придерживался почти подобострастнаго способа выраженій, чтобы не терять характера исполнителя ихъ воли въ Италіи [5]). Онъ даже сохранилъ на золотой и се-

---

[1]) *Dahn*, II, 139.

[2]) Var. IV, 43: Urbis Romanae celebris opinio suo conservanda est nihilominus instituto; nec vitia peregrina capit, quae semper se de morum probitate jactavit. Levitates quippe seditionum, et ambire propriae civitatis incendium, non est velle Romanum. — — quia nolumus aliquid detestabile fieri, unde Romana gravitas debeat accusari. Var. X, 14: hoc tamen majorum vestrorum semper proprium fuit, ut tanquam membra capiti, ita suis principibus viderentur adjungi. Quam enim vicissitudinem reddat, qui maximo labore defenditur; cujus per dies singulos civilitas custoditur, nisi ut illos diligat supra omnia, per quos habere probatur universa? Absit enim a temporibus nostris, ut in vobis aliquid tale reperiamus, quod nostris indignationibus esse possit idoneum. Fides vestra, quae vos hactenus asseruit, modo potius evidenter ostendat. Non varium, non dolosum, nec seditionibus plenum populum decet esse Romanum. Mali mores vestro nomini probantur adversi. Sed hoc quoque mirabile est, quod gravitatem vestram cogimur admonere, quam constat semper sponte sapuisse. Даже римскіе воры имѣли право на извѣстное уваженіе. Var. VII, 7: credo, ut quamvis essent raptores detestabiles: tamen, quia dicebantur Romani, majori eos subderent dignitati.

[3]) *Dahn*, II, 137 и сл., IV, 13; *Glöden*, Das römische Recht im Ostgothischen Reiche, 81.

[4]) *Dahn*, II, 146 и сл.

[5]) Var. I, 1: Vos enim estis regnorum omnium pulcherrimum decus: vos totius Orbis salutare praesidium, quod caeteri dominantes jure suscipiunt, quia in vobis singulare aliquid inesse cognoscunt; et nos maxime, qui divino auxilio in Republica

Digitized by Google

ребраной монетѣ изображеніе императоровъ и приписываетъ только свое имя [1]). Мы увидимъ ниже, насколько удалось Теодориху сохранить въ прежнемъ видѣ администрацію и податную систему имперіи; несомнѣнно, что онъ въ общемъ желалъ бы оставить ее совершенно нетронутою. Относительно всего сказаннаго не можетъ быть спора,— недоумѣнія начинаются только, когда поднимается вопросъ о томъ, насколько бытъ самихъ Готѳовъ измѣнился подъ вліяніемъ обступавшей ихъ со всѣхъ сторонъ римской жизни. Глёденъ доказываетъ, что Готѳы вступили въ Италію не какъ народъ, а какъ войска Византійскаго императора, подъ руководствомъ короля, который былъ византійскимъ чиновникомъ; что поэтому они не имѣли никакого самостоятельнаго положенія и права въ Италіи, а просто приняли цѣликомъ римское право и подчинились римскимъ учрежденіямъ [2]). Главнымъ аргументомъ въ пользу такого рода пониманія является отсутствіе Готѳской Правды, записи юридическихъ обычаевъ племени, которая соотвѣтствовала бы по содержанію и цѣли такъ-называемымъ Leges barbarorum другихъ племенъ. Единственнымъ признакомъ законодательной дѣятельности у Готѳовъ являются эдикты Теодориха и Аталариха, да и тѣ, вопервыхъ, имѣютъ значеніе только правовыхъ катехизисовъ, права сами не создаютъ [3]); вовторыхъ, содержаніе ихъ почерпнуто исключительно изъ источниковъ римскаго права. За неимѣніемъ слѣдовъ готѳскихъ законовъ, остается думать, что Готѳы пользовались исключительно римскими [4]).

---

vestra didicimus, quemadmodum Romanis aequabiliter imperare possimus. Regnum nostrum imitatio vestra est, forma boni propositi, unici exemplar imperii; qui quantum vos sequimur, tantum gentes alias anteimus. — — Quapropter salutationis honorificentiam praeferentes, prona mente deposcimus, ne suspendatis a nobis mansuetudinis vestrae glori sissimam charitatem, quam ego sperare debui, etiamsi aliis non videretur posse concedi. *Garrolo — Rivista* X, 502; *Kögke*, Die Anfänge des Königthums bei den Gothen, 182, 183, объясняетъ поведеніе Теодориха главнымъ образомъ дипломатическими соображеніями.

[1]) *Dahn*, II, 165; III, 149.

[2]) Das römische Recht im ostgothischen Reiche, 140; *Sybel*, Entstehung des deutschen Königthums, 172, 173: Es war durchaus ein römischer Feldherr, der eine Menge einzelner Deutschen zu einem römischen Heere vereinigte. — — Das staatenbildende Element jener Zeit war Romanisirung der Deutschen, und diese war hier von Anfang an in allen Beziehungen gesetzlich. Ср. также *Hegel*, Geschichte der italienischen Städteverfassung, I, 101, 103 и сл.

[3]) *Glöden*, §§ 28 и 29.

[4]) *Glöden*, стр. 88 и слѣд.

Digitized by Google

Данъ значительно ограничилъ положеніе Глѣдена. Онъ привелъ въ пользу существованія и дѣйствія въ гражданскомъ правѣ готѳскихъ обычаевъ цѣлый рядъ аргументовъ, изъ которыхъ самымъ главнымъ представляется существованіе готѳскаго графа, который долженъ разрѣшать процессы между Готѳами одинъ, а смѣшанные процессы—при содѣйствіи римскаго засѣдателя [1]). Знакомство съ римскимъ правомъ нужно, слѣдовательно, только во второмъ случаѣ, а въ первомъ основаніемъ для рѣшенія могутъ служить только готѳскіе обычаи. Какъ бы то ни было, и Данъ нисколько не расположенъ отрицать сильное вліяніе, оказанное римскимъ правомъ на бытъ Готѳовъ. Онъ отстаиваетъ только примѣненіе готѳскаго права въ гражданскихъ вопросахъ, но признаетъ, что даже и въ этихъ вопросахъ, даже и въ дѣлахъ, касавшихся однихъ Готѳовъ, можно было обратиться къ римскому праву въ качествѣ вспомогательнаго источника. Относительно судоустройства, судопроизводства и уголовнаго права онъ признаетъ полное господство римскихъ нормъ [2]).

Такимъ образомъ, и по частному вопросу о правѣ готѳскомъ и римскомъ Дана и Глѣдена раздѣляетъ совсѣмъ не такая пропасть, какъ кажется съ самаго начала, да и общія воззрѣнія ихъ на положеніе и характеръ готѳскаго королевства различны болѣе по формѣ, нежели по сущности. Одинъ больше, другой меньше настаиваетъ на романизаціи Готѳовъ и на преемственной связи между имперіей послѣдняго вѣка и Италіанскимъ королевствомъ готѳской націи; оба признаютъ эти явленія. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ право повторить, что кратковременное господство немногочисленнаго, сильно романизированнаго племени не могло кореннымъ образомъ измѣнить италіанскія отношенія, сложившіяся до завоеванія. Настоящая ломка начинается съ появленія Лангобардовъ; только съ этой поры феодальныя отношенія начинаютъ складываться въ свои опредѣленныя формы. Тѣмъ не менѣе, и для нашей цѣли никакъ нельзя совершенно обойдти остготѳскій періодъ. Уже простой матеріальный фактъ появленія нѣсколькихъ сотъ тысячъ новыхъ поселенцевъ долженъ былъ отозваться на поземельныхъ отношеніяхъ, особенно въ виду того, что поселенцы были вмѣстѣ съ тѣмъ завоевателями. Далѣе, во многихъ случаяхъ сказывалось вліяніе чисто германскихъ воззрѣній, не

---

[1]) *Dahn*, IV, Zweiter Anhang, passim, въ особенности 157. Невѣрно опредѣляетъ обязанности графа готѳовъ *Кудрявцевъ*, Судьбы Италіи, 28.

[2]) *Dahn*, IV, 141 и сл.

Digitized by Google

смотря на просвѣщенный романизмъ самихъ готѳскихъ королей. Наконецъ, необходимо прослѣдить въ эпоху готѳскаго владычества за тѣми элементами средневѣковаго быта, которые образовавшись уже въ Римской имперіи, частью сохранили, частью усилили свое значеніе въ этотъ періодъ.

Сообразно главной нашей цѣли, мы остановимся въ исторіи Остготѳскаго королевства на двухъ сторонахъ: вопервыхъ, на поземельныхъ отношеніяхъ и связанныхъ съ ними видахъ личной зависимости, и вовторыхъ, на государственной власти, ея отношеніи къ частнымъ силамъ и ея правительственныхъ средствахъ. Какъ бы ни старались Готѳы незамѣтно войдти въ строй римской жизни, все-таки они должны были потѣснить прежнее населеніе, заставить его уступить часть занятой имъ территоріи. Какъ совершилось поселеніе и какимъ образомъ доставили себѣ завоеватели необходимыя для поселенія земли—вотъ первые вопросы, съ которыми мы встрѣчаемся при характеристикѣ землевладѣнія въ готѳскомъ государствѣ. У насъ есть одно свидѣтельство, прямо, хотя и кратко, отвѣчающее на эти вопросы. Прокопій Кесарійскій говоритъ, что варвары Одоакра отняли у Римлянъ третью часть земель, а Готѳы Теодориха ограничились тѣмъ, что отобрали эти уже отнятыя земли въ свою пользу [1]). Административная переписка Кассіодора ближе выясняетъ намъ процедуру при надѣленіи Готѳовъ землей [2]). Коммиссія патриція Либерія, руководившая этимъ важнымъ дѣломъ, имѣла цѣлью не просто ввести Готѳовъ во владѣніе третями Геруловъ и Сцировъ, а опредѣлить самые размѣры надѣловъ и права Готѳовъ относительно римскихъ собственниковъ. Ясно, что прежній герульскій раздѣлъ былъ неполнымъ или неточнымъ, и потому Готѳамъ приходилось какъ бы дѣлить

---

[1]) Procopius, de bello goth. I. 1 (ed. Bonn. II, 10): καὶ ἀδίκημα. σχεδόν τι οὐδὲν αὖτε αὐτὸς εἰς τοὺς ἀρχομένους εἰργάζετο οὔτε τῷ ἄλλῳ τά τοιαῦτα ἐγχειρηκότι ἐπέτρεπε, πλήν γεδὴ ὅτι τῶν χωρίων τὴν μοῖραν ἐν σφίσιν νὺτοῖς Γότθοι ἐνείμαντο, ἅπερ Ὀδόακρος τοῖς στασιώταις τοῖς αυροῦ ἔδωκεν.

[2]) Cass. Var. II, 16: Juvat nos referre, quemadmodum in tertiarum deputatione, Gothorum Romanorumque et possessiones junxerit et animos. Nam cum se homines soleant de vicinitate collidere, istis praediorum communio causam noscitur praestitisse concordiae. Sic enim contigit, ut utraque natio, dum communiter vivit, ad unum velle convenerit. En factum novum et omnino laudabile, gratia dominorum e cesp itis divisione conjuncta est: amicitiae populis per damna crevere; et ex parte agri defensor acquisitus est, ut substantiae securitas integra servaretur. Una lex illos et aequabilis disciplina complectitur. Necesse est enim, ut inter eos suavis crescat affectus, qui servant jugiter terminos constitutos.

Digitized by Google

съизнова, хотя они и не требовали большаго числа земли, нежели ихъ предшественники [1]).

Третья часть всей земли переходила къ варварамъ. Справедливость требовала, чтобы потеря была распредѣлена равномѣрно между всѣми римскими собственниками, чтобъ у каждаго была взята треть его имѣнья. Но на практикѣ, независимо отъ исключеній и льготъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ, не представлялось необходимымъ или даже возможнымъ передать третьи доли всѣхъ имѣній готѳскимъ владѣльцамъ. Число Готѳовъ и густота ихъ поселенія въ различныхъ мѣстностяхъ не могли быть точно согласованы съ числомъ и размѣрами римскихъ владѣній. Экспропріировать вездѣ въ одинаковой степени было нельзя. Но можно было, для уравновѣшенія бремени, замѣнять при случаѣ экспропріацію соотвѣтствующею повинностью; и дѣйствительно, мы имѣемъ указанія на то, что иногда не отдѣльный Готѳъ беретъ треть земли, а Готѳское государство беретъ треть дохода съ нея. Tertia есть техническій терминъ для надѣла варвара, и мы встрѣчаемъ въ перепискѣ Кассіодора то же выраженіе, какъ названіе денежной повинности [2]). Естественное предположеніе связи между двумя примѣненіями одного и того же слова подтверждается тѣмъ, что въ самомъ источникѣ оно характеризовано, какъ suspectum nomen, противъ котораго протестуютъ плательщики, и отъ котораго отказывается правительство. Весь этотъ споръ изъ-за слова, совершенно необычное явленіе въ исторіи податей, объясняется легко тѣмъ, что въ названной повинности лежало постоянное напоминаніе о возможности экспропріаціи. Главное же доказательство въ пользу высказываемаго взгляда даетъ случай въ Тридентѣ, о которомъ упоминаетъ Cass. Var. II, 17.

Король даетъ священнику Буцилину (Готѳу, судя по имени) земельный участокъ (sors) въ тридентской территоріи, и это дѣйствіе влечетъ за собою немедленный вычетъ изъ суммы третной повинности [3]).

---

[1]) *Gaupp*, Die germanischen Ansiedelungen und Landtheilungen, 470, 471.

[2]) Var. I, 14: Et ideo praecelsa magnificentia tua, quod a Chathaliensibus inferebatur, genus tertiarum faciat annis singulis in tributaria summa persolvi; nec post super hac parte patiantur supplices aliquam quaestionem. Quid enim interest, quo nomine possessor inferat, dummodo sine imminutione quod debetur, exolvat? It et illis suspectum tertiarum nomen auferimus, et a nostra mansuetudine importunitates competentium submovemus.

[3]) Var. II, 17: Et ideo praesenti auctoritate cognoscite, pro sorte, quam Bu-

Digitized by Google

До сихъ поръ я предполагалъ, что надѣленіе Готеовъ землею совершалось въ формѣ раздробленія имѣній между Римлянами и Готеами и пріобрѣтенія послѣдними полной собственности на своихъ участкахъ земли. Въ самомъ дѣлѣ, выраженія источниковъ часто указываютъ прямо на полный раздѣлъ и полный переходъ собственности изъ рукъ въ руки. Уже слова Прокопія: Τὴν χώραν ἐνείμαντο можно толковать только въ смыслѣ реальнаго раздѣла. Cass. Var. I, 18, говоритъ о смѣнѣ собственниковъ. Наконецъ, мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ отчужденія земли Готеами, и нельзя же всѣ эти случаи, когда Готеы являются собственниками, объяснять только тѣмъ, что многіе изъ варваровъ, кромѣ надѣловъ, имѣли пожалованія короля. Повторяю, очевидно, что поселившіеся въ Италіи Готеы выдѣляли себѣ свои надѣлы въ полную и раздѣльную собственность [1]). Необходимо, однако, прибавить, что это случалось не всегда: въ нѣкоторыхъ случаяхъ варвары не раздѣлялись съ Римлянами, на часть имѣнія которыхъ они получили право, и ограничивались своею долею доходовъ. Равеннскій папирусъ 540 года, напечатанный у Марини подъ № 115, содержитъ въ себѣ купчую, въ которой, между прочимъ, оговаривается, что продающіяся имѣнія свободны отъ всякаго долга казнѣ или частному человѣку, отъ чьихъ-либо таковыхъ претензій и отъ „варварскаго надѣла“ [2]). Что можетъ значить послѣдняя оговорка? Имѣется ли въ виду сказать, что треть уже выкроена, и по купщику нечего опасаться лишиться части имѣнія [3])? Въ 540 году, когда владычество Готеовъ было на исходѣ, а въ Равеннѣ даже пре-

---

tilfano presbytero nostra largitate contulimus, nullam debere persolvere fiscalis calculi functionem: sed in ea praestatione quanti se solidi comprehendunt, de tertiarum illationibus vobis noveritis esse relevandus. Правильное объясненіе терцій, какъ повинности, у *Дана*, III, 143. Оно изложено уже у *Манзо*, 83, 84, но только въ видѣ одного изъ возможныхъ предположеній.

[1]) Всѣ главные писатели, касавшіеся этого вопроса готеской исторіи, имѣютъ въ виду только реальный раздѣлъ: *Sartorius*, 243; *Manso*, 80, 81; *Dahn*, III, 10 и сл.; *Gaupp*, Ansiedelungen und Landtheilungen, 475; *Кудрявцевъ*, Судьбы Италіи, 26.

[2]) *Marini*, Papiri diplomatici, № 115, pag. 175: liberas autem inlibatas portiones ductum fundorum ab omni nexu fisci debiti populi pribativi et ab here alieno litibus causis controversibisque omnibus nec non et a sorte barbari et a ratione tutelaria et curae et ab obligatione ceterisque aliis titulis vel honeribus sive contractibus.

[3]) Такъ смотритъ на дѣло *Савинъи*, Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, I, § 103, p. 333.

Digitized by Google

кратилось, нечего было предупреждать о подобномъ фактѣ. Употреблено ли тутъ выраженіе «sors barbarica», какъ «tertia», въ смыслѣ денежной повинности [1])? Это было бы произвольнымъ употребленіемъ слова, невѣроятнымъ даже въ варварской латыни VI вѣка. Остается предположеніе, что продавецъ говоритъ о sors barbarica, не какъ о надѣлѣ, а какъ о правѣ совмѣстнаго владѣнія и вытекающаго изъ него пользованія долею доходовъ. Онъ продаетъ участокъ, не обремененный никакими обязательствами по отношенію къ казнѣ или частнымъ людямъ и свободный между прочимъ отъ присутствія или требованій какого-либо „consortis“ варварскаго происхожденія. Въ извѣстіяхъ о надѣленіи Готѳовъ землею есть нѣсколько указаній, подкрѣпляющихъ мысль, что далеко не всегда поселенные Готѳы отрѣзывали свои трети отъ главной части имѣній, и что часто они становились владѣльцами всего имѣнія pro tertia parte. Въ рескриптѣ Теодориха сенату, восхваляющемъ Либерія за его полезную дѣятельность при поселеніи Готѳовъ [2]), рѣчь идетъ, строго говоря, не о раздѣлѣ собственности между двумя народами, а о соединеніи ихъ на однѣхъ и тѣхъ же земляхъ (possessiones junxerit et animos). Результатомъ является общее владѣніе имѣніями (praediorum communio), при которомъ Готѳъ, которому предоставлена часть поля, служитъ защитникомъ цѣлаго (et ex parte agri defensor acquisitus est, ut substantiae securitas servaretur). Въ другомъ документѣ Римляне и Готы названы по отношенію къ собственности consortes [3]). Такого рода право совмѣстнаго владѣнія могло и должно было весьма часто, и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, разрѣшаться раздѣлами, но первоначальное поселеніе Готѳовъ было основано никакъ не на простомъ выкраиваніи земельныхъ надѣловъ изъ римскихъ имѣній. Первоначально это поселеніе должно было имѣть характеръ военнаго постоя, при которомъ Готѳъ получалъ извѣстныя права относительно дома и земли, но не дѣлался собственникомъ. На такого рода положеніе дѣлъ указываютъ прежде всего названія; римскіе комиссары по расквартиро-

[1]) Объясненіе *Дана*, III, 146, прим. *Гаупп*, 477, имѣетъ въ виду свободу отъ сосѣдства Готѳовъ. Впрочемъ, замѣтно, что ни Гаупп, ни Данъ не высказываются съ увѣренностью.

[2]) Var. II, 16.

[3]) Var. VII, 3: Cum Deo juvante, sciamus Gothos vobiscum habitare permixtos: ne qua inter consortes, ut assolet, indisciplinatio nasceretur.

Digitized by Google

ванію войскъ, delegatores—завѣдывали размѣщеніемъ Готеовъ [1]) на италіанской территоріи; грамата, выдававшаяся Готеу на владѣніе его третью носила названіе pictacium, какъ всякій документъ, выданный солдату на полученіе продовольствія или квартиры [2]). Затѣмъ, готеское поселеніе стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ герульскимъ, совершилось, такъ сказать, по слѣдамъ послѣдняго; а Герулы Одоакра дѣйствовали подъ благовиднымъ предлогомъ союзнической службы [3]), и требуя третьей части земель, они только расширяли примѣненіе римскихъ законовъ, которые предоставляли солдатамъ на постоѣ третью часть домовъ [4]). Варвары изъ квартирующихъ солдатъ становились сначала соучастниками во владѣніи, а затѣмъ уже самостоятельными собственниками на своихъ участкахъ. То, что происходило у другихъ племенъ, завлавшихъ римскую территорію на такихъ же условіяхъ, какъ и Остготеы, то-есть, въ согласіи съ римскимъ населеніемъ и властями, то, что происходило у Бургундовъ и Вестготеовъ, иллюстрируетъ и подкрѣпляетъ сказанное объ Остготеахъ. Бургунды долго живутъ среди римскихъ землевладѣльцевъ, какъ простые hospites; не ранѣе, какъ черезъ 30 лѣтъ послѣ первоначальнаго занятія римской территоріи, является законодательное постановленіе о раздѣлѣ [5]). У Вестготеовъ лѣсъ и пастбища остаются общею собственностію такъ называемыхъ „hospites“ [6]). И у тѣхъ, и у другихъ отношенія между варваромъ и Римлянином уподобляются отношеніямъ между родственниками, которымъ досталось имущество, и которые могутъ его раздѣлить, но могутъ и оставить его въ общемъ владѣніи [7]).

[1]) Либерій руководитъ раздѣломъ потому, что на него возложена забота о войскѣ. Это выясняется изъ сравненія приведеннаго выше письма Кассіодора (II, 16) съ предшествующимъ (II, 15): Praefecturam enim, sollicitudinum omnium nobilissimum pondus, quod vel solum fuisset expedire laudabile, juncta exercitus nostri cura disposuit; ut nec provinciis ordinatio deesset, nec exercitui se provida sollicitudo subtraheret. Superavit cuncta infatigabilis et expedita prudentia, traxit mores barbaros ad quietem, in votum nostrum cuncta moderatus est, ut sic accipientibus satisfaceret, ne dantes locum querimoniis invenirent.

[2]) Cass. Var. I, 18; III, 35; *Marini*, Papiri, № 138. О формахъ расквартированія и ихъ вліяніи на поселеніе варваровъ см. *Gaupp*, Ansiedelungen, 81, 85 и сл., 474.

[3]) Procop. b. g., I, 1: τῷ εὐπρεπεῖ τῆς συμμαχίας.

[4]) *Gaupp*, 90.

[5]) *Gaupp*, 318 и сл., 348 и сл.

[6]) *Gaupp*, 398 и сл.

[7]) Въ Вестготеской Правдѣ, напримѣръ, сказано: quod a parentibus aut vicinis divisum est, posteritas immutare non tentet (X, I, 8). Cf. *Gaupp*, 400.

Digitized by Google

При такомъ характерѣ поселенія порядки германскаго землевладѣнія всего менѣе могли удержаться. Варвары были разсѣяны среди Римлянъ [1]), перемѣшаны съ ними [2]); каждое отдѣльное семейство было примкнуто къ римскому семейству и римскому комплексу собственности; даже отдѣлившись съ своимъ надѣломъ, оно по неволѣ должно было сообразоваться въ обычаяхъ съ сосѣдями. Правда, въ иныхъ мѣстахъ готеское населеніе скучивалось, въ другихъ стояли только готескіе гарнизоны [3]), но нигдѣ переѣсь Готеовъ не былъ настолько великъ, чтобы германизировать страну, всадѣ варвары сидѣли на своихъ „третяхъ“ среди многочисленнаго римскаго населенія, съ вполнѣ развившимся индивидуалистическимъ землевладѣніемъ и подчинялись вліянію этой среды. Независимо отъ римскихъ дѣленій на области и города, поддерживались, по видимому, готескія военныя дѣленія, но сила родовыхъ группъ должна была значительно уменьшиться вслѣдствіе того, что онѣ были перерѣзаны столькими чуждыми элементами [4]), а территоріальныя группы, сельскія общины или марки не могли ни сложиться, ни держаться. И дѣйствительно, мы не имѣемъ ни малѣйшихъ признаковъ ихъ дѣятельности. Отрывочныя свѣдѣнія, которыя мы почерпаемъ изъ источниковъ относительно землевладѣнія и хозяйства, показываютъ, правда, что варвары не сразу привыкали къ воззрѣніямъ на собственность и обязательства, которыя лежали въ основѣ римскаго права, часто не хотѣли и не умѣли подчиняться опредѣленіямъ новаго римскаго закона, часто давали волю своему произволу и своимъ привычкамъ. Но законнаго признанія и выраженія германскіе взгляды на землевладѣніе, на частную и общинную собственность не получили: они разложились

---

[1]) Historia miscella, p. 90 о Герулахъ: barbari per universas urbes diffusi.

[2]) Var. VII, 3: Cum sciamus — — Gothos vobiscum habitare permixtos.

[3]) Данъ остроумно оцѣниваетъ сравнительную густоту готескаго населенія по тому сопротивленію, которое оно оказало Грекамъ. Könige, III, 8 и сл.

[4]) *Данъ*, II, 128 и III, 3, особенно настаиваетъ на силѣ германской «Sippe», которую будто-бы не успѣло разстроить поселеніе среди Римлянъ. Положительнымъ доказательствомъ для него служитъ быть Руговъ, которые сохраняли нѣкоторыя племенныя особенности среди Готеовъ. Но, вопервыхъ, тутъ дѣло идетъ не о родовой, а о племенной связи, которая дѣйствительно не могла исчезнуть въ промежутокъ времени между 493 и 541 годами; вовторыхъ, Данъ прибѣгаетъ къ неправильному толкованію выраженій Прокопія (III, 2, vol. II, p. 287). Контекстъ вырванной имъ фразы показываетъ, что Руги вошли въ составъ гоѳ. скаго народа, а не выдѣлились въ особый народъ.

Digitized by Google

передъ римскимъ правомъ, подобно тому, какъ самый народъ Готѳовъ распустился среди римскаго населенія.

Если не оказали вліянія германскія юридическія воззрѣнія, то самый фактъ завоеванія, появленія 200—300,000 свободныхъ людей, требовавшихъ и получившихъ надѣлы, долженъ былъ оказать несомнѣнное вліяніе на распредѣленіе поземельной собственности. Значительная часть латифундій распалась на болѣе мелкіе участки, число свободныхъ мелкихъ и среднихъ собственниковъ возросло; вмѣстѣ съ тѣмъ производительная сила Италіи получила какъ бы новый притокъ крови, заброшенныя мѣстности снова попали въ обработку [1]). Но нѣсколько хвастливому заявленію Теодориха и Кассіодора, Готѳы спасаютъ Италію отъ запустѣнія, даютъ ей то многочисленное населеніе, въ которомъ она нуждалась. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, вліяніе Готѳовъ было неполное, недостаточно сильное, чтобы произвести коренное измѣненіе отношеній [2]). Ихъ числа не хватало для того, чтобы сдѣлать Италію изъ малонаселенной страны густонаселенною; сельское хозяйство поднялось не на столько, чтобы сдѣлать ненужнымъ подвозъ хлѣба изъ Сициліи и Испаніи; распредѣленіе собственности нѣсколько измѣнилось, но мелкія владѣнія не вытѣснили латифундій, и по видимому, не получили даже перевѣса надъ ними. Только въ судьбѣ класса зависимыхъ земледѣльцевъ послѣдовала въ эпоху остготскаго владычества существенная перемѣна.

Еще при Римскихъ императорахъ классы колоновъ и рабовъ до такой степени соприкасались, что на практикѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, эти два состоянія смѣшивались и законодатели иногда говорили о рабскомъ положеніи колоновъ. Но римское право все-таки въ большинствѣ отношеній и случаевъ отдѣляло колона отъ раба и признавало его свободнымъ человѣкомъ. Теодорихъ, составляя свой эдиктъ изъ сентенцій римскихъ юристовъ и постановленій Римскихъ императоровъ, почти вездѣ ограничивался легкими измѣненіями этого матерьяла, но именно относительно колоновъ совершенно отступилъ отъ законодательства императоровъ. Онъ отмѣнилъ основное правило, опредѣлявшее всѣ остальныя особенности быта крѣпостныхъ — отмѣнилъ неизмѣнную крѣпость землѣ и извѣстному

---

[1]) *Sartorius*, 170, 321; *Manso*, 127 и сл.; *Dahn*, III, 160.

[2]) *Manso*, 129; *Dahn*, 162.

Digitized by Google

земельному участку [1]). Это правило ограждало зависимыхъ земледѣльцевъ отъ произвола землевладѣльцевъ; въ крайнемъ случаѣ, колоны являлись рабами самой земли, къ которой они были прикованы, а не какого-нибудь господина. Постановленіе Теодориха уничтожало это важное различіе и низводило колоновъ на степень обыкновенныхъ рабовъ. Не сказано прямо, что падаетъ и другое важное ограниченіе воли землевладѣльца — неподвижность оброка, но какъ могло оно сохраниться, если колона перемѣщали съ одного имѣнія на другое или даже переводили въ городъ? Основаніемъ постояннаго оброка были пребываніе на постоянномъ мѣстѣ и сложившіяся обычныя отношенія; разъ они разстроивались, колонъ не имѣлъ уже исходной точки для иска противъ господина за „superexactio“. Согласно 142-му параграфу во всемъ эдиктѣ Теодориха „originarii“ упоминаются въ одной категоріи съ рабами и подвергаются однимъ съ ними наказаніямъ, хотя за ними сохраняется отличающее ихъ названіе. Терминъ adscripticii въ эдиктѣ не попадается. Постановленіе Теодориха, при всей своей важности, не свидѣтельствуетъ, однако, о полномъ переворотѣ на практикѣ въ отношеніяхъ между землевладѣльцами и крестьянами: остготскій государь отказывался отъ вмѣшательства въ эти отношенія, отъ обязанности охранять судомъ слабѣйшую сторону въ нѣкоторыхъ ея правахъ, отъ оффиціальнаго прикрѣпощенія крестьянъ къ землѣ, но на практикѣ выгоды самихъ землевладѣльцевъ требовали въ большинствѣ случаевъ поддержанія старыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, соблюденія „старины“ [2]) отно-

[1]) Ed. Theodorici, § 142: Liceat unicuique domino ex praediis, quae corporaliter et legitimo jure possidet, rustica utriusque sexus mancipia, etiamsi originaria sint, ad juris sui loca trasferre, vel urbanis ministeriis adplicare, ita ut et illis praediis adquirantur, ad qua voluntate domini migrata fuisse constiterit, et inter urbanos famulos merito censeantur: nec de ejusmodi factis atque ordinationibus, velut sub oppositione originis, quaestio ulla nascatur. Alienare etiam supradictae conditionis liceat dominis, absque terrae aliqua portione, sub scripturae adtestatione, vel vendere cui libuerit vel donare. На это постановленіе обращено учеными весьма мало вниманія.

[2]) Для положенія класса характерно другое постановленіе эдикта (§ 150). Nulli liceat invito domino, (al. invitus rustico) rustico alieno operas aut obsequium imperare, nec ejus mancipio aut bove uti, nisi hoc forte idem rusticus aut conductor ipsius, vel dominus sua voluntate praestiterit. Qui contra fecerit det pro unius rustici, vel unius bovis diurna opera, quam praesumpsit auri solidum unum. Тѣ же колоны, которые поставлены въ почти полную зависимость отъ господина и такъ часто ставятся на одну доску съ рабами, тутъ противополагаются послѣднимъ. Самое имя ихъ измѣнилось.

Digitized by Google

сительно оброковъ и барщины, оставленія земледѣльцевъ на извѣстныхъ участкахъ. Наступало господство средневѣковыхъ „обычныхъ“ отношеній, „обычной“ крѣпости и „обычныхъ“ повинностей, охраной которыхъ служила не свобода перехода, какъ во II и III вѣкахъ, не государственное принужденіе, какъ въ IV и V, а воля и интересъ помѣщика. Характеръ разницы между средневѣковымъ серважемъ и римскимъ крѣпостничествомъ наводитъ насъ на соображеніе относительно самыхъ мотивовъ, приведшихъ къ постановленію Теодориха, хотя мотивы эти и не изложены словами.

Безсиліе государства регулировать отношенія между помѣщикомъ и крестьянами приводитъ къ серважу: 142-я статья эдикта Теодориха есть только официальное признаніе въ этомъ безсиліи, которое въ другихъ варварскихъ королевствахъ было признано молча. Теодорихъ прежде всего хотѣлъ избавиться отъ тягостнаго надзора за пребываніемъ всѣхъ земледѣльцевъ по мѣстамъ, отъ возникавшихъ изъ этихъ ничтожныхъ мѣстныхъ отношеній тяжбъ и отъ непосильной задачи опекать земельныя хозяйства, которую приняла на себя Римская имперія.

Мы видѣли, въ какой тѣсной связи находилось прикрѣпощеніе колоновъ и даже земледѣльческихъ рабовъ съ аграрно-фискальными цѣлями и даже съ общею политикой Римской имперіи. Отмѣна существеннѣйшаго правила крѣпости интересна поэтому не только для характеристики быта поселянъ, но и для сужденія о готескомъ государственномъ строѣ, для разрѣшенія вопроса о томъ, насколько готескіе короли переняли у императоровъ правительственныя формы и тенденціи. Только подробное описаніе государственныхъ учрежденій и ихъ дѣятельности можетъ дать матеріалъ для полнаго отвѣта на этотъ вопросъ; но даже при самомъ бѣгломъ обзорѣ можно выяснить въ главныхъ чертахъ, въ какой степени обстоятельства заставили Готескихъ королей отступить отъ римской правительственной системы.

Во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни придется начинать съ заявленія, что Готы старались сохранить и въ значительной мѣрѣ сохранили римскіе порядки и всегда необходимо будетъ прибавить, что цѣликомъ старое удержано не было, что произошли большія или меньшія измѣненія. Иногда вводятся новые готескіе элементы, иногда же старые римскіе подвергаются метаморфозѣ по сущности, если не по виду.

Взглянемъ сначала на правительственную организацію, а затѣмъ

Digitized by Google

посмотримъ, какія ставило себѣ правительство задачи и съ какого рода трудностями боролось.

Іерархія римскихъ должностей въ управленіи и судѣ сохранена Готѳами. Центральное управленіе находится по прежнему въ рукахъ префекта преторія, магистра officiorum, квестора, графовъ священныхъ раздачъ и государева имущества со всѣми ихъ многочисленными помощниками и секретарями [1]). Италія распадается на прежнія провинціальныя дѣленія (семь въ верхней, девять въ нижней Италіи); администраціей, сборомъ податей, судебной властью въ этихъ провинціяхъ завѣдуютъ по прежнему консуляры, ректоры, президенты, которыхъ окружаетъ сонмъ различныхъ censitores, exactores, numerarii, cancellarii [2]). Наконецъ, основныя единицы римскаго устройства, муниципалитеты, продолжаютъ существовать съ своими многострадальными куріалами и собственниками (possessores); объ интересахъ всего города или его бѣднѣйшаго населенія, какъ и прежде, заботятся defensores и curatores [3]). Однимъ словомъ, бюрократическій аппаратъ Римской имперіи не тронутъ завоеваніемъ. Значеніе этой бюрократіи тѣмъ болѣе обширно, что она управляетъ судьбами не одного только римскаго населенія, но весьма сильно, хотя часто только косвенно, вліяетъ и на участь Готѳовъ. О центральной администраціи уже и говорить нечего, но даже простые куріалы маленькаго города имѣли право требовать, чтобы готескій землевладѣлецъ ихъ мѣстности подчинился произведенной ими раскладкѣ податей [4]). Очевидно, однако, что завоевателей нельзя было просто и во всѣхъ отношеніяхъ подчинить завоеваннымъ; для поддержанія порядка между Готѳами, для разрѣшенія ихъ споровъ, для защиты отъ нихъ самихъ Римлянъ требовался авторитетъ должностныхъ лицъ не рим-

---

[1]) Варіи наполнены формулами, употреблявшимися при назначеніи римскихъ чиновниковъ и свидѣтельствами ихъ фактической дѣятельности. Важнѣйшія мѣста собраны у *Manso*, 343 и сл.

[2]) *Manso*, 356 и сл.

[3]) *Manso*, 364 и сл.; *Savigny*, Geschichte des röm. Rechts, I, § 104, стр. 337, § 106, стр. 343 и сл.; *Hegel*, Städteverfassung von Italien, I, 111 и сл. Главный матеріалъ для характеристики городскаго устройства даютъ сохранившіяся на папирусѣ граматы, напечатанныя у *Марини*, Papiri diplomatici. Перечень ихъ у *Савиньи*, § 106.

[4]) Var. I, 19: Et ideo vobis praesenti jussione praecipimus, ut Adrianae civitatis curialium insinuatione suscepta, quicumque Gothorum fiscum detrectat implere, cum ad aequitatem redhibitionis accetis: ne tenuis de proprio cogatur exolvere quod constat idoneos indebite detinere. Ср. Var. II, 23 ...

Digitized by Google

скаго, а готѳскаго происхожденія. И вотъ, по необходимости, вводится въ административную машину новое колесо, не дѣйствовавшее при Константинѣ или Ѳеодосіи. Судъ надъ Готѳами извѣстной провинціи, смѣшанный судъ въ дѣлахъ, гдѣ замѣшаны обѣ національности, общій надзоръ за Готѳами и ихъ отношеніями къ Римлянамъ отданы „графу Готѳовъ“ [1]). Можно сказать, безъ опасенія ошибиться, что, кромѣ этого главнаго представителя Готѳовъ въ управленіи, у нихъ были и другіе руководители болѣе мелкихъ дѣленій, но положительныхъ свѣдѣній о какихъ-нибудь готѳскихъ сотникахъ или десятскихъ мы не имѣемъ [2]). За то мы знаемъ о герцогахъ, пользовавшихся еще большимъ вліяніемъ и почетомъ, нежели графы Готѳовъ, но эта должность преимущественно военная, а по скольку она содержитъ въ себѣ чисто административные и судебные элементы, она является только варіантомъ „графства Готѳовъ“ [3]).

Самымъ характернымъ нововведеніемъ, которое Готѳы внесли въ администрацію, были такъ-называемые „sajones“ [4]). Трудно сказать, слѣдуетъ ли причислить ихъ къ центральной, или къ областной администраціи—дѣйствовать имъ обыкновенно приходится въ провинціяхъ; но особеннымъ значеніемъ они пользуются, какъ приближенные дружинники короля. Они не имѣютъ никакой опредѣленно очерченной компетенціи, а являются вездѣ, гдѣ нужна непосредственная помощь, непосредственное наблюденіе короля. Они начальствуютъ отрядами [5]), завѣдываютъ продовольствіемъ [6]), передаютъ королевскія приказанія [7]), разбираютъ на мѣстѣ дѣла, почему-либо изъятыя изъ вѣдомства обыкновенныхъ судовъ [8]), помогаютъ графамъ при испол-

---

[1]) Var. VII, 3: Cum — — sciamus Gothas vobiscum habitare permixtos. Роль этого чиновника опредѣлялась весьма различно. Глѣденъ, 47 и сл., видитъ въ немъ просто римскаго «judex militaris». *Гегель*, I, 118 и сл., принимая вообще мнѣніе Глѣдена, настаиваетъ однако на преобладаніи Готѳскаго племени, которое выражается въ этой должности. Ср. *Bethmann Hollweg*, Civilprocess, IV, 281 и сл. Я держался *Дана*, Könige, IV, 157 и сл.

[2]) *Hegel*, Städteverfassung, I, 115. Разъ упоминаются у Кассіодора тысячскіе (millenarii).

[3]) *Dahn*, IV, 170 и сл.

[4]) На эту должность не было обращено особеннаго вниманія историками. Значеніе ея выяснилъ *Данъ*, III, 181—186.

[5]) Var. V, 23, 30.

[6]) Var. II, 20.

[7]) Var. V, 27.

[8]) Var. VIII, 27.

Digitized by Google

неніи ихъ обязанностей [1]), контролируютъ графовъ [2]), защищаютъ лицъ, испросившихъ себѣ спеціальную охрану короля [3]), являются больше всего исполнителями закона и королевской воли, олицетвореніемъ королевской силы, передъ которою должны склониться всѣ частныя лица, какъ бы они ни были могущественны [4]). Эти королевскіе дружинники сами по себѣ имѣютъ не особенно высокое личное положеніе, значительно уступаютъ, напримѣръ, графамъ, но въ своихъ командировкахъ они могутъ быть призваны къ исполненію самыхъ важныхъ обязанностей, при случаѣ могутъ даже возвыситься надъ графами. Весь характеръ этого учрежденія совершенно не римскій: оно основано на непосредственномъ и довольно безпорядочномъ вмѣшательствѣ короля въ тѣ или другія части, на постоянныхъ изъятіяхъ изъ обыкновеннаго порядка администраціи, на недовѣріи къ этому порядку и безсиліи обыкновенныхъ административныхъ средствъ

---

[1]) Var. IV, 27.

[2]) Var. IX, 10.

[3]) Var. IV, 27.

[4]) Var. II, 13; IV, 14, 39, и др. XII, 3 (формула, употреблявшаяся при назначеніи Сайоновъ): tanta est in reipub. de morum varietate diversitas, ut nemo valeat leges defendere, nisi terror videatur aliqua temperare. Aegris non una causa salutis est; alter cibis reficitur: alter per abstinentiae beneficia tenuatur; hic lavacra mollia: ille ferrum quaerit ad vulnera; et varium poscit remedium diversa qualitas passionum: sic qui populis praesse cognoscitur, non uno consilio praeditus invenitur. Feroces districtione premendi sunt, mansueti civiliter admonendi: dolosi caute, simplices sub lenitate tractandi sunt. Et ideo ubique probatur esse necessaria prudentia: quoniam rebus omnibus adhibere videtur accommoda. Quapropter devotionem tuam solatiis illius viri clarissimi Cancellarii nostri solemni more deputamus: ut contra nullum alium erigaris, nisi qui legibus parere despexerit. Ad forum trahe, qui justa non recipit: snb conti nentia irascere, sub maturitate distringe. Timeri te amplius volumus, quam probari: quia maxime illud vigori tuo reputabitur, si nullius praesumptione peccetur. Cogitetur prae omnibus pecuniae publicae fidelis exactio. Sit tuum commodum contemptus alienus. Coactus faciat, qui justa sponte complere neglexerit. Causis tantum te delegatis impende. Si praecepta sequeris, devia non requiris. Caret culpa, qui imperata perfecerit. In executore illud est pessimum, si judicis relinquat arbitrium. Non inde jacteris, quod tibi non potest obviari: nec assumere superbiam velis quia te multorum humilitas pertimescit. Viri fortes semper in pace modesti sunt: et justitiam nimis diligunt, qui frequenter praelia tractaverunt. Ed. Athalarici, § 1: Quod si quis in tantam raptatus amentiam tyrannico spiritu juri publico parere neglexerit, viribusque praepotens (al. praeposteris) destinati officii spreverit paucitatem, relatione judicisnostris auribus notabilis ingeratur, ut indulta executione sajonum ultionem sentiat vigoris regii, qui obedire noluit cognitori.

Digitized by Google

въ борьбѣ съ частными интересами и могуществами. Мѣсто правильно дѣйствующей и неотразимой власти Римскаго императора занимаетъ порывистое, измѣнчивое вмѣшательство германскаго короля, который вліяетъ своимъ личнымъ авторитетомъ и могуществомъ, вліяетъ черезъ посредство своихъ личныхъ друзей или приближенныхъ. Итакъ, не смотря на сохраненіе римской бюрократіи, дѣятельность готескихъ элементовъ ясно и сильно выразилась какъ въ формахъ, такъ и въ духѣ управленія. Относительно войска готеское завоеваніе также привело къ существеннымъ измѣненіямъ. Въ послѣдніе годы имперіи военныя обязанности все болѣе и болѣе переходили отъ изнѣженныхъ деморализованныхъ римскихъ гражданъ къ нанятымъ деньгами или землею варварамъ; но легіоны гражданъ все-таки существовали и набирались изъ римскихъ и романизированныхъ провинцій, помѣщики ставили рекрутъ изъ своихъ крѣпостныхъ, города—изъ бѣднѣйшаго слоя населенія. Готы совершенно избавили Римлянъ отъ воинской повинности [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ лишили ихъ важнаго средства вліянія и самозащиты. Варіи Кассіодора рѣзко проводятъ разницу между народомъ Готовъ, составляющимъ какъ бы одно войско и предназначеннымъ бороться противъ внѣшнихъ враговъ, и народомъ Римлянъ, отъ котораго въ государствѣ должны исходить благоустройство и образованіе, добрые нравы и художества мира. Выраженіе „exercitus Gothorum“ есть техническое обозначеніе всего племени; по своей характерной односторонности оно подало поводъ къ слишкомъ смѣлымъ заключеніямъ относительно роли Готовъ въ Италіи [2]).

По видимому, наименѣе вліянія оказало завоеваніе Теодориха на податную систему: „exactores“ и „susceptores“ занимаются сборомъ податей и подъ предлогомъ сбора грабятъ въ своихъ провинціяхъ [3]), censitores и peraequatores производятъ оцѣнку имущества, подпадающаго прямому обложенію, и своими неправильными оцѣнками сваливаютъ бремя податей съ богатыхъ на бѣдныхъ [4]); куріалы заботятся объ раскладкѣ налога, отвѣчаютъ за его полный взносъ и по преж-

---

[1]) *Sartorius*, 279: Il nous semble inutile de faire ici quelques citations, pour prouver que l'état militaire fut exclusivement réservé aux Goths; tout le monde en convient, et cent passages dans les *variae* de Cassiodore le confirment.

[2]) *Savigny*, Geschichte des röm. Rechts, I, 336; *Glöden*, 44 и сл.—*Sybel*, Entstehung des deutschen Königthums, 171; *Hegel*, I, 101, 104, 124.

[3]) Var. II, 24; XII, 8, 14.

[4]) Var. V, 14; XII, 10.

Digitized by Google

нему считаются жертвами, обреченными на разграбленіе [1]). Самые виды повинностей не представляютъ ничего новаго: главную роль играетъ, какъ и въ V вѣкѣ, поземельный налогъ; затѣмъ „предусмотрительная древность“ снабдила Готескаго короля пошлиною со всѣхъ продающихся предметовъ (siliquaticum), сборомъ съ купцовъ за право торговли (aurum negotiatorum) и разнаго рода монополіями и регаліями [2]). Поголовный налогъ, о которомъ пришлось столько говорить въ первой главѣ, прямо не упоминается въ остготескихъ источникахъ [3]) и мы не можемъ сказать—продолжалъ онъ платиться въ первой половинѣ VI вѣка или нѣтъ. Остановимся нѣсколько на главной изъ всѣхъ повинностей—поземельномъ налогѣ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что она уже нѣсколько измѣнилась противъ того, чѣмъ она была въ римское время; замѣчаются признаки ея упадка, свидѣтельства, показывающія, что государство не въ состояніи было вполнѣ успѣшно бороться съ затрудненіями при ея раскладкѣ и сборѣ. При Римскихъ императорахъ налогъ на земельныя хозяйства предполагалъ точную оцѣнку, слѣдившую за измѣненіями и улучшеніями, искусственную прочность этого хозяйства, обезпеченную крѣпостнымъ состояніемъ земледѣльцевъ и обезпечивающую легкость оцѣнки и правильность взноса, наконецъ, подвижность обложенія въ зависимости отъ измѣненія общей суммы налога и податной силы отдѣльныхъ хозяйствъ. Мы видѣли уже, что Остготеское государство отказалось отъ втораго условія, уничтожило прикрѣпощеніе земледѣльцевъ. Этимъ оно чрезвычайно затруднило всю работу оцѣнки: стоитъ подумать хотя о томъ, конечно, весьма распространенномъ случаѣ, когда землевладѣлецъ желалъ обмануть оцѣнщика,—свобода продажи колоновъ и перевода ихъ съ одного имѣнія на другое от-

---

[1]) Мѣста собраны у *Дана*, III, 153.

[2]) *Gaupp*, Ansiedelungen, 480; *Manso*, 99 и сл.; *Dahn*, III, 140 и сл. Особенно важно то обстоятельство, что земельный налогъ былъ распространенъ на готескихъ землевладѣльцевъ.

[3]) *Savigny*, Steuerverfassung 117, думаетъ, что поголовный налогъ продолжалъ взиматься подъ названіемъ «bina et terna». (Cass. III, 8; VII, 20, 21, 22). Но *Manso*, 388 и сл., совершенно справедливо замѣчаетъ, что Кассіодоръ говоритъ объ этомъ налогѣ, какъ о лежащемъ на землѣ, VII, 22: sic tamen, ut nec aerarium nostrum aliquid minus a consuetudine percipiat, nec possessor supra modum possessionis exolvat. Приведенное рѣшающее мѣсто совершенно произвольно истолковано Савиньи. Остается думать, что подъ «bina et terna» разумѣлись надбавки на земельный налогъ. *Manso*, l. c. *Дан* высказывается весьма нерѣшительно (III, 146, прим.).

Digitized by Google

крывала ему въ этомъ отношеніи множество средствъ и лазеекъ. Дѣло стало несравненно труднѣе, а люди, занимавшіеся имъ, не выиграли, а скорѣе проиграли въ искусности, безкорыстіи и честности. Провинціалы стараются, кто какъ можетъ, убавить свое даже законное бремя, а представители казны хлопочутъ о томъ, чтобы увеличить его, хотя бы беззаконно. При такихъ обстоятельствахъ, всякая переоцѣнка, всякое колебаніе подати было источникомъ страшныхъ злоупотребленій. Королю приходится поручить производство оцѣнокъ высшимъ чиновникамъ и замѣнять одного другимъ [1]). Въ Варіяхъ Кассіодора прямо высказывается убѣжденіе, что бѣдствія и безпорядки, происходящіе вслѣдствіе повышенія подати, не вознаграждаются могущей произойдти для казны выгодой [2]). Естественнымъ послѣдствіемъ такого рода положенія дѣлъ было стремленіе фиксировать налогъ, сдѣлать его постояннымъ. Хотя это стремленіе и не одержало еще окончательно верха, но оно ясно замѣтно. Во-первыхъ, оно касается общей суммы налога. Короли пробуютъ иногда обложить какую-нибудь мѣстность сильнѣе, но тотчасъ же поднимается волненіе, сыплются жалобы, просьбы, и въ концѣ концовъ король возвращается къ старой, освященной обычаемъ, цифрѣ [3]).

---

[1]) Var. V, 14: Provincialium itaque nostrorum saepius querela comperimus, possessores idoneos Suaviae non solum casarum suarum tributariam functionem in tenuem relisisse fortunam; verumetiam scelerato commercio aliquid exinde suis passim applicare compendiis; ut functio publica commoditas sit privata: — — Atque ideo prudentia, qua notus es, universum possessorem considerata justitia te jubemus inspicere, et aequabilitatem tributi hac ratione moderari; ut quae sub aliis facta est omnium redemptione cassata, pro possessionum atque hominum qualitate assis publicus imponatur. Sic enim et justitia perficitur, et vires nostrorum provincialium sublevantur. Eos autem, quos sine jussione nostra censum imposuisse constiterit, et pro libito suo quorumdam onera in alios projecerunt, legum severitas insequatur.

[2]) Var. IV, 38.

[3]) Var. IV, 38: Cum omnes reipublicae nostrae partes aequabiliter desideremus augeri; crementa tamen fiscalium tributorum justissimo sunt pensanda judicio; quia servientium imminutio est hujus allationis accessio; quantumque pars illa proficit, tantum se haec a firmitate subducit. Sed a nobis, qui fisci utilitatem stabili volumus diuturnitate consistere, excludenda est dispendiosa semper enormitas: ne augmento suo tumens summa deficiat, incipiatque magis deesse, quia immaniter visa est accrevisse. Proinde illustris magnitudo tuo Gravasianos, atque Pontonates nobis supplicasse cognoscat, a Januario sed et Probo discussoribus, iniquis se oneribus ingravatos; cum sterilitas jejuna locorum nulla sibi augmenta fieri patiatur. Repugnante si quidem natura, quaelibet cedit industria: nec prodest studium laboris impendere, quem ubertas loci non cognoscitur adjuvare. Ibi potest census addi, ubi

Digitized by Google

Хорошо еще, если нѣтъ недоимокъ и не приходится сбавлять подать вслѣдствіе какого-нибудь наводненія, изверженія или нашествія иноплеменниковъ [1]). Вовторыхъ, есть слѣды, что самые взносы отдѣльныхъ собственниковъ клонятся къ обычнымъ неподвижнымъ нормамъ. Отдѣльный собственникъ платитъ по записи въ полиптикѣ и записи эти держатся долго, повинность дѣлается и называется каноническою [2]).

Какъ бы то ни было, если и замѣтны нѣкоторые слѣды упадка и разложенія римской податной системы при Остготоахъ, эти признаки не могутъ устранить важнаго факта, что такого рода система все-таки существовала и дѣйствовала. Какъ бы она ни была дурна, остготскій король имѣлъ въ ней прочное матеріальное основаніе для своей государственной власти, какого не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ни одинъ изъ остальныхъ варварскихъ королей [3]). Существованіе подобнаго государственнаго капитала позволяло Теодориху и его преемникамъ организовать свою власть по иному образцу, нежели власть Франкскихъ или Англосаксонскихъ королей, гораздо полнѣе отдѣлить государственные интересы и силы отъ своихъ частныхъ. Они имѣли средства для вознагражденія войска, судей и чиновниковъ за службу и не принуждены были расходовать на это свое частное имущество. Служба государству и вознагражденіе за нее не связаны поэтому въ Остготскомъ государствѣ исключительно съ раззорительною для королевской казны системой пожалованій [4]), не зависятъ исключительно отъ личной щедрости и богатства государя. Жалованье

---

cultura profecerit. Inde et varia tributa, quia non est agrorum una foecunditas. Atque ideo consuetudinem eis pristinam censemus esse revocandam; ut sicut Odoacris tempore tributa solverunt, ita et nunc ab eis publicis utilitatibus serviatur; et si quid amplius probatur adjectum, consideratione defectarum virium submovemus. Nolumus enim tale aliquid indici, quod sit necesse removeri. Cp. V, 39.

[1]) Напримѣръ, Var. III, 32; XII, 7.

[2]) Var. VII, 45: Cum de agri utilitate vivatur, et omnibus inde certum sit justum venire compendium, tributum illud possessionis in illa provincia constitutae ita quereris onerosum, ut universas tibi voraverit facultates lacus ille vastissimus functionis; — — Magnitudinis nostrae, cui cordi est cogitare justitiam, praesenti auctoritate decernimus, ut si ita est, tot solidos tributario supradictae possessionis, datis praeceptionibus ad eos, quorum interest, ita faciatis de vasariis publicis diligenter abradi, ut huius rei duplarum vestigium non debeat inveniri: sed per saecula sine errore servetur, quod una communi summa concluditur. Cf. V, 39; XII, 37.

[3]) *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, II, 564 и сл., 582 и сл.

[4]) *Waitz*, Verfassungsg., II, 672, 673.

Digitized by Google

чиновникамъ и судьямъ составляетъ правильную и, вѣроятно, главную статью расходовъ [1]). Готѳское войско вознаграждается болѣе своеобразнымъ способомъ: раздачи или подарки (donativa [2]), составлявшіе важный, хотя и случайный, предметъ расходовъ еще Римской имперіи, дѣлаются ежегодными. Размѣры ихъ колеблются, каждый воинъ получаетъ не по штату, а по храбрости, и слѣдовательно, по усмотрѣнію вождей, однимъ словомъ—donativa не имѣютъ характера правительственнаго жалованья, и сами короли отличаютъ ихъ отъ послѣдняго, но во всякомъ случаѣ, это расходъ изъ государственныхъ суммъ на государственныя потребности, а не частная милость. Король жалуетъ за заслуги и землями, но земельныя раздачи не служатъ ему постояннымъ правительственнымъ средствомъ и потому не могли развиться въ особый институтъ, въ какую-нибудь помѣстную или бенефиціальную систему. Что Остготѳскимъ королямъ не приходилось злоупотреблять земельными раздачами, это подтверждается, кромѣ приведенныхъ выше соображеній, тѣмъ фактомъ, что политику Одоакра, старавшагося закрѣпить свою власть щедрыми пожалованіями рѣшительно не одобряли въ остготѳскую эпоху [3]).

Какъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ государственной организаціи, такъ и въ общемъ характерѣ государственной власти на первый взглядъ поражаютъ римскія формы, перенесеніе въ готѳскую эпоху понятій и фактовъ, выросшихъ во время императоровъ, и однако, въ концѣ концовъ, оказывается, что не все осталось по старому: чувствуется несомнѣнное вліяніе новой народности. У римскаго истолкователя намѣреній и воззрѣній Готѳскихъ королей, Кассіодора, цѣли и размѣръ ихъ власти опредѣляются совершенно согласно идеаламъ Римской имперіи. Теодорихъ и Аталарихъ, судя по Варіямъ, постоянно и неуклонно служатъ общему благу, воля и мысль ихъ проникаетъ все государство, которое какъ бы олицетворяется въ монархѣ [4]); кромѣ

---

[1]) *Dahn*, III, 151.

[2]) *Dahn*, III, 74 и сл.

[3]) Мѣста изъ писемъ Эннодія у *Дана*, II, 47; весьма странно разсужденіе Дана (III, 132, 133) о случаѣ соединенія государева пожалованія съ охраною, о которомъ будто бы трактуетъ Cass. Var. I, 36. Въ приведенномъ письмѣ рѣчь идетъ не о пожалованіи земли, а о препорученіи дѣтей умершаго чиновника его преемнику. Слово «locum» значитъ «мѣсто», а не «земля». При этомъ весьма странно передано въ примѣчаніи «чисто кассіодоровское» предложеніе, которымъ начинается письмо.

[4]) Var. VI, 23: Exeunt a nobis dignitates relucentes, quasi a sole radii.

Digitized by Google

обычной дѣятельности по защитѣ правоваго порядка, охраны подданныхъ войскомъ и судомъ, Готескіе короли регулируютъ и опекаютъ всевозможныя гражданскія дѣла и отношенія, заботятся объ успѣхахъ итальянскаго земледѣлія [1]), посвящаютъ особенное вниманіе правильной организаціи торговли и въ особенности подвоза съѣстныхъ припасовъ [2]), устанавливаютъ максимальныя цѣны [3]), преслѣдуютъ скупщиковъ [4]) и т. п. Административная переписка Кассіодора изображаетъ ихъ постоянно внушающими благотворныя правила, пекущимися о всевозможныхъ нуждахъ подданныхъ и вмѣшивающимися въ самыя различныя дѣла. При этомъ подчеркивается не только неустанная дѣятельность монарха, но и безграничность его власти. Она выше законовъ потому, что государь творитъ законъ: „Только наша собственная воля связываетъ насъ,—не условія, поставленныя другими. Можемъ мы, благодаря милости Божіей, все; но считаемъ, что намъ прилично только похвальное“ [5]). Власть монарха выше случайностей возраста и способности, потому-что она основана на благодати и милости Божіей [6]). Передъ всемогуществомъ государя исчезаютъ обыкновенныя границы собственности [7]). Отъ царя, какъ отъ солнца, исходитъ жизнь; кто не видитъ царя — мертвъ [8]). Умиленный Кассіодоръ не находитъ въ своемъ риторическомъ запасѣ достаточно восторженныхъ выраженій для того, чтобы характеризовать неограниченное могущество Остготескихъ королей; на практикѣ, повидимому, они также не должны были встрѣтить никакихъ сдержекъ, способныхъ стѣснить и умѣрить ихъ волю и власть. Но противъ общаго

---

[1]) *Dahn*, III, 161.

[2]) Var. praef. IV, 5, 7; V, 35.

[3]) Var. VII, 11, 12.

[4]) Var. IX, 5, 24.

[5]) Var. X, 16: Nam cum (Deo praestante) possimus omnia, sola nobis licere credimus laudanda.

[6]) Var. VIII, 9: Licet ad regendos populos idoneos efficiant, quos ad augustum culmen divina provexerint (quando nec aetas impedit, ubi sese potentia caelestis infundit).

[7]) Var. V, 24.

[8]) Var. V, 26: Quamvis munificentia nostra sit omnibus ubique gratissima; multo tamen acceptiora credimus, quae nostri praesentia conferuntur: quia majora de conspectu principis populi sumunt, quam de largitate beneficia consequuntur. Nam pene similis est mortuo, qui a suo dominante nescitur; nec sub aliquo honore vivit, quem regis sui notitia non defendit. Относительно просвѣщеннаго абсолютизма готескихъ королей см. *Dahn*, II, 131, 132; III, 276 и сл.

Digitized by Google

стремленія этого просвѣщеннаго деспотизма—поддержать гражданское благоустройство у Римлянъ, ввести его у Готѳовъ—дѣйствовали тысячи непокорныхъ частныхъ силъ, которыя, какъ бы чувствуя приближеніе среднихъ вѣковъ, несмотря на всѣ римско-императорскія формы, поднимали смѣлѣе свои головы, приготовлялись разнести на мелкія части зданіе благоустроеннаго государства. Готы, вооруженные защитники римскаго общества, не смотря на всѣ проповѣди королей, слишкомъ часто вели себя какъ волки, которымъ поручили бы охранять стадо: въ эдиктѣ Теодориха одна изъ главныхъ заботъ законодателя собрать и даже усилить постановленія противъ самоуправства [1]). Не довольствуясь своими третями, королевскими пожалованіями и подарками, они захватываютъ оставшіяся Римлянамъ земли; отбиваются отъ налоговъ, которые тѣмъ съ большею тяжестью падаютъ на бѣдныхъ и безсильныхъ [2]) и т. д. И римское населеніе неспокойно; ему приходится напоминать, что возстанія и волненія не идутъ къ римской „солидности“ [3]), а главное, римскіе чиновники по образованію и традиціямъ—главные исполнители закона и помощники государя, пользуются своею властью на зло, а не на благо подчиненныхъ,—мы только и слышимъ, что о вымогательствахъ, насиліи, казнокрадствѣ... [4]). Наконецъ, независимо отъ всякихъ племенныхъ различій, на всѣхъ концахъ государства слышатся жалобы на людей сильныхъ [5]): воздерживаются отъ притѣсненій только тѣ, кто не въ состояніи притѣснять; повиновенія закону и власти можно требовать только отъ тѣхъ, кто не въ состояніи сопротивляться. Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей мѣстные суды и чиновники не въ состояніи добиться повиновенія и исполненія своихъ рѣшеній; постоянно приходится искать помощи графа; весьма часто помочь можетъ только одинъ король [6]). Вообще, положеніе всемогущаго короля въ борьбѣ съ этими тысячами мелкихъ сопротивленій, среди этого всеобщаго своеволія было безысходно. Никто въ частности не могъ соперничать съ нимъ, всѣ вмѣстѣ не старались соединиться, чтобы ограничить его волю; но всѣ врозь дѣлали то, что король ненавидѣлъ и запрещалъ. Ока-

[1]) *Dahn*, IV, 14 и сл.
[2]) Var. I, 19; IV, 14.
[3]) «Romanae gravitati» Var.
[4]) *Dahn*, III, 176, 177.
[5]) Var. III, 20. См. вообще *Dahn*, III, 37 и сл., 111, 112.
[6]) Ed. Theodorici, 10; ed. Athalar. 1; ср. Var. V, 4.

Digitized by Google

зывалось, что, не смотря на сохраненіе большей части римской государственной машины, пользоваться ею было далеко не такъ легко въ эпоху имперіи, и вотъ, рядомъ съ хитрою, но ненадежною римскою организаціей появляется и дѣйствуетъ чисто варварское, грубое элементарное приспособленіе, личный „mundium“ или „tuitio“ германскаго короля [1]). Какъ бы для того, чтобъ отмѣтить, на сколько недостаточенъ правовой порядокъ въ странѣ, не смотря на всемогущество охраняющей его государственной власти, король извѣстныхъ лицъ, если онъ въ нихъ особенно заинтересованъ, или они особенно нуждаются въ защитѣ, надѣляетъ своимъ личнымъ покровительствомъ. Онъ заступается за нихъ въ данномъ случаѣ уже не какъ государь, а какъ могущественнѣйшее лицо въ государствѣ, и его заступничество можетъ выразиться въ различныхъ формахъ: въ изъятіи отъ обыкновенныхъ судовъ, въ возвышеніи цѣнности охраняемаго лица, въ порученіи его особому чиновнику, или дружиннику.

Такимъ образомъ, частная точка зрѣнія на государственную власть, по видимому, устраненная изъ остготскаго правительственнаго строя, въ сущности въ немъ гнѣздится и выражается въ учрежденіи, повторяющемся почти у всѣхъ германскихъ племенъ.

Въ общемъ, эпоха Остготовъ, хотя и не привела къ рѣзкимъ измѣненіямъ въ гражданскихъ или политическихъ отношеніяхъ, все-таки содѣйствовала подготовкѣ позднѣйшаго состоянія, разрѣшившагося феодализмомъ. Вліяніе крупнаго землевладѣнія и зависимость отъ него земледѣльческихъ классовъ не были разрушены поселеніемъ Готовъ; аграрныя отношенія не были перестроены на германскій ладъ, а продолжали развиваться на римской основѣ. Подчиненіе земледѣльца помѣщику стало гораздо полнѣе, потому что обратилось въ подчиненіе личное. Въ политическомъ отношеніи, остготское правительство старалось по возможности удержать наслѣдіе Римской имперіи, но уже при первыхъ корояхъ, о внутренней дѣятельности которыхъ мы больше всего знаемъ, оно съ трудомъ справлялось съ разлагающею дѣятельностью частныхъ силъ и частныхъ интере-

---

[1]) *Dahn*, III, 116 и сл. Совершенно справедливо его замѣчаніе: Das ist ja das Wichtigste in der Untersuchung dieser neben dem Frankenreich bestehenden, wenn auch bald untergegangnen Staatenbildungen der Germanen, dass sie uns zeigen wie überall aus den ähnlichen Factoren, d. h. dem germanischen und römischen Nationalcharacter und den ähnlichen Zeitbedürfnissen, die ähnlichen Rechtsbildungen erwachsen.

Digitized by Google

совъ, справлялось иногда только потому, что само опиралось на значительную частную силу. На практикѣ оказывалось почти невозможнымъ сразу расширить государственную сферу варварскаго народа, ограничивавшагося до тѣхъ поръ только простѣйшими потребностями общежитія, привыкшаго только къ самымъ элементарнымъ формамъ государственныхъ обязанностей, повинностей, дѣятельности, и вдругъ завербованнаго служить въ чрезвычайно сложной, утонченной политической организаціи. Точно также, почти невозможно было внушить безкорыстную приверженность къ государству Римлянамъ, которые отвыкли отъ нея еще во время существованія имперіи, а въ Остготескомъ королевствѣ чувствовали себя, не смотря на всю снисходительность государей, обиженными и обдѣленными сравнительно съ варварскими пришельцами. Остготеское королевство принуждено было дѣлать уступки даже въ формахъ государственнаго строя—отказаться отъ наблюденія за ходомъ земледѣльческой жизни, опираться на дружинный элементъ и поставить частно-королевскую охрану рядомъ съ государственной; но главное, чувствовалось, что не можетъ долго продержаться та широкая, сложная политическая система, которую механически поддерживали еще короли. Для такой системы нужна была цивилизованная среда, солидарность интересовъ между отдѣльными частями страны, образованные исполнители, привыкшіе къ послушанію подданные, наконецъ, постоянный надзоръ и вмѣшательство, а во всемъ этомъ замѣчался недостатокъ. Оттого, не смотря на стремленія королей, повсюду безпорядокъ и рознь, и если изъ этого состоянія не выработалось положительной реформы въ учрежденіяхъ, реформы въ смыслѣ феодальномъ, то причиной является погибель всего королевства отъ руки Грековъ.

Дальнѣйшее развитіе должно было уже зависѣть отъ совершенно новыхъ элементовъ и тенденцій, внесенныхъ въ исторію Италіи Лангобардами, къ которымъ я и перехожу прямо, въ виду того, что пятнадцать лѣтъ преобладанія Грековъ не оставили замѣтныхъ слѣдовъ во внутренней жизни сѣверной и средней Италіи.

Въ настоящей главѣ я коснусь только вопроса о характерѣ лангобардскаго завоеванія и поселенія, безъ разрѣшенія котораго нельзя приступить къ разбору фактовъ, относящихся до землевладѣнія, сословныхъ дѣленій и политической организаціи у Лангобардовъ.

Во всей исторіи племени нѣтъ ни одного вопроса, который обсуждался бы такъ ревностно и вызывалъ бы такіе споры, какъ именно этотъ первый, дѣйствительно открывающій путь къ тому или другому

Digitized by Google

пониманію всей эпохи. Для однихъ ученыхъ [1]), завоеваніе 569 года мало произвело измѣненій въ Италіи, оставило за нею римскій характеръ, оставило римскому населенію свободу, большую часть собственности и самостоятельное право, даже не разрушило римскихъ муниципальныхъ учрежденій, однимъ словомъ, измѣнило оболочку, не тронувъ зерна. Для другихъ, суровое [2]), безпощадное лангобардское завоеваніе можетъ быть сопоставлено по своимъ послѣдствіямъ только съ завоеваніемъ Англосаксовъ: оно также привело къ полному паденію туземныхъ учрежденій и почти полному порабощенію туземнаго населенія. Третьи, наконецъ, отыскивали средніе термины между этими противоположными мнѣніями, стояли за личную свободу Римлянъ, хотя и признавали разрушеніе римскихъ учрежденій [3]). Возможность такихъ разногласій по частному вопросу вытекала изъ свойства самыхъ данныхъ, на которыхъ приходилось строить заключенія. Свидѣтельства, прямо говорящія о занятіи италіанскихъ областей Лангобардами, весьма немногочисленны и далеко не вполнѣ разъясняютъ именно важнѣйшіе факты: раздѣлъ земель и участь туземнаго населенія. Остается прибѣгать для дополненія къ свидѣтельствамъ о позднѣйшемъ состояніи страны и къ косвеннымъ выводамъ, а тутъ, конечно, особенно трудно добиться полнаго соглашенія. Такъ или иначе, намъ необходимо, хотя бы и съ оговорками, примкнуть къ одному изъ выставленныхъ въ наукѣ мнѣній. Обратимъ вниманіе на прямыя свидѣтельства и посмотримъ, какіе факты они ставятъ внѣ сомнѣнія, и какіе вопросы они оставляютъ открытыми. Прямыя свидѣтельства о завоеваніи и поселеніи ограничиваются слѣдующимъ:

Самыя раннія извѣстія о мѣрахъ общихъ относительно покорен-

---

[1]) Главнымъ представителемъ этого взгляда является *Савиньи*, Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, I, §§ 118—121. Въ Италіи его развивалъ особенно *Паньончелли*, Sull'antichissime origine e successione dei governi municipali nella città Italiane, Bergamo, 1823.

[2]) Уже *Маффеи*, Verona illustrata, 1732, высказываетъ это положеніе, которое затѣмъ поддерживали болѣе или менѣе рѣзко—*Маніори*, Discorso storico sopra alcuni punti della storia langobardica (Opere varie, Milano, 1845), *Лео*, Geschichte von Italien, I, кн. 2, гл. 1, § 3, *Тройя*, Della condizione dei Romani vinti da Langobardi, и *Гегель*, Geschichte der Städteverfassung von Italien, I, 3 гл.

[3]) *Baudi di Vesme* e *Fossati* Vicende della proprietà fondiaria in Italia, гл. 163 и сл., 177 и сл., *Gino Capponi* и *Pietro Capei* въ *Archivio storico italiano*, Appendice alla I Serie, vol. I и II, *Bethmann Hollweg*, Civilprocess, IV, § 59; *Schupfer*, Istituzioni politiche langobardiche, кн. I, главы 2, 3 и 4.

Digitized by Google

ныхъ Римлянъ относятся ко времени Клефа, а не Альбоина. Павелъ Діаконъ (II, 31) говоритъ, что Клефъ многихъ могущественныхъ Римлянъ казнилъ мечемъ, другихъ изгналъ изъ Италіи [1]). Марій Аванш-скій подъ 572 годомъ замѣчаетъ, что Клефъ убилъ много и знат-ныхъ и мелкихъ людей [2]).

При герцогахъ, захватившихъ власть послѣ убійства Клефа, мно-гіе знатные Римляне были убиты изъ корысти. „Reliqui vero per hos-pites divisi, ut tertiam partem suarum frugum Langobardis persolverent, tributarii efficiuntur“ [3]). Послѣ десяти лѣтъ господства герцоговъ, королевская власть была возстановлена, а поселеніе и земельныя отно-шенія подверглись новому измѣненію. „Ob restaurationem regni du-ces qui tunc erant omnem substantiarum suarum medietatem regalibus usibus tribuunt, ut esse possit, unde rex ipse sive qui ei adhaererent euisque obsequiis per diversa officia dediti alerentur. Populi tamen adgravati per Langobardos hospites partiuntur“ [4]). Кромѣ этихъ свѣ-дѣній относительно событій, пріуроченныхъ къ отдѣльнымъ эпохамъ, Павелъ Діаконъ сообщаетъ намъ вообще о способѣ поселенія, что варвары, пришедшіе въ союзѣ съ Альбоиномъ, селились въ Италіи не врозь, а цѣлыми селами, получившими свои названія сообразно различію племенъ [5]).

Ни въ одномъ изъ приведенныхъ мѣстъ не говорится о правиль-номъ раздѣлѣ земель въ родѣ бургундскаго или остготскаго, хотя въ двухъ упоминается о раздѣлѣ людей. Между тѣмъ, само собою разумѣется, что Лангобарды и при первоначальномъ завоеваніи Аль-боина и при послѣдующихъ забирали часть земель въ свои руки. Притомъ уже въ приведенныхъ мѣстахъ говорится объ имуществѣ герцоговъ и разумѣется, конечно, не одно движимое; говорится о селахъ, занятыхъ Свевами, Сарматами, Турингами, говорится, нако-нецъ, объ умерщвленіи знатныхъ Римлянъ изъ корыстныхъ видовъ.

[1]) Paul. Diac., II, 31: Hic multos Romanorum viros potentes, alios gladiis extinxit, alios ab Italia exturbavit.

[2]) Marius Aventicensis, Anno VII, Cons. Justini, Jun., Aug., Ind. VI, ap. Roncallium, II, col. 413: Hoc anno Dux Langobardorum, nomine Cleb, genti ipsius Rex ordinatus est; et plures seniores, et mediocres ab ipso interfecti sunt.

[3]) Paul. Diac., II, 32.

[4]) Paul. Diac. III, 16.

[5]) Paul. Diac. II, 26: Certum est autem, tunc Alboin multos secum ex diversis quas vel alii reges vel ipse ceperat, gentibus ad Italiam adduxisse. Unde usque hodie eorum in quibus habitant vicos Gepidos, Vulgares, Sarmatas, Pannonios, Sua-vos, Noricos sive aliis hujuscemodi nominibus appellamus.

Digitized by Google

Послѣднее обстоятельство указываетъ намъ на тотъ путь, которымъ обыкновенно пріобрѣтали земли завоеватели. Они вступали въ права убитыхъ или изгнанныхъ собственниковъ; при этомъ не требовалось никакихъ особенныхъ разграниченій между Римлянами и Германцами. На ряду съ этимъ занятіемъ очистившихся имѣній, если можно такъ выразиться, надо предположить и множество насильственныхъ захватовъ, совершенныхъ на счетъ собственниковъ не убитыхъ и не изгнанныхъ. Вѣроятно, большинство земель перешло въ руки Лангобардовъ именно вслѣдствіе такого рода неправильныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ захватовъ; по крайней мѣрѣ, нѣтъ извѣстій о правильномъ раздѣлѣ, и остается думать, что Лангобарды отыскали себѣ мѣста для жительства точно также, какъ Франки на галльской почвѣ [1]). Съ такого рода предположеніемъ лучше всего гармонируетъ фактъ, что союзные варвары заняли цѣлыя села и передали имъ свои имена, потому-что онъ показываетъ, что завоеватели при заселеніи сообразовались не съ распредѣленіемъ римскихъ имѣній и выданныхъ изъ нихъ по извѣстнымъ правиламъ участковъ, а съ независимыми отъ территоріальныхъ дѣленій кровными и племенными связями. Весьма вѣроятно, что родовыми кучками селились не одни Свевы и Сарматы, а также и Лангобарды, которымъ также невыгодно было разрозненность родовые союзы. Но, кромѣ уничтоженія собственниковъ и захвата отдѣльныхъ земель, завоеваніе вело къ своеобразному распредѣленію римскаго населенія между завоевателями, которое вліяло и на личное положеніе, и на имущественныя права побѣжденныхъ. Тѣ два мѣста, въ которыхъ говоритъ объ этомъ Павелъ Діаконъ (II, 32 и III, 16), подали поводъ къ безконечнымъ пререканіямъ.

Прежде всего необходимо отмѣтить несомнѣнную связь между этими двумя мѣстами, — дѣло идетъ объ одной и той же, или по крайней мѣрѣ, о весьма сходной въ обоихъ случаяхъ процедурѣ. Почти нѣтъ надобности настаивать на этомъ простомъ наблюденіи: стоитъ прочесть оба отрывка непосредственно другъ за другомъ, чтобы замѣтить, что второй является почти только сокращеніемъ перваго. Наблюденіе—повторяю—очень простое, а между тѣмъ оно необходимо, потому что сразу устраняетъ нѣсколько попытокъ измѣнить или односторонне перетолковать одинъ изъ отрывковъ внѣ зависи-

[1]) Относительно франкскаго поселенія см. *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, II, 55; *Roth*, Beneficialwesen, 81 и сл.

Digitized by Google

мости отъ другаго. Манцони [1]), напримѣръ, принимаетъ въ III, 16 „populi adgravati" не за подлежащее, а за родительный падежъ при hospites и переводитъ: хотя герцоги уступили половину своего имущества, тѣмъ не менѣе бѣдные люди притѣсненнаго народа были подѣлены между Лангобардами. Терминъ „hospites" переданъ во всякомъ случаѣ весьма неточно, но главная мысль Манцони — отнести его не къ завоевателямъ, а къ побѣжденнымъ — сама по себѣ могла быть допущена; сближеніе съ II, 32 показываетъ, однако, что Павелъ Діаконъ употребляетъ „hospites" именно въ первомъ смыслѣ. То же сближеніе дѣлаетъ невозможнымъ толкованіе Капеи, развитое впослѣдствіи Біанки и принятое Бауди ди Весли и Фоссати, толкованіе, которое видитъ во второмъ отрывкѣ по формѣ активную конструкцію, по содержанію — описаніе раздѣла земель, совершеннаго населеніемъ, чтобъ избавиться отъ вымогательствъ лангобардскихъ „hospites" [2]). Между тѣмъ, текстъ перваго отрывка съ своимъ рѣшающимъ „divisi" не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Павелъ Діаконъ употреблялъ „partiuntur", какъ пассивную форму, и имѣлъ въ виду раздѣлъ, объектомъ котораго были Римляне, а не раздѣлъ, произведенный Римлянами.

Падаетъ конъектура Тройи, основанная на чтеніи „patiuntur", замѣняющемъ въ одной рукописи „partiuntur". За послѣднее говоритъ не только свидѣтельство всѣхъ остальныхъ рукописей, не только трудность составить удовлетворительный переводъ мѣста при чтеніи „patiuntur", но и параллелизмъ отрывка II, 32. Сопоставленіе двухъ разбираемыхъ мѣстъ подрываетъ толкованіе Шупфера, который хочетъ доказать, что Римляне были приписаны къ лангобардскимъ чиновникамъ (гастальдамъ) и платили „повинность" (tributum) не частнымъ людямъ, а всему народу [4]). Для этого онъ по смыслу отдѣляетъ въ

[1]) Discorso, 256 и ел.

[2]) Dominazione dei Langobardi, 485: i popoli per altro (i tributari), aspergiati con avanie piu gravi (aggravati) dagli ospiti Langobardi, partirono, che e quanto dire, si videro costretti a partire o dividere le loro terre e pertinenze con quegli ospiti maledetti.

[3]) Condizione dei vinti Romani, § 288; ср. замѣчанія *Гецеля*, Städteverfassung. I, 354 и *Capei*, Dominazione, 482.

[4]) Istituzioni politiche, 74: Di tal maniera i vinti Romani, prima i possessori di terre, poi anche le plebi, sarebbero stati assoggettati ad alcuni capi langobardici come ad ospiti; forse ai gastaldi. Ne il tributo era altrimenti riscosso dai privati Langobardi, ma da questi ufficiali medesimi, e penso in pro della nazione: *Lan-*

Digitized by Google

первомъ отрывкѣ „hospites“ отъ „Langobardis“, хотя во второмъ отрывкѣ оба выраженія несомнѣнно сливаются (per Langobardos hospites). Противъ толкованія Шупфера говоритъ, притомъ, и то обстоятельство, что онъ принужденъ видѣть въ „hospites“ техническій терминъ для лангобардскихъ чиновниковъ, что совершенно не подтверждается употребленіемъ этого слова.

Чтобы покончить съ неправильными объясненіями отдѣльныхъ выраженій въ нашихъ отрывкахъ, укажу, въ заключеніе, на неправильный выводъ, который сдѣлалъ изъ формы настоящаго времени въ глаголѣ „partiuntur“ Гегель: Павелъ Діаконъ имѣлъ будто бы въ виду продолженіе дѣйствія первоначальнаго раздѣла [1]). Но другое настоящее время, попадающееся за двѣ строчки впереди, въ предѣлахъ того же описанія мѣръ, ознаменовавшихъ вступленіе на престолъ Аутари (regalibus usibus tribuunt), показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ простымъ praesens historicum, употребленнымъ нѣсколько разъ для оживленія описанія.

Устранивъ искусственныя толкованія, держащіяся только пока слово или фраза отрывается отъ контекста и изолируется отъ параллельныхъ мѣстъ, и принявъ за исходную точку объясненія тѣсную связь между двумя изслѣдуемыми выраженіями у Павла Діакона, мы можемъ значительно упростить задачу объясненія, ограничить предѣлы возможныхъ разногласій, но не устранить ихъ вполнѣ.

Несомнѣнно, вопервыхъ, что въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ не о случайныхъ захватахъ и не о мѣстныхъ мѣрахъ, а о правильной процедурѣ, касавшейся всего римскаго населенія, имѣвшаго земельную собственность. Правда, въ первомъ, болѣе подробномъ отрывкѣ, Павелъ Діаконъ говоритъ какъ будто только о знатныхъ людяхъ (nobiles), но упоминая объ остальныхъ, подвергшихся раздѣлу, онъ показываетъ, что имѣлъ въ виду опредѣленный классъ; такого рода высшій классъ съ опредѣленными и существенными признаками составляли какъ разъ землевладѣльцы, такъ какъ ихъ было и не особенно много, и они играли самую видную и отвѣтственную роль въ римскомъ обществѣ. Посредственно, раздѣлъ, направленный противъ землевладѣльцевъ, затрогивалъ и все остальное сельское населеніе, зависѣвшее отъ землевладѣльцевъ. О судьбѣ купцовъ и ремесленни-

---

gobardis, dice Paolo! per cui sparirebbe ogni argomento che i vinti fossero stati ridotti a condizione servile di ciascuno dei privati Langobardi.

[1]) Städteverfassung, I, 353.

Digitized by Google

ковъ, а вмѣстѣ движимаго имущества, Павелъ Діаконъ умалчиваетъ, и мы не знаемъ, касались ихъ сколько нибудь мѣропріятія герцоговъ и Аутари, или нѣтъ [1]).

Вовторыхъ, несомнѣнно, что въ раздѣлъ попадала не прямо собственность Римлянъ, а они сами. Таковъ общій смыслъ обоихъ отрывковъ, и съ этимъ отлично гармонируютъ отдѣльныя выраженія — „suarum frugum tributarii hospites". Послѣднее обозначаетъ не лицъ, получавшихъ часть чужаго имущества, а гостей, постояльцевъ, квартирующихъ солдатъ, наконецъ, варваровъ, которымъ предоставлено извѣстное мѣсто въ чужомъ хозяйствѣ, право на извѣстную часть доходовъ [2]).

Затѣмъ являются недоумѣнія и вопросы: если оба раза раздѣлъ совершался на одинаковыхъ основаніяхъ, если второе описаніе, по своей краткости, какъ бы указываетъ для разъясненія на первое, болѣе полное, то зачѣмъ вообще понадобился второй раздѣлъ? Онъ былъ вызванъ не введеніемъ въ дѣло новаго принципа, о которомъ не сказано ни слова, а фактическимъ пересмотромъ имущественныхъ правъ, однимъ изъ послѣдствій котораго было выдѣленіе королю половины герцогскихъ земель [3]). Какъ сложилось вслѣдствіе раздѣла личное положеніе Римлянъ и какъ велика была ихъ зависимость отъ Лангобардовъ? Именно на этотъ особенно важный вопросъ наши два лѣтописные отрывка не даютъ намъ вполнѣ яснаго отвѣта. На основаніи ихъ можно сказать только, что Римляне не были обращены въ рабство, потому-что тогда Лангобарды были бы названы не ихъ „hospites", а господами (domini), что, съ другой стороны, Римляне не сохранили полной свободы, потому что тогда лѣтописецъ не употребилъ бы относительно ихъ выраженія „tributarii efficiuntur". Между тѣмъ отъ опредѣленія характера зависимости зависитъ весьма многое: съ нимъ связано сужденіе о всемъ гражданскомъ положеніи завоеванныхъ, о судьбѣ ихъ права и учрежденій. За неясностью прямыхъ свидѣтельствъ, необходимо обратиться къ косвеннымъ и позднѣй-

---

[1]) Ср. *Capei*, 476.

[2]) *Schupfer*, 71: suarum frugum, ben intesa!

[3]) Ср. *Capei*, 479. Противуположность между предложеніемъ — «populi tamen adgravati per Langobardos hospites partiuntur» — и предыдущимъ, ясно выразившаяся въ союзѣ tamen, вытекаетъ, надо полагать, изъ слѣдующаго хода мысли: король получилъ собственность, достаточную для того, чтобы вознаграждать своихъ приверженцевъ. (Этого было бы достаточно для надѣленія Лангобардовъ). Тѣмъ не менѣе, обремененное повинностями населеніе и т. д.

Digitized by Google

шимъ. Вниманіе должно при этомъ естественно обратиться на два ряда фактовъ: на бытѣ зависимыхъ людей различнаго рода могли сохраниться слѣды происхожденія самаго класса; на битѣ Римлянъ, упоминаемыхъ въ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ, могли сохраниться слѣды ихъ зависимости.

Всѣ почти наслѣдователи признаютъ, что образованіе класса такъ-называемыхъ „tertiatores" въ Terra di Lavoro объясняется подчиненіемъ римскаго населенія этой промежуточной области между герцогствами Беневентомъ и Неаполемъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, къ нимъ примѣняются всѣ выраженія, которыя употреблены Павломъ Діакономъ по поводу раздѣла римскаго населенія. Уже самое слово „tertiator" [2]) совершенно соотвѣтствуетъ термину „tributarius qui tertiam partem suarum frugum persolvit". Равносильно съ нимъ употребляется названіе hospes [3]); у Павла Діакона имъ обозначены завоеватели, но оно всегда имѣло двойное значеніе, указывало и на гостя, и на хозяина, и на собственника, и на помѣщенныхъ у него солдатъ, потому что должно было выразить именно взаимность отношеній. Права лангобардскихъ и неаполитанскихъ владѣльцевъ, которымъ служилъ терціаторъ, основаны не на принципѣ частной собственности, а на правѣ всего герцогства Лангобардовъ (беневентскихъ, конечно), и всего войска или государства Неаполитанцевъ [4]). Самыя владѣнія называются

[1]) *Troya*, Condizione, § 27; *Hegel*, Städteverfassung, I, 404; *Schupfer*, Istituzioni politische, 76 и сл.; особенно *Blukme*, Das pactum de leburiis und die beneventanischen Tertiatoren, въ *Historische Zeitschrift*, XXIV (1870).

[2]) Договоръ Аригиза съ Неаполитанцами, §§ 11, 12. Договоръ Сикарди, §§ 4, 14.

[3]) Такъ они называются въ грамотахъ X вѣка: Archivii Neapolitani Monumenta, № 169 (979 г.), II, 254: A presenti die promtissima voluntate promictimus vobis domino iohanni venerabili ygumeno monasterii sanctorum sergii et baschi qui nunc congregatus es in monasterio sanctorum theodori et sebastiani qui appellatur casapicta situm in viridiario cujus hospites et serbis sumus partibus militie et partibus langobardorum. — — Promictimus vobis ut amodo et semper hac perpetuis temporibus nos et heredes nostris masculis fundatis et serbis vestris esse debeamus in tertia vestra de fundum ex ipso loco casaaurea. Ср. № 17 (932 г.), I, 62; № 37 (942 г.); I, 131; № 162 (975 г.); II, 239. Замѣчу, что ученые, занимавшіеся вопросомъ о терціаторахъ, почти не касались матеріала, представляемаго неаполитанскими грамотами. Только Блуме говоритъ о нихъ, но неточно, и какъ кажется, съ чужихъ словъ.

[4]) Pars langobardorum—pars neapolitanorum или pars militiae Arch. Neapol. Monum. № 93 (960 г.) II, 90, 91: fundora et mensurata campora nostra propria sunt et mihi pertinet a parti militie et langobardorum et ego una cum dominum

Digitized by Google

„третями“ совершенно такіе, какіе готскіе надѣлы, вышедшіе изъ завоеванія [1]). Не трудно также объяснить себѣ, почему именно въ этомъ уголкѣ Италіи особенно ясно сохранились слѣды порядковъ лангобардскаго завоеванія. Оно встрѣтилось тутъ съ силою Неаполитанскаго герцогства и не въ состояніи было вполнѣ справиться съ нею: при окончательной организаціи такъ-называемой Либуріи пришлось допустить въ часть Неаполитанцевъ и затѣмъ постоянно поддерживать сложившіяся отношенія съ помощью трактатовъ и международныхъ договоровъ. Присутствіе нѣсколькихъ заинтересованныхъ и договорное закрѣпленіе ихъ правъ должно было особенно содѣйствовать выясненію и поддержанію порядковъ, установившихся при завоеваніи.

Въ какомъ же положеніи находятся эти терціаторы, въ которыхъ мы въ правѣ предполагать остатки сословія римскихъ собственниковъ? Въ VIII вѣкѣ это не болѣе, какъ оброчные крестьяне—censiles homines [2]), massarii [3]), которые служатъ своимъ неаполитанскимъ лангобардскимъ господамъ [4]). Но что существенно важно, что отдѣляетъ ихъ вполнѣ отъ рабовъ, колоновъ и альдіевъ [5]) и особенно говоритъ въ пользу происхожденія именно отъ римскихъ собственниковъ,—они

---

lambertum germanum meum illos tenuimus et dominavimus pro parti militie et langubardorum: pars autem vestra dicebad ut non esset ita quod memorata fundora et memorata campora ex ipsa fundora pertinentes propria vestra siad set in memorata fundoras et in memorata campora avemus medietate pro parti nostre militie et nos et memorato domino campulo socero et genitori nostro illos dominavimus a parte militie et vos una cum gari langobardo illos dominastitis pro partibus langobardorum. Ср. I, 16, 36, 83, 89, 128; II, 2, 57, 265. Одинъ разъ употребляется выраженіе—«pars romanorum» (№ 166, II, 248). HBI.

[1]) Arch. Neap. Mon. № 36 (942 г.), I, 128: — — et de uno capite est terra nostra que nobis obvenit pro tertia a partibus langobardorum. Ср. № 169, II, 254.

[2]) Pactum Arigisi, 12.

[3]) Pactum Arigisi, 10: Quia istae terrae quas emptas habere dicitis, de illis hominibus fuerunt, qui censum reddiderunt in capua, et sic eos habuerunt comitatus capuanus, sicut alios massarios de liburias.

[4]) Pactum Sicardi, 14: De tertiatoribus vero hoc stetit, ut nulla nova eis a parte reipublicae imponantur, excepto antiqua consuetudine, hoc (*est*) responsaticum solum, et angaris et calcarias, simul et ad dominas suas angarias et pensiones secundum antiquam consuetudinem, nec non et exenium ad ducem, unum semel in annum, quod fuit prisca consuetudo; nam nulla alia nova imponatur a parte rei publicae ad eos qui se dividunt, nisi tantummodo responsaticum et angarias superscriptas.

[5]) Къ которымъ приравниваетъ ихъ *Блуме*, H. Z.

Digitized by Google

не прикрѣпощены къ участкамъ. Параграфъ 12-й договора Аригиза показываетъ, что терціаторы сохраняли свою личную свободу и могли, въ случаѣ притѣсненій, идти куда глаза глядятъ [1]). Конечно, фактически они были крѣпко связаны съ землей, которая давала имъ пропитаніе; едва ли они имѣли право уносить съ собою что-либо, а потому на практикѣ они принуждены были довольствоваться своимъ разъ сложившимся положеніемъ, но юридически они прикрѣпощены не были. Оттого и фактъ продажи терціаторовъ Ауремунда и Колоссы, о которомъ сохранила намъ свѣдѣніе грамата 703 года [2]), долженъ быть понятъ въ смыслѣ продажи не самихъ лицъ, а повинностей, лежащихъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока они сидятъ на извѣстномъ участкѣ.

Въ остальной Италіи названія и судьба зависимыхъ классовъ не изобличаютъ такъ ясно ихъ происхожденія отъ побѣжденнаго римскаго населенія. Лангобардское законодательство знаетъ два такіе класса—альдіевъ и такъ-называемыхъ „homines pertinentes“ [3]). Первые — полусвободные люди, соотвѣтствующіе франкскимъ литамъ и мало отличающіеся отъ рабовъ въ эдиктахъ Ротари и Ліутпранда. Мы видѣли, что прямые наслѣдники побѣжденныхъ Римлянъ въ Беневентѣ,—терціаторы, никакъ не подходятъ подъ эту категорію: немыслимо, чтобы въ остальной Италіи главная масса свободныхъ собственниковъ была обращена въ это близкое къ рабству состояніе. За то многое говоритъ въ пользу образованія изъ нея разряда людей лично свободныхъ, но зависящихъ по земельнымъ отношеніямъ. Этотъ разрядъ войдетъ однимъ изъ видовъ въ обширный родъ — „homines pertinentes“. Отношенія земельной зависимости, различныя формы аренды развиваются въ лангобардской Италіи, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, почти исключительно на римской основѣ, сообразно рим-

[1]) Si censiles homo de leburia patitur oppressiones a parte de neapolim, et voluerit exfundare se de ipso fundo, ponit post regiam domus suae ipsum fustem, sicut antiqua fuit consuetudo, et vadit ubi voluerit. Si autem pars de neapolim cum parte langobardorum potuerit revocare ipsum tertiatorem in ipsum fundum, et fundare illum ibi, potestatem habeant; et serviat ambobus partes sicut antea servivit. Et si aliunde voluerit ibi hominem fundare, potestatem habeant; et si hoc facere non potuerint, aut non voluerint, dividant inter se fundum et terris ipsius.

[2]) *Troya*, Codice diplomatico, № 616, V, 763.

[3]) Это выраженіе, встрѣчающееся иногда въ лангобардскихъ законахъ, соотвѣтствуетъ франкскому «qui per aliquem sperare videntur». Ср. Baudi d. Vesme e. Tossati, 172.

Digitized by Google

скимъ юридическимъ формамъ. Наконецъ, только предположеніе, что римскому элементу оставлена была, по крайней мѣрѣ, личная свобода, объясняетъ могущественное вліяніе, которое онъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше оказывалъ во всѣхъ сферахъ жизни. Сравненіе положенія Римлянъ въ лангобардской Италіи съ положеніемъ Бриттовъ въ Англіи [1]) никакъ не говоритъ въ пользу сходства обоихъ состояній: еслибы они были дѣйствительно сходны, то и результаты получились бы одинаковые, то-есть, Италія была бы вполнѣ германизирована, вліяніе первоначальнаго населенія прекратилось бы. Только удерживая извѣстную самостоятельность, Римляне могли, не смотря на суровость завоеванія, сохранить за своею страной существенно-романскій характеръ.

Обращаясь теперь ко второму ряду фактовъ, къ тѣмъ случаямъ, когда источники прямо упоминаютъ о Римлянахъ или замѣтно и намѣренно обходятъ ихъ, мы не найдемъ ничего, что̀ противорѣчило бы сдѣланному нами выводу.

Лѣтописцы, и въ частности Павелъ Діаконъ, говорятъ только о Лангобардахъ, и въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, потому что они изображаютъ дѣятельность государства и правящихъ слоевъ. Но любопытно, что въ законодательныхъ памятникахъ лангобардскаго королевства о Римлянахъ упоминается только въ видѣ исключенія [2]). Эдиктъ Ротари говоритъ просто о свободныхъ, полусвободныхъ людяхъ и рабахъ. Эдиктъ Ліутпранда употребляетъ часто выраженіе: „Si quis langobardus“. Затѣмъ, насчитывается нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ [3]), доказывающихъ, что въ Лангобардскомъ королевствѣ примѣнялось иногда римское право и существовали люди, жившіе по нему. Объясняли описанный фактъ двумя совершенно различными путями. Одни видѣли въ немъ свидѣтельство, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ побѣжденные просто были зачислены въ одно изъ лангобардскихъ сословій, именно въ сословіе альдіевъ и слились такимъ обра-

[1]) На него указываютъ *Лео* и *Гегель*. См. Städteverfassung, I, 341.

[2]) Отмѣчая этотъ общій фактъ, мы тѣмъ самымъ указываемъ и на частности. Поэтому, нѣтъ, мнѣ кажется, особенной необходимости настаивать на молчаніи эдиктовъ относительно виры Римлянъ (*Schupfer*, Istituzioni, 67). Притомъ, вира по лангобардскимъ законамъ вообще не была опредѣлена вполнѣ точно. Ср. *Troya*, Condizione dei vinti Romani, § 23. Она была установлена обычаями, которые не дошли до насъ.

[3]) Ed. Rotharis, § 194, Ed. Liutprandi, §§ 91, 127. Ahistulf § 4 сюда не относится, потому-что въ немъ дѣло идетъ о подданныхъ Византійской имперіи.

Digitized by Google

:омъ въ одну народную и государственную массу съ побѣдителями. Однако, общее правило допускало исключенія, и нѣкоторые привилегированные Римляне сохранили полную свободу и свой законъ [1]). Другіе утверждали, что эдикты Лангобардскихъ королей потому такъ рѣдко упоминаютъ о Римлянахъ, что не относились къ нимъ прямо: Римляне имѣли свое право и остались свободными [2]).

Второе объясненіе, если только его послѣдовательно проводить, предполагаетъ существованіе цѣлаго государства въ государствѣ, постоянную юридическую противоположность между большинствомъ населенія и завоевателями, самостоятельную судебную организацію, необходимую для примѣненія самостоятельнаго права, рядъ условій, о которыхъ нѣтъ и помину. За то первая гипотеза оставляетъ слишкомъ мало мѣста неоффиціальному вліянію римскихъ элементовъ. Мнѣ кажется, что побѣжденное населеніе дѣйствительно вошло въ составъ лангобардскаго государства и народа, но зачислено было въ различные слои его, а не исключительно въ сословіе альдіевъ. Римскіе рабы примкнули къ лангобардскимъ, хотя и не пріобрѣли ихъ полной цѣнности; римскіе колоны присоединились къ альдіямъ; свободные люди остались свободными, хотя и были подчинены Лангобардамъ въ имущественномъ отношеніи. Имущественная зависимость вообще влекла за собою, по германскимъ воззрѣніямъ, уменьшеніе свободы, но не уничтоженіе ея.

Что касается до римскаго права, то оно, будучи личнымъ правомъ римскаго населенія, должно было оказывать сильное вліяніе на юридическую жизнь при опредѣленіи отношеній, не предусмотрѣнныхъ варварскимъ законодательствомъ, при разрѣшеніи дѣлъ по добровольному соглашенію и третейскому посредничеству, наконецъ, какъ вспомогательное средство въ судахъ. Многочисленное населеніе римскаго происхожденія могло быть отличнымъ проводникомъ его вліянія.

Въ результатѣ всего сказаннаго, ходъ и послѣдствія лангобардскаго завоеванія представляются мнѣ приблизительно слѣдующимъ образомъ. При своемъ первомъ появленіи въ Италію, при Альбоинѣ

---

[1]) Главнымъ образомъ, *Тройя* и *Гегель*. По мнѣнію перваго, самостоятельность была предоставлена, въ видѣ исключенія, двумъ классамъ Римлянъ: тѣмъ, которые при завоеваніи сдались на извѣстныхъ условіяхъ (pattegiati) и эмигрантамъ изъ Романьи и Южной Италіи (guargangi см. Ed. Roth. § 367).

[2]) *Gino Capponi*, *Archivio Stor. It.* Appendice alla I Ser., I, 223, 225; *Pietro Capei*, op. c. 514, 523 и сл.

Digitized by Google

и Клефѣ, Лангобарды не принимали относительно побѣжденныхъ никакихъ общихъ мѣръ, а ограничивались разнаго рода частными насиліями, захватами и грабежомъ. Герцоги, закончившіе завоеваніе главной части Италіи, сдѣлали вмѣстѣ съ тѣмъ первую попытку ввести правильную постоянную организацію. Имѣя въ своемъ распоряженіи массу земель, перешедшихъ въ руки Лангобардовъ вслѣдствіе захвата, они не сочли нужнымъ отнимать у оставшагося римскаго населенія слишкомъ значительную часть имущества, а ограничились тѣмъ, что обложили римскихъ собственниковъ повинностью, равною трети дохода, въ пользу отдѣльныхъ Лангобардовъ. Поступая такимъ образомъ, они, вѣроятно, руководствовались традиціей о готѳскихъ третяхъ. При общемъ переустройствѣ и укрѣпленіи отношеній, ознаменовавшемъ воцареніе Аутари, раздѣлъ былъ возобновленъ и исправленъ въ подробностяхъ. Завязавшіяся между hospites—Римлянами и Лангобардами отношенія въ теченіе времени потеряли своеобразность и перелились, такъ сказать, въ формы родственныхъ гражданскихъ отношеній. Часто, надо полагать, Римлянинъ откупался у своего патрона землею или деньгами, чтобы избавиться отъ постояннаго личнаго подчиненія и отъ вмѣшательства въ свое хозяйство. Еще чаще, зависимость поддерживалась и ухудшалась, и Римлянинъ изъ собственника, обязаннаго вносить часть плодовъ, становился арендаторомъ земли, принадлежащей другому. Только въ маленькой области, лежащей между Беневентомъ и Неаполемъ, особыя историческія обстоятельства поддержали до VIII и IX вѣка своеобразныя имущественныя отношенія, вытекающія изъ завоеванія.

П. Виноградовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПОХИЩЕНІЕ ЧУЖОЙ ДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПО РУССКОМУ ПРАВУ [1]).

ГЛАВА V.

Законодательство XVIII и XIX вѣковъ.

§ 21. Законодательство наше съ начала прошлаго столѣтія имѣетъ весьма важную особенность, значительно облегчающую задачу изслѣдователя догмы права: юридическій составъ почти каждаго сколько-нибудь важнаго преступленія болѣе точно опредѣляется, а потому нѣтъ болѣе надобности для опредѣленія извѣстнаго вопроса по матеріальному праву обращаться къ процессуальнымъ формамъ. Развитіе русскаго законодательства въ разсматриваемый періодъ идетъ путемъ регламентовъ и отдѣльныхъ указовъ, которые не рѣдко не имѣютъ ничего общаго съ законодательствомъ Московскаго государства; на сколько въ послѣднемъ выразился консерватизмъ въ дѣлѣ сохраненія стародавнихъ началъ правовой жизни русскаго общества, на столько законодательство XVIII вѣка отличается реформаторскимъ характеромъ, а порою чисто теоретическимъ направленіемъ. Между законодательствомъ и судебнымъ обычаемъ часто было противорѣчіе и соглашеніе ихъ, по справедливому выраженію автора „Судеб. Инстанцій", было невозможно, ибо стояли они на разной почвѣ (Дмитріевъ, стр. 536). Полное подчасъ неуваженіе къ обычаямъ, преданіямъ и законамъ прошлаго, частыя перемѣны въ личномъ составѣ правительства, легкое и какое-то порывистое перенесеніе началъ иноземнаго права — все это представляетъ серьезное затрудненіе для характеристики общихъ началъ преступленія и наказанія въ законодательствѣ XVIII и XIX вѣковъ до Свода Законовъ; не въ этомъ-ли обстоятельствѣ слѣдуетъ искать причину того, что почти всѣ лучшія изслѣдованія

[1]) *Продолженіе.* См. январьскую книжку *Ж. М. Нар. Пр.* за текущій годъ

Digitized by Google

по исторіи уголовнаго права посвящены изученію до-Петровскаго законодательства (напримѣръ, изслѣдованія Калачева, Депа, Рейса, Богдановскаго, Чебышева-Дмитріева, Власьева, Линовскаго и др.)?

Разбои въ эпоху преобразованій нисколько не уменьшились, что вполнѣ понятно, если примемъ во вниманіе то, что условія общественной жизни на Руси того времени едва-ли измѣнились къ лучшему, что къ числу тѣхъ причинъ, которыя въ московскій періодъ русской исторіи гнали людей въ лѣса и на большія дороги, побуждали заявлять открытый протестъ противъ общества и законовъ общежитія, присоединился еще цѣлый рядъ новыхъ, корень которыхъ слѣдуетъ искать въ преобразованіяхъ, переживаемыхъ въ Россіи, въ той ломкѣ установившагося вѣками общественнаго порядка, которыя все болѣе и болѣе расширяли кругъ недовольныхъ и протестующихъ. Это главнымъ образомъ въ царствованіе Петра Великаго, а господство временщиковъ, усиленіе и развитіе крѣпостнаго права, продолжавшіяся злоупотребленія провинціальной администраціи, бездѣйствіе и слабость ея, подкупность суда, отсутствіе самопомощи и безучастіе населенія въ борьбѣ съ разбоемъ и т. д.—все это условія, вызывавшія и поддерживавшія разбои. Но главный источникъ послѣднихъ заключался, по вѣрному замѣчанію проф. А. В. Романовича-Славатинскаго, въ бродяжничествѣ: „бѣгали солдаты — отъ тяжелой воинской службы, рекруты — отъ рекрутчины, помѣщичьи крестьяне — отъ утѣсненій помѣщиковъ, ямщики — отъ обременительной ямской повинности. Изъ этихъ бродягъ составлялись шайки разбойниковъ, ватаги нищихъ, подъ видомъ которыхъ скрывались тѣ же разбойники и воры [1])". Указы о бѣглыхъ слѣдуетъ считать десятками въ Полномъ Собраніи Законовъ за прошлое столѣтіе [2]).

Исторія разбоевъ и борьбы правительства съ ними на столько любопытна и поучительна, что мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ и привести относящіеся сюда факты. Въ

[1]) Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра Великаго, *А. Р. Славатинскаго*, Кіевъ, 1859, см. стр. 108—117; въ этомъ, ставшемъ теперь библіографическою рѣдкостью, почтенномъ изслѣдованіи изложенъ весьма обстоятельный очеркъ мѣръ противъ бѣглыхъ и разбоевъ.

[2]) Приведу нѣкоторые изъ указовъ: 1728 г. № 5301, 5329, 5333, п. 47, 5441; 1729 г. № 6427; 1731 г. № 5774; 1733 г. № 6427; 1736 г. №№ 6951, 7017; 1738 г. №№ 7483, 7588, 7630; 1739 г. №№ 7743, 7845; 1741 г. №№ 8359, 8441; 1742 г. №№ 8577, 8589; 1744 г. №№ 8926, 9014; 1753 г. № 10139; 1754 г. № 10233; 1766 г. № 12605.

Digitized by Google

1707 году въ Угличѣ, Твери, Ярославлѣ и другихъ городахъ, читаемъ мы въ памятникѣ того времени, „воровскіе люди ходятъ многолюдствомъ, много селъ и деревень пожгли, много домовъ разорили"; противъ нихъ посылается стольникъ князь Мещерскій съ ратными людьми. Три года спустя разбойникъ Гавріило Старчекъ съ 60-ю товарищами разбиваетъ среди бѣла дня цѣлыя многолюдныя селенія, мучитъ крестьянъ, а сосѣдніе помѣщики и вотчинники всѣ повыѣхали въ Кострому, такъ что разбойники не встрѣтили ни малѣйшаго сопротивленія (Соловьевъ, Исторія, т. XVI стр. 16—17). Въ томъ же 1710 году бьютъ государю челомъ Клинскіе, Волоцкіе, Можайскіе и др. помѣщики о томъ, „что пріѣзжаютъ разбойники многолюдствомъ со всякимъ боевымъ оружіемъ" и грабятъ села днемъ и ночью (наказъ сыщику 1710 г., ноября 30, № 2310); противъ разбойничьихъ шаекъ отправляется полковникъ Козинъ съ командою. Въ Тверскомъ уѣздѣ воры и разбойники „ходятъ многолюдствомъ", вслѣдствіе чего всѣ денежные и хлѣбные сборы, а особенно рекрутскій наборъ остановились; въ 1717 году, со смертью князя Ромодановскаго, „обливавшагося кровью въ Преображенскомъ", разбои чрезвычайно усилились въ Москвѣ и фельдмаршалъ Шереметьевъ доноситъ въ Сенатъ, что „что Москва такъ состоитъ, какъ вертепъ разбойничь, все пусто, только воровъ множится и безпрестанно казнятъ" (Соловьевъ, ibid., стр. 274—275). Въ 1719 году въ Новгородскомъ, Мещовскомъ, а также въ Можайскомъ уѣздахъ появляются шайки разбойниковъ „по 100 и по 200 человѣкъ и больше верхами, вооруженною рукою, съ порядкомъ регулярнымъ". Шайки эти не только днемъ нападаютъ на села и деревни, но даже „въ самый городъ тотъ (Мещовскъ) безъ всякой обороны вступя, пойманныхъ прежде ихъ же ватаги воровъ по великой своей дерзости изъ тюрьмы выпустили" (указъ 1719 г., П. С. З., № 3415); въ томъ же году „во многихъ мѣстахъ явились воровскія, многолюдныя и вооруженныя станицы и вступаютъ въ бой съ войсками" (инструкція 1719 г., П. С. З., № 3477); „чрезъ многіе случаи явилось, что не токмо чинятся всякія разоренія и смертныя тиранскія и мучительныя убійства, но и святыя церкви въ ничто обращаются безстрашно наглымъ воровскимъ нападеніемъ" (П. С. З., № 3445).

По рѣкѣ Волгѣ и въ прилежавшихъ уѣздахъ „чинятся разбои" (указъ 1722, П. С. З., № 4056; указъ 1728, № 5290); въ 1735 году въ Щацкомъ уѣздѣ свирѣпствуетъ шайка въ 100 человѣкъ (Соловьевъ,

Digitized by Google

Исторія, т. XX, стр. 217—218), съ 1744 г. въ понизовыхъ городахъ, на Окѣ до Казани, „во многихъ мѣстахъ не малыя компаніи разбойниковъ умножились", шайки достигаютъ до 50 и болѣе человѣкъ, и одинъ изъ ѣхавшихъ въ Сибирь повстрѣчалъ на пути болѣе 50 судовъ, ограбленныхъ и разбитыхъ (П. С. З., №№ 9020, 9026); въ Суздальской провинціи и Юрьевцѣ-Подольскомъ, по донесенію въ сенатъ Шереметева и князя Хованскаго, „чинятся великіе разбои и воровство" (П. С. З., указъ 1744 г., № 9032) и смѣлость разбойниковъ доходитъ до того, что они открыто нападаютъ на города и расхищаютъ казну (случай въ Алатырѣ 1756 г., П. С. З. № 10612) или вступаютъ въ открытый бой съ войсками и не рѣдко наносятъ полное пораженіе воинскимъ командамъ; такъ извѣстенъ случай сраженія маіора Брашниова съ разбойничьею шайкой въ 80 ч., при чемъ первый потерялъ болѣе 30 ч. убитыми и ранеными и долженъ былъ просить подкрѣпленія (П. С. З. 1756 г., № 10571). Окрестности столицъ даже далеко не безопасны отъ разбоевъ; такъ, въ 1732 г. до свѣдѣнія императрицы дошло, что въ городахъ Московской губерніи происходятъ не малые разбои (П. С. З., № 6212), въ 1734—1735 годахъ около самой Москвы являются „многія разбойничьи команды" (П. С. З., №№ 6645, 6772), въ 1759 г. „по московской дорогѣ, да и въ близости отъ С.-Петербурга, чинятся явные разбои и грабежи", при чемъ разбойники вооружены тесаками и ружьями (П. С. З., № 10959, см. также № 11001). Въ царствованіе Екатерины II „разбойничество по прежнему является въ формѣ ушкуйничества по восточнымъ рѣкамъ, протекавшимъ по областямъ малолюднымъ"; разбойники производятъ опустошенія во многихъ мѣстахъ, нерѣдко вооруженные пушками, ружьями, тесаками, бердышами и рогатками (см. Соловьева, Исторія, т. XXVII, стр. 20 и слѣд.). Но, повидимому, къ концѣ прошлаго столѣтія разбои значительно уменьшаются, если судить о томъ по дошедшимъ до насъ указамъ того времени; во всякомъ случаѣ, отношеніе государства къ разбоямъ приняло болѣе спокойный характеръ, нѣтъ той лихорадочной дѣятельности въ сферѣ законодательства, которая рѣзко бросается въ глаза изслѣдователю разсматриваемаго явленія въ предшествующее время. Пугачевскій бунтъ, собственно говоря, въ общихъ чертахъ тотъ же разбой, но въ грандіозныхъ размѣрахъ; здѣсь та же открытая борьба изъ за корыстныхъ цѣлей противъ классовъ управляющихъ. Если вообще разбои слѣдуетъ разсматривать, какъ явленіе соціальное, причины коего лежатъ глубоко въ условіяхъ общественной жизни, то такіе разбои, какъ бунтъ

Digitized by Google

Стеньки Разина и Емельки Пугачева, окрашенные политическимъ оттѣнкомъ для тѣхъ же воровскихъ цѣлей, представляетъ собой страшный взрывъ народнаго неудовольствія, отчаянный протестъ долго сдерживавшей себя силы противъ существующаго общественнаго строя.

Но чѣмъ боролось правительство XVIII в. съ такимъ зломъ, какъ разбои, и какія мѣры оно принимало? Въ военное время Петра Великаго естественно было направить противъ разбойничьихъ шаекъ воинскую силу, мало того—вручить войскамъ судъ и расправу съ разбойниками. Мѣра энергичная и рѣшительная, какъ всѣ мѣры Петра; послѣ него она, съ нѣкоторыми колебаніями и ограниченіями продолжала практиковаться до 1762 года, когда законодательная политика по этому предмету измѣняется. Въ 1707 году издается указъ о посылкѣ солдатъ для поимки воровъ и разбойниковъ въ Москвѣ „по челобитью всякихъ чиновъ и людей“ (П. С. З., № 2169); въ 1711 году сенатъ, по выраженію котораго нѣсколько позднѣе „всеконечное истребленіе воровъ, разбойниковъ и становщиковъ“ постоянно озабочиваетъ высшее правительство (П. С. З., 1719 г., № 3415), посылаетъ противъ разбойниковъ поручика Дѣева съ драгунами съ предписаніемъ „ѣздить по дорогамъ непрестанно“, „всемѣрно стараться, чтобы конечно воровство и разбой искоренить“, а также вѣшать пойманныхъ на мѣстѣ преступленія (П. С. З. №№ 2373, 2403); полковые командиры обязываются оказывать немедленную помощь губернскому начальству въ сыскѣ воровъ и разбойниковъ (П. С. З., 1712 г., № 2573; 1719 г., № 3415; плакатъ 1724 г., № 4533, п. 11; см. также указы о посылкѣ военныхъ командъ 1724, № 4581; 1728, № 5290; 1729, № 5495; 1732, № 6212; 1759, № 10959 и мн. др.). Въ инструкціи полевыхъ и гарнизонныхъ командъ офицерамъ предписывается по приходѣ въ какую либо губернію или провинцію „накрѣпко стараться провѣдать, не кроются-ли гдѣ бѣглые драгуны, солдаты, матросы и рекруты, такожъ воры и разбойники“ и при поимкѣ ихъ „паче домогаться имъ воровъ и разбойниковъ живыхъ получать, а особливо воровскихъ атамановъ“. Тамъ же, гдѣ „воровскія станицы явятся гораздо многолюдны и не въ силу будутъ—офицеры обязаны брать въ помощь земскихъ людей съ огнеиными и студеными и всякимъ оружьемъ“ (п. 2); по окончаніи розыска „тѣмъ ворамъ и разбойникамъ и становщикамъ и прочимъ... чинить по Воинскому Артикулу, а вящихъ разбойниковъ... вѣшать за ребра, а иныхъ колесовать“ (инструкція 1719 г., 24-го декабря П. С. З., № 3477); впослѣдствіи военныя власти лишаются права са-

Digitized by Google

мостоятельнаго суда, получаютъ предписаніе, „переловя такихъ воровъ, отдавать къ розыскамъ губернаторамъ и воеводамъ“, но за ними оставляется впрочемъ право въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если будутъ замѣчены послабленія и вялость мѣстной власти, дѣйствовать самостоятельно и принимать участіе въ розыскахъ (П. С. З., указы 1728, № 5292; 1737 г., № 7812; сравн. указъ 1731, № 5774). Насколько правительство было озабочено борьбой съ разбойничьими шайками, доказываютъ между прочимъ слѣдующіе факты: оставшійся въ 1724 г. представителемъ правительствующаго сената въ Москвѣ графъ Матвѣевъ прежде всего доноситъ сенату о поимкѣ и казни разбойниковъ: „я при многотрудныхъ дѣлахъ здѣшнихъ и непрестанныхъ хлопотахъ обращаюсь, пишетъ графъ Матвѣевъ, дороги здѣшнія отъ воровъ и разбойниковъ неоплошно очищаю“. Въ 1722 году сенаторы спрашиваютъ московскаго вице-губернатора Воейкова: какія онъ мѣры принимаетъ для прекращенія разбоевъ около Москвы? Воейковъ отвѣчалъ, что у него для этого опредѣлены особые люди въ Можайскѣ и другія мѣста, а въ остальныя же мѣста послать некого: драгуны стары, дряхлы и лошадей не имѣютъ. По донесенію голландскаго резидента въ концѣ 1722 года, въ Петербургѣ въ одинъ день казнили 24 разбойника: вѣшали, колесовали, вѣшали за ребра (Соловьевъ, Исторія, т. XVIII, стр. 158, 183).

Вскорѣ дѣятельность прежнихъ сыщиковъ, а также губернаторовъ и воеводъ признается слабою; въ 1744 году сенатъ предписываетъ „для сыску искоренія тѣхъ злодѣевъ опредѣлить сыщиковъ добрыхъ“ изъ штабъ-офицеровъ съ командою (П. С. З., № 9020); относительно дѣйствій прежнихъ сыщиковъ наряжается слѣдствіе (П. С. З., №№ 9025, 9027). Вновь назначенные сыщики, по инструкціи, обязаны „не чиня экзекуціи“ присылать списокъ пойманныхъ и свое мнѣніе въ сенатъ (инструкція 1744, № 9026; 1751, № 9840); за мѣстною властью оставляется лишь право разсмотрѣнія гражданскихъ исковъ, „вытей“ (инструкція 1756, П. С. З., № 10650, п. 9, 13; сравн. указъ 1748 г., П. С. З., № 9504). Такимъ образомъ, судъ надъ разбойниками сосредоточивается въ высшемъ судебномъ и правительствующемъ учрежденіи, въ сенатѣ; но спустя нѣсколько лѣтъ обнаруживается серьезное неудобство въ установленномъ порядкѣ: сенатъ заваленъ дѣлами о пререканіяхъ и столкновеніяхъ между военною и гражданскою властью (П. С. З., 1747 г., № 9408; 1750, № 9807; 1752 г., № 10036). Дѣла о разбойникахъ нерѣдко передавались сенатомъ въ военную коллегію, въ которой мало по малу со-

Digitized by Google

средоточивается „дѣло искорененія воровъ и разбойниковъ; такъ въ 1752 г. Военная коллегія требуетъ, что бы помѣщики, крестьяне и др. лица „о всеконечномъ ворамъ и разбойникамъ пристаней.... всегдашнее смотрѣніе имѣли“ (П. С. З., № 10033). Съ 1756 года институтъ сыщиковъ получаетъ дальнѣйшую организацію: въ каждую губернію назначается сыщикъ, нѣсколько губернскихъ сыщиковъ состоятъ подъ общимъ начальствомъ главнаго сыщика (П. С. З., 1756 г., № 10650, сравн. 1760, № 11069); при этомъ сыщикамъ опять предоставляется право суда и наказанія пойманныхъ разбойниковъ, за исключеніемъ дворянъ и военно-служащихъ, но розыскъ и пытки сыщики „для своей лучшей предосторожности“ (П. С. З., № 9026, п. 13) обязаны были производить „вкупѣ съ тутошняго правленія комиссарами“, подобно тому какъ прежде губернаторы и воеводы должны были производить розыскъ „обще съ обрѣтающимися на вѣчныхъ квартирахъ офицерами“ (П. С. З., 1731, № 5774; 1732, № 6060). Безсиліе и этой мѣры въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣло обнаружиться спустя не больше года времени, когда у главныхъ сыщиковъ ощущается недостатокъ воинскихъ людей, команды ихъ терпятъ пораженія въ открытомъ боѣ съ разбойниками, а обыватели, земскіе люди оставляютъ войска въ критическія минуты (П. С. З., указъ 1761 г., № 11337). При этихъ обстоятельствахъ страннымъ представляется состоявшееся въ 1762 г. рѣшеніе правительства „отъ всѣхъ сыщиковъ воинскія команды отобрать“, искорененіе „того злодѣйства“ возложить на губернаторовъ и воеводъ (П. С. З., 1762 г., №№ 11552, 11634; 1764, № 12187) и „отнынѣ имъ главнымъ сыщикамъ и ихъ товарищамъ не быть“ (П. С. З., № 11575). Здѣсь мы видимъ новый и весьма рѣшительный поворотъ въ законодательной политикѣ; правительство отмѣняетъ исключительную подсудность нѣкоторыхъ особенно опасныхъ для общественнаго спокойствія уголовныхъ дѣлъ, передаетъ, между прочимъ, дѣло преслѣдованія разбойниковъ въ руки общегражданской, провинціальной власти, измѣняя такимъ образомъ тотъ порядокъ, который существовалъ на Руси еще со времени возникновенія губныхъ учрежденій въ половинѣ XVI в. По наказу 1764 г. губернаторамъ вмѣняется въ строгую обязанность принимать всевозможныя мѣры „къ истребленію таковыхъ отечеству и всему человѣческому роду вредныхъ злодѣевъ“ (П. С. З., № 12137, п. XVIII); по наказу столичнымъ губернаторамъ, „истреблять разбойничьи партіи.... есть существеннѣйшая должность губернатора“. (П. С. З., № 12306, п. XI). Но употребленіе военной силы и посылка

спеціальныхъ командъ для поимки разбойниковъ, разумѣется, не прекращается; такъ по указу сената въ 1769 г. въ Выборгскую канцелярію отправляются солдаты „для караульной службы и поимки воровъ и разбойниковъ"; въ 1797 г., для „прекращенія разъѣздовъ разбойничьихъ партій по рѣкѣ Волгѣ", правительство снаряжаетъ цѣлую флотилію, девять легкихъ гребныхъ военныхъ судовъ съ пушками и проч. боевымъ вооруженіемъ (П. С. З., № 18008) и т. д.

Изложенными мѣрами далеко не исчерпывается усиленная и энергическая дѣятельность правительства нашего въ прошломъ столѣтіи, направленная „къ всеконечному истребленію" разбойниковъ; въ числѣ другихъ мѣръ можно назвать слѣдующія: мѣстныя власти обязываются доставлять въ сенатъ въ извѣстные сроки „сказки за своими руками" о неимѣніи у нихъ воровъ, разбойниковъ и иныхъ подозрительныхъ людей, а также о мѣрахъ къ искорененію ихъ (П. С. З., 1719 г., № 3334; 1731, № 5774; 1744, № 9025; 1759, № 11001. 1762, № 11672; 1766, № 12681); для борьбы съ разбойниками въ пограничныхъ мѣстахъ учреждаются особые форпосты и разъѣзды (П. С. З., 1736, № 6991; 1745, № 9220: 1763, № 11894); казакамъ, на Царицынской линіи, обѣщается за поимку разбойниковъ, кромѣ жалованья, 3% вознагражденія съ суммы отнятыхъ вещей (П. С. З., 1738, № 7710); за охраненіе и конвоированіе проѣзжающихъ по большимъ дорогамъ каждый изъ драгуновъ получаетъ по 5 коп. въ день вознагражденія (П. С. З., 1735 г. № 6781); съ цѣлью предупрежденія разбоевъ въ лѣсистой мѣстности неоднократно предписывается вырубать лѣса на 30 саженъ по обѣимъ сторонамъ дороги „дабы ворамъ пристанища не было" (П. С. З., 1735 г., №№ 6772, 6822; 1744 г., № 9032; наказъ губерн. 1764 г., п. XVI); правительство устанавливаетъ особую таксу вознагражденія за поимку атамана, а также за указаніе пристанодержателей (П. С. З., 1719 г., № 3477, п. 4; 1732 г., № 5954), обѣщаетъ полное прощеніе или смягченіе наказанія тѣмъ, кто явится съ повинною (П. С. З., №№ 11750, п. 4.; 5954); для защиты рѣчныхъ судовъ отъ нападенія разбойничьихъ шаекъ, разъѣзжавшихъ по восточнымъ рѣкамъ и по Волгѣ, бурлаки и работники обязываются защищать судовладѣльцевъ (П. С. З., 1722 г., № 4056; 1751, № 9851); далѣе, всѣ вѣрноподданные призываются „о поимкахъ и о искорененіяхъ таковыхъ злодѣевъ крайнѣйшее и наиприлежнѣйшее всегда стараніе и попеченіе имѣть"; помѣщики и прикащики приглашаются „въ домахъ у каждаго крестьянина осматривать денно и нощно" (П. С. З., 1744 г., № 9025; сравн.

Digitized by Google

указъ 1774 г., № 14231), ловить и доносить о разбойникахъ подъ угрозою наказанія (П. С. З., 1752 г., № 1033; см. также указъ 1756 г., № 10650, п. 2; 1762 г., № 11575); устанавливаются весьма тяжелыя и несправедливыя правила о круговой порукѣ и о солидарной отвѣтственности мѣстныхъ обывателей за разбои (П. С. З., 1765 г., № 12455). Послѣднія мѣры правительства, очевидно, направлены были къ тому, чтобы вызвать самое общество къ энергическому отпору разбойникамъ, побудить его собственными силами озаботиться о своей безопасности; мѣры эти, странныя и несостоятельныя для нашего времени, тогда вызывались необходимостью: „больше всего крестьяне, говоритъ Соловьевъ со словъ Постникова, терпятъ отъ пожаровъ, вслѣдствіе тѣсноты жилищъ, и отъ разбойниковъ, вслѣдствіе неразвитости общественной жизни, непривычки къ общему дѣлу: въ иной деревнѣ десятка два или три и гораздо больше дворовъ, а разбойниковъ прійдетъ и небольшое число къ крестьянину, станутъ его мучить, огнемъ жечь, пожитки его на возы класть, сосѣди всѣ слышатъ и видятъ, но изъ дворовъ своихъ не выйдутъ и сосѣда отъ разбойниковъ не выручаютъ“ (Соловьевъ, Исторія, т. XVI, стр. 303). На сколько беззащитны были нѣкоторыя мѣстности доказываетъ слѣдующій фактъ: въ Алатырѣ всего 96 чел. солдатъ, „а годнаго ружья ни одного, и пороху и свинцу и шпагъ и амуничныхъ вещей не имѣется“ (П. С. З., 1756 г., № 10612). Въ ближайшее къ намъ время по дѣйствующимъ законамъ, земская полиція обязана наблюдать за безопасностью отъ воровъ и разбойниковъ и обращаться къ военной помощи „въ случаѣ появленія шаекъ“ (Высоч. утвержд. наказъ чинамъ и служителямъ земской полиціи 3-го іюня 1837 г., № 10306, п. 10; Сводъ Законовъ, т. XIV, ст. 499—513); въ числѣ обязанностей внутренней и постоянной лѣсной стражи находимъ мы „поимку воровъ и преслѣдованіе и истребленіе разбойниковъ“, а также разсѣяніе скопищъ разбойниковъ и т. д. (П. С. З., 1811 г., № 24704, §§ 15 и 17; 1816 г., № 26425, §§ 11, п. 2; 13, п. 2; 1832 г., № 5869, § 97).

Приведенный очеркъ борьбы правительства нашего въ XVIII в. съ разбойничьими шайками показываетъ, что въ ней исчерпаны были, кажется, всѣ полицейскія и карательныя мѣры. Несмотря на это, разбои не уменьшаются и само правительство неоднократно сознается въ безсиліи своемъ; такъ, напримѣръ, указъ 1719 года, перечисливъ въ исторической послѣдовательности всѣ принятыя противъ разбоевъ мѣры, говоритъ: „но однако и отъ того они разбойники и тати

Digitized by Google

не унялись, и чинятъ и до сего времени повсюду великія озлобленія людямъ.... ѣздя многолюдствомъ вооруженною рукой горше прежняго" (П. С. З., № 3334; 1731 г., № 5774); въ указѣ 1744 года читаемъ: „тѣ воровства и разбои.... до нынѣ не только не пресѣчены, но отъ времени до времени въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а особливо по рѣкамъ Волгѣ и Окѣ.... умножаются" (П. С. З., № 9025; наказъ 1764 г., № 12137). Задавшись цѣлью „искоренить разбойниковъ и воровъ" и настойчиво преслѣдуя эту цѣль—русское правительство какъ бы не подозрѣвало, что причины столь частыхъ и страшныхъ по своей смѣлости разбоевъ лежатъ глубоко въ самомъ обществѣ, что только измѣненіе этихъ причинъ могло повліять на уменьшеніе размѣровъ слѣдствія ихъ—разбоевъ, которые дѣйствительно стали уменьшаться къ началу настоящаго столѣтія силою самой жизни и прогрессивнаго развитія русскаго общества [1]).

---

[1]) Отчаянная и упорная борьба съ разбойничьими шайками не составляетъ исключительнаго явленія въ исторіи нашего русскаго законодательства; то же самое, даже нерѣдко въ тѣхъ же формахъ, видимъ мы въ средніе вѣка, напримѣръ, въ Англіи. Здѣсь вооруженное воровство было своего рода профессіей, передъ организаціей которой трепетали дворъ и общины. Грабежъ на большой дорогѣ разсматривался, какъ преступленіе противъ общества; самыя тяжелыя и при этомъ обильныя числомъ наказанія производили чрезвычайно слабое впечатлѣніе на смѣлыхъ и отважныхъ разбойниковъ, которые имѣли на своей сторонѣ всѣхъ, кому нечего было терять и кто имѣлъ увѣренность въ своей безнаказанности. Недостатокъ сообщенія служилъ препятствіемъ къ успѣшному преслѣдованію разбойниковъ, а обширные лѣса служили для нихъ удобнымъ театромъ дѣйствія и вѣрнымъ убѣжищемъ. Когда судебная власть готова была настигнуть—наиболѣе преступные изъ разбойниковъ получали предостерегательныя письма и знатные люди не стыдились оказывать протекцію этимъ людямъ грабежа и крови. Статуты Георга I тщетно старались уничтожить смѣлое разбойничество; Эдуардъ I также принимаетъ рядъ мѣръ, а при Эдуардѣ III — общины принуждены были просить, чтобы власти прекратили оказывать покровительство извѣстному числу воровъ, опустошавшихъ страну. Одинъ изъ статутовъ въ видахъ нестерпимаго болѣе положенія дѣлъ, устанавливаетъ общее возбужденіе и преслѣдованіе преступленія во всѣхъ случаяхъ объявленія о разбоѣ. Принимаются, между прочимъ, слѣдующія мѣры: ни одинъ иностранецъ, ни одно подозрительное лицо не можетъ жить въ предмѣстіи города; ворота должны быть заперты съ захода до восхода солнца; всякій хозяинъ отвѣчаетъ за своего жильца; большія дороги должны быть открыты, на нихъ не должно быть ни деревьевъ, ни лѣса на разстояніи 200 шаговъ по обѣ стороны дороги; всякій долженъ имѣть подъ руками оружіе и быть готовымъ по первому же сигналу шерифа къ преслѣдованію разбойниковъ. Но общины громко высказались противъ

Digitized by Google

§ 22. Съ введеніемъ въ дѣйствіе воинскихъ артикуловъ въ исторіи нашего законодательства устанавливаются понятія насильственнаго похищенія чужой собственности иноземнаго, общегерманскаго права. Воинскіе артикулы различаютъ грабежъ съ насиліемъ: когда „кто людей на пути и улицахъ вооруженною рукой нападетъ и оныхъ силою ограбитъ или побьетъ, поранитъ и умертвитъ и т. д." (ст. 185, 1-я полов.); и грабежъ безъ насилія: „ежели кто ворвется безъ оружія или войдетъ въ домъ безъ насильства" (ст. 185, 2-я полов.); въ первомъ случаѣ, виновный подвергался, наравнѣ съ тѣми, „которые при немъ были и помогали, колесованію", во второмъ — наказанію, „яко прочимъ ворамъ шпицрутенами". Обстоятельство совершенія преступленія въ церкви и у иныхъ святыхъ мѣстъ равно подвергало виновнаго колесованію, совершилъ-ли онъ преступленіе тайно (покрадетъ) или явно (что насильно отниметъ) (ст. 186). Грабежъ съ физическимъ насиліемъ и безъ него, болѣе тяжкій видъ насильственнаго похищенія имущества и менѣе тяжкій видъ этого понятія—впервые устанавливается воинскими артикулами въ исторіи нашего законодательства; это разграниченіе, какъ увидимъ ниже, легло въ основу позднѣйшаго и дѣйствующаго права. Но, кромѣ изложенныхъ случаевъ разсматриваемаго преступленія, воинскіе артикулы говорятъ еще о томъ, „кто внѣ обоза въ грабежѣ или воровствѣ пойманъ будетъ" (ст. 83), о томъ, чтобы „никто бы... грабить и насиловать, или что... силою отнимать... не долженъ ни подъ какимъ видомъ" (ст. 182); замѣтимъ, что изъ сравненія русскаго и нѣмецкаго текстовъ первой изъ двухъ послѣднихъ статей видно, что слово „воровство" обнимало собой „Raub und Diebstahl", а слово „грабежъ" означаетъ то, что у Нѣмцевъ называется „Plünderung", то-есть хищничество, грабительство, какъ выражаетъ памятникъ въ

этихъ правилъ, направленныхъ къ стѣсненію личной свободы гражданъ; онѣ готовы были лучше терпѣть отъ преступленій, чѣмъ поступиться легально частью дорогой для нихъ свободы. Въ Шотландіи и Ирландіи старались совмѣстить разбойничество съ религіозностью: разбойники молили Бога объ успѣхѣ ихъ предпріятій и эти христіане новаго рода, говоритъ иронически Тиссо, видѣли въ насиліи, грабежѣ и убійствѣ жертвы Богу! Этотъ святотатственный софизмъ достигъ высшей степени у поджигателей и убійцъ; по наслѣдству занятіе разбоемъ, какъ фамильное ремесло, переходило изъ рода въ родъ; жизнь, исполненная опасности въ разбоѣ, была ихъ потребностью. См. *Tissot*, Le droit pénal etc., t. II, pp. 109—112.

Digitized by Google

другомъ мѣстѣ (.....ибо можетъ отъ грабительства войско безъ прокормленія быть" (ст. 182).

Со времени воинскихъ артикуловъ проходитъ болѣе полувѣка и законодательство наше не знаетъ другаго общаго памятника, изъ котораго можно было бы почерпнуть матеріалъ для исторіи вопросовъ догмы собственно русскаго права; такъ продолжается до знаменитаго указа Екатерины II 8 апрѣля 1781 года „О судѣ и наказаніяхъ за воровство разныхъ родовъ" (П. С. З. № 15147), который составляетъ эпоху въ исторіи развитія корыстныхъ имущественныхъ преступленій и въ значительной степени опредѣляетъ дѣйствующее законодательство по этому отдѣлу права. Указъ 1781 года различаетъ три рода воровства: воровство-грабежъ, воровство-кражу и воровство-мошенничество; первый видъ преступленія опредѣляется такъ: „воровство-грабежъ есть, буде кто на сухомъ пути или на водѣ на кого нападетъ или остановитъ, страшая дѣйствіемъ, какъ-то: оружіемъ, или рукою, или инымъ чѣмъ, или словомъ, или кого уронитъ и нахально ограбитъ, или что отниметъ, или дастъ себя принудить, или воспользуется страхомъ отъ пожара, или потопа, или отъ инаго случая, или темнотою кого ограбитъ, или отниметъ у кого дьньги, или сниметъ съ кого платье, или съ повозокъ, или съ корабля пожитки, или товары, или иное движимое имѣніе". Предметъ преступнаго дѣйствія здѣсь ясно опредѣленъ—движимое имущество; цѣль—присвоеніе чужой собственности; способъ дѣйствія — моральное, посредствомъ угрозъ, или физическое насилія, но безъ нанесенія побоевъ, ранъ, увѣчій и т. д., подобно тому, какъ это мы видѣли въ грабежѣ безъ насильственныхъ дѣйствій въ ст. 185 Воинскихъ Артикуловъ. Изучая постановленія указа 1781 года въ связи съ другими предшествующими ему законодательными памятниками, трудно сказать, на сколько понятіе воровства-грабежа въ этомъ указѣ составляетъ продуктъ послѣдовательнаго и исторически-преемственнаго развитія уголовно-правовыхъ началъ національнаго русскаго права [1])

[1]) Существуетъ въ нашей литературѣ мнѣніе, что указъ 1871 года основанъ на началахъ чисто національнаго права, что при составленіи его законодатель имѣлъ подъ рукой значительный запасъ судебныхъ рѣшеній, что этотъ указъ, наконецъ, не представляетъ ломки стараго вмѣсто иноземнаго новаго; при чемъ между прочимъ указывается на то обстоятельство, что онъ вызванъ тѣмъ соображеніемъ, что въ законахъ того время «особливо же по дѣламъ уголовнымъ» встрѣчаются различные недостатки, неясности и неудобства. (И. Я. Фойницкій,

Digitized by Google

выдѣленіе въ особый случай признака насилія изъ понятія татьбы въ соборномъ уложеніи царя Алексѣя Михайловича, за тѣмъ раздѣленіе насильственнаго похищенія чужаго имущества на болѣе и менѣе тяжкіе виды въ Воинскихъ Артикулахъ, разумѣется, могли послужить нѣкоторымъ основаніемъ для того опредѣленія воровства-грабежа, которое даетъ указъ 1781 года, но въ другихъ указахъ прошлаго столѣтія едвали можно указать болѣе или менѣе опредѣленное понятіе грабежа, какъ преступленія sui generis; укажемъ на слѣдующіе извѣстные намъ случаи: 1) грабежъ употребляется въ смыслѣ дѣйствія самоуправнаго: „а ежели люди будутъ въѣзжать (въ лѣсъ для рубки дровъ) порознь меньше онаго (12 человѣкъ) числа,

---

Мошенничество по русскому праву, § 18, стр. 45—46). У современнаго историка-юриста нѣтъ подъ рукой матеріала судебной практики XVIII в., предшествующей изданію помянутаго указа, а потому трудно судить, что выработала судебная практика въ томъ или иномъ вопросѣ, и на сколько повліяла въ цѣломъ она на содержаніе указа 1781 года, но нѣкоторыя обстоятельства говорятъ противъ чисто національныхъ основъ этого указа; такъ, напримѣръ, цѣнновой масштабъ при установленіи наказуемости за воровство-кражу, а также рѣзкое уклоненіе нашего законодательства въ Уставѣ благочинія и послѣдующихъ памятникахъ отъ тѣхъ въ существѣ вѣрныхъ общихъ началъ относительно мошенничества, которыя указаны въ указѣ 1781 года, что едва ли могло быть, если бы послѣдній основанъ былъ на такомъ, вообще говоря, прочномъ фундаментѣ, какъ судебная практика того времени. (См. И. Я. Фойницкаго, § 20, стр. 50; § 31, стр. 84). Далѣе, въ подтвержденіе того, что въ указѣ 1781 года нельзя видѣть памятникъ, основанный на исключительно національныхъ началахъ отечественнаго права, укажемъ на то обстоятельство, что въ немъ измѣняется исконно-русское понятіе воровства; «*воровство*» всегда обнимало собой, кромѣ другихъ преступленій, татьбу или кражу и разбой, и никогда грабежъ въ томъ смыслѣ, какъ понимали это слово, не былъ «воровствомъ». Что слово «*воръ*» служило общимъ терминомъ для всѣхъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій до послѣдняго времени, на это указываетъ указъ 1746 г., по которому предписано клеймить татей, разбойниковъ и прочихъ уголовныхъ преступниковъ словомъ «*воръ*» (П. С. З., № 9293), и многія другія мѣста законодательства прошлаго столѣтія; даже переводчикъ Воинскихъ Артикуловъ удерживаетъ русское выраженіе «воровство», «Raub und Diebstahl» въ нѣмецкомъ текстѣ памятника. Исключая изъ понятія воровства преступленіе *разбой*, указъ 1781 рѣзко нарушаетъ установившуюся терминологію. Чѣмъ объяснить послѣднее обстоятельство? Почему разбой, преступленіе, всегда занимавшее мѣсто рядомъ съ татьбой и раздѣлявшее общую процессуальную судьбу съ этимъ преступленіемъ, исключается изъ группы корыстныхъ правонарушеній? Не потому-ли, что разбой XVIII в. имѣлъ свою исторію и стоялъ въ изолированномъ положеніи въ общемъ законодательствѣ? Къ этому мы вернемся нѣсколько ниже.

Digitized by Google

и отъ того будутъ чиниться имъ какія либо обиды и грабежи и т. д." (П. С. З., указъ 1719 г., № 3469; указъ 1752 г. № 10054); 2) далѣе, грабежъ означаетъ вообще насилія, притѣсненія; такъ, въ сенатскомъ указѣ воеводамъ дается инструкція относительно всѣхъ подчиненныхъ „вышнихъ и нижнихъ" „стараться, чтобы насилія и грабежа чинено не было, а воровства бы и преступленія были превращены" (П. С. З., 1720 г., № 3632); очевидно, относящійся къ этому случаю указъ не считаетъ грабежъ въ этомъ случаѣ воровствомъ, и вообще уголовнымъ преступленіемъ; 3) при взятіи раскольничьихъ учителей въ селеніяхъ Пензенской губ., указъ 1743 г., предписываетъ брать ихъ „безъ разоренія селъ и грабежа" (П. С. З., № 8845); 4) поступокъ поручика Ланскаго относительно Степанова, сопровождавшійся разграбленіемъ имущества послѣдняго, убійствомъ хозяина, лишеніемъ свободы жены его и истязаніями прислуги — называется въ указѣ грабежемъ, но здѣсь мотивомъ преступленія была тяжба между Ланскимъ и Степановымъ (П. С. З., 1748 г., № 9468); 5) въ указѣ 1749 года читаемъ, что въ Москвѣ посадскіе люди „не только ночью, но и днемъ проѣзжихъ бьютъ и грабятъ", а потому всѣмъ жителямъ вмѣняется въ строгую обязанность „тѣхъ озорниковъ (а не воровъ) ловить и до убійства и драки и грабежа не допущать" (П. С. З., № 9574); 6) во время сильнаго пожара въ С.-Петербургѣ въ 1736 г. матросы и солдаты, по выраженію памятника, „въ грабежъ и воровство пуще разбойниковъ ударились" (Соловьевъ, Исторія, т. XX, стр. 213); 7) „злодѣйское ругательское мертвому тѣлу грабительство" указъ 1739 года называетъ также грабежомъ и наказываетъ смертною казнію (П. С. З., № 7750); 8) въ нѣкоторыхъ случаяхъ грабежъ сливается съ понятіемъ вымогательства; такъ, въ манифестѣ Екатерины II—1762 г. читаемъ „а кто свыше (500 р.) изъ казны утратилъ, то съ него взыскать треть въ казну нашу, а взятки и грабежи возвратить обиженнымъ сполна" (П. С. З., № 11667, п. 4), или, по выраженію указа 1763 г., сборщики ясака грабятъ сибирскихъ инородцевъ, которые много терпятъ „отъ насильства, грабежа и утѣсненія сборщиковъ" (П. С. З., № 11749; см. также указъ 1695 г., № 1511); 9) наконецъ, выраженіе „грабежъ" нерѣдко употребляется для обозначенія внѣшняго дѣйствія разбойничьихъ шаекъ или смѣшивается „съ разбоемъ"; такъ „воры и разбойники собраніями чинятъ тамошнимъ обывателямъ грабежи и разбои" (П. С. З., 1712 г., № 2573; 1817 г., № 3154; 1719 г., № 3415 и др.), работни-

Digitized by Google

камъ и бурлакамъ по Волгѣ предписывается защищать торговыя и иныя суда отъ разбойничьихъ партій „не токмо до смертоубійства, но и до грабежа не допускать“ (П. С. З., 1722, № 4056; 1751, № 9851), бѣглые „чинятъ многіе разбои и грабежи и смертныя убійства“ (1731, № 5774; см. также 1735 г., № 6322); инструкція 1756 г. предписываетъ главнымъ сыщикамъ „не вступаться, кромѣ разбоевъ и грабежей, ни въ какія другія дѣла, подвѣдомственныя губернской власти“ (П. С. З., № 10650), въ 1759 году по московской дорогѣ „чинятся разбои и грабежи“, причемъ разбойники вооружены тесаками, револьверами и т. д. (П. С. З., № 10959; см. также указъ 1782 г., № 15455). Хотя въ послѣднихъ изъ приведенныхъ нами случаяхъ и говорится о разбоѣ и грабежѣ, но нѣтъ никакихъ основаній думать, что при этомъ имѣлись въ виду различные виды одного и того же понятія насильственнаго похищенія чужой собственности; если придавать подобное значеніе извѣстнымъ выраженіямъ, то мы и „грабительство“ должны были бы признать за самостоятельное юридическое понятіе; такъ, напр., въ указѣ 1745 г. участники въ разбойничьихъ партіяхъ называются „грабителями“ (П. С. З., № 9220), а въ указѣ 1751 г. читаемъ: „отъ воровъ и разбойниковъ чинятся многія грабительства и смертныя убійства“. (П. С. З., № 9851).

Возвращаясь къ указу 1781 года—всего вѣроятнѣе и ближе къ истинѣ будетъ предположить, что ближайшимъ основаніемъ для раздѣленія „воровства“ на три вида въ немъ послужило то положеніе Наказа Екатерины II, даннаго коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, по коему „воровство бываетъ съ насиліемъ и безъ насилія“ (Наказъ 1767 г., іюля 30, П. С. З., № 12949, гл. X, § 252); повидимому выраженіе „воровство“ употреблено здѣсь въ самомъ тѣсномъ значеніи его и указъ 1781 года проводитъ на основаніи этого общаго правила дѣленіе „воровства“ на воровство-грабежъ, т. е. съ насиліемъ, и на воровство-кражу и воровство-мошенничество, то-есть безъ насилія. Воровство-грабежъ занимаетъ въ указѣ 1781 года первое мѣсто и признается, очевидно, наиболѣе тяжкимъ преступленіемъ сравнительно съ другими видами воровства; въ этомъ слѣдуетъ видѣть большой шагъ впередъ въ смыслѣ уясненія природы насильственнаго похищенія чужаго имущества; относительно наказуемости воровства-грабежа названный указъ выражается весьма неопредѣленно: „буде кто учинитъ воровство-грабежъ, того имать подъ стражу и отослать къ суду, гдѣ поступать съ нимъ, какъ

Digitized by Google

законы (?) повелѣваютъ". Мы не знаемъ такихъ узаконеній, гдѣ бы устанавливалась наказуемость спеціально для грабежа, какъ преступленія sui generis, съ корыстною цѣлью присвоенія чужаго имущества. Какъ въ Соборномъ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, такъ и въ послѣдующихъ указахъ повсюду идетъ рѣчь о разбоѣ, а разбой и воровство-грабежъ, до очевидности, различныя юридическія понятія, въ чемъ насъ совершенно убѣждаетъ послѣдующее законодательство, основанное на указѣ 1781 года. Можно думать, что наказуемость воровства-грабежа на первыхъ порахъ была на столько же вопросомъ для людей того времени, какъ и для современнаго изслѣдователя; по крайней мѣрѣ на эту мысль наводитъ сенатское распоряженіе 1781 года, по которому предписывается во всѣхъ губерніяхъ построить „рабочіе дома для преступниковъ, обличенныхъ въ кражѣ, грабежѣ и мошенничествѣ" (П. С. З., указъ 1783 г., № 15657); между тѣмъ по указу 3 апрѣля 1781 года о воровствѣ, а также и по уставу благочинія 1782 г. (П. С. З., № 15379, ст. 227, ч. 2 и 3, ст. 260) заключенію въ рабочіе дома подвергались только виновные въ кражѣ и мошенничествѣ на сумму ниже 20 р. Впрочемъ, наказуемость воровства-грабежа нѣсколько выясняется изъ слѣдующихъ словъ указа 1799 года, „что бы отнынѣ каторжная казнь назначалась единственно за смертоубійство и воровство-грабежъ"; что касается наказанія учинившихъ воровство-кражу на сумму свыше 20 р., то оно значительно усиливается. Спустя три года, указъ этотъ отмѣняется, но только въ той части, которая относится къ воровству-кражѣ (П. С. З., 1799 г., № 19059; 1802 г., № 20263); такимъ образомъ, за воровство-грабежъ осталось въ силѣ наказаніе „каторжная казнь" и въ этомъ видѣ наказуемость разсматриваемаго преступнаго дѣйствія удерживается въ Сводѣ Законовъ. Въ заключеніе высказаннаго относительно указа 1781 года, отмѣтимъ еще одну особенность въ понятіи воровства-грабежа: внезапность дѣйствія, открытое и внезапно произведенное нападеніе исключается изъ этого понятія, составляя признакъ воровства-мошенничества.

Излагая исторію отечественнаго законодательства, нельзя пройти молчаніемъ „Проектъ уголовнаго уложенія Россійской имперіи" 1813 года; хотя памятникъ этотъ, основанный на проектѣ харьковскаго профессора Людвига Якоби, едва знакомаго съ русскимъ языкомъ, и не получилъ у насъ силы закона, тѣмъ не менѣе содержаніе его важно для историка-юриста, во первыхъ, тѣмъ что этотъ проектъ, по

Digitized by Google

справедливому замѣчанію И. Я. Фойницкаго, не остался безъ нѣкотораго вліянія на „историческій ростъ нашего законодательства“ (ibid., § 26, стр. 72), во вторыхъ—въ немъ, въ проектѣ 1813 года, мы видимъ попытку согласить теоретическія построенія нѣмецкаго ученаго съ дѣйствовавшими тогда постановленіями русскаго права, а потому нѣкоторыя части проекта могутъ значительно облегчить изученіе и ознакомленіе съ уголовными законами, имѣвшими силу и дѣйствіе въ началѣ настоящаго столѣтія. Относительно насильственнаго похищенія чужой собственности проектъ 1813 г., подобно Воинскимъ Артикуламъ, различаетъ болѣе тяжкіе случаи этого преступленія и менѣе тяжкіе; но здѣсь обрисовывается съ большею рельефностью то основное различіе между разбоемъ и грабежомъ, которое существуетъ въ дѣйствующемъ уложеніи о наказаніяхъ: признакъ, отличающій разбой, какъ нападеніе открытою силою, отъ грабежа, заключается по проекту 1813 года въ большей или меньшей опасности для лица, подвергшагося нападенію.

Постановленія о разбоѣ и грабежѣ помѣщены въ III отдѣленіи третьей части проекта „О наказаніяхъ за частныя преступленія“, составляя два вида одного и того же преступленія, названнаго въ проектѣ „похищеніемъ собственности“ въ отличіе отъ „воровства“, которое составляетъ предметъ слѣдующаго, IV отдѣленія. Грабежъ опредѣляется въ проектѣ 1813 года слѣдующимъ образомъ: грабежъ есть, когда кто на улицахъ, въ городахъ и селеніяхъ и при случайныхъ встрѣчахъ на дорогахъ, отнимаетъ у другаго находящіяся при немъ вещи, хотя бы съ тѣмъ не сопряжены были вышеупомянутыя (§ 515) опасныя обстоятельства (§ 520); наказывается грабежъ, какъ воровство съ насиліемъ (§ 521). Любопытно то, что, говоря о грабежѣ, составители проекта позабыли какъ бы объ указѣ 3-го апрѣля 1781 года и въ таблицѣ VII-й, въ рубрикѣ о наказаніяхъ за преступленія по дѣйствующимъ россійскимъ уголовнымъ законамъ, ссылаются на ст. 15 главы XXI Соборнаго Уложенія, какъ на постановленіе, соотвѣтствующее понятію грабежа въ проектѣ; при этомъ обнаруживается вся смутность и неопредѣленность понятій, существовавшихъ въ то время по вопросу о грабежѣ. „За грабежъ, читаемъ мы, такое же наказаніе, какое слѣдуетъ за воровство, по уложенію гл. 21, ст. 15.—Наказаніе, какое слѣдуетъ за разбой или воровство, на основаніи законовъ, приведенныхъ выше къ §§ 513—518 (то-есть о разбоѣ) и ниже сего въ отд. IV (то-есть о воровствѣ въ тѣсномъ и современномъ смыслѣ этого слова“). Такимъ образомъ, ока-

Digitized by Google

зывается, что грабежъ въ началѣ настоящаго столѣтія, по представленіямъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи проекта 1813 года, относительно наказуемости находился въ одинаковыхъ условіяхъ какъ съ воровствомъ, такъ и съ разбоемъ; въ такомъ случаѣ, гдѣ же различіе между этими преступленіями, если они одинаково наказывались? существовало-ли оно въ сознаніи того времени или нѣтъ? Къ изложенному укажемъ на то обстоятельство, что авторъ историческаго изслѣдованія „Россійское уголовное право", изданнаго въ 1826 году, то-есть до изданія Свода Законовъ, также не различаетъ разбоя отъ грабежа: „кто учинитъ, говоритъ Гуляевъ, неоднократный разбой и грабежъ, тотъ... и... по доказательству и признанію казнится смертію"; затѣмъ въ главѣ „О разбоѣ и грабежѣ" вовсе не упоминается болѣе о грабежѣ, за исключеніемъ одного только частнаго случая покушенія офицера на грабежъ, взято изъ Полеваго Уголовнаго Уложенія 1812 года, §§ 72 и 73. (Гуляевъ, §§ 225—234, § 235, стр. 125—129).

Изложеннымъ закончимъ очеркъ историческаго развитія понятія грабежа; изъ того, что сказано въ настоящей главѣ, видно, что только въ началѣ прошлаго столѣтія въ нашемъ законодательствѣ устанавливается путемъ рецепціи различіе между болѣе тяжкимъ и менѣе тяжкимъ видомъ насильственнаго похищенія чужой собственности, что въ указѣ 3-го апрѣля 1781 года „грабежъ" впервые получаетъ довольно опредѣленное значеніе, какъ особый видъ похищенія чужаго имущества съ цѣлью присвоенія, хотя и нельзя утверждать, что таковое значеніе грабежа твердо установилось въ юридическомъ сознаніи законодателей (напримѣръ, въ проектѣ 1813 г.), въ литературѣ (Гуляевъ), а потому и въ судебной практикѣ до изданія Свода Законовъ.

§ 23. При изученіи законодательства XVIII в. по вопросу о насильственномъ похищеніи чужой собственности изслѣдователь не можетъ не обратить вниманія на слѣдующее явленіе: терминъ „разбой" не встрѣчается ни въ воинскихъ артикулахъ, ни въ указѣ 1781 года, и исторія этого преступленія въ разсматриваемый періодъ имѣетъ совершенно самостоятельный характеръ, то-есть мѣры относительно разбоя чрезвычайны, исключительны, а потому не вошли въ болѣе или менѣе общіе законодательные памятники. Естественно является вопросъ: почему „разбой" обратилъ особенное вниманіе правительства? не представляетъ ли преступленіе это такія особенности, которыя заставляли выдѣлять его, какъ преступное дѣйствіе, изъ общаго законо-

Digitized by Google

дательства? Думаемъ, что указанное явленіе объясняется тѣмъ, что разбой не былъ только преступленіемъ противъ частныхъ лицъ, подобно убійству, кражѣ, нанесенію ранъ и увѣчій и т. д., а составлялъ общеопасное преступное дѣйствіе, гдѣ враждебныя обществу единичныя силы получали крѣпкую организацію, гдѣ средствомъ дѣйствія были грабежъ, всевозможные виды насилія, убійства и поджоги, гдѣ преступленіе возведено было въ систему и служило постояннымъ занятіемъ для людей извѣстнаго сорта; короче сказать, подъ разбоемъ законодательство XVIII в., подобно тому какъ это мы видѣли въ предшествующую эпоху, понимало преимущественно совершеніе преступленія въ шайкѣ. Изъ нѣсколькихъ десятковъ указовъ того времени, относящихся къ разбою, едва-ли можно указать хотя бы одинъ указъ, въ которомъ не говорилось бы о разбойническихъ шайкахъ, ов атагахъ; помимо содержанія этихъ указовъ, самый характеръ мѣръ, принимавшихся противъ разбоя, указываетъ, что правительство прошлаго столѣтія боролось съ чѣмъ-то организованнымъ, сильнымъ численностью, отвагою и смѣлостью, (см. выше, § 21 настоящей главы).

Законодательство Екатерины II совершенно выдѣлило разбой изъ группы корыстныхъ имущественныхъ преступленій; такъ, въ указѣ 3-го апрѣля 1781 года, какъ было сказано выше, вовсе не упоминается о разбоѣ, и это преступленіе какъ бы исключается изъ понятія воровства; въ уставѣ купеческаго водоходства 25-го іюня того же года различается „насильство-разбой“ отъ „воровства-грабежа“ (П. С. З., № 15176, п. 43); въ уставѣ благочинія 1782 года разбой наравнѣ съ убійствомъ, ранами, увѣчіемъ и т. д. отнесенъ къ числу личныхъ преступленій въ то время, какъ воровство всѣхъ трехъ родовъ отнесено къ числу „уголовныхъ преступленій противъ имѣнія“ (П. С. З., № 15379, ст. 225, 267 п. 3; 227 и 269); въ жалованныхъ грамотахъ 1785 года наблюдается то же явленіе, разбой отдѣляется отъ „воровства всякаго рода“ (П. С. З., № 16187, ст. 6; № 16188, ст. 86); наконецъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, по указу 5-го іюля 1811 года о раздѣленіи всѣхъ преступленій на три степени, разбой отнесенъ къ преступленіямъ первой степени на ряду съ смертоубійствомъ, возмущеніемъ и др., а кража свыше 100 р., неоднократное воровство (слѣд. и грабежъ?), пристанодержательство—къ преступленіямъ второй степени. (П. С. З., № 24707).

При отсутствіи достаточно ясныхъ и опредѣленныхъ указаній въ законодательствѣ, предшествовавшемъ Своду Законовъ, относительно

Digitized by Google

признаковъ, которыми различаются разбой отъ грабежа, можно ограничиться только общимъ замѣчаніемъ, что подъ разбоемъ разумѣли болѣе тяжкіе случаи открытаго нападенія на чужую собственность, большею частью въ видѣ организованныхъ шаекъ, а въ грабежѣ видѣли болѣе легкіе случаи нападенія на имущество другаго лица съ цѣлью ограбленія. Впервые мы встрѣчаемъ въ нашемъ законодательствѣ попытку выяснить взаимное соотношеніе между разбоемъ и грабежемъ—это въ проектѣ уголовнаго уложенія 1813 года; разбой и грабежъ, по совершенно вѣрному взгляду составителей проекта, составляютъ два вида одного и того же преступленія: похищенія собственности (III отд., 3-й части проекта). „Разбой есть, говоритъ проектъ Уголовнаго Уложенія, когда нападеніе для похищенія имущества другаго произведено открытою силою и съ явною опасностью для самого лица“ (§ 513); установленное за разбой наказаніе увеличивается: 1) когда нанесены раны и увѣчья или другія насилія при разбоѣ; 2) когда употреблены опасныя или смертоносныя орудія; 3) если разбой учиненъ не въ первый разъ; 4) буде разбойники напали на церковь или другія священныя мѣста, на государственную казну, или на почту или открывали гробы для грабежа; 5) буде они, удалясь отъ обыкновенныхъ жилищъ своихъ, составили скопъ для разбойничества; 6) ежели разбой произведенъ при бунтѣ, или съ зажигательствомъ, при кораблекрушеніи, моровой язвѣ и при подобныхъ тому обстоятельствахъ (§ 515). Изъ сдѣланныхъ нами выписокъ видно, что признакъ разбоя—употребленіе открытой силы и явная опасность для лица; ни того, ни другаго условія не можетъ быть при грабежѣ (§ 520). Далѣе—физическое насиліе, то-есть раны, увѣчье, побои, а также соединеніе въ шайки не составляютъ необходимые и существенные признаки; эти обстоятельства могутъ быть, могутъ и не быть при разбоѣ. Опредѣленіе понятія разбоя въ проектѣ тѣмъ для насъ важно, что, будучи заимствовано изъ нѣмецкихъ кодексовъ, оно замѣтнымъ образомъ послужило основаніемъ для того опредѣленія разбоя, которое даетъ Сводъ Законовъ и дѣйствующее право.

Остается сказать нѣсколько словъ о наказуемости разбоя въ прошломъ столѣтіи; за разбой, не сопровождавшійся убійствомъ, виновные подвергались ссылкѣ въ вѣчную каторгу по вырѣзаніи ноздрей (П. С. З., 1703 г., № 1924; 1705 г., № 1026; 2718 г., № 3154; 1721 г., № 3847; 1754 г., № 10306); но если при этомъ было убійство или раз-

Digitized by Google

бой совершенъ въ третій разъ, то виновные наказывались смертью [1]). Здѣсь слѣдуетъ указать на ту особенность, унаслѣдованную отъ законодательства Московскаго періода, по которой для понятія рецидива требуется совершеніе преступленія въ третій разъ только. Въ нѣкоторыхъ указахъ разбой наказывается по воинскимъ артикуламъ (ст. 185) смертною казнію чрезъ колесованіе, а „вящіе разбойники" вѣшались за ребра и тѣла ихъ колесовали (П. С. З., 1719 г., № 3477). Всякое соучастіе особенно строго наказывается: вообще прикосновенность къ разбою, укрывательство и даже недонесеніе наказывается наравнѣ съ главными виновниками (П. С. З., 1718 г., № 3154; 1719 г., №№ 3334, 3445; 1731 г., № 5774; 1744 г., № 9025; проектъ 1813 г., § 518). Впрочемъ, съ половины прошлаго столѣтія наказуемость соучастія, за исключеніемъ пристанодержателей, значительно смягчается, что отчасти объясняется тѣмъ, что борьба съ разбоемъ принимаетъ съ этого времени менѣе острый характеръ (П. С. З., 1759 г., № 11001; 1761 г., № 11337). Взглядъ законодательства на пристанодержателей выражается замѣчаніемъ, что они, то-есть пристанодержатели, „вреднѣе самыхъ злѣйшихъ разбойниковъ"; всякій преступникъ, даже самъ разбойникъ, за объявленіе о пристанодержателяхъ и становщикахъ получаетъ 50 р. вознагражденія, а если онъ не совершилъ убійства или поджога, то получаетъ полное прощеніе (П. С. З., 1763 г.. № 11750, п. 4); по указу 13 сентября 1797 года пристанодержатели признаются самыми тяжкими преступниками наравнѣ „съ смертоубійцами, такожъ произносителями дерзкихъ словъ противу Императорскаго Величества, равно возмутителями народа" (П. С. З., № 18140).

§ 24. Прежде, чѣмъ покончить съ законодательствомъ прошлаго столѣтія по нашему предмету и перейти къ Своду Законовъ 1832 г. и Уложенію о наказаніяхъ 1845 года, позволю себѣ нѣсколько остановиться на памятникѣ недавно изданномъ, вовсе неизслѣдованномъ, но тѣмъ не менѣе весьма важномъ. Сборникъ законовъ, подъ заглавіемъ „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ", изданный проф. А. Ѳ. Кистяковскимъ въ прошедшемъ году, заключаетъ въ

[1]) Установившаяся, было, наказуемость за рецидивъ въ разбоѣ рѣзко нарушается указомъ 1703 года, по которому разбой, сопровождавшійся убійствомъ, наказывается смертною казнью, но когда виновный «въ распросѣ и съ пытокъ винится въ 2, 3, 5, 6 и 10 разбояхъ и больше, а убійства на тѣхъ разбоевъ не учинили», то смертью не казнились, а по наказаніи кнутомъ и клейменіи на щекѣ отправлялись на вѣчную каторгу, на Азовъ. (П. С. З., № 1924).

Digitized by Google

себѣ собраніе въ одно систематичное цѣлое узаконеній, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи въ половинѣ XVIII столѣтія; выходъ этого Сборника правъ едва обратилъ на себя вниманіе въ нашей литературѣ, но это нисколько не умаляетъ огромнаго историческаго значенія этого изданія [1]). Для предмета настоящаго изслѣдованія „Сводъ правъ" имѣетъ то значеніе, что въ немъ находимъ мы новое, наиболѣе ясное и полное подтвержденіе тѣхъ выводовъ, къ которымъ привело меня изученіе исторіи права какъ Московской, такъ и Литовской Руси.

Названный памятникъ является передъ нами во всеоружіи уголовныхъ кодексовъ XVIII столѣтія; достаточно изучить систему наказаній, чтобы судить, на сколько Сводъ правъ далеко ушелъ отъ Литовскаго статута въ смыслѣ развитія кровавыхъ и тяжкихъ казней. Суровость и жестокость казней чрезвычайно усилена. Литовскій статутъ послѣдней редакціи зналъ всего три случая четвертованія, а Сводъ—10 (см. стр. 22, 23, 92—93, 568, 574, 575, 577, 695 и 723;

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно изданнаго Сборника правъ, по которымъ судился Малороссійскій народъ, взятыя изъ статьи издателя его, *А. Ѳ. Кистяковскаго*: «Историческій очеркъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи» (стр. 1—114): поводомъ къ изданію Высочайшаго повелѣнія въ 1728 г. о сведеніи правъ, по которымъ судится Малороссійскій народъ, въ одинъ сводъ послужили: а) разнообразіе законовъ и противорѣчіе однихъ другимъ; и б) неправосудіе судящихъ. Въ указѣ 1734 года подтверждается предшествующій указъ; предписано было перевести права, по которымъ судится Малороссійскій народъ, на великорусскій языкъ и потомъ свесть ихъ въ одно цѣлое. Порученное особой комиссіи, это дѣло было окончено только спустя 15 лѣтъ, а именно въ 1743 году; 27 іюня 1744 года генералъ-лейтенантъ Бибиковъ, стоявшій тогда во главѣ управленія Малороссіи, представилъ этотъ сводъ въ Правительствующій Сенатъ. Былъ ли этотъ памятникъ кодификаціонной работы малороссійскихъ законовѣдовъ разсмотрѣнъ въ Сенатѣ или нѣтъ — объ этомъ не имѣется свѣдѣній. Въ 1756 г., спустя двенадцать лѣтъ, сводъ по именному указу возвращается гетману Разумовскому для исправленія и измѣненій; спустя два года для выполненія Высочайшаго повелѣнія созвана была генеральная старшина въ Глуховъ. Съ этого времени прекращаются оффиціальныя свѣдѣнія относительно свода. Въ послѣдующей законодательной дѣятельности неоднократно возбуждается вопросъ о составленіи систематическаго свода для Малороссіи, но о сводѣ правъ, о которомъ идетъ рѣчь, вовсе не упоминается.

На археологическомъ съѣздѣ, въ 1874 году, въ Кіевѣ, въ числѣ другихъ выставленныхъ рукописей, проф. А. Ѳ. Кистяковскій замѣтилъ рукопись «Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ и т. д.» и издалъ этотъ интересный историческій памятникъ.

Digitized by Google

728), Литовскій статутъ зналъ всего одинъ случай сожженія, а Сводъ правъ — 5 (стр. 12, 15, 17, 21 и 695), Литовскій статутъ не зналъ залитія горла растопленнымъ свинцомъ (стр. 42), четвертованія соединеннаго съ колесованіемъ, не зналъ смертной казни за многія преступленія, которыя подлежали этому высшему наказанію въ Сводѣ правъ. Нерѣдко тамъ, гдѣ виновный по Литовскому статуту подвергался краткосрочному тюремному заключенію — по Своду правъ онъ наказывался смертною казнею чрезъ повѣшеніе и т. д. Литовскій статутъ, напримѣръ, рѣдко опредѣляетъ родъ смертной казни; не то мы видимъ въ Сводѣ правъ, который систематизируетъ наказанія и отличается опредѣленностью въ этомъ отношеніи. Но, какъ кодексъ уголовныхъ законовъ, Сводъ правъ представляетъ значительный шагъ въ смыслѣ развитія правовыхъ понятій; наказуемость преступленія основывается болѣе на природѣ извѣстнаго правонарушенія, чѣмъ на условіяхъ, сопровождавшихъ открытіе и преслѣдованіе преступленій. Процессъ получаетъ самостоятельное существованіе и выдѣляется изъ матеріальнаго права.

Изъ того, что постановленія о разбоѣ помѣщены въ главѣ двадцатой „о кгвалтахъ или насиліяхъ, о нападеніи, о убійствѣ, побои, увѣчьѣ, ранахъ, разбои и безчестіи, о казни“ и т. д. видно, что разбой принадлежитъ къ числу преступленій противъ личности. Для состава преступленія разбоя необходима наличность цѣли ограбленія, а потому случаи разбоя различаются отъ „драки подорожной“ (гл. XX, Арт. 19, п. 1, стр. 591). Далѣе — разсматриваемый памятникъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что понятіе разбоя по Литовскому статуту нельзя ограничивать, какъ указано было выше (§ 13), обстоятельствомъ ограбленія на пути (см. гл. IX, Арт. 19, п. 1 и 2; Арт. 20, п. 1 и 3). Въ числѣ особенностей, отличающихъ постановленія о разбоѣ разсматриваемаго памятника отъ таковыхъ въ статутѣ, слѣдуетъ указать на отсутствіе сословнаго элемента въ классификаціи видовъ разбоя; слово „дворянинъ“ замѣняется нерѣдко выраженіемъ „какого нибудь званія человѣкъ“ (арт. 20, п. 1 и 2), судебныя доказательства не видоизмѣняются болѣе, смотря по тому, къ какому сословію принадлежитъ виновный или пострадавшій. Подобно Литовскому статуту Сводъ правъ различаетъ разбой съ поличнымъ и безъ поличнаго, но различіе это исключительно процессуальнаго характера (гл. XX, Арт. 20, п. 1 и 2; Арт. 21, п. 1 и 2). Разбой принадлежитъ къ числу такъ назыв. „криминалнихъ“ дѣлъ (гл. IX, Арт. 3, п. 1; Арт. 44, п. 1;

Digitized by Google

гл. XX, Арт. 4, п. 8) и наказывается или смертною казнію или тѣлесно (гл. XX, Арт. 20, п. 1, 3; Арт. 19, п. 2); если при разбоѣ совершено убійство, то виновный подвергается смертной казни „за голову же платежъ по званію убитаго" (Арт. 21, п. 3).

Изученіе постановленій Свода правъ, по которымъ судился Малороссійскій народъ, относящихся къ „грабежу", приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что этотъ памятникъ, основанный главнымъ образомъ на Литовскомъ статутѣ, не зналъ понятія грабежа, какъ преступнаго дѣйствія съ корыстною цѣлью присвоенія чужаго имущества. Въ этомъ убѣждаютъ насъ слѣдующія обстоятельства: 1) о грабежѣ вовсе не упоминается въ случаяхъ перечисленія болѣе или менѣе важныхъ преступленій (см. гл. X, арт. 3, п. 1; гл. XX, стр. 565; гл. XXI, арт. 4, п. 8); 2) грабежъ въ общей системѣ недозволенныхъ и наказуемыхъ дѣйствій занимаетъ мѣсто среди дѣлъ поземельныхъ и обязательственныхъ, а также о личныхъ обидахъ, поручительства, найма, самоуправства и др. дѣлъ (гл. VI, арт. 1, п. 1, стр. 76; арт. 21, п. 1, стр. 122); 3) спеціально относящаяся къ грабежу глава двадцать вторая „о грабежахъ, разныхъ шкодахъ и за то о награжденіяхъ" говоритъ во всѣхъ артикулахъ и пунктахъ о дѣйствіяхъ самоуправнаго захвата чужаго скота и о поврежденіяхъ чужаго имущества безъ всякихъ признаковъ злоумышленности и вообще тѣхъ особенностей, которыми отличается всякое другое корыстное преступленіе, какъ-то разбой, кража, мошенничество и др.; выше (§ 14) мы подробно говорили по поводу содержанія того раздѣла Литовскаго статута, который содержитъ постановленія о грабежахъ и навязкахъ, а потому не станемъ останавливаться на соотвѣтствующей этому раздѣлу главѣ Свода правъ, такъ какъ въ ней сохранены почти безъ измѣненія относящіяся къ грабежу постановленія Литовскаго статута (Права, по которымъ судилъ Малороссійскій народъ, стр. 229, 668 — 674). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Сводъ правъ употребляетъ выраженія „арестовать, грабить", „арестъ или грабежъ", какъ синонимы (гл. XXII, арт. 4, п. 3); 4) грабежъ въ Сводѣ правъ, подобно тому какъ это мы видѣли въ Литовскомъ статутѣ, наказывается незначительнымъ денежнымъ штрафомъ и если мы сравнимъ наказуемость простаго грабежа, въ значеніи Свода правъ, съ наказаніемъ, установленнымъ за грабежъ церковной утвари, за который виновный подвергается смертной казни чрезъ четвертованіе, то становится совершенно очевиднымъ, на сколько велико разстояніе между простымъ грабежемъ, какъ дѣйствіемъ самоуправнымъ, и гра-

Digitized by Google

бежемъ, какъ дѣйствіемъ злоумышленнымъ и квалифицированнымъ; замѣтимъ, что грабежъ церковной утвари помѣщенъ въ той же главѣ, въ которой находятся постановленія о разбоѣ (гл. XX, арт. 2, п. 2, стр. 568).

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что законодательство западной Руси знало только одинъ видъ насильственнаго похищенія чужаго имущества съ корыстною цѣлью, а именно—разбой; грабежъ же былъ общимъ выраженіемъ для всякаго рода насильственныхъ дѣйствій относительно извѣстнаго имущества. Явное, внезапное похищеніе вещи составляетъ по Своду правъ признакъ мошенничества; въ этомъ сходятся памятники нашего законодательства, какъ западной, такъ и восточной Руси. Въ одномъ изъ артикуловъ читаемъ: „воровъ, мошенниковъ, которые въ день крадутъ разныя вещи и явно похищая убѣгаютъ, за первымъ пойманіемъ на такомъ воровствѣ бить у столба розгами или плетми“ и т. д. (гл. XXIV, арт. 8, п. 1, стр. 714); постановленіе это, неизвѣстное Литовскому статуту, взято составителями Свода правъ изъ Саксонскаго Зерцала и другихъ памятниковъ.

§ 25. Въ Сводѣ Законовъ 1832 года постановленія о разбоѣ занимаютъ первую главу раздѣла десятаго „О наказаніяхъ за преступленія противъ правъ на имущества“, а воровство-грабежъ третье отдѣленіе третьей главы того же раздѣла. Согласно опредѣленію Свода, „разбой есть нападеніе на какое либо мѣсто, жилище, на деревню, дворъ или какое либо зданіе, для похищенія имущества, произведенное открытою силою и съ явною опасностью для самого лица, насиліемъ угрожаемаго (ст. 679)“. Виновные въ разбоѣ подлежатъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторжную работу (ст. 680); наказаніе усиливается: a) когда разбой сопровождался смертоубійствомъ или зажигательствомъ; b) когда разбой совершенъ не въ первый разъ; c) когда разбой учиненъ въ церкви; и d) когда нападеніе разбоемъ учинено на почту (ст. 681). Далѣе слѣдуютъ постановленія о соучастникахъ въ разбоѣ, пристанодержателяхъ и становщикахъ, а также о порядкѣ удовлетворенія потерпѣвшихъ отъ разбоя (ст. 682, 683 и 684). Что касается грабежа, то опредѣленіе его цѣликомъ, безъ всякаго измѣненія, взято изъ указа 1781 года, а потому мы не станемъ повторять вышеизложенное (ст. 726). За воровство-грабежъ виновный подлежалъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію кнутомъ и каторжной работѣ (ст. 727).

Если мы сравнимъ приведенное опредѣленіе разбоя, которое впер-

Digitized by Google

вые встрѣчается въ нашемъ законодательствѣ, съ тѣмъ, которое даетъ проектъ уголовнаго уложенія 1813 года (§ 513), то едва ли можетъ быть сомнѣніе въ тождественности этихъ опредѣленій; выше было замѣчено, что постановленія о разбоѣ въ проектѣ заимствованы изъ нѣмецкихъ кодексовъ, а потому въ редакціи опредѣленія разбоя Свода Законовъ нельзя не признать иноземнаго происхожденія. Цѣль преступнаго дѣйствія здѣсь — похищеніе имущества; способъ дѣйствія — нападеніе открытою силою и при томъ съ явною опасностью для лица, „насиліемъ угрожаемаго“; таково обобщенное понятіе разбоя, понятіе, въ которое укладывается все разнообразіе случаевъ нападенія на собственность съ опасностью для лица. Нѣсколько ниже, подобно тому какъ это видимъ мы въ проектѣ 1813 года и во всѣхъ нѣмецкихъ кодексахъ настоящаго столѣтія, перечисляются обстоятельства увеличивающія виновность лица, уличеннаго въ разбоѣ (сравн. проектъ, § 515 и Сводъ Законовъ, ст. 681).

Нѣкоторыя обстоятельства указываютъ на то, что различіе между разбоемъ и воровство-грабежемъ въ эпоху Свода Законовъ оставалось невыясненнымъ; такъ, изъ буквальнаго смысла постановленія о разбоѣ и грабежѣ Свода Законовъ видно, что наиболѣе характерный признакъ разбоя заключается въ „явной опасности для лица, насиліемъ угрожаемаго“, но Сельскій Полицейскій и Судебный уставы 1839 года иначе понимаютъ этотъ вопросъ и опредѣляютъ воровство-грабежъ, съ ссылкой на ст. 726 Свода Законовъ, какъ „насильное отнятіе чего либо у другаго съ опасностью для его жизни“ (П. С. З., № 12166, примѣч. къ ст. 220; № 12165, ст. 70); не лишнее будетъ замѣтить при этомъ, что подобное опредѣленіе воровства-грабежа, явно противорѣчащее Своду Законовъ, допущено въ законодательномъ памятникѣ, въ которомъ, по выраженію объяснительной записки къ проекту уложенія о наказаніяхъ 1845 года, „многое объяснено и дополнено въ нашихъ уголовныхъ законахъ“ (Проектъ, изд. 1871 г., стр. XXI). Неясность и неопредѣленность для редакторовъ Свода Законовъ разграниченія разбоя и грабежа выясняется также изъ того, что, говоря о наказуемости разбоя (ст. 780), они сослались на указъ 31 іюля 1799 года, который говоритъ о воровствѣ-грабежѣ въ значеніи указа 3 апрѣля 1781 года и послужилъ ниже, въ отдѣленіи о воровствѣ-грабежѣ, основаніемъ для наказуемости послѣдняго преступленія (ст. 727).

Вообще, въ постановленіяхъ Свода Законовъ напрасно было бы искать ясныхъ и достаточно опредѣленныхъ юридическихъ понятій

Digitized by Google

въ силу общихъ особенностей этого памятника; въ Сводѣ видимъ мы скорѣе формальное нанизываніе всѣхъ вышедшихъ до изданія его узаконеній по извѣстнымъ случаямъ, чѣмъ правильно понятое и продуманное историческое содержаніе. Но въ частности, въ постановленіяхъ Свода Законовъ относительно разбоя и грабежа лежитъ въ существѣ вѣрная мысль, есть сравнительная простота и опредѣленность понятій, чего не достаетъ дѣйствующему законодательству. Сводъ Законовъ различаетъ болѣе тяжкіе случаи насильственнаго похищенія чужой собственности и менѣе тяжкіе; къ разбою въ Сводѣ отнесены всѣ болѣе серьезныя, связанныя съ опасностью для частныхъ лицъ и общества, нападенія на собственность; такъ, подъ понятіе разбоя прежде всего подходятъ случаи ограбленія въ шайкѣ, и этимъ объясняется при другомъ заключеніи весьма странное обстоятельство, что въ числѣ причинъ, квалифицировавшихъ разбой по Своду Законовъ, не указано соединеніе въ шайки, тѣмъ болѣе, что всѣ почти постановленія Свода Законовъ о разбоѣ основаны на указахъ, спеціально относившихся къ разбойничьимъ шайкамъ. Затѣмъ, всякое нападеніе на имущество другаго, производимое не въ шайкѣ, не при участіи многихъ лицъ, наконецъ — безъ наличности тѣхъ усиливающихъ наказаніе обстоятельствъ, о которыхъ говоритъ ст. 681 Свода Законовъ — подходитъ подъ понятіе воровства-грабежа; относящаяся къ послѣднему преступленію статья Свода, очевидно, имѣетъ въ виду лишь случаи простаго ограбленія, не связаннаго съ серьезными насильственными дѣйствіями и поврежденіями въ здоровьѣ, не представляющаго опасности для жизни лица. Здѣсь слѣдуетъ видѣть тотъ простѣйшій видъ насильственнаго похищенія чужой собственности, который встрѣчается едва-ли не въ каждомъ уголовномъ кодексѣ, такъ какъ выдѣленіе подобныхъ легкихъ случаевъ похищенія имущества весьма понятно и вытекаетъ изъ природы разсматриваемаго преступленія, способъ дѣйствія котораго допускаетъ крайнее разнообразіе средствъ, начиная отъ толчка или явнаго взятія вещи въ присутствіи хозяина ея или другаго лица, и кончая тяжкими увѣчьями и смертью.

§ 26. Редакторы уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г. отнеслись чрезвычайно критически и, по моему мнѣнію, не совсѣмъ справедливо къ постановленіямъ Свода Законовъ относительно насильственнаго похищенія чужаго имущества. Начнемъ съ того, что принятое Сводомъ опредѣленіе разбоя признано „не дающимъ полнаго понятія о семъ преступленіи и несогласнымъ съ тѣмъ,

Digitized by Google

которое оному присвоено общимъ мнѣніемъ и употребленіемъ сего слова". „Въ нашемъ проектѣ, читаемъ дальше въ примѣчаніи редакторовъ къ ст. 2067 проекта, мы старались означить свойство сего преступленія точнѣе и въ особенности сообразнѣе съ общими о немъ понятіями. Согласно съ оными, разбоемъ должно почитать нападеніе на кого-либо открытою силою, для похищенія принадлежащаго ему или находящагося у него имущества". Здѣсь очевидное противорѣчіе: опредѣленіе разбоя въ Сводѣ признается не согласнымъ „съ общими о семъ преступленіи понятіями" и въ то же время — предложенное опредѣленіе представляетъ почти буквальное повтореніе того, что сказано въ ст. 679 Свода изд. 1832 года; все различіе въ опредѣленіяхъ разбоя въ настоящемъ случаѣ заключается въ томъ, что въ примѣчаніи проекта разбой характеризуется нападеніемъ на лицо, „на кого либо", а въ сводѣ законовъ нападеніемъ на имущество. Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ редакторовъ уложенія 1845 г., что опредѣленіе разбоя въ Сводѣ не выражаетъ „той главной характеристической черты сего злодѣянія, что въ ономъ нападеніе и насиліе всегда больше или меньше соединены съ опасностью для лица, на которое сдѣлано сіе нападеніе, а потому почти совсѣмъ не отличается отъ помѣщеннаго въ ст. 841 (Св. Зак., изд. 1842 г.) опредѣленія воровства грабежа"; замѣчаніе несправедливое, такъ какъ признакъ опасности для лица, подвергнувшагося нападенію, ясно и категорически указанъ въ слѣдующихъ словахъ ст. 679 Свода Законовъ: „разбой есть нападеніе.... произведенное открытою силою и съ явною опасностью для самого лица, насиліемъ угрожаемаго".

Ошибочный взглядъ редакторовъ Уложенія на постановленія Свода Законовъ относительно разбоя и грабежа имѣлъ послѣдствіемъ полное измѣненіе этихъ постановленій. Похищеніе чужаго имущества въ уложеніи, смотря по видамъ сего преступленія и сопровождавшимъ оное обстоятельствамъ, признается разбоемъ, грабежемъ, воровствомъ-кражею или воровствомъ-мошенничествомъ (ст. 2128); такимъ образомъ—разбой и грабежъ, подобно кражѣ и мошенничеству, признаются закономъ двумя различными видами похищенія чужаго имущества и составляютъ содержаніе двухъ различныхъ отдѣленій. Разбоемъ признается всякое на кого-либо, для похищенія принадлежащаго ему или находящагося у него имущества, нападеніе, когда оное учинено открытою силою съ оружіемъ, или хотя безъ оружія, но сопровождалось или убійствомъ или покушеніемъ на оное, или же нанесеніемъ

Digitized by Google

увѣчья, ранъ, побоевъ или другихъ тѣлесныхъ истязаній, или такого рода угрозами или иными дѣйствіями, отъ которыхъ представлялась явная опасность для жизни, здравія, или свободы лица или лицъ подвергавшихся (?) нападенію (ст. 2129); затѣмъ различается: 1) разбой въ церкви (ст. 2130); 2) разбой съ нападеніемъ на домъ или иное обитаемое зданіе, или цѣлое селеніе (ст. 2131); 3) разбой на улицѣ города или на большой дорогѣ (см. 2132); 4) разбой въ уединенномъ мѣстѣ (ст. 2133); 5) разбой, совершенный при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ (ст. 2134); 6) разбой, совершенный въ шайкѣ (ст. 2135); 7) разбой, соединенный съ убійствомъ (ст. 2136), и 8) повтореніе разбоя (ст. 2137). Грабежемъ признается: вопервыхъ, всякое у кого-либо отнятіе принадлежащаго ему или находящагося у него имущества, съ насиліемъ и даже съ угрозами, но такого рода, что сіи угрозы и самое насильственное дѣйствіе не представляли опасности ни для жизни, ни для здравія, или свободы того лица; вовторыхъ, всякое, хотя и безъ угрозъ и насилія, но открытое похищеніе какого-либо имущества, въ присутствіи самого хозяина или другихъ людей (ст. 2136); здѣсь указываются два вида грабежа, изъ которыхъ первый видъ представляетъ измѣненную редакцію ст. 726 Свода Законовъ, а второй видъ—понятіе новое и неизвѣстное Своду, образовавшееся вслѣдствіе выдѣленія изъ состава мошенничества признака внезапнаго и открытаго похищенія чужаго имущества (см. И. Я. Фойницкій, ibid. § 30 стр. 82; 1 ч.); затѣмъ уложеніе различаетъ: 1) грабежъ въ церкви (см. 2140); 2) грабежъ въ шайкѣ (ст. 2141), 3)—во время пожара, наводненія или при какомъ-либо иномъ несчастномъ случаѣ (ст. 2142); 4) вооруженный грабежъ (ст. 2143); 5) грабежъ съ насиліемъ и угрозами (ст. 2144); и 6) грабежъ безъ изложенныхъ обстоятельствъ (ст. 2145). Все это постановленія совершенно новыя, не существовавшія въ Сводѣ Законовъ; такимъ образомъ изъ 7 статей, относящихся къ грабежу, въ уложеніи всего двѣ статьи (2139 и 2140) имѣютъ сотвѣтствующія постановленія въ Сводѣ Законовъ.

Сравнивая въ общихъ чертахъ постановленія о разбоѣ и грабежѣ въ Сводѣ Законовъ и въ Уложеніи 1845 г., нельзя не замѣтить слѣдующую особенность: общія и краткія опредѣленія Свода замѣнены частными и весьма подробными опредѣленіями Уложенія, а число относящихся къ разбою и грабежу статей увеличилось съ 8 до 17 [1]).

[1]) Для сравненія укажу на число статей о грабежѣ въ иностранныхъ кодексахъ: Вюртембергск. 3 (§§ 311, 312 и 313); Прусск. 4 (§§ 230, 231, 232 и 233),

Digitized by Google

Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ основаніемъ своимъ постановленія Свода, но не мало есть статей совершенно новыхъ и заимствованныхъ изъ иностраннаго законодательства (см. примѣч. къ ст. 2078 проекта). Такъ какъ постановленія Уложенія 1845 года о разбоѣ и грабежѣ вошли цѣликомъ въ дѣйствующее Уложеніе изд. 1866 г., то здѣсь, въ исторической части настоящаго изслѣдованія, я ограничусь общимъ замѣчаніемъ, что постановленія эти въ Уложеніи 1845 года мало выиграли въ ясности и опредѣленности сравнительно съ Сводомъ Законовъ. Редакторы Уложенія, желая обнять въ своихъ опредѣленіяхъ все разнообразіе случаевъ дѣйствительной жизни по разсматриваемому вопросу, стремились къ достиженію невозможнаго, такъ какъ никакая самая подробная регламентація не можетъ замѣнить общевыраженное опредѣленіе, которое всегда можетъ удовлетворить требованіямъ судебной практики и поддержать силу и авторитетъ закона, устраняя изъ области примѣненія и толкованія его всякую казуистику и натяжки, неизбѣжныя тамъ, гдѣ много сказано. Вмѣсто того, чтобы соединить находящіяся въ отдѣльныхъ частяхъ Свода Законовъ постановленія о разбоѣ и грабежѣ въ одну общую рубрику „насильственнаго похищенія чужаго имущества“—редакторы Уложенія 1845 г., напротивъ того, каждою строкою своею хотѣли показать какое-то основное различіе между разбоемъ и грабежемъ, забывая, что между этими видами одного и того же по природѣ преступленія слишкомъ много общаго для полнаго разграниченія ихъ и что во всякой области знанія разграниченіе понятій тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе внутренняго органическаго сродства между этими понятіями. Отсюда—особенность нашего права по изслѣдуемому вопросу, неизвѣстная ни одному изъ иностранныхъ уголовныхъ кодексовъ: разбой и грабежъ, наравнѣ съ кражею и мошенничествомъ, составляютъ совершенно самостоятельные отдѣлы одного и того же преступленія—„похищенія чужаго имущества“ (ст. 2128). Въ теоріи права и въ иностранныхъ законодательствахъ то, что у насъ означаетъ „грабежъ“ и служитъ предметомъ особаго отдѣленія изъ 7 статей, составляетъ лишь одно изъ обстоятельствъ, смягчающихъ вину, и простѣйшій, наиболѣе легкій видъ того преступленія, которое у Нѣмцевъ носитъ названіе „Raub“.

Саксонск. 3 (§§ 177—179), Ганноверск. 11 (§§ 321—332), Гессенск. 5 (§§ 344—348), Ольденб. 8 (§§ 238—245), Брауншвейгск. 2 (§§ 175 и 176), Баденск. 7 (§§ 410—416), Нассауск. 5 (§§ 337—341), Тюринг. 3 (§§ 152—154), Баварск. 8 (§§ 233—240), Австрійск. 7 (§§ 190—196), Венгерск. 5 (§§ 344—349).

Digitized by Google

Насколько указанная особенность дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ полезна какъ съ практической, такъ и съ теоретической стороны, и на сколько осуществилась въ дѣйствительности задача редакторовъ Уложенія „предупредить на сей счетъ (то-есть относительно разграниченія разбоя и грабежа) сомнѣніе"—объ этомъ будетъ сказано ниже, въ главѣ о догмѣ нашего дѣйствующаго законодательства.

Изложенное въ настоящей главѣ относительно понятія разбоя и грабежа въ законодательствѣ XVIII и XIX вв. даетъ намъ основаніе выставить слѣдующія положенія:

1. Воинскіе Артикулы впервые устанавливаютъ въ русскомъ законодательствѣ раздѣленіе насильственнаго похищенія чужаго имущества на болѣе и менѣе тяжкіе виды.

2. Относящіеся къ разбою указы говорятъ почти исключительно о разбоѣ въ видѣ организованныхъ шаекъ.

3. Грабежъ, какъ преступное дѣйствіе съ злоумышленною корыстною цѣлью присвоенія чужаго имущества, окончательно опредѣляется только съ конца прошлаго столѣтія,

4. Въ эпоху, предшествовавшую изданію Свода Законовъ, хотя и существуетъ несомнѣнное разграниченіе разбоя и грабежа, но различіе между этими видами насильственнаго похищенія не всегда сознается въ законодательствѣ и литературѣ.

5. Краткія и общія опредѣленія Свода Законовъ относительно разбоя и грабежа замѣняются частными и болѣе подробными опредѣленіями въ Уложеніи 1845 года, а существовавшее въ Сводѣ разграниченіе разбоя и грабежа получаетъ дальнѣйшее и весьма крайнее развитіе; вообще, постановленія о разбоѣ и грабежѣ Свода значительно дополнены въ Уложеніи статьями совершенно новыми и неизвѣстными вовсе Своду Законовъ.

§ 27. Насильственное похищеніе чужой собственности, совмѣщая въ себѣ нападенія на лицо и имущество, представляетъ сложное юридическое понятіе, выдѣленіе котораго въ области преступленія и наказанія составляетъ несомнѣнно продуктъ болѣе развитой юридической жизни и гражданственности. Исторія русскаго права подтверждаетъ въ этомъ отношеніи общій законъ постепеннаго развитія въ законодательствѣ народовъ извѣстныхъ юридическихъ понятій. Первоначально, насильственное похищеніе чужаго имущества вовсе не выдѣляется изъ группы другихъ родственныхъ ему преступленій; затѣмъ слѣдуетъ періодъ, когда это преступленіе не считается еще особенно тяжкимъ,

Digitized by Google

стоитъ по наказуемости значительно ниже другихъ преступленій и только постепенно, путемъ медленнаго процесса, опредѣляются формы, признаки и значеніе насильственнаго похищенія чужаго имущества въ нашемъ законодательствѣ. Грабежъ, какъ преступное дѣйствіе съ цѣлью animo lucri faciendi, долгое время остается вовсе неизвѣстнымъ у насъ и часто сливается съ дѣйствіемъ самоуправнымъ; внѣ-судебный имущественный арестъ, по словамъ Мэна, составляетъ одинъ изъ общихъ и наиболѣе распространенныхъ способовъ возстановленія правъ въ первичную эпоху [1]) и можно думать, что этотъ обычай въ жизни русскаго общества имѣлъ особенную устойчивость и живучесть, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ въ нашемъ прошломъ. Помимо свидѣтельства историческихъ памятниковъ, общія условія развитія правовыхъ понятій говорятъ намъ противъ существованія въ до-Петровскомъ законодательствѣ нашемъ понятія грабежа, въ современномъ значеніи этого термина, такъ какъ сфера юридическихъ представленій въ то время была слишкомъ узкою для того, чтобы могло установиться довольно тонкое различіе между двумя видами одного и того же преступленія. Раздѣленіе насильственнаго похищенія чужаго имущества на два вида: разбой и грабежъ и понятіе послѣдняго, какъ преступленія sui generis, явилось только въ ближайшую къ нашему времени эпоху, отчасти подъ вліяніемъ иноземнаго права и теоретическихъ началъ въ нашемъ законодательствѣ.

---

[1]) *Мэнъ*, Древнѣйшая исторія учрежденій. С.-Пб. 1876 г.; въ этомъ изслѣдованіи есть прекрасная глава: «Первоначальные способы возстановленія правъ», въ которой авторъ указываетъ на историческое значеніе имущественнаго ареста среди другихъ способовъ возстановленія правъ. Этотъ имущественный арестъ, по моему мнѣнію, тотъ же *грабежъ* Русскаго и Литовскаго права: въ послѣднемъ, разумѣется, значеніе грабежа, какъ имущественнаго, внѣсудебнаго ареста, выясняется въ болѣе рѣзкой и рельефной формѣ, нежели въ законодательствѣ Московской Руси.

Дм. Тальбергъ.

Digitized by Google

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ, КАКЪ ПИСАТЕЛЬ.

Имя Ѳеофана Прокоповича, какъ одного изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей Петровской реформы и какъ ученѣйшаго человѣка своего времени, справедливо пользуется извѣстностью въ нашей исторической литературѣ: изъ всѣхъ писателей первой половины XVIII столѣтія на его долю выпало наибольшее вниманіе со стороны нашихъ изслѣдователей. Не говоря уже о значительномъ количествѣ журнальныхъ статей, касающихся, такъ или иначе, его личности и дѣятельности, достаточно указать на монографію Ю. Ѳ. Самарина: „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники“ (М. 1844) и на капитальный трудъ И. А. Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“ (С.-Пб. 1868), дающій такъ много матеріаловъ для изученія личности Ѳеофана и его отношеній къ современникамъ. Но не смотря на всю извѣстность Ѳеофана, значеніе и характеръ его литературной дѣятельности остаются до сихъ поръ еще не вполнѣ опредѣленными. Самаринъ, въ своей диссертаціи, долженъ былъ ограничиться только проповѣдническою дѣятельностью Ѳеофана сравнительно съ дѣятельностью другаго проповѣдника; трудъ его, задуманный въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ вышла диссертація, не могъ осуществиться вполнѣ, и авторъ постарался даже, по возможности, устранить вопросъ о содержаніи разсматриваемыхъ сочиненій и заняться только внѣшнею ихъ стороной. Г. Чистовичъ имѣлъ въ виду премущественно факты внѣшней біографіи Ѳеофана и его дѣятельность, какъ сотрудника Петра Великаго и какъ церковнаго администратора, особенно же — исторію борьбы, которую Ѳеофану пришлось вести съ своими многочисленными врагами; потому о литературной дѣятельности Ѳеофана онъ говоритъ только

Digitized by Google

вскользь, мимоходомъ, не задаваясь цѣлью подробнаго разсмотрѣнія его сочиненій. Вообще, въ нашей исторической литературѣ, сколько намъ извѣстно, сдѣлано было только одно общее заключеніе о характерѣ и значеніи трудовъ Ѳеофана, какъ писателя, именно—въ книгѣ Пекарскаго: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ" (т. I, гл. XV), гдѣ указаны и наиболѣе рельефныя стороны его дѣятельности. Все остальное, что было написано у насъ о Ѳеофанѣ, представляетъ или только повтореніе того, что уже было высказано названными тремя писателями, или касается частныхъ вопросовъ его біографіи и его отношеній къ современнымъ ему дѣятелямъ.

Между тѣмъ, литературная дѣятельность Ѳеофана, столь обширная и разнообразная, представляетъ яркое воплощеніе идей и стремленій передовой части русскаго общества въ эпоху преобразованія; вопросы, имъ затронутые, нерѣдко были для нашего общества вопросами первостепенной важности, вліяніе его на дальнѣйшій ходъ нашей литературы едва ли подлежитъ сомнѣнію; поэтому и его сочиненія заслуживаютъ полнаго вниманія и подробнаго, по возможности, разсмотрѣнія въ интересахъ болѣе близкаго и точнаго знакомства какъ съ личностью самого писателя и его идеями, такъ и вообще съ характеромъ и направленіемъ умственнаго развитія общества, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Настоящее изслѣдованіе имѣетъ цѣлью хотя отчасти восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ; на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на попытку на основаніи фактовъ литературной дѣятельности Ѳеофана опредѣлить его мѣсто и значеніе въ исторіи русской литературы, въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ ходомъ ея развитія, и такимъ образомъ содѣйствовать уясненію нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, вызываемыхъ изученіемъ эпохи преобразованія. Въ виду того, что факты внѣшней біографіи Ѳеофана уже достаточно разработаны, мы будемъ касаться ихъ здѣсь лишь на столько, на сколько это необходимо для разъясненія его дѣятельности; въ замѣнъ того, мы считаемъ особенно важнымъ обратить вниманіе на состояніе русскаго просвѣщенія, которымъ обусловливалась дѣятельность Ѳеофана и ея характеръ, а также и на то вліяніе, которое онъ могъ имѣть на своихъ литературныхъ преемниковъ. Едва ли нужно добавлять, что чисто-богословскіе труды Ѳеофана могутъ быть разсматриваемы здѣсь только по отношенію къ общественнымъ понятіямъ того времени, такъ какъ авторъ настоящаго изслѣдованія не признаетъ за

Digitized by Google

собою права на оцѣнку этихъ трудовъ съ точки зрѣнія богословской. Подобной оцѣнки слѣдуетъ ожидать отъ лицъ, компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ.

I.

Состояніе русскаго просвѣщенія въ XVI и XVII вѣкѣ.—Предшественники реформы—кіевскіе ученые—и ихъ значеніе въ исторіи умственнаго развитія нашего общества.—Борьба элемента византійско-славянскаго съ латино-польскимъ и причины успѣха малороссійскихъ ученыхъ въ Москвѣ.

„Паризія—городъ обширный и многолюдный въ Галліи, которая нынѣ зовется Франза — держава великая и преславная, богатая безчисленными благами, изъ которыхъ первое и высшее—ученіе богословское и философское, даромъ преподаваемое всѣмъ желающимъ. Тамъ найдешь всякое художество, не только священное богословіе и философію, но и всякія внѣшнія ученія, въ совершенное достиженіе свое руководящія рачителей своихъ, которыхъ тамъ безчисленное множество.... Туда отовсюду стекаются, изъ западныхъ и сѣверныхъ странъ собираются въ великомъ городѣ Паризіи всѣ желающіе научиться словеснымъ художествамъ, и не только дѣти простыхъ людей, но и дѣти самихъ царей, королей, и боярскаго, и княжескаго сана—всѣ стремятся туда, проводятъ довольно времени, упражняясь въ ученіяхъ, возвращаются въ свои страны просвѣщенными, преисполненными всякой премудрости и разума и являются украшеніемъ своего отечества.... Туда надобно стремиться, тамъ заимствовать свѣтъ просвѣщенія и нашимъ боярамъ, и ихъ сыновьямъ!“

Въ такихъ восторженныхъ выраженіяхъ указывалъ русскому обществу на необходимость знакомства съ европейскимъ просвѣщеніемъ ученый инокъ, Максимъ Грекъ, въ первой половинѣ XVI столѣтія,—въ такое время, когда даже самое понятіе о томъ, что̀ такое наука, что̀ такое философія, было совершенно чуждо умамъ богобоязненныхъ Русскихъ людей...

Почти въ то же время Стоглавый соборъ (1551 г.) въ своихъ постановленіяхъ яркими красками изображалъ дѣйствительное положеніе русскаго образованія, настоятельно требуя, чтобы лица, желающія получить священство, умѣли грамотѣ, и сознаваясь, что даже и это скромное требованіе въ большинствѣ случаевъ едва ли достижимо. „Мы“ — говорили ставленники — „учимся у своихъ отцовъ

Digitized by Google

или у своихъ мастеровъ, а индѣ намъ учитися негдѣ; сколько отцы наши и мастеры умѣютъ, потому насъ и учатъ". „А отцы ихъ и мастеры", прибавляетъ соборное уложеніе,—„сами потому же мало умѣютъ, да и учиться имъ негдѣ. А преже сего училища бывали въ Россійскомъ царствіи, на Москвѣ и въ Великомъ Новѣградѣ и по инымъ градомъ многіе грамотѣ, писати и пѣти и чести учили", а теперь такихъ училищъ нѣтъ [1]). Желая поднять уровень образованія хотя бы на столько, чтобъ удовлетворить самымъ насущнымъ въ то время потребностямъ церковнаго благочинія, соборъ предъявляетъ требованія самыя умѣренныя: вся учебная программа ограничивается умѣньемъ „чести, пѣти и писати" [2]), но и это требованіе выполняется плохо: ученики, по замѣчанію царя, „грамотѣ учатся небрегомо" и по книгамъ крайне неисправнымъ [3]). Эти замѣчанія Стоглава относятся къ людямъ, которые по самому положенію своему въ обществѣ обязаны были заботиться о просвѣщеніи и образованіи: здѣсь говорится о духовенствѣ, которое въ древнее время на Руси было единственнымъ „учительнымъ" сословіемъ; а для того, чтобъ учить другихъ, оно, конечно, прежде всего само обязано было учиться. Наше старинное обученіе находилось въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ религіи и было ея результатомъ; „вѣнцомъ словеснаго ученія и полнаго курса первоначальной науки" была Псалтырь; азбука у тогдашнихъ книжныхъ людей называлась лѣствицею къ изученію Часослова, Псалтыри и божественныхъ догматовъ, а грамматика назначалась для того, чтобы знать, „какъ писать и читать каждую пословицу во святыхъ книгахъ" [4]). Вся литература стремилась удовлетворять почти исключительно потребностямъ религіознымъ, церковнымъ. При такомъ отношеніи къ книжному ученію было вполнѣ естественно, что у насъ, какъ и на Западѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, сложился взглядъ на грамот-

[1]) Стоглавъ, гл. 25.

[2]) Стоглавъ, гл. 26.

[3]) Стогл., гл. 5, вопр. 6. Ср. тамъ же, вопр. 5: «Божественныя книги писцы пишутъ съ неисправленныхъ переводовъ, а написавъ, не исправливаютъ-же, и недописи, и точки непрямыя; и по тѣмъ книгамъ чтутъ и поютъ и учатся и пишутъ съ нихъ».

[4]) Опис. Рум. Муз., 1. Впрочемъ, грамматика была доступна въ то время очень немногимъ: въ нѣкоторыхъ изъ своихъ статей Максимъ Грекъ говоритъ о ней, какъ о наукѣ, неслыханной его читателями и уразумѣваемой только съ величайшимъ трудомъ.

Digitized by Google

ность и вообще на книжное дѣло, впервые введенное у насъ духовенствомъ, какъ на занятіе, которое подобаетъ вѣдать однимъ только церковникамъ; для остального общества, и даже для высшаго класса—для князей и бояръ—грамота считалась дѣломъ вовсе необязательнымъ: „не наше дѣло книги читать, а черническое", говорили они въ XII вѣкѣ [1]), и даже четыреста-пятьсотъ лѣтъ спустя немногіе изъ нихъ умѣли читать и писать, да и то плохо [2]). Если же въ числѣ ихъ и бывали люди книжные, любившіе заниматься чтеніемъ и списываніемъ благочестивыхъ сочиненій, то о такихъ людяхъ лѣтописи всегда упоминаютъ съ особенною внимательностью, какъ о чемъ-то необычномъ, выходящемъ изъ ряду вонъ [3]). Вся громадная литература наша, до самаго XVIII столѣтія, обязана своимъ происхожденіемъ почти всецѣло одному учительному сословію—духовенству; писатели свѣтскіе по направленію своему нисколько не отличались отъ духовныхъ; „по крайней мѣрѣ", замѣчаетъ г. Пыпинъ [4]),—„извѣстныя намъ сочиненія бояръ и дьяковъ позднѣйшаго времени таковы, что, не зная ихъ сочинителей, мы не колеблясь признали бы ихъ духовными лицами". Единственными центрами и разсадниками просвѣщенія были монастыри—и этимъ объясняется, съ одной стороны, значительное умственное превосходство монастырскихъ книжныхъ людей надъ остальнымъ обществомъ, и съ другой стороны, исключительное направленіе умственнаго развитія и литературной дѣятельности въ до-петровской Руси. Въ этомъ отношеніи бѣлое духовенство, ближе стоявшее къ народу, довольно рѣзко отличается отъ чернаго, высшаго, и въ то время, когда монахи ведутъ богословскую полемику и пишутъ объемистыя сочиненія, обнаруживающія значительную начитанность, въ то время, когда ученый монахъ—правда, иностранецъ, а не Русскій—находитъ возможнымъ приглашать Русскихъ людей въ „Парижію", громадная масса этихъ людей „обрѣтается во тьмѣ невѣдѣнія", а непосредственные, ближайшіе наставники и пастыри этой массы „по Апостолу ступить не умѣютъ, по Псалтыри едва бредутъ, въ слову при-

---

[1]) Рукописи г. Уварова, т. II, вып. 1, стр. 71.

[2]) См., напримѣръ, Собр. госуд. грамотъ и договоровъ, I, №№ 184, 192, 194 и др.; *Соловьевъ*, Ист. Россіи, VII, 242.

[3]) Напр. Лавр. лѣт. подъ 6545, 6726 гг.; отецъ Влад. Мономаха, в. кн. Всеволодъ, «изумѣяше пять языкъ»; Оп. Рум. Муз., 231; Оп. Син. библ., II, 623, *Татищевъ*, IV, 70; *Шевыревъ*, III, 35; *Прав. Собес.* 1856, VI, 157, 177, 179; 1862, II, 135, 140, 151.

[4]) Оч. ист. пов., 16—17.

Digitized by Google

стать не могутъ, и немного поучившись азбукѣ, просятся прочь, не хотятъ учить ея“ [1]); знающіе же грамотѣ „больше въ болгарскія басни, або паче въ бабскія бредни упражняются, прочитаютъ и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются“ [2]).

„Болгарскія басни и бабскія бредни“ своимъ распространеніемъ среди читающаго люда были обязаны, конечно, тому исключительно-одностороннему направленію, которое было дано умственному развитію Русскаго народа подъ вліяніемъ образованности византійской. Византійская литература въ ту эпоху, когда началось вліяніе ея на нашу, совершенно утратила даже и воспоминанія о древнемъ эллинскомъ міросозерцаніи, и подъ вліяніемъ политическаго и общественнаго одряхлѣнія, замкнулась въ тѣсномъ кругѣ идей и интересовъ церковно-религіозныхъ. Лучшіе представители общества, отчаявшись въ возможности дѣйствовать въ мірѣ нравственно-растлѣнномъ, отрекались отъ этого міра, какъ отъ грѣховнаго, погибшаго, преданнаго діяволу, бѣжали отъ него въ пустыню, въ монастырь, и тамъ всецѣло посвящали себя на служеніе тому аскетическому идеалу, который, по ихъ мнѣнію, былъ единственнымъ средствомъ для духовно-нравственнаго возрожденія и „спасенія“ общества. Результатомъ чрезмѣрнаго преобладанія аскетическихъ идей было развитіе крайняго религіознаго эгоизма, то-есть, совершенное искаженіе первоначальной христіанской идеи любви къ ближнему: человѣкъ сузился до такой степени, что единственную цѣль жизни видѣлъ только въ спасеніи своей собственной души путемъ самоистязанія, насилованія своей природы, отворачивался отъ міра и предавалъ его проклятію, какъ юдоль, исполненную бѣсовской прелести. Такимъ образомъ, идеалъ христіанской добродѣтели ставился внѣ гражданскаго общества, внѣ всякихъ человѣческихъ отношеній...

Проповѣдь аскетизма съ одной стороны и полемика съ ересями въ области метафизическаго богословія съ другой—вотъ единственныя задачи, рѣшеніемъ которыхъ занималась византійская литература того времени. Господство религіозныхъ идей достигло своего апогея въ концѣ IX вѣка; умственная дѣятельность сосредоточилась въ монасты-

---

[1]) Грамота Новгородскаго архіепископа Геннадія митрополиту Симону, въ Актахъ Ист., I, № 104.

[2]) Оп. Рум. Муз., № CXCIII, стр. 242. Ср. Доп. къ Акт. Ист., I, № 151, IV, № 99.

Digitized by Google

ряхъ; все свѣтское — наука, искусство, поэзія—подверглось опалѣ, какъ языческое [1]). Традиціонная вѣра, по самой сущности своей неизмѣнная, неподвижная, исключаетъ возможность дальнѣйшаго развитія и неизбѣжно вноситъ застой во всѣ области умственной жизни, подчиненныя ея вліянію. Такъ было и въ Византіи въ то время, когда Россія подчинилась ея духовному авторитету. Духовная власть, опираясь на содѣйствіе власти гражданской, выступила какъ хранительница и судія знанія, утверждая, что все знаніе уже находится въ Свящ. Писаніи и церковныхъ преданіяхъ, что здѣсь людямъ данъ не только непреложный критерій истины, но и все, что̀ свыше суждено намъ знать. Такимъ образомъ, весь объемъ подобающаго людямъ знанія былъ опредѣленъ разъ на всегда, что̀, разумѣется, исключало возможность существованія свѣтской, самостоятельной науки и заключало пытливую мысль въ безвыходный заколдованный кругъ. Вслѣдствіе такой замкнутости, развитіе научной критики сдѣлалось невозможнымъ; наоборотъ, развилось безусловное подчиненіе авторитету, безусловное довѣріе къ книгѣ; мысль, не находя свободнаго выхода изъ тѣсной рамки теологическихъ идей, естественно, должна была устремиться на подробную разработку этихъ идей; вслѣдствіе этого, въ сферахъ высшихъ, знакомыхъ съ метафизическою философіей, развилась выработанная до тончайшихъ трацендентальныхъ опредѣленій богословская догматика (чему способствовала и продолжавшаяся нѣсколько вѣковъ сряду борьба съ неправославными мнѣніями); въ массѣ же народа, мало образованной и потому не имѣвшей интереса къ отвлеченнымъ опредѣленіямъ, особенное развитіе получила литература религіозно-повѣствовательная—легенды, апокрифы и т. п.— безсвязные отрывки средневѣковыхъ, псевдо-научныхъ свѣдѣній, „болгарскія басни и бабскія бредни“, въ которыхъ пытливый умъ народный искалъ и находилъ отвѣты на свои запросы и сомнѣнія. Наконецъ, общество, утомленное продолжительными религіозными спорами, стало все болѣе и болѣе терять интересъ къ церковнымъ вопросамъ и впадать въ религіозный индифферентизмъ; при отсутствіи же высшихъ умственныхъ интересовъ внѣ сферы религіозной, цѣлью жизни поставлено было наслажденіе; пороки, подъ именемъ удовольствій, стали быстро входить въ моду, и аскетическая проповѣдь оказывалась

[1]) Такъ, напримѣръ, патріарху Іоанну Грамматику вмѣнили въ преступленіе его занятія естественными науками и механикой, какъ несовмѣстныя съ достоинствомъ духовнаго лица (*Finlay*, Hist. of the Greek and Byz. Empires, I, 194).

Digitized by Google

противъ нихъ безсильною. При такомъ состояніи общества, суевѣріе и ханжество, конечно, развивались въ немъ легче, чѣмъ живое отношеніе къ религіи и искреннее религіозное чувство. Поклоняться иконамъ, почитать реликвіи, соблюдать внѣшніе обряды было, разумѣется, легче и проще, чѣмъ руководиться въ жизни принципами нравственности и правилами религіи; вслѣдствіе того явилось и развилось предпочтеніе формы содержанію, обряда—истинному духу религіи. Послѣдняя стала все болѣе и болѣе пріобрѣтать характеръ традиціонной формы, обращаться въ мертвую букву, въ суевѣріе или въ орудіе для достиженія совсѣмъ не религіозныхъ цѣлей [1]).

Въ эту пору византійскіе идеалы стали прививаться къ нашему молодому народу, жившему въ то время, можно сказать, въ первобытномъ состояніи, въ состояніи tabulae rasae. По видимому, при такихъ условіяхъ Византія легко могла бы сообщить нашему народу христіанское просвѣщеніе, тѣмъ болѣе, что орудіемъ этого просвѣщенія являлся языкъ не чужой и непонятный народу, какъ было на Западѣ, а родственный и близкій къ русскому, что̀ давало право ожидать, что религіозно-нравственныя идеи распространятся быстро и проникнутъ въ народъ глубоко. На дѣлѣ, однако, оказалось иное, потому что живой силы нравственнаго вліянія Византія въ это время уже не имѣла. Съ XI вѣка и чуть не до настоящаго дня въ нашей духовной литературѣ непрерывнымъ рядомъ идутъ нападки на „двоевѣріе“ нашего народа, на непониманіе имъ истиннаго духа христіанской религіи и морали. Отвлеченная доктрина христіанства была не по силамъ массѣ народа, умственно-неразвитаго и не подготовленнаго къ ея принятію; представителемъ этой доктрины явилось греческое духовенство, которое (въ большинствѣ случаевъ) видѣло въ новообращенной странѣ только новую епархію Константинопольскаго патріархата, служившую для него новымъ источникомъ доходовъ, и объ умственномъ развитіи народа, о разъясненіи ему и объ укрѣпленіи въ немъ христіанскихъ идей заботилось мало. Греческіе митрополиты, пріѣзжавшіе управлять дѣлами Русской церкви, писали для неграмотной массы такія проповѣди и поученія, которыя могли читаться развѣ только въ Византіи, передъ слушателями образованными и имѣвшими интересъ къ труднымъ и отвлеченнымъ богословскимъ вопросамъ,—или же занимались нимало не интересною и ненужною для русскаго общества того времени полемикою противъ латинства (Леон-

[1]) Ср. *Finlay*, Greece under the Romans (1857), pp. 517—518.

Digitized by Google

тій, Георгій, Іоаннъ II); русскіе духовные писатели старались подражать примѣру своихъ учителей-Грековъ (Кириллъ Туровскій); литература переводная (преимущественно творенія отцовъ церкви) требовала отъ читателей довольно значительной степени умственнаго развитія, а потому въ массѣ распространялась очень туго; такимъ образомъ, эта масса (за немногими исключеніями) оставалась безъ живаго слова, безъ разъясненія самыхъ элементарныхъ положеній новой религіи. Естественно, что при такихъ условіяхъ новая религія осталась, по существу своему, непонятою и для массы обратилась въ мертвый обрядъ, въ принудительную внѣшнюю форму, подъ которою продолжали жить старыя языческія традиціи, болѣе близкія сердцу народа и болѣе доступныя его уму.

Говоря такимъ образомъ, мы, однако, не думаемъ совершенно отрицать существованія въ Русскомъ народѣ того времени идеальнаго, внутренняго религіознаго чувства; это чувство, конечно, существовало; но проявленіе его во многихъ случаяхъ было безсознательно и во всѣхъ случаяхъ крайне односторонне, что слѣдуетъ приписать также вліянію идей византійскихъ. Выше мы указывали на развитіе въ Византіи, вслѣдствіе нравственнаго разложенія общества, крайняго аскетизма; въ Византіи этотъ аскетизмъ былъ понятенъ, какъ крайняя форма реакціи противъ нравственной испорченности общества, но примѣненіе этихъ идей къ обществу русскому не оправдывалось положеніемъ нашего народа и надолго задержало правильное развитіе русской жизни. Въ результатѣ оказалось, что носителями идеальнаго религіознаго чувства были только монастырскіе подвижники, отрекавшіеся отъ міра и отрицавшіе міръ; между тѣмъ, въ массѣ народа аскетическій идеалъ обнаруживалъ только отрицательное дѣйствіе, способствуя развитію мистически-суевѣрнаго страха передъ всѣмъ, что̀ выходило изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Міръ русской мысли, міръ русскаго чувства былъ, по выраженію Забѣлина, всесторонне закрѣпощенъ этому строгому оберегателю жизни (аскетизму), лишенъ воли, прирожденной всякому живому существу, лишенъ всѣхъ живыхъ движеній развитія и совершенствованія. Греки всѣми силами старались поддерживать насъ въ этомъ положеніи и называли насъ за это „христіаннѣйшимъ“ народомъ [1]). Старыя языческія представленія, смѣшиваясь съ новыми, христіанскими, перера-

[1]) Ἔθνος χριστιανικώτατον. См. *Rambaud*, L'Empire Grec au X siècle (1870), p. 386.

Digitized by Google

ботывались народнымъ пониманіемъ въ особую, своеобразную форму, и при узкомъ объемѣ школьнаго обученія, при общемъ недостаткѣ научнаго знанія, содѣйствовали развитію той особенной культуры, которая такъ рѣзко отличаетъ нашъ древній бытъ отъ западно-европейскаго. Отношеніе массы народа къ христіанской религіи было совершенно внѣшнее, формальное; припоминая оригинальное сравненіе Карлейля, можно назвать это отношеніе „богослуженіемъ коловратной тыквы“ [1]). Понятно, при такомъ взглядѣ на религіозные вопросы исключительное пристрастіе нашихъ предковъ къ обрядовой сторонѣ дѣла; понятно, почему все, что имѣло отношеніе къ церковному обряду, стояло у нихъ на первомъ планѣ, возбуждало наибольшій интересъ. Это исключительное пристрастіе къ внѣшности, къ церковному, а затѣмъ и къ общественному формализму, замѣчается уже очень рано и проходитъ, постепенно усиливаясь, чрезъ всю исторію умственнаго развитія до-петровской эпохи. „Недоумѣнные“ вопросы Кирика (XII в.), вопросы Сарайскаго епископа Ѳеогноста Цареградскому собору владыкъ (XIII в.) и т. п. всецѣло относятся къ церковнымъ обрядамъ; споры псковскихъ „философовъ“ о томъ, какъ слѣдуетъ пѣть: „Господи помилуй“, или „О, Господи, помилуй“, споры о сугубой и трегубой аллилуіи, о хожденіи по-солонь, о крестномъ знаменіи и пр. (XV и XVI в.) имѣли характеръ также чисто обрядовый; постановленія Стоглаваго собора имѣли въ виду преимущественно эту же сторону дѣла; въ рукописныхъ сборникахъ XVI и XVII вѣка находимъ массу мелкихъ статей обрядоваго содержанія [2]); въ „Домостроѣ“ читаемъ самыя подробныя, мелочныя наставленія о томъ, какъ сохранять иконы, какъ цѣловать ихъ, какъ вкушать просфору и т. п. и рядомъ съ строгими заповѣдями касательно обрядовъ видимъ дикую мораль, вовсе не христіанскую, а византійско-татарскую. Церковныя молитвы, плохо переведенныя съ греческаго, понимались народомъ плохо; церковныя поученія, также переводныя или составленныя по образцамъ византійскаго витійства, понимались еще меньше; народъ привыкалъ относиться ко всему, что читалось въ церкви, не умомъ, а чувствомъ, какъ къ заговору своего стараго волхва, котораго онъ

---

[1]) Калмыки пишутъ свои молитвы на лоскуткахъ бумаги и кладутъ ихъ въ тыквы, подвѣшиваемыя на деревьяхъ; постоянное колебаніе тыквы должно, по ихъ понятіямъ, доказывать ихъ вѣчное поклоненіе божеству. Подобнымъ же образомъ въ Тибетѣ устраиваютъ молитвенныя мельницы.

[2]) См. напримѣръ, *Щапова*, Расколъ старообрядства, 447—448.

Digitized by Google

точно также не понималъ, но таинственной силѣ котораго безусловно вѣрилъ. И какъ въ заговорѣ важенъ былъ не смыслъ его, а самыя слова, ихъ порядокъ и сочетаніе, отъ которыхъ зависѣла его сила, такъ и въ плохо понимаемой молитвѣ стали обращать вниманіе всего болѣе на букву, на порядокъ и сочетаніе словъ [1]). Такимъ образомъ и развился тотъ удивительный буквализмъ, та казуистика обрядности, которая съ такою рѣшительною силою высказалась въ расколѣ, и притомъ не только со стороны защитниковъ „древняго благочестія", но и со стороны представителей оффиціальной церкви. Въ этомъ отношеніи какъ тѣ, такъ и другіе, стояли на одной и той же почвѣ: и тѣ, и другіе отстаивали букву, обрядъ, а не идею, не духъ ученія, которое оставалось непонятнымъ, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, и извращалось обоими.

Духовенство, въ огромномъ большинствѣ вполнѣ раздѣлявшее эти взгляды, все болѣе и болѣе утрачивало образованность, становилось все болѣе и болѣе невѣжественнымъ, грубымъ и своекорыстнымъ; въ XVII в., по свидѣтельству самихъ представителей духовной іерархіи, въ священство ставились „сельскіе невѣжды, иже ини ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей". „Умножися", говорили отцы собора 1667 года,—„бѣглыхъ изъ рабства и изъ крестьянства, ставятся въ попы дьяконы не священства ради, но холопы не хотя въ рабахъ, а крестьяне въ крестьянствѣ быти" [2]). Даже и въ монастыряхъ—этихъ, по выраженію Кирѣевскаго,—„святыхъ зародышахъ не сбывшихся университетовъ",—въ половинѣ XVII в. „добрые старцы перевелись", какъ писалъ Новгородскій

---

[1]) «Воистину, чадца моя, страшно есть, еже едину черту изложеніемъ измѣняти и призрѣти божественное писаніе», говорилъ Ростовскій митрополитъ Іона въ своемъ окружномъ посланіи 1652 г. (А. И. IV, № 62, стр. 174). «Въ символѣ Вѣры, государь», писалъ Авраамій царю Алексѣю Михайловичу, «букву *азъ* выняли, и глаголютъ: рожденна, не сотворена»; а подобаетъ глаголати: «рожденна, *а* не сотворенна». *И тѣмъ изъятіемъ ископася ровъ прелести*». Этотъ крайній застой умственной и религіозной жизни нашихъ предковъ выразился въ славянскихъ букваряхъ любопытною фразой: «Аще кто измѣнитъ ее на оно, а оно на се, тотъ вноситъ ереси, хулы и развращеніе». При назначеніи Русскихъ митрополитовъ, византійскіе патріархи строго обязывали ихъ твердо сохранять правила, принятыя византійскою церковью, и не допускать въ своей области никакихъ нововведеній (А. И., I, № 254); а митрополиты, въ свою очередь, обязывали къ тому же вновь поставляемыхъ епископовъ (А. И., I, №№ 18, 64; А. А. Э., №№ 370, 375). То же повторялось и впослѣдствіи, въ грамотахъ восточныхъ патріарховъ Московскимъ. См., напримѣръ, Собр. Гос. Гр., IV, № 27, стр. 89.

[2]) Доп. къ Акт. Ист., V, 473, 490.

Digitized by Google

митрополитъ Соловецкому игумену, характерно добавляя: „а которые и есть, и тѣ бражничаютъ, а грамотѣ не умѣютъ“ [1]). Многія духовныя лица не могли понимать даже простыхъ учительныхъ книгъ, такъ что, напримѣръ, нравоучительныя бесѣды Златоуста на Евангелія, на посланія апостола Павла казались „неразумительными слушающимъ и читающимъ“, писанными какъ бы иностраннымъ языкомъ [2]); а по свидѣтельству старца Арсенія Глухого,—„въ книгахъ церковныхъ точію чернилъ вѣрили и письменамъ единымъ внимали, а смысла писаннаго нисколько не разумѣли, не знали ни православія, ни кривославія, но божественныя писанія точію по чернилу проходили, разума-же въ нихъ не нудились понять“ [3]). При такомъ положеніи дѣла проповѣдь, разумѣется, уже не могла существовать. Правда, русская церковная проповѣдь и съ самаго начала, съ XI вѣка, не имѣла непосредственнаго, глубокаго вліянія на народъ, потому-что была совершенно лишена самостоятельности. Какъ по содержанію, такъ и по формѣ, древне-русское проповѣдничество представляетъ совершенный сколокъ съ нравственно-аскетическихъ проповѣдей византійскихъ, не имѣетъ и живаго отношенія къ народной жизни. Проповѣдники въ продолженіе шести вѣковъ возстаютъ противъ двоевѣрія, суевѣрія, „еллинскаго волхвованія“, „омраченнаго піанства“, „многовертимаго плясанія“, безчинныхъ зрѣлищъ, корыстолюбія, лживости, жестокости и другихъ пороковъ, но рѣдко и нерѣшительно высказываются противъ всеобщаго беззаконія и насилія (можетъ быть, потому, что и сами проповѣдники, стоявшіе не выше своего вѣка, не особенно возмущались подобными явленіями). Анализа обличаемыхъ пороковъ, попытокъ уяснить себѣ, въ чемъ кроется корень общественнаго нестроенія, и направить удары въ самый этотъ корень, такихъ попытокъ въ древне-русскомъ проповѣдничествѣ не было; проповѣдникъ относился къ предмету обличенія, въ большинствѣ случаевъ, съ точки зрѣнія книжника, для котораго обличаемые пороки и нестроенія существовали болѣе въ отвлеченномъ, чѣмъ въ конкретномъ видѣ. Въ громадной массѣ дошедшихъ до насъ поученій XI — XVI вв. чрезвычайно трудно отдѣлить собственно-русское отъ переводнаго и передѣланнаго съ греческихъ образцовъ; но и то, что̀ признается за несомнѣнно русское, часто оказывается составленнымъ по извѣстному

[1]) *Щапосъ*, Раск. старооб., 18.
[2]) Оп. Рум. Муз., стр. 632.
[3]) *Щаповъ*, Раск. старообр., 36—37.

Digitized by Google

правилу Даніила Заточника: „Азъ бых, яко пчела, падая по различнымъ цвѣтамъ и совокупляя яко медвенный сотъ; тако и азъ, по многимъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, и совокупилъ, яко мѣхъ воды морскія, а не отъ своего разума, а отъ Божія промысла". При такомъ отношеніи къ предмету и при недостаткѣ въ древней Руси просвѣтительнаго начала, проповѣдь была не въ силахъ поднять умственный и нравственный уровень народной массы. И дѣйствительно, все то, противъ чего возставали наши проповѣдники въ продолженіе шестисотъ лѣтъ, продолжало существовать нерушимо въ своемъ прежнемъ видѣ, и можетъ быть, еще болѣе усиливалось. Для примѣра достаточно сравнить соборное правило митрополита Кирилла II (1274 г.) съ постановленіями Стоглава (1551 г.), собора 1667 г. и указами Петра Великаго. Изслѣдователи религіознаго быта древней Россіи обращаютъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ первые вѣка христіанства въ Россіи оно, судя по письменнымъ памятникамъ, представляется болѣе чистымъ, нежели въ XVI и XVII, и говорятъ, что въ эту эпоху снова появляется множество суевѣрій и „какъ будто вновь воскресаетъ умирающее язычество" [1]). Это пытались объяснять печальными послѣдствіями татарскаго ига, упадкомъ просвѣщенія, постоянными войнами; гг. Костомаровъ [2]) и Кавелинъ [3]) обращали вниманіе на противоположность въ этомъ отношеніи сѣверо-восточной полосы Россіи и юго-западной; г. Иконниковъ [4]), видитъ причину этого явленія въ расширеніи русской колонизаціи на сѣверѣ и востокѣ и въ непосредственномъ вліяніи языческихъ Финскихъ племенъ. Намъ кажется, что прежде всего можно усомниться въ положительности заявляемаго факта усиленія язычества: въ памятникахъ эпохи до-татарской мы находимъ, въ сущности, тѣ же самыя указанія на остатки языческой старины, какъ и въ памятникахъ XVI—XVII вѣковъ; разница между тѣми и другими скорѣе количественная, нежели качественная; затѣмъ, если и можно допустить, что къ XVI вѣку язычество какъ бы усилилось, то въ этомъ фактѣ едва ли можно видѣть что-нибудь исключительное, требующее сложныхъ объясненій: „усиленіе" было естественнымъ результатомъ мно-

---

[1]) О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи, *Пр. Собес.* 1865, VIII, 300; Ист. очеркъ рус. проп., С.-Пб. 1878, стр. 552.

[2]) Двѣ русск. народности (Ист. Моногр., т. I).

[3]) Мысли и замѣтки о рус. исторіи (*Вѣстникъ Европы* 1866, II).

[4]) Опытъ изсл. о культ. знач. Византіи, гл. IV.

Digitized by Google

говѣковаго безпрепятственнаго развитія, которое ни въ чемъ не встрѣчало себѣ серьезной преграды, а напротивъ, еще поддерживалось богатою „отреченною“ литературой. При отсутствіи всякой живой мысли, при все болѣе и болѣе развивавшемся религіозномъ формализмѣ, при необходимости вращаться въ заколдованномъ кругу разъ на всегда опредѣленныхъ идей, развитіе или усиленіе грубыхъ суевѣрій и предразсудковъ, хотя и въ новой, христіанизированной формѣ, было неизбѣжно; корень зла лежитъ, по нашему мнѣнію, вовсе не въ татарскомъ или финскомъ вліяніи, а въ тѣхъ внутреннихъ условіяхъ, которыми, какъ китайскою стѣной, не пропускающею ни свѣта, ни воздуха, былъ обставленъ бытъ нашего народа [1]).

Крайнее развитіе религіознаго формализма и невѣжество духовенства повели къ ослабленію и затѣмъ къ совершенному исчезновенію живого проповѣднаго слова. Послѣ смерти митрополита Фотія († 1430) единственнымъ видомъ проповѣди дѣлаются поучительныя посланія; являются формы поученій на разные случаи, составляемыя по прежнимъ проповѣднымъ. Нѣкоторые изслѣдователи русскаго проповѣдничества [2]) стараются доказать, что проповѣдничество, все-таки, продолжало развиваться, хотя этому и мѣшали неблагопріятныя обстоятельства (зависимость высшаго духовенства отъ свѣтской власти, полнѣйшая зависимость низшаго духовенства отъ высшаго, упадокъ просвѣщенія), и что неблагопріятные отзывы о русской проповѣди XV—XVI вв., высказанные, между прочимъ, архіепископомъ Филаретомъ (Ист. церкви, III, 139—142) и Щаповымъ (Раск. старообр., 71, 149, 165, 399), составлены на основаніи показаній иностранцевъ и потому не могутъ быть безусловно приняты. Но на отсутствіе въ нашихъ церквахъ того времени живой проповѣди указываютъ не только Павелъ Іовій, Маржеретъ, Гваньини и Герберштейнъ; достаточно указаній на

[1]) «Въ обличеніи апокрифовъ» говоритъ духовный писатель,—«проповѣдникамъ была доступна простѣйшая сторона дѣла: обузданіе сельскаго духовенства, съ выгодою промышлявшаго фабрикаціей легендъ. Но проповѣдники не обратили вниманія и на это дѣло... По этимъ причинамъ, ереси больше преслѣдовались полиціей, а апокрифы—индексами и запретами: «не читайте лживыхъ книгъ, насѣянныхъ на пагубу душъ!» Оттого апокрифы необыкновенно разрослись къ концу періода». Ист. оч. русск. проп., 710. Ср. *Забѣлина*, Опыты изуч. русск. др. и ист., I, 90—91.

[2]) Главнымъ образомъ свящ. *Николаевскій* (Рус. проповѣдь въ XV и XVI в., *Ж. М. Н. Пр.* 1868, II), затѣмъ неизвѣстный авторъ книги «Русское проповѣдничество, историческій его обзоръ» и пр., С.-Пб. 1878, и др.

Digitized by Google

это можно найдти и у русскихъ писателей, и прежде всего—въ статьяхъ самого же священника Николаевскаго, отстаивающаго проповѣдь просто въ силу недоразумѣнія: подъ рубрику „проповѣди" подводятся у него и монастырскіе уставы, и житія святыхъ, и „Просвѣтитель" Іосифа Волоцкаго, и даже „творенія древнихъ отцовъ и учителей церкви", встрѣчаемыя въ сборникахъ XV—XVI вв., — но нѣтъ ни одного произведенія, которому можно было бы придать названіе проповѣди въ томъ спеціальномъ смыслѣ церковнаго устнаго поученія, въ какомъ оно обыкновенно понимается. Далѣе, мы имѣемъ лѣтописное свидѣтельство о томъ, какъ мало само духовенство было расположено не только говорить проповѣди, но даже и слушать ихъ: во второй половинѣ XV вѣка (1465 г.) митрополитъ Ѳеодосій вздумалъ „поповъ и дьяконовъ нужею навести на Божій путь: нача на всяку недѣлю сзывати ихъ и учити по святымъ правиламъ", а недостойныхъ изгонять; въ результатѣ оказалось, что въ Москвѣ многія церкви опустѣли,—„и востужиша людіе, и начаша его проклинати", такъ что онъ былъ вынужденъ оставить митрополію [1]). Въ постановленіяхъ Стоглава указывается на печальное нравственное положеніе духовенства XVI вѣка, совершенно не благопріятствовавшее развитію проповѣди, и внушается духовнымъ лицамъ, чтобъ они поучали мірянъ самымъ элементарнымъ правиламъ христіанской морали [2]). Ясно, что даже такого элементарнаго поученія въ то время не существовало. Въ первой половинѣ XVI в. бояринъ Берсень жаловался Максиму Греку на митрополита Даніила, что „учительна слова отъ него нѣтъ никотораго" [3]). Въ первой половинѣ XVII в., когда Никонъ, еще митрополитъ Новгородскій, захотѣлъ возобновить церковную проповѣдь, въ средѣ духовенства поднялся сильный ропотъ: „Заводите вы, ханжи, ересь новую (говорили попы): людей въ церкви учить; а мы людей прежь сего въ церкви не учивали, учивали ихъ втайнѣ" [4]). Въ 1636 году патріархъ Іоасафъ, въ своей грамотѣ о прекращеніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ и злоупотребленій, говоритъ, между прочимъ, что духовенство забываетъ свою обязанность — „поучать мір-

[1]) П. С. Р. Л., VI, 186.

[2]) См., напримѣръ, гл. 5, вопр. 23: «А попы и церковные причетники въ церкви всегда пьяни и безъ страха стоятъ, и бранятся, и всякіе рѣчи неподобные всегда исходятъ изъ устъ ихъ... попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя». Ср. вопр. 21; гл. 18, 34, 37, 38, 40, 50, 52.

[3]) А. А. Э., I, № 172.

[4]) *Зап. Археол. Общ.*, II, 394—397. Разспросныя рѣчи о единогласіи.

Digitized by Google

скихъ людей о благочиніи и укрѣпленіи христіанскаго благопребыванія". Это забвеніе доходило до того, что священники не хотѣли и не позволяли читать въ церквахъ даже готовыя поученія святыхъ отцевъ, положенныя по уставу [1]). Такъ было въ самой Москвѣ и ея окрестностяхъ; что̀ же сказать о городахъ и селахъ другихъ епархій, особенно дальнихъ, откуда также слышались жалобы на безчиніе духовенства и отсутствіе проповѣди [2])? Когда въ одной изъ такихъ отдаленныхъ епархій священникъ, увлекшись примѣромъ духовенства южно-русскаго, вздумалъ было проповѣдывать въ церкви, слушатели отнеслись къ нему съ порицаніемъ: „Были-де у насъ и прежде священники добрые и честные, а такъ не дѣлали, жили по-просту, а мы были въ изобиліи. Сей же откуду неудобная вводитъ?" На такое отношеніе духовенства къ своимъ обязанностямъ сильно нападаетъ Кириллъ Транквилліонъ въ своемъ „Учительномъ Евангеліи": „Есть", говоритъ онъ, — „такіе неразумные люди, которые твердятъ, что довольно съ насъ прочитать что-либо по книгѣ народу въ церкви, а устную проповѣдь слова Божія укоряютъ и считаютъ еретичествомъ. О, неразуміе, худшее всякаго безумія!... Да развѣ ты не знаешь, что чтеніе поученій по книгѣ завелось въ церкви по нуждѣ? не стало истинныхъ и мудрыхъ учителей и проповѣдниковъ слова Божія, тогда простецы и начали читать поученія изъ книгъ. Но теперь я вижу нѣчто еще худшее: многіе неучи, лживые пастыри, не хотятъ уже и по книгамъ читать поученій въ церкви, а спѣшатъ къ объядѣнію и пьянству, работая своему чреву... А есть теперь въ родѣ нашемъ и такіе слѣпые вожди, которые говорятъ: „къ чему намъ книгамъ учиться? достаточно съ насъ Часослова и Псалтыря". Правда, достаточно для тѣхъ, которые знаютъ силу того, что написано въ этихъ книгахъ; но такое пониманіе далеко отъ тебя такъ, какъ небо отъ земли. Ты только въ корчмѣ мудрствуешь такъ, а въ церкви ничего не слышишь, а лишь шумишь языкомъ, какъ вѣтряная мельница; въ корчмѣ ты велерѣчивъ, а въ церкви безгласенъ", и т. д. [3]). Соборъ 1667 г. поставилъ священникамъ въ обязанность

[1]) А. А. Э., III, № 264.

[2]) А. И., IV, № 151. Ср. № 62.

[3]) Оп. Рум. Муз., стр. 632; *Труды Кіевск. Дух. Акад.*, 1861, IV. Русскій приходскій священникъ-проповѣдникъ XVII в., *И. Малышевскаго*, стр. 420, 408—410. Приведенными здѣсь цитатами совершенно оправдываются слова Герберштейна: «Concionatoribus carent. Satis esse putant interfuisse sacris, ac Evangelii,

Digitized by Google

поучать мірскихъ людей во всѣ воскресные и праздничные дни [1]); но лѣтъ десять спустя, Симеонъ Полоцкій все еще жаловался на отсутствіе проповѣди: „Великимъ нерадѣніемъ и всеконечнымъ небреженіемъ о чадѣхъ духовныхъ мнози несмысленніи людіе, аки безсловесныя овцы, отъ пути праваго житія заблудиша а въ пропасть погибельныя жизни уклонишася... И умножися злоба, и преспѣ лукавство, волхвованіе, чародѣяніе, разбой, татьба, убійство, пьянство, и пр.... Симъ же всѣмъ виновно есть наипаче отцевъ духовныхъ неискуство и нерадѣніе: яко не поучаютъ и не наказуютъ чадъ своихъ духовныхъ“ [2]). Еще позже тѣ же самыя жалобы высказывалъ Димитрій Ростовскій: „Оле окаянному времени нашему! восклицаетъ онъ: яко отнюдь пренебрежено сѣяніе слова Божія, весьма оставися слово Божіе: сѣятели не сѣютъ, а земля не пріемлетъ, іереи небрегутъ, а людіе заблуждаютъ, іереи не учатъ, а людіе невѣжествуютъ, іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а людіе не слушаютъ, ниже слушати хотятъ“ [3]). Наконецъ, Посошковъ, въ своей „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ и въ донесеніи митрополиту Стефану Яворскому, яркими красками, и притомъ съ точки зрѣнія ревнителей старины, изображаетъ положеніе современнаго ему духовенства, представители котораго „не токмо отъ лютерскія или отъ римскія ереси, но отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ, чѣмъ оправити себя, и не то чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что-то есть рѣченіе вѣра, и церковныя службы како прямо отправити не знаютъ“ [4]).

Протестомъ противъ неправильныхъ отношеній духовенства къ паствѣ, противъ дурнаго поведенія духовныхъ лицъ, и что̀ всего важнѣе—протестомъ пытливаго ума противъ слѣпой вѣры въ книгу, противъ религіозной исключительности и формализма, стремленіемъ живой мысли освободиться изъ наложенныхъ на нее тисковъ были ереси. Особенное развитіе ихъ въ XV вѣкѣ въ Новгородѣ справедливо объясняется вліяніемъ зарождавшагося въ ту пору на Западѣ

---

epistolarum aliorumque doctorum (то-есть, отцевъ церкви) verba audivisse: ad hoc, quod varias opiniones ac haereses *quae ex concionibus plerumque oriuntur* sese effugere credunt». (Цит. у *Щапова*, Раск., 71).

[1]) Доп. къ А. И., V, № 102, стр. 462.

[2]) Слово ко іереомъ, въ приб. къ Веч. Душ., 1683, стр. 163—167.

[3]) Сочин., I, 389—390.

[4]) Сочин., I, 10, 13; ср. стр. 308.

Digitized by Google

рацiоналистическаго отношенiя къ вопросамъ церковнымъ и богословскимъ; но это вліяніе не могло бы получить такой силы и такого значенія, еслибы на Руси не было для него особенно удобной почвы. Протестъ уже народился въ народномъ сознаніи, и западныя идеи, проникшія въ наше общество XV вѣка, только придали опредѣленную форму уже готовому содержанію. Ереси, какъ говоритъ одинъ духовный писатель,—„отстояли права человѣчества, заслоненныя правами божескими, и разоблачили церковныя неустройства, прикрытыя авторитетомъ вѣры“ [1]). Въ ереси уходили изъ православія люди, стоявшіе по своему умственному развитію выше общаго уровня; наши еретики, какъ новогородскіе, такъ и московскіе, были, конечно, образованнѣе, то-есть, начитаннѣе своихъ ортодоксальныхъ противниковъ; при глубокомъ невѣжествѣ духовенства, полемика съ ними всегда почти должна была оканчиваться — и зачастую дѣйствительно оканчивалась — ихъ побѣдой, если не въ смыслѣ матеріальномъ, то въ смыслѣ умственномъ, въ смыслѣ вліянія на массу [2]); такая полемика для духовенства была въ высшей степени невыгодна, подрывая его авторитетъ, какъ сословія учительнаго. И вотъ, духовенство, чувствуя свою умственную и нравственную несостоятельность, обращается за помощью къ своей старой союзницѣ — свѣтской власти; изъ всѣхъ аргументовъ оно знаетъ и признаетъ только одинъ — „загражденіе устъ“ [3])—и старается возвести его въ догматъ. Это явленіе общаго характера: такъ было и въ средневѣковой Европѣ, гдѣ единственными надежными средствами противъ религіознаго вольнодумства считались тюрьма и костеръ,—такъ было и у насъ. Не даромъ Новгородскій владыка Геннадій ссылался на примѣръ „папскаго“ короля, который „очистилъ“ свою землю отъ еретиковъ [4]); не даромъ Іосифъ Волоцкій развивалъ въ своемъ „Просвѣтителѣ“ инквизиторскія идеи; понятно, почему „осифляне“—представители грубаго, невѣжественнаго и своекорыстнаго монашества, — одержали въ этомъ отношеніи верхъ надъ скромными „заволжскими старцами“, предста-

[1]) Ист. оч. рус. проп., 514.

[2]) Троицкій игуменъ Артемій (1554) говорилъ: «Вотъ сожгли Курицына и Рукаваго, а до сихъ поръ и сами не знаютъ, за что сожгли». А. А. Э., I, № 289.

[3]) «Вмѣсто отвѣта лучше оплевать и обругать и тебѣ уста заградять, яко псу лающему»—одна изъ обычныхъ формулъ церковнаго внушенія.

[4]) А. А. Э., I, № 380, стр. 482.

Digitized by Google

вителями гуманныхъ возврѣній, болѣе согласныхъ съ духомъ истиннаго христіанства, незлобиваго и нестяжательнаго. „Осифлянамъ“ удалось закрѣпить союзъ съ свѣтскою властью, и ихъ направленіе прочно утвердилось въ Москвѣ. Впослѣдствіи мы еще не разъ будемъ имѣть случай встрѣтиться съ ними, и увидимъ, какъ видоизмѣнялось оно подъ вліяніемъ духа времени...

Обвиненіе въ ереси у насъ, какъ и на Западѣ, нерѣдко служило весьма удобнымъ орудіемъ для устраненія людей, которые (какъ напримѣръ, Максимъ Грекъ) отваживались выступать открыто обличителями „нестроеній и безчиній“ своего вѣка,—людей, которые вообще по своему умственному и нравственному развитію поднимались выше общаго уровня, опускавшагося все ниже и ниже. Вся та грубость и косность невѣжества, въ которой обвиняли впослѣдствіи раскольниковъ, составляетъ отличительный признакъ представителей оффиціальной церкви въ XVI и XVII вѣкахъ. Когда Матвѣй Башкинъ (1554 г.) сталъ предлагать благовѣщенскому іерею Симеону (въ Москвѣ) свои „недоумѣнные“ вопросы, пастырь духовный сталъ въ тупикъ („удивихся и недоумѣхся и вельми усумнѣхся“) и сказалъ: „Язъ и самъ того не знаю, чего ты спрашиваешь“. Знаменитый Сильвестръ, къ которому Симеонъ обратился за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній, ограничился только замѣчаніемъ, что „про Башкина дурная молва идетъ“; для рѣшенія вопроса пришлось созвать соборъ подъ предсѣдательствомъ самого митрополита, и на соборѣ вопросъ былъ рѣшенъ „загражденіемъ устъ“.

Духовенство, озлобленное проявленіями свободной мысли и не имѣвшее средствъ для полемики, не могло терпѣть противорѣчій и хотѣло запретить мірянамъ всякія разсужденія о предметахъ религіозныхъ. Митрополитъ Макарій говорилъ дьяку Ивану Висковатому: „Вамъ не велѣно о божествѣ и божьихъ дѣлахъ испытывать; знай свои дѣла, которые на тебѣ положены. Не разроняй своихъ списковъ“. Соборъ, осудившій Висковатаго за „недоумѣнныя рѣчи“, внушалъ ему: „Всякъ человѣкъ убо долженъ есть вѣдать свой чинъ и не творити себе пастыря, овца сый, и глава да не мнитъ, нога сый, но повиноватися отъ Бога преданному чину и уши свои отверзати на послушаніе благодати пріемлющихъ учительскаго словеси. Заповѣдаемъ... сомнѣнія не имѣть и не испытывати, и не разсужати, но токмо вѣровати“ [1]).

[1]) А. А. Э., I, № 238. «Всѣмъ страстямъ мати—*мнѣніе*; мнѣніе—второе паденіе», любили повторять наши моралисты XVII вѣка.

Digitized by Google

Это желаніе исключить всякія „разсужденія", всякое стремленіе не только къ расширенію умственнаго кругозора, но даже къ расширенію круга духовнаго ученія было однимъ изъ проявленій общаго застоя въ умственномъ развитіи до-петровской Руси. Предки наши, подъ вліяніемъ своихъ невѣжественныхъ учителей, до такой степени сжились съ этимъ невѣжествомъ и косностью, что даже не представляли себѣ возможности когда-нибудь выйдти изъ этого положенія и самый выходъ считали окончательною гибелью; вслѣдствіе того старыя понятія, старые обычаи считались священными и неприкосновенными, а всякое новшество, хотя бы самое ничтожное—еретическимъ и богоотметнымъ. „Которая земля переставляетъ обычьи свои, и та земля недолго стоитъ", говорилъ бояринъ Берсень Максиму Греку [1]). Стоглавый соборъ поучалъ: „Въ коейждо убо странѣ законъ и отчина, а не приходятъ другъ къ другу, но своего обычая кійждо законъ держатъ; мы же православніи, законъ истинный отъ Бога пріимше, разныхъ странъ беззаконія воспріимше и осквернихомся ими; и сего ради казни всякіе отъ Бога на насъ приходятъ за таковыя преступленія" [2]). Въ „Книгахъ Еноха Праведнаго" народные грамотники читали: „Блаженъ славя вся дѣла Господня и храня основанія отецъ исконныя... проклятъ глядаяй раскозити (измѣнить) уставы и предѣлъ отецъ своихъ... Да наслѣдуете ставило свѣта во вѣки, и будетъ вамъ въ достояніе покоя" [3]). Протопопъ Аввакумъ кратко и ясно выразилъ этотъ основный принципъ до-петровской Руси въ словахъ: „Держу до смерти, якоже пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчнымъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ" [4]). Это освященіе косности и невѣжества было результатомъ презрительнаго отношенія и вражды къ наукѣ, отъ которой, по мнѣнію нашихъ предковъ, происходили только ереси, и отъ которой, вслѣдствіе того, надо было обороняться всѣми силами, какъ отъ страшнаго врага и супостата. Въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ въ то время книгъ, въ переводѣ творенія греческаго писателя VI вѣка, Козмы Индикоплова, предки наши находили поученіе, „яко не мощно есть христіанствовати хотящему быти въ повиновеніи внѣш-

[1]) А. А. Э., I, № 172.
[2]) Стогл., гл. 39.
[3]) Пам. стар. русск. лит., III, 16.
[4]) Житіе Аввак., изд. Кожанчикова, стр. 95.

Digitized by Google

нихъ, кромѣ божественнаго писанія“ [1]); „богомерзостенъ предъ Господомъ Богомъ“, говорили они,—„всякъ любяй геометрію;... а се душевніи грѣси—учитися астрономіи и еллинскимъ книгамъ;... знаменія небесныя бываютъ всякими различными образами, и о томъ разсуждать никому не пригоже: небесное знаменіе—тварь Божія, ему, Творцу и работаетъ, и разсуждать про то никому не удобно;... проклинаю прелесть ихъ, иже зрятъ на бѣгъ небесный.... Мудрость міра сего буйство есть у Бога;.... своему разуму вѣрующій удобь впадаетъ въ прелести различныя;... люби простыню паче мудрости, высочайшаго себе не изыскивай, а глубочайшаго себе не испытуй, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи“, и т. п. [2]). Даже самое чтеніе книгъ (хотя бы и духовныхъ) считалось опаснымъ. „Не читайте книгъ многихъ“, заповѣдывали ревнители „простыни“ и указывали, что отъ чтенія одинъ „ума изступилъ“, другой—„въ книгахъ зашелся“, а третій „въ ересь впалъ“ [3]). Полное пренебреженіе всякимъ научнымъ знаніемъ и самая характерная черта невѣжества—высокое мнѣніе о своихъ достоинствахъ и презрѣніе къ мнѣніямъ другихъ—ясно высказываются въ словахъ, которыя такъ любили повторять наши грамотѣи: „Еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывахъ,—учуся книгамъ благодатнаго закона; азъ бо есмь умомъ грубъ и словомъ невѣжа, не бывавшю ми во Аѳинахъ отъ уности; но аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ; не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ“ [4]). Не даромъ замѣтилъ Котошихинъ, что „Россійскаго государства люди въ государствѣ своемъ никакого добраго наученія не имѣютъ и не пріемлютъ“ [5]). Дѣло дошло до того, что въ половинѣ XVII вѣка не умѣли напечатать правильно ни одной книги: „гдѣ ни прибавятъ букву или двѣ, то все не дѣломъ, точію книги портятъ“ [6]). Отби-

---

[1]) *Пекарскій*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 333.

[2]) Пам. стар. лит. III, 19; IV, 215; *Соловьевъ* Ист. Россіи, IX, 149; *Лавровскій*, Пам. стар. русск. воспитанія, въ *Чт. О. И. и Др.* 1861, стр. 30, 44; *Пекарскій*, Наука и литература при Петрѣ Вел., I, 3.

[3]) Оп. Рум. Муз., стр. 557. И до сихъ поръ еще въ народной массѣ ходитъ мнѣніе, что кто прочтетъ всю Библію, непремѣнно съ ума сойдетъ.

[4]) Оп. Русск. Муз., стр. 463; Пам. стар. лит., IV, 119—120; *Забѣлинъ* Опыты изуч. русск. др. и ист., I, 96.

[5]) Котош., 71.

[6]) Три челобитныя, изд. *Кожанчикова*, С.-Пб., 1862, стр. 30.

Digitized by Google

раются и жгутся книги, изданныя за нѣсколько лѣтъ назадъ; преслѣдуются, какъ неправыя и еретическія книги, только что вышедшія въ большомъ числѣ экземпляровъ и разошедшіяся въ народѣ съ разрѣшенія и благословенія высшей духовной власти; патріархъ Филаретъ уничтожаетъ Требникъ, изданный до вступленія его на патріаршій престолъ; Никонъ не только преслѣдуетъ книги, изданныя при патріархѣ Іосифѣ, но даже возстаетъ самъ на себя и всенародно объявляетъ еретическою Кормчую книгу, имъ же самимъ изданную [1]). Наконецъ, соборъ 1667 года разрушаетъ авторитетъ Стоглава, постановляя, что „той соборъ не въ соборъ и клятва не въ клятву, якоже и не бысть“ [2]).

Замѣшательство и соблазнъ дошли до крайней степени. Ясно, что оставаться долѣе въ такомъ положеніи было уже нельзя: нуженъ былъ какой-нибудь выходъ. А между тѣмъ народъ до такой степени сжился съ своею семивѣковою неподвижностью, что малѣйшее нарушеніе стараго обряда стало считаться посягательствомъ на священныя основы народной жизни, отступничествомъ, ересью. При первой же попыткѣ высшей духовной власти измѣнить кое-какія традиціонныя формы, авторитетъ этой власти былъ окончательно подорванъ: явились люди, порицающіе власть во имя авторитета старины и глумящіеся надъ нею, называя священный соборъ заборомъ, черезъ который можно перескочить, а патріарховъ—потеряхами, потому-что они истинную православную вѣру потеряли [3]). Число такихъ „церковныхъ мятежниковъ“ ростетъ не по днямъ, а по часамъ; они пріобрѣтаютъ громадное нравственное вліяніе на народъ, какъ благодаря своимъ фанатически-непреклоннымъ руководителямъ (Аввакумъ), такъ и вслѣдствіе того ожесточенія, которое возбудили противъ себя представители оффиціальной церкви, которые, не терпя противорѣчій и не умѣя вести съ „мятежниками“ борьбу литературно-богословскую, прибѣгали къ изстари излюбленному и единственно возможному для нихъ способу полемики—къ насильственному „заграждению усть“. Политическое объединеніе Московскаго государства необходимо требовало объединенія церковнаго, установленія одной общей для всего Русскаго народа церковно-религіозной нормы. Конечно, эта цѣль не могла быть достигнута безъ борьбы. Начались аресты, истязанія ви-

[1]) *Берхъ*, Царств. Ал. Мих., I, 218—219.
[2]) Доп. къ А. И., V, № 102.
[3]) *Соловьевъ*, Ист. Росс., XIV, 296

Digitized by Google

новныхъ на патріаршемъ дворѣ, нещадное битье батогами и кнутомъ, изувѣченіе, ссылки „на смиреніе“ въ отдаленные монастыри. Опалѣ подверглись наиболѣе уважаемыя духовныя лица, пользовавшіяся въ народѣ репутаціей учености (многіе изъ нихъ были „справщиками“ — занятіе, по тому времени, чрезвычайно важное), репутаціей правовѣрія, даже святости; началось, вслѣдствіе того, сильное волненіе въ народѣ, который, къ тому же, былъ пораженъ непривычными, небывалыми нововведеніями въ церковной службѣ; оппозиція противъ этихъ нововведеній захватила своею волною широкую полосу Русской земли. Среди народа послышался громкій ропотъ; представителей оффиціальной церкви стали называть нѣмыми учителями, которые вмѣсто Евангелія просвѣщаютъ огнемъ и вмѣсто Апостола учатъ кнутомъ. „Чудо!“ говорилъ протопопъ Аввакумъ,—„какъ то въ познаніе не хотятъ прійдти; огнемъ да кнутомъ да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые-то апостолы научали такъ?—не знаю!“ [1]) Народъ горячо сочувствовалъ этимъ страдальцамъ за старину и смотрѣлъ на страданія какъ на мученичество за вѣру, а мучителей считалъ слугами и предтечами антихриста и въ ужасѣ ожидалъ послѣдняго суднаго дня, кончины міра...

Въ борьбѣ за нововведенія противъ приверженцевъ старины—въ этой борьбѣ, которая, въ сущности, была борьбою старой культуры съ первыми проблесками новой, высшія духовныя лица считали себя, конечно, представителями прогресса; а между тѣмъ, расколъ только раскрылъ полную несостоятельность господствовавшей системы, и ея защитникамъ скоро пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ новыми противниками, гораздо болѣе сильными и опасными, чѣмъ „церковные мятежники“,—пришлось столкнуться съ новою образовательною силою и начать съ нею борьбу уже не за букву и обрядъ, какъ было прежде, а за духъ ученія, и въ отчаянныхъ усиліяхъ этой борьбы обнаружить всю несостоятельность своихъ притязаній на значеніе прогрессивной, цивилизующей силы.

Призывъ Максима Грека „въ науку за море“ не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Ученый инокъ, видя плачевное положеніе русскаго общества, ясно понималъ, что единственнымъ средствомъ измѣнить это положеніе можетъ быть только наука, именно та наука, которой въ то время боялись и чуждались пуще всего. Возставая противъ суевѣрій и ложныхъ понятій, которыя, вмѣсто того, чтобы

[1]) Житіе Авв., 93.

Digitized by Google

просвѣщать умъ, только затемняютъ и притупляютъ его, Максимъ Грекъ старался внушить представителямъ русскаго общества стремленіе къ истинному просвѣщенію, и его старанія были не безслѣдны. Общество, встревоженное обличеніями Максима и его учениковъ, постаралось отдѣлаться отъ обличителя своими привычными мѣрами; но оно было уже не въ силахъ обойдти тѣ вопросы, которые были затронуты дѣятельностью Максима. Реакція противъ духа старины, противъ многовѣковой косности и исключительности, уже началась; сознаніе важности и необходимости науки стало уже—правда, очень медленно—проявляться, по крайней мѣрѣ въ лицахъ, стоявшихъ во главѣ общества. Умные люди уже чувствовали всю тяжесть невѣжества и подумывали о заведеніи школъ, о распространеніи грамотности, даже о томъ, что не худо было бы кое-что и перенять у западныхъ сосѣдей; громко высказывались жалобы на то, что „нашъ Россійскій народъ грубый и неученый... и ученыхъ людей поносятъ и еретиками ихъ называютъ“ [1]). Не прошло и пятидесяти лѣтъ со смерти Максима, какъ богобоязненные ревнители старины съ ужасомъ увидѣли, что наплывъ въ Россію иноземцевъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается,—и какихъ иноземцевъ!—не единовѣрныхъ Грековъ, а именно тѣхъ, которыхъ всего болѣе опасались — „поганыхъ“ Нѣмцевъ, отъ общенія съ которыми особенно предостерегали русскій народъ его наставники и которые у насъ признавались даже некрещеными [2]). Не смотря на всѣ свои усилія огородиться отъ запада, предки наши не могли уже сохранить своего изолированнаго положенія. Когда царь Борисъ Годуновъ захотѣлъ завести въ Москвѣ свѣтскія училища и для этого сталъ приглашать ученыхъ Нѣмцевъ и посылать Русскихъ учиться за границу, духовенство замѣтило ему, что досель въ Россіи, не смотря на ея обширное пространство, господствовало единовѣріе и единонравіе; если же настанетъ разноязычіе, то поселится раздоръ, и прежнее согласіе исчезнетъ [3]). Это замѣчаніе было вполнѣ вѣрно; но положеніе дѣлъ было уже таково, что „единовѣріе“ и въ особенности „единонравіе“ не могли удержаться; расколъ и въ томъ, и въ другомъ отношеніи былъ неизбѣженъ, и никакія проповѣди, никакія репрессивныя мѣры не въ состояніи были спасти отъ разрушенія нашу старую китайскую стѣну. Въ пе-

[1]) Обз. дух. лит., № 236.
[2]) Доп. А. И., III, 250.
[3]) Буссовъ въ Сказ. совр. о Дм. Самозв., I, 12—13.

Digitized by Google

ріодъ самозванщины наплывъ въ Россію иноземцевъ—Нѣмцевъ и Поляковъ — особенно усилился, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно было развиться и заимствованіе Русскими чужихъ обычаевъ; извѣстно, что названный царь Димитрій любилъ бесѣдовать съ своими боярами о томъ, что нужно дать народу образованіе, убѣждалъ ихъ путешествовать по Европѣ, посылать дѣтей за границу и т. п., особенно же отличался религіозною терпимостью.

Съ одной стороны какъ будто повѣяло новымъ духомъ, а съ другой — религіозная и національная нетерпимость ревнителей старины замѣтно усилилась. Поднялись горькія сѣтованія на то, что Русь позавидовала чужестраннымъ обычаямъ, стала перенимать у еретиковъ взоры, хожденія, одежды и всякую ихъ нестру прелесть. Патріархъ Никонъ однажды благословилъ на дорогѣ Нѣмцевъ, одѣтыхъ въ русское платье, и послѣ этого выхлопоталъ у царя указъ—всѣмъ Нѣмцамъ ходить непремѣнно въ своихъ, а не въ русскихъ платьяхъ, чтобы по ошибкѣ и впредь не повредить святыни благословенія тамъ. Такое отношеніе къ западнымъ сосѣдямъ было вполнѣ естественно, потому-что недостатокъ умственнаго развитія и просвѣщенія всегда соединяется съ высокомѣріемъ и нетерпимостью. Впрочемъ, какъ справедливо замѣчаютъ нѣкоторые историки нашей церкви,—за этимъ высокомѣріемъ скрывалось и сознаніе собственной слабости, боязнь просвѣщенія, сознаніе неспособности оградить, при столкновеніи съ западомъ, неприкосновенность своихъ религіозныхъ убѣжденій.

Послѣ того какъ молодые люди, посланные Борисомъ Годуновымъ за границу, не возвратились на родину, правительство запретило Русскимъ ѣздить за границу, „дабы (какъ говоритъ Котошихинъ), узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, не начали свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого попеченія не имѣть и не мыслить". Не смотря, однако, на это запрещеніе, побѣги Русскихъ людей за границу, все-таки, случались [1]). Западное вліяніе, не смотря на все противодѣйствіе, давало себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе, и во второй

[1]) При Михаилѣ Ѳедоровичѣ собирался бѣжать князь Иванъ Хворостининъ, сильно увлекавшійся западными идеями (Собр. Гос. Гр. III, № 30); при Алексѣѣ Михайловичѣ сынъ боярина Ордына-Нащокина бѣжалъ въ Польшу и затѣмъ навсегда поселился во Франціи. Къ послѣднему царь, впрочемъ, отнесся уже снисходительно: «Человѣкъ молодой (писалъ царь) хощетъ созданіе Владычне и руку его видѣть на семъ свѣтѣ».

Digitized by Google

половинѣ XVII столѣтія, черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Максима Грека, поворотъ къ западу, къ наукѣ сталъ уже обозначаться явственно; „Парнѳія“, на которую указывалъ въ XVI вѣкѣ поборникъ русскаго просвѣщенія, все яснѣе и яснѣе стала рисоваться въ идеалахъ передовыхъ Русскихъ людей. Котошихинъ главною причиною всѣхъ „нестроеній“, достигшихъ въ его время въ московскомъ государствѣ крайняго предѣла, считаетъ невѣжество и настоятельно рекомендуетъ Русскимъ людямъ оставить свою вѣковую косность и учиться у иностранцевъ. Крижаничъ приходитъ къ тому же самому выводу, и хотя возстаетъ противъ излишняго „чужебѣсія“, однако сильно порицаетъ „мудроборскую ересь“ и ратуетъ за необходимость просвѣщенія. „Ереси“, говоритъ онъ,—„рождаются не отъ науки, а отъ глупыхъ безкнижныхъ кметовъ“, и потому необходимо, чтобы государи заботились о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, а родители—своихъ дѣтей. „Мы полагаемъ“, замѣчаетъ ученый Сербъ,—„что именно теперь настало для Русскаго народа время учиться, такъ какъ въ настоящее время Богъ возвысилъ Россію славой, силой и величіемъ, какого не имѣла еще ни одна славянская держава; а исторія показываетъ, что когда государство достигаетъ величія и процвѣтанія, тогда начинаютъ развиваться въ немъ и науки“, и т. д. [1]).

Необходимость ученія была уже признана; но рѣшиться заимствовать просвѣщеніе у иностранцевъ, у еретиковъ, конечно, было не возможно, потому-что это было бы вопіющимъ противорѣчіемъ всему складу русской жизни, рѣзкимъ нарушеніемъ освященнаго вѣками обычая и закона. Иностранцы жили въ Москвѣ уже давно, и съ каждымъ годомъ ихъ прибывало все болѣе и болѣе; за свои познанія въ наукахъ и ремеслахъ они признавались „годными“ для государства и призывались на русскую службу, въ армію и на различные промыслы; но сжиться съ ними, считать ихъ за настоящихъ людей все еще не могли; „тишайшій“ и благочестивѣйшій царь Алексѣй Михайловичъ все еще, по примѣру отцовъ своихъ, мылъ руки послѣ всякаго прикосновенія „поганыхъ“ устъ европейскаго посла; святѣйшій патріархъ приходилъ въ ужасъ при мысли о возможности дать свое благословеніе „псамъ“. Стало быть, за наукой нужно и можно было обратиться только къ старому источнику русскаго просвѣщенія—въ Византію, или же въ единоплеменную и единовѣрную страну, которая недавно поступила подъ высокую руку царя Московскаго — въ

[1]) Русск. госуд., I, 105—112.

Digitized by Google

Малороссію, которая, благодаря борьбѣ съ латинствомъ, ранѣе почувствовала потребность просвѣщенія и въ эту пору уже владѣла средствами школьнаго образованія. У православнаго монаха Малоросса можно было учиться такъ же безопасно, какъ и у православнаго монаха-Грека; пригласить того или другаго было необходимо, такъ какъ московскіе книжные и учительные люди оказались весьма не книжными и вовсе не учительными.

На первый разъ были приглашены тѣ и другіе.

14-го мая 1649 года Кіевскому митрополиту, бывшему префекту Могилянской коллегіи, Сильвестру Коссову, послана была царская грамота слѣдующаго содержанія:

„Вѣдомо намъ, великому государю, нашему царскому величеству, учинилося, что учители, священноинокъ Арсеній [1]) да Дамаскинъ Птицкій Божественнаго Писанія вѣдущи и эллинскому языку навычни, и съ эллинскаго языка на славенскую рѣчь перевести умѣютъ, и латинскую рѣчь достаточно знаютъ; а нашему царскому величеству такіе люди годны; и мы, великій государь, наше царское величество, велѣли о тѣхъ учителѣхъ послати нашу царскаго величества грамоту къ Зосимѣ, епископу Черниговскому, потому что тебя, митрополита, въ то время въ Кіевѣ не было; а нынѣ мы, великій государь, наше царское величество, велѣли къ тебѣ о томъ послати нашу, царскаго величества, грамоту; и вамъ бы, митрополиту, намъ, великому государю, послужить и нашего царскаго жалованья къ себѣ поискать, и тѣхъ учителей приговорити и прислати къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, для справки Библіи греческія на славенскую рѣчь, на время намъ, великому государю, послужити; а на Москвѣ, у нашего царскаго величества, нобыти имъ вольно, по ихъ волѣ и хотѣнію“ [2]).

Въ томъ же году „милостивый мужъ“ Ѳедоръ Ртищевъ основалъ въ Москвѣ Андреевскій монастырь и при немъ школу, „ради во оном монастырѣ россійскаго рода во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія“ [3]). Главнымъ наставникомъ въ этой школѣ былъ „въ философіи и богословіи изящный дидаскалъ, искуснѣйшій въ эллино-греческомъ и словенскомъ діалектахъ“, воспитанникъ Кіевской братской

[1]) Сатановскій.

[2]) П. С. З., I, № 7.

[3]) *Др. Росс. Вивл.*, 2-е изд. VI, 404.

Digitized by Google

школы, Епифаній Славинецкій, вызванный въ Москву также по волѣ царя.

Одновременно съ появленіемъ въ Москвѣ малороссійскихъ ученыхъ прибылъ туда, вмѣстѣ съ Іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, Грекъ Арсеній, который также былъ оставленъ царемъ при себѣ, какъ человѣкъ ученый (онъ учился въ римской коллегіи), и слѣдовательно, „годный".

Самымъ важнымъ вопросомъ, стоявшимъ тогда на очереди, былъ вопросъ объ исправленіи церковныхъ книгъ. Исправленіе началось при патріархѣ Іосифѣ, и много книгъ было уже отпечатано вновь, подъ наблюденіемъ цѣлой коммиссіи изъ духовныхъ лицъ, извѣстныхъ своею книжностью и благочестіемъ. Пріѣзжіе учителя—Малороссы и Греки (особенно послѣдніе) — стали указывать патріарху на ошибки справщиковъ, стали оспаривать ихъ права на пользованіе ученымъ авторитетомъ въ обществѣ. Столкновеніе новыхъ учителей со старыми сдѣлалось неизбѣжнымъ; смущенный патріархъ, самъ человѣкъ не особенно книжный, счелъ необходимымъ, для уясненія недоумѣнныхъ вопросовъ, послать на востокъ Троицкаго келаря Арсенія Суханова. Но оскорбленные новопріѣзжими учителями протопопы-справщики стали уже громко высказывать сомнѣніе въ правильности и авторитетности греческаго православія. Въ самомъ дѣлѣ, со времени паденія Византійской имперіи и съ возвышеніемъ Москвы греческое вліяніе на Руси стало замѣтно ослабѣвать. Москва въ глазахъ русскихъ книжниковъ явилась уже „третьимъ Римомъ", стало быть, получила вполнѣ самостоятельное значеніе; Греки много потеряли въ глазахъ Русскихъ еще Флорентинскою уніей, хотя она и не утвердилась въ Греціи. Митрополитовъ Русскихъ стали рукополагать въ Россіи именно потому, что явилось сомнѣніе въ православіи Константинопольскаго патріарха [1]); съ учрежденіемъ же Московскаго патріаршества даже и послѣдніе признаки номинальной зависимости русской іерархіи отъ греческой перестали существовать. „Чѣмъ вы лучше насъ?" говорили греческимъ учителямъ въ XVII вѣкѣ [2]),—"все ваше начало къ намъ перешло. Первое начало—былъ у васъ царь благочестивъ, а теперь нѣту. И въ то мѣсто воздвигъ Богъ въ Москвѣ царя благочестиваго... И всякій святительскій чинъ, и священническій, и иноческій въ московскомъ го-

---

[1]) А. И., I, № 41, стр. 85. *Филаретъ*, Ист. русск. церкви, III, 11—12.

[2]) Изъ подложной редакціи «Проскинитарія» Суханова. (См. *Прав. Обозр.* 1861, XI, 328 и сл.; 1870, I, 59).

Digitized by Google

сударствѣ украсися, якожъ исперва бѣ въ Римѣ и у васъ. И монастырей было у васъ много, иноковъ, а нынѣ только слѣдъ знать; церкви многія басурмане завладѣли и починили мечетьми; нынѣ христіане многіе обасурманились. Мощей святыхъ было у васъ много, и вы ихъ разносили по чужимъ землямъ, и нынѣ у васъ нѣту, а у насъ стало много; да и нашея земли Богъ многихъ прославилъ угодниковъ своихъ... У насъ на Москвѣ у государя царя и у патріарха есть до 500 церквей, а у митрополита новгородскаго будетъ до 2,000 церквей. А у васъ что за патріархъ и надъ кѣмъ онъ патріархъ, что одна церковь во всей его патріархіи? Патріархъ зовется отцемъ начальникъ, сирѣчь имѣетъ подъ собою митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ; а у него другой церкви нѣтъ, и никакихъ отцовъ у него подъ началомъ нѣтъ же". Игуменъ Илія, которому (въ 1627 г.) поручено было исправить катихизисъ Лаврентія Зизанія, въ своемъ „преніи" съ авторомъ разсматриваемой книги (въ которой оказались ссылки на греческую Кормчую), прямо выражалъ сомнѣніе въ достоинствѣ новыхъ греческихъ книгъ: „Новыхъ переводовъ греческаго языка и всякихъ книгъ не пріемлемъ, ибо Греки нынѣ живутъ въ тѣснотахъ великихъ между невѣрными, и по своихъ волѣхъ печатати имъ книгъ своихъ не умѣть; и для того вводятъ иныя вѣры въ переводы греческаго языка, что хотятъ" [1]). Арсеній Суханов, хотя и ничего не сказалъ противъ вѣры греческой, но указывалъ на различные безпорядки въ греческомъ богослуженіи; а для Русскихъ людей, которые подъ словомъ вѣра издавна понимали преимущественно внѣшнюю, обрядовую сторону религіи, безпорядки при богослуженіи значили почти то же, что ересь. Самъ Никонъ, бывши еще митрополитомъ Новгородскимъ, говаривалъ своимъ приближеннымъ: „Гречане-де потеряли вѣру, и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой-де и чести ихъ прельстили, своимъ-де чревомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилося и благочестія ни мало". Также отзывался онъ и о Малороссахъ. Протопопъ Аввакумъ на соборѣ 1667 года въ глаза Греческимъ патріархамъ говорилъ: „Вселенстіи учителіе... У васъ православіе пестро, отъ насилія турскаго Магмета немощни есте стали; и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться". Укрѣпленію такого взгляда на Грековъ не мало содѣйствовали и ихъ нравственныя качества: „Суть бо Греци льстиви и до сего дне", читаемъ въ древнѣйшемъ спискѣ русской лѣтописи. „Греки намъ льстятъ", говоритъ

[1]) «Преніе» въ *Лѣтоп. р. литер. и древн.*, II, кн. 4, стр. 80—100.

Digitized by Google

Крижаничъ;—„подслуживаясь ложью и баснями, съ цѣлью возвысить сіе царство, они нѣкогда покрыли его великимъ позоромъ и поставили въ большія затрудненія... безразсудно обвиняя всякую новость, внушаютъ свои глупости подъ ложнымъ именемъ древности... и болтаютъ, что всякая наука есть еретическая... въ лицо надуваютъ насъ суетной славой, а за глаза срамятъ... голодной ихъ жадности никогда не наполнишь, какъ дыраваго мѣшка; ихъ очи никогда не насыщаются, но всегда алкаютъ все больше и больше, и хотѣли бы высосать кровь изъ жилъ, мозгъ изъ костей нашихъ... Праздношатающіеся ихъ монахи и митрополиты скитаются по нашимъ областямъ съ поддѣльными грамотами, и ложнымъ нищенствомъ выканючиваютъ у насъ ссуду“, и пр. [1]). Въ Соловецкой челобитной заявленъ былъ, между прочимъ, такой протестъ противъ грековъ: „Всѣмъ намъ явно, каково ихъ исправленіе... ибо и самые греческіе учители, егда пріѣзжаютъ въ русскую землю, ни единъ лица своего прекрестити не умѣютъ и ходятъ безъ крестовъ... то како и чему имъ насъ научити и какова отъ нихъ научитися намъ православія, каковаго ждать въ вѣрѣ исправленія?... Нынѣшніе, государь, греческіе учители пріѣзжаютъ изъ своей земли въ твое благочестивое царство не вѣру исправлять, но злата и сребра и вещей собирать, и міръ истощать“ [2]).

Такіе голоса раздавались все громче и громче со стороны обиженныхъ іосифовскихъ справщиковъ. Что касается до ученыхъ малороссійскихъ (или, какъ говорили тогда, „черкасскихъ“) монаховъ, то они подвергались едва ли не болѣе сильнымъ нападкамъ со стороны ревнителей стараго благочестія и старыхъ порядковъ. Самымъ капитальнымъ обвиненіемъ, которое выставлялось противъ нихъ, было обвиненіе въ латинской ереси; а латинская ересь въ глазахъ благочестиваго Русскаго человѣка была, пожалуй, даже преступнѣе, чѣмъ еврейство или магометанство. Противоположность между православіемъ и католицизмомъ издавна составляла любимую тему являвшихся на Руси богословско-полемическихъ сочиненій. Христіанство явилось у насъ именно въ эпоху раздѣленія церквей, когда вопросъ объ этомъ раздѣленіи всего болѣе волновалъ византійское духовенство и общество. Митрополиты, присылаемые къ намъ изъ Греціи, вмѣстѣ съ своими религіозными убѣжденіями, приносили и свои религіозныя антипатіи, и вмѣсто того, чтобы обращать свое вниманіе на церковныя дѣла

[1]) Русск. госуд., II, 183, 185, 215 и др.

[2]) Три челобитныя. С.-Пб. 1862, стр. 174—175; ср. Доп. къ А. И., V, 448.

Digitized by Google

Русскаго народа, занимались преимущественно церковными спорами и всего болѣе внушали остерегаться латинянъ, вычисляя заблужденія, иногда даже и небывалыя, „проклятой и отреченной св. отцами“ латинской вѣры, со всею, доходившею до крайнихъ мелочей, религіозною нетерпимостью. Такою нетерпимостью и ненавистью къ латинству проникнуты сочиненія первыхъ русскихъ духовныхъ учителей (митрополита Леонтія, Георгія, Іоанна II, Ѳеодосія Печерскаго). Въ дальнѣйшемъ ходѣ русской исторіи эта ненависть поддерживалась и укрѣплялась греческимъ духовенствомъ, подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, притязаній папства на Русскую церковь, Флорентинской уніей; полемика противъ латинства велась систематически и непрерывно. Максимъ Грекъ даже самому имени латинянъ противополагаетъ имя христіанское, и защищая супругу Ивана III противъ нападокъ боярина Берсеня, говоритъ: „Великая княгиня Софья по отцѣ христіанка, а по матери латынка“ [1]). Войны съ Польшею, самозванщина и т. п. событія еще болѣе содѣйствовали укрѣпленію въ Русскомъ народѣ того крайне суроваго взгляда на латинянъ, какой выражается, напримѣръ, въ „Соборномъ изложеніи“ патріарха Филарета: „Всѣхъ еретическихъ вѣръ скверпѣйши и лютѣйши суть латыняне, папежницы, понеже всѣхъ древнихъ еллинскихъ и жидовскихъ и агарянскихъ и еретическихъ вѣръ ереси проклятыя въ законъ свой пріяша, и со всѣми съ погаными языки, и съ проклятыми со всѣми же еретиками обще все дѣйствуютъ и мудрствуютъ“ [2]). На основаніи такихъ убѣжденій, полемическая дѣятельность нашихъ духовныхъ писателей до начала XVIII вѣка направлялась главнымъ образомъ противъ латинства, и въ ихъ сочиненіяхъ собирались всевозможные доводы, имѣвшіе цѣлью сдѣлать латинянъ и ихъ мнѣнія ненавистными для народа, который на этихъ книгахъ воспитывался. Католическая вѣра называлась не иначе, какъ еретическою, проклятою, и католики считались людьми, погибшими для царствія Божія [3]). Достаточно было назвать какое-нибудь мнѣніе или обычай латинскимъ, чтобы сдѣлать его въ глазахъ народа богопротивнымъ и проклятымъ [4]). При этомъ,

[1]) А. А. Э., I, стр. 145.

[2]) Потребникъ патр. Іоасафа, л. 561 об.

[3]) А. А. Э., I, стр. 241—245; Собр. госуд. грамотъ, III, 24; IV, 469.

[4]) Напримѣръ, Стоглавъ, гл. 42: «трегубити аллилуію — латинская ересь», гл. 5, вопр. 25: «нарицаемся христіане... а брады брѣютъ и усъ подкусываютъ... то почему познати христіанина?» Ср. гл. 40. На старыхъ рисункахъ бѣсы почти

Digitized by Google

понятіе о вѣрѣ тѣсно и нераздѣльно сливалось съ понятіемъ о народности: принадлежность къ православной вѣрѣ была самымъ наглядным признакомъ принадлежности къ Русскому народу, который свою вѣру и до сихъ поръ чаще называетъ „русскою“, нежели „православною“ [1]). Понятно, что при такихъ условіяхъ всякая попытка ввести какое-либо новшество „латинскаго“ характера должна была считаться покушеніемъ на православную вѣру и русскую народность и вызывала сильный протестъ; понятно, почему авторитетъ высшей іерархіи всего сильнѣе можно было подорвать распространеніемъ въ народѣ мысли о совращеніи духовныхъ властей въ латинство. Потому-то первые представители раскола въ своей полемикѣ противъ нововведеній и старались указывать главнымъ образомъ на то, что власти „святыя старопечатныя книги охулили и отвергли, и возлюбили новую латино-римскую вѣру, не по Божіей, но по своей волѣ сотворенную“ [2]).

Такой взглядъ на латинство былъ перенесенъ и на малороссійскихъ ученыхъ монаховъ, воспитавшихся въ непосредственномъ сосѣдствѣ и въ постоянной борьбѣ съ католицизмомъ и уніей. Когда кіевскіе монахи завели въ Москвѣ ученое братство по образцу братствъ южно-русскихъ, стали заниматься переводами и преподавать греческій и латинскій языкъ, московскіе грамотѣи съ самаго начала поняли, что пришельцы обладаютъ такою силою, съ которою бороться трудно—силою просвѣщенія,—и чтобы отстоять свой авторитетъ, рѣшились во что бы то ни стало устранить эту силу, дискредитировать ее въ глазахъ народа. Самымъ удобнымъ и наиболѣе подходящимъ для такой цѣли оказался старый пріемъ — обвиненіе противниковъ въ ереси. Грековъ стали укорять въ порчѣ и забвеніи истиннаго православія; но Греки все еще, по старой памяти, пользовались нѣкоторымъ авторитетомъ; у малороссійскихъ монаховъ не было никакихъ традицій, слѣдовательно—никакого авторитета; они были люди новые; ихъ школьное образованіе было вовсе не похоже на доморощенную книжность москов-

---

всегда изображались въ «латинскомъ» (европейскомъ) платьѣ и безбородыми. Русскіе путешественники на востокѣ видѣли рай, а на западѣ доходили до ада (Посланіе архіеп. Василія, въ П. С. Р. Л., VI, 88).

[1]) Такое же слияніе понятія о народности съ понятіемъ о вѣрѣ замѣчается и у поляковъ, которые вообще чаще называютъ себя «католиками», чѣмъ поляками, считая католическое вѣроисповѣданіе непремѣннымъ признакомъ польской національности. Однородныя причины производятъ аналогичныя послѣдствія.

[2]) Три челобитныя, 73.

Digitized by Google

скихъ начетчиковъ; ясно, стало быть, что они мудрствуютъ „латиноподобно", „истинному православію несходно". Сочиненія кіевскихъ монаховъ еще и прежде визвали недоумѣнія и сомнѣнія, отчасти потому, что были написаны на языкѣ, для Великороса невразумительномъ, а отчасти и потому, что московская цензура находила въ нихъ неслыханныя школьныя новости (какъ, напримѣръ, въ Катихизисѣ Лаврентія Визанія—ученіе о зодіакѣ, о кругахъ небесныхъ, и пр.). Въ 1627 г. въ „Учительномъ Евангеліи" Кирилла Транквиліона „сыскались многія ереси и супротивства", а потому было указано „тѣ книги собрати и на пожарѣхъ сжечь, чтобъ та ересь и смута въ мірѣ не была". При этомъ было на крѣпко заказано, „чтобъ впередъ никто никакихъ книгъ литовскія печати и письменныхъ литовскихъ не покупали" [1]). Кіевскіе ученые въ основу образованія и школьнаго обученія полагали грамматику, риторику и основныя начала схоластической діалектики; московскіе же грамотѣи руководились однимъ только авторитетомъ „богодухновенныхъ" книгъ, а про латынь говорили, что „кто по латыни научился, тотъ съ праваго пути совратился". Взглядъ на жителей юго-западной Руси, какъ на людей, нетвердыхъ въ православіи, особенно рѣзко выразился въ повелѣніи патріарха Филарета, которое затѣмъ было подтверждено и Никономъ,—перекрещивать малороссійскихъ и бѣлорусскихъ „обливанцевъ" и не только свѣтскихъ, но и монаховъ. Такъ, въ 1629 г. „въ патріаршій дворцовый приказъ присланъ изъ Розряду выходецъ изъ Кіева, старецъ Варсунофей, а въ распросѣ сказалъ... „а въ крещенье де въ Кіевѣ обливаютъ", и такъ какъ онъ не могъ доподлинно сказать, крещенъ ли онъ „русскимъ крещеніемъ" (погруженіемъ), то велѣно его крестить [2]). Въ 1655 г. въ Вологду присылали бѣлоруссовъ, и мѣстные священники обратились къ архіерею съ вопросомъ: пускать ли ихъ въ церковь и ходить ли къ нимъ съ требами? Архіерей не съумѣлъ самъ разрѣшить этого вопроса и обратился къ патріарху (Никону), а тотъ отвѣчалъ: „Если кто не истинно крещенъ, обливанъ, тѣхъ крестить снова, а умершихъ погребать" [3]). При та-

[1]) Собр. Гос. Гр., III, № 77.

[2]) *Русск. Ист. Библ.* II, 601—602.

[3]) Акты, относящіеся до юрид. быта Россіи, I, 274. Вопросъ объ обрядѣ крещенія не разъ поднимался въ нашей церковной литературѣ (см., напримѣръ, Правило митрополита Кирилла II, въ *Русск. Достоп.* I, 106—118, и Стоглавъ, гл. 17); мы еще встрѣтимся съ этимъ вопросомъ при разборѣ одного изъ сочиненій Ѳеофана Прокоповича.

Digitized by Google

комъ взглядѣ на Малороссовъ, оппозиція противъ ученыхъ Кіевлянъ въ Москвѣ была даже сильнѣе, чѣмъ противъ Грековъ, на которыхъ то, что Арсеній Грекъ удалось обвинить и сослать въ Соловки, а Епифаній Славинецкій и его сотрудники удержались на своихъ мѣстахъ. Но оппозиція противъ тѣхъ и другихъ особенно усилилась, когда слабаго и нерѣшительнаго патріарха Іосифа замѣнилъ суровый и энергичный Никонъ, приблизившій къ себѣ и Грековъ и Кіевлянъ, и поручившій имъ, всецѣло и исключительно, заботы о книжномъ исправленіи, о введеніи проповѣдничества и церковномъ благочиніи вообще. „Ахъ, увы, благочестивый царю!“ писалъ Іоаннъ Неронов изъ заточенія Алексѣю Михайловичу въ 1653 году, — „стани добрѣ, первородное чадо, вонми гласу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ. Молимъ тя, и паки молимъ тя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай“ [1]).

Характеръ учительной дѣятельности новоприѣзжихъ греческихъ и малороссійскихъ монаховъ въ Москвѣ былъ, первоначально, преимущественно формальный: дѣло шло объ исправленіи старопечатныхъ книгъ: слѣдовательно, на первомъ планѣ должно было стоять обученіе грамматикѣ, а затѣмъ — греческому языку. Исторія первыхъ училищъ этого рода въ Москвѣ — Андреевскаго, Ртищевскаго и патріаршаго Чудовскаго — въ подробностяхъ намъ неизвѣстна; но еслибы, кромѣ грамматики и греческаго языка, въ нихъ преподавались какія-нибудь другія науки, то противники новшества не преминули бы обвинить учителей въ разныхъ другихъ ересяхъ, кромѣ грамматической (напримѣръ, хоть въ такомъ вольнодумствѣ, въ какомъ обвинялся Зизаній, приводившаго въ своемъ Катихизисѣ „прологи изъ книгъ Езопа, фрыгійскаго мудреца“, „и огонь и звѣзды, что на тверди небесной, называвшаго животными и звѣрями). Между тѣмъ, іосифовскіе справщики обвиняли своихъ преемниковъ, главнымъ образомъ, въ еретически-аланамѣренномъ исправленіи книгъ и въ превратныхъ грамматическихъ толкованіяхъ: „Малка грамматика ихъ“, говоритъ, напримѣръ, въ своей челобитной справщикъ Савватій; — „добро грамматика, кто умѣетъ ея совершенно; а съ ихъ грамматики точію книгамъ на губу, а людямъ соблазна“. О переводахъ соловецкая челобитная замѣчаетъ: „Преложили (книги) на свой разумъ и на свой чинъ, по своему плотскому разуму, богопротивно и развратно“ [2]). Дальнѣйшая

[1]) *Прибав. къ Твор. св. отц.*, ч. XIX, стр. 309, прим.

[2]) Три челобитныя, 29, 166.

Digitized by Google

судьба этихъ училищъ представляется не вполнѣ ясною; но вѣроятно, во второй половинѣ XVII вѣка они находились уже въ упадкѣ, потому что ученый митрополитъ Газскій Паисій Лигаридъ, прибывшій въ Москву въ 1660 г., настоятельно совѣтовалъ царю Алексѣю Михайловичу озаботиться учрежденіемъ училищъ: „Искахъ и азъ" говоритъ онъ въ своемъ опроверженіи Соловецкой челобитной, — „корене духовнаго сего недуга (раскола), преходящаго нынѣ въ семъ христоименитомъ царствѣ, и тщахся обрѣсти, откуду бы сіе ересей наводненіе истекало и возростало, на толику нашу общую пагубу? Наслѣдокъ, умомъ обращая, обрѣтохъ изъ двою истеченіе, еже есть: отъ лишенія и неимѣнія народныхъ училищъ, такожде отъ скудости и недостаточества святыя книгохранительницы. Азъ же, вопрошенъ о санѣ церковномъ и гражданскомъ, кіи-бы были столпи и завѣсы обою, рекъ бых: первое училища, второе училища, третіе училища пренужды быти... Ты убо, о преславный царю, подражай Ѳеодосіемъ, Юстиніаномъ и созижди здѣ училища ради остроумныхъ младенецъ ко ученію трехъ языкъ коренныхъ наипаче: греческаго, латинскаго и словенскаго... Ибо отъ сего новаго училища... извѣстѣ (безъ сомнѣнія) изидутъ аки отъ коня троянскаго, христоименитіи борцы, иже о добродѣтели твоего пространнѣйшаго царства, о умноженіи сего чина церковнаго и о общей напослѣдокъ пользѣ всего христоименитаго гражданства ратовати будутъ". Патріархи — Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, пріѣзжавшіе въ Москву для суда надъ Никономъ, также совѣтовали царю: „Положи отнынѣ въ сердцѣ твоемъ училища, тако греческая, тако славенская и иная назидати; студеовъ (учениковъ) милостію си и благодатію умножати, учители благонаученыя взыскати, всѣмъ же честьми на трудолюбіе поощрати"[1].

Однако, при Алексѣѣ Михайловичѣ эти совѣты оставались безъ исполненія, и только въ слѣдующее царствованіе, конечно, благодаря стараніямъ царскаго пѣстуна Симеона Полоцкаго, явилась мысль объ учрежденіи въ Москвѣ академіи на подобіе Кіево-Могилянской. Исторія этой мысли и ея практическаго примѣненія представляетъ особый интересъ, такъ какъ въ это время въ средѣ самихъ новопріѣзжихъ учителей проявился расколъ, вызванный историческими условіями ихъ положенія, и началась сильная и знаменательная въ исторіи русскаго просвѣщенія борьба между представителями двухъ различныхъ міро-

[1]) *Приб. къ Твор. св. отц.* 1845, III, 161—162, 164.

Digitized by Google

созерцаній, двухъ различныхъ цивилизацій — восточной, византійско-московской, и западно-латинско-польской.

Юго-западная Русь, отдѣленная отъ сѣверо-восточной политическими обстоятельствами и съ XV вѣка имѣвшая свою особую іерархію, находилась въ близкихъ, непосредственныхъ сношеніяхъ съ сосѣднею Польшей, которая оказала значительное вліяніе на языкъ, нравы и вообще на жизнь этого края. Со времени сліянія Литвы съ Польшей заботы внутренней польской политики были устремлены главнымъ образомъ къ закрѣпленію за польской короной Литовской Руси и къ ассимиляціи населенія этого края съ польскимъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ орудій этой политики была католическая пропаганда, которая особенно усилилась съ тѣхъ поръ, какъ во второй половинѣ XVI вѣка въ Польшѣ появились іезуиты. Вызванные сюда первоначально потребностью борьбы съ реформаціонными идеями, іезуиты въ непродолжительный срокъ успѣли уже забрать въ свои руки воспитаніе наиболѣе знатнаго юношества и подготовку кандидатовъ на высшія духовныя должности. Старыя учебныя заведенія, во главѣ которыхъ стояла Краковская академія, скоро должны были сознаться, что борьба съ іезуитами имъ не по силамъ; іезуитскія коллегіи и школы прочною сѣтью опутали всѣ области, политически связанныя съ Польшею, и сильныя своей централизаціей, повели энергическую пропаганду въ православномъ южно-русскомъ краѣ. Преподаваніе въ этихъ школахъ отличалось характеромъ совершенно космополитическимъ; главною идеей и главною цѣлью его было упроченіе всемірнаго господства римско-католической церкви. Іезуиты вырабатывали ловкихъ софистовъ, поражавшихъ въ спорѣ хитроплетеными силлогизмами и діалектическими изворотами, умѣвшихъ пользоваться для своей цѣли обширною начитанностью; вмѣстѣ съ тѣмъ, желая имѣть безусловно-преданныхъ исполнителей своей воли, іезуиты старательно исключали изъ системы своего обученія все то, что могло такъ или иначе возбуждать въ ученикахъ самодѣятельность мысли. Отсюда — безусловное освященіе авторитетовъ всякаго рода: церковнаго и политическаго авторитета папы и духовной іерархіи, научнаго и литературнаго авторитета извѣстныхъ писателей, признанныхъ образцовыми. Болѣе всего опасаясь духа, который, по слову Писанія, дышетъ, идѣже хощетъ, они должны были привязаться къ буквѣ, къ формѣ какъ въ школѣ, такъ и въ жизни, не допуская пытливыхъ изслѣдованій, могущихъ подорвать шаткія основы авторитетовъ. Духъ критики, свободнаго отношенія къ вопросамъ науки и жизни,

Digitized by Google

свободная умственная дѣятельность—вотъ тѣ враждебныя начала, съ которыми преимущественно боролись іезуиты своею системой воспитанія; послѣдовательное распространеніе теократическаго обскурантизма, крайняя религіозная нетерпимость, пренебреженіе ко всѣмъ отраслямъ знанія, которыя непосредственно связаны съ практическою жизнью, пренебреженіе къ народу и его языку, стремленіе всѣми мѣрами препятствовать распространенію въ народѣ просвѣщенія — таковы отличительныя черты іезуитской педагогики. Схоластическая наука, уже отжившая свой вѣкъ въ Европѣ и мало по малу, подъ вліяніемъ реформаціоннаго движенія, уступившая свое мѣсто новому, живому гуманистическому направленію, всего болѣе пришлась по вкусу іезуитамъ, потому-что, ограничиваясь тѣснымъ кругомъ разъ навсегда установленныхъ авторитетовъ, она была только умственною гимнастикой, дрессировкой мысли, наукой для науки, безъ всякаго отношенія къ реальной дѣйствительности. Іезуиты, дѣятельность которыхъ представляетъ самое полное воплощеніе идеи католицизма, довели схоластику до высшей степени совершенства. Въ системѣ преподаванія первое мѣсто занималъ латинскій языкъ, какъ языкъ церкви и науки, зная который, „христіанинъ Индіи можетъ говорить о вѣрѣ съ Полякомъ"; но изученіе латинскаго языка, въ противоположность воззрѣніямъ европейскихъ гуманистовъ, считалось вовсе не средствомъ къ ознакомленію съ древне-римскою жизнью, исторіей и литературой, а ставилось само себѣ цѣлью. На усвоеніе тяжеловѣсной и плохопонятной латинской грамматики іезуита Эммануила Альвара назначались три школьные курса, которые занимали рѣшительно все время, посвященное воспитанію; римскіе классики читались и изучались внимательно, но только для того, чтобъ изъ ихъ сочиненій почерпнуть способъ составленія и употребленія риторическихъ фигуръ, правила безошибочнаго слога, чтобъ умѣть писать на заданную тему вполнѣ согласно съ предписаніями риторики. Начитанность схоластическаго ученаго была иногда поразительна; но она представляла только арсеналъ готовыхъ мыслей и фразъ, которыя, смотря по надобности, могли быть вставлены въ данную логическую формулу; о настоящей, научной эрудиціи здѣсь не было и помышленія. Живое отношеніе къ вопросамъ вѣры и знанія замѣнялось отношеніемъ діалектическимъ, убѣжденіе—силлогизмомъ, игрой въ логическія формулы и дефиниціи, понятія—словами, наука—ученымъ невѣжествомъ, кропотливымъ нанизываніемъ замысловатыхъ сравненій, опредѣленій, выраженій, выхваченныхъ изъ Библіи или изъ классиковъ, на едва замѣтную нитку

Digitized by Google

мысли, „зашнурованной", по выраженію Гете, — „въ испанскіе саноги". Вмѣстѣ съ этимъ систематическимъ притупленіемъ мысли іезуиты стремились убивать въ своихъ ученикахъ всякое проявленіе свободной воли, проповѣдуя безусловное повиновеніе старшимъ, развивая рабоѣнство и крайнюю лесть въ отношеніяхъ къ лицамъ, власть имущимъ.

Такови были общія черты іезуитскаго воспитанія, которое нигдѣ, можетъ быть, не пустило своихъ корней такъ глубоко, какъ именно въ Польшѣ. Отсюда-то и явились энергическіе и ловкіе пропагандисты, поставившіе себѣ цѣлью во что бы то ни стало подчинить православную юго-западную Русь римскому престолу, ad majorem Dei gloriam и для умноженія „ленты св. Петра", а также и co цѣлью политическаго объединенія Польши, которое являлось неизбѣжнымъ результатомъ объединенія религіознаго. Пропаганда пошла быстро и успѣшно, благодаря крайней слабости ея противниковъ: въ половинѣ XVI вѣка южно-русское духовенство по своей образованности нисколько не отличалось отъ московскаго, а по своему общественному положенію было гораздо ниже его, такъ какъ находилось въ полной зависимости отъ католическаго папства. Даже православное южно-русское плебейство стыдилось своего православія, какъ религіи „хлопской"; самое поверхностное сравненіе между представителями духовенства польскаго и русскаго должно было приводить къ заключеніямъ, крайне невыгоднымъ для послѣдняго. Католическіе проповѣдники, являясь во всеоружіи схоластической діалектики, одерживали надъ „простыми" защитниками православія легкія побѣды и поддерживали презрѣніе къ русской народности, вѣрѣ и языку. „Что это за языкъ?" говорили они, — „на немъ нигдѣ не преподаютъ ни богословія, ни философіи, ни логики, на немъ риторики и грамматики даже быть не можетъ. Сами русскіе попы не въ силахъ объяснить, что такое они въ церкви читаютъ, и бываютъ вынуждены спрашивать у другихъ объясненій на польскомъ языкѣ. Отъ русскаго языка — одно невѣжество и заблужденіе".

Русскіе защитники православія, при такомъ положеніи дѣлъ, скоро должны были прійдти къ сознанію необходимости просвѣщенія для борьбы съ анти-національною католическою пропагандой. Князь Острожскій принимаетъ къ себѣ бѣжавшихъ изъ Москвы типографщиковъ, заводитъ училища; Курбскій, поселившись въ Литвѣ, заботится о переводахъ и печатаніи книгъ и вообще о средствахъ къ просвѣщенію. Онъ указываетъ на то, что человѣку просвѣщенному нечего

Digitized by Google

бояться іезуитовъ, которые сильны только искусною діалектикой, „бо имъ есть обычай въ томъ, зѣло искусними силлогизмами поганскихъ философовъ, смѣшавши ихъ съ упорностію своею, истинѣ евангельской софистицки сопротивлятися и проповѣдь апостольскую разоряти; а паче же на таковыхъ нападаютъ и сопротивъ тѣхъ возмогаютъ, которые зброи оружія отъ священнаго писанія аще и имѣютъ, а дѣйствовати ими не умѣютъ и сопротивлятися врагомъ неискусны... Бога ради, молю, не ужасайтеся ихъ и не дивитеся остротѣ языка и елокуціи ихъ!“ Самымъ настоятельнымъ образомъ совѣтуетъ онъ не только не ужасаться, но и трудиться для того, чтобъ имѣть средства для борьбы: „А если же будемъ простерты лежати въ давно обыкновенномъ піянствѣ, тогда паны евуиты и презвитерове римскія церкви, сильніе во Св. Писанію, силлогизмами и софизматы поганскими... могутъ поражати и растерзати насъ лежащихъ“ [1]).

Наиболѣе сильный отпоръ встрѣтила католическая пропаганда въ городскомъ сословіи, низшемъ духовенствѣ, казачествѣ и крестьянствѣ, то-есть, въ главной массѣ населенія южно-русскаго края. Завязалась борьба, отличавшаяся упорствомъ, которое вошло даже въ пословицу [2]). Центрами противо-католической организаціи сдѣлались знаменитыя церковныя братства, которыя стали заводить школы, типографіи, печатать для народа буквари, катихизисы, грамматики, переводы Св. Писанія на народный языкъ, церковно-политическіе памфлеты. Путемъ школьнымъ и литературнымъ, въ эпоху борьбы съ уніей, стала распространяться въ южной Руси европейская наука, главнымъ разсадникомъ которой сдѣлалась кіевская школа „эллино-славянскаго и латино-польскаго письма“, преобразованная впослѣдствіи Петромъ Могилой. Братскія школы, основанныя по благословенію восточныхъ патріарховъ, первоначально имѣли характеръ византійско-церковный; на первомъ планѣ стояло обученіе греческому языку, и свѣтская наука, даже подъ видомъ латино-польской схоластики, почти не заходила туда, чему, конечно, особенно способствовалъ старый греческій взглядъ на все „латинское“, какъ на источникъ ересей [3]). Но такое положеніе дѣлъ въ странѣ, тѣсно связанной съ

[1]) Сказанія кн. Курбскаго (1868), 252, 228, 230—231.

[2]) Uparty jak Rusin.

[3]) Такъ, напримѣръ, въ Львовской братской школѣ учили «писма святого греческого и словенского, дидаскаліе—россійскій и греческій родъ»; въ школѣ Минскаго братства (основанной въ 1592 г.) находился «бакаляръ», учившій тѣмъ же предметамъ; послѣ Брестскаго собора въ программу обученія вводятся уже

Digitized by Google

Польшей, и въ обществѣ, раздѣленномъ уніей на два враждебные лагеря, не могло продолжаться долго. Для успѣшной борьбы съ іезуитами необходимо было сравняться съ ними въ научномъ образованіи, усвоить ихъ начитанность и діалектическіе пріемы, — или же усвоить результаты новаго европейскаго умственнаго движенія и ратовать противъ враговъ не во имя традиціоннаго, вѣками освященнаго авторитета, а во имя правъ человѣческой мысли, которая въ западной Европѣ уже завоевала себѣ въ это время значительную долю свободы отъ клерикальныхъ оковъ и быстро шла впередъ по пути прогресса. Византійско-славянская книжность, при крайней узкости своего кругозора, разумѣется, не могла дать никакихъ средствъ ни для того, ни для другаго способа дѣйствій. Люди, наиболѣе знакомые съ европейскимъ просвѣщеніемъ, — и во главѣ ихъ Петръ Могила, — рѣшились, поэтому, разорвать съ старою византійскою традиціей и обратиться за уроками къ Западу. Такимъ образомъ, Кіевская Богоявленская школа обратилась въ Кіево-Могилянскую коллегію, представлявшую точный снимокъ съ коллегій іезуитскихъ, которыхъ въ то время въ Польшѣ и въ юго-западной Руси было уже много. Нѣкоторые изслѣдователи этого періода видятъ въ предпочтеніи, которое оказано было Могилою схоластикѣ передъ гуманизмомъ, сознательный выборъ, обусловленный тѣмъ, что формализмъ схоластической науки, давая кіевскимъ ученымъ средства защищать свои прежнія вѣрованія и понятія и бороться съ врагами ихъ же оружіемъ, въ то же время оставлялъ эти вѣрованія и понятія неприкосновенными, такъ какъ схоластика была только формой, въ которую можно было вложить какое угодно содержаніе. Этотъ сознательный выборъ ставится Петру Могилѣ и его сотрудникамъ даже въ особенную заслугу, потому-что такая формальная наука будто бы всего болѣе отвѣчала тѣмъ насущнымъ потребностямъ, для которыхъ Русскіе начали знакомиться съ образованіемъ, и которыя состояли не въ томъ, чтобы пріобрѣсти какія-нибудь новыя идеи и знанія, — въ нихъ, будто бы, не чувствовалось никакой нужды, — а въ томъ, чтобы защитить отъ

латинскій и польскій языки; такъ, по уставу школы Могилевскаго братства (1597), учители «языка и письма словеньского, руского, греческого, латынъского и польского учити повинны» См. Акты Зап. Россіи, III, 301; IV, 48, 54, 172. Еще позже, въ 1619 г. «латинская наука» преподавалась даже Нѣмцами, (тамъ же, IV, 506).

Digitized by Google

латинства древнія истины православнаго ученія [1]). Съ такимъ взглядомъ согласиться трудно. Во-первыхъ, о сознательномъ выборѣ научнаго метода можетъ быть рѣчь только въ томъ случаѣ, если выбирающій одинаково знакомъ съ обоими методами и въ состояніи оцѣнить ихъ критически. Между тѣмъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать такое знакомство въ Петрѣ Могилѣ или въ комъ-либо изъ его ближайшихъ сотрудниковъ. Напротивъ, извѣстно, что Петръ Могила учился въ Парижѣ, въ Сорбоннѣ, которая была главнымъ очагомъ схоластическаго богословія, и впослѣдствіи посылалъ молодыхъ монаховъ въ Римъ; Сильвестръ Коссовъ и другіе учредители и наставники Кіево-Могилянской коллегіи слушали курсы въ коллегіяхъ іезуитскихъ, гдѣ гуманизмъ и вообще новое направленіе европейской мысли подвергалось сильнѣйшему гоненію, какъ самая пагубная ересь; откуда же имъ было пріобрѣсти знакомство съ этимъ направленіемъ и съ новыми научными методами? Они могли слышать о нихъ только отрицательныя сужденія, что, конечно, не располагало къ выбору между старымъ и новымъ. Выборъ, и выборъ сознательный, дѣйствительно былъ, но не между схоластикой и гуманизмомъ, а между латинской наукой, универсальною и космополитическою съ одной стороны, и старымъ византійскимъ, исключительно церковнымъ, книжнымъ ученіемъ—съ другой. Разъ сознана была неудовлетворительность послѣдняго, не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать примѣру польскаго духовенства и постараться усвоить ту образованность, которою оно такъ гордилось передъ неученными защитниками „клопской“ религіи. Это была, дѣйствительно, насущная потребность того времени, имѣвшая важное значеніе религіозное и политическое; а если воспитанники заграничныхъ или польскихъ іезуитскихъ коллегій вносили потомъ въ южно-русскія школы порядки тѣхъ заведеній, въ которыхъ учились сами, то это было вполнѣ естественно, и иначе и быть не могло. Притомъ же, польская образованность и польскіе нравы въ эту пору были для южно-русскаго общества такимъ же образцомъ, какъ впослѣдствіи для насъ образованность и нравы французскіе, такъ что иной формы, иного характера просвѣтительное движеніе и имѣть не могло. Наконецъ, и всѣ предшественники Петра Могилы въ дѣлѣ противо-уніатской полемики

[1]) *Н. Петровъ*, О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіевской академіи (*Тр. Кіевск. Дух Ак.* 1866, VII, 306); *Порфирьевъ*, Ист. русск. слов., 2-е изд., 574.

Digitized by Google

были проникнуты тѣми же стремленіями къ польской образованности и тѣмъ же духомъ, родственнымъ духу средневѣковой схоластики, какъ что въ дѣятельности Петра Могилы можно видѣть только дальнѣйшій шагъ въ направленіи, уже усвоенномъ южно-русскою мыслью прежде. Во-вторыхъ, странно читать, будто въ южно-русскомъ обществѣ XVII вѣка не чувствовалось еще никакой нужды въ пріобрѣтеніи новыхъ идей и знаній. Напротивъ, не смотря на то, что Польша, съ ея схоластическо-іезуитскою образованностью, была для южной Руси чѣмъ-то въ родѣ китайской стѣны, отдѣлившей ее отъ новыхъ европейскихъ вліяній, эти вліянія все-таки заходили сюда, хотя, конечно, въ слабой степени. Такъ, напримѣръ, нельзя не видѣть вліянія реформаціонныхъ идей въ свободномъ отношеніи къ вопросамъ вѣры князя Острожскаго, который называлъ кальвинистовъ „послѣдователями истиннаго закона Христова“, и которому Курбскій доказывалъ, что христіанину не пристало читать еретическія книги [1]). Извѣстно, что въ эпоху наибольшаго возбужденія борьбы съ католической пропагандой, въ средѣ православнаго населенія южной Руси возникла мысль о союзѣ съ протестантами противъ общаго врага — іезуитовъ, и отчасти была даже осуществлена [2]), что указываетъ на довольно сильное вліяніе реформаціонныхъ идей на русское общество. То же вліяніе отразилось и на знаменитомъ „Апокризисѣ“ Христофора Филалета (1597 г.), котораго защитники уніи называли аріанином и кальвинистомъ за то, что онъ рѣзко возставалъ противъ католическаго (и византійскаго) взгляда на духовенство, какъ на единственно-учительное сословіе. „Посмотрѣмо, отцы святіи“, говоритъ онъ, — „якъ тіи учатъ, чтобъ свѣтскимъ людемъ въ страны вѣры на духовные до конца ся слушати, а самымъ о ней ся не пытаючи безъ разсудка ихъ слѣдовати и слухати завсегда въ томъ розказуютъ? Боже уховай! Наука то и розказаніе не христіанскихъ, але жидовскихъ докторовъ, рабиновъ и рабасовъ, которые въ Талмутѣ безчисленное количество глупыхъ и брыдливыхъ фальшевъ написавши, подъ потопленіемъ тому всему своимъ жидамъ вѣрити розказали, ожебы ся до обаченья приходити не могли“ [3]). Въ этихъ словахъ слышится

[1]) Сказанія, 243—260; Рум. М. и Б., польск., IV. J. № 233 (письма князя Острожскаго).

[2]) Проектъ союза напечатанъ въ Акт. Зап. Росс., IV, № 138; относящійся къ этому же дѣлу актъ см. въ Опис. Кіевск. іерарх., прибавл., № 15.

[3]) Апокризисъ, цит. у *Костомарова*, Монотр., III, 321.

Digitized by Google

уже голосъ въ пользу свободной критической мысли, противъ исключительнаго господства церковнаго авторитета. Въ Польшѣ второй половины XVI вѣка критическая мысль могла развиваться довольно свободно, такъ какъ правительство не считало нужнымъ ее преслѣдовать, а напротивъ, еще гордилось тѣмъ, что въ цѣломъ свѣтѣ нигдѣ такъ не уважается свобода совѣсти, мысли, слова и дѣла, какъ въ Польской землѣ. Правда, въ царствованіе Сигизмунда III, при господствѣ іезуитовъ, эта свобода стала обращаться въ фиктивную; но стѣсненія относятся уже къ позднѣйшему времени и притомъ всею силою обрушиваются на массу, на народъ, оставляя образованному обществу, даже и южно-русскому, сравнительно, все-таки большій просторъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ XVI вѣка въ юго-западной Руси работа критической мысли уже началась. Конечно, центромъ ея тяготѣнія все еще оставалась область богословія; вопросы религіозно-церковные все еще были преимущественнымъ предметомъ вниманія и изслѣдованія мыслящихъ людей; но нельзя сказать, чтобы вся ихъ дѣятельность ограничивалась исключительно этими вопросами, чтобы внѣ сферы богословской они не интересовались никакими новыми идеями и знаніями. Православные стародумы, въ родѣ, напримѣръ, аѳонскаго монаха Іоанна изъ Вишни, горько жалуются на увлеченіе новыми, свѣтскими идеями, посторонними богословію: „Вмѣсто зась евангельской проповѣди, апостольской науки и святыхъ закона и ограниченія цноты и учтивости сумненя христіанскаго, нинѣ поганскіе учители, Аристотели, Платоны и другіе тымъ подобные машкарники и комидійники въ дворехъ Христа Бога владѣютъ!“ пишетъ упомянутый Іоаннъ изъ Вишни.—„Егда есте на латинскую и мірскую мудрость ся полакомили, тогда есте и благочестіе стратили, и ереси породили... Чи не лѣпше тобѣ изучити часословецъ, псалтырь, охтоихъ, апостолъ и евангеліе съ иншими церкви свойственными, и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся въ жизни сей звати, и въ геѳну отъити? Разсуди!“ [1]).

Политическая и соціальная борьба съ Польшей вызвала въ юго-западной Руси развитіе довольно богатой исторической литературы и народной поэзіи; необходимость вести борьбу за вѣру и народность

[1]) Посланія Іоанна изъ Вишни, въ Акт. Юж. и Зап. Россіи, II, 225, 210.

Digitized by Google

заставляла православныхъ расширять узкія рамки традиціоннаго образованія, знакомиться съ языкомъ и литературой сосѣдней „еретической" страны. И въ этомъ былъ уже большой шагъ впередъ, смѣлый разрывъ съ традиціонною религіозною и національною исключительностью, которая чуждалась всего иновѣрнаго, иновѣрнаго и открещивалась отъ науки изъ опасенія, чтобы не изступить ума и не зайдтись въ книгахъ. Въ то время какъ въ Москвѣ считаютъ философами людей, поющихъ „О, Господи, помилуй!" вмѣсто обыкновеннаго „Господи помилуй!" и до послѣдняго издыханія спорятъ о перстахъ, о сугубой и трегубой аллилуіи, о хожденіи по-солонь и т. п. вещахъ, на юго-западѣ идетъ чрезвычайно оживленная полемика о самыхъ существенныхъ религіозныхъ и соціальныхъ вопросахъ, высказываются новыя, свѣжія мысли, зарождается стремленіе къ знанію, къ европейскому просвѣщенію, и даже въ аскетическомъ сочиненіи предшественника Петра Могилы, Кіевскаго митрополита Исаіи Копинскаго („Лѣствица духовная") мы встрѣчаемъ такіе необычные для московскихъ книжныхъ людей того времени взгляды: началомъ грѣха признается безуміе, незнаніе, а началомъ добродѣтели—разумъ и знаніе; истинное знаніе можетъ быть достигнуто только путемъ изученія природы; только изучивъ природу, мы можемъ познавать самихъ себя, и только изучивъ свое существо, можемъ познавать Бога. По духу времени, умственное движеніе принимаетъ характеръ религіозный, схоластически-богословскій, и подъ вліяніемъ насильственныхъ мѣръ въ пользу уніи, сильно суживается; но въ прогрессивномъ характерѣ этого движенія невозможно сомнѣваться.

Кромѣ этихъ общихъ причинъ, преобразованіе Кіевской братской школы въ коллегію по образу и подобію іезуитскихъ имѣло еще причины, такъ сказать, спеціальныя. Дѣло въ томъ, что вліяніе польской образованности и стремленіе усвоить ее распространилось только въ высшемъ классѣ южно-русскаго общества, въ шляхтѣ и въ высшемъ духовенствѣ, представители котораго обучались въ западно-европейскихъ и польскихъ коллегіяхъ и вообще находились въ положеніи несравненно болѣе благопріятномъ, чѣмъ низшее духовенство и народъ, угнетенные и не имѣвшіе никакихъ политическихъ правъ, а потому осужденные на самую грубую борьбу за существованіе. Они и вели эту борьбу дѣлами, а не словомъ, не наукой, а оружіемъ, противопоставляя насилію отпоръ силы физической, а не умственной. Руководителями этой массы являлись представители высшаго духовенства и шляхты, которые стремились занять положеніе интелли-

Digitized by Google

гентнаго класса, господствующаго надъ массою не только въ общественномъ, но и въ умственномъ отношеніи. Важное общественное положеніе и громадное вліяніе, какимъ пользовалось высшее духовенство въ Польшѣ, естественно, возбуждало въ высшемъ духовенствѣ южно-русскомъ желаніе найти тѣмъ же путемъ, также упрочить за собою важное положеніе руководителей въ дѣлахъ общественныхъ; ѳеократическіе взгляды іезуитовъ въ этомъ случаѣ не остались безъ вліянія на характеръ новой коллегіи и ея учредителей. Коллегія, съ ея схоластикой и латынью, конечно, не была потребностью народа, нуждавшагося въ грамотности и просвѣщеніи на своемъ родномъ языкѣ; воспитанники этой коллегіи приготовлялись къ занятію высшихъ церковныхъ должностей, къ роли руководителей, облеченныхъ властью; такова была цѣль, къ которой стремилось высшее духовенство, преобразовывая школу на новыхъ, латино-польскихъ основаніяхъ. Слѣдовательно, это преобразованіе совершилось въ интересахъ одного только высшаго духовенства, которое не только не было солидарно съ интересами народа, но даже прямо противоположно имъ. Латино-польская Кіевская коллегія, съ обученіемъ на языкѣ народу непонятномъ, представляла въ южной Руси какое-то status in statu, какой-то посторонній наростъ на общественномъ тѣлѣ, мѣшающій правильному развитію остальнаго организма, высасывающій изъ него лучшіе соки и въ замѣнъ не дающій ничего, или почти ничего. Безпрепятственное, свободное развитіе братскихъ школъ, при всей ограниченности круга обученія, конечно, было бы гораздо полезнѣе для собственно народнаго просвѣщенія, чѣмъ высшее учебное заведеніе, при всей глубинѣ своей учености, не имѣвшее никакой связи съ практическою народною жизнью, усвоившее систему и пріемы католическихъ учителей, и ихъ презрительное отношеніе къ массѣ, которая чѣмъ меньше будетъ разсуждать, тѣмъ больше будетъ слушаться. Разрывъ съ народомъ былъ довольно рѣзкій; протесты Христофора Филалета противъ ѳеократическихъ стремленій духовенства были забыты; напротивъ, эти стремленія стали проявляться чаще и яснѣе. Народъ (и нераздѣльное съ нимъ низшее духовенство) если и не вполнѣ понималъ все важное значеніе этого разрыва, то инстинктивно сознавалъ опасность новой школы и явился защитникомъ старой; въ измѣнѣ народному языку и народной школѣ онъ видѣлъ измѣну родной національности, совращеніе въ латинство, въ іезуитство. Протестъ выразился въ формѣ грубаго насилія: „Было такое время“, говоритъ префектъ Кіевской коллегіи Сильвестръ Коссовъ,—

„когда мы, исповѣдывавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ нами начинять желудки дѣвичьихъ осетровъ, или-же того огнемъ, другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ". По словамъ позднѣйшаго писателя, Гавріила Домецкаго, „отъ неученыхъ поповъ и отъ мазаковъ велію было негодованіе, на что латинское и польское училище заводите, чего у васъ досюду не бывало, а спасались? Было хотѣли самого Петра Могилу и учителей до смерти забити, едва ихъ уговорили" [1]). Это возмущеніе толпы противъ новой коллегіи объяснялось подстрекательствомъ неученыхъ поповъ, изъ которыхъ многіе озлобились на Петра Могилу за то, что онъ удалилъ ихъ отъ мѣстъ, недоброжелательствомъ сторонниковъ прежняго митрополита, Исаіи Копинскаго (который самъ обвинялъ Петра Могилу въ латинствѣ, въ намѣреніи „христіанскую вѣру ученіемъ своимъ попрать"), наконецъ—даже интригой іезуитовъ, которые, отъ злости на успѣхи Кіевской коллегіи, стали распространять въ народѣ слухи, что въ коллегіи обучаютъ ересямъ, и что всѣ учители въ ней—кальвинисты или социніане. Послѣднее объясненіе всего менѣе подтверждается фактами: что же касается первыхъ двухъ, то, отдавая имъ справедливость, все-таки, нельзя не замѣтить, что поступками толпы руководило не одно злобное невѣжество: не возставала же эта же самая толпа противъ преподаванія латинскаго языка въ прежнихъ братскихъ школахъ, гдѣ латынь занимала мѣсто наряду съ другими языками; ясно, что здѣсь было именно сознаніе антинародности новой коллегіи, сознаніе разрыва школы съ жизнью. Не даромъ же учредителямъ коллегіи приходилось писать въ защиту своей латыни цѣлыя книги и по польски, и по русски, и не смотря на все это, они не встрѣчали себѣ поддержки въ обществѣ, съ которымъ у нихъ не было никакой живой связи, которому они были чужды и по своимъ взглядамъ, и по своему языку, и по своей наукѣ. Кіевскіе ученые были строгіе систематики-богословы и философы, блестящіе ораторы и диспутанты, люди, искусные во всѣхъ тонкостяхъ схоластической риторики и піитики, обладавшіе значительною по своему времени начитанностью, но всецѣло проникнутые школьнымъ педантизмомъ и всего менѣе способные понимать требованія практической жизни и дѣйствовать въ интересахъ общества. Словомъ, внутренняя исторія

[1]) Exegesis Сильв. Коссова, цит. у *Пекарскаго*, Представители кіевской учености въ XVII в. (*Отч. Зап.* 1862, IV, 369); *Прибав. къ Твор. св. отц.*, 1846 г., стр. 69; Обз. рус. дух. лит., № 172.

Digitized by Google

самыхъ существенныхъ своихъ убѣжденіяхъ. Первые малороссійскіе ученые, вызванные въ Москву—Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птицкій и др.—были воспитанниками еще старыхъ братскихъ школъ; они были мало знакомы съ схоластическою наукою и латинскою богословскою и философскою литературой и не особенно къ ней расположены; притомъ же они — и даже главный ихъ представитель, Епифаній,—вели жизнь уединенную, труженическую, ни въ какіе споры не вмѣшивались, никакою полемикой не занимались, а трудились только надъ тѣмъ, что имъ было поручено. Епифаній Славинецкій отличался замѣчательною начитанностью въ греческой литературѣ, не только церковной, но и классической [1]; по отзыву современника, это былъ „мужъ многоученый, аще кто инъ таковъ во времени семъ, не токмо грамматики и риторики, но и философіи и самыя ѳеологіи извѣстный бысть испытатель и искуснѣйшій разсудитель, и опасный претолковникъ еллинскаго, славенскаго и польскаго діалектовъ [2]. Хотя онъ и зналъ по латыни и даже переводилъ латинскія книги, но вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе о превосходствѣ греческой образованности и говорилъ, что „еже по латински вѣдѣти безъ греческаго, не совершенное сіе преисперство въ восточнѣй церкви". Такимъ же духомъ и направленіемъ отличался и ученикъ его, іеромонахъ Евѳимій. Поэтому столкновеніе между ними и учеными Греками было невозможно, и они оказывали другъ другу взаимную поддержку. Но черезъ 15 лѣтъ послѣ Епифанія, въ 1664 году, прибылъ въ Москву другой кіевскій ученый монахъ, воспитавшійся уже въ преобразованной коллегіи и кромѣ того успѣвшій побывать и въ іезуитскихъ школахъ,—Симеонъ Полоцкій, по своему нравственному характеру и привычкамъ бывшій вполнѣ представителемъ новаго кіевскаго направленія. „Книги латинскія чтяше, греческихъ же книгъ чтенію не бяше искусенъ", замѣчаютъ о немъ современники,—„и не бысть философъ";—„аще и ученъ бѣ, и знаяше нѣчто, но латински точію, гречески же ниже малѣйше что либо знаяше" [3]), но онъ умѣлъ

---

[1]) Въ его сочиненіяхъ встрѣчаются, напримѣръ, цитаты изъ Одиссеи, Геродота, Плутарха и др. (Оп. рук. Синод. библ. отд. II, ч. 3, № 247).

[2]) Слов. дух. пис. (1818), 190—191.

[3]) Остенъ (изд. 1865 г.), стр. 130, 71; Словарь дух. пис. (194). Такой отзывъ о знаніяхъ Симеона подтверждается и тѣмъ, что въ своихъ сочиненіяхъ онъ пользовался исключительно латинскими писателями; такъ, онъ цитируетъ Ансельма Кентерберійскаго, Альберта Великаго, Бессія, Беллярмина, Меѳорета, Орозія, Сальмерона, «Hortus pastorum», «Tuba sacerdotalis» и др. Иногда онъ

Digitized by Google

ловко и разнообразно пользоваться сравнительно небольшимъ запасомъ своихъ знаній. Въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ („Вѣнецъ вѣры“) онъ, по примѣру своихъ кіевскихъ собратій, сообщаетъ множество свѣдѣній о наиболѣе интересныхъ вопросахъ—о небѣ, ангелахъ, воскресеніи мертвыхъ, будущей жизни и т. п. свѣдѣній, правда, очень нелѣпыхъ, какъ и всѣ домыслы схоластической учености, но для того времени интересныхъ своею новизной. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ умѣетъ касаться живыхъ вопросовъ времени, провозглашаетъ необходимость научнаго образованія не только для мужчинъ, но и для женщинъ (что было тогда совершенно неслыханнымъ дѣломъ), умоляетъ Русскихъ людей взыскать науку, потому-что она—свѣтъ умственныхъ очей и правило всему житію человѣческому. Какъ неутомимый стихотворецъ, онъ перекладываетъ въ силлабическія вирши и святцы, и Псалтырь, пишетъ „комидіи“ и панегирики, и своею разностороннею дѣятельностью, умѣньемъ обращаться съ людьми скоро пріобрѣтаетъ въ Москвѣ важное положеніе: царь приближаетъ его къ себѣ, награждаетъ, назначаетъ воспитателемъ къ своему сыну; патріархъ Іоасафъ поручаетъ ему разныя духовныя дѣла и сочиненіе богословскихъ трактатовъ, справщики и переводчики обращаются къ нему за совѣтами и указаніями, какъ къ лицу болѣе или менѣе авторитетному; у него являются ученики и послѣдователи, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный Сильвестръ Медвѣдевъ. Епифанію, человѣку стараго, еллино-славянскаго направленія, не признававшему науки безъ греческаго языка, Симеонъ, конечно, былъ не по сердцу, казался недоученымъ верхоглядомъ; мы знаемъ, что Епифаній, не смотря на старанія Полоцкаго принять участіе въ исправленіи книгъ и въ новомъ переводѣ Библіи, „не изволи ему у сего дѣла быти“ [1]). Притомъ же, вѣроятно, Симеонъ (или его ближайшіе ученики) не особенно уважалъ Грековъ и греческую науку и отзывался о нихъ свысока, что еще болѣе оскорбляло Епифанія. Въ одной изъ своихъ проповѣдей, Епифаній сильно нападаетъ на „ненавистниковъ греческаго ученія“, подъ которыми едва-ли можно разумѣть кого либо, кромѣ Симеона и его учениковъ. „Ненавистный человѣкъ Марко Като нареченъ, — „говоритъ онъ“, тмою ненависти ослѣпленъ, тако ясную возненавидѣ ученія греческаго лучу, яко запрети сыну своему,

---

даже писалъ по русски латинскими буквами (Опис. рук. Синод. библ., отд. II, ч. 3, №№ 250, 251, 340).

[1]) Слов. дух. пис., 190—191.

Digitized by Google

да ею разума своего не озаряетъ. Сей бо Марко Като, веліею ненавистію Греки ненавидяй, возненавидѣ языкъ и ученіе греческое... не бѣ ли слѣпъ сей ненавистникъ? Истинно слѣпъ бѣ, яко не видѣ благополезнаго блага. Но нынѣшнихъ временей обрѣтаются ненавистники человѣцы, мрачною ненависти тмою ослѣплени, иже возлюбивше мракъ невѣдѣнія, ясныя ученія лучи не любятъ, тою озаряющая ненавидятъ, и тую темнимъ рвенія, лести, коварства, оглаголанія (навѣтовъ), лицемѣрія облакомъ разрушити и—о веліе буйство!—прогнати усилствуютъ" [1]).

Такимъ образомъ, при самомъ же началѣ дѣятельности Симеона Полоцкаго въ Москвѣ обнаружилась противоположность двухъ направленій — византійско-славянскаго и латино-польскаго, и стало ясно, что борьба между ними неизбѣжна. Въ этой борьбѣ Епифаній Славинецкій и его ученики стали на сторону московской іерархіи. Патріархъ Іоакимъ (1673—1690 гг.), самъ бывшій воспитанникъ Кіевской братской школы, также какъ и Епифаній, не любилъ Полоцкаго и вообще не сочувствовалъ латинскому образованію, находя, что „во всѣхъ латинскихъ книгахъ и въ польскихъ безъ ереси не есть и безъ противности нашей церкви не обрѣтается, индѣ явленно, а индѣ утаенно и коварно". Для противодѣйствія польско-латинскому вліянію, онъ основалъ школу въ „типографскомъ домѣ" (1679 г.); начальникомъ этой школы былъ сдѣланъ іеромонахъ Тимоѳей, долго путешествовавшій по Востоку и въ совершенствѣ знавшій по гречески; учителями назначены Греки, присланные Іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ, которымъ было приказано, чтобъ они „латинскаго языка и ученія отнюдь не учили въ школѣ, опричь еллинскаго". По этому поводу Досиѳей писалъ царю Ѳедору Алексѣевичу: „Еллинскимъ языкомъ просвѣтиши люди твоя въ высшее познаніе истиннаго разумѣнія, яко прапрадѣдъ царствія вашего, в. князь Россійскій Владиміръ, крестивъ народы, сущія подъ нимъ, взя учители отъ грекъ и учаше тогда греческимъ ученіемъ... Аще потомъ и оскудѣ ученіе оно еллинское за нѣкыя случаи; но нынѣ желаемъ (ему) обновитися и совершитися. Сіе есть божественное дѣло, еже учити христіаномъ еллинскій языкъ, во еже разумѣти книги православныя вѣры, якоже писани суть, и познавати толкованіе ихъ удобно; и наипаче дабы отдалени были отъ латинскихъ (книгъ), иже исполнени суть

[1]) Опис. рук. син. библ., II, ч. 3, № 247.

Digitized by Google

лукавства и прелести, ереси и безбожества“ [1]). Вся дальнѣйшая полемика противъ кіевской учености представляетъ, въ сущности, развитіе аргументовъ, приведенныхъ въ этомъ письмѣ: съ одной стороны—греческая церковная книжность, строго консервативная и православная, освященная вѣками, божественная; греческій языкъ—„первый и царственный діалектъ“, который уважается даже и противниками православія, иностранцами, жителями Запада, „ради мудрости его“ [2]), съ другой стороны—порожденіе ненавистнаго Грекамъ Запада, схоластическая латинская наука, не чуждающаяся свѣтской мудрости, допускающая, хотя до извѣстной степени, критическое отношеніе къ вопросамъ вѣры, и что̀ всего важнѣе—стремящаяся подорвать послѣдніе слѣды византійскаго авторитета въ Россіи, дерзающая въ своихъ изслѣдованіяхъ игнорировать плоды византійской церковной учености. По сущности своей, оба эти направленія были анти-народны, интересы ихъ были интересами одного только сословія—духовенства; споръ шелъ о томъ, кто будетъ руководить духовнымъ просвѣщеніемъ на Руси — византійское духовенство въ союзѣ съ московскою іерархіей, или кіевскіе ученые монахи; о народномъ собственно образованіи въ нашемъ, современномъ смыслѣ этого слова, о поднятіи уровня умственнаго и нравственнаго развитія массы здѣсь не было и рѣчи, и для народа было рѣшительно все равно, станутъ ли въ московскихъ школахъ обучать риторикѣ на „царственномъ діалектѣ“, или станутъ разбирать Виргилія и Цицерона. И та, и другая образованность имѣла характеръ внѣшній; кругъ ея дѣйствія и вліянія ограничивался только однимъ слоемъ общества, составлявшимъ незамѣтное меньшинство; это меньшинство, успѣвшее впитать въ себя, благодаря своему положенію, больше образовательныхъ элементовъ, уже отдѣлилось отъ народной массы и въ общественномъ, и въ умственномъ отношеніи, и стало относиться къ ней высокомѣрно, презрительно, указывая на ея невѣжество, направляя противъ него свои обличенія и насмѣшки, но въ сущности, ничего не дѣлая для того, чтобъ уменьшить это невѣжество. Органическая связь верхняго слоя общества съ низшими все болѣе и болѣе утрачивается; масса остается совершенно пассивною къ тому, что̀ дѣлается тамъ, „на верху“, и только время отъ времени выражаетъ свой протестъ противъ дѣйствій руководящаго

[1]) *Приб. къ Тв. св. отц.*, 1845, III, 175—176; Собр. Госуд. Гр., IV, № 135.

[2]) Тамъ-же, 163.

Digitized by Google

меньшинства, когда эти дѣйствія идутъ уже слишкомъ въ разрѣзъ съ ея насущными интересами. Та же часть народа, которая еще ранѣе ушла въ расколъ, относится къ тому и другому изъ спорящихъ между собою направленій съ одинаковою враждебностью, видя въ обоихъ проявленіе злой воли антихриста. Такимъ образомъ, борьба греко-славянской образованности съ латино-польскою имѣла существенное значеніе и интересъ только для небольшаго, сравнительно, круга людей, органомъ котораго была литература. При жизни Симеона Полоцкаго борьба эта, въ сущности, только еще подготовлялась, потому-что Симеонъ занималъ высокое положеніе при дворѣ и стоялъ внѣ ударовъ своихъ противниковъ; за то послѣ его смерти (1682 г.) борьба разыгралась съ особенною силой и рѣзкостью. Представителями враждующихъ партій явились съ одной стороны — ученики Епифанія, во главѣ которой стоялъ іеромонахъ Евѳимій, человѣкъ чрезвычайно начитанный и трудолюбивый, а съ другой — ученики Симеона, изъ которыхъ наиболѣе замѣчателенъ по своей дѣятельности строитель Заиконоспасскаго монастыря Сильвестръ Медвѣдевъ. Предметомъ столкновенія былъ сначала вопросъ богословскій; но вскорѣ споръ расширился, обобщился и обратился въ полемику о томъ, быть или не быть въ Москвѣ кіевской наукѣ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, вѣроятно. подъ вліяніемъ своего наставника, Симеона, а также и восточныхъ патріарховъ, рѣшился основать въ Москвѣ, „храмы чиномъ академіи, на взысканіе юныхъ свободныхъ ученій мудрости и собранія общаго ради отъ благочестивыхъ и въ писаніи божественномъ благоискусныхъ дидаскаловъ, и изощренія разумовъ“, а также и для того, чтобы пріѣзжающіе въ Россію Греки могли получать здѣсь образованіе. Составленіе устава поручено было Симеону Полоцкому; но царь умеръ, не успѣвъ утвердить этого устава; въ томъ же году, и еще раньше царя, умеръ и Симеонъ. Вопросъ о томъ, какъ устроится новая академія и кто будетъ ею завѣдывать — малороссійскіе ученые или московское духовенство вмѣстѣ съ греческими монахами—стоялъ на очереди; обѣ партіи употребляли всѣ усилія, чтобы рѣшить дѣло въ свою пользу. Сильвестръ Медвѣдевъ, такой же придворный монахъ, какъ и учитель его Симеонъ, опирался на силу тогдашнихъ временщиковъ при правительницѣ Софьѣ — Голицына и Шакловитаго, изъ которыхъ первый вполнѣ сознательно отдавалъ польско-латинской образованности предпочтеніе передъ византійскою; патріархъ Іоакимъ выставилъ противъ него Евѳимія, который началъ свою полемическую дѣятельность обличеніемъ кіевскихъ ученыхъ въ такъ называемой

Digitized by Google

„хлѣбопоклонной“ ереси [1]). Обличеніе было направлено прежде всего противъ умершаго уже Симеона Полоцкаго, какъ главы „латинской школы“ въ Москвѣ; о немъ стали говорить и писать, что онъ „аще бяше человѣкъ и ученъ, и добронравенъ, обаче предувѣщанъ отъ іезуитовъ, папежниковъ сущихъ, и прельщенъ бысть отъ нихъ; ктому и книгы ихъ латінскія токмо чтяше, греческихъ же книгъ чтенію не бяше искусенъ, того ради мудрствоваше латінская нововымышленія права быти“; указывали на то, что онъ учился у іезуитовъ, а тому, кто учился у іезуитовъ, „наипаче токмо латінски безъ греческаго, не можно быти православну весма восточныя церкве искреннему сыну: подвлагаютъ бо они іезуіти учащыяся у нихъ подъ страшныя клятвы, еже быти имъ послушнымъ папѣ отцу ихъ, и послѣдователемъ во всемъ, и уніатомъ, и защитникомъ западнаго костела, яко нѣцыи пострадавшіи сіе сами извѣствоваша“ [2]). Затѣмъ эта же аргументація была обращена и противъ Сильвестра Медвѣдева, который „у нѣкоего іезуицкаго ученика (то-есть, Симеона Полоцкаго) приучися чести латінскія книги, и отъ таковаго книгъ оныхъ чтенія и отъ наслышанія устоглагольнаго онаго учителя своего и иныхъ латінниковъ обычаемъ латінскимъ навыче“ [3]); наконецъ, тѣ же мысли стали высказываться уже въ общей формѣ, о всѣхъ малороссійскихъ ученыхъ: „Хотя Бѣлоруси и учатся латинскимъ языкомъ, скудости ради греческаго ученія, однакожь припоминати надобно, что малая часть изъ тѣхъ во унію не падаютъ; а и тѣ, что не падаютъ, познаваются въ нихъ остатки езувическіе: понеже езувиты не учатъ ихъ высокими науками, покамѣстъ предъ Богомъ не обѣщаются держати латинской религіи“. Выводъ отсюда ясенъ: „того ради подобаетъ наипаче учитися

---

[1]) Сущность дѣла заключалась въ вопросѣ о времени пресуществленія св. даровъ. Малороссійскіе ученые утверждали, что пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову совершается во время произнесенія словъ Христа: «Пріимите, ядите»...; греческіе же и московскіе богословы учили, что пресуществленіе совершается во время слѣдующей затѣмъ молитвы священника: «Сотвори убо хлѣбъ сей тѣло Христа Твоего»... Слѣдовательно, заключали они,— «латынники», полагая моментъ пресуществленія раньше, поклоняются не тѣлу и крови Христовой, а хлѣбу и вину. Отсюда названіе ереси «хлѣбопоклонною».

[2]) Опис. рук. синод. библ., ч. II, отд. 3, стр. 434.

[3]) Щитъ Вѣры, рук. И. П. Б., I, F, 186: «О новоростригѣ Сильвестрѣ Медвѣдевѣ и о злословіи его отъ демона поущаемомъ на св. церковь и о возмущеніи народа на мятежь, и о побѣгѣ Сенкинѣ въ Польшу, и о вопрошеніи его чародѣевъ, и о смертнѣй ему казни».

Digitized by Google

гречески, понеже не токмо тѣмъ языкомъ не вредится православная вѣра, яко латинскимъ, но и зѣло исправляется; и учити купно со славенскимъ, яко да временемъ и славенскій языкъ (который пребогатъ есть) очистится и межь иныхъ ученыхъ языковъ сочетается" [1]).

Сильвестръ, искусный діалектикъ, и по признанію современниковъ, „мужъ великаго ума и остроты", не смущался этими обвиненіями, и какъ кажется, началъ даже одерживать верхъ надъ своими противниками [2]). Тогда патріархъ Іоакимъ, „церкви належащую бѣду видѣ, подвиже въ помощь себѣ самобратій Лихудіевыхъ", на долю которыхъ выпала въ этой борьбѣ рѣшительная роль.

„Словеснѣйшіи учителіе, честнѣйшіи іеромонаси" Іоанникій и Софроній Лихуды обучались въ Падуанскомъ университетѣ, и по свидѣтельству восточныхъ патріарховъ, „объяти быша философскими же и богословскими науками толико, яко силу имѣти довольную и учениковъ научати, и священное Евангеліе проповѣдати благочестивымъ христіанамъ православно и благочестиво; искуство же не малое отъ Св. Писанія избравше и повсюду священными одобреніи священно преукрашеніи, удобь познаша въ себѣ изъити отъ своего отечества и обхождати иныя страны не точію ради смотрѣнія и обгляданія, но и многократнаго еже въ нихъ учительнаго таланта и пользы ради христіанъ православныхъ". По просьбѣ Іоакима и „общимъ разумомъ всего священнаго собора, граматами, соборнѣ, своими руками святѣйшихъ патріарховъ и архіереевъ запечатанными, послашася въ пр аво славнѣйшее и державнѣйшее святое царство московское" [3]).

---

[1]) *Приб. къ Тв. св. отц.* III, 177.

[2]) Мы имѣемъ современное свидѣтельство, что ходъ этой полемики сильно интересовалъ общество. Въ это время, по словамъ Евеимія, и духовные, и свѣтскіе, мужи и жены и дѣти, въ собраніяхъ, бесѣдахъ, на торжищахъ, во всякомъ мѣстѣ, благовременно и безвременно — всѣ начали разсуждать: «како пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову, и въ кое время, и кими словесы» (Остенъ); съ этими словами интересно сравнить слова Симеона Полоцкаго (Приб. къ Веч. душ., *л.* 1—7): «Нынѣ разглагольствуютъ о богословіи мужіе, разглагольствуютъ отроцы, бесѣдуютъ въ лѣсахъ дивіи человѣцы, препираются на торжищахъ скотопродатели, да не реку въ корчемницахъ піяніи, напослѣдокъ и буія женища словопреніе дѣютъ безумное». Впрочемъ, въ этихъ словахъ едва ли не слѣдуетъ видѣть просто риторическую амплификацію, для которой образцомъ послужила одна проповѣдь Григорія Назіанзина, какъ мы будемъ имѣть случай указать это впослѣдствіи, говоря о подобныхъ же выраженіяхъ Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича.

[3]) Мечецъ духовный (Каз. 1866), 30, 31, 37.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, для борьбы съ кіевскимъ направленіемъ оказалось нужнымъ просить помощи у восточныхъ патріарховъ, которые, опасаясь потерять свое вліяніе на Москву, тотчасъ же послали туда самыхъ ученыхъ людей, какихъ только можно было въ то время найдти въ Константинополѣ [1]). Мало того, понадобилось непосредственное вмѣшательство патріарховъ для того, чтобы подорвать вліяніе Кіевлянъ и представить ихъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Іерусалимскій патріархъ Досиѳей, въ письмѣ къ царю (1686 г.) указывалъ, что „въ землѣ казацкой“ есть много архимандритовъ и игуменовъ, наученныхъ въ Польшѣ отъ латинъ и распространяющихъ „неподобная мудрованія“, и настаивалъ, чтобы никто изъ получившихъ заграничное образованіе не только не восходилъ на высшія степени церковной іерархіи, но не ставился бы даже и въ священники [2]).

Между тѣмъ, въ 1685 г., Сильвестръ Медвѣдевъ, черезъ Шаковитаго, поднесъ царевнѣ Софьѣ „привилій“ или проектъ устава новой академіи. Этотъ проектъ, составленный, по всей вѣроятности, Симеономъ Полоцкимъ, дошелъ до насъ въ передѣлкѣ; но главныя и существенныя черты его, безъ сомнѣнія, остались неизмѣненными и представляютъ наиболѣе яркое воплощеніе духа времени [3]). Съ одной

[1]) Нѣкоторые наши изслѣдователи, увлекаясь дѣятельностью «самобратій», сравниваютъ ее съ просвѣтительными трудами Кирилла и Меѳодія и видятъ въ ней защиту русской народности отъ грозившаго ей латино-польскаго ига (свящ. *Образцовъ*, Кіевскіе ученые въ Великороссіи, *Эпоха*, 1865, № 1 и *Дух. Бес.*, 1865, №№ 41, 46; Братья Лихуды, *Ж. М. Н. Пр.*, 1867, № 9; *Г. Марковичъ*, О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршій періодъ, *Ж. М. Н. Пр.* 1878, № 7; ср. *Д. Извѣковъ*, Полемическая противо-протестантская дѣятельность Лихудовъ, *Прав. Обозр.* 1872, т. I, 731—777). Не останавливаясь подробно на этомъ мнѣніи, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ въ виду изложить ходъ полемики XVII в. только въ общихъ чертахъ, замѣтимъ, однако, что дѣятельность Лихудовъ не отличалась особенно «просвѣтительнымъ» характеромъ, и еще менѣе можетъ быть названа безкорыстною; что же касается до «ига», то Лихуды, конечно, стремились отстоять направленіе не народно-русское, а византійское, столь же мало близкое къ русской народности, какъ и латино-польское, и несомнѣнно уступавшее послѣднему въ образовательной силѣ. Патріархи заботились о томъ же и высказывались откровеннѣе: такъ, когда тѣ же Лихуды стали не особенно охотно собирать пожертвованія «для Гроба Господня», патріархъ Досиѳей не задумался обвинить ихъ въ латинствѣ и потребовалъ удаленія ихъ изъ академіи (*Смирновъ*, Ист. Моск. Акад., 32—33).

[2]) Св. Димитрій Ростовскій, стр. 23.

[3]) Эта «привилегія», вмѣстѣ съ стихотворнымъ посвященіемъ С. Медвѣдева правительницѣ, напечатана въ *Др. Росс. Вивліоѳикѣ*, изд. 2-е, ч. VI (1788), стр. 390—420.

Digitized by Google

стороны, уставъ академіи представляетъ ея внутреннее устройство въ томъ же самомъ видѣ, какое имѣли Кіево-Могилянская коллегія и польскія ученыя заведенія этого рода: академіи предоставляются, до извѣстной степени, права самостоятельной ученой корпораціи; такъ, члены ея подлежатъ только собственному своему суду во всѣхъ дѣлахъ, „развѣ убійственныхъ и иныхъ великихъ дѣлъ“ (§§ 7 и 8); академія можетъ пріобрѣтать всякаго рода имущество въ полную и безотчетную собственность (§ 2); она управляется своимъ „блюстителемъ“ и совѣтомъ преподавателей (§ 3) и т. п. Въ опредѣленіи учебной программы также слѣдуетъ видѣть рѣшительную побѣду латино-польскаго направленія: въ академіи предположено „постановити науки гражданскія и духовныя, наченше отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и нравной, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія; притомъ же и ученію правосудія духовнаго и мірскаго, и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ быти“. Такая обширная и разнообразная программа, конечно, была для своего времени важнымъ шагомъ впередъ. Съ другой стороны, въ томъ же проектѣ со всею силою выразился крайній обскурантизмъ и религіозная нетерпимость, унаслѣдованная Кіевлянами отъ іезуитовъ, и можетъ быть, еще болѣе усиленная раздражительною полемикой, происходившею въ Москвѣ. По проекту, академія должна была быть чѣмъ-то въ родѣ верховнаго инквизиціоннаго трибунала или тайной полиціи по дѣламъ вѣры и благочестія; отъ ея усмотрѣнія зависѣло бы отправить всякаго, заподозрѣннаго въ ереси, на костеръ, или въ лучшемъ случаѣ—въ далекую ссылку. Религіозная подозрительность распространялась даже на лицъ, стоявшихъ во главѣ русскаго просвѣщенія — и на Грековъ, и на Малороссовъ въ равной степени: и тѣхъ, и другихъ предполагалось „крѣпцѣ въ вѣрѣ свидѣтельствовати“, а безъ подлинныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ о ихъ православіи „въ училищахъ имъ весьма не быти“.

Таковъ былъ этотъ проектъ перваго высшаго учебнаго заведенія въ Московскомъ государствѣ, „такова была“, по выраженію г. Костомарова,—„заря ученаго образованія, которое грозило худшимъ мракомъ, чѣмъ прежнее невѣжество“. Къ счастію для Россіи, проектъ такъ и остался проектомъ, хотя идеи, въ немъ выраженныя, продолжали жить въ обществѣ и нашли себѣ примѣненіе въ дальнѣйшемъ той борьбы, о которой мы теперь говоримъ.

Сильвестръ Медвѣдевъ расчитывалъ, конечно, сдѣлаться „блю-

Digitized by Google

стителемъ" академіи; но въ мартѣ 1685 г. прибыли въ Москву Лихуды, и академія была отдана въ ихъ распоряженіе. Это обстоятельство еще болѣе заострило полемику, которая съ прибытіемъ Лихудовъ сдѣлалась особенно рѣзкою [1]). Лихуды начали обличеніемъ малороссійскихъ книгъ („Выкладъ о церкви" кіевскаго игумена Ѳеодосія Сафоновича, 1668 г.), а затѣмъ всею силою обрушились на Сильвестра, вступившагося за малороссійскія мнѣнія и чрезвычайно рѣзко поносившаго пріѣзжихъ Грековъ [2]). Кромѣ аргументовъ литературныхъ, пущены были въ ходъ и другіе: Сильвестра схватили и посадили въ монастырскую тюрьму, откуда онъ, черезъ годъ, подалъ патріарху Іоакиму „покаянное рукописаніе", котораго тонъ и выраженія показываютъ, что оно было ему продиктовано лицами, желавшими, чтобъ онъ осудилъ не только одного себя, но и вообще малороссійскихъ ученыхъ и ихъ мнѣнія: „Премножайшыя прелстихъ и соблазнихъ", писалъ онъ, — „церковь смутихъ безмѣствомъ и безчинствомъ, по обычаю латинскому, прившедшему сѣмо въ Россію изъ малороссійскія страны, и въ томъ смертно согрѣшихъ; понеже въ книгѣ моей душегубительнѣй Обманнѣ написано отъ мене Сенки Медвѣдева многое блядословіе на св. восточную церковь... отъ прелести латинскія, еже кіевскія новыя книги утверждаютъ... и за тако великій той явленнаго противленія грѣхъ долженствую пріяти, еже отъ сердца желаю, епитимію, отлученіе, наказаніе и изпредѣленіе" [3]). Вмѣстѣ съ Сильвестромъ подверглись строгому осужденію и его уче-

[1]) Ходъ этой полемики подробно изложенъ въ указанныхъ выше статьяхъ, касающихся дѣятельности Лихудовъ; для нашей цѣли достаточно общихъ указаній на ея результаты.

[2]) Въ тетради, которую Евѳимій озаглавилъ «Пренеистоваго нѣкоего безъименника неистовнобреханіе на св. восточную церковь въ лицѣ и имени учителей православныхъ Іоаникія и Софронія Лихудіевыхъ» (такимъ образомъ, здѣсь Лихуды являются представителями церкви), и которая написана если не самимъ Сильвестромъ, то кѣмъ-нибудь изъ его ближайшихъ учениковъ, Лихуды называются полумонахами, бѣшеными собаками, пакостниками, слѣпыми совами, сквернивыми нетопырями, и т. д., и т. д. (Рук. И. П. Б., изъ собр. Погодина, № 1227).

[3]) Рук. сборникъ И. П. Б., I, F, 246. Эпитимія, наложенная патріархомъ Іоакимомъ, заключалась въ томъ, что Сильвестра рѣшено было отправить въ дальній монастырь, съ тѣмъ чтобы «жити ему тамо неисходно до дне смерти его подъ крѣпкимъ началомъ, съ иными же человѣки сходитися ему особно и разглагольствовати ничтоже велѣти, бумаги и чернилъ отнюдь не давати» (А. И V, № 194). Дальнѣйшая судьба его извѣстна.

Digitized by Google

ники. Не довольствуясь этимъ, патріархъ Іоакимъ потребовалъ отъ Кіевскаго митрополита Гедеона Четвертинскаго и вообще отъ малороссійскаго духовенства увѣреній въ полномъ согласіи съ ученіемъ Великороссійской церкви, а когда тѣ медлили отвѣтомъ, пригрозилъ имъ судомъ восточныхъ патріарховъ и отлученіемъ, такъ что они должны были покориться [1]). По повелѣнію патріарха, Евѳимій составилъ книгу „Остенъ", въ которой подробно излагалась вся полемика по вопросу о пресуществленіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, сочиненія кіевскихъ ученыхъ подверглись безпощадному осужденію, какъ еретическія; на нихъ было наложено „проклятство и анаѳема, не точію сугубо и трегубо, но и многогубо" [2]).

Торжество сторонниковъ византійско-московской системы было полное. Кіевскіе ученые, и притомъ наиболѣе извѣстные и авторитетные изъ нихъ, были уничтожены, опозорены; академія была въ рукахъ Лихудовъ, заклятыхъ враговъ всего западнаго. Патріархъ Іоакимъ умеръ, оставивъ извѣстное завѣщаніе, въ которомъ совѣтуетъ царямъ Ивану и Петру не допускать въ свое царство иноземцевъ и не вводить

---

[1]) «Не понудите ны, не понудите», писалъ онъ,—«и молитвенно просимъ не понудите своимъ разгласіемъ писати и всеподробно назнаменати къ братіи нашей четыремъ святѣйшимъ патріархамъ, *да не тяжко тіи что о семъ на вы изрекутъ*». Къ Черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу патріархъ писалъ семь грамотъ, но тотъ все отмалчивался, пока, наконецъ, патріархъ не пригрозилъ «восписати вся сія» восточнымъ патріархамъ, запретивъ ему до отвѣта священнодѣйствовать («Щитъ Вѣры»).

[2]) Приводимъ списокъ этихъ осужденныхъ книгъ: 1) Большой *Требникъ* Петра Могилы; 2) *Миръ человѣку съ Богомъ*, Иннокентія Гизеля, К. 1669; 3) *Ключъ Разумѣнія*, Іоанникія Галятовскаго, Львовъ, 1665; 4) *Мессія Праведный*, его-же, К. 1669; 5) *Мечъ Духовный*, Лазаря Барановича, К. 1666; 6) *Трубы словесъ проповѣдныхъ*, его-же, К. 1674; 7) *Огородокъ Маріи Богородицы*, Антонія Радивиловскаго, К. 1676; 8) *Вечеря духовная*, Симеона Полоцкаго, М. 1683 9) *Обѣдъ душевный*, его-же, М. 1680; 10) *Вѣнецъ вѣры*, его же, М. 1671; о немъ замѣчено: «Сей Вѣнецъ сплетенъ не изъ прекрасныхъ цвѣтовъ, богоносныхъ отцовъ словесъ, но изъ бодливаго тернія на Западѣ прозябшаго новшествъ, отъ вымышленій Скотовыхъ, Аквиновыхъ, Анзельмовыхъ и тѣмъ подобныхъ еретическихъ блудословій» (Остенъ, 132—133); 11) *Учительное Евангеліе*, Кирилла Транквиліона, 1619; 12) *Катихизисъ*, Сильвестра Коссова; 12) *Экзегезисъ*, его же (конечно, за то, что въ этой брошюрѣ доказывалась необходимость изученія лат. языка); 13) и 14) *два* малыхъ *катихизиса* П. Могилы, изд. въ Кіевѣ 1645; 15) *Слово*, сложенное отъ іезуитскаго ученика С. Полоцкаго: «О благоговѣйномъ во храмѣ стояніи»; 16) *Выкладъ*, «весьма ереси латинскія наполненный», Ѳеодосія Сафоновича (Оп. рук. син. библ., II, 3, № 310).

Digitized by Google

новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ, „ибо тѣмъ нѣсть благочестіе христіанскаго царства во удобствіи имать пространятися". Преемникъ его, патріархъ Адріанъ, былъ человѣкъ того же направленія и держался такихъ же взглядовъ на науку. Каковы были результаты академическаго преподаванія подъ руководствомъ Лихудовъ въ послѣднее десятилѣтіе XVII вѣка—въ подробности неизвѣстно; мы знаемъ, что ученые Греки — конечно, подъ вліяніемъ идей западныхъ—преподавали риторику, піитику, философію; но въ 1698 или въ 1699 году Петръ Великій, говоря съ патріархомъ о положеніи образованія, замѣтилъ: „Священники у насъ ставятся, грамотѣ мало умѣютъ; еже бы ихъ таинствъ научити и ставити въ тотъ чинъ... и для того въ обученіе хотя бы послать 10 человѣкъ въ Кіевъ въ школы, которые-бы могли къ сему прилежати". Слѣдовательно, Московская академія, вопреки своему громкому названію, не достигала цѣли; самостоятельнаго же стремленія къ просвѣщенію въ московскомъ учительномъ сословіи не было. Стремленіе это сильно и дѣятельно проявлялось въ одномъ только Петрѣ, который вслѣдствіе этого отдавалъ рѣшительное предпочтеніе кіевскимъ школамъ, видя въ нихъ, все-таки, орудія просвѣтительной дѣятельности. Направленію кіевскихъ ученыхъ—формальному, схоластически-безжизненному—Петръ, при своемъ реально-утилитарномъ взглядѣ на науку, конечно, не могъ сочувствовать: но онъ видѣлъ, что московское духовенство въ своемъ, спеціально-церковномъ, образованіи стоитъ неизмѣримо ниже Кіевлянъ, что въ Великороссіи, выражаясь словами одного изъ литературныхъ дѣятелей того времени, Ѳедора Поликарпова, видится только „заматорѣлое грубости чудо, всѣхъ ужасныхъ видовъ ужасное", и нѣтъ людей, которые могли бы руководить просвѣщеніемъ духовенства, заботиться о школахъ, слѣдить за ходомъ и результатами преподаванія; вотъ почему, желая поднять уровень образованія въ этой средѣ, онъ необходимо долженъ былъ обратиться къ тѣмъ же изгнаннымъ, опозореннымъ, обвиненнымъ въ латинствѣ кіевскимъ ученымъ. Обратиться, по прежнему, къ Грекамъ онъ не могъ, вопервыхъ, потому, что видѣлъ неудовлетворительные результаты ихъ педагогической системы, а вовторыхъ—и это, конечно, самая главная причина — потому, что Греки были представителями ѳеократической идеи патріаршества, церковнаго авторитета, сторонниками и защитниками той самой московско-византійской косности, которая такъ ненавистна была Петру. Задумывая уничтожить главный оплотъ стариннаго, клерикальнаго строя русской жизни—патріар-

Digitized by Google

шество, онъ долженъ былъ окружить себя людьми новыми, не связанными съ этимъ строемъ никакими традиціями; таковы именно и были кіевскіе ученые. Правда, эти люди, болѣе или менѣе, были „заражены латинствомъ", то-есть, сочувствовали католическому взгляду на отношенія церкви къ государству; но за то они были рѣшительными противниками московской старины, причинившей имъ такъ много непріятностей; одно уравновѣшивалось другимъ. При этомъ, борьба—еслибъ она и возникла—свѣтской власти съ теократическими поползновеніями духовенства была бы дѣломъ гораздо болѣе легкимъ по отношенію къ людямъ новымъ, пришлымъ, чѣмъ по отношенію къ старымъ московскимъ попамъ, имѣвшимъ непосредственныя связи съ народомъ и вліяніе на него. Наконецъ, кіевская схоластика все же имѣла нѣкоторыя точки соприкосновенія съ свѣтскою наукою, которая въ Москвѣ такъ упорно отрицалась, и которою Петръ такъ дорожилъ; Кіевляне могли и перевести нужную книгу съ латинскаго, съ нѣмецкаго, съ польскаго и разъяснить читателямъ, почему эту книгу слѣдовало перевести и какъ слѣдуетъ ее понимать, и написать, когда признано будетъ необходимымъ, ученый трактатъ въ объясненіе того или иного вопроса вѣры или обряда. Всѣ эти причины обусловили окончательную побѣду представителей латино-польскаго элемента надъ ихъ московскими противниками и предоставили имъ важную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія.

П. Морозовъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Рѣка Аму и ея древнее соединеніе съ Каспійскимъ моремъ. *В. Лохтина.* Спб. 1879.

Сочиненіе, заглавіе котораго приведено выше, съ одной стороны, представляетъ совершенно небывалое явленіе въ сферѣ Аму-дарьинскаго вопроса, а съ другой—самъ вопросъ имѣетъ такую высокую научную важность, что трудно оставить трудъ г. Лохтина безъ ближайшаго разсмотрѣнія и выясненія его отношенія къ дѣлу, занимающему весьма многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ.

Основная мысль г. Лохтина заключается въ томъ, что Аму перестала течь въ Каспійское море и стала течь въ Аральское подъ вліяніемъ того, что вода каспійскихъ рукавовъ сильнѣе разбиралась на орошеніе, чѣмъ аральскихъ, и онъ ставитъ тезисомъ, что „если рѣка дѣлится на два или нѣсколько рукавовъ, и если по длинѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ будутъ отнимать отъ русла значительное количество воды, то эти рукава необходимо должны постепенно засоряться". Очевидно изъ этого, что для объясненія поворота г. Лохтину нужны нѣсколько рукавовъ Аму,—по меньшей мѣрѣ, два,—которые текли бы и въ Каспійское, и въ Аральское море. Лишь при такихъ условіяхъ г. Лохтинъ можетъ пользоваться своимъ принципомъ объясненія. Онъ видитъ это и самъ, говоря: (стр. 77) „Затѣмъ необходимо также, кажется (?!), принять, что Аму-Дарья всегда имѣла два стока: къ Каспійскому и Аральскому морямъ одновременно, и слѣдовательно, дѣлилась на рукава".

Стало быть, какъ бы ни былъ, положимъ, вѣренъ основной принципъ, прилагаемый къ дѣлу г. Лохтинымъ, что отнятіе воды отъ русла въ

Digitized by Google

свыше 90°?" При подобномъ вопросѣ положеніе теоріи, принявшей двѣ первичныя бифуркаціи, безвыходно; точнѣе — выходъ одинъ: громоздить фантазію на фантазію; а этимъ сразу обнаружится, что теорія не годится для объясненія.

Какъ безусловныя теоріи, такъ и условныя, могутъ принимать искусственные или естественные дѣятели за причину поворота, то-есть, онѣ могутъ ставить основаніемъ поворота дѣятельность человѣка, прямо ли направленную на измѣненіе направленія теченія, или повліявшую на это косвеннымъ путемъ; либо же онѣ могутъ основываться на томъ, что тѣхъ дѣятелей, которые даны въ условіяхъ теченія рѣки и въ условіяхъ мѣстности, гдѣ она течетъ, достаточно, чтобы обусловить измѣненіе ея теченія.

Безусловная искусственная теорія мыслима лишь въ слѣдующихъ формахъ: рѣка, текшая нѣкогда къ Каспійскому морю, была перепружена мѣстными жителями и направлена къ Аралу. Эта теорія можетъ быть сдѣлана нѣсколько болѣе естественною, если замѣнить слово „направлена" словомъ „направилась". Но на подобную теорію до сихъ поръ не отважился никто, кромѣ Хивинца Ата-Муратъ-Хана [1]): слишкомъ очевидны ея наивность и произвольность.

Слѣдующія искусственныя теоріи могутъ быть уже лишь условными:

а) прямаго дѣйствія: вѣтвь рѣки, текшая въ Каспій перепружена, почему вся вода, не имѣя болѣе возможности течь въ этомъ направленіи, потекла по аральской вѣтви;

b) косвеннаго дѣйствія:

α) вполнѣ элементарная: вода, текшая по каспійской вѣтви, была разобрана на орошеніе жителями, а потому сама вѣтвь изсякла и исчезла;

β) съ большимъ развитіемъ: вода, текшая по каспійской вѣтви, была разбираема на орошеніе, и „если".... см. принципъ г. Лохтина,— то сама вѣтвь засорилась и исчезла.

Всѣ эти теоріи имѣютъ своихъ представителей, хотя, очевидно, вторая и третья, въ сущности, выражаютъ одинъ и тотъ же взглядъ. Представитель первой есть г. Глуховской, высказавшій ее въ одномъ изъ засѣданій Географическаго Общества въ 1873 году, хотя и въ несовершенно ясной формѣ, такъ что ее можно принять за взглядъ Ата-Мурада, лишь подкрѣпляемый доказательствами,—именно перед-

[1]) *Изв. Геогр. Общ.* 1874 г., X, № 6, стр. 307: Сообщеніе г. Глуховскаго.

Digitized by Google

немъ плотинъ на старыхъ руслахъ; второй—англійскій купецъ Дженкинсонъ, путешествовавшій въ Хиву въ 1559 году, а третьей—гг. Штуммъ, Вудъ и Лохтинъ, авторъ брошюры, о которой идетъ рѣчь, повторившій, въ сущности, мысль Дженкинсона, Штумма и Вуда.

Первая теорія оказывается неустойчивою передъ слѣдующимъ рядомъ вопросовъ: неужели и на Сыръ-Дарьѣ теченіе рѣки было измѣнено также плотиною на Джаны-Дарьѣ, вслѣдствіе чего рѣка потекла по нынѣшнему руслу, или точнѣе — сначала по другому старому руслу, находящемуся между нынѣшнимъ и Джаны-Дарьею, по Куванъ-Дарьѣ, которое она потомъ все таки оставила? Откуда такое трогательное сочувствіе душъ у туземцевъ, что они производятъ неслыханную операцію разомъ надъ обѣими рѣками Аральскаго моря? Почему ту и другую рѣку они поворачиваютъ „вправо", а не влѣво? Почему именно явилось у нихъ желаніе ставить плотины на Джаны-Дарьѣ, а не на нынѣшнемъ руслѣ, какъ разъ соотвѣтственно тому, что на Аму-Дарьѣ явилось стремленіе запрудить рукавъ, отходящій отъ главнаго русла тоже, какъ Джаны-Дарья, въ лѣвую сторону? и т. д. Если кто-нибудь сталъ бы серьезно пытаться разрѣшать эти вопросы, то онъ каждомъ шагу встрѣтился бы съ тѣмъ, что объяснимое, хотя бы отчасти, на Аму-Дарьѣ не находитъ себѣ объясненія на Сыръ-Дарьѣ, и наоборотъ.

Эти вопросы, конечно, могутъ быть предложены и двумъ остальнымъ теоріямъ съ искусственнымъ дѣятелемъ, и имъ, безъ сомнѣнія, прійдется неоднократно отказываться отъ объясненія тѣхъ или другихъ частныхъ фактовъ.

Правда, теоріи искусственнаго дѣятеля при поворотѣ отличаются весьма большою простотой, ясностью и удобопонятностью, которыя дѣлаютъ ихъ доступными каждому простому уму. Но что̀ можетъ быть доступнѣе для каждаго простаго ума того, что солнце ходитъ около земли, а земля стоитъ на трехъ китахъ, покоящихся на волнахъ безпредѣльнаго океана?...

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что теоріи искусственнаго дѣятеля созданы не учеными и поддерживаются не учеными, и что представители науки даже не останавливаются на нихъ сколько-нибудь серьезно, предлагая безусловныя относительно бифуркаціи теоріи, основанныя на естественныхъ дѣятеляхъ.

Обратимся теперь къ главнымъ изъ этихъ безусловныхъ гипотезъ и предположеній.

а) Поворотъ рѣки, текшей нѣкогда въ Каспій, обусловленъ гео-

Digitized by Google

логическими причинами, то-есть, нѣкотораго рода поднятіемъ почвы, въ силу котораго стокъ воды въ Каспій сдѣлался невозможнымъ,— безъ ближайшаго изслѣдованія и доказательства, а иногда и безъ ближайшаго обозначенія характера геологической причины. Подобныя мысли высказывались многими.

b) Аралъ былъ нѣкогда многоводнѣе и имѣлъ стокъ въ Каспій по теперешнему старому руслу. При высокомъ стояніи моря, воды его покрывали то мѣсто, гдѣ позднѣе явилась бифуркація. Вслѣдствіе постепеннаго высыханія уровень Арала нѣсколько понизился, притоки Аму уменьшились, и бифуркація сдѣлась видимою. При дальнѣйшемъ высыханіи Арала и пониженіи его уровня, рукавъ къ Каспію сталъ высыхать и исчезъ, со всѣми послѣдствіями этого для земледѣлія ханства, почему нѣкоторые города были покинуты [1]). (Здѣсь авторъ гипотезы упускаетъ изъ виду, что вода Аральскаго моря, текшая по старому руслу, годится не для орошенія, а для образованія солончаковъ, и что поэтому не было никакаго основанія строить города около такой струи, ни покидать его, когда она высохла). Это— основанія гипотезы графа Канкрина.

c) Аму-Дарья двигалась и двигается вправо, по закону Бэра, согласно которому рѣки, текущія по меридіану, уклоняются вправо въ силу различія скоростей движенія земли въ различныхъ широтахъ. Это предположеніе высказано проф. Р. Э. Ленцомъ [2]).

d) Аму и Сыръ-Дарья, подобно рѣкамъ каспійскаго бассейна, измѣнили свое теченіе подъ вліяніемъ поднятія, ось котораго проходитъ, начинаясь отъ Крыма, черезъ Кавказъ, до Памира. Измѣненіе направленія теченія по этой теоріи нужно понимать весьма просто: поднимающаяся суша поднимаетъ сначала устье рѣки (Аму) и затѣмъ, подпирая, такъ сказать, воду, поворачиваетъ рѣку, напоромъ снизу и сбоку, въ сторону. Такой взглядъ высказанъ г. Богдановымъ,

---

[1]) Старый Ургенчъ, напримѣръ.

[2]) *Lenz*, Ueber den früheren Lauf des Amu-Daria, S. 50: «Weit entfern davon zu den vielen Hypothesen noch eine neue hinzufügen zu wollen, glaube ich vielmehr, dass man die Frage nur durch sorgfältiges Studium an Ort und Stelle wird beantworten können. Auf einen Umstand kann ich jedoch nicht unterlassen aufmerksam zu maehen *der vielleicht dazu beitragen kann, die Stromveränderung zu erklären.* Es ist dies die schöne Bestätigung, welche der Amu-Daria für die von *Baer* an der Wolga gemachte und später auf viele andere Flüsse ausgedehnte Bemerkung giebt, welche den Namen des Baer'schen Gesetzes trägt». Строго говоря, слѣдуетъ по этому замѣчаніе проф. Ленца назвать, скорѣе, намекомъ чѣмъ предположеніемъ.

Digitized by Google

въ опроверженіе г. Глуховскаго, въ 1873 г., въ томъ же засѣданіи Географическаго Общества, въ которомъ г. Глуховской излагалъ свою теорію.

e) Извѣстнымъ средне-азіатскимъ путешественникомъ Н. А. Сѣверцовымъ, въ 1875 году, предложена теорія съ такими основаніями: наблюдая обнаженіе восточнаго берега Аральскаго моря и залеганіе рѣчныхъ осадковъ на Сыръ-Дарьѣ и Аму-Дарьѣ въ извѣстныхъ пунктахъ выше современнаго уровня рѣки, г. Сѣверцовъ сдѣлалъ выводъ, что Аралъ высыхаетъ, и что рѣки, при пониженіи уровня моря, вслѣдствіе этого высыханія, вырыли себѣ болѣе глубокое русло, а потому, и въ Аму-Дарьѣ въ частности уровень воды въ углубленномъ руслѣ сталъ ниже прежняго. Ниже же прежняго онъ долженъ былъ стать въ той вѣтви, которая направлялась къ Каспійскому морю, и такъ какъ предполагается, что эта вѣтвь не углублялась (въ соотвѣтствіи съ такимъ же высыханіемъ Каспійскаго моря), то слѣдовательно, оно должно было обмелѣть. По духу аргументаціи г. Сѣверцова дальше слѣдуетъ, что обмелѣвшее русло должно было засориться иломъ и сдѣлаться непроходимымъ для воды.

f) Въ 1875 же году появилась и наша теорія поворота рѣкъ Аму и Сыра. Въ виду того, что явленія, наблюдавшіяся нами на берегу Аральскаго моря, каковы: обрывистость всего сѣверо-западнаго берега, его подмытость, при крайней отлогости, на огромныхъ разстояніяхъ, юго-восточнаго берега, — существованіе немногихъ континентальныхъ острововъ и скалъ, оторванныхъ отъ сѣверо-западнаго берега, громадное множество мелкихъ намывныхъ песчаныхъ острововъ вдоль юго-восточнаго,— крутизна склона дна моря у сѣверо-западнаго берега и отлогость его (наклонъ дна къ поверхности моря равенъ иногда лишь всего нѣсколькимъ секундамъ) на юго-восточномъ, и многое другое заставили насъ принять, что сѣверо-западный берегъ моря очень сильно разрушался и разрушается, между тѣмъ какъ на юго-восточномъ идетъ новообразованіе суши. Въ замкнутомъ же бассейнѣ это должно происходить тогда, когда море, отступая и удаляясь отъ юго-восточнаго берега, такъ сказать, напираетъ на сѣверо-западный. Принять это предположеніе о движеніи моря съ юго-востока на сѣверо-западъ не значило сдѣлать предположеніе, а лишь просто замѣтить и признать фактъ. А такъ какъ это явленіе нельзя было объяснить ни съ помощью предположенія о преобладаніи вѣтровъ и волненій въ направленіи съ юго-востока къ сѣверо-западу, ни паденіемъ системы пластовъ породъ, образующихъ сѣверный и

Digitized by Google

западный берега, такъ какъ пласты оказывались подмытыми и со стороны головы, и со стороны пяты, то мы предположили, что причина, давшая, а можетъ быть, и до сихъ поръ дающая морю движеніе на сѣверо-западъ, есть поднятіе страны на юго-востокѣ отъ него, съ чѣмъ связывается и огромное распространеніе песковъ и солончаковъ на юго-на востокъ отъ Аральскаго моря.

Но если допущено подобное предположеніе, то имъ объясняется вполнѣ естественно и поворотъ рѣкъ: при поднятіи верховьевъ рѣки,— а наиболѣе ясное и сильное поднятіе и слѣдуетъ принять именно для верховья, для области горъ, — скорость ея увеличивается. Съ увеличеніемъ же скорости увеличивается разрушающее дѣйствіе рѣки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она встрѣчаетъ сопротивленіе своему движенію со стороны ложа и береговъ. А такъ какъ направленіе стремленія рѣки выражается въ планѣ, то-есть, разсматривая построеніе сверху, прямою линіей, отъ мѣста, гдѣ рѣка беретъ начало, къ подошвѣ склона, то рѣка всегда и стремится къ спрямленію своего русла. Но направленіе теченія никогда не отвѣчаетъ направленію стремленія, ибо препятствія, данныя въ видѣ частностей рельефа и строенія страны, — а въ частности, строенія рѣчнаго ложа—заставляютъ ее измѣнять направленіе стремленія въ направленіе теченія и виться около тѣхъ препятствій, которыя она не можетъ смыть. Но чѣмъ больше скорость рѣки, тѣмъ болѣе она спрямляетъ русло, если только породы, въ которыхъ прорыто русло, мягки и уступчивы. При этомъ, рѣка углубляетъ свое русло, хотя это имѣетъ полное примѣненіе собственно въ среднемъ теченіи, и разрушаетъ преимущественно тотъ берегъ, въ который при изгибахъ ударяетъ струя, то-есть, если излучина направляется влѣво, то—правый, а если излучина идетъ вправо, то—лѣвый. При увеличеніи скорости, это размываніе нижняго—выразимся такъ—берега усиливается, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе спрямляется русло рѣки, и направленіе теченія болѣе и болѣе приближается къ направленію стремленія. Если при этомъ рѣка дѣлаетъ изгибъ значительной крутизны вправо или влѣво, то въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ изгибъ начинается, размываніе нижняго берега будетъ происходить всего сильнѣе. Вотъ этотъ принципъ и положенъ нами въ основаніе объясненія причинъ поворота.

Судя по направленію старыхъ руслъ Аму и Сыра, Джаны-Дарья и старое русло Аму (по Куня-Дарьѣ) находятся въ такомъ отношеніи другъ къ другу, что какъ будто, начиная отъ форта Перовскаго на Сыръ-

Digitized by Google

Дарьѣ, до самаго Каспія текла одна рѣка, и Аму-Дарья была притокомъ этой рѣки,—Арало-Каспій, отступивъ, оставилъ свое дно съ наклономъ къ Каспійскому морю. А такъ какъ мѣстность въ то время должна была имѣть равнинный характеръ, — она равнина до сихъ поръ, послѣ размыва атмосферною водою,—то рѣка и приняла направленіе того наклона страны. То же самое, вѣроятно, поднятіе почвы, дѣйствіемъ котораго Арало-Каспій былъ удаленъ съ Арало-Каспійской равнины, поднятіе, сильнѣе всего шедшее въ области среднеазіатскаго горнаго массива, то-есть, главнымъ образомъ, поднятіе области верховьевъ рѣкъ, неизбѣжно должно было обусловить увеличеніе скорости рѣкъ и въ то же время измѣнило, хотя незначительно, склонъ страны. Но такъ какъ области средняго и нижняго теченія рѣкъ, если и были также, подняты сохранили равнинный характеръ, и кромѣ того, образованы вообще, на поверхности, изъ уступчивыхъ и легко размываемыхъ почвъ, каковы, напримѣръ, глины, то измѣненіе направленія теченія должно было произойдти необходимымъ образомъ. Паденія по Аму-Дарьѣ къ Каспію и Аралу отличаются другъ отъ друга очень незначительно, но настоящая рѣка все-таки течетъ по направленію преобладающаго склона, какъ показываютъ слѣдующія опредѣленныя нами числа:

Паденіе:	къ Аралу.	къ Каспію.
отъ Бенда	0,000109	0,000099
„ Ургенча. . . .	0,000105	0,000100

или при нѣсколько иныхъ условіяхъ расчета:

отъ Ургенча. . . .	0,000100	0,000099

Эти числа весьма выразительно показываютъ, что страна имѣетъ дѣйствительно равнинный характеръ, и изъ этого, въ совокупности съ упомянутымъ выше обстоятельствомъ, что поверхностныя почвы вообще уступчивы, можно заключить, что мѣстность представляетъ, или точнѣе, представляла сравнительно удобныя условія для передвиженія русла. Но при этомъ мы еще разъ напоминаемъ о томъ, что направленіе старыхъ руслъ Аму и Сыра, вмѣстѣ съ приведенными выше числами, заставляетъ принять положеніе, что непремѣнно нужно имѣть въ виду смѣну одного склона мѣстности, при которомъ Аму могла течь въ Каспій, а Сыръ направлялся въ сторону Аму и вливался въ Аралъ съ юго-востока,—другимъ склономъ, при которомъ рѣки приняли настоящее направленіе, хотя разница между этими склонами и крайне незначительна.

Digitized by Google

Вся картина сводится, стало быть, къ слѣдующему: при продолжающемся поднятіи страны (послѣ удаленія Арало-Каспія), главнымъ образомъ въ области горъ, слѣдовательно, и верховьевъ обѣихъ рѣкъ, измѣнился наклонъ страны, хотя въ низовьяхъ незначительно, но однако на столько, что образовался преобладающій склонъ къ Аралу, — и увеличилась скорость рѣкъ. Но такъ какъ рѣки въ области средняго теченія (новое старое русло, вѣроятно, параллельное рѣкѣ, найдено даже около г. Келифа, какъ сообщаетъ одинъ изъ участниковъ экспедиціи для изслѣдованія средне-азіатской желѣзной дороги, г. Мушкетовъ) поворачивали подъ очень значительнымъ угломъ къ общему направленію своего теченія влѣво, то въ этомъ именно мѣстѣ и должно было происходить наиболѣе сильное размываніе праваго берега. На противоположномъ же берегу, менѣе размываемомъ, должна была отлагаться коса. Но такъ какъ въ теченіе извѣстнаго времени размываніе нижняго берега и постоянное наростаніе верхняго влекутъ за собою образованіе луки, и такъ какъ эта лука все увеличивается и увеличивается, спускаясь все ниже и ниже по новообразующемуся склону мѣстности, то въ нѣкоторый моментъ, во время ли половодья, или тогда, когда уровень воды въ опускающейся по склону лукѣ становится ниже сравнительно съ уровнемъ частей рѣки, лежащихъ ниже луки, — вода вырывается черезъ правый берегъ и устремляется по направленію даннаго склона страны, а склонъ этотъ направляется въ сторону Аральскаго моря. Подобное представленіе, какъ само собою понятно, есть лишь схема явленій. Въ дѣйствительности, по всей вѣроятности, вода многократно изливалась во время половодій черезъ правый берегъ, образуя здѣсь разливы и временные, побочные фарватеры, соединявшіеся все-таки съ главною рѣкою, которые мало по малу устанавливались, превращаясь въ постоянные и давая водѣ снова возможность изливаться черезъ свой безпрырывно размываемый правый берегъ, въ случайныя углубленія почвы, овраги и т. д.

Въ короткихъ словахъ, стало быть, наша теорія состоитъ въ томъ, что какъ Сыръ, такъ и Аму, подъ вліяніемъ поднятія верховьевъ и увеличенія вслѣдствіе этого скорости теченія, прорвались черезъ свой правый берегъ, размывая его и стремясь къ спрямленію русла. Настоящее направленіе общаго склона мѣстности явилось при этомъ содѣйствующимъ обстоятельствомъ.

Когда же новое русло установилось, то такъ какъ оно шло по направленію преобладающаго склона мѣстности, оно стало главнымъ:

Digitized by Google

вода должна была течь въ немъ съ наибольшею скоростью, постоянно размывая и расширяя его, между тѣмъ какъ въ старомъ руслѣ она стала убывать, скорость ея уменьшаться, а соотвѣтственно этому, въ немъ возникали все болѣе и болѣе благопріятныя условія для отложенія ила, а слѣдовательно, и для засоренія.

Но вѣдь все-таки самое-то поднятіе, основаніе всей теоріи, есть гипотеза?... Нѣтъ; оно доказывается также и рядомъ прямыхъ фактовъ. Вопервыхъ, горы средней Азіи, судя по ихъ огромной высотѣ и очертаніямъ, на сколько это намъ извѣстно, суть горы молодыя, то-есть, или поднимающіяся, или переставшія подниматься въ сравнительно недавнее время: горы, поднятіе которыхъ прекратилось, разрушаются, становятся ниже и пріобрѣтаютъ пологіе скаты. Далѣе, г. Мышенковъ указываетъ на случаи опусканія ледниковъ, то-есть, пониженія ихъ нижняго края, что составляетъ признакъ поднятія. Въ самое послѣднее время г. Мушкетовъ указываетъ также, что слѣды поднятія, которыхъ онъ не находитъ на равнинѣ, все-таки наблюдаются около горъ [1]). Кромѣ того, одно изъ обстоятельствъ, послужившихъ Сѣверцову для образованія его теоріи,—что рѣчные осадки лежатъ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, надъ уровнемъ современной рѣки,—можетъ и само по себѣ, а въ особенности по совокупности съ другими обстоятельствами, также считаться признакомъ поднятія верховьевъ, ибо рѣки, при поднятіи верховьевъ съ увеличеніемъ скорости теченія, углубляютъ русло, собственно въ среднемъ теченіи [2]). Затѣмъ совершенно аналогичную картину тому, что мы видимъ на Аралѣ, мы находимъ также на Балхашѣ. Но Балхашъ лежитъ ближе къ горамъ, удобообозрѣваемъ, по причинѣ своей сравнительно незначительной величины, а потому, явленія его движенія, со всѣми сопутствующими обстоятельствами—обрывистостью и крутизною подмываемаго сѣверо-западнаго берега, пологостью обнажающагося юго-восточнаго, сильнымъ развитіемъ на немъ песковъ и пр., выступаютъ съ чрезвычайною ясностью. Направленіе

[1]) Въ самое послѣднее время, на съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей, мы имѣли удовольствіе услышать отъ Н. А. Сѣверцова лично, что онъ нашелъ признаки поднятія и на Памирѣ.

[2]) Кромѣ того, это можетъ быть результатомъ,—въ нижнемъ теченіи,—и отступленія моря отъ юго-восточнаго берега Арала, что снова принимается въ расчетъ нашею теоріей, въ которой положеніе объ отступленіи моря отъ юго-восточнаго берега моря и о наступленіи его на сѣверо-западный составляетъ главное основаніе.

Digitized by Google

текущихъ съ него рѣкъ, опредѣляющихъ направленіе склона, замѣчательнымъ образомъ согласуется съ направленіемъ его передвиженія.

Особенно характерно очертаніе юго-западной границы песковъ, отложенныхъ Балхашемъ на сушѣ: это—почти прямая линія съ направленіемъ, приблизительно, SO—NW 32°. Но самый простой и ясный фактъ, доказывающій, что поднятіе имѣло (или имѣетъ теперь) здѣсь мѣсто, состоитъ вотъ въ чемъ: Аральское море лежитъ на 243 фута выше Каспійскаго, а Каспійское, приблизительно, на 80 футъ ниже океана, то-есть, Аралъ лежитъ выше океана на 163 фута, или на 23 сажени. Но такъ какъ Аралъ и Каспій суть части одного и того же бассейна, то уровень ихъ былъ нѣкогда, когда они находились въ соединеніи, одинаковъ. Если Аралъ былъ неподвиженъ со времени своего отдѣленія отъ Каспія, то для установленія одного уровня въ немъ и въ Каспіи нужно уровень Каспія поднять на 23 сажени.

Гораздо легче представить себѣ, въ виду этого факта, что Аралъ поднялся со времени раздѣленія,—можетъ быть, именно это поднятіе и обусловило также и раздѣленіе морей,—чѣмъ предположить, что стоящій почти на 35 саженъ выше своего настоящаго уровня Каспій не проложилъ бы себѣ пути къ Черному морю, а если Черное море и соединявшійся съ нимъ Арало-Каспій были опять средиземнымъ моремъ (говоримъ о морѣ времени сарматскихъ пластовъ), то—къ океану. Разбирая съ этимъ основаніемъ явленія во всякой мыслимой формѣ, приходится все-таки, скорѣе, допустить поднятіе въ области Арала, чѣмъ существованіе огромнаго средиземнаго моря на 23 сажени выше океана. Да притомъ, нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ г. Мушкетовъ, увѣряютъ еще, что уровень Арала былъ еще выше, чѣмъ въ настоящее время... (Это, впрочемъ, если и возможно, то совершенно не доказано, и пока не доказуемо, ибо приводимыя доказательства могутъ оказаться мнимыми, то-есть, приводимые факты найдутъ иное объясненіе, помимо рискованнаго предположенія объ общемъ высыханіи страны) [1]).

---

[1]) Чтобъ избѣжать голословности въ этомъ замѣчаніи, обращаю вниманіе на то, что «громадныя размытія въ странѣ» и «высохшія озера», приравненныя по характерѣ ея и при склонности къ образованію на огромныхъ протяженіяхъ овраговъ, нерѣдко впадающихъ въ замкнутыя котловины, могутъ указывать, что дѣятель, обусловившій происхожденіе этихъ размывовъ, есть атмосферная вода. «Высохшія озера» даже скорѣе всего указываютъ, что это, въ дѣйствительности, скоро высыхающія скопленія атмосферной воды. При такомъ толкованіи фактовъ, нѣтъ возможности заключить изъ приводимыхъ г. Мушкетовымъ основаній

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, общій обзоръ болѣе значительныхъ взглядовъ на причины поворота Аму и Сыра, при объясненіи его естественными причинами.

Изъ нихъ гипотеза графа Канкрина опирается на совершенно произвольное основаніе, что мѣстность была нѣкогда многоводнѣе, и что послѣ этого уровень Арала понизился вслѣдствіе высыханія его; съ другой стороны, значительное число старыхъ руслъ, отдѣляющихся отъ лѣваго берега рѣки въ сторону Каспія, указываетъ, что слѣдуетъ говорить о теченіи рѣки, а не о морскомъ проливѣ. Къ явленіямъ на Сыръ-Дарьѣ эта теорія уже совершенно не примѣнима.

Противъ предположенія г. Ленца представлено г. Стебницкимъ вычисленіе, изъ котораго вытекаетъ, что дѣйствіе размыванія рѣкою праваго берега, по закону Бэра, на столько ничтожно, что не можетъ быть принято, какъ причина поворота Аму.

Но кромѣ вычисленія г. Стебницкаго, этому предположенію противорѣчатъ прямые факты. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Сыръ-Дарья перемѣнила теченіе не путемъ смыванія праваго берега, а путемъ проложенія руслъ, — Куванъ-и Сыръ-Дарьи, — стало быть, рядомъ прорывовъ черезъ правый берегъ; затѣмъ, въ пространствѣ между крайними руслами мы не находимъ рѣчныхъ образованій, а вмѣсто того образованія заливной долины рѣки лежатъ (на Сыръ-Дарьѣ уже ниже Казалинска) между вторыми берегами, состоящими изъ морскихъ осадковъ; наконецъ, величина отклоненія Сыръ-Дарьи, принадлежащей къ категоріи рѣкъ, текущихъ по параллели, весьма значительна сравнительно съ отклоненіемъ Аму,—рѣки меридіональнаго направленія,— а если подтвердится существованіе русла отъ г. Чаждуя къ колодцу Куртышъ, то даже равна величинѣ отклоненія Аму, между тѣмъ какъ Сыръ-Дарья, перешедшая при своихъ передвиженіяхъ параллель, находится въ тѣхъ условіяхъ, когда законъ Бэра имѣетъ наименьшее приложеніе.

Теорія г. Богданова такъ неосмотрительно основана, и принципъ проведенъ на столько неправильно, что она, кромѣ своей невѣрности, легко опровергается; она подробно разсмотрѣна нами въ статьѣ „SO—NW поднятіе въ Арало-Каспійской странѣ и причины поворота

объ общемъ уменьшеніи влажности въ Средней Азіи. Такія озера могутъ являться, существовать и исчезать, надолго оставляя послѣ себя слѣды, и при бѣдности атмосферныхъ осадковъ. Это—дѣло рельефа страны.

Digitized by Google

рѣкъ Аму и Сыра", представленной отдѣленію геологіи С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей 25-го октября 1875 года.

Теорія г. Сѣверцова оказывается вовсе не приложимою для Сыръ-Дарьи: всѣ рукава ея впадаютъ въ Аральское море, а потому при его отступленіи они всѣ же и должны были бы, при однихъ условіяхъ, углубляться, а при другихъ, и это ближе къ истинѣ, углублялся бы преимущественно тотъ, который проходилъ бы въ легко размываемыхъ породахъ. Но почему рѣка выбрала наиболѣе сѣверный, самый крайній справа рукавъ, точно также, какъ это происходитъ на Аму-Дарьѣ,—теорія г. Сѣверцова не объясняетъ. Между тѣмъ это положительно необходимо: явленія тутъ и тамъ тожественны, а стало быть, вызваны однимъ и тѣмъ же дѣятелемъ. Оказывается, кромѣ того, еще, что для объясненія поворота Аму г. Сѣверцову нужно предположить или первичную бифуркацію подъ условіемъ отступленія одного Арала, или преимущественнаго отступленія Арала, — чтобы дать углубиться Аральской вѣтви, или не предполагая еще бифуркаціи, создать ее,—для чего онъ прибѣгаетъ даже къ помощи арыка, прокапываемаго туземцами въ сторону Аральскаго моря, арыка, конечно, такого, который вырытъ случайно въ этомъ направленіи, а не какъ каналъ со спеціальною цѣлью проведенія Аму въ Каспій... Но вѣдь этотъ пріемъ объясненія требуетъ также арыка и для Сыръ-Дарьи, а тогда теорія становится на почву произвольныхъ предположеній.

Однако, не смотря на эту случайность съ арыкомъ, изслѣдованіе прорыва Аму черезъ горы Шейхъ-Джейли и изложеніе фактовъ, исключая, можетъ быть, нѣкоторыя мелкія частности, а также толкованія, вытекающія изъ этихъ мелкихъ фактовъ, все это—произведеніе мастера дѣла. Аму должна была, дѣйствительно, проложить себѣ, при поворотѣ, путь черезъ Шейхъ-Джейли, и г. Сѣверцовъ разбираетъ, какія условія благопріятствовали этому. Но конечно, этого ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ смѣшивать съ теоріей поворота, считать чѣмъ-нибудь объясняющимъ причину поворота. Прорывъ Шейхъ-Джейли есть лишь частное явленіе въ ходѣ поворота, послѣдняя форма измѣненій направленія рѣки, пройдя которую она уже рѣшительно устремляется къ Аралу. Причина же, очевидно, есть возбудитель силы, заставляющей Аму пробивать себѣ русло и черезъ Шейхъ-Джейли. (Г. Лохтинъ, впрочемъ, ставитъ, безъ дальнихъ околичностей, прорывъ Шейхъ-Джейли въ число причинъ поворота). Строго говоря, г. Сѣверцовъ предположилъ арыкъ, лишь увлекшись стремленіемъ

Digitized by Google

окончательно разъяснить явленіе прорыва черезъ Шейхъ-Джейли: въ дѣйствительности, вода сама могла, подмывая Шейхъ-Джейли, прорыть путь и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя лежали выше ея уровня, совершая эту работу лишь въ наиболѣе пониженномъ мѣстѣ горнаго кряжа, встрѣтившагося на ея пути.

Наша теорія до сихъ поръ не подвергалась опроверженіямъ, и неоднократно возвращаясь къ ней въ теченіе четырехъ лѣтъ, прошедшихъ со времени появленія ея въ печати, мы не видимъ основаній, которыя заставили бы насъ существенно измѣнить нашъ взглядъ. Напротивъ того, ближайшій разборъ другихъ сдѣланныхъ нами догадокъ, приводитъ насъ къ заключенію, что наша теорія имѣетъ за себя наибольшее число фактовъ. Кромѣ того, всѣ правильныя наблюденія вполнѣ естественно вступаютъ въ связь съ нею, и даже самыя послѣднія изслѣдованія на Аму г. Мушкетова, на сколько можно судить о нихъ по предварительному отчету (Правит. Вѣстн. 14-го ноября 1879 г., № 255), представляютъ факты, весьма согласные съ этою теоріей. Такъ, теорія г. Глуховскаго, что доступъ въ старое русло былъ прегражденъ для воды плотинами,—становится вполнѣ вѣрнымъ и яснымъ взглядомъ, если исправить ее сообразно основаніямъ нашей теоріи: когда старыя русла засорились и ослабѣли на столько, что туземцы могли сладить съ ними, то—въ политическихъ ли видахъ, или въ видахъ сохраненія воды—они преградили водѣ доступъ въ нихъ плотинами. Равнымъ образомъ, всѣ взгляды, что засореніе иломъ было причиною поворота (Вудъ, Штуммъ, отчасти, хотя въ другомъ смыслѣ, г. Сѣверцовъ), точно также оказываются основанными на правильныхъ наблюденіяхъ: въ старыхъ руслахъ, при потерѣ ими воды, а водою—скорости, должно было происходить усиленное отложеніе ила и засореніе.

Во избѣжаніе недоразумѣній относительно только что сказаннаго, что самыя послѣднія наблюденія г. Мушкетова даютъ еще разъ опоры для нашего взгляда, мы должны однако оговориться, что самъ онъ держится иного мнѣнія относительно причинъ поворота. Онъ считаетъ отклоненіе Аму-Дарьи къ востоку (по нашей терминологіи—„вправо") и углубленіе русла ея, а также осушеніе Узбоя, находящимся въ связи съ пониженіемъ уровня Арала, а не съ поднятіемъ страны; пониженіе же уровня Арала [1]) связывается далѣе съ

[1]) Наша теорія, какъ уже разъ замѣчено, необходимо допускаетъ отступленіе Арала отъ юго-восточнаго берега моря, при чемъ углубленіе руслъ рѣкъ

Digitized by Google

общимъ уменьшеніемъ влаги въ странѣ; это—взглядъ очень близкій, почти тожественный (выражаюсь осторожно, говоря „почти“ и „близкій“, такъ какъ для увѣренности нужно быть знакомымъ съ фактическими основаніями и аргументаціей этой работы, пока еще не напечатанной) съ взглядомъ г. Сѣверцова, а стало быть, какъ показано выше, мало надежды, чтобъ онъ былъ правильнымъ. Равнымъ образомъ онъ находитъ нужнымъ упомянуть о движеніи рѣки вправо, по закону Бэра. Но, во всякомъ случаѣ, ближайшее изслѣдованіе взгляда г. Мушкетова можетъ быть сдѣлано лишь впослѣдствіи.

Вотъ что̀ въ основаніяхъ нужно имѣть въ виду, чтобъ ясно представить себѣ значеніе новой работы, стремящейся къ рѣшенію Аму-Дарьинскаго вопроса.

Статья г. Лохтина (92 страницы, съ картою) состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: описанія низовьевъ Аму въ настоящемъ состояніи ихъ, изложенія историческихъ указаній на причины измѣненій въ низовьяхъ Аму-Дарьи, и изложенія и разбора предположеній относительно происшедшихъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи измѣненій.

Первый отдѣлъ представляетъ географическое описаніе Аму-Дарьи, характера ея береговъ, старыхъ руслъ и изложеніе данныхъ о количествѣ притекающей воды. Этотъ отдѣлъ представляетъ связное изложеніе наблюденій нѣкоторыхъ путешественниковъ и изслѣдователей Аму, при чемъ основныя работы по Аму гг. Зубова и Дорандта даютъ главный матеріалъ для описанія. Данныя же о старыхъ русłахъ г. Лохтинъ почерпаетъ отъ гг. Петрусевича, Лупандина и Стебницкаго. Благодаря тому, что онъ пользуется здѣсь сравнительно новыми матеріалами, въ этой главѣ есть интересные факты. Такъ, напримѣръ, Сары-Камышская котловина (данныя г. Петрусевича) оказывается расположенною на 7 саженъ ниже Каспійскаго моря, образуя, поэтому, впадину съ поверхностью около 10,000 кв. верстъ и съ объемомъ въ 42 милліарда куб. саж., такъ что если бы въ нее пустить половину Аму-Дарьинской воды, то она наполнилась бы въ 26 лѣтъ (4 милліарда куб. саж. воды про текаетъ ежегодно въ Аму-Дарьѣ у Нукуса). Весьма большой фактическій интересъ представляетъ также сообщеніе данныхъ г. Петрусевича относительно результатовъ нивеллировокъ къ Сары-Камышу и сопоставленіе противорѣчій гг. Лупандина и Петрусевича относительно характера Сары-Камыш-

---

въ низовьяхъ при впаденіи ихъ въ море съ юга и востока, должно произойдти точно такъ же, какъ и при убыли моря вслѣдствіе высыханія.

Digitized by Google

ской котловины. Данныя г. Петрусевича уже указаны; по г. Лупандину же выходитъ, что вода течетъ изъ Сары-Камышскаго озера въ Кахъ-Пуляръ-куль, откуда безпрепятственно выходитъ въ Узбой. Приведя данныя того и другаго наблюдателя, г. Лохтинъ не берется за ближайшую критику сообщенія г. Лупандина. Между тѣмъ можно замѣтить, что найденные г. Лупандинымъ подмытые водою кусты саксаула, падавшіе по теченію воды и сохранившіеся въ этомъ положеніи до настоящаго времени, а также свѣжія раковины (какія?), вполнѣ свидѣтельствующія о пребываніи здѣсь (въ Узбоѣ) прѣсной воды, еще вовсе не свидѣтельствуютъ о рѣкѣ, а лишь о текучей водѣ. Между тѣмъ едва ли подлежитъ какому-нибудь сомнѣнію, что какъ въ озера Сары-Камышъ и Кахъ-Пуляръ-куль, такъ и въ Узбой, сливается огромное количество атмосферной воды съ окружающей степи, и Узбой является, въ извѣстныхъ мѣстахъ, своего рода оврагомъ, проводящимъ атмосферную воду отъ нѣкотораго болѣе высокаго пункта на руслѣ къ другому болѣе низкому пункту русла, иногда, можетъ быть, даже расширеннаго въ нѣкоторыхъ такихъ мѣстахъ. Этимъ именно путемъ слѣдуетъ даже объяснять, напримѣръ, присутствіе на Узбоѣ солончаковъ. Соли, вымытыя изъ почвы, должны сноситься атмосферною водою какъ разъ къ такимъ котловинамъ, и растворы ихъ здѣсь все болѣе и болѣе концентрироваться, между тѣмъ какъ на промежуточныхъ пунктахъ могутъ образоваться и сохраняться бассейны съ прѣсною водою. Подобные потоки атмосферной воды могутъ точно также, если еще не лучше, подмывать кусты саксаула, нести ихъ съ собою и располагать по своему теченію. Равнымъ образомъ, въ случайныхъ бассейнахъ могутъ встрѣчаться и жить извѣстные прѣсноводные моллюски. Во всякомъ случаѣ, къ даннымъ, полученнымъ въ два нивеллира (какъ у г. Петрусевича), слѣдуетъ отнестись съ бо̀льшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ наблюденіямъ спеціалиста-топографа надъ предметами, крайне далекими отъ его спеціальности.

Однако, г. Лохтинъ не избѣжалъ въ первой же главѣ странной ошибки, свидѣтельствующей о его маломъ знакомствѣ со сферою, въ которую онъ входитъ съ своею работою. Именно, онъ съ необыкновенною серьезностью цитируетъ наблюденія (надъ теченіемъ Аму-Дарьи) Шмидта у Нукуса (стр. 6, 7, 11, и др.) Но этотъ Шмидтъ, проф. Карлъ Шмидтъ, извѣстный химикъ, въ дѣйствительности, никогда не видалъ Нукуса, и когда Дорандтомъ дѣлались наблюденія, приводимыя г. Лохтинымъ, вѣроятно, покойно сидѣлъ въ своей лабораторіи въ Дерптѣ и занимался своими разнообразными аналитическими рабо-

Digitized by Google

тами. По окончаніи работъ въ Нукусѣ, Дорандтъ обратился къ нему съ просьбою сдѣлать анализы ила Аму-Дарьи и обработать эту сторону вопроса. Г. Шмидтъ, конечно, не отказался исполнить просьбу Дорандта, которому и принадлежитъ цѣликомъ вся постановка работы, веденіе наблюденій, всѣ опредѣленія поправокъ инструментовъ, вычисленія количества протекающей воды, измѣреніе профилей (помощникомъ Дорандта былъ г. Мильбергъ), а также и собраніе матеріала по вопросу объ осадкахъ, обработаннаго г. Шмидтомъ. Но скромный Нѣмецъ, воспитанникъ Дерптскаго университета, Дорандтъ, нашелъ вполнѣ приличнымъ, чтобы работа, въ которой принималъ большое участіеja проф. Шмидтъ, „Wassermenge und Suspensionsschlamm des Amu-Dar in seinem Unterlage“ была подписана: von Prof. Dr. Carl Schmidt und F. Dorandt. Г. Лохтинъ, не догадываясь, вѣроятно, что не въ первомъ имени дѣло, удостоиваетъ Дорандта упоминовеніемъ въ примѣчаніи на стр. 3, по крайне ничтожному поводу, затѣмъ еще раза два говоритъ о „наблюденіяхъ Дорандта у Нукуса“ же, да еще приписываетъ ему на стр. 86 то, чего онъ никогда и не думалъ. Такъ какъ г. Лохтинъ не имѣетъ обыкновенія приводить точныхъ цитатъ, то сверхъ всего выходитъ еще, что у Нукуса наблюдали и г. Шмидтъ и Дорандтъ. Между тѣмъ г. Лохтинъ указываетъ на стр. 90, что онъ пользовался „слѣдующими сочиненіями“: Аму-дарьинская экспедиція: сообщенія Н. Г. Столѣтова, Л. Н. Соболева, Н. А. Сѣверцова и Ф. Б. Дорондта; „Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, т. X, № 7, 1874 г.: Аму-дарьинская экспедиція; „Отчетъ Русск. Имп. Геогр. Общ.“ за 1874 г. Безъ сомнѣнія, ему слѣдовало бы вникнуть въ смыслъ этихъ статей на столько, чтобы не заставлять г. Шмидта дѣлать наблюденія у Нукуса.

Вторая глава статьи г. Лохтина начинается прямо съ ошибки хотя легкой, и возможность которой оговорена самимъ авторомъ. А именно онъ начинаетъ главу такъ: „Существованіе непрерывнаго сухаго русла отъ Аму-Дарьи до Каспійскаго моря необходимымъ образомъ заставляетъ предполагать, что эта рѣка, несомнѣнно, нѣкогда текла въ Каспійское море; на сколько мнѣ извѣстно, фактъ этотъ никѣмъ не оспаривался со времени путешествія Муравьева, который“... и проч. Никѣмъ не оспаривался!... Просто осмѣивался, и даже на русскомъ языкѣ, весьма солиднымъ оріенталистомъ, осмѣивалось самое наблюденіе Муравьева,—покойнымъ Сенковскимъ въ его статьѣ „Аму-Дерья“, помѣщенной въ Библіотекѣ для Чтенія въ тридцатыхъ годахъ. Но ошибка въ этомъ родѣ, конечно, легко воз-

Digitized by Google

можна, и я упоминаю о ней лишь потому, что она проскальзываетъ въ главѣ, содержащей изложеніе „историческихъ" данныхъ по вопросу о измѣненіяхъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи. Но послѣ этой ошибки тотчасъ является другая, уже крупная. Разбирая отношенія высотъ Аральскаго моря, Каспійскаго и океана, г. Лохтинъ полагаетъ, что „даже въ то время, когда арало-каспійская (!) низменность (!?(составляла часть (!) (дно?) океана (если только предположить уровень этого океана за настоящей его высотѣ [1]), предѣлы этого океана все-таки не могли доходить до Аральскаго моря, и сказанный проливъ (г. Лохтинъ возражаетъ противъ возможности того, чтобы старое русло было морскимъ проливомъ, соединявшимъ Аралъ съ Каспіемъ, уже не могъ существовать; при настоящемъ рельефѣ мѣстности, онъ образовался только бы тогда, когда уровень средиземнаго моря поднялся бы приблизительно на 20 саж. выше настоящей своей высоты".

Если арало-каспійская низменность составляла дно океана, — положимъ, для простоты, вообще моря, такъ какъ океанъ слишкомъ опредѣленное понятіе, чтобы прямо вводить его въ вопросъ на этомъ мѣстѣ, помимо промежуточныхъ морей [2]), — то Аральское и Каспійское моря составляли одно море, были слиты другъ съ другомъ, что̀ и было на самомъ дѣлѣ. Какая же тутъ можетъ быть рѣчь о томъ, что Аралъ лежалъ въ это время выше, и Каспій не доходилъ до него? Вѣдь это просто неестественно, если арало-каспійская низменность есть дно Арало-Каспія... А что касается настоящаго рельефа, то объ этомъ гораздо лучше умолчать совсѣмъ, такъ какъ вопросъ о рельефѣ этой страны во времена сарматскаго моря и Арало-Каспія нуждается еще въ разработкѣ чуть не ab ovo. Какъ нужно понимать это странное, взаимное отношеніе высотъ морей—уже указано нами немного раньше.

Затѣмъ г. Лохтинъ излагаетъ свидѣтельства древнихъ писателей, которыя считались тѣми или другими авторами, занимавшимися географіею востока, за указанія по вопросу о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи, и разбираетъ ихъ. Приводятся данныя Геродота, Страбона, Арріана, Курція, Истахри, Гамдаллы, Саидъ-Абулъ-Гассанъ-бека-Али-Джордани, „Книги Большому Чертежу" и т. д. Эти данныя можно однако легко найдти вмѣстѣ съ самою разнообразною критикою ихъ,—

[1]) Скобки и отмѣтки нѣкоторыхъ мѣстъ курсивомъ вообще принадлежатъ намъ; эти же скобки—самого г. Лохтина.

[2]) Какъ это намѣчено нами выше.

Digitized by Google

а критика г. Лохтина едва ли можетъ претендовать на преимущественное значеніе,—и у весьма многихъ авторовъ, такъ какъ эта часть Аму-Дарьинскаго вопроса,—изслѣдованіе его на основаніи историческихъ документовъ,—самая древняя, и по указкѣ Гумбольдта, Эйхвальда, а главнымъ образомъ, г. Ленца, Рёсслера, Лерха и др., составить подобный историческій эскизъ—теперь дѣло вовсе не мудреное, тѣмъ болѣе, что г. Лохтинъ пользуется именно такими вторичными источниками, хотя снова не давая точныхъ цитатъ, такъ что неизвѣстно, изъ какого автора онъ почерпаетъ то или другое. Но г. Лохтину здѣсь также представляется случай сдѣлать курьезнѣйшую ошибку. Онъ пишетъ: „Геллены владѣютъ Согдіаной, которая лежитъ на сѣверъ, по ту сторону Бактріи между рѣкой Оксосомъ, пересѣкающимъ землю Бактровъ и Согдіеровъ (?), и между Яксартомъ; но этотъ пересѣкаетъ Согдіеровъ и Вандергиртовъ". Легко сказать!... Въ Средней Азіи живетъ или жила народность, о которой наука доселѣ не имѣла ни малѣйшаго понятія! Вандергирты!... Въ нѣмецкомъ подлинникѣ, стоятъ „die Wanderhirten"—кочевники... Г. Лохтинъ и перевелъ „вольно": Вандергирты...

Тѣмъ не менѣе, въ этой же самой главѣ есть правильный взглядъ на то, къ какому „заливу Каспійскаго моря", куда впадала нѣкогда Аму-Дарья, вышелъ въ 1559 году англійскій купецъ Дженкинсонъ. Это очень важный вопросъ, такъ какъ дѣло касается одного изъ самыхъ главныхъ документовъ, указывающихъ, что рѣка текла въ Каспій въ историческія времена. Г. Лохтинъ совершенно правильно доказываетъ, что Дженкинсонъ вышелъ не къ Каспійскому морю, а къ Сары-Камышскимъ озерамъ. Эта мысль кратко высказана впервые, безъ всякихъ, впрочемъ, поясненій и доказательствъ, г. Стебницкимъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ Узбоя. Затѣмъ, почти единовременно со статьею г. Лохтина появилась наша работа: „Нѣсколько замѣчаній о путешествіи Дженкинсона", предполагавшаяся къ сообщенію въ Географическомъ обществѣ еще въ мартѣ 1879 года; но по случайнымъ обстоятельствамъ сообщеніе было отложено, а потомъ статья прямо была напечатана въ Запискахъ общества. Г. Лохтинъ доказываетъ мысль г. Стебницкаго уже подробнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ самъ г. Стебницкій. Въ нашей работѣ высказывается въ сущности та же самая мысль, но она доказана болѣе обстоятельно [1]).

[1]) Сверхъ того, проф. Р. Ленцъ лично сообщилъ намъ на дняхъ, что въ маѣ

Digitized by Google

Во всякомъ случаѣ, первая и вторая глава статьи г. Лохтина „составлены по авторамъ“ и самостоятельнаго представляютъ немного. За то третья глава отличается очень большою долею самостоятельности, хотя основная мысль ея принадлежитъ, какъ онъ указываетъ самъ, еще Дженкинсону, а затѣмъ гг. Штумму и Вуду.

Здѣсь г. Лохтинъ берется за дѣло lege artis, то-есть, прежде изложенія своего мнѣнія излагаетъ и опровергаетъ взгляды своихъ предшественниковъ, которые кажутся ему невѣрными, но вообще совершенно неудачно. Замѣтивъ о неприложимости объясненій графа Канкрина и г. Ленца и о несостоятельности теоріи плотинъ, онъ начинаетъ разборъ взгляда г. Богданова словами: „Другое русское предположеніе принадлежитъ Богданову“, а послѣ разбора Богдановской теоріи стоитъ на стр. 62: „Третье изъ русскихъ предположеній... принадлежитъ Н. А. Сѣверцову“. Потомъ идетъ упоминаніе о мнѣніяхъ Дженкинсона, гг. Штумма и Вуда и изложеніе собственнаго мнѣнія.

Русскихъ мнѣній, кромѣ мнѣнія г. Лохтина, оказывается три.

Однако, какъ уже сказано, существуетъ еще наша теорія, и оставить ее безъ критики совершенно непростительно для г. Лохтина, ибо эта теорія, какъ сказано, до сихъ поръ не встрѣтила опроверженія. О нашихъ сообщеніяхъ въ Географическомъ Обществѣ въ апрѣлѣ и маѣ 1879 года г. Лохтинъ могъ не знать, и такъ какъ они не появились еще до сихъ поръ въ печати, то онъ могъ и не ссылаться на нихъ. Но въ своей первичной формѣ наша теорія появилась въ печати уже четыре года тому назадъ. Мы упоминаемъ объ этомъ, конечно, не вслѣдствіе побужденій авторскаго самолюбія, а вслѣдствіе необходимости соблюденія того принципа, который самъ г. Лохтинъ считаетъ обязательнымъ, говоря въ возраженіи г. Богданову: „Что касается перваго отрицательнаго довода въ пользу поднятія (г. Богдановъ отрицаетъ возможность прегражденія теченія водъ Аму, какъ таковой, въ цѣломъ, къ Каспію плотинами), то оно имѣло бы значеніе только въ томъ случаѣ, еслибы были разобраны критически всѣ существующія гипотезы относительно поворота Аму-Дарьи, и еслибы ни одна изъ этихъ гипотезъ не выдерживала критики“. „А между тѣмъ“, продолжаетъ г. Лохтинъ, — „М. Н. Богдановъ взялъ только одну гипотезу, искусственный отводъ воды, и игнорировалъ всѣ другія, существовавшія уже въ то время“.

1879 г. имъ также напечатана статья по этому предмету въ *Globus*, которую, однако, мы не имѣли еще случая видѣть.

Digitized by Google

Это же въ настоящемъ случаѣ можетъ быть примѣнено къ самому г. Лохтину, и притомъ сильнѣе, чѣмъ сказанное имъ, къ г. Богданову, которому — замѣтимъ въ его оправданіе — напрасно ставится г. Лохтинымъ въ упрекъ, что онъ взялъ только одну теорію, а остальныя игнорировалъ.

Дѣло въ томъ, что г. Богдановъ возражалъ г. Глуховскому и говорилъ только о взглядѣ г. Глуховскаго, и еслибы г. Лохтинъ внимательнѣе отнесся къ дѣлу, то онъ увидѣлъ бы, что сообщеніе г. Богданова стоитъ въ 6-й книжкѣ Изв. Геогр. Общ. за 1874 годъ, тотчасъ же вслѣдъ за сообщеніемъ г. Глуховскаго и есть не что иное, какъ возраженіе ему. А извѣстны ли были г. Богданову другія теоріи, это — вопросъ, который г. Лохтинъ могъ бы рѣшить болѣе вѣрно, чѣмъ онъ рѣшаетъ, еслибы обратилъ вниманіе на смыслъ того, что онъ собственноручно выписываетъ изъ Богдановскаго сообщенія: „Къ сожалѣнію, изслѣдователи, высказавшіе это мнѣніе, (то-есть,—сказано двумя строками выше,—что теченіе Аму въ Каспій остановлено явленіями естественными, въ родѣ, напримѣръ, колебанія страны), напримѣръ, графъ Канкринъ, фонъ-Кошкуль и др., не обратили“... Очевидно, г. Богдановымъ мнѣніе графа Канкрина не игнорируется, а приводится съ словомъ „напримѣръ“, что совершенно ясно показываетъ, въ какомъ смыслѣ г. Богдановъ игнорировалъ всѣ существующія теоріи. Кромѣ того, самъ г. Лохтинъ счелъ всѣми существующими теоріями гипотезу Канкрина, предположеніе г. Ленца, взгляды гг. Богданова, Сѣверцова, Дженкинсона, Штумма, Вуда, да свой. (А ихъ больше). Какія же изъ нихъ сталъ бы опровергать г. Богдановъ?... Теорію г. Ленца?... Своей теоріи г. Богдановъ, конечно, не могъ опровергать въ то самое время, когда онъ создалъ ее. Сѣверцовской теоріи—и подавно, такъ какъ она явилась лишь почти два года спустя, теоріи Вуда—тоже; Штуммъ былъ спутникомъ г. Богданова въ Хивинскомъ походѣ, и его соображеній г. Богдановъ имѣлъ полную возможность не знать въ то время, когда возражалъ г. Глуховскому, тотчасъ по возвращеніи изъ похода; нашей теоріи онъ тоже не могъ опровергать, ибо она вышла въ печати лишь черезъ два года послѣ его сообщенія. Воззрѣній г. Лохтина онъ не могъ знать и подавно.

Все-таки однако, не смотря на пропускъ нашей теоріи, г. Лохтинъ слѣдуетъ высказываемому имъ принципу, то-есть, прежде чѣмъ высказать свой взглядъ, разбираетъ критически извѣстныя ему теоріи.

Болѣе всего достается отъ него теоріямъ гг. Богданова и Сѣверцова;

Digitized by Google

ихъ онъ опровергаетъ пространно, хотя и не совсѣмъ съ того конца. Вмѣсто того, чтобы выяснить невѣрность принциповъ и взяться прямо за опроверженіе основаній, онъ разбиваетъ теорію на нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ и принимается за каждый въ отдѣльности. Ясность и связность аргументаціи, вслѣдствіе этого, пропадаютъ, и сверхъ того, возникаютъ новые спорные частные пункты, или невѣрные второстепенные принципы. Вмѣсто этого, чтобъ указать, напримѣръ, произвольность предположенія г. Богданова о связи поднятія Кавказа съ поднятіемъ Памира и доказать невозможность явленій, видимыхъ нами въ настоящее время въ области, гдѣ должно было бы дѣйствовать предполагаемое г. Богдановымъ поднятіе, невозможность, еслибъ оно, дѣйствительно, дѣйствовало, ибо тогда картина теченія рѣкъ была бы иная, — г. Лохтинъ принимается за опроверженіе слѣдующихъ положеній г. Богданова: „1) гипотеза о поворотѣ Аму-Дарьи вслѣдствіе возведенія плотинъ несостоятельна, и потому должно быть отыскано другое объясненіе этому явленію; 2) фауна Аральскаго моря указываетъ на то, что соединеніе Каспійскаго моря съ Аральскимъ прекратилось во времена весьма отдаленныя; и 3) въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское и Аральское моря, существуютъ постоянныя измѣненія въ направленіи теченія, и въ этихъ измѣненіяхъ замѣчается нѣкоторая правильность, которая заставляетъ предполагать одну общую причину". Въ этомъ и состоитъ якобы гипотеза г. Богданова, или по крайней мѣрѣ, ея существенныя основанія.

Ничуть не бывало.... Она состоитъ въ томъ, что низовья рѣкъ Каспійскаго и Аральскаго бассейновъ отклоняются: у текущихъ приблизительно по направленію параллели — къ сѣверу, а у текущихъ по направленію приблизительно меридіана—къ востоку, подъ вліяніемъ, какъ выражается г. Богдановъ, поднятія „юго-западнаго угла Арало-Каспійской страны". Въ этомъ поднятіи юго-западнаго „угла" вся и суть теоріи. О поднятіи же спеціально между Сары-Камышемъ и Каспіемъ, противъ котораго, между другимъ, ополчается г. Лохтинъ, г. Богдановъ даже ничего и не говоритъ. По его взгляду, слѣдовало бы ждать, что вся мѣстность между Аму-Дарьей и Каспіемъ можетъ оказаться наклоненною отъ Каспія къ Аму, но это вѣдь вовсе не „поднятіе" между Аму-Дарьей и Сары-Камышемъ.

Разсмотримъ однако ближе, какъ г. Лохтинъ опровергаетъ „соображенія" г. Богданова, считаемыя имъ за центръ Богдановской те-

Digitized by Google

оріи, которую онъ, очевидно, не понялъ, даже выписавъ въ свою статью все сообщеніе г. Богданова отъ строки до строки. Такъ какъ г. Лохтину, согласно его принципу, для проведенія своего взгляда, необходимо опроверженіе всѣхъ существующихъ теорій, то онъ стремится опровергнуть теорію г. Богданова во что бы то ни стало.

На стр. 52 г. Лохтинъ говоритъ отъ себя: „Что же касается объясненія поворота причинами чисто историческими, т. е., искусственнымъ отводомъ воды во время борьбы средне-азіатскихъ народовъ, то кажется, оно въ настоящее время уже оставлено и Русскими, и иностранцами; да впрочемъ, историческіе памятники не даютъ достаточно основаній предполагать, чтобы былъ сдѣланъ искусственный отводъ въ то время, къ которому, на основаніи этихъ памятниковъ, должно быть отнесено измѣненіе направленія теченія Аму-Дарьи".

Это говорится въ самомъ началѣ III-й главы и согласно съ взглядомъ г. Богданова. Тутъ г. Лохтинъ избѣгаетъ распространяться о предметахъ, которые не особенно важны,—чтобы скорѣе перейдти къ дѣлу.

Но такъ какъ мнѣніе о несостоятельности плотинной гипотезы высказываетъ г. Богдановъ, и такъ какъ г. Лохтинъ рѣшился низложить противника на всѣхъ пунктахъ, то забывъ о изрѣченномъ такимъ авторитетнымъ тономъ своемъ собственномъ отрицаніи теоріи искусственнаго поворота, да еще на основаніи „историческихъ" памятниковъ, — г. Лохтинъ начинаетъ увѣрять, что плотинная гипотеза можетъ быть и состоятельною. Вѣдь Хивинцы запруживали же боковые рукава (хорошъ поворотъ, запруда боковыхъ рукавовъ! А г. Богдановъ говоритъ о поворотѣ). Оказывается дальше, что и работа эта вовсе нетрудная: амплитуды колебаній рѣки не выходятъ изъ предѣловъ полутора саженъ; ледохода нѣтъ (нѣтъ есть, только очень непродолжительный. У Дорандта стоитъ: In der Nacht vom 1 zum 2 März setzte sich das Eis im Bewegung und dauerte der Eisgang bis gegen Abend des 2 März. Wassermenge и пр., стр. 3. Ледъ достигаетъ толщины 10—15 сентиметровъ, стр. 3. Да сверхъ того, амплитуды колебаній въ $1^1/_2$ сажени вѣдь для всѣхъ годовъ необязательны, а наблюденія Дорандта, и послѣдующія за нимъ наблюденія на учрежденной имъ станціи, охватываютъ промежутокъ времени всего лишь почти въ два съ половиною года). Стоитъ лишь по мнѣнію г. Лохтина, выстроить плотины выше горизонта высокихъ водъ и дать имъ двѣ сажени толщины, и дѣло устроено (значитель-

Digitized by Google

ная скорость рѣки при этомъ упускается изъ виду). Все это, можетъ быть, и очень хорошо, да зачѣмъ г. Лохтинъ не выставилъ эти аргументы противъ своего взгляда, а противъ воззрѣнія? г. Богданова?..

Послѣ подобнаго опроверженія перваго изъ „соображеній" г. Богданова, г. Лохтинъ приступаетъ ко второму.

Но прежде взглянемъ—что̀ именно превратилъ въ приведенное выше второе „соображеніе" г. Богданова г. Лохтинъ. У г. Богданова стоитъ:

„Еслибы раздѣленіе водъ Аму-Дарьи и Каспія произошло геологически недавно, то въ Аральскомъ морѣ и рѣкахъ, въ него впадающихъ, сохранилось бы болѣе представителей каспійской ихтіологической фауны. Между тѣмъ, изъ всѣхъ осетровыхъ въ Аралѣ, Сыръ-Дарьѣ и Аму-Дарьѣ сохранился лишь одинъ типъ (Acipenser nudiventris Lowetzky), тожественный типу (A. Schypa Low.), и нѣтъ вовсе бѣлуги, осетра и севрюги. Будь недавнее теченіе по Узбою, эти три рыбы, проникая весной въ верхнее теченіе Аму-Дарьи для нереста (метанія икры), непремѣнно сохранились бы въ Аралѣ до нашихъ дней". Г. Лохтинъ, безъ дальнихъ разсужденій, превращаетъ ихтіологическую фауну Сыра, Аму и Арала въ „фауну Аральскаго моря". Какъ это похоже, въ особенности, если принять въ расчетъ, что фауна Аральскаго моря была еще почти совсѣмъ неизвѣстна во время сообщенія г. Богданова и стала извѣстною лишь въ слѣдующемъ году, послѣ нашего изслѣдованія Арала. Далѣе, г. Богдановъ говоритъ о сообщеніи водъ Аму-Дарьи и Каспія... У г. Лохтина это превращается въ „соединеніе Каспійскаго и Аральскаго морей". Пусть будетъ вѣдомо г. Лохтину, что то, во что̀ онъ превратилъ мысль г. Богданова, то-есть, что „фауна Аральскаго моря указываетъ на то, что соединеніе Каспійскаго моря съ Аральскимъ прекратилось во времена весьма отдаленныя",—за исключеніемъ понятія „весьма отдаленныя" (чего, впрочемъ, г. Богдановъ тоже не говоритъ, да и никто не говоритъ, ибо это можетъ означать и времена силурійскія, и времена тріаса, и времена мѣла, и времена эоцена и т. д., а геологамъ хорошо извѣстно, что раздѣленіе морей произошло не раньше конца міоценоваго періода),—есть фактъ, совершенно достовѣрный для каждаго человѣка геологически образованнаго и знакомаго съ пріемами критики фаунистическихъ фактовъ. Противъ этого положенія просто нечего возражать, какъ противъ факта, что Сыръ-Дарья и Аму-Дарья текутъ въ Аральское море. Что фауна Аральскаго моря есть обѣднѣвшая фауна Каспія, это было высказано нами тотчасъ по окончаніи работъ на Араль-

Digitized by Google

скомъ морѣ; то же высказалъ потомъ и проф. Кесслеръ послѣ изученія нашей коллекціи рыбъ. А если это вѣрно, то не можетъ быть и никакого иного вывода, кромѣ того, что раздѣленіе морей произошло на столько давно, что фауна Каспія въ Аралѣ отчасти вымерла, и мы находимъ здѣсь лишь ея остатки. (Да и не объ однихъ осетрахъ идетъ дѣло, а о многомъ другомъ.) Геологическія же данныя даютъ указаніе и на то, когда это раздѣленіе произошло.

Однако г. Лохтинъ рѣшился не оставить у г. Богданова камня на камнѣ! Но онъ опять забываетъ и составленное имъ „соображеніе" г. Богданова, и обстоятельства, при которыхъ г. Богдановъ поставилъ свою теорію, и начинаетъ возраженіе не противъ „соображенія", а противъ данныхъ Богдановскаго текста.

На стр. 64 г. Лохтинъ говоритъ: „Не будемъ касаться геологической стороны вопроса, такъ какъ мы не считаемъ себя въ этомъ дѣлѣ достаточно (!) компетентными"... При некомпетентности въ дѣлѣ геологіи легко можно ждать еще большей некомпетентности въ вопросахъ фауны, которые, безъ нѣкоторой компетентности въ геологіи и навыка къ геологическимъ представленіямъ, вообще не могутъ быть и понятными. Г. Богдановъ же, не смотря на тѣ или другія частныя ошибки, остается, во всякомъ случаѣ, „достаточно" компетентнымъ въ вопросахъ фауны сравнительно съ г. Лохтинымъ, о научныхъ трудахъ котораго въ этомъ направленіи ничего доселѣ не было извѣстно. Мнѣнія же людей компетентныхъ, если они и ошибочны, должно опровергать прямыми фактами, а не съ вѣтру взятыми сомнѣніями и ни на чемъ, кромѣ „можетъ быть", не основанными отрицательными предположеніями. Поэтому, обращаясь къ основанному на фактахъ взгляду г. Богданова, г. Лохтинъ не имѣлъ никакого права возражать на него такою общею тирадою, какова слѣдующая: „Намъ неизвѣстно, каковъ былъ Узбой, и представлялъ ли онъ достаточно удобствъ для нереста, былъ ли достаточно глубокъ и удобенъ для хода рыбы" и проч. Это — вопервыхъ, а вовторыхъ, если г. Лохтинъ этого не знаетъ, то кромѣ него, никто въ томъ не причиненъ: отчего онъ не читалъ съ большимъ вниманіемъ сообщенія г. Глуховскаго, на которое возражаетъ г. Богдановъ, и не вникъ въ смыслъ того, противъ чего г. Богдановъ возражаетъ? Г. Богдановъ знаетъ, болѣе или менѣе, какъ глубокъ былъ Узбой, и все другое, что̀ г. Лохтину неизвѣстно,—и сказалъ ему объ этомъ г. Глуховской со словъ Ата-Мурадъ-Хана. А именно на стр. 307 6-й книжки X тома Извѣстій Г. Общ., въ сообщеніи г. Глуховскаго, опровергаемомъ г. Богдановымъ, стоитъ: „Ата-Мурадъ-

Digitized by Google

Ханъ утверждаетъ, что Аму-Дарья текла по этому направленію, и что ее искусственно отвели на сѣверъ въ Аральское море". Это самое ясное мѣсто въ сообщеніи г. Глуховскаго. Перечисленіе плотинъ на каналахъ нельзя иначе и понимать, какъ лишь перечень фактовъ, дѣлающихъ, вполнѣ или отчасти, вѣроятнымъ положеніе Ата-Мурада. Стало быть, г. Богдановъ имѣетъ полное основаніе, возражая г. Глуховскому, разумѣть въ желобѣ Узбоя Аму-Дарью, рѣку быструю, широкую и глубокую и уже обитаемую осетромъ-шипомъ. Есть факты, а не догадки—замѣтимъ это для г. Лохтина,—которые дѣлаютъ вѣроятнымъ, что отсутствіе извѣстныхъ осетровыхъ въ Аралѣ обусловлено причинами, данными въ Аральскомъ морѣ, а не въ рѣкахъ, въ него впадающихъ.

Опровергнувъ такъ блистательно и второе „соображеніе" г. Богданова, г. Лохтинъ приступаетъ къ третьему.

Съ третьимъ „соображеніемъ" онъ ведетъ дѣло не лучше, хотя здѣсь онъ нѣсколько приближается съ своими выраженіями къ сути Богдановской теоріи.

Онъ начинаетъ съ того, что факты, приводимые г. Богдановымъ, могутъ указывать на медленное поднятіе,—на нѣсколько футъ въ столѣтіе. Между тѣмъ, по его мнѣнію, этому поднятію на 3 фута въ столѣтіе (полагаетъ г. Лохтинъ по аналогіи съ поднятіями на берегахъ Скандинавіи и Шпицбергена), „рѣка противопоставляетъ годовую работу размыванія сыпучаго ложа теченіемъ воды съ скоростью 5 футъ въ секунду". Аргументъ поразительный по своей безсодержательности: Вопервыхъ (громадная!?), годовая работа размыванія сыпучаго ложа теченіемъ воды со скоростью 5 футъ въ секунду—величина неопредѣленная. Вовторыхъ, противуэффектъ медленнаго поднятія—тоже величина неопредѣленная. Что же можетъ, поэтому, выйдти изъ сопоставленія двухъ не опредѣленныхъ величинъ?... По крайнему нашему разумѣнію, – ничего путнаго. И какія вѣдь ужасающія слова стоятъ въ этой тирадѣ: и „годовая работа" (только въ одинъ годъ), и „сыпучее ложе" [1]), (легко размываемое... А глины-то тоже „сыпучи," г. Лохтинъ?), и „скорость 5 футъ въ секунду" (очень большая)! Отчего же г. Лохтинъ не придалъ ей, вмѣстѣ съ „сыпучимъ, (очень

[1]) Очевидно, г. Лохтину неизвѣстно, что рѣки песчанаго ложа не имѣютъ, ибо, еслибы онѣ имѣли таковое, то вода была бы поглощена такимъ ложемъ.

Digitized by Google

хорошо это „сыпучее ложе“ подъ водою, ибо вѣдь ложе подводная часть рѣки!) „ложемъ“, значенія, убѣждая, вопреки самому себѣ, г. Богданова въ возможности не трудной постройки плотинъ на рукавахъ Аму?

Изъ этого положенія слѣдуетъ однако, къ удивленію знакомаго съ дѣломъ читателя, такой выводъ: „Очевидно (?), что такое поднятіе не могло имѣть никакого вліянія на Аму-Дарью и вообще не можетъ служить причиною прекращенія теченія, за исключеніемъ двухъ случаевъ: или когда скорость поднятія превышаетъ скорость размыва водою дна, или когда этотъ размывъ, постоянно продолжаясь, не обнаружитъ, наконецъ, нижнихъ твердыхъ породъ, не поддающихся размыву, чего, однако же, въ Узбоѣ не замѣчается“ (стр. 60).

Но что же дѣлать въ томъ случаѣ, если г. Богдановъ принимаетъ именно одинъ изъ тѣхъ случаевъ, о которыхъ г. Лохтинъ говоритъ: „исключая“ и пр., то-есть, именно, что поднятіе идетъ такъ быстро (?), что рѣка не можетъ размыть себѣ проходъ на встрѣчу поднятія? Вся аргументація тогда пропадаетъ даромъ. А правильно это, или неправильно, но г. Богдановъ принимаетъ именно такое поднятіе, какъ это видно изъ другаго его сообщенія, о которомъ г. Лохтинъ, по видимому, и не знаетъ, такъ какъ этой работы г. Богданова въ перечнѣ извѣстной г. Лохтину литературы не показано, да и вообще нигдѣ имъ не цитируется; это „Обзоръ результатовъ арало-каспійской экспедиціи [1]): „Затѣмъ начинается поднятіе юго-западнаго угла страны. Каспійское устье Аму-Дарьи мелѣетъ и пересыхаетъ. Воды ея разливаются въ плоскихъ низменностяхъ степи въ видѣ озеръ (напримѣръ, слѣды обширнаго озера находятся около Сары-Камыша, по изслѣдованіямъ А. В. Каульборса; Д. М. Рѣзвый привезъ оттуда же Corbicula fluminalis, живущую и теперь въ Аму-Дарьѣ) теченіе рѣки постепенно укорачивается отъ низовьевъ кверху...“ Возражать противъ этого слѣдуетъ, конечно, прямымъ отрицаніемъ подобнаго поднятія въ низовьяхъ Аму. У г. Лохтина есть подъ руками то обстоятельство, что склонъ по Узбою къ Каспію все-таки существуетъ, хотя отъ колодцевъ Игды, по Стебницкому, но онъ забываетъ это, и взглядъ г. Богданова сохраняетъ относительно его возраженія предоминирующее положеніе, тѣмъ болѣе, что аргументація г. Лохтина, въ сущности, еще болѣе неправильна, чѣмъ показана до сихъ поръ, а именно, невѣрно самое основаніе ея. Дѣло въ томъ, что можно го-

[1]) Тр. С.-Пб. Общ. естествоисп. 1875.

Digitized by Google

ворить о размываніи рѣкою береговъ и ложа, — разумѣя размываніе, какъ преобладающій процессъ, — собственно о среднемъ теченіи, и отчасти о верхнихъ частяхъ нижняго. Область же типичнаго нижняго теченія есть область проявленія образовательной дѣятельности рѣки, область преимущественнаго отложенія несомыхъ ею взвѣшенныхъ частицъ, тѣмъ большаю, чѣмъ ближе къ дельтѣ, чѣмъ медленнѣе теченіе. Здѣсь и большая скорость не мѣшаетъ процессу отложенія, ибо если скорость рѣки въ нижнемъ теченіи велика, то она еще больше въ среднемъ; а при этомъ рѣка сильно размываетъ свое ложе въ среднемъ теченіи, захватываетъ съ собою значительную массу взвѣшенныхъ въ ней веществъ, несетъ болѣе крупный, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, матеріалъ и осаждаетъ его уже при небольшомъ уменьшеніи скорости. Выходитъ поэтому, что, говоря о явленіяхъ нижняго теченія, нужно брать не разность вліяній размыванія ложа и поднятія, а сумму вліяній поднятія и выполненія ложа взвѣшеннымъ матерьяломъ. Рѣка будетъ все-таки, конечно, стремиться сохранить свободный выходъ въ море, вынося въ него избытокъ притекающей воды, но для этого вовсе не нужно устья, открывающагося непосредственно въ море. Если устье будетъ открываться въ озеро, сообщающееся съ моремъ, то цѣль будетъ достигнута, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ Куришъ-гафа и Фришъ-гафа. Такимъ образомъ, оказывается, что аргументами г. Лохтина опровергнуть г. Богданова вовсе нелегко. И конечно, это понятно, если принять въ расчетъ, что г. Богдановъ — все-таки опытный ученый и много видавшій путешественникъ, да сверхъ того, натуралистъ, пріобрѣвшій, по характеру своихъ работъ, нѣкоторый навыкъ въ критикѣ геологическихъ представленій, и что имъ было предусмотрѣно, въ частностяхъ, гораздо большее, чѣмъ г. Лохтинъ представляетъ себѣ, рискуя на опроверженіе. Г. Богдановъ ошибся въ общемъ планѣ теоріи, ошибся рѣшительно, въ самомъ принципѣ, не обративъ вниманія на странныя слѣдствія, къ которымъ ведетъ послѣдовательное развитіе этого принципа, но вовсе не въ сферѣ тѣхъ элементарныхъ соображеній, гдѣ его опровергаетъ г. Лохтинъ. Здѣсь г. Лохтинъ можетъ многому научиться у г. Богданова, прежде чѣмъ опровергать его. Теорія г. Богданова, — такъ какъ не вѣренъ принципъ, — опровергается именно путемъ развитія этого принципа, пока появленіе абсурдовъ не обнаружитъ его несостоятельности, а не путемъ опроверженія частныхъ положеній, да притомъ еще не ясно или превратно понятыхъ.

„Упоминаемое измѣненіе“ устьевъ, говоритъ далѣе г. Лохтинъ, —

Digitized by Google

„всегда происходило и будетъ происходить во всѣхъ рѣкахъ земнаго шара, а что въ рѣкахъ Каспійскаго и Аральскаго (!!) бассейна нѣтъ замѣченной правильности (а Сыръ-Дарью г. Лохтинъ не замѣчаетъ?), лучше всего видно изъ того, что съ тѣхъ поръ, какъ г. Богдановъ высказалъ свое мнѣніе (то-есть, съ 1873 года?), картина устьевъ перечисленныхъ имъ рѣкъ значительно измѣнилась и нисколько (?) не подтверждаетъ предположенія. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе настоящаго состоянія этихъ устьевъ, замѣтимъ, что если уже отыскивать извѣстную правильность или законъ въ ихъ измѣненіяхъ, то нужно было брать измѣненія одновременныя, а между тѣмъ г. Богдановъ сопоставляетъ отклоненіе Аму, совершившееся въ XVI вѣкѣ, съ отклоненіемъ Волги на востокъ отъ Сарпинскихъ озеръ“ и пр. (стр. 60).

Какъ недурно это „не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе настоящаго состоянія этихъ устьевъ“!... Г. Богдановъ поступилъ иначе: онъ даже въ предѣлахъ очень коротенькаго сообщенія, имѣющаго преимущественно значеніе возраженія г. Глуховскому, вдался въ разсмотрѣніе состоянія этихъ устьевъ... И для г. Лохтина „вдаться“ въ это было прямою обязанностью: кто же иначе повѣритъ ему, не „вдаваясь“ въ это лично, — а многіе могутъ не имѣть ни времени, ни возможности для этого, — что только въ шесть лѣтъ картина устьевъ измѣнилась до того, что стала совсѣмъ другою?... Упустивъ изъ вида центръ теоріи г. Богданова, онъ могъ еще серьезно возражать, именно „вдавшись“ въ то, во что̀ онъ не вдался.

Далѣе, требованіе „брать одновременныя отклоненія“ указываетъ, что г. Лохтинъ не имѣетъ никакого понятія о томъ вопросѣ, котораго онъ касается, ибо какъ разъ подобныя отклоненія, прежде всего, не могутъ быть одновременными. Поднятія вѣдь не мгновенно распространяются по всему району своего дѣйствія и неравномѣрно во всѣ стороны. Откуда же г. Богданову взять одновременныя отклоненія, если ихъ быть не можетъ?

Дальше г. Лохтинъ приводитъ тотъ фактъ, что прежній фарватеръ направлялся по Воложкѣ, но не по Сарпинкѣ, и что, слѣдовательно, Волга отклонялась на западъ, а не на востокъ, какъ то указывается г. Богдановымъ, и ссылается, сверхъ того, на то, что восточный фарватеръ перешелъ въ западный Бахтемировскій рукавъ.

Каковъ бы ни былъ этотъ фактъ по его истинному значенію, но во всякомъ случаѣ, это—фактъ; бѣда только въ томъ, что заговоривъ о немъ, нужно было говорить и о Терекѣ, и о Кумѣ, и объ Уралѣ,

Digitized by Google

и Эмбѣ, и о Сыръ-Дарьѣ и показать фактическую несостоятельность по крайней мѣрѣ, большей части основаній г. Богданова. А г. Лохтинъ „не вдается“ въ это и выставляетъ лишь одинъ единственный фактъ.

„Наконецъ“, продолжаетъ г. Лохтинъ,—„еслибы даже и существовала упомянутая правильность, то это вовсе не служило бы доказательствомъ поднятія. Мнѣніе, будто бы (!) рѣки всегда (!!!) повинуются уклону, невѣрно, что̀ лучше всего (?!) видно (?) уже изъ того, что на ровной покатой (!) плоскости долины рѣки русло ея извивается то вправо, то влѣво, и весьма часто перпендикулярно долинѣ, а слѣдовательно (!!!), перпендикулярно и скату“ (стр. 6).

Это одинъ изъ самыхъ крупныхъ лавровъ, пожинаемыхъ г. Лохтинымъ въ его торжествѣ надъ теоріей г. Богданова.

Отчего бы г. Лохтину, чтобы лавръ вышелъ еще крупнѣе, не измѣнить отрицательную форму сказаннаго въ положительную? Вышло бы, что рѣки текутъ въ гору.

Разбирать это положеніе г. Лохтина мы, конечно, не будемъ, а замѣтимъ только, что поверхность рѣки выражаетъ вообще, то-есть, исключая случаи пороговъ и другихъ мѣстныхъ препятствій, приблизительно линію наклона мѣстности, извитую въ планѣ сообразно частностямъ рельефа страны и своей долины. Спрямленная отъ извилинъ въ планѣ и проэктированная горизонтально, эта линія будетъ представлять нѣкоторую кривую (слабо ступенчатую), верхній конецъ которой будетъ болѣе или менѣе значительно превышать нижній, лежащій на абсциссѣ, а всѣ промежуточныя точки будутъ находиться выше абсциссы. Эта кривая будетъ представлять въ то же время сѣченіе наклонной поверхности, близкой къ горизонтальной проэкціи наклонной плоскости, идущей отъ верховья рѣки къ низовью.

Рѣки текутъ не въ гору, а подъ гору, а если онѣ и вьются, спускаясь подъ гору, то это значитъ только, что само направленіе уклона опредѣляется въ природѣ непрямою линіей, и ничего больше.

Дальше г. Лохтинъ увѣряетъ, что извилистость рѣки есть тотъ предѣлъ равновѣсія, хотя и неустойчиваго, къ которому рѣка приводитъ свой видъ, что она стремится не увеличивать свой уклонъ, а напротивъ, уменьшать его. Природныя явленія не суть математическія представленія; можно пользоваться послѣднимъ для разъясненія дѣла, схематизировать явленія, но утверждать, что самыя эти

Digitized by Google

схемы и существуютъ въ природѣ, нельзя. Первая часть положенія г. Лохтина вѣрна лишь подъ условіемъ — въ промежутокъ времени, меньшій всякаго даннаго; а такъ какъ такіе промежутки времени слѣдуютъ безпрерывно другъ за другомъ, то вмѣсто равновѣсія является движеніе, и рѣка при своемъ движеніи совершаетъ работу, разрушая и смывая сопротивленія своему стремленію (не теченію), направленіе котораго есть прямая линія, идущая отъ верховьевъ къ устью (въ вертикальной проэкціи).

Но впрочемъ, здѣсь начинаются уже общія положенія, имѣющія отдаленное отношеніе къ дѣлу. Это, такъ сказать, огонь, посылаемый въ догонку непріятеля, предполагаемаго разбитымъ и находящимся въ отступленіи.

Изъ нихъ не можемъ оставить безъ вниманія лишь одно положеніе: „Аму-Дарья, не смотря на большій скатъ къ Сары-Камышу, все-таки перестала течь туда и направилась по меньшему скату въ Аральское море". Изъ сдѣланнаго нами расчета, представленнаго въ маѣ 1879 года Русск. Географическому Обществу, выходитъ, что уклонъ къ Аральскому морю, по нынѣшнему руслу, больше уклона по Узбою къ Каспію, какъ мы говоримъ это и раньше. Къ Сары-Камышской котловинѣ, по г. Петрусевичу, уклонъ, дѣйствительно, больше, чѣмъ къ Аралу. Но основывать на этомъ положеніе г. Лохтина все-таки нѣтъ никакой возможности. Оно было бы вѣрно лишь тогда, еслибы можно было доказать, что этотъ уклонъ къ Сары-Камышской котловинѣ есть бывшій уклонъ рѣки. Но это пока предположеніе, и какъ таковое, встрѣчаетъ противопредположеніе, что бо́льшій уклонъ къ Сары-Камышу образовался послѣ поворота Аму путемъ вполнѣ естественнымъ при условіяхъ, представляемыхъ страной. Именно, каждое углубленіе, каждая борозда въ этой мѣстности, если она имѣетъ достаточно значительные размѣры, является основаніемъ для образованія овраговъ. Что Узбой и Сыры-Камышъ принимаютъ въ себя не мало овраговъ — это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Но такъ какъ каждый оврагъ движется впередъ своею вершиной, и достигнувъ извѣстной ширины, переходитъ въ овражный логъ, а потомъ въ лощину, то весьма возможно, что большій уклонъ къ Сары-Камышу есть уклонъ по руслу, игравшему, и можетъ быть, долгое время, роль оврага и идущему, сверхъ того, по скату овражной лощины, слѣпой конецъ которой направленъ въ сторону Аму, а открытый къ Сары-Камышу. Подобныя лощины могутъ быть весьма значительныхъ размѣровъ и ясно замѣтны лишь для опытнаго глаза, и притомъ при

Digitized by Google

извѣстной степени отдаленія. Старое же русло, послѣ исчезновенія въ немъ воды, было, несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ древнихъ путей для стока воды изъ впадающихъ въ него овраговъ, и въ окрестностяхъ его слѣдуетъ ожидать слѣдовъ обширныхъ размывовъ атмосферною водою.

Поразивъ столь удачно г. Богданова, г. Лохтинъ переходитъ къ теоріи г. Сѣверцова.

Надѣемся, однако, что нами достаточно показана на примѣрѣ критики теоріи г. Богданова „недостаточная компетентность" г. Лохтина въ тѣхъ вопросахъ, — какъ нарочно геологическихъ, то-есть, такихъ, гдѣ г. Лохтинъ и самъ признаетъ свою „недостаточную компетентность", — которые онъ трактуетъ, чтобы мы могли позволить себѣ не прослѣживать болѣе шагъ за шагомъ тонкости его аргументаціи и ограничиться болѣе бѣглымъ обзоромъ дальнѣйшаго.

Съ теоріей г. Сѣверцова г. Лохтину счастливится еще менѣе. Такъ какъ онъ понялъ г. Сѣверцова такимъ образомъ, что въ прорывѣ Шейхъ-Джейли вся суть дѣла, что этотъ прорывъ есть причина поворота, то вѣрный своему принципу опроверженія „всѣхъ существующихъ" теорій, онъ нападаетъ на г. Сѣверцова именно въ этомъ пунктѣ. Повторяемъ еще разъ, что прорывъ Шейхъ-Джейли вовсе не есть причина поворота. Аму-Дарья прорвалась черезъ Шейхъ-Джейли на пути своего стремленія къ Аралу, не болѣе того. Причины же поворота суть причины, которыя обусловили стремленіе Аму къ Аралу. Еслибъ Аму образовала озеро по одну сторону Шейхъ-Джейли, и горы развернлись передъ нею, пропуская ея воды къ Аралу, то вотъ тогда можно было бы говорить, что разрывъ (и все-таки не прорывъ) Шейхъ-Джейли былъ причиною поворота Аму. Кромѣ того, фактически вѣрно, что Аму пробила себѣ путь сквозь Шейхъ-Джейли, какъ многія рѣки, у которыхъ однако никому и въ голову не приходитъ считать этого причинами поворота, и которыя никуда и не поворачиваютъ, исключая обычныхъ извилинъ вправо и влѣво, пробиваютъ себѣ путь черезъ препятствія въ горныхъ ущельяхъ, прорываютъ себѣ иногда подземные ходы, и т. д.

Нападая на теорію г. Сѣверцова въ этомъ пунктѣ, г. Лохтинъ, конечно, не долженъ былъ ожидать никакихъ результатовъ. Показать, что Аму не пробилась черезъ Шейхъ-Джейли онъ не можетъ, ибо это фактъ, да кромѣ того, въ этомъ и надобности никакой нѣтъ. Не все ли равно, какія преграды преодолѣла она на своемъ пути къ Аралу, если разъ она повернула въ эту сторону? А потому г. Лох-

Digitized by Google

тинъ и вынужденъ по неволѣ приняться за опроверженіе частностей, которыя еще меньше идутъ къ дѣлу поворота, чѣмъ самый вопросъ о прорывѣ Шейхъ-Джейли, и этимъ ограничить всѣ попытки показать несостоятельность теоріи г. Сѣверцова.

Сущность дѣла, то-есть, необходимость согласовать явленія на Сырѣ и Аму, онъ совершенно упускаетъ изъ виду, да собственно говоря, и не можетъ поступить иначе, такъ какъ самъ впадаетъ въ ту же ошибку, излагая свое мнѣніе о причинахъ измѣненія направленія теченія Аму. Кромѣ того, онъ не замѣчаетъ необходимости поставить на видъ теоріи г. Сѣверцова и то обстоятельство, что предположеніе объ эффектахъ вліянія высыханія Арала на поворотъ Аму мыслимо лишь подъ условіемъ, что уровень Каспія или остается неподвижнымъ, или колеблется въ обратномъ направленіи. Между тѣмъ, такое положеніе было бы совершенно произвольно, какъ это замѣчено выше. Въ виду того, что уровень Каспія слишкомъ на 80 футъ ниже уровня океана, можно скорѣе предположить, что на Каспіи шло весьма энергичное высыханіе, и тогда, конечно, измѣняется и вся постановка дѣла:—если уровень Каспія понижался быстрѣе уровня Арала, то углубляться долженъ былъ Узбой, и послѣдствія этого были бы совершенно иныя сравнительно съ тѣмъ, что дается теперь въ низовьяхъ Аму. Но здѣсь мы входимъ уже въ область недоказуемыхъ предположеній.

Послѣ опроверженія теоріи г. Сѣверцова г. Лохтинъ излагаетъ, наконецъ, и свое мнѣніе, указывая, однако, что это мнѣніе есть, въ сущности, доразвитіе и болѣе обоснованное изложеніе мнѣній Дженкинсона, Штумма и Вуда.

Въ чемъ оно заключается, въ сущности, мы уже видѣли, а также видѣли и то, что это не есть теорія поворота, а одна изъ попытокъ объяснить, почему исчезъ Каспійскій рукавъ Аму. Равнымъ образомъ, мы указали, что допущеніе первичной бифуркаціи есть, въ сущности, отказъ отъ объясненія факта поворота. Г. Лохтинъ видитъ, впрочемъ, что съ принятіемъ первичной бифуркаціи, его теорія теряетъ свое основаніе; онъ пытается поэтому объяснить также возникновеніе бифуркаціи, и съ этой стороны взглядъ его, до извѣстной степени, новъ.

Бифуркація возникла, по мнѣнію г. Лохтина, подъ вліяніемъ естественнаго дѣятеля—наростанія дельты рѣки вслѣдствіе отложенія наносовъ. Море (Аралъ) занимало всю область нынѣшней дельты Аму, и „сообразно рельефу мѣстности дѣлилось на двѣ большія части, раз-

Digitized by Google

дѣленныя между собою узкимъ проливомъ, заключеннымъ между горами Усть-Уртъ и Шейхъ-Джейли, и Хивинскій оазисъ представляетъ дельту съ неизбѣжнымъ (?) раздѣленіемъ рѣки на нѣсколько рукавовъ, остатки которыхъ сохранились въ видѣ сухихъ руслъ и по настоящее время" [1]). Затѣмъ, дельта Аму, наростая, вдвигалась въ море, и такъ какъ осадки ложились въ большемъ количествѣ между рукавами, чѣмъ снаружи ихъ, то два первичные (?) рукава Аму,—Аму-Дарья и Дарьялыкъ, впадавшіе именно въ проливъ между Шейхъ-Джейли и Усть-Уртомъ, раздвигались другъ отъ друга, направляясь, одинъ—къ Аралу, а другой — къ южной оконечности Усть-Урта. „Правый берегъ Дарьялыка, подвигаясь все болѣе и болѣе впередъ, дошелъ наконецъ до мыса Усть-Урта и раздѣлилъ бывшее море на двѣ части низменнымъ перешейкомъ". Послѣ раздѣленія морей всѣ южные рукава (то-есть, Дарьялыкъ; пока онъ вѣдь и „всѣ" рукава) начали впадать въ часть Сары-Камышскую, а сѣверный въ Аральскую, при чемъ Аральская часть сдѣлалась замкнутымъ (была, значитъ, раньше не замкнута?) озеромъ, а Сары-Камышская имѣла стокъ въ Аральское море". Послѣ нѣкоторыхъ подробностей относительно того, что Аральское море стало теперь получать воды меньше, чѣмъ сколько ея испарялось съ поверхности Арала, и уровень его сталъ медленно понижаться, ибо, въ противномъ случаѣ, при повышеніи уровня, море перелилось бы черезъ низменный перешеекъ въ Дарьялыкъ („но... этого не случилось", добродушно сообщаетъ г. Лохтинъ (стр. 82) и съ „такъ какъ" въ томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ стоитъ многоточіе, употребляетъ это положеніе, какъ основаніе для аргумента, что испареніе преобладало надъ притокомъ, и отлогое дно моря обнажилось),—г. Лохтинъ продолжаетъ: „Между тѣмъ въ дельтѣ Сары-Камышской части началась культура; южные рукава заносятся описаннымъ процессомъ, сѣверные... увеличиваютъ высоту... береговъ" (отложеніемъ наносовъ). „Сары-Камышское море получаетъ воды все меньше и меньше, и, наконецъ, испареніе дѣлается больше притока, уровень озера понижается, а стокъ въ Каспійское море прекращается".

Въ этомъ—центръ теоріи г. Лохтина. Разсмотримъ ее ближе.

На стр. 83 стоитъ: „Оно—„доказательство", что „этотъ процессъ происходилъ",—состоитъ въ томъ, что когда Аральское море еще не

[1]) Замѣтимъ здѣсь, что г. Петрусевичъ (съ сообщеніемъ котораго въ Геогр. Общ. мы знакомы по рукописи) склоненъ, напротивъ того, принимать нѣкоторыя изъ старыхъ руслъ за размытые арыки.

Digitized by Google

было раздѣлено на двѣ части (г. Лохтинъ разумѣетъ „Сары-Камышскую“ и Аральскую“), то его уровень, конечно, былъ всюдѣ на одной высотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ на высотѣ того истока, который отводилъ избытокъ воды въ Каспійское море“.

Такъ къ чему же г. Лохтинъ на стр. 27 съ такимъ апломбомъ дозывалъ, „что соединеніе“ Каспійскаго моря „съ Аральскимъ не существовало въ видѣ морскаго пролива, а именно въ видѣ рѣки“? Не рѣкою же, конечно, былъ истокъ изъ Аральскаго моря въ Каспійское? Или Сыръ-Дарья и Аму-Дарья вполнѣ опрѣснили воду Арала, такъ что по Узбою вода текла прѣсная? Но это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла: все-таки Узбой, и съ прѣсною водою, былъ бы истокомъ изъ Арала въ Каспій, а не старымъ ложемъ Аму-Дарьи! Да и не опрѣснили Аму и Сыръ воды Арала: его моллюски—морскіе моллюски!.. А для небольшаго содержанія солей въ Аралѣ есть объясненіе, изложенное нами въ нашей работѣ: „Очеркъ исторіи суши континентальныхъ острововъ Аральскаго моря“.

Къ чему на стр. 52—53 г. Лохтинъ столь авторитетно „не останавливается“ на „мнѣніи, высказанномъ графомъ Канкринымъ“, и увѣряетъ, „что оно совершенно не оправдалось собранными географическими фактами“? То, что высказываетъ г. Лохтинъ, есть именно основаніе мнѣнія графа Канкрина! Вѣдь это самое и „не оправдалось собранными географическими фактами“!... Какъ же рѣшается послѣ этого г. Лохтинъ увѣрять, что именно это самое и есть доказательство“ того, что описанный имъ „процессъ происходилъ“!

Такимъ образомъ, „прямое доказательство“ г. Лохтина оказывается совершенно не состоятельнымъ. Да сверхъ того, что же дѣлать, при условіи г. Лохтина, съ Джаны-Дарьею на Сыръ-Дарьѣ? Это тоже что ли стокъ изъ „Кизилъ-Кумскаго“—назовемъ такъ, по примѣру г. Лохтина—моря въ Аральское? А Джаны-Дарья—гомологъ Узбоя!..

Другое доказательство г. Лохтина, крайне не ясно изложенное, такъ что его едва можно понять, да и то не съ увѣренностью, заключается, по видимому, въ томъ, что въ нѣкоторый моментъ существовали фактически два уже независимые другъ отъ друга бассейна: Сары-Камышъ и Аралъ. Но кто же сомнѣвается въ этомъ? Аралъ и сейчасъ — на лицо, да и Сары-Камышъ—тоже, даже такой Сары-Камышъ, къ которому направляются нѣкоторыя изъ старыхъ руслъ Аму... Кому это нужно доказывать, и для кого это не фактъ?

Есть еще третье доказательство, — все того, что „этотъ процессъ происходилъ“—это существованіе Айбугирской котловины, дно кото-

Digitized by Google

рой лежитъ ниже Арала. Г. Лохтинъ считаетъ нужнымъ доказать и это. Да кому же неизвѣстно, что до самаго послѣдняго времени существовалъ сперва заливъ, а потомъ озеро Айбугиръ, что этотъ Айбугиръ стоялъ въ соединеніи съ Аральскимъ моремъ, и что онъ существуетъ на всѣхъ картахъ, предшествующихъ времени Хивинскаго похода? Для интересовавшихся этимъ участниковъ похода отсутствіе Айбугира было своего рода сюрпризомъ.

Вотъ три доказательства, что „этотъ процессъ происходилъ“... Но если читатель, не близко знакомый съ дѣломъ, прочтетъ описаніе хода явленій по-г. Лохтину и эти доказательства, то онъ прійдетъ въ крайнее недоумѣніе. Онъ законно будетъ ожидать доказательствъ шагъ за шагомъ того, что таковъ именно былъ ходъ явленій, и что картина, которую рисуютъ передъ нимъ, фактически вѣрна, а не представляетъ упражненій г. Лохтина въ области фантазіи. Вмѣсто же того онъ находитъ три доказательства, что „этотъ процессъ происходилъ“, и притомъ такія доказательства, уразумѣть связь которыхъ съ дѣломъ почти нельзя, не изучивъ вопросъ помимо г. Лохтина до такой степени, что его статья теряетъ уже всякій интересъ. Вѣдь „этотъ процессъ“ не есть, разумѣется, ходъ и послѣдовательность явленій, а мы не рѣшаемся думать, что г. Лохтинъ приводитъ эти доказательства, какъ доказательства существованія процесса отложенія дельты.

Мы находимъ себя вынужденными, поэтому, нѣсколько помочь г. Лохтину и представить его картину въ большей связи съ его (и съ другими) доказательствами, кромѣ перваго, какъ никуда негоднаго по неустойчивости (и вообще не нужнаго).

Изъ факта бывшаго существованія Айбугира, и значительной величины Сары-Камыша (по Дженкинсону и даннымъ г. Петрусевича) мы должны заключить, что Сары-Камышская котловина и Аральское море были очень близки другъ къ другу, такъ что въ одно время они стояли въ сообщеніи другъ съ другомъ, а въ другое, болѣе позднее, отдѣлялись другъ отъ друга не очень широкою полосою суши. Въ эту формулу и укладывается то, что должно подкрѣпляться вторымъ и третьимъ доказательствами г. Лохтина. Такая картина весьма близка къ истинѣ, и противъ нея едва ли можно возражать [1]).

[1]) По нашему мнѣнію, соединеніе Арала и Каспія происходило южнѣе Усть-Урта, такъ что въ нѣкоторое время Сары-Камыши были впадиною дна Арало-Каспія.

Digitized by Google

Но г. Лохтинъ увѣряетъ, что эта картина была создана дѣятельностью самой рѣки, что раздѣленіе участковъ моря произошло подъ вліяніемъ отложенія дельты. Между тѣмъ это именно и требуетъ доказательствъ во всемъ его взглядѣ болѣе, чѣмъ что-либо другое. А и для этого-то самаго существеннаго своего положенія онъ именно и не представляетъ доказательствъ, кромѣ того, что всѣ почвы на этомъ мѣстѣ (вѣдь на поверхности только!) суть отложенія дельты. Г. Лохтинъ совершенно упускаетъ затѣмъ изъ виду необходимость доказать, что Аму-Дарья уже изливалась въ Аральское море въ то время, когда взаимное отношеніе бассейновъ (Сары-Камыша и Арала) было такимъ, какъ онъ стремится его представить, а не послѣ полнаго отдѣленія Сары-Камыша отъ Арала. Онъ полагаетъ, что достаточно сдѣлать предположеніе, что перемычка между Айбугиромъ и Сары-Камышемъ образована отложеніями на правомъ берегу Дарьялыка (вѣдь это вовсе не фактъ, а предположеніе, не имѣющее за себя ни малѣйшаго доказательства), чтобы все было сдѣлано.

Но, мы видимъ, прежде всего, что юго-восточный выступъ Усть-Урта направляется длиннымъ языкомъ въ сторону горъ Шейхъ-Джейли; бывшее озеро Айбугиръ на 100-верстной картѣ генеральнаго штаба показано достигающимъ какъ разъ до начала этого выступа, такъ что съ запада и юга берегъ Айбугира опредѣлялся именно Усть-Уртскимъ обрывомъ. Обрывъ же этотъ составляетъ непосредственное продолженіе береговаго обрыва западнаго берега Аральскаго моря, также, какъ и южный Чинкъ Усть-Урта. Поэтому Арало-Каспій огибалъ нѣкогда юго-западный языкъ Усть-Урта и омывалъ южный Чинкъ его [1]). Но самъ этотъ языкъ, направляющійся къ Шейхъ-Джейли, и отдѣльныя горы, какъ Бурлы-тау, Кушкане-Тау, вызвышающіяся среди разливовъ, сѣвернѣе узкости между Усть-Уртомъ и Шейхъ-Джейли, въ совокупности съ характеромъ окончанія Усть-Урта, обрывомъ, указываютъ, что мѣстность подвергалась здѣсь сильному размыванію моремъ, и именно — обращаемъ на это особенное вниманіе — моремъ, такъ какъ обрывъ Айбугирскаго берега есть непосредственное продолженіе обрывовъ Усть-Уртскаго берега Аральскаго моря. Да сверхъ того, самъ Айбугиръ былъ—что стоитъ

[1]) Русло Узбоя проложено, стало быть, по нашему взгляду, въ обнажившемся днѣ Мало-Каспія.

Digitized by Google

вполнѣ прочно и внѣ всякихъ сомнѣній, — частью Аральскаго моря. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ мы находимъ случаи разрушенія моремъ твердыхъ породъ, мы можемъ всегда ожидать, что дно моря будетъ представлять самыя разнообразныя особенности рельефа. Языкъ Усть-Урта прежде всего долженъ заставить предположить, что по направленію указываемому имъ — въ сторону Шейхъ-Джейли, дно моря представляло не размытую гряду твердыхъ породъ, на которой глубины могли быть значительно меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ бассейна, точно также какъ отъ выступа Усть-Урта на высотѣ Кунграда можно предположить другую гряду—къ горамъ Кушкане-Тау. На 100-й верстной картѣ генеральнаго штаба мы и находимъ, напримѣръ, что этому выступу со стороны Усть-Урта въ Айбугиръ отвѣчаетъ на противоположномъ берегу тоже выступъ встрѣчный (расположенный незначительно сѣвернѣе), какъ это и бываетъ при грядахъ.

Подобныя гряды — явленіе совершенно нормальное, какъ то указываетъ, напримѣръ, гряда, идущая по дну Аральскаго моря отъ острова Николай I черезъ острова Беллинсгаузена и Лазарева къ южному берегу моря, гряда ясная и притомъ представляющая, несомнѣнно, неразмытый остатокъ древняго гребня суши, высшіе пункты котораго теперь и суть острова Беллинсгаузена и Лазарева.

А такъ какъ, далѣе, такія гряды, если глубина на нихъ не велика, и рельефъ благопріятенъ, являются мѣстами, гдѣ море тотчасъ же начинаетъ отложеніе песковъ, новообразованіе суши, какъ это вполнѣ наглядно указываетъ, напримѣръ, обширный отдѣльный песчаный участокъ моря около острововъ Беллинсгаузена и Лазарева, песчаный при известковой основѣ острововъ,—то одного внимательнаго взгляда на карту совершенно достаточно, чтобы заключить, что языкъ Усть-Урта, размытый на поверхности моремъ и образовавшій обрывы, долженъ продолжаться подъ поверхностью земли болѣе или менѣе далеко на востокъ по направленію къ Шейхъ-Джейли, и что лежащія въ основаніи его породы могутъ находиться на незначительной глубинѣ подъ поверхностною почвою и подъ отложеніями древняго Арала.

Направленіе Дарьялыка указываетъ, ближе всего, что какъ будто бы эта гряда и заставила его потечь на западъ къ Сары-Камышу, такъ какъ, достигши языка Усть-Урта, Дарьялыкъ вьется именно подлѣ подошвы обрыва. Вѣроятно поэтому, обрывъ въ древнія времена проходилъ далѣе на западъ, а эта гряда не была размыта на столько, какъ теперь, когда изъ Дарьялыка, по словамъ г. Лохтина, возможно проникновеніе воды въ Айбугиръ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, разборъ современныхъ отношеній страны приводитъ насъ къ заключенію, что перемычка суши между бассейнами Сары-Камыша и Арала есть особенность рельефа, данная безотносительно даже къ существованію Дарьялыка, ибо направленіе бывшаго теченія послѣдняго стоитъ въ зависимости отъ такой особенности рельефа.

Но что дельта Аму вдвигалась сюда, что ея отложенія покрываютъ эту область и выполняютъ углубленія, сгладивъ особенности древняго рельефа,—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но при этомъ совершенно необходимо болѣе или менѣе опредѣленно выяснить—древнѣе ли именно Дарьялыкъ Аму-Дарьи, или новѣе, или оба они принадлежатъ по происхожденію къ одному времени. Основываясь на указанныхъ особенностяхъ рельефа, въ связи съ направленіемъ Дарьялыка, на слѣдованіи другъ за другомъ старыхъ руслъ по направленію къ сѣверу, мы должны придать большую вѣроятность первому: именно, что Даудапъ и Дарьялыкъ представляютъ рукава рѣки, по которымъ Аму, прорывавшаяся черезъ правый берегъ и подвигавшаяся, правымъ берегомъ впередъ, къ Аралу, посмѣнно сообщалась съ Узбоемъ.

Также мы склонны, далѣе, думать, что въ наблюденіяхъ Сѣверцова по этому предмету есть серьезныя указанія на то, что послѣдній прорывъ произошелъ черезъ Шейхъ-Джейли, и естественно черезъ правый берегъ Дарьялыка,—стало быть, Дарьялыкъ—болѣе древнее русло,—и придать весьма большое значеніе осторожному замѣчанію Дорандта, которое онъ самъ нашелъ необходимымъ отмѣтить курсивомъ: „Es ist nicht unmöglich, dass Durchbruch des Amu-Darja durch den Scheichdsheili im innigsten Zusammenhange steht mit dem Wechsel des Laufes des Amu-Darja und dessen Mündungswechsel von Caspischen Meere in den Aralsee". Wassermenge, S. 28, Anm.).

Прорывъ Шейхъ-Джейли былъ, вѣроятно, послѣднею стадіей поворота. Замѣчанія г. Лохтина, что „такая сложная подготовительная работа", какую описываетъ г. Сѣверцовъ, мало вѣроятна, и т. д., большаго вѣсу не имѣютъ, ибо г. Сѣверцовъ нигдѣ не имѣетъ въ виду, что природа собиралась проводить Аму-Дарью въ Аральское море, и по неумѣнью ли, или по оплошности, повела это дѣло такимъ сложнымъ путемъ, какимъ бы не повелъ ни одинъ порядочный инженеръ, строитель каналовъ. Но г. Сѣверцовъ описываетъ факты и даетъ имъ объясненія помимо Аму-Дарьи, а въ природѣ сложныя яв-

Digitized by Google

ленія—дѣло обыкновенное. Аму-Дарья просто попала съ своимъ прорывомъ черезъ горы Шейхъ-Джейли въ область совершенія сложнаго факта, происходившаго вовсе не въ видахъ проведенія ея въ Аралъ. Этого г. Лохтинъ, по видимому, не понялъ.

Если мы на эту картину наложимъ картину г. Лохтина, то тогда окажется, гдѣ его слабая сторона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и причина, что его взглядъ, при первомъ чтеніи, производитъ впечатлѣніе правдоподобія. Онъ рѣшился объяснить всѣ явленія наростаніемъ дельты и свелъ все на дѣятельность рѣки. Такъ какъ въ нѣкоторое позднѣйшее время дельта дѣйствительно легла на этомъ мѣстѣ, то и предполагаемые эффекты образованія вида страны дѣятельностью дельты, основанные на данныхъ первоначальнаго рельефа, суммировавшіеся съ ними и видоизмѣненные вліяніемъ послѣдующихъ разрушающихъ дѣятелей, въ самомъ дѣлѣ оказываются болѣе или менѣе близко подходящими къ географическимъ даннымъ.

Тѣмъ не менѣе предположенія, что Дарьялыкъ и Аму одновременно впадали въ узкій проливъ между Усть-Уртомъ и Шейхъ-Джейли, и что отдѣленіе Сары-Камыша отъ Дарьялыка произведено наростаніемъ праваго берега Дарьялыка, совершенно произвольны.

Но всего любопытнѣе однако то, что г. Лохтинъ изложивъ этотъ ходъ явленій на Дарьялыкѣ и Лауданѣ и въ ближайшихъ къ нимъ пунктахъ, полагаетъ, что онъ можетъ почить тутъ на лаврахъ. Послѣ интереснаго оборота: „не доказывать нужно, что этотъ процессъ происходилъ, а опровергать его указаніемъ, куда могла дѣться громадная масса рѣчныхъ наносовъ, ежегодно приносимыхъ Аму-Дарьею, и въ какомъ порядкѣ они складывались, чтобы образовать настоящій рельефъ мѣстности, уже отчасти обнаруженный бывшими нивеллировками", и послѣ двухъ послѣднихъ доказательствъ, онъ принимается за заключительное изложеніе того, какъ вліяетъ отложеніе рѣчныхъ наносовъ на ходъ явленій въ Аральскомъ морѣ а также—значенія разбора воды на орошеніе и связаннаго съ этимъ отложенія ила въ рѣкѣ, а не въ морѣ, какъ фактора, предохраняющаго море отъ засоренія.

Нѣтъ, ужъ, конечно, опровергать г. Лохтина никто не долженъ, а самъ онъ неупустительно долженъ доказывать то, что онъ излагаетъ! И никакія разсужденія объ этомъ неумѣстны. Онъ долженъ излагать, взявшись за дѣло,—доказывая излагаемое, безъ всякаго ожиданія, а тѣмъ паче требованія опроверженій, — куда дѣвались рѣчные наносы и въ какомъ порядкѣ они складывались, но

Digitized by Google

конечно, не исключительно для образованія современнаго рельефа, ибо онъ обусловленъ не одними наносами, а прежде всего—первичнымъ рельефомъ мѣстности.

Да и почивать на лаврахъ г. Лохтину послѣ изображенія предполагаемаго имъ хода явленій въ дельтѣ—рано. Дѣло въ томъ, что какъ упомянуто выше, есть фактъ, полученный изъ „распросныхъ свѣдѣній", что существуетъ старое русло отъ Чарджуя къ колодцу Куртышъ на Узбоѣ. Это вѣдь вовсе не предположеніе, не гипотеза, а фактъ, основанный на „распросныхъ свѣдѣніяхъ", то-есть, нѣчто недостовѣрное, но съ значительными правами на признаніе и ни подъ какимъ видомъ не на отрицаніе, до тѣхъ поръ пока прямыя изслѣдованія не дадутъ повода къ отрицанію. Г. Лохтинъ самъ же сообщаетъ о немъ на стр. 25—26 и дальше не вспоминаетъ объ этомъ. Однако, вѣдь нельзя же приступать къ объясненію поворота на Дарьялыкѣ, пока существуетъ возможность потребовать объясненія для Чарджуй-Куртышскаго русла, гдѣ всякое построеніе съ принципами, принятыми за основаніе г. Лохтинымъ, окажется чистымъ вздоромъ, ибо тогда необходимо будетъ говорить о явленіяхъ въ среднемъ теченіи рѣки!... Да кромѣ того, г. Лохтину останется еще согласовать съ его гипотезой явленія на Сыръ-Дарьѣ!

Заключительныя соображенія о возростаніи дельты и судьбахъ Аральскаго моря представляютъ у г. Лохтина нѣчто уже вполнѣ необыкновенное.

Г. Лохтинъ приступаетъ для разъясненія относящихся сюда вопросовъ къ опредѣленію времени, въ какое могла образоваться дельта. Основаніемъ этому должно служить, конечно, количество ила, несомое Аму. Вотъ г. Лохтинъ на стран. 86 и указываетъ, что „наростаніе дельты" равно $4^1/_2$ милліардамъ куб. саженъ въ годъ".

Но такъ какъ на стр. 20 г. же Лохтинъ говоритъ, что у Нукуса протекаетъ ежегодно 4 милліарда кубич. саженъ же воды, то нужно себѣ представить, какая оригинальная смѣсь воды и ила наполняетъ русло великой средне-азіатской рѣки!...

Передъ этимъ чудомъ блѣднѣютъ всѣ своеобразные факты, наблюдавшіеся изслѣдователями Средней Азіи: отъ вершинъ Памира и Алая до Арала на протяженіи слишкомъ тысячи верстъ ползетъ широкая полоса грязи, состоящей изъ 4 частей ила и $4^1/_2$ частей воды, и притомъ—ползетъ, по стр. 60, со скоростью 5 футовъ въ секунду, совершая „годовую работу размыванія сыпучаго ложа".

Digitized by Google

Какъ недосягаемо высоки должны быть верхи Алая и Памира, гдѣ этотъ величественный и единственный въ своемъ родѣ потокъ беретъ свое начало!

При такомъ огромномъ количествѣ взвѣшанныхъ (подпираемыхъ другъ другомъ?) частицъ, конечно, этотъ грязный потокъ является могучимъ образователемъ дельты и засорителемъ Арала...

10,000 кв. верстъ (стр. 81) Аму-Дарьинской дельты онъ образуетъ съ неимовѣрною быстротою 400 лѣтъ (стр. 81) [1]), а между тѣмъ это почти половина всего пространства „настоящей дельты площадью около 14,000 кв. верстъ (стр. 87) и Сыръ-Камышской котловины около 12,000 кв. верстъ, а всего около 26,000 кв. верстъ (которыя, по пропорціи, — мы сами осмѣлились сдѣлать это вычисленіе, — могутъ быть занесены въ 1040 лѣтъ)!..

Да кромѣ этого, $2^1/_2$ милліарда куб. саженъ вносится Сыръ-Дарьею (по стр. 86, строки 21—23, гдѣ одна Аму совершаетъ работу занесенія, равную 1, а Аму и Сыръ—$1^1/_2$, откуда $1^1/_2 - 1 = {}^1/_2$, а такъ какъ 1 эффекта производится $4^1/_2$ милліардами куб. саж., то $^1/_2$ того же эффекта, очевидно,—$2^1/_4$ милліардами куб. саж.), при $^1/_3$ количества (стр. 88) Аму-Дарьинской воды, то-есть, при 1,333... милліард. куб. саж. (Масса, двигающаяся въ руслѣ Сыръ-Дарьи, оказывается еще гуще, чѣмъ въ Аму!)

Совершенно понятно при этомъ, что Сыръ и Аму вмѣстѣ слагаютъ на дно Арала осадокъ въ $1^1/_2$ аршина (а одна Аму въ 1 аршинъ).

Аралъ, поэтому, при его средней глубинѣ около 12—14 саженъ (бо́льшія глубины до 37 саж. maximum, являются лишь въ небольшой сравнительно воронкѣ вблизи западнаго берега около $^1/_{10}$ всей площади моря, примѣрно, или даже менѣе) черезъ 25—30 лѣтъ будетъ вполнѣ занесенъ, и у нашего отечества будетъ однимъ моремъ меньше!....

Откуда же, однако, почерпнулъ г. Лохтинъ эти грандіозныя цифры? Изъ данныхъ Дорандта (стр. 86)!... Изъ Дорандта—для Аму, а для Сыра — по примѣрному соображенію (1½ аршина и 1 аршинъ

---

[1]) Это, конечно, должно быть пріятно г. Лохтину, такъ какъ дѣло поворота приводится къ историческому времени, становится въ связь съ историческими свидѣтельствами, и въ то же время изъемляется изъ сферы явленій, продолжительность которыхъ измѣняется геологическимъ масштабомъ времени, изъ сферы явленій геологическихъ (количественно), то-есть, тѣхъ, въ которыхъ г. Лохтинъ «недостаточно компетентенъ».

Digitized by Google

прироста дна). Но вѣдь Дорандтъ образцово точный наблюдатель и солидно образованный натуралистъ? Цифры, стало быть, вѣрны...

Дорандтъ, безъ всякаго сомнѣнія, никогда и ничего подобнаго не говорилъ... Онъ пишетъ: „Das Volum dieses Jahreszuwachses ist 44, 854 Millionen Kubicmeter“... (стр. 36 „Wassermenge“ u. s. w.).

И онъ нисколько не виноватъ въ томъ, что г. Лохтинъ читаетъ сорокъ четыре восемьсотъ пятьдесятъ четыре тысячныхъ милліона [1]), когда напечатано: „сорокъ четыре тысячи восемьсотъ пятьдесятъ четыре милліона“.

Нисколько не виноватъ онъ и въ томъ, что г. Лохтинъ относится съ полнымъ невниманіемъ къ принятой Дорандтомъ манерѣ писать десятичные знаки послѣ точки, дѣля большія числа на принятыя группы въ три цифры съ помощію разстановки другъ отъ друга этихъ группъ, или же раздѣляя ихъ запятыми.

Равнымъ образомъ, не виноватъ онъ, что г. Лохтинъ забываетъ то, что онъ пишетъ самъ раньше, и что онъ не въ состояніи увидѣть всей нелѣпости сообщаемыхъ имъ фактовъ и поправить самого Дорандта, еслибъ онъ дошелъ до подобныхъ вещей...

А еще меньше виноватъ Дорандтъ въ томъ, что г. Лохтинъ не захотѣлъ прочесть a) слѣдующей же фразы и b) примѣчанія на той же страницѣ и понять c) курсивомъ отмѣченнаго мѣста на стр. 30.

Слѣдующая за приведенною a) фраза гласитъ: „Da die Durschnittstiefe des Aral ca 75 Meter [2]) nicht überschreiten dürfte, so würde der Suspensionsschlamm, bei Fort Nukus direct in den Aral gelangend, in jedem Jahrhundert ein Quadratmyriameter = 87. 87 □ Werst Delta ansetzen“. Выходитъ 88 кв. верстъ въ столѣтіе, а не 2,500, какъ у г. Лохтина. Разница большая: весь „описанный процессъ“ уходитъ изъ предѣловъ историческихъ временъ, и на отложеніе Аму-дарьинской дельты нужно около 12700 лѣтъ, а не 400.

Въ этихъ 12000 лѣтъ и заключается основаніе для правильнаго взгляда на Аму-Дарьинскій вопросъ.

Количество ила—приблизительно болѣе или менѣе точный фактъ, а не предположеніе, протяженіе дельты — тоже приблизительно точный фактъ, а потому и время ея отложенія, эти 12000 лѣтъ, есть число, подходящее къ истинному, хотя, можетъ быть, съ весьма значительною погрѣшностью.

---

[1]) Милліонъ принятъ Дорандтомъ, при расчетѣ, за единицу.

[2]) Дорандтъ беретъ, на самомъ дѣлѣ, наибольшую глубину.

Digitized by Google

Изъ примѣчанія b) мы видимъ, что лишь для выполненія Даукаринскихъ озеръ въ разливѣ Яны-су нужно, примѣрно, 330 лѣтъ,—разливовъ въ срединѣ Аму-дарьинской дельты — 80 лѣтъ, а для повышенія низменностей на Талдыкѣ—45 лѣтъ. Но вѣдь Даукаринскія озера около 400 кв. верстъ величиною при примѣрной глубинѣ 1,6 саж., разливы же—962 кв. верстъ при 1,2 саж. глубины. Вѣдь это далеко не Аралъ съ 12—14 саж. глубины и съ 62000 поверхности! [1]).

Какъ же тутъ Аралъ въ 25—30 лѣтъ [2]) будетъ вполнѣ занесенъ? тѣмъ болѣе, что курсивомъ на стр. 30 c) напечатано: „Die ganze Menge des mitgeführten Detritus lagert der Amu-Darja in den Schilfseen des Deltas ab“...

Стало быть, откуда же взяться $1^1/_2$ аршинному осадку на днѣ Арала?.. Пусть Дорандтъ не совсѣмъ правъ: часть взвѣшенныхъ веществъ вносится и въ Аралъ, — но большая часть, дѣйствительно, садится въ разливахъ. Если воспользоваться съ толкомъ цифрами Дорандта, то даже и при его предположеніи, что пусть всѣ осадки достигаютъ Арала, годовой приростъ дна выйдетъ, примѣрно, около миллиметра, то-есть, Аральское море не засорится еще, по крайней мѣрѣ, 35000 или 50000 лѣтъ...

Думаемъ, что мы съ избыткомъ показали читателю, въ какомъ свѣтѣ должно разсматривать работу г. Лохтина, а также и то, что она не имѣетъ никакого значенія, кромѣ того, что показываетъ, въ какихъ формахъ иногда выражается небрежное отношеніе къ наукѣ и къ ея представителямъ.

„Замѣтимъ здѣсь кстати“, говоритъ г. Лохтинъ на стр. 52,—„что всѣ русскіе (!) авторы старались дать объясненіе поворота особенными (!) причинами, какъ напримѣръ, прорывомъ хребта ШейхъДжейли, поднятіемъ почвы, отклоненіемъ рѣкъ вправо по закону Бэра и проч., между тѣмъ какъ иностранцы (!) Дженкинсонъ, Штуммъ, Вудъ и др. приписываютъ этотъ поворотъ результатамъ (?) разбора воды изъ Узбоя на орошеніе и простому засоренію“.

И неудивительно!... Русскіе, искавшіе причину поворота въ естественныхъ, а вовсе не особенныхъ, причинахъ были ученые;

---

[1]) Хотя, конечно, здѣсь принимается лишь то количество ила, какое несется не всею р. Аму, а соотвѣтствующими рукавами.

[2]) Это число, на основаніи данныхъ г. Лохтина, мы осмѣлились также вычислить сами.

Digitized by Google

иностранцы же, считавшіе его результатамъ разбора воды изъ Узбоя и простаго засоренія, были людьми неученными. Напримѣръ, г. Робертъ Ленцъ, докторъ физики профессоръ Петербургскаго университета, членъ многихъ ученыхъ учрежденій и давно извѣстенъ какъ солидный научный дѣятель; г. Богдановъ — магистръ зоологіи, доцентъ С.-Петербургскаго университета, опытный натуралистъ и путешественникъ; г. Сѣверцовъ — докторъ зоологіи и каждому образованному русскому человѣку извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ натуралистовъ настоящаго времени, и т. д. Съ другой стороны, Дженкинсонъ—англійскій купецъ 1500-хъ годовъ; Штуммъ — прусскій военный офицеръ, Вудъ — англійскій инженеръ путей сообщенія, и т. д. Мы не знаемъ, кто г. Лохтинъ, но по его трактованію предмета должны заключить, что онъ тоже неученый.

Поэтому напрасно онъ взялся за разсужденіе о вопросѣ, требующемъ солидной научной подготовки! Вѣдь

Gutta lapidem cavat non vi, sed saepe cadendo,
Homo fit doctus *non vi*, sed saepe studendo...

В. Алешинцевъ.

Семейство Разумовскихъ. Соч. *А. Васильчикова*. Т. I. С.-Пб. 1879.

Десять лѣтъ тому назадъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ помѣщена была обширная статья г. Васильчикова въ „Осмнадцатомъ Вѣкѣ“ (1869 г., т. II), издаваемомъ г. Бартеневымъ. Статья эта, составленная не по печатнымъ только источникамъ, а на основаніи неизвѣстныхъ до того времени архивныхъ бумагъ и писемъ, прочтена была съ большимъ интересомъ. Авторъ изобразилъ въ ней судьбу двухъ родоначальниковъ фамиліи Разумовскихъ, изъ ничтожества возведенныхъ на высшую ступень общественнаго положенія при императрицы Елисаветѣ, и хотѣлъ затѣмъ перейдти къ дальнѣйшему поколѣнію этой семьи. Съ большимъ удовольствіемъ видимъ, что г. Васильчиковъ исполняетъ теперь свое намѣреніе. Трудъ его появляется отдѣльною книгой и долженъ состоять изъ трехъ томовъ. Первый изъ нихъ, находящійся предъ нами, содержитъ то же самое, что было напечатано въ „Осмнадцатомъ Вѣкѣ“, но въ значительно измѣненномъ и дополненномъ видѣ. Въ теченіе послѣднихъ десяти

Digitized by Google

лѣтъ много увеличился печатный матеріалъ, изъ котораго авторъ могъ заимствовать любопытныя свѣдѣнія для біографіи Алексѣя и Кирила Разумовскихъ; кромѣ того, познакомился онъ съ богатымъ архивомъ графа Андрея Кириловича Разумовскаго, съ архивами гр. А. С. Уварова, князя Н. В. Репнина, Г. П. Галагана, собралъ другія бумаги и преданія, и вслѣдствіе всего этого статья, занимавшая въ сборникѣ г. Бартенева 246 страницъ, разрослась въ обширный томъ въ 486 страницъ, помимо приложеній къ нему. Новыя свѣдѣнія, включенныя авторомъ въ свой трудъ, по большей части очень интересны; если они не измѣняютъ существенно того, что уже прежде было изложено имъ, то многими характерными чертами дополняютъ физіономію братьевъ Разумовскихъ и картину того общества, среди котораго протекла ихъ жизнь.

Г. Васильчиковъ имѣлъ полное право сказать въ предисловіи къ своей монографіи, что при составленіи ея онъ не задавался никакими отвлеченными вопросами, желалъ избѣжать всякой тенденціозности, которая въ настоящее время такъ сильно заразила нашу литературу. Цѣль его воспроизвести въ извѣстный историческій періодъ старинный нашъ бытъ со всѣмъ, что было въ немъ хорошаго и дурнаго, и цѣль эта удалась ему какъ нельзя лучше. Онъ не доказываетъ, а разказываетъ; онъ заботится главнымъ образомъ о томъ, чтобы собрать и тщательно провѣрить какъ можно болѣе свѣдѣній, но свѣдѣнія эти сгруппированы имъ такъ искусно, что невольно переносишься въ описываемую имъ эпоху. „Мы старались", говоритъ онъ,—„въ трудѣ нашемъ по мѣрѣ возможности возсоздать ежедневную жизнь добраго стараго времени и какъ можно чаще говорить, если не устами, то по крайней мѣрѣ перомъ нашихъ героевъ". Главные герои и ближайшіе къ нимъ люди (напримѣръ, Тепловъ, игравшій столь важную роль при младшемъ Разумовскомъ) возстаютъ предъ нами какъ живые. Графъ Алексѣй Григорьевичъ, виновникъ неимовѣрнаго счастія своей семьи, выдвигается не столь рельефно вслѣдствіе своего характера, вслѣдствіе того, что ровно ничѣмъ не ознаменовалъ себя въ общественной дѣятельности, что всегда былъ только человѣкомъ добрымъ, прямодушнымъ, чуждавшимся интригъ, что врожденный тактъ не допускалъ его вмѣшиваться въ такія дѣла, въ которыхъ обнаружилась бы его несостоятельность. Другое дѣло его братъ, графъ Кирилъ, гетманъ Малороссіи и президентъ Академіи наукъ! Удивительное положеніе этого человѣка, который, проведши молодость въ хатѣ и затѣмъ поспѣшно усвоивъ себѣ внѣшній лоскъ европейской

Digitized by Google

образованности, былъ поставленъ на 19-мъ году отъ роду во главѣ ученаго учрежденія, и еще удивительнѣе, что въ этой должности онъ оказался не хуже, чѣмъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ многіе другіе. Правда, въ низшихъ сферахъ слышались неблагопріятные ему голоса. Авторъ приводитъ изъ дѣлъ тайной канцеляріи показаніе какого-то регистратора Иванова, который говорилъ, что „въ академіи чинятся великіе непорядки; когда Кирила Григорьевичъ Разумовскій въ академію пріѣдетъ, то облокотясь на столъ, все лежитъ и никакого разсужденія не имѣетъ и что̀ положатъ, то крѣпитъ безъ спору, а болѣе въ той академіи имѣетъ власть ассессоръ Григорій Тепловъ". Несомнѣнно, что въ нареканіяхъ такого рода было много справедливаго. Слѣдуетъ однако замѣтить, что и задача управлять академіей представлялась въ то время далеко не легкою. Какъ обыкновенно случается, когда общество не цѣнитъ науку ни во что̀, смотритъ на нее какъ на безполезную и даже непонятную роскошь, люди, призванные быть представителями науки, ставятъ на первый планъ свои личные интересы. Графъ Кирилъ Разумовскій, или можетъ быть, Тепловъ, говорившій его устами, чрезвычайно мѣтко опредѣлилъ, что̀ такое была наша академія: „Между профессорами многими ничего инаго не усматривается, какъ желаніе одно стараться всегда о прибавкѣ своего жалованья и ничего за это не дѣлать и не быть ни у кого въ командѣ и дѣлать собою, что кому вздумается, подъ тѣмъ прикрытіемъ, что науки не терпятъ принужденія, но любятъ свободу". Отличался однако Разумовскій и замѣчательными достоинствами. Справедливо говоритъ о немъ авторъ: „Не много сдѣлалъ онъ для науки, но не слѣдуетъ забывать, что во главу Академіи онъ попалъ почти прямо изъ реестровыхъ казаковъ, не сознавая ни цѣли ея, ни значенія, ни пользы. Понятно, что при такихъ условіяхъ онъ не могъ обойтись безъ руководителя, что неопытностью его пользовались люди ловкіе и властолюбивые, но тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что дѣло могло бы идти гораздо хуже. Въ Разумовскомъ при неоспоримомъ его умѣ было еще много такта, и тактъ этотъ часто выводилъ его изъ самаго затруднительнаго положенія. Къ тому же это была вполнѣ русская натура, сочувственно отзывавшаяся ко всякому родному звуку, чуткая ко всякому проявленію народнаго духа". Благодаря этимъ врожденнымъ ему свойствамъ, онъ какъ бы инстинктивно угадывалъ въ Ломоносовѣ что-то необычайное, выходящее изъ ряду вонъ, и не отдалъ его въ жертву ожесточеннымъ его врагамъ.

Digitized by Google

И на другомъ, гораздо болѣе важномъ своемъ поприщѣ, графъ Кирилъ Разумовскій обнаруживалъ тѣ же качества: много смѣтливости, ловкости, умѣнье освоиться съ своимъ высокимъ положеніемъ, къ которому не предназначали его ни происхожденіе, ни образованіе, ни заслуги, и при этомъ полнѣйшее отсутствіе какихъ-либо государственныхъ взглядовъ, чего-либо въ родѣ опредѣленной программы дѣйствій. Разумовскій представлялъ рѣзкую противоположность съ другимъ извѣстнымъ Малороссомъ, его современникомъ—Безбородкомъ. Въ немъ не было и тѣни того, что обезпечиваетъ человѣку названіе „дѣльца". Лѣнь и наклонность къ сибаритству побуждали его возлагать бремя управленія на другихъ, между коими Теплову принадлежала первая роль. При Елисаветѣ, когда счастье особенно улыбалось ему и когда въ жизни не искалъ онъ ничего, кромѣ наслажденій, Разумовскій даже тяготился своимъ пребываніемъ въ Малороссіи. Его тянуло ко двору; нельзя не читать безъ улыбки тѣхъ писемъ, въ которыхъ, какъ выражается авторъ,—„тоскующій" гетманъ жаловался на свое разстроенное здоровье и умолялъ о разрѣшеніи ему прибыть въ Петербургъ, чтобъ „осень и зиму пробыть въ лучшемъ воздухѣ". Патріархальность господствовала повсюду; обнаруживалась она, между прочимъ, въ той щедрости, съ какою надѣлялъ онъ своихъ родственниковъ богатыми помѣстьями. „Въ четырнадцатилѣтнее свое управленіе", говоритъ авторъ,—„Разумовскій старался по мѣрѣ силъ своихъ быть полезнымъ родному краю. Не надо забывать, что воспитаніе его было самое поверхностное, что силою обстоятельствъ перенесенный изъ хаты на школьную скамью, а съ нея брошенный въ вихрь блестящаго и веселаго двора Елисаветы, онъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть, никакой серьезной подготовки къ административной дѣятельности. Тамъ, гдѣ имъ руководили природный умъ и доброе сердце, дѣло шло всегда на ладъ. Къ сожалѣнію, гетманъ легко поддавался чужому вліянію. Тепловъ, генеральная старшина и корыстная родня, старуха мать, души не чаявшая въ дочеряхъ и всегда готовая за нихъ вступиться, всѣ болѣе или менѣе руководили Разумовскимъ и не рѣдко подстрекали его къ дѣйствіямъ которыя, къ несчастію, тяжело отозвались на бѣдныхъ посполитыхъ людяхъ малороссійскихъ. Управленіе Разумовскаго, говоритъ г. Лазаревскій,—было для Малороссіянъ тягостнѣе всѣхъ его предшественниковъ, хотя, быть можетъ, послѣдній гетманъ былъ лучшимъ человѣкомъ изъ всего ряда ея правителей въ XVIII вѣкѣ. Не смотря на свое происхожденіе, Разумовскій не зналъ больныхъ мѣстъ своей ро-

Digitized by Google

дины и непосредственное завѣдываніе краемъ ввѣрилъ той самой старшинѣ, которую въ стремленіяхъ ея къ окончательному порабощенію народа могъ сдерживать только суровый надзоръ великороссійскихъ чиновниковъ. При Разумовскомъ старшина окончательно взяла верхъ, и пользуясь родственными связями съ гетманомъ, спѣшила забирать оставшіяся еще свободныя села въ „вѣчное и потомственное свое и наслѣдниковъ своихъ владѣніе"—формула совершенно новая, впервые явившаяся въ гетманскихъ универсалахъ при Разумовскомъ". Наступившее затѣмъ закрѣпощеніе крестьянъ было логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ отношеній старшины къ народу, которыя установились при гетманѣ, вышедшемъ изъ среды сельскаго сословія.

Но графъ Кирилъ Разумовскій былъ лишь безсознательнымъ орудіемъ подготовлявшагося переворота. Лично онъ сочувствовалъ народу, сохранялъ эти симпатіи къ нему среди своего величія, и много сохранилось преданій объ его гуманности. Онъ былъ примѣрнымъ помѣщикомъ. Крестьяне называли времена, когда онъ жилъ среди ихъ, златыми. „Память этихъ златыхъ временъ", свидѣтельствуетъ авторъ разбираемой нами книги,—„не совсѣмъ угасла и до сихъ поръ между бывшими крѣпостными графа. Въ памятный 1861 годъ, когда настала пора свободы для нашей меньшей братіи, у многихъ изъ потомковъ послѣдняго гетмана, сохранившихъ въ Малороссіи мелкія частицы его громаднаго состоянія, крестьяне требовали, чтобы опять все было какъ при Разумовскомъ". Сохранилось извѣстіе, что во время путешествія своего во Францію въ 1765 году бывшій гетманъ хотѣлъ предложить Руссо въ подарокъ свою библіотеку, дать ему пенсію, мѣстопребываніе въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ помѣстій въ Малороссіи и не исполнилъ своего намѣренія только потому, что случай помѣшалъ ему видѣться съ знаменитымъ писателемъ. Если извѣстіе вѣрно, то не слѣдуетъ придавать ему никакого особаго значенія: между Разумовскимъ и Руссо не могло быть духовной связи, и Разумовскій, очевидно, лишь сообразовался съ примѣромъ другихъ въ то время, когда въ нѣкоторыхъ кружкахъ нашего общества считалось дѣломъ хорошаго тона оказывать уваженіе двумъ корифеямъ философскаго движенія во Франціи.

Въ заключеніе нашей статьи нѣсколько словъ о тѣхъ дополненіяхъ, которыя сдѣланы авторомъ къ первоначальному его труду. Мы уже замѣтили выше, что большею частью они очень интересны. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Рукописный дневникъ Хапенки

Digitized by Google

опровергаетъ преданіе о томъ, что когда по приказанію императрицы Елисаветы офицеръ пріѣхалъ за матерью Разумовскихъ, то она перепугалась, ибо вовсе не знала о случаѣ своего старшаго сына. „Была у меня", пишетъ Ханенко 15-го января 1742 года (слѣдовательно, задолго до отъѣзда Разумовской въ Петербургъ),—„новопожалованнаго дѣйствительнаго камергера Алексѣя Григорьевича Разумовскаго матка Наталья Демьянова дочь и вручила письмо для пересылки къ оному сыну". Любопытны письма Алексѣя Григорьевича къ матери (изъ архива г. Галагана), относящіяся ко времени путешествія императрицы Елисаветы въ Малороссію, письма, изъ которыхъ видно, что новый вельможа не мало смущался мыслью о представленіи своихъ не отесанныхъ родственниковъ государынѣ и принималъ на счетъ этого мѣры. Пребываніе въ Петербургѣ депутатовъ, пріѣхавшихъ изъ Малороссіи хлопотать о дѣлахъ своей родины, и между прочимъ, объ учрежденіи гетманства, изложено гораздо подробнѣе, чѣмъ въ „Осмнадцатомъ Вѣкѣ"; то же самое слѣдуетъ замѣтить объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ избраніе гетманомъ графа Кирила; въ книгѣ г. Васильчикова находимъ мы текстъ прошенія, которое по этому поводу представлено было генеральными старшинами прибывшему въ Глуховъ Гендрикову. Тутъ же помѣщена жалованная грамота императрицы гетману, уже прежде напечатанная у Ригельмана, но съ ошибками. Изъ архива г. Галагана заимствовалъ авторъ универсалы, въ силу коихъ нѣкоторые изъ родственниковъ Разумовскаго получили огромныя помѣстья; затѣмъ, изъ архива графа Уварова письма къ германну Бестужева-Рюмина и графа М. И. Воронцова отъ 1751 и 1752 годовъ и переписка его съ различными лицами за 1757 годъ. Для характеристики гетмана очень интересно прошеніе, съ которымъ обратился онъ къ императрицѣ въ 1759 году о пожалованіи ему новыхъ помѣстій въ добавокъ къ тѣмъ, которыми онъ ужъ черезъ-чуръ щедро былъ надѣленъ прежде. По поводу этого авторъ замѣчаетъ: „Какъ ни странно и ни непріятно поражаютъ въ наше время подобныя просьбы, надо однако къ извиненію гетмана сказать, что въ тѣ времена просилъ всякій бывшій въ случаѣ. На казну тогда смотрѣли — и надо признаться, до сихъ поръ смотрятъ многіе православные — какъ на мать-кормилицу, неистощимую и неизсякаемую подательницу всякихъ благъ. Никто столько не просилъ, а гдѣ приходилось и прямо не забиралъ, какъ оба графа Шуваловы; просили и Воронцовы, и Трубецкой, и Апраксинъ, и Бестужевъ, — однимъ словомъ, всякій, кто только занималъ немного видное мѣсто

Digitized by Google

при дворѣ, обращался къ верховной власти съ просьбою о денежномъ пособіи и почти всегда успѣвалъ въ своей просьбѣ. Это обстоятельство должно извинить графа Кирила, но при этомъ мы должны замѣтить, что врядъ ли когда такъ поступалъ „старшій братъ его". Разказъ о происках, имѣвшихъ цѣлью сдѣлать званіе гетмана наслѣдственнымъ въ семьѣ Разумовскаго, и о совершенной отмѣнѣ этого званія, дополненъ многими интересными подробностями, заимствованными изъ дѣлъ государственнаго архива.

Но наиболѣе цѣннымъ вкладомъ въ книгу г. Васильчикова служатъ документы, относящіеся къ послѣднимъ двадцати годамъ жизни бывшаго гетмана. Это—обширная корреспонденція графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, благодаря которой онъ является, такъ сказать, своимъ автобіографомъ. То было время, когда, пресытившись почестями и не желая играть второстепенной роли тамъ, гдѣ ему принадлежало нѣкогда одно изъ первыхъ мѣстъ, онъ удалился сначала въ Москву, а затѣмъ въ свое малороссійское помѣстье. Въ Москвѣ онъ поддерживалъ прежній блескъ. „Не смотря на утонченную роскошь свою", говоритъ авторъ,—„на путешествія и придворную жизнь, Разумовскій все-таки оставался хохломъ и признавался, что когда предъ нимъ заиграютъ на бандурѣ, то долженъ скорѣе вспомнить что онъ и гдѣ онъ, чтобы не пуститься плясать трепака. Въ своемъ Петровскомъ, окруженный блестящимъ военнымъ штатомъ—генеральсъ и флигель-адъютантами, ординарцами, почетными караулами, цѣлою толпой егерей, гайдуковъ, скороходовъ, карликовъ и всякихъ другихъ тѣлохранителей, эксъ-гетманъ, по истинѣ, долженъ былъ представляться иностранцу однимъ изъ тѣхъ холоповъ великолѣпія и азіатской пышности, о которыхъ упоминаетъ Кларкъ". Позднѣе въ Малороссіи, удрученный тяжкими болѣзнями, почти въ одиночествѣ, печально доживалъ онъ послѣдніе свои дни. Въ письмахъ, о которыхъ упомянули мы выше, вполнѣ видѣнъ этотъ человѣкъ со всѣми его недостатками и достоинствами. Особенно любопытны отношенія его къ сыну графу Андрею Кириловичу. Когда этотъ дипломатъ задумалъ жениться на знатной Австрійкѣ, графинѣ Тунъ-Гогенштейнъ, то родные невѣсты предъявили ему нѣсколько требованій: перемѣнить вѣру, перейдти въ австрійское подданство, перевести часть имѣнія за границу и представить доказательства древности своего рода. Вотъ что по этому поводу писалъ отецъ: „Быть подданнымъ австрійскимъ или россійскимъ, по моему мнѣнію, все равно (?), то и не стоитъ труда отечество свое вовсе оставлять. Взгляни на твари безсловесныя, ко

Digitized by Google

торыя всегда мѣстъ и лѣсовъ своихъ держатся, въ которыхъ онѣ родились и взросли, хотя нерѣдко бываютъ спуганы охотниками или звѣрями сильнѣе ихъ и принуждены бѣжать и удаляться свойственныхъ имъ жилищъ; но по прошествіи такой внезапности, паки въ оныя возвращаются и водворяются, то кольми паки человѣкъ, тварь, одаренная разумомъ и разсудкомъ, долженъ сего правила держаться. Сказавъ тебѣ о приступѣ къ сему сватанію, скажу о персонѣ, яко главной причинѣ нашея бѣды. Можетъ быть, она мила, прекрасна и такъ совершенна и наполнена добрыми качествами, какъ ты описываешь, или еще больше; я на все согласенъ съ тобою, но встрѣчающіеся три артикула, которые германскій педантизмъ влечетъ за собою, мнѣ и всѣмъ любящимъ васъ весьма противны... Когда прилежно и хорошенько разсудить, должно дѣлать остуду всякому горящему любовному пламени, яко слѣпотою возжигаемому и горящему, а посему и по вышесказанному вотъ мое заключеніе: на женитьбу я согласенъ. Таковой союзъ, признаюсь тебѣ, что пріятнѣе бы онъ мнѣ былъ съ россіянкою. Если же, слѣдуя или любви, или другимъ какимъ встрѣчающимся обстоятельствамъ, заключить союзъ съ иностранкою, то имѣть въ виду и никогда не потерять, ниже въ чемъ-либо нарушать сіи три пункта: отечество, вѣра и государь. Сіи во всякомъ случаѣ должны свято и неприкосновенно сохранены быть“...

Не сомнѣваемся, что образованная публика отнесется сочувственно къ монографіи г. Васильчикова и съ большимъ интересомъ ожидаемъ слѣдующихъ его томовъ.

Н. И.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОБЪ ЭЛЕМЕНТАРНОМЪ КУРСѢ РОДНАГО ЯЗЫКА.

I.

На сколько намъ извѣстно, элементарное преподаваніе роднаго языка до сихъ поръ еще не поставлено надлежащимъ образомъ въ нашихъ школахъ. Замѣчаются два главныхъ недостатка. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, что преподаваніе языка смѣшивается съ преподаваніемъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній; это обстоятельство приноситъ двойной вредъ: съ одной стороны, препятствуетъ правильному веденію уроковъ языка; а съ другой—весьма важный элементъ начальнаго курса, „наглядное обученіе“ и „міровѣдѣніе“ получаетъ характеръ случайныхъ поясненій при чтеніи и другихъ занятіяхъ языкомъ.

Другой недостатокъ, часто встрѣчающійся въ практикѣ начальнаго обученія языку—это пренебреженіе подражательнымъ элементомъ дѣтской природы: напр., преподаватель упражняетъ учениковъ въ устномъ изложеніи прочитаннаго, не давая образцовъ такого изложенія въ своей рѣчи; заучиваніе наизусть прозаическихъ отрывковъ, надлежащимъ образомъ разобранныхъ, многими считается неумѣстнымъ на основаніи нѣкоторыхъ невѣрныхъ соображеній (объ этомъ будетъ сказано подробно въ своемъ мѣстѣ). Вообще, вслѣдствіе реакціи противъ старинныхъ „зубрильныхъ“ методовъ, современная педагогія элементарнаго обученія впала въ противоположную крайность—стала выводить всѣ знанія учениковъ путемъ „наводящихъ“ вопросовъ и часто злоупотребляетъ катехетическимъ методомъ, не принимая въ соображеніе

Digitized by Google

свойствъ дѣтскаго ума. Однимъ изъ результатовъ указанной односторонности было то, что нѣкоторые преподаватели, потерявъ вѣру въ „новую" педагогію, стали возвращаться къ прежнимъ схоластическимъ пріемамъ. Желая съ своей стороны оказать содѣйствіе правильной постановкѣ начальнаго обученія родному языку, мы составили предлагаемую статью. Въ ней изложены какъ руководящія начала, такъ и практическія приложенія ихъ.

1.

Обученіе родному языку, понимаемое въ широкомъ смыслѣ, начинается съ того времени, какъ появляются первые проблески рѣчи, то-есть еще въ младенческомъ возрастѣ.

Сначала, знакомство съ языкомъ нераздѣльно связывается съ понятіемъ о предметахъ, соотвѣтствующихъ сообщаемымъ словамъ: ребенокъ видитъ какой-нибудь предметъ; предметъ этотъ его заинтересовалъ, вниманіе ребенка напряжено. Слыша въ это время названіе предмета, дитя быстро связываетъ его съ полученнымъ представленіемъ; чѣмъ живѣе представленіе, тѣмъ лучше запечатлѣвается названіе. Этотъ законъ имѣетъ важныя приложенія вообще при изученіи языковъ: имъ, между прочимъ, пользуются для болѣе быстраго и прочнаго усвоенія словъ чужаго языка.

Уже въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ жизни связь между знаніемъ вещей, выражаемымъ языкомъ, и самимъ языкомъ постепенно дѣлается слабѣе. Данный предметъ, дѣйствіе, качество, могутъ имѣть различныя названія, синонимическія между собою; одна и та же мысль можетъ быть выражена различными словами и оборотами; этимологическія и синтаксическія формы усвоиваются часто совершенно независимо отъ ихъ значенія, безъ указанія связи этихъ формъ съ тѣми оттѣнками мысли, выраженіемъ которыхъ онѣ служатъ. Наконецъ, при дальнѣйшемъ изученіи языка, грамматика является наукою, разсматривающею почти исключительно одинъ языкъ. Слѣдствіемъ изложеннаго является возможность и необходимость отдѣльнаго, самостоятельнаго изученія роднаго языка, на ряду съ другими важными частями общеобразовательнаго курса.

До начала теоретическаго изученія грамматики, родной языкъ, какъ школьный учебный предметъ, имѣетъ особый характеръ сравнительно съ другими учебными предметаим: онъ является словокупностью разнообразныхъ практическихъ упражненій, съ очень незначительною

Digitized by Google

долей теоретическаго элемента. Притомъ, связь между вещественными знаніями и изученіемъ языка все еще значительна: знакомя учащихся съ различными формами выраженія мыслей и понятій, конечно, приходится выяснять и значеніе словъ, и самую мысль. Отсюда является вещественный элементъ въ начальномъ преподаваніи роднаго языка въ видѣ объясненій при чтеніи.

Почти исключительно практическій характеръ начальнаго курса роднаго языка зависитъ отъ двоякаго рода условій. Съ одной стороны, принимаются въ соображеніе свойства учебнаго матеріала, а съ другой — способности и наклонности обучаемыхъ. Обратимся прежде къ учебному предмету: укажемъ его характеристическое отличіе отъ курса другихъ языковъ.

Школьныя занятія роднымъ языкомъ отличаются отъ изученія чужаго тѣмъ, что первыя имѣютъ задачей только дополнить, исправить, усовершенствовать тѣ знанія, которыя уже имѣются на лицо и постоянно получаются вновь помимо спеціальныхъ школьныхъ занятій языкомъ. Употребляя его, какъ орудіе для выраженія нашихъ обыденныхъ мыслей и для сообщенія знаній, мы, разумѣется, почти всегда мало-по-малу совершенствуемъ это орудіе, обогащаясь новыми словами и оборотами. Мы учимся языку всю жизнь: дома, въ общественныхъ собраніяхъ, изъ книгъ; масса словъ, оборотовъ, цѣлыхъ фразъ дается намъ, такъ сказать, даромъ, безъ приложенія особыхъ усилій для усвоенія ихъ.

Совершенно противоположное представляется при обыкновенномъ способѣ усвоенія чужихъ языковъ. Здѣсь съ самаго начала приходится прибѣгать къ обобщеніямъ грамматики, къ дедуктивному мышленію, къ правиламъ, словомъ—къ отвлеченности. Заставляетъ дѣлать это громадная масса матеріала языка, которую мы должны усвоивать исключительно только путемъ школьныхъ занятій: намъ не помогаютъ ни обыденная жизнь, ни учебные предметы; мы не можемъ думать на изучаемомъ нами языкѣ, какъ это мы дѣлаемъ относительно роднаго. Отсюда является, вопервыхъ, указанная нами необходимость теоретической подкладки, а вовторыхъ — ограниченность въ практическихъ упражненіяхъ сравнительно съ роднымъ языкомъ. Напротивъ, съ самаго начала школьнаго обученія родному языку является возможность непосредственно приступить къ упражненіямъ въ словесной и письменной рѣчи; новыя слова, ихъ измѣненія, синтаксическія сочетанія могутъ быть усвоены безъ всякихъ грамматическихъ правилъ, вообще помимо отвлеченностей; каждое новое знаніе

Digitized by Google

имѣетъ уже передъ собою запасъ формъ этимологическихъ и синтаксическихъ, ему подобныхъ, съ которыми вновь сообщенная форма ассоціируется и болѣе или менѣе быстро становится дѣйствительно „родною“ духу ученика. Поэтому-то, практическое изученіе роднаго языка въ школѣ является возможнымъ и удобнымъ.

Оно вполнѣ согласуется съ характеромъ способностей дѣтей того возраста, о которомъ идетъ рѣчь. Дѣти обладаютъ свѣжею и, сравнительно, сильною памятью: слова, ихъ измѣненія и сочетанія запоминаются ими быстро и прочно, особенно при условіи пониманія ихъ.

Поэтому, усвоеніе формъ словъ и предложеній путемъ практическимъ для нихъ не составляетъ слишкомъ труднаго занятія. Годами дѣтства надобно пользоваться для накопленія въ памяти того словеснаго матеріала, который въ послѣдующемъ возрастѣ понадобится для теоретической обработки и для примѣненія въ другихъ областяхъ знанія. Занятія, болѣе сообразныя со способностями дѣтей, обыкновенно въ то же время для нихъ болѣе интересны.

И такъ, элементарный курсъ роднаго языка долженъ быть непремѣнно практическимъ: насъ обязываетъ къ этому какъ содержаніе этого курса, такъ и характеръ умственныхъ способностей обучаемыхъ.

2.

Прежде, чѣмъ заняться разсмотрѣніемъ состава курса, мы постараемся опредѣлить его границы. Сдѣлать это особенно необходимо въ виду слѣдующаго обстоятельства.

Выше мы указали на связь роднаго языка съ вещественными знаніями. Желая выяснить встрѣтившееся непонятное слово, оборотъ, фразу, преподаватель часто бываетъ вынужденъ коснуться какой-либо сферы знаній. Вотъ здѣсь-то ему и представляется опасность уклониться отъ своей прямой цѣли—обученія языку и превратить урокъ языка либо въ бесѣду объ историческихъ событіяхъ, либо въ элементарный урокъ физики, либо вмѣсто урока русскаго языка дать урокъ географіи. Не нужно объяснять, что такой методъ смѣшенія разнороднаго учебнаго матеріала непремѣнно вредитъ дѣлу: здѣсь вполнѣ примѣнима пословица: „за двумя зайцами погонишься—ни одного не поймаешь“.

Но взглянемъ на вопросъ съ другой стороны.

Упражненія въ языкѣ не должно производить надъ такимъ мате-

Digitized by Google

ріаломъ, котораго вещественное значеніе не ясно учащимся. Чѣмъ лучше понято слово, чѣмъ глубже проникаетъ умъ ученика въ смыслъ выраженія, тѣмъ лучше онъ запомнитъ это слово или выраженіе, тѣмъ легче можетъ понять ихъ грамматическую сторону. Бываетъ, впрочемъ, и наоборотъ: слова и выраженія усвоиваются безъ пониманія ихъ значенія и только изъ связи ихъ съ другими словами и выраженіями постигается ихъ смыслъ. Но это уже является дѣломъ времени и самостоятельнаго мышленія учащагося; что касается школьныхъ занятій, то совершенно необходимо для упражненій въ языкѣ брать статьи, по содержанію вполнѣ доступныя пониманію учащагося. Въ то же время для развитія языка полезно, чтобъ сфера вещественнаго знанія постепенно расширялась: каждый кругъ знаній имѣетъ свои спеціальныя слова и выраженія, которыя изъ наукъ мало-по-малу переходятъ въ обыденную рѣчь, употребляются въ переносномъ смыслѣ, словомъ, утрачиваютъ отчасти спеціальный характеръ; таковы, напр., слова и выраженія изъ области реальныхъ наукъ — „температура, тропическій климатъ, разложеніе“; изъ исторіи — „вандалы“, „вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день“, и многія другія.

Такимъ образомъ, мы пришли къ необходимому заключенію: родной языкъ, какъ учебный предметъ, не долженъ смѣшиваться съ другими частями элементарнаго курса, но однако долженъ ими сопровождаться. При помощи другихъ учебныхъ предметовъ, учитель русскаго языка можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи вполнѣ понятный словесный матеріалъ для упражненій въ языкѣ. Ему не представится необходимости часто отвлекаться отъ своего предмета различными поясненіями, относящимися къ вещественной сторонѣ рѣчи; какъ учитель, такъ и ученики будутъ имѣть возможность сосредоточить все свое вниманіе на языкѣ, на различныхъ формахъ выраженія мыслей.

На практикѣ, преподаваніе всѣхъ учебныхъ предметовъ элементарнаго курса часто составляетъ дѣло одного лица; тѣмъ не менѣе принципъ спеціализаціи учебныхъ предметовъ долженъ оставаться во всей силѣ. Такой принципъ не мѣшаетъ существованію тѣсной связи между ними: онъ препятствуетъ только ихъ непроизводительному смѣшенію.

Различныя упражненія, составляющія элементарный курсъ роднаго языка, находясь въ тѣсной взаимной связи, однако также не должны смѣшиваться между собою. Какова должна быть эта связь между различными упражненіями и какимъ образомъ въ то же время избѣ-

Digitized by Google

жать смѣшенія ихъ — эти вопросы разъяснятся при разсмотрѣніи каждаго вида упражненій отдѣльно.

3.

Говоря о составѣ курса роднаго языка, мы будемъ предполагать, что учащійся уже прошелъ азбуку. Мы будемъ также предполагать, что онъ имѣетъ нѣкоторый навыкъ въ чтеніи, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы при чтеніи фразы быть въ состояніи уловить ея смыслъ (конечно, если эта фраза вообще понятна ему). Затѣмъ мы позволимъ себѣ оставить въ сторонѣ „предметные уроки" или, какъ ихъ называютъ менѣе опредѣленно, „наглядное обученіе". Эта весьма важная составная часть начальнаго курса представляетъ собою совокупность элементарныхъ свѣдѣній изъ различныхъ отраслей знанія; какъ и всякій учебный предметъ, она обогащаетъ языкъ ученика новыми словами и выраженіями, уясняетъ смыслъ уже извѣстнаго ему словеснаго матеріала.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ обученіе языку не составляетъ прямой цѣли предметныхъ уроковъ, а поэтому мы и не вводимъ ихъ въ курсъ собственно роднаго языка, хотя и считаемъ весьма полезнымъ подспорьемъ для этого курса.

Школьное обученіе родному языку слагается изъ слѣдующихъ пяти главныхъ отдѣловъ:

1) Чтеніе.

2) Устныя бесѣды по поводу прочитаннаго или разсказаннаго въ классѣ, или, вообще, о предметахъ, извѣстныхъ ученикамъ.

3) Различныя письменныя упражненія: а) имѣющія цѣлью орѳографическую правильность письма, и б) пріучающія къ письменному изложенію мыслей.

4) Устныя и письменныя упражненія въ грамматикѣ, и

5) Заучиваніе наизусть прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій.

Теперь мы разсмотримъ каждый изъ этихъ отдѣловъ порознь, при чемъ будемъ указывать ихъ взаимную связь.

4.

Процессъ чтенія имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю и внутреннюю. Подъ внѣшнею стороной чтенія мы разумѣемъ самый механизмъ его; внутренняя сторона чтенія — это отношеніе ума читающаго къ тѣмъ

Digitized by Google

понятіямъ и мыслямъ, которыя составляютъ содержаніе читаемаго. Разумѣется, обѣ эти стороны находятся въ связи: усовершенствованіе механизма чтенія облегчаетъ пониманіе содержанія; но полнаго соотвѣтствія между механизмомъ и пониманіемъ не существуетъ: можно читать бѣгло, правильно, съ надлежащими остановками, даже съ довольно правильною интонаціей—и въ то же время плохо понимать то, что читаешь; наоборотъ, часто плохой чтецъ гораздо лучше усваиваетъ содержаніе читаемаго, чѣмъ хорошій. Это можетъ происходить отъ разныхъ причинъ. Понятія и мысли, входящія въ составъ содержанія данной письменной рѣчи, могутъ быть одному болѣе знакомы, чѣмъ другому; или, одинъ обращаетъ вниманіе болѣе на внѣшнюю сторону рѣчи, на слова, на грамматическія формы, и съ трудомъ идетъ дальше, въ глубь логическаго смысла. Другой смотритъ глубже, и, проскользнувъ вниманіемъ по внѣшней сторонѣ словъ, сосредоточиваетъ его на самой мысли, на связи мыслей, можетъ читать, какъ говорится, между строками. Бываетъ еще слѣдующее: одни лучше понимаютъ рѣчь, когда она читается не ими самими, другіе наоборотъ (при равенствѣ прочихъ условій). Это обстоятельство отчасти зависитъ отъ быстроты соображенія: если человѣкъ читаетъ самъ, то, затрудняясь въ пониманіи чего-либо, онъ можетъ пріостановиться, перечесть еще разъ, и т. п.; при слушаніи это не совсѣмъ удобно. Но, разумѣется, если чтецъ не вполнѣ освоился съ письменною рѣчью, если механизмъ чтенія не сдѣлался для него такимъ же легкимъ, какъ и обыкновенная изустная рѣчь,—онъ легче пойметъ, слушая другаго, чѣмъ читая самъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ соображеній, перейдемъ къ разсмотрѣнію классныхъ упражненій въ чтеніи.

Задача ихъ состоитъ: вопервыхъ, въ усовершенствованіи механизма чтенія, а вовторыхъ — въ пріученіи учащагося во время процесса чтенія углубляться въ смыслъ отдѣльныхъ фразъ и понимать ихъ логическую связь.

Положимъ, что каждое понятіе, каждая мысль статьи, связь мыслей между собою, все это вполнѣ доступно уму ученика: спрашивается, можно ли ручаться, что, прочитавъ статью (и даже очень хорошо въ механическомъ отношеніи), онъ пойметъ ее удовлетворительно? Опытъ показываетъ, что за это ручаться нельзя. Это можно доказать и a priori. Какъ выше указано, ученикъ можетъ не углубляться въ смыслъ словъ и фразъ, замѣчая только ихъ внѣшнюю сторону; кромѣ того, онъ можетъ быть на столько занятъ самымъ

Digitized by Google

механизмомъ чтенія, что ему некогда думать о смыслѣ словъ. Изъ этого обстоятельства слѣдуетъ одно педагогическое правило, которымъ очень часто пренебрегаютъ, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, а именно: для упражненій въ чтеніи (въ элементарномъ курсѣ) нужно брать статьи такого содержанія, которое было бы совершенно понятно учащимся. Объясненіе словъ, выраженій, фразъ, непонятныхъ или сколько-нибудь затруднительныхъ для учениковъ, можетъ входить въ урокъ чтенія только какъ случайность, и притомъ случайность не желательная. Эти объясненія должны въ томъ или другомъ видѣ предшествовать чтенію; тогда только дѣти будутъ читать вполнѣ сознательно и съ интересомъ; они будутъ болѣе довѣрять своимъ силамъ и самопроизвольно вникать въ содержаніе, доступное имъ безъ помощи учителя.

Если вниманіе учениковъ наталкивается на непонятныя слова и выраженія, то связь цѣлаго разрывается; интересъ къ общему содержанію статьи ослабѣваетъ и даже оказывается неумѣстнымъ, отвлекая дѣтей отъ детальныхъ объясненій учителя; по окончаніи этихъ объясненій, ученики прочитываютъ статью уже съ меньшимъ интересомъ и съ вниманіемъ, утомленнымъ предшествующей бесѣдой.

Притомъ, надо принять въ соображеніе и слѣдующее обстоятельство. Вновь объясненные слова и обороты, вновь сообщенныя понятія и свѣдѣнія не могутъ вдругъ сдѣлаться достояніемъ учениковъ, хотя бы и были вполнѣ ими поняты. Для того, чтобъ закрѣпить сообщенныя свѣдѣнія въ умѣ дѣтей, необходимы нѣкоторыя упражненія и промежутокъ времени для „переваренія“ вновь полученнаго психическаго матеріала. Если же чтеніе непосредственно слѣдуетъ за объясненіями учителя или, что еще хуже, смѣшивается съ ними, то ученикамъ представляется не всегда посильный трудъ: комбинировать только-что полученныя понятія съ остальнымъ содержаніемъ статьи. Для успѣха въ сознательномъ чтеніи нужно вести дѣло такъ, чтобы всѣ элементы данной статьи не были для учащихся новыми, а, напротивъ, вполнѣ знакомыми изъ предшествующихъ упражненій.

Трудъ читающаго долженъ состоять, вопервыхъ, въ томъ, чтобы прочесть статью, на сколько онъ можетъ, правильно, внятно и выразительно; а вовторыхъ, онъ долженъ надлежащимъ образомъ комбинировать въ своемъ умѣ элементы статьи и сдѣлать мысленно нѣкоторые выводы. Уже и это будетъ для ученика двойной трудъ.

Вполнѣ понятна необходимость хорошо быть знакомымъ со всѣми

Digitized by Google

словами и оборотами данной статьи для того, чтобы выполнить успѣшно только что указанный процессъ.

Лучшими статьями для чтенія въ элементарномъ классѣ мы считаемъ повѣствованія и описанія, особенно первыя. Движеніе, дѣйствія для дѣтей всегда интереснѣе неподвижности.

Статьи, назначаемыя спеціально для упражненій въ сознательномъ чтеніи, могутъ представлять разказы нравоучительнаго характера. Такіе разказы легко сдѣлать вполнѣ доступными для дѣтскаго пониманія, какъ по языку, такъ и по содержанію; притомъ подобнаго рода статьи большею частью интересны для дѣтей. Нравятся дѣтямъ также разказы о жизни и приключеніяхъ дѣтей, описанія животныхъ, разказы о ловлѣ звѣрей, объ ихъ образѣ жизни.

Переходя къ вопросу о порядкѣ статей для чтенія, мы изложимъ прежде соображенія, на которыхъ основываемъ нашъ взглядъ на этотъ вопросъ. Цѣль статей для чтенія — служить матеріаломъ для упражненій въ сознательномъ чтеніи, а не средствомъ для сообщенія знаній (онѣ могутъ достигать этой цѣли случайнымъ образомъ).

Поэтому, условія, которымъ должна подчиняться послѣдовательность статей для чтенія и статей для сообщенія знаній — не одни и тѣ же. Въ первыхъ существенное значеніе имѣетъ языкъ, слогъ, бо́льшая или меньшая сложность содержанія и объемъ статьи. Доля знаній, содержащихся въ статьяхъ для чтенія и требующая объясненій, не значительна и, большею частію, крайне элементарна: поэтому систематизація этихъ знаній, выражающаяся въ извѣстномъ порядкѣ статей, не особенно нужна.

Въ статьяхъ для сообщенія знаній, разумѣется, на первомъ планѣ стоитъ послѣдовательность знаній, сообщаемыхъ посредствомъ книги, логическая связь ихъ между собою.

Статьи, спеціально назначенныя для упражненій въ чтеніи, должны быть сначала крайне просты по языку и слогу, просты и по содержанію. Прекраснымъ образцомъ такихъ статей можетъ служить слѣдующій разказецъ, часто помѣщаемый въ новѣйшихъ христоматіяхъ для дѣтей:

„Богачъ и вѣднякъ".

„Въ подвалѣ жилъ бѣдный сапожникъ.
Надъ подваломъ жилъ богатый баринъ.
Сапожникъ мѣшалъ спать барину.

Digitized by Google

Онъ беззаботно пѣлъ свои пѣсни.

Баринъ далъ сапожнику мѣшокъ денегъ.

Сапожникъ сталъ богатъ. И съ тѣхъ поръ пересталъ онъ пѣть. Онъ все караулилъ свои деньги".

Въ теченіе курса статьи дѣлаются все труднѣе и труднѣе по языку и слогу, а также по объему. Провести строго эту послѣдовательность трудно (по недостатку матеріала), но за то весьма полезно для развитія въ дѣтяхъ привычки къ полной сознательности при чтеніи и для обогащенія ихъ языка.

Весьма полезнымъ элементомъ въ статьяхъ для чтенія были бы различныя редакціи одного и того же разказа. Первая редакція, отличаясь простотою языка и слога, должна подготовлять къ ясному пониманію второй; въ первой редакціи должны быть объяснены подробнѣе тѣ мѣста статьи, которыя во второй выражены болѣе труднымъ языкомъ. Особенно хорошо было бы излагать такимъ образомъ басни и маленькія стихотворенія, обыкновенно помѣщаемыя въ книгахъ для чтенія. Ученикъ, подготовленный предыдущею статьей, излагающей то же содержаніе въ простѣйшей формѣ, скорѣе пойметъ красоту стихотворенія, скорѣе овладѣетъ его содержаніемъ и формою. Впрочемъ, такой пріемъ различнаго изложенія одного и того же содержанія вовсе не исключаетъ особыхъ предварительныхъ упражненій: необходимость ихъ была уже указана выше. Теперь мы займемся разсмотрѣніемъ этихъ упражненій.

Ихъ всего удобнѣе разъяснить на примѣрѣ.

Положимъ, что предстоитъ чтеніе стихотворнаго отрывка: „Крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обновляетъ путь"..... Здѣсь встрѣчаются слѣдующія затруднительныя слова и выраженія: „торжествуя, дровни (для городскихъ дѣтей), почуя, плетется рысью, бразды пушистыя взрывая" и т. д.

Учитель на одномъ изъ уроковъ, предшествующихъ чтенію этого стихотворенія, разказываетъ дѣтямъ коротенькую исторію изъ дѣтской жизни: въ своемъ разказѣ онъ употребляетъ нѣкоторыя изъ указанныхъ словъ и выраженій и разъясняетъ ихъ значеніе. Напримѣръ: „Вася вышелъ изъ класса, торжествуя: ему удалось скоро и вѣрно рѣшить трудную задачу. Володя, напротивъ, плелся, опустя голову: онъ былъ невнимателенъ, не разслышалъ задачи и далъ невѣрный отвѣтъ".

Дѣти сами могутъ придумать фразы съ только-что объясненными словами. Между прочимъ, учитель можетъ сказать и такое выраженіе:

Digitized by Google

„когда выпадетъ первый снѣгъ, крестьянинъ торжествуетъ: по снѣгу легче ѣздить, зимній холодъ „пріятнѣе осенней сырой погоды".

Наконецъ, послѣ того какъ ученики освоились съ непонятными имъ выраженіями, можно приступить къ чтенію; между урокомъ, на которомъ происходятъ эти объясненія, и урокомъ чтенія, можетъ пройдти нѣсколько дней. Предъ самымъ чтеніемъ учитель возобновляетъ въ памяти дѣтей данныя имъ объясненія. Полезно также трудныя слова и выраженія, послѣ ихъ разъясненія, диктовать и разбирать по слогамъ и буквамъ, измѣнять по свойственнымъ имъ грамматическимъ формамъ (въ фразахъ): тогда дѣти еще лучше освоятся съ вновь пріобрѣтеннымъ словеснымъ матеріаломъ.

Перейдемъ теперь къ изложенію пріемовъ, которымъ должно слѣдовать при классныхъ занятіяхъ чтеніемъ.

Обыкновенно избранная для чтенія статья прочитывается прежде учителемъ: вопервыхъ, для того, чтобы дать учащимся образецъ хорошаго чтенія, а вовторыхъ, съ цѣлью облегчить имъ пониманіе текста. Если статья легка, то предварительное чтеніе учителя излишне. Читая статью, учитель перерываетъ чтеніе различными вопросами, относящимися къ содержанію статьи. Посредствомъ вопросовъ, учитель можетъ убѣдиться въ пониманіи учениками тѣхъ мѣстъ, которыя кажутся ему болѣе трудными; этимъ же способомъ поддерживается вниманіе учениковъ, которые въ это время должны слѣдить за текстомъ по лежащимъ предъ ними книгамъ.

Послѣ учителя, ученики читаютъ поочереди, начиная съ лучшихъ и кончая худшими. Весь классъ слѣдитъ за чтеніемъ, указываетъ ошибки и, подъ руководствомъ учителя, исправляетъ ихъ. При чтеніи статьи учениками, также дѣлаются вопросы съ цѣлью направить ихъ вниманіе на болѣе важныя части ея, именно тѣ, пониманіе которыхъ необходимо для уясненія основной мысли.

Занятія чтеніемъ надобно по возможности разнообразить, такъ какъ повтореніе одного и того же скоро надоѣдаетъ дѣтямъ. Послѣ того, какъ нѣсколько человѣкъ прочли статью цѣликомъ, можно заставлять каждаго читать до первой точки или точки съ запятою. Для оживленія занятій очень хорошимъ средствомъ служитъ хоровое чтеніе. Дѣтей занимаетъ самый шумъ, производимый этимъ чтеніемъ, его мѣрность и возможность всѣмъ принимать участіе въ громкомъ чтеніи. Но значеніе хороваго чтенія, вообще говоря, преувеличивается. Многіе считаютъ его очень дѣйствительнымъ средствомъ для оживленія болѣе вялыхъ и лѣнивыхъ учениковъ; утверждаютъ, что такіе ученики

Digitized by Google

увлекаются общимъ занятіемъ и читаютъ лучше вмѣстѣ съ другими, чѣмъ одни. Опытъ вовсе не оправдываетъ такого мнѣнія

Общій шумъ затрудняетъ контроль надъ каждымъ отдѣльнымъ ученикомъ; вялые, лѣнивые и невнимательные ученики часто пользуются этимъ обстоятельствомъ, читаютъ подъ шумокъ небрежно, едва шевеля губами или даже вовсе не читаютъ. Есть между ними и такіе, которые не въ состояніи даже поспѣвать за всѣми. Впрочемъ, нѣкоторые изъ такихъ учениковъ, менѣе нерадивые и менѣе вялые, дѣйствительно увлекаются общимъ дѣломъ. Хоровое чтеніе придаетъ энергію именно тѣмъ ученикамъ, которые, хотя и интересуются классными занятіями, но утомляются, слушая своихъ монотонно читающихъ товарищей. Повторяю, пріемъ хороваго чтенія главнымъ образомъ имѣетъ значеніе, какъ средство освѣжить дѣтей, разогнать скуку, навѣваемую на нихъ повтореніемъ одного и того же.

Умѣнье хорошо владѣть механизмомъ чтенія не можетъ быть достигнуто посредствомъ однихъ классныхъ занятій: въ этомъ насъ можетъ убѣдить простой расчетъ. Самое большое время, какое можно удѣлить на упражненіе собственно въ чтеніи — это 2 часа въ недѣлю. Считая въ классѣ 20 учениковъ, особенно нуждающихся въ улучшеніи механизма чтенія, мы найдемъ, что каждый изъ нихъ, въ теченіе недѣли, можетъ упражняться въ механизмѣ чтенія только 6 минутъ, а считая 3 часа въ недѣлю, получимъ 9 минутъ на каждаго въ цѣлую недѣлю. На хоровое чтеніе, какъ мы видѣли, нельзя особенно полагаться. Поэтому совершенно необходимо задавать дѣтямъ на домъ перечитывать то, что было пройдено въ классѣ, и совѣтовать имъ читать дома вслухъ дѣтскія книги.

Окончивъ изложеніе вопроса объ упражненіяхъ въ чтеніи, считаемъ умѣстнымъ коснуться тѣхъ статей классныхъ книгъ, въ которыхъ имѣется въ виду сообщеніе какихъ-либо научныхъ свѣдѣній. Элементарныя научныя свѣдѣнія, какъ мы уже указывали, должны составлять особый предметъ обученія. Статьи съ научнымъ содержаніемъ могутъ служить для чтенія совершенно при такихъ же условіяхъ, при какихъ въ послѣдующемъ общеобразовательномъ курсѣ читаются учебники географіи, исторіи и т. п.: полнѣйшее предварительное разъясненіе содержанія такихъ статей необходимо должно предшествовать ихъ чтенію; упражненіе въ языкѣ является побочнымъ результатомъ.

Теперь мы перейдемъ къ изложенію тѣхъ пріемовъ, которыми долженъ сопровождаться пересказъ прочитаннаго.

Digitized by Google

Есть два вида пересказа: 1) дословный и 2) съ измѣненіями текста. Тотъ и другой обыкновенно производятся съ помощію вопросовъ учителя. Впрочемъ, если статья достаточно легка, въ системѣ вопросовъ можетъ и не оказаться надобности.

При дословномъ пересказѣ каждое предложеніе текста воспроизводится по вопросамъ: „кто дѣлаетъ? что дѣлается? кого, что“ и т. д. Такіе пересказы имѣютъ въ виду какъ повѣрку полнаго пониманія учениками каждой фразы, такъ и совершеннѣйшее выясненіе прочитаннаго. Отвѣты могутъ быть „полными“ и „неполными“. Это зависитъ отъ того, съ какою цѣлью дѣлается вопросъ. Если имѣется въ виду именно упражнять ученика въ связной и отчетливой рѣчи, то требуются полные отвѣты. Если имѣется въ виду закрѣпить въ памяти учениковъ извѣстную мысль или извѣстный фактъ, то полные отвѣты также вполнѣ умѣстны. Требовать полныхъ отвѣтовъ особенно полезно отъ тѣхъ учениковъ, которые отличаются разсѣянностію и невнимательностію, какъ для того, чтобы заставить ихъ болѣе сосредоточиваться на данной фразѣ, такъ и съ цѣлью убѣдиться, хорошо ли они слышали и вполнѣ ли поняли данный вопросъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ полные отвѣты несовсѣмъ умѣстны, а иногда даже положительно вредны. Если предлагается рядъ вопросовъ съ цѣлью постепенно довести учениковъ до какого-либо заключенія, то все, что удлиняетъ путь катехизаціи, все, что ее усложняетъ,— дѣйствуетъ утомляющимъ образомъ на умы дѣтей и затрудняетъ пониманіе предмета катехизаціи; вотъ здѣсь-то надо быть осторожнѣе въ требованіи полныхъ отвѣтовъ, которые могутъ отвлекать вниманіе дѣтей отъ прямой цѣли вопросовъ и задерживать тотъ процессъ постепеннаго уясненія данной мысли, который и составляетъ цѣль катехизаціи.

Вообще говоря, при требованіи полныхъ отвѣтовъ надо остерегаться того, чтобы форма рѣчи не подавляла бы ея содержанія.

Послѣ дословнаго пересказа слѣдуетъ другой — съ измѣненіями текста.

Эти измѣненія могутъ состоять: 1) въ развитіи частей текста, напримѣръ, посредствомъ замѣны общаго понятія частными, входящими въ его объемъ; 2) въ сокращеніи текста посредствомъ обратнаго процесса или просто выбрасываніемъ менѣе важныхъ частей его, и 3) въ замѣнѣ однихъ выраженій другими.

Хорошо веденный пересказъ читанныхъ статей служитъ превосходнымъ средствомъ для развитія въ дѣтяхъ дара слова и наклонности

Digitized by Google

глубже вникать въ содержаніе того, что они читаютъ. Надо замѣтить, что многія дѣти неохотно занимаются стилистическими упражненіями, скучаютъ, когда ихъ заставляютъ замѣнять одни выраженія другими, имъ синонимическими. Поэтому не слѣдуетъ заниматься этимъ въ теченіе цѣлаго урока, а лучше удѣлять на это не болѣе 15—20 минутъ: полное вниманіе учениковъ съ избыткомъ вознаградитъ краткость времени.

Хорошимъ пріемомъ можетъ быть записываніе на классной доскѣ руководящихъ вопросовъ, которые служатъ для дѣтей руководящею нитью при устномъ изложеніи прочитанной статьи.

Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ различіе между статьями пригодными для устной передачи, и тѣми, которыя могутъ служить преимущественно для письменныхъ упражненій.

А. Страховъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПРИСУЖДЕНІЕ НАГРАДЪ К. М. БЭРА ВЪ 1879 ГОДУ.

Донесенія коммиссіи изъ гг. Академиковъ Ф. В. Овсянникова Л. И. Шренка, К. И. Максимовича, А. А. Штрауха, Ѳ. Б. Шмидта и А. С. Фаминцына, читанныя и одобренныя въ засѣданіяхъ Физико-Математическаго Отдѣленія Академіи Наукъ 4-го и 18-го декабря 1879 года.

Бывшій профессоръ Дерптскаго университета Ф. Э. Биддеръ принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ и выдающимся личностямъ нашего времени. Его имя произносится съ одинаковымъ уваженіемъ какъ въ Россіи, такъ и въ остальной Европѣ. Труды его по физіологіи, гистологіи и патологіи снискали ему за границей и у насъ прочную извѣстность точнаго наблюдателя, великаго мыслителя. Многимъ изъ насъ онъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ преподавателей. Не смотря на то, что прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ его первыхъ изслѣдованій, большая часть ихъ и теперь не утратила своей свѣжести и научнаго интереса. Во многихъ существенныхъ вопросахъ физіологіи его слова и имъ поставленные факты имѣли рѣшающее значеніе. Мы помнимъ то блестящее для Дерптскаго университета время, когда онъ занималъ первенствующее положеніе не только между нашими, но и заграничными университетами; это было тогда, когда тамъ работалъ и училъ Биддеръ. Главною долею своей славы медицинскій факультетъ Дерптскаго университета обязанъ трудамъ и дѣятельности Биддера. Ра-

Digitized by Google

боты его весьма многочисленны; мы представляемъ перечень ихъ въ особой запискѣ, и попытаемся охарактеризовать нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы показать, на сколько онѣ знаменательны даже для самаго послѣдняго времени.

Нервная система, какъ съ гистологической, такъ и съ физіологической точекъ зрѣнія, принадлежитъ къ самымъ интереснымъ отдѣламъ біологіи. Успѣхи въ познаніи этого отдѣла имѣли всегда самое существенное вліяніе на другіе отдѣлы гистологіи и физіологіи. Это и понятно, если припомнить, что всѣ жизненные процессы, какъ растительные, такъ и животные, находятся въ самой тѣсной связи съ этой системой. Она заправляетъ всѣми процессами организма. Изученію этого, имъ любимаго, отдѣла Биддеръ долгое время отдавался всецѣло. Не разъ мы слышали изъ его устъ, что жизненный нервъ физіологіи—это физіологія нерва.

Для работъ Биддера нервныя клѣтки разсматривались какъ нѣчто побочное, случайно залегающее между нервными волокнами. Биддеръ первый показалъ, что эти клѣтки находятся въ связи съ нервными волокнами, составляютъ самую существенную часть этой системы.

Для всѣхъ послѣдующихъ работъ о нервныхъ центрахъ, о роли ихъ въ самыхъ разнообразныхъ отправленіяхъ организма, изслѣдованія Биддера служили краеугольнымъ камнемъ. Прошли десятки лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Биддеръ доказалъ связь нервныхъ волоконъ съ клѣтками и, несмотря на то, въ самыхъ новѣйшихъ гистологіяхъ еще помѣщаются данные имъ рисунки. Подобныхъ примѣровъ въ наукѣ особенно въ гистологіи, которая съ такою тщательностью разработывается большимъ числомъ ученыхъ и которая такъ быстро идетъ впередъ, крайне мало.

Изслѣдованія Биддера, произведенныя имъ вмѣстѣ съ Фолькманомъ надъ строеніемъ симпатической нервной системы, принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ трудамъ послѣднихъ десятилѣтій. Въ этомъ трудѣ мы встрѣчаемъ въ первый разъ точное описаніе нервныхъ клѣтокъ и волоконъ симпатической системы. Физіологическіе опыты, сдѣланные Биддеромъ, показали намъ, что у низшихъ позвоночныхъ животныхъ головной и спинной мозгъ могутъ быть разрушены, тѣмъ не менѣе сердце, желудокъ, кишечный каналъ и другіе органы подъ вліяніемъ симпатическихъ нервовъ будутъ продолжать жить и работать, сердце будетъ биться, желудокъ выдѣлять желудочный сокъ, переваривать пищу и т. д.

Правда, свѣдѣнія наши о строеніи нервныхъ элементовъ сосудо-

Digitized by Google

двигательной системы, за послѣднее время, нѣсколько расширились, и съ физіологической точки зрѣнія оказалось, что самостоятельность симпатическаго нерва не безусловная, что онъ находится въ нѣкоторой зависимости отъ главныхъ центровъ нервной системы; тѣмъ не менѣе, многое осталось въ полной силѣ. Мы сами имѣли случай опредѣлить положеніе центровъ въ продолговатомъ мозгу млекопитающихъ, подъ вліяніемъ которыхъ находятся сосудодвигательные нервы тѣла, и все-таки признаемъ за вышеназваннымъ изслѣдованіемъ первенствующее значеніе. Мы затрудняемся назвать какое-либо открытіе въ области центральной нервной системы за прежнее время, которое можно было бы поставить на равнѣ съ вышеназваннымъ.

Изъ многочисленныхъ трудовъ Биддера, укажемъ еще на слѣдующіе, какъ на болѣе выдающіеся: рядъ работъ, о дѣйствіяхъ американскаго яда кураре на организмъ животныхъ, работы надъ слюнными железами, ихъ продуктами и нервами ими завѣдующими, работы надъ строеніемъ Мальпигіевыхъ тѣлъ, почекъ, надъ сращиваніемъ чувствительныхъ нервовъ языка съ двигательными, надъ строеніемъ сѣтчатой оболочки глаза. Къ такимъ же работамъ надо отнести опредѣленіе количества лимфатическаго сока, вытекающаго изъ груднаго протока, труды о физіологическомъ значеніи верхнегортаннаго нерва, о чревномъ нервѣ и о нервныхъ центрахъ сердца, различныхъ по своему мѣстоположенію и физіологическому отправленію, и нѣкоторые другіе.

Каждая изъ вышесказанныхъ работъ внесла въ науку новые замѣчательные факты и значительно расширила предѣлы нашихъ познаній объ отправленіяхъ или о строеніи животнаго тѣла; многія же послужили исходными точками для цѣлыхъ рядовъ новыхъ изысканій.

Мы не можемъ не обратить еще вниманіе на одинъ изъ трудовъ Биддера, сдѣланный имъ вмѣстѣ съ К. Шмидтомъ: на знаменитую книгу о пищеварительныхъ сокахъ и объ обмѣнѣ веществъ. Это изслѣдованіе есть плодъ цѣлаго ряда работъ надъ разными железами и отдѣлами пищеварительнаго снаряда. Въ основаніе всего изслѣдованія положенъ строго обдуманный планъ. Опытная часть обнаруживаетъ глубокое знаніе организаціи животнаго тѣла и рѣдкую способность вивисектора. Въ частныхъ случаяхъ приходилось пріискивать особаго рода приспособленія для того или другаго оперативнаго способа. Нѣкоторые изъ оперативныхъ пріемовъ, при ихъ выполненіи, представляли не малыя затрудненія, которыя экспериментаторъ съ успѣхомъ умѣлъ устранять. О книгѣ „Пищеварительные соки и об-

Digitized by Google

мѣнъ веществъ" можно сказать, что она есть лучшее произведеніе по этой части физіологіи. Съ тѣхъ поръ, какъ она была напечатана, прошло почти 28 лѣтъ, а между тѣмъ результаты, въ ней изложенные, производятся постоянно и въ настоящее время. Трудъ этотъ будетъ еще долго составлять настольную книгу для всякаго, занимающагося физіологіей питанія.

Упоминая выше о трудахъ Биддера, упрочившихъ за нимъ европейскую извѣстность, какъ за однимъ изъ первыхъ физіологовъ нашего времени, мы считаемъ своею обязанностію еще обратить вниманіе Академіи на его преподавательскую дѣятельность и на работы, вышедшія изъ его лабораторіи.

Въ прилагаемомъ здѣсь спискѣ исчислены диссертаціи, составленныя подъ его руководствомъ и напечатанныя въ Дерптѣ, частію на латинскомъ, частію на нѣмецкомъ языкахъ. Всѣхъ такихъ работъ съ 1847 г. по 1869 г. вышло въ свѣтъ 77. Темою большинства ихъ были совершенно новые или же мало разработанные вопросы. Результатами этихъ изслѣдованій интересовались спеціалисты всѣхъ европейскихъ университетовъ. Диссертаціи внимательно перечитывались, о нихъ появлялись рефераты въ различныхъ спеціальныхъ повременныхъ изданіяхъ. Многія изъ нихъ имѣли существенное вліяніе на конечное воззрѣніе на тотъ или другой физіологическій процессъ.

Припомнимъ, что собственныя работы и открытія Биддера, какъ равно и сдѣланныя подъ его руководствомъ, произведены не въ одномъ изъ тѣхъ физіологическихъ дворцовъ, какими обладаетъ настоящая Германія, которые стоятъ десятки и сотни тысячъ рублей и представляютъ самыя широкія средства и удобства работающимъ. Сдѣланы онѣ въ крайне скромномъ помѣщеніи, при самыхъ ничтожныхъ средствахъ лабораторіи. Тѣмъ болѣе чести, конечно, уму и изобрѣтательности нашего ученаго.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, цѣлую труженическую жизнь нашего знаменитаго физіолога, громадное количество имъ сдѣланныхъ изслѣдованій, великое значеніе для науки нѣкоторыхъ изъ его открытій и широкое образовательное вліяніе его на молодыхъ физіологовъ и медиковъ, какъ учителя и руководителя, коммиссія считаетъ своею обязанностію предложить Академіи—увѣнчать заслуги Ф. Э. Биддера почетною золотою медалью К. М. Бэра.

Digitized by Google

Хронологическій списокъ сочиненій Ф. Э. Биддера.

1834. De graviditatis vi medicatrice. Diss. inaug. Dorpat.
1836. Neurologische Beobachtungen. 4°, mit 2 Tafeln. Dorpat.
1838. Neue Beobachtungen über die Bewegungen des weichen Gaumens und über den Geruchssinn (an einem Kranken in der chirurg. Klinik angestellt). 4°, mit 2 Taf. Dorpat.
1839. Zur Anatomie der Retina, insbesondere zur Würdigung der stabförmigen Körper in derselben. J. Müller's Archiv.
1840. Einige Bemerkungen über Entstehung, Bau und Leben der menschlichen Haare, nach Untersuchungen an Weichselzöpfen. Тамъ же.
1841. Zweiter Beitrag zur Anatomie der Retina. Ebendaselbst.
1842. Ueber das Vorkommen zweier Ovula in einem Graafschen Follikel. Тамъ же.
Versuche über die Möglichkeit des Zusammenheilens functionell verschiedener Nervenfasern. Ebendaselbst.
Die Selbstständigkeit des sympathischen Nervensystems durch anatomische Untersuchungen nachgewiesen, in Verbindung mit A. W. Volkmann herausgegeben. 4°, mit 3 Tafeln. Leipzig.
1843. Zur Histogenese der Knochen. Mit Abbildg. Müll. Arch.
1844. Erfahrungen über die functionelle Selbstständigkeit des sympathischen Nervensystems. Тамъ же.
Riechen. In R. Wagner's Handwörterbuch der Physiologie Bd. II.
1845. Versuche zur Bestimmung der Chylusmenge, die durch den Ductus thoracicus dem Blute zugeführt wird. Müller's Archiv.
Ueber die Malpighischen Körper der Niere. Тамъ же.
Ueber Entstehung fester Körper in den von Synovialhäuten gebildeten Höhlen. In Henle's und Pfeuffer's Zeitschrift für rationelle Medicin. Bd. III.
1846. Bemerkungen zur Physiologie und Pathologie der Blutgefässe. Тамъ же, т. IV.
Schmecken. In Wagner's Handwörterbuch. Bd. III.
Vergleichend-anatomische und histologische Untersuchungen über die Harn- und Geschlechtswerkzeuge der nackten Amphibien. 4°, mit 3 Tafeln. Dorpat.
1847. Neue Beobachtungen über das Verhältniss der Ganglienkörper zu den Nervenfasern, mit einem Anhange von A. W. Volkmann. 4°, mit 2 Tafeln. Leipzig.
1848. Vorläufiger Bericht über eine Reihe von Versuchen zur Ermittelung der Rolle des Speichels im thierischen Haushalte. Müller's Archiv.
1852. Die Verdauungssäfte und der Stoffwechsel, eine physiologisch-chimische Untersuchung, in Verbindung mit C. Schmidt gerausgegeben. Mitau und Leipzig.
Ueber functionell verschiedene und räumlich getrennte Centra im Froschherzen. Müll. Arch.
Ueber einen aus cylindrischen Zellen gebildeten Epithelial-Krebs. Тамъ же

Digitized by Google

1857. Untersuchungen über die Textur des Rückenmarks und die Entwickelung seiner Formelemente, in Verbindung mit C. Kupffer herausgegeben. 4°, mit 5 Tafeln. Leipzig.

1865. Erfolge von Nervendurchschneidung an einem Frosch. In Reichert's und Du Bois' Archiv.
Beobachtung doppelsinniger Leitung im Nervus lingualis nach Vereinigung desselben mit dem hypoglossus. Тамъ же.
Ueber die Unterschiede in den Beziehungen des Pfeilgifts zu verschiedenen Abtheilungen des Nervensystems. Тамъ же.
Zur näheren Kenntniss der Wirkungen des Nervus laryngeus superior. Тамъ же.

1866. Zur näheren Kenntniss des Froschherzens und seiner Nerven. Mit Taf. Тамъ же.
Experimentelle und anatomische Untersuchungen über die Nerven der Glandul. submaxillaris. Mit Taf. Тамъ же.

1867. Weitere Untersuchungen über die Gland. submaxillaris beim Hunde. Mit Taf. Тамъ же.
Parotis und Sympathicus. Тамъ же.

1868. Die Endigungsweise der Herzzweige des Vagus beim Frosche. Mit Taf. Тамъ же.
Beobachtungen an curaresirten Fröschen. Тамъ же.

1869. Die Nervi splanchnici und das Ganglion coeliacum. Mit Taf. Тамъ же.

1871. Einige Bemerkungen über Hemmungsnerven und Hemmungscentra. Тамъ же.

Хронологическій списокъ диссертацій, составленныхъ въ Дерптской физіологическо-патологической лабораторіи подъ руководствомъ професора Биддера.

1847. Theod. Hugenberger, De cancere alveolari ventriculi et peritonaei.
Em. Jäsche, De telis epithelialibus. C. tab.

1848. Guil Schlüsser, De petromyzontum et anguillarum sexu. C. tab.
Nicol. Jacubowitsch, De saliva.

1849. Frid. Stackmann, De bilis copia accuratius definienda.

1850. Eduard. Lenz, De adipis concoctione et absorptione.
Rob. Zander, De succo enterico.
Reinh. Schellbach, De bilis functione ope fistulae vesicae felleae indagata.
Anton. Hübbenet, De succo gastrico.
Gust. Rosenberger, De centris motuum cordis.

1851. Carol. Fowelin, De causa mortis post nervos vagos dissectos instantis. C. tab.
Julian. Schultz, De arteriae renalis subligatione.
Alex. de Wistinghausen, Experimenta endosmotica de bilis in absorptione adipis partibus.

1852. Gustav. Schilling, De medullae spinalis textura ratione inprimis habita originis quae dicitur cerebralis nervorum spinalium. C. tabb. 2.
Alex. Lang, De adipe in urina et renibus contento.

Digitized by Google

1853. Otto a Grünewaldt, Succi gastrici humani indoles physica et chemica, ope fistulae stomachalis indagata.
Ernest. de Schröder, Succi gastrici humani vis digestiva.
Vict. Weyrich, De cordis adspiratione. C. tab.
Pet. Gähtgens, Tumoris colloidis casus singularis.
Ernest Lenz, Experimenta de ratione inter pulsus frequentiam, sanguinis pressionem lateralem et sanguinis celeritatem obtinente. C. tab.
Ernest. Krause, De rigore mortis in genere, ac de rigore in musculis laevibus obvio in specie.

1854. Carol. Küttner, De origine nervi sympathici ranarum. C. tabb. 2.
Henr. Sahmen, De chiasmatis optici textura. C. tab.
Sigism. Kroeger, De succo pancreatico.
Felix Glogowski, De melituria.
Carol. Kupffer, De medullae spinalis textura in ranis. C. tab.
Philipp. Owsjannikow, De medullae spinalis textura in piscibus. C. tab. 3.

1855. Rob. Blessig, De retinae textura. C. tab.
Frid. Baerent, De telae pulmonum ad respirandi motus vi et effectu.
J. Knoch, De nervi sympathici ad corporis temperiem.
Adolph. Metzler, De medullae spinalis avium textura. C. tab.
Ludov. Ulmann, Disquisitiones de villis hominum et animalium. C. tab. 2.
Boris Rosenplänter, Cystitidis crouposae, retroversionem uteri subsecutae etc.
Adolph. Lehmkuhl, De tumore villoso vesicae urinariae.
Paul. Wulffius, De viscerum inversione laterali.

1856. Rob. Seeberg, De textura membranae pituitariae nasi. C. tab. 2.
Ferd. a Wolff, De sympodia. C. tab. photograph.
Benj. Stadion, Symbolae ad processus endosmotici cognitionem.
Gust. Hollander, De corpusculorum solidorum e tractu intestinale in vasa sanguifera transitu.
Arth. Böttcher, De ratione qua nervus cochleae mammalium terminatur. C. tab.
Rud. Schmidt, De vario lienis volumine.

1857. Carol. Fixsen, De linguae raninae textura. C. tab.
Joan. Erischen, De textura nervi olfactorii. C. tab.
Aemil. Lehmann, De nervi optici dissecti ad retinae texturam vi et effectu. C. tab.
Teophil. Zdzienski, Encephaloceles congenitae casus: C. tab.

1858. Alex. Schmidt, Ovis bicorporis descriptio. C. tab.
Jul. Löwinsohn, De nervi vagi in respirationem vi et effectu. C. tab.
Henr. Rossmann, Coarctationis tractus intestinalis casus rarior. C. tab.

1859. Eduard. de Wahl, De retinae textura in monstro anencephalico. C. tab.
Alex. Skrebitzky, De succi pancreatici ad adipes et albuminates. vi.
Carol. Bosse, De gangliorum spinalium vi in nutriendas radices posteriores nervorum spinalium.

Digitized by Google

Ed. Lantzky, Enchondromatis cruris descriptio.

1860. Adolph Wiegandt, Untersuchungen über das Dünndarmepithelium und dessen Verhältniss zum Schleimhautstroma. M. Taf.
Wold. Weiss, Experimentelle Untersuchungen über den Lympgstrom. M. Taf.
Piers. Walter, Über die Textur der Limphdrüsen. M. Taf.

1861. Herm. Eckert, Zur Kenntniss der weiblichen Geschlechtstheile und ihrer Producte bei den Vögeln. M. Taf.

1862. Ernst Bidder, Beiträge zur Lehre von der Function der Nieren. M. Taf.

1863. Valent. Holst, Zur Lehre von der Selbstamputation.

1864. Alex. Heltze, Beiträge zur Lehre von Verdauungsferment des Magensafts.
Leop. Mandelstamm, Beobachtung doppelsinniger Leitung im Ramus lingualis trigemini.

1865. Joh. Blumberg, Über die Hemmungsfunction des Nervus laryngeus superior.
Nic. Böhlendorff, Über die Wirkungen des amerikanischen Pfeilgifts auf die Nerven.
Carl Gregory, Beiträge zur Physiologie der Herzbewegung beim Frosch.
Arnold Hildebrand, Über die Innervation der Gland. submaxillaris beim Hunde.

1866. Gust. Otto, Beiträge zur Lehre von der Eclampsie (unter E. Bidder's Leitung).

1867. Wilh. Westermann, Über die Wirkungen der Calabarbohne. M. Taf.
Leon Erdmann, Über die Resorptionswege in der Sshleimhaut des Dündarms. M. Taf.
Alex. Schummer, Vergleichende Prüfung der Pulswellenzeichner von Ludwig und Fick. M. Taf.
Oscar Szczesny, Beiträge zur Kenntniss der Textur der Froschhaut. M. Taf.
Carl Stelling, Über den Einfluss des Nervus depressor auf die Herzthätigkeit etc.

1868. Ludw. Schröder, Über die Innervation der Gland. parotis.
Alfred Bidder, Über das Blutgefässsystem einiger Hirudineen. M. Taf.
Paul Keuchel, Das Atropin und die Hemmungsnerven.
Ed. Bernhardt, Anatomische und physiologische Untersuchungen über den Nervus depressor bei der Katze. M. Taf.
Wold. Berg, Untersuchungen über die Hautathmung der Frösche.

1869. Paul Hampeln, Zur Anatomie der Iris. M. Taf.
Heinr. Schöler, Experimentelle Beiträge zur Kenntniss der Irisbewegung.

Digitized by Google

II.

Коммиссія по присужденію наградъ Бэра, въ засѣданіи своемъ 24 ноября, единогласно положила денежную премію Бэра предоставить ординарному професору Харьковскаго университета Льву Семеновичу Ценковскому за изслѣдованія, произведенныя имъ, въ продолженіе послѣднихъ шести лѣтъ, въ области біологіи простѣйшихъ организмовъ, стоящихъ на границѣ между животнымъ и растительнымъ царствомъ. Труды эти обратили на себя особенное вниманіе коммиссіи и вызвали единогласное одобреніе ея предпочтительно передъ всѣми остальными сочиненіями, поступившими на разсмотрѣніе коммиссіи, не смотря на то, что самимъ авторомъ они не были представлены на соисканіе преміи. Коммиссія руководилась при этомъ § 20-мъ правилъ, установленныхъ для присужденія наградъ Бэра, по которому она имѣетъ не только право, но и обязанность включать въ конкурсъ и такія печатныя сочиненія, которыя самими авторами не были представлены на оный.

Ученые труды проф. Ценковскаго давно уже оцѣнены спеціалистами по біологіи простѣйшихъ организмовъ, чему служатъ неоспоримымъ доказательствомъ многочисленные печатные лестные отзывы о нихъ какъ нашихъ, такъ и наиболѣе авторитетныхъ заграничныхъ ученыхъ.

Розысканіями, произведенными за послѣднія шесть лѣтъ, проф. Ценковскій еще болѣе упрочилъ за собою славу превосходнаго изслѣдователя, обогативъ науку цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ открытій, касающихся жизни простѣйшихъ организмовъ. Во время своего славнаго и долголѣтняго служенія наукѣ проф. Ценковскій не переставалъ разслѣдовать этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ, вслѣдствіе чего и отдѣльныя работы его, проникнутыя одною руководящею мыслью, находятся, по мнѣнію коммиссіи, въ тѣсной, неразрывной связи между собою и являются какъ бы отдѣльными главами одного большаго труда, вполнѣ достойнаго преміи Бэра. Разъясненіе тѣсной связи и высокаго научнаго значенія работъ проф. Ценковскаго за послѣднія шесть лѣтъ и составляетъ предметъ нижеслѣдующаго отчета.

Въ этотъ промежутокъ времени изданы проф. Ценковскимъ слѣдующія работы:

1) Сообщеніе о Guttulina roseola, въ Трудахъ Казанскаго съѣзда Естествоиспытателей въ 1873 году.

Digitized by Google

2) О генетической связи между Mycoderma vini, Penicillium viride Fries u Dematium pullulans de By. Тамъ же (1873).

3) Ueber einige Rhizopoden und verwandte Organismen. Max Schulze Arch. B. XII. 1875.

4) Ueber Palmellenzustand bei Stygeoclonium. Bot. Zeit. 1876.

5) Zur Morphologie der Ulotrichineen Bull. de l'Ac. d. St. Pétersb. 1877.

6) О пальмеллевидномъ состояніи нѣкоторыхъ водорослей; въ Трудахъ Варшавскаго съѣзда Естествоиспытателей. 1876.

7) Zur Morphologie der Bacterien. Mém. de l'Acad. d. St. Petersb. 1877.

8) О студенистыхъ осадкахъ свеклосахарныхъ растворовъ; въ Запискахъ Харьковскаго Общества Естествоиспытателей. 1878.

Работы: Ueber einige Rhizopoden und verwandte Organismen и сообщеніе о Guttulina roseola содержатъ описаніе и исторію развитія цѣлаго ряда формъ простѣйшихъ организмовъ, состоящихъ изъ комочка плазмы, голой или окруженной оболочкой, и представляютъ какъ бы продолженіе разслѣдованій проф. Ценковскаго, опубликованныхъ частью въ Бюллетенѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ (Т. XIV и XVII), частью въ Jahrbücher Прингсхейма (Т. I, p. 371), частью въ Архивѣ Макса Шульце (1865).

Въ первой изъ нихъ проф. Ценковскій описалъ результаты наблюденій надъ развитіемъ нѣсколькихъ организмовъ, состоящихъ изъ голой плазмы, а также и нѣкоторыхъ моноталамій, имѣя главнымъ образомъ въ виду, изученіемъ по возможности большаго числа формъ этихъ организмовъ, связать ихъ въ единое стройное цѣлое, а также выяснить отношеніе къ нимъ плазмодіевъ миксомицетовъ. Въ этомъ отношеніи особенно интереснымъ является описаніе плазмодія, живущаго въ водѣ и тождественнаго, какъ полагаетъ проф. Ценковскій, съ описанною Либеркюномъ корненожкою; изъ приведенныхъ наблюденій остановимся здѣсь лишь на указаніи относительно способа питанія этихъ организмовъ, сближающаго ихъ, съ одной стороны, съ типическими миксомицетами, съ другой же, съ открытой и описанной раньше проф. Ценковскимъ Vampyrella. Подводный плазмодій можетъ принимать въ себя твердую пищу двоякимъ образомъ: или постепеннымъ обволакиваніемъ и втягиваніемъ внутрь себя посторонняго тѣла, подобно плазмодію миксомицетовъ, или же высасываніемъ содержимаго сквозь оболочку живой клѣтки, подобно Vampyrella. Кромѣ того, проф. Ценковскій подвергнулъ въ этой работѣ новому изслѣдо-

Digitized by Google

ванію Vampyrella vorax; изъ голыхъ плазматическихъ организмовъ нашелъ два новыхъ рода: Arachnula и Gymnophrys и назвалъ первую изъ этихъ формъ A. impatiens, а вторую G. cometa; изъ Heliozoa описалъ новый родъ Ciliophrys, именно родъ C. infusionum; подтвердилъ интересное наблюденіе Гертвига надъ образованіемъ зооспоръ у Microgonia socialis (изъ моноталамій); нашелъ состояніе покоя у Chlamydophrys, близкаго къ Lecythium hyalinum (H и S), и прослѣдилъ образованіе колоній у этихъ моноталамій; открылъ принадлежащій къ послѣднимъ новый родъ Microcometes, форму названную M. paludosa, и новый видъ рода Diplophrys.

Во второй изъ означенныхъ работъ проф. Ценковскій описалъ Guttulina roseola, организмъ, представляющій собою интересную близкую форму къ Dictxostelium mucoroides Bref. изъ группы миксомицетовъ. Guttulina roseola имѣетъ видъ капли розоваго цвѣта, величиною въ 0,07 мил., сидящей на ножкѣ такой же длины; розовое тѣльце это состоитъ изъ скопленія клѣточекъ свободныхъ, не одѣтыхъ общей оболочкой. Заключенныя въ головкѣ клѣтки имѣютъ шаровидную форму; въ ножкѣ соединены онѣ тѣснѣе между собою въ видѣ клиновидныхъ отдѣльностей, расположенныхъ въ нѣсколько рядовъ. Всѣ клѣтки содержатъ въ себѣ красную плазму и ядро. Въ водѣ содержимое каждой клѣтки выступаетъ въ видѣ маленькой амёбы, похожей на Amoeba Limax Duj и размножается дѣленіемъ. Основываясь на этихъ данныхъ, проф. Ценковскій и ставитъ Guttulina roseola рядомъ съ Dictyostelium mucoroides Bref., отъ котораго она отличается двумя признаками: во 1-хъ, отсутствіемъ общей оболочки; во 2-хъ, тѣмъ, что амёбовидныя плазматическія тѣльца ея не сливаются между собою, а только скучиваются и затѣмъ образуютъ цисты или споры. Въ этомъ же сообщеніи находится и описаніе нѣсколькихъ амёбъ, между которыми наиболѣе интересны двѣ новыя формы съ цистами, сидящими на ножкахъ. Въ водѣ изъ этихъ цистъ выползаютъ амёбы, которыя размножаются дѣленіемъ и производятъ затѣмъ въ свою очередь черепчатыя цисты. „Если дальнѣйшія изслѣдованія покажутъ“, прибавляетъ проф. Ценковскій,—„что этимъ и завершается весь кругъ ихъ развитія, то названныя амёбы представляли бы простѣйшіе слизистые грибы, которыхъ плазмодій состоитъ изъ одной амёбы, а плодъ изъ одной цисты“.

Руководящею мыслью въ работѣ о генетической связи между Mycoderma vini, Penicillium viride Fries Dematium pullulans de By, было отысканіе генетической связи одноклѣтныхъ бродильныхъ грибовъ съ

Digitized by Google

многоклѣтными. Съ этою цѣлью проф. Ценсковскій изслѣдовалъ развитіе двухъ изъ наиболѣе распространенныхъ гифомицетовъ: Penicillium viride и Dematium pullulans, образующихъ, какъ извѣстно, при нѣкоторыхъ условіяхъ, посредствомъ почкованія, ряды клѣтокъ, сходныхъ съ Mycoderma vini. Онъ наблюдалъ, что отдѣлившіяся отъ мицелія Penicillium овальныя клѣтки пускаютъ у полюсовъ новые отпрыски, по одному на каждомъ концѣ или по цѣлому пучку. Отпрыски эти въ свою очередь распадаются на клѣтки, выростающія каждая опять въ цѣпочку. На основаніи этихъ наблюденій проф. Ценковскій и признаетъ предположеніе генетической связи между Penicillium и Mycoderma vini хотя еще и недоказаннымъ вполнѣ, однако весьма вѣроятнымъ. Еслибы эти наблюденія подтвердились, то Mycoderma vini оказалась бы кромѣ того въ генетической связи и съ Dematium, такъ какъ, по наблюденіямъ проф. Ценковскаго, гифы Dematium, при культурѣ въ висячей каплѣ, даютъ иногда вѣтки съ плодоношеніемъ Penicillium.

Хотя, по сознанію самого проф. Ценковскаго, ему не удалось еще доказать вполнѣ генетической связи Mycoderma vini съ вышеназванными гифомицетами, а только сдѣлать ее весьма вѣроятною, тѣмъ не менѣе, эти наблюденія представляютъ большой интересъ въ виду разнообразныхъ взглядовъ на этотъ предметъ. И въ настоящее время, почти шесть лѣтъ спустя послѣ работы г. Ценковскаго, вопросъ этотъ нужно считать открытымъ. Большинство ученыхъ считаютъ его рѣшеннымъ въ противуположномъ смыслѣ, признавая бродильные грибы за организмы совершенно самостоятельные, съ опредѣленнымъ, строго замкнутымъ цикломъ развитія. Между тѣмъ, кромѣ проф. Ценковскаго, извѣстный своими класическими розысканіями надъ броженіемъ Пастёръ, совершенно независимо отъ работы проф. Ценковскаго, тоже пришелъ къ признанію генетической связи бродильныхъ грибовъ съ гифомицетами. Разница между результатами проф. Ценковскаго и Пастера заключается лишь въ томъ, что послѣдній признаетъ существованіе генетической связи между Dematium pullulans и Saccharomyces Pastorianus и при томъ высказываетъ убѣжденіе, что въ будущемъ каждому изъ видовъ бродильныхъ грибовъ будетъ найденъ соотвѣтствующій гифомицетъ. Относительно же Penicillium Пастёръ совершенно расходится со взглядомъ Ценковскаго; не имѣвъ случая наблюдать отшнуровываніе послѣднимъ клѣтокъ сходныхъ, если не тождественныхъ съ Mycoderma vini, Пастёръ считаетъ Penicillium за форму, не сродную съ бродильными грибами.

Digitized by Google

Въ пользу существованія болѣе тѣсной связи бродильныхъ грибковъ съ гифомицетами говорятъ и наблюденія Ханзена, опубликованныя въ только что вышедшихъ трудахъ Карлсбергской лабораторіи. Ему удавалось заставлять по произволу выростать клѣтки какого то еще не точно опредѣленнаго имъ гриба, съ краснымъ содержимымъ, то въ цѣпочки, происходящія чрезъ почкованіе, то въ длинныя нитевидныя трубки. Между тѣмъ какъ при культурѣ этихъ клѣтокъ въ бродящей жидкости получались лишь цѣпочки, на влажной гипсовой пластинкѣ изъ этихъ же клѣтокъ выростали нитевидные отроги, въ которыхъ на старыхъ культурахъ иногда удавалось даже наблюдать появленіе поперечныхъ перегородокъ.

Остальныя работы проф. Ценковскаго относятся до водорослей и до сродной съ ними группы Schizomycetes и имѣютъ также очень тѣсную связь между собою.

Исходною точкою для нихъ послужило изслѣдованіе развитія водоросли Stygeoclonium insigne. Проф. Ценковскому удалось на этой водоросли въ первый разъ доказать генетическую связь между нитчатками и одноклѣтными водорослями Palmellaceae. Необыкновенное различіе въ формѣ клѣтокъ этой водоросли, особенно различіе вѣтвей воздушныхъ и водныхъ давно уже было извѣстно альгологамъ. Наблюдая послѣднія, проф. Ценковскій открылъ превращеніе ихъ путемъ ослизненія оболочки, сопровождаемаго измѣненіемъ цилиндрической формы клѣтки въ шаровидную и окончательнымъ разъединеніемъ на отдѣльныя клѣтки, въ форму водоросли изъ Palmellaceae, уже давно описанную Кютцингомъ подъ названіемъ Palmella parvula. Открытіе это, распространенное проф. Ценковскимъ, а также Рейнхардомъ, на другія формы водорослей, заставляетъ предполагать, что и другія формы Palmellaceae окажутся только фазой развитія разныхъ болѣе сложныхъ растительныхъ формъ, а не самостоятельными организмами, какими ихъ до сихъ поръ считали. При этомъ разслѣдованіи получились проф. Ценковскимъ и другіе побочные, но тѣмъ не менѣе интересные результаты, напримѣръ, открытіе у Stygeoclonium микрогонидій, покоющагося состоянія, ритмически-сокращающихся вакуолей у зооспоръ его и нѣсколько другихъ.

Въ опубликованной нѣсколькими мѣсяцами позже статьѣ: Zur Morphologie der Ulotrschineen проф. Ценковскій описалъ подобное же пальмеллевидное состояніе у нѣсколькихъ еще другихъ водорослей: у Hydrocytium acuminatum A. Br., Ulotrix mucosa Thur., Cy-

Digitized by Google

lindrocapsa involuta Reinsch, Coleochaete prostrata, Ulva и у какой-то неопредѣленной формы изъ Phaeosporeae.

Кромѣ вышеупомянутыхъ результатовъ, въ этой работѣ проф. Ценковскій описалъ открытое имъ половое размноженіе у Cylindrocapsa involuta, весьма сходное съ Oedogonium. Большія зеленыя зооспоры и окрашенныя въ яркій красный цвѣтъ сѣмянныя тѣла дѣлаютъ этотъ объектъ особенно цѣннымъ для изслѣдованія акта оплодотворенія, состоящаго въ сліяніи клѣтокъ обоего пола. Въ сем. Ulotrichineae, куда относятъ въ настоящее время Cylindrocapsa, ничего подобнаго до сихъ подъ наблюдать не удавалось; въ замѣнъ же этого разсматриваютъ за проявленіе половаго процесса сліяніе макро и микрогонидій, извѣстное у зооспоръ рода Ulotrix. Вслѣдствіе же открытія половыхъ органовъ у Cylindrocapsa, столь отличныхъ отъ соотвѣтствующихъ органовъ Ulotrix, оказывается необходимымъ отвести первой совершенно другое мѣсто въ системѣ.

Поразительное превращеніе различныхъ водорослей, чрезъ ослизненіе, въ формы столь отличныя, относимыя въ другую группу, заставило проф. Ценковскаго попытаться обнаружить подобное же превращеніе и у другихъ простѣйшихъ организмомъ въ группѣ Schizomycetes, съ одной стороны примыкающей тѣсную связь съ семействомъ водорослей Phycochromaceae.

Статью „Zür Morphologie der Bacterien“ проф. Ценковскій начинаетъ слѣдующими словами: „Пальмеллевидное состояніе, которое я нашелъ у нѣкоторыхъ нитчатокъ, побудило меня распространить изслѣдованіе и на другіе типы водорослей, преимущественно на безцвѣтныя; я прежде всего обратился къ богатому источнику студенистыхъ образованій, найденныхъ въ классѣ бактеріобразныхъ организмовъ. Я предполагалъ, что, подобно тому, какъ изъ нитчатой водоросли образуются скопленія ослизненныхъ дѣлящихся клѣтокъ, могла-бы и безцвѣтная водоросль превратиться въ Zoogloea, то-есть ослизненное состояніе бактерій. Руководимый этою мыслію, я и предпринялъ нижеслѣдующія изслѣдованія“.

Предположеніе его вполнѣ оправдалось: пальмеллевидному состоянію Schizemycetes ему удалось найдти нѣсколько соотвѣтствующихъ безцвѣтныхъ водорослей: Crenotrix, Leptotrix и Cladotrix. Онъ наблюдалъ ослизненіе ихъ оболочки, распаденіе на отдѣльные членики и образованіе конгломератовъ продуктовъ ослизненія, то-есть превращеніе ихъ въ Zoogloea съ такою же ясностью, какъ и у вышеназванныхъ зеленыхъ водорослей. Генетическая связь между этими без-

Digitized by Google

цвѣтными нитчатками и Zoogloea, относимыми къ различнымъ родамъ, и здѣсь была имъ несомнѣнно доказана. Кромѣ этого главнаго вывода, проф. Ценковскій приводитъ еще и слѣдующій: формы, разсматриваемыя большинствомъ ботаниковъ за организмы самостоятельные и описанные какъ разные роды: Bacterium, Micrococcus, Torula онъ считаетъ генетически связанными между собою и съ нитями Leptotrix. По его наблюденіямъ, они всѣ могутъ происходить изъ одной и той же нити; распаденіе послѣдней на эти формы обусловливается лишь большею или меньшею степенью дѣленія нити; членики ея, длина которыхъ въ нѣсколько разъ превосходитъ ширину, разъединяясь, даютъ Bacterium; членики же почти округлые—Micrococcus, тѣ и другіе членики могутъ чрезъ ослизненіе, сопровождаемое дѣленіемъ, превратиться въ Zoogloea. При ослизненіи дѣлящейся нити, распадающейся въ разныхъ мѣстахъ на членики различной длины, попадаются поэтому Bacterium и Micrococcus вмѣстѣ. Въ этомъ воззрѣніи проф. Ценковскій расходится съ Кономъ, установившимъ роды Micrococcus, Bacterium и нѣкоторые еще другіе и разсматривающимъ ихъ какъ организмы самостоятельные и не связанные между собою генетически. Послѣдующія разысканія могутъ показать, которое изъ этихъ двухъ воззрѣній окажется вѣрнымъ.

Послѣдній трудъ проф. Ценковскаго: „О студенистыхъ образованіяхъ свеклосахарныхъ растворовъ", помѣщенный въ Трудахъ Харьковскаго Общества Естествоиспытателей, также изобилуетъ важными результатами. Въ послѣднее время, отчасти вслѣдствіе классическихъ работъ Пастёра надъ броженіемъ, которое, какъ онъ показалъ, вызывается въ весьма многихъ случаяхъ присутствіемъ въ бродящей жидкости живыхъ Schizomycetes и грибовъ простѣйшаго строенія, отчасти же вслѣдствіе открытія нѣсколькихъ аморфныхъ ферментовъ внутри животныхъ и растительныхъ организмовъ, тоже способныхъ вызывать броженіе—предметъ этотъ возбудилъ къ себѣ большой интересъ физіологовъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время начинаетъ пріобрѣтать вѣроятность воззрѣніе, что химическія метаморфозы внутри живаго организма сводятся на процессы, если не тождественные, то весьма близкіе къ броженію.

Между работами по броженію, въ этомъ отношеніи, особенно обратило на себя вниманіе изслѣдованіе Дюрена, который сообщилъ о новомъ родѣ броженія, целюлозномъ, какъ онъ его называетъ, при которомъ изъ тростниковаго сахара получается целюлоза. Образованіе клѣтчатки вызывается, по Дюрену, присутствіемъ аморфнаго фермента-

Digitized by Google

діастаза, подъ вліяніемъ котораго тростниковый сахаръ расщепляется на два продукта распаденія: целюлозу и глюкозу. При этомъ целюлоза въ нѣкоторыхъ случаяхъ получается лишь въ видѣ тягучей массы, часто же въ видѣ студенистыхъ комковъ различной величины, аморфныхъ даже подъ микроскопомъ, причемъ жидкость остается совершенно свѣтлою и водянистою. Новые комки быстро образуются въ жидкости, уже содержащей подобныя образованія и появляются на поверхности. Образованія эти были наблюдаемы Дюреномъ въ сокѣ свекловицы и сахарнаго тростника. Они образуются, по его указаніямъ, лишь въ растворѣ, содержащемъ тростниковый сахаръ; въ растворѣ же виноградnаго сахара они не появляются. Въ этомъ образованіи клѣтчатки изъ тростниковаго сахара Дюренъ усматриваетъ процесъ, тождественный съ образованіемъ клѣтчатки при помощи того же фермента, и внутри живой клѣтки. Понятно, какое большое значеніе получила бы работа Дюрена, еслибы результатъ ея подтвердился. Провѣрка ея была тѣмъ болѣе желательна, что уже въ 1875 году относительно этого студенистаго осадка былъ высказанъ Жоберомъ и Мендесомъ взглядъ, совершенно расходящійся съ выводомъ Дюрена. По мнѣнію этихъ ученыхъ, студенистый осадокъ, получаемый въ сокѣ свекловицы, не что иное, какъ массивное скопленіе организованныхъ ферментовъ. Но заключеніе этихъ ученыхъ не было подтверждено достаточнымъ количествомъ фактовъ, и до появленія работы пр. Ценковскаго вопросъ этотъ оставался совершенно открытымъ. Занимавшійся изслѣдованіемъ этого же осадка пр. Борщовъ счелъ выводъ вышеназванныхъ ученыхъ ошибочнымъ, потому что ему удавалось находить живые организмы (бактеріи) лишь на поверхности комковъ этого осадка (клека); вслѣдствіе чего онъ и разсматривалъ присутствіе ихъ въ жидкости какъ нѣчто случайное и постороннее процессу образованія клека.

Въ самомъ дѣлѣ, приводимые Жоберомъ и Мендесомъ доводы въ подтвержденіе ихъ взгляда совершенно недостаточны. Жоберъ даже вовсе и не употребилъ микроскопа для разслѣдованія осадка, мнѣніе же свое основывалъ главнымъ образомъ лишь на свойствѣ клека, быстро рости въ свѣжей струѣ свеклосахарнаго сока, между тѣмъ какъ въ такой же струѣ, не содержащей комочковъ этого осадка, онъ вовсе не образовывался. Мендесъ же хотя и изслѣдовалъ осадокъ при 700—1000 увеличеніи, но высказалъ при этомъ столь малое знакомство съ микроскопическими организмами, что выводамъ его нельзя дать вѣры; многія изъ описанныхъ имъ группъ организмовъ

Digitized by Google

совершенно не узнаваемы; среди найденныхъ имъ помѣщены формы (напримѣръ, миксомицеты), ничего общаго не имѣющія съ этими студенистыми образованіями.

Подвергнувъ микроскопическому разслѣдованію комки клея, пр. Ценковскій нашелъ, что осадокъ этотъ строится бактеріями. Целюлозныя отложенія оказались ни чѣмъ инымъ, какъ ослизненною оболочкой этихъ организмовъ, чрезвычайно объемистою сравнительно съ клѣточкой организма, ее выдѣлившаго по своей поверхности. Выводъ Дюрена оказался ошибочнымъ, и образованіе клѣтчатки изъ тростниковаго сахара въ сокѣ свекловицы — процесомъ жизни живаго организма изъ Schizomycetes, а не слѣдствіемъ дѣйствія аморфнаго фермента-діастаза на растворъ тростниковаго сахара.

На вываренныхъ кускахъ свеклы, облитыхъ ея декоктомъ, пр. Ценковскій уже на второй или третій день получилъ, при свободномъ доступѣ воздуха, первыя стадіи развитія клека въ видѣ нитей, сходныхъ съ Leptotrix, или лежащихъ отдѣльно, или же переплетенныхъ въ клубки. Нити эти оказались состоящими въ это время изъ короткихъ овальныхъ члениковъ различной длины и расположенными такъ, какъ будто произошли изъ распаденія длинныхъ извилистыхъ нитей. Въ слѣдующей стадіи развитія онѣ уже являются одѣтыми въ студенистое влагалище съ расплывчатымъ, не ясно очерченнымъ контуромъ. Между ними удается отыскать пучки нитей, въ которыхъ рядомъ съ ослизненными лежатъ нити, сохранившія свой прежній нормальный видъ и рѣзкій контуръ члениковъ. Ближайшее измѣненіе заключается въ распаденіи ослизненныхъ нитей на членики. Въ этомъ видѣ будущій комокъ клека представляетъ собою студенистыя трубки, въ полости которыхъ тянутся ряды члениковъ, расположенныхъ въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Окончательные продукты распаденія этихъ нитей представляютъ собою не что иное, какъ бактерій, заключенныхъ въ зернахъ зрѣлаго клена. О другихъ способахъ образованія клека, указанныхъ пр. Ценковскимъ, нѣсколько отличныхъ отъ изложеннаго выше, коммиссія считаетъ излишнимъ распространяться, тѣмъ болѣе, что они вовсе не вліяютъ на главный результатъ работы. Пр. Ценковскій причислилъ изслѣдованный имъ организмъ къ роду Ascococcus Billr. и назвалъ его A. mesenteroides.

На основаніи всего сказаннаго коммиссія пришла къ заключенію, что вышеназванныя работы пр. Ценковскаго имѣютъ столь тѣсную связь между собою, что могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльныя

Digitized by Google

главы одного большаго труда. Въ виду того, что по внутренней связи они представляютъ единое цѣлое, а по своему научному значенію далеко превосходятъ всѣ остальныя сочиненія, подлежавшія разсмотрѣнію коммиссіи, она предлагаетъ присудить, въ ознаменованіе высокаго научнаго значенія вышеназванныхъ трудовъ, денежную премію Бэра ординарному професору Харьковскаго университета Льву Семеновичу Ценковскому.

Digitized by Google

ВТОРОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ВЪ 1879 ГОДУ [1]).

Отдѣленіе рускаго языка и словесности продолжаетъ дѣятельность свою въ тѣхъ предѣлахъ, которые указаны учредительнымъ актомъ, слившимъ въ одно цѣлое два самостоятельныя учрежденія: Академію наукъ и Россійскую академію. Многія черты этого акта сближаютъ его съ началами и требованіями, усвоенными Россійскою академіей и переходившими, какъ преданіе, отъ поколѣнія къ поколѣнію.

При самомъ учрежденіи Россійской академіи главными предметами ея занятій признаны отечественный языкъ и словесность; сверхъ того, выражена увѣренность, что академики обратятъ вниманіе и на отечественную исторію—на изученіе памятниковъ минувшаго быта, разсѣянныхъ по всему пространству Россіи.

По вступленіи на престолъ императора Александра I, въ эпоху преобразованій, ознаменовавшихъ начало царствованія этого государя, дошла очередь и до Россійской академіи. Для преобразованія ея призваны были представители науки и литературы, и въ составленномъ ими проектѣ указаны для академіи въ сущности тѣ же задачи, которыя намѣчены и при ея основаніи. Въ проектѣ сказано: Да посвятитъ академія труды свои совершенствованію русской словесности, постановленію правилъ языка и вкуса, и тщательному изслѣдованію достопамятныхъ происшествій и древностей отечества. Обнимая весь кругъ словесности, академія должна стремиться къ тому, чтобы возбуждать литературную дѣятельность вѣрною оцѣнкою произ-

[1]) Отчетъ, читанный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ на торжественномъ собраніи Императорской академіи наукъ 29-го декабря 1879 года.

Digitized by Google

веденій и какъ бы предугадываніемъ общественнаго мнѣнія—„предчувствованіемъ общаго мнѣнія".

Проектъ академическаго устава, выработанный въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, такъ и остался проектомъ. Силу закона получилъ другой уставъ, написанный уже во второй періодъ царствованія императора Александра I. На основаніи этого устава, первая обязанность академіи заключалась въ попеченіи о языкѣ, вторая—въ содѣйствіи успѣхамъ словесности; вмѣстѣ съ тѣмъ, академія должна была заботиться, и притомъ съ особенною ревностью, объ изданіи словаря русскаго языка, русской грамматики и свода славянскихъ нарѣчій, а равно и объ изданіи произведеній знаменитыхъ писателей съ біографическими очерками и съ примѣчаніями, полезными для языка и словесности. Заботы о языкѣ должны были состоять въ охраненіи его „нравственности, цѣломудрія и чистоты". Съ понятіемъ о цѣломудріи тѣсно связано понятіе о неприкосновенности, о недоступности для посторонняго вліянія. Поэтому для сохраненія цѣломудрія въ литературѣ необходимо было, по мнѣнію составителей устава, оградить ее отъ вмѣшательства цензуры. Вотъ подлинныя слова устава: „Академія, яко сообщество, избранное изъ духовныхъ и свѣтскихъ, благонравіемъ и трудами своими извѣстныхъ особъ, и яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, сохраняетъ данное ей право издавать книги свои безъ всякой иной цензуры, кромѣ своей собственной". Независимость отъ посторонней цензуры была существеннымъ правомъ для ученаго учрежденія не только въ то время, но и впослѣдствіи. Довольно вспомнить обвиненія, взведенныя въ былое время на двухъ членовъ Академіи наукъ:—Кеппена и Гамеля. Академикъ Кеппенъ напечаталъ небольшую статью подъ названіемъ „Почтовыя сообщенія": въ статьѣ этой увидѣли непростительную смѣлость касаться дѣйствій почтоваго вѣдомства, а слова Кеппена: „наступаетъ и для насъ время развитія силъ народныхъ" признаны крайне либеральными и опасными для общественнаго спокойствія. Случайная замѣтка о томъ, что технологическій институтъ въ Петербургѣ основанъ по мысли академика Гамеля, послужила поводомъ къ самымъ серьезнымъ пререканіемъ между министромъ финансовъ и министромъ народнаго просвѣщенія. Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, находя, что подобныя замѣтки, развивая тщеславіе и самохвальство авторовъ, подрываютъ довѣріе публики къ министерству финансовъ и ослабляютъ уваженіе къ правительственной власти, требовалъ, чтобы министръ народнаго про-

Digitized by Google

свѣщенія принялъ энергическія мѣры. Министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ, что онъ не находитъ рѣшительно ничего предосудительнаго въ замѣткѣ, а если она невѣрна, то всего лучше опровергнуть ее печатно на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ. Канкринъ былъ оскорбленъ подобнымъ предложеніемъ, обвинялъ министра народнаго просвѣщенія въ бездѣйствіи власти и самъ придумалъ мѣру: обо всемъ этомъ довелъ до свѣдѣнія высшаго правительства.

Въ 1841 году послѣдовало преобразованіе Россійской академіи въ отдѣленіе русскаго языка и словесности. Судя по многимъ даннымъ, Россійская академія присоединена къ Академіи наукъ въ видѣ отдѣленія по личной волѣ императора Николая и не совершенно согласно съ докладомъ министра народнаго просвѣщенія. Министръ, С. С. Уваровъ, предлагалъ подъ общимъ названіемъ: Императорскія соединенныя академіи открыть три учрежденія:

1) академію наукъ,

2) академію русской словесности, и

3) академію исторіи и филологіи.

Въ случаѣ утвержденія этого проекта, Уваровъ ходатайствовалъ о принятіи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, званія канцлера соединенныхъ академій. Императоръ Николай не изъявилъ согласія ни на учрежденіе званія канцлера, ни на открытіе соединенныхъ академій, и повелѣлъ изъ Россійской академіи образовать второе отдѣленіе Академіи наукъ. Въ кругъ занятій втораго отдѣленія—говорится въ его уставѣ—входятъ:

1) основательное изслѣдованіе свойствъ русскаго языка; начертаніе сколь можно простѣйшихъ и вразумительнѣйшихъ правилъ употребленія его и изданіе полнаго словаря;

2) изученіе славянскихъ нарѣчій въ ихъ составѣ и грамматическихъ формахъ относительно къ языку русскому и составленіе сравнительнаго и общаго словопроизводнаго ихъ словаря;

3) славяно-русская филологія вообще и въ особенности исторія русской словесности; впрочемъ, при такомъ главномъ направленіи трудовъ отдѣленія, ему не чуждо будетъ все входящее въ область изящной словесности и русской исторіи.

Первыми членами новаго отдѣленія Академіи наукъ—отдѣленія русскаго языка и словесности—были такія свѣтила русской литературы, какъ Жуковскій, Крыловъ и князь Вяземскій, и такіе ученые,

Digitized by Google

какъ Востоковъ—безспорно, одинъ изъ первостепенныхъ филологовъ Европы девятнадцатаго столѣтія. Въ члены отдѣленія избраны и два духовныя лица, два знаменитые проповѣдника того времени: митрополитъ Филаретъ и епископъ Иннокентій, подобно тому, какъ при учрежденіи Россійской академіи въ члены ея избранъ митрополитъ Гавріилъ, представитель всего русскаго духовенства въ законодательной коммиссіи, созванной Екатериною II для составленія проекта новаго уложенія.

Къ славнымъ именамъ Гавріила, Филарета, Иннокентія, присоединилось впослѣдствіи имя достойнаго ихъ преемника — епископа, нынѣ митрополита, Макарія, ученые труды котораго составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ сокровищницу русской науки. Въ нынѣшнемъ году высокопреосвященный Макарій получилъ новое назначеніе—возведенъ въ санъ митрополита Московскаго и Коломенскаго. Въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ помѣщены слова и рѣчи, произнесенныя митрополитомъ Макаріемъ въ его новой епархіи [1]). Въ словѣ надъ гробомъ своего сочлена по Академіи наукъ и по миссіонерскому обществу, Сергѣя Михайловича Соловьева, ораторъ указалъ яркими и вѣрными чертами значеніе труженической жизни покойнаго и его заслуги передъ наукой и передъ Россіей. Сочувствіе преосвященнаго къ подвигамъ науки выражается не только словомъ, но и дѣломъ. Не можемъ умолчать о предпріятіи, которому суждено занять высокое мѣсто въ лѣтописяхъ русской науки, и душою котораго является почтенный сочленъ нашъ, митрополитъ Макарій. По мысли митрополита-академика, снова предпринимается начатое незабвеннымъ Горскимъ

---

[1]) Въ 1879 году митрополитомъ Макаріемъ произнесены и явились въ печати слѣдующія слова и рѣчи: 1) При вступленіи на каѳедру Московской епархіи, 10-го мая. 2) Въ годичномъ собраніи православнаго миссіонерскаго общества, 13-го мая. 3) При первомъ посѣщеніи Троицко-Сергіевой лавры, 18-го мая. 4) При первомъ священнослуженіи въ Московской духовной академіи, 21-го мая. 5) въ день Владимірской чудотворной иконы Богородицы, 23-го іюня. 6) Въ день равноапостольнаго князя Владиміра, 15-го іюля. 7) Въ день успенія пресв. Богородицы, 15-го августа. 8) Въ день свящ. вѣнчанія и муропомазанія Государя, 26-го августа. 9) По освященіи храма въ московской центральной тюрьмѣ, 23-го сентября. 10) При отпѣваніи С. М. Соловьева, 7-го октября. 11) Въ годичномъ засѣданіи коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ Москвѣ, 12-го октября. 12) Въ годичномъ собраніи общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ, 22-го октября. 13) При освященіи храма въ лицеѣ цесаревича Николая, 16-го ноября. 14) По вступленіи Его Величества въ Успенскій соборъ, 20-го ноября.

Digitized by Google

описаніе рукописей Московской синодальной библіотеки, и къ веденію этого дѣла призваны такія научныя силы, которыми по справедливости могло бы гордиться любое изъ европейскихъ ученыхъ обществъ. Къ описанію рукописей приглашены профессора Московскаго университета: А. С. Павловъ, пріобрѣвшій такую громкую и вполнѣ заслуженную извѣстность своими изслѣдованіями и открытіями въ области церковнаго права, и В. О. Ключевскій, котораго самъ Соловьевъ избралъ своимъ преемникомъ по каѳедрѣ русской исторіи. Представленіе преосвященнаго Макарія касательно описанія рукописей синодальной библіотеки уже внесено въ святѣйшій правительствующій синодъ, отъ котораго и зависитъ окончательное рѣшеніе дѣла.

Въ истекающемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе научной дѣятельности старѣйшаго изъ членовъ нашего отдѣленія, ординарнаго академика Измаила Ивановича Срезневскаго, имя котораго извѣстно во всѣхъ концахъ славянскаго міра. И. И. Срезневскій началъ свою ученую дѣятельность въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ преподавалъ статистику. Но съ самой ранней молодости его влекло къ себѣ изученіе славянства—области совершенно новой, непочатой, но сулившей богатую жатву для дѣлателей. Срезневскій прошелъ превосходную, живую школу въ изученіи славянства. Учась и уча въ Харьковскомъ университетѣ, онъ собиралъ памятники народнаго языка и словесности:—пѣсни, пословицы, преданья, повѣрья, образцы говоровъ и т. п. Путешествуя по Славянскимъ землямъ, онъ обращался преимущественно къ живымъ источникамъ—жилъ среди народа, изучалъ его жизнь, бытъ, его нравы и обычаи, имѣя въ виду, что живое знакомство съ народомъ можетъ доставить неистощимо-богатый матеріалъ для филологическихъ и этнографическихъ выводовъ и соображеній. Возвратившись въ отечество съ превосходнымъ знаніемъ славянскихъ языковъ и быта Славянскихъ народовъ, И. И. Срезневскій обратился съ свойственною ему энергіей къ изученію письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ старины и древности; къ изслѣдованіямъ по филологіи и словесности постепенно присоединялъ онъ и розысканія въ области археологіи. Обнимая такимъ образомъ различныя стороны народной жизни, простирая свою пытливость и на живое слово, и на безмолвные остатки и затаенные слѣды исчезнувшаго быта, И. И. Срезневскій расширялъ все болѣе и болѣе кругъ своихъ изысканій, все сильнѣе и сильнѣе возбуждалъ любовь къ наукѣ въ молодыхъ поколѣніяхъ, получавшихъ научное образованіе подъ его истинно-ученымъ руководствомъ. Въ истекшій полувѣковой періодъ

Digitized by Google

своего служенія наукѣ, И. И. Срезневскій обогатилъ русскую и славянскую литературу множествомъ изслѣдованій, пролившихъ свѣтъ на труднѣйшіе вопросы въ исторіи русскаго и другихъ славянскихъ языковъ, русской и славянской литературы и образованности. Въ вышедшемъ ко дню пятидесятилѣтія ученой дѣятельности И. И. Срезневскаго библіографическомъ спискѣ его сочиненій и изданій названо 340 трудовъ. Къ этому огромному количеству нашъ неутомимый изслѣдователь присоединилъ въ этомъ году еще слѣдующіе труды:

1) Продолженіе „Свѣдѣній и замѣтокъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ". Отпечатана часть третьяго тома этого труда, заключающая въ себѣ, въ ряду другихъ памятниковъ, сборникъ древнихъ болгарскихъ грамотъ и другихъ записей, составленный преимущественно по подлинникамъ и фотографическимъ снимкамъ.

2) Записка о сборникѣ пятнадцатаго вѣка, принадлежащемъ Московскому архиву иностранныхъ дѣлъ. И. И. Срезневскій представилъ обозрѣніе всего сборника по частямъ, преимущественно въ отношеніи къ языку, и пришелъ къ заключенію, что этотъ сборникъ есть одинъ изъ хронографовъ русской работы, составленный по разнымъ источникамъ, и что эта работа можетъ быть отнесена къ тринадцатому вѣку; занимался же ею, по всей вѣроятности, кто-либо въ западной Руси, на Волыни или гдѣ-нибудь недалеко отъ литовскихъ поселковъ.

3) „Обозрѣніе древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка". Обозрѣніе это, составляющее новое, переработанное изданіе замѣчательнаго труда нашего сочлена, въ настоящее время печатается.

Ординарный академикъ Я. К. Гротъ продолжалъ печатать біографію Державина, отдѣлывая въ то же время и дополняя рукописный текстъ ея. Съ этою цѣлью, по ходатайству отдѣленія, испрошено академику Высочайшее разрѣшеніе извлечь нужныя ему свѣдѣнія изъ архивовъ кабинета Его Императорскаго Величества и комитета министровъ. Въ настоящее время напечатано сорокъ восемь листовъ біографіи, и изложеніе ея въ печати доведено до конца царствованія Павла Петровича. Нынѣ авторъ занимается окончательнымъ просмотромъ эпохи Александра I. Приложенія къ біографіи составятъ девятый и послѣдній томъ изданія.

Сверхъ того, академикъ Я. К. Гротъ предпринялъ два новые труда:

1) Изданіе, по порученію отдѣленія, сочиненій и переписки

Digitized by Google

П. А. Плетнева на основаніи хронологическаго списка всѣхъ трудовъ покойнаго, давно уже составленнаго нашимъ сочленомъ, и провѣреннаго по такому же списку, составленному С. И. Пономаревымъ. Въ это изданіе предполагается включить только труды Плетнева въ прозѣ, присоединивъ къ нимъ и найденныя въ его бумагахъ письма многихъ писателей, бывшихъ съ нимъ въ перепискѣ, какъ-то: Пушкина, Жуковскаго, Гоголя, князя Вяземскаго и другихъ, а также письма самого Плетнева къ разнымъ лицамъ.

2) Изданіе, по порученію Русскаго историческаго общества, писемъ энциклопедиста Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II. Письма Екатерины II къ этому писателю, составившія объемистый томъ и дающія весьма любопытные и важные матеріалы для характеристики геніальной женщины, изданы были трудами академика въ прошломъ году. Письма Гримма къ ней сохранились далеко не въ той полнотѣ, въ какой дошли до насъ письма императрицы. Только нѣкоторыя изъ писемъ Гримма — писемъ пятьдесятъ съ небольшимъ — найдены частію въ государственномъ архивѣ, частію въ архивѣ князя Воронцова; но и то, что найдено, составитъ весьма цѣнное дополненіе къ перепискѣ Екатерины II.

Въ послѣднее время академикъ Гротъ разсматривалъ препровожденный въ отдѣленіе г. президентомъ Академіи наукъ трудъ сенатора Сергѣя Ивановича Зарудnаго: „Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ главою X наказа Екатерины II и современными русскими законами“. Поводомъ къ передачѣ этой книги въ отдѣленіе было стараніе переводчика замѣнять иностранныя слова чисто русскими, вопреки обычаю большинства нашихъ современныхъ писателей. Представивъ свой трудъ, г. Зарудный выразилъ желаніе, чтобъ академія дала свой отзывъ объ этой сторонѣ его изданія.

Сущность мнѣнія, выраженнаго академикомъ Гротомъ и одобреннаго отдѣленіемъ, заключается въ томъ, что составитель представленной книги безспорно заслуживаетъ благодарность за энергическое противодѣйствіе недостатку, замѣченному въ нашемъ литературномъ языкѣ. Конечно, между иностранными словами, такъ обильно употребляемыми у насъ, необходимо отличать давно укоренившіяся и притомъ пріобрѣвшія право гражданства во всѣхъ европейскихъ языкахъ, отъ тѣхъ нововведеній, какія дозволяютъ себѣ писатели безъ надобности, по той именно лѣности ума, которою переводчикъ Беккаріи объясняетъ осуждаемое имъ злоупотребленіе. Предпочтеніе многихъ иностранныхъ словъ основывается просто на томъ, что они, сдѣлав-

Digitized by Google

шись обще-европейскими, привычнѣе намъ и сподручнѣе неупотребительныхъ собственныхъ, каковы, напримѣръ, слова: лагерь, дуэль, монахъ, литература, танцовать, которыя, по крайней мѣрѣ въ извѣстной сферѣ употребленія языка, совершенно вытѣснили русскія слова: станъ, поединокъ, инокъ, словесность, плясать. Можно поспорить съ переводчикомъ Беккаріи, когда онъ въ числѣ иностранныхъ словъ, возбуждающихъ досаду въ читателѣ, приводитъ слѣдующія: характеризовать, категорія, соціальный, догматическій, безъ которыхъ ни одинъ европейскій языкъ не умѣлъ обойдтись. Трудно не согласиться съ Як. Гриммомъ, что взаимный обмѣнъ словами, какъ и предметами, служитъ къ обогащенію народовъ, и потому совершенно изгнать изъ языка чужія слова значило бы обѣднить его. Этого, впрочемъ, и не требуетъ г. Зарудный. Нельзя не отдать ему справедливости въ томъ способѣ, какимъ онъ приводитъ въ исполненіе свою мысль, употребляя, смотря по оттѣнку значенія, то одно, то другое русское слово для передачи одного и того же иностраннаго. Переводчикъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ, напримѣръ: „Если мы будемъ оставлять иностранный терминъ республика, то собьемъ съ толку читателя, ибо этотъ терминъ употребляется писателями въ смыслѣ и общества, и правительства, и государства; переводить его словомъ республика можно въ такомъ только случаѣ, когда оно употребляется въ особенномъ, исключительномъ, видовомъ его значеніи, напримѣръ: Французская республика". Такимъ образомъ, надобно признать, что С. И. Зарудный въ отношеніи къ языку счастливо выполнилъ задачу, которую предположилъ себѣ, и попытка его должна служить для русскихъ писателей, если не въ полномъ смыслѣ примѣромъ, то по крайней мѣрѣ побужденіемъ—въ употребленіи иностранныхъ словъ соблюдать большую обдуманность и разборчивость.

Академикъ Я. К. Гротъ занимается также подготовленіемъ нѣкоторыхъ главъ составляемой имъ русской грамматики. Изслѣдованія нашего сочлена, имѣющія такое важное научное значеніе, принесли вмѣстѣ съ тѣмъ прямую и неотрицаемую пользу для преподаванія отечественнаго языка. Доказательствомъ этому служитъ довольно значительное количество учебниковъ, заимствовавшихъ и многія подробности, и что̀ всего важнѣе—основныя положенія изъ филологическихъ розысканій Я. К. Грота. Трудомъ его воспользовался и корифей нашей грамматической литературы Ѳ. И. Буслаевъ въ послѣднемъ изданіи своей учебной грамматики. Для вѣрной оцѣнки изслѣ-

Digitized by Google

дованій Я. К. Грота, изданныхъ имъ подъ названіемъ „Филологическихъ розысканій", необходимо имѣть въ виду, какихъ усилій и какихъ обширныхъ научныхъ средствъ требуетъ разъясненіе многихъ, съ виду самыхъ простыхъ явленій въ языкѣ, и въ какомъ состояніи находились многіе вопросы до тѣхъ поръ, пока за рѣшеніе ихъ принялся авторъ „Филологическихъ розысканій." Тысячи причинъ внесли въ нашу грамматику вообще и въ правописаніе въ особенности столько путаницы, такую массу правилъ, схоластическихъ тонкостей и столько произвола, что для того, чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ требуется и критическій взглядъ, и настойчивость труда, и обширная филологическая ученость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чутье языка.

Во Франціи судьба буквъ рѣшалась иногда парламентомъ; у насъ бывали случаи, что рѣшеніе спорныхъ вопросовъ правописанія принимала на себя администрація. Въ вопросахъ объ употребленія той или другой буквы, о значеніи того или другого слова или оборота и т. п. считали себя вполнѣ компетентными судьями и литераторы различныхъ партій и различной степени образованности, и канцелярскіе чиновники, и члены окружнаго суда, и т. д.

Правила объ употребленіи буквы *ѣ*, изданныя Россійскою академіею, подняли страшную бурю. Одинъ изъ литераторовъ, занимавшій видное мѣсто въ канцеляріи министра, считалъ себя обязаннымъ по службѣ не употреблять буквы *ѣ* въ словахъ бѣлена и апрѣль, усматривая въ изданіи книжекъ съ неправильнымъ употребленіемъ буквы *ѣ* орудіе для распространенія въ обществѣ заблужденій. Протестъ свой онъ прислалъ на имя президента академіи Шишкова. Посовѣщавшись съ своими сочленами, Шишковъ постановилъ: всѣ мнѣнія, какъ за букву *ѣ*, такъ и противъ нея, препроводить къ высшему начальству.

Буква *ѳ* произвела нѣкоторый расколъ въ самомъ мирномъ уголку человѣческаго общества, именно въ кругу математиковъ. Одни изъ нихъ называли себя, какъ называютъ и теперь, математиками, а науку свою—математикою; другіе же, слѣдуя давнему обычаю, называли себя не иначе, какъ маѳематиками, и свою науку—маѳематикою. Разногласіе исчезло въ маѣ 1818 года, вслѣдствіе распоряженія президента Академіи наукъ С. С. Уварова, который предложилъ конференціи, чтобы въ началѣ каждаго тома академическихъ актовъ помѣщать краткое историческое извѣстіе академіи, какъ это дѣлается во французскихъ актахъ, и чтобы вмѣсто слова: маѳематика вездѣ употреблять слово математика, принятое уже Ломоносовымъ.

Digitized by Google

Буква ъ выдержала упорную борьбу за существованіе. Гоненіе на злосчастную букву и защита ея образуютъ цѣлую литературу, въ которой принимали участіе и академикъ Тредіаковскій, и профессоръ Барсовъ, и президентъ (директоръ) Академіи наукъ Домашневъ, и баронъ Александръ Гумбольдтъ и другіе ученые и писатели; по поводу этой буквы объявляемы были Высочайшія повелѣнія.

О Домашневѣ находимъ слѣдующее, довольно характерное замѣчаніе въ первомъ опытѣ исторіи русской литературы: „въ словесности русской извѣстенъ онъ особенно гоненіемъ на букву ъ".

Во время пребыванія своего въ Россіи, Гумбольдтъ желалъ хотя сколько-нибудь ознакомиться съ русскимъ языкомъ, и при первомъ же знакомствѣ буква ъ показалась ему и неуклюжею на видъ, и безполезною. Одинъ изъ русскихъ собесѣдниковъ Гумбольдта прислалъ ему будто бы отъ самой буквы ъ письмо, въ которомъ защищалъ ее и преклонностію ея лѣтъ, то-есть, давностію употребленія, и пригодностью ея для избѣжанія двусмыслія; безъ нея слова: обѣдать и объѣдать писались бы совершенно одинаково. Гумбольдтъ заключилъ мировую съ буквою ъ, а отзывъ свой о ея наружности оправдывалъ тѣмъ, что онъ, какъ натуралистъ, привыкъ обращать вниманіе на формы и по нимъ дѣлать заключеніе о предметахъ.

Первый министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій былъ ревностнымъ защитникомъ буквы ъ. Императоръ Александръ I также признавалъ ее необходимою и запрещалъ изгонять ее изъ печати. Императору Александру I представлено было въ рукописи переведенная Языковымъ, не употреблявшимъ буквы ъ, сочиненіе Шлецера о лѣтописи Нестора. Государь повелѣлъ: русскій переводъ Языкова напечатать на счетъ кабинета, но съ тѣмъ, чтобы въ печатномъ изданіи непремѣнно употреблена была буква ъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея недостаетъ въ рукописи. Въ послѣдніе года царствованія императора Александра I одинъ польскій литераторъ поднесъ ему оду „Богъ" Державина въ польскомъ переводѣ, напечатанномъ съ русскимъ подлинникомъ, въ которомъ не употреблялась буква ъ. Императоръ приказалъ препроводить поднесенную ему брошюру къ министру народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобъ онъ принялъ мѣры къ запрещенію подобнаго печатанія безъ буквы ъ.

Много изобрѣтательности потратили авторы грамматикъ на придумываніе различныхъ тонкостей въ правописаніи. Возстановляя правила употребленія прописныхъ буквъ, очевидно, желали величину буквъ привести какъ бы въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ высотою обще-

Digitized by Google

ственнаго положенія лицъ. Вслѣдствіе того въ грамматикахъ явилось правило: прописныя буквы ставятся въ началѣ званія высокихъ особъ и ихъ достоинствъ и въ именахъ почтенныхъ чиновъ, какъ напримѣръ: митрополитъ, фельдмаршалъ, генералъ, князь, графъ и т. п. Авторы болѣе либеральные въ число почтенныхъ чиновъ включали и капитана, и титулярнаго совѣтника, и губернскаго секретаря. Только четыре лица навсегда лишены были права писаться большими буквами: солдатъ, матросъ, дьячокъ и пономарь. Чтобы выйдти изъ области бюрократіи и придать вопросу грамматическую окраску, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ авторовъ придумалъ такое правило: чины, титла, ученыя и другія званія требуютъ прописной буквы; но эти же самыя слова, не означая собственно титла или чина, начинаются строчными буквами. Слово члены въ смыслѣ членовъ коммиссіи, комитета и т. п. слѣдуетъ начинать прописною буквою; но если съ этимъ названіемъ не соединено никакихъ служебныхъ преимуществъ, то право на прописную букву теряется, напримѣръ: „у него боль во всѣхъ членахъ“ и т. п.

Право гражданства не только лицъ въ государствѣ, но и словъ въ языкѣ, опредѣлялось у насъ различными вѣдомствами. Приведу любопытный примѣръ изъ „Филологическихъ розысканій“ Я. К. Грота: „Удочерять, удочеренье—терминъ, принятый, въ параллель выраженіямъ: усыновлять, усыновленіе, въ министерствѣ юстиціи и въ вѣдомствѣ опекунскаго совѣта, но не допущенный въ законодательство государственнымъ совѣтомъ. Съ филологической точки зрѣнія, слово удочеренье также хорошо, какъ слово замужество въ отличіе отъ женитьбы. Для непринятія словъ: удочерить, удочеренье нѣтъ другаго основанія, кромѣ того, что въ латинскомъ и новѣйшихъ западныхъ языкахъ существуютъ для этого понятія только выраженія: adoptare, adoptio. Еслибы руководствоваться только примѣромъ другихъ языковъ, то конечно, надобно бы отказаться и отъ одного изъ выраженій—отъ женитьбы или отъ замужества, ибо во французскомъ и нѣмецкомъ есть только le mariage, die Heirath. Едва ли мы будемъ правы, если станемъ отказываться отъ своихъ богатствъ потому, что другіе бѣдны“.

Шаткость и неопредѣленность многихъ грамматическихъ правилъ, невѣрная постановка вопросовъ, разнообразіе мнѣній и господство укоренившихся привычекъ представляли чрезвычайныя трудности для филологическихъ изслѣдованій, для отысканія законовъ, которые должны замѣнять правила и мнѣнія. Сочленъ нашъ доискивался за-

Digitized by Google

коновъ языка и подвергалъ критической оцѣнкѣ каждое правило, устраняя все произвольное, все несогласное съ духомъ и законами языка. Разбирая основы нашего правописанія, онъ обращался и къ языку писателей, и къ говору народа, и къ постановкѣ орѳографическаго вопроса у другихъ народовъ: у Французовъ, у Нѣмцевъ, у Англичанъ, у Италіанцевъ, у Испанцевъ, у Датчанъ и т. д. При такомъ строго-научномъ направленіи филологическихъ работъ Я. К. Грота нельзя сомнѣваться въ томъ сочувствіи, съ которымъ будетъ встрѣчена составляемая имъ русская грамматика.

Ординарнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ окончены въ этомъ году печатаніемъ два труда: „Библіологическій словарь" П. М. Строева— по матеріаламъ, завѣщаннымъ имъ Академіи наукъ, и второй выпускъ „Описанія рукописныхъ сборниковъ, принадлежащихъ Императорской публичной библіотекѣ".

Библіологическій словарь, при составленіи котораго имѣлось въ виду собрать воедино весь разбросанный по разнымъ нашимъ библіотекамъ рукописный матеріалъ и расположить его по именамъ сочинителей и переводчиковъ и по разрядамъ анонимныхъ сочиненій, къ сожалѣнію, не былъ доведенъ Строевымъ до конца и сохранился въ наброскахъ и замѣткахъ. Но тѣмъ не менѣе, даже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь является, заслуживаетъ полнаго вниманія какъ по мысли, которая легла въ его основаніе — дать занимающемуся указаніе, въ какихъ библіотекахъ онъ можетъ найдти то или другое сочиненіе, такъ и по многимъ любопытнымъ даннымъ, которыя въ немъ заключаются.

Во второмъ выпускѣ „Описанія рукописныхъ сборниковъ публичной библіотеки" представлено содержаніе до тридцати сборниковъ самаго разнообразнаго состава. Академикомъ Бычковымъ, при описаніи сборниковъ, открыто нѣсколько неизвѣстныхъ сочиненій и между прочимъ историческая пѣсня, на бѣлорусскомъ нарѣчіи, о взятіи Смоленска въ 1654 году.

Сверхъ того, академикъ Бычковъ принималъ дѣятельное участіе, по званію предсѣдателя, въ трудахъ комиссіи, Высочайше учрежденной для описанія дѣлъ синодальнаго архива, и въ вышедшей первой части второго тома ему принадлежитъ описаніе около двухъ сотъ дѣлъ.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ въ этомъ году въ отдѣленіе русскаго языка и словесности нѣсколько своихъ мемуаровъ, частью напечатанныхъ, частью рукописныхъ. Изслѣдованія академика

Digitized by Google

Веселовскаго, какъ глубокаго знатока средневѣковыхъ литературъ Романскихъ и Германскихъ народовъ, вносятъ много свѣта въ одну изъ самыхъ загадочныхъ для науки областей русской древней словесности. Въ трудахъ нашего сочлена вопросъ объ отношеніи устной словесности къ памятникамъ словесности письменной, русской и иностранной, поставленъ на реальную почву. Авторъ съ чрезвычайною внимательностію слѣдитъ за каждою чертою, каждымъ намекомъ, каждымъ варіантомъ, и указываетъ связь основы содержанія, мотивовъ и подробностей русскихъ произведеній съ произведеніями византійскаго и западно-европейскаго эпоса.

Въ одномъ изъ собраній отдѣленія А. Н. Веселовскій сообщилъ весьма любопытное новое свидѣтельство, касающееся Ильи Муромца.

Тотъ же академикъ читалъ въ собраніяхъ академіи изслѣдованіе свое подъ названіемъ: „Св. Георгій въ легендѣ и обрядѣ".

Только-что отпечатано начало обширнаго труда А. Н. Веселовскаго: „Розысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ". Отпечатанная часть труда заключаетъ въ себѣ самое тщательное разсмотрѣніе греческаго апокрифа о св. Ѳеодорѣ.

Въ этомъ году отдѣленіе понесло тяжелую, невознаградимую потерю. 4-го октября скончался въ Москвѣ ординарный академикъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, знаменитый историкъ Россіи, Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. Извѣстіе о его кончинѣ было печальною, горестною вѣстію для Академіи наукъ, для всѣхъ русскихъ университетовъ, для всѣхъ просвѣщенныхъ людей Русской земли. Не стало великаго труженика русской науки, не стало одного изъ замѣчательныхъ Русскихъ людей девятнадцатаго столѣтія. Покойный трудился для науки и для Россіи съ изумительнымъ постоянствомъ и силою воли; его подвижническая жизнь, его неустанная работа, его закаленное трудолюбіе служатъ блестящимъ опроверженіемъ того огульнаго обвиненія въ неспособности Русскихъ къ упорному труду, которое съ такимъ удовольствіемъ повторяютъ на разные лады наши явные и тайные недоброжелатели. Соловьевъ, человѣкъ въ полномъ смыслѣ Русскій, Русскій по крови и по духу, Русскій до мозга костей, добровольно налагаетъ на себя и безропотно, съ внутреннею радостью, несетъ до гробовой доски то святое бремя труда, въ которомъ другой Русскій человѣкъ, Петръ Великій, видѣлъ лучшій удѣлъ и лучшее счастье человѣческой жизни.

Научная дѣятельность Соловьева началась весьма рано—не только со студенческой, но даже съ гимназической скамьи. При переходѣ

Digitized by Google

изъ гимназіи въ университетъ онъ написалъ вещь до того умную, что ее признали нужнымъ напечатать тогда же, а нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя сочувственно отзывались о ней наши извѣстные ученые. Вскорѣ по окончаніи университетскаго курса, Соловьевъ пріобрѣлъ громкую извѣстность двумя капитальными историческими трудами: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ и „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома“.

Въ 1851 году Соловьевъ издалъ первый томъ своей „Исторіи Россіи“, и затѣмъ ежегодно выходилъ новый томъ исторіи, до конца жизни покойнаго. Всѣхъ томовъ вышло двадцать-восемь; они обнимаютъ собою исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Подобно Карамзину, Соловьевъ весь отдался своему великому дѣлу, своимъ историческимъ работамъ, трудился безъ устали, безъ отдыха, съ полнымъ самоотверженіемъ. Когда со всѣхъ концовъ Россіи стали приходить къ нему сочувственные привѣты, онъ отвѣчалъ, что тѣмъ болѣе дорожитъ ими, что ему некогда было искать сочувствія.

На страницахъ „Исторіи Россіи“ находится безчисленное множество данныхъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ и представляющихъ рядъ открытій въ области русской исторіи. И вся эта масса матеріаловъ связана въ стройное цѣлое, одушевлена разумною мыслью, при свѣтѣ которой раскрываются передъ читателемъ основныя черты и движеніе исторической жизни нашего отечества. Обязанностью своею, какъ историка, Соловьевъ считалъ слѣдить за взаимною связью явленій и стараться объяснять каждое изъ нихъ причинами внутренними, прежде чѣмъ выдѣлить изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію. Многое, что въ исторіографіи нашей являлось прежде отрывочнымъ и случайнымъ, получило свой смыслъ и свое историческое значеніе. „Благодаря Соловьеву“, говоритъ одинъ изъ современныхъ нашихъ историковъ,—„раскрытъ былъ смыслъ величайшаго изъ нашихъ всенародныхъ движеній въ Смутную эпоху;.... мракъ, скрывавшій отъ насъ знаменательную эпоху отъ смерти великаго преобразователя до вступленія на престолъ Екатерины II, разсѣялся;.... участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ перестало казаться намъ случайнымъ, дѣломъ личныхъ отношеній и явилось событіемъ, вызваннымъ нудящею необходимостью сократить силы скоропостижнаго короля“ и т. д. Величайшее событіе русской исторіи—преобразованіе Россіи Петромъ Великимъ—изложено Соловьевымъ вполнѣ исторически, съ объясненіемъ внутренней связи эпохи преобразованія

Digitized by Google

съ предшествующимъ ходомъ русской жизни и ея дальнѣйшимъ движеніемъ, и т. д.

Любовь къ наукѣ сливалась въ Соловьевѣ въ одно нераздѣльное цѣлое съ любовью къ Россіи, съ вѣрою въ Русскій народъ. Безъ этой любви и вѣры, безъ внутренней, живой связи съ Россіей и съ Русскимъ народомъ, невозможно вѣрное пониманіе русской жизни, ни прошедшей, ни настоящей. Любовь къ Россіи не есть что-либо придуманное, условное: она является невольно, сама собою и въ произведеніяхъ русскихъ писателей, и въ трудахъ русскихъ ученыхъ. Соловьевъ принадлежалъ къ тому поколѣнію русскихъ ученыхъ и писателей сороковыхъ годовъ, которое завѣщало своимъ преемникамъ столько благородныхъ идей и стремленій. Даже писатель, изображавшій преимущественно темныя стороны русской жизни и совершенно чуждый патріотическихъ увлеченій, говорилъ, обращаясь къ Россіи и Русскому народу:

Я твой. Пусть ропотъ укоризны
За мною по пятамъ бѣжалъ,
Не небесамъ чужой отчизны—
Я пѣсни родинѣ слагалъ!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль...
Народъ-герой, въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца,
Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца!..

При всей любви къ Россіи Соловьевъ не приносилъ въ жертву этому чувству своей великой обязанности какъ историка—быть правдивымъ и безпристрастнымъ изслѣдователемъ, не преувеличивая свѣтлыхъ явленій и не умалчивая о темныхъ. И онъ свято исполнилъ эту обязанность. Его выводы—плодъ долгаго, фактическаго изученія и глубокой, безпристрастной думы. На основаніи добросовѣстно изученныхъ и критически провѣренныхъ фактовъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что „ни одинъ вѣкъ нашей древней исторіи не можетъ быть представленъ вѣкомъ коснѣнія: въ каждомъ заключается сильное движеніе и преуспѣяніе“. Движущая сила состояла въ сознаніи окружающаго зла, въ нежеланіи мириться съ нимъ и въ стремленіи къ лучшему. „Наука“, говоритъ онъ,—„представляетъ предковъ нашихъ не только не варварами, но борцами за цивилизацію, людьми, сохра-

Digitized by Google

нившими высокую способность не мириться со зломъ, неутомимо и побѣдоносно съ нимъ боровшимися. Древнихъ русскихъ людей можно назвать передовымъ отрядомъ европейско-христіанскихъ народовъ отрядомъ, выставленнымъ на самое опасное, самое трудное мѣсто. Когда, по совершеніи труднаго подвига, эти передовые люди возвратились, чтобы занять заслуженное ими почетное мѣсто, неужели вмѣсто удивленія къ ихъ подвигамъ мы станемъ укорять ихъ за то, что они явились передъ нами въ непривлекательномъ видѣ, израненные, покрытые пылью и кровью?"

Передъ судомъ исторіи истиннымъ представителемъ Русскаго народа, по убѣжденію нашего историка, является Петръ Великій. Въ дѣятельности Петра Великаго раскрывается живая связь древней Россіи съ новою и живая вѣра его въ Русскій народъ. Уже въ древней Россіи замѣчалось движеніе отъ востока къ западу, отъ Азіи къ Европѣ, отъ степи къ морю: въ новой Россіи, во времена Петра, движеніе это проявилось съ особенною, неудержимою силою, подготовленною въ предшествующіе вѣка. Какъ истый Русскій человѣкъ, Петръ Великій и сознательно, и инстинктивно оберегалъ народное достоинство. Когда заведены были новые порядки, понадобились и новые люди: и для войска, и для администраціи, и для дипломатическихъ сношеній. Всего проще, казалось бы, пригласить свѣдущихъ иностранцевъ да и отдать подъ ихъ команду русскихъ неучей: такъ думали нѣкоторые изъ маленькихъ великихъ людей. Но не такъ думалъ истинно великій и истинно Русскій человѣкъ. Петръ призвалъ къ дѣятельности русскія силы; ввѣрилъ различныя отрасли управленія природнымъ Русскимъ. Они были неопытны, могли надѣлать ошибокъ; но ошибки и неудачи имѣютъ и свою выгодную сторону: заставляютъ быть осторожнѣе, научаютъ уму-разуму, образуютъ характеръ и волю человѣка. Притомъ же отдать власть иностранцамъ значило бы принизить достоинство народа и въ сущности затормозить умственное и общественное развитіе Россіи. „У Петра", говоритъ Соловьевъ,—„было правило: во главѣ управленія ставить Русскаго человѣка; второе по немъ мѣсто могъ занимать иностранецъ; вслѣдствіе чего, при кончинѣ Петра, судьбы Россіи оставались въ однихъ русскихъ рукахъ". При Петрѣ Великомъ на главнѣйшихъ дипломатическихъ мѣстахъ были природные Русскіе; въ сенатъ безусловно не допускались иностранцы; въ коллегіяхъ они могли служить, но не иначе какъ на мѣстахъ второстепенныхъ.

Слѣдя за ходомъ исторической жизни, Соловьевъ съ особеннымъ

Digitized by Google

вниканіемъ останавливается на тѣхъ эпохахъ и событіяхъ, когда Россіи суждено было выдерживать борьбу съ многочисленными невзгодами и бѣдствіями, и Русскій народъ долженъ былъ, такъ сказать, помѣряться силами съ враждебною ему судьбою.

Страшная гроза собралась надъ Россіей въ началѣ семнадцатаго вѣка: земля замутилась; государство было на краю погибели; отовсюду сыпались на него удары за ударами; лучшіе люди пали жертвами безурядицы; толпы, враждебныя государству, брали явно верхъ. Въ это смутное и страшное время проявились во всей своей непобѣдимой силѣ единство вѣры и вошедшая въ кровь и плоть любовь къ родной землѣ. Русскіе люди соединились „духовно, внутренне, руководствуясь привычнымъ стремленіемъ къ единству религіозному и государственному. Земля собралась и очистила государство; народъ, по современному выраженію, всталъ какъ одинъ человѣкъ для ея очищенія".

Роковое испытаніе выдержала Россія въ длинный, нескончаемодлинный для переживавшихъ его, періодъ со времени кончины Петра Великаго до воцаренія Екатерины II. „Люди западной Европы", говоритъ Соловьевъ,—„смотря на удивительныя явленія, происходившія въ первой четверти восемнадцатаго вѣка въ Европѣ восточной, говорили, что всѣ эти преобразованія суть слѣдствіе одной личной воли царя, со смертію котораго все введенное имъ рушится, и возстановится старый порядокъ вещей. Теперь преобразователь былъ во гробѣ, и наступило время повѣрки—проченъ ли установленный имъ порядокъ. Желѣзной руки, сдерживавшей враговъ преобразованія, не было болѣе; Русскіе люди могли теперь свободно распорядиться, свободно рѣшить вопросъ, нуженъ ли имъ новый порядокъ, и ниспровергнуть его въ случаѣ рѣшенія отрицательнаго. Но этого не случилось: новый порядокъ остался и развивался, и мы должны принять знаменитый переворотъ со всѣми его послѣдствіями, какъ необходимо вытекшій изъ условій предшествовавшаго положенія Русскаго народа. Время отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II обыкновенно разсматривалось какъ время печальное, непривлекательное, время малоспособныхъ правителей, дворцовыхъ переворотовъ, недостойныхъ любимцевъ. Но мы не можемъ раздѣлять этихъ взглядовъ. Названное время имѣетъ высокій интересъ для историка именно потому, что здѣсь Русскіе люди были предоставлены самимъ себѣ въ виду громаднаго матеріала, даннаго преобразованіемъ. Какъ они распорядятся этимъ матеріаломъ? Идеи и люди екатери-

Digitized by Google

нинскаго царствованія, явились ли по мановенію знаменитой императрицы, или были приготовлены прежде, состоятъ въ необходимой связи съ движеніемъ, совершившимся въ тридцать пять лѣтъ, протекшихъ отъ кончины Петра Великаго".

На рѣшеніи этого историческаго вопроса, въ самой постановкѣ котораго слышится сила ума, на повѣствованіи о временахъ Екатерины прерывается правдивый разказъ историка-мыслителя. Многаго онъ не доказалъ, многое унесено имъ въ могилу. Но ключъ къ не досказанному находится въ появившихся въ свѣтъ томахъ исторіи и въ другихъ произведеніяхъ ея автора.

Труды знаменитаго историка и вѣрнаго сына Россіи заключаютъ въ себѣ такую цѣльную картину минувшей судьбы нашего отечества, такое здравое разумѣніе исторической жизни Россіи, что останутся навсегда памятникомъ не только ума, таланта и учености автора, но и народнаго самосознанія, какъ проявилось оно въ убѣжденіяхъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей современнаго намъ общества.

Произведенія, въ которыхъ выразилось народное самосознаніе, составляютъ литературную святыню народа. Къ нимъ обращаются мыслящіе люди для выясненія вопросовъ общественныхъ и государственныхъ, для знакомства съ прошедшимъ и для разумной оцѣнки настоящаго; въ нихъ ищутъ спасительнаго указанія въ минуты по видимому безвыходнаго положенія, когда сердце сжимается при мысли о будущемъ. Воля Провидѣнія открывается въ исторической судьбѣ народа. Исторія представляетъ несомнѣнныя, неопровержимыя доказательства, что русскіе люди, предоставленные самимъ себѣ, не погибаютъ, и что въ годину тяжкихъ народныхъ испытаній нѣтъ болѣе вѣрныхъ союзниковъ, болѣе мудрыхъ руководящихъ началъ, какъ искренняя, незнающая колебаній любовь къ Россіи и живая, несокрушимая вѣра въ Русскій народъ.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ СЪ 1876 ПО 1878 ГОДЪ.

Въ концѣ 1879 года вышелъ въ свѣтъ отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1876—1878 года. Представляемъ извлеченіе изъ этого изданія, заключающаго въ себѣ чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія о богатыхъ пріобрѣтеніяхъ музеевъ въ теченіе вышеозначеннаго періода.

Наиболѣе богатыя приращенія выпали на долю отдѣленія рукописей и славянскихъ скоропечатныхъ книгъ. Главнымъ изъ этихъ обогащеній въ теченіе отчетнаго трехлѣтія было пріобрѣтеніе музеями собранія рукописей и книгъ, составленаго извѣстнымъ славистомъ, покойнымъ профессоромъ Казанскаго и Новороссійскаго университетовъ В. И. Григоровичемъ. Большая часть рукописей этого собранія, давно пользовавшагося извѣстностью въ ученомъ славянскомъ мірѣ, была открыта составителемъ коллекціи во время его путешествія по Аѳону и Славянскимъ землямъ, съ 1844 по 1846 годъ. Остальныя рукописи, притомъ меньшей важности, были собраны въ Россіи—въ Казани, Нижнемъ-Новгородѣ и т. д. Судя по сохранившимся въ бумагахъ Григоровича реестрамъ, общее число принадлежавшихъ ему и прошедшихъ чрезъ его руки рукописей и отрывковъ было значительно, почти вдвое болѣе, чѣмъ собраніе, пріобрѣтенное музеями. Но надобно имѣть въ виду, что Григоровичъ имѣлъ обычай иныя рукописи дарить въ тѣ учрежденія, въ которыхъ онъ служилъ, или съ которыми состоялъ въ сношеніяхъ. Такъ извѣстно, что имъ сдѣланы были такіе подарки въ библіотеки Московской духовной академіи, Московскаго публичнаго музея, Казанскаго и особенно Ново-

Digitized by Google

россійскаго университетовъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ смерти Григоровича, отъ него осталась значительно собраніе славянскихъ и частію греческихъ рукописей, тѣмъ болѣе цѣнное, что почти каждый нумеръ его имѣетъ научную значительность. Собраніе это, вмѣстѣ съ богатою библіотекой печатныхъ книгъ по славистикѣ, и было уступлено наслѣдниками покойнаго Московскому публичному и Румянцовскому музеямъ.

Всѣхъ славянскихъ рукописей въ этомъ собраніи 60, въ томъ числѣ 17 книгъ или частей книгъ Священнаго Писанія, XII—XVI вѣковъ, нѣсколько книгъ богослужебныхъ, нѣсколько сборниковъ религіозно-учительнаго, юридическаго и историческаго содержанія, нѣсколько памятниковъ чисто литературныхъ и др. Укажемъ на важнѣйшія изъ рукописей, пользуясь обстоятельнымъ ихъ описаніемъ, составленнымъ А. Е. Викторовымъ и помѣщенномъ въ отчетѣ.

а) Паремейникъ на пергаментѣ, болгарскаго уставнаго письма, XII в., въ малый листъ, на 104 *лл.*, съ фигурными раскрашенными заглавными литерами и заставками, состоящими изъ перевитыхъ лентъ и жгутовъ; какъ и греческіе перемейники, начинается чтеніями въ навечеріе Рождества Христова; конецъ утраченъ: послѣднее чтеніе на 6-е августа: утрачено нѣсколько листовъ и въ срединѣ рукописи, другіе сильно пострадали отъ сырости или оборваны; рукопись имѣетъ значеніе палимпсеста, ибо на большей части страницъ явственно видны остатки смытаго и счищеннаго греческаго уставнаго письма VIII—IX вв. Составъ и порядокъ чтеній одинаковы съ парамейниками греческими и славянскими; но между послѣдними настоящій долженъ занять первое мѣсто, ибо другихъ славянскихъ списковъ этого памятника, имѣющаго большое значеніе для исторіи славянскаго текста Библіи, ранѣе XIII в. не извѣстно. По наблюденіямъ самого Григоровича, текстъ этой рукописи найденной имъ въ Аѳонскомъ Хиландарскомъ монастырѣ, списанъ съ глаголицы.

б) Четвероевангеліе, писанное глаголицей XI в., на пергаменѣ, въ малый листъ, на 171 *лл.*; начала и конца, а также нѣсколькихъ листовъ въ срединѣ, недостаетъ; на поляхъ рукописи, съ боковъ, вверху и внизу, попадаются приписки и кирилловскаго письма, XII—XIII вв., съ означеніемъ содержанія евангельскихъ чтеній, церковныхъ зачалъ и пр. Сохранившіяся начальныя страницы отдѣльныхъ Евангелій украшены состоящими изъ перевитыхъ и покрытыхъ красками лентъ и жгутовъ заставками и заглавными литерами; такія же заставки находятся и въ началѣ сохранившихся при Евангеліяхъ оглавленій, а въ

Digitized by Google

началѣ сихъ послѣднихъ находятся начертанныя перомъ изображенія евангелистовъ, грубой работы, быть можетъ, современныхъ кирилловскимъ приписямъ. Этотъ драгоцѣнный памятникъ найденъ Григоровичемъ въ аѳонскомъ скитѣ Богородицы и далъ содержаніе двумъ изслѣдованіямъ—самого бывшаго владѣльца и И. И. Срезневскаго. Но кромѣ того, Григоровичъ предполагалъ издать его въ полномъ составѣ фотолитографическимъ способомъ, а затѣмъ, вѣроятно, затруднившись дороговизной этого предпріятія, рѣшилъ обнародовать только Евангеліе отъ Луки и уже заказалъ эту работу картографическому заведенію военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба; нѣсколько листовъ этого изданія было оттиснуто при жизни Григоровича, а остальное окончено послѣ его смерти; выпускъ въ свѣтъ такимъ образомъ изданной части этого важнаго памятника приняло на себя Общество любителей древней письменности.

в) Отрывокъ изъ пергаменнаго сборника, сербскаго полууставнаго письма, XIV в., въ большой листъ, пріобрѣтеннаго въ Иверскомъ Аѳонскомъ монастырѣ; отрывокъ этотъ составляетъ часть сербскаго списка Святославова, или точнѣе, Симеонова сборника, сохранившагося въ московской синодальной рукописи 1073 года.

г) Отрывокъ изъ южно-славянской рукописи Пролога, полууставной XVI в., содержащій въ себѣ запись о сожженіи нѣсколькихъ монаховъ Аѳонскаго Зографскаго монастыря, совершенномъ „отъ Латинъ“ въ 1276 году.

д) Описаніе Азіатской и Европейской Турціи, южно-русской скорописи XVII в., въ 8-ку на 40 лл., написанное до 1684 г. неизвѣстнымъ плѣнникомъ изъ Русскихъ; въ первой половины рукописи содержится довольно подробное описаніе Іерусалима съ ближайшими къ нему городами и селеніями; затѣмъ описаніе Египта, Александріи, прибрежныхъ городовъ сѣверной Африки и Палестины и городовъ и селъ Малой Азіи; во второй половинѣ рукописи помѣщено описаніе Константинополя и другихъ городовъ и селеній Европейской Турціи, въ томъ числѣ и въ Славянскихъ земляхъ; послѣдній описанный пунктъ составляетъ Пештъ; въ описаніи этого странствованія, которое продолжалось 16 мѣсяцевъ и 20 дней, есть замѣчанія этнографическія и иногда археологическія; въ особенности же авторъ обращалъ вниманіе на военныя силы Турціи и указывалъ разстоянія между населенными пунктами.

е) Исторія Болгарскаго царства съ древнѣйшихъ временъ до конца XV вѣка, на ново-болгарскомъ языкѣ, писанная полуостровомъ новаго

Digitized by Google

времени, въ 8-ку, на 40 лл. Сочиненіе это должно быть отнесено къ числу литературныхъ памятниковъ временъ болгарскаго возрожденія; впрочемъ научное значеніе его не велико, хотя и писано оно, по видимому, человѣкомъ, не лишеннымъ образованія и между прочимъ знакомымъ съ иностранными языками; начинается рядомъ баснословныхъ разказовъ о Ноѣ и Немвродѣ, о „прародителѣ Славяно-Болгарскаго народа“ Мосохѣ, о Болгарскомъ королѣ Иллирикѣ, о королях Бремѣ и Болгѣ и пр., а оканчивается смертью Болгарскаго царя Георгія и царицы Ирины въ 1491 году. Далѣе, въ видѣ приложенія слѣдуютъ: повѣсть „о учителяхъ славянскихъ“ Кириллѣ и Меѳодіи и ученикахъ ихъ, списокъ болгарскихъ святыхъ, повѣсть о второмъ разореніи Болгаріи султаномъ Селимомъ II въ 1522 г., хронологическіе списки „кралемъ Болгарскимъ и царемъ Турскимъ“ (до 1839 г.) и раздѣленіе и перечень болгарскихъ городовъ. На поляхъ и на переплетѣ много приписокъ на греческомъ языкѣ.

ж) Образцы писемъ и посланій къ разнымъ лицамъ, рукопись XVI в., въ листъ, на 15 лл., пріобрѣтенная въ Слѣпче. Большая часть лицъ, къ которымъ адресованы посланія, суть духовныя, но есть въ рукописи и форма, или вѣрнѣе, титулъ и заключеніе посланія къ султану. Всѣхъ образцовъ—17. Въ концѣ рукописи подклеено собирателемъ нѣсколько послѣсловій и вкладныхъ записей изъ разныхъ другихъ, также южнославянскихъ рукописей.

з) Сборникъ апокрифовъ, писанный молдавскимъ уставомъ въ XVI вѣкѣ, въ 4-ку на 80 лл. и пріобрѣтенный въ Быстрицѣ; въ составъ сборника входятъ: прѣніе Панагіота съ Азимитомъ, толкованіе на Евангелія, или вѣрнѣе, на нѣкоторыя евангельскія притчи и изрѣченія, и три редакціи Громовника.

и) Отрывокъ изъ Стефанита и Ихнилата писанный на пергаменѣ полууставомъ, переходящимъ въ скоропись XIII—XIV вѣковъ, на 14 лл. въ 4-ку. Эта рукопись, пріобрѣтенная въ Хиландарскомъ монастырѣ, составляетъ, безъ сомнѣнія, самый древній изъ извѣстныхъ доселѣ списковъ славянскаго перевода Стефанита; находящійся въ ней текстъ по составу и рецензіи примыкаетъ къ сербской редакціи перевода, но съ нѣкоторыми отличіями.

і) Другой списокъ того же памятника, русскаго письма XVII в. въ 8-ку на 173 лл., и русской редакціи, представляющій, какъ и другіе русскіе списки, нѣкоторые пропуски противъ греческаго подлинника.

к) Сборникъ болгарскихъ народныхъ пѣсень, новаго полууставнаго письма (1845 г.), въ 4-ку, на 43 лл.; изъ него лишь немногія

Digitized by Google

пѣсни напечатаны въ загребскомъ журналѣ Kolo, а прочія остаются не изданными.

Кромѣ славянскихъ рукописей, въ составъ пріобрѣтеннаго музеями собранія В. И. Григоровича входитъ еще восемь рукописей иноязычныхъ, собраніе рѣдкихъ книгъ церковной печати и ученый архивъ самого Григоровича.

Изъ рукописей иноязычныхъ на греческомъ—3, на латинскомъ—1 и на румынскомъ — 4. Самая замѣчательная изъ этихъ рукописей есть хронографъ на румынскомъ языкѣ, писанный крупнымъ красивымъ уставомъ въ 1620 г., хронографъ этотъ переведенъ со славянскаго, но содержитъ въ себѣ оригинальное дополненіе, касающееся событій съ 1105 по 1485 годъ. По отзыву румынскаго ученаго г. Точелеску, рукопись эта, пріобрѣтенная Григоровичемъ въ Быстрицѣ, должна занять первое мѣсто между всѣми извѣстными доселѣ памятниками румынской письменности не богослужебнаго содержанія.

Коллекція славянскихъ старопечатныхъ (съ XVI в.) изданій и рѣдкихъ церковно-печатныхъ книгъ новаго времени состоитъ изъ 33 нумеровъ, изъ коихъ почти всѣ послужили къ пополненію фундаментальнаго собра этихъ книгъ, находящагося въ музеяхъ, а нѣкоторыя доселѣ не были вовсе извѣстны въ библіографіи. Къ этой коллекціи должно причислить и 20 церковно-печатныхъ книгъ на румынскомъ языкѣ, изъ коихъ старшая относится къ 1710 году.

Къ составу того, что̀ мы назвали ученымъ архивомъ В. И. Григоровича, принадлежатъ:

а) Черновыя дорожныя записки путешествія Григоровича по Европейской Турціи въ 1844—1846 годахъ и относящіеся къ этому путешествію документы (а именно: офиціальныя бумаги и письма къ Григоровичу нашихъ дипломатическихъ агентовъ, греческихъ и болгарскихъ духовныхъ властей и другихъ лицъ, а также черновыя донесенія самого путешественника въ министерство народнаго просвѣщенія и письма его къ разнымъ лицамъ, 1844—1846 гг.). Объ этой драгоцѣнной рукописи въ описаніи А. Е. Викторова сказано: „Названныя записки служили основаніемъ извѣстнаго Очерка путешествія В. Григоровича, изданнаго имъ въ 1848 г. (2-е изданіе: М. 1877). Но въ нихъ оказывается много такого, что̀ не вошло въ составъ печатнаго изданія, напримѣръ, замѣтки о переѣздахъ и объ остановкахъ на пути отъ Казани до Константинополя; многія подробности изъ дальнѣйшаго путешествія по Аѳону и Славянскимъ землямъ, хотя большею частью только въ видѣ краткихъ замѣтокъ, набросанныя

Digitized by Google

для памяти; болѣе откровенныя, иногда дышащія неподдѣльнымъ юморомъ, характеристики аѳонскихъ, болгарскихъ и другихъ духовныхъ властей; болѣе подробныя описанія нѣкоторыхъ, осмотрѣнныхъ путешественникомъ, библіотекъ и памятниковъ и т. под. Все это, въ связи съ живыми личными воспоминаніями, безъ сомнѣнія, служило для покойнаго Григоровича матеріаломъ при обработкѣ недавно задуманнаго имъ 2-го дополненнаго изданія его Очерка путешествія по Европейской Турціи, которое имъ дѣйствительно и было изготовлено. Оригиналъ этого труда, именно экземпляръ 1-го изданія съ поправками и дополненіями на поляхъ и на особыхъ вплетенныхъ въ книгу листахъ и тетрадяхъ, видѣли многіе, и по обычной сообщительности своей Григоровичъ иногда давалъ его для пользованія нѣкоторымъ изъ своихъ своихъ друзей, въ томъ числѣ бывшему своему товарищу по службѣ въ Новороссійскомъ университетѣ, профессору А. С. Павлову. Отъ послѣдняго мы имѣемъ свѣдѣніе, что этотъ оригиналъ, по напечатаніи его, долженъ былъ составить довольно полновѣсный томъ, который по объему былъ бы противъ 1-го изданія больше примѣрно вдвое, и что, кромѣ у другихъ дополненій, въ составъ оригинала 2-го изданія входили также и объясненія Григоровича по поводу взнесенныхъ на него несправедливыхъ нареканій относительно тѣхъ способовъ, которыми будто бы было составлено имъ принадлежавшее ему собраніе рукописей. Туда же, какъ мы лично имѣли случай слышать отъ самого Григоровича, должны были войдти и тѣ мѣста изъ 1-го изданія его путешествія, которыя были исключены изъ него по требованіямъ тогдашней цензуры. Къ сожалѣнію, при пріемѣ библіотеки Григоровича въ музеи, въ августѣ 1877 г., изъ Елисаветградскаго реальнаго училища, гдѣ со времени смерти его она хранилась болѣе полугода, этого экземпляра на лицо не оказалось, и онъ изчезъ безслѣдно".

б) Списки съ нѣкоторыхъ памятниковъ церковно-славянской литературы, языка и исторіи Славянъ, сдѣланные Григоровичемъ собственноручно, преимущественно во время его заграничнаго путешествія; сюда входятъ между прочимъ: похвальныя слова и поученія Климента Болгарскаго, его житіе, автобіографія игумена Софронія, болгарскія и сербскія пѣсни, записанныя Григоровичемъ, и пр.

в) Матеріалы для славяно-русскаго словаря заключающіе въ себѣ выборку словъ изъ болгарскихъ пѣсенъ, памятниковъ русской народной словесности и пр.

г) Библіографическіе работы Григоровича: реестры рукописей, со-

Digitized by Google

бранныхъ или осмотрѣнныхъ имъ, съ филологическими замѣчаніями о нѣкоторыхъ изъ нихъ и извлеченіями; реестры и подробныя описанія печатныхъ книгъ по славянскимъ древностямъ, замѣтки объ изслѣдованіяхъ и статьяхъ по тому же предмету въ русскихъ журналахъ и пр.

д) Девять записныхъ книжекъ, въ которыя Григоровичъ вносилъ свои замѣтки, преимущественно библіографическаго характера, какъ во время своего большаго путешествія, такъ и во время позднѣйшихъ поѣздокъ въ Москву, Новгородъ, Варшаву и пр.

е) Черновые и отчасти бѣловые оригиналы нѣкоторыхъ статей и рѣчей Григоровича, частію не изданныхъ.

ж) Лекціи Григоровича по исторіи славянскихъ литературъ, по славянскимъ нарѣчіямъ и по этнографіи Болгаръ, читанныя въ Казанскомъ университетѣ.

з) Лекціи его же по славянской филологіи, читанныя въ Новороссійскомъ университетѣ, литографированныя.

и) Лекціи его же по славянскимъ древностямъ, читанныя тамъ же.

і) Офиціальныя бумаги, относящіяся къ служебной и ученой дѣятельности Григоровича съ 1850 по 1876 годъ.

к) 180 писемъ къ Григоровичу, съ 1846 по 1870 г., отъ А. И. Артемьева, А. Н. Аѳанасьева, О. М. Бодянскаго, И. Д. Быляева, А. Ѳ. Гильфердинга, И. Я. Горлова, А. В. Горскаго, І. Мацѣевскаго, К. И. Невоструева, С. Н. Палоузова, В. М. Уйдольскаго, П. І. Шафорика, С. П. Шевырева и др., всего отъ 80 лицъ, преимущественно русскихъ и иностранныхъ ученыхъ.

л) Черновыя письма самого Григоровича къ разнымъ лицамъ въ Россіи и за границей, въ томъ числѣ ко многимъ ученымъ, между прочимъ къ Ѳ. И. Буслаеву, А. В. Горскому, К. И. Невоструеву, И. И. Срезневскому, С. П. Шевыреву и пр., а также донесенія его въ университеты Казанскій и Новороссійскій.

Второе значительное пріобрѣтеніе музеевъ по рукописному и церковно-печатному отдѣленію въ теченіе отчетнаго періода составила коллекція славянскихъ рукописей и церковно-печатныхъ книгъ Олонецкой духовной семинаріи, вымѣненная на принадлежавшіе музеямъ дублеты русскихъ и иноязычныхъ печатныхъ книгъ. Въ 1850—1855 годахъ духовное начальство передавало въ библіотеку Петрозаводской семинаріи нѣкоторыя рукописи и книги, отобранныя у раскольниковъ; изъ нихъ-то и образовалась коллекція, поступившая нынѣ въ музеи. Къ сожалѣнію, многія книги и рукописи этого собранія, оче-

Digitized by Google

видно, вслѣдствіе храненія ихъ въ прежнее время въ сырыхъ и холодныхъ помѣщеніяхъ, сильно пострадали отъ сырости, а затѣмъ изъ лучшихъ рукописей болѣе любопытныя по содержанію статьи были вырѣзаны и похищены какимъ-то непризваннымъ собирателемъ старины. Тѣмъ не менѣе въ коллекціи между 70 рукописями встрѣчается не мало заслуживающихъ вниманія; таковы въ особенности: Евангеліе-апракосъ, XV—XVI вв.; нѣсколько прологовъ, житейниковъ и другихъ сборниковъ, XVI — XVIII вв.; посланія протопопа Аввакума, XVIII в.; Виноградъ Россійскій — Андрея Денисова, и его же поученія; еще нѣсколько сборниковъ, составленныхъ раскольниками, и сборникъ духовныхъ стиховъ, также преимущественно раскольничьихъ, новаго письма. Что касается церковно-печатныхъ книгъ, то ихъ поступило изъ Петрозаводской библіотеки 50 нумеровъ, и въ томъ числѣ 19 изданій старо-печатныхъ—до 1652 г., а остальныя—вышедшія изъ типографій раскольничьихъ послѣдней четверти XVIII в. Виленской, Гродненской, Почаевской и пр.; между этими раскольничьими изданіями восемь оказались совершенно неизвѣстными по каталогамъ; между книгами же старопечатными всѣхъ замѣчательнѣе такъ-называемый Большой Катихизисъ, Лаврентія Зизанія, московское изданіе 1627 г., не оконченное и не выпущенное въ свѣтъ, но подавшее поводъ къ прѣнію между московскими богословами того времени, а впослѣдствіи послужившее оригиналомъ для перваго раскольничьяго изданія этого сочиненія (1783 года).

Третье крупное пріобрѣтеніе обозрѣваемаго отдѣленія музеевъ составляетъ составляетъ коллекція старо-печатныхъ книгъ, полученная въ обмѣнъ на дублеты музеевъ изъ дублетовъ библіотеки Ярославскаго архіерейскаго дома. Съ распространеніемъ въ Россіи книгопечатанія, для продажи печатныхъ богослужебныхъ книгъ, въ разныхъ центрахъ, при большихъ монастыряхъ и соборахъ были устроены книжные склады, куда вновь напечатанныя книги поступали въ большемъ или меньшемъ количествѣ экземпляровъ. Затѣмъ, когда, послѣ исправленія и напечатанія вновь исправленныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ и его преемникахъ, употребленіе и продажа старыхъ не исправленныхъ изданій были прекращены, экземпляры, оставшіеся въ упомянутыхъ складахъ не израсходованными, потеряли свое прямое назначеніе, и кромѣ того, къ нимъ присоединены были экземпляры тѣхъ же изданій, отобранные духовною властью изъ окрестныхъ монастырей и приходскихъ церквей, а также и книжные запасы, почему-либо не израсходованныхъ позднѣйшихъ, исправленныхъ изда-

Digitized by Google

ній. Такимъ образомъ при нѣкоторыхъ изъ нашихъ монастырей и соборовъ скопились массы дублетовъ, которые, не смотря на разные способы расходованія и растраты ихъ, сохранились до настоящаго въ большомъ количествѣ времени. Таковы большія книжныя собранія, кромѣ Московской синодальной типографіи,—въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, въ Троицкой Сергіевой лаврѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ и пр. Таково и книжное собраніе, находящееся въ Ярославскомъ Спасскомъ монастырѣ, теперешнемъ помѣщеніи Ярославской архіерейской каѳедры. Понятно, что эти собранія, переполненныя дублетами, не могли приносить никакой пользы наукѣ, между тѣмъ какъ въ нихъ встрѣчаются книги весьма рѣдкія. Вслѣдствіе сего духовное начальство въ послѣднее время сдѣлало рядъ распоряженій о перенесеніи этихъ книжныхъ складовъ, въ цѣломъ ихъ составѣ или по частямъ, въ духовныя академіи, а также неоднократно удѣляло изъ тѣхъ же источниковъ нѣкоторыя старопечатныя изданія Румянцевскому и Московскому публичному музеямъ. Коллекція, поступившая въ теченіе отчетнаго періода въ музеи изъ склада Ярославскаго архіерейскаго дома, содержитъ въ себѣ 51 старопечатное изданіе; они почти всѣ суть произведенія типографіи Московской, и притомъ до 1717 года, самая же ранняя изъ книгъ этой коллекціи восходитъ въ 1562 году.

Такой же характеръ имѣетъ и четвертое значительно пріобрѣтеніе обозрѣваніе отдѣленія музеевъ за отчетный періодъ: это—25 церковно-печатныхъ книгъ, также преимущественно московской печати XVII—XVIII вв., присланныхъ изъ Архангельской духовной семинаріи, и между которыми иныя довольно замѣчательны по своей рѣдкости. Вмѣстѣ съ этими книгами музеи получили изъ того же источника и 20 рукописей, впрочемъ не представляющихъ большаго интереса, и притомъ, какъ и печатныя книги, дурно сохранившихся.

Пятая коллекція, вновь поступившая въ рукописно-церковно-печатное, отдѣленіе музеи есть небольшое собраніе рукописей и книгъ, входившее въ составъ библіотеки А. Ѳ. Вельтмана. Въ числѣ 8 рукописей этой коллекціи находимъ одинъ хронографъ, одинъ Новгородскій лѣтописецъ, сказаніи объ Азовскомъ сидѣніи, отрывокъ изъ Московской исторіи Трейера въ переводѣ XVIII вѣка, связку актовъ, родословную книгу, сборникъ картъ и записную тетрадь дьяка Тобольскаго архіерейскаго дома Семена Хломова, 1635—1637 гг., съ нѣсколькими довольно интересными замѣтками. Между книгами любопытны преимущественно изданія Петровскаго времени.

Digitized by Google

Изъ остальныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ обозрѣваемымъ отдѣленіемъ въ отчетное трехлѣтіе въ видѣ цѣлыхъ коллекцій большаго или меньшаго объема, намъ остается еще упомянуть лишь коллекцію масонскихъ документовъ и знаковъ московской ложи Александра Тройственнаго согласія, собственноручныя работы и бумаги профессора И. Д. Бѣляева (оригиналы его ученыхъ статей и копіи со старинныхъ актовъ), 6 рукописей и свитковъ на грузинскомъ языкѣ, и наконецъ, собраніе фотолитографированныхъ и другихъ изданій Общества любителей древней письменности, 1877—1878 годовъ. Что же касается пріобрѣтеній единичныхъ или розничныхъ, то между ними важнѣйшія суть слѣдующія:

а) Евангеліе апракосъ, писанное на пергаменѣ, уставомъ разныхъ почерковъ, въ 1092 г., на 178 лл., съ фигурными заглавными литерами и заставкою, рисованными киноварью. По своему составу оно сходно съ другими славянскими Евангеліями-апракосъ древнѣйшаго типа, а по тексту принадлежитъ русской рецензіи; вообще, по замѣчанію г. Викторова, если Остромировъ списокъ Евангелія (1057 г.) драгоцѣненъ для филологіи преимущественно потому, что сохранилъ особенности болгарскаго подлинника въ наибольшей чистотѣ, то пріобрѣтенный нынѣ музеями списокъ, названный по мѣсту своего нахожденія Архангельскимъ, имѣетъ несомнѣнную важность какъ древнѣйшій опытъ переписи того же подлинника соотвѣтственно уже сложившимся въ то время фонетическимъ требованіямъ русскаго языка и правописанія.

б) Житіе святыхъ Нифонта епископа Костницкаго и Ѳеодора Студита, писанное на пергаменѣ, тщательнымъ русскимъ уставомъ XII вѣка, въ 4-ку, на 174 лл.

в) Библейскія книги въ русскомъ переводѣ алтайскаго миссіонера архимандрита Макарія, въ трехъ томахъ въ листъ, на 1316 лл.

г) Аѳанасія, архіепископа Холмогорскаго, Реестръ изъ докторскихъ наукъ, 1695 г. писанный скорописью на 74 лл. въ 4-ку; памятникъ весьма рѣдкій.

д) Дневникъ Ѳ. В. Чижова, 19 книгъ и тетрадей.

е) Переписка, — его же.

Оба послѣдніе вклада переданы въ запечатанныхъ сундукахъ, на условіи не снимать печатей и не выдавать въ чтеніе до истеченія 40 лѣтъ со дня смерти Чижова (ум. 14-го ноября 1877 г.).

Кромѣ того, въ рукописное отдѣленіе музеевъ поступило 6 рукописей иноязычныхъ, коллекціи юридическихъ и другихъ актовъ по

Digitized by Google

Нижнему Новгороду, Керенску, Бѣлозерскому уѣзду, преимущественно XVII вѣка, нѣсколько отдѣльныхъ грамотъ, писемъ и автографовъ разнаго времени и нѣсколько болѣе или менѣе рѣдкихъ книгъ церковной печати, дотолѣ не имѣвшихся въ музеяхъ. Въ общемъ же итогѣ, въ теченіе 1876 — 1878 гг. въ отдѣленіе рукописей и церковно-печатныхъ изданій поступило: рукописей славянскихъ и русскихъ 234, иноязычныхъ 35, актовъ и автографовъ 335, славянскихъ книгъ 202, гравированныхъ листовъ 18 и масонскихъ знаковъ 25.

Соотвѣтственно такому успѣшному обогащенію отдѣленія производились въ немъ и библіографическія работы: хранителемъ отдѣленія А. Е. Викторовымъ приготовлены къ печати подробныя описанія трехъ принадлежащихъ музеямъ рукописныхъ коллекцій — Севастьянова, Бѣляева и Григоровича; но напечатано изъ нихъ только послѣднее. Кромѣ того, производилась каталогизація всѣхъ новыхъ поступленій и составлялось описаніе также принадлежащей музеямъ рукописной коллекціи Т. Ѳ. Большакова.

Отъ отдѣленія рукописей и церковно-печатныхъ книгъ переходя къ принадлежащей къ составу музеевъ библіотекѣ, должно сказать къ сожалѣнію, что ея обогащеніе совершается гораздо менѣе успѣшно, чѣмъ обогащеніе упомянутаго отдѣленія. Правда, библіотека музеевъ получаетъ всѣ выходящія въ Россіи книги чрезъ посредство цензурнаго вѣдомства, а также отъ разныхъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ и русскихъ ученыхъ обществъ; но въ отношеніи къ иностранной литературѣ библіотека находится въ совершенно иномъ положеніи: въ настоящее время научная литература получила такое развитіе, что правильное пополненіе музейной библіотеки иностранными книгами по главнымъ отраслямъ знанія требовало бы весьма значительныхъ издержекъ; между тѣмъ библіотека эта не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ денежныхъ средствъ на пріобрѣтенія даже самыя необходимыя. Такъ, въ теченіе отчетнаго періода она могла купить лишь 350 изданій, составившихъ въ совокупности до 1200 томовъ. Тѣмъ драгоцѣннѣе становятся для музейной библіотеки тѣ дары, которыми постоянно обогащаютъ иностранныя правительства, а также ученыя общества и частныя лица изъ-за границы, а равно и значительныя пожертвованія, которыя продолжаютъ поступать въ ея распоряженіе отъ разныхъ частныхъ лицъ въ Россіи. Не исчисляя приношеній изъ-за границы, имѣющихъ характеръ розничный, укажемъ только, что къ отчетному періоду относятся слѣдующія крупныя приношенія отечественныя:

Digitized by Google

а) библіотека Ѳ. В. Чижова, состоящая болѣе чѣмъ изъ 4000 томовъ артистическаго, историческаго, экономическаго, статистическаго и техническаго содержанія;

б) подручная библіотека М. П. Погодина: около 2000 книгъ преимущественно по отечественной исторіи;

в) собраніе изъ 377 книгъ и картъ, касающихся преимущественно сверхъ мѣстъ и вообще мусульманскаго востока, поступившее отъ А. А. Уманца.

Въ общей цифрѣ всѣ пріобрѣтенія музейной библіотеки за отчетное трехлѣтіе составляютъ 22,045 томовъ и брошюръ и 234 нумера атласовъ, картъ, чертежей и плановъ.

Въ отдѣленіи изящныхъ искусствъ пріобрѣтенія музеевъ были не многочисленны, но нѣкоторыя изъ нихъ очень замѣчательны по внутреннему своему достоинству. Таковы: 1) собраніе изъ 34 картинъ, принадлежавшее Н. А. и В. А. Мухановымъ и переданные въ музеи Е. А. и П. А. Мухановыми; въ этой коллекціи есть хорошія произведенія новыхъ французскихъ и швейцарскихъ художниковъ, а именно—Браскасса („Быкъ"), Руссо („Пѣтухъ, нашедшій жемчужное зерно"), Жака, Вершюра, Гюдена, Діаза, Калама и пр.; 2) портретъ ваятеля Витова, писанный К. П. Брюловымъ; 3) портретъ пожилого человѣка, работы Левицкаго; 4) портретъ живописца Лосенка, писанный имъ самимъ, и 5) портретъ графа В. В. Мусина-Пушкина-Брюса, писанный Н. А. Майковымъ (№№ 2—4 переданы по завѣщанію Ѳ. В. Чижова, а № 5 подаренъ Л. Н. Майковымъ). По скульптурѣ замѣчательно одно пріобрѣтеніе—прекрасный бюстъ живописца А. А. Иванова, подаренный его братомъ С. А. Ивановымъ.

Кромѣ того, значительныя приращенія послѣдовали въ нумизматическомъ собраніи, въ собраніи гравюръ и въ коллекціи рисунковъ, куда поступили между прочимъ прекрасные рисунки А. А. и С. А. Ивановыхъ, Ѳ. А. Бруни и К. П. Брюллова.

Что касается пріобрѣтеній музея по отдѣламъ доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей, русской этнографіи, этнографіи иностранной и по минералогическому кабинету, то нельзя не сказать, что въ періодъ 1876 — 1878 годовъ они были очень скудны и не представляютъ крупнаго интереса въ научномъ отношеніи. Въ отдѣлѣ древностей важнѣе другихъ пріобрѣтеній нѣсколько предметовъ доисторической культуры Арменіи, пожертвованныхъ А. Д. Ериковымъ, нѣсколько предметовъ изъ кургановъ Московской губерніи да рѣзная копія Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, русской

Digitized by Google

работы XVI вѣка, изъ мѣстныхъ иконъ церкви въ родовомъ селѣ князей Пожарскихъ—Пурехѣ. Въ отдѣлѣ иностранной этнографіи вниманія заслуживаетъ довольно полная коллекція утвари и одежды вымирающаго племени Айновъ, которые живутъ на Сахалинѣ и Курильскихъ островахъ. Прочія приношенія, поступившія въ названные отдѣлы въ теченіе отчетнаго періода, имѣютъ лишь относительное значеніе, какъ нѣкоторое дополненіе къ богатымъ коллекціямъ, уже прежде собраннымъ въ Румянцовскомъ и Московскомъ публичномъ музеяхъ.

Относительно пользованія музеями и ихъ библіотекой отчетъ представляетъ лишь весьма краткія свѣдѣнія: въ теченіе отчетнаго періода было выдано въ чтеніе до 1,550 рукописей и до 250 старопечатныхъ книгъ, а въ библіотекѣ удовлетворено до 122,000 требованій. Посѣтителей, обозрѣвавшихъ музеи, было 4,004 человѣкъ съ платой и 99,634 безплатныхъ.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Состояніе и дѣятельность института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1878 году.

Въ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи занимались въ 1878 году преподаваніемъ: директоръ института, 4 профессора, 10 доцентовъ и 2 учителя. Сверхъ того, при институтѣ состояли: управляющій институтскими имѣніями, учебный садовникъ, помощникъ учебнаго садовника, 3 лаборанта и помощникъ завѣдывающаго опытной фермой.

Совѣтъ института имѣлъ въ 1878 году 39 засѣданій, изъ которыхъ 11 были употреблены на производство испытаній окончательныхъ и для полученія званія лѣсничаго, а остальныя 28 назначались для обсужденія какъ текущихъ вопросовъ, такъ и обсужденія мѣръ для улучшенія учебной дѣятельности института. Въ планѣ преподаванія состоялись слѣдующія частныя измѣненія: а) на лекціи лѣсной энтомологіи для студентовъ-лѣсоводовъ назначено, вмѣсто одного часа, два, изъ коихъ одинъ для необходимыхъ практическихъ занятій учащихся; б) лекціи неорганической химіи на 1-мъ курсѣ распредѣлены поровну между обоими полугодіями, вмѣсто четырехъ и двухъ часовъ въ прежнемъ планѣ, такъ какъ, по заявленію преподавателя, трехъ часовъ въ 1-мъ полугодіи достаточно для успѣшнаго изложенія отдѣла о металлоидахъ, причемъ директоръ института находилъ луч-

Digitized by Google

шимъ усилить чтеніе химіи въ 1-мъ полугодіи, дабы студенты были раньше приготовлены къ слушанію другихъ предметовъ, для пониманія и усвоенія которыхъ знаніе неорганической химіи необходимо; в) лекціи аналитической химіи разрѣшено замѣнять практическими занятіями студентовъ, безъ обязательнаго присутствія преподавателя, каковое присутствіе было предложено директоромъ, находившимъ его необходимымъ; г) преподаваніе анатоміи животныхъ сдѣлано одинаково обязательнымъ для всѣхъ студентовъ 1-го курса, безъ различія, на какое отдѣленіе они поступятъ на 2-мъ курсѣ; д) одобрены въ принципѣ необязательныя лекціи по технологіи. Сверхъ того, совѣтъ, по предложенію директора, постановилъ: для предварительнаго разсмотрѣнія программъ преподаванія назначать особыя коммиссіи изъ преподавателей близкихъ предметовъ со включеніемъ въ составъ преподавателя даннаго предмета.

Практическія занятія студентовъ состояли въ слѣдующемъ: по зоологіи студенты знакомились въ кабинетѣ главнымъ образомъ съ пріемами, употребляемыми при опредѣленіи животныхъ, на экскурсіяхъ — съ мѣстной фауной, преимущественно энтомологической. По общей ботаникѣ учащіеся составляли гербарій мѣстной флоры и производили микроскопическія изслѣдованія низшихъ растительныхъ формъ. По минералогіи производились углоизмѣреніе, ознакомленіе съ пріемами изслѣдованія минераловъ съ помощію паяльной трубки и опредѣленіе минераловъ по наружнымъ признакамъ. Для практическаго ознакомленія студентовъ съ пріемами геогностическаго изслѣдованія совершена была, въ теченіе мая, геологическая экскурсія въ ближайшія окрестности Новой Александріи и Казиміра, въ которой студенты 2-го курса имѣли возможность наблюдать составъ и залеганіе трехъ геологическихъ формацій: аллювіальной, диллювіальной и мѣловой. По геодезіи:—студенты 2-го курса лѣснаго отдѣленія сняли планъ парка буссолью; студенты 1-го курса, кромѣ упражненій въ провѣшиваніи и измѣреніи линій, проведеніи перпендикулярныхъ и параллельныхъ линій, опредѣленіи недоступныхъ разстояній и вообще въ рѣшеніи различныхъ практическихъ задачъ, сняли планы: а) верхняго институтскаго сада и части Мокрадокъ буссолью, прилегающихъ полей — мензулой, и в) мокрадскихъ полей—астролябіей. Упражненія въ нивеллированіи состояли въ ознакомленіи съ пріемами употребленія различныхъ инструментовъ и въ опредѣленіи разности высотъ между метеорологической обсерва-

Digitized by Google

ріей и уровнемъ Лахи. По механикѣ—студенты 2-го и 3-го курсовъ ознакомились съ употребленіемъ динамометра Морена для опредѣленія сопротивленія земледѣльческихъ орудій и машинъ, а студенты 3-го курса, сверхъ того, упражнялись въ разборкѣ и складкѣ орудій и машинъ и ближайшемъ ознакомленіи съ ихъ устройствомъ. По общей химіи практическія занятія велись такимъ образомъ: студенты 1-го курса работали во второмъ полугодіи, при чемъ въ виду ихъ многочисленности (78 практикантовъ) они были раздѣлены на двѣ группы, которыя упражнялись въ частныхъ реакціяхъ на металлы и кислоты, поперемѣнно, разъ въ недѣлю каждая, чѣмъ достигалось возможно большее согласованіе лабораторныхъ занятій съ курсомъ, излагаемымъ на лекціяхъ въ теченіе втораго полугодія. Всѣхъ практическихъ занятій было 12. Студенты 2-го курса (въ числѣ 28-ми) сельско-хозяйственнаго отдѣленія въ 1-мъ полугодіи занимались въ лабораторіи изученіемъ систематическаго хода анализа, два раза въ недѣлю по 4 часа каждый разъ, причемъ для болѣе удобнаго надзора за практикантами, они были раздѣлены на двѣ группы, занимавшіяся одновременно подъ наблюденіемъ особыхъ лаборантовъ. Во второмъ полугодіи тѣ же студенты упражнялись въ количественномъ анализѣ, причемъ каждая изъ двухъ группъ занималась отдѣльно разъ въ недѣлю, по четыре часа, подъ наблюденіемъ одного и того же лаборанта. По вѣсовому анализу практикантами были сдѣланы: опредѣленіе щелочей, щелочныхъ земель и главнѣйшихъ кислотъ; по титрирному—большинство опредѣленій было произведено самими студентами въ объемѣ руководства Бернига; нѣкоторыя же операціи, по недостатку измѣрительныхъ приборовъ или времени, были демонстрированы при участіи студентовъ въ лабораторіи однимъ изъ лаборантовъ. По земледѣльческой химіи практическія занятія въ лабораторіи производились въ 1-мъ полугодіи съ студентами 3-го курса, во 2-мъ 2-го, и состояли въ анализѣ почвъ, по прежнему плану, который преподаватель нашелъ нужнымъ расширить ознакомленіемъ съ пріемами другихъ сельско-хозяйственныхъ анализовъ. Занятія сопровождались письменными отчетами. Практическія занятія по сельскому строительному искусству, по четыре часа во 2-мъ полугодіи, состояли въ составленіи проектовъ различныхъ хозяйственныхъ построекъ, сообразно четыремъ даннымъ преподавателемъ задачамъ. По земледѣлію половина студентовъ 2-го курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія занималась, подъ руководствомъ преподавателя, въ земледѣльческой лабораторіи изученіемъ физическихъ свойствъ почвъ, причемъ,

Digitized by Google

по заявленію руководителя обнаружилось, что, не смотря на примѣрное усердіе практикантовъ, не могли быть достигнуты вполнѣ удовлетворительные результаты, что произошло потому, что практиканты приступили къ работѣ до ознакомленія на практикѣ съ пріемами количественныхъ изслѣдованій. Занятія по сельско-хозяйственной экономіи состояли въ самостоятельномъ рѣшеніи вопросовъ о выборѣ системъ и составленіи въ различныхъ системахъ примѣрныхъ сѣвооборотовъ, главнымъ образомъ въ такихъ системахъ, которыя наиболѣе распространены въ царствѣ Польскомъ. По счетоводству студенты изучали счетоводство опытной фермы и самостоятельно составляли главную книгу изъ счетовъ примѣрнаго молочнаго хозяйства. Въ концѣ года они изготовили письменныя рѣшенія слѣдующихъ задачъ: 1) вычислить стоимость обработки Горной Нивы при существующемъ сѣвооборотѣ; 2) сколько навоза слѣдуетъ вносить ежегодно на поле Горной Нивы при существующемъ сѣвооборотѣ; 3) какія мѣры слѣдуетъ предпринять, чтобы довести фермское стадо до нормальнаго состава; 4) составить 6-типольный сѣвооборотъ для полей Горной Нивы съ введеніемъ въ сѣвооборотъ рапса, 5) составить главную книгу изъ счетовъ какого-либо хозяйства А. Рѣшенія всѣхъ задачъ были признаны удовлетворительными. Сверхъ того, производились практическія занятія студентовъ 2-го и 3-го курсовъ на опытной фермѣ, въ теченіе мая, по скотоводству и полеводству. По скотоводству занятія состояли въ ознакомленіи студентовъ съ конструкціей и употребленіемъ имѣющихся на фермѣ орудій и машинъ для подготовки кормовыхъ средствъ и съ практикой кормленія фермскаго скота вообще. Студенты 2-го курса упражнялись также въ измѣрительныхъ способахъ опредѣленія живаго вѣса, въ опредѣленіи качествъ имѣющихся на фермѣ кормовыхъ средствъ; а студенты 3-го курса, знакомые уже съ частнымъ скотоводствомъ, посѣщали ферму и въ теченіе учебнаго года, причемъ предметомъ ихъ занятій были: измѣреніе череповъ представителей разныхъ группъ породъ крупнаго рогатаго скота и лошадей, изученіе путемъ измѣреній экстерьера крупнаго рогатаго скота и телятъ, самостоятельная оцѣнка по правиламъ экспертизы молодаго племеннаго скота, опредѣленіе по различнымъ способамъ качества молока, производство сельско-хозяйственнаго анализа овечьей шерсти. Особенное вниманіе было обращено на изученіе качествъ овечьей шести при помощи микроскопа, шерстомѣровъ и другихъ инструментовъ. Студентамъ обоихъ курсовъ были предложены письменныя задачи: 2-го курса—по составленію кормовыхъ травъ, 3-го—

Digitized by Google

по эксперетизѣ избранныхъ телятъ фермскаго стада, по оцѣнкѣ для продажи на мясо трехъ коровъ того же стада, опредѣленію тонкости шерсти и ея химическо-сельско-хозяйственному анализу, по оцѣнкѣ молока и употребленію краніометра для рѣшенія вопроса о типѣ лошадиныхъ череповъ. Всѣ задачи, въ особенности студентами 3-го курса, были рѣшены удовлетворительно. По полеводству студенты, подъ руководствомъ преподавателя, первоначально были ознакомлены со всѣми конструкторскими деталями имѣющагося на фермѣ инвентаря для обработки почвы и ухода за растеніями. Потомъ съ каждымъ курсомъ порознь было произведено нѣсколько экскурсій на Горную Ниву, поля кемпы, фермскій лугъ и вновь заложенный хмѣльникъ. Во время этихъ экскурсій студентамъ были объяснены условія и частности въ обработкѣ почвы подъ каждое растеніе и культурные пріемы воздѣлыванія, которые во многихъ случаяхъ тутъ же выполнялись. На этихъ экскурсіяхъ студенты были ознакомлены съ ботаническими признаками культурныхъ и сорныхъ растеній, съ врагами культурныхъ растеній изъ животнаго и растительнаго міра, съ производимыми на фермскихъ поляхъ опытами, со способами посѣва кукурузы и пересадки капусты, съ уборкой косильной машиной клевера, съ истребленіемъ клеверной повелики и проч. На лугу студентамъ были демонстрированы преобладающія травы луговой флоры и мѣропріятія для улучшенія фермскаго луговодства. На вновь заложенномъ хмѣльникѣ студенты изучали способы обработки земли, разведеніе хмѣля, установки жердей и направленія плетней различныхъ сортовъ хмѣля по различнымъ способамъ. Послѣ каждой экскурсіи студентами представлялись полные отчеты объ экскурсіяхъ, дававшіе возможность контроля надъ усвоеніемъ видѣннаго и слышаннаго на нихъ. Въ 1878 году произведена сельско-хозяйственная экскурсія въ имѣніе Снопковъ, Люблинской губерніи, подъ надзоромъ доцента Цихоцкаго. Благодаря радушному пріему владѣльца имѣнія, студенты подробно ознакомились со всѣмъ хозяйствомъ, въ особенности же съ конскимъ заводомъ. Проѣздомъ чрезъ Люблинъ они осмотрѣли фабрику земледѣльческихъ орудій и машинъ. По ветеринарнымъ наукамъ практическими занятіями для студентовъ служили: секціи, произведенныя преподавателемъ на животныхъ, осмотръ со студентами больныхъ животныхъ на опытной фермѣ и операціи, производимыя на животныхъ. По лѣсоводству студенты 3-го курса болѣе подробно и практически были ознакомлены съ лѣснымъ законодательствомъ имперіи и губерній царства Польскаго, а также западной Европы въ

Digitized by Google

курсѣ и съ дѣлопроизводствомъ и лѣснымъ счетоводствомъ и отчетностью на особыхъ часахъ для практическихъ занятій; кромѣ демонстрацій, сопровождавшихъ теоретическое преподаваніе лѣсоводства, студенты 2-го и 3-го курсовъ ознакомились съ устройствомъ лѣсныхъ питомниковъ и производили въ институтскомъ питомникѣ, подъ руководствомъ преподавателя, посѣвъ различныхъ древесныхъ породъ.— Практическія занятія по лѣсной таксаціи производились еженедѣльно по одному разу, по очереди съ обоими курсами, и состояли въ рѣшеніи задачъ по вопросамъ, пройденнымъ въ курсѣ, или въ дополненіе курса демонстраціями. Въ теченіе мая занятія по лѣсной таксаціи производились по четыре раза въ недѣлю въ лѣсу, отчасти въ аудиторіи. Въ лѣсу повторялись въ натурѣ главные вопросы древоизмѣренія, какъ-то опредѣленія объема лежачихъ и стоячихъ деревьевъ, запаса насажденій и величины прироста. Сверхъ того, по лѣсоводству и лѣсной таксаціи студенты 2-го и 3-го курса лѣснаго отдѣленія, подъ руководствомъ двухъ преподавателей, производили въ теченіе іюля, по окончаніи испытаній, особыя лѣсныя экскурсіи. Сначала они занимались въ маіоратномъ лѣсу сенатора Арцимовича, расположенномъ вблизи института, примѣрнымъ устройствомъ лѣсной дачи по правиламъ 1875 года о порядкѣ пользованія лѣсами, обремененными крестьянскими сервитутами, причемъ студенты были ознакомлены на мѣстѣ со всѣми тѣми работами, которыя необходимы для устройства дачи, и ими собранъ былъ весь матеріалъ, требуемый указанными правилами для составленія лѣсохозяйственнаго плана и объяснительнаго протокола. Затѣмъ студенты 3-го курса отправились въ имѣніе князя Сангушко Славуты, Волынской губерніи, гдѣ, подъ руководствомъ двухъ преподавателей и при участіи доцента, ознакомились съ состояніемъ Славутской лѣсной дачи вообще, въ частности же осмотрѣли питомники, вырубки, закультивированные по различнымъ методамъ, лѣсопильные заводы, на которыхъ производится заготовка гонта. Послѣ того студенты изучили способъ эксплуатаціи лѣсосѣкъ при посредствѣ хозяйственной заготовки,—мѣстный, весьма сложный порядокъ лѣснаго счетоводства и отчетности, а равно ходъ лѣсоустроительныхъ работъ. Былъ осмотрѣнъ также и Шепетовскій заводъ для приготовленія древесной массы, прибавляемой къ тряпью въ писчебумажномъ производствѣ. По возвращеніи изъ Славутской экспедиціи, продолжавшейся недѣлю, состоялась третья экскурсія въ Влоцлавское лѣсничество, Варшавской губерніи, въ которой, кромѣ руководителей— преподавателей лѣсоводства, приняли участіе одинъ профессоръ и

Digitized by Google

одинъ доцентъ. Экскурсія эта состояла въ подробномъ осмотрѣ и изслѣдованіи состоянія насажденій, сильно поврежденныхъ въ 1871 году сосновымъ шелкопрядомъ (Gastropacha pinai), а также результатовъ какъ допущеннаго въ послѣднее время временнаго сельскохозяйственнаго пользованія лѣсною почвою на необлѣсившихся вырубкахъ, такъ и искусственнаго лѣсовозобновленія, произведеннаго помощію сѣялки Титце на расчищенныхъ участкахъ. Изучены были также студентами на дѣлѣ результаты существующей въ настоящее время въ казенныхъ лѣсахъ царства Польскаго системы рубокъ, произведенной въ высокоствольныхъ дачахъ съ цѣлію естественнаго лѣсовозобновленія вырубокъ. Независимо отъ сего, студенты, при содѣйствіи старшаго лѣсничаго, ознакомлялись съ порядкомъ дѣлопроизводства счетоводства и отчетности, принятымъ въ казенномъ лѣсномъ управленіи царства Польскаго. Успѣшность экскурсій по лѣсоводству въ 1878 году слѣдуетъ приписать какъ личному труду преподавателей лѣсныхъ предметовъ, такъ и явившейся возможности удешевленія расходовъ на оныя, вслѣдствіе безплатныхъ билетовъ, выданныхъ правленіями мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ для проѣзда студентовъ. Практическія занятія по лѣсной энтомологіи, лѣсной ботаникѣ, пчеловодству, шелководству и рыбоводству состояли: по первому предмету—въ ознакомленіи съ пріемами опредѣленія насѣкомыхъ и въ энтомологическихъ экскурсіяхъ, по второму—въ экскурсіяхъ, происходившихъ преимущественно въ институтскомъ паркѣ; по пчеловодству и шелководству—въ посѣщеніяхъ институтской пасѣки и шелководни.

Преподаватели института и другія служащія въ оном лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе ученые труды: профессоры: Карпинскій напечаталъ въ мѣстной земледѣльческой газетѣ статью „Szkodniki“ (вредныя животныя); кромѣ того, занимался изданіемъ литографированнаго курса общей зоологіи для студентовъ института; Малевскій напечаталъ въ Запискахъ института статьи: „Изслѣдованіе продуктовъ вывѣтриванія мѣловаго мергеля (Люблинской губерніи), при переходѣ его въ слой растительной почвы“, „Таблицы анализа почвъ и подпочвъ“ въ изданіи Encyclopedia Kolnicza, и „Wap, Wapno, Wapieu“. Доценты: Антоновичъ помѣстилъ въ журналѣ Сельское Хозяйство и Лѣсоводство три статьи: „Чрезполосное землевладѣніе, его происхожденіе и хозяйственное значеніе“, „Экономико-юридическія основанія разверстанія чрезполосныхъ земель“ и „Общинное сельское хозяйство„; Заіончевскій напечаталъ въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Опредѣленіе упругости

Digitized by Google

паровъ нѣкоторыхъ жидкостей при высокихъ температурахъ"; Рудинскій помѣстилъ въ Запискахъ Института актовую рѣчь: „Способность почвы всасывать въ себя воду и значеніе этого свойства въ земледѣліи"; Хлюдзинскій напечаталъ въ Запискахъ Института вступительную рѣчь въ курсъ скотоводства и „Экстерьометръ, его теорія и примѣненіе къ практикѣ", въ журналѣ Сельское Хозяйство и Лѣсоводство, „Матеріалы для изученія породъ лошадей", въ газетѣ Скотоводство, „Къ вопросу о воспитаніи молочнаго скота" и въ Земледѣльческой Газетѣ—„Искусственная инкубація яицъ на Парижской всемірной выставкѣ"; Красускій напечаталъ въ Лѣсномъ Журналѣ статьи: „Частное лѣсное хозяйство въ Царствѣ Польскомъ въ связи съ крестьянскими сервитутами", „О необходимости учрежденія начальныхъ училищъ для приготовленія нижнихъ чиновъ лѣсной стражи въ Царствѣ Польскомъ" и „Описанія лѣсовъ Закрочимскаго лѣсничества и частныхъ лѣсовъ имѣнія Злотый Потокъ, и въ мѣстной земледѣльческой газетѣ—„O reformie leśnéj rządowéj"; Краузе напечаталъ въ Запискахъ Института—„Значеніе германскихъ приморскихъ рынковъ для лѣсной торговли Царства Польскаго" и „Объ учебномъ пособіи по древоизмѣренію" и въ Запискахъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи — „Направленіе и организація лѣснаго опытнаго дѣла"; Цихоцкій помѣстилъ въ изданіи Encyclopedya Polnicza статью „Tlen" (кислородъ), и занимался редакціей перевода Горена „Naturgesetze der Fütterung der landwirthschaftlichen Nützthiere" на польскій языкъ и напечаталъ часть этой книги. Лаборанты: Орловскій напечаталъ въ Запискахъ Института „Метеорологическія наблюденія на станціи института въ 1877 году"; Павлевскій помѣстилъ въ изданіи Przyroda i Przemysł статью „Marmury Kieleckie" и другія статьи рефератнаго свойства. Помощникъ ученаго садовника Коржинекъ напечаталъ въ Garten Magazin Нейберга статью „Aufklärung über die Bildung der Seitenauswüchse bei den Kohlarten besonders über Kohlrüben".

Командированы были съ ученою цѣлью: за границу: доцентъ Хлюдзинскій, для изученія вообще сельско-хозяйственнаго, въ частности зоотехническаго отдѣловъ на Парижской всемірной выставкѣ, ознакомленія съ хозяйствами Франціи и Англіи и пріобрѣтенія учебныхъ пособій; доценты Краузе и Красускій; внутри Россіи: профессоры: Малевскій — въ губерніи Царства Польскаго, для геогностическихъ изслѣдованій, Карпинскій — въ Плоцкую губернію, для энтомологическихъ изслѣдованій; доценты: Рудинскій — въ Одессу,

Digitized by Google

принятія участія въ V-мъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, Цихоцкій — въ Люблинскую губернію и Варшаву для сбора технологическихъ коллекцій, Бердау—въ Радомскую губернію, для ботанической экскурсіи, Красускій—въ Плоцкую и Радомскую губерніи, для осмотра лѣсовъ и лѣсной экскурсіи въ Одессу для участія въ V-мъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ.

Свѣдѣнія о движеніи учащихся представляются въ слѣдующемъ видѣ: Въ началѣ 1877 — 1878 учебнаго года состояло 159 студентовъ; во 2-мъ полугодіи принято 3, всего 162. Изъ этого числа въ теченіе года выбыло 57 (по прошеніямъ 21, по невзносу платы за ученіе, по неявкѣ, болѣзни и другимъ обстоятельствамъ 15, умеръ 1, въ концѣ учебнаго года за окончаніемъ курса 20); такимъ образомъ, къ началу 1878 — 1879 учебнаго года оставалось 105. Къ началу 1878—1879 года подали прошеніе о пріемѣ 139; изъ нихъ принято 91 (бывшихъ студентовъ института 5, студентовъ и воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 3, получившихъ въ гимназіяхъ аттестаты зрѣлости 8, не выдержавшихъ испытанія зрѣлости 11, окончившихъ съ аттестатами курсъ реальныхъ училищъ или же выдержавшихъ въ оныхъ окончательное испытаніе 54, окончившихъ съ аттестатами курсъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній 3, Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища 3, военныхъ гимназій 4, раввинскихъ училищъ 1, земскихъ училищъ 1, духовныхъ семинарій 1. Въ теченіе перваго полугодія выбыло 32 (вслѣдствіе неявки въ институтъ 13, за невзносъ платы 1, по прошеніямъ 18). Затѣмъ къ 1-му января 1879 года состояло 164 студента, которые распредѣлялись: а) по курсамъ: въ 1-мъ курсѣ 91, во 2-мъ 42 (отд. сельскаго хозяйства 22, отд. лѣсоводства 20), въ 3-мъ 31 (отд. сельскаго хозяйства 19, отд. лѣсоводства 12); б) по сословіямъ: дворянъ потомственныхъ 108, дворянъ личныхъ 18, духовнаго званія 3, мѣщанъ и городскихъ обывателей 19, крестьянъ и сельскихъ обывателей 12, военныхъ нижнихъ чиновъ 2, иностранцевъ 1; в) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 34, римско-католическаго 123, лютеранскаго 4, еврейскаго 3; г) по предварительному образованію: поступившихъ изъ университетовъ 5, изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 7, изъ гимназій 36, изъ реальныхъ училищъ 89, изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній и домашняго образованія 27. Вольныхъ слушателей въ институтѣ по уставу онаго не полагается. Стипендіатовъ въ институтѣ не имѣется; но изъ частныхъ записей пользовались стипендіями четыре студента: одинъ стипендіей Лѣснѣвскаго, въ размѣрѣ

Digitized by Google

120 руб., другой—Кариховскаго въ 90 руб., третій изъ по-цистерскихъ суммъ въ 60 руб., четвертый стипендіей Потоцкаго въ 50 руб. Значительный процентъ въ числѣ студентовъ института уроженцевъ изъ внутреннихъ губерній имперіи остался таковымъ и въ 1878 году, а именно въ общемъ числѣ студентовъ состояло: изъ губерній царства Польскаго 59, изъ губерній западнаго края 64, изъ другихъ губерній имперіи 40, изъ за границы 1, то-есть изъ мѣстныхъ губерній 36%, изъ внутреннихъ 64%. Общее число студентовъ увеличилось въ 1878 году, сравнительно съ 1877 годомъ (съ 143 на 164) на 20 человѣкъ. Результаты переводныхъ и окончательныхъ испытаній представляются въ слѣдующемъ видѣ: въ началѣ 1877—1878 учебнаго года состояло 159 студентовъ (въ 1-мъ курсѣ 97, во 2-мъ 38, въ 3-мъ 24); во 2-мъ полугодіи принято 3 (въ 1-й курсъ 1 и лѣсное отдѣленіе 3-го курса 2); выбыло въ теченіе года по разнымъ причинамъ 26 (изъ 1-го курса 23, изъ 3-го курса по лѣсному отдѣленію 3); осталось къ началу испытаній 136 (въ 1-мъ курсѣ 76, во 2-мъ курсѣ: по сельско-хозяйственному отдѣленію 27, по лѣсному 11; въ 3-мъ курсѣ: по сельско-хозяйственному отдѣленію 12, по лѣсному 10); явились къ испытаніямъ 112 (1-го курса 56, 2-го курса: сельско-хоз. отд. 24, лѣсн. отд. 11, 3-го курса: сельско-хоз. отд. 12, лѣсн. отд. 9); не выдержали испытаній 26 (1-го курса 18, 2-го курса: сельско-хоз. отд. 6, лѣснаго отд. 1, 3-го курса по лѣсному отд. 1); выдержали и удостоились: а) перевода 66 (1-го курса 38, 2-го курса: сельско-хоз. отд. 18, лѣсн. отд. 10); б) аттестатовъ 20 (3-го курса: по сельско-хоз. отд. 12, по лѣсн. отд. 8); оставлены на второй годъ въ томъ же курсѣ 39 (1-го курса 30, 2 го курса по сельско-хоз. отд. 7, 3-го курса по лѣсн. отд. 2); уволились послѣ начала испытаній или уже уволены по неуспѣшности 11 (1-го курса 8, 2-го курса: сельско-хоз. отд. 2, лѣсн. отд. 1); принятъ на 3-й курсъ по отдѣленію лѣсоводства изъ окончившихъ курсъ по сельско-хозяйственному отдѣленію 1; осталось къ началу 1878—1879 учебнаго года 105 (въ 1-мъ курсѣ 30, во 2-мъ курсѣ: сельско-хоз. отд. 26, лѣсн. отд. 19; въ 3-мъ: сельско-хоз. отд. 18, лѣсн. отд. 12). Изъ воспитанниковъ бывшаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маремонтѣ двое подвергались испытанію на должность старшаго лѣсничаго и выдержали его удовлетворительно. Изъ удостоенныхъ аттестатовъ по отдѣленію сельскаго хозяйства въ 1877—1878 учебномъ году двое вновь приняты въ институтъ на одинъ годъ, согласно ихъ просьбамъ, въ 3-й курсъ, въ отдѣленіе лѣсоводства. Во 2-й половинѣ года, по при-

Digitized by Google

мѣру предшествовавшихъ лѣтъ, производились полугодичныя репетеціи для студентовъ перваго курса. Результаты этой мѣры представляютъ слѣдующія числовыя данныя: а) участвующихъ въ репетиціяхъ по отдѣльнымъ предметамъ, изъ общаго числа 93 студентовъ было отъ 59 до 25; б) по всѣмъ предметамъ участвовало 13, по большей половинѣ 29, по меньшей (отъ 4—1) было 24, вообще же участіе въ репетиціяхъ приняли 66 человѣкъ; в) изъ 27 неучаствовавшихъ 11 не явились по уважительнымъ причинамъ, остальные не представили таковыхъ причинъ, отозвались или болѣзнію, или недостаточной подготовкой; г) сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, подвергалось репетиціямъ большее число, и притомъ, на сколько можно заключать изъ отмѣтокъ, съ лучшимъ успѣхомъ; д) въ ряду удовлетворительныхъ отвѣтовъ выдающимися по хорошимъ и отличнымъ отмѣткамъ заявили себя четыре студента. Принявъ соотвѣтственныя мѣры какъ относительно вовсе неучаствовавшихъ въ репетиціяхъ, такъ и неявившихся на нѣкоторые изъ предметовъ, совѣтъ института призналъ результаты полугодичныхъ репетицій въ общемъ вполнѣ удовлетворительными. Для оказанія пособій возможно-большему числу студентовъ приняты были слѣдующія мѣры: а) въ видахъ доставленія даровыхъ и по возможности дешевыхъ квартиръ, въ зданіяхъ института предоставлено было 11 комнатъ, въ которыхъ разновременно пользовались помѣщеніемъ 23 студента, изъ коихъ 7 освобождены были отъ платы, съ остальныхъ же взыскивалось по 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ на покрытіе хотя части издержекъ по содержанію этихъ квартиръ; б) освобождено было вовсе отъ платы за слушаніе лекцій: въ первомъ полугодіи 13 и во второмъ 17 студентовъ; в) исходатайствовано у начальства округа, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, пособіе изъ суммъ округа въ количествѣ 250 руб., распредѣленныхъ между 10-ю студентами; г) производилась выдача профессорскихъ стипендій (изъ добровольныхъ ежемѣсячныхъ вычетовъ изъ жалованья институтскихъ преподавателей), которыми пользовались шесть студентовъ по 7 руб. 50 коп. ежемѣсячно; д) въ видѣ вознагражденія занятій въ основной библіотекѣ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, выдано изъ спеціальныхъ средствъ и изъ сбора за ученіе, 17-ти нуждающимся студентамъ въ размѣрахъ 10—35 руб.; е) въ вознагражденіе за сочиненія, написанныя на заданныя темы, 18-ти студентамъ выдано 325 руб. Сверхъ того при институтѣ существуетъ особая касса для несостоятельныхъ студентовъ. Въ 1878 году изъ этой кассы, имѣвшей прихода 878 руб., израсходовано было: на еже-

Digitized by Google

мѣсячныя стипендіи 349 руб., на заимообразныя пособія 168 руб., на безвозвратныя пособія 341 руб., въ больницу за леченіе студента и другіе мелкіе расходы 7 руб.

Движеніе кредитовъ института въ 1878 году представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) суммъ государственнаго казначейства: оставалось отъ 1877 года 489 руб. 44 коп., въ 1878 году отпущено 47,658 руб., израсходовано въ 1878 году 46,603 руб. 61 коп., за тѣмъ остатка къ 1879 году имѣлось 1,543 руб. 83 коп.; б) сбора за ученіе: остатокъ отъ 1877 года 2,717 руб. 83 коп., поступило въ 1878 году 7,090 руб. 37 коп., израсходовано 6,548 руб. 28 коп., оставалось къ 1879 году 3,259 руб. 92 коп.; в) общихъ спеціальныхъ средствъ института: оставалось отъ 1877 года 4,010 р. 72 к., поступило въ 1878 году 12,621 руб. 77 коп., израсходовано 15,234 руб. 60 к., къ 1-му января 1879 года остатка было 1,397 руб. 75 коп. Изъ суммы сбора за ученіе и общихъ спеціальныхъ средствъ произведены были слѣдующіе главные расходы: а) изъ сбора за ученіе: на ремонтъ химической лабораторіи и устройство лабораторіи земледѣльческой 389 руб., на учебно-вспомогательныя учрежденія, въ дополненіе къ штатнымъ суммамъ, 2,129 руб., на вознагражденіе за завѣдываніе опытною фермой 500 руб., на вознагражденіе сверхштатнаго лаборанта земледѣльческой лабораторіи 500 руб., на изданіе переводовъ спеціальныхъ сочиненій 269 руб., на выдачу пособій студентамъ за представленныя и одобренныя сочиненія 325 руб., на постройку сарая для склада орудій при опытной фермѣ 526 руб., на изданіе Записокъ института 637 руб.; б) изъ общихъ спеціальныхъ средствъ: на опытную ферму 3,140 руб., на садовыя учрежденія 602 руб., на командировки съ ученою цѣлію 475 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Ново-Александрійскаго института находились въ слѣдующемъ положеніи: Въ основной библіотекѣ къ 1-му января 1879 года имѣлось 8,009 названій въ 12,412 томахъ на сумму 28,211 руб. Значительную долю поступленій составляли даровыя поступленія (398 томовъ на 412 руб.). Пользованіе библіотекой затрудняется, вслѣдствіе неимѣнія отдѣльнаго библіотекаря и канцелярскихъ силъ при библіотекѣ. Въ профессорской читальнѣ, составляющей часть основной библіотеки, получалось 93 періодическихъ изданія, въ томъ числѣ спеціальнаго содержанія 72; изъ общаго числа, на русскомъ языкѣ 50, на нѣмецкомъ 23, на польскомъ 11, на французскомъ 8, на англійскомъ 1. Къ концу года, вслѣдствіе обмѣна, число это увеличилось, и къ 1879 году институтъ вступилъ

Digitized by Google

съ 94-мя учрежденіями въ обмѣнъ изданіями, которыя получались безплатно въ 1879 году. Въ студентской библіотекѣ съ читальней къ 1879 году состояло 456 названій въ 856 томахъ на 1,903 руб. Изъ библіотеки взято было 1,320 томовъ и до 4,000 нумеровъ періодическихъ изданій; читальня ежедневно была открыта по три часа для посѣщенія студентами въ свободное отъ лекцій время. Въ химической лабораторіи къ 1879 году должно было находиться имущества на 6,210 руб. Но эта цифра совершенно фиктивная, такъ какъ инвентаря, провѣреннаго со счетами и прежними инвентарями до 1869 года, не могло быть изготовлено. Въ химической лабораторіи, кромѣ обязательныхъ практическихъ занятій студентовъ, лаборантъ Павлевскій занимался опредѣленіемъ скорости реакцій между нѣкоторыми химическими соединеніями и изслѣдованіемъ состава плодовъ растенія Viscum album, и студентъ Милеантъ, подъ руководствомъ профессора Лея, провѣркою работъ Le Bell'a надъ измѣненіемъ вращательной способности активныхъ веществъ отъ замѣны въ нихъ водянаго остатка галоидомъ. Кромѣ того, въ лабораторіи были сдѣланы, по требованію судебнаго слѣдователя, два судебно-медицинскихъ изслѣдованія, именно: опредѣленіе состава металлическаго сплава, и изслѣдованіе кровяныхъ пятенъ. Въ земледѣльческой лабораторіи къ 1879 году имѣлось: по долгосрочному инвентарю: 287 названій 1,223 предмета на сумму 5,866 руб.; по краткосрочному инвентарю — 541 предметъ на 1,922 руб. Расходы 1878 года суммируются такъ: для занятій съ студентами — 548 руб., на демонстративную и опытную обстановку лекцій 412 руб., для научныхъ работъ преподавателей — 176 руб., ремонтъ и мелкіе расходы—59 руб. Въ первомъ полугодіи 14 студентовъ 2-го курса упражнялись въ механическомъ и химическомъ анализѣ почвъ по способу Кнопа; во второмъ же 13 студентовъ 3-го и одинъ 2-го занимались изслѣдованіемъ состава какъ почвы, такъ и важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, такъ какъ увеличеніе средствъ лабораторіи дало возможность расширить первоначальный планъ занятій. Въ обоихъ полугодіяхъ было до 60 ти дней обязательныхъ занятій по 3—4 часа ежедневно; кромѣ того, въ свободное время студенты занимались необязательно. Параллельно съ занятіями по земледѣльческой химіи, въ земледѣльческой лабораторіи имѣли мѣсто практическія занятія студентовъ по почвовѣдѣнію, зоотехніи и технологіи. Наконецъ, земледѣльческая лабораторія доставляла возможность производства научныхъ изслѣдованій, результаты которыхъ со временемъ появятся въ печати, а именно: преподаватель

Digitized by Google

Добровольскій занимался изслѣдованіемъ измѣненія состава почвы подъ вліяніемъ удобреній, причемъ на устроенномъ участкѣ воспитывался въ разныхъ условіяхъ картофель; лаборантъ Москалевскій занимался водяной культурой льна и гречихи, съ цѣлію прослѣдить вліяніе хлора на развитіе этихъ растеній; доцентъ Рудинскій продолжалъ изученіе физическихъ свойствъ почвы; и. д. доцента Цихоцкій производилъ анализы пива, и профессоръ Малевскій занимался опредѣленіемъ поглотительной способности рѣчной суглинистой почвы послѣ предварительнаго на нее дѣйствія различныхъ удобреній, и продолжалъ изслѣдованія надъ черноземомъ. Въ физическомъ кабинетѣ состояло 327 названій приборовъ на сумму 7,315 руб. Общее состояніе этого кабинета не можетъ быть названо удовлетворительнымъ: многіе приборы являются совершенно излишними для цѣлей его, другіе должны быть исключены по негодности для дальнѣйшаго употребленія. Въ метеорологической обсерваторіи находилось 19 приборовъ, стоимостью въ 429 руб., общая же стоимость ея осталась прежняя, въ 604 руб. Обсерваторія производила рядъ наблюденій по инструкціи главной физической обсерваторіи, куда ежемѣсячно посылались полученныя данныя. Этими же данными пользовались для научныхъ трудовъ нѣкоторые изъ преподавателей и врачъ института; студенты также посѣщали обсерваторію и знакомились съ ея устройствомъ и производствомъ наблюденій. Зоологическій кабинетъ заключаетъ въ себѣ 356 предметовъ въ 990 названіяхъ, стоимостью въ 2,405 руб., и служилъ для демонстрацій на лекціяхъ практическихъ занятій по зоологіи и энтомологіи. Неудобства помѣщенія, тѣснота его, неимѣніе достаточнаго количества соотвѣтственной мебели, посуды и проч., не могутъ быть пока устранены, по ограниченному размѣру суммы, отпускаемой для кабинета. Особенно чувствительно отсутствіе всякихъ приборовъ для демонстрацій и опытовъ по физіологіи животныхъ. Въ ботаническомъ кабинетѣ находилось 4,201 предметъ на 1,315 руб. Гербаріи кабинета служили для демонстрацій, микроскопы—для работъ нѣкоторыхъ студентовъ. Въ минералогическомъ кабинетѣ: минераловъ, горныхъ породъ, окаменѣлостей, моделей и прочаго имущества 11,682 предмета стоимостью въ 3,077 руб. Кабинетъ служилъ главнымъ пособіемъ для демонстрацій на лекціяхъ и занятій учащихся. Въ кабинетахъ механическомъ, геодезическомъ и рисовальномъ находилось разныхъ предметовъ: въ первомъ 264 на сумму 8,829 руб., во второмъ 206 на 2,596 руб., въ послѣднемъ 270 на 473 руб. Въ технологическомъ кабинетѣ состояло 617 предметовъ

Digitized by Google

на 5,360 руб. Кабинетъ служилъ для демонстраціи на лекціяхъ и практическихъ занятіяхъ, которыя состояли въ техническихъ анализахъ, производимыхъ и самими студентами. Земледѣльческій кабинетъ заключалъ въ себѣ 903 предмета на 2,860 руб. и служилъ важнымъ пособіемъ при преподаваніи какъ растеньеводства, такъ и земледѣльческой механики. Въ зоотехническомъ кабинетѣ находилось 187 предметовъ, стоимостью въ 2,178 руб. Не смотря на значительное въ теченіе года обогащеніе, облегчившее демонстративную сторону преподаванія зоотехніи, оказывается все еще настоятельная потребность въ пополненіи кабинета многими приборами и моделями. Въ коллекціи по строительному искусству находилось 93 предмета на 3,468 руб.; никакого употребленія изъ этой коллекціи институтъ не нашелъ возможнымъ сдѣлать. Лѣсной кабинетъ имѣлъ 929 предметовъ на 1,230 руб. Коллекціи кабинета употреблялись для демонстрацій на лекціяхъ, а также для практическихъ занятій учащихся по лѣсоразведенію, лѣсной таксаціи и проч. Въ ветеринарной клиникѣ и въ кабинетѣ моделей, препаратовъ и приборовъ по ветеринаріи имѣлось предметовъ: въ клиникѣ 288 на 507 руб., въ кабинетѣ 612 на 2,821 руб. Дѣятельность клиники оставалась амбулаторною: больныя животныя имѣнія и фермы института, за отсутствіемъ постоянной клиники, лечились на мѣстѣ, необходимыя лекарства заготовлялись лично преподавателемъ въ имѣющейся аптекѣ. Въ теченіе года подверглось леченію 306 штукъ животныхъ, принадлежащихъ институту, именно 63 лошади, 67 штукъ рогатаго скота и 176 штукъ овецъ; изъ нихъ околѣло 8 штукъ рогатаго скота и 89 овецъ. Посторонними лицами представлено было для осмотра и совѣта въ амбулаторной клиникѣ 53 лошади, 24 штуки рогатаго скота, 5 овецъ, 4 свиньи и 21 собака. Вообще въ теченіе года пользованы и осмотрѣны 412 штукъ. Операцій на животныхъ произведено 21, секцій 18. При операціяхъ и секціяхъ, а также при осмотрѣ и леченіи больныхъ животныхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, принимали участіе и студенты института. При этомъ они ознакомлялись съ анатомическимъ устройствомъ органовъ животнаго тѣла, съ различными пріемами и способами изслѣдованія больныхъ животныхъ, назначеніемъ врачебныхъ средствъ и способами задаванія оныхъ, съ экстерьеромъ животныхъ, преимущественно лошадей, и наконецъ съ производствомъ нѣкоторыхъ простыхъ хирургическихъ операцій. Въ учрежденіяхъ для пчеловодства и шелководства, служащихъ посо-

Digitized by Google

біемъ при преподаваніи этихъ предметовъ, было 145 предметовъ на 338 руб. Въ садовыхъ учрежденіяхъ, именно теплицахъ, оранжереѣ, ботаническомъ саду, садахъ, огородахъ и питомникахъ находилось растеній, орудій и другихъ принадлежностей 15,451 нумеръ на 2,582 руб. Дохода въ теченіе года садовыя учрежденія дали 428 р., что̀ далеко недостаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей этихъ учрежденій. Сверхъ того, при Новоалександрійскомъ институтѣ имѣются опытная ферма и опытное поле.

Digitized by Google

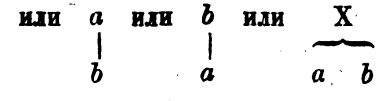
Digitized by Google

О ФОРМАХЪ РОДИТЕЛЬНАГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННАГО ЧИСЛА ТАКЪ НАЗЫВАЕМАГО ВТОРАГО ГРЕЧЕСКАГО СКЛОНЕНІЯ [1].

IV.

По приведеннымъ мною выше мѣстамъ изъ сочиненій Шлейхера, Г. Курціуса, Лео Мейера видно, что по общепринятому мнѣнію обыкновенный родительный падежъ ед. ч. 2-го склоненія на ου произошелъ изъ родительнаго на οο вслѣдствіе того, что два οο слились въ ου. А дѣло, по моему, не совсѣмъ такъ. Нѣтъ, правда, сомнѣнія, что род. на ου произошелъ изъ родительнаго на οο; но, спрашивается, непосредственно ли? Положимъ однако даже, что вслѣдствіе сліянія изъ двухъ οο прямо образовывалось ου, а, слѣдовательно, и родительный падежъ на ου прямо изъ родительнаго падежа на οο, но, спрашивается, какъ относится аттическо-іоническая форма род. п. на ου къ дорическо-эолической на ω?

Обозначимъ одну изъ этихъ формъ буквою *a*, а другую буквою *b*. Историческое отношеніе ихъ одной къ другой можетъ быть представлено только одною изъ трехъ слѣдующихъ фигуръ:



то-есть, или изъ *a* образовалось *b*, или изъ *b*—*a*, или и *a* и *b* образовалось изъ третьей формы X.

Изъ этихъ трехъ возможныхъ рѣшеній вопроса, обыкновенно, если не ошибаюсь, принимается исключительно третья возможность, то-

[1] *Окончаніе.* См. *Журн. М. Н. Пр.* январь 1880 г.

Digitized by Google

есть полагаютъ, что и аттическо-іоническая форма ου и дорическо-эолическая ω одинаково происходятъ изъ ου; а именно такимъ же образомъ, какъ происхожденіе формы ου, объясняютъ и происхожденіе формы ω (см. Ahrens, de d. I § 1, 4, 51, II, § 25, 3). Итакъ, полагаютъ, что съ перваго появленія и образованія формы ω или формы ου, эта, только что образованная форма стала тотчасъ исключительною особенностью одного изъ двухъ главныхъ греческихъ діалектовъ въ отличіе отъ другаго.

Такъ ли это, увидимъ, если сообразимъ, вопервыхъ, какъ род. п. ед. ч. 2-го склоненія писался первоначально, то-есть въ архаическихъ надписяхъ, въ надписяхъ архаическаго, до новоіоническаго или до эвклидовскаго письма, а отчасти даже и въ еще позднѣйшихъ, и если притомъ постараемся дать себѣ отчетъ въ томъ, почему эта форма первоначально писалась такъ, а не иначе.

По понятіямъ древнихъ грамматиковъ, такъ называемый дифтонгъ ου писался первоначально такъ же, какъ и краткое и долгое ο, то-есть о; а также и ει обозначалось первоначально не иначе, какъ и краткое и долгое ε, то-есть Е. [1]) Воззрѣнія древнихъ грамматиковъ на этотъ вопросъ намъ извѣстны по доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, сохранившимся въ сочиненіяхъ, относящихся не раньше какъ къ 1-му столѣтію до Р. Хр., преимущественно даже въ грамматическихъ или лексическихъ сочиненіяхъ византійскаго періода. Самое древнее извѣстіе о томъ, сколько мнѣ извѣстно, сохранилось въ относящемся къ концу перваго столѣтія сочиненіи римскаго учителя краснорѣчія М. Фабія Квинтиліана: de institutione oratoria, въ которомъ I, 7, 11 говорится: illa vetustissima transeo tempora, quibus et pauciores litterae nec similes his nostris formae fuerunt et vis quoque diversa, sicut apud Graecos o litterae, quae interim longa ac brevis, ut apud nos, interim pro syllaba, quam nomine suo exprimit, posita; то-есть иногда О означало ου, что и есть названіе этой буквы (см. К. Е. А. Schmidt, Beiträge zur Grammatik des Gr. u. Latein. стр. 60 сл.). Ко второму же столѣтію относятся тріопійскія надписи, то-есть надписи, начертанныя на двухъ столбахъ, поставленныхъ ораторомъ Тиберіемъ Клавдіемъ Аппикомъ Иродомъ въ его имѣніи, находившемся подъ городомъ

[1]) Такъ какъ дѣло идетъ не о графическихъ видоизмѣненіяхъ формы отдѣльной буквы, то я пишу здѣсь Е, а не такъ, какъ эта буква очерчалась обыкновенно въ архаическихъ алфавитахъ. Такъ поступаю я вездѣ въ этой статьѣ и относительно остальныхъ буквъ.

Digitized by Google

Римомъ по Аппіевой дорогѣ и называвшемся Тріопійскимъ. Въ этихъ надписяхъ, въ которыхъ Иродъ подражалъ архаическому письму, позднѣйшее ου, то-есть звукъ, который въ соотвѣтствующихъ словахъ и формахъ словъ въ періодѣ позже архаическаго письма обозначался двумя буквами (ου), пишется только одною буквою ο, не только въ род. падежѣ ед. ч. 2-го склоненія (напримѣръ, ΕΚΤΟΤΡΙΟΠΙΟ, то-есть ἐκ τοῦ Τριοπίου) и перваго склоненія основъ мужескаго рода на первоначально долгое α (напримѣръ, ΗΕΡΟΔΟ, то-есть Ἡρώδου), но даже и въ отрицаніи ου (Ο=οὐ, ΟΔΕΝΙ=οὐδενί), въ отрицаніи, которое съ самыхъ древнихъ временъ обозначалось двумя буквами οὐ (ср. C. I. G. 26 съ комментаріемъ Бёка; за исключеніемъ немногихъ случаевъ, гдѣ пишется впослѣдствіи ο, о которыхъ рѣчь еще впереди). А такъ какъ тріопійскія надписи долгое время чуть ли не единственныя изъ архаическихъ или лжеархаическихъ надписей, которыя были извѣстны и болѣе доступны ученымъ уже съ XVI столѣтія, то мы и видимъ, что такое мнѣніе на счетъ означаемыхъ буквою ο въ архаическомъ письмѣ звуковъ господствовало и у новѣйшихъ ученыхъ со времени Іосифа Юста Скалигера до второй трети нынѣшняго столѣтія, до Авг. Бёка.

Итакъ, древніе грамматики придерживались того ученія, будто, по крайней мѣрѣ относительно гласныхъ звуковъ, уже первоначальное греческое письмо было не столько фонетическое, сколько условно-историческое, въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы называемъ условно-историческою—орѳографію англійскаго, французскаго или новогреческаго языковъ, въ которыхъ или, какъ во французскомъ языкѣ, приблизительно одинаковый простой гласный звукъ выражается то одною буквою e (то есть, или e или é или è или ê), то двумя буквами: ai; или, какъ въ англійскомъ языкѣ, буква a служитъ для выраженія то звука *a*, то звука *e* (нѣмецкаго ä), то для выраженія рада звуковъ, составляющихъ переходъ отъ *a* къ *o* (то есть, a° и o^a и o), въ то время, какъ для выраженія звуковъ *e* и *o* служатъ еще и другія буквы, или, какъ въ новогреческомъ языкѣ, для означенія гласнаго звука ι служатъ то отдѣльныя буквы, а именно ι, или η, или ο, то по двѣ буквы, какъ αι или οι. Такое предположеніе, будто первоначальное греческое письмо было условно-историческое, со стороны греческихъ ученыхъ временъ римской имперіи было весьма естественно, потому что тогда уже сдѣланъ былъ огромный, какъ фонетическій, такъ и морѳологическій переворотъ въ греческомъ языкѣ, вслѣдствіе котораго этотъ языкъ сталъ походить болѣе на языкъ византійскаго

Digitized by Google

періода и въ новогреческій языкъ, и вслѣдствіе котораго и ореографія становилась условно-историческою. Такъ въ то время уже всякое ωι, ηι и αι (то есть долгое α съ ι), которое только не перешло уже раньше въ οι, ει и αι (то есть краткое α съ ι) произносилось уже не какъ дифтонгъ, а какъ монофтонгъ ω, или η, или α (долгое) и вслѣдствіе того въ такихъ словахъ и формахъ словъ, гдѣ прежде писалось такое ωι, ηι и αι, люди менѣе образованные стали не рѣдко писать только ω, η и α, между тѣмъ какъ люди, получившіе грамматическое и литературное образованіе, продолжали писать въ этихъ случаяхъ ωι, ηι и αι, то есть, прибѣгали въ этомъ случаѣ къ условно-историческому способу письма. Кромѣ того, въ то же самое время, то-есть съ самаго начала имперіи, долгое ι означалось то одною буквою ι, то двумя ει, то-есть νίκη (съ долгимъ ι) писалось то νίκη, то νείκη. Итакъ, во время римской имперіи, когда греческое письмо, относительно выраженія гласныхъ, начинало дѣлаться условно-историческимъ, какимъ оно окончательно сдѣлалось въ новогреческомъ языкѣ, въ то время нѣкоторыя явленія архаическаго письма древнегреческаго языка не могли не привести ученыхъ къ убѣжденію, что древне-греческое письмо уже съ самаго начала было условно-историческимъ. Да какъ было и не прійти къ тому убѣжденію, когда на архаическихъ надписяхъ они читали, напримѣръ, ΛΟΓΟΣ и въ смыслѣ имен. падежа ед. ч. (λόγος) и въ смыслѣ винит. мн. (=λόγους), или когда они видѣли, что въ древнѣйшее время писалось ΛΟΓΟ, гдѣ по смыслу требовался родительный падежъ ед. ч., то-есть по позднѣйшему языку λόγου? Не естественно-ли было полагать, что ο въ древнѣйшемъ письмѣ было знакомъ не только звука ο (краткаго или долгаго), но и такъ называемаго дифтонга ου? Вѣдь замѣчать перемѣну какъ бы болѣе внѣшнюю, потому что видную, наглядную, въ ореографіи языка гораздо легче, чѣмъ замѣчать морфологогическія и фонетическія измѣненія языка, явленія часто только слышныя, а первоначально по крайней мѣрѣ невидныя и тѣмъ менѣе замѣтныя, что эти перемѣны происходятъ, по крайней мѣрѣ обыкновенно, весьма медленно и постепенно. Такъ, напримѣръ, для человѣка, не понимающаго характера и направленія новѣйшей грамматики, весьма важнымъ вопросомъ древне-греческой грамматики кажется вопросъ, какъ слѣдуетъ произносить (или читать) древнегреческій языкъ. Такъ обыкновенно выражаются объ этомъ вопросѣ, не понимая, что это вопросъ по преимуществу фонетическій,—вопросъ не столько о произ-

Digitized by Google

ношеніи, о чтеніи буквъ или сочетаній буквъ, сколько о перемѣнахъ звуковъ и замѣнахъ однихъ звуковъ другими.

Спрашивается теперь, вѣрно-ли по крайней мѣрѣ въ сущности, что обозначеніе гласныхъ въ древнегреческомъ языкѣ съ самаго начала было условно историческимъ?

Этотъ вопросъ первый разбиралъ, на основаніи аттическихъ надписей, изданныхъ въ первомъ томѣ C. I. G. (то-есть Corporis Inscriptionum Graecarum) съ свойственной этому замѣчательному ученому проницательностью и чутьемъ А. Дитрихъ (Dietrich) въ розысканіи о вокализмѣ греческаго языка, напечатанномъ въ XIV т. (1865) журнала Куна, на стр. 48 и сл. Къ тому же вопросу, одному изъ самыхъ важныхъ въ исторіи архаическаго періода древне-эллинскаго языка, не могли не возвращаться затѣмъ и другіе ученые, которые отчасти разбирали его впрочемъ только относительно аттическаго діалекта, но за то пользовались уже болѣе обширнымъ эпиграфическимъ матеріаломъ, собраннымъ въ первомъ томѣ новаго собранія аттическихъ надписей, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1873 г., какъ, напримѣръ, Кауеръ (P. Kauer) въ розысканіяхъ о древнемъ періодѣ аттическаго діалекта въ VIII томѣ (1875) Studien zur gr. u. latein. Grammatik, издававшемся Г. Курціусомъ, на стр. 223 и сл. и 390 и сл. Но въ сущности результаты позднѣйшихъ ученыхъ согласны съ тѣми, до которыхъ дошелъ А. Дитрихъ. Правда, для рѣшенія этого вопроса не подвергался разсмотрѣнію еще ни разу весь эпиграфическій матеріалъ, столь увеличившійся особенно въ послѣднія десятилѣтія, не только вообще, но и относительно архаическаго періода и относительно надписей на различныхъ древнихъ діалектахъ греческаго языка. И естественно, этотъ матеріалъ, за исключеніемъ аттическихъ надписей, еще весьма мало доступенъ, по разбросанности преимущественно вновь открытыхъ надписей по различнымъ, не только филологическимъ и историческимъ (археологическимъ) сочиненіямъ и журналамъ, но отчасти и по разнымъ журналамъ, посвященнымъ то различнымъ наукамъ, то по журналамъ вовсе не научнымъ, а посвященнымъ политикѣ или литературѣ (въ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ о повременныхъ изданіяхъ греческихъ). Однако, для приблизительно полнаго и по возможности всесторонняго рѣшенія этого немалосложнаго вопроса необходимо будетъ подвергнуть тщательному критическому разбору всѣ архаическія надписи всѣхъ греческихъ областей, да кромѣ того и части позднѣйшихъ.

Тѣмъ не менѣе, и теперь едва ли можно сомнѣваться въ томъ,

Digitized by Google

что Дитрихъ былъ въ сущности вполнѣ правъ, отрицая вѣрность взгляда греческихъ грамматиковъ на исторію архаическаго греческаго письма, если и нельзя соглашаться въ различныхъ частностяхъ съ мнѣніемъ Дитриха и другихъ, въ сущности согласныхъ съ нимъ ученыхъ относительно исторіи вокализма архаическаго періода древнеэллинскаго языка. Объ этихъ частностяхъ рѣчь еще впереди.

Мнѣніе, будто древне-греческое первоначальное письмо относительно обозначенія гласныхъ съ самаго начала было условно-историческимъ, опровергается какъ общими, такъ и спеціальными соображеніями, а именно слѣдующими. Замѣчу притомъ, что ограничусь здѣсь краткимъ разборомъ вопроса о томъ, какъ писался въ архаическомъ письмѣ такъ называемый дифтонгъ ου и почему именно такъ, а не иначе, не касаясь близкаго вопроса объ обозначеніи въ этотъ періодъ звука, писавшагося въ позднѣйшее время двумя буквами ΕΙ.

Во-первыхъ, можно ли представить себѣ, чтобы Греки, приявши финикійскія письмена, въ которыхъ по общепринятому мнѣнію тогда обозначались исключительно только согласные звуки, и будучи такимъ образомъ принуждены прибѣгнуть къ совершенно новымъ буквамъ, соотвѣтствующимъ гласнымъ звукамъ — можно ли представить себѣ, чтобы, не смотря на то, Греки съ самаго начала стали обозначать однимъ и тѣмъ же знакомъ какъ простое, долгое или краткое ο, такъ и дифтонгъ ου [1]), то-есть сочетаніе въ одномъ слогѣ звуковъ,

---

[1]) Главные доводы А. Дитриха въ пользу этого мнѣнія слѣдующіе: 1) древнее греческое ου соотвѣтствуетъ дифтонгу *ou* въ родственныхъ языкахъ, отчасти такъ называемому подъему (гунѣ) звука *u* (русск. у); 2) ου замѣняется сочетаніемъ звуковъ οF и на оборотъ; 3) говоритъ въ пользу названнаго мнѣнія аналогія дифтонговъ αυ и ευ (или ηυ). То мнѣніе, что υ первоначально былъ знакомъ лат. *u* (русск. у), а не франц. *u*, нѣм. ü, A. D. подтверждаетъ тѣмъ явленіемъ, что υ соотвѣтствуетъ латинскому *u* въ соотвѣтствующихъ словахъ другихъ индо-европейскихъ языковъ. Объ υ ср. Ареиса въ Philologus t. XXXV (75 г.), стр. 8. Далѣе, въ пользу того мнѣнія, что первоначальное греческое Υ =лат. *u*, говоритъ и то обстоятельство, на которое, если не ошибаюсь, первый указалъ Фр. Ленорманъ (Fr. Lenormant), что древнѣйшая форма буквы Υ совпадаетъ иногда вполнѣ съ буквою F, и что слѣдовательно и относительно выраженія звука υ Греки поступали также, какъ и относительно выраженія гласнаго звука ι. Какъ въ одномъ случаѣ они стали употреблять въ видѣ знака гласнаго ι букву, употреблявшуюся у Финикіянъ только (по крайней мѣрѣ сначала и еще въ то время, когда Греки приняли финикійскій алфавитъ) для означенія согласнаго *j*, такимъ же образомъ они стали употреблять и финикійское Βαβυ, (греч. Digamma) въ качествѣ знака гласнаго, ближайшаго къ дигаммѣ, къ русск.

Digitized by Google

каждый изъ составныхъ элементовъ котораго былъ слышенъ особо? Съ намѣреніемъ я говорю здѣсь дифтонгъ ου, а не, какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ называемый дифтонгъ. Спрашивается, отчего же онъ не писался ΟΥ, какъ двугласный звукъ, образованный изъ сочетанія звуковъ ο и υ (=русскаго у); хотя другіе двугласные, коихъ второй составной элементъ былъ υ, писались двумя буквами ΑΥ и ΕΥ (то-есть = αυ или ϝυ)?

Если бы, съ другой стороны, нельзя было не предполагать, что звукъ, которому въ позднѣйшее время въ соотвѣтствующихъ словахъ и формахъ словъ соотвѣтствовалъ монофтонгъ ου, уже первоначально былъ простымъ долгимъ у (русскимъ), то отчего же этотъ звукъ не обозначался одною буквою υ, бывшею первоначально знакомъ, какъ мы видѣли, звука латинскаго u, русскаго у? Что такое ου въ такомъ случаѣ было бы долгимъ u, а не краткимъ, это обстоятельство не мѣшало. Вѣдь долгіе и краткіе гласные не отличались особенными знаками и существованіе рядомъ буквъ О и Ω, Е и Η—явленіе не первоначальное, а позднѣйшее.

И такъ, приведенныя только что соображенія не допускаютъ возможности предположить, будто бы первоначальное греческое письмо было условно-историческимъ, а не фонетическимъ.

Но какъ же объяснить далѣе тотъ фактъ, что въ первоначальномъ греческомъ письмѣ, въ которомъ зачастую Е принимается за звукъ, соотвѣтствующій позднѣйшему ΕΙ, и О за звукъ, соотвѣтствующій позднѣйшему ΟΥ, встрѣчаются и ΕΙ и ΟΥ въ различныхъ, хотя и сравнительно не многихъ случаяхъ?

Вспомнимъ однако, что уже Бёкъ и даже еще гораздо раньше Сомезъ (Claude de Saumaise, по лат. Salmasius) замѣтилъ, что въ извѣстныхъ словахъ и формахъ словъ Греки съ самаго начала писали ΟΥ и ΕΙ. Такъ, отрицаніе οὐ (не) писалось съ самаго начала двумя буквами ΟΥ, а также и οὗτος и τοῦτο и другія формы этихъ

в или къ англійск. w. А такой ближайшій къ этимъ звукъ гласный будетъ только лат. u, русск. у, а никакъ не фр. u, нѣм. ü. Кромѣ того, не должно упускать изъ вида, что во многихъ словахъ, какъ нарицательныхъ, такъ и собственныхъ, удержавшихъ и въ другихъ отношеніяхъ ту же форму, фонетическую и морфологическую, которую они имѣли въ древнегреческомъ языкѣ, сохранился еще и до новѣйшаго времени звукъ древнегреческаго υ (= лат. u), какъ, напримѣръ, въ названіи города Στύρα въ Эвбеи (Euboea), называемый нынѣ Stura, что пишется Στούρα, гдѣ ου означаетъ только древнегреческій звукъ (писавшійся нѣкогда υ).

Digitized by Google

основъ; а также Σποσδίας. Также и ΕΙ всегда писалось двумя буквами, напримѣръ, въ дат. п. ед. ч. ΠΟΛΕΙ (= πόλει).

Отчего же звуки, соотвѣтствующіе позднѣйшимъ звукамъ ει и ου, съ самаго начала то пишутся ΕΙ и ΟΥ, то просто Е и О?

Дитрихъ первый указалъ, что не одинакова прежняя исторія позднѣйшихъ звуковъ ει и ου въ томъ и въ другомъ случаѣ. Въ одномъ случаѣ дифтонги ει и ου уже существовали издревле, то-есть, какъ безъ сомнѣнія должно понимать Дитриха, уже въ то время, когда Греки принимали отъ Финикіянъ письмена; а въ другомъ случаѣ ει и ου уже послѣ перваго введенія письменъ произошли изъ η и долгаго ο (ω). Я передаю тутъ скорѣе смыслъ словъ Дитриха, чѣмъ его слова, потому что онъ разницу эту передаетъ иначе. По моему мнѣнію, собственно тамъ, гдѣ этимологія указываетъ на существованіе первоначальнаго υ (то-есть русскаго у, и лат. u) или дифтонга ου, тамъ и въ архаическомъ письмѣ пишутся всегда двѣ буквы, ΟΥ; а гдѣ первоначально такого дифтонга не было, какъ видно, напримѣръ, изъ того обстоятельства, что въ позднѣйшее время аттическо-іоническому ου соотвѣтствуетъ дорическо-эолическое ω, тамъ въ древнѣйшее время пишутъ только О.

Тутъ не совсѣмъ понятно, какъ отъ этимологіи слова зависитъ сохраненіе. положимъ, дифтонга ου въ извѣстное время. Вѣдь указанія этимологіи на первоначальный дифтонгъ еще не доказываютъ, что и впослѣдствіи не произошла перемѣна звуковъ; напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что κλῆϊς, κλεῖς происходятъ отъ того же корня, какъ и clavis; не смотря на то, въ одномъ словѣ удержалось V (=F), въ другомъ между гласными перестало произноситься. Далѣе кому не извѣстно, что Clodius первоначально было то же, что Claudius, или что Claudius была первоначальная форма слова Clodius? Тѣмъ не менѣе, дифтонга au, на который указываетъ этимологія слова, въ Clodius уже нѣтъ.

Этимологія слова можетъ только служить намъ средствомъ объяснить возможность существованія υ или дифтонга ου въ данный періодъ, а вовсе не доказать необходимость его. Такъ, напримѣръ, по этимологіи, дифтонга ει въ первоначальной формѣ слова εἶπον не было. А именно такое εἶπον или во время сложенія омирическихъ пѣсней ἔειπον или можетъ быть еще ἙΕειπον соотвѣтствуетъ первоначальному индо-европейскому avavakam, или avakam, изъ котораго произошла индійская форма avôkam или vôkam. Ср. Эбель въ Zeitschr. Куна II, 46, cf. Delbrueck, das Altindische Verbum p. 111. Тѣмъ

Digitized by Google

не менѣе греческое слово пишется всегда и въ самое древнее время ΕΙΠΟΝ, потому что дифтонгъ, хотя и не бывшій первоначально въ этомъ словѣ, произошелъ однако или уже тогда, когда Греки начинали писать, или, по крайней мѣрѣ, въ то время, изъ котораго происходятъ древнѣйшія надписи, въ которыхъ сохранилось это ΕΙΠΕΝ или ΕΙΠΕ. И такъ нужно выражаться слѣдующимъ образомъ: звукъ, соотвѣтствующій позднѣйшему ου, писался двумя буквами ΟΥ, если онъ былъ дифтонгомъ во время введенія письма; а никакъ нельзя излагать дѣло такъ: онъ писался ΟΥ, если на первоначальный дифтонгъ въ немъ указываетъ этимологія.

Далѣе, невѣрно, напримѣръ, Кауеръ называетъ αι и ου дифтонгами настоящими diphthongi (genuinae) въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ этимологія указываетъ на первоначальное существованіе этихъ дифтонговъ; а тѣ αι и ου, которыя образовались изъ древнѣйшаго η и ω, называетъ онъ diphthongas adulterinas, то-есть не настоящими. По моему, всякій звукъ настоящій (genuinus), который только существуетъ въ языкѣ, все равно, явился-ли онъ позже или раньше.

И такъ, по нашему мнѣнію, дифтонгъ ου въ то время, когда Греки начинали писать [1]), былъ произносимъ и слышенъ. Приведу слова, не подлежащія никакому сомнѣнію, напримѣръ, οὗτος, τούτων и т. д. и Στοοδίας.

И въ этихъ словахъ дифтонгъ, безъ сомнѣнія, былъ съ самаго начала греч. языка, потому что, οὗτος и τοῦτον, τούτων слова сложныя изъ указательнаго мѣстоименія ὁ—τό— и мѣстоименія αὐτός [2]), ко-

---

[1]) Gardthausen (Griechische Palaeographie, 1879, стр. 101 сл.) относитъ принятіе Греками финикійскаго письма приблизительно къ тому времени, къ которому относится и надпись моавитскаго царя Меши, то-есть къ 900 г. до Р. Хр.; но я, говоря о времени введенія у Грековъ письма, не имѣю въ виду именно этой поры, такъ какъ и послѣ Гартгаузена я также мало знаю этого времени, какъ и до него, и такъ какъ не вѣрю въ твердость основаній его мнѣнія, въ которой онъ, кажется, вполнѣ увѣренъ. Положимъ, что положительно извѣстно время надписи царя Меши; но и тогда, при всемъ сходствѣ характера буквъ этой надписи съ буквами древнегреческими, никакъ не слѣдуетъ, что греческій шрифтъ не можетъ быть древнѣе потому будто бы, что во время сложенія омирическихъ пѣсней письмо еще было чуждо Грекамъ. Разумѣется, Н, 174 и Z, 168 не указываютъ существованія въ то время у Грековъ настоящаго письма; но развѣ извѣстно время сложенія омирическихъ пѣсней?

[2]) Извѣстно, что τὸ ὂ и τὸ οὖ были два названія буквы ο, какъ τὸ ἒ и τὸ εἶ названія буквы ε. Но не странно ли, что *знакъ звука* υ *мо*ъ *называтися* οὖ, *а знакъ звука* ε — *буквою* εἶ, между тѣмъ, какъ остальныя названія буквъ со-

Digitized by Google

торое пишется всегда дифтонгомъ AY; какъ первый видѣлъ Боппъ Vergl. Gram. II § 344. Въ словѣ Σποσία, съ самаго начала былъ дифтонгъ, какъ указываетъ одинаковость корня слова съ корнемъ греч. σπεύδειν (см. Г. Курціусъ Grundzüge d. gr. Etym. 5 изд. 697) и латинскаго stud-ere, stud-ium. Но и въ этихъ словахъ писалось въ древнѣйшее время OY не потому, что на основаніи этимологіи въ первоначальной формѣ слова уже былъ дифтонгъ, а потому, что этотъ дифтонгъ еще произносился и слышался въ то время, когда Греки начинали писать.

держать въ себѣ означаемый ими звукъ? И нельзя оправдать это названіе οὖ тѣмъ, что въ архаическомъ письмѣ ο означало такъ называемый дифтонгъ ου; это относится вѣдь ко второму періоду архаическаго письма, а не къ первому, т. е. къ самому началу письма. Съ самаго начала ничего подобнаго не было. Слѣдовательно, какъ съ самаго начала О могло означать только или краткое или долгое ο, такъ и названіе буквы могло быть только τὸ Ο (а не το οὖ), происхожденіе же названія τὸ οὖ и отношенія этого названія къ названію τὸ ὂ легче всего, мнѣ кажется, можно объяснить, предполагая, что гласный звукъ первоначальной формы буквы Ο—былъ долгій и это предположеніе само по себѣ кажется не невѣроятнымъ, такъ какъ и Семиты, когда впервые стали означать и нѣкоторыя гласныя буквы, то обозначали только *долгіе* гласные (ср. Д. Хвольсонъ, Исторія ветхозавѣтнаго текста и очеркъ древнѣйшихъ переводовъ etc. стр. 61 сл.), безъ сомнѣнія, по той причинѣ, что несомнѣнно было гораздо труднѣе выдѣлять изъ слова или изъ отдѣльнаго слога краткій гласный звукъ, нежели долгій.

По этой же самой причинѣ можно полагать, что и у Грековъ явилась сперва потребность обозначать особыми буквами долгіе гласные, а затѣмъ уже краткіе; такъ что первыя буквы, бывшія знаками гласныхъ звуковъ, и у Грековъ по всей вѣроятности означали первоначально только долгіе гласные, а такъ какъ нѣтъ опредѣленнаго предѣла между долгими и краткими гласными, а есть только различныя степени долготы и краткости, то тѣ же самые стали потомъ означать и краткіе гласные. Но первоначальное значеніе буквы Υ удерживалось и впослѣдствіи въ названіи буквы; такъ какъ въ τὸ ὖ (ψιλὸν) гласный звукъ, означающій и букву, дологъ. А если предположить, что и первоначальное О обозначало долгое ο, то краткое ο (то-есть τὸ ὂ), то-есть форма позднѣйшая буквы *o*, произошла вслѣдствіе сокращенія означавшагося буквою гласнаго. А форма οὖ (τὸ οὖ) образовалась вслѣдствіе замѣны того же самаго долгаго *o* (ω) звукомъ *u* (ου = лат. *u*, русск. *у*). И обозначеніемъ звука ου буквою О, которое мы отрицали только относительно перваго начала архаическаго греческаго письма, но отнюдь не думаемъ отрицать относительно второй поры его—объясняется сохраненіе названія τὸ οὖ для означенія буквы ο. Когда же затѣмъ вошла въ употребленіе и буква Ω для означенія долгаго ο, то названіе τὸ ὦ стало означать только долгое ο (ὦ), а для означенія краткаго ο, а также и звука ου стало употребляться τὸ ὂ. — Совершенно аналогично и происхожденіе названій буквы ε: τὸ ἒ и τὸ εἶ.

Digitized by Google

А гдѣ въ то время не было ни дифтонга, ни позднѣйшаго монофтонга οω, тамъ въ древнѣйшее время и не писалось ΟΥ, а только Ο; напримѣръ, въ позднѣйшемъ аттическомъ βουλή, дор. βωλά, эолич. βόλλα; въ ἐθελούσιος, или Ταχιοῦσσα (ср. Kirchhoff Studien z. Geschichte des gr. Alphabets, 3 изд. стр. 17), Ἀγνούσιος, Ἀλιμούσιος, Μυρρινούσιος, Ραμνούσιος въ κοῦρος и κούρη, происходящихъ изъ древнѣйшихъ формъ ΚΟΡΓΟΣ и ΚΟΡΓΑ, ср. Archaeolog. Zeitung 1876, табл. 5; въ Μοῦσαι, дор. Μῶσαι; въ Θουκυδίδης Θουδόσιος, Θούδωρος etc. въ род. п. ед. ч. 2 скл., напримѣръ, ἵππου и 3 скл. основъ на ες—, напримѣръ Εὐμέλους или въ ἀργοροῦς, χρυσοῦς.

Въ этихъ случаяхъ, въ которыхъ первоначально имѣется ο, позднѣйшему іонически-аттическому ου соотвѣтствуетъ дор. ω. И это впослѣдствіи дорическо-эолическое ω явно произносилось такъ во время введенія у Грековъ письма, была тогда формою обще-эллинскою, изъ которой произошло ου (но, безъ сомнѣнія, монофтонгъ ου) Аѳинянъ, Іонянъ и въ самомъ обширномъ размѣрѣ у части Эолянъ, то-есть Ѳессалійцевъ; ср. Ahrens de diall. I § 14, 57 и II § 20; а относительно ѳессалійскаго діалекта ср. теперь Френкеля (M. Fraenkel) и Фридлендера (Jul. Friedländer) въ Arch. Zeitung Jahrg. XXXIV (1876) стр. 31 и слѣд. Общеэлл. Φίλων, Λύσων, Κλέων, Κάμων, и т. п. = ѳессалійскимъ Φίλουν, Λύσουν, Κλέουν, Κάμουν; общеэллинское Κραννωνίων, Γομφιτῶν, Γορτωνίων, Φεραίων = спеціально ѳессалійскимъ формамъ ΚΡΑΝΝΟΥΝΙΟΥΝ, ΓΟΜΦΙΤΟΥΝ, ΓΥΡΤΟΥΝΙΟΥΝ, ΦΕΡΑΙΟΥΝ; далѣе, общеэллинское ἔδωκα = ѳессалійскому ἔδουκα въ фарсальской надписи Rev. arch. 1877. p. 34.

Что не во всѣхъ этихъ случаяхъ ω переходило въ одинаковое время въ ου вездѣ, гдѣ такой переходъ вообще замѣчается, и что въ одинаковое время не во всякомъ словѣ или во всякой формѣ слова, гдѣ замѣчается,—это само собою разумѣется.

Кромѣ того, иногда древнее ω удерживается въ части тѣхъ діалектовъ, въ которыхъ зачастую такое ω переходитъ въ ου; напримѣръ, ω Эолянъ удерживается, кажется, весьма долго; форма ὦν свойственна также и Дорянамъ и Іонянамъ, между тѣмъ какъ Аѳиняне писали и говорили οὖν.

Въ другихъ случаяхъ опять-таки у Аѳинянъ, долгое ο (ω), вмѣсто того чтобы переходить въ ου, сокращается, какъ не рѣдко и у Дорянъ; такъ, первоначальное греческое ὠνοματ—ср. лат. nomen, санскр. naman, затѣмъ ὄνοματ—дѣлается у Аѳинянъ ὄνοματ, гдѣ, разумѣется, краткое ο происходитъ изъ древняго ω, сперва во 2-мъ

Digitized by Google

слогѣ, затѣмъ у Аѳинянъ и въ 3 отъ конца слогѣ, между тѣмъ какъ ω 3-го отъ конца слога всегда у всѣхъ Эллиновъ удерживается въ сложеніяхъ: ἐπώνυμος, ἀνώνυμος, ὁμώνυμος, ψευδώνυμος и под. Далѣе, если одинъ изъ главныхъ городовъ Сициліи называется: то Συράκουσαι (іон. Συρήκουσαι), или Συράκουσα, то Συράκοσα или Συράκοσσα и граждане Сиракузскіе то: Συρακόσιοι, то Συρακόσιοι, то это происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ того, что первоначальная форма этого имени была Συράκωσαι, изъ котораго также легко посредствомъ замѣны долгаго o (ω) монофтонгомъ ου дѣлается Συράκουσαι, какъ и посредствомъ простаго сокращенія тогоже звука—Συράκοσαι. А древняя форма Συράκωσαι образована безъ сомнѣнія съ помощью суффикса Fετ или Fεντ,—какъ Τειχωσα изъ Τειχω—εσσα вм. древняго ΤειχωFεσσα (см. στονο-Fεσσα въ керкирейской надписи Арніада Ross, Arch. Aufs. 2-te Samml. таб. XX).

Но ου, которымъ у Аѳинянъ, Іонянъ и Ѳессалійцевъ замѣнялось болѣе древнее ω, безъ сомнѣнія, тотъ же монофтонгъ, который слышался въ позднѣйшемъ древне-греческомъ и слышится и въ новогреческомъ языкѣ, то-есть *y*=лат. u, и первоначально было долгимъ.

А то ου, которое съ самаго начала писалось двумя буквами, и, какъ замѣчено выше, было дифтонгомъ, впослѣдствіи было монофтонгомъ; такъ что въ позднѣйшее время одинаково произносились и писались оба ου—и то, которое произошло изъ дифтонга и то, которое произошло изъ долгаго ω.

Но когда этотъ переворотъ произошелъ или, вѣрнѣе сказать, сталъ происходить, то и письмо стало другимъ, нежели было раньше.

Итакъ, мы отличаемъ два періода архаическаго письма относительно означенія o, ω и ου (дифтонга или монофтонга); два періода, которыхъ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ никто еще не отличалъ, а именно:

1) Въ первый періодъ дифтонгъ ου пишется фонетически, двумя буквами (ου); а простой гласный (краткій-ли—, долгій-ли) звукъ o одною буквою (o).

Нужно при этомъ вспомнить, что приведенный дифтонгъ, а также нерѣдко и долгое o стало долгимъ монофтонгомъ ου.

2) Вслѣдствіе того, во второй періодъ письма:

a) дифтонгъ ου, если гдѣ еще произносился и слышался, не могъ не писаться по прежнему;

b) такимъ же образомъ писался и произшедшій изъ него монофтонгъ ου=долгому u;

Digitized by Google

c) съ другой стороны и произшедшій изъ долгаго о звукъ u (монофтонгъ ου) могъ писаться, по старому преданію, такъ, какъ писался соотвѣтствующій звукъ въ тѣхъ же или соотвѣтствующихъ словахъ и формахъ словъ—одною буквою о, то-есть такъ, какъ и прежнее долгое о;

d) но тотъ же монофтонгъ могъ писаться и какъ прежній дифтонгъ, сдѣлавшійся потомъ монофтонгомъ ου (ΟΥ). А такъ какъ разницы между этими двумя ου говорящіе и пишущіе обыкновенно не сознавали, то могли писать одинаково оба ου не только двумя буквами (см. b. d), но бывшій дифтонгъ могъ писаться и e) одною буквою о, какъ другое ου, произшедшее изъ долгаго о.

Кромѣ этого, f) нужно замѣтить, что въ этотъ періодъ введена и новая буква Ω или въ знакъ краткаго гласнаго въ отличіе отъ долгаго о (на различныхъ островахъ Эгейскаго моря, напримѣръ, Паросѣ, Сифнѣ и Θасѣ), или (въ остальныхъ частяхъ Греціи) въ качествѣ знака долгаго гласнаго о въ отличіе отъ краткаго о (ο).

Вотъ главная характеристика двухъ періодовъ письма, (объ отдѣльныхъ чертахъ втораго періода рѣчь будетъ сейчасъ); но когда второй періодъ начинается, это можно будетъ опредѣлить только вслѣдствіе тщательнаго разбора всего матеріала архаическихъ надписей; понятно, что любая черта, характеризующая второй періодъ, будетъ критеріумомъ наступленія послѣдняго.

—

Такимъ образомъ, во второй періодъ уже архаическаго письма послѣднее сдѣлалось дѣйствительно условно-историческимъ въ томъ смыслѣ, что тогда a) и двумя буквами означался нерѣдко простой гласный звукъ ū и b) что тогда-же иногда этотъ самый звукъ писался и буквою о, бывшею до тѣхъ поръ знакомъ только краткаго или долгаго о. Приведемъ нѣсколько примѣровъ письма. Тогда писалось и τοῦτο и τούτων и Σπουδίας не съ ου, а съ Ο: (ΤΟΤΘ, ΤΟΤΟΝ, ΣΠΟΔΙΑΣ); въ marmor Sandvicense (C. I. G. 158) даже отрицаніе пишется не ουκ, а οκ (B v. 11. ΟΚΑΠΕΔΟΣΑΝ).

Кромѣ времени наступленія втораго періода, доставляютъ немало недоумѣнія и слѣдующія явленія.

Извѣстно (ср. Kirchhoff, Studien zur Geschichte des Gr. Alphabets), что на нѣкоторыхъ островахъ Эгейскаго моря Ω было знакомъ, не какъ въ остальныхъ архаическихъ алфавитахъ долгаго, а краткаго о и, какъ полагаютъ, ου (то-есть ū); а Ο знакомъ долгаго о. Вслѣдствіе того, въ надписяхъ этихъ острововъ и род. п. ед. ч. 2 скл. писался

Digitized by Google

буквою Ω (такъ не только ΣΩΙ=σοί, ΤΩΔΕ=τόδε, ΩΙΚΙΑΣ=οἰκίας, но и ΤΩΠΑΡΙΩ=τοῦ Παρίου); между тѣмъ, по нашему ожиданію, въ этомъ случаѣ, гдѣ было первоначально долгое о, перешедшее потомъ въ ου (ū), нужно бы было писать О. Какъ объяснить это явленіе? или отложить пока всякую попытку объяснить его, пока не найдется на этихъ же самыхъ островахъ еще гораздо больше надписей, съ помощью которыхъ можно будетъ объяснить его окончательно?

Но приведенному только что явленію соотвѣтствуетъ и фактъ, выяснившійся изъ аттическихъ архаическихъ надписей, что въ Аттикѣ и въ то время, когда начинали иногда писать ω для означенія долгаго гласнаго, все-таки въ род. п. ед. ч. 2 склоненія продолжаютъ писать ο, и не пишутъ, какъ можно было бы ожидать, ω. Кауеръ (стр. 342) могъ привести только два случая, гдѣ въ этомъ окончаніи написано не О, а Ω; C. I. Att. 358: Λευκολοφίδω и 93a, 8 θεω. Да и въ этихъ двухъ примѣрахъ Кирхгофъ объясняетъ это ω—вліяніемъ письма островитянъ, о которомъ мы только что говорили. На сколько такое объясненіе умѣстно, трудно рѣшить. Мнѣ кажется, напротивъ, проще понимать дѣло такъ: ω въ этихъ двухъ случаяхъ пишется для означенія долгаго гласнаго, а если въ остальныхъ случаяхъ вездѣ въ род. п. ед. ч. имѣется ο, то въ этомъ пишущіе сохраняютъ древній обычай; ибо всякій имѣлъ чрезвычайно много случаевъ привыкнуть къ старой орѳографіи этой формы. Вѣдь каждому приходилось зачастую писать въ род. п. ед. ч. отчество свое или чужое.

Итакъ, на основаніи предъидущаго нельзя не принимать, что обыкновенная форма р. п. ед. ч. 2 склоненія и у Аѳинянъ и у Эолянъ до принятія формы ου была форма ω и что, слѣдовательно, эта форма сама сначала была общеэллинская, а затѣмъ только спеціально дорическо-эолическая, потому что у Аѳинянъ, Іонянъ и Ѳессалійцевъ ω стало во многихъ случаяхъ переходить въ ου, а въ томъ числѣ и ω род. п. ед. ч.

Но, чтобы вернуться къ вопросу, предложенному въ началѣ этого отдѣла, какъ же относится род. падежъ ед. ч. 2 скл. на ω къ прежнимъ формамъ этого самаго падежа?

Онъ происходитъ прямо изъ род. падежа на ου, какъ вообще обыкновенно объясняютъ происхожденіе звука ω въ другихъ словахъ и формахъ словъ, а отчасти (напримѣръ, Аренсъ) и въ этой формѣ род. падежа.

Digitized by Google

Вѣдь такое слiяніе было свойственно, по крайней мѣрѣ первоначально, не только Дорянамъ и Эолянамъ, но вообще всѣмъ Эллинамъ, а въ томъ числѣ и Аѳинянамъ и Іонянамъ.

При этомъ случаѣ, однако, нельзя не замѣтить, что въ нашихъ учебникахъ греческаго языка теорія слiянія [1]) гласныхъ (συναίρεσις) излагается до сихъ поръ только совершенно механически. Справедливость этого упрека бросается въ глаза, если только взглянуть на крайне неудачное, чуть ли не совершенно нелѣпое изложеніе дѣла у Кюнера въ Ausführliche Grammatik d. Gr. Sprache, гдѣ (въ I томѣ стр. 161 и сл.) слiяніе фонетическое (то-есть, слiяніе, какъ процессъ чисто фонетическій) отличается отъ грамматическихъ слiяній, какъ будто это понятія прямо противоположныя, какъ будто слiянія фонитическія съ тѣмъ вмѣстѣ не грамматическія (?!) или, какъ будто всѣ тѣ случаи слiянія, которые онъ приводитъ раньше, на стр. 161—171, представляютъ исключительно процессы фонетическіе, а отнюдь не процессы и психическіе (?!). Вспомнимъ также, что̀ А. Дитрихъ (стр. 49) говоритъ объ обыкновенномъ изложеніи этой теоріи по поводу образованія звука οο вслѣдствіе слiянія сочетаній звуковъ εο или οε. „Изученіемъ этихъ правилъ о слiяніи гласныхъ, говоритъ онъ, въ ранніе годы мы до того привыкли къ нимъ, что насъ нисколько не поражаетъ явленіе, что вслѣдствіе слiянія изъ εο дѣлается οο; но на самомъ дѣлѣ, не такъ-то легко дать себѣ отчетъ въ томъ, вслѣдствіе какого процесса или какихъ процессовъ изъ εο или οε образуется звукъ οο. (Wir sind durch frühen Unterricht an diese Übergänge, diese sogenannten Contractionen so gewöhnt, das wir daran keinen Anstoss mehr zu nehmen pflegen; aber es ist in der That nicht so leicht darüber wegzukommen, wenn man die sprachlichen Erscheinungen nicht bloss

[1]) Въ русскихъ учебникахъ и въ преподаваніи греческаго языка въ русскихъ гимназіяхъ для обозначенія слiянія—къ сожалѣнію нерѣдко употребляется выраженіе *сокращеніе*, техническій терминъ невѣрный и подающій поводъ къ смѣшенію двухъ родовъ грамматическихъ явленій, а) напримѣръ, образованія изъ ο+ο долгаго ο (ω) и b) образованія изъ долгаго ο (ω) краткаго звука ο. А названіе идетъ только къ послѣднему изъ указанныхъ родовъ грамматическихъ явленій, но вовсе не идетъ къ первому; а именно тѣмъ, что изъ двухъ краткихъ слоговъ (ο+ο)—образуется одинъ долгій, время, нужное для произношенія долгаго слога, не будетъ нисколько короче суммы времени, употребляемаго на произношеніе того и другаго краткаго гласнаго. Поэтому желательно, чтобы учителя и составители учебниковъ перестали употреблять невѣрно придуманный терминъ: *сокращеніе*.

Digitized by Google

als gegebene Thatsachen hinnehmen, sondern sich ihre Gründe und ihr Werden klar machen will)".

Теорія сліянія однако, какъ мнѣ кажется, разъясняется безъ труда, если за исходную точку при разсмотрѣніи этихъ грамматическихъ явленій принять ту несомнѣнную истину, которую первый, сколько мнѣ извѣстно, высказалъ Лео Мейеръ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, кажется, въ Anzeigen der Göttinger Gesellschaft d. Wissenschaften, но по какому случаю и въ какомъ именно году—не помню. Эта столь простая истина—слѣдующая: вслѣдствіе продолженія краткихъ гласныхъ могутъ образоваться только однородные долгіе гласные, и вслѣдствіе сліянія двухъ однородныхъ гласныхъ могутъ образоваться только того же рода болѣе долгіе гласные; или, какъ вслѣдствіе продолженія краткихъ звуковъ ă, или ĭ или ŭ образуется только долгое ā или долгое ī или долгое ū, такъ вслѣдствіе такого же протяженія звуковъ ε и ο можетъ происходить только долгое ε (η) или долгое ο (ω), а не ει и οο. А также, что̀ собственно естественное послѣдствіе только что упомянутаго явленія, вслѣдствіе сліянія двухъ ε (то-есть ε+ε или η+η или ε+η или η+ε) или двухъ ο (то-есть ο+ο или ω+ω или ο+ω или ω+ο) является только долгое ε (η) или долгое ο (ω), а никакъ не ει или οο.

И эту истину надлежитъ прилагать къ каждому изъ явленій, называемыхъ обыкновенно сліяніями (contractiones, συναιρέσεις); а гдѣ наткнешься на примѣръ сліянія, которымъ только что приведенный законъ не подтверждается, тамъ нельзя не предполагать, что имѣешь дѣло не съ однимъ процессомъ сліянія.

Разберемъ съ этой точки зрѣнія такъ называемыя сліянія, вслѣдствіе которыхъ изъ ε+ο или ο+ε образуется долгое ο (ω).

Но прежде замѣтимъ еще слѣдующее. Самое простое сліяніе звуковъ ε+ο—то, вслѣдствіе котораго образуется дифтонгъ ευ, тотъ самый дифтонгъ, который произносятъ = русск. еу наши семинаристы, то-есть русскіе, не учившіеся нѣмецкому языку, и греческому языку учившіеся не у нѣмецкихъ учителей, если имъ приходится читать ευ, напр., въ φεύγειν. И что такое произношеніе упомянутаго дифтонга вѣрно, по крайней мѣрѣ, вѣрнѣе произношенія, вошедшаго въ обычай у Нѣмцевъ, произносящихъ ευ въ φεύγειν также, какъ eu въ euer или Beute, въ томъ никакъ нельзя сомнѣваться. Вѣдь такое ευ и въ надписяхъ (іоническихъ, неархаическаго періода) пишется и εο, напримѣръ, φεόγειν, Εοπάμων вм. φεύγειν, Εὐπάμων (см. Россъ, Arch. Aufs. II, стр. 548); и далѣе, вѣдь только изъ такого звука могло

Digitized by Google

образоваться ев или еф, какъ произносится новогреками сочетаніе звуковъ, которые они пишутъ по преданію ευ. И такъ замѣна звукомъ ευ звуковъ ε+ο—явленіе, называемое сліяніемъ; но такъ нельзя, по моему, понимать переходъ εο въ ω, какъ полагаетъ Дитрихъ (въ приведенномъ только что мѣстѣ); это послѣднее явленіе результатъ уже сложнаго процесса. А именно, сперва первый изъ этихъ двухъ гласныхъ, то-есть ε приравнивается слѣдующему звуку ο (приравненіе прогрессивное), такъ что вмѣсто ε+ο является ο+ο; а затѣмъ эти два ο (ο+ο), вслѣдствіе сліянія, замѣняются долгимъ ο (ω). И такъ, если въ прежнемъ фазисѣ формы слова имѣется εο, а въ позднѣйшемъ ω, то это никакъ не простое сліяніе. Еще сложнѣе процессъ, если изъ такого ω образуется звукъ ου;—тогда переходъ отъ εο къ ου еще менѣе непосредственный, по крайней мѣрѣ въ началѣ.

То же самое самое приходится сказать и о происхожденіи звука ω изъ прежнихъ звуковъ οε. И тутъ сначала происходитъ приравненіе, но приравненіе не прогрессивное, а регрессивное, обратное, то-есть сперва ε приравнивается тутъ предъидущему ο, затѣмъ оба ο (ο+ο) сливаются въ одинъ долгій звукъ.

Что изъ ο+ο происходитъ долгое ο (ω), само собою разумѣется. И такое ω впослѣдствіи у Іонянъ, Аѳинянъ, изъ Эолянъ у Ѳессалійцевъ и у нѣкоторыхъ изъ Дорянъ во многихъ, хотя не всегда одинаковыхъ случаяхъ замѣняется звукомъ ου. Теперь представимъ себѣ въ жизни любаго изъ приведенныхъ діалектовъ такой моментъ, въ который рядомъ употребляется слово въ трехъ видахъ: а) напр., слово χ съ двумя ο неслитными, b) χ съ однимъ долгимъ ο (ω), произшедшимъ вслѣдствіе сліянія двухъ краткихъ ο и с) то же слово χ съ формою ου. Легко могло случиться, что одна изъ этихъ трехъ формъ, а именно b, по какой бы ни было причинѣ вышла изъ употребленія (вѣдь не всѣ формы одинаково живучи, иногда удерживаются въ употребленіи формы весьма древнія, а самыя новыя какъ бы выходятъ изъ моды), вслѣдствіе чего то же самое слово употреблялось и съ формою а и съ формою с. Въ такомъ случаѣ, по аналогіи слова χ и въ другомъ словѣ, въ формѣ котораго также находились два ο (ο+ο), такіе два ο могли замѣниться прямо звукомъ υ (ου). Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ замѣною звуковъ вслѣдствіе сліянія, то-есть процесса фонетическаго (физіологическаго), а съ процессомъ чисто психическимъ. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ массѣ формъ аттическихъ, іоническихъ, ѳессалійскихъ такое ου произошло именно по

Digitized by Google

аналогіи, а только въ самомъ началѣ при образованіи такихъ формъ участвовало, и притомъ не исключительно, сліяніе.

Поэтому первоначально изъ формы род. п. ед. ч. οο могла произойти по сліянію только форма ω, такъ что эта форма когда-то была общеэллинскою. А затѣмъ только въ нѣкоторыхъ діалектахъ изъ такой формы произошла новая форма ου, ставшая такимъ образомъ отличительной чертою этихъ діалектовъ (то-есть іоническихъ, аттическаго, изъ эолійскихъ ѳессалійскаго и у нѣкоторыхъ изъ Дорянъ) въ отличіе отъ общей массы діалектовъ дорическихъ и эолическихъ. А затѣмъ въ этихъ самыхъ діалектахъ, въ которыхъ впервые появились р. п. ед. ч. на ου, по аналогіи могли образоваться и всѣ остальныя, переходя даже прямо изъ формы οο къ формѣ ου.

Когда именно такимъ образомъ впервые появились род. падежи ед. ч. 2-го скл. на ου, этотъ вопросъ рѣшить теперь еще едва-ли возможно. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ необходимости предполагать, что это явленіе совпадало съ началомъ втораго періода архаическаго греческаго письма. Вѣдь не всѣ явленія, характеризующія этотъ второй періодъ, по необходимости должны были явиться разомъ; даже одинаковая замѣна звука ω звукомъ ου не во всѣхъ случаяхъ явилась непремѣнно въ одно и то же время; вѣдь всякое новое фонетическое явленіе сперва бываетъ спорадическимъ, а затѣмъ понемногу, вѣроятно иногда и довольно быстро, пускаетъ какъ-бы много длинныхъ корней.

Что касается спеціально род. п. ед. ч., то, по Россу, въ немъ ου появляется весьма рано и, можетъ быть, даже у нѣкоторыхъ изъ Дорянъ раньше нежели у Аѳинянъ, Іонянъ и Ѳессалійцевъ, на томъ основаніи, что такое ου въ формѣ род. падежа въ двухъ примѣрахъ (ΗΥΙΟΥ и ΔΑΜΟΥ) является уже въ керкирейской надписи Менекрата (см. Ross, Arch. Aufs. II, стр. 536 и табл. XIX), которую этотъ ученый относитъ къ VIII-му или VII-му столѣтію, ко времени, къ которому нельзя съ нѣкоторой вѣроятностью отнести ни одной аттической или іонической надписи, въ которой встрѣчался бы род. съ формою ου. Но теперь едва ли кто согласится съ мнѣніемъ Росса на счетъ вѣка, къ которому надо отнести эту надпись, хотя и нѣтъ критерія, по которому можно-бы было точнѣе опредѣлить это время. Но именно то обстоятельство, что у Аѳинянъ и Іонянъ род. на ου пишется изрѣдка, кажется, не раньше V-го столѣтія, а чаще только начиная съ IV-го, заставляетъ насъ полагать, что и надпись Менекрата относится или къ концу VI-го или къ началу V-го столѣтія.

Разумѣется, если въ V-мъ столѣтіи род. падежъ на ου въ надпи-

Digitized by Google

сяхъ встрѣчается еще только изрѣдка, то это не значитъ, что онъ появился не раньше, какъ сталъ обозначаться двумя буквами (ου). Но безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ, какъ и въ большей части другихъ, перемѣна орѳографіи появилась только вслѣдъ за перемѣною фонетическою (звуковою) словъ. Но все-таки невѣроятно, чтобы такіе род. падежи на ου могли сдѣлаться болѣе или менѣе общеупотребительными раньше приблизительно V-го столѣтія.

Тому предположенію, будто форма род. п. 2-го склоненія на ω была еще общеупотребительна и у Аѳинянъ и у Іонянъ приблизительно до конца VI-го столѣтія, прямо противорѣчитъ преданіе текста стихотвореній, написанныхъ на новоіоническомъ діалектѣ. И дѣйствительно, мнѣ кажется, въ одномъ мѣстѣ Иліады, на которое обратилъ мое вниманіе А. К. Наукъ, находится несомнѣнный слѣдъ древняго родительнаго на ω, а именно въ VI пѣснѣ Иліады, въ разсказѣ о встрѣчѣ на полѣ битвы Главка съ Діомидомъ.

Здѣсь, ст. 234 сл., говорится:

Ἔνθ' αὖτε Γλαύκῳ Κρονίδης φρένας ἐξέλετο Ζεύς,
ὃς πρὸς Τυδεΐδην Διομήδεα τεῦχε' ἄμειβεν
χρύσεα χαλκείων, ἑκατόμβοι' ἐννεαβοίων.

То-есть: Когда Главкъ и Діомидъ, встрѣтившись, узнали другъ отъ друга, что другъ къ другу стоятъ въ отношеніи гостепріимства, и вслѣдствіе того дружески поздоровались, тутъ (то-есть тогда ἔνθα) съ своей стороны Зевсъ отнялъ умъ у Главка (собственно изъ Главка), то-есть лишился ума Главкъ, который (вслѣдствіе того), мѣняясь съ Тидидомъ Діомидомъ оружіемъ, свое золотое отдалъ за мѣдное оружіе, стоившее сто воловъ, за такое, которое стоило (только) девять воловъ.

Здѣсь рукописи, правда, представляютъ чтеніе Γλαύκωι (съ iota adscriptum), но это въ сущности то же самое; въ то время, къ которому относятся всѣ наши списки омирическихъ пѣсней, Γλαύκωι въ произношеніи нисколько не отличалось отъ Γλαύκῳ; и не только формы, по грамматическому происхожденію своему содержавшія въ себѣ іоту, писались нерѣдко безъ него, но и формы, въ которыхъ іота никогда не произносилась и первоначально не писалась, писались тогда съ iota adscriptum. Но за дат. падежъ принять рукописное чтеніе Γλαύκωι здѣсь никакъ нельзя; приходится поэтому принимать его за род. п. древней формы, не замѣненный позднѣйшимъ род. падежомъ на ου потому только, что переписчики и грамматики-толкователи и издатели принимали эту форму за дательный (Γλαύκωι).

Digitized by Google

Дѣло вотъ въ чемъ. Изъ 18-ти омирическихъ мѣстъ, если не считать Z, 234, въ которыхъ глаголъ ἐξελεῖν (ἐξελέσθαι, ἐξαιρεῖσθαι) можно принимать въ значеніи: вынуть (вынимать — отнять, отнимать что гдѣ нибудь или у кого-нибудь) въ одномъ только мѣстѣ, названіе или указаніе предмета, у котораго, или мѣста, гдѣ что отнимаютъ (берутъ — вынимаютъ), не выражено, а только подразумѣвается на основаніи предъидущихъ словъ; а именно:

P, 469 sq.: Αὐτόμεδον, τίς τοί νυ θεῶν νηκερδέα βουλὴν
ἐν στήθεσσιν ἔθηκε καὶ ἐξέλετο φρένας ἐσθλάς;

Здѣсь нѣтъ никакой необходимости считать дательный падежъ τοί зависящимъ одинаково и отъ ἐν στήθεσσιν ἔθηκε и отъ ἐξέλετο φρένας ἐσθλάς.

Изъ остальныхъ 17 мѣстъ въ трехъ при этомъ глаголѣ въ означенномъ значеніи ставятся два вин. падежа, то-есть въ вин. падежѣ ставится названіе какъ предмета, у котораго что отнимаютъ, такъ и предмета отнимаемаго; вотъ эти три мѣста:

O, 459 сл. Τεῦκρος δ' ἄλλον ὀιστὸν ἐφ' Ἕκτορ' χαλκοκορυστῆι
αἴνυτο, καί κεν ἔπαυσε μάχην ἐπὶ νηυσὶν Ἀχαιῶν,
εἴ μιν ἀριστεύοντα βαλὼν ἐξείλετο θυμόν,
... и (Тевкръ) прекратилъ бы борьбу у кораблей Ахеянъ, если бы онъ попалъ въ отличающагося Гектора и отнялъ у него душу (=жизнь).

P, 678: καί τέ μιν ὦκα λαβὼν ἐξείλετο θυμόν,

... и скоро схвативъ его, онъ лишилъ его жизни; а также
и Π, 58 сл.: τὴν ἄψ ἐκ χειρῶν ἕλετο κρείων Ἀγαμέμνων,
ὡσεί τιν' ἀτίμαστον μετανάστην.

то-есть дѣву владыка Агамемнонъ опять отнялъ (у меня) изъ рукъ, какъ у какого-нибудь неуважаемаго переселенца.

Такая же конструкція (съ двумя винительными падежами) встрѣчается и при глаголѣ ἀφαιρεῖν и при другихъ глаголахъ, означающихъ отниманіе или лишеніе, какъ во времена сложенія омирическихъ пѣсней, такъ и позже, во время аттической поэзіи и прозы. (Ср. Кюнеръ Ausf. Grammatik II, § 411, 6 d).

Въ остальныхъ четырнадцати мѣстахъ, кромѣ двухъ, то-есть въ 12 случаяхъ, при названномъ глаголѣ въ означенномъ значеніи названіе или указаніе предмета, у котораго, или мѣста, гдѣ что отнимаютъ,

Digitized by Google

выражается или a) посредствомъ мѣстоименія въ формѣ отдѣлительнаго падежа (ablativus или separativus, въ формѣ θεν)=нарѣчію того же значенія, или b) посредствомъ родительнаго падежа существительнаго имени въ смыслѣ отдѣлительнаго же (ablativus или separativus) съ предлогомъ ἐκ или c) безъ него:

a) X, 10: ἔνθεν τέσσαρα μὲν σάκε' ἔξελε, δούρατα δ' ὀκτώ.
ср. χ, 145, Ω, 229.

b) K, 266: τήν ῥά ποτ' ἐξ Ἐλεῶνος Ἀμύντορος Ὀρμενίδαο
ἐξέλετ' Αὐτόλυκος πυκινὸν δόμον ἀντιτορήσας.

Т. тутъ (=тогда) Автоликъ, проникшій въ плотный домъ, взялъ ее себѣ въ Елеонѣ (собственно изъ Елеона) у Аминтора, сына Ормена (собственно отъ Аминтора с. О). Тутъ мѣсто, изъ котораго берется, выражено въ формѣ separativus съ предлогомъ (ἐξ Ἐλεῶνος), а лицо, у котораго отнимается, однимъ separativus.

B, 690: τὴν ἐκ Λυρνησσοῖο (или Λυρνησσοῖ') ἐξείλετο πολλὰ μογήσας,
то-есть которую онъ взялъ себѣ изъ Лирнисса.

c) Θ, 323: ἤτοι ὁ μὲν φαρέτρης ἐξείλετο πικρὸν ὀιστόν

онъ вынулъ (себѣ) изъ колчана горькую стрѣлу.
Ср. съ этимъ мѣстомъ приведенное уже выше K, 266 сл.

ξ, 232: τῶν (sc. ἀλλοδαπῶν) ἐξαιρεύμην μενοεικέα,
у нихъ я захватывалъ себѣ достаточно,

Λ, 70 сл.: τῶν ὁ γέρων, ἐπέων κεχολωμένος ἠδὲ καὶ ἔργων
ἐξέλετ' ἄσπετα πολλά,

у нихъ старикъ, разсердившись за ихъ слова и дѣла, отнялъ неимовѣрно много. Съ этимъ мѣстомъ ср. и приведенное выше Π, 58.

Далѣе, I, 330: τάων ἐκ πασέων κειμήλια πολλὰ καὶ ἐσθλὰ
ἐξελόμην; во всѣхъ этихъ городахъ я взялъ себѣ много прекрасныхъ вещей.

Остаются еще четыре мѣста, въ которыхъ съ род. падежомъ (gen. separativus) безъ предлога соединяются обороты: ἐξελέσθαι θυμόν, ἐξ. φρένας и ἐξ. ψυχήν:

Digitized by Google

X, 388: τάων (sc. ἰχθύων) μέντ' ἠέλιος φαέθων ἐξείλετο θυμόν,
собств. изъ нихъ сіяющее солнце вынуло душу.

Ср. λ, 200 сл.: οὔτε τις οὖν μοι νοῦσος ἐπήλυθε, ἥτε μάλιστα
τηκεδόνι στυγερῇ μελέων ἐξείλετο θυμόν.

Эти стихи проще понять такъ: я не впалъ въ болѣзнь, которая вслѣдствіе страшнаго изнуренія вынула изъ членовъ (моихъ) душу, нежели: вслѣдствіе изнуренія членовъ вынуло (изъ меня) душу; а именно, такъ какъ цезура въ третьемъ тактѣ (стопѣ) гекзаметра самая употребительная, то, если гдѣ по смыслу одинаково возможно принять главную паузу или въ третьемъ тактѣ или въ концѣ четвертаго или въ другой части стиха, вѣроятнѣе, что по намѣренію омирическихъ пѣвцовъ пауза была въ третьемъ тактѣ. А если такъ, то вслѣдствіе паузы слово μελέων отдѣлялось отъ τηκεδόνι στυγερῇ и соединялось съ ἐξείλετο θυμόν.

Ω, 754: σεῦ δ'ἐπεὶ ἐξέλετο ψυχὴν ταναήκεϊ χαλκῷ.
когда онъ вынулъ изъ тебя душу...

и T, 137:.... καί μευ φρένας ἐξέλετο Ζεύς,
т. е. Зевсъ изъ меня вынулъ умъ.

Приведенныя только что четыре мѣста заставляютъ меня и въ Z, 234, гдѣ говорится также о лишеніи (отнятіи) ума:

ἔνθ' αὖτε Γλαύκῳ Κρονίδης φρένας ἐξέλετο Ζεύς,

слово Γλαύκῳ принимать за genetivus separativus = ablativus, а не дательный, какъ полагали древніе грамматики и писцы; съ другой стороны, они же не позволяютъ и въ P, 469 сл. предполагать, что дательный τοί зависитъ не только отъ ἐν στήθεσσιν ἔθηκε, но и отъ ἐξείλετο φρένας.

За всѣмъ тѣмъ остается одно мѣсто, гдѣ при глаголѣ ἐξελέσθαι въ означенномъ значеніи предметъ, у котораго что отнимаютъ, выраженъ не въ винительномъ или родительномъ отдѣлительномъ съ ἐκ или безъ него, а въ dativus commodi sive incommodi. Это мѣсто π, 216 сл.

Κλαῖον δὲ λιγέως, ἀδινώτερον ἢτ' (читай ἢ) οἰωνοί,
φῆναι ἢ αἰγυπιοὶ γαμψώνυχες, οἵσί τε τέκνα
ἀγρόται ἐξείλοντο, πάρος πετεηνὰ γενέσθαι,

Digitized by Google

.... они плакали громче, сильнѣе (?) птицъ, морскихъ орловъ (falco ossifragus?) или ягнятниковъ бородастыхъ (gypaëtus barbatus?), у которыхъ (или на бѣду) земледѣльцы отняли или вынули нѣкоторыхъ (изъ гнѣзда) птенцовъ, прежде чѣмъ послѣдніе скрылись. Всѣмъ извѣстенъ жалобный плачъ соловья и ласточки по упоминаемому столь часто у греческихъ поэтовъ сказанію о Прокнѣ и Филомилѣ; плачъ соловья (Аидоны) упоминается разъ и въ омирическихъ пѣсняхъ (τ, 518 слл.); но о громкомъ плачѣ упомянутыхъ въ приведенномъ нами выше стихѣ хищныхъ птицъ мы узнаемъ только изъ одного этого мѣста. Тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ никакого права, изъ-за содержанія заподозрить этотъ стихъ и предполагать, что онъ вставленъ въ позднѣйшее время, когда уже давно замолкли омирическіе пѣвцы; ибо и у позднѣйшаго читателя-грамматика или критика было столько же основанія или столь же мало основанія упомянуть тутъ объ этихъ хищныхъ птицахъ, какъ и у омирическаго пѣвца. Но, можетъ быть, можно сдѣлать это предположеніе на основаніи формы, потому что это единственное мѣсто, въ которомъ несомнѣнно глаголъ ἐξελεῖν (ἐξελέσθαι) въ означенномъ значеніи употребленъ съ dativus commodi sive incommodi по аналогіи глагола ἀφαρεῖν, который и въ омирическое и въ позднѣйшее время соединяется съ такимъ дательнымъ падежомъ. А поэтому разбираемый стихъ не можетъ служить оправданіемъ для дательнаго падежа Γλαύκωι въ Z, 235.

Итакъ въ дошедшемъ до насъ преданіи текста омирическихъ пѣсней, сколько бы онъ ни былъ искаженъ, есть однако, какъ мы видѣли, еще одно мѣсто, гдѣ сохранился древній род. падежъ на ω, а этой же формы родительныхъ падежей найдутся, можетъ быть, еще другіе слѣды какъ въ омирическихъ пѣсняхъ, такъ и въ другихъ твореніяхъ древнѣйшей греческой литературы. А пока мы по необходимости должны ограничиться указаніемъ, что род. пад. ед. числа 2-го склоненія на ω существовалъ нѣкогда не только въ массѣ дорическихъ и эолическихъ, но и въ аттическомъ и іоническомъ діалектахъ и что слѣдовательно эта форма род. падежа была когда-то общеэллинскимъ достояніемъ и только тогда, когда у Іонянъ, Аѳинянъ, Ѳессалійцевъ и нѣкоторыхъ изъ Дорянъ ω во многихъ случаяхъ, какъ въ основѣ, такъ и въ суффиксахъ стало замѣняться монофтонгомъ ου, форма род. пад. ω сдѣлалась одною изъ особенностей большинства дорическихъ и эолическихъ діалектовъ въ отличіе отъ аттической, іонической, ѳессалійской и въ нѣкоторой части даже дорической формы ου.

Digitized by Google

Для указанія на историческое отношеніе кипрскаго род. на ων къ другимъ формамъ род. пад., достаточно будетъ немногихъ словъ, такъ какъ намъ приходится только повторить то, что высказали на этотъ счетъ Дэке и Зигизмундъ (Deecke u. Siegismund) въ 7 т. издававшихся подъ реданціею Г. Курціуса Studien zur gr. u. lat. Gram., на стр. 232 сл., и отвергнуть замѣчанія, сдѣланныя по поводу этого вопроса Аренсомъ въ Philologus t. 35 (1875 г.), стр. 12.

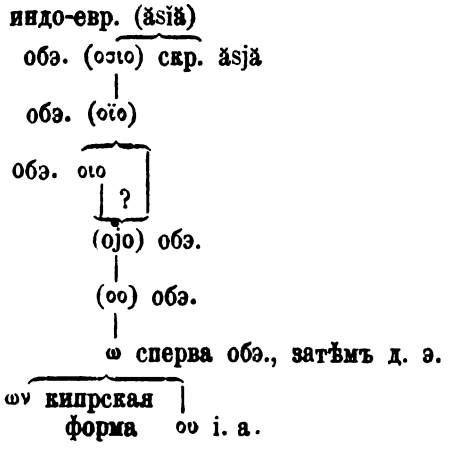
Родительный этотъ на ων предполагаетъ род. на ω, принявшій еще приставочный звукъ ν. Эта прибавка чисто фонетическая, не измѣняющая нисколько значенія формы слова. Такую же прибавку къ формѣ род. пад. един. ч. 2-го склоненія представляетъ и форма τονί, то-есть τωῖ въ смыслѣ τουτοῦ въ тегейской надписи (38 τωνι τω επιζαμιω=τούτω τῶ ἐπιζαμίω); и слѣдовательно эта форма діалекта аркадскаго, находившагося въ самомъ близкомъ родствѣ съ кипрскимъ діалектомъ. — Съ другой стороны, Аренсъ хвалитъ Дэке и Зигисмунда за то, что они будто не признаютъ въ этомъ окончаніи ων приставки ν ἐφελκυστικόν, несмотря на то, что они такое ν называютъ плеонастическимъ. Но какъ же можно понимать что-нибудь другое подъ плеонастическимъ ν, какъ не ν ἐφελκυστικόν?—Далѣе, Аренсъ предполагаетъ, что первоначальная общая всѣмъ склоненіямъ какъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ, такъ и мѣстоименій форма род. падежа ед. ч. была ος и что слова 2-го склоненія по этому въ род. п. принимали когда-то форму ως, — предположеніе, сдѣланное уже не въ первый разъ, но которое до сихъ поръ не можетъ быть доказано и не подтверждается достаточно данными науки. Но здѣсь не мѣсто опровергать эту догадку. Затѣмъ Аренсъ полагаетъ, что мнимая форма род. п. 2-го склоненія ως чередуется съ формою ων, какъ дор. окончаніе 1 лица мн. числа—μες съ общеэллинскою формою μεν [1]).

---

[1]) Я привожу здѣсь цѣликомъ замѣтку Аренса объ род. кипрс. на ων: «Etwas (то-есть diesem kyprischen genetiv) ähnliches findet sich nur im arkadischen dialecte, wo in τωνι τῶ ἐπιζαμίω Teg. 38 von Deecke u. Siegismund richtig. τωνι für τω-ῖ anerkannt ist; sonst haben diese genitive hier regelmässig den ausgang = ω, einmal ου. Mit recht haben sich nun Deecke-Siegismund gescheut in diesen formen ein ephelkystisches ν anzuerkennen (!?), weil dies gerade den kyprischen inschriften im stärksten masse fremd ist; aber auch keine andere erklärung der auffallenden erscheinung versucht. Es fällt aber auf dieselbe einiges licht, wenn man bedenkt, dass *as*, griech. ος, ursprünglich die allgemeine casusendung für den genetiv singularis ist, die ihr ς ausser

Digitized by Google

Въ заключеніе этого изслѣдованія, позволю себѣ представить для большей ясности и наглядности таблицу какъ-бы генеалогическую, но собственно указывающую на взаимныя историческія отношенія различныхъ формъ род. п.; въ этой таблицѣ формы, непосредственно происходящія одна отъ другой, соединены чертою. Притомъ формы, извѣстныя намъ не по преданію текста или древнихъ грамматиковъ, а только по болѣе или менѣе вѣроятной догадкѣ, я ставлю въ скобкахъ. Сокращенія: индоевр. скр., обэлл., д., э., а., і., поставленныя рядомъ съ различными окончаніями, означаютъ индо-европейскій праязыкъ, санскритскій, обще-эллинскій языкъ, дорическій, эолическій, аттическій, іоническій діалекты. Въ одномъ случаѣ я при чертахъ, соединяющихъ между собою двѣ формы, поставилъ вопросительный знакъ, потому что нельзя, по моему мнѣнію, рѣшить, отъ которой изъ двухъ формъ (οϊο или οιο) произошла предполагаемая мною форма ojo.



decl. III und den feminen von decl. I (wo aber das arkadische—αυ aus αο) auch in manchen dorischen formen der pronomina erhalten hat (Diall. II. 248, ff.) u. dass ein alter ausgang—ως im genet. sing. decl. II genau dem ας der femina in decl. I entspricht (?!). Danach begreift sich, dass in den kyprischen formen auf ων das ν nicht zufällig zugefügt; sondern an die stelle des älteren ς getreten ist, gerade wie in der verbalendung der 1 pluralis — μες = skr. mas., lat. mus, dor. μες, in dem adverbialen Suffixe—θεν=skr. *tas*, lat. *tus*, u. in manchen vereinzelten Fällen, wie zum theil auch gerade dorische dialecte das ν haben, wie dor. πέρυτις = πέρυσι(ν), αἰές = αἰέν, ἔνδος = ἔνδον, dagegen rhodisch und theräisch ἐξᾶν = ἐξῆς, rheginisch αὔθιν = αὔθις s. Diall. II, 87.

Digitized by Google

V.

Если все, что до сихъ поръ изложено, въ сущности вѣрно, то форма род. падежа ед. ч. οο предполагаетъ болѣе древнюю форму ojo, а никакъ не oFo, какъ принимаетъ А. К. Наукъ, и, кромѣ того, для объясненія происхожденія родительнаго на οο намъ нисколько не нужно предполагаемой формы oFo.

Спрашивается, какія явленія побудили названнаго ученаго сдѣлать упомянутое предположеніе. Ихъ два, какъ онъ мнѣ самъ сообщалъ: во 1) форма род. падежа ΤλασιαFo въ керкирейской надписи Менекрата (Ross, Arch. Aufs. II, табл. XIX [по опечаткѣ озн. XXI], и во 2) русскія формы род. падежа ед. ч. какъ мѣстоименій, такъ и прилагательныхъ, напримѣръ, ево, тово (пишутся: его, того), добраво (пишется добраго).

Разсмотримъ сперва форму ΤλασιᾱFo. Имѣемъ-ли мы право приводить въ свидѣтельство формъ род. п. ед. ч. 2-го склоненія форму словъ перваго склоненія? Дѣйствительно, это не основа женскаго рода на долгое ᾱ. Ясно, что основа разбираемаго слова Τλασιᾱ соотвѣтствуетъ основамъ собственныхъ именъ мужескаго рода таковымъ, какова Νικέας и Νικίας, Λυσέας и Λυσίας и т. д. Характеръ этихъ послѣднихъ основъ ᾱ происходитъ изъ сліянія α съ характеромъ основъ втораго склоненія (ο или ε). Первый понялъ это, если я не ошибаюсь, Бутманнъ, такое же предположеніе дѣлаетъ и Поттъ въ своихъ Etymologische Forschungen (второе изданіе) II, 1, стр. 986 на основаніи сравненія суффикса греческихъ основъ на τᾱ—(=τη—) съ славянскимъ: тай, лит. tojis (напримѣръ, ἀρότα-ς, слав. ратай, лит. artoji-s) (это сближеніе дѣлалъ уже и Боппъ, III, § 903) и на основаніи образованія, напримѣръ, слова μισγολᾱ-ς отъ μισγολᾱος и подобныхъ сближеній. По этому Τλασιᾱ-ς предполагаетъ первоначальную форму Τλασιαο-ς, основу втораго склоненія. А такъ какъ по этому различныя формы род. падежа этого слова должны бы были быть: Τλασιαοῖο, Τλασιαιο и Τλασιαjo, и вслѣдствіе сліянія перваго α съ ο (по приравненіи его къ α) Τλασιᾱῖο, Τλασιαιο или Τλασιαjo, а отнюдь не ΤλασιαFo, форма, которую представляетъ надпись Менекрата (ср. Поттъ Et. Forsch. II, 1. стр. 987). Такъ какъ эта форма род. падежа совершенно единственная въ своемъ родѣ, то и предполагаютъ въ ней ошибку; а именно полагаютъ, что въ ней F написано для означенія j (ΤλασιαFo вм. Τλασιαjo; см. Ауфрехтъ въ Zeitschr. Куна I, 118. Поттъ II, 1 стр. 366,

Digitized by Google

Г. Курціусъ въ Fleckeisen's Jahrbücher f. classische Philologie t. 71, стр. 354, а также еще и въ 5-мъ изд. Grundz. d. gr. Etymol. (1879) стр. 396 и 450. Такую же описку находятъ и въ Fότι локрійской надписи (изданной Россомъ 1854), гдѣ также ожидаютъ jότι, такъ какъ греческое относительное мѣстоименіе сличаютъ съ санскр. мѣстоименіемъ ja—s, ja—t. Но, на основаніи глоссы исихіевской βαλαχιώτης συνέφηβος Κρῆτες съ формою Fότι, уже Савельсбергеръ въ Zeitschr. Куна VIII, 401 сл. доказалъ, что первоначальная греческая форма этого мѣстоименія была xFă, xFo, ср. лат. quo-m, quo-d, готск. hua-s, и что изъ такого xFo, по отпаденіи x, образовалось Fo. И если въ ираклейскихъ надписяхъ написано ΗΟΣΣΑ съ знакомъ густаго придыханія Η, между тѣмъ какъ въ другихъ, случаяхъ въ этихъ надписяхъ еще пишется дигамма Ϝ, то это обстоятельство не можетъ служить доказательствомъ того, будто бы греч. мѣстоименіе никогда не начиналось съ дигаммы, какъ полагаетъ Курціусъ, а только того, что въ этомъ словѣ въ то время уже не было слышно дигаммы, замѣненной густымъ придыханіемъ. И такъ, въ формѣ Fοτι локрійской надписи F знакъ дигаммы, и знакъ этотъ написанъ вовсе не по ошибкѣ вмѣсто знака j.—Такимъ же образомъ должно судить и о ΤλασιαFo, которое вовсе не стоитъ вмѣсто Τλασιαjo (ср. мое примѣч. 51 къ переводу первой части Grundzüge Г. Курціуса, гдѣ по опечаткѣ первоначальная форма мѣстоименія, изъ которой произошла форма Fό-ς, Fό—названа sua вм. xFa и xFo, quo). Но какъ же послѣ того объяснить ΤλασιαFo? Безъ сомнѣнія, только слѣдующимъ образомъ: ι и υ по сродству съ j и F предъ собою или послѣ себя вызываютъ звуки j и F; такъ кипр. ιjατηραν соотвѣтствуетъ омирическому ἰατῆρα, такъ ἀριστεFοντα въ надписи Арніада (Россъ, Arch. Aufs. XX, стр. 4) происходитъ отъ ἀριστεύοντα; такое же вліяніе, какъ υ, имѣетъ звукъ o, нетолько вызывая звукъ F послѣ себя, какъ, напримѣръ, въ сербскомъ имени Іованновичъ (такимъ же образомъ объясняетъ Курціусъ и формы ἐδήδοFας и ἐδήδοFε въ C. I. № 15), но и предъ собою, какъ въ русскомъ Левонтій вм. Леонтій, такъ и въ греч. ΤλασιαFo вмѣсто Τλασίαο, такъ что формою ΤλασιαFo оправдываются формы ἐδήδοFας и ἐδήδοFε фурмонтовской надписи C. I. G. № 15. На основаніи же всего предыдущаго можно сказать, что F формы ΤλασιαFo ничего не имѣетъ общаго съ суффиксомъ род. падежа; и Fo не есть остатокъ окончанія oFo, изъ котораго впослѣдствіи будто бы образовалось ου.

Еще меньше доказываютъ существованіе въ древнее время окончанія род. п. ед. ч. 2-го склоненія oFo окончанія род. п. мѣстоиме-

Digitized by Google

ній русскихъ ево, ково или прилагательныхъ добраво, хорошаво. Дѣло въ томъ, что вѣдь это во произошло явно изъ го, какъ видно изъ правописанія въ старосл. языкѣ: его, кого и добрааго и изъ нынѣшняго русскаго письма: его, кого, добраго. Итакъ, какое-бы ни было происхожденіе славянскаго суффикса род. падежа го, во всякомъ случаѣ онъ не имѣетъ ничего общаго съ какою-бы то ни было формою род. п. ед. ч. греческаго 2-го склоненія.

К. Люгебиль.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія. СТРАН.

1. (10-го іюня 1879 года). Высочайше утвержденный рисунокъ медалей на премію графа Сперанскаго, представленный правительствующему сенату министромъ народнаго просвѣщенія 23-го іюня 3

2. (29-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Красноярской мужской гимназіи . . . . . —

3. (20-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ учительскомъ институтѣ 4

4. (29-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ . . . . . —

5. (22-го октября 1879 года). О преобразованіи существующихъ при Императорской Академіи наукъ анатомическаго и этнографическаго музеевъ . . . . . —

6. (22-го октября 1879 года). Объ учрежденіи въ городѣ Измаилѣ четырехклассной мужской прогимназіи 5

7. (12-го октября 1879 года). Объ учрежденіи въ гор. Мин-

Digitized by Google

стран.

скѣ двухкласснаго реальнаго училища съ механико-техническимъ отдѣленіемъ дополнительнаго класса 6

8. (29-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ реальномъ училищѣ 8

9. (29-го октября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскихъ 1, 2, 3 и 4-й мужскихъ гимназіяхъ. . . . . —

10. (10-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи въ институтѣ сельскаго хозяйства въ Новой-Александріи. . . . . —

11. (13-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Орловской мужской гимназіи. 9

12. (13-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при будущемъ Сибирскомъ университетѣ . . . . . —

13. (29-го октября 1879 года). О прогонныхъ деньгахъ и пособіяхъ на подъемъ и обзаведеніе законоучителямъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія . . . 10

14. (13-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Коломенской мужской гимназіи . . . . . —

15. (13-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ университетѣ 11

16. (13-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. . . . . —

17. (18-го ноября 1879 года). О наименованіи Полтавскаго реальнаго училища „Александровскимъ“. 12

18. (3-го декабря 1879 года). О наименованіи двухкласснаго начальнаго въ селѣ Ильинскомъ училища „Александровскимъ“ и о предоставленіи 1-й гильдіи купцу Комарову званія почетнаго блюстителя въ этомъ училищѣ . . . . . —

19. (16-го апрѣля 1879 года). Объ учрежденіи при Лодзинскомъ высшемъ ремесленномъ училищѣ стипендіи Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II.

20. (20-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Нижегородской мужской гимназіи . . . . . 35 —

21. (12-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи должности врача при Порѣцкой учительской семинаріи. 36

22. (11-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи въ гор. Черкасахъ 4-хъ классной мужской прогимназіи . . . . . —

23. (18-го ноября 1879 года). О наименованіи Тюменскаго реальнаго училища „Александровскимъ“. 37

Digitized by Google

СТРАН

24. (12-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи въ гор. Борисоглѣбскѣ и Ефремовѣ 4-хъ-классныхъ мужскихъ прогимназій. . 37

25. (13-го ноября 1879 года). Объ измѣненіи § 51 устава Императорскаго Дерптскаго университета 38

26. (21-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи въ гор. Карачевѣ 4-хъ-классной мужской прогимназіи. 39

27. (21-го ноября 1879 года). Объ учрежденіи при Митавской гимназіи должности четвертаго учителя русскаго языка . . . 40

28. (21-го ноября 1879 года). О назначеніи въ реальныя училища, имѣющія параллельныя отдѣленія, по одному помощнику классныхъ наставниковъ 41

29. (27-го ноября 1879 года). О производствѣ квартирныхъ денегъ директору Новочеркасскаго реальнаго училища 42

Высочайшіе приказы.

12-го октября 1879 года (№ 13) 13

18-го ноября 1879 года (№ 14). 42

Министерскія распоряженія.

1. (7-го ноября 1879 г.). Правила о двухъ стипендіяхъ, учрежденныхъ при Императорскомъ Московскомъ университететѣ имени дочери гвардіи ротмистра Елисаветы Петровны Милюковой. 13

2. (17-го ноября 1879 г.). Инструкція директору и инспектору народныхъ училищъ Архангелвской губерніи 14

3. (1-го декабря 1879 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о собраніяхъ инспекторовъ народныхъ училищъ для совѣщаній о мѣрахъ къ улучшенію народнаго образованія въ губерніи. 24

4. (13-го ноября 1879 г.). Правила о стипендіи, Григорія и Василія Гурьевыхъ. 43

5. (14-го ноября 1879 г.). Правила о стипендіи имени Вацлава Любовидзкаго, учрежденной при институтѣ Сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи 44

6. (1-го декабря 1879 г.). Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II, на счетъ съ капитала въ 3 т. руб., пожертвованнаго Лодзин-

Digitized by Google

СТРАН.

скимъ фабрикантомъ Юліусомъ Гейнцелемъ, по поводу событія 2-го апрѣля 1879 года 46

7. (8-го декабря 1879 г.). Правила для стипендіи коллежскаго совѣтника Біейко, учрежденной при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 47

8. (8-го декабря 1879 г.). Правила о стипендіи графа Муравьева-Амурскаго при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ . . . . . —

9. (1-го января 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго министра финансовъ статсъ-секретаря Михаила Христофоровича Рейтерна при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 48

10. (1-го января 1880 г.). Правила о стипендіи Василія Назаровича Каразина при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ по случаю исполнившагося 30-го января 1873 г. столѣтія со дня рожденія Василія Назаровича Карамзина, оказавшаго въ свое время важное содѣйствіе къ учрежденію въ Харьковѣ университета 49

11. (12-го января 1880 г.). Правила о стипендіи Ивана Пѣтухова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. . 50

ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

19-го ноября 1879 года (№ 15). 25

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О книгѣ: „Французскихъ неправильныхъ глаголовъ“. Сост. Л. А. Кагань 27

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Cours élémentaire et progressif de langue française à l'usage des classes inferieures et moyennes des écoles, par M. Margot, directeur de l'école des paroisses réformées, et lecteur en langue française à l'université. . . . . —

О книгахъ подъ заглавіями: 1) „Рѣчь М. Туллія Цицерона о консульскихъ провинціяхъ“. Сост. Р. Фохтъ. 2) „Учебникъ всеобщей географіи“. Изд. 3-е. ч. I. II, и III. Сост. А. Пуликовскій. 3) „Русская хрестоматія“ Сост. А. Кирпичниковъ и О.

Digitized by Google

Стран

Гиляровъ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. 4) „Геометрія и систематическій подборъ задачъ“ Сост. К. Мазингъ. . . . 28

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Сокращенная русская исторія“. Составила А. Ишимова. Изд. 4-е. . . . . —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Значительнѣйшія правила латинскаго правописанія съ алфавитнымъ словаремъ“ сост. К. А. Гельбке. —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Недерле. Грамматика греческаго языка“. Часть II. Сост. И. Мейеръ и В. Рейнеръ. Изд. 2-е. . —

О книгахъ подъ заглавіями. I) „Руководство для теоретическаго изученія литературы“. Сост. Владиміръ Стоюнинъ, шестое изданіе (дополненное). II) Употребленіе знаковъ препинанія въ русской письменной рѣчи“. Сост. В. Кандзерскій. III) Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской литературы“ Сост. Н. Невзорова. . . . . —

О книгѣ: „Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ“, состоящій изъ трехъ частей. Часть III. Изд. 5-е. Сост. В. С. Игнатовичъ . . . . —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Славянская грамматика съ изборникомъ“. П. П. Перевлѣсскаго. Изд. десятое. . . . . —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій“. Сост. А Кочубинскій . . . . —

О книгѣ: „Краткія свѣдѣнія о священныхъ книгахъ, съ приложеніемъ хронологическаго указателя священныхъ событій и съ указаніемъ мѣстъ Библіи“. Сост. свящ. Захарій Шморгуновъ.

О книгѣ: „подробнаго атласа всѣхъ частей свѣта“. Сост. А. Ильинымъ, карты Швеціи Норвегіи и Даніи. 51

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Греческая грамматика гимназическаго курса. Э. Чернаго. Въ 2-хъ частяхъ часть I. Э. Коха. . —

О книгѣ: „Нѣмецкая христоматія“ Сост. К. Я. Бѣлицкій. . —

Объ изданіи: „Сборникъ I) французскихъ стихотвореній“ II) русскихъ стихотвореній съ французскимъ переводомъ Сост. С. Вейль 52

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Учебникъ латинскаго языка“. Сост. П. Симсонъ и К. Іогансонъ. . . . . —

О книгѣ: „Стѣнныя зоологическія таблицы“. Сост. Фену . . —

О книгѣ: „Книга упражненій по греческой этимологіи по руководству П. Визинера. Сост. Э. Черный . . . . . —

Digitized by Google

СТРАН.

О книгѣ: „Путешествіе по славянскимъ областямъ Европейской Турціи, Меккензи и Ербн. Съ предисловіемъ Гладстона т. II. —

О книгѣ: „Семейство Шалонскихъ". Евгеніи Туръ. . . . —

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О книгѣ: „Собраніе ариѳметическихъ задачъ". Сост. Александромъ Вороновымъ. Часть I. Изд. 2. 30

Объ изданіи: „Русская скоропись". Сост. В. С. Гербачъ. . —

О книгѣ: „Таблицы для обученія грамотѣ". Сост. А. Николаевымъ. . . . . —

О брошюрѣ: „Подробный планъ занятій". Сост. А. Барановымъ. —

О книгѣ: „Теорія словесности". Сост. Егоромъ Бѣлявскимъ. —

О книгѣ: „Букварь для совмѣстнаго обученія" Сост. Д. И. Тихомировымъ. Изд. 6-е. . . . . —

О книгахъ подъ заглавіями: I) „Императрица всероссійская Екатерина Алексѣевна II, Великая". Очеркъ сост. по Щебальскому и другимъ Н. Трескинъ. II) „Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ—Таврическій. Сост. Щебальскій и Н. Трескинъ. III) „Князь Серебряный, повѣсть". Соч. А. К. Толстой. Сост. Н. Трескинымъ. 53

О книгѣ: „Народное чтеніе; примѣры изъ прошлой войны 1877—1878 годовъ; описаніе отдѣльныхъ подвиговъ. Состав. Л. Чичаговымъ . . . . . —

О книгѣ: „Ариѳметическій задачникъ". Изд. 2-е исправленное и значительно дополненное. Т. Лубенецъ. . . . . —

Открытіе училищъ. . . . . 30 и 56.

Офиціальныя извѣщенія. 53

Digitized by Google

стран.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Н. И. Надеждинъ на службѣ въ Московскомъ университетѣ. Нила Попова. 1
Насильственное похищеніе чужой движимой собственности по русскому праву. Дм. Тальберга. . . . . 44 и 384
Лѣтописи Ассирійскихъ царей. Н. Астафьева 73
Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи П. Виноградова. . . . . 136 и 344
С. М. Соловьевъ. К. Бестужева-Рюмина. 273
Выводы отрицательные и гипотетическіе. М. Каринскаго. 288
Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. П. Морозова. . . 416
Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. А. Никитскаго. Е. Замысловскаго. 213
Alexii I Comneni Romanorum imperatoris ad Robertum I Flandriae comitem Epistola spuria. В. Васильевскаго. 223
Ekkehardi Urangiensis addatis Hierosolymita. Nach der Waitz' schen Recension mit Erläuterungen und einem Anhange herausgegeben von H. Hagenmeyer. Ѳ. Леонтовича . . . . . —
Рѣка Аму и ея древнее соединеніе съ Каспійскимъ моремъ В. Лохтина. В. Аленицына. 477
Семейство Разумовскихъ. Соч. А. Васильчикова т. I. Н. И. 522

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература. 1
Объ элементарномъ курсѣ роднаго языка. А. Страхова. . 33

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Императорская публичная библіотека въ 1878 году. . . . 1
О приготовительныхъ работахъ къ археологическому съѣзду въ Тифлисѣ въ 1881 году. 12
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній а) университеты б) Высшія учебныя заведенія. . 17 и 82
Присужденіе наградъ К. М. Бэра въ 1879 году 33
Второе отдѣленіе Императорской академіи наукъ въ 1879 году. 51
Московскій публичный и Румянцовскій музеи съ 1876 по 1878 годъ. 69

Digitized by Google

СТРАН

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

О формахъ родительнаго падежа единственнаго числа такъ называемаго втораго греческаго склоненія. К. Люгебиля . . 1 и 33

Филологическія записки А. А. Иванова. Часть I. Опытъ научной латинской грамматики сравнительно съ греческою и славянскою. Часть II. Опытъ научной римской метрики сравнительно съ греческою. В. Боголюбова. 24

Publii Vergilii Maronis opera. Nouvelle édition publiée par E. Benoist. Troisième tirage revu. Луціана Миллера. 29

Digitized by Google

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА".

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій.*

Изданіе шестое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна **75** коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фену* и К°.

Digitized by Google

Вышла и разослана подписчикамъ II-я, ФЕВРАЛЬСКАЯ, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. **Двадцатипятилѣтняя годовщина** восшествія на престолъ **Государя Императора**, 19-го февраля 1880 г.—II. Подробный планъ ученія Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича, составленный въ 1826 г. В. А. Жуковскимъ.—III. **Протоіерей Павскій**—законоучитель Наслѣдника Цесаревича (1826—1835 гг., статья профессора Н. И. Барсова.—IV. **Кавказъ и покореніе восточной его части** (1859—1861 гг.). Изъ Записокъ М. Я. Ольшевскаго.—V. **Крестьянское дѣло**: Начало его въ 1856 г.—Секретный Комитетъ 1857 г.—Комитеты Главный и Губернскіе, 1858 г.—Образованіе Редакціонныхъ Коммисій, 1859 г. Изъ Записокъ сенатора Я. А. Соловьева.—VI. Непремѣнные два члена Редакціонныхъ Коммисій: С. М. Жуковскій и Я. А. Соловьевъ.—Первый Предсѣдатель Коммисій—Я. И. Ростовцевъ.—Министръ Внутреннихъ Дѣлъ—С. С. Ланской.—Товарищъ Министра—Н. А. Милютинъ.—VII. **Слова Его Императорскаго Величества Государя Императора**, произнесенныя Его Величествомъ въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта,—28-го января 1861 г.,—предъ началомъ разсмотрѣнія Совѣтомъ проектовъ законоположеній объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.—VIII. **Новые Суды и Судебные Уставы**, 1862—1864 гг.—IX. **Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг.** Очеркъ профессора И. Е. Андреевскаго.—X. **Русская историческая наука** въ періодъ 1855—1880 гг. Обозрѣніе, составилъ профессоръ В. С. Иконниковъ.—XI. Библіографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора АЛЕКСАНДРА II.

Гравировалъ въ Ниццѣ Академикъ Граверъ Его Императорскаго Величества Лаврентій Сѣряковъ.

Въ **мартовской** *книгѣ «Русской Старины» будутъ, между прочими статьями, помѣщены: Записки профессора Д. И. Ростиславова (продолженіе); Записки Сельскаго Священника (окончаніе); статья Н. И. Костомарова и друг.*

Подписка на „Русскую Старину“ 1880-го года [одиннадцатый годъ изданія] продолжается. Цѣна за 12 книгъ въ годъ—**ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, у **Мамонтова**, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у **Мамонтова**, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова, и у **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами (въ теченіе 1880 г. *непремѣнно* при каждой книгѣ) **ВОСЕМЬ** руб. съ пересылкой.

Можно получить—«Русскую Старину», съ портретами, 1870 г. (3-е изд.), 1876 г. (второе изд.), 1877 г. (съ 10 гравированными на мѣди и на деревѣ портретами), 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и другими портретами, и 1879 года съ гравированными при каждой книгѣ портретами. Цѣна за каждый годъ **ВОСЕМЬ** руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» **М. И. Семевскій.**

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

О формахъ родительнаго падежа единственнаго числа такъ называемаго втораго греческаго склоненія. . . . К. Люгевиля.

Редакторъ **Е. Ѳеоктистовъ.**

(Вышла 1-го февраля).

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку)**. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала — по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

LIBRARY USE

AUG 16 1963

12Mar'52WB

REC. CIR. NOV 4'76

NRLF LIBRARY USE OCT 1 0 '90

7 JAN '62LZ

DEC 13 '71

REC'D LD

JAN 26 1962

JUL 15 19[illegible]

LD 21-95m-11,'50(2877s16)476

Digitized by Google